Дэвид

БРИН

Сага о Возвышении

Сага о возвышении

Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Сага о возвышении
Прыжок в Солнце
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1. ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ
2. РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ
3. ГЕШТАЛЬТ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
4. МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
5. ПРЕЛОМЛЕНИЕ
6. ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
7. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
8. ОТРАЖЕНИЕ
9. ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
10. ТЕПЛОТА
11. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ
12. ГРАВИТАЦИЯ
13. ПОД СОЛНЦЕМ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ

14. БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН
15. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ...
16... И О ВИДЕНИЯХ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
17. ТЕНЬ
18. ФОКУС
19. В ГОСТИНОЙ
20. СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
21. DEJA PENSE — УЖЕ ПРОДУМАНО
22. ДЕЛЕГАЦИЯ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
23. ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
24. СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
25. СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
26. ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ
27. ВОЗБУЖДЕНИЕ
28. ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
29. ПОГЛОЩЕНИЕ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
30. НЕПРОЗРАЧНОСТЬ
31. РАСПРОСТРАНЕНИЕ
Звездный прилив
СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
ПРОЛОГ. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛАВУЧЕСТЬ
1. ТОШИО
2. ГАЛАКТЫ
3. ТАККАТА-ДЖИМ
4. КРАЙДАЙКИ
5. ТОМ ОРЛИ
6. ГАЛАКТЫ
7. ТОШИО
8. ГАЛАКТЫ
9. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
10. МЕТЦ
11. КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ
12. ГАЛАКТЫ
13. ТОШИО
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕЧЕНИЯ
14. ДЭННИ
15. СТЕНОС
16. ГАЛАКТЫ
17. ТОМ ОРЛИ
18. ДЖИЛЛИАН
19. КРАЙДАЙКИ
20. ГАЛАКТЫ
21. ДЭННИ И ТОШИО
22. КРАЙДАЙКИ
23. ДЖИЛЛИАН
24. ГАЛАКТЫ

25. ТОМАС ОРЛИ
26. КРАЙДАЙКИ
27. ОСТРОВ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДИССОНАНС
28. САХОТ
29. ТАККАТА-ДЖИМ
30. АККИ
31. СВЕССИ
32. ГАЛАКТЫ
33. ТОМАС ОРЛИ
34. КРАЙДАЙКИ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЕВИАФАН
35. ДЖИЛЛИАН
36. АККИ
37. СВЕССИ
38. ЧАРЛЗ ДАРТ
39. МАКАНАЙ
40. КРАЙДАЙКИ
41. ТОМ ОРЛИ
42. ТОШИО
43. АККИ
44. КРАЙДАЙКИ
45. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СОТРЯСЕНИЕ
46. САХОТ
47. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

48. ТАККАТА-ДЖИМ
49. ПСИ-БОМБА
50. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
51. ТОМАС ОРЛИ
52. АККИ
53. МОКИ
54. КИПИРУ
55. ЧАРЛЗ ДАРТ
56. САХОТ
57. ДЭННИ И ТОШИО
58. ГАЛАКТЫ
59. КРАЙДАЙКИ
60. ДЖИЛЛИАН
61. ХИКАХИ И СВЕССИ
62. ИЗГНАННИКИ
63. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. РАЗБРОС
64. КРАЙДАЙКИ/САХОТ
65. ДЖИЛЛИАН
66. АККИ
67. КИПИРУ
68. ТОМ ОРЛИ
69. ТОШИО
70. ХИКАХИ
71. ЧАРЛЗ ДАРТ
72. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА
73. АККИ
74. КИПИРУ
75. ХИКАХИ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. «ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»
76. ГАЛАКТЫ
77. ТОШИО
78. ТОМ ОРЛИ
79. ГАЛАКТЫ
80. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
81. ЧАРЛЗ ДАРТ
82. ТОМ ОРЛИ
83. ДЖИЛЛИАН БАСКИН
84. ХИКАХИ/КИПИРУ
85. ДЖИЛЛИАН
86. ТОШИО
87. ДЖИЛЛИАН
88. ТОШИО
89. ДЖИЛЛИАН
90. КРАЙДАЙКИ
91. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ПОДЪЕМ
92. ДЭННИ/САХОТ
93. ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ
94. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

95. ТОШИО
96. ТОМ ОРЛИ
97. СКИФ
98. ТОМ ОРЛИ
99. ДЖИЛЛИАН
100. ТОШИО
101. ГАЛАКТЫ
102. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
103. ТОМ ОРЛИ
104. ГАЛАКТЫ
105. СКИФ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ВОСТОРГ
106. ТОШИО
107. ТАККАТА-ДЖИМ
108. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
109. ТАККАТА-ДЖИМ
110. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
111. ТОМ ОРЛИ
112. ТАККАТА-ДЖИМ
113. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
114. ГАЛАКТЫ
115. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
116. ГАЛАКТЫ
117. ТАККАТА-ДЖИМ
118. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
119. ГАЛАКТЫ

120. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
121. ГАЛАКТЫ
122. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
123. ГАЛАКТЫ
124. ТОМ ОРЛИ
125. СКИФ
ЭПИЛОГ
ПОСТСКРИПТУМ
Война за возвышение
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРЖЕНИЕ
Глава 1. ФИБЕН
Глава 2. АТАКЛЕНА
Глава 3. ГАЛАКТЫ
Глава 4. РОБЕРТ
Глава 5. ФИБЕН
Глава 6. УТАКАЛТИНГ
Глава 7. АТАКЛЕНА
Глава 8. ФИБЕН
Глава 9. УТАКАЛТИНГ
Глава 10. РОБЕРТ
Глава 11. ГАЛАКТЫ
Глава 12. АТАКЛЕНА
Глава 13. ФИБЕН

Глава 14. УТАКАЛТИНГ
Глава 15. АТАКЛЕНА
Глава 16. ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР
Глава 17. ФИБЕН
Глава 18. УТАКАЛТИНГ
Глава 19. АТАКЛЕНА
Глава 20. ГАЛАКТЫ
Глава 21. ФИБЕН И РОБЕРТ
Глава 22. АТАКЛЕНА
Глава 23. ИЗГНАНИЕ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПАТРИОТЫ
Глава 24. ФИБЕН
Глава 25. ГАЛАКТЫ
Глава 26. РОБЕРТ
Глава 27. ФИБЕН
Глава 28. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 29. РОБЕРТ
Глава 30. ФИБЕН
Глава 31. ГАЛАКТЫ
Глава 32. АТАКЛЕНА
Глава 33. ФИБЕН
Глава 34. АТАКЛЕНА
Глава 35. РОБЕРТ
Глава 36. ФИБЕН
Глава 37. ГАЛАКТЫ
Глава 38. ФИБЕН

Глава 39. ГАЙЛЕТ
Глава 40. ФИБЕН
Глава 41. ГАЛАКТЫ
Глава 42. РОБЕРТ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГАРТЛИНГИ
Глава 43. УТАКАЛТИНГ
Глава 44. ГАЛАКТЫ
Глава 45. АТАКЛЕНА
Глава 46. ФИБЕН
Глава 47. АТАКЛЕНА
Глава 48. ФИБЕН И ГАЙЛЕТ
Глава 49. ГАЛАКТЫ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРЕДАТЕЛИ
Глава 50. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 51. УТАКАЛТИНГ
Глава 52. АТАКЛЕНА
Глава 53. РОБЕРТ
Глава 54. ФИБЕН
Глава 55. УТАКАЛТИНГ
Глава 56. ГАЛАКТЫ
Глава 57. АТАКЛЕНА
Глава 58. РОБЕРТ
Глава 59. ФИБЕН
Глава 60. УТАКАЛТИНГ
Глава 61. АТАКЛЕНА
Глава 62. ГАЛАКТЫ

Глава 63. ФИБЕН
Глава 64. ГАЙЛЕТ
Глава 65. ФИБЕН
Глава 66. ГАЙЛЕТ
Глава 67. ФИБЕН
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МСТИТЕЛИ
Глава 68. ГАЛАКТЫ
Глава 69. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 70. РОБЕРТ
Глава 71. МАКС
Глава 72. АТАКЛЕНА
Глава 73. УТАКАЛТИНГ
Глава 74. ГАЙЛЕТ
Глава 75. ГАЛАКТЫ
Глава 76. ПЕЩЕРЫ
Глава 77. ФИБЕН И СИЛЬВИЯ
Глава 78. ГАЛАКТЫ
Глава 79. ГАЙЛЕТ
Глава 80. РОБЕРТ
Глава 81. АТАКЛЕНА
Глава 82. УТАКАЛТИНГ
Глава 83. ФИБЕН
Глава 84. УТАКАЛТИНГ
Глава 85. АТАКЛЕНА
Глава 86. ГАЛАКТЫ
Глава 87. ФИБЕН

Глава 88. ГАЙЛЕТ
Глава 89. ГАЛАКТЫ
Глава 90. ГАЙЛЕТ
Глава 91. ФИБЕН
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ГРАЖДАНЕ
Глава 92. ГАЛАКТЫ
Глава 93. РОБЕРТ
Глава 94. ГАЛАКТЫ
Глава 95. АТАКЛЕНА
Глава 96. СИЛЬВИЯ
Глава 97. ГАЛАКТЫ
Глава 98. УТАКАЛТИНГ
Глава 99. ГАЛАКТЫ
Глава 100. АТАКЛЕНА
Глава 101. ГАЛАКТЫ
Глава 102. МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН
Глава 103. АТАКЛЕНА
Глава 104. ГАЛАКТЫ
Глава 105. РОБЕРТ
Глава 106. ГАЙЛЕТ
Глава 107. ГАЛАКТЫ
Глава 108. АТАКЛЕНА
Глава 109. ГАЛАКТЫ
Глава 110. АТАКЛЕНА
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВОЛЧАТА
Глава 111. ФИБЕН

ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Весь цикл Сага о Возвышении в одном томе.

Дэвид Брин
Сага о возвышении

Прыжок в Солнце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Есть все основания надеяться, что не в столь отдаленном будущем мы будем в состоянии понять такую простую штуку, как звезда.

А. С. Эддингтон, 1926

1. ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ

— Макой, ты готова?

Затаив дыхание, не замечая тихого гудения двигателей в стальном коконе, Джейкоб ждал ответа. Корабль-дельфин мягко покачивался на легких волнах.

Джейкоб взглянул на индикаторы информационной панели — полный порядок. Радио тоже в норме. Партнер внутри второго такого же кокона должен слышать каждое слово.

Вода сегодня поражала чистотой и прозрачностью. За иллюминатором, лениво помахивая хвостом, проплыла леопардовая акула. Джейкоб удивился: встреча с огромной рыбиной на таких глубинах, вдали от берегов, считалась малове-

роятной.

— Ты готова, Макой?

Он не хотел выдавать нетерпение. Где-то в области затылка постепенно нарастало напряжение. Джейкоб прикрыл глаза и постарался расслабиться.

— Ддд-да... Дддавай попробуем! — наконец донесся вибрирующий тонкий голосок, словно с натугой выдавливающий звуки.

Весьма длинная речь для Макой. Джейкоб скосил глаза. На волнах возле корабля покачивался необычный аппарат: устройство для обучения молодого дельфина. В зеркалах, прикрепленных к шлему Джейкоба, металлически поблескивал серебристый хвостовой плавник, колышущийся в такт волне. Боковые плавники машины вяло шевелились под водой. «Ну вот и славно, — подумал Джейкоб, — долгожданный момент наступил. Если техника способна развеять дельфиньи грезы, она это сделает. Самая пора». Он коснулся подбородком кнопки микрофона.

— Ладно, Макой. Как устроен аппарат, ты знаешь. Каждое твое движение будет автоматически усиливаться, но если захочешь включить двигатели, то придется подать команду на английском. А чтобы все было честно, я должен тебя дублиро-

вать на тринари.

— Дддда! — просвистела Макой.

Серебристый хвост выгнулся вверх и, глухо шлепнув по воде, взметнул сноп сияющих брызг.

Джейкоб, вознеся молитву Всевышнему Мечтателю, включил усилители в обоих аппаратах и медленно повел руками, пробуя боковые плавники, но потом неосторожно согнул ноги в коленях. Повинуясь вызванному этим движением импульсу, массивный хвост резко дернулся, и в следующую секунду обтекаемый кокон, клюнув выпуклым носом, круто пошел ко дну.

Джейкоб попытался выправить положение, но перестарался. Аппарат беспорядочно закувыркался, вода взбурлила, и понадобилось несколько минут, чтобы сориентироваться и стабилизировать кокон.

Джейкоб снова заработал плавниками, на этот раз куда осторожнее, затем изогнулся всем телом и резко оттолкнулся ногами. Металлический дельфин взмахнул хвостом и выпрыгнул из воды.

Макой была уже далеко. В верхней точке траектории Джейкоб увидел ее изящный нырок.

Он опустил голову, тут же навстречу понеслась стена зеленой морской воды. От удара зазвенело

в ушах. Стайка золотистых гарибальди испуганно шарахнулась в сторону: он слишком круто вошел в воду. Джейкоб выругался и дважды сильно махнул хвостом, выправляя аппарат. Массивный хвост с силой рассекал воду в такт движениям ног. При каждом ударе Джейкоб чувствовал дрожь, бегущую вдоль позвоночника, и старался как можно плотнее прижаться к упругой внутренней обшивке. Улучив момент, он подобрался и резко разогнул ноги. Аппарат устремился вверх. В левый иллюминатор ворвался ослепительный солнечный свет, в сиянии которого мгновенно исчезли тусклые огоньки приборной панели. Следующий прыжок вышел куда удачнее — Джейкоб с радостным возгласом мягко нырнул в воду. Брызнул в стороны стремительный косяк маленьких серебристых анчоусов. Руки, скользнув вдоль рычагов управления, нащупали регулятор реактивной тяги. В вершине новой дуги Джейкоб просвистел условную фразу на тринари. В ответ послышался шум, и по бокам аппарата выдвинулись небольшие крылья. С громким хлопком включились двигатели, шлем вдавился в затылок. Сверкающая изумрудная гладь стремительно уносилась назад.

Джейкоб догнал Макой и, подняв фонтан брызг,

плюхнулся рядом. Дельфиниха приветствовала его пронзительным свистом. Он выключил ракеты и снова занялся акробатикой.

Теперь человек и дельфин двигались слаженно. Макой, похоже, вполне освоилась со своим кокономи уже научилась делать пируэты и сальто в воздухе. А во время одного особенно высокого прыжка даже ухитрилась просвистеть на тринари куплет довольно сомнительного содержания. Самую двусмысленную строку Джейкоб не разобрал и от души понадеялся, что на катере успели записать все.

Остальная группа шла за ними на небольшом исследовательском судне. Ненадолго воспаряя в воздуху Джейкоб видел белый корпус, подрагивающий в раскаленном мареве. Потом удар о зеленую стену уничтожал все вокруг, и некоторое время Джейкоб мог слышать, лишь как бурлила рассекаемая вода и как попискивает Макой. За стеклом шлема все сливалось в фосфоресцирующем сиянии.

Он взглянул на часы. С начала тренировки прошло десять минут. Джейкоб понимал, что сможет продержаться наравне с Макой не больше получаса. Мускулатура и нервная система человека не предназначены для непрестанных взлетов и

падений.

— Макой, пора включать двигатели. Когда будешь готова, сообщи. Давай запустим их, когда снова прыгнем.

Они погрузились в море. Джейкоб с силой ударил хвостом своего аппарата, чтобы выпрыгнуть как можно выше, и вот они снова парят в воздухе, подобно странным фантастическим птицам.

— Макой, я не шучу. Ты готова?

Они достигли высшей точки траектории. Он скосил глаза и разглядел круглый блестящий глаз. Аппарат Макой изогнулся и ринулся навстречу морской пучине. Через мгновение Джейкоб устремился вслед за подопечной.

— Ладно, Макой. Если не ответишь сию минуту, мы возвращаемся.

Он толчками двигался рядом со своей ученицей, а мимо в изумрудной воде проносились бесчисленные воздушные пузырьки. Макой изогнулась, но вместо того, чтобы вынырнуть, нырнула еще глубже. Джейкоб услышал быструю фразу на тринари — слишком быструю, чтобы как следует понять... Кажется, она пробормотала что-то о занудстве.

Джейкоб медленно всплыл на поверхность.

— Ну, милая, давай! Одна правильная англий-

ская фраза, и все дела! Если хочешь, чтобы твои дети когда-нибудь открыли для себя космос, ты должна это сделать. К тому же английский так выразителен! Давай же, скажи дядюшке Джейкобу, что ты о нем думаешь.

Несколько секунд в наушниках царила полная тишина. Потом он вдруг увидел промелькнувшую под ним стремительную тень. Тень пронеслась мимо, и уже возле самой поверхности прозвучало насмешливое вибрато:

— Лови меня, зззануда! Я лечуууу!

Металлический хвост яростно шлепнул по воде, и дельфиниха на столбе пламени вырвалась из плена родной стихии.

Джейкоб рассмеялся, отплыл в сторону и, запустив двигатели, помчался вдогонку за ученицей.

Он еще допивал кофе, когда Глория принесла таблицу последних данных. Джейкоб попытался сосредоточиться на них, но качка помешала, строчки плясали перед глазами, и он отложил листки в сторону.

— Потом посмотрю. А пока не могли бы вы изложить выводы вкратце? Кстати, я не успел позавтракать и, если позволите, съем-ка еще сэндвич.

Она глянула на него сверху вниз и, крепко

ухватившись за поручни, уселась напротив. Качка усиливалась. Как обычно, Глория обошлась минимумом одежды. И надо сказать, молодой и очень привлекательной биологине это шло. Ее наряд состоял в основном из великолепной гривы буйных черных волос.

— Джейкоб, мне кажется, теперь у нас есть вся необходимая информация, и можно двигаться дальше. Не знаю, как вам это удалось, но время, в течение которого Макой способна сосредоточиться на английском, теперь стало по крайней мере вдвое дольше обычного. Манфред полагает, что он обнаружил достаточное количество синаптических кластеров, чтобы наметить направление следующей серии экспериментальных мутаций. Есть несколько узлов в левой доле головного мозга, которые он хочет развить у потомства Макой. Что касается моей группы, то мы вполне удовлетворены существующим положением. Обращение Макой с искусственным аппаратом определенно доказывает, что уже нынешнее поколение дельфинов способно управлять машинами.

Джейкоб вздохнул.

— Если вы надеетесь, что эти результаты убедят Совет Конфедерации отменить дальнейшие

эксперименты, то вы ошибаетесь. Они напуганы. И больше не желают рассматривать поэзию и музыку в качестве доводов в пользу разумности дельфинов. Им нужны существа, способные мыслить аналитически, а то, что мы имеем, — управление запуском двигателей при помощи английских фраз — не в счет. Ставлю двадцать к одному, что Манфред продолжит свои опыты.

Глория покраснела от гнева.

— Продолжит?! Но это же разумный народ, народ, у которого есть прекрасная мечта! А мы собираемся уничтожить племя поэтов, превратив их в заурядных инженеров!

Джейкоб бросил на тарелку корку от сэндвича и смахнул крошки с груди. Он уже пожалел о том, что начал этот разговор.

— Знаю, знаю. Я и сам был бы рад не гнать так быстро. Но попробуйте взглянуть на все чуть-чуть с другой точки зрения. Вам не приходило в голову, что, может быть, эти механические плавники помогут дельфинам облечь в слова свою мечту? И тогда нам больше не понадобятся ни тринари, чтобы поболтать о погоде, ни ломаный английский для обсуждения философских проблем. И когда это произойдет, дельфины присоединятся к шимпанзе и начнут бороздить Галактику своими

любопытными носами. А мы будем играть роль умудренных опытом взрослых.

— Но...

Джейкоб вскинул руку, останавливая ее.

— Давайте продолжим разговор позже. Сейчас мне хотелось бы отдохнуть, а потом надо будет взглянуть на нашу девочку.

— Извините, Джейкоб, должно быть, вы действительно устали. Но по крайней мере сегодня все прошло удачно.

Джейкоб мягко улыбнулся.

— Да, — он встал, — сегодня все сработало.

— Кстати, пока вы работали с Макой, позвонил какой-то Внеземной. Джонни так потрясла его наружность, что он чуть не забыл спросить, что вам передать. Записка лежала где-то здесь.

Глория красивыми длинными пальцами сдвинула в сторону блюдца с чашками и торжественно вручила Джейкобу обнаруженный клочок бумаги.

Он пробежал записку глазами и нахмурил гладкий лоб без единой морщинки. Кожа Джейкоба была смуглой и упругой, что объяснялось и наследственностью, и долгим воздействием солнца и морской воды. И даже привычка щурить глаза в минуту задумчивости не привела к появлению

морщин. Джейкоб потер жестким натруженным пальцем крючковатый индейский нос.

Почерк радиста оставлял желать лучшего.

— Все, конечно, знают, что вы работали с Внеземными, — сказала Глория, — но я никак не ожидала, что кто-то из них позвонит сюда! Он просто неописуем! Похож на гигантскую брокколи, а манеры словно у церемониймейстера на торжественном приеме.

Джейкоб оторвался от бумаги.

— Так это был кантен? Он назвал свое имя?

— Не знаю, может быть, там написано. Значит, это и есть кантен? — Она вздохнула. — Боюсь, я не очень разбираюсь в чужаках. Наверное, я узнала бы синтианина или тимбрими, но такого мне видеть не доводилось.

— Хм... Так, мне нужно позвонить. Посуду я потом ополосну, не смейте к ней прикасаться. Сообщите Манфреду и Джонни, что я попозже спущусь взглянуть на Макой. Еще раз спасибо.

Джейкоб улыбнулся девушки и слегка коснулся ее плеча, но когда отвернулся, на его лицо вновь набежало выражение крайней озабоченности.

Скомкав записку, он направился к люку и исчез внизу. Глория несколько секунд с тоской смотрела ему вслед, потом принялась убирать таблицы

с данными, меланхолически размышляя о том, чем, интересно, можно привлечь внимание этого человека. Да лучше не на час, а на целую ночь.

Каюта Джейкоба напоминала скорее шкаф, в который по недоразумению поставили узкую складную кровать. Но, несмотря на размеры помещения, только здесь Джейкоб чувствовал себя вполне комфортно. Из еще более крошечного стенного шкафчика он вытащил портативный телик и установил его на койке.

Вообще-то для беспокойства не было оснований. Фэгин мог позвонить, чтобы просто поболтать. В конце концов, он всегда интересовался работой Джейкоба с дельфинами. Но в памяти Джейкоба были свежи те случаи, когда звонки этого чужака создавали множество проблем.

С минуту он раздумывал, стоит ли отвечать на нежданный звонок. Потом все-таки набрал код и уселся поудобнее, прислонившись к стене. Он никогда не мог отказаться от соблазна пообщаться с В.З.

На экране замелькали символы текущих координат вызываемого абонента. Резервация для чужаков Баха. «Осторожней, — сказал он себе, — в Бахе находится Библиотека». Затем последовало стандартное предупреждение: поднадзорные не

имеют права вступать в контакт с чужаками. Джейкоб скорчил гримасу. Прошло несколько секунд. Воздух перед экраном так сильно наэлектризовался, что в нем начали проскакивать маленькие искры. И вот в нескольких дюймах от Джейкоба возникло изображение Фэгина.

Чужак и впрямь напоминал гигантскую брокколи. Синие и зеленые побеги сплетались в симметричные сферические шары вокруг шишковатого бородавчатого ствола. То здесь, то там ветви венчались крошечными кристаллическими чешуйками. Особенно много кристалликов было в верхней части, вокруг невидимого дыхательного отверстия. Побеги тихо шелестели в потоке воздуха, едва слышно позвякивая кристалликами: существо дышало.

— Привет, Джейкоб. — Голос отдавал какой-то металлической мелодичностью. — Рад приветствовать тебя без всяких формальностей, на коих ты, к великому моему сожалению, обычно настаиваешь.

Джейкоб подавил невольную усмешку. Странным акцентом и витиеватыми оборотами Фэгин напоминал ему китайского мандарина.

— Приветствую тебя, дружище Фэгин, и от всей души желаю всех благ. А теперь, прежде чем ты

скажешь хоть слово, я хочу, чтобы ты заранее знал мой ответ: нет, нет и еще раз нет.

Кристаллики тихо звякнули.

— О Джейкоб, ты так молод и так проницателен! Я поражен твоей интуицией! Восхищен! Угадать цель, с которой я звоню...

Джейкоб покачал головой.

— Ни лесть, ни даже хорошо скрытый сарказм не помогут тебе, мой дорогой друг Фэгин. Кроме того, я настаиваю на разговоре по-английски — при общении с тобой это единственный способ не оказаться сбитым с толку.

Чужак качнул побегами, словно пожал плечами.

— Ах, Джейкоб, я вынужден склониться перед твоей волей и прибегнуть к столь высоко почитаемой вами, людьми, честности, коей так гордятся представители вашего вида. Действительно, речь идет об одном одолжении, о котором я намеревался попросить тебя. Но теперь, когда ты дал мне ответ... продиктованный недавними неприятными происшествиями... хотя большинство из них, тем не менее, в дальнейшем могут обернуться к лучшему... Но не буду продолжать. Позволь поинтересоваться, друг мой, как обстоят дела с вашими подопечными — представителями вида

бурых дельфинов?

— Работа продвигается очень неплохо. Как раз сегодня произошел определенный сдвиг.

— Превосходно! Уверен, что без тебя, друг мой, здесь не обошлось. Я слышал, ты просто незаменим.

Джейкоб тряхнул головой. Каким-то образом Фэгину все-таки удалось вновь захватить инициативу.

— Мне и правда посчастливилось найти подход к решению проблемы водного сфинкса, но в остальном мое участие в проекте не требует выдающихся способностей. То, что я делаю, вполне по силам каждому.

— Честно говоря, в это трудно поверить.

Джейкоб нахмурился. К несчастью, он не лукавил с Фэгином. А в будущем работа в Центре Развития обещала стать еще будничнее. Своей очереди ждут сотни экспертов, и многие из них куда лучше разбираются в психике дельфинов. Возможно, Центр, хотя бы из чувства благодарности, оставит его в штате, но хочет ли этого он сам? Как ни любил Джейкоб дельфинов и море, в последние дни он чувствовал нарастающую необъяснимую тревогу.

— Фэгин, прошу прощения за резкость. Я все-та-

ки хотел бы услышать о причине твоего звонка... При условии, что мой ответ по-прежнему отрицательный.

Фэгин зашелестел кроной.

— Я хотел пригласить тебя на небольшую дружескую встречу с несколькими достойными представителями различных видов для обсуждения одной весьма важной проблемы чисто интеллектуального свойства. Встреча состоится в четверг в Центре Гостей в Энсенаде в одиннадцать часов. Твое присутствие на ней не накладывает на тебя никаких обязательств.

Джейкоб задумался.

— Ты говоришь, там будут Внеземные? Кто именно? И чему посвящена встреча?

— Увы, дорогой мой друг, я не имею права распространяться на эту тему, во всяком случае по телефону. Придется набраться терпения, подробности ты узнаешь в четверг, сразу по прибытии, если, конечно, приедешь.

Джейкоб сразу заподозрил неладное.

— Надеюсь, проблема не политическая? Слишком уж таинственно.

Ствол собеседника замер, тогда как зеленая масса медленно колыхалась. Фэгин размышлял.

— Я никогда не понимал, Джейкоб, — послы-

шалось наконец металлическое журчание, — почему человек твоего происхождения проявляет так мало интереса к тому переплетению эмоций и желаний, которое вы, люди, именуете «политикой». Будь здесь уместна метафора, я сказал бы, что политика «у меня в крови». И наверняка у тебя тоже.

— Оставим в покое мое происхождение! Не понимаю, почему нужно ждать до четверга, чтобы узнать, о чем будет идти речь.

Кантен вновь замешкался.

— В этом деле имеются... определенные аспекты, которые не стоит обсуждать в эфире. Кое-какие подозрительные представители противоборствующих фракций вашей культуры могут неправильно воспользоваться полученными сведениями, если им удастся... подслушать. Однако позволь тебя уверить, что твое участие будет носить чисто технический характер. Нам нужны твои знания, а также опыт, который ты приобрел в Центре Развития.

«Черта лысого! — подумал про себя Джейкоб. — Вы вовсе не намерены этим ограничиться».

Он хорошо знал хитреца Фэгина. Если Джейкоб все-таки решит поехать на эту встречу, кантен наверняка попытается воспользоваться его

присутствием, чтобы вовлечь в какую-нибудь очередную сомнительную и опасную авантюру. В прошлом этому чужаку уже трижды удавалось втянуть Джейкоба в свои захватывающие игры. В первых двух случаях он, собственно, и не возражал. Но тогда Джейкоб был совсем другим человеком, ему нравились авантюры и опасности.

Но потом... потом наступила очередь Шпиля. Душевная травма, полученная в Эквадоре, перевернула всю его жизнь. И сейчас он не испытывал никакого желания снова пережить нечто подобное.

Но при всем том Джейкобу не хотелось и разочаровывать старого приятеля. По большому счету, Фэгин никогда ему не лгал и, кроме того, был единственным среди Внеземных, кто без всяких задних мыслей искренне восхищался человеческой историей и культурой. Не похожий на людей куда больше, чем все прочие чужаки, кантен тем не менее изо всех сил пытался понять землян.

«Все будет в порядке, если я просто скажу ему правду. Если Фэгин начнет на меня давить, расскажу ему об экспериментах с самогипнозом и странных результатах, которые я получил. Он

не будет слишком настаивать, если я взову к его чувству справедливости».

— Ладно, — вздохнул Джейкоб, — ты победил, Фэгин. Я приеду. Только не жди, что я стану гвоздем программы.

Смех Фэгина напоминал пение деревянных флейт.

— Об этом можешь не беспокоиться, дружище Джейкоб. Никому не придет в голову считать тебя гвоздем этой программы!

Солнце еще не зашло за горизонт, когда Джейкоб вышел на верхнюю палубу. Надо было проведать Макой. Закат поражал странной красотой — тускло-оранжевый диск в обрамлении клочьев розовых облаков. Чтобы насладиться этим великолепием, Джейкоб на мгновение остановился. Свежий морской ветер упруго обдувал лицо. Солнце, забывшее полуденную ярость, ласкало кожу. Он прикрыл глаза. Потом тряхнул головой, перекинул ноги через поручень и спрыгнул на нижнюю палубу. Дневная усталость была забыта, и он принялся напевать — фальшиво, но с чувством.

Когда Джейкоб появился у бассейна, Макой утомленно подплыла к краю и поприветствовала его очередной стихотворной строкой на три-

нари. Джейкоб не успел разобрать ее дословно, уловив лишь довольно дружелюбное настроение, ну и, конечно же, непристойный смысл — что-то насчет его половой жизни. Дельфины, весьма склонные к грубоватому юмору, целое тысячелетие с успехом рассказывали людям двусмысленные истории на тринари, пока те не разобрались в дельфиньем языке.

Джейкоб плеснул в дельфиниху водой.

— Ну-ка угадай, у кого сегодня день был тяжелее?

Она в ответ обдала его целым фонтаном брызг и прокричала что-то вроде «Черт с тобой!». Джейкоб опустил руку в воду, и дельфиниха ласково ткнулась ему в ладонь твердым блестящим клювом.

2. РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ

Много лет назад для того, чтобы взять под контроль передвижение людей из Мексики и обратно, правительство Северной Америки снесло все постройки на старой пограничной полосе, и там, где когда-то соприкасались два города, возникла пустыня.

После Переворота и свержения Бюрократии

власти Конфедерации разбили на этом месте парк, и со временем на пограничной полосе между Сан-Диего и Тихуаной, к югу от Пендлтона, разросся один из крупнейших лесных массивов. Но и эта эпоха уже уходила в прошлое.

Ведя взятый напрокат автомобиль по шоссе, Джейкоб повсюду видел признаки постепенного возврата к былым временам и нравам. По обе стороны дороги бригады рабочих устанавливали столбы для забора из колючей проволоки. Этот забор должен был протянуться с востока на запад на огромное расстояние. Ужасное зрелище! Джейкоб отвернулся. В глаза бросился огромный транспарант, установленный на обочине:

НОВАЯ ГРАНИЦА БАХА, РЕЗЕРВАЦИЯ ДЛЯ ВНЕЗЕМНЫХ.
ЖИТЕЛЯМ ТИХУАНЫ, НЕ ИМЕЮЩИМ СТАТУСА ГРАЖДАНИНА,
СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ПРИНЯТОЕ ВАМИ БЛАГОРОДНОЕ РЕШЕНИЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ!

Джейкоб покачал головой и выругался сквозь зубы. «Oderint dum metuant» — пусть ненавидят, лишь бы боялись... Что с того, что человек родил-

ся в этом городе, прожил здесь всю свою жизнь? Если у него нет права голоса, он должен убраться с дороги прогресса.

С того момента, как вновь начали практиковать резервации для Внеземных, одинаковая участь ждет Тихуану, Гонолулу, Осло и еще пять городов. Пятидесяти-шестидесяти тысячам проживающих в них поднадзорных — как постоянных, так и временных — придется сняться с насиженных мест, чтобы обеспечить «безопасность» нескольким сотням чужаков. Разумеется, это не коснется основной части населения Земли. Планета в целом по-прежнему закрыта для Внеземных. И для неграждан городов тоже найдется пристанище. К тому же им полагается компенсация, и немалая. И тем не менее на Земле снова появились беженцы.

Джейкоб вздохнул.

По бокам шоссе замелькали постройки. Город еще жил. Кое-где угадывался староиспанский колониальный стиль, но в основном преобладали архитектурные эксперименты, типичные для современных мексиканских городов. Преобладающими цветами зданий были белый и голубой. Воздух звенел на высоких тонах — выли электродвигатели многочисленных машин.

По всему городу бело-зеленые таблички возвещали о грядущих переменах. Одна, ближе к шоссе, была заляпана черной краской. Джейкоб успел разобрать наспех написанные сверху слова: «Оккупация. Вторжение».

Дело рук постоянного поднадзорного.

Гражданин вряд ли станет заниматься такой чепухой, когда есть сотни законных способов выразить свой протест. Да и временно попавший под надзор за какое-нибудь преступление вряд ли захочет продлить себе срок. Несомненно, это кто-нибудь из несчастных — постоянных поднадзорных — дал волю своим чувствам, забыв о последствиях. Джейкоб от души посочувствовал ему — бедняга скорее всего уже за решеткой.

Джейкоб происходил из семьи потомственных политиков, хотя сам и не испытывал к ней никакого интереса. Оба его деда были героями Переворота, членами небольшой группы технократов, сумевшей свергнуть Бюрократию. Но к Закону о надзоре его семья не имела отношения.

В последние годы Джейкоб научился не вспоминать прошлое. Сейчас же он ничего не смог поделать с собой — воспоминания нахлынули мощной волной.

Летняя школа клана Альварес располагалась

на одном из холмов, раскинувшихся вокруг Каракаса, в том самом доме, где в свое время Джозеф Альварес с друзьями разрабатывал планы Переворота. Дядя Джереми читал свою лекцию, а Джейкоб и его многочисленные кузены и кузины слушали с минами всепоглощающего внимания на лицах и смертной тоской в душе. Джейкоб беспокойно вертелся в самом дальнем углу класса, страстно мечтая оказаться в своей комнате, где его ждало «секретное устройство», которое он собрал со сводной сестрой Алисой.

Учтивый и немного наивный Джереми Альварес тогда еще только вступал в пору политического расцвета, только начинал завоевывать авторитет в Ассамблее Конфедерации. Вскоре он станет главой клана Альварес, оттеснив на задний план старшего брата Джеймса.

Джереми рассказывал о том, что Бюрократия издала закон, по которому каждый человек должен был проходить проверку на «склонность к насилию». И тот, у кого данную склонность обнаружат, обязан находиться всю свою жизнь под надзором.

События того утра навсегда врезались Джейкобу в память. Даже сейчас, столько лет спустя, он мог слово в слово повторить речь Джереми в

момент, когда в класс незаметно прошмыгнула Алиса, сияя, словно вспыхнувшая сверхновая.

— ...Они потратили огромные усилия, дабы убедить население, — раскатистым басом вещал дядя Джереми, — что этот закон раз и навсегда покончит с преступностью. И в этом смысле закон действительно оказался очень эффективен — человек с вживленным передатчиком сто раз подумает, прежде чем решится причинить неприятности своему ближнему. Граждане тогда одобрили закон. Они с удивительной легкостью забыли о своих конституционных правах. Тем более что большинство из них жили в сельской местности, где никогда и не знали подобной роскоши.

Когда же лазейки именно в этом законе позволили Джозефу Альваресу и его друзьям свергнуть саму Бюрократию, ликующие граждане вновь и бесповоротно отдали ему свои сердца. Руководители Переворота не посмели поднять вопрос об этичности и правомерности Закона о надзоре. К тому же у них и без того хватало в те дни проблем с организацией Конфедерации...

Джейкобу тогда подумалось, что он не выдержит и закричит от смертной тоски и нетерпения. Дядя Джереми все бубнит и бубнит об этой древ-

ней чепухе, а Алиса, счастливица Алиса тайком наслаждается сигналами из глубокого космоса по «секретному устройству», рискуя навлечь на себя гнев взрослых. Эх, что-то она в этот раз услышит!

Нет никаких сомнений, сигналы подает космический корабль! И это явно всего лишь третье тихоходное судно, вернувшееся назад! Чем еще объяснить странную суматоху, поднявшуюся в восточном крыле здания, где находятся лаборатории и кабинеты взрослых? Да еще по тревоге подняли космических резервистов...

Дядя Джереми все продолжал свои разглагольствования, но Джейкоб его уже не видел и не слышал. Алиса возбужденно выпалила ему в ухо:

— Чужаки, Джейкоб! Чужаки! Люди везут с собой чужаков! Внеземные на своих собственных кораблях следуют за земным кораблем! О Джек, «Везариус» обнаружил В.З.!

Так Джейкоб впервые услышал это слово. Впоследствии он не раз спрашивал себя, уж не Алиса ли ввела его в обиход? В свои десять он частенько размышлял, не означает ли слово «Внеземные», что кого-то намерены съесть?[1]

---

[1] notes: 1

Игра слов: «eatee» (англ.) — внеземные, «eat» (англ.) — съесть

И теперь, проезжая по улицам Тихуаны, давно уже повзрослевший Джейкоб вдруг подумал, что все еще не знает ответа на свой детский вопрос.

Угловые здания на основных перекрестках были снесены, и вместо них, переливаясь всеми цветами радуги, красовались «пункты отдыха для В.З.». У входов замерли новенькие автобусы с открытым верхом, оборудованные для перевозки как людей, так и чужаков.

Возле одного из «пунктов отдыха» Джейкоб увидел пикет. Где-то с десяток шкурников. По крайней мере похожие на шкурников — разряжены в звериные шкуры, размахивают игрушечными пластиковыми копьями. Кто бы еще мог так выглядеть?!

Он прибавил громкость радио и нажал кнопку голосового управления: «Местные новости, ключевые слова: шкурники, городская администрация, пикеты».

Через мгновение раздался надтреснутый металлический голос. Джейкоб раздраженно скривился: могли бы наконец подобрать подходящий тембр.

«Краткая сводка новостей. — Искусственный голос, несмотря на дребезжание, обладал оксфордским произношением. — Сегодня двенадцатое

января две тысячи двести сорок восьмого года, сейчас девять часов сорок одна минута. Доброе утро. Тридцать семь человек на законных основаниях пикетируют здание городской администрации Тихуаны. Официально зарегистрированные требования сводятся к сокращению числа резерваций для Внеземных. Пожалуйста, прервите сообщение, если желаете получить факс или устное изложение их официального манифеста».

Механический голос выжидающе замолк. Джейкоб начал терять интерес. Он был хорошо знаком с сутью протеста шкурников. Она состояла в том, что люди, по крайней мере некоторые, не желают или неспособны сотрудничать с чужаками.

«Двадцать шесть из тридцати семи членов группы имеют передатчики поднадзорных, — вновь задребезжал голос, — остальные являются гражданами. В целом соотношение жителей Тихуаны следующее: на сто двадцать четыре гражданина приходится один поднадзорный. Поведение и одежда пикетчиков позволяют отнести их к приверженцам так называемой неолитической этики, в просторечии именуемым шкурниками. Поскольку никто из граждан города не воспользовался своим правом не регистрироваться, можно

с уверенностью сказать, что тридцать человек — жители Тихуаны, остальные приезжие... »

Джейкобу стало неинтересно, в сцене у административного корпуса не оказалось ничего нового. Он выключил радио. Однако полемика о резервациях для В.З. напомнила ему, что уже почти два года он не навещал дядю Джеймса в Санта-Барбаре. Старик наверняка по уши увяз в тяжбах, которые вел по поручению половины поднадзорных Тихуаны. И все же дядя Джеймс, уж конечно, возьмет на заметку, что племянник Джейкоб отправился в дальнюю поездку, не удосужившись попрощаться ни с ним, ни с прочими своими родственниками из многочисленного клана Альварес.

«Дальняя поездка? О чем это я? — Джейкоб дернул головой. — Я никуда не собираюсь».

Но в уголке его мозга, отведенном для подобных вещей, засела какая-то заноза, связанная с предстоящей таинственной конференцией. Предвкушение чего-то важного боролось в душе с желанием повернуть назад. Ситуация могла бы показаться очень забавной ему самому, если бы не была слишком знакомой.

Какое-то время Джейкоб ехал в тишине — город уступил место бескрайним просторам, и поток

машин превратился в тоненький ручеек. Солнце пригревало руки, лежавшие на руле, а сомнения все больше и больше одолевали душу.

Несмотря на свои тревоги, он все еще не хотел признать, что для него настала пора покинуть Центр Развития. Работа с дельфинами и шимпанзе была просто замечательной и куда более спокойной (исключая первые суматошные недели занятий с водным сфинксом), чем его прежняя профессия криминального исследователя. Сотрудники Центра были по-настоящему преданы своей работе и, в отличие от множества иных современных земных ученых, обладали высокой этикой. Их работа имела огромное и непреходящее значение. Она не потеряет смысл и тогда, когда в Ла-Пасе в полную силу заработает земной филиал Библиотеки.

Но гораздо более важным представлялось Джейкобу, что в Центре он нашел друзей. Именно они оказывали ему неоценимую поддержку весь минувший год, в течение которого шел медленный процесс соединения воедино распавшихся частей его мозга. Особенно участливой была Глория. «Если я останусь, с ней придется что-нибудь решать». Джейкоб понимал, что дружескими отношениями тут не ограничишься, чувства

девушки проявлялись все более явно.

До катастрофы в Эквадоре, которая и привела его в Центр в поисках покоя, Джейкоб знал бы, как поступить в подобной ситуации, и имел бы мужество сделать решительный шаг. Но теперь... Теперь он потерял прежнюю твердость, стал подвержен сомнениям. Сможет ли он решиться когда-нибудь на нечто большее, чем мимолетная интрижка?

Со смерти Тани прошло два года. Два долгих года! Временами ему бывало очень одиноко. Не помогали ни работа, ни друзья, ни даже увлекательные игры со своим мозгом.

Ландшафт постепенно становился все более безжизненным. Яркая зелень исчезла. Провожая глазами проносящиеся мимо одинокие шишковатые кактусы, Джейкоб откинулся назад и расслабился, наслаждаясь медленным и плавным ритмом езды. Тело его слегка покачивалось в такт движению машины, словно он все еще находился в море.

За выжженными холмами блеснула синь океана. Чем ближе извилистая дорога подводила его к месту встречи, тем сильнее и сильнее Джейкобу хотелось оказаться на борту ставшего родным судна, ждать, когда вдали мелькнет черная спина

первого дельфина, когда раздастся щелкающий свист вожака стаи... Вот-вот должна начаться ежегодная миграция дельфинов.

Машина обогнула холм, и Джейкоб с удивлением обнаружил, что все места парковки по обе стороны от шоссе заняты компактными электромобилями — собратьями его собственного. Он поднял голову: на вершине холма толпились люди. Джейкоб перестроился на правую полосу, где движение регулировалось автоматически и не было нужды следить за дорогой. Тут на левой стороне остановился вновь прибывший автомобиль. Из него вылезли двое взрослых и несколько детей. Все держали в руках по корзинке для пикника и по биноклю. Компания вполне походила на типичное городское семейство, выбравшееся на уик-энд, если бы не серебристые одеяния и золотые амулеты. Большинство людей на холме были облачены в те же серебристые одежды. Многие смотрели в личные мини-телескопы куда-то за соседний холм. На этом холме тоже толпились люди, одетые «в пещерном стиле». Правда, убежденные кроманьонцы пошли на некоторый компромисс: наряду с каменными топорами и копьями в их арсенале имелись телескопы, часы, радио и мегафоны.

Две группы символично расположились на противоположных холмах. Но было у них и нечто общее: и шкурники, и рубашечники ненавидели все ограничения на общение с В.З., дружеское или враждебное.

В ложбине между холмами, пересекая шоссе, красовался гигантский плакат:

КАЛИФОРНИЙСКАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ ВНЕЗЕМНЫХ БАХА.

Въезд поднадзорным без специального разрешения запрещен.

Просьба ко всем, кто приезжает впервые, обращаться в информационный центр.

Амулеты и неолитические одеяния не допускаются,

Просьба о появлении шкурников сообщать в информационный центр.

Джейкоб улыбнулся. Пресса изрядно повеселилась по поводу последнего требования. На всех каналах то и дело появлялись карикатуры, изображавшие посетителей центра, вынужденных сдирать с себя не только экзотические одеяния, но и кожу — под одобрительными взглядами змееподобных существ.

Стоянка на вершине соседнего холма также

была забита до отказа. Автомобиль Джейкоба медленно взобрался наверх. Отсюда он наконец смог увидеть пресловутый барьер.

Посредине широкой полосы, лишенной какой бы то ни было растительности, тянулась линия столбов с натянутой колючей проволокой. На многих столбах краска успела поблекнуть, а фонари на их верхушках покрылись пылью.

Вездесущие детекторы действовали подобно ситу, позволяя гражданам свободно входить в резервацию и покидать ее, тогда как поднадзорные не могли проникнуть внутрь, а чужаки, напротив, оказаться снаружи. Этот забор являлся грубым напоминанием того факта, который большинство людей старалось не замечать: значительная часть человечества носила вживленные передатчики только потому, что другая, большая часть, попросту не доверяла им. И это большинство не желало, чтобы Внеземные и те, кого на основании психологического теста сочли «склонными к насилию», вступали между собой в контакт.

Барьер, судя по всему, неплохо справлялся со своей задачей. Скопления людей по обе стороны шоссе становились все плотнее, а их одеяния — все экзотичнее, но перед самой линией столбов

оставалась узкая полоска свободного пространства. Кое-кто из рубашечников и шкурников относился, вероятно, к гражданам, но они оставались вместе с товарищами то ли из солидарности, то ли из чувства протеста.

Перед барьером толпа была особенно плотной. И шкурники, и рубашечники провожали автомобили угрозами и оскорбительными жестами. Джейкоб продолжал неторопливо двигаться по полосе с автоматической регулировкой движения, прикрывая рукой глаза от слепящего солнца и наслаждаясь зрелищем.

Молодой человек, с ног до головы закутанный в серебристую ткань, потрясал над головой плакатом:

> Человечество — продукт Развития! Пусть наши внеземные братья выйдут из резерваций!

С другой стороны шоссе женщина размахивала копьем, к которому был прикреплен лист, гласивший:

> Земляне достигли всего сами! В.З., убирайтесь с Земли!

Эти два плаката со всей полнотой выражали суть спора. Весь мир жаждал узнать, кто прав: сторонники Дарвина или последователи фон Даникена. Шкурники и рубашечники представляли собой всего лишь наиболее фанатичные течения двух философских лагерей, на которые людей разделил этот спор. Суть спора состояла в сакраментальном вопросе: каким образом вид гомо сапиенс стал самим собой?

Но рубашечники и шкурники обсуждением этого вопроса не довольствовались. У первых любовь к чужакам достигла почти религиозного экстаза. Ксенофилия в стадии истерии. Что касается неолитиков с их любовью к нарядам кроманьонцев и пещерным ритуалам, то не скрывается ли за их призывами к «независимости от В.З.» нечто большее — страх перед чуждым разумом? Своего рода космическая ксенофобия?

В одном Джейкоб не сомневался: и тех и других объединяли гнев и возмущение, вызванные осторожной, основанной на компромиссах политикой Конфедерации по отношению к В.З., а также возмущение Законом о надзоре, который многих из них выкинул на обочину общества. В итоге — гнев по отношению к миру, в котором никто не мог сказать наверняка, каково его про-

исхождение.

Внимание Джейкоба привлек пожилой небритый человек в куртке из шкуры и самодельных кожаных штанах. Он сидел на корточках у шоссе, смешно подскакивая, что-то яростно крича в облаке пыли, поднятой множеством ног, и указывая пальцем на землю. С каждым мгновением его отрывистые выкрики становились все более громкими и неистовыми.

— П-пе! — Странные звуки вылетали из его горла, яростные, словно проклятия. Пена пузырилась на губах. Узловатый палец с силой тыкал в землю. — П-пе! П-пе!

Изумленный странным зрелищем, Джейкоб приостановил автомобиль. И сразу что-то со свистом пронеслось у него перед лицом. Что-то с грохотом разбилось о дверцу. По крыше автомобиля забарабанил град камней. У Джейкоба заложило уши. Он быстро поднял стекло и резко съехал с автоматической полосы. Автомобиль разогнался. Непрочная коробка салона сотрясалась — рядом с машиной Джейкоб увидел злобные лица парней, неистово колотивших по ней кулаками.

За несколько метров до барьера Джейкоб вдруг развеселился. Он решил выяснить, что же им

нужно. Слегка отпустил акселератор и приоткрыл окно, чтобы задать вопрос ближайшему к нему человеку — юноше, словно сошедшему со страниц научно-фантастического романа двадцатого века. Тем временем толпа у обочины шоссе превратилась в мешанину плакатов и разномастных одеяний. И прежде чем он успел раскрыть рот, ветровое стекло треснуло и вдоль щеки Джейкоба что-то вжикнуло. Кабина наполнилась гарью.

Он бросил машину к барьеру. Мимо пронеслись столбы с колючей проволокой, и толпа отстала. В зеркало он видел, как яростно кричат молодые люди, потрясая кулаками, торчащими из рукавов фантастических одежд. Джейкоб снова рассмеялся, опустил стекло и, высунув руку, помахал им на прощание.

«Интересно, что я скажу в компании по прокату? — подумалось ему, и он снова рассмеялся. — Может, сказать, что на меня напали войска Империи Минь? Ведь ни за что не поверят они в такую нелепую правду».

Вызывать полицию не имело никакого смысла. Местные полицейские не сделают и шагу без предварительной проверки на поднадзорность. А несколько П-передатчиков без труда затеряются

среди огромного числа себе подобных. Кроме того, Фэгин просил его не афишировать свое появление.

Он до конца опустил стекло, чтобы свежий ветер разогнал гарь. Просунул палец в дыру от пули в ветровом стекле и виновато улыбнулся.

«Тебе все это понравилось, не так ли?»

Одно дело, когда кровь начинает бежать быстрее от хорошей дозы адреналина, и совсем другое, когда опасность веселит тебя. Восторг, который он испытал во время стычки у барьера, встревожил его куда больше, чем странная агрессивность толпы.

Вдруг приборная панель негромко пискнула. Джейкоб поднял взгляд. Любитель автостопа? Здесь? Впереди, примерно в полукилометре, у обочины стоял человек, выставив циферблат своих часов так, чтобы он попал в поле зрения автомобильного локатора. У ног человека лежали две огромные сумки.

Джейкоб пребывал в нерешительности. Но, в конце концов, только граждане могут попасть на территорию резервации. Он притормозил, проехав немного вперед. Ему показалось, что он уже где-то видел этого краснолицего толстяка в темно-сером деловом костюме. Пока человек то-

ропливо семенил к автомобилю, согнувшись под тяжестью сумок, Джейкоб отметил, как колышется его объемистый живот. Человек наклонился и заглянул в машину, лицо его было усеяно капельками пота.

— Боже, ну и жара! — простонал он. Говорил толстяк на стандартном английском, но с сильным акцентом. — Неудивительно, что никто не едет по автоматической полосе, — он отер пот со лба, — все несутся на максимальной скорости, ловят ветерок. Но ваше лицо мне знакомо, должно быть, мы где-то встречались. Меня зовут Питер Ла Рок, или Пьер, если вам угодно. Я из «Монд».

Джейкоб вздрогнул.

— Ну, конечно, Ла Рок. Мы с вами действительно встречались. Я Джейкоб Демва. Садитесь. Я еду только до информационного центра, но там вы можете сесть на автобус.

Он от души надеялся, что его лицо осталось невозмутимым. И как он не узнал этого невыносимого толстяка?! Ни за что бы не остановился.

Нельзя сказать, что у него была какая-то особая причина для неприязни... если не считать непомерного самодовольства этого человека и его неистощимого запаса собственных мнений по любому поводу, при каждом удобном

случае высыпаемых на собеседника. Во многих отношениях Пьер Ла Рок, возможно, даже был очаровательнейшим человеком. Похоже, он занимал видное место в прессе. Джейкоб читал кое-какие его статьи, и ему нравилось если не содержание, то, во всяком случае, перо автора.

Но Пьер Ла Рок был как раз одним из тех самых настырных представителей прессы, кто преследовал Джейкоба в течение нескольких недель после решения загадки водного сфинкса. Возможно, самым назойливым из всех. Да, последняя статья в «Монд» была вполне благожелательной, к тому же прекрасно написанной. Но это отнюдь не компенсировало причиненного беспокойства.

Джейкоб был рад, что журналисты не сумели отыскать его после трагедии, случившейся на Ванильном Шпиле в Эквадоре. В то время он просто не вынес бы Ла Рока.

Как и прежде, Джейкоба покоробил явно нарочитый «национальный» акцент журналиста. Этот акцент стал даже сильнее со времени их последней встречи.

— Ну, конечно же, Джейкоб Демва! — воскликнул Ла Рок. Он закинул сумки назад и уселся в машину. — Бог афоризмов! Охотник за тайнами! И вы здесь. Наверное, собираетесь принять уча-

стие в конкурсе по разгадыванию головоломок вместе с нашими благородными инопланетными гостями? Или, быть может, решили заглянуть в Великую Библиотеку в Ла-Пасе?

Джейкоб снова перестроился на автоматическую полосу, мимолетно подумав, что неплохо было бы знать, кто вообще ввел моду на «национальный» акцент. Было бы чем уязвить этого болвана.

— Меня пригласили сюда в качестве консультанта. Среди приглашавших действительно есть Внеземные, если вы об этом хотели спросить. Но вдаваться в подробности я не имею права.

— О, да-да-да, это, наверное, совершенно секретно! — Ла Рок игриво взмахнул пухлыми ручками. — Но нельзя же так интриговать журналиста! Вы делаете свое дело, я — свое! И вас наверняка волнует, что же привело лучшего репортера «Монд» в эту пустыню. Я угадал?

— Меня больше интересует, почему вам пришлось ловить машину в этой пустыне.

Ла Рок горестно вздохнул.

— Да, воистину пустыня! До чего печально, что именно здесь должны жить наши благородные гости. Здесь или в других столь же пустынных местах. На вашей Аляске, например.

— Про Гавайи, Каракас и Шри Ланку вы, судя по всему, забыли, — саркастически отозвался Джейкоб. — А что касается вашей цели...

— Моей цели? О, у меня нет никаких секретов, дорогой мистер Демва! Но давайте немного повеселимся и еще раз испытаем ваш талант к дедукции. Угадаете или нет?

Джейкоб чуть не застонал. Он резко дернул рычаг, и машина съехала с автоматической полосы. Нога с силой надавила на акселератор.

— У меня есть идея получше, мистер Ла Рок. Раз вы не хотите объяснить, почему оказались без машины в столь пустынной местности, то, быть может, вы раскроете мне один маленький секрет?

Джейкоб описал сцену перед барьером, опустив эпизод с выстрелом, понадеявшись, что Ла Рок не заметит отверстия в стекле. Особое внимание он уделил описанию странного человека, сидевшего в пыли.

— Конечно же! — с энтузиазмом воскликнул Ла Рок. — Нет ничего проще! Вы, разумеется, знаете, как в просторечье именуют постоянных поднадзорных? Этот ужасный ярлык, который лишает человека всех прав, в том числе и права иметь детей, права...

— Да, я все это знаю, не тратьте попусту слов! — Джейкоб помолчал. — Кажется, я начинаю понимать.

— Да, этот несчастный платил вам той же монетой. Вы, граждане, именуете его пе-пе... так что справедливо, что и он вас называет так же, правда, вкладывая в эти звуки другой смысл. Вы ведь знаете, что граждан они именуют послушными и прирученными?

Джейкоб не выдержал и рассмеялся. Впереди показался поворот.

— Но почему они собрались у барьера? Такое впечатление, что все они кого-то ждут.

— У барьера? Ах да. Я слышал, что такое происходит каждый четверг. В.З. из центра приходят к барьеру, чтобы поглазеть на неграждан, а те, в свою очередь, собираются, чтобы полюбоваться на чужаков. Забавно, не правда ли? Никто не знает, кто первый положил этому начало.

Дорога обогнула очередной холм, и впереди показалась цель их путешествия. Информационный центр, расположенный в нескольких километрах к северу от Энсенады, представлял собой огороженную территорию с разбросанными по ней жилыми домиками для В.З. и общественными зданиями. За деревьями виднелись казармы по-

граничников. Рядом с просторной автостоянкой высилось основное здание, в котором впервые прибывающие посетители получали инструкции галактического протокола. Здание стояло на небольшом плато между шоссе и океаном. Из окон открывался великолепный вид.

Джейкоб припарковал машину у центрального подъезда. Ла Рок молчал, о чем-то напряженно размышляя. Наконец он поднял глаза.

— Знаете, я сказал неправду, когда говорил, что не знаю, кто первый начал все это. Считайте это неудачной шуткой.

Джейкоб удивленно кивнул. Что вдруг нашло на репортера? Странно...

3. ГЕШТАЛЬТ

Джейкоб помог Ла Року дотащить сумки до автобусной остановки и поспешил распрощаться с репортером. Он обогнул здание, надеясь найти уголок, где можно было бы провести в уединении имевшиеся у него в запасе десять минут.

Со стороны океана он обнаружил небольшое патио с тенистыми деревьями и керамическими столиками. Лег на один из них, протянув ноги на спинку скамьи. Холодок глиняной поверхно-

сти и легкий ветерок с океана приятно ласкали кожу. Несколько минут он лежал неподвижно, поочередно напрягая и расслабляя мышцы спины — требовалось снять напряжение от долгого сидения за рулем. Его глаза бездумно следили за маленьким суденышком с грот-мачтой и кливером. Ярко-зеленый корпус корабля отчетливо выделялся на синей глади океана. Постепенно он расслабился настолько, что позволил себе впасть в транс.

Джейкоб внимательно выслушал все свои органы чувств и отринул от себя внешние ощущения. Усталость постепенно отступала. Тело мягко покачивалось на легких волнах, мало-помалу он перестал его чувствовать. Сохранился лишь зуд в левом бедре, но через несколько секунд исчез и он. Теперь Джейкоб не ощущал ничего, кроме слабого морского запаха. Соленый йодистый аромат был приятен, но отвлекал. Джейкоб отключил обоняние. Несколько мгновений он напряженно прислушивался к стуку сердца, пока тот не отдалился и не исчез совсем.

В последние два года Джейкоб обычно доводил транссостояние до заключительной стадии, той очистительной фазы, когда перед внутренним взором с болезненной ясностью проносятся дав-

ние образы, а две расщепленные половины мозга вновь пытаются слиться в единое целое. Этот процесс, однако, никогда ему не нравился.

Он был один, почти один. Остался лишь далекий гул людских голосов, едва различимые обрывки фраз, смысл которых он не мог разобрать. На мгновение Джейкобу показалось, что он слышит, как спорят Глория и Джонни, затем затараторила что-то непотребное Макой.

Он терпеливо убирал все эти звуки в ожидании того единственного, который всегда возникал с предсказуемой внезапностью — откуда-то издалека что-то кричал ему голос Тани, неудержимо, мимо его подставленных рук падавшей в бездну. Ее уже не было видно, а голос все звучал и звучал, эхом отдаваясь в двадцатимильной пропасти. На этот раз послышался не крик, а приглушенный шепот. Но Джейкобу он причинил нестерпимую боль.

Вдруг в голове вспыхнула карикатурная, гротескная версия происшествия у барьера. Джейкоб снова был среди поднадзорных, без машины. Бородатый человек в одеянии пиктского шамана протянул ему бинокль и властно кивнул. Джейкоб послушно взял бинокль и взглянул в том направлении, куда указывал ему бородач.

Его глазам предстал силуэт автобуса, подрагивавший в потоках раскаленного воздуха. Автобус подъехал к остановке по ту сторону линии пограничных столбов, тянувшейся в оба конца до горизонта и за горизонт. Казалось, она упирается в само солнце.

Картина исчезла так же внезапно, как и появилась. С натренированным безразличием Джейкоб подавил искушение обдумать увиденное. На смену ярким образам пришла абсолютная пустота.

Тишина и тьма.

Он пребывал в глубоком трансе, полагаясь на свои внутренние часы, которые в нужный момент возвестят о том, что пора выплывать наружу. Медленно бродил меж очертаний, не имевших никакого значения, неподвластных ни описанию, ни воспоминаниям. Терпеливо искал ключ, который, как он знал, спрятан среди безликих теней и который он когда-нибудь непременно найдет.

Наконец наступил такой момент, когда исчезло абсолютно все, исчезло пространство, исчезло время, все поглотила безмерная пустота.

Внезапно эту спокойную пустоту пронзила острая боль, протаранившая все защитные слои, которые он возвел вокруг мозга. Потребова-

лось мгновение, сравнимое с вечностью, чтобы понять, что случилось. Боль явилась в виде ослепительной вспышки голубого света, ударившей по зрачкам даже сквозь плотно сомкнутые ресницы. Но уже в следующее мгновение, прежде чем он успел как-то отреагировать на нее, она исчезла. Какое-то время Джейкоб боролся с замешательством. Он пытался сосредоточиться исключительно на возвращении в сознание, но вместо этого в мозгу пульсировал поток панических вопросов.

Что вызвало эту голубую вспышку? Если нервные окончания вынуждены столь яростно защищаться, значит, что-то явно не в порядке! Где кроется и чем объясняется страх, на который наткнулось его подсознание?

По мере того как он выходил из транса, сознание медленно возвращалось к нему. Где-то над головой послышались шаги. Джейкоб выделил их на фоне шума ветра и моря. Пока он пребывал в трансе, они казались ему легким шорохом. Словно бы страус, выряженный в мягчайшие мокасины, осторожно вышагивал по траве.

Спустя несколько секунд после того, как боль отступила, Джейкобу наконец удалось выйти из состояния глубокого транса. Он открыл глаза.

В нескольких метрах перед ним возвышалось странное существо. Прежде всего в глаза бросились гигантский рост и огромные ярко-красные глаза на белом лунообразном лице.

Мир раскачивался перед глазами.

Пальцы судорожно сжали края керамического столика, голова, словно налитая свинцом, тяжелой гирей упала на грудь. Джейкоб закрыл глаза. Что за чертовщина? Голова была столь тяжелой, что ему казалось: еще секунда, и шейные позвонки не выдержат и надломятся.

Он осторожно протянул руку, коснулся закрытых глаз и с трудом поднял голову. Чужак все еще был здесь. Значит, он и в самом деле существует. Джейкоб старательно удерживал голову в поднятом положении. Перед его глазами покачивался гуманоид двухметрового роста. Большую часть его тела скрывало светлое серебристое одеяние. Руки, сложенные на груди в жесте почтительного ожидания, поражали длиной и какой-то светящейся белизной.

Огромная круглая голова на несоразмерно тонкой шее слегка подалась вперед. Красные глаза, лишенные век, казалось, занимали половину лунообразного лица. Другая половина была отведена огромным складчатым губам.

Между глазами и ртом затерялось еще несколько органов, предназначение которых для Джейкоба оставалось непонятным. Этот вид В.З. он встречал впервые.

Глаза чужака светились умом.

Джейкоб откашлялся, головокружение еще не прошло.

— Прошу прощения... Мы не знакомы, но, наверное, вы здесь, чтобы встретиться со мной?

Белая голова склонилась в глубоком почтительном кивке.

— Вы из той группы, с которой я должен встретиться по просьбе кантона Фэгина?

Снова последовал молчаливый кивок.

«Надо думать, это означает согласие, — мелькнуло в голове у Джейкоба. — Интересно, может ли он говорить?» Джейкоб попытался вообразить речевой механизм, скрывавшийся за этими огромными губами, и не смог.

Но почему этот тип все еще торчит здесь и ест его глазами? Не означает ли эта поза...

— Осмелюсь предположите: вы представитель подопечного вида и ждете разрешения заговорить?

«Губы» слегка раздвинулись, и Джейкоб заметил, как в глубине мелькнуло что-то ослепитель-

но белое. Чужак снова кивнул.

— Тогда, прошу вас, говорите! Как вам, наверное, известно, люди не стремятся к строгому соблюдению протокола. Как вас зовут?

Голос был удивительно низким. Джейкоб отметил сильную шепелявость.

— Мое имя Кулла, шэр. Шпашибо за ражрешение. Меня пошлали убедитьшя, что вы не потерялишь. Вше уже шобралишь, и вы можете пойти шо мной. Но ешли вы еще не жакончили, то продолжайте швою медитацию.

— Нет-нет, пойдемте, и поскорей.

Джейкоб встал на ноги, его все еще пошатывало. Чтобы окончательно прийти в себя, он на мгновение закрыл глаза. Рано или поздно он обязательно выяснит, что же с ним произошло, но сейчас нужно было заняться тем, ради чего он здесь.

— Что ж, ведите меня.

Кулла повернулся и медленно поплыл к одному из боковых входов центра. По всем признакам, он принадлежал к подопечному виду, чей период ученичества под руководством опекуна еще не закончился. В галактической табели о рангах такая раса котировалась очень невысоко. Джейкоб, все еще плоховато разбиравшийся в этих

сложных галактических отношениях, был рад, что по счастливой случайности человечество занимало в этой иерархии куда лучшую позицию, хотя статус его и отличался двусмысленностью и неустойчивостью.

Кулла, а вслед за ним и Джейкоб поднялись по каменным ступеням и подошли к большой дубовой двери. Кулла без стука распахнул ее и первым вошел внутрь. Из-за его спины Джейкоб увидел, что в комнате находятся еще два человека и два чужака. Один из чужаков, сидевший у ветвистого фикуса, напоминал небольшого лохматого медведя, другой походил на маленького ящера.

Джейкоб надеялся, что успеет разобраться в своих впечатлениях от необычной парочки раньше, чем они его заметят. Но уже в следующее мгновение кто-то окликнул его по имени:

— Джейкоб, мой дорогой друг! Как любезно с твоей стороны, что ты выбрался к нам!

Джейкоб узнал певуче-металлический голос Фэгина. Он с удивлением огляделся.

— Фэгин? Но где...

— Я здесь, друг мой.

Джейкоб взглянул на сидевших у окна. Люди и мохнатый чужак зашевелились. Ящер продолжал хранить каменную неподвижность. Джейкоб

пригляделся повнимательнее и только сейчас сообразил, что фикус у окна и есть его приятель Фэгин. Серебристые листочки тихо звякнули, словно раздался легкий смешок.

Джейкоб улыбнулся. Всякий раз при общении с Фэгином у него возникала одна и та же проблема. У гуманоидов принято смотреть собеседнику в лицо, или по крайней мере на то место, что призвано заменять лицо. Обычно это место даже у самых неописуемых чужаков отыскивалось почти сразу.

Всегда находился такой орган, посредством которого его обладатель познает мир, и именно к этому органу все привыкли обращаться. У большинства чужаков, так же, как и у людей, эту роль играли глаза.

Но у кантена попросту не было глаз. Джейкоб догадывался, что сверкающие серебристые листочки, то и дело позвякивающие мелодичными колокольчиками, являются световыми рецепторами Фэгина. Но от этой догадки было мало проку. Всегда приходилось смотреть на Фэгина целиком, а не концентрировать свое внимание на каких-то там выступах или впадинах его персоны. Джейкоб гадал, что же более странно — то, что он искренне привязан к этому чужаку, или то,

что он, несмотря на долгие годы дружбы, все еще испытывает неловкость при общении с ним?

Темный, покрытый листвой ствол Фэгина двинулся от окна навстречу Джейкобу короткими поворотами, передвигаясь с помощью корней-присосок. Джейкоб слегка наклонил голову, приветствуя своего давнего приятеля.

Фэгин говорил отчетливо, но удивительно напевно. Эта напевность, хоть и отдававшая металлом, в чем-то походила на шведскую или кантонскую речь. Из-за нее тринари давался кантену куда лучше английского.

— Фэгин, а-Кантен, аб-Ликтен-аб-Сикул-уль-Ниш, Миорки Кифу, мне приятно видеть тебя вновь.

— Эти почтенные существа явились сюда, чтобы обменяться с тобой крупицами мудрости, дружище Джейкоб, — пропел Фэгин. — Надеюсь, ты готов к формальному знакомству.

Джейкоб постарался сконцентрироваться — ему предстояло запомнить целую кучу сложных видовых имен каждого из чужаков. Многочисленные имена опекунов и подопечных раскроют их статус. Он кивком попросил Фэгина продолжать.

— Позволь официально представить тебе Буббакуба, а-Пил, аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер-

уль-Гелло-уль-Прингл из Института Библиотеки.

Один из В.З. сделал маленький шаг вперед. Первоначальное гештальт-представление, возникшее у Джейкоба: четырехлапый медвежонок серого цвета. Но широкая морда и густые ресницы смазывали это впечатление.

Так это Буббакуб, директор земного филиала Библиотеки! Филиал Библиотеки, расположенный в Ла-Пасе, потреблял почти все доходы от того скудного товарообмена с другими мирами, который Земля сумела наладить со времени Контакта. Но этих средств не хватало. Значительная часть работ по приспособлению крошечного провинциального филиала к нуждам людей осуществлялась все же за счет гигантского галактического Института Библиотеки. Институт оказывал эту поддержку в форме благотворительной помощи «отсталой» человеческой расе. Будучи директором земного филиала, Буббакуб являлся одним из самых значительных чужаков на Земле! Его видовое имя также указывало на высокий статус, даже более высокий, чем у Фэгина!

Четыре частицы «аб» означали, что соплеменники Буббакуба стали разумными благодаря иной расе, которую, в свою очередь, взрастила

еще одна раса, и так далее. Следы терялись в мифической эпохе прародителей. А все четыре «родительские» расы продолжали свое автономное существование на просторах Галактики. Столь длинная цепочка неоспоримо указывала на высокий статус этого вида в многоликой галактической культуре.

Двойная частица «уль» свидетельствовала о том, что сами пилы поставили на ноги две новые культуры. Этот факт еще добавлял им веса.

Полностью «сиротскому» человечеству опуститься на самый низ иерархической структуры Галактики не позволяло единственное счастливое обстоятельство. Людям удалось воспитать на Земле две разумные расы еще до того, как «Везариус» вернулся с известием об установлении контакта с внеземной цивилизацией.

Чужак слегка поклонился.

— Меня зовут Буббакуб.

Искусственный голос исходил из небольшого диска, висевшего на шее пила.

Это же водор! Так, значит, пилам для общения на английском требуется помощь искусственного аппарата! Джейкоб пригляделся. Судя по размерам прибора, который был гораздо меньше, чем те, что он видел у чужаков, абсолютно не способ-

ных к человеческой речи, Буббакуб все-таки мог говорить, но только в недоступном для человеческого уха частотном диапазоне. Джейкоб решил, что чужак должен слышать его напрямую.

— Меня зовут Джейкоб. Приветствую вас на Земле.

Буббакуб важно кивнул. Губы чужака беззвучно зашевелились. Через мгновение загудел водор.

— Спасибо, — слова выходили какими-то обрубленными и рваными, — я счастлив находиться здесь.

Джейкоб поклонился, постаравшись проследить за тем, чтобы поклон вышел не глубже, чем у чужака.

— Я полностью к вашим услугам как житель этой планеты.

Чужак, судя по всему, вполне удовлетворенный, отступил назад. Фэгин продолжал представлять незнакомцев:

— Эти достойные существа относятся к представителям вашей расы.

Ветка с позвякивающими кристалликами склонилась в направлении людей, стоявших поодаль. Седовласый человек, облаченный в твидовый костюм, и высокая смуглая женщина среднего возраста, не лишенная приятности.

— Позволь представить их тебе, — провозгласил Фэгин, — не столь официально. Джейкоб Демва, познакомься с Дуэйном Кеплером, руководителем экспедиции «Прыжок в Солнце» и доктором Милдред Мартин с факультета парапсихологии университета Ла-Паса.

Основным украшением физиономии Кеплера являлись пышные обвислые усы. Он приветливо улыбнулся и что-то сказал, но Джейкоб был слишком изумлен, чтобы понять, что ему говорят.

«Прыжок в Солнце»! Экспедиция, проводившая исследования на Меркурии и в солнечной хромосфере, в последнее время вызывала жаркие споры в Ассамблее Конфедерации. Фракция «Приспособление и Выживание» заявила, что не имеет смысла тратить огромные суммы на то, о чем можно узнать в Библиотеке. Тем более что эти средства здесь, на Земле, нужны ученым, мающимся без работы. Они с радостью возьмутся за куда более реальные проекты. Фракция «Самодостаточность», однако, продолжала гнуть линию солнечных исследований, несмотря на нападки прессы.

Джейкобу сама идея отправки кораблей с людьми внутрь звезды казалась абсолютно безумной.

— Кантен Фэгин очень настойчиво вас реко-

мендовал, — сказал Кеплер.

Руководитель «Прыжка в Солнце» улыбался, но улыбка не скрывала усталости на его лице. Припухшие глаза выдавали тревогу. Он порывисто встряхнул руку Джейкоба. Его голос внезапно дрогнул:

— Мы прибыли на Землю совсем ненадолго. Нам крупно повезло, что Фэгин сумел убедить вас приехать на эту встречу. Я очень надеюсь, что вы согласитесь отправиться с нами на Меркурий. Нам бы так пригодился ваш опыт межвидовых контактов!

Джейкоб вздрогнул. Нет, только не это! Господи, и как он мог поверить этому шелестящему чудовищу! Он собрался было уже наградить Фэгина гневным взглядом, и лишь нежелание обижать двух ни в чем не повинных людей остановило его. Он взглянул на Кеплера, затем перевел взгляд на его спутницу. Так, значит, Меркурий.

Лицо доктора Мартин расплылось в любезной улыбке, хотя, когда Джейкоб пожимал ей руку, вид у нее был более чем скучающий. Ему захотелось спросить, какое отношение имеет парапсихология к физике Солнца, но он сдержался, не желая выдать заинтересованности. Однако Фэгин опередил его.

— Разрешите мне вмешаться, как это принято у людей при неформальном общении, — важно объявил чужак, — я не представил дорогому Джейкобу еще одно достойное существо.

«Вот это да! — подумал Джейкоб. — Надеюсь, этот В.З. не слишком чувствительный». Он повернулся к ящерообразному существу, по-прежнему восседавшему на диване под огромным мозаичным панно. Ящер поспешно поднялся и засеменил к ним, смешно перебирая всеми пятью лапами. Он оказался очень маленьким, длиной около метра, а рост не превышал и двадцати сантиметров. Не обратив никакого внимания на Джейкоба, он продефилировал мимо и начал тереться о ногу Буббакуба.

— Нет-нет, — зашелестел Фэгин, — это всего лишь домашнее животное. Достойное существо, которое я хочу тебе представить, ты уже видел. Это многоуважаемый подопечный, который проводил тебя сюда.

— О, прошу прощения, — улыбнулся Джейкоб, но тут же постарался придашь лицу серьезное выражение.

— Джейкоб Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, познакомься с Куллой, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер. Помощ-

ник Буббакуба и представитель Библиотеки в проекте «Прыжок в Солнце».

Как и предполагал Джейкоб, и это имя состояло лишь из имен прародителей. Подопечных у принглов не было, хотя свое происхождение они вели по линии пубер-соро. Когда-нибудь они получат новый статус как члены древнего и могущественного рода. Джейкоб отметил, что Буббакуб тоже из пубер-соро, и попытался вспомнить, не являются ли пилы опекунами принглов.

Чужак шагнул вперед, но руки не протянул. Конечности у него были длинные, похожие на щупальца, каждая заканчивалась шестью пальцами, весьма хрупкими на вид. От Куллы исходил слабый запах. Слегка напоминавший аромат свежескошенного сена, запах был приятен.

Огромные глаза вспыхнули. Кулла поклонился. «Губы» чужака раздвинулись, обнажив пару огромных, белых, блестящих зубов, даже не зубов, а перемалывающе-перетирающих органов. Один — сверху, один — снизу. Раздался шорох треснувшего фарфора — Кулла улыбнулся.

Вряд ли там, откуда он родом, эта гримаса выражает доброжелательность. Джейкоб содрогнулся. Скорее всего чужак просто подражал человеческой улыбке. Складчатые губы, создан-

ные для сокрытия страшноватых челюстей, так и притягивали взгляд. А для чего, собственно, предназначены эти «зубы»? Ему вдруг захотелось еще раз увидеть, как лицо Куллы «озарится улыбкой».

Он слегка поклонился.

— Меня зовут Джейкоб.

— Меня зовут Кулла, шэр, — прошепелявил чужак. — Ваша Земля очень приятное мешто.

Громадные глаза потухли, и Кулла отступил назад.

Буббакуб развернулся, и вся компания направилась к диванам. Мохнатый коротышка небрежно развалился на мягких подушках, безвольно свесив все четыре руки. «Зверушка», последовав за ним, вскарабкалась, на диван и тут же свернулась калачиком рядом со своим хозяином. Затем расселись все остальные.

Кеплер поклонился и, запинаясь, начал:

— Прошу у вас прощения за то, что мы отняли ваше время, мистер Демва. Я знаю, вы очень занятой человек... И все-таки я очень надеюсь убедить вас в важности нашей проблемы. Поверьте, она достойна вашего внимания и ваших талантов.

Кеплер нервно сцепил руки на коленях.

Доктор Мартин серьезно слушала несколько

напыщенную речь Кеплера, но Джейкоб видел, что ситуация ее забавляет. Здесь явно все было не так просто, и это беспокоило Джейкоба.

— Доктор Кеплер, должно быть, Фэгин рассказал вам о смерти моей жены. С тех пор я отошел от разгадок вселенских тайн. К тому же сейчас я действительно очень занят, настолько, что вряд ли могу позволить себе длительное межпланетное путешествие...

Лицо Кеплера погасло. Его огорчение было столь искренним, что Джейкобу стало совестно и он поспешил подсластить пилюлю:

— ...Однако, поскольку старина Фэгин имеет нюх на серьезные проблемы, я с радостью сначала выслушаю всех, кого он рекомендует, и лишь потом стану взвешивать все «за» и «против».

— О! Вы не пожалеете! Я всегда был уверен, что нам крайне необходим взгляд нового человека. А сейчас, когда попечители разрешили привлекать экспертов, приток свежих сил становится особенно актуальным и...

— И все-таки, Дуэйн, — перебила его доктор Мартин, — вы не совсем точны в обрисовке положения. Шесть месяцев назад я поступила к вам консультантом, а Кулла еще раньше разрешил вам пользоваться услугами Библиотеки. Сейчас и

Буббакуб любезно согласился поддержать проект. Он лично отправляется с нами на Меркурий. Я думаю, попечители проявили настоящую щедрость.

Джейкоб вздохнул.

— Я буду очень признателен, если кто-нибудь все-таки объяснит мне, о чем, собственно говоря, идет речь. Доктор Мартин, может быть, вы поведаете, в чем состоит ваша работа... на Меркурии?

Он с удивлением отметил, что избегает названия проекта.

— Я консультант, мистер Демва, мне поручено проведение психологического и парапсихологического анализа взаимодействия экипажа и окружающей среды.

— Это имеет отношение к проблеме, упомянутой доктором Кеплером?

— Да. Поначалу предполагалось, что наблюдаемое связано с массовой галлюцинацией. Я исключила эту возможность. Теперь ясно, что неизвестные явления действительно происходят в солнечной хромосфере. В течение последних месяцев я разрабатываю схемы экспериментов, которые будут проводиться при погружениях в Солнце. Ну и, кроме того, я выполняю роль психотерапевта экспедиции. Напряжение, неизбежное

при проведении подобных исследований Солнца, влияет на здоровье участников проекта.

Доктор Мартин говорила очень убедительно, но что-то в ней настораживало Джейкоба. Быть может, легкомысленность, хорошо скрываемая за маской профессионала? Интересно, в каких отношениях они находятся с Кеплером? Не является ли она также и его личным психотерапевтом?

«А если дело обстоит именно так, не нахожусь ли я здесь просто по прихоти больного человека, нуждающегося в поддержке?» Эта мысль выглядела не очень-то привлекательной. Так же, как и перспектива оказаться вовлеченным в политическую игру.

А Буббакуб, глава земного филиала Библиотеки, он-то почему ввязался в этот туманный проект землян? В каком-то смысле коротышка пил — самый важный В.З. на Земле, если, конечно, не считать посла с Тимбрими. Рядом с Институтом Библиотеки, который представлял Буббакуб, крупнейшей и влиятельнейшей галактической организацией, Институт Прогресса Фэгина выглядел, словно ансамбль ударных инструментов рядом с симфоническим оркестром. Неужели доктор Мартин вправду сказала, что Буббакуб собирается на Меркурий? Или ему это послы-

шалось?

Буббакуб бездумно уставился в потолок, явно не желая принимать участия в разговоре. Губы его двигались, словно он напевал в недоступном для людей частотном диапазоне.

Блестящие глаза Куллы не отрывались от маленького руководителя Библиотеки. Возможно, заслушался «пением» Буббакуба, а возможно, ему просто наскучил разговор.

Кеплер, Мартин, Буббакуб, Кулла... Джейкобу никогда и в голову не могло прийти, что он может оказаться в компании существ, среди которых Фэгин будет наименее странным!

Сбоку от Джейкоба послышался шелест. Он обернулся. Фэгин пребывал в явном возбуждении. Джейкоб спросил себя, что в этой эксцентричной экспедиции могло вывести из равновесия добродушного кентона. Впрочем...

— Доктор Кеплер, не исключено, что я смогу выкроить время для помощи вам... В какой-то мере... — Джейкоб пожал плечами. — Но сначала я все-таки хотел бы уяснить суть проблемы.

Кеплер расцвел.

— О, разве я вам не сказал? Ну надо же! А мне казалось, что я ни о чем другом и думать не могу в последние дни. — Он выпрямился и глубоко

вздохнул. — Мистер Демва, такое впечатление, что на Солнце кто-то завелся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В доисторическую и раннеисторическую эпохи Землю посетили пришельцы из космоса. Эти существа путем направленной генетической мутации создали человеческий разум. Внеземные наделили гоминидов «своим собственным образом». Поэтому мы похожи на них, а не они на нас.

Эрих фон Даникен «Колесницы Богов»

Возвышенные проявления человеческого духа,
такие, как религия, альтруизм и нравственность,
не являются неизменными и имеют под собой
материальную основу.

Эдвард О. Уилсон «О человеческой природе»

4. МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

«Брэдбери» оказался кораблем нового поколения. Он создавался на основе куда более совершенных технологий, чем его предшественники, курсировавшие на коммерческих линиях. «Брэдбери» стартовал с уровня моря с помощью собственных двигателей, в отличие от кораблей предыдущего типа, которые предварительно транспортировались специальными воздушными шарами на одну из вершин экваториальных Шпилей. Он представлял собой сферу и значительно превосходил размерами старые корабли.

Джейкоб впервые летел на галактическом корабле, созданном в результате миллиарда лет развития науки. В иллюминатор каюты первого класса он видел, как медленно удаляется Земля. Полуостров Калифорния превратился сначала в коричневую полоску, затем в узкую линию, вытянувшуюся вдоль материка. Зрелище было и захватывающим, и разочаровывающим одновременно. В путешествиях на ревущем реактивном лайнере или неторопливом и величавом прогулочном дирижабле романтики было куда больше. Джейкоб мог наблюдать за другими кораблями,

то деловито подплывавшими к Силовой станции, то исчезавшими во внутренней полости Шпиля.

Огромный Шпиль никогда не мог ему наскучить. Тонкие керамические стенки, удерживавшие двадцатимильную башню при нормальном атмосферном давлении, покрывала огромная роспись — гигантские птицы парили над панорамой космической битвы, навеянной фантастическими романами двадцатого века. Вблизи Шпиля Джейкобу дышалось как-то особенно легко и свободно.

И все же сейчас он был рад, что находится на борту «Брэдбери», а не старомодного лайнера. Когда-нибудь, поддавшись ностальгии, он, быть может, и посетит Шоколадный Шпиль на вершине горы Кения. Что же касается эквадорского Ванильного Шпиля, то Джейкоб от души надеялся, что никогда больше не увидит его.

Не имело никакого значения даже то, что от Ванильного Шпиля до Каракаса было рукой подать. Там его бы приветствовали как героя, спасителя шедевра человеческой мысли, сооружения, производящего впечатление на всех обитателей Галактики. Все это не имело никакого значения. Слишком велика была цена, которую он заплатил: жизнь Тани и часть его разума.

Когда Земля превратилась в небольшой голубой диск, Джейкоб решил поискать бар. Ему вдруг страстно захотелось оказаться среди людей, хотя когда он поднимался на борт «Брэдбери», то был очень далек от подобных настроений. На Земле ему пришлось выдержать немало неприятных минут, объясняясь с Глорией и своими друзьями из Центра Развития. Макой и та закатила грандиозную истерику. Но сейчас Джейкобу не терпелось услышать разговоры о его внезапном присоединении к экспедиции. Да и вообще ему нечем было заняться — материалы по физике Солнца, заказанные им перед стартом, еще не прибыли.

Джейкоб наугад брел по центральному коридору корабля, пока не обнаружил плохо освещенный и битком набитый бар. Чтобы добраться до стойки, пришлось протискиваться сквозь плотную толпу галдящих посетителей.

На крошечном пятачке перед стойкой собралось не меньше сорока человек. В основном это были рабочие, нанятые на Меркурий по контракту. Многие уже основательно набрались и теперь либо ожесточенно спорили, либо осоловело кивали, уставившись в одну точку. Для некоторых разлука с Землей оказалась нелегким

испытанием.

В углу, отделенные невысокой ширмой, на специальных подушках восседали несколько В.З. Один из них, синтианин с густой блестящей шерстью и темными очками на заросшем лице-морде, что-то оживленно говорил Кулле, чья большая голова согласно покачивалась. Кулла не без изящества посасывал соломинку, зажав ее меж страшноватых челюстей. В стакане, судя по всему, была водка.

Неподалеку от чужаков Джейкоб заметил нескольких человек, по наружности явных ксенофилов, ловивших каждое слово из беседы В.З. и, похоже, жаждавших самим пообщаться с чужаками.

Джейкоб хотел было пробраться в угол, где расположились Внеземные — синтианин мог оказаться его знакомым, — но плотная толпа, преградившая ему путь, заставила его отступить. Тогда он решил остаться у стойки, выпить и послушать разговоры. Вдруг кто-то и выдаст что-нибудь занятное.

Вскоре Джейкоб присоединился к группе, внимавшей красочно-неправдоподобному рассказу горного инженера о чудовищных авариях на меркурианских шахтах и спасателях-героях.

Джейкобу приходилось напрягаться, прислушиваясь к словам рассказчика. Он чувствовал, как головная боль подбирается все ближе и ближе. До этого момента ему без труда удавалось не обращать на нее никакого внимания, и он надеялся, что сможет до конца дослушать завиральную историю. Но тут чей-то палец с силой ткнулся ему под ребро. От неожиданной боли Джейкоб едва не подпрыгнул. Он обернулся.

— Демва! И вы здесь! — Пухлое лицо Ла Рока сияло, как начищенный медный таз. — Вот так удача! Мы опять путешествуем вместе! Теперь мне нечего бояться, что не с кем будет поболтать на досуге!

Ла Рок, облаченный в свободную блестящую хламиду, держал в руке трубку, которой и затягивался с важным видом.

Джейкоб попытался улыбнуться, но тут чей-то каблук с силой опустился ему на ногу. Улыбка вряд ли получилась особенно любезной.

— Здравствуйте, Ла Рок. Вы-то что здесь делаете? Зачем вам Меркурий? Я думал, что читателей вашей газеты больше интересуют истории о перуанских раскопках или...

— Или о найденных неопровержимых свидетельствах того, что наших любезных предков

вынянчили древние астронавты? — оборвал его Ла Рок. — Да, Демва, эти свидетельства могут оказаться столь убедительны, что даже самые яркие скептики-шкурники, заседающие в Ассамблее Конфедерации, должны будут признать ошибочность своих убеждений!

— Вы, как я погляжу, уже облачились в другое одеяние. — Джейкоб скептически оглядел серебристую хламиду Ла Рока.

— В последний день пребывания на Земле я решил надеть платье Общества фон Даникена в честь тех, кто дал нам силу и открыл перед нами просторы космоса! — провозгласил журналист и небрежным жестом поправил золотой медальон, болтавшийся у него на груди.

Джейкобу подумалось, что репортер переигрывает. Платье и золотое украшение, делавшие его похожим на женщину, резко контрастировали с грубоватыми манерами уроженца Франции. «Однако, — признал Джейкоб, — его наряд хорошо сочетается с невыносимо утрированным акцентом».

— Бросьте, Ла Рок, — улыбнулся он, — даже вы должны признать, что в космос мы отправились самостоятельно, а вовсе не наоборот.

— Не собираюсь ничего признавать! — взвизг-

нул репортер. — Когда мы докажем, что достойны наших опекунов, подаривших нам разум в далеком прошлом, когда они сами признают нас, тогда-то и выяснится, что все эти годы нам тайком продолжали помогать!

Джейкоб пожал плечами. В споре рубашечников и шкурников уже давно были исчерпаны все аргументы и предположения. Одна сторона настаивала на том, что люди должны гордиться положением уникальной саморазвившейся расы, получившей разум из рук самой Природы. Другие же без устали твердили, что гомо сапиенс, как и любая другая известная раса софонтов, является звеном в цепочке генетического и культурного развития, уводящей в глубины легендарного начала Галактики, к мифическим прародителям.

Многие, подобно Джейкобу, хранили в этом конфликте нейтралитет, но все человечество, так же как и его подопечные, с огромным интересом ждало разрешения этого вопроса. Археология и палеонтология с момента Контакта стали весьма актуальными науками.

Однако аргументы Ла Рока уже давным-давно зачерствели настолько, что их впору было грызть, как гренки. Джейкоб слегка поморщился: головная боль все усиливалась.

— Все это очень интересно, любезный Ла Рок, — отмахнулся он от журналиста и вновь попытался продраться сквозь толпу, — но, может, мы обсудим это в другой раз...

Но Ла Рок, похоже, еще не закончил.

— Да космос просто переполнен неандертальскими сантиментами. Люди на земных кораблях предпочитают щеголять в звериных шкурах и вести себя подобно обезьянам! Они отвергают наших старших братьев и с пренебрежением относятся к тем немногим разумным представителям своей расы, что исповедуют смирение!

С этими словами Ла Рок, просыпав пепел, ткнул своей трубкой в Джейкоба. Тот отпрянул, постаравшись сохранить остатки вежливости. Это ему не очень-то удалось.

— Ла Рок, мне кажется, вы зашли слишком далеко. Уж не имеете ли вы в виду астронавтов? Эмоциональная и политическая устойчивость — основные критерии, по которым производится отбор...

— Да что вы можете в этом смыслить! Может, вы шутите? Уж я-то кое-что знаю об «эмоциональной и политической устойчивости» астронавтов. Как-нибудь расскажу вам об этом. Рано или поздно план Конфедерации изолировать значительную

часть человечества от старших рас и их наследия всплывет наружу! Но скорее слишком поздно!

Ла Рок картинно затянулся и выпустил облако очищенного дыма в лицо Джейкобу. Джейкоб почувствовал легкое головокружение.

— Как бы там ни было, Ла Рок, со своим рассказом вам придется подождать до следующего раза.

Он повернулся и решительно втиснулся в толпу. Репортер нахмурился, затем широко улыбнулся и крикнул ему вслед:

— Да-да, я расскажу, обязательно расскажу! А пока вам лучше прилечь! Вид у вас неважный.

Джейкобу удалось добраться до одного из иллюминаторов. Он прижался лбом к стеклу. Холод чуть облегчил пульсирующую боль. Через несколько секунд Джейкоб открыл глаза. Земли уже не было видно, она затерялась в космической тьме среди сияний бесчисленных звезд. Наиболее яркие были окружены лучистым ореолом. Джейкоб прищурился. Зрелище очень напоминало ночное небо в пустыне, разве что звезды сияли немного ярче, а чернота казалась более глубокой. Но это были те же самые звезды и то же самое небо.

Джейкоб знал, что его ощущения должны быть

иными. Звезды из открытого космоса видятся более загадочными, более... «философскими», что ли. Он вспомнил звездные ночи, что обрушивались на него в детстве, ночи, поглощавшие его целиком. Те детские ощущения нисколько не напоминали состояние самогипноза. Скорее они походили на полузабытые сны об иной жизни.

Доктора Кеплера, Буббакуба и Фэгина он нашел в комнате отдыха. Кеплер приветливо взмахнул рукой.

Вся компания расположилась на подушках возле иллюминаторов. Буббакуб в мохнатой лапе-руке держал чашку с каким-то мерзким вонючим пойлом. Фэгин медленно переваливался на своих корнях вдоль стены.

Сплошной ряд иллюминаторов, тянущийся по всему периметру корабля, прерывался в комнате отдыха огромным, во всю стену, черным диском, на фут выступавшим из стены.

— Мы рады вашему решению лететь с нами, — дружески протявкал искусственный голос Буббакуба.

Чужак вальяжно развалился на подушке. Произнеся приветственную фразу, он, судя по всему, счел свой долг выполненным и погрузил морду в чашку, начисто забыв как о Джейкобе, так и обо

всех остальных. Джейкоб спросил себя, прилагает ли Буббакуб усилия, чтобы быть любезным, или же вежливость у него в крови.

Хотя про себя Джейкоб и именовал Буббакуба «он», но в действительности половая принадлежность чужака оставалась для него полнейшей загадкой. Буббакуб не носил никакой одежды, если не считать одеждой водор и небольшой мешочек на шее, но доступные глазу подробности его анатомического строения лишь еще больше запутывали дело. Например, Джейкоб выяснил, что пилы относятся к яйцекладущим и не выкармливают детенышей. У чужака от горла до промежности тянулся ряд неких пуговиц, весьма сходных с сосками. Сколько Джейкоб ни размышлял, чем бы это могло быть, в голову ему не приходило ни одной сколько-нибудь правдоподобной догадки. В справочниках по В.З. не упоминалось ни о чем подобном. Джейкоб заказал в Библиотеке более подробный обзор, а пока оставалось теряться в догадках.

Фэгин и Кеплер беседовали об истории солнечных кораблей. Голос Фэгина звучал приглушенно — верхушка его кроны и дыхательное отверстие почти касались звукопоглощающей панели потолка. Джейкоб надеялся, что его приятель

кантен не подвержен клаустрофобии. Но, честно говоря, в глубине души он сильно сомневался, способны ли овощи вообще бояться, ну разве что быть обгрызенными... Джейкоб уселся на одну из подушек, меланхолически размышляя о сексуальных понятиях расы, которой для занятий любовью требуется посредничество шмеля.

— Так, значит, великолепные достижения позволили вам без какого-либо участия извне послать свои приборы прямо в фотосферу?! — восторженно шелестел Фэгин. — Это весьма впечатляет! Странно, что я ничего не слышал об этом величайшем событии вашей доконтактной истории!

Кеплер просиял.

— Вы должны понять, что проект «батисферы» находился в самой начальной стадии. Когда разработали лазерные двигатели, стал возможен запуск автоматических аппаратов, способных зависать в одной точке, а появление высокотемпературных лазеров позволило разработать системы охлаждения для внутренних помещений корабля.

— Получается, вы находитесь всего в одном шаге от пилотируемой экспедиции?!

Кеплер грустно улыбнулся.

— Возможно. Уже появились подобные планы. Но отправка людей на Солнце и возвращение их сопряжены с куда более серьезными проблемами, чем тепло и гравитация! Эх, было бы здорово выяснить, смогли бы мы сами решить эту задачу! — Глаза Кеплера вспыхнули и тут же погасли. — Но планы у нас все-таки были.

— Да, но к тому времени «Везариус» обнаружил на Цигнусе корабли тимбрими, — заметил Джейкоб.

— Да, и теперь нам уже никогда не узнать, на что мы были бы способны. Я тогда был ребенком. Возможно, все сложилось к лучшему... Были бы потери, гибель людей... Без экранов, замедляющих время, нам не удалось бы этого избежать... А в основе проекта «Прыжок в Солнце» лежит именно управление временем. У меня нет причин о чем-либо сожалеть. — Лицо ученого вдруг помрачнело. — Я хотел сказать, не было до недавнего времени.

Кеплер замолчал, глаза его уставились в какую-то точку на полу. Джейкоб терпеливо подождал, затем негромко кашлянул и заговорил:

— Поскольку мы коснулись этой темы, я хочу заметить, что не обнаружил никаких упоминаний о Солнечных Призраках ни в сети данных, ни

даже в отчете, который получил на свой запрос в Библиотеку. А ведь у меня допуск 1-АВ. Нельзя ли взглянуть на ваши доклады на эту тему? Я хотел бы поближе познакомиться с проблемой за время полета.

Кеплер нервно глянул на Джейкоба.

— Мы не рассчитывали на то, что эти сведения покинут Меркурий, мистер Демва. У нашего открытия имеется политический аспект... Так что вам придется отложить знакомство с докладом до прибытия на базу. Уверен, там вы получите ответы на все ваши вопросы.

Его смущение выглядело столь искренним, что Джейкоб решил на время оставить эту тему. Но это был сигнал, и сигнал неприятный.

— Я мог бы взять на себя смелость кое-что добавить, — вмешался Фэгин. — Накануне нашей встречи, Джейкоб, состоялся еще один прыжок. И в тот раз наблюдались только первоначально обнаруженные и самые обычные соляриане, а вовсе не их другая разновидность, которая так тревожит доктора Кеплера.

После сумбурных объяснений Кеплера относительно двух типов обнаруженных солнечных существ в голове у Джейкоба воцарилась полная неразбериха.

— Как я понимаю, первый тип и является вашим травоядным?

— Не травоядным, — серьезно поправил Кеплер, — а магнитоядным. Они питаются энергией магнитного поля. По правде говоря, этот тип мы понимаем все лучше и лучше, однако...

— Одну минуту! — Верхушка кроны Фэгина беспокойно заколыхалась. — Питая искреннюю надежду, что мне простится мое недостойное вмешательство, я призываю к осторожности. Приближается посторонний. — Фэгин тревожно зашелестел.

Джейкоб обернулся, несколько потрясенный поведением Фэгина. Что могло заставить любезного кантена оборвать кого-то на полуслове?! Джейкоб почувствовал тревогу — похоже, он вступал в напряженную политическую игру, правила которой до сих пор ему неизвестны.

Он прислушался, но не смог уловить ничего подозрительного. С следующее мгновение на пороге возник Пьер Ла Рок собственной персоной. Лицо его раскраснелось еще больше прежнего. В руке он сжимал стакан. Когда он увидел Фэгина и Буббакуба, заготовленная улыбка стала еще шире. Репортер резво приблизился к компании и фамильярно хлопнул Джейкоба по спине, требуя

немедленно представить его присутствующим.

Джейкобу захотелось послать его ко всем чертям, но вместо этого он с любезной улыбкой стал выполнять неторопливый ритуал официального представления. Совершенно потрясенный Ла Рок склонился перед Буббакубом.

— Аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер! Демва, как называются две подопечные расы? Джелло и... Я счастлив лично познакомиться с софонтом, ведущим свое происхождение по линии Соро! О, я изучал язык ваших предков, которые, быть может, в один прекрасный день окажутся и нашими предками! Язык соро очень похож на протосемитский, а также на протобанту!

Ресницы вокруг глаз Буббакуба ощетинились. Из водора пила полилась путаная, неразборчивая речь. Затем челюсти чужака несколько раз быстро и резко щелкнули, послышалось пронзительное рычание.

Фэгин за спиной Джейкоба вдруг зачастил на щелкающе-урчащем языке. Буббакуб повернулся к кантену, глаза его пылали, из горла вырывалось высокое утробное рычание. Он резко махнул коротенькой лапкой в направлении Ла Рока. От раздавшейся в ответ трели кантона у Джейкоба по спине пробежал холодок.

Разъяренный Буббакуб вскочил со своих подушек и быстро вышел из комнаты. На людей он даже не взглянул.

Некоторое время в комнате висела напряженная тишина, молчал даже совершенно ошарашенный репортер. Через несколько секунд он повернулся к Джейкобу с самым жалким видом.

— Демва, что я сделал не так?

Джейкоб вздохнул.

— Быть может, ему не понравилось, что вы объявили его своим кузеном, дорогой Ла Рок.

Он повернулся к Кеплеру, собираясь переменить тему. Ученый теперь не отрывал взгляда от двери, минуту назад захлопнувшейся за разъяренным Буббакубом.

— Доктор Кеплер, если на борту нет соответствующих данных, то, быть может, вы могли бы предоставить мне какие-то основополагающие работы по физике Солнца, а также работы по предыстории проекта «Прыжок в Солнце»?

— С большим удовольствием, мистер Демва. — Кеплер устало кивнул. — Я пришлю их вам еще до обеда.

Казалось, его мысли блуждают где-то далеко-далеко.

— И мне! Мне эти документы тоже нужны!

— воскликнул пришедший в себя репортер. — У меня официальная аккредитация, и я требую всю информацию относительно того позора, что вы творите здесь, доктор Кеплер!

После секундного замешательства Джейкоб лишь пожал плечами. Надо отдать должное Ла Року — наглость легко можно выдать за решительность и непоколебимость.

Кеплер улыбнулся, словно не расслышал.

— Прошу прощения?

— Какое преступное тщеславие! Этот ваш хваленый «Прыжок в Солнце» сжирает огромнейшие суммы, которые могли бы пойти на освоение пустынь на Земле или на создание еще более великой Библиотеки! Какая наглая самонадеянность! Вы пытаетесь исследовать то, что было известно нашим старшим братьям еще тогда, когда мы не были даже обезьянами!

— Видите ли, сэр. Конфедерация финансирует наши исследования... — Кеплер густо покраснел.

— Исследования?! И вы называете это исследованиями?! Все эти знания давным-давно есть в Библиотеке. Вы позорите нас, выставляете все человечество на посмешище!

— Ла Рок... — начал Джейкоб, но репортера понесло:

— А что касается вашей Конфедерации! Какая гнусность! Запереть наших старших братьев в резервациях, словно вернулись времена американских индейцев! Простым людям недоступен филиал Библиотеки! И Конфедерация поддерживает этот абсурд, эту претензию на самопроизвольное зарождение разума! Над нами смеется вся Галактика!

Кеплер не устоял перед напором Ла Рока. Краска сошла с его лица, он начал заикаться:

— Я... Я не думаю...

— Ла Рок! Прекратите!

Джейкоб схватил репортера за плечо, резко развернул к себе и быстро прошептал:

— Не стоит позорить нас в присутствии почтенного кантена Фэгина.

Глаза журналиста расширились. Джейкоб услышал, как за спиной осуждающе зашелестела листва. Ла Рок мгновенно сник. Два недоразумения за столь короткое время — слишком много даже для журналиста. Промямлив извинения чужаку и бросив на прощание многозначительный взгляд на Кеплера, Ла Рок поспешно ретировался.

— Спасибо за спецэффекты, дружище Фэгин, — поблагодарил Джейкоб, когда за репортером

закрылась дверь.

Ответом ему был короткий нежный свист.

5. ПРЕЛОМЛЕНИЕ

С Земли Солнце виделось хотя и ослепительным, но благодатным шаром, воспринимаясь людьми как нечто само собой разумеющееся, на что и внимания-то тратить не стоит. С расстояния в сорок миллионов километров Солнце казалось адом, закованным в цепи. Опасное и жестокое, оно свирепо бурлило в черном провале космоса, простиралось на миллионы миль во все стороны, притягивая взгляд, маня полыхающим чревом. В какой-то момент свечение стало столь ярким, что на «Брэдбери» уже нельзя было обойтись без фильтров. «Взглянуть одним глазком» на этот пылающий ад означало попросту обречь себя на мгновенную слепоту. Капитан отдал приказ включить поляризационные защитные экраны. Обычные иллюминаторы задраили.

Открытым осталось лишь окно Лиота, через которое пассажиры могли любоваться «животворным светилом», не опасаясь за свое здоровье.

Как-то бессонной ночью, бредя к автомату с кофе, Джейкоб задержался у этого необычного

окна. Он еще не до конца стряхнул с себя остатки тревожного полузабытья и не слишком хорошо соображал. Несколько минут он тупо смотрел на Солнце, не вполне сознавая, что именно видит перед собой. Вдруг совсем рядом послышались знакомые шепелявые звуки. В голове Джейкоба несколько прояснилось.

— Вот так выглядит ваше Шолнце ш афелия орбиты Меркурия, Джейкоб.

Оказывается Кулла сидел поблизости, за одним из карточных столов. Джейкоб взглянул на часы, висевшие как раз над стулом чужака. Четыре тридцать. Сонный язык еще плохо повиновался ему.

— Что... мы уже так близко?

Кулла кивнул.

— Да.

Резцы чужака надежно скрывались за толстыми складчатыми губами. В огромных глазах плескалось красное сияние.

— До прибытия ошталошь два дня.

Длинные руки Куллы неподвижно покоились на столе, свободное одеяние крупными складками ниспадало с бесформенных плеч.

Джейкоб, слегка покачнувшись, повернулся к окну. Солнечный шар колыхался прямо перед

глазами.

— Ш вами вше в порядке? — В голосе прингла прозвучала тревога. Он привстал.

— Нет, нет, прошу вас! — Джейкоб остановил его легким взмахом руки. — Легкое головокружение, и только. Бессонница. Надо бы выпить кофе.

Он поплелся к автомату, но на полпути остановился и снова взглянул на пылающее Солнце.

— Красное! Оно красное! — В его хриплом голосе послышалось изумление.

— Ешли пожволите, я мог бы дать вам некоторые объяшнения, пока вы будете пить кофе.

— Да, пожалуйста.

Джейкоб повернулся к едва различимому в темноте ряду автоматов с напитками и бутербродами.

— Окно Лиота монохроматично, — начал Кулла. — Оно шоштоит из огромного чишла круглых плаштин, одни из которых поглощают швет, а другие полярижуют. Плаштины вращаютшя отношительно друг друга, что пожволяет наштроить окно на определенную длину волны. Это очень тонкое и ишкушное уштройштво, хотя и вешьма ущтаревшее по галактичешким штандартам... вроде тех швейцаршких чашов, что некоторые люди вше еще предпочитают другим.

Когда люди познакомятшя ш Библиотекой поближе, подобные вещи они очень шкоро начнут вошпринимать как архаижм.

Джейкоб наклонился, пытаясь разглядеть содержимое ближайшего автомата. Вроде бы кофе. За прозрачной дверцей угадывалась небольшая решетчатая площадка. Если он нажмет вот на эту правую кнопку, то на площадку опустится чашка, а затем по механической артерии в нее устремится струя горьковатого черного напитка. Джейкоб вздохнул почти сладострастно.

На голос Куллы, шуршавший у него в ушах, Джейкоб реагировал неопределенными вежливыми замечаниями.

— Да, да, я понимаю... Ах, вот как... Ясно...

Слева от него, на расстоянии протянутой руки, зажегся призывный зеленый огонек автомата. Повинуясь безотчетному порыву, Джейкоб нажал на светящуюся кнопку. Затуманенными глазами он следил за аппаратом. Ну же! Что-то зажужжало, затем щелкнуло. Вот и чашка! А теперь... Что за черт?! В чашку шлепнулась большая желто-зеленая таблетка. Он открыл дверцу и взял чашку в руки. Секундой позже на пустую решетку хлынула струя горячей жидкости.

Джейкоб с сомнением разглядывал таблетку в

чашке. Что бы это ни было, а на кофе непохоже. Левой ладонью он протер глаза. Затем с укором взглянул на злополучную кнопку. И только теперь рассмотрел над ней отчетливую надпись: «Синтез питания для В.З.» В прорези под кнопкой торчала пластиковая карточка. Джейкоб разобрал текст: «Прингл: диетическая добавка, кумарино-протеиновая смесь».

Он быстро взглянул на Куллу. Чужак продолжал свои объяснения, не отрывая взгляда от окна Лиота. Вот он взмахнул рукой в направлении Дантова полыхания.

— Это крашная альфа-линия водорода. Очень полежная шпектральная линия. Вмешто того, чтобы быть захлештнутыми огромным потоком бешпорядочного швета шо вшей поверхношти Шолнца, мы теперь видим только те облашти, где водород ижлучаетшя или поглощаетшя с интеншивностью, отличной от нормальной.

Длинным, гибким пальцем Кулла указал на неоднородную поверхность Солнца, состоявшую из красноватых пятен и изогнутых перьеобразных линий.

Джейкоб когда-то читал об этих перьях. «Перья» на самом деле были плазменными струями. Из космоса они виделись протуберанцами, которые

во время затмения люди наблюдают с тех пор, как был изобретен телескоп. Кулла, кажется, сейчас пытался объяснить, почему эти объекты наблюдаются не по краю Солнца, как обычно, а прямо по курсу.

Джейкоб задумался о другом. В течение всего полета Кулла избегал принимать пищу на виду у всех. Единственное, что он позволял себе публично, так это стакан пива или водки, который обычно и потягивал весь вечер. Хотя прингл и не распространялся на эту тему, Джейкоб решил, что стыдливость его объясняется культурными традициями расы, запрещавшими принимать пищу на публике. Но сейчас ему пришло в голову, что Кулла попросту стесняется своих давилок. «По всей видимости, я вломился сюда во время его завтрака, а он со своей патологической вежливостью не решился попросить меня оставить его одного».

Джейкоб взглянул на таблетку, быстро вытряхнул ее из чашки в руку. Сунул таблетку в карман, а чашку швырнул в мусорную корзину.

Еще раз окинув взглядом автомат, он заметил наконец кнопку, приветливо поблескивавшую надписью: «Черный кофе». Джейкоб уныло улыбнулся. Может, лучше обойтись без кофе, а

то ненароком обидишь Куллу. Хотя чужак и не выказывал никаких отрицательных эмоций. Он продолжал смотреть в окно.

Джейкоб подошел к нему. Чужак поднял глаза. Губы раздвинулись, и на мгновение сверкнула фарфоровая белизна.

— Вы уже не ишпытываете головокружения? — участливо осведомился чужак.

— Да, шпасибо, ох, простите, спасибо. И благодарю за объяснение. Я всегда считал Солнце довольно однородным объектом, не считая солнечных пятен и протуберанцев. Но, как я понял из вашего рассказа, в действительности Солнце — довольно сложная штука.

Кулла кивнул.

— В этом шпециалишт доктор Кеплер. Он вам вше лучше объяшнит, когда вы отправитешь ш нами шовершать прыжок.

Джейкоб вежливо улыбнулся. Как отлично вымуштрованы эти посланцы Галактики! Значил ли кивок Куллы что-нибудь для самого прингла? Или же его просто научили, как обращаться с людьми в той или иной ситуации?

Прыжок?! Отправитесь с нами совершать прыжок?

Джейкоб решил не уточнять. Не стоит торопить

события

Ему вдруг ужасно захотелось зевнуть. Но он тут же понял, что этого делать не стоит — кто знает, что означает подобный жест на родине прингла, — и подавил зевок.

— Что ж, пожалуй, мне стоит вернуться в постель и попытаться заснуть. Спасибо за интересную беседу, Кулла.

— Вшегда готов вам помочь, Джейкоб. Шпокойной ночи.

Едва Джейкоб рухнул в кровать, как тут же погрузился в глубокий сон.

6. ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ

Мягкий жемчужно-серый свет лился сквозь иллюминаторы на лица зрителей, наблюдавших за несущейся навстречу поверхностью Меркурия.

Почти все, кто был свободен от дел, собрались в гостиной, прилепившись к иллюминаторам, не в силах оторвать глаз от суровой красоты планеты. Разговаривали шепотом, в салоне витало какое-то торжественное благоговение. Вскоре и вовсе повисла тишина, нарушаемая лишь легким потрескиванием, происхождение которого Джейкоб не мог определить.

Поверхность Меркурия испещряли кратеры и длинные каньоны. Из-за отсутствия атмосферы на планете тени, отбрасываемые неровностями ландшафта, казались абсолютно черными, резко контрастируя с яркими серебристыми красками пейзажа, во многом напоминавшего лунный.

Во многом, но не во всем. Следы древних катаклизмов виднелись повсюду. От рваных шрамов тянулись глубоко трещины, испещрившие солнечную сторону планеты.

Протоны, рентгеновские лучи пробивали магнитосферу планеты, смешиваясь с ослепительным солнечным светом и рождая настоящую вакханалию излучений!

Планета походила на обитель неприкаянных душ. На Чистилище.

Джейкобу пришли на ум строки из древнего японского стихотворения, написанного еще до эпохи хайку.

Издавна слышал
я о дороге, которой
мы напоследок пойдем...
вчера иль сегодня — не думал...

— Вы что-то сказали?

Джейкоб пришел в себя и обернулся. Рядом

стоял Кеплер.

— Нет-нет, ничего. Тут на стуле не ваш пиджак?

Он передал доктору свернутый в подушку велюровый пиджак. Кеплер улыбнулся.

— Прошу прощения, но в жизни встречаются и весьма неромантические происшествия. Даже космическим странникам время от времени все-таки приходится принимать душ. Естественно, оставляя пиджак за дверью. А Буббакуб, видимо, не может устоять перед искушением. Всякий раз по возвращении из душа я обнаруживаю Буббакуба спящим на моем пиджаке. Когда вернемся на Землю, куплю ему такой же. Так о чем мы с вами говорили?

Джейкоб указал на мчащуюся на них снизу поверхность.

— Теперь я понимаю, почему Луну астронавты называют «спортивной площадкой». Здесь-то не порезвишься.

Кеплер кивнул.

— Да, но все-таки летать сюда гораздо лучше, чем работать над каким-нибудь тупым «прикладным» проектом на Земле!

Кеплер умолк, словно сдерживая едкие слова. Затем, как-то сразу сникнув, повернулся к иллю-

минатору и пустился в новые объяснения:

— Первые исследователи, Антониоди и Скиапарелли, назвали этот район Область Харит. А вон тот огромный старый кратер носит имя Гете.

Кеплер указал на темные нагромождения скал, отчетливо различимые на фоне слепящей равнины.

— Это окрестности северного полюса. Вот под теми скалами имеется сеть пещер, которые и позволили основать базу «Гермес».

Кеплер выглядел очень солидно. Разве что обвислый ус, то и дело попадавший ему в рот, несколько смазывал это впечатление, внося в облик ученого карикатурные черточки. Нервозность, постоянно им владевшая, сейчас словно бы отпустила его. «Влияние Меркурия!» — подумал Джейкоб.

Несколько раз в течение полета, когда разговор касался Библиотеки или Развития, на лице Кеплера появлялось странное выражение. Будто ему хотелось в чем-то открыться, но он никак не решался. Исполненный замешательства взгляд, растерянность жестов... Ученый словно боялся чьих-то упреков, страшился выдать свое мнение.

По некотором размышлении Джейкоб решил, что догадался о причине загадочного поведения

Кеплера. Глубокая религиозность! Веская причина для молчания. После Контакта в результате длительного противостояния рубашечников и шкурников религия оказалась буквально разорванной на две части.

Сторонники фон Даникена придерживались веры в некую высшую (но не всемогущую) расу, которая когда-то уже оказала влияние на человечество и может сделать это еще раз. Последователи неолитической этики считали, что божественным началом является сам человек.

Само существование тысяч бороздящих космос рас, среди которых не было ни одной, исповедовавшей хоть что-то отдаленно напоминавшее земную религию, нанесло непоправимый ущерб земной идее всемогущего антропоморфного Бога.

Большинство последователей оформленных новых вероучений либо примыкали кто к рубашечникам, кто к шкурникам, либо ударялись в философский теизм. Основная же масса верующих по-старому давно уже старалась затаиться, не выделяться во всеобщем гвалте.

Джейкоб часто спрашивал себя, не ждут ли они знамения.

Но для современного общества настоящий по-

зор в том, что человек вынужден скрывать свои взгляды! Было бы любопытно узнать мнение Кеплера на этот счет. Но Джейкоб и не пытался расспрашивать ученого, уважая его нежелание касаться подобных вопросов.

С профессиональной же точки зрения Джейкоба интересовало, каким образом подобное отстранение от остального мира повлияло на психическое состояние Кеплера. Ученый испытывал нечто большее, чем обычные философские затруднения, и это нечто не могло не наложить отпечатка на его психику. Не случайно рядом с Кеплером постоянно находилась доктор Мартин, то и дело подсовывая ему какие-то таблетки.

Джейкоб заметил, как к нему возвращаются его старые привычки, подзабытые за спокойные месяцы, проведенные в Центре Развития. Любопытство, например. Ему вдруг захотелось узнать, что за лекарства принимает доктор Кеплер и в чем заключается настоящая работа доктора Мартин.

Милдред Мартин все еще оставалась для него совершенно загадочной фигурой. За время полета ему ни разу не удалось проникнуть сквозь броню ее отстраненного дружелюбия. Ее насмешливая снисходительность явно была наигранной, как,

впрочем, и нескрываемое доверие доктора Кеплера. Джейкоб мог сказать лишь одно: мысли этой худощавой привлекательной женщины явно были заняты чем-то далеким от окружающего.

Он взглянул на Мартин, сидевшую рядом с Ла Роком. Странная парочка была полностью поглощена беседой. Мартин увлеченно рассказывала о своих исследованиях о влиянии цвета и интенсивных излучений на психосоматическое поведение. Джейкоб уже слышал об этом на встрече в Энсенаде. Присоединившись к экспедиции, доктор Мартин первым делом максимально изолировала участников проекта «Прыжок в Солнце» от психогенного воздействия окружающей среды, дабы убедиться в том, что неразгаданные «явления» — всего лишь изощренные галлюцинации, вызванные состоянием стресса.

Ее дружба с Ла Роком за время полета, похоже, окрепла. Она охотно слушала разглагольствования репортера о сгинувших цивилизациях и древних пришельцах, посетивших Землю в незапамятные времена. Ла Рок, воодушевленный ее вниманием, пустил в ход все свое красноречие, по части которого был большой мастер. Порой их беседы в общей гостиной собирали толпы

слушателей.

Джейкоб по-прежнему чувствовал себя неловко с Ла Роком. Он предпочитал общество более прямолинейных существ, например, Куллы. Этот чужак определенно начинал ему нравиться, несмотря на устрашающие зубы и зловещего цвета глаза. Как выяснилось, вкусы прингла во многом совпадали с его собственными. Кулла изливал на Джейкоба поток бесхитростных вопросов о Земле и ее обитателях. Его вопросы крутились в основном вокруг одной темы — отношения людей к своим подопечным. Когда же он узнал, что Джейкоб сам принимал активное участие в проектах развития шимпанзе, дельфинов, а с недавних пор собак и горилл, то его уважение к землянину возросло безмерно. Кулла никогда не отзывался о технике людей как об архаичной, хотя ни для кого не было секретом, что земные технологии — уникальный реликт, чудом сохранившийся в Галактике. Но, в конце концов, ни одна раса не достигла всего, что имеет, сама, без посторонней помощи, начав с нуля. И в Библиотеке этот факт был прекрасно известен. Кулла с энтузиазмом рассуждал о пользе, которую может принести Библиотека его новым друзьям — людям и шимпанзе.

Как-то раз чужак увязался за Джейкобом в гимнастический зал, где с нескрываемым интересом, так и светившимся в гигантских блюдцах его красных глаз, следил за тем, как Джейкоб изводит себя марафонской дистанцией. К тому же Джейкоб смог убедиться, что чужак охотно откликается на грубоватый юмор. Должно быть, сексуальные нравы принглов не слишком разнились от человеческих. Именно обмен непристойными шутками в большей степени, чем что-либо еще, помог Джейкобу осознать, как далеко занесло этого долговязого представителя цивилизации принглов от родного дома. Ему было бы интересно узнать, так же одиноко Кулле, как на его месте было бы одиноко человеку?

А во время бурной дискуссии, какой сорт пива — «Туборг» или же «L-5» — лучше, Джейкоб поймал себя на впечатлении, что перед ним не В.З., а хорошо воспитанный человек со странным дефектом речи.

Но все встало на свои места, когда совершенно внезапно между ними раскрылась непреодолимая пропасть.

Джейкоб рассказывал Кулле о классовой борьбе, сотрясавшей Землю в прежние времена. Но чужак, похоже, не понимал ни слова. Джейкоб

хотел проиллюстрировать суть китайской поговоркой: «Крестьянин всегда вешается у дверей своего хозяина». Внезапно глаза чужака полыхнули красным огнем, послышалось возбужденное поскрипывание гигантских зубов. Джейкоб изумленно взглянул на своего нового приятеля и поспешил сменить тему.

Кулла примостился у иллюминатора рядом со своим опекуном Буббакубом. На фоне возбужденной толпы оба поражали полной невозмутимостью.

Кеплер легко похлопал Джейкоба по руке, привлекая его внимание к собственному иллюминатору.

— Капитан вот-вот включит замедляющие экраны, и скорость потока пространства-времени начнет падать. При этом возникает очень интересный эффект. Не пропустите!

— Кажется, корабль в этот момент как бы заставляет скользить мимо материю космоса, уподобляясь доске на гребне волны, скользящей к берегу.

— Нет, мистер Демва, это распространенная ошибка. Космический серфинг — лишь красивая метафора, используемая популяризаторами. Когда я говорю о пространстве-времени, я имею

в виду вовсе не материю. Пространство и время не являются веществом. По мере приближения к планетарной сингулярности — то есть искривлению пространства, создаваемому планетой — мы должны приспосабливаться к изменению набора параметров для измерения пространства-времени. Природа словно хочет, чтобы, приближаясь к массивному телу, мы постепенно меняли длину своих линеек и ход своих часов.

— И, как я понимаю, капитан управляет кораблем при приближении таким образом, чтобы это изменение протекало медленно и незаметно?

— Совершенно верно! В прежние времена процесс посадки, конечно же, носил куда более резкий характер. Приспособление к новой пространственно-временной масштабности либо происходило при непрерывном торможении корабля с помощью реактивных двигателей, либо он попросту врезался в поверхность планеты, мгновенно попадая в новую систему измерений. Теперь же мы свертываем пространство-время подобно старому ковру. Ох, — Кеплер тихо рассмеялся, — опять меня занесло на «материальную» аналогию. — Он помолчал, затем продолжил: — Один из побочных продуктов этого процесса — получение нейтрония в промышленных мас-

штабах. Но основная цель все же — безопасная посадка.

— Так что же мы увидим, когда пространство начнут запихивать в мешок?

Кеплер показал на иллюминатор.

— Смотрите, уже началось.

За окном исчезали звезды: яркие точки, в изобилии разбросанные по черному бархату, медленно тускнели. Вскоре их осталось совсем немного — туманные пятнышки цвета охры на фоне абсолютного мрака.

Планета тоже изменилась. Свет, отраженный от поверхности Меркурия, потерял резкость. Жар ослаб. Сама поверхность, потеряв былую ослепительность, сильно потемнела.

Кроме того, она стала ближе. Медленно, но совершенно явно горизонт терял кривизну. Объекты на Меркурии, прежде едва различимые, становились по мере приближения «Брэдбери» все более и более отчетливыми. Внутри огромных метеоритных кратеров обнаружились кратеры поменьше, идеально круглой формы.

Вот линия горизонта совсем скрылась за горной грядой, и Джейкоб уже не мог определить расстояние. Снижение продолжалось, но картина поверхности больше не менялась. На какой мы

высоте? Что там внизу, гора или выбоина? Или же через секунду-другую мы коснемся абсолютно ровной поверхности? Неизвестно.

Он чувствовал, что корабль вот-вот сядет. Серые тени и ярко-оранжевые скалы мелькали так близко, что, казалось, их можно коснуться рукой. Джейкоб ждал — еще секунда, и корабль замрет в неподвижности. Каково же было его изумление, когда вдруг прямо по курсу возникла огромная черная дыра и в мгновение поглотила «Брэдбери».

Пока шла подготовка к высадке, Джейкоб пытался прийти в себя. Его потрясли не столько неожиданные впечатления, сколько собственная реакция на них. В тот момент, когда «Брэдбери» нырнул в провал, ведущий к базе, Джейкоб, вцепившись в рукав пиджака Кеплера, внезапно впал в легкий гипнотический транс. И в следующую секунду он проделал то, во что сейчас никак не мог поверить. Его рука, словно живущая своей собственной жизнью, умело и хладнокровно обшарила карманы Кеплера, конфисковав по таблетке из каждого пузырька и не оставив при этом ни одного годного для идентификации отпечатка.

Теперь награбленное имущество покоилось в

боковом кармане куртки Джейкоба.

Он прикрыл глаза. Началось! Он стиснул зубы, чтобы не застонать от отчаяния.

На этот раз я справлюсь! Я обязан с этим справиться сам! Мне не нужна твоя помощь, проклятый двойник! Мне надоело расщепляться и снова обретать целостность! Я хочу быть самим собой и только! Он с силой ударил костяшками пальцев по твердой поверхности подлокотника, чтобы унять в руке зуд удовлетворения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Переходная область между короной и фотосферой во время затмения имеет вид ярко-красного кольца вокруг Солнца и потому называется хромосферой. При более внимательном исследовании хромосферы становится ясным, что она представляет собой не однородный слой, а быстро меняющуюся нитевидную структуру. Для ее описания используется термин «горящая прерия». Многочисленные короткоживущие струи, именуемые «спикулами», непрерывно выстреливают на высоту в несколько тысяч километров.

Красный цвет является следствием преобладания в спектре излучения альфа-линии водорода. Вопросов, связанных с пониманием того, что происходит в столь сложной области, великое множество...

Гарольд Зирин

7. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Доктор Мартин вышла из своей комнаты и, нырнув в один из коммуникационных туннелей, направилась к отсеку с микроклиматом для В.З. «Столь извилистый путь, — объяснила она себе, — не скрытность, а обычная осторожность». Вдоль шершавых темных стен тянулись трубы и кабели связи. На каменной поверхности блестела роса, пахло сыростью. Шаги гулко отдавались под каменными сводами.

Доктор Мартин подошла к герметичной двери, тускло освещенной зеленой сигнальной лампой — черный ход в одно из жилищ для чужаков. Она нажала на кнопку, дверь медленно отъехала в сторону.

В лицо хлынул поток яркого, режущего глаза зеленого света. Прикрываясь рукой, Мартин достала из сумки защитные очки.

На стене напротив двери висел гобелен ручной работы: висячие сады и город чужаков, прилепившийся к краю обрыва. Казалось, гобелен отделен от зрителя сверкающей стеной водопада. Мартин словно бы услышала пронзительную музыку чужой планеты. Она с трудом, учащенно

дыша, отвела взгляд от гобелена. Необъяснимое возбуждение внезапно охватило ее.

Буббакуб неторопливо поднялся с мягких подушек, в изобилии разбросанных по комнате. Переваливаясь на коротких ножках, он подошел к Мартин. Его серая шерсть поблескивала. В ирреальном для земного глаза свете и в условиях полуторного земного притяжения Буббакуб уже не казался милым безобидным медвежонком. Теперь доктор Мартин чувствовала, как от коренастой кривоногой фигуры исходят сила и какая-то скрытая угроза.

Губы чужака зашевелились, спустя мгновение из висящего на груди водора полилась странная округло-звучная речь. Слова у Буббакуба выходили какими-то короткими, обрубленными, словно отделенными друг от друга.

— Хорошо. Вы пришли. Рад.

Возбуждение доктора Мартин вдруг спало. Представитель Библиотеки, похоже, был настроен вполне доброжелательно.

— Приветствую вас, пил Буббакуб. Я пришла спросить, нет ли каких-либо сведений из филиала Библиотеки.

Буббакуб открыл рот, обнажились тонкие острые зубы.

— Входите. Садитесь. Хорошо, что спросили. Есть новые данные. Входите. Угощайтесь.

Доктор Мартин переступила порог, лицо ее исказилось — пересечение границы гравитационного поля всегда вызывало крайне неприятные ощущения. Теперь ей казалось, что она весит не меньше семидесяти килограммов.

— Спасибо. Я только что пообедала. Я присяду.

Она углядела стул, предназначенный для гостей-людей, и осторожно села. Семьдесят килограммов это все же слишком!

Пил небрежно развалился на подушках напротив нее. Его медвежья голова оказалась ниже ее колен. Она чувствовала на себе пристальный, изучающий взгляд маленьких черных глаз.

— Я связался с Ла-Пасом. Сведений о Солнечных Призраках нет. Совсем ничего. Возможно, они фигурируют под другим именем. Возможно, земной филиал слишком мал. Я всегда говорил об этом. Кое-кто из официальных лиц на Земле может из-за отсутствия данных о Солнечных Призраках в филиале Библиотеки сделать далеко идущие выводы.

Мартин осторожно пожала плечами.

— Меня это не волнует. Этот факт лишний раз подтвердит, как мало внимания уделяется у нас

развитию Библиотеки. Более крупный филиал, за который выступает моя группа, безусловно, смог бы нам помочь.

— Я сделал запрос по сквозьвременной связи. В Главном Отделении подобных недоразумений возникнуть не может.

— Хорошо, — кивнула доктор Мартин. — Однако меня тревожит Дуэйн. Он постоянно твердит о каких-то полубезумных идеях. О контакте с Призраками. Боюсь, если он станет упорствовать, возникнет серьезная опасность. Мы можем так сильно обидеть пси-существа, что не хватит всей мудрости Библиотеки, чтобы загладить эту оплошность. А ведь Земле жизненно необходимо поддерживать добрые отношения со своими ближайшими соседями!

Буббакуб поудобнее пристроил лохматую голову на подушке.

— Вы прилагаете усилия для того, чтобы остановить доктора Кеплера?

— Разумеется, — натянуто ответила Мартин. — Меня, честно говоря, очень беспокоит, что он всякий раз уклоняется от проверки на поднадзорность. У Дуэйна в голове жуткий хаос, но, думаю, его коэффициент все-таки находится в пределах нормы. Он ведь прошел на Земле

психологический тест. Полагаю, сейчас мне удалось стабилизировать состояние. Но я так и не разобралась, в чем же кроются причины нестабильности. Частая маниакально-депрессивная смена настроения напоминает помешательство, характерное для конца двадцатого и начала двадцать первого века, когда общество чуть не погибло в результате психического воздействия окружающего шума. Эпидемия безумия, охватившая человечество, почти полностью разрушила индустриальную культуру именно тогда, когда эта культура находилась в самом расцвете. Это же безумие привело к эпохе репрессий, которая сейчас стыдливо именуется «эпохой Бюрократии».

— Да. Я читал о том, что вы чуть не довели себя до самоубийства. Мне кажется, последовавший за этим период, о котором вы упомянули, был эпохой порядка и спокойствия. Но меня это не касается. Вам очень повезло, что даже в самоубийствах вы ничего не смыслите. Но не будем отвлекаться. Что с Кеплером? — В монотонном голосе водора не было и следа вопросительных интонаций, и изменившееся лицо чужака не оставляло в этом никаких сомнений.

У Мартин по спине пробежал холодок. Ну и высокомерие! И его считают абсолютно без-

обидным?! Неужели люди совсем слепы и не видят, что одно лишь присутствие на Земле этого существа таит в себе огромную угрозу для ее обитателей? Она очень надеялась, что ее лицо осталось невозмутимым. Маленький человекоподобный медведь, такой милый и забавный! Ей стало зябко. Неужели только несколько человек в Ассамблее Конфедерации сумели распознать за этой симпатичной наружностью настоящего демона, прибывшего на Землю из открытого космоса с одной лишь целью — прижать людей к ногтю? И именно ей предстоит ублажить этого демона, найти ключ к его душе, если таковая, конечно же, имеется, и попытаться нащупать разумный способ установления контакта с Солнечными Призраками. Да еще Дуэйн с его неосторожными разглагольствованиями. Ифни, помоги своей сестре!

Она взяла себя в руки. Буббакуб все еще ждал ответа.

— Ну, я знаю, что доктор Кеплер полон готовности решить проблему Солнечных Призраков без помощи Внеземных. Кое-кто из его сотрудников настроен весьма радикально. Не будет преувеличением, если я скажу, что некоторые из них являются убежденными шкурниками. Но на этот

раз их гордость зашла слишком далеко.

— Вы можете удержать Кеплера от опрометчивых поступков? — монотонно вопросил Буббакуб. — Он очень непоследователен.

— Вы имеете в виду привлечение в экспедицию Фэгина и его друга Демву? Они совершенно безобидны. Опыт Джейкоба Демвы в общении с дельфинами, вполне возможно, пригодится, но очень нескоро. А Фэгин имеет огромную практику установления контактов. Все дело в том, что Дуэйну необходим человек, на которого он мог бы выплескивать свои параноидальные фантазии. Я думаю, мне удастся уговорить Демву проявлять побольше сочувствия к бредням Дуэйна.

Буббакуб приподнялся и посмотрел Мартин прямо в глаза.

— Эти двое меня абсолютно не волнуют. Фэгин — ленивый романтик, а Демва выглядит полным дураком. Как, впрочем, и все друзья Фэгина. Меня беспокоят другие. Когда я летел сюда, я не знал, что среди сотрудников есть шимпанзе. Именно он, а также журналист — основной источник неприятностей. От репортера слишком много шума. А шимпанзе так и вертится около Куллы, пытаясь «освободить»...

— Кулла проявил непослушание? Я полагала,

что его отношения с вами...

Буббакуб с резким шипением вскочил на ноги. Острые белые зубы сверкнули в угрожающем оскале.

— Не перебивай, человек!

Впервые в жизни доктор Мартин услышала настоящий голос Буббакуба: пронзительный визг перекрыл бормотание водора. У нее заложило уши. Какое-то время она пребывала в полном ошеломлении. Но вот фигура чужака обмякла, поднявшаяся дыбом шерсть улеглась.

— Прошу прощения, человек Мартин. Мне не следовало так распаляться из-за столь незначительного нарушения этики представителем младенческой расы.

Мартин перевела дух, стараясь не выдать свой испуг слишком уж явственно.

Буббакуб снова опустился на подушки.

— Я отвечу на ваш вопрос. Нет, Кулла не вышел за рамки дозволенного. Он не знает, что согласно праву опеки его раса еще в течение длительного времени будет находиться в подчинении у моей. Потому-то и плохо, что этот доктор Джеффри твердит ему о правах и обязанностях. Вы, люди, должны призвать к порядку своих подопечных, ибо только по милости старших рас их вообще

стали называть подопечными софонтами. А если бы они не получили статус софонтов, то каково было бы ваше положение, человек?

Снова сверкнули острые клыки. У Мартин пересохло в горле. Облизав губы, она заговорила, стараясь тщательно подбирать слова:

— Я прошу простить меня, если я вас чем-то обидела, пил Буббакуб. Я поговорю с Дуэйном, и, быть может, он сумеет повлиять на Джеффри.

— Журналист?

— С Пьером я поговорю сама. Уверена, он не хотел причинять никакого вреда. Он больше не станет досаждать вам.

— Хорошо. — Искусственный голос Буббакуба был абсолютно безразличен.

Чужак уютно свернулся на подушках. Казалось, еще мгновение, и он замурлычет.

— У нас общие цели. Я надеюсь, мы сумеем наладить деловые отношения. Но знайте, пути достижения этих целей могут разойтись. Прошу вас сделать все возможное для нашего взаимопонимания. В противном случае я буду вынужден, как вы выражаетесь, убить одним выстрелом двух зайцев.

Доктор Мартин вяло кивнула.

8. ОТРАЖЕНИЕ

Ла Рок болтал, не умолкая ни на секунду. Джейкоб его не слушал. Журналист смертельно надоел ему нескончаемыми разглагольствованиями. Но сейчас Ла Рок перенес основной огонь на беднягу Фэгина в надежде произвести на того как можно лучшее впечатление. Джейкоб усмехнулся про себя, не перебирает ли он со своими человеческими эмоциями, жалея В.З. за необходимость выслушивать идиотскую болтовню?

Джейкоб, Фэгин и Ла Рок мчались в маленьком автомобиле по нескончаемому туннелю. Автомобиль непрерывно швыряло из стороны в сторону, пассажиров нещадно трясло. Узловатыми корневищами Фэгин вцепился в скобу у пола машины, люди держались за поручень под потолком.

Джейкоб прислушался. Ла Рок продолжал разглагольствовать на тему человеческих опекунов, начатую им еще на борту «Брэдбери». Репортер с жаром, достойным лучшего применения, уверял беднягу Фэгина, что мифические опекуны, сотни тысяч лет назад взявшиеся за развитые человека, обязательно должны быть связаны с Солнцем. Ла Рок в который раз повторял, что, возможно,

Солнечные Призраки и есть опекуны.

— Возьмите любую земную религию. Каждая так или иначе считает Солнце священным! Эта черта объединяет все культуры. Абсолютно все!

Ла Рок отпустил поручень и широко развел руками, стремясь подчеркнуть, насколько всеобъемлющей является эта идея, и чуть не упал. Нисколько не смутившись, репортер продолжил:

— Эта гипотеза вовсе не так уж и фантастична, она прекрасно объясняет, почему Библиотека никак не может обнаружить следы наших предков. Безусловно, расы солнечного типа были известны и раньше. Потому-то подобные исследования совершенно бессмысленны. Странно, что никому не пришло в голову связать между собой эти два вопроса! Ведь это же так очевидно!

Джейкоб вздохнул. Вся трудность состояла в том, что эту теорию чертовски трудно было опровергнуть. Безусловно, многие примитивные цивилизации на Земле исповедовали культ Солнца. Солнце служило им источником тепла, света и жизни, обладало чудодейственной силой! Должно быть, солнцепоклонничество было общим этапом в развитии всех примитивных народов.

Но в том-то и крылась проблема. В Галактике

практически не было «примитивных народов», с опытом которых можно было бы сравнить опыт человечества. Животных, охотников-собирателей доразумного типа и, наконец, софонтов имелось предостаточно. Но промежуточных случаев, когда опекуны покинули бы своих подопечных, подарив им разум, но не обучив их, как пользоваться столь щедрым подарком, история Галактики почти не знала.

В тех же редчайших случаях, когда опекуны бросали своих детей, обретший силу разум стремительно вырывался из экологической ниши; возникали странные, непоследовательные культуры с причудливыми причинно-следственными связями, культуры, основанные на предрассудках и фантастических мифах. Без направляющей руки опекунов такие расы дичали и, как правило, вскоре погибали. Настороженное отношение к человечеству в большой степени было вызвано его уникальностью: лишенное опеки, оно продолжало жить и вполне успешно развиваться.

Отсутствие рас со сходным опытом не позволяло провести хоть какой-нибудь сравнительный анализ, что, в свою очередь, создавало благоприятную почву для появления равновероятных и трудноопровержимых теорий. Поскольку в

фондах земного филиала не нашлось даже упоминания о столь широко распространенном на Земле культе Солнца, Ла Рок с легкостью мог рассуждать о том, что солнцепоклонническое прошлое человечества — всего лишь память о незавершенном развитии, память об опекунах Земли.

Джейкоб, решив, что ничего нового репортер больше не скажет, снова погрузился в размышления.

С момента посадки минуло два долгих дня. Нужно было приспособиться к гравитационным колебаниям при переходе с базы, где притяжение регулировалось, на открытую поверхность Меркурия. Джейкоба представили персоналу базы, довольно многочисленному. Большинство имен он тут же забыл. Затем один из сотрудников показал ему его новое жилище.

Главврач базы «Гермес», оказалось, был шишкой в проекте по развитию дельфинов. Он ужасно обрадовался Джейкобу и принялся вываливать на него груды ненужной информации. С восторгом говорил о Кеплере, хотя и признался, что не всегда понимает руководителя солнечного проекта. Не слушая никаких возражений, потащил Джейкоба на вечеринку, где каждый счел своим

долгом засыпать его расспросами о Макой. Между тостами, разумеется. К счастью, последнее обстоятельство заметно снизило уровень досужего любопытства.

Автомобиль остановился, раздвинулись двери входа в огромную подземную пещеру, служившую ангаром для солнечных кораблей. На какое-то мгновение Джейкобу почудилось, что с пространством опять творится что-то неладное. Казалось, каждый предмет вдруг обрел двойника, а ближайшая к Джейкобу стена пещеры как-то странно изогнулась. Прямо напротив себя Джейкоб увидел ветвистого чужака двух с половиной метров роста, маленького неприятного толстяка с багровым лицом и смуглого человека, смотревшего на него с самым идиотским выражением лица.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейкоб осознал, что смотрится в обшивку солнечного корабля, представлявшую собой самое совершенное сферическое зеркало в Солнечной системе. А недоумевающий тип, накануне, похоже, изрядно перебравший, — это он собственной персоной.

Сферический звездолет, имевший двадцать метров в диаметре, столь хорошо отражал свет, что его форма угадывалась с большим трудом.

Лишь отражения искаженных форм внешнего мира от оболочки корабля позволяли реально обнаруживать его.

— Довольно смешно, — нехотя признал Ла Рок. — Чудесный, превосходный, обманчивый кристалл.

Репортер извлек из кармана мини-камеру и самозабвенно принялся снимать.

— Очень впечатляюще, — добавил Фэгин.

«Да, — подумалось Джейкобу, — действительно впечатляет. Зеркальный дом».

Но каким бы огромным ни был корабль, гигантские размеры пещеры скрадывали его величину. Необработанный каменный потолок дугой выгнулся над головой, теряясь в тумане испарений. В том месте, где они находились, пещера была довольно узкой, но можно было видеть, что она уходит вправо по меньшей мере на километр, исчезая за поворотом.

Они стояли на платформе, находившейся на уровне экватора корабля. Люди, толпившиеся у нижней точки серебристой сферы, отсюда казались карликами.

В двухстах футах слева в пещере имелась пара массивных, герметически закрывающихся дверей шириной не менее ста пятидесяти футов

каждая. Джейкоб предположил, что это — часть шлюза, за которым скрывается туннель, ведущий к враждебной поверхности Меркурия. В огромных пещерах этого туннеля покоятся гигантские межпланетные корабли, подобные «Брэдбери».

С платформы вниз вел металлический трап. Внизу Кеплер разговаривал с людьми в комбинезонах. Неподалеку в компании хорошо одетого шимпанзе стоял Кулла. Шимпанзе, взобравшийся на стул, чтобы быть одного роста с чужаком, самозабвенно играл с собственным моноклем. Подопечный человека подпрыгивал на согнутых ногах, едва не ломая стул. Прингл наблюдал за ним с тем выражением, которое Джейкоб, уже отчасти научившийся распознавать душевное состояние Куллы, обозначил как дружеское участие. Но в позе Куллы он увидел и что-то новое: не было той напряженности, которая никогда не оставляла его при общении с людьми, кантонами, синтианами и тем более пилами.

Платформа опустилась. Кеплер, поклонившись Фэгину, обратился к Джейкобу:

— Рад, что нашли время осмотреть корабль, мистер Демба. — Твердость рукопожатия ученого приятно удивила Джейкоба.

Кеплер подозвал к себе шимпанзе.

— Познакомьтесь, это доктор Джеффри, первый представитель вида шимпанзе, ставший полноправным исследователем космоса, и, надо сказать, прекрасным исследователем. Сейчас мы приступим к осмотру именно его корабля.

Джеффри улыбнулся кривой обескураживающей улыбкой, характерной для сверхшимпанзе. Два века генной инженерии изменили форму черепа и таза, приблизив их к человеческим. Да и вообще Джеффри походил скорее на маленького смуглого человека, изрядно заросшего волосами, с непомерно длинными руками и огромными выступающими вперед зубами, чем на представителя отряда человекообразных обезьян.

Еще один результат генной инженерии выявился, когда Джейкоб пожимал шимпанзе руку. Большой палец, далеко отстоявший от всех остальных, с силой надавил на ладонь, словно напоминая, что без вмешательства человека здесь не обошлось.

На груди у шимпанзе висел не водор, как у Буббакуба, а небольшой экран с кнопками по краям. Джеффри нагнул голову и начал перебирать клавиши. На экране загорелись буквы:

РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ВАМИ. ДОКТОР

КЕПЛЕР ГОВОРИЛ МНЕ О ВАС КАК О ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ.

Джейкоб рассмеялся.

— Большое спасибо, Джефф. Стараюсь быть таким, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом мои чудесные качества могут здесь пригодиться.

Джеффри пронзительно рассмеялся и воскликнул:

— Вы скоро поймете!

Слова походили скорее на воронье карканье, чем на человеческую речь, но тем не менее Джейкоб был поражен. Для этого поколения шимпанзе речь все еще являлась крайне болезненным процессом, хотя Джеффри говорил вполне отчетливо.

— Вскоре после окончания осмотра доктор Джеффри отправится на этом корабле в очередной прыжок, — вступил в беседу подошедший к ним Кеплер. — Сразу после возвращения разведывательного корабля командира де Сильвы. Она просила меня извиниться перед всеми за то, что не смогла встретить «Брэдбери». Когда мы соберемся на совещание, Джефф скорее всего уже отправится в полет. Первые сообщения от него поступят завтра днем, сразу после совещания.

Кеплер покрутил головой.

— Я никого не забыл представить? Джефф, я знаю, что вы уже встречались с кантеном Фэгином. Пил Буббакуб, похоже, отклонил наше приглашение. А с мистером Ла Роком вы знакомы?

Шимпанзе поджал губы. Весь его вид свидетельствовал о крайней степени отвращения. Он тихо заворчал и уставился в зеркальную поверхность корабля.

Ла Рок побагровел от замешательства и гнева.

Джейкоб с трудом подавил смешок. Неудивительно, что у сверхшимпанзе репутация забияк! Оказывается, нашелся кто-то еще, у кого такта не больше, чем у Ла Рока. О вчерашней стычке в столовой между этими двумя уже ходили легенды. Джейкоб от души пожалел, что не видел уникального зрелища.

Кулла положил на плечо Джеффри тонкую хрупкую ладонь.

— Пойдем, дружище. Давай покажем миштеру Демве и его дружьям твой корабль.

Шимпанзе свирепо глянул на Ла Рока, затем перевел взгляд на Куллу и Джейкоба и тут же расплылся в широкой добродушной улыбке. Он схватил их за руки и потянул ко входу в корабль.

Вся компания вскоре оказалась на верхней площадке трапа у короткого мостика, перекинутого внутрь зеркального шара. Какое-то время глаза Джейкоба привыкали к темноте. Он смог разглядеть плоскую палубу, словно парившую в воздухе, — круглый диск из темного упругого материала. Единственным нарушением идеально плоской поверхности были несколько кресел, предназначенных для пассажиров. Часть из них была оборудована небольшими приборными панелями. В самом центре выделялся шарообразный купол метров семь в диаметре.

Кеплер склонился над одной из панелей, и через мгновение стена корабля обрела частичную прозрачность. Внутренность корабля озарил тусклый свет пещеры. Кеплер пояснил, что освещение корабля сведено к минимуму, чтобы не допустить опасных отражений от внутренней поверхности сферической оболочки.

Внутренность идеальной оболочки солнечного корабля структурой напоминала твердотельную модель системы Сатурна. Широкая палуба играла роль кольца, а две полусферы сверху и снизу палубы олицетворяли саму планету. В верхней полусфере Джейкоб разглядел несколько люков. Он уже знал, что там находится почти все обору-

дование, отвечающее за управление кораблем, включая устройство регулировки времени, генератор гравитационного поля и охлаждающий лазер.

Наконец Джейкоб ступил на край палубы. Силовое поле удерживало ее на весу в четырех-пяти футах от обшивки. Его окликнули. Все уже находились у открытого люка центрального купола. Кеплер помахал ему рукой.

— Мы собираемся осмотреть приборную полусферу, здесь ее называют «обратной стороной». Будьте осторожны, вы вступаете на гравитационные дугу.

У самой двери Джейкоб задержался, чтобы пропустить вперед Фэгина, но кантен дал понять, что предпочитает остаться снаружи. Двухметровому чужаку вряд ли было бы уютно в семифутовом помещении. Джейкоб последовал за Кеплером, но в следующее мгновение, совершенно ошарашенный, чуть не выскочил обратно. Кеплер, опередивший его всего на несколько шагов, сейчас находился прямо над головой Джейкоба. Он взбирался по поверхности, напоминавшей склон крутой горы, ограниченной с двух сторон переборками. Казалось, Кеплер вот-вот опрокинется — под таким немыслимым углом находилось его

тело. Джейкобу стало не по себе.

Но ученый двигался по эллиптической поверхности как ни в чем не бывало и вскоре скрылся из вида. Джейкоб уперся обеими руками в переборки и несмело шагнул вверх.

Ничего не произошло. Его тело чувствовало себя абсолютно уверенно. Еще шаг. Джейкоб оглянулся. Дверь находилась внизу. По всей видимости, купол настолько плотно удерживал псевдогравитационное поле, что радиус гравитационной области составлял всего лишь несколько ярдов. Генератор поля работал столь совершенно, что Джейкоба подвело даже его внутреннее чутье. В проеме люка мелькнуло ухмыляющееся лицо одного из техников.

Джейкоб захлопнул разинутый в изумлении рот и продолжил путешествие по гравитационной петле, стараясь не думать, что мало-помалу переворачивается вверх ногами. Чтобы отвлечься от этой неприятной мысли, он внимательно читал надписи на пластинах, прикрепленных на стенах и на полу к люкам, ведущим в блок управления. На середине пути ему попался закрытый люк, надпись на котором гласила: «ДОСТУП К УПРАВЛЕНИЮ СЖАТИЕМ ВРЕМЕНИ».

Теперь он двигался по пологому склону. Заме-

шательство прошло. Оказавшись у двери, он уже был готов увидеть то, что увидел. Но все же не смог удержаться от стона:

— О нет!

На мгновение закрыл глаза, затем осторожно открыл и осмотрелся.

Над его головой завис пол ангара, и на нем, подобно мухам на потолке, копошились люди, осматривая перевернутое подножие корабля.

Смиренно вздохнув, Джейкоб по полупотолку подошел к Кеплеру. Кеплер разглядывал блок какого-то сложного устройства. Ученый посмотрел на Джейкоба и улыбнулся.

— Пользуюсь привилегией руководителя везде совать свой нос. Конечно, корабль прошел полную проверку, но мне нравится все осматривать самому.

Он любовно погладил машину и поманил Джейкоба за собой. Они подошли к краю палубы. Здесь ощущение, что стоишь на голове, было особенно сильным. Потолок пещеры терялся в дымке далеко «внизу».

— Это одна из мультиполяризационных камер, которые мы установили, когда впервые увидели Призраков. Призраки излучают когерентный свет. — Кеплер ткнул в один из совершенно

одинаковых аппаратов, выстроившихся вдоль кромки палубы через равные промежутки. — С их помощью мы можем выделять Призраков из спектра некогерентного излучения. Вне зависимости от плоскости поляризации излучения Призраков мы можем теперь подстроиться под любую и убедиться, что когерентность действительно существует и постоянна во времени.

— Почему все камеры здесь? Наверху я не заметил ни одной.

— Мы обнаружили, что живые наблюдатели и аппараты мешают друг другу, если находятся в одной плоскости. По этой и некоторым другим причинам приборы расположены здесь, а наш курятник — на другой половице. Можно обеспечить хороший обзор и для приборов, и для наблюдателей, сориентировав корабль таким образом, чтобы этот край палубы был направлен на объект наблюдения. Это оказалось прекрасным компромиссом: поскольку с гравитацией нет никаких проблем, можно поворачивать плоскость палубы на любой угол, позволяя живым наблюдателям и приборам следить за интересующим объектом с общей точки обзора. Полученные результаты подвергаются потом сравнительному анализу.

Джейкоб попытался представить себе, как

пассажиры и экипаж с увлечением наблюдают за пресловутыми Солнечными Призраками, не обращая внимания ни на накренившуюся палубу, ни на бушующие плазменные бури, так и швыряющие корабль из стороны в сторону, и обреченно вздохнул.

— Но с недавних пор в оборудовании у нас возникли неполадки, — продолжал Кеплер. — На этом корабле, а он поменьше других, внесен ряд изменений, так что надеюсь... А! Вот и наши друзья.

В проеме люка появились Кулла и Джеффри. Обезьяно-человеческое лицо Джеффри искривилось в гримасе презрения. Шимпанзе быстро забарабанил по клавишам своего устройства.

ЛА РОКУ СТАЛО ПЛОХО. ТОШНОТА ПРИ ПРОХОДЕ ПО ПЕТЛЕ. УБЛЮДОК-РУБАШЕЧНИК.

Кулла что-то тихо сказал шимпанзе. Джейкоб едва смог разобрать:

— Будь поуважительнее, дружище Джефф. Ведь мистер Ла Рок человек.

Задетый за живое, Джеффри снова забарабанил по клавишам. С бесчисленными ошибками шимпанзе сообщил, что он так же уважает людей, как

и любой другой представитель его вида, но при этом он вовсе не собирается пресмыкаться перед человеком, особенно если тот не имеет никакого отношения к развитию шимпанзе.

НЕУЖЕЛЕ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛНО ДОЛЖИН ЛИЗАТЬ ЗАДНИЦУ БУББАКУБУ, ПОТОМУ ШТО ЕГО ПРЕДКИ ОКОЗАЛИ МИЛОСТЬ ТВОИМ ПРЕДКАМ ПОЛМИЛИОНА ЛЕТ НАЗАД?

Глаза прингла вспыхнули. Меж складчатых губ сверкнул белый фарфор.

— Прошу тебя, дружище Джефф. Я жнаю, что у тебя шамые лучшие намерения, но Буббакуб — мой опекун. Люди ошвободили твою рашу. Моя раша должна находитьшя в услужении, так уштроен мир.

Джеффри возмущенно фыркнул.

— Посмотрим, — прокаркал он.

Кеплер отвел Джеффри в сторону, попросив Куллу сопровождать Джейкоба. Чужак провел Джейкоба к другой стороне полусферы и показал устройство, позволяющее кораблю плавать в полужидкой плазме солнечной атмосферы подобно батискафу. Кулла последовательно снял панели,

за которыми находились ячейки голографической памяти.

Стасис-генератор управлял потоком времени-пространства, протекающим через корабль. Мощные бури хромосферы казались легким волнением. Фундаментальные физические законы, лежащие в основе принципа работы генератора, лишь отчасти были поняты учеными Земли, хотя правительство настояло, чтобы генератор был собран руками людей.

Глаза Куллы зажглись, в его голосе зазвучала гордость за те новые технологии, которыми Библиотека наделила землян.

Логические элементы, управляющие работой генератора, напоминали хаотическое переплетение стеклянных нитей. Кулла объяснил, что эти стержни и волокна позволяют надежно хранить оптическую информацию и обладают высоким быстродействием. По ближайшему к Джейкобу стержню пробегали голубые интерференционные картинки — пакеты информации хранились в световом виде. Джейкобу устройство показалось живым организмом. Лазерный луч ввода-вывода, повинуясь руке Куллы, качнулся, и Джейкоб стал свидетелем того, как перекачивается световая информация, кровь этого удивительного прибора.

Хотя Кулла наверняка сотни раз видел этот процесс, но казалось, что и он зачарован им не меньше Джейкоба. Яркие, немигающие глаза не отрывались от бегущего информационного сияния.

Наконец Кулла закрыл панель. Джейкоб заметил, что чужак выглядит уставшим. «Должно быть, было много работы», — про себя посочувствовал он В.З. Они почти в полном молчании проделали обратный путь вокруг купола и присоединились к Джеффри и Кеплеру. Те спорили по поводу калибровки одной из камер. Джейкоб с интересом прислушивался, хотя почти ничего не понимал.

Чуть позже, сославшись на дела внизу, Джеффри ушел, вскоре за ним последовал Кулла. Люди еще несколько минут постояли, беседуя об устройстве корабля, затем Кеплер жестом предложил Джейкобу двигаться назад. На этот раз Джейкоб пошел по гравитационной петле первым.

Когда он преодолел половину пути, сверху раздались шум и возня. Послышался гневный крик. Забыв, что находится на вершине крутой гравитационной петли, Джейкоб попытался ускорить шаг. Но петля не была предназначена

для беготни, и на Джейкоба тут же нахлынула ошарашивающая смесь ощущений, вызванная сложным воздействием различных участков псевдогравитационного поля.

Он поскользнулся на незакрепленной пластине. В сторону отлетело несколько болтов. Пытаясь удержать равновесие, Джейкоб пошатнулся. Когда он наконец добрался до люка, ведущего на верхнюю палубу, Кеплер успел догнать его.

Крики раздавались за стеной корабля. У трапа возбужденно размахивал ветвями Фэгин. Несколько сотрудников бежали к Ла Року и Джеффри, сцепившимся в драке.

Побагровевший от натуги Ла Рок пыхтел и, напрягая все мышцы, пытался отодрать от своей головы руки Джеффри. Он колотил кулаками и лягался, но его действия не производили никакого эффекта. Шимпанзе время от времени пронзительно кричал, скаля зубы и изо всех сил стараясь пригнуть голову репортера. Оба не обращали никакого внимания ни на собравшуюся толпу, ни на попытки разнять их.

Джейкоб быстро спустился вниз. Он увидел, как Ла Рок, высвободив одну руку, нащупывает на поясе какой-то кожаный футляр.

Не медля ни секунды, Джейкоб протиснулся сквозь толпу и одной рукой резко и сильно ударил Ла Рока, а другой схватил шимпанзе за шкирку. Футляр выскользнул из рук Ла Рока, повиснув на ремне. Джейкоб с силой оторвал шимпанзе от репортера и толкнул его в руки подоспевших Кеплера и Куллы.

Джеффри яростно вырывался, сильные руки шимпанзе так и мелькали в воздухе.

Джейкоб стремительно обернулся на шум у себя за спиной. Ладонь его уперлась в грудь репортера, рвавшегося вперед. Пол выскользнул у Ла Рока из-под ног, и тот, ойкнув, рухнул. Джейкоб схватил камеру, но его противник мертвой хваткой вцепился в кожаный футляр. Ремень с резким хлопком порвался. Кто-то помог репортеру подняться на ноги.

Джейкоб поднял руки вверх.

— Прекратите!

Он стоял так, чтобы Джеффри и Ла Рок не могли увидеть друг друга. Ла Рок поглаживал ушибленную руку, не обращая внимания на уговоры державших его людей. Глаза его яростно сверкали.

Джеффри все еще пытался высвободиться, но Кулла и Кеплер держали его крепко. Сзади отча-

янно посвистывал Фэгин.

— Шимпанзе Джеффри, послушай меня! Меня зовут Джейкоб Демва. Я эксперт проекта Развития. Я говорю тебе, что твое поведение совершенно неподобающе. Ты ведешь себя как животное!

Голова Джеффри дернулась, словно ему дали сильнейшую пощечину. Мгновение он неотрывно смотрел на Джейкоба, из горла вот-вот готово было вырваться рычание, но вот напряжение в его глубоко посаженных глазах исчезло. Шимпанзе обмяк. Джейкоб потрепал его мохнатую голову, пригладил вставшую дыбом шерсть. Джеффри дрожал.

— Успокойся, — голос Джейкоба был ласков, — постарайся взять себя в руки. Позже мы обязательно выслушаем тебя, ты расскажешь, что произошло.

Все еще дрожа, Джеффри поднес руку к своему экранчику. Он не сразу смог набрать короткое слово: «ПРОСТИТЕ». Взглянул на Джейкоба, чтобы тот убедился в его искренности.

— Прекрасно, — ответил Джейкоб, — готовность извиниться — первый признак воспитанности.

Джеффри выпрямился. С нарочитым спокойствием он кивнул Кеплеру и Кулле. Те отпустили

его. Несмотря на успехи в общении с дельфинами и обезьянами, Джейкоб испытывал некоторый стыд, оттого что разговаривает с Джеффри покровительственным тоном. Он использовал прием наудачу, и тот сработал. Из разрозненных высказываний Джеффри Джейкоб знал, что шимпанзе в глубине души глубоко уважает своих опекунов, но это уважение распространяется далеко не на всех людей. Джейкоб был рад, что смог задеть эту струну Джеффри, но гордиться тут было особенно нечем. Удар ниже пояса!

Как только Кеплер увидел, что Джеффри успокоился, он тут же взял инициативу в свои руки.

— Что, черт побери, здесь происходит?! — Громовым голосом вскричал он, обратив грозный взгляд на Ла Рока.

— Это животное напало на меня! — взвизгнул Ла Рок. — Я, еле живой от страха, с трудом выбрался из этого ужасного места и вот стоял, разговаривал с уважаемым Фэгином, а эта тварь ни с того ни с сего вдруг как набросится на меня! Я уверен, он хотел убить меня!

ЛЖЕЦ. ОН СОБИРАЛСЯ УСТРОИТЬ ДИВЕРСИЮ. Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО ПАНЕЛЬ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ ОТВИНЧЕНА. ФЭГИН

СКАЗАЛ, ЧТО ЭТОТ ПОДОНОК ВЫСКОЧИЛ ИЗ КОРАБЛЯ КАК РАЗ В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПОСЛЫШАЛИСЬ ШАГИ.

— Прошу прощения, но я должен внести поправку! — пропел Фэгин. — Я не употреблял уничижительное существительное «подонок». Я просто ответил на поставленный вопрос...

— Он там целый час провел! — каркнул Джеффри, перебивая Фэгина. Лицо его скривилось от усилия.

«Бедный Фэгин», — пожалел кантена Джейкоб.

— Я уже говорил, — снова завизжал Ла Рок, — это страшное место напугало меня! Я стоял, вцепившись в пол, не менее получаса. Ты, обезьяна, ты нагло врешь, ты хочешь оклеветать меня! Прибереги свои грязные обвинения для сородичей, до сих пор не слезших с деревьев!

Шимпанзе яростно заверещал и бросился на репортера. Кулла с Кеплером снова вцепились в него. Джейкоб подошел к Фэгину, не зная, что сказать.

Перекрывая поднявшийся гвалт, Фэгин мягко зашелестел:

— Такое впечатление, что ваши опекуны, кем бы они ни были, дружище Джейкоб, были весьма

своеобразными созданиями.

Джейкоб молча кивнул.

9. ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ

Джейкоб взглянул на собравшихся у трапа. Кулла и Джеффри вели неторопливую беседу с Фэгином. Несколько человек из персонала базы держались неподалеку, избегая назойливого репортера.

Ла Рок, как ни в чем не бывало, продолжал слоняться по пещере, всячески надоедая занятым предстартовой суетой техникам. Какое-то время он так и дымился от ярости, но постепенно успокоился. Правда, апоплексическая багровость не сходила с его лица.

Джейкоб достал из кармана трофей — камеру журналиста.

— И сам не знаю, зачем я ее отобрал у него, — сказал он Кеплеру.

Миниатюрная камера выглядела совершенным инструментом для добывания информации, компактным, многофункциональным и явно дорогим.

Джейкоб протянул ее Кеплеру и, словно оправ-

дываясь, добавил:

— Мне показалось, он хочет достать оружие.

Кеплер сунул камеру в карман.

— Мы ее проверим, так, на всякий случай. А пока я хотел бы поблагодарить вас. Вы действовали просто превосходно!

Джейкоб пожал плечами.

— Ерунда. Ко всему прочему я, похоже, нанес урон вашему авторитету, так что прошу меня простить.

Кеплер рассмеялся.

— Вы меня просто выручили! Я бы наверняка не знал, как поступить в подобной ситуации.

Джейкоб улыбнулся, но на душе у него было неспокойно.

— Что сейчас на очереди? — спросил он.

— Нужно снова проверить систему сжатия времени на корабле Джеффри. Хотя я не думаю, что с ней могло что-нибудь произойти. Даже если Ла Року удалось проникнуть внутрь, вряд ли он смог ее повредить. Для этого ему понадобились бы специальные инструменты, а у журналиста их, разумеется, не было.

— Но когда мы проходили по гравитационной петле, панель и в самом деле была открыта.

— Да, но скорее всего Ла Рок сунул туда нос про-

сто из любопытства. Честно говоря, я не слишком удивлюсь, если окажется, что Джефф сам снял панель, чтобы иметь повод сцепиться с журналистом.

Кеплер взглянул на изумленного Джейкоба и рассмеялся.

— Не смотрите на меня так! Мальчишки всегда остаются прежде всего мальчишками. Вы ведь знаете, что даже самые развитые шимпанзе частенько ведут себя, как шкодливые дети.

Джейкоб знал. И все же он не понимал, почему Кеплер так снисходителен к невыносимому репортеру, которого, без сомнения, презирает. Неужели ему так нужны хорошие отзывы в прессе?

Кеплер еще раз поблагодарил его и, прихватив с собой Куллу и Джеффри, направился к люку корабля. Джейкоб отошел в сторонку и присел на какой-то ящик.

Устроившись поудобнее, он достал из кармана пачку бумаг. Утром поступили лазерограммы с Земли. Джейкоб вспомнил, как Милли Мартин и Буббакуб, лично явившийся в рубку за предназначенным для него шифрованным посланием, обменялись заговорщицкими взглядами, и едва удержался от смеха.

Во время завтрака доктор Мартин сидела меж-

ду Буббакубом и журналистом, наводя мосты между болезненной ксенофилией землянина и надменной подозрительностью представителя Библиотеки. Но вскоре объявили о получении лазерограмм. Буббакуб в сопровождении психолога важно удалился, а бедный Ла Рок остался доедать завтрак с самым несчастным видом.

Покончив с завтраком, Джейкоб решил было зайти в медицинскую лабораторию, но завернул в рубку за своей почтой.

В его комнате на столе уже лежала толстая пачка материалов, полученных накануне из Библиотеки. Прежде чем заняться поглощением информации, следовало ее как-то упорядочить.

Информационное поглощение, или информационный транс, представляло собой усвоение информации на подсознательном уровне за очень короткое время. Эта штука не раз выручала Джейкоба, но у информационного транса имелся один существенный недостаток — терялась способность мыслить критически. Информация усваивалась мозгом, но для того, чтобы ее можно было активно использовать, следовало прочитать материалы еще раз, самым обычным способом.

Забрав очередную порцию лазерограмм,

Джейкоб вернулся к себе. Все бумаги лежали аккуратной стопкой слева. Джейкоб уже переварил содержащуюся в них информацию, и сейчас она хранилась в дальнем уголке его мозга. Отдельные фрагменты новых знаний время от времени всплывали в голове, не складываясь в единое целое. В течение недели ему предстояло узнавать все заново, непрерывно испытывая болезненные чувства неофита. И начинать надо незамедлительно.

И сейчас, устроившись на пластиковом ящике, Джейкоб быстро просматривал захваченные с собой бумаги. Обрывки информации словно дразнили его смутным ощущением чего-то давно известного.

...Раса киза, только что освободившаяся от покровительства расы соро, обнаружила планету Пила в ходе победных завоеваний галактической культуры в этом квадранте пространства. На планете были найдены свидетельства обитания исчезнувшей около двухсот миллионов лет назад расы. Подняли галактические архивы и прочитали, что планету Пилу в течение шестисот тысячелетий населяли представители вида меллин (см. вымерший вид меллин).

Планета Пила, пребывавшая в необитаемом

состоянии дольше положенного срока, была подвергнута тщательному исследованию и в соответствии со стандартной процедурой зарегистрирована как колония расы киза, класс С (допускается минимальное воздействие на существующую биосферу). На Пиле обитал дософонтный вид, которому кизы дали имя планеты — пилы...

Джейкоб попытался представить себе, как выглядела раса пила до прибытия кизов. Несомненно, примитивные охотники-собиратели. Остались бы они такими же и поныне, если бы не появились кизы? Или же смогли бы эволюционировать, как продолжают утверждать некоторые антропологи на Земле, в совершенно иную разумную культуру?

Ссылка на вымерший вид меллин давала ясное представление о временных масштабах галактической цивилизации и размерах Библиотеки. Двести миллионов лет! В столь давние времена планету Пила колонизировала раса космических странников. Они прожили там шесть тысяч веков, в течение которых предки Буббакуба были всего лишь мелкими зверушками, рывшими норы.

Весьма вероятно, меллины уплатили взнос и

основали собственный филиал Библиотеки. Без сомнения, они оказывали надлежащее уважение (быть может, скорее словами, чем делами) своим опекунам, подарившим им разум задолго до колонизации Пилы. Вероятно также, что меллины, в свою очередь, подвергли развитию какой-нибудь подающий надежды вид, обнаруженный на планете, каких-нибудь кузенов Буббакуба, давно уже, наверное, вымерших.

Внезапно до Джейкоба дошло. Он понял суть галактических законов Местопребывания и Миграции. Они принуждали любой разумный вид рассматривать собственную планету как временное жилье, которое нужно будет передать в руки будущим цивилизациям, в руки рас, находящихся сейчас в неразвитом и неразумном состоянии. Нет ничего удивительного в том, что многие в Галактике были столь недовольны привязанностью человечества к Земле. Только влияние тимбрими и других дружественных рас позволило человечеству сохранить три свои колонии на Цигнусе, получив соответствующее разрешение в назойливом и фанатичном Институте Миграции. Счастье еще, что вернувшиеся на «Везариусе» успели предупредить человечество, и люди смогли скрыть следы некоторых своих

преступлений! Джейкоб был одним из сотен тысяч людей, знавших, что когда-то на Земле существовали такие животные, как морская корова, гигантский ленивец и орангутанг.

И он лучше многих осознавал, что эти жертвы человечества могли когда-нибудь обрести разум. Джейкоб искренне скорбел об исчезнувших с лица Земли видах. Он вспомнил о Макой. Ведь дельфины и киты тоже стояли над самой пропастью небытия.

Он вздохнул и снова принялся за бумаги. Его глаза остановились еще на одном куске сообщения, повествовавшем о расе Куллы...

...Планета, колонизированная экспедицией с Пилы. (Пилы, пригрозив своим опекунам кизам, что потребуют от соро объявления джихада, добились освобождения от опеки.) Получив разрешение на колонизацию планеты Прингл, пилы, нарушив рекомендацию оказывать минимальное воздействие на биосферу планеты, вмешались в естественный ход ее развития. Инспекция из Института Миграции обнаружила, что пилы предприняли недюжинные усилия для сохранения лишь тех местных видов, на чье развитие были получены достаточно реалистичные прогнозы. А среди обреченных на вымирание на-

ходились даже и генетические предки принглов, чьим именем была названа планета...

Джейкоб пометил, что надо бы побольше узнать о джихаде, который чуть что объявляли пилы. В своей галактической политике пилы всегда были крайне агрессивны и консервативны. Джихады, или священные войны, считались последним доводом для убеждения галактических рас придерживаться традиций. Институты исповедовали приверженность традициям, но следить за соблюдением принципа приходилось либо сильнейшим, либо представителям мнения большинства.

Джейкоб совершенно точно знал, что хранящиеся в Библиотеке компрометирующие сведения о священных войнах дают право запрещать их силой. Оттого очень редко встречались упоминания о «прискорбном» случае развязывания войны под предлогом следования традициям.

Историю пишут победители. Джейкоб спросил себя, на что же могли пожаловаться пилы, потребовав снятия над ними опеки со стороны кизов? И как выглядят эти самые кизы?

Звон колокола, гулким эхом прозвучавший под сводами пещеры, заставил его вздрогнуть.

Рабочие отложили инструменты и повернулись к огромной двери в туннель, соединявший базу с поверхностью Меркурия.

С тихим шорохом двери начали раздвигаться. В открывшемся провале сперва не было видно ничего, кроме абсолютной черноты. Затем на неспешную дверь налетело нечто ослепительное и огромное: удивительный объект, словно нетерпеливый щенок, пытался протиснуться в ангар. Это был еще один солнечный корабль, еще один сверкающий зеркальный шар. Он парил над полом пещеры и нематериально сиял. Наконец двери полностью открылись, и корабль словно бы внесло в ангар ворвавшимся снаружи ветром. В идеальном зеркале прибывшего корабля отражались шершавые стены пещеры, оборудование, люди.

Рабочие собрались у причальных опор. Корабль, негромко жужжа и потрескивая, завис над ними.

Мимо Джейкоба вихрем пронеслись Кулла и Джеффри. Шимпанзе на ходу широко улыбнулся ему и жестом предложил следовать за ними. Джейкоб, не удержавшись от ответной улыбки, устремился вслед, на ходу запихивая бумаги в карман куртки. Корабль, несколько минут по-

маневрировав над опорами, начал медленно опускаться. Трудно было поверить, что он лишь отражает окружающий свет, а не излучает его сам — так ярко сияла его зеркальная поверхность. Джейкоб пристроился рядом с Фэгином чуть в стороне от толпы встречающих. Они вместе увлечение глазели на посадку корабля.

— Мне кажется, ты поглощен какими-то мыслями, — пропел Фэгин. — Прошу простить мое вмешательство, но, полагаю, мне позволительно поинтересоваться их природой?

Джейкоб стоял к Фэгину так близко, что мог уловить слабый запах орегано, исходивший от чужака. Листва Фэгина тихо шелестела.

— Да вот, думаю о том, где побывал этот корабль, — ответил Джейкоб. — Я попытался представить себе, на что должна быть похожа та местность, и не смог.

— Не расстраивайся, дружище Джейкоб. Я тоже испытываю благоговейный ужас и не могу постичь того, что вы, земляне, совершили. Со смирением и покорностью ожидаю своего первого погружения.

«Ох, опять ты сумел пристыдить меня, зеленый ублюдок, — беззлобно подумалось Джейкобу. — Я только и думаю, как избежать этого безумия. А ты

без умолку трещишь о том, как тебе не терпится прыгнуть в адово пекло!»

— Не хочу называть тебя *лжецом*, Фэгин, но твои восхваления проекта — дипломатический трюк. Ведь проект основан на технике, близкой к эпохе неолита! Неужели никто в Галактике не совершал прыжка в звезду? Софонты существуют миллиард лет, и все, что имело смысл сделать, сделано уже по меньшей мере триллион раз!

Он не смог скрыть за шутливым тоном горьких нот и поразился силе собственных эмоций.

— Безусловно, это так, дружище Джейкоб. Но я и не утверждал, что «Прыжок в Солнце» — проект уникальный. Он уникален именно для меня. Разумные расы, с которыми мне лично доводилось общаться, удовлетворялись изучением своих светил с расстояния, сравнивая полученные результаты с данными Библиотеки. Для меня этот прыжок — настоящее приключение.

От солнечного корабля отделился прямоугольник, опускаясь, он постепенно преобразовался в трап.

Джейкоб нахмурился и упрямо продолжил:

— Не могло не быть управляемых погружений! Ведь очевидно же, что надо изведать все тайны и возможности. Я не могу поверить, что мы первые

в таком грандиозном деле!

— Конечно, совершать такое могли и раньше, — медленно пропел Фэгин. — Как гласит пословица, прародители совершили все, прежде чем удалиться. Но так много разного совершалось столь разными расами, что очень трудно знать что-либо наверняка.

Джейкоб не ответил, обдумывая слова кантена.

Трап уже коснулся причальной платформы. Рядом с ними возник Кеплер. Он улыбался.

— А! Вот вы где! Впечатляет, не правда ли? Все участники проекта собрались здесь. Так всегда встречают солнечный корабль даже после короткого разведывательного полета, как в данном случае.

— Да, — согласился Джейкоб, — весьма впечатляет. Кстати, доктор Кеплер, я, помнится, уже спрашивал вас, не посылали ли вы запрос по поводу Солнечных Призраков в филиал Библиотеки в Ла-Пасе. Ведь наверняка кто-то сталкивался с подобным явлением, и я уверен, нам очень помогло бы...

Он остановился, не договорив. Улыбка исчезла с лица Кеплера.

— Наш запрос стал основной причиной, по

которой к нам отрядили Куллу, мистер Демва. Предполагалось, что это будет эксперимент, который покажет, насколько мы, земляне, способны сочетать независимые исследования с ограниченной помощью со стороны Библиотеки. Этот план прекрасно работал, когда мы строили корабли. Должен признать, галактические технологии — это что-то невероятное. Но с тех пор Библиотека не оказывала нам никакой помощи. Все это очень сложно. Я надеюсь коснуться этого вопроса завтра, после совещания, но, видите ли...

Со всех сторон раздались приветственные крики. Толпа подалась вперед. Кеплер автоматически заулыбался.

— Потом! — бросил он Джейкобу и поспешил к кораблю.

На причальной платформе показались пять человек — трое мужчин и две женщины. Они приветственно помахали толпе. Одна из женщин, высокая стройная блондинка с коротко остриженными волосами, нашла глазами Кеплера, улыбнулась ему и начала спускаться вниз. Остальные последовали за ней.

По всей видимости, эта красотка и была командиром базы «Гермес». Джейкобу о ней все уши прожужжали. На вчерашней вечеринке один ме-

дик назвал ее лучшим из всех комендантов этого форпоста Конфедерации на Меркурий. Какой-то новичок непочтительно перебил старожила, заявив, что в прошлой жизни она наверняка была лисой. Джейкоб увидел в этом намек на изворотливость ее ума. Но, глядя, как эта женщина, нет, скорее молодая девушка, грациозно спускается по трапу, он понял и второй, лестный для внешности командира смысл.

Толпа расступилась. Женщина подошла к Кеплеру, протянула ему руку.

— Они там! Мы спустились до уровня тау-два в первой активной области. Там и обнаружили их. От одного нас отделяло не больше восьмисот метров! У Джеффа не будет никаких проблем! Это самое большое магнитоядное, которое я видела!

Ее низкий, страстно-мелодичный голос показался Джейкобу удивительно красивым. Этот голос вызывал доверие. Он не смог опознать ее легкий акцент, старомодный, что ли.

— Прекрасно! Прекрасно! — закивал Кеплер. — Там, где есть овцы, должны быть и пастухи, верно?

Он взял ее за руку и повернулся, чтобы представить Фэгину и Джейкобу.

— Уважаемые софонты, это Хелен де Сильва,

комендант Конфедерации на Меркурии и моя правая рука. Я без нее ничего не смог бы сделать. Хелен, это мистер Джейкоб Альварес Демва, тот самый джентльмен, о котором я сообщал вам. А с кантеном Фэгином вы, конечно, встречались на Земле несколько месяцев назад. Как я понимаю, с тех пор вы успели обменяться не одной лазерограммой. — Кеплер ласково тронул женщину за плечо. — Мне надо идти, Хелен. Нужно просмотреть поступившие с Земли сообщения. Я и так слишком задержался. Вы уверены, что все прошло гладко и экипаж не слишком устал?

— Все отлично, доктор Кеплер. Нам удалось поспать на обратном пути. Мы сегодня еще увидимся во время старта Джеффа.

Кеплер тепло попрощался с Джейкобом и Фэгином и довольно сухо кивнул Ла Року, который, разумеется, болтался неподалеку. Репортер находился достаточно близко, чтобы слышать разговор, но недостаточно, чтобы продемонстрировать хорошие манеры. Кеплер еще раз кивнул и направился к лифтам.

Хелен де Сильва уважительно поздоровалась с Фэгином. Ее легкий поклон был куда теплее предписанного хорошим тоном. Она явно искренне радовалась встрече с чужаком, о чем

многословно и оповестила всех. Потом взглянула на Джейкоба.

— Так, значит, вы и есть мистер Демва? — Она пожала ему руку. — Фэгин рассказывал мне о вас. Вы тот самый отважный молодой человек, что спрыгнул с самой верхушки эквадорского Шпиля. Я настаиваю, чтобы герой лично рассказал мне о своих подвигах!

Как всегда, когда упоминали Шпиль, у Джейкоба все внутри сжалось от боли. Стараясь скрыть свое состояние, он рассмеялся.

— Поверьте, я вовсе не специально прыгал! Но если всерьез, я скорее соберусь отправиться в одну из ваших прогулок на Солнце, чем решусь повторить это снова!

Хелен рассмеялась, но в глазах ее не было веселья, она смотрела определенно оценивающе. Джейкоба ее взгляд смутил, хотя он и нашел его весьма лестным для себя. Неожиданно он обнаружил, что ему не хватает слов.

— Ммм... во всяком случае странно слышать, что меня называет «молодым человеком» столь юная особа. Вы, должно быть, необыкновенный специалист, раз вас назначили комендантом до того, как ваше лицо избороздили морщины.

Она рассмеялась снова.

— Весьма галантно! Очень любезно с вашей стороны, сэр, но и впрямь шестьдесят пять лет моей жизни стоят не одного десятка морщин. Я была младшим помощником на «Калипсо». Вы, может быть, помните: мы вернулись в Солнечную систему пару лет назад. Так что теперь мне за девяносто!

— О!

Космолетчики были очень своеобразным племенем. Вне зависимости от их субъективного возраста, по возвращении на Землю они всегда могли выбрать себе работу по душе. Конечно, если вообще желали работать.

— В таком случае я действительно должен относиться к вам с почтением, приличествующим вашему возрасту, уважаемая бабушка.

Она отступила и прищурилась.

— Не перегните палку в другую сторону, сэр! Я очень много работала, чтобы стать женщиной, не меньше, чем человек из самых низов общества, решивший добиться высокого положения. Если первый за много месяцев привлекательный мужчина, не находящийся под моим началом, решит, что я недотрога, то мне придется всерьез подумать, не заковать ли его в кандалы.

Ее речь была полна архаизмов, но смысл Джей-

коб сразу уловил. Он улыбнулся и поднял руки вверх, признавая свое поражение. Впрочем, сделал он это весьма охотно. Хелен де Сильва неуловимо напомнила ему Таню. Он никак не мог понять, чем именно. Это ускользающее сходство вызвало в нем ответную, и тоже непонятную, дрожь. Он уже давно не испытывал ничего подобного.

Усилием воли Джейкоб взял себя в руки. Надо кончать с философско-эмоциональным дерьмом. Он всегда, теряя над собой контроль, был склонен к сентиментальности. Но факт оставался фактом — комендант базы оказался чертовски привлекателен.

— Быть посему, — ответил он женщине. — И будь проклят тот, кто первый скажет «довольно!».

Хелен рассмеялась. Она подхватила его под локоть и повернулась к Фэгину.

— Пойдемте, я хочу вас обоих познакомить с экипажем. А потом нужно будет заняться подготовкой Джеффа. О, увидите, он прощается невыносимо долго! Даже когда отправляется в такой короткий полет, как этот. Прощальные объятия, поцелуи... — Она не докончила и снова рассмеялась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Только солнечный анализатор позволяет получить данные о распределении массы и углового момента внутри Солнца... изображение с высоким разрешением... зарегистрировать нейтроны, излучаемые в результате ядерных процессов на поверхности Солнца и вблизи нее... выяснить, каков механизм образования солнечного ветра.

Наконец, при условии создания соответствующих средств связи и слежения, а также, возможно, бортового водородного мазера солнечный анализатор окажется наилучшей базой для поисков низкочастотных гравитационных волн, создаваемых космическими источниками.

Из доклада на предварительном ра-

бочем совещании НАСА по проблемам солнечного анализатора

10. ТЕПЛОТА

На мглисто-розовом фоне празднично колыхалось на невидимых нитях темно-желтое боа из перьев. Или то были старинные витые конфеты из жженого сахара. Цепь тонких темных арок — газообразных согнутых антенн — уходила вдаль, теряясь в клокочущем водовороте.

Джейкоб обнаружил, что не может сосредоточиться на какой-нибудь одной детали голографического изображения. Темные нити и полосы, из которых состояла видимая топография средней части хромосферы, производили крайне обманчивое впечатление как формой, так и структурой.

Ближайшая нитеобразная дуга почти полностью заполнила левый угол объемного экрана. Тонкие пряди более темного, чем светящийся фон, цвета обвились вокруг незримой оси магнитного поля, изогнувшегося над солнечным пятном. Явление наблюдалось за тысячу миль от Солнца.

С этой позиции, вблизи источника энергии,

нескончаемым световым потоком текущей во мрак космоса, можно было охватить взглядом поверхность Солнца, его пейзажи протяженностью в десятки тысяч миль. Но даже вполне осознавая этот факт, Джейкобу было трудно смириться с огромностью видимого. Магнитные дуги размерами превосходят, например, Норвегию. А ведь это лишь крошечные звенья цепи, опоясывающей группу солнечных пятен. Цепь периметром в двести тысяч миль.

Но это были сущие пустяки по сравнению с тем, что приборы зарегистрировали несколько месяцев назад. Дуга над активной областью длиной более четверти миллиона миль! Эта дуга вскоре пропала, а автоматический корабль, записавший ее изображение, почему-то поспешил убраться с наблюдательного пункта. Причина стала ясна чуть позже, когда вершина вновь появившейся дуги внезапно разродилась самым поразительным событием на Солнце — вспышкой.

Солнечная вспышка была и прекрасна, и ужасна одновременно — вспененный кипящий водоворот ослепительного сияния, этакое короткое замыкание во вселенских масштабах. Даже солнечный корабль не смог бы выдержать подобного всплеска нейтронов высокой энергии. Поток

частиц, невосприимчивых к электромагнитным полям корабля, был столь интенсивен, что погасить его не смогла бы даже система сжатия времени. Руководитель «Прыжка в Солнце» не уставал повторять, что обычно вспышки можно предвидеть, а значит, и избежать их разрушительного воздействия.

Для Джейкоба эти заверения звучали бы убедительнее, если бы в них отсутствовала оговорка «обычно».

Во всем остальном совещание оказалось вполне заурядным мероприятием. Кеплер сделал краткий обзор по физике Солнца. Джейкоб уже свободно ориентировался в ней — самообразование на борту «Брэдбери» не прошло даром. Но зато изображение реальных погружений в хромосферу оказалось первоклассным наглядным пособием. А если ему и трудно было приспособиться к масштабам происходящего, то винить он мог лишь самого себя.

Кеплер кратко коснулся основных динамических процессов внутри Солнца, в структуре которого хромосфера составляла лишь тонкий слой.

В ядре Солнца невообразимое давление звездной массы порождало непрерывную цепь ядер-

ных реакций, результатом которых являлся поток энергии, излучаемой в космос. Кроме того, термоядерные процессы не давали возможности этому гигантскому сгустку плазмы сжаться под действием собственных гравитационных сил. Давление внутри ядра удерживало Солнце в «накачанном» состоянии.

Энергия, высвобождаемая в результате происходящих в ядре процессов, выбирается наружу либо в виде излучения, либо путем теплового конвекционного обмена, когда нагретое вещество снизу замещается более холодным слоем сверху. Таким образом энергия постепенно достигает слоя толщиной всего в несколько миль, известного под названием фотосферы. Здесь солнечный свет наконец обретает свободу и навсегда покидает родную обитель, отправляясь в бесконечное путешествие во мраке.

Плотность вещества внутри звезды столь велика, что внезапный катаклизм, происшедший внутри солнечного ядра, проявится в виде световой вспышки только через миллионы лет.

Но Солнце не заканчивается фотосферой. Плотность вещества постепенно падает с расстоянием. А если включать в состав Солнца ионы и электроны, непрерывным потоком устремляющиеся

в космос в виде солнечного ветра и являющиеся причиной полярных сияний на Земле и огненных хвостов у комет, то можно даже сказать, что Солнце не имеет границ и касается других звезд.

Свечение этой короны окружает Луну во время солнечного затмения. Протуберанцы, столь мирные на фотопластинах, в действительности представляют собой электронную плазму, разогретую до температуры в миллионы градусов. Но эта плазма столь же разрежена, как и солнечный ветер, а значит, совершенно не опасна для солнечных кораблей.

Между фотосферой и короной и находится хромосфера — «сфера цвета». Здесь Солнце наводит на световое излучение последний глянец, придает ему спектральную структуру, привычную для глаза землян.

В хромосфере температура резко падает до каких-то нескольких тысяч градусов. Пульсации ячеек фотосферы вызывают в хромосфере гравитационную рябь, едва заметные колебания пространства-времени, распространяющиеся на многие миллионы миль. А заряженные частицы на гребне альфвеновских волн вырываются вовне в виде могучего ветра.

Именно в эту область и проникали солнечные

корабли. В хромосфере магнитные поля Солнца играют роль реперов, а простые химические соединения крайне эфемерны. Поэтому, если выбрать верный диапазон, можно разглядеть, что происходит на огромных расстояниях. А посмотреть там есть на что.

Кеплер, похоже, оседлал своего любимого конька. В темной комнате, освещенной лишь мерцанием объемного экрана, седая шевелюра и усы ученого приобрели жутковатый красный оттенок. Доверительный голос тихо плыл в тишине, а тонкая деревянная указка ласково касалась то одного, то другого участков объемного изображения.

Кеплер упоенно повествовал о солнечном цикле, о чередовании периодов высокой и низкой солнечной активности, которые повторяются каждые одиннадцать лет. Магнитные поля «выпрыгивают» из Солнца, образуя в хромосфере сложные петли. Эти петли иногда можно обнаружить, наблюдая за темными нитями, что становится возможным, если выделить из солнечного спектра одну лишь линию водорода.

Эти нити обвивались вокруг силовых линий и светились, поскольку в них наводился электрический ток. При ближайшем рассмотрении

они выглядели не столь перьеобразными, как первоначально показалось Джейкобу. Светлые и темные красные полоски сплетались друг с другом по всей длине дуги, образуя порой сложнейшие узоры, пока какой-нибудь стягивающийся узел не сжимался совсем и не разлетался во все стороны яркими каплями подобно кипящему на сковороде маслу.

Картина была поразительной красоты, но у Джейкоба от монохроматического света и напряженного вглядывания вскоре заболели глаза. Он отвел взгляд от экрана и принялся рассматривать стены.

Два дня, минувшие с того момента, как Джеффри, попрощавшись, отправился к Солнцу, оказались для Джейкоба наполненными как радостными открытиями, так и разочарованиями. Можно было утверждать: время он провел не без пользы.

Накануне Джейкоб осматривал герметианские шахты.

В огромной пещере, к северу от базы, его потрясли дикой красотой гигантские слоистые эффузивные образования, покрытые пленкой чистого металла. Он с ужасом наблюдал, как машины, управляемые людьми, вгрызаются в прекрасные

природные творения Меркурия. Он знал, что навсегда в его памяти останется это чувство изумления как красотой гигантских вулканических скульптур, так и дерзостью ничтожных существ, посмевших потревожить покой Меркурия ради обладания его богатствами.

Полдня Джейкоб провел в обществе Хелен де Сильвы и получил от этого огромное удовольствие. В гостиной своей квартиры Хелен откупорила бутылку произведенного чужаками бренди, о стоимости которого Джейкобу страшно было подумать. Они вместе, не долго думая, распили его. Комендант базы, эта женщина, все больше нравилась ему своим острым умом и широтой взглядов, а старомодное женское кокетство попросту очаровало его. Они рассказали друг другу о своей работе, не касаясь, впрочем, по молчаливому соглашению, главной темы, словно приберегая ее для более подходящего момента. Джейкоб с воодушевлением рассказывал Хелен о Макой, о том, как ему удалось убедить молодую дельфиниху гипнозом, уговорами, но прежде всего любовью сосредоточиться на абстрактных мыслях, характерных для людей, а не на своей Мечте (или, скорее, в дополнение к ней). Он описал, как эта Мечта, в свою очередь, становилась

все более и более понятной ему самому; как философия индейцев племени хопи и австралийских аборигенов помогли перевести этот совершенно чуждый людской цивилизации взгляд на мир в нечто относительно приемлемое для развитого разума.

Хелен обладала даром слушать, и Джейкоб не мог остановиться. Когда же он закончил свой рассказ, ее лицо так и светилось искренней радостью за него и за его подопечную. А затем она сама рассказала ему о некой темной звезде, и от ее истории у Джейкоба по спине пробежал мороз.

Она говорила о «Калипсо» так, словно этот корабль был для нее матерью, ребенком и любимым одновременно. «Калипсо» и экипаж корабля составляли мир Хелен в течение трех лет, а по возвращении на Землю они стали для нее связующим мостом с прошлым. Из тех, кого она оставила дома, отправляясь в свой первый полет, только самые юные дожили до возвращения «Калипсо». Но и они теперь были глубокими стариками.

Когда Хелен предложили принять участие в проекте «Прыжок в Солнце», она согласилась не раздумывая. Научная ценность этой экспедиции и уникальная возможность приобрести опыт командования солнечным кораблем выглядели

достаточно вескими причинами для такого решения. Но Джейкобу казалось, что дело тут совсем в другом.

Хотя Хелен и старалась не показывать этого, она, судя по всему, очень неодобрительно относилась к обеим крайностям, в которые обычно впадали вернувшиеся из дальних космических полетов: крайняя замкнутость или неудержимый гедонизм. Истинная суть ее натуры проглядывала за маской хладнокровного профессионала, с одной стороны, и игривой кокетки — с другой. Главной чертой Хелен оказалась детская застенчивость. Джейкоб решил для себя, что, пребывая на Меркурии, он должен узнать как можно больше об этой удивительной женщине.

Но пока с этим пришлось повременить. Доктор Кеплер устроил официальный банкет, положенный по регламенту. Как и следовало ожидать, Джейкоб весь вечер не имел ни малейшей возможности располагать собой. То и дело ему приходилось отвечать на вежливые и льстивые замечания.

Но самое большое разочарование прошедших дней было связано с самим проектом «Прыжок в Солнце». Когда Джейкоб требовал разъяснений у Хелен, Куллы, Кеплера, у инженеров и техников,

от него неизменно отмахивались:

— После совещания, мистер Демва!.. Тогда все станет более ясным...

Все, напротив, становилось более подозрительным.

Стопка полученных из Библиотеки документов по-прежнему лежала у него на столе. Если Джейкоб чувствовал себя в силах, то читал их по нескольку часов подряд. При внимательном чтении ранее выученные отдельные куски всплывали у него в памяти как нечто до боли знакомое.

...Также остается неясным, почему принглы обладают бинокулярным зрением, поскольку ни один местный вид не имеет более одного глаза. Общепризнано, что те или иные изменения являются результатом генетического вмешательства со стороны пилов, хотя сами пилы не склонны отвечать на чьи-либо запросы, если они не исходят от официальных представителей институтов. Они признают, что превратили принглов из животных, обитавших на деревьях, в софонтов, способных передвигаться на задних конечностях и прислуживать пилам.

Необычная конструкция зубов принглов связа-

на с их предыдущим, дософонтным, состоянием, когда пищей им служила высокопитательная кора деревьев. У многих растений на планете Прингл органом, распространяющим оплодотворенное семя, служила кора...

Так вот почему у Куллы такие странные зубы! Теперь прингловские давилки казались Джейкобу не такими отвратительными. Тот факт, что они изначально служили для растительной пищи, несколько успокаивал.

Перечитывая заметку, Джейкоб с интересом отметил, сколь хорошо поработал над этим докладом филиал Библиотеки. Оригинал скорее всего был написан за сотни световых лет от Земли и наверняка задолго до Контакта. Семантические дешифраторы, которые он видел в филиале в Ла-Пасе, явно преуспели в преобразовании чуждых слов и значений в разумные английские конструкции. А это было непросто.

Институт Библиотеки, потерпев неудачу при попытке сконструировать дешифраторы сразу после Контакта, обратился за помощью к людям. Мысль об этом была не лишена приятности. В.З. привыкли переводить понятия в пределах языков, находящихся в русле одной, общей для всех внеземных рас традиции. И никак поначалу не

могли совладать с «изменчивой и неоднозначной» структурой человеческих языков.

Чужаки стонали (или щебетали, или щелкали, или скрипели) от отчаяния по поводу того, до какой степени английский (особенно английский!) язык поражен беспорядком и хаосом. Они не уставали жаловаться на то, как тяжело в этом странном языке уловить хоть какой-нибудь смысл! Их гораздо больше устроил бы латинский, а еще больше — индоевропейский периода позднего неолита, с его строгой системой спряжений и склонений. Однако люди наотрез отказались сменить свой lingua franca в угоду Библиотеке (хотя и шкурники, и рубашечники начали изучать новый язык). А вместо того они послали своих лучших сыновей и дочерей на помощь незадачливым благодетелям.

Принглы работают в городах и на фермах почти всех планет, населенных пилами, за исключением родной планеты своих опекунов. Солнце планеты Пила, карлик F3, слишком ярко для этого поколения принглов (у планеты Прингл — солнце F7). Именно поэтому пилы решили продолжить генетические исследования, связанные со зрительной системой принглов, несмотря на то что срок разрешения на развитие истек...

Позволили принглам колонизировать только планеты класса А, лишенные жизни и требующие окультуривания, так как на них не распространяются ограничения Института Традиции и Института Миграции. Взяв на себя руководство в нескольких джихадах, пилы, по всей видимости, не желали, чтобы подопечные поставили их в неловкое положение, совершив ошибки по отношению к старому живому миру...

Данные о соплеменниках Куллы давали массу информации обо всей галактической цивилизации. Однако подача фактов вызывала у Джейкоба странную тревогу. Необъяснимым образом он чувствовал себя ответственным за то, о чем сейчас читал.

Именно на этой стадии перечитывания уже знакомых материалов его вызвали на долгожданную лекцию доктора Кеплера. И теперь Джейкоб сидел в лекционном зале и гадал, когда же перейдут к сути вопроса. Кто такие магнитоядные? И что имеется в виду, когда говорят о втором типе солнечных обитателей, которые играют в прятки с солнечными кораблями и, принимая антропоморфный облик, показывают недвусмысленно угрожающие жесты?

Джейкоб вновь перевел взгляд на экран. Од-

на из нитей, заполнявшая его целиком, вдруг разверзлась, и зрители словно бы погрузились в пористую вспененную массу. Стали отчетливы детали: клубки скоплений, означавшие сгущение магнитных линий, какие-то струйки, появляющиеся и исчезающие, когда горячие газы, подчиняясь эффекту Допплера, либо попадали в видимый камерой диапазон, либо уходили из него, превращаясь в сгустки ярких линий, пляшущие вдали.

Кеплер продолжал вдохновенный монолог, временами увлекаясь непонятными Джейкобу техническими подробностями, но тут же поспешно возвращаясь к простым метафорам. Голос его обрел твердость, Кеплер явно наслаждался своей лекцией.

Указка ткнулась в один из плазменных следов: толстый, скрученный жгутом ярко-красный пучок, обвившийся вокруг ярчайших, режущих глаз точек.

— Поначалу мы думали, что это самые обычные компрессионные горячие пятна, — сказал Кеплер, — но затем, вглядевшись повнимательней, обнаружили, что их спектр существенно отличается.

Он защелкал кнопками на рукояти указки. Яркие точки стали увеличиваться, проступили

какие-то новые детали.

— Как вы помните, — продолжал Кеплер, — до сих пор горячие пятна имели красный цвет. Это вызвано тем, что в момент регистрации этого изображения фильтры корабля были настроены на очень узкий спектральный диапазон с центром в альфа-линии водорода. Но даже при этих условиях вы можете разглядеть объекты, которые привлекли наше внимание.

«Действительно», — подумал Джейкоб.

Яркие точки приобрели изумрудный оттенок.

— Имеется пара диапазонов в зеленой и голубой областях, которые отсекаются фильтрами с меньшей эффективностью. Но обычно альфа-линия забивает все эти цвета полностью. Кроме того, этот зеленый оттенок попросту не попадает в наш диапазон! Вы можете представить ужас, который мы испытали, получив эту картинку. Ни один тепловой источник не может преодолеть спектральные фильтры! Чтобы пробиться сквозь них, свет должен не только иметь невероятную интенсивность, но и быть абсолютно монохроматичным. Такой интенсивности должна соответствовать температура в миллион градусов!

Джейкоб выпрямился. Наконец что-то инте-

ресное.

— Иными словами, — продолжал Кеплер, — это лазеры. — Существуют условия, при которых лазерное излучение возникает в звезде естественным образом. Но на Солнце до сих пор ничего подобного не наблюдалось, так что мы занялись исследованием этого явления. И то, что мы обнаружили, оказалось самой невероятной формой жизни, какую только можно вообразить.

Кеплер нажал кнопку на указке, и изображение поплыло в сторону. Где-то в первых рядах раздался негромкий звонок. Джейкоб увидел, как Хелен подняла телефонную трубку.

Кеплер был полностью увлечен своим рассказом. Яркие точки медленно увеличивались в размерах, пока не превратились в крошечные световые кольца, слишком маленькие, чтобы можно было разобрать детали.

У Джейкоба появилось тревожное предчувствие. Хелен очень тихо говорила по телефону. Кеплер замолчал, слушая, как она о чем-то спрашивает своего собеседника. Но вот Хелен положила трубку, на лице — каменная маска полного самообладания. Джейкоб не отрывал от нее взгляда. Она встала, подошла к Кеплеру, нервно теребившему указку, и, слегка наклонившись,

зашептала ему на ухо. Кеплер закрыл глаза. По его лицу медленно разливалась смертельная бледность. Когда он снова взглянул в зал, в глазах его Джейкоб увидел лишь мертвую пустоту.

Внезапно поднялся оглушительный гвалт. Кулла вскочил со своего места в первом ряду и подошел к Хелен. Джейкоб почувствовал дуновение — мимо стремительно пронеслась доктор Мартин. Он приподнялся в кресле и взглянул на Фэгина, сидевшего неподалеку.

— Пойду выясню, что происходит, дружище. Подожди меня здесь.

— В этом нет нужды, — пропел кантен.

— То есть?

— Я сумел подслушать, что передали командиру. Плохие новости.

Внутри у Джейкоба все похолодело. «Господи, этот овощ сведет меня с ума своей невозмутимостью!»

— Так что, черт побери, произошло?!

— Я искренне сожалею, дружище Джейкоб. Похоже на то, что солнечный корабль, пилотируемый шимпанзе Джеффри, разрушился в хромосфере вашего Солнца.

11. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Милдред Мартин уже стояла рядом с Кеплером, застывшим возле тускло мерцавшего объемного экрана. Пытаясь растормошить, она звала его по имени, резко встряхивая за плечо. Но Кеплер ничего не слышал и не видел. Мартин принималась в отчаянии взмахивать ладонью перед пустыми глазами руководителя проекта. Бесполезно! Вокруг уже собрались все, кто находился в этот момент в конференц-зале. Шум стоял невыносимый. Джейкоб продрался сквозь толпу и остановился рядом с принглом.

— Кулла... — Тот пребывал почти в таком же ступоре, что и доктор Кеплер. Огромные красные глаза безжизненно уставились на экран. Джейкоб слышал отчетливое постукивание фарфоровых зубов чужака.

Красный свет от экрана начинал раздражать. Джейкоб быстро подошел к неподвижному Кеплеру и мягко вынул из его руки указку. Доктор Мартин, словно заводная игрушка, продолжала повторять имя Кеплера, периодически встряхивая его, будто тот был тряпичной куклой. На Джейкоба она не обратила никакого внимания.

После недолгой возни Джейкобу удалось выключить экран и зажечь верхний свет. Сразу же стало легче. Гвалт мгновенно смолк — похоже, все присутствовавшие в конференц-зале испытывали дискомфорт от длительного пребывания в неестественном освещении.

Хелен, не отрываясь от телефона, взглянула на Джейкоба и вымученно улыбнулась. Через мгновение в зале появились санитары с носилками. Под руководством Мартин они уложили Кеплера и осторожно понесли его сквозь расступившуюся толпу к выходу.

Джейкоб повернулся к Кулле. Фэгин успел уже притащить стул и теперь терпеливо уговаривал прингла присесть. Джейкоб вопросительно взглянул на приятеля, шелест тут же стих.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — тревожно пропел кантен, — но у принглов очень высокая способность к сопереживанию, и я боюсь, как бы известие о гибели Джеффри не было чрезмерным для Куллы. Младшие расы часто бывают слишком впечатлительны, особенно если речь идет о близких им существах.

— Мы можем ему чем-нибудь помочь? Он слышит нас?

Взгляд Куллы, казалось, блуждал где-то далеко-

далеко. Но в конце концов, гигантские красные глаза прингла никогда ничего не говорили Джейкобу. Он прислушался: стук зубов явно усилился.

— Полагаю, он в состоянии нас слышать. — Джейкоб осторожно коснулся руки прингла. Она оказалась такой мягкой и хрупкой, словно была лишена костей — Кулла, — негромко позвал он чужака, — позади вас стоит стул. Вам стало бы легче, если бы вы присели.

Чужак попытался ответить. Огромные складчатые губы чуть раздвинулись, стук стал громче. Через мгновение губы снова сомкнулись. Кулла неуверенно кивнул и позволил усадить себя. Голова прингла безвольно свесилась на грудь.

Было что-то сверхъестественное в том, с какой силой переживал этот В.З. смерть существа иной расы, существа, чуждого ему во всем, вплоть до химического состава тела.

— Прошу внимания! — Хелен де Сильва подняла руку. — Для тех, кто еще не слышал новости, сообщаю: по предварительным данным, мы скорее всего потеряли корабль доктора Джеффри в активной области J-2, вблизи солнечного пятна Джейн. Повторяю, это всего лишь предварительные данные. С окончательными выводами придется подождать до получения обработанных

телеметрических данных.

В дальнем конце зала замахал руками вездесущий Ла Рок. В руке у него блеснула камера, совершенно не похожая на ту, что отобрал у него Джейкоб.

— Мисс де Сильва, — пронзительный голос репортера легко перекрыл поднявшийся шум, — позволят ли прессе присутствовать при просмотре данных телеметрии? Их ведь не станут держать в секрете?

Манерный акцент Ла Рока исчез, и старомодное обращение «мисс» прозвучало довольно нелепо.

Хелен ответила не сразу. Закон о праве на информацию недвусмысленно запрещал отказывать в получении каких-либо сведений без специальной резолюции Секретного агентства. СА, ответственное за то, чтобы честность всегда главенствовала над законом, весьма неохотно шло на подобный шаг. Ла Рок явно загнал коменданта базы в угол, но, судя по всему, пока не стремился дожать ее. Пока...

— Хорошо. На смотровой галерее, расположенной над центром управления, могут присутствовать все желающие... за исключением, — она быстро взглянула на столпившихся в дверях постоянных сотрудников базы, — тех, у кого есть

свои дела. — И нахмурилась, давая понять, что собрание закончено. В зале тут же поднялась суета. — Мы соберемся через двадцать минут, — прокричала Хелен, перекрывая шум.

Сотрудники базы поспешно покидали конференц-зал, но обладатели зеленых комбинезонов — контрактники и приглашенные участники проекта — расходились куда неохотнее. Джейкоб оглянулся. Ла Рок исчез: вне всякого сомнения, поспешил на лазерную станцию — передать сообщение на Землю.

Только сейчас Джейкоб понял, что в зале нет Буббакуба. Он видел, как перед совещанием пил беседовал с Милдред Мартин, но потом чужак исчез, на лекции его тоже не было. Странно.

Хелен подошла к ним.

— Бедный Джефф! — Она взглянула на прингла. — Кулла всегда так мило шутил по поводу своей дружбы с ним, — она вздохнула, — говорил, что они потому так близко сошлись, что оба совсем недавно слезли с деревьев. До чего все это теперь далеко! — Она мягко тронула чужака за плечо.

— Печаль — привилегия юности, — пропел Фэгин, и его листва утешающе зашелестела.

Хелен повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, доктор Кеплер оставил пись-

менное указание: в случае, если с ним что-нибудь произойдет, я должна советоваться с вами и с кантеном Фэгином.

— Что?! — уставился на нее Джейкоб.

— Именно так, сэр. Разумеется, эта инструкция не имеет никакой юридической силы. Все, что я могу сделать, это допустить вас двоих на совещания руководства. Но ваши советы в любом случае могут оказаться очень полезными. Надеюсь, вы придете на просмотр телеметрических данных?

Джейкоб хорошо понимал ее положение. Будучи комендантом базы, Хелен де Сильва отныне вынуждена нести все бремя ответственности за любое принятое здесь решение. И это в обстановке открытой враждебности Ла Рока и не слишком доброжелательного отношения к проекту доктора Мартин. Что же касается Буббакуба, то его намерения покрыты непроницаемым мраком, а ведь мнение именно этой троицы имеет решающее значение. Если Земля потребует отчета, Хелен понадобятся друзья, способные сказать веское слово в ее защиту.

— Конечно, — просвистел Фэгин, — мы оба сочтем за честь оказать вам любую помощь.

Хелен повернулась к Кулле и мягко поинтересовалась его самочувствием. После долгой паузы

чужак медленно поднял голову и вяло кивнул, давая понять, что с ним все в порядке. Стук зубов наконец прекратился, но огромные красные глаза все еще казались абсолютно безжизненными. Кулла выглядел больным и несчастным.

Хелен ушла, ей еще нужно было подготовить к просмотру данные телеметрии. Почти сразу в дверях появилась коренастая фигура. Блестящая шерсть на шее Буббакуба встопорщилась, приобретя сходство с поднятым воротником. Увидев Джейкоба и Фэгина, он быстро подошел к ним, смешно переваливаясь на коротких ногах, и быстро заговорил. Из водора полилась отрывистая речь:

— Я только что узнал новость. Крайне необходимо, чтобы вы присутствовали при просмотре данных с корабля. Я провожу вас.

Он подошел ближе и неожиданно обнаружил сидевшего с отсутствующим видом прингла.

— Кулла!

Тот поднял глаза на своего опекуна. На миг совершенно растерялся, затем вяло взмахнул тонкой рукой. Джейкоб не понял, что он хотел сказать — то ли просил оставить его в покое, то ли что-то отрицал.

Буббакуб ощетинился, стремительная щелка-

ющая трель пронзила тишину конференц-зала. Кулла вскочил как ошпаренный. Буббакуб замолчал, повернулся и быстро направился к выходу, не обратив ни малейшего внимания на Джейкоба и Фэгина.

После мгновенного замешательства все последовали за ним. Кулла уныло плелся последним. Над кроной Фэгина витала чуть слышная странная мелодия.

12. ГРАВИТАЦИЯ

Полностью автоматизированная лаборатория телеметрии располагалась в узкой и длинной комнате. Два десятка мониторов выстроились вдоль стены, сверху над ними нависал большой обзорный экран. На галерее, вытянувшейся вдоль лаборатории и отделенной от нее огромным стеклом, собрались все, кто получил разрешение ознакомиться с доставленными данными. Время от времени кто-нибудь из стоявших на галерее наклонялся вперед, вглядываясь в обзорный экран, словно надеясь обнаружить солнечный корабль целым и невредимым.

Хелен де Сильва стояла у двух ближайших к галерее мониторов. Именно с них на обзор-

ный экран выводились последние сообщения с корабля Джеффри. По экрану бежали строки, написанные несколько часов назад в сорока миллионах миль отсюда:

ПОЛЕТ ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ. В ЗОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СКОРОСТЬ ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ СЖИМАЕТСЯ В ДЕСЯТЬ РАЗ. НА ОБЕД МНЕ ХВАТИЛО ДВАДЦАТИ СЕКУНД.

Джейкоб невольно улыбнулся. Джеффри явно пребывал в приподнятом настроении.

СПУСКАЮСЬ В ОБЛАСТЬ ТАУ-ОДИН. ВПЕРЕДИ СГУЩЕНИЕ СИЛОВЫХ ЛИНИЙ. ПРИБОРЫ РЕГИСТРИРУЮТ НАЛИЧИЕ СТАДА, КАК И ГОВОРИЛА ХЕЛЕН. ИХ ОКОЛО СОТНИ. ПРИБЛИЖАЮТСЯ.

Внезапно напряженную тишину нарушил хриплый голос шимпанзе:

— Мои соплеменники не поверят! Первое соло на Солнце! Куда до меня Тарзану!

Послышался каркающий смех, завершившийся чем-то похожим на всхлип.

Джейкоб вздрогнул.

— Он что, был там один?!

— Я думала, вы знаете, — удивилась Хелен. — Управление кораблем полностью автоматизировано. Только компьютеру по силам управлять стасис-генератором так быстро, чтобы пассажира не раздавило всмятку. В распоряжении Джеффа... — она запнулась, но справилась с волнением, — имелось два генератора: один непосредственно на борту и один здесь, на базе. Пилот может внести лишь незначительную коррекцию.

— Но к чему такой риск?

— Это идея доктора Кеплера, — ответила де Сильва, словно оправдываясь. — Он хотел понять, как станут реагировать Призраки на пси-структуру шимпанзе.

— Я ничего об этом не слышал, на совещании не прозвучало ни слова.

Она откинула со лба светлую прядь.

— Во время наших первых встрече магнитоядными никаких Пастухов не наблюдалось. Впервые столкнувшись с Призраками, мы предпочли не подходить к ним слишком близко. Когда же мы все-таки решили приблизиться, то пастухи мгновенно исчезли. Попросту сбежали. Но так было лишь в первый раз, впоследствии их поведение изменилось коренным образом. В то

время как основная масса удалялась от корабля, некоторые из Призраков, наоборот, устремлялись нам навстречу, взмывая над кораблем и тем самым уходя из зоны регистрации. И приближались вплотную!

Джейкоб покачал головой.

— Что-то я не совсем понимаю...

Хелен взглянула на ближайший монитор. Ничего нового, лишь обычные сообщения о ситуации на Солнце.

— Так вот, Джейкоб, корабль представляет собой плоскую палубу, заключенную в сферическую оболочку, идеально отражающую свет. Генераторы гравитации, генераторы стасис-поля и охлаждающий лазер находятся внутри маленькой сферы в центре палубы. Регистрирующие приборы расположены по краю на «нижней стороне», тогда как живые исследователи занимают «верхнюю» половину палубы, так что и те, и другие имеют возможность беспрепятственно наблюдать любое явление. Но мы никак не рассчитывали, что кто-то станет намеренно избегать зоны регистрации!

— Но если Призраки избегают приборов, отсиживаясь у вас над головами, то почему попросту не перевернуть корабль? Ведь никаких проблем

с гравитацией при этом не возникнет.

— Мы пробовали. Но Призраки исчезали снова! Или, хуже того, оставались у нас над головой, как бы быстро мы ни маневрировали. Они всегда находились сверху! Зато после нашего вращения нам впервые показали антропоморфного Призрака.

Внезапно снова раздался каркающий голос Джеффри:

— Эй, да тут целая стая овчарок расталкивает тороиды! Пойду поиграю с ними. До чего ж милые собачки!

Хелен пожала плечами.

— Джефф был настроен очень скептически. Ему-то никогда не чудились человеческие силуэты, а Пастухов он упорно называл овчарками, считая, что в поведении Призраков нет и следа разумности.

Джейкоб усмехнулся. Своим несколько высокомерно-презрительным отношением к собачьему племени шимпанзе всегда напоминали ему подростков, снисходительно поглядывающих на резвящуюся под ногами мелюзгу. Шимпанзе попросту ревновали собак, живущих рядом со своими опекунами уже не одну тысячу лет. Оттого, наверное, шимпанзе сами частенько

держали собак в качестве домашних животных, обращаясь с ними подчеркнуто снисходительно и добродушно.

— Почему он назвал магнитоядных тороидами?

— Они похожи на гигантские бублики. Вы бы увидели сами, если бы... если бы лекция не прервалась столь внезапно.

Она печально покачала головой. Джейкобу захотелось обнять ее.

— Я уверен, что никто не смог бы... — начал он, но тут же запнулся. Утешения здесь были абсолютно неуместны.

Хелен кивнула и повернулась к монитору.

Рядом со стеклянной стеной развалился на подушках Буббакуб. Полностью поглощенный каким-то электронным фолиантом, он не обращал на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Когда раздался каркающий голос Джеффри, он оторвался от книги и бросил загадочный взгляд на Ла Рока.

Глаза репортера лихорадочно поблескивали. Время от времени он что-то возбужденно бормотал в свой диктофон.

— Осталось три минуты, — глухо прошептала Хелен.

Джейкоб перевел взгляд на экран. В течение еще одной минуты не происходило ровным счетом ничего. Затем на экране снова вспыхнуло сообщение Джеффри:

> ОНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ КО МНЕ! ИХ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДВОЕ. ПЕРЕКЛЮЧАЮ КАМЕРЫ НА КРУПНЫЙ ПЛАН... ЭЙ! ЧТО ПРОИСХОДИТ? КОРАБЛЬ ТЕРЯЕТ УСТОЙЧИВОСТЬ! ОТКАЗАЛА СИСТЕМА СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ!

— Все кончено! — Каркающий голос Джеффри прорезал звенящую тишину. — Скорость растет. Крен все увеличивается. Коэффициент сжатия времени падает! В.З....Они...

Оглушительный треск перекрыл последние слова Джеффри, внезапно сменившись громким шипением. Оператор усилил звук, но все было кончено. На галерее повисла гнетущая тишина.

Какое-то время никто не решался заговорить. Наконец один из операторов поднялся со своего места.

— Получено подтверждение о взрыве.

Хелен устало кивнула.

— Спасибо. Пожалуйста, подготовьте резюме для Земли.

Джейкоба переполняло горькое удовлетворение. Как штатный сотрудник Центра Развития он не мог не заметить, что в последнее мгновение своей жизни Джеффри отверг услуги клавиатуры. Вместо того, чтобы сжаться от страха и замереть в ожидании смерти или же, напротив, впасть в истерику, Джеффри, превозмогая ужас и боль, заговорил вслух!

Джейкобу захотелось крикнуть об этом во всеуслышание. Но здесь вряд ли кто сумел бы его понять. Разве что Фэгин. Он оглянулся. Кантен покачивал ветвями на другом конце галереи. Фэгин заметил возбуждение приятеля и печально зашелестел. Джейкоб начал было пробираться к нему, но остановился, пораженный выкриком Ла Рока.

— Глупцы! — Репортер даже не кричал, а скорее шипел. — Глупцы! — Он не сводил с Хелен ненавидящего взгляда. — И самый большой глупец на свете я сам! Уж я-то должен был знать, как опасно в одиночку отправляться на Солнце! — Все глаза, как по команде, устремились на Ла Рока. — Разве вы не видите?! Слепцы! Слепцы! Слепцы! Если Призраки являются нашими предками — а сомневаться в этом уже невозможно, — то ведь ясно как день, что они обижены на нас! Ведь это очевидно! Тысячелетиями Призраки избегают

людей! И лишь сохранившаяся привязанность к своим неблагодарным детям заставляла их до этого удерживаться от насильственных действий! Они ведь предупреждали вас! Они не хотят, чтобы вы лезли к ним! Но вы, вы, самонадеянные ничтожества, не желали замечать очевидного, вы упорно продолжали вмешиваться в жизнь наших опекунов! Как, скажите на милость, должны реагировать могущественные существа, когда их покой тревожат жалкие представители расы, которую когда-то они взрастили собственными руками? И что им оставалось делать, когда к ним заявился даже не человек, а тупая и наглая обезьяна и...

Несколько человек в ярости вскочили со своих мест. Хелен жестом попросила их остановиться и сохранять спокойствие. Она повернулась к Ла Року, по-прежнему холодная и невозмутимая.

— Сэр, не будете ли вы так любезны изложить вашу гипотезу на бумаге? И, пожалуйста, постарайтесь использовать как можно меньше обличительных выражений. Я полагаю, все сотрудники базы с удовольствием рассмотрят вашу интересную гипотезу.

— Но...

— Прошу меня простить, но сейчас мы не

можем позволить себе подобных дискуссий. Поговорим об этом позже, когда у нас появится свободное время.

— У нас больше нет времени!

Все разом обернулись. В дверях застыла доктор Мартин.

— Думаю, лучше обсудить этот вопрос прямо сейчас.

— Как себя чувствует доктор Кеплер? — спросил Джейкоб.

— Я только что от него. Мне удалось вывести его из шокового состояния. Сейчас он спит. Но прежде, чем заснуть, доктор Кеплер весьма настойчиво потребовал немедленно совершить еще один прыжок.

— Немедленно? Но зачем? Почему не подождать до выяснения причин катастрофы?

— Мы уже знаем, что произошло с кораблем Джеффри! — резко ответила Мартин. — Я слышала, что сказал мистер Ла Рок, и мне абсолютно не понравилось, как вы отнеслись к его идее! У вас всех словно шоры на глазах! Вы так самоуверенны, что неспособны даже воспринять свежий взгляд на случившееся!

— То есть вы хотите сказать, что Призраки являются нашими опекунами? — Хелен на мгно-

вение потеряла невозмутимость, не сумев скрыть недоумения.

— Этого я, конечно же, не знаю. Но во всем остальном слова мистера Ла Рока не лишены смысла! В конце концов, разве Призраки не угрожали нам и раньше? А сейчас они попросту осуществили свои угрозы! Возникает вопрос, почему? Уж не потому ли, что с их точки зрения жизнь представителя младшей расы вовсе не является бесценным даром? — Она печально качнула головой. — Знаете, пройдет не так много времени, и люди наконец начнут сознавать, что надо приспосабливаться! Хотим мы того или нет, но каждая кислородная раса занимает свое место в иерархической лестнице Галактики... Это строгий порядок, основанный на старшинстве, силе и покровительстве. Многим из нас это не нравится, но дело обстоит именно так! Если мы не хотим пойти по пути неевропейских народов девятнадцатого века, то нам необходимо научиться, как следует вести себя с другими, куда более могущественными, чем мы, земляне, расами!

Джейкоб нахмурился.

— Вы хотите сказать, что гибель шимпанзе и недружелюбие Призраков означают, что...

— ...что соляриане, возможно, просто не желают

иметь дела с детьми и домашними животными... — Один из операторов в сердцах треснул кулаком по терминалу. Хелен выразительным взглядом велела ему взять себя в руки. — Но, быть может, они захотят поговорить с делегацией, составленной из представителей старших рас? В конце концов, мы ничего не можем утверждать наверняка, и нам остается только попробовать.

— Кулла принимал участие в большинстве наших прыжков, — подал кто-то голос, — а ведь он представляет Библиотеку!

— Я очень уважаю прингла Куллу, — Мартин слегка наклонила голову, — но его раса почти столь же молода, как и человечество. Очевидно, соляриане не считают ни его, ни нас достойными внимания. Я предлагаю воспользоваться тем счастливым обстоятельством, что сейчас на Меркурии находятся представители двух очень древних и очень почтенных рас. Нам следует смиренно просить пила Буббакуба и кантена Фэгина присоединиться к нашей последней попытке установить контакт с обитателями Солнца!

Буббакуб медленно поднялся. Он неторопливо оглядел всех собравшихся, прекрасно зная, что учтивый Фэгин уступит ему слово.

— Если человеческие существа считают, что

я нужен на Солнце, то, несмотря на очевидную небезопасность примитивных солнечных кораблей, я склоняюсь к мысли принять это предложение. — И пил с довольным кряхтением снова опустился на свою подушку.

Фэгин взволнованно зашелестел:

— Я также буду рад отправиться с вами, друзья мои! Честно говоря, я бы предпринял любые усилия, чтобы получить место на вашем солнечном корабле. Я плохо представляю себе, чем могу быть полезен, но буду счастлив составить вам компанию.

— Черт побери, я против! — Хелен окончательно перестала сдерживаться. — Я не желаю, чтобы исключительно из политических соображений пил Буббакуб и кантен Фэгин отправились с нами совершать прыжок именно сейчас, после катастрофы! Вы говорите о необходимости добрых отношений со старшими расами, доктор Мартин, но неужели при этом вы не отдаете себе отчет, что произойдет, если уважаемые Буббакуб и Фэгин погибнут на корабле землян?!

— Все это полнейшая чепуха! — резко возразила Мартин. — Если кто и может предотвратить подобные обвинения, то прежде всего сами софонты. В конце концов, Галактика полна опасностей!

Я нисколько не сомневаюсь, что уважаемые софонты не станут возражать против расписок или чего-нибудь подобного.

— Что касается меня, то такие документы давно уже готовы, — нежно пропел Фэгин.

Буббакуб с важным видом также не преминул заявить о великодушном желании подвергнуть свою жизнь риску и отправиться в опасный полет на примитивном аппарате землян. Ла Рок тут же рассыпался целым фонтаном трескучих благодарностей. Даже Милдред Мартин была вынуждена попросить его прекратить этот поток словоизвержений.

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот пожал плечами.

— Думаю, у нас все-таки есть немного времени. Пусть сначала обработают данные, полученные во время прыжка Джеффа. Надеюсь, вскоре понравится доктор Кеплер. А мы тем временем можем обратиться на Землю за поддержкой.

Мартин вздохнула.

— Если бы все было так просто! Вы не до конца продумали ситуацию. Посудите сами, если мы хотим попытаться помириться с солярианами, то нам нужно установить контакт именно с той самой группой, которую мы обидели.

— Разумно, хотя я не убежден в необходимости немедленного прыжка.

Вопросы посыпались со всех сторон:

— Но как вы собираетесь найти эту группу в солнечной атмосфере?

— Может быть, нужно просто вернуться в ту же активную область?

— В том-то и дело, — улыбнулась Мартин. — Ведь не существует никакой постоянной «солографии», а потому нельзя составить карту. На Солнце активные области угасают за какие-нибудь недели. Там есть лишь различные уровни и плотности. Даже экватор на Солнце вращается быстрее, чем остальные широты! И как иначе обнаружить ту же самую группу, если не отправиться сразу в то же самое место? Медлить нельзя.

Джейкоб взглянул на Хелен.

— Что вы думаете по этому поводу? Милдред права?

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает? Может, и так. Во всяком случае, подумать стоит. Но я точно знаю, что мы не сделаем и шагу, пока доктор Кеплер не придет в себя и не сможет высказать свое собственное мнение.

Мартин шагнула вперед.

— Я ведь уже сказала! Дуэйн согласен, что следующая экспедиция на Солнце должна стартовать немедленно!

— Я должна услышать это от него сама, — холодно возразила де Сильва.

— Что ж, я здесь, Хелен.

Все обернулись.

В дверях, опершись о косяк и поддерживаемый главврачом Лэрдом, стоял руководитель «Прыжка в Солнце».

— Дуэйн! Зачем вы встали? Вы что, хотите заполучить сердечный приступ? — Разъяренная Мартин кинулась тут же увести Кеплера. Но тот властным жестом остановил ее.

— Со мной все в порядке, Милли. Я слегка разбавил твою микстуру, в небольших дозах она приносит гораздо больше пользы. Не обижайся, я знаю, ты хотела как лучше. Так что на этот раз твое пойло не смогло свалить меня с ног, как обычно! — Кеплер негромко хихикнул. — Во всяком случае, я очень рад, что не проспал твою блестящую речь. А знаете, иногда очень полезно подслушивать под дверью. — Он снова хихикнул.

Доктор Мартин густо покраснела.

Джейкоб облегченно вздохнул: Кеплер, похоже,

не собирался распространяться о его роли в этом деле. После посадки и получения доступа к лабораторному оборудованию Джейкоб решил, что будет очень глупо, если он не проведет анализ таблеток, извлеченных им из карманов Кеплера. К счастью, никто не поинтересовался, что это за таблетки и откуда они взялись. Все лекарства оказались стандартными средствами, применяемыми при лечении легких маниакальных синдромов. Все, кроме одного.

Этот загадочный препарат не давал Джейкобу покоя. Что за болезнь может быть у руководителя проекта, если ему необходимы столь большие дозы сильного антикоагулянта? Главный врач базы Лэрд, узнав о лекарстве, пришел в ярость. Зачем доктор Мартин прописала Кеплеру варфарин?!

— Вы уверены, что чувствуете себя достаточно хорошо? — Хелен подошла к Кеплеру и помогла ему добраться до стула.

— Я в порядке, Хелен. И кроме того, есть дела, которые не терпят отлагательства. Во-первых, в отличие от Милли, я вовсе не убежден, что Призраки встретят пила Буббакуба и кантона Фэгина с большим энтузиазмом, чем нас. Я не стану взваливать на себя ответственность и брать их с собой в прыжок, пока существует хотя бы

малейшая опасность! Ведь если они погибнут, то виноваты в этом будут вовсе не соляриане, а... Черт возьми, вы же прекрасно понимаете, что вся вина ляжет на людей! Еще один прыжок, безусловно, нужен, но без наших почтенных внеземных друзей. И совершить его необходимо как можно скорее, чтобы попасть в ту же самую область. В этом Милли абсолютно права.

Хелен выразительно покачала головой.

— Не могу с вами согласиться, сэр! Либо Джеффа убили Призраки, либо что-то произошло с кораблем. Я склоняюсь к последнему предположению, как бы мне ни хотелось уверить себя в обратном... Конечно же, следует все тщательно проверить, прежде чем...

— Нет никаких сомнений, все дело в корабле, — резко прервал ее Кеплер. — Призраки не убийцы!

— Да что вы там несете? — взвизгнул Ла Рок. — Вы что, совсем ослепли?! Как можно отрицать очевидное?!

— Дуэйн, — с мягкой вкрадчивостью вмешалась Мартин, — вы слишком устали для столь серьезного разговора.

Кеплер нетерпеливо отмахнулся от нее.

— Простите меня, доктор Кеплер. — Джейкоб

решил расставить все точки над «i». — Я правильно вас понял, вы считаете, опасность исходит отсюда, с базы? Комендант полагает, что вы, вероятно, имеете в виду чью-нибудь халатность при подготовке корабля к прыжку. Но, может быть, вы хотели сказать что-то другое?

— Я просто хочу узнать одно, — устало ответил Кеплер. — Позволяют ли данные телеметрии утверждать, что корабль Джеффа разрушился в результате исчезновения стасис-поля?

Уже знакомый Джейкобу оператор шагнул вперед.

— Да, сэр, со всей определенностью. Но как вы догадались?

— Сам не знаю, — слабо улыбнулся Кеплер, — но это первое, что пришло мне в голову, как только я подумал о диверсии.

— Что?! — Возглас изумления и ужаса эхом прокатился под потолком.

До Джейкоба вдруг дошло.

— Вы имеете в виду, что во время осмотра...

Он резко повернулся в сторону Ла Рока. Боковым зрением увидел, как помертвело лицо Милдред Мартин.

Ла Рок пошатнулся, словно кто-то наотмашь ударил его.

— Да как вы смеете?! — прошептал он побелевшими губами. — Вы совсем обезумели! Как бы я смог вывести из строя генераторы?! Да ведь я едва на ногах держался!

— Послушайте, мистер Ла Рок, — успокаивающе ответил Джейкоб, — я вас ни в чем не обвинял. Да и доктор Кеплер лишь высказал предположение.

Кеплер отрицательно качнул головой.

— Боюсь, Джейкоб, тут не до шуток. Мистер Ла Рок провел целый час у стасис-генератора и, заметьте, в полном одиночестве. Перед стартом мы проверили генератор, его никто не трогал. Я имею в виду, не трогал руками. И слишком поздно пришло мне в голову проверить камеру, которую, вы, Джейкоб, отобрали у этого человека. В камере я обнаружил мини-глушитель. Вот он! — Кеплер извлек из кармана крошечный блестящий предмет. — Вот он, поцелуй Иуды!

Ла Рок побагровел.

— Да ведь такие штуки таскают с собой все журналисты! Это же всего лишь средство самозащиты! Я думать о нем забыл! Да и невозможно с его помощью повредить такую махину! Почему вы все молчите?! Ведь это же шовинист, религиозный фанатик! Я знаю о ваших убеждениях, доктор Кеплер, знаю, что вы ведь всегда нена-

видели наших внеземных друзей! И это вы во всем виноваты — вы специально подстроили, чтобы мы лишились всяких шансов установить контакт с Призраками! Вы же просто боитесь их! И как вы смеете обвинять меня в смерти этого глупого шимпанзе? Меня, человека, у которого не было никаких мотивов для убийства! Да вы сами убили эту жалкую обезьяну, а теперь вам просто Понадобился козел отпущения!

— Немедленно Заткнитесь, Ла Рок! — ровным голосом приказала де Сильва. Она повернулась к Кеплеру. — Сэр, вы сознаете степень своих обвинений? Гражданин неспособен совершить убийство просто из неприязни. Только поднадзорный в состоянии убить живое существо без крайней на то необходимости. Вы можете назвать причину, побудившую мистера Ла Рока пойти на такое злодеяние?

— Не знаю, не знаю, — Кеплер не сводил пристального взгляда с репортера, — но гражданин, совершивший даже вынужденное убийство, не может не испытывать сожаления и угрызений совести. А мистер Ла Рок, если судить по его виду, ни о чем не сожалеет. Так что он либо невиновен, либо прекрасный актер... либо поднадзорный!

— Поднадзорный?! В космосе?! — вскричала

Мартин. — Это невозможно, Дуэйн! Вы же сами прекрасно знаете! Все космопорты просто напичканы П-приемниками. Кроме того, детекторы имеются на всех межзвездных кораблях без исключения! Мне кажется, Дуэйн, вам следует извиниться перед мистером Ла Роком.

Кеплер широко улыбнулся.

— Извиниться? Да мистер Ла Рок лжец! Я совершенно точно знаю: он лжет, утверждая, что при осмотре солнечного корабля у него закружилась голова. Да еще так сильно, что он шагу ступить не мог. Ложь от начала и до конца! Я запросил досье на этого господина, и на Земле с готовностью согласились помочь мне. И вы знаете, что выяснилось? Мистер Ла Рок, организм которого не выносит искусственной гравитации, на самом деле опытнейший астронавт! Более того, этого человека отстранили от полетов по «медицинским показаниям». А вам ведь наверняка известно, что означает такая формулировка! Ее используют в тех случаях, когда тест на поднадзорность повышается до предельного значения, и человек вынужден оставить деятельность, разрешенную только для граждан! Возможно, мистер Ла Рок и не является поднадзорным, и тот тест был лишь досадной случайностью, вызванной неблаго-

приятным стечением обстоятельств. Но тогда к чему вся эта ложь? У него слишком большой космический опыт для того, чтобы «до смерти перепугаться» безобидной гравитационной петли. Я очень сожалею. Мне следовало разобраться во всем раньше, и тогда бедняга Джефф был бы сейчас жив.

Джейкоб видел, что симпатии присутствующих, несмотря на энергичные протесты Ла Рока и увещевания Милдред Мартин, явно не на стороне репортера. Де Сильва так и сверлила Ла Рока холодными глазами. Джейкобу стало не по себе — выражение лица Хелен не сулило ничего хорошего.

— Подождите, — он поднял руку, стараясь привлечь к себе внимание, — а почему бы нам не проверить, есть ли среди нас поднадзорные? Человек мог избавиться от своего передатчика, но мы можем послать на Землю изображения наших сетчаток. Если мистер Ла Рок не внесен в списки Центра Надзора, то доктор Кеплер обязан будет взять назад свои обвинения.

— Отличная мысль, Демва! — вскричал репортер. — Но ради Кулкулкана, не стоит с этим тянуть! И я требую, чтобы все прошли эту процедуру.

Джейкоб заметил, как в глазах руководителя проекта мелькнула неуверенность. Кеплеру явно стало хуже. Хелен, желая облегчить его страдания, приказала уменьшить гравитацию на базе до меркурианского уровня. Из центра управления ответили, что на это уйдет не меньше пяти минут. Кеплер вяло поблагодарил коменданта за заботу и попросил не тратить на него время. Оставив его на попечении Милдред Мартин, Хелен объявила по радио о поголовной проверке на поднадзорность и распорядилась подготовить все необходимое.

Присутствовавшие в комнате телеметрии, оживленно переговариваясь и бросая косые взгляды на репортера, потянулись к лифтам. Ла Рок стоял неподалеку от Кеплера и Мартин, гордо демонстрируя решимость опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Скорбная мина великомученика комично контрастировала с его пухлой физиономией.

В зале кроме этой троицы оставались еще лишь Джейкоб и двое сотрудников базы. Все молча стояли у дверей в ожидании лифта. Вдруг величина гравитационного поля резко изменилась. Джейкобу, успевшему забыть о распоряжении Хелен на этот счет, на мгновение показалось, что

пол уходит из-под ног.

Перепады гравитации не были так уж необычны — на многих участках базы искусственной гравитации вообще не было. Но переход обычно осуществлялся при пересечении границы области, контролируемой стасис-полем, что само по себе было привычно, хотя и не слишком приятно. И не так обескураживало. Сейчас же все произошло слишком неожиданно. Джейкоб с трудом устоял на ногах.

В этот момент Ла Рок вдруг кинулся к Кеплеру, все еще не расставшемуся со злополучной камерой. Мартин пронзительно вскрикнула. Один из сотрудников попытался перехватить репортера, но, получив сильный удар в лицо, отлетел в сторону. Ла Рок в акробатическом прыжке выхватил камеру из рук ошеломленного Кеплера и помчался по коридору. Джейкоб и второй сотрудник кинулись вслед.

На мгновение Ла Рок обернулся. Острая боль пронзила плечо Джейкоба. Он резко нырнул вниз, уходя от второго выстрела глушителя. В голове вдруг что-то лопнуло, и знакомый голос деловито сообщил:

— Не лезь, приятель, теперь это моя игра.

Он стоял и ждал. Им владело сильнейшее

возбуждение, но чувствовал он себя просто отвратительно. Пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и прийти в себя.

В тускло освещенном туннеле он был совершенно один. Плечо саднило. Глубочайшее удовлетворение, владевшее им еще мгновение назад, постепенно уступало место растерянности. Он огляделся и глубоко вздохнул.

— Итак, дружок, ты решил, что можешь обойтись и без меня? Ты заявил, что это твоя игра? — Он не узнавал свой голос. Плечо болело все сильней.

Джейкоб не понимал, каким образом его второй половине удалось вырваться на свободу. Более того, произошло нечто совсем из ряда вон выходящее: его второе «я» попыталось действовать самостоятельно, без поддержки основной личности. Но что-то помешало мистеру Хайду, и он оставил свою затею, вновь укрывшись в дальнем углу подсознания Джейкоба.

Джейкоб внезапно почувствовал себя оскорбленным. Что ж, похоже, мистер Хайд не очень-то любит, когда намекают на ограниченность его возможностей. Придется смириться, приятель, ничего не поделаешь.

Но что теперь делать? Воспоминания о послед-

них десяти минутах потоком хлынули на него. Джейкоб хрипло рассмеялся. Его аморальное и самоуверенное «я» наткнулось на непреодолимый барьер.

Пьер Ла Рок исчез за дверью в конце разветвлявшегося туннеля. В суматохе, последовавшей за нападением репортера на Кеплера, только Джейкоб сохранил самообладание. И только он с его опытом был способен не сбиться со следа. Но тут и явился миру его двойник, в своем самозабвенном эгоизме решивший поиграть с жертвой в кошки-мышки.

Мистер Хайд играл с Ла Роком, как рыбак играет с форелью, то отпуская лесу, то снова натягивая. Он даже направил по ложному пути сотрудников базы, подбежавших слишком близко к укрытию репортера. А тот, наверное, уже и не сомневался, что ему удалось ускользнуть от преследователей.

Сейчас Ла Рок находился в камере, где хранились скафандры, и скорее всего облачался в один из них. Он пробыл там уже минут пять и явно не спешил выходить наружу. Оставалось лишь ждать. А вот ожидание и оказалось непреодолимым барьером для нетерпеливого мистера Хайда. Он абсолютно не умел ждать, поскольку был не

полноценной личностью, а всего лишь набором побуждений. Терпение было свойственно Джейкобу, но отнюдь не его двойнику.

Джейкобу удалось подавить подступающее из глубин его личности непреодолимое отвращение к происходящему. Это чувство всегда жило в нем, выходя наружу только вместе с двойником. Джейкоб хорошо понимал, какие муки претерпевает сейчас это жалкое искусственное создание, требовавшее немедленного удовлетворения своих чувств и желаний.

Прошло еще несколько томительных минут. Вжавшись в стену, Джейкоб не сводил глаз с двери, за которой скрылся Ла Рок. Он уже полностью контролировал себя, но и для него ожидание становилось нестерпимым.

Но вот ручка двери начала медленно поворачиваться. Джейкоб замер. В приоткрывшуюся щель высунулся блестящий шар. Голова в шлеме повернулась направо, затем налево. Ла Рок увидел Джейкоба. Дверь распахнулась, неповоротливая фигура шагнула вперед. В руках тускло блестел металлический стержень.

Джейкоб поднял руки.

— Остановитесь, Ла Рок! Я всего лишь хочу поговорить. Вы ведь понимаете, что вам отсюда

не выбраться?

— Я не хочу причинять вам вреда, Демва. Убирайтесь с дороги! — В голосе репортера слышалась истерика. Он угрожающе вскинул оружие.

Джейкоб покачал головой.

— Это ни к чему не приведет. Я испортил шлюз, Ла Рок, а до следующего вам в этом костюме не добраться.

Лицо репортера за стеклом шлема исказилось.

— Почему?! Ведь я ничего не сделал! Клянусь!

— Мы все выясним, Ла Рок, а пока давайте поговорим. У нас мало времени.

— Да, я поговорю! — взвизгнул Ла Рок и, размахивая стержнем, как дубинкой, кинулся на Джейкоба.

Джейкоб постарался схватить его за запястья, совершенно забыв о парализованном плече. Левая рука не слушалась. Он вскинул правую, чтобы блокировать удар. Ла Рок с неожиданным проворством уклонился в сторону. Джейкоб резко ушел вниз, дубинка просвистела над самой его головой, опустившись на правое плечо. Он быстро откатился в сторону и вскочил. Теперь не работала и другая рука. Ла Рок оказался куда подвижнее, чем полагал Джейкоб. Что там говорил Кеплер о большом космическом опыте репортера?

А Ла Рок уже снова наступал, яростно размахивая дубинкой. Если бы у Джейкоба действовали руки, справиться с репортером ему не составило бы никакого труда. Джейкоб шагнул вперед и, стремительно нырнув вниз, с силой ударил противника головой. Ла Рок ойкнул и выпустил из рук оружие. Джейкоб пинком отбросил его в сторону и отскочил назад.

— Прекратите, Ла Рок! Вы с ума сошли. Я всего лишь хочу поговорить с вами, поймите наконец, глупый вы человек! Улик явно недостаточно, чтобы обвинить вас в убийстве Джеффа. А вот бегство будет свидетельствовать не в вашу пользу. К тому же бежать здесь некуда!

Ла Рок тоскливо качнул головой.

— Извините меня, Демва, я не могу.

Манерный акцент совершенно исчез. Вытянув руки, он ринулся вперед.

Джейкоб начал отступать большими прыжками, медленно считая про себя. При счете пять он остановился, глаза его сузились. На мгновение Джейкоб Демва вновь стал единым целым. Он сделал еще один шаг назад и мысленно провел линию от носка своего ботинка к подбородку противника. Так, в самый раз. Нога взметнулась вверх. Джейкоб внимательно следил, как медлен-

но движется навстречу ей круглая голова. Удара он не почувствовал, лишь легкое прикосновение чего-то пушистого и мягкого.

Ла Рок взвился в воздух. Джейкоб следил, как нелепая фигура плавно опускается на каменный пол. Ему было искренне жаль этого нескладного человека.

Сделав небольшое усилие, он вышел из состояния транса. Тряхнул головой, отгоняя остатки наваждения, и опустился рядом с распростертым на полу репортером. Он помог Ла Року снять шлем и усадил его, прислонив к стене. Ла Рок тихо плакал.

Джейкоб заметил у него на поясе какой-то пакет, разрезал скреплявший его шнурок и принялся вскрывать, мягко, но решительно отстранив репортера, вяло попытавшегося помешать ему.

— Вот как, значит, вы не решились применить глушитель? Похоже, камера представляет для вас слишком большую ценность. Интересно, почему? Что ж, посмотрим. — Он сунул камеру в карман, поднялся и помог подняться Ла Року. — Пойдемте. Нужно найти считывающее устройство. Но, может быть, вы хотите что-нибудь сказать?

Ла Рок отрицательно покачал головой и покорно поплелся за Джейкобом. Они шли по

центральному туннелю, и Джейкоб уже собирался свернуть к фотолаборатории, когда на них наткнулась группа, возглавляемая самим доктором Кеплером. Даже в условиях пониженной гравитации ученый передвигался с большим трудом, его поддерживал санитар.

— Вы поймали его! Прекрасно! Теперь думаю, ни у кого не осталось никаких сомнений! Убийца!

— Посмотрим, — успокаивающе сказал Джейкоб. — Бегство еще ничего не доказывает, человек мог просто испугаться. А как известно, в панике даже стопроцентный гражданин способен на насилие. Вот только куда он хотел бежать? Ведь вокруг нет ничего, кроме скал! Может, имеет смысл послать наружу группу для обследования территории вокруг базы?

Кеплер рассмеялся.

— Не думаю, что он имел в виду что-то определенное. С поднадзорными всегда так — они сами не знают, куда стремятся. Ими движет инстинкт. Ла Рок просто хотел выбраться наружу. Вполне объяснимое поведение, свойственное загнанному животному.

Джейкоб взглянул на репортера. Лицо Ла Рока было совершенно бесстрастно, словно проис-

ходящее его не касалось. Но когда упомянули о территории на поверхности, Джейкоб почувствовал, как напряглась рука задержанного.

— Так, значит, вы считаете, что гражданин не мог совершить убийство? — спросил он Кеплера, после того как передал своего пленника в руки сотрудников базы и они медленно поплелись к лифтам.

— Но мотив! Бедняга Джефф и мухи не мог обидеть. Такой воспитанный и доверчивый! Да я и не припомню случая, когда бы гражданин пошел на убийство. Это такая же редкость, как и золотые метеориты.

У Джейкоба на этот счет имелись сомнения. Подобная статистика скорее свидетельствовала об отличной работе полиции, чем о чем-либо еще. Но возражать он не стал.

У лифта Кеплер подошел к переговорному устройству. Почти тотчас появились еще несколько человек.

— Кстати, вы нашли камеру? — вспомнил Кеплер.

Джейкоб сделал вид, что не слышит. Ему почему-то не хотелось расставаться с камерой. Что-то тут было не так.

— Ma camera a votre oncle! — выкрикнул Ла Рок,

яростно сопротивляясь попыткам затолкнуть его в лифт.

К Джейкобу подошел один из сотрудников и требовательно протянул руку. Тот нехотя вытащил из кармана камеру и вручил ему. Рука слушалась все еще не очень хорошо.

— Что он кричал? — спросил Кеплер с любопытством. — Вы знаете этот язык?

Джейкоб пожал плечами. Тут подошел еще один лифт, двери раскрылись, и в коридор вывалилась целая толпа. Были здесь и Хелен, и доктор Мартин. Он повернулся к ученому.

— Это всего лишь ругательство. Он не слишком-то высокого мнения о ваших предках.

Кеплер расхохотался.

13. ПОД СОЛНЦЕМ

Купол связи напоминал пузырь воздуха, навеки застывший в гигантском куске янтаря. Полусферу из стекла и стасис-экранов окружало однородное золотистое сияние. Казалось, что находишься внутри хрустального шара, погруженного в сияющую трясину. Тягучий солнечный свет, отраженный от поверхности Меркурия, усиливал это ощущение.

Вблизи скальные нагромождения на поверхности планеты поражали воображение. Высокая температура и солнечный ветер способствовали образованию крайне необычных материалов. Ландшафт Меркурия напоминал старинные полотна сюрреалистов. По не совсем понятным причинам человеческий глаз с большим трудом привыкал к этому удивительному кристаллическому пейзажу. Фантастичность картины довершали то и дело попадавшиеся странные лужи. Джейкоб предпочитал не задумываться над тем, откуда они берутся.

Вблизи линии горизонта еще один фантастический объект притягивал внимание. Солнце. Сквозь мощные защитные экраны оно светило довольно тускло. Бледно-желтый шар казался безобидным одуванчиком, чудом занесенным на мертвые просторы Меркурия. Темные солнечные пятна расходились к северо— и юго-востоку от экватора. У самой поверхности Солнца улавливалась какая-то тонкая структура.

Джейкоб не мог оторвать взгляда от застывшего светила, словно находился в наркотически-отрешенном состоянии. Тускло-желтое сияние омывало прозрачный купол, защищавший людей и механизмы. Потоки света мягко, почти нежно

ласкали лица. Джейкоб казался себе древним ящером, что нежится под лучами Великого Повелителя космоса и вместе с теплом впитывает энергию и силу Солнца. Ощущение было сладким и тревожным одновременно. Джейкоб встряхнул головой. У него вдруг появилась неприятная уверенность: там, в этом адском пекле, было что-то живое. Очень древнее и очень надменное.

Купол окружал круглую платформу из силикатного железа, на которой и располагался пункт связи. Джейкоб задрал голову, разглядывая гигантскую колонну, терявшуюся в мареве желтого сияния. Она пронзала стасис-экран, подставляя свою верхушку жарким солнечным лучам.

Венчала колонну небольшая площадка, на которой находились мазеры и лазер. Они служили для связи базы «Гермес» с Землей, а также управляли спутниками, синхронно вращавшимися на высоте пятнадцати миллионов миль. Эти спутники сопровождали солнечные корабли в пучину Гелиоса.

В данный момент лазер как раз работал. Одно за другим изображения глазных сетчаток со скоростью света уносились к земным компьютерам. Джейкобу вдруг нестерпимо захотелось оседлать один из этих информационных лучей

и вернуться домой, к спокойному земному небу, теплому, ласковому океану и умиротворяющей зелени лесов.

Он вздохнул и опустил голову. Считыватель сетчаток представлял собой небольшое устройство, соединенное с лазерной системой компьютера, разработанного Библиотекой. По сути дела, считыватель был обычным окуляром. Остальное осуществляла тончайшая оптика. Хотя В.З. и не подвергались проверке на поднадзорность (одна из причин — отсутствие критериев для оценки психики чужаков, другая — недоступность для землян каталога образцов сетчатых оболочек обитателей Галактики), Кулла настоял, чтобы он также прошел проверку. Будучи другом погибшего Джеффри, он считал свои долгом принять участие (пускай даже символическое) в расследовании обстоятельств смерти шимпанзе.

Высокий чужак с трудом примостился у окуляра, не рассчитанного на гигантские глаза принглов, и на несколько секунд замер в полной неподвижности. Наконец, дождавшись музыкального сигнала, он распрямился и, чуть покачиваясь, отошел в сторону.

Его место заняла Хелен де Сильва. Затем подошла и очередь Джейкоба. Он подождал, пока

изменится размер окуляра, затем прижался щекой к холодной поверхности аппарата и широко открыл глаза.

В далекой темноте мерцала голубая точка. Больше не было ничего. Этот огонек что-то напоминал Джейкобу, но что именно, он никак не мог понять. Голубая точка мерцала и вращалась, словно не давая возможности разглядеть себя получше.

Резкий музыкальный сигнал возвестил о том, что сеанс окончен. Джейкоб отступил назад. К аппарату, поддерживаемый Милдред Мартин, подошел Кеплер. Он слабо улыбнулся Джейкобу.

«Бог мой, так вот на что это похоже! — догадался Джейкоб. — На блеск в глазах! А собственно, что в этом странного? Ведь компьютер практически уже научился мыслить самостоятельно. Считается, что у него есть даже чувство юмора. В таком случае, почему бы не наделить его и душой? Научить бросать многозначительные или убийственные взгляды, улыбаться и прочее? Почему бы этим искусственным творениям постепенно не принять образ тех, кого они мало-помалу поглощают?»

Во время процедуры Ла Рок хранил абсолютную невозмутимость. Когда очередь дошла до него, он

надменно продефилировал мимо Хелен и Кеплера, фальшиво насвистывая модный шлягер.

Всякий раз, когда наступал черед кого-нибудь из тех, кто был связан с солнечными кораблями, Хелен пыталась разрядить обстановку, предлагая всем напитки. Многие техники недовольно ворчали, что их оторвали от работы. Джейкоб был не на шутку изумлен — ему в голову не могло прийти, что Хелен захочет проверить всех без исключения.

Когда все было кончено, он попытался узнать у нее причины такого решения. Хелен тщательно проследила за тем, чтобы Ла Рок и Кеплер не оказались в одной лифтовой кабине, с облегчением вздохнула, когда ее усилия увенчались успехом, и улыбнулась Джейкобу.

— Одно меня смущает, — начал он.

— Только одно? — На этот раз улыбка у Хелен вышла не совсем искренней.

— Ладно, я никак не могу понять, почему доктор Кеплер возражает против участия Буббакуба и Фэгина в следующем прыжке. Ведь если он подозревает Ла Рока, то, значит, следующий прыжок будет совершенно безопасен поскольку у репортера попросту не будет никакой возможности устроить подобную аварию еще раз.

С минуту Хелен задумчиво рассматривала его.

— Джейкоб, если я кому и могу доверять здесь, то только вам. Я вам скажу, что думаю на этот счет. Доктор Кеплер всегда противился участию В.З. в этом проекте. То, что вы сейчас узнаете, должно остаться строго между нами. Я очень боюсь, что баланс между гуманизмом и ксенофилией, обязательный для большинства космических путешественников, у Кеплера сильно нарушен. Его происхождение способствовало неприятию философии сторонников фон Даникена, и, как я полагаю, это неприятие частично переросло в недоверие к чужакам. Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что после ввода в строй филиала Библиотеки многие ученые на Земле лишились работы. Для Кеплера, глубоко преданного науке, это должно было явиться тяжелым ударом. Я вовсе не утверждаю, что доктор Кеплер — шкурник! Он прекрасно уживается с Фэгином и неплохо скрывает свои чувства, общаясь с другими В.З. Но сейчас Кеплер вполне способен заявить, что если на Меркурии объявился один преступник, то почему бы не оказаться и второму, а значит, полет для чужаков сопряжен с огромным риском.

— Но ведь Кулла принимал участие почти во

всех прыжках!

Хелен пожала плечами.

— Кулла не в счет. Он подопечный. Одно я знаю точно — если мои опасения подтвердятся, то мне придется действовать через голову доктора Кеплера. Каждый человек на базе пройдет проверку на поднадзорность, а Буббакуб и Фэгин отправятся в следующий прыжок, даже если придется применить силу! Я не допущу распространения слухов о ненадежности персонала, целиком состоящего из людей!

Хелен решительно вздернула подбородок. Джейкобу ее решимость показалась несколько нарочитой. И хотя он хорошо понимал ее чувства, ему было неприятно наблюдать, как на прекрасном женственном лице внезапно проступили резкие мужские черты. В то же время он вовсе не был уверен, искренна ли сейчас Хелен, откровенна ли она с ним в объяснении мотивов своего поступка.

Вахтенный пункта лазерной связи вручил коменданту только что полученное сообщение. В комнате повисла напряженная тишина. Закончив читать, Хелен де Сильва решительно направилась к охранникам.

— Арестуйте мистера Ла Рока. Он должен вер-

нуться на Землю с ближайшим кораблем.

— По какому праву? — взвизгнул Ла Рок. — Вы... вы не можете этого сделать! Это неслыханное оскорбление!

Хелен взглянула на него так, словно он представлял собой редкую и не слишком приятную разновидность насекомого.

— Я должна арестовать вас по обвинению в незаконном уничтожении передатчика Надзора. Возможно, к этому обвинению позже добавятся и другие.

— Ложь! Наглая ложь! — Ла Рок вскочил.

Один из сотрудников схватил его за руки и изо всех сил толкнул в сторону лифта.

Де Сильва повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, солнечный корабль будет готов через три часа. Я должна сообщить новость всем сотрудникам базы. Выспаться придется уже на борту. Еще раз спасибо за помощь.

Прежде чем он успел ответить, она уже отвернулась и стала раздавать указания собравшимся вокруг нее сотрудникам. Хелен отлично удалось скрыть гнев. А ведь было отчего прийти в ярость: произошло неслыханное — поднадзорный в космосе!

Какое-то время Джейкоб бездействовал, отстра-

ненно наблюдая, как пустеет купол связи. Погоня за Призраками, преступление, смерть... Господи, но ведь доказан на данный момент лишь один-единственный поступок, такой естественный и объяснимый. «Если бы я был П.П., то, не задумываясь, постарался бы избавиться от ненавистного передатчика». Джейкоб покачал головой. Но этот поступок вовсе не доказывает, что Ла Рок виновен в гибели Джеффри.

Несмотря на неприязнь к репортеру Джейкоб был совершенно уверен, что тот неспособен на умышленное убийство. Размахивать дубинкой — это одно, а убить живое существо — совсем другое.

Он чувствовал, как где-то в дальнем уголке его мозга веселится и потирает руки его безнравственный двойник, ненавистная вторая половина. Как он рвется на волю, чтобы броситься в омут предстоящих событий! Забыть! Надо обо всем забыть!

У самого лифта Джейкоба догнала Милдред Мартин. Она не могла скрыть потрясения.

— Мистер Демва... Джейкоб, неужели вы думаете, что Пьер мог убить это несчастное глупое создание? Ведь ему всегда так нравились шимпанзе!

— Мне очень жаль, доктор Мартин, но факты свидетельствуют об обратном. Закон о надзоре мне нравится не больше, чем вам. Но люди, которые получили подобный статус, и в самом деле способны легко перейти от слов к действию, к насилию. Кроме того, мистер Ла Рок избавился от своего передатчика, а это — преступление по земным законам. Но вы не беспокойтесь! Думаю, на Земле во всем разберутся. Я уверен в честном ведении дела мистера Ла Рока.

— Но... но он уже подвергся несправедливому и подлому обвинению! — выпалила Мартин. — Он не поднадзорный и не убийца! Я могу это доказать!

— Прекрасно! И какие доказательства вы можете представить?

Она закусила губу и отвела взгляд.

— Сообщение подделано.

Джейкобу стало жалко ее. И это психолог высочайшей квалификации! Трясется, заикается, не находит слов. Унизительное зрелище! Ему захотелось уйти.

— У вас есть доказательства ложности этого сообщения? Я могу их услышать?

Мартин затравленно взглянула на него. Ему показалось, что она также хочет прекратить этот

разговор.

— Персонал... Вы видели сами сообщение? Эта женщина... Ведь она сама прочла его, никому не показав. Здесь все ненавидят Пьера...

Теперь она говорила очень тихо, словно сознавала слабость своих аргументов. Джейкобу стало не по себе. Неужели комендант базы де Сильва могла прочесть не то, что содержалось в лазерограмме? Ерунда, она ведь знает, что обман раскроется. Неужели неприязнь к Ла Року могла зайти так далеко, и Хелен решила поставить на карту свою карьеру и материальное положение? Только для того, чтобы насолить зловредному журналисту? Полнейшая чушь! Но, быть может, у Милдред Мартин припасено что-то более весомое, чем столь абсурдное обвинение?

— Милли, почему бы вам не спуститься к себе и не отдохнуть? — мягко спросил Джейкоб. — Еще рано беспокоиться о мистере Ла Роке. Улик явно недостаточно, любой суд на Земле вынесет ему оправдательный приговор, уверяю вас.

Он подтолкнул Мартин к лифту, та не сопротивлялась. Прежде чем нажать кнопку, Джейкоб оглянулся. Хелен по-прежнему раздавала указания своим сотрудникам. Доктор Кеплер едва стоял на ногах, судя по всему, он был уже совершен-

но недееспособен. Кулла и Фэгин застывшими изваяниями возвышались над людской суетой. Гигантский желтый диск заливал прозрачный купол бодрящими лучами, так контрастировавшими с последними событиями.

Двери лифта захлопнулись. Путешествие на Солнце оборачивалось не самой лучшей стороной.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Жизнь — это продолжение материального мира. Биологические системы обладают уникальными свойствами, но они тем не менее должны подчиняться ограничениям, накладываемым физическими и химическими свойствами среды и самих организмов... Эволюционные решения биологических проблем находятся под влиянием физико-химической среды.

Роберт Э. Риклерс, «Экология», Хирон-Пресс

14. БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН

Проект получил название «Икар». Это была уже четвертая космическая программа с таким названием. Но первая, для которой оно было стопроцентно оправданным. Задолго до рождения родителей Джейкоба, еще до Переворота и Договора, до создания Лиги энергетических спутников, еще даже до расцвета Бюрократии в

кулуарах старушки НАСА решили, что было бы интересно послать искусственные автоматические аппараты на Солнце. Наугад, не зная, что из этого получится.

Выяснилось, что с аппаратами по мере их приближения к Солнцу происходит нечто весьма оригинальное — они попросту сгорают.

В те времена, когда американская цивилизация переживала свое «бабье лето», казалось, на свете нет ничего невозможного. Американцы строили в космосе целые города. И никто не сомневался, что проблема долговечного корабля, способного долететь до Солнца, рано или поздно будет решена. Создали материалы, выдерживающие неслыханное давление и имеющие почти идеальную отражающую поверхность. Магнитные поля должны были отклонять от корпуса корабля разреженную, но разогретую до огромной температуры плазму солнечной короны. Разработали мощные лазеры связи, позволяющие обеспечить двустороннюю передачу команд и данных.

Но аппараты все равно продолжали гореть. Как бы хороши ни были зеркала и системы термоизоляции, как бы равномерно ни распределялось тепло по поверхности корабля, законы термодинамики тем не менее брали свое. Рано или поздно

тепло переходило из области с более высокой температурой в область с более низкой.

Специалисты по физике Солнца так и продолжали бы сжигать аппараты в обмен на короткие обрывки информации, если бы не знаменитая Тина Мерчант. Удивительная женщина, выдающийся ученый и необыкновенная красавица, все в одном лице, выбрала иной путь.

— А почему вы их не охлаждаете? — резонно спросила она своих коллег. — Ведь для этого есть все возможности. Почему бы не запустить охлаждающую установку, способную быстро перераспределять тепло?

Ее коллеги снисходительно улыбнулись и ответили, что благодаря сверхпроводникам с равномерным распределением тепла нет никаких проблем.

— Речь идет вовсе не о равномерном распределении тепла, — возразила признанная красавица Кембриджа. — Нужно отводить тепло от той части корабля, в которой находятся приборы, туда, где их нет.

— Но ведь тогда произойдет возгорание! — вскричал один из ее оппонентов.

— Да, но мы можем создать целую цепочку таких тепловых сгустков, — вмешался другой

участник этой дискуссии, соображавший чуть получше. — А затем поочередно сбрасывать их...

— Нет-нет, вы не совсем правильно поняли меня.

Будущий трижды нобелевский лауреат подошла к доске и начертила кривоватый круг, а внутри него еще один.

— Сюда! — Она ткнула пальцем во внутренний круг. — Сюда вы качаете тепло до тех пор, пока оболочка не окажется горячее окружающей плазмы. Но такое состояние должно продлиться очень недолго. Прежде чем тепло успеет нанести вред, вы сбрасываете его обратно в хромосферу.

— И каким образом, — ядовито спросил один известный физик, — вы предполагаете сделать это?

Тина Мерчант улыбнулась так, словно уже предвкушала, как ей вручают Астрономическую премию.

— Вы меня удивляете! У вас на борту имеется лазер связи с температурой в миллионы градусов! Используйте его, и все!

Так началась эпоха солнечной батисферы. Поддерживаемые на плаву как своей конструкцией, так и реактивной силой охлаждающих лазеров, аппараты теперь зависали над Солнцем на довольно длительное время, фиксируя малейшие

изменения на светиле, определяющие погоду на Земле.

Но эта идиллическая эпоха закончилась в ту самую минуту, когда стало известно о Контакте. Тем не менее вскоре был создан новый тип солнечного корабля. Джейкоб улыбнулся, представив себе, что сказала бы несравненная Тина, если бы смогла увидеть, как горделиво и спокойно бороздит пучину огненного океана современный солнечный корабль, неподвластный ужасным бурям этой вспыльчивой звезды. Скорее всего: «Разумеется!» И ослепительно улыбнулась бы. Но что почувствовала бы эта великая красавица, узнай она, что достижения чуждой науки соединились в этом корабле с ее собственными открытиями?

Джейкобу этот симбиоз почему-то не внушал никакого доверия. Он, конечно же, знал, что корабль совершил уже более двух десятков успешных погружений и не было никаких оснований полагать, будто именно это путешествие окажется последним в биографии корабля и его экипажа.

Но память услужливо подсказывала свежие факты. Корабль Джеффа теперь скорее всего представлял собой облако из распавшихся металлокерамических обломков и ионизированного

газа, рассеявшись на миллионы кубических миль в солнечной пучине. Джейкоб попытался представить себе, как выглядели хромосферные бури, когда аппарат Джеффа лишился защиты пространственно-временных полей, и содрогнулся. Он прикрыл глаза рукой. Слепящий солнечный свет не могли задержать даже мощные современные фильтры. Со своего места Джейкоб мог видеть почти всю солнечную полусферу. Половину видимого пространства заполнял медленно перемещающийся бело-красно-черный шар с бахромой по краю. В водородном спектре все приобретало неприятный малиновый оттенок. Тонкая, изящная дуга протуберанца отчетливо выделялась у края диска: темные, сплетающиеся в клубки нити и вогнутые, почти черные солнечные пятна.

Топография Солнца поражала бесконечностью разнообразия. Все вокруг то мерцало, слишком быстро и коротко, чтобы это мог зафиксировать человеческий глаз, то величаво, медленно вращалось. Все находилось в непрерывном движении.

Основные черты солнечного ландшафта менялись очень медленно, и изменения нельзя было зафиксировать. Но более мелкие движения горячей плазмы читались с компьютера вполне

отчетливо. Быстрей всего пульсировали заросли высоких и тонких спикул по краям больших пестрых ячеек. На каждый импульс приходилось несколько секунд. Джейкоб знал, что каждая спикула покрывает площадь в несколько тысяч квадратных миль.

Он много времени проводил у телескопа на обратной стороне солнечного корабля, следя, как мерцающие струйки перегретой плазмы фонтанчиками вырываются из фотосферы, высвобождая из-под власти солнечной гравитации огромные волны звездного вещества, превращающегося в корону светила и в солнечный ветер.

За оградой из пульсирующих спикул подрагивали огромные грануляционные ячейки — это тепло, завершая свое путешествие, длившееся миллионы лет, вырывалось наконец на волю в виде световой энергии. Гранулы, в свою очередь, сцеплялись в гигантские ячейки, чьи колебания представляли собой основную гармонику почти идеально сферического Солнца — этакий солнечный колокол.

А над этим бескрайним и бездонным огненным океаном бурлила хромосфера. В этом океане вихревые области над спикулами играли роль коралловых рифов, а ряды величественных

распущенных нитей, повторявших контуры магнитных полей, казались побегами гигантской ламинарии, плавно колышущейся в волнах прилива. Правда, самая маленькая «водоросль» во много раз превосходила размеры Земли!

Джейкоб отвел утомленные глаза от удивительного зрелища. Если подолгу пялиться на эти чудеса, то в два счета можно превратиться в ни на что не годного инвалида. Интересно, как выдерживают остальные? Со своего места он мог видеть почти все наблюдательные кушетки, кроме тех, что находились за центральным куполом.

Внезапно в куполе образовался проем, и на призрачно-малиновую палубу хлынул поток желтого света. Появились два силуэта. В одном Джейкоб без труда узнал Хелен.

Она опустилась на соседнюю кушетку, мило улыбнувшись.

— Доброе утро, мистер Демва. Надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью? Днем будет много работы.

Джейкоб рассмеялся.

— Вы говорите так, словно здесь и впрямь есть день и ночь. Зачем поддерживать эту земную иллюзию, имитируя восход и заход?

Он кивнул в сторону Солнца, закрывавшего половину неба.

— Чтобы прибывшие с Земли зеленые юнцы могли как следует выспаться.

— О, не стоило так беспокоиться. Некоторые юнцы способны заснуть в любое время суток и в любом месте. Это мой самый ценный талант.

Улыбка Хелен стала еще шире.

— Очень удобный талант. Но раз уж об этом зашла речь, открою маленький секрет: у гелионавтов вошло в традицию перед окончательным погружением поворачивать корабль вокруг оси, вызывая на борту ночь.

— У вас уже появились традиции? И всего за два года?

— О, эта традиция значительно старше! Она возникла в те времена, когда нельзя было даже вообразить, что можно попасть на Солнце, иначе как... — она запнулась.

Джейкоб продолжил:

— Иначе, как ночью, когда не так жарко!

— Как вы догадались?

— Элементарно, Ватсон!

— А если серьезно, у нас все-таки появилась одна традиция: мы основали Орден Пожирателей Огня, членом которого становится каждый, кто хоть раз совершил погружение в Гелиос. Вас посвятят в рыцари этого ордена, как только мы

вернемся на Меркурий. К сожалению, я не могу сказать вам, в чем состоит обряд посвящения... но надеюсь, вы умеете плавать?

— Не вижу смысла уклоняться, мой комендант! Для меня большая честь стать Пожирателем Огня.

— Отлично! И не забудьте, что вы должны мне историю о Ванильном Шпиле. Вы даже представить себе не можете, как я была рада снова увидеть это старое чудовище, когда возвращалась домой на «Калипсо». Так что мне не терпится услышать рассказ человека, спасшего моего старого знакомого.

Взгляд Джейкоба скользнул мимо Хелен. На мгновение ему показалось, что он слышит рев ветра и чей-то слабый крик... Он попытался улыбнуться.

— О, я приберегу эту историю специально для вас. Она слишком личная, чтобы рассказывать ее за общим обедом. Своим спасением Шпиль обязан еще одному человеку.

В глазах Хелен что-то мелькнуло, видимо, она уже знала о трагедии в Эквадоре.

— Я буду ждать, Джейкоб. А за мной дело не станет. Я уже приготовила для вас свою историю. О «певчих птицах» на Омнивариуме. Эта планета

оказалась столь безмолвна, что земляне-колонисты вынуждены были соблюдать предельную осторожность, в противном случае птицы начинали подражать любому звуку. Жизнь в таких странных условиях произвела интересный эффект на сексуальное поведение колонистов, особенно на женщин. Им пришлось выбирать — афишировать способности своего партнера или же заниматься этим делом в абсолютной тишине! Но мне пора возвращаться к своим обязанностям. К тому же моя история требует более расслабляющей обстановки. — Она рассмеялась. — Я сообщу вам, когда мы достигнем первой турбулентности.

Джейкоб поднялся вместе с Хелен и не сводил с нее глаз, пока она не скрылась в командном пункте. Хромосфера, возможно, и не лучшее место для любования женской походкой, но Джейкобу было все равно. Он пришел в неописуемое восхищение от удивительного изящества и той необыкновенной гибкости, какую члены межзвездных экипажей умеют придавать своим конечностям.

Черт, неужели она намеренно дразнит его? Когда дело не касалось работы, Хелен де Сильва всячески подчеркивала свою сексуальность.

Но при всем этом в ее отношении к нему бы-

ло что-то странное. Похоже, она доверяла ему больше, чем от нее можно было бы ожидать. Незначительная услуга, которую он оказал ей на Меркурии, и несколько дружеских бесед вовсе не казались Джейкобу достаточным основанием для подобной близости. Может, ей что-то нужно от него? Если так, то что?

С другой стороны, Хелен много лет провела в открытом космосе, где люди гораздо легче сходятся друг с другом. Тот, кто вырос в колонии О'Нила в эпоху политических балаганов, когда человек предпочитал жить в собственном мире, возможно, склонен доверять своим инстинктам больше, чем дитя крайне индивидуалистской Конфедерации.

Он усмехнулся. Интересно, что ей наболтал о нем проклятый овощ?

Джейкоб подошел к центральному куполу, где, кроме всего прочего, имелась и компактная душевая кабина. На гладкой поверхности купола выделялся небольшой прямоугольный выступ. Джейкоб нажал на кнопку и шагнул в открывшуюся дверь. Вернулся он посвежевшим. После секундного раздумья Джейкоб направился к автоматам для раздачи пищи, находившимся по другую сторону купола. Там он обнаружил

Милдред Мартин в обществе двуногих чужаков. Мартин слабо улыбнулась ему, красные глаза Куллы дружески блеснули, и даже Буббакуб прохрипел в свой водор что-то приветственное.

Джейкоб заказал омлет и апельсиновый сок.

— Знаете, Джейкоб, — обратилась к нему Мартин, — вы напрасно вчера слишком рано ушли спать. Пил Буббакуб весь вечер развлекал нас удивительнейшими историями!

Джейкоб слегка поклонился Буббакубу.

— Приношу свои извинения пилу Буббакубу. Вчера я очень устал, иначе бы непременно остался послушать рассказы о величайших галактических цивилизациях, в особенности о славных пилах. Я уверен, что историям этим нет конца.

Он почувствовал, как напряглась Мартин. Но Буббакуб, явно польщенный, лишь самодовольно надулся. Джейкоб хорошо понимал, что не стоит обижать этого чужака, но он уже давно раскусил сверхтщеславного пила. Директор земного филиала Библиотеки был абсолютно нечувствителен к подобным намекам, принимая их за чистую монету, и Джейкоб не мог устоять перед возможностью лишний раз уколоть напыщенного пила.

Он получил свой заказ, и Мартин настояла,

чтобы он присоединился к их столику. Джейкоб оглянулся. За соседним столом сидели свободные от дежурства члены экипажа. Кантена он нигде не обнаружил.

— Кто-нибудь видел Фэгина? — спросил он.

Мартин покачала головой.

— Нет, боюсь, он уже больше двенадцати часов находится на обратной стороне корабля.

Джейкоб удивился. Подобная скрытность была совсем не в характере Фэгина. Несколько часов назад Джейкобу удалось перекинуться с кантеном парой слов. Но теперь де Сильва и вовсе закрыла доступ на другую сторону корабля, предоставив ее в полное распоряжение ветвистому чужаку.

«Если к обеду Фэгин не объявится, придется потребовать у Хелен объяснений», — подумал он.

Милдред Мартин и Буббакуб о чем-то мирно беседовали. Время от времени в разговор вставлял слово Кулла. Вид у него был самый что ни на есть подобострастный. Соломинка, намертво приросшая к складчатым губам прингла, казалась каким-то диковинным органом. Пока Джейкоб расправлялся с завтраком, Кулла методично опустошал содержимое многочисленных тюбиков, лежавших перед ним на столе.

Буббакуб неторопливо рассказывал историю

одного из своих предков, представителя могущественной расы соро. Этот достойный софонт около миллиона лет назад принимал участие в одном из немногих мирных контактов между цивилизацией кислорододышащих и таинственной параллельной культурой водорододышащих.

С незапамятных времен между кислородниками и водородниками отсутствовало какое-либо взаимопонимание. Всякий раз, когда возникал конфликт, погибала планета, а подчас и не одна. К счастью, у этих двух культур было очень мало общего, так что пересекались они нечасто.

История Буббакуба была длинной и запутанной, но Джейкоб не мог не признать, что пил отменный рассказчик. Буббакуб, когда хотел, мог быть неожиданно остроумным, и обаятельным. Пил так живо и ярко рассказывал о событиях, свидетелем которых посчастливилось стать крошечной горстке землян, и с таким вдохновением описывал бесконечное разнообразие и красоту звезд, что Джейкоб в этот момент от души позавидовал Хелен де Сильве и ее товарищам-космолетчикам.

Покончив с лирическими описаниями галактических красот, Буббакуб очень четко изложил причину возникновения Библиотеки.

Она явилась носителем знаний и традиций, объединявших всех, чья жизнь основывалась на поглощении кислорода. Библиотека обеспечивала преемственность и непрерывность цивилизаций. Не будь этого института, все галактические виды продолжали бы вести независимое существование; в космосе царили бы хаос и бесконечные войны, рано или поздно уничтожившие бы все живое. А уцелевшие попросту погибли бы от нехватки энергетических ресурсов. Именно Библиотека и подчиненные ей институты, возникшие в результате объединенных усилий всех разумных видов, не допустили геноцида в Галактике.

Буббакуб замолчал. Повисла благоговейная тишина. Выдержав паузу, пил добродушно поблагодарил своих слушателей и неожиданно попросил Джейкоба рассказать о чем-нибудь.

Тот смутился. С точки зрения человека, его жизнь, возможно, и была наполнена захватывающими событиями, но, в сущности, она не представляла собой ничего выдающегося. Что он мог бы рассказать? Судя по всему, ему следовало поведать историю из собственного опыта или, на худой конец, из опыта своих предков, Джейкоб чувствовал, что его замешательство становится

явным. Можно было бы рассказать о дедушке Альваресе, сыгравшем значительную роль в Перевороте, но в этой истории было слишком много политики, да и вряд ли она понравится Буббакубу. Джейкоб лихорадочно пытался вспомнить что-нибудь занятное из собственной жизни, но в голову ничего не шло. Ничего, кроме случая на Шпиле. Но эта история была слишком личной, будила слишком много болезненных воспоминаний. Да и, кроме того, он уже обещал ее Хелен. Джейкоб почувствовал на лбу жаркую испарину. Эх, был бы здесь Ла Рок! Уж он сумел бы всех уморить своей трескотней. Джейкоб в отчаянии хотел было уже начать рассказывать о Марко Поло или Марке Твене, как вдруг в голову ему пришла шальная мысль. Ведь имелась реальная историческая личность, прямым потомком которой был он сам, Джейкоб Демва. И история этого человека полностью удовлетворяла неписаным требованиям. Но самое смешное состояло в том, что толковать ее можно было двояко. Для одних она будет абсолютно прозрачной, другие же не поймут скрытого в ней сарказма.

— Ну что ж, — начал он, — я расскажу вам об одном реальном историческом лице. Этот человек представляет немалый интерес, поскольку

принимал участие в установлении Контакта между примитивной культурой и цивилизацией, ушедшей далеко вперед. Думаю, вы уже догадались, о чем пойдет речь. Ведь с момента Контакта об этом не устают толковать. Судьба американских индейцев представляет собой пьесу нравов той эпохи. Старые киноленты двадцатого века, прославлявшие «благородного краснокожего», сегодня могут вызвать лишь улыбку. Из всех земных культур именно индейцы в наименьшей степени стремились приспособиться к европейцам-завоевателям. Их гордость долго не позволяла им воспользоваться достижениями белого человека. Когда же они опомнились, было уже поздно. К примеру, японцы повели себя совсем иначе: в конце девятнадцатого века им удалось включить в свою культуру достижения европейской цивилизации. На этот пример постоянно ссылается фракция «Приспособление и Выживание».

Джейкоб на мгновение замолчал и обвел взглядом своих слушателей. Похоже, ему удалось захватить их таким вступлением.

За соседним столиком прекратили болтать, внимательно слушая его рассказ. Глаза у Куллы так и сверкали. Даже Буббакуб, обычно совершен-

но не интересовавшийся людскими разговорами, не отрывал от него колких глаз-бусинок. Лишь Милдред Мартин недовольно поморщилась, когда он упомянул о фракции «Приспособление и Выживание».

— Но безусловно, в том, что индейцы не смогли приспособиться к новой жизни, виноваты не только они одни. Многие современные ученые полагают, что культуры западного полушария в момент прибытия европейцев находились в состоянии временного кризиса. Так, например, бедняги майя только что покончили с гражданской войной; их чудесные города были разрушены, а династия правителей полностью уничтожена. Население некогда великого государства рассеялось по бескрайним просторам. Когда на Американский континент прибыл Колумб, храмы майя, эти очаги удивительной культуры, пустовали, все более ветшая. Конечно же, можно возразить, что далее последовал так называемый Золотой век майя, во время которого благосостояние народа и товарооборот возросли в четыре раза. Но вряд ли с помощью подобных показателей можно измерять уровень культуры.

Джейкоб остановился.

«Осторожней, друг мой, осторожней, не пере-

усердствуй с иронией». Он заметил, как Дубровский, один из бортинженеров корабля, сидевший за соседним столиком, встал и отошел к автомату с кофе. На лице Дубровского играла легкая ироничная улыбка. Джейкоб взглянул на остальных — все слушали с огромным интересом, словно не подозревая о скрытом смысле этой истории. Правда, в отношении Куллы и Буббакуба он не мог сказать ничего определенного.

— Так вот, мой далекий предок был индейцем. Звали его Секвойя, он принадлежал к племени чероки. В те времена чероки жили в основном на территории штата Джорджия, на восточном побережье Северной Америки. Поэтому они не располагали достаточным временем, чтобы подготовиться к встрече с белым человеком. Тем не менее чероки в определенном смысле попытались это сделать. Конечно же, их попытка была далеко не столь всеобъемлющей и основательной, как у японцев, но они ее все же предприняли. Чероки сумели довольно быстро подхватить технические достижения своих новоявленных соседей. Бревенчатые дома пришли на смену вигвамам, а железные орудия и кузнечное ремесло стали частью их быта. Они по достоинству оценили порох и европейские методы ведения

сельского хозяйства. Одно время племя чероки даже использовало труд рабов, хотя многим индейцам подобное новшество пришлось не по душе.

Джейкоб замолчал, давая слушателям возможность усвоить услышанное, а затем продолжил:

— К тому времени, о котором пойдет речь в моем рассказе, чероки дважды потерпели поражение в войнах. Они совершили ошибку, поддержав французов в тысяча семьсот шестьдесят пятом году, а затем выступив на стороне английской Короны во время первой американской революции. Но даже после этого чероки сохраняли за собой самоуправление на довольно приличной территории — во многом благодаря тому, что новое поколение индейцев, получив от европейцев достаточное количество знаний, ввело у себя законодательство. Вместе со своими северными соседями, ирокезами, чероки преуспели в составлении договоров с белыми. Именно в этот момент на сцене и появляется мой достопочтенный предок. Секвойю совершенно не привлекала ни одна из перспектив, открывавшихся перед его племенем: остаться благородными дикарями и тем самым обречь себя на верную смерть, либо полностью перенять

образ жизни европейцев-колонистов и исчезнуть как самобытный народ. Секвойя хорошо сознавал силу печатного слова, но полагал, что индейцы всегда будут находиться в невыгодном положении, если их вынудят принять английский язык.

Джейкоб обвел взглядом своих слушателей. Он не понимал, улавливают ли они связь между историей племени чероки и нынешними взаимоотношениями человечества и галактической Библиотеки.

Милдред Мартин, похоже, была удивлена столь подробным историческим экскурсом. Но откуда ей было знать, что после окончания школы Джейкобу и его многочисленным кузенам и кузинам пришлось прослушать курс истории и ораторского искусства. Хотя Джейкоб слыл в своей семье белой вороной и всегда сторонился политики, тем не менее определенные навыки в этой области у него остались.

— Так вот. Секвойя нашел устраивавшее его решение проблемы. Он попросту взял и изобрел письменность индейцев чероки. Это был воистину титанический труд, стоивший ему немалых мучений. Более того, в глазах большинства соплеменников он выглядел настоящим безумцем. Но, несмотря на все препятствия, Секвойя достиг

цели — отныне печатное слово стало доступно не только горстке интеллектуалов, годами изучавших английский, но и тем, кто вовсе не блистал способностями. Вскоре даже сторонники ассимиляции признали усилия Секвойи. Это была великая победа человеческого духа, вдохновлявшая все последующие поколения индейцев чероки. Надо заметить, чероки оказались единственным коренным американским народом, выбравшим себе в герои не воина, не охотника, а мыслителя. Единственным!

И вот это-то и явилось главной ошибкой чероки. Если бы индейцы позволили местным миссионерам превратить себя в некое подобие колонистов, то со временем они смогли бы влиться в класс землевладельцев и занять свое место в американском обществе.

Но вместо этого чероки решили стать современными индейцами: сохранить основные элементы своей культуры и одновременно воспринять европейскую цивилизованность. Здесь кроется явное противоречие. И все же некоторые историки до сих пор полагают, что такой поворот дела не был так уж невозможен. Все шло замечательно, пока в один прекрасный день отряд белых колонистов не обнаружил на земле чероки зо-

лото. Европейцы, разумеется, пришли в крайнее возбуждение. Они быстро провели через законодательное собрание Джорджии постановление о конфискации этих земель.

Тогда чероки совершили очень странный поступок. Аналогов ему не нашлось даже сто лет спустя. Индейское племя подало в суд на законодательное собрание штата Джорджия, обвинив его в незаконном захвате земель! Чероки получили определенную поддержку от сочувствующих индейцам белых и сумели довести дело до Верховного суда Соединенных Штатов Америки. И самое странное, суд постановил, что земля принадлежит племени чероки!

Но вот здесь-то и проявилась относительность приобщения индейцев к европейским социальным институтам. Поскольку чероки особо не стремились внедриться в общественную структуру колонистов, то они не обладали никакой политической силой. Индейцы с удивительной наивностью доверились высшим и на бумаге очень справедливым законам новой нации. Они вполне успешно освоили правила законодательных игр, но не учли одной-единственной малости — общественное мнение всегда являлось куда более влиятельной силой, чем любой закон.

Для большинства своих новых соседей они так и остались всего лишь еще одним индейским племенем. Когда Энди Джексон послал Верховный суд к черту и отправил войска, чтобы занять земли чероки, индейцы внезапно выяснили, что им некуда больше обратиться. И тогда народ Секвойи вынужден был собрать скудный скарб и отправиться Дорогой Плача к новым «индейским территориям» в западных землях Соединенных Штатов Америки.

История Дороги Плача — это гимн человеческому мужеству и терпению. Невозможно описать, что пришлось испытать людям из племени чероки на этом скорбном пути. Страдания и горе послужили основой для выразительнейших по силе и глубине литературных памятников. И, кроме того, именно в это время у чероки возникла традиция черпать силу в лишениях, что и поныне остается характерной чертой этого народа.

Изгнание оказалось не последним ударом, обрушившимся на чероки. В Соединенных Штатах разразилась гражданская война. Индейцы также не остались в стороне. И брат стал убивать брата, когда войска Конфедерации столкнулись с отрядами индейцев. Индейцы сражались даже неистовее белых, а уж дисциплина в их рядах

всегда была несравненно лучше. Но в то время как мужчины проливали кровь на полях сражений, их дома подверглись новым разорениям. Болезни и бандитские шайки во все времена сопутствовали войнам.

А потом начались новые захваты земель очередными колонистами. За стоицизм племя чероки даже прозвали «американскими евреями». Другие племена не выдержали лишений, не сумели выстоять перед натиском несправедливых ударов судьбы, смирились. Но чероки выжили как самобытный народ, и помогла им в этом традиция во всем полагаться только на себя.

Память о Секвойе не умерла. Быть может, из уважения к мужеству индейцев чероки одно из калифорнийских деревьев назвали секвойя. Это самое высокое дерево в мире.

— Но я отклонился от рассказа о безрассудстве чероки, — продолжал Джейкоб. — Гордость помогла им выжить в девятнадцатом веке, веке насилий и грабежей на Американском континенте, выстоять перед равнодушием двадцатого столетия. Но именно гордость не позволила им принять участие в Возмещении двадцать первого века. Чероки отвергли «культурные репарации», предложенные им американским правитель-

ством накануне эпохи Бюрократии. Отвергли богатства, которыми власть попросту завалила остальные индейские племена, дабы успокоить слишком чувствительную совесть просвещенного и образованного американского общества.

Индейцы чероки отказались участвовать в создании культурных центров и изучать там танцы и ритуалы предков. Многие индейцы занимались тем, что возрождали доколумбовы орудия труда, «устанавливая контакт со своим прошлым». Чероки же решили создать собственный, ни на что не похожий вариант американской культуры двадцать первого века.

Заразив своим энтузиазмом племя могавков и отдельных индейцев из других племен, чероки занялись собственным «Возмещением», начав с того, что половину своих доходов вложили в Лигу энергетических спутников. Теперь их гордость сублимировалась в строительство городов в открытом космосе. Примерно так же, как некогда она заставила их возвести величайшие города Америки. Чероки отказались от богатства в обмен на свою долю неба.

Но на этом история не заканчивается. Чероки еще раз пришлось заплатить за свою гордость. Когда Бюрократия начала политику всеобщего

подавления. Лига спутников восстала. Блестящие молодые люди, истинный цвет человечества, шли на смерть бок о бок со своими космическими братьями. Построенные в космосе города были уничтожены. Тем же, кто выжил, разрешили остаться на орбите только потому, что кто-то должен был научить людей Бюрократии обращению со сложным оборудованием.

Но война шла не только в космосе. Многие индейцы чероки приняли участие в Конституционном мятеже. Они оказались единственным индейским племенем, подвергшимся гонениям властей. Вторая Дорога Плача была не менее печальна, чем первая. Однако на этот раз у чероки были товарищи по несчастью.

Но вот наступила эпоха подлинной Бюрократии. Гегемония больше заботилась о повышении производительности, чем о мщении противникам. Лигу спутников восстановили, правда, под строгим контролем, и в колониях О'Нила расцвела новая культура.

Представителей чероки и поныне можно встретить на Земле, в то время как большинство индейских племен либо бесследно растворились в современной космополитической культуре, либо ведут жизнь музейных экспонатов. Чероки

же все еще пытаются жить самостоятельно. Они так и не усвоили уроков судьбы. Последняя их безумная затея — совместный с вьетнамцами и курдами проект по окультуриванию Венеры. Но все это, конечно же, лишь очередное нелепое прожектерство.

Впрочем, современная история племени чероки уже не имеет никакого отношения к этому рассказу. Если бы Секвойя и его народ полностью переняли образ жизни белого человека, то им удалось бы выжить и даже занять определенное место в европейской культуре, заплатив, правда, за это полной ассимиляцией. Если бы чероки встали на путь упорного сопротивления, подобно большинству индейских племен, то после бесчисленных страданий их ждала бы в конце концов участь пыльных музейных экспонатов.

Но чероки попытались найти третий путь, они вознамерились соединить преимущества западной цивилизации и собственное культурное своеобразие. Это племя оказалось весьма упорным в своих экспериментах. В течение шестисот лет его перемалывало, как в жерновах. На долю чероки выпало куда больше страданий, чем на долю любого другого индейского народа.

— Мораль этой истории очевидна, — заключил

Джейкоб. — Мы, люди, стоим сейчас перед выбором, сходным с тем, что был предложен в свое время индейцам чероки: либо до конца воротить нос, либо полностью раствориться в древней галактической культуре. Так что всякому, кто решит выбрать особый путь, я советую вспомнить историю этого индейского племени. Его путь был долог, и, быть может, он еще не кончен.

Джейкоб закончил рассказ. Все молчали. Никто не спешил заговорить. Кулла неподвижным взглядом уставился куда-то в пространство. Милдред Мартин, нахмурив брови, пристально разглядывала стол.

Около кофейного аппарата по-прежнему маячил Дубровский. Казалось, он едва сдерживает смех. Возможно, это убежденный сторонник Лиги, ведь космос буквально кишит ими. Джейкоб от души надеялся, что Дубровскому удастся сдержаться. Риск и без того был слишком велик. У него пересохло в горле — то ли от длительного монолога, то ли от волнения. Он залпом выпил остатки апельсинового сока.

Наконец Буббакуб взмахнул короткими лапами и привстал. Мгновение он молча рассматривал Джейкоба.

— Хорошая история, — отрывисто гавкнул во-

дор на его шее. — Я прошу вас записать ее для меня, когда мы вернемся на базу. Это отличный урок для людей. Но у меня есть вопросы, некоторых моментов я не понял.

— Как вам будет угодно, пил Буббакуб. — Джейкоб слегка склонил голову. Надо бы побыстрее сменить тему, пока Буббакуб не вцепился в него мертвой хваткой, выуживая подробности.

— Мне тоже понравилась история моего друга Джейкоба, — раздался сзади мелодичный свист. — Я старался не шуметь и очень рад, что мне удалось не помешать столь чудесному рассказу.

Джейкоб вскочил.

— Фэгин!

Навстречу кантену поднялись и все остальные. В рубиновых отблесках хромосферного сияния Фэгин выглядел черным силуэтом какого-то экзотического растения. Он медленно покачивал ветвями.

— Примите мои извинения, любезные софонты! Но мое отсутствие было необходимым. По любезному разрешению коменданта был увеличен поток излучения сквозь экраны, чтобы я мог немного подкормиться. Но, как вы сами понимаете, для этого пришлось изолировать необитаемую сторону корабля.

— Очень разумно! — рассмеялась Мартин. — Нам бы совсем не хотелось поджариться на солнце!

— Я так и думал, — нежно пропел Фэгин, — но мне там было очень одиноко, и сейчас я счастлив вновь оказаться среди вас.

Все расселись. Фэгин устроился прямо на полу. Джейкоб с радостью ухватился за возможность выбраться из затруднительного положения.

— Мы тут в ожидании входа в хромосферу обмениваемся историями. Может быть, ты тоже что-нибудь расскажешь, например, об Институте Прогресса?

Кантон зашумел листвой:

— Увы, дружище Джейкоб. В отличие от Библиотеки, Институт Прогресса не стал влиятельной организацией. Его название не очень верно переведено на английский. В вашем языке попросту нет слова, которое могло бы передать суть. Наше небольшое общество было основано ради одного-единственного мелкого предписания, которое прародители завещали старейшим расам перед тем, как покинуть Галактику. Грубо говоря, на нас возложена задача оберегать и лелеять все новое. Расам, подобным вашей, своего рода сиротам, не знакомым с прелестями опекунства, трудно по-

нять врожденный консерватизм галактической культуры. И подобный консерватизм не так уж и плох, ибо верность традиции и общему наследию среди великого разнообразия рас и цивилизаций подчас оказывает благотворное влияние. Молодые расы внимают опыту старых, учатся у них мудрости и терпению. Можно сказать, что мы питаем глубокое уважение к нашим корням.

Джейкоб отметил едва уловимое волнение Фэгина. Короткие узловатые щупальца, служившие ему подобием ног, чуть заметно подрагивали. Джейкоб быстро взглянул на остальных, но, похоже, никто ничего не заметил. Он постарался не выдать своего удивления.

— Но при всем уважении к традиции необходимо смотреть вперед, а не назад, — продолжал Фэгин. — И безгранично мудрые прародители наказали старейшинам Галактики не чинить препятствий новому.

Джейкоб покачал головой.

— Так вот, значит, почему, узнав о том, что обнаружено сообщество дикарей, вы поспешили на Землю?

Послышался легкий шелест:

— Очень живописное сравнение, дружище Джейкоб, но, в сущности, ты прав. Для Библиоте-

ки задача сводится к тому, чтобы научить землян премудростям выживания. У моего Института куда более скромная миссия: мы хотим понять, что нового вы принесли в галактическую культуру.

Милдред Мартин, как школьница, подняла руку.

— Кантен Фэгин, а есть ли у вас сведения о подобных случаях в прошлом? Я имею в виду, встречались ли в Галактике виды, не сохранившие память о своих предках и о Развитии, жившие сами по себе, подобно нам, землянам?

— Да, уважаемая доктор Мартин, несколько раз такое случалось, ведь космос столь огромен. Во время своих миграций как кислородные, так и водородные расы покрывают огромные расстояния. Но даже обитаемые области далеко не всегда оказываются полностью исследованными. Зачастую во время таких перемещений какой-нибудь крошечный осколок расы, едва расставшейся с животным состоянием, оказывается покинутым опекунами и остается наедине с самим собой. Цивилизованные народы обычно мстят за подобные действия...

Кантен запнулся. Джейкоб понял причину его заминки, и внутри у него все похолодело. Фэгин же продолжал:

— Но поскольку такие случаи встречаются крайне редко, возникает еще одна проблема. Из остатков технологий опекунов осиротевшая раса, конечно же, может создать примитивный ракетоноситель. Но к тому времени, когда она окажется способной начать осваивать межзвездное пространство, эта часть Галактики может попасть под запрет или же стать добычей водородододышащих. Тем не менее время от времени подобные расы обнаруживаются. Но обычно сироты сохраняют вполне отчетливые воспоминания о своих опекунах либо непосредственно в виде фактов, либо в легендах и мифах. Но почти всегда Библиотека способна установить истину, потому что именно в ней все наши истинные знания.

Несколько ветвей почтительно склонились в сторону Буббакуба. Пил ответил самодовольно-дружеским кивком.

— Вот почему, — продолжал Фэгин, — мы с таким большим нетерпением ждем, когда же выяснится причина отсутствия в наших архивах упоминаний о вашей Земле. Ведь в Библиотеке не найдено никаких сведений о том, что она была заселена в прошлом, хотя с того момента, как прародители покинули Галактику, через эту область прошло пять миграций.

Буббакуб внезапно застыл. Маленькие черные глазки с ненавистью стрельнули в сторону кантена. Но Фэгин, казалось, ничего не замечал.

— Насколько мне известно, человечество впервые подтверждает большую вероятность разумного саморазвития. Без сомнения, вы знаете, что подобная идея нарушает некоторые устоявшиеся принципы нашей биологической науки. И все же некоторые аргументы ваших антропологов очень убедительны.

— Это весьма эксцентричная идея! — фыркнул Буббакуб. — Хвастливые существа, именуемые шкурниками, носятся с ней, словно с вечным двигателем. Всякие теории «естественного» развития разума служат источником для зубоскальства, человек Джейкоб Демва. Но скоро Библиотека преподнесет вашей непочтительной расе то, в чем она так нуждается! Надеюсь, вы успокоитесь, когда узнаете истину о вашем происхождении!

Внезапно почти неслышный до этого шум двигателей усилился, и через мгновение Джейкоб почувствовал, что теряет ориентацию.

— Всем внимание! — раздался голос Хелен де Сильвы. — Мы только что проскочили первый риф. С этого момента возможны толчки. Я извещу вас, когда мы подойдем к интересующей нас

области. Пока все.

Солнечный горизонт стал уже почти совершенно плоским. Во все стороны тянулись красно-черные изогнутые очертания. Количество нитей, находившихся на одном уровне с кораблем, возросло. Они вспыхивали протуберанцами на фоне того, что некогда представляло собой абсолютный мрак открытого космоса, и исчезали в огненном мареве.

Компания передвинулась поближе к краю палубы, откуда можно было заглянуть в хромосферу. Какое-то время все молчали, прислушиваясь к толчкам, сотрясавшим солнечный корабль.

— Доктор Мартин, — нарушил молчание Джейкоб, — вы и пил Буббакуб готовы к эксперименту?

— Здесь есть все, что нам нужно. — Мартин указала на два контейнера, стоявших рядом с креслом Буббакуба. — Я взяла с собой пси-оборудование, которое использовала во время предыдущих прыжков. Но в основном моя задача — ассистировать пилу Буббакубу. Усилители мозговых волн и Q-устройства — это настоящий хлам по сравнению с тем, что имеет в своем распоряжении уважаемый Буббакуб, но я постараюсь быть ему полезной.

— Я буду рад вашей помощи, — довольно любезно отозвался Буббакуб.

Джейкоб захотел взглянуть на оборудование пила, но тот вскинул четырехпалую лапу.

— Не сейчас. Позже, когда мы все подготовим.

Джейкоб почувствовал знакомый зуд в руках. Интересно, что может быть в этих контейнерах? В земном филиале Библиотеки нет почти ничего, касающегося пси-исследований. Так, немного сведений из феноменологии, но никаких упоминаний о методах и оборудовании. Насколько глубоки знания галактической культуры о фундаментальных принципах существования разума, по-видимому, общих для всех видов? В этой области явно известно еще далеко не все. Галактические цивилизации до сих пор действуют лишь по эту сторону реальности. Более того, Джейкоб абсолютно точно знал, что способности к телепатии у большинства представителей других рас не превышают его собственных. Он взглянул на Буббакуба. Ходят слухи, что древние расы периодически пропадают из Галактики. Обычно цивилизации исчезают в результате естественной смерти, войны или же попросту из-за накопившегося за миллиарды лет безразличия к жизни. Но порой та или иная раса вдруг «сходит

с дистанции». Такое исчезновение всегда связано с поисками и экспериментами, не имевшими никакого смысла для всех остальных.

Почему в земном филиале нет никаких упоминаний о подобных событиях? Да что там, в филиале не найти даже сведений о практическом применении пси!

Вновь зазвучал голос Хелен де Сильвы:

— Мы подойдем к интересующей нас области через тридцать минут. Желающие могут собраться на командном пункте. Отсюда открывается прекрасный вид на место нашего назначения.

Когда глаза привыкли к ослепительному блеску выделенной области, Джейкобу показалось, что остальная часть Солнца потускнела. Далеко внизу ярко вспыхивали и тут же гасли хромосферные факелы. Где-то вдали вытянулась большая группа солнечных пятен, ближайшее из которых напоминало открытый карьер, своего рода яму в неровной «поверхности» хромосферы. Наиболее темные участки пятна были совершенно неподвижны. Но вокруг него наблюдалась беспрерывная рябь, будто какой-то досужий бездельник развлекался, без устали швыряя в солнечный океан громадные камни. Граница вокруг пятна выглядела размытой, вибрируя,

словно гитарная струна.

Выше проступали очертания гигантского клубка. Это была одна из самых поразительных картин, которую Джейкобу когда-либо приходилось видеть. Следуя линиям магнитного поля, плыли гигантские облака, то и дело скручиваясь в беспокойные спирали. Вдруг буквально из ничего возник огромный огненный сполох, через мгновение рассыпавшись миллиардом сверкающих искр.

Повсюду можно было видеть суетливые движения более мелких объектов, превращавших уютную черноту космического пространства в волнующее душу розовое сияние.

Джейкоб пожалел, что некому запечатлеть красоту и величественность солнечных ландшафтов. Как бы ни был несносен Ла Рок, но стилем он обладал отменным. Джейкоб читал кое-какие его статьи и нередко от души восхищался точностью и яркостью его описаний. Здесь, на Солнце, поэтическое мастерство Ла Рока пришлось бы как нельзя кстати.

— Наши приборы зарегистрировали источник аномально поляризованного излучения. С этого момента мы приступаем к исследованиям.

Кулла поднялся и подошел к краю палубы,

напряженно всматриваясь в направлении, указанном одним из членов экипажа. Джейкоб спросил у подошедшей к ним Хелен:

— Что он делает?

— Кулла способен определять цвет гораздо точнее, чем мы, — ответила Хелен. — Он способен уловить разницу в длине волны с точностью до одного ангстрема. И кроме того, он каким-то удивительным образом запоминает фазу излучения. Это совершенно удивительно! Кулла с легкостью способен найти источник когерентного света. Ему почти всегда удается вычислить этих лазерных бестий.

Мощные давилки Куллы глухо клацнули. Он взмахнул тонкой рукой.

— Вон там, — уверенно сказал он, — вон там много ишточников швета. Это большое штадо, и я уверен, паштухи тоже где-то рядом.

Хелен де Сильва улыбнулась, и корабль устремился навстречу своей цели.

15. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ…

Солнечный корабль мчался внутри светового волокна, словно рыба, увлекаемая стремительным потоком. Вот только поток этот был

электрическим, а волна, омывавшая зеркальную сферу, представляла собой намагниченную плазму с невообразимо сложной структурой.

Во всех направлениях проносились огненные вихри и сполохи ионизированного газа, причудливо изгибаясь под действием сил, создаваемых их собственным движением. Струи светящейся материи то вдруг вспыхивали, то исчезали вследствие эффекта Допплера, когда спектр излучения газа попадал в полосу пропускания фильтров или выпадал из нее.

Корабль, используя для движения энергию плазмы, лавировал меж огненных айсбергов, подгоняемый турбулентными хромосферными ветрами. Магнитные потоки надували паруса, созданные на основе математических принципов, обретших вдруг материальную природу. Мгновенное свертывание и усиление полей магнитных экранов, позволяя использовать толчки противоборствующих вихрей только в одном направлении, помогали устранять качку, неизбежную при подобной буре.

Те же самые экраны блокировали большую часть тепла, преобразуя оставшуюся часть в более приемлемые формы. А та тепловая энергия, что все-таки проникала сквозь экраны, отсасыва-

лось в камеру и направлялась к охлаждающему лазеру — своеобразной почке корабля. Его отфильтрованный отработанный энергетический пучок представлял собой поток рентгеновских излучений, способный смести на своем пути даже плазму.

Все эти устройства основывались на изобретениях землян. Но безопасными и комфортными солнечные корабли сделала галактическая наука. Гравитационные поля позволяли преодолевать властное притяжение Солнца, так что корабль мог свободно передвигаться, маневрировать и даже неподвижно зависать в одной точке. Силы, действующие внутри электромагнитного волокна, либо поглощались, либо нейтрализовались, а временной масштаб изменялся системой сжатия времени.

Корабль мчался вдоль линии солнечного магнитного поля со скоростью в несколько тысяч миль, но это по отношению к воображаемой неподвижной точке на Солнце. Относительно же окружающих плазменных облаков он еле двигался, вслепую нащупывая путь к мельком увиденной цели.

Джейкоб почти не следил за погоней. Все его внимание было сосредоточено на Кулле. На

солнечном корабле чужак играл роль впередсмотрящего. Прингл неподвижно замер рядом с рулевым, его огромные глаза сверкали, указующий перст направлял корабль в слепящем солнечном мраке.

Это направление почти точно совпадало с показаниями приборов. Джейкоб был не в состоянии разобраться во всех этих цифрах, мелькавших на панелях управления, и потому был очень доволен, что ему просто указывали, куда следует смотреть.

Около часа корабль преследовал световые пятна, маячившие вдали. Пятна были очень слабыми, хотя Хелен и приказала приоткрыть диапазон сине-зеленого излучения. Но время от времени пятна ослепительно вспыхивали, заливая палубу зеленым сиянием, словно чей-то прожектор на мгновение освещал корабль, а затем уходил в сторону.

Вспышки повторялись все чаще. В поле зрения наблюдателей находилась по меньшей мере сотня объектов приблизительно одинакового размера. Джейкоб взглянул на дальномер. Семьсот миль.

Когда расстояние сократилось до двухсот, стала отчетливо различима форма объектов. Магни-

тоядные имели форму правильных тороидов. Издали стадо представлялось скоплением крошечных обручальных колец голубого цвета. Все кольца имели одну и ту же ориентацию — вдоль электромагнитного волокна.

— Они выстраиваются вдоль магнитного поля на том участке, где напряженность поля максимальна, — пояснила Джейкобу Хелен, — и вращаются вокруг своей оси, генерируя электрический ток. Трудно сказать, как они перебираются из одного активного региона в другой, когда конфигурация магнитного поля начинает меняться. Сейчас нас больше интересует, что заставляет их держаться вместе.

Несколько крайних тороидов, не переставая вращаться, вдруг начали раскачиваться. Зеленое сияние залило солнечный корабль, исчезнув через мгновение.

Один из пилотов взглянул на Джейкоба.

— Мы только что прошли сквозь лазерный шлейф одного из тороидов. Кратковременные вспышки, подобные этим, не могут нанести нам вред, но если мы окажемся сзади или снизу стада, то у нас могут возникнуть проблемы.

Темное облако плазмы, то ли более холодной, то ли более быстрой, чем окружающий газ, про-

шло прямо перед кораблем, на несколько секунд полностью перекрыв обзор.

— Для чего им нужен лазер? — спросил Джейкоб.

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает. Для динамической устойчивости. Или в качестве двигателя. Возможно, как и нам, для охлаждения. Тогда в их структуре должно иметься твердое вещество. Но в любом качестве лазер обладает мощностью, способной пробить своим зеленым лучом наши экраны, настроенные в основном на красный диапазон. Только поэтому мы и смогли их обнаружить. Ведь как бы огромны ни были эти создания, здесь они всего лишь иголки в стоге сена. Мы могли бы искать их миллионы лет, да так и не обнаружить. В области альфа-линии водорода магнитоядные абсолютно невидимы. Поэтому для наблюдения мы приоткрыли пару диапазонов в зеленой и синей областях. Разумеется, длина волны их лазера в этот диапазон не попадает! Выбранные нами линии вполне спокойны и оптически слабо прозрачны. Непонятно, откуда берутся эти голубые и зеленые огоньки. Но, надо признаться, они вносят приятное разнообразие.

— Да, сейчас мне, пожалуй, понравилось бы

все, что отличается от этой проклятой красноты.

Корабль наконец прошел сквозь темное облако, и тут выяснилось, что они почти у цели.

Джейкоб судорожно сглотнул слюну и на мгновение прикрыл глаза. Открыв их, он издал возглас изумления и восторга.

Если говорят, что рыба плывет косяком, а львы образуют прайд, то здесь подошло бы только одно слово — вспышка. Свечение было таким ярким, что солнечная хромосфера могла показаться чернотой открытого космоса.

Ближайшие к кораблю тороиды поблескивали свежей зеленью распустившейся листвы. Вдали лазерный луч, пройдя сквозь плазменное яблоко, рассыпался суматошным темно-зеленым мельканием.

Каждый тороид искрился ореолом.

— Синхротронное излучение, — сказал кто-то за спиной Джейкоба. — Эти младенцы действительно вращаются. Есть мощный поток частиц с энергией свыше ста киловатт!

Особенно бешено вращался тороид поблизости, на расстоянии не более двух миль. По его внешнему краю, как своеобразное ожерелье, кружился геометрический хоровод. Темно-синий восьмигранник сменялся пурпурными прямо-

угольниками и снова возникал перед глазами. Полный оборот вокруг блестящего изумрудного кольца занимал у него несколько секунд.

Хелен, стоя у командного пульта, не сводила глаз с приборов. По ее бесстрастному лицу мелькали отблески сине-зеленого сияния, превращая коменданта в персонаж средневековых карнавалов. Всякий раз, когда Хелен поднимала голову, из глаз вылетал сноп изумрудных искр, придавая ее облику нечто совсем уж демоническое.

Внезапно все вокруг окуталось синей хмарью. Очередная световая вспышка высветила на теле кольцеобразного существа причудливый узор. Он явно напоминал сплетение нервных и кровеносных узлов. Зеленые артерии пульсировали, сплетаясь с искрящимися небесной голубизной венами. Зеленые и синие линии бились в противофазе, то набухая, подобно созревшей виноградной лозе, то сжимаясь и испуская облака крошечных световых треугольников. Невероятный цветок стряхивал двумерную пыльцу, рассеивавшуюся мельчайшими трехчастичными столкновениями вокруг неевклидова тела тороида. Внезапно все геометрические фигуры одновременно обрели совершенную правильность, а обод бублика ощетинился бесчисленными угла-

ми и гранями крошечных двумерных созданий.

Похоже, это была кульминация. Узор вокруг обода потускнел, а сам тороид словно бы отступил, стремясь затеряться в гуще себе подобных. Зелено-голубое свечение ослабло. Красный цвет снова заливал палубу.

— Они приветствуют нас, — сказала Хелен. — На Земле еще хватает скептиков, которые уверяют, что магнитоядные представляют собой лишь некие искажения магнитного поля. Им бы следовало взглянуть на это зрелище. Мы наблюдаем несомненные проявления жизни. Создатель не знает пределов в своем творчестве.

Она легко тронула пилота за плечо. В следующее мгновение корабль отклонился в сторону.

Джейкоб был согласен с капитаном, хотя логику Хелен вряд ли можно было назвать научной. Он тоже не сомневался, что тороиды — живые существа. Их действия, будь то и впрямь приветствие, или же просто реакция на появление чужеродного объекта, были действиями живого организма. Возможно, даже разумного.

Старомодное имя Верховного Божества, упомянутое Хелен, словно осенило всю эту красоту.

Палуба корабля медленно поворачивалась, стая магнитоядных постепенно уходила вниз,

Хелен склонилась над микрофоном.

— Отправляемся на поиски Призраков. Помните, мы здесь для изучения не магнитоядных, а их Пастухов. Чтобы их заметить, необходимо вести постоянное наблюдение. Поскольку во всех предыдущих погружениях мы обнаруживали Призраков лишь по счастливой случайности, то я прошу всех присутствующих быть предельно внимательными и сообщать мне обо всех необычных явлениях.

Де Сильва поманила к себе Куллу, и они начали тихо совещаться. Прингл время от времени кивал круглой головой, фарфоровое сверкание меж складчатых губ выдавало сильное возбуждение. Выслушав капитана, Кулла направился по гравитационной петле на обратную сторону палубы, где находились приборы. Сейчас там тоже не помешал бы живой наблюдатель. Лазерные существа могли появиться снизу, вне досягаемости расположенных по краю палубы детекторов.

— Несколько раз они объявлялись прямо над головой, — напомнила Хелен Джейкобу. — И, как правило это были самые интересные случаи. Именно тогда мы наблюдали антропоморфные фигуры.

— И что, они исчезали всякий раз, прежде чем

корабль успевал повернуть? — спросил Джейкоб.

— Исчезали или же поворачивали синхронно с кораблем, все время оставаясь над головой. Настоящие бестии! Было от чего прийти в ярость. Но такое поведение позволило нам предположить, что здесь замешано пси. В конце концов, вне зависимости от их побуждений, откуда они могут знать, что приборы у нас расположены по краю платформы? И как, скажите на милость, они могут достигать такой синхронности, если им неизвестны наши намерения?

Джейкоб задумчиво смотрел на Хелен.

— Но почему бы не установить несколько камер здесь? Ведь это, наверное, не так уж и сложно?

— Нет, совсем не сложно, — согласилась Хелен. — Но инженеры не захотели нарушать симметрию корабля. Пришлось бы прокладывать кабель сквозь палубу. Кулла убедил нас, что в этом случае была бы уничтожена последняя возможность для маневра в случае разрушения стасис-экранов... Хотя эта возможность и так достаточно эфемерна. — Она помолчала. — Бедняга Джеффри! Его корабль, тот самый, что вы осматривали на Меркурии, с самого начала был оборудован записывающими устройствами, сориентированными

и вверх, и вниз. Это был единственный корабль подобной модификации. Так что нам придется обходиться приборами, расположенными по краю палубы, собственными глазами и несколькими переносными камерами.

— И пси-оборудованием, — напомнил Джейкоб.

Хелен выразительно взглянула на него.

— Да, конечно. Мы надеемся установить дружеский контакт.

— Прошу прощения, капитан.

Пилот оторвался от приборов и протянул Хелен наушники.

— Кулла сообщает, что северный край стада начал менять цвет. Может быть, они начали телиться?

Хелен серьезно кивнула.

— Хорошо. Двигайтесь по касательной к потоку магнитного поля. Обогните стадо с севера, но не приближайтесь слишком близко, чтобы не вспугнуть их.

Корабль накренился. Слева появилось Солнце, превратившееся вскоре в бесконечную стену. В сторону фотосферы тянулась искрящаяся изумрудная линия, строго параллельная плоскости, в которой располагались тороиды.

— Это ионизационный след от нашего охлаждающего лазера, — пояснила Хелен, заметив вопросительный взгляд Джейкоба. — Его длина около двух сотен миль.

— Неужели у лазера такая мощность?

— Нам же приходится избавляться от огромного количества тепла. Вся суть его работы в том, чтобы нагревать небольшой участок Солнца. Иначе мы заживо сгорим. Кстати, это еще одна причина, почему мы так стараемся, чтобы стадо не оказалось впереди или позади нас.

Джейкоб пристально посмотрел на капитана.

— Когда мы сможем увидеть... отел, я правильно понял?

— Правильно. Нам очень повезло. До сих пор нам лишь дважды удавалось наблюдать это явление. И оба раза в присутствии Пастухов. По-видимому, в подобной ситуации они приходят на помощь тороидам. Поэтому представляется логичным начать поиски именно здесь. Что же касается времени, которое нам понадобится, чтобы добраться до них, то все зависит от того, насколько бурные процессы будут происходить на нашем пути. А значит, от степени сжатия времени. На дорогу может уйти день. Но если повезет, — она взглянула на панель управления,

— то хватит и десяти минут.

К ним подошел бортинженер с какой-то схемой.

— Пойду предупрежу Буббакуба и Милдред, — сказал Джейкоб.

— Я сообщу, когда мы определим точное время прибытия.

Джейкоб поспешил к центральному куполу, спиной ощущая пристальный взгляд Хелен.

Буббакуб и Милдред Мартин отнеслись к новости совершенно спокойно. Джейкоб помог им перенести к пульту управления ящики с оборудованием.

Инвентарь Буббакуба ошеломлял. Один прибор просто поражал загадочностью. Бесчисленные прозрачные спирали плотно теснились в ящике, всем своим видом намекая на тайну. Из двух других ящиков Буббакуб извлек круглый шлем, похоже, специально подогнанный под голову пила, и странный предмет, вроде обломка метеорита. Одна из сторон этого «обломка» поблескивала темным стеклом.

— Существует три способа обнаружения пси-поля, — прохрипел Буббакуб. С несвойственной ему любезностью он предложил Джейкобу сесть. — Первый основан на том, что пси-поле очень

чувствительно и способно воспринимать мозговые волны на очень большом расстоянии. Вот эта штука, — мохнатая лапа ласково погладила шлем, — и помогает мне поймать и расшифровать такие волны.

— А вот это что за устройство? — Джейкоб посмотрел на загадочные спирали.

— Оно позволяет регистрировать искривление пространства-времени, возникающее по воле софонта. Подобные действия вполне возможны, хотя и крайне редки. Их называют словом «пингрли». Аналога в земных языках для него не существует. Большинству рас, в том числе и людям, совершенно незачем знать о подобных вещах. Библиотека предоставила кангрл, — Буббакуб похлопал прибор, — каждому филиалу на тот случай, если кто-нибудь решит применить пингрли.

— Это устройство способно нейтрализовать то самое уникальное явление?

— Да.

Джейкоб покачал головой. Все это ему очень не нравилось.

Так, значит, существует целый класс сил, к которым для человека закрыт доступ. Одно дело — техническая отсталость, но совсем другое

— осознание собственной неполноценности. Он почувствовал себя уязвленным.

— Конфедерации известно об этом ка... ка?..

— Кангрле. Да. Я получил разрешение на то, чтобы взять его с собой в экспедицию. Если он будет утерян, на Землю пришлют новый.

Джейкобу стало спокойнее, ему даже начало казаться, что странный прибор выглядит довольно симпатично.

— А это что? — Он взглянул на «обломок метеорита».

— Это порк, — резко каркнул Буббакуб и быстро спрятал обломок обратно в ящик.

Джейкоб пожал плечами и подошел к Милдред Мартин.

— Он очень скрытен относительно этой штуки, — прошептала Мартин. — Я знаю лишь, что это реликвия, доставшаяся им от летаней, пятой расы в веренице предков пилов. Эта штука относится к тому периоду, когда летани еще не ушли за грань реальности.

Она постаралась резко сменить тему разговора, ослепительно улыбнувшись и громко спросив у Джейкоба:

— Ну как вам понравился инвентарь алхимика?

Джейкоб рассмеялся.

— Да, у нашего друга пила и впрямь есть философский камень. А что предложите вы для вызывания и изгнания огненных духов?

— В основном обычные устройства. Регистратор мозговых волн, датчик безынерционного движения, но он здесь скорее всего окажется бесполезен... Тахископическая камера трехмерного изображения с проектором...

— А можно взглянуть?

— Конечно, она вон в том углу ящика.

Джейкоб запустил в ящик руку и извлек довольно увесистый прибор. Поставил перед собой, осмотрел записывающие головки.

— А знаете, — прошептал он Мартин, — ведь возможно, что...

— Что? — Она тоже понизила голос.

Джейкоб в упор взглянул на психолога.

— Если к этой штуке приспособить считыватель сетчаток, то получится отличное устройство для определения психических наклонностей.

— Вы хотите сказать, что тогда... можно будет провести тест на поднадзорность?

— Именно. Если бы я узнал об этом пораньше, то мы могли бы проверить Ла Рока прямо на Меркурии. Не пришлось бы отправлять лазеро-

граммы на Землю и запрашивать ответ, который, возможно, действительно является фальшивкой. Мы достаточно точно смогли бы сами установить степень склонности к насилию.

Мартин неотрывно смотрела на Джейкоба, затем покачала головой.

— Не думаю, чтобы это могло что-нибудь изменить.

— Но вы ведь сами уверяли меня, что полученный ответ ошибочен! Если вдруг оказалось бы, что вы правы, то мистеру Ла Року не пришлось бы сейчас сидеть в изоляторе. Он даже мог бы отправиться с нами. И тогда у нас было бы куда больше оснований полагать, что опасность исходит от самих Призраков!

— Но ведь он пытался бежать! Вы ведь сами сказали мне, что он совершил насильственные действия!

— Насилие в состоянии паники не делает человека поднадзорным. Милли, да что с вами произошло?! Я был уверен в ваших симпатиях к Ла Року.

Мартин вздохнула и отвела глаза.

— Боюсь, на Меркурии мое состояние было близко к истерике. Навыдумывала черт знает что! Какой-то заговор против Питера... Я до сих

пор не могу поверить, что он поднадзорный, но при этом я уже не считаю, что все было подстроено. В конце концов, не могу представить, кому выгодно обвинять Питера Ла Рока в убийстве несчастного шимпанзе?!

Джейкоб с интересом разглядывал непривычно смущенное лицо Мартин. Он не понимал, почему изменилась позиция психолога.

— Ну, например, истинному убийце, — негромко сказал Джейкоб и в ту же минуту пожалел о своих словах.

— Что вы такое говорите? — испуганно прошептала Мартин и судорожно оглянулась. На Буббакуба они не обращали внимания: пил не мог воспринимать шепот.

— Хелен де Сильва, несмотря на сильнейшую неприязнь к мистеру Ла Року, полагает маловероятным, что он мог повредить стасис-механизм на корабле Джеффа. Она склонна считать, что в случившемся повинна недобросовестность техников, готовивших корабль к прыжку. Но...

— Так, значит, Питера выпустят за недостаточностью улик?! Это было бы прекрасно! Мы выясним правду о солярианах, и Питер напишет книгу. Все будут счастливы! Если нам удастся установить с Призраками добрые отношения, в

чем я ни на минуту не сомневаюсь, то это ужасное происшествие быстро забудется! Беднягу Джеффа объявят мучеником науки, а все разговоры об убийстве прекратятся раз и навсегда! В конце концов, все это так отвратительно!

Джейкоб начал находить, что разговор с Милдред Мартин становится не менее отвратительным. Почему она так изворачивается? Куда делась ее железная логика?

— Может, вы и правы... — Он пожал плечами.

— Конечно же, я права! — Она через силу улыбнулась. — Почему бы вам не поискать Фэгина? У меня сейчас хватает дел, а ведь он еще, наверное, не знает про отел.

Джейкоб кивнул и направился на поиски кантена. По дороге он пытался выспросить у своей второй половины, что она обо всем этом думает Его собственная оговорка об истинном убийце не на шутку встревожила Джейкоба.

Фэгина он нашел на обратной стороне палубы, откуда открывался вид на фотосферу. Куст неподвижно замер перед фантастической панорамой: в красном мареве раскручивалась теряющаяся вдали спираль подокна, по которому и мчался корабль. Слева и справа, сверху и снизу колыхались заросли спикул, отдаленно напоминавшие поля

слоновьей травы.

Джейкоб опустился на кушетку рядом с Фэгином. Какое-то время оба молчали, не глядя друг на друга.

Мимо проплыла очередная струйка ионизированного газа. Джейкобу в который раз пришла на ум ламинария, колышущаяся в волнах прилива. Он улыбнулся, представив, как Макой, облаченная в костюм из металлокерамики и стасис-экранов, резвится среди фонтанов пламени, оглашая солнечные ландшафты потоками сомнительных острот.

Неужели пресловутые Призраки пробездельничали целую вечность, подобно нашим дельфинам? Интересно, чем они занимались все это время? Хоровым пением? Машин у них, похоже, нет. Во всяком случае, никакой суеты, сопутствующей всякого рода механизмам, нигде не видно. Никакой организации пока тоже не наблюдается. Только вот дельфины лишены огня. У Призраков же этого добра навалом. Зато с твердыми веществами туговато.

Хорошо это или плохо? Надо будет поинтересоваться при встрече.

— Вы как раз вовремя. Я собиралась послать за вами.

Грациозная фигура капитана красиво вырисовывалась на фоне розовой дымки.

Совсем близко от корабля наблюдался живописный хоровод тороидов. Эта группа отличалась от остальных. Вместо пассивного дефилирования в огненном океане бублики явно старались протиснуться в центр их скопления. Когда один из них чуть отодвинулся, Джейкоб увидел то, к чему они стремились.

Этот магнитоядный был значительно крупнее остальных. На его поверхности вместо уже знакомого мельтешений геометрических форм лениво колыхались плавные темные и светлые полосы. Тороиды поменьше теснились вокруг, сохраняя некоторую дистанцию, будто их удерживала какая-то внешняя сила.

Де Сильва что-то тихо приказала пилоту. Тот склонился над пультом, корабль начал медленно поворачиваться вправо, так, чтобы фотосфера оказалась внизу. Джейкоб почувствовал облегчение: как бы ни старались гравитационные устройства, он никак не мог избавиться от ощущения, что ползет по стене.

Магнитоядный, которого Джейкоб уже окрестил про себя Гулливером, вращался так, словно рядом с ним никого не было. Его движения бы-

ли ленивы, он чуть раскачивался из стороны в сторону.

Светлый нимб, окутывавший другие тороиды, у Гулливера был едва заметен, тускло мерцая у самой поверхности тела. Темные и светлые полосы пульсировали, разбегаясь волнами неправильной формы. Каждая такая вспышка эхом отдавалась в толпе тороидов. Геометрические фигуры на их телах застыли сплетением ромбов и спиралей, полыхая изумрудным сиянием в такт нарастающему ритму Гулливера.

Внезапно один из тороидов-спутников, засияв зеленым пламенем, рванулся к гиганту. В то же мгновение навстречу ему вылетел сноп сверкающих синих брызг. Сгустки света небесного оттенка заплясали около тороида, словно отталкивая дерзкого наглеца. Сияющие точки, подпрыгивая, будто капли воды на раскаленной сковороде, образовали эскорт вокруг него, постепенно оттесняя назад. Через несколько секунд нарушитель скрылся под палубой.

Корабль, повинуясь командам пилота, начал разворачиваться в сторону ближайшего светового сгустка, до которого было не больше мили. И вот тут Джейкоб отчетливо увидел существо, о котором столько слышал.

Солнечный Призрак казался совершенно бесплотным, движения его были плавны и уверенны. Буря, бушевавшая в хромосфере, была для него легким ветерком, из-за которого не стоило суетиться. Он так же сильно отличался от весьма материальных тороидов, как порхающая бабочка отличается от неуклюжего детского волчка.

Джейкоб рассматривал это странное создание, и в голову ему приходили какие-то неуместные сравнения: Призрак напоминал ему то медузу, то пляжное полотенце, забытое на солнце, выбеленное до прозрачной голубизны и полощущееся на ветру, то осьминога, резвящегося в родной морской стихии. Но больше всего он напоминал солнечный луч на поверхности моря — такой же невесомый и эфемерный.

Призрак слегка пульсировал. Какое-то время он медленно двигался в направлении корабля, затем остановился.

«Он смотрит на нас, — понял Джейкоб. — Смотрит так же, как мы смотрим на него». Мгновение создание из огня и существа, состоявшие в основном из воды, пристально разглядывали друг друга.

Затем Призрак заколыхался, и палубу вдруг озарила ослепительная многоцветная вспышка,

полностью растворившая красную хмарь. Глазам стало больно. Джейкоб вскинул руку, защищаясь от невыносимого сияния. Так вот как выглядит радуга изнутри!

Световая феерия прекратилась столь же внезапно, как и возникла. В красном мареве плавали вращающиеся тороиды. Отчетливо различалась структура волокна. Призраки исчезли. Нет, не исчезли, они лишь вернулись к своему Гулливеру — едва заметные искры плясали вдоль его тела.

— Он... выстрелил в нас! Это же лазер! — Пилот первым пришел в себя. — Они никогда еще так не поступали!

— Да, но они никогда и не приближались к нам так близко, — откликнулась Хелен, — и вообще, нельзя утверждать ничего конкретного. Откуда мы можем знать, что все это означает?

— Вы полагаете, он хотел причинить нам вред? — нерешительно спросила Мартин. — Может быть, это предупреждение?

— Не знаю. Возможно, и так...

— А может, он просто вернулся к своему подопечному? Обратите внимание, все его спутники вернулись к магнитоядному одновременно.

Хелен покачала головой.

— Не знаю, но думаю, что мы можем остаться

здесь и продолжить наблюдение. Посмотрим, что они станут делать, когда закончат с этим тороидом.

Гулливер, продолжая вращаться, раскачивался из стороны в сторону все сильней и сильней. Полосы на его поверхности стали отчетливее, причем темные линии становились все тоньше, а светлые, наоборот, с каждой пульсацией набухали. Еще два раза пастухи яростно отгоняли слишком ретивых подопечных. Они напоминали овчарок, загоняющих настырных баранов.

Тороид раскачивался все быстрее, темные полосы превратились в едва заметные линии. Ореол вокруг тороида окончательно потускнел. Призраки сгрудились вокруг Гулливера. Когда угол колебаний достиг почти ста восьмидесяти градусов, Призраки накинулись на беднягу и резко перевернули. Теперь гигант вращался вокруг оси, перпендикулярной магнитному полю, постепенно замедляясь. А затем вдруг распался на части, подобно порванному ожерелью. Родительское тело все еще вращалось, одна из темных полос разорвалась, и как только очередная белая полоса доходила в своем вращении до точки разрыва, на свободу вырывался самостоятельный бублик. Новые тороиды выкидывались

вверх, вдоль оси невидимого магнитного поля, и немедленно уносились прочь. А от Гулливера не осталось уже и следа.

Около пятидесяти маленьких бубликов яростно вращались под присмотром небесно-голубых сияющих Пастухов. Движения тороидов были неустойчивы, в центре каждого из них неуверенно мигал зеленый огонек. Нескольким младенцам удалось ускользнуть от бдительных стражей. Один, самый ретивый, вырвавшись из охраняемого круга, направился в сторону притаившихся взрослых тороидов. Джейкоб надеялся, что ему удастся подойти вплотную к кораблю. Только бы взрослые пропустили новичка!

Словно услышав его мысли, один из взрослых тороидов сжался, застыв чуть ниже возможной траектории младенца. Когда новорожденный, не подозревая ничего дурного, приблизился, на поверхности взрослого тороида бешено запульсировали ярко-зеленые ромбы. В следующее мгновение тороид взмыл вверх на столбе изумрудного пламени. Юнец попытался удрать, но было слишком поздно. В отчаянии он выпустил в направлении своего обидчика слабенький зеленый лучик. Взрослый, не обратив на это никакого внимания, настиг младшего собрата, в мгновение

ока затянул его в пульсирующую дыру, выпустив напоследок облачко пара.

Джейкоб обнаружил, что стоит, затаив дыхание. Он глубоко вздохнул. Пастухи перестроили ряды своих подопечных и потащили их в сторону. Несколько Призраков остались удерживать нетерпеливых взрослых. Джейкоб завороженно наблюдал за вполне осмысленными действиями сияющих существ, пока толстое волокно не закрыло обзор.

— Пора начинать отрабатывать затраченные на нас средства, — пробормотала Хелен. Она повернулась к пилоту. — Держите оставшихся Пастухов в плоскости палубы. И попросите Куллу смотреть в оба. Мы должны знать, не приближается ли кто-нибудь снизу.

Смотреть в оба? Джейкобу понадобилось не меньше секунды, чтобы сообразить, что имеется в виду. Из какой же далекой эпохи эта женщина?

— Пора! — скомандовала она тем временем. — Начинаем приближаться!

— Вы полагаете, они поймут, что мы специально дожидались, когда они закончат со своими делами? — спросил Джейкоб.

Хелен пожала плечами.

— Кто знает? Может быть, они и вовсе считают

нас какой-нибудь робкой разновидностью тороидов, а о наших предыдущих сообщениях даже и не помнят.

— А Джефф?

— Возможно, они и о Джеффе ничего не помнят. Это не так уж невероятно. У меня нет причин сомневаться в словах доктора Мартин о наличии разума, зарегистрированного ее прибором. Но что это значит? Зачем в подобной среде, куда более простой, чем земной океан, нужны семантические навыки? Или память? Угрожающие жесты, которые мы наблюдали во время предыдущих прыжков, не обязательно свидетельствуют о хорошо развитом интеллекте. Вполне возможно, что Призраки находятся на уровне земных дельфинов, не подвергшихся Развитию. Хорошие умственные способности и полное отсутствие желания развивать их. Давно следовало привлечь человека, имеющего отношение к Центру Развития!

— Вы рассуждаете так, словно эволюционирующий разум — это единственно возможный путь, — улыбнулся Джейкоб. — Даже если вы решили проигнорировать галактическую точку зрения на этот счет, почему бы просто не рассмотреть иную гипотезу?

— Вы хотите сказать, что Призраки сами могут оказаться продуктом Развития? — Хелен потрясенно взглянула на него, но уже через секунду, осознав скрытый подтекст, пришла в себя. Глаза ее сверкнули. — Но если это так...

Она не успела договорить — пилот взмахнул рукой.

— Они начали движение.

В облаке раскаленного газа порхали Призраки. Они лениво парили над фотосферой на высоте в сто тысяч миль. Призраки двигались медленно, сократив расстояние лишь настолько, что стал виден их бледный ореол.

Послышался шелест. Джейкоб оглянулся. К ним подошел Фэгин.

— Будет очень прискорбно, — тихо пропел кантен, — если окажется, что такая красота запятнала себя преступлением. Мне было бы очень неприятно.

Джейкоб кивнул.

— Ангелы чисты... — начал он.

Кантен певуче подхватил:

— Ангелы чисты...

— Кулла сообщает, что они к чему-то готовятся. — Пилот поправил наушники.

Прядь темного газа быстро перемещалась перед

кораблем, на какое-то время скрыв Призраков. Когда облако рассеялось, вблизи корабля осталось лишь одно световое создание, остальные быстро удалялись.

Оставшийся Призрак не двигался, явно выжидая, когда корабль сам приблизится к нему. Он отличался от своих собратьев: его тело не было таким прозрачным, он выглядел как-то солиднее и весомее, движения его были неторопливы и осмотрительны. Он ждал.

«Посол», — промелькнуло в голове у Джейкоба.

— Держите его в плоскость корабля, — отрывисто приказала де Сильва. — Не дайте ему ускользнуть из поля зрения приборов.

Пилот бросил на нее мрачный взгляд. Корабль начал медленное вращение.

Призрак пришел в движение. Казалось, его трепещущее веерообразное тело отталкивается от плазмы. Он был похож на птицу, готовую вот-вот взмыть вверх.

— Он играет с нами, — пробормотала Хелен.

— Почему вы так решили?

— Потому, что ему не нужно предпринимать столько усилий, чтобы оставаться у нас над головой.

Она приказала ускорить вращение. С правой

стороны стеной выросло Солнце. Призрак продолжал подниматься все выше и выше. Солнце уже дошло до верхнего положения и снова скрылось из виду. Затем все повторилось снова.

Существо умудрялось двигаться совершенно синхронно с кораблем, все время оставаясь чуть выше плоскости палубы.

Скорость вращения корабля росла.

День и ночь сменялись на корабле за какие-то считанные секунды. Джейкобу стало жарко. Призрак продолжал игру. Фотосфера освещала палубу с частотой стробоскопической лампы.

— Хорошо, прекращаем, — процедила сквозь зубы де Сильва. Вращение замедлилось. В момент остановки Джейкоб с трудом удержался на ногах. Ему вдруг показалось, что по кораблю пронесся холодный ветерок. Сначала жар, потом озноб... Неужто он заболевал?

— Он победил, — ровным голосом произнесла Хелен, — как обычно, но попытка не прошла впустую. Иногда мне хочется проделать то же самое, но не отключая охлаждающий лазер. Интересно, что с ним станет, когда скорость приблизится к световой?

— Вы... вы хотите сказать, что, пока корабль вращался, охлаждение не работало? — На этот

раз Джейкоб не выдержал и слегка оперся о ствол Фэгина.

— Конечно, — ответила Хелен, — не думаете же вы, что мы стремимся поджарить несколько десятков ни в чем не повинных тороидов и Пастухов? Именно поэтому мы и ограничены во времени. В противном случае мы могли бы до скончания века играть в прятки!

Последнюю фразу Джейкоб не понял. Ох, уж эти архаизмы! На досуге он решил поразмыслить над интересной проблемой, в чем кроется очарование этой женщины: в ее хладнокровии и решительности или же в удивительной старомодности? Джейкоб облегченно вздохнул. Так или иначе, но никакой простуды нет и в помине. Просто на несколько мгновений Солнце допустили на борт. Приятно сознавать, что все это уже позади.

16... И О ВИДЕНИЯХ

— Нам удалось получить только очень размытое изображение. Видимо, внесли искажения стасис-экраны. Призрак выглядит сильно искривленным. Но во всяком случае, — бортинженер протянул снимки капитану, — нам удалось его зафиксировать.

Де Сильва взглянула на фотографию. Карикатура на человека: тощее тело, тонкие рахитичные ноги, длинные руки, несоразмерно большие, неловкие кисти, готовые вот-вот сжаться в кулаки.

Хелен передала снимок Джейкобу. На снимке вместо глаз — зияющие провалы, рот распахнут в беззвучном крике. Дыры на лице выглядели черными, но в действительности они светились темно-красным сиянием хромосферы. Джейкоб поежился, вспомнив дьявольский огонь, полыхавший в глазах этого странного существа.

— Нужно отметить, — продолжал бортинженер, — что существо прозрачно. Лучи альфа-линии водорода свободно проникают сквозь его тело. Это хорошо видно в области глаз и рта, так как в этих местах собственный синий спектр Призрака не забивает красную область. Но, насколько мы можем судить, остальные части тела Призрака также не являются преградой для красной линии.

— Что ж, будем считать это установленной характеристикой Призрака, если таковая вообще возможна. — Джейкоб вернул снимки. В сотый раз глянув вверх, он спросил: — Вы уверены, что он вернется?

— Они всегда возвращаются, — кивнула Хелен, — еще ни разу не ограничивались одним выпадом.

В креслах неподалеку расположились Мартин и Буббакуб, готовые в любой момент облачиться в свои пси-шлемы. Кулла, освобожденный наконец от дежурства, без сил откинулся на кушетке, посасывая какой-то голубоватый напиток. Глаза прингла устало поблескивали.

— Полагаю, нам всем следует отдохнуть, — решительно сказала Хелен, — не то рискуем повредить себе шею, непрерывно задирая голову. А шея нам еще пригодится, ведь Призрак наверняка появится сверху.

Джейкоб опустился в кресло рядом с Куллой. Отсюда он мог наблюдать за Милдред Мартин и Буббакубом. Когда Призрак появился в первый раз, эти двое мало что успели. Как только солнечный сгусток оказался в высшей точке над кораблем, с ним произошла удивительнейшая метаморфоза. Световой блик в мгновение ока обрел очертания человеческой фигуры, более того, возникший «человек» явно угрожал кораблю. Но едва Мартин успела надеть шлем, как существо, бросив прощальный злобный взгляд, погрозило кулаком и растаяло без следа.

Но Буббакуб, успев проверить в работе свой кангрл, важно объявил, что солярианин не применял страшное пси-оружие, противодействовать которому и предназначен был аппарат пила. «Что ж, и на том спасибо», — мелькнуло в тот момент в голове у Джейкоба, все еще не пришедшего в себя после удивительной метаморфозы, происшедшей с безобидным, казалось бы, солнечным зайчиком. Буббакуб на всякий случай не стал выключать кангрл.

Джейкоб с наслаждением откинулся в кресле и опустил спинку, устроившись поудобнее. Прямо перед глазами сияло розовое небо, полное перистых облаков нежнейших оттенков.

Было приятно сознавать, что сила таинственного пингрли не вышла наружу. Но почему Призрак так странно себя повел? Джейкобу вдруг пришло в голову, что, может, Ла Рок в самом деле прав... и соляриане прекрасно знают, как надо себя вести с людьми, знают с незапамятных времен... Люди, разумеется, никогда прежде не бывали на Солнце, но где гарантия, что эти странные огненные существа сами не навестили старушку Землю? И не взрастили там цивилизацию гуманоидов? Звучит, конечно же, чересчур фантастично, но ведь и сам проект «Прыжок в Солнце» поначалу

тоже казался полным абсурдом.

Да, но если в гибели Джеффа виновен не Ла Рок, а Призраки, то история может повториться снова.

Джейкоб надеялся, что если все обстоит именно так, то Ла Рок прав и в остальном: соляриане могут оказаться более сдержанными, имея дело с людьми, пилами и кантенами. Джейкоб решил, что при следующем появлении Призрака стоит попробовать свои силы в телепатии. Однажды он уже делал подобную попытку, но не обнаружил у себя никаких талантов к пси. Что было довольно странно, учитывая необычайные гипнотические способности и отличную память, которыми он обладал. Что ж, стоит попробовать еще раз.

Слева от себя он уловил легкое движение. Джейкоб скосил глаза. Кулла, не отрывая красных глаз от сияющей хромосферы, поднес к губам микрофон.

— Капитан, по-моему, он приближается. Координаты сто двадцать на тридцать градусов.

Прингл устало уронил тонкую руку, гибкий шнур микрофона быстро втянулся в подлокотник кресла.

В эту минуту корабль окутала прядь темного газа, и красное свечение на палубе ненадолго

ослабло. А когда корабль вынырнул из облака, вдали снова маячил Призрак. Солярианин стремительно двигался навстречу кораблю.

На этот раз Призрак светился значительно ярче, а очертания его тела выглядели еще более причудливыми. Вскоре голубое сияние начало резать глаза. Призрак неумолимо приближался. Джейкоб почувствовал, как нарастает напряжение, и прикрыл глаза. Когда он снова взглянул на солнечную панораму, световой блик исчез. Вместо него колыхалась высокая человеческая фигура, глаза и рот удивительного существа полыхали раскаленными углями. Синий человек угрожающе парил прямо над кораблем, вне зоны регистрации приборов.

Прошло несколько томительных минут. От странного создания исходила явная недоброжелательность. Джейкоб чувствовал ее! Внезапно сзади раздалось проклятие. Он резко обернулся. Милдред Мартин в ярости сорвала с головы пси-шлем:

— Черт бы его побрал! Слишком сильные шумы! Только мне показалось, что я что-то нащупала, как тут же все потонуло в каком-то грохоте!

— Не мешайте! — Буббакуб сверкнул на нее агатовыми бусинами.

Водор пила лежал на подлокотнике кресла. Сам Буббакуб напряженно всматривался в маневрирующего над головой Призрака.

— Пси этого существа отличается от человеческого. Ваши старания, похоже, вызвали у него боль, а, может, и ярость!

Джейкоб вскочил на ноги.

— Вы установили с ними контакт? — хором воскликнули они с Мартин.

— Да, — прохрипел черный диск с подлокотника кресла. — Не мешайте! — Буббакуб прикрыл глаза. — Сообщите, если он начнет двигаться. Повторяю, только если начнет двигаться. Помолчите.

Джейкоб переводил взгляд с Призрака на Буббакуба и обратно. Интересно, о чем они беседуют? О чем вообще можно разговаривать с пламенем свечи?

Внезапно солярианин начал лихорадочно взмахивать прозрачно-голубыми «руками», огненно-красный «рот» задвигался. На этот раз изображение Призрака было более четким, не наблюдалось никаких искажений. Похоже, он сумел приспособиться к стасис-экранам. Джейкоб не думал, что означает этот факт для безопасности корабля.

Внезапно слева что-то ослепительно блеснуло. Джейкоб судорожно нащупал микрофон и рывком вытянул шнур из паза.

— Хелен, взгляните на точку сто восемьдесят на шестьдесят пять. По-моему, нас стало больше.

— Вижу, — раздался спокойный голос де Сильвы. — Пока он вполне обычного вида. Посмотрим, что будет дальше.

К кораблю осторожно приближался второй Призрак. Его волнисто-аморфные очертания напоминали нефтяное пятно, разлившееся на поверхности воды. В новичке не было ничего человеческого.

Милдред Мартин тихо вскрикнула и быстро натянула на голову шлем.

— Как вы думаете, стоит сказать Буббакубу? — быстро спросил ее Джейкоб.

Она взглянула на дремлющего, казалось, пила, затем перевела взгляд на Призрака-«человека». Тот все еще размахивал «руками», но с места так и не сдвинулся. Мартин отрицательно качнула головой.

— Нет, он ведь подчеркнул, что только когда начнет двигаться его подопечный. — Она нетерпеливо взглянула на новичка. — Пожалуй, мне стоит заняться вот этим, а Буббакуба не будем

тревожить.

У Джейкоба такой уверенности не было. На данный момент только пил получил положительный результат. Желание Милдред Мартин скрыть от Буббакуба появление второго Призрака выглядело довольно подозрительно. Неужели она завидует успеху чужака?

Он пожал плечами. Пускай сами разбираются.

Второй Призрак очень осторожно, часто останавливаясь, приближался к собрату, полностью поглощенному своим театрализованным представлением.

Джейкоб оглянулся на Куллу. Ему-то по крайней мере можно сообщите об открытии? Казалось, прингл загипнотизирован «человеком». Но почему Хелен не объявила новость во всеуслышание? И где Фэгин? Будет очень обидно, если старина что-нибудь пропустит в этом захватывающем спектакле.

Где-то над головой опять сверкнула ослепительная вспышка. Кулла зашевелился. Джейкоб вскинул глаза. Второй Призрак бесследно исчез, а первый быстро удалялся, растаяв вскоре в красном мареве хромосферы.

— Что произошло? — Джейкоб был удивлен и отчасти разочарован. — Я отвернулся буквально

на секунду и...

— Не жнаю, друг Джейкоб. Я пыталшя понять, нельжя ли в поведении этого шущештва найти ключ... и тут появилшя второй. Первый атаковал его пучком швета и жаштавил отштупить, а потом и шам обратилшя в бегштво!

— Вам следовало сообщить мне о втором Призраке, — недовольно буркнул Буббакуб. Он уже встал, и снова нацепил водор на шею. — Хотя сейчас это и не так важно. Я уже знаю все, что нужно. Надо рассказать человеку де Сильве.

Он повернулся и вперевалку направился к командному пульту. Джейкоб вскочил и последовал за ним

Фэгин оказался рядом с Хелен.

— Ты видел? — шепотом осведомился у приятеля Джейкоб.

— Да-да, дружище, — возбужденно зашелестел кантен, — я все отлично разглядел и сейчас с нетерпением жажду услышать, что удалось узнать нашему уважаемому другу пилу.

Буббакуб театрально взмахнул коротенькой лапкой, дабы привлечь всеобщее внимание, что сейчас, впрочем, было совершенно излишне.

— Призрак сообщил мне, что их раса очень стара. Как я и предполагал. Да, это очень старая

раса. — В хрипе водора слышалось явное удовлетворение.

«Уж это-то, — подумал Джейкоб, — ты выяснил в первую очередь».

— Соляриане утверждают, что это они убили шимпанзе. Так же, как и человек Ла Рок. Если люди не оставят Призраков в покое, то их тоже убьют.

— Что? — воскликнула Хелен. — Как такое может быть? Как Ла Рок и Призраки могут быть одновременно виновны в убийстве Джеффа?

— Прошу вас сохранять спокойствие! — Даже в искусственных интонациях водора Джейкоб явственно уловил угрозу. — Солярианин сообщил мне, что это они вынудили человека совершить убийство. Они дали волю его ярости. Они внушили Ла Року мысль об убийстве. И это они раскрыли ему правду.

Милдред Мартин, пропустившая примечательную сцену, напряженно внимала рассказу Джейкоба.

...В конце концов Буббакуб сказал, что существует только один способ, с помощью которого Призраки могли оказать влияние на Ла Рока на таком огромном расстоянии. И если они и впрямь прибегли к нему, то, как заявил наш друг пил,

становится понятным, почему в Библиотеке отсутствуют какие-либо упоминания о солярианах. На применение этой силы наложен строжайший запрет. Исключений нет ни для кого. Буббакуб предполагает оставаться здесь до тех пор, пока не удастся получить подтверждения этому открытию. Ну а потом надо будет уносить ноги.

— Что же это за сила? — Мартин судорожно вертела в руках несовершенный пси-шлем землян.

Джейкоб заметил, как Кулла из своего кресла внимательно прислушивается к их разговору.

— Не знаю. Но это не пингрли, о котором нам с вами рассказывал Буббакуб и который частично разрешен. Кроме того, радиус действия пингрли не столь уж и велик. Мне кажется, Буббакуб собирается воспользоваться своим философским камнем.

— Вы имеете в виду реликвию летаней?

— Да.

Мартин покачала годовой и попыталась отломать застежку шлема.

— Все так запутано. Я ничего не понимаю. С того момента, как мы вернулись с Земли на Меркурий, все пошло наперекосяк. Словно все вдруг решили разом сбросить маски.

— Что вы имеете в виду?

Парапсихолог замялась, зябко поведя плечами.

— Никто ни в ком не уверен... Я была убеждена, что нелепые наскоки Питера на Джеффри столь же безобидны, сколь и искренны. Теперь же выясняется, что все совсем иначе... Поступки Питера оказались не такими уж безобидными, но действовал он при этом вовсе не по своей воле. И его бредовые идеи насчет соляриан обернулись вдруг правдой, но и они, как выясняется, были навязаны ему извне.

— Вы считаете, что Призраки — это наши исчезнувшие опекуны?

— Кто знает? Если это так, то мы окажемся в очень неприятном положении. Нам ведь вряд ли удастся установить с ними непосредственный контакт.

— Значит, вы принимаете рассказ Буббакуба без всяких оговорок?

— Конечно! Ведь только он сумел вступить с ними в контакт. Кроме того, я неплохо изучила Буббакуба. Он ни под каким видом не стал бы вводить нас в заблуждение! Истина — дело его жизни!

Джейкобу стало теперь совершенно ясно, что значила ее предыдущая фраза. Доктор Мартин попросту была перепугана. И перепугана очень

сильно. Он сделал новую попытку:

— Милли, вы абсолютно уверены, что только Буббакубу удалось вступить в контакт с Призраками?

Она вздрогнула и резко отвела взгляд.

— Судя по всему, здесь только он способен был сделать это.

— Тогда почему вы остались сидеть здесь в пси-шлеме, когда Буббакуб отправился хвастать своими успехами?

— Похоже на допрос с пристрастием! Да если хотите знать, я осталась, чтобы сделать еще одну попытку! Меня просто одолела черная зависть, и захотелось попробовать еще раз! Но все безрезультатно. — Она поникла.

Но Джейкоба ее горячность не убедила. Ему было абсолютно ясно, что Милдред Мартин чего-то недоговаривает.

— Доктор Мартин, позвольте задать вам один вопрос. Что вам известно о лекарстве под названием «варфарин»?

— И вы туда же! — Она покраснела. — Я уже говорила главврачу базы, что не имею ни малейшего понятия об этом препарате. Каким образом оно оказалось в аптечке Кеплера, я не знаю. И я не уверена, что оно там вообще было.

Она отвернулась.

— Думаю, мне стоит отдохнуть. Если вы, конечно же, не возражаете, мистер Демва. Мне понадобятся силы, когда соляриане появятся вновь.

У автоматов с напитками Джейкоб нашел Куллу. Огромные красные глаза сочувственно поблескивали.

— Вы чем-то раштроены, друг Джейкоб?

— Вовсе нет. Но почему вы спрашиваете?

Кулла выглядел очень усталым. Узкие плечи поникли, большая голова вяло покачивалась на тонкой шее-стебельке, лишь глаза горели все так же ярко.

— Надеюшь, вы не приняли ближко к шердшу новошть?

Джейкоб оперся об один из автоматов и заглянул чужаку в лицо.

— Что я не должен принимать близко к сердцу, Кулла? Утверждения Буббакуба — всего лишь констатация факта. Вот и все. Я буду очень разочарован, если это открытие повлечет за собой свертывание проекта «Прыжок в Солнце». Мне хотелось бы проверить истинность слов уважаемого Буббакуба. Тогда и только тогда я смогу сказать, согласен ли с ним или нет... И уж, конеч-

но же, надо как следует порыться в Библиотеке. Сейчас же меня прежде всего одолевает любопытство.

Вопрос Куллы вывел его из себя. Внезапно заболели глаза — начинало, по-видимому, сказываться слишком долгое пребывание в красном диапазоне.

Кулла медленно покачал головой.

— Мне кажетша, это не шовшем так. Прошу проштить мою нажойливошть, но вы и в шамом деле выглядите раштроенным, друг Джейкоб.

Джейкоб разозлился.

— К чему вы клоните? — Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос прозвучал ровно.

— Джейкоб, вы вшегда прикладывали макшимум ушилий, чтобы шохранять нейтралитет в прешловутом шпоре между предштавителями вашей рашы. Но ведь у вшех шофонтов вшегда имеетша швое мнение. Вас шильно уяжвило, что Буббакубу удалошь уштановить контакт ш шолярианами, а люди потерпели неудачу. Хотя вы никогда не вышкажывали швоего мнения по проблемам проишхождения, я жнаю: вы вряд ли будете рады открытию, что у человечештва вше-таки были опекуны.

Джейкоб пожал плечами.

— Верно, Кулла, меня до сих пор не убедили в том, что соляриане, в туманном прошлом начав Развитие человечества, затем взяли и бросили своих подопечных на произвол судьбы. Странное поведение, лишенное всякого смысла.

Джейкоб устало потер висок. Он чувствовал приближение головной боли.

— На протяжении всей экспедиции люди ведут себя крайне странно. Кеплер страдает какой-то необъяснимой истерией и находится в слишком большой зависимости от Мартин. Ядовитость Ла Рока превзошла все мыслимые границы. Сама Милли Мартин то страстно защищает журналиста, то отступается от него, словно опасаясь сказать что-то, способное задеть Буббакуба. Никак не могу взять в толк... — он замолчал.

— Возможно, во вшем этом как раж и повинны шоляриане. Ешли они шмогли вынудить миштера Ла Рока шовершить убийштво, то им вполне по шилам выжвать и другие отклонения в поведении людей.

Джейкоб сжал кулаки. Он уже едва сдерживал гнев. Взгляд красных глаз Куллы угнетал, ему вдруг захотелось немедленно уйти.

— Прошу вас не прерывать меня, прингл Кулла, — жестко сказал он, заставив себя смотреть

прямо в полыхающие глаза чужака.

Кулла съежился под его яростным взглядом. Что-то здесь было не так. Но что? У Джейкоба закружилась голова, ему хотелось сказать что-то очень важное, но мысли путались. Он встряхнулся, туман в голове немного рассеялся. Взглянул на Куллу, тот немного отодвинулся в сторону, по-прежнему не сводя с него пристальных изучающих глаз.

Джейкоб оглянулся.

Мартин и Буббакуб снова сидели рядом. Оба смотрели в его сторону. Мартин что-то быстро говорила.

Вот дрянь! Небось рассказывает напыщенному глупцу об их разговоре. Ну и подхалимка!

К ним подошла Хелен де Сильва и отвлекла их внимание от Джейкоба. На мгновение ему стало лучше. Общество Куллы становилось все более нестерпимым. Как это ни прискорбно, но придется вспомнить о своем положении представителя старшей расы. Пора поставить этого подопечного на свое место!

Де Сильва теперь направлялась прямо к автоматам с напитками. Черные глаза-бусины Буббакуба снова уставились на Джейкоба. Он бесцеремонно повернулся к пилу спиной. «А пошли

бы они все куда подальше! Я хочу пить и вовсе не желаю устраивать из этого представления. Уроды!»

Автомат с напитками поплыл перед глазами. Внутренний голос яростно кричал о надвигающейся опасности, но Джейкоб предпочел сделать вид, что ничего не слышит, с деланной беззаботностью рассматривая пластиковый корпус автомата. «Какое странное устройство. Надеюсь, оно отличается от своего подлого родственника с „Брэдбери“. Какие удивительные кнопки... но почему они висят в воздухе... и где...» Джейкоб протянул руку, чтобы дотронуться до кнопки, но в следующее мгновение резко отдернул. «Нет! Нет-нет-нет! Надо прочитать надпись! Так, что я хотел? Кофе?» Едва слышный внутренний голос высказался в пользу гировида. «Гировид? Что ж, прекрасное питье! Приятно на вкус, и на ногах буду стоять тверже. Отличный напиток для путешественника в мир галлюцинаций».

Джейкоб снова неуверенно потянулся к кнопке. Палец покачивался из стороны в сторону, но никак не мог попасть. Внутренний голос хихикнул. «Скотина, ты что, издеваться вздумал? Да кто ты вообще такой? Откуда ты взялся?» Джейкоб решительно надавил на красную кнопку. Послы-

шался звук льющейся жидкости.

Ну и компания здесь собралась? Даже поговорить не с кем! Не с этим же выскочкой Куллой! И не с этим напыщенным мохнатым снобом или с той холодной, точно выловленная форель, подружкой-докторшей! Уж с ними-то точно не захочется разговаривать! А Фэгин тоже хорош, затащил в такую дыру. Ну и пекло!

Джейкоб пошатнулся, но все-таки удержал стакан и быстро глотнул прохладной жидкости.

Время то неслось вскачь, то почти останавливалось. Он чувствовал необъяснимую и такую приятную легкость во всем теле, словно тяжелая ноша на плечах внезапно исчезла. Джейкоб широко улыбнулся подошедшей Хелен и повернулся к Кулле. Позже надо будет извиниться за грубость. Он приветственно взмахнул стаканом, расплескав половину его содержимого.

— ...Они зависают вот над этим местом, как раз у самой границы зоны видимости наших приборов. — Джейкоб понял, что Хелен обращается к нему. — Мы готовы к такому обороту, так что вам, быть может, лучше...

— Джейкоб, оштановитешь, — вскрикнул неожиданно высоким фальцетом Кулла.

Хелен рванулась вперед и схватила Джейкоба

за руку. Кулла попытался отобрать у него стакан.

«Вот грубияны», — добродушно подумал Джейкоб, легко оттолкнув тщедушного прингла. Сейчас он покажет этой девяностолетней старушенции и инопланетному дохляку, что такое настоящий мужчина.

С веселым смехом он отражал наскоки Хелен и Куллы, упорно пытавшихся лишить его амброзии. Нет, правда, что за чудесный напиток! Джейкоб снова рассмеялся. Ну до чего же они назойливы! Он отбил пару довольно подлых ударов капитана и торжествующе поднес к губам стакан.

Внезапно в ноздри ударило ужасающее зловоние. Обоняние, об утрате которого Джейкоб и не подозревал, вернулось с ошеломляющей внезапностью, погрузив его в пучину нестерпимого смрада. Он резко отдернул голову, с ужасом глядя на отвратительную пенящуюся жидкость в стакане, которую только что собирался проглотить с таким наслаждением.

Рука с омерзением отшвырнула стакан. Коричневая пузырящаяся субстанция расплескалась по полу. Джейкоб растерянно оглянулся. Глаза присутствующих были устремлены на него. Кулла сидел на полу, что-то умоляюще бормоча.

Прекрасные волосы Хелен разметались, лицо ее раскраснелось. Откуда-то сбоку доносились нежные звуки флейты, явно чем-то огорченной. Где Фэгин? Джейкоб шагнул вперед и рухнул на палубу у ног неподвижного Буббакуба.

Он медленно, очень медленно приходил в себя. В затылке чувствовалась тупая ноющая боль. Лоб горел. Что-то прохладное и влажное коснулось лица.

Джейкоб застонал и поднял руку. Чья-то теплая ладонь мягко отстранила ее. Он открыл глаза. Над ним с полотенцем в руках склонилась Милдред Мартин. Отложив полотенце в сторону, она поднесла к его губам стакан.

Джейкоб отпрянул, но в следующее мгновение потянулся к стакану. Это оказался обычный лимонад. И вкус у него был просто божественный. Он даже застонал от наслаждения. Высосав последние капли, Джейкоб оглянулся. Все кушетки были заняты. Палуба напоминала сонное царство. Он взглянул вверх, глазам предстала почти абсолютная чернота.

— Мы возвращаемся, — прошептала Мартин.

— Сколько... — Он был удивлен хриплостью своего голоса. — Сколько времени я пробыл без сознания?

— Около двенадцати часов.

— Я буйствовал?

Она кивнула, подарив ему свою неизменную профессиональную улыбку. Впрочем, на сей раз в ней было что-то человеческое. Джейкоб осторожно потрогал голову. Боль не отпускала.

— Значит, мне все это не приснилось? Что я выпил?

— Аммиачную смесь, предназначенную для Буббакуба. Доза не смертельная, но выпей вы чуть больше, последствия могли бы быть очень серьезными. Вы можете объяснить, зачем вам это было нужно?

Джейкоб уронил руку и попытался улыбнуться.

— В тот момент мне показалось, что это отличная идея. — Он качнул головой. — А если серьезно, то не знаю. Что-то со мной не так, но будь я проклят, если осознаю, в чем тут дело.

— Мне следовало догадаться, что с вами неладно, когда вы заговорили об убийствах и заговорах, — кивнула Мартин. — Отчасти здесь есть и моя вина. Я должна была распознать симптомы. Это всего лишь ориентационный шок. Во время погружений на солнечном корабле есть от чего потерять голову.

Он потер глаза.

— Наверное, вы правы, но ведь кое-кто может решить, что это результат внешнего воздействия.

Мартин вздрогнула, пораженная тем, как быстро вернулась к Джейкобу способность мыслить критически.

— Да. — Она неохотно кивнула. — Комендант действительно полагает, что ваш приступ — также дело рук Призраков, решивших продемонстрировать свою силу. Она даже предложила ответить им тем же. У этой теории, безусловно, есть свои достоинства, но я предпочитаю собственную.

— Я сошел с ума?

— О нет, вовсе нет! Всего лишь обычное помрачение сознания в результате дезориентации. Кулла сказал, что за несколько минут до происшествия ваше поведение было... не совсем нормальным. К этому можно добавить и мои собственные наблюдения...

— Да, — кивнул Джейкоб, — мне нужно извиниться перед Куллой... Он не пострадал?! Нет? А Хелен?

Джейкоб попытался встать. Мартин удержала его.

— Нет, нет, со всеми все в порядке, не беспокойтесь, все озабочены только вашим состоянием.

Джейкоб со вздохом облегчения откинулся на кушетке, взгляд его скользнул по пустому стакану.

— Можно еще?

— Конечно, сейчас принесу.

Мартин исчезла. Он слышал мягкий шорох ее шагов.

«Происшествие». Джейкоб сморщился от стыда и отвращения. Где-то внутри засел тревожный вопрос: ПОЧЕМУ?

В стороне послышались приглушенные голоса. Наверное, Мартин кого-то встретила у автоматов.

Джейкоб знал, что рано или поздно, но ему придется погрузиться в транс, только таким путем удастся разобраться, что же произошло на самом деле. Транс скорее всего окажется очень глубоким, но он необходим. Единственный вопрос, когда? Столь глубокий транс может оказать разрушительнейшее воздействие на мозг, поэтому стоило бы подождать до возвращения на Землю, где ему в нужную минуту на помощь придут опытные врачи. Но тогда полученные ответы не будут нужны ни ему самому, ни «Прыжку в

Солнце».

Снова послышались мягкие шаги. В поле зрения появилась Мидли Мартин и протянула ему стакан. Вслед за Мартин подошла Хелен, присела на краешек кушетки. Джейкоб поспешил уверить коменданта, что с ним все в порядке, и рассыпался в извинениях. Де Сильва сочла их совершенно излишними.

— Я и не предполагала, что вы столь хорошо владеете ББО, Джейкоб.

— Что еще за ББО?

— Борьба без оружия, — она улыбнулась, — я сама не плохо знакома с ее основами, правда, давненько не тренировалась. Но с вами мне не сравниться. Убедилась в этом на собственной шкуре. Вы были неподражаемы.

Джейкоб с изумлением обнаружил, что покраснел от такого комплимента, словно юноша.

— Спасибо. Я плохо помню, что произошло, но, по-моему, вы тоже в грязь лицом не ударили.

Они взглянули друг на друга и негромко рассмеялись.

Мартин деликатно кашлянула.

— Я полагаю, мистеру Демве сейчас нужен длительный отдых.

— Прежде чем подчиниться вам, доктор, я хотел

бы кое-что выяснить. Прежде всего скажите мне, где Фэгин? Я его не вижу.

— Он на обратной стороне корабля, — ответила Хелен, — решил подкормиться перед возвращением на Меркурий.

— Он очень обеспокоен вашим состоянием, — добавила Мартин, — и будет обрадован, когда узнает, что с вами все в порядке.

Джейкоб расслабился. Он почему-то очень тревожился за своего ветвистого друга.

— А теперь расскажите, что произошло после того, как я отключился.

Женщины переглянулись. Хелен пожала плечами.

— Нас еще раз навестил солярианин. Несколько часов он порхал на границе видимости. Стадо тороидов с остальными Призраками маячило очень далеко. По правде говоря, нам была на руку его неторопливость. У нас тут какое-то время царила суматоха из-за...

— Из-за представления, которое я вам устроил, — смущенно закончил за нее Джейкоб. — Неужели никто не попытался вступить с ним в контакт?

Хелен взглянула на парапсихолога. Та едва заметно качнула головой.

— Ничего особенного не предпринималось, — поспешно продолжила Хелен, — мы еще не успели толком прийти в себя. Он вскоре исчез, а потом снова появился, на этот раз опять в своем маскарадном костюме.

Джейкоб сделал вид, что не заметил, как женщины обменялись взглядами. Внезапно ему в голову пришла неожиданная мысль.

— А вы уверены, что это один и тот же Призрак? Может, это два совершенно разных существа?!

Мартин на мгновение задумалась.

— Это могло бы многое объяснить, — начала она, но тут же замолчала.

— Мы их больше не называем Призраками, — поспешно добавила Хелен. — Буббакуб уверил нас, что им это определение очень не нравится.

Волна внезапного раздражения захлестнула Джейкоба, но он сумел подавить его, прежде чем женщины успели что-либо заметить. До чего же бесплодный разговор!

— Так что же произошло, когда он снова начал угрожать?

Де Сильва нахмурилась.

— Буббакуб поговорил с ним еще раз. Затем рассердился и прогнал прочь.

— Что он сделал?!

— Он пытался вразумить солярианина. Цитировал книгу о правах опекунов и подопечных. Даже торговался. Но тот продолжал угрожать. Говорил, что отправит на Землю пси-луч, который вызовет там неописуемые катаклизмы. Наконец Буббакуб заявил солярианину, что его терпение кончилось. Он велел нам всем лечь на пол, извлек свой кусок метеорита, приказал закрыть всем глаза, произнес какое-то заклинание и все.

— Что все?

Хелен снова пожала плечами.

— Вспышка ослепительного света, жуткий грохот, аж уши заложило. Когда мы пришли в себя, солярианина и в помине не было. Он исчез! Мы вернулись туда, где паслось стадо тороидов, но и оно тоже исчезло. Нигде не было видно и следа живого.

— Совсем-совсем никого?

Джейкобу стало жалко безобидных прекрасных тороидов и их сияющих Пастухов.

— Да, совсем никого. Никого и ничего, — вздохнула Мартин, — все разбежались. Но Буббакуб уверил нас, что никто не пострадал.

Джейкоб пошевелился.

— Что ж, по крайней мере у нас теперь есть защитник. Сможем общаться с солярианами с

позиции силы.

Хелен грустно покачала головой.

— Буббакуб говорит, что никакого общения не получится. Соляриане таят в себе только зло, и если бы они могли, то уничтожили бы нас, не задумываясь.

— Но...

— А на Буббакуба мы не можем больше рассчитывать. Он сообщил этим существам, что если с Землей что-нибудь случится, их постигнет кара. Но больше он не собирается нам помогать. Реликвия летаней должна возвратиться на Пилу. — Она опустила голову и хрипло добавила: — С «Прыжком в Солнце» все кончено.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Мера душевного здоровья — гибкость, умение учиться на собственном опыте... открытость на разумные аргументы... обращение к эмоциям... и, особенно, умение вовремя остановиться. Сущность заболевания — замороженность поведения в неизменности и ненасытности.

Лоуренс Кьюби

17. ТЕНЬ

Верстак был пуст. Инструменты, обычно разбросанные повсюду, сейчас аккуратно висели на местах. Поверхность рабочего стола так и сияла чистотой. Разобранные приборы, скинутые на пол, взирали на Джейкоба с немым укором. Главный механик с явным неодобрением наблюдал за тем, как Джейкоб хозяйничает в его святилище. Джейкобу же было не до него. Вопреки, а может, и благодаря неудаче с «Прыжком в Солнце» никто не стал возражать, когда он решил заняться своими собственными исследованиями. Для этих

целей мастерская представлялась самым удобным местом. Кроме того, только здесь Джейкоб мог укрыться от назойливого внимания Милдред Мартин.

Мастерская располагалась в одной из тех огромных пещер, что напрямую соединялись с ангаром, где покоился солнечный корабль. Своды пещеры терялись далеко вверху, скрытые от глаз туманом подземных испарений.

Джейкоб расчистил стол, уселся на табурет, извлек из кармана два листа бумаги и с легким вздохом положил их перед собой.

На левом листе было написано:

Б. ПРАВ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЗРАКОВ?

Предположение на правом листе выглядело более сложным:

Я РЕХНУЛСЯ?

Каждый лист Джейкоб разделил на две колонки, которые, в свою очередь, кратко озаглавил: «ДА» и «НЕТ».

Именно на эти вопросы Джейкоб и собирался дать ответы. Но без чьего бы то ни было вмешательства. По возвращении на Меркурий он

старательно избегал как Мартин, так и всех остальных участников погружения. Он лишь ненадолго навестил доктора Кеплера, а затем превратился в настоящего отшельника.

Ответить на вопрос на левом листе Джейкоб считал своей прямой обязанностью. Хотя он и не исключал возможной его связи с предположением на правом листе. С этим вторым вопросом все обстояло значительно сложнее. Джейкоб не знал, сумеет ли правильно и честно ответить на него.

Он вытащил из внутреннего кармана куртки пачку бумаги и после минутного раздумья написал на чистом листе:

ПУНКТ I. РАССКАЗ Б. ПРАВДИВ.

Ниже он перечислил все, что могло свидетельствовать в пользу этого утверждения. Список получился довольно солидным. Прежде всего Джейкоб отметил, что пил точно объяснил поведение Призраков. С самого начала было ясно, что эти создания используют какой-то тип пси-энергии. Угрожающие антропоморфные образы со всей очевидностью подразумевали знание человеческой природы. При этом погиб «только» представитель самой младшей расы — шимпанзе. И только представитель высшей расы — Буббакуб

— смог установить контакт с солярианами. Все это четко согласовывалось с теорией Ла Рока. Сам же Ла Рок, как утверждал тот же Буббакуб, находился тогда под влиянием Призраков. И уж конечно, на редкость убедительно выглядел трюк Буббакуба с реликвией летаней. Трюк неоспоримо доказывал: да, он общался с солярианином.

Вполне возможно, Призраков отпугнула простая вспышка света. Хотя Джейкоб сильно сомневался в том, что обитатель хромосферы смог вообще заметить тусклый по сравнению с окружающим сиянием огонек, пущенный с корабля назойливых пришельцев. Но исчезновение целого стада магнитоядных и остальных Пастухов наводило на мысль, что пил и в самом деле должен был воспользоваться каким-то мощным видом пси.

Каждое из этих утверждений необходимо подвергнуть тщательному анализу. Но на первый взгляд пункт I выглядел вполне правдоподобно.

В таком случае пункт II был трудным орешком, ибо попросту отрицал пункт I. Джейкоб вздохнул и вывел ниже:

ПУНКТ II. РАССКАЗ Б. ЛОЖЕН:
II-А. Б. ЗАБЛУЖДАЕТСЯ.

II-Б. Б. ЛЖЕТ.

Пункт II-А выглядел крайне проблематичным: убежденность Буббакуба не поддавалась никаким сомнениям. Разумеется, его могли ввести в заблуждение сами Призраки... Джейкоб сделал пометку. Он совершенно не представлял, каким образом можно доказать или опровергнуть эту гипотезу, не совершая нового прыжка.

Буббакуб, горячо поддержанный Милдред Мартин, настаивал на том, что дальнейшие эксперименты без защиты реликвии летаней бессмысленны. И даже обречены. И, как ни странно, доктор Кеплер не стал им возражать. Он распорядился поставить солнечный корабль на прикол. Более того, посовещавшись с Землей, Кеплер прекратил обработку полученных данных.

Мотивы руководителя проекта были совершенно непонятны Джейкобу. На новом листе он написал:

ПОБОЧНЫЙ ВОПРОС — КЕПЛЕР?

В течение нескольких минут Джейкоб рассматривал эти три слова, затем выругался и, скомкав лист, отшвырнул его. Очевидно, у Кеплера имелись чисто политические причины для того,

чтобы ответственность за свертывание проекта целиком возложить на Буббакуба. Джейкоб вернулся к пункту II-Б.

Итак, предположим, что Буббакуб лжет. Джейкоб решительно не желал отныне делать вид, что души не чает в мохнатом представителе Библиотеки. Он честно и открыто заявил самому себе, что относится к пилу с явным предубеждением и будет только рад, если пункт II-Б окажется правдой.

У Буббакуба, несомненно, имелись мотивы для лжи. Тот факт, что в Библиотеке не обнаружено никаких упоминаний о солнечных формах жизни, основательно ударял по авторитету как этого уважаемого галактического института, так и самого пила. Кроме того, Буббакуб всегда противился самостоятельным исследованиям «сиротской» расы — человечества. Если бы удалось закрыть экспедицию, то обе эти проблемы разрешились бы сами собой. Авторитет галактической науки останется незыблемым, а наглые выскочки-люди получат хороший щелчок по носу.

Но в связи с этой гипотезой возникало слишком много вопросов. Во-первых, в каких пропорциях правда и ложь соединены в рассказе Буббакуба?

Ясно, что трюк с реликвией летаней сработал. В чем же тогда обман?

Во-вторых, Буббакуб мог солгать только в случае, если был уверен, что не будет схвачен за руку. Галактический институт и особенно Библиотека пользовались репутацией абсолютно честных организацией. Если обман раскроется, то Буббакубу не поздоровится.

Что-то подсказывало Джейкобу: в пункте II-Б имелось зерно истины. Но перспективы в этой области выглядели безрадостно. Итак, либо нужно доказать, что пил врет, либо с «Прыжком в Солнце» будет покончено раз и навсегда.

Джейкоб покачал головой. Ну и задача! Любая теория, основанная на утверждении, что Буббакуб лжет, должна будет объяснить и смерть Джеффа, и странное поведение Ла Рока, и его статус поднадзорного, и удивительные метаморфозы Призраков, и еще многое.

Джейкоб придвинул к себе листок с пунктом II-Б и приписал: «ДВА ТИПА СОЛНЕЧНЫХ ПРИЗРАКОВ?». Он вдруг вспомнил, что на самом деле никто не наблюдал, как «обычные» Солнечные Призраки превращаются в антропоморфных полупрозрачных созданий. Так что существовала вероятность подмены. Он быстро начал

писать: «КУЛЛА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО СОЛЯРИАНЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПСИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ПОВЕДЕНИЕ Л.Р. И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ОЧЕНЬ ХОРОШО».

Подумав, он аккуратно переписал это утверждение в колонку «НЕТ» на листок «Я РЕХНУЛСЯ». Что ж, пора набраться смелости и взяться за вопрос о собственном душевном здоровье. Он вздохнул и принялся методично перечислять все случаи, когда с ним что-то было не так.

1. Приступ боли в Бахе. После встречи в информационном центре Джейкоб больше не прибегал к глубокому трансу. Боль вспышкой голубого сияния пробила все защитные экраны его психики и по сей день не давала ему покоя. Джейкобу было трудно разобраться в своем тогдашнем состоянии, так как его внимание тогда отвлекло появление Куллы.

2. Неуправляемый мистер Хайд. Джейкоб прекрасно понимал, что расщепление сознания на две части — лишь временное решение его застарелой проблемы. Пару сотен лет назад ему, не задумываясь, поставили бы диагноз «шизофрения». Считается, что с помощью гипноза можно добиться мирного сосуществование частей расколотого сознания под контролем доминантной

части личности. Но Джейкоб-то хорошо знал, как часто его дикая, необузданная половина вырывается из-под власти своего добропорядочного близнеца и сама начинает играть ведущую роль. В такие минуты на свет появляется холодный, крайне самоуверенный, невероятно любопытный человек, каким когда-то и был Джейкоб Демва.

До недавнего времени выходки двойника не столько беспокоили, сколько просто смущали Джейкоба. Например, случай, когда он стащил у Кеплера образцы лекарств, казался ему вполне логичным, поскольку в тот момент любопытство было обострено до крайности. Мистер Хайд попросту прибегнул к привычным для него методам.

Но вот разговор с Милдред Мартин наводил на мысли куда более серьезные. Либо в подозрениях, таящихся на дне его подсознания, есть доля истины, либо он и впрямь сходит с ума.

3. Случай на корабле. Что это было? Покушение на самоубийство? Как ни странно, это происшествие не особенно напугало его. При воспоминании о нем Джейкоб испытывал скорее чувство неловкости и гнева. Страха не было и в помине. Его не оставляла мысль, что кто-то

решил сыграть с ним злую шутку, выставив на всеобщее посмешище.

Конечно же, это ощущение могло означать все что угодно, в том числе и отчаянную попытку самооправдания. Но вновь и вновь размышляя над происшествием, Джейкоб все больше убеждался, что ему нечего стыдиться — сцена на корабле не вызывала у него никакого внутреннего сопротивления.

Но вопрос так и оставался открытым. Случившееся вполне укладывалось в общую картину душевного распада. С другой стороны, это и впрямь мог быть случай дезориентации. Диагноз доктора Мартин, преследовавшей Джейкоба даже на базе своими советами и таблетками. Ну и, наконец все это могло быть вызвано некой внешней силой.

Вместе с табуретом Джейкоб отъехал от верстака. Потребуется время. Единственный плодотворный путь — набраться терпения и ждать. Ждать, пока то, что таится на дне подсознания, не всплывет на поверхность.

Существовали и другие способы узнать правду. Но Джейкоб понимал: сначала надо решить вопрос о собственном психическом состоянии.

Он встал, пора было заняться расслабляющей

гимнастикой Тай Джи Джуан. После долгого сидения на неудобном табурете затекла спина. Легкая куртка сковывала движения плеч. Он скинул ее и оглянулся, куда бы ее пристроить. У двери в кабинет главного механика увидел вешалку. Рядом тихо журчал фонтанчик с питьевой водой.

Когда Джейкоб шел мимо двери, из-за нее высунулась голова хозяина кабинета и с нескрываемым неудовольствием уставилась на него. Джейкоб вежливо улыбнулся. Голова исчезла, дверь с грохотом захлопнулась. Постоянный персонал базы после достопамятного прыжка явно не испытывал теплых чувств к приглашенным консультантам.

Джейкоб повесил куртку и склонился над фонтанчиком воды. И отчетливо услышал стук. Он поднял голову. Звуки доносились со стороны ангара, где покоился солнечный корабль. Стараясь производить поменьше шума, он направился к выступу, за которым начинался ангар.

То, что он увидел, заставило его замереть. Клиновидная дверь корабля медленно отодвигалась. Внизу топтались Кулла и Буббакуб. В руках они держали какой-то длинный цилиндрический предмет. Джейкоб поспешил укрыться за выступом. Что эти двое здесь делают?

Послышался шорох выдвигающегося трапа. Он снова выглянул, чужаки со скрежетом втаскивали непонятный предмет внутрь корабля. Джейкоб прижался к стене и как следует встряхнул головой. Это уж слишком! Если придется ломать голову еще над одной загадкой, то так и в самом деле недолго свихнуться…

Послышался новый звук: заработал то ли компрессор, то ли пылесос. Раздался грохот, как будто внутри корабля что-то передвигали.

Джейкоб не выдержал и уступил снедавшему его любопытству. Буббакуб и Кулла находились внутри корабля и не могли его видеть. Впрочем, изрядно подмоченной репутации Джейкоба уже ничто не могло повредить.

В несколько прыжков он достиг трапа и неслышно подобрался к люку. На верхней площадке лег на пол и осторожно заглянул внутрь.

Это и в самом деле был пылесос! Буббакуб, стоя спиной к Джейкобу, усердно толкал его вперед, а Кулла орудовал длинной насадкой. Прингл ритмично покачивал головой, тихо постукивали его фарфоровые челюсти. Буббакуб исторг из себя длинную серию тявкающих звуков. Кулла заработал энергичнее.

Джейкоб был вне себя от изумления: неужели

странная парочка решила устроить генеральную уборку?! Кулла усердно водил щеткой между палубой и изогнутой стеной сферического корабля. Что он там ищет? Ведь в промежутке не могло быть ровным счетом ничего! Ну, за исключением, конечно, силового поля. Продвигаясь вдоль края палубы, Кулла и Буббакуб вскоре скрылись за центральным куполом. В любую минуту они могли появиться с другой стороны и обнаружить слежку. Джейкоб отполз немного вниз по трапу, вскочил на ноги и быстро вернулся к своему верстаку.

Если бы у него был запас времени! Джейкобу наверняка удалось бы добраться до проема между палубой и стеной корабля и взять образец пыли, которую столь усердно уничтожали чужаки. Стоило все-таки рискнуть?

Эх, была бы у него камера? Но что же все-таки это значило? Похоже, у теории II-Б появились какие-то шансы... Джейкоб придвинул к себе листок и быстро начал писать: «ПОРОШОК У Б... ГАЛЛЮЦИНОГЕН НА КОРАБЛЕ?» Он сложил листки со своими записями в аккуратную стопку и поспешил в кабинет главного механика.

Тот не выразил никакого восторга, когда Джейкоб вежливо попросил его составить ему

компанию. Механик заявил, что именно в данную минуту он очень занят. На вопрос, где можно найти камеру, инженер лишь недоуменно пожал плечами. Надо было как можно быстрее найти камеру. Джейкоб вспомнил, что где-то на стене ему попадался на глаза телефонный аппарат. Не обращая больше внимания на механика, Джейкоб выскочил из кабинета. По дороге к телефону он понял, что совершенно не представляет, кому он будет звонить и что он, собственно, может сказать.

Кеплеру? Алло, доктор Кеплер? Это Демва, вы еще помните меня? Я тот самый парень, что пытался покончить с собой на борту солнечного корабля. Да... так вот, вы не хотите полюбоваться, как пил Буббакуб занимается уборкой?.. Нет, не пойдет! Кулла и Буббакуб успеют исчезнуть. А звонок лишний раз докажет его полную невменяемость!

От такой мысли он вздрогнул. Так, может, ему и в самом деле все привиделось?! Джейкоб прислушался. Из ангара не доносилось ни звука. Так...

Внезапно из-за угла раздались пронзительные хрипы. Джейкоб узнал нильское наречие. В следующее мгновение послышался грохот. От наслаждения он даже прикрыл глаза — эти

звуки были сейчас слаще любой, самой чудесной музыки. Встряхнувшись, он осторожно выглянул из-за угла ангара.

Буббакуб стоял у подножия трапа, в руках он держал шланг от пылесоса. Шерсть на шее пила встала дыбом, агатовые бусины так и сверлили Куллу, суетившегося с контейнером для пыли. На полу красовалась горстка красноватого порошка. Буббакуб снова захрипел. Кулла испуганно присел и принялся быстро сгребать просыпавшуюся пыль и засовывать ее в карман своего серебристого одеяния. Джейкоб довольно улыбнулся. Буббакуб злобно оттолкнул подопечного и затоптал остатки пыли. Затем внимательно оглядевшись (Джейкоб успел быстро втянуть голову за угол), он что-то коротко пролаял и направился к лифтам.

Вернувшись к верстаку, Джейкоб с удивлением обнаружил там главного механика, с интересом рассматривавшего его записи. Услышав шаги, инженер поднял голову:

— Что там за шум? — Он кивнул в сторону солнечного корабля.

— Ничего особенного, так, парочка В.З. решила прогуляться по кораблю.

— По кораблю? — Главный механик выпря-

мился. — Так вот почему вы ко мне приставали! Какого же черта вы ничего не объяснили?! — Он рванулся в сторону ангара.

— Успокойтесь, — остановил его Джейкоб. — Они уже ушли. Да и, кроме того, тут требуется деликатность. Странность — вообще характерная черта В.З.

Инженер внимательно посмотрел на него.

— Да, — медленно проговорил он, — в этом есть резон. Ну, хватит секретничать, давайте выкладывайте, что вы там видели.

Джейкоб пожал плечами и подробно рассказал об увиденном.

— Ничего не понимаю, — почесал затылок инженер.

— Не стоит тревожиться на этот счет. Потребуется не одна улика для того, чтобы расставить все по своим местам.

Джейкоб опустился на табурет и придвинул к себе чистый лист.

ПОРОШОК У К. МОЖНО ЛИ ПОПРОСИТЬ ЕГО ОТСЫПАТЬ НЕМНОГО?
К. — ДОБРОВОЛЬНЫЙ СООБЩНИК?
ПОРОШОК!!!

— Эй, что вы там пишете? — с любопытством

спросил главный механик, уже не скрывая интереса.

— Так, охочусь за уликами.

После минутного молчания инженер снова заговорил:

— Ну у вас и выдержка! Если бы мне казалось, что я вот-вот свихнусь... На что это было похоже? Я имею в виду тот случай, когда вы попытались выпить яд.

Джейкоб поднял на него затуманенный взгляд. Этот вопрос отозвался в памяти ярчайшей вспышкой — перед его глазами вспыхнул гештальт-образ случившегося. Едкий запах нашатырного спирта щекотал его ноздри, в голове стучало. Ощущение было такое, словно он много часов провел на слепящем свету. Джейкоб медленно восстанавливал в памяти события вчерашнего дня. Последнее, что он видел перед тем, как потерять сознание, были глаза Буббакуба. Маленькие черные бусины пристально смотрели на него из-под пси-шлема. Пил сохранял абсолютную бесстрастность. Единственный на корабле. В следующее мгновение Джейкоб пошатнулся и рухнул у его ног.

Он пришел в себя и принялся записывать, но на бумаге все выходило как-то путано и нескладно.

Джейкоб в сердцах перечеркнул записи и быстро начертил несколько знаков на компактном тринари.

— Прошу прощения, — он взглянул на своего собеседника, — вы что-то сказали?

Тот покачал головой.

— Мне, наверное, не следует совать нос не в свое дело. Просто любопытство одолело. — Он помолчал. — Вы... вы ведь пытаетесь спасти проект, не так ли?

— Да.

— Тогда вы самый отчаянный парень в мире. — В голосе инженера прозвучала горечь. — Извините меня. Я больше не стану вам мешать.

Он повернулся, чтобы уйти. Джейкоб, поколебавшись, спросил:

— Вы не хотите мне помочь?

Инженер стремительно развернулся.

— К вашим услугам!

Джейкоб улыбнулся.

— Для начала мне нужны щетка и совок.

— Я мигом! — Добровольный помощник исчез в мгновение ока. Джейкоб в задумчивости побарабанил пальцами по столу, затем решительно собрал разбросанные листы и сунул их в карман.

18. ФОКУС

— Знаете, начальник лаборатории никому не позволяет входить туда без его разрешения.

Джейкоб оторвался от своего занятия.

— Ну надо же, — он скорчил гримасу, — а я об этом и не знал! Дорогой Дональдсон, я всего лишь хочу вскрыть замок, чтобы найти нужное мне лекарство.

Добровольный сообщник, нервно прохаживаясь за его спиной, продолжал бубнить о том, что никогда в жизни ему и в голову не могло прийти, что он окажется втянутым в кражу со взломом.

Джейкоб чуть отодвинулся от двери. Комната качнулась перед глазами, ему даже пришлось ухватиться за стену. В сумраке лабораторного коридора глаза, уставшие после возни с замком, с трудом различали предметы.

— Я уже говорил вам, Дональдсон, — несколько раздраженно сказал он, — у нас нет выбора. Какие улики мы можем предъявить? Пыльное пятно и бестолковую теорию? Пораскиньте-ка мозгами, дружище! В нынешней ситуации нас играючи обведут вокруг пальца, а к настоящим уликам и близко не подпустят. А улики нам нужны, как

воздух! — Джейкоб потер шею. — Нет уж, нам все придется делать самим и только самим... разумеется, если вы все еще хотите помогать мне.

Главный механик откашлялся и обиженно прохрипел:

— Вы же прекрасно знаете, что я вас не брошу.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, — приношу свои извинения. Не подадите ли мне вон ту штуку? Нет-нет, ту, что с крючком на конце. Отлично. А теперь вам лучше отправиться к входным дверям и понаблюдать за туннелем. Я должен успеть спрятать инструменты, прежде чем меня кто-либо увидит. И осторожней, я натянул там веревку!

Дональдсон встал у входа и, прислонившись к стене, уставился на Джейкоба, то и дело стирая пот со лба.

Этот Демва выглядит очень рассудительным и логичным, но его фантазии... Дональдсон поежился. Но самое страшное, что и новые, и прежние факты точно выстраиваются в безумную теорию парня. Что ж, охота за уликами весьма увлекательна! А вдруг все-таки парень чокнутый? Он вздохнул и выглянул в туннель. Все тихо. Да, прогнило что-то на Меркурии. И нужны решительные действия. Иначе придется навсегда забыть о Солнце и солнечных кораблях.

Замок оказался самым обычным, из тех, что открываются старинными ключами с бородкой и выемками. Словом, не было ничего проще. Джейкоб давно уже заметил, что на Меркурии очень мало современных конструкций. На планете, где магнитное поле Солнца проникает везде и всюду, пришлось бы экранировать все электронные устройства. Хотя особых затрат и не понадобилось бы, на Земле подобное мотовство сочли бы совершенно излишним. Да и кому могло прийти в голову проникать в фотолабораторию тайком? Причем со старинными отмычками?

Джейкоб усмехнулся: похоже, его познания медвежатника на сей раз не слишком ему помогают. Подрастерял он былую сноровку. Инструменты не слушались, пальцы были как деревянные. Он ругнулся про себя. При таких темпах и за ночь не управиться.

«Позволь мне».

Джейкоб скрипнул зубами и медленно вытащил отмычку из замка.

«Спокойствие! Не надо персонифицировать самого себя. Ты, набор асоциальных привычек! Я же тебя усыпил. Если ты станешь действовать как полноценная и независимая личность, то доведешь нас... доведешь меня до полноценной

шизофрения».

«Ну и кто тут персонифицирует?»

Джейкоб невольно улыбнулся.

«Мне следовало остаться на Земле. Еще три года покоя и тишины, и мой разум был бы полностью очищен от всякой дряни. А теперь придется пробудить все те навыки, которые я хотел... вынужден был подавить».

«Ну так не тяни же».

Джейкоб вздохнул. Когда создавалась схема для подавления определенных психологических качеств, предполагалось, что она не будет жесткой. Иначе у него и в самом деле возникли бы проблемы. А получилось так, что аморальный и хладнокровный мистер Хайд, проявляясь то тут, то там, постоянно напоминал о себе. Правда, он находился под неусыпным контролем. Врачи считали, что в случаях чрезвычайных Джейкоб может обращаться за помощью к своему двойнику.

Но специалисты не учли одного момента: Джейкоб не только подавлял и контролировал темные стороны своей натуры. Он еще и персонифицировал их. Эта способность скорее всего и явилась причиной его тяжелых психологических проблем в прошлом. Он совершил ошибку,

попытавшись полностью отсечь ненавистного двойника, тогда как требовалось лишь усыпить его на самом дне подсознания.

«Так ты позволишь попробовать мне?»

Джейкоб схватил другую отмычку. Сталь на ощупь была гладкой и очень холодной.

«Заткнись. Ты не личность, ты всего лишь талант, связанный, к сожалению, с совершенно определенной реакцией нервной системы... подобно хорошо поставленному певческому голосу, способному проявить себя только на сцене».

«Ну и прекрасно, воспользуйся же этим талантом. Ведь дверь уже почти открыта!»

Джейкоб осторожно отодвинул от себя инструменты. «Правильно ли я поступаю? А если тогда, на корабле, у меня и в самом деле был приступ безумия? Ведь моя гипотеза вовсе не бесспорна. И эта вспышка синей боли в Бахе... Как я могу выпускать на волю этого ублюдка, если внутри у меня что-то разладилось?»

Джейкоб чувствовал, что вот-вот впадет в транс. Усилием воли он попытался предотвратить приступ. Но воли хватило ненадолго. Он постарался расслабиться и начал отсчет. Иглы иррационального ужаса пронзили мозг. Барьер страха. Джейкоб привычно преодолел его, про-

должая считать.

При счете двенадцать он скомандовал себе: «Назад!»

В мгновение ока мозг одолел обратный путь к реальности. Джейкоб открыл глаза, внимательно, прислушался к собственным ощущениям. Легкое покалывание пробежало по ладоням, осторожно подобралось к кончикам пальцев, словно собака, вернувшаяся в старый дом и обнюхивающая забытые вещи.

Все хорошо. Джейкоб почувствовал облегчение. «Этическое начало во мне не уменьшилось. Я — по-прежнему я. И руками управляю я сам, а не какая-то посторонняя сила». Все хорошо.

Он взял в руки отмычку. Пальцы послушно прильнули к прохладному металлу. Джейкоб вставил отмычку в замок и мягко повернул. Послышался легкий щелчок. Дверь открылась.

— Надо же, удалось! — Удивление Дональдсона немного задело Джейкоба.

— Разумеется. — Раздражение тут же схлынуло. Он с удовлетворением отметил, что без труда смог удержаться от резкости — на сей раз мистер Хайд, похоже, пребывал в благодушном настроении. Джейкоб толкнул дверь и вошел.

Слева вдоль стены выстроились стеллажи

с многочисленными выдвижными ящиками. Напротив располагались столы с фотоаналитическим оборудованием. В дальнем конце лаборатории виднелась приоткрытая дверь в кладовку с химикатами.

Джейкоб принялся внимательно изучать надписи на ящиках, жестом пригласив Дональдсона присоединиться. Механик отошел к противоположному концу стеллажа. Уже через несколько минут он приглушенно воскликнул:

— Я нашел их!

Джейкоб поспешил к инженеру. Тот рассматривал содержимое ящика рядом с проектором. В нишах, обитых мягкой тканью, покоились кассеты с фотозаписями. На каждой из кассет имелась этикетка с указанием даты и времени съемки и номера прибора. Около десятка углублений пустовало.

Джейкоб вытащил одну из кассет и взглянул на своего помощника.

— Это все не то. Кто-то уже побывал здесь. Нужные нам записи исчезни.

— Исчезли? Вы имеете в виду, что их украли?! Но как?

Джейкоб пожал плечами.

— Вполне вероятно, похитители проникли сю-

да тем же способом, что и мы. Хотя у них мог быть и ключ. С уверенностью можно сказать лишь одно: все последние записи исчезли.

— Значит, у нас нет никаких доказательств?

— Никаких. Но мы можем попытаться добыть их.

— Уж не хотите ли вы сказать, что нам нужно вломиться еще и в жилище Буббакуба? Черт! А вы уверены, что эти записи вообще существуют? Что их не уничтожили? Зачем их хранить? У меня есть предложение: давайте выбираться отсюда, и пусть доктор Кеплер и доктор де Сильва сами убедятся в исчезновении кассет. Это будет хоть какой-то довод в пользу вашей теории.

Джейкоб, подумав, кивнул.

— Хорошо. Покажите-ка ваши руки.

Дональдсон послушно выставил ладони. Тонкий слой пластика, покрывавший руки механика, был цел. Затем Джейкоб внимательно осмотрел свои ладони.

— Так, оставляем все как было. Задвиньте ящики, но больше ни к чему не прикасайтесь.

И вдруг снаружи раздался грохот, затем послышалась какая-то приглушенная возня. Сообщники замерли. Похоже, сработала нехитрая ловушка — в коридоре, у входа, Джейкоб натянул

веревку на случай неожиданных посетителей. Путь к отступлению был отрезан.

Они бросились к кладовке с химикатами. Едва Джейкоб успел прикрыть дверь, как послышалось металлическое позвякивание: кто-то пытался открыть замок. Дверь тихо скрипнула. Джейкоб сунул руку в карман. Так и есть! Он забыл отмычки в лаборатории! Пальцы нащупали маленькое круглое зеркало. Мягкие шаги раздавались уже всего в нескольких футах от двери в каморку. Не колеблясь, Джейкоб вытащил зеркальце. Стараясь не шуметь, он опустился на колени и, пристроив зеркало под нужным углом у довольно большой щели между дверью и полом, попытался разглядеть, что происходит в лаборатории.

Доктор Мартин стояла у стеллажа, перебирая связку ключей и время от времени кидая быстрые взгляды в сторону входной двери. Джейкобу показалось, что она очень возбуждена. Хотя по изображению в крошечном зеркальце, да еще в таком ракурсе, трудно было сказать что-либо определенное.

Дональдсон попытался из-за плеча Джейкоба заглянуть в зеркало. Тот раздраженно взмахнул рукой, требуя не мешать, но Дональдсон, внезап-

но потеряв равновесие, всем телом навалился на него сверху. Джейкоб заскрипел зубами, стараясь удержаться и не вывалиться из кладовки прямо к ногам изумленной Милли Мартин. Ценой невероятного усилия ему удалось не упасть, но зеркальце, выпав из ослабевшей руки, с негромким звяканьем покатилось по полу.

Дональдсон, тяжело сопя и чересчур усердно стараясь не шуметь, отполз назад. Джейкоб криво улыбнулся. Надо быть абсолютно глухим, чтобы не услышать этот чудовищный шум.

— Кто... кто здесь? — Голос Мартин дрогнул.

Джейкоб поднялся на ноги и принялся отряхиваться с нарочитым шумом. Снаружи послышались быстрые удаляющиеся шаги. Кинув уничтожающий взгляд на Дональдсона, скорчившегося в углу с самым несчастным видом, он открыл дверь и шагнул в лабораторию.

— Милли, постойте.

Доктор Мартин застыла на месте. Съежившись, она медленно обернулась. При виде Джейкоба маска страха, обезобразившая красивые черты ее тонкого лица, исчезла, уступив место смеси облегчения и стыда. Мартин густо покраснела.

— Какого черта вы здесь делаете?!

— Наблюдаю за вами, Милли. Подобное вре-

мяпрепровождение и само по себе не лишено приятности, но в данную минуту оно особенно увлекательно.

— Вы что, шпионите за мной?!

Джейкоб направился к ней, от души надеясь, что у Дональдсона хватит ума не выползать из укрытия.

— И не только за вами, моя дорогая Милли. Я шпионю за всеми. На Меркурии творится что-то неладное. Здесь каждый предпочитает дуть в свою дуду, да еще с такой фальшью! К примеру, вы, Милли. Мне давно казалось, что вы знаете куда больше, чем говорите.

— Я не понимаю, о чем вы, — холодно ответила Мартин, уже полностью придя в себя. — И неудивительно. Ни в ваших словах, ни в ваших поступках нет и следа разумности, вам требуется серьезная медицинская помощь, мистер Демва. — Она повернулась, чтобы выйти из лаборатории.

— Возможно, что и так, — серьезно кивнул Джейкоб, — но, быть может, вам также требуется сейчас помощь, например, для того, чтобы объяснить, зачем вы здесь.

Мартин окаменела.

— Я получила ключ от Дуэйна Кеплера. Что вы на это скажете?

— А упомянутый Дуэйн Кеплер поставлен о том в известность? — саркастически осведомился Джейкоб.

Мартин, ничего не ответив, снова густо покраснела.

Джейкоб улыбнулся.

— Несколько кассет с данными, полученными во время последнего прыжка, исчезли... Все они относятся к тому отрезку времени, когда уважаемый Буббакуб развлекался с реликвией летаней. Милли, вы, случайно, не знаете, где они?

Мартин пристально взглянула на него.

— Вы шутите... Но кто... Нет, этого не может быть... — В полном замешательстве она покачала головой.

— Это вы взяли их?

— Нет!

— Тогда кто?

— Я не знаю. Откуда я могу знать?! И по какому праву вы устраиваете этот допрос?!

— Я прямо сейчас могу позвонить Хелен де Сильве и сообщить ей все, что здесь произошло, — с угрозой сказал Джейкоб. — Дверь в фотолабораторию была открыта, внутри я обнаружил вас, Милли. У вас в кармане ключ с вашими отпечатками. Я ни секунды не сомневаюсь, что

комендант прикажет назначить расследование. Сразу же выяснится, что пропали кассеты с записями. Как вы полагаете, что скажет комендант базы? Милли, вы кого-то прикрываете. Если вы прямо сейчас не выложите все, что знаете, то даю вам слово, в самое ближайшее время у вас будут серьезные неприятности. Вы знаете не хуже меня, что на базе у многих так и чешутся руки, и если найдется козел отпущения...

Мартин с шумом втянула в себя воздух.

— Я... я не знаю...

Джейкоб мягко взял ее за локоть и подвел к стулу. Затем вернулся к двери и защелкнул замок.

Джейкоб прикрыл глаза и, стараясь успокоиться и обрести равновесие, досчитал до десяти. Затем вернулся к Мартин. Та сидела, прислонившись спиной к стеллажу и спрятав лицо в ладонях. Краем глаза Джейкоб заметил, как из каморки с химикатами выглянула голова Дональдсона. Он резко махнул рукой, голова Дональдсона мгновенно исчезла.

Джейкоб подошел к ящику, который собиралась открыть Мартин перед тем, как услышала шум. Вот оно что! Он вытащил из ящика мини-камеру Ла Рока и отнес к столу с аппаратурой. Подключив камеру, он быстро просмотрел ее содержимое.

Большая часть записанной информации не представляла никакого интереса. Зарисовки Ла Рока по разным поводам. На звуковое сопровождение Джейкоб не обращал никакого внимания. Наедине с самим собой репортер оказался даже еще более многословным, чем обычно. Внезапно неторопливые планы солнечного корабля с нескончаемыми комментариями Ла Рока прервались. Мгновение Джейкоб с недоумением вглядывался в новую картинку. Затем откинулся на стуле и громко расхохотался.

Это столь удивило Милдред Мартин, казалось, полностью погруженную в свои страдания, что она подняла на Джейкоба покрасневшие от слез глаза. Он добродушно кивнул ей.

— Вы хоть знаете, что здесь искали?

— Да, — хрипло ответила она, — я хотела вернуть Питеру его камеру, чтобы он мог записать свой рассказ. Мне казалось, что после того, как соляриане столь жестоко поступили с ним...

— Он все еще под замком?

— Да. Посчитали, что так будет безопаснее. Раз соляриане воздействовали на него один раз, то могут и повторить.

— А чья идея насчет камеры?

— Питера, конечно. Он очень хотел записать

свои мысли о случившемся. Я решила, это вряд ли кому повредит...

— А как насчет того, чтобы передать подозреваемому оружие?

— Нет-нет! Глушитель должен был быть выведен из строя. Бубб... — она замолчала.

— Договаривайте уж, раз начали.

Мартин опустила глаза.

— Буббакуб пообещал встретиться со мной в комнате, где заперт Питер, и вывести глушитель из строя. Он хотел тем самым показать, что не держит зла на Питера.

Джейкоб вздохнул.

— Зло терзает его, — пробормотал он.

— Что?

— Покажите-ка ваши руки.

Мартин замялась. Джейкоб нахмурился, и она покорно выставила изящные ладони. Длинные тонкие пальцы мелко подрагивали.

— Объясните же...

Джейкоб, проигнорировав ее просьбу, принялся расхаживать вдоль стеллажей. Да уж, ловушка и впрямь великолепна! Если ее удастся осуществить, то на Меркурии не останется никого с незапятнанной репутацией. Лучшего нельзя и желать. Оставался один вопрос: сколько времени

в запасе?

Он повернулся в сторону кладовки. Голова Дональдсона быстро юркнула за дверь.

— Все в порядке, инженер, выходите и помогите доктору Мартин уничтожить отпечатки ее пальцев.

Мартин лишь тихо ойкнула, когда в следующее мгновение, застенчиво улыбаясь, появился главный механик базы.

— Что вы намерены предпринять? — робко поинтересовался он у Джейкоба.

Вместо ответа тот снял трубку телефона.

— Алло, Фэгин? Да. Я готов к «сцене в гостиной». Что? Не стоит радоваться раньше времени. Все зависит от того, насколько удачлив я окажусь в течение следующих нескольких минут. Пожалуйста, пригласи всех собраться через пять минут в комнате, где содержится Ла Рок. Да, прямо сейчас. И, пожалуйста, будь понастойчивей. Доктора Мартин можешь не искать, она рядом со мной.

Мартин на мгновение перестала вытирать ручку ящика, пораженная интонациями Джейкоба Демвы.

— И в первую очередь пригласи, пожалуйста, уважаемого Буббакуба и доктора Кеплера. Уговори их, я ведь знаю, как хорошо ты умеешь

уговаривать. Все, мне пора бежать. Да, спасибо.

— Так что теперь? — повторил свой вопрос Дональдсон.

— А теперь, дорогие выпускники школы взломщиков, пора вам применить на практике полученные знания. Через несколько минут доктор Кеплер покинет свою комнату, и будет очень некрасиво, если вы появитесь на общем сборе намного позже всех остальных.

Мартин замерла, уставившись на него.

— Джейкоб, да вы, наверное, шутите. Уж не думаете ли вы, что я стану обыскивать комнату Дуэйна?

— А почему бы и нет? — проворчал Дональдсон. — Давали же вы ему крысиный яд! И ключи выкрали!

Ноздри у Мартин гневно раздулись.

— Никакого крысиного яда я Дуэйну не давала!

Джейкоб вздохнул.

— Варфарин, Милли, варфарин. В прежние времена его использовали в качестве крысиного яда. Но потом крысы выработали к нему иммунитет, как, впрочем, и ко всему остальному.

— Я уже говорила вам, мистер Демва, что никогда прежде не слышала о варфарине! Вы совсем обезумели! Почему, почему все думают, что я

отравительница? Бред какой-то!

— Я вовсе так не думаю, Милли. Но если вы хотите узнать, что за всем этим кроется, вам лучше помочь нам. У вас же есть ключи от комнаты доктора Кеплера, не так ли?

Мартин закусила губу и кивнула.

Джейкоб объяснил Дональдсону, что следует искать у Кеплера. Затем, кивнув своим сообщникам, побежал в сторону отсека, где жили В.З.

19. В ГОСТИНОЙ

— Похоже, Джейкоб решил над нами подшутить, — сказала Хелен, стоя в дверях и оглядывая собравшихся, — созвал общий сбор, а сам не явился. Странно.

— Не стоит беспокоиться, дорогая Хелен, — зашелестел Фэгин, — он обязательно придет. Не было еще случая, чтобы мой любезный друг созвал совещание, не обдумав как следует время его проведения.

— Вот уж воистину! — рассмеялся Ла Рок. Репортер развалился на огромном оранжевом диване, водрузив ноги на маленькую скамеечку. Он усиленно дымил трубкой, так что его голос доносился непривычно глухо. — Почему бы нам

и не собраться? Что нам еще остается? С исследованиями, — он ядовито улыбнулся сквозь клубы дыма, — как я понимаю, покончено. Башня из слоновой кости рухнула под грузом собственного высокомерия. И настала пора длинных ножей. Так что Демва может не торопиться. Время у нас есть. И потом, что бы он ни сказал, все будет куда занимательнее, чем лицезрение ваших кислых физиономий!

На другом конце приметного дивана скривился Дуэйн Кеплер. Пальцы Кеплера нервно теребили одеяло, в которое руководителя проекта заботливо укутала сестра-сиделка. Она вопросительно взглянула на врача, но тот лишь пожал плечами.

— Заткнитесь, Ла Рок, — устало попросил Кеплер.

Ла Рок осклабился, выпустил очередной клуб дыма и громогласно заявил:

— Я по-прежнему думаю, что нам не помешало бы какое-нибудь записывающее устройство. Вполне возможно, наш друг Демва и впрямь сообщит что-нибудь историческое.

Буббакуб негромко хмыкнул и отвернулся. Пил неспешно прохаживался по комнате. На этот раз он почему-то старательно обходил разбросанные на полу подушки. Остановился рядом с Куллой,

понуро подпиравшим стену, и, сложив четырехпалые лапы наживете, что-то прохрипел. Кулла кивнул и заговорил:

— Мне поручено шообщить, что причиной трагедии пошлужило как раж жапишывающее уштроиштво миштера Ла Рока. Кроме того, пил Буббакуб прошил меня передать, что не намерен ждать больше пяти минут.

Кеплер не обратил на это заявление никакого внимания. Он методично растирал шею. За последние недели руководитель проекта заметно сдал.

Ла Рок лишь вздернул плечи. Фэгин, как и полагается всякому благовоспитанному дереву, продолжал хранить вежливое молчание. В комнате повисла тишина. Все ждали. Казалось, замерли даже стрелки серебристых настенных часов.

Тишину нарушил главный врач базы:

— Хелен, что вы стоите в дверях, входите и присаживайтесь. — Он гостеприимно указал на оранжевый диван. — Уверен, скоро соберутся и все остальные. — Его глаза сочувственно блеснули: войти в эту комнату было равносильно погружению в ледяную и не слишком чистую воду.

Де Сильва предпочла стул поодаль от всех остальных. Судя по всему, она не ждала от предстоящего разговора ничего хорошего. Хелен надеялась, что Джейкоб не станет поднимать вопросы, терзавшие всех на базе «Гермес». Если что и объединяло всех собравшихся здесь, то это отвращение к словосочетанию «Прыжок в Солнце». Эта публика готова вцепиться друг другу в глотки, но заговор молчания не будет нарушен ни под каким видом.

Она покачала головой. Какое счастье, что этот раунд закончился так быстро. Ну что ж, остается надеяться, что следующие пятьдесят лет окажутся повеселее. Хотя Хелен и не питала на этот счет особых иллюзий. Впрочем, пессимизм давно уже поселился в ее душе. Мелодии «Битлз» теперь можно услышать только в исполнении симфонического оркестра. При этой мысли она поморщилась. А что уж говорить о джазе, которого вообще не существует за пределами музыкальных хранилищ.

Зачем было покидать свой дом? Ну и тоска...

В комнату вошли Милдред Мартин и главный механик базы Дональдсон. На взгляд Хелен, их старания выглядеть безразличными были уж очень нарочитыми. Однако, кроме нее, никто

этого не заметил.

Интересно, что у этих двоих общего? Странная пара осмотрелась и начала пробираться в дальний угол комнаты, устроившись за спинкой чудовищного дивана. Ла Рок глянул на Мартин и улыбнулся. Заговорщики чертовы. Мартин отвела взгляд, лицо Ла Рока вытянулось. Хелен немного удивилась: неужели поссорились?

— С меня довольно! — гавкнул водор на шее Буббакуба.

Пил вперевалку направился к двери, но не успел он протолкнуться к выходу, как на пороге возник Джейкоб Демва. На плече у него висел белый холщовый вещевой мешок, а сам он весело насвистывал, Хелен не верила своим ушам. Мелодия до ужаса напоминала «Хей, Джуд!». Ну конечно...

Джейкоб подбросил свой мешок вверх. Торба шмякнулась на кофейный столик. Милдред Мартин от неожиданности подпрыгнула. Кеплер нахмурился еще больше. Хелен больше не могла сдерживаться. Приятная старинная мелодия и необычное поведение Демвы разбили стену напряженности. Она весело рассмеялась.

Джейкоб игриво подмигнул ей.

— Вы что, пришли сюда развлекаться? — рявк-

нул Буббакуб. — Вы отняли у меня время! Вам придется возместить эту потерю!

Джейкоб улыбнулся.

— Непременно, пил Буббакуб. Надеюсь, вы почерпнете немало полезного из моего сообщения. Но для начала я попросил бы вас присесть.

Челюсти Буббакуба опасно щелкнули. Маленькие глазки-бусины на мгновение вспыхнули черным огнем. Презрительно хмыкнув, пил плюхнулся на ближайшую подушку.

Джейкоб обвел взглядом собравшихся. На лицах читалось либо смущение, либо неприкрытая враждебность.

— Когда доктор Кеплер пригласил меня на Меркурий, я испытывал определенные сомнения насчет проекта «Прыжок в Солнце». Но тем не менее после некоторых размышлений я решил принять участие в экспедиции. Мне казалось, что проект обещает, быть может, самое волнующее событие со времен Контакта. Я очень надеялся, что нам удастся решить сложную проблему межвидового общения с нашими ближайшими и наиболее необычными соседями. Я имею в виду Солнечных Призраков. Но вместо установления контакта с обитателями Солнца мы оказались в центре запутанных космических интриг, ката-

лизатором которых послужило убийство пилота Джеффри.

Кеплер взглянул на Джейкоба глазами, полными упрека.

— Прошу вас, Джейкоб, мы все знаем о вашем нервном срыве. Милли уговорила нас всех быть с вами помягче, но есть же пределы...

Джейкоб вскинул руку.

— Если под мягкостью подразумевается потакание моим капризам, то я прошу вас проявить ее именно сейчас. Вы должны понимать, как тяжело на душе, когда окружающие полностью игнорируют твое мнение. Если вы не станете слушать меня, то мне придется искать поддержки на Земле.

Улыбка застыла на лице Кеплера. Он без сил откинулся на спинку дивана.

— Что ж, продолжайте, я вас слушаю.

Джейкоб вышел на середину комнаты.

— Во-первых, замечу, что Пьер Ла Рок был очень упорен, отрицая обвинения в убийстве шимпанзе Джеффри и в диверсионных действиях на солнечном корабле. Кроме того, мистер Ла Рок отрицает, что является поднадзорным, и утверждает, что сообщение с Земли — фальшивка. С момента нашего возвращения он отказывается пройти

контрольный тест на поднадзорность, который мог бы стать отправной точкой в доказательстве его невиновности. По всей видимости, мистер Ла Рок опасается, что результаты этого теста также могут оказаться фальсифицированными.

— Совершенно верно! — вскричал журналист, энергично замахав пухлыми ручками.

— Вы будете упорствовать, даже если результаты теста проверят три человека: доктор Лэрд, доктор Мартин и я?

Ла Рок хмыкнул.

— Все решит суд.

— Ну зачем же доводить дело до суда? У вас ведь не было никаких мотивов для убийства Джеффри. Даже если вы и вскрыли панель доступа к системе сжатия времени...

— Я этого не делал!

— ...то только поднадзорный способен убить живое существо просто из неприязни. Если же вы таковым не являетесь, то зачем вам продолжать сидеть под замком?

— Наверное, ему здесь уютнее, — хихикнула сиделка Кеплера.

Хелен нахмурилась — дисциплина на базе в последние дни совершенно расшаталась.

— Он отказывается от теста потому, что знает:

результат окажется положительным, — выкрикнул кто-то из сотрудников базы.

— Именно поэтому его и выбрали соляриане, — прохрипел Буббакуб, — они сами мне сообщили это.

— Так мне остается признаться, что я поднадзорный? — истерично взвизгнул Ла Рок. — Я вижу, тут кое-кто полагает, что Призраки могут заставить совершить еще и самоубийство?!

— У вас нервный срыв. Так утверждает доктор Мартин. Верно? — Буббакуб повернулся к психологу.

Мартин стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев.

— К этому вопросу мы перейдем чуть позже, — продолжил свою речь Джейкоб, — но прежде я хотел бы поговорить наедине с доктором Кеплером и мистером Ла Роком.

Доктор Лэрд и сиделка без возражений отошли в сторону. Буббакуб, яростно сверкнув глазками, недовольно заворчал, но последовал за ними. Вокруг дивана образовалась пустота. Джейкоб зашел за спинку, оказавшись между Кеплером и Ла Роком. Держа одну руку за спиной, он наклонился к ним. Дональдсон, сидевший у стены, незаметно сунул ему в руку какой-то предмет.

Джейкоб переводил внимательный взгляд с журналиста на ученого.

— Думаю, пора кончать со всем этим. В особенности вам, доктор Кеплер.

— О чем вы?

— Мне кажется, вы присвоили себе нечто, вам не принадлежащее. И не имеет значения, что и мистер Ла Рок, владея этой вещью, преступает закон. Она крайне необходима ему, доктор Кеплер. Настолько необходима, что он согласился терпеть беспочвенные обвинения и, может быть, даже смягчить тон своих будущих статей. Но теперь, мне кажется, эта сделка не состоится. Эта вещь у меня.

— Моя камера! — хрипло прошептал Ла Рок. Глаза его вспыхнули.

— Да, крошечная камера. Совершенный звуковой спектрограф. Она у меня. Как и копии сделанных вами записей, спрятанные в комнате доктора Кеплера.

— П-предатель, — заикаясь, просипел Кеплер, — а я вас считал своим другом...

— Заткнись, ублюдочный рубашечник, — яростно прошипел Ла Рок. — Кто уж предатель, так это ты!

Казалось, Ла Рок сейчас лопнет от переполняю-

щего его негодования.

Джейкоб с силой сжал плечи противников.

— Если вы сейчас не попридержите свои языки, то в самом скором будущем вас ждут большие неприятности! Вам, дорогой Ла Рок, могут предъявить обвинение в шпионаже, а вам, доктор Кеплер, — в шантаже и сокрытии факта упомянутого шпионажа! А так как факт шпионажа служит косвенным доказательством того, что Ла Рок невиновен в смерти Джеффри, поскольку попросту не имел достаточно времени для повреждения генератора стасис-поля, то подозрение автоматически падает на того, кто последним осматривал корабль Джеффа. О, я вовсе не думаю, что это сделали вы, дорогой мой доктор Кеплер, но на вашем месте я вел бы себя поосторожней.

Ла Рок молчал, переваривая услышанное. Кеплер с силой дернул себя за ус и хрипло спросил:

— Что вы хотите, Демва?

Мистеру Хайду, несмотря на яростное сопротивление Джейкоба, время от времени все-таки удавалось вылезти наружу. Вот и на этот раз Джейкоб не смог устоять перед соблазном сблефовать по-крупному.

— Пока не знаю. Надо подумать. Но я советую

вам воздержаться от опрометчивых поступков. Моим друзьям на Земле все известно.

Разумеется, это было неправдой, но осторожный мистер Хайд решил перестраховаться.

Джейкоб оглянулся.

Хелен де Сильва отчаянно пыталась подслушать, о чем беседует эта троица. Ей показалось, что в этих людей, которых она изучила уже довольно хорошо, вселились бесы. Мягкий доктор Кеплер, такой молчаливый и скрытный после последнего прыжка, сейчас был похож на взбешенного колдуна, потерявшего вдруг свою магическую силу. Вечно болтливый и несдержанный Ла Рок выглядел непривычно задумчивым и сосредоточенным, словно решал какую-то вселенскую задачу. Что же касается Джейкоба Демвы... Ей и раньше порой казалось, что под его спокойствием и хладнокровием тлеет бесовская искра. Но сейчас эта искра превратилась в настоящее пламя.

Джейкоб выпрямился и громко объявил:

— Доктор Кеплер снимает все свои обвинения с мистера Ла Рока.

Все разом зашумели.

Буббакуб резво вскочил с подушек.

— Вы с ума сошли! Мне все равно, одобряют

люди или нет убийства своих подопечных, но соляриане могут заставить его совершить новое преступление!

— Соляриане тут ни при чем, — чеканя каждое слово, сказал Джейкоб.

Все замерли. В наступившей тишине Буббакуб отчетливо щелкнул зубами.

— Вы и впрямь сошли с ума. Я лично разговаривало солярианами. Они не могли мне солгать.

— Как вам угодно! — Джейкоб шутовски склонил голову. — С вашего позволения, я продолжу обзор.

Буббакуб презрительно фыркнул и снова опустился на подушки.

— Сумасшедший, — пробормотал он и прикрыл глаза.

— Во-первых, — начал Джейкоб, — я хотел бы выразить благодарность доктору Кеплеру за любезное разрешение изучить записи, полученные во время последнего прыжка, в чем мне помогли Дональдсон и доктор Мартин.

Буббакуб открыл глаза и уставился на Джейкоба. Так вот как выглядит огорчение у пилов! Джейкоб от души посочувствовал чужаку. Ловушка и впрямь была задумана отменная, но увы, увы...

Он рассказал, как обнаружил исчезновение кассет с записями из фотолаборатории, опустив наиболее щекотливые подробности. В комнате висела напряженная тишина, лишь нежно позвякивали колокольчики на ветках бесстрастного растения.

— Какое-то время я раздумывал над тем, куда могли спрятать кассеты. Я догадывался, кто их взял, но не знал, уничтожил ли похититель записи или же предпочел припрятать. В конце концов я решил, что тот, кто по натуре является настоящей «канцелярской крысой», вряд ли решился бы расстаться со столь драгоценными данными. Я обыскал жилище одного из софонтов и обнаружил пропавшие бобины.

— Как вы посмели! — зашипел Буббакуб. — Да вас следует наказать за подобную наглость!

Хелен изумленно покачала головой.

— Так, значит, вы признаете, что похитили и спрятали у себя записи, пил Буббакуб?! Но почему?!

Джейкоб улыбнулся.

— Не торопитесь, Хелен. Скоро все разъяснится. По правде говоря, это дело поначалу казалось мне куда более запутанным. Но, к счастью, все значительно проще. Дело в том, что эти записи со всей

очевидностью уличают пила Буббакуба во лжи.

Буббакуб глухо зарычал, но не двинулся с места.

— Так где же эти кассеты? — требовательно спросила Хелен. Джейкоб поднял свой мешок.

— У меня теперь должок перед дьяволом. Только по счастливой случайности я сообразил, что кассеты прекрасно помещаются в пустые емкости из-под газа.

Он извлек из мешка какой-то предмет и поднял его над головой.

— Реликвия летаней! — воскликнула Хелен.

Фэгин не смог сдержать удивленной трели. Милдред Мартин вскочила, испуганно прикрыв рот рукой.

— Да, реликвия летаней. И, глядя на вас, я понимаю, что пил Буббакуб все рассчитал: если кому-нибудь и пришло бы в голову обыскать его комнату, то уж вряд ли бы кто решился прикасаться к реликвии летаней, объекту почти религиозного поклонения древней и могущественной расы. Тем более, если эта штука очень похожа на обычный метеоритный обломок!

Джейкоб повернул предмет обратной стороной.

— А теперь смотрите!

Другой рукой он крутанул одну сторону «реликвии», и та вдруг раскрылась. В одной из половинок обнаружился небольшой контейнер. Джейкоб потянул контейнер за крышку. Внутри что-то перекатывалось. Внезапно контейнер раскрылся, и по полу покатились маленькие черные цилиндры. Отчетливо клацнули давилки Куллы.

— Кассеты! — удовлетворенно объявил Ла Рок и как ни в чем не бывало задымил трубкой.

— Да, кассеты, — подтвердил Джейкоб, — а на внешней поверхности этой реликвии при внимательном рассмотрении можно обнаружить кнопку, раскрывающую контейнер. Внутри остались следы того, что хранилось в нем раньше. Готов побиться об заклад, что это то самое вещество, образец которого мы с Дональдсоном передали вчера доктору Кеплеру, так и не сумев убедить его, что... — Джейкоб махнул рукой. — Это высокомолекулярное вещество некий софонт очень умело распылил в верхней полусфере солнечного корабля, сопровождая сей фокус громом и молнией, словно настоящий Зевс.

Хелен резко выпрямилась. В комнате повис частый и довольно громкий стук: Кулла никак не мог взять себя в руки. Джейкоб повысил голос:

— И это вещество, тонким слоем покрыв всю

внутреннюю поверхность полусферы, полностью экранировало зеленую и синюю линии спектра, а ведь только в этих диапазонах мы могли выделить Солнечных Призраков из окружающего фона!

— Приборы! — возбужденно крикнула Хелен. — Ведь...

— Да, да, да, дорогой мой капитан, на пленках есть и тороиды, и Призраки, и их там сотни! И что самое интересное, нет и следа человекоподобных фигур, но, быть может, их и вовсе не было? Вы только представьте, какой переполох должен был подняться среди безобидных тороидов и их Пастухов, когда мы, не разбирая дороги, начали удирать. Ведь мы ничего не видели!

— Да ты чокнутый, В.З.! — Ла Рок погрозил Буббакубу пухлым кулачком.

Пил зашипел, по-прежнему не двигаясь с места и не сводя с Джейкоба пристального взгляда.

— К тому времени, когда мы покинули хромосферу, структура вещества уже разрушилась. Лишь тонкий слой пыли осел вдоль линий силового поля у края палубы. Ну, а когда мы прибыли на базу и вся суета улеглась, Кулла под руководством своего опекуна и при помощи пылесоса ликвидировал следы этого маленького обмана.

Верно, Кулла?

Тот кивнул с самым несчастным видом.

Джейкоб с радостью отметил, что сочувствие далось ему без всяких усилий. Он ободряюще улыбнулся чужаку.

— Все в порядке, приятель. У меня нет никаких данных о том, что вы замешаны в чем-нибудь еще. Я просто видел, как вы вдвоем с пилом Буббакубом усердно пылесосили палубу корабля. Мне было ясно, что удовольствия от этого занятия вы отнюдь не получаете.

Глаза прингла благодарно блеснули. Он еще раз кивнул, стук начал затихать. Сердобольный Фэгин придвинулся поближе к Кулле.

Дональдсон подобрал кассеты и поднялся с колен.

— Наверное, следует вызвать охрану? — неуверенно спросил он. Хелен кивнула ему, снимая телефонную трубку.

— Я как раз этим и занимаюсь, — тихо прошептала она.

Милдред Мартин осторожно подобралась к Джейкобу и, дотянувшись до его уха, зашептала:

— Джейкоб, подобные вопросы находятся в компетенции Комитета внешних сношений. Нам следует передать им это дело.

Тот качнул головой.

— Нет, Милли. Еще не время. Нужно кое-что выяснить.

Де Сильва повесила трубку.

— Они скоро будут здесь. Что же вы замолчали, Джейкоб? По-моему, вы хотели еще что-то сказать нам?

— Да. Есть кое-что. Сначала вот это. — Он вытряхнул из своего мешка пси-шлем Буббакуба. — Полагаю, это приберегалось на крайний случай. Я не знаю, помнит ли кто-нибудь, но, когда со мной случился так называемый приступ безумия, уважаемый пил Буббакуб был облачен вот в эту штуку и не сводил с меня пристального взгляда. Довожу до вашего сведения, любезный В.З., что, когда меня пытаются к чему-либо принудить, я имею привычку впадать в бешенство. Вам не следовало этого делать.

Буббакуб неопределенно взмахнул коротенькой лапой.

— И, наконец, о гибели Джеффри. Честно говоря, это самое простое. Только Буббакуб знал все, что касается галактических технологий, примененных при создании солнечных кораблей: двигатели, компьютеры, системы связи. Земные специалисты к этим устройствам даже

не прикасались. Есть лишь косвенные доказательства, подтверждающие, что в момент взрыва корабля Джеффри пил Буббакуб находился в куполе лазерной связи. Этого недостаточно для привлечения его к суду. Но необходимости вести расследование нет. Так как пилы обладают статусом неприкосновенности. И мы можем лишь выслать Буббакуба на родину.

Джейкоб взглянул на пила и добавил:

— Еще кое-что будет очень трудно доказать: я лишь предполагаю, что Буббакуб ввел ложные сведения в космическую систему идентификации, связанную с филиалом Библиотеки в Ла-Пасе. В результате чего мы и получили сообщение, подтверждающее, что Пьер Ла Рок — поднадзорный. И хотя это только мое предположение, мне оно представляется весьма вероятным. Ничего не скажешь, отличный трюк. Все уверены, что смерть Джеффри — дело рук Ла Рока, и не слишком внимательны при проверке телеметрических данных с корабля Джеффа. Теперь-то я припоминаю, что неприятности у Джеффа начались в тот момент, когда он включил камеры с сильным увеличением — отличный спусковой механизм замедленного действия. Но в любом случае нам этого уже не выяснить

никогда. Телеметрические данные скорее всего уже уничтожены.

Звякнули колокольчики. Все обернулись к Фэгину.

— Джейкоб, Кулла просит тебя остановиться. Я тоже прошу тебя больше не смущать пила Буббакуба. Теперь это не имеет никакого смысла.

Послышался шум, и в комнату вошли три вооруженных охранника. Они вопросительно взглянули на коменданта. Хелен велела им подождать.

— Еще одну минуту, — попросил Джейкоб, — мы ведь так и не обсудили, какие мотивы двигали Буббакубом. Зачем столь высокопоставленному софонту, представителю самого престижного галактического института, заниматься подделками, кражами и убийствами? Я попытаюсь изложить свою точку зрения на этот вопрос. Начну с того, что Буббакуб имел личные причины для неприязни к Джеффри и Ла Року. Джеффри относился к нему с нескрываемым отвращением, всячески дерзил, что совершенно недопустимо со стороны представителя расы, которая получила статус софонтов какую-то сотню лет назад. А дружба Джеффа с подопечным пила Куллой только усиливала ярость Буббакуба. Но

мне кажется, что основная причина ненависти к шимпанзе таится совсем в ином. Ведь именно шимпанзе и дельфины позволили людям занять в галактической иерархии довольно высокое место. Пилы боролись почти полмиллиона лет, чтобы получить то, что досталось без всякого труда дикой, нецивилизованной расе. Полагаю, Буббакуб не любит нас, людей, именно по этой причине. Что же касается Ла Рока, то неприязнь к нему со стороны Буббакуба не нуждается в особых объяснениях. Болтливый и бесцеремонный...

Ла Рок презрительно фыркнул.

— А может быть, Буббакуба обидело предположение Ла Рока о том, что соро были нашими опекунами? Ведь в Галактике всегда хмуро посматривали на расы, бросающие своих подопечных.

— Но все это очень личные причины, — возразила Хелен. — Их недостаточно.

— Джейкоб, — заволновался Фэгин, — прошу тебя...

— Разумеется, у Буббакуба имелась и другая причина, — ответил Джейкоб. — Ему ужасно хотелось раз и навсегда покончить с проектом «Прыжок в Солнце», опорочив при этом саму идею независимых исследований и упрочив ав-

торитет Библиотеки. Он заставил всех поверить в то, что ему, пилу, удалось установить контакт там, где земляне потерпели неудачу. Ну а дальше оставалось лишь сочинить складную историю о возможной катастрофе в случае продолжения экспериментов с погружениями и подделать сообщения Библиотеки так, что они подтверждали его слова. Вероятно, более всего Буббакуба раздражало то, что в Библиотеке отсутствуют упоминания о солнечных формах жизни. И именно подделка сообщения Библиотеки станет по возвращении причиной самых крупных неприятностей. Кара за это преступление окажется куда более страшной, чем то наказание, которому могли бы подвергнуть его за убийство Джеффа.

Буббакуб зашевелился. Он тщательно пригладил встопорщившуюся шерсть и сцепил на животе коротенькие лапы.

— Очень, очень ловко, — прохрипел он, — но вы строите слишком смелые утверждения на слишком шатком фундаменте. Люди навсегда останутся недорослями и выскочками. Я отказываюсь говорить на вашем дурацком языке! — Он аккуратно снял с шеи водор и лениво швырнул его на стол.

— Я прошу извинить меня, пил Буббакуб, — вме-

шалась Хелен, — но, судя по всему, нам придется ограничить вашу свободу передвижения до получения указаний с Земли.

Джейкоб ожидал, что пил равнодушно пожмет плечами или безразлично кивнет, но Буббакуб, не обращая больше на людей никакого внимания, гордо вздернул круглую голову и с удивительным достоинством вышел из комнаты, сопровождаемый дюжими охранниками.

Хелен взяла со стола одну из частей «реликвии летаней» и задумчиво взвесила ее на руке. Затем внезапно развернулась и с силой швырнула злополучную «реликвию» в дверь.

— Убийца!

— Это послужит мне хорошим уроком, — Мартин потерла ладонью лицо, — никому нельзя доверять.

Джейкоб чувствовал себя совершенно опустошенным. Возбуждение спало, уступив место подавленности и равнодушию. Возвращение к рациональности происходило за счет потери целостности. Он знал, что вскоре начнет спрашивать себя, не ошибся ли, выложив все сразу в буйном припадке дедуктивной логики.

Слова Мартин заставили его поднять голову.

— Никому?

Фэгин заботливо усадил Куллу на стул. Джейкоб подошел к чужакам.

— Прошу прощения, Фэгин, мне следовало прежде все обсудить с тобой. Возможны осложнения. — Он потер лоб.

Фэгин тихо засвистел:

— Ты просто дал волю своим способностям. В последнее время ты был слишком сдержан. Но в данном случае твои таланты оказались как нельзя кстати. Не терзайся, дружище Джейкоб. Истина слишком важна, и ей не может повредить ни избыток усердия, ни использование скрытых навыков.

Джейкоб покачал головой. Если бы кантен только знал! «Навыки», о которых упомянул Фэгин, могли взорвать Джейкоба Демву, принеся куда больше вреда, чем пользы.

— Что, по-твоему, дальше? — устало спросил он приятеля.

— Полагаю, человечество поймет, что отныне у него есть могущественнейший враг. Ваше правительство вынуждено будет заявить протест. Пилы, конечно же, поспешат откреститься от Буббакуба, но сделано это будет скорее для виду. Эта раса всегда отличалась спесивостью и раздражительностью. Надеюсь, ты простишь

мне столь нелестный отзыв о родственной вам расе софонтов. То, что случилось здесь, — лишь звено в длинной цепи. Тебе не надо мучить себя, дружище Джейкоб. Твоей вины нет. Ты лишь позволил человечеству осознать опасность. Рано или поздно, но это должно было случиться. Так всегда происходит с сиротскими расами.

— Но почему?!

— Вот это, мой друг, я и пытаюсь выяснить. Возможно, это и слабое утешение, но очень многие в Галактике хотят, чтобы человечество выжило. И некоторые из нас... очень обеспокоены.

20. СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО

Джейкоб прижался щекой к резиновому ободу окуляра и погрузился в таинственную черноту. В глубине ее тревожно мерцала одинокая голубая искра. На этот раз он решил не обращать внимания на ее провоцирующие намеки. Не его дело рассуждать о разумности металлического ящика.

Его сознание полностью парализовал ярчайший гештальт-образ. Пасторальная сценка в однообразных коричневых тонах словно бы сошла со старинной английской гравюры. По

извилистой дороге, исчезавшей за мягко очерченными холмами, навстречу Джейкобу быстро шла высокая полногрудая женщина. Длинная темная юбка развевалась на ветру. Судя по всему, женщина только что покинула небольшой опрятный домик, уютно примостившийся у дороги. С мягкостью пейзажа резко контрастировали угрюмые низкие тучи, нависшие над покатой вершиной холма. Вдали, чуть левее, улавливалось какое-то мельтешение. Джейкоб всмотрелся. Люди. Танцуют... нет... дерутся. В форме. Солдаты. Лица возбужденные или испуганные. Он перевел взгляд на женщину. Похоже, она тоже чего-то боится. Женщина уже не шла, а бежала, нелепо размахивая руками. Двое солдат в мундирах семнадцатого века отделились от остальной группы и теперь быстро нагоняли ее. Мушкеты с примкнутыми штыками наготове. Что...

Картина исчезла. Снова из черной глубины игриво подмигивала голубая искра. Джейкоб зажмурился и оторвался от окуляра.

— Ну вот и все, — раздался за спиной ободряющий голос Милдред Мартин.

Джейкоб повернулся и только тогда открыл глаза. Мартин склонилась над пультом, рядом с ней стоял доктор Лэрд. Оторвавшись от компью-

тера, Милли взглянула на Джейкоба.

— Через минуту результаты вашего П-теста будут готовы.

— Вы уверены, что этого достаточно? — По правде говоря, Джейкоб испытывал огромное облегчение оттого, что все закончено. — Всего три картинки?

— Да, хотя у Питера мы взяли пять, дабы исключить возможность ошибки. Ваш тест просто контрольный. Присядьте и отдохните.

Джейкоб опустился в ближайшее кресло и отер рукавом проступившую на лбу испарину. Весь тридцатисекундный тест показался ему настоящей пыткой.

На первой картинке он увидел мужское лицо со скорбными глазами, изборожденное многочисленными морщинами. За секунды оно поведало Джейкобу историю целой человеческой жизни, а затем исчезло, надолго впечатавшись в память, как часто случается с лицами, увиденными мельком.

Второй образ представлял собой беспорядочное мельтешение абстрактных фигур, сталкивавшихся друг с другом... Похоже на солнечного тороида! Правда, фигуры не столь яркие и лишенные строгой красоты обитателей Солнца.

Третья картинка, та, что в коричневых тонах, скорее всего действительно была навеяна какой-то старинной гравюрой на тему Тридцатилетней войны. Явно сцена насилия. Джейкоб знал, что подобные образы при П-тестировании обычны и легко прогнозируемы. После трагифарсовой «сцены в гостиной» у него начисто отсутствовало желание впадать для успокоения нервов даже в очень неглубокий транс. Из-за этого он так и не смог расслабиться и как следует отдохнуть.

Джейкоб поднялся и подошел к компьютеру. По другую сторону купола, неподалеку от стасис-экранов, неторопливо прохаживался Ла Рок. В ожидании результатов теста он бездумно разглядывал причудливо вздыбленные скалы северного полюса Меркурия.

— Я могу взглянуть на предварительные данные? — спросил Джейкоб.

— Конечно. Какой образ вас интересует?

— Последний.

Мартин защелкала клавишами, и через пару секунд из щели под монитором вылез лист бумаги. Джейкоб взял его и отошел в сторону.

Сцена и впрямь напомнила ему английскую гравюру восемнадцатого века. Конечно же, Джейкоб уже разобрался в ее истинном значении,

но ему хотелось бы выявить свое первое впечатление, отделить его от уже аналитически осмысленной картинки.

Изображение покрывала частая сеть цифр, соединенных ломаной линией. Линия показывала, как переключалось внимание с одной детали на другую.

Цифра один находилась в самом центре картинки. До цифры шесть центр внимания перемещался довольно плавно, затем следовал резкий скачок. Цифра семь красовалась на довольно пышной груди женщины. И вообще внимание к этой детали гештальт-образа оказалось особенно стойким. Ломаная линия то и дело возвращалась к женским прелестям, почти полностью испещренным многочисленными цифрами. В какой-то момент центр внимания все же покинул облюбованный объект, метнувшись к низко нависшим тучам, затем запрыгал по группе дерущихся. Некоторые номера в этом месте были обведены кружком или рамкой. Под каждой цифрой имелась надпись, указывавшая степень расширения зрачка, глубину фокусировки хрусталика, изменение кровяного давления. Судя по всему, модифицированный считыватель сетчаток Стэнфорда-Пурнинье сработал вполне успешно.

Пригодились тахистоскоп Милдред Мартин и несколько железяк из запасов Дональдсона.

Джейкобу хватало знаний в этой области, чтобы не смущаться и не тревожиться по поводу своей рефлективной реакции на женскую грудь. Будь он женщиной, эта реакция оказалась бы иной: внимание в большей степени было бы сконцентрировано на облике в целом, на лице, одежде, прическе. Куда больше его могла бы обеспокоить собственная реакция на саму сцену. В левом углу, рядом с группой дерущихся людей, целая группа цифр была обведена рамкой. Именно в этот момент он и осознал, что перед ним отнюдь не безмятежная пастораль, а сцена насилия. Джейкоб удовлетворенно кивнул. Линия от этих номеров метнулась в сторону, вернувшись назад лишь через несколько мгновений. Свидетельство о здоровом отвращении к увиденному и о последовавшем затем явном, а не скрытом любопытстве.

На первый взгляд выходило, что он выдержал тест. Хотя Джейкоб в общем-то и не сомневался в подобном исходе проверки.

— Интересно, сможет ли кто-нибудь научиться обманывать П-тест? — спросил он, возвращая листок Мартин.

— Возможно, когда-нибудь такое и случится, — откликнулась она, собирая бумаги, — но для подобного трюка требуется очень хорошая подготовка. Ведь надо изменить реакцию человека на мгновенное воздействие... на образ столь быстрый, что только подсознание успевает отреагировать на него. В любом случае может возникнуть много побочных эффектов, которые так или иначе проявятся во время теста. Вы ведь знаете, как он анализируется. Коэффициенты внимания в каждой точке изображения попросту суммируются. Если полученный результат больше нуля, то тестируемый является гражданином, если меньше, то человек имеет склонность к нездоровым удовольствиям. В этом вся суть теста. — Мартин повернулась к Лэрду. — Ведь так, доктор?

Тот пожал плечами.

— Вы же специалист.

Он все еще не мог простить ей того, что она не посоветовалась с ним относительно лечения Кеплера.

Теперь-то все подозрения с Милдред Мартин были сняты. Она никогда не прописывала своему пациенту варфарин. Джейкоб припомнил привычку Буббакуба на борту «Брэдбери» засыпать

на пиджаке руководителя проекта. Подобная привязанность к предмету верхней одежды и позволяла ему подкладывать в переносную аптечку Кеплера средство, отнюдь не служившее для укрепления здоровья.

В поведении пила прослеживалась определенная логика. В результате махинаций с лекарственными препаратами Кеплер оказался отлученным от последнего прыжка. Обладая немалой проницательностью, руководитель проекта мог бы разоблачить трюк с «реликвией летаней». Да к тому же взбалмошное и непредсказуемое поведение Кеплера сильно ударяло по авторитету всего проекта. Словом, все сходилось один к одному. Но, на взгляд Джейкоба, доводы отдавали вкусом протеиновых хлопьев. Они убеждали, но были лишены аромата натуральности. Тарелка, полная муляжей.

Некоторые из преступлений Буббакуба уже доказаны, другие же скорее всего навсегда останутся в области спекуляций и досужих рассуждений. Представителя Библиотеки, обладающего дипломатическим иммунитетом, нельзя подвергнуть дотошному перекрестному допросу.

К ним подошел Ла Рок. Репортер выглядел несколько подавленным.

— И каков ваш вердикт, доктор Лэрд?

— Совершенно очевидно, что мистер Ла Рок никоим образом не является асоциальной личностью и нет никакой надобности подвергать его надзору, — медленно ответил Лэрд. — Его индекс социальной сознательности довольно высок. Возможно, именно это обстоятельство и служит причиной многих проблем мистера Ла Рока. По всей видимости, у него очень значительна степень сублимации. По возвращении домой мистеру Ла Року следует обратиться за профессиональной помощью. — Он замолчал и сурово взглянул на репортера.

Ла Рок смиренно опустил голову.

— А что вы скажете по поводу контрольных тестов? — спросил Джейкоб.

Он проходил тест последним, вслед за Кеплером, Хелен и еще тремя членами экипажа. Хелен не стала дожидаться подробных результатов и удалилась вместе со своими помощниками — ведь на базе царила предстартовая суета. Доктору Кеплеру о результатах теста Лэрд сообщил конфиденциально. Тот хмуро выслушал главврача и ушел, гневно тряся головой.

Лэрд, проводив взглядом руководителя проекта, задумчиво потер переносицу.

— Итак, — заговорил он после паузы, — под-
надзорных на базе нет. Но выяснилось кое-что,
не вполне мне понятное, связанное с мыслями
и взглядами некоторых из тестируемых. Знаете,
такому провинциальному лекарю, как я, очень
непросто вспомнить, чему его в свое время учили.
И если бы не помощь доктора Мартин, я скорее
всего упустил бы немало деталей. Честно говоря,
не слишком приятное занятие копаться в мыслях
и чувствах людей, которых хорошо знаешь и
которыми восхищаешься.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Ну, в этом случае вы бы не собирались сейчас
в столь скоропалительный прыжок! А Дуэйну я
не разрешил участвовать по очень простой при-
чине — у него обычная простуда. — Лэрд покачал
головой. — Простите меня! Для меня все это не
слишком привычно. Повода для беспокойства
нет, Джейкоб. В вашем тесте имеется несколько
странных особенностей, хотя в целом тест соот-
ветствует норме. И все же кое-что меня смущает.
Я не стану вдаваться в детали, поскольку они
могут встревожить вас куда в большей степени,
чем того заслуживают. Но я был бы весьма при-
знателен, если бы вы и Хелен по возвращении
как-нибудь зашли ко мне.

Джейкоб поблагодарил его и направился к лифту. К нему присоединились Ла Рок и Мартин.

Высоко над головой пилон связи протыкал острием стасис-поле. За прозрачными стенами тускло блестели расплавленные скалы Меркурия. Солнце раскаленным ярко-желтым шаром зависло над невысокой грядой пузырчатых холмов.

Подошел лифт, Мартин и Лэрд зашли внутрь. Джейкоб уже собрался последовать за ними, как его схватил за руку Ла Рок. Дверь лифта закрылась, и они остались вдвоем.

— Демва, мне нужна моя камера!

— Разумеется, Ла Рок. Комендант обезвредит глушитель, и вы сможете забрать ее в любое время.

— А записи?

— Они у меня. Меня они тоже интересуют.

— Они вас не касаются!

— Перестаньте, Ла Рок, — простонал Джейкоб. — Почему вы хотя бы раз в жизни не можете допустить, что другие тоже обладают каким-никаким умом? Я хочу знать, зачем вы снимали звуковое изображение стасис-осциллятора на корабле Джеффа? И кроме того, мне интересно, с какой стати вы решили, что они могут понадобиться моему дяде?

— Я у вас в долгу, Демва, — медленно проговорил Ла Рок. Нарочитый акцент мгновенно исчез. — Но прежде чем я отвечу вам, я хочу узнать, насколько совпадают ваши политические взгляды со взглядами вашего дяди.

— Какого именно, Ла Рок? Дяди Джереми, что является членом Ассамблеи Конфедерации? Нет, вы вряд ли стали бы с ним сотрудничать. Дяди Хуана? Он хороший теоретик, но никудышный практик... А, вы, наверное, имеете в виду дядю Джеймса! Вот уж кто настоящий экстремист! Что ж, по многим вопросам я с ним полностью согласен. Но не собираюсь помогать ему, если он замешан в шпионаже... Особенно если его план так же неуклюж, как и ваш. Вы не убийца, Ла Рок, и не поднадзорный. Вы шпион! Вот только на кого вы работаете? Но разрешение этой загадки я оставлю до возвращения на Землю. Там вы вместе с моим дядюшкой придете ко мне, и я решу, стоит или нет сдавать вас властям. Идет?

Ла Рок кротко кивнул.

— Я подожду, Демва. Только вы не потеряйте мои записи. Хорошо? Они слишком дорого мне стоили. Можно сказать, я в аду из-за них побывал. Не лишайте меня шанса убедить вас.

Джейкоб посмотрел на Солнце.

— Ла Рок, избавьте меня от ваших причитаний. В аду вы не побывали... пока.

Он повернулся и вошел в кабину прибывшего лифта. До старта оставалось несколько часов. Надо было выспаться.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

В истории эволюции ни одна метаморфоза, ни один «квантовый скачок» не могут сравниться с этим феноменом. Никогда прежде образ жизни одного из видов не изменялся столь быстро и радикально. Каких-то пятнадцать миллионов лет назад представители семейства Homo ничем принципиально не отличались от других животных. Дальнейший ход событий носил взрывной характер... Первые земледельческие поселения... Города... Мегаполисы. Все это спрессовано на временной шкале эволюции в одно мгновение, равное каким-то десяти тысячам лет.

Джон Э. Пфайфер

21. DEJA PENSE — УЖЕ ПРОДУМАНО

— Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему экипажи большинства звездолетов процентов на семьдесят состоят из женщин?

Хелен протянула Джейкобу пластиковую банку с горячим кофе и вернулась обратно к автомату с напитками, чтобы выбить из него еще одну банку, теперь уж для себя. Кофе был таким горячим, что пальцы не спасал даже тонкий слой термоизоляции, покрывавший стенки банки. Джейкоб осторожно поставил ее на подлокотник кресла.

Хелен, похоже, снова решила поиграть в свою любимую игру. Провокаторша! Он улыбнулся. Едва они оказывались друг с другом наедине (если уединение вообще возможно на абсолютно открытой палубе), как Хелен де Сильва тут же старалась втянуть его в весьма двусмысленные разговоры. Джейкоб, правда, нисколько не возражал. Благодаря этой игре он чувствовал себя сейчас значительно лучше, чем в первые часы после старта.

— Во времена моей юности мы не сомневались в том, что полеты к звездам — чисто мужское занятие. Впрочем, подобная убежденность была скорее всего лишь одним из симптомов полового созревания. Вы читали об этом у Джона-Два-Облака? Он родился в Верхнем Лондоне. Быть может, вы даже знали его родителей.

Хелен с упреком взглянула на неге. Джейкоб в который уже раз подавил желание сообщить ей,

что женщине с таким лицом следует покорять мужские сердца, а не космические просторы. Нет, все-таки, наверное, не стоит указывать профессиональному звездолетчику на то, что ямочки на щеках прелестны и совершенно неотразимы. Уж слишком велик риск.

— Хорошо, хорошо... — Он не выдержал укоряющего взгляда и рассмеялся. — Постараюсь не отвлекаться. Полагаю, такой численный перевес женщин в космосе связан с тем, что они лучше мужчин переносят большое ускорение, перепад температур, обладают лучшей координацией и отменной выдержкой. Благодаря этим качествам они становятся прекрасными космическими путешественниками.

Хелен отхлебнула кофе и сморщилась.

— Все верно. Кроме того, женщины, судя по всему, меньше подвержены болезням во время дальних перелетов. Но, видите ли, все эти различия не столь ужи значительны. Во всяком случае, их явно недостаточно, чтобы объяснить, почему гораздо больше мужчин, чем женщин, жаждут отправишься в космос. Корабли, курсирующие внутри Солнечной системы, более чем наполовину состоят из мужчин. А на военных кораблях и вовсе преобладает мужской пол.

— Не могу сказать ничего определенного относительно коммерческих или исследовательских кораблей, но думаю, военные отбирают людей по их склонности воевать. Разумеется, не доказано, что...

Хелен рассмеялась.

— Не стоит прибегать к столь дипломатичным выражениям, Джейкоб. Конечно, из мужчин получаются лучшие воины, чем из женщин... в статистическом смысле. Амазонки вроде меня — редкие исключения. Собственно говоря, это и есть один из критериев отбора. На борту звездолета не должно быть слишком много воинов!

— Но это же бессмысленно! Ведь зачастую звездолеты оказываются в той части Галактики, которую даже Библиотека исследовала не до конца. Астронавты сталкиваются с бесконечным разнообразием чуждых рае, многие из которых чересчур темпераментны. Галактические институты не наложили запрет на межрасовые войны. А судя по словам Фэгина, они и не смогли бы этого сделать, даже если бы захотели. Институты Галактики пытаются лишь загнать войны в определенные рамки.

— Так вы полагаете, земные звездолеты должны быть готовы к столкновениям? — Хелен

по-прежнему улыбалась. В красном мерцании хромосферы ее волосы отливали странным сиянием, притягивали взгляд. — Вы правы, мы действительно должны быть готовы к военным действиям. Но поразмыслите, в какой мы находимся ситуации. Земляне вынуждены иметь дело с сотнями различных видов, объединенных одной единственной общей чертой, той, что у нас как раз отсутствует. Все галактические расы связаны цепью общих традиций. Развитием, корни которого уходят в прошлое на два миллиарда лет назад. Все они знакомы с достижениями Библиотеки, привнося туда и что-то свое. Большинство из них капризны и тщеславны, они кичатся своими привилегиями и оберегают их как зеницу ока. И подавляющее большинство с большим подозрением относится к глупой и дикой расе, обнаружившейся в глухой солнечной провинции.

— И что же прикажете нам делать, если какая-нибудь занюханная раса с примитивным разумом, который в ней развили давно почившие опекуны, вдруг решит бросить вызов земному кораблю? Что нам делать, если эти существа, начисто лишенные честолюбия и чувства юмора, вздумают задержать наш корабль и потребовать невероятную пошлину? Ну, к примеру, в виде

сорока дельфиньих песен?

Хелен нахмурилась.

— Стоит ли в такой ситуации ввязываться в драку? Как-то раз «Калипсо», корабль-красавец, до краев заполненный ресурсами, необходимыми для жизнедеятельности небольшого сообщества землян, был остановлен парочкой крошечных доисторических кораблей. Неповоротливые и медлительные, как улитки, они были явно приобретены где-то на стороне в незапамятные времена. — Голос Хелен зазвенел. — Вы только представьте себе! Новый и красивый корабль, построенный исключительно руками и разумом людей, останавливают два допотопных чудовища, ведомые «разумными» верблюдами. Но корабли ведь созданы теми, кто всю свою жизнь пользовался достижениями Библиотеки! — Голос ее прервался, и она отвернулась.

Джейкоба тронуло ее волнение. Одновременно он почувствовал, что ему оказана большая честь. Он уже достаточно хорошо знал Хелен, чтобы понять: никому и никогда она не рассказывала ничего подобного. Да, их отношения крепнут прежде всего благодаря Хелен. Именно она проявляет инициативу, расспрашивая его о прошлом, о семье, о чувствах. Сам Джейкоб почему-то не

отваживался на расспросы. Понимал, что за его нерешительностью кроется не просто нежелание подпускать к себе Хелен слишком близко, а нечто большее...

— Значит, ввязываться не стоит? И мы обречены на поражение со всей неизбежностью? — спокойно спросил он.

Она кивнула, так и не повернув головы. Он откашлялся.

— Правда, у нас все еще припрятана парочка приемов, которые способны кое-кого удивить. О нас ведь, в сущности, мало что известно даже Библиотеке. Но козыри приберегают на крайний случай. А пока мы лебезим, подхалимничаем, славословим и уговариваем. Когда же это не помогает, то попросту... удираем. — Он представил себе встречу с кораблем пилов. — Впрочем, этот способ, наверное, не самый легкий.

— Да, но зато нам известен секрет хладнокровия. — Хелен снова повеселела. Ямочки заиграли в уголках губ. — Вот именно поэтому в экипажах и преобладают женщины.

— Постойте, постойте! Ведь женщины куда мстительнее мужчин! Преобладание женских экипажей вряд ли гарантирует нам покой.

— В обычной ситуации — нет.

Хелен снова улыбнулась. Джейкоб ждал продолжения, но она лишь пожала плечами. Помолчав, Хелен вдруг придвинулась к нему и тихо прошептала:

— Пойдемте.

Она подхватила его под локоть и повела за купол, к краю палубы. Здесь не было ни души.

Пурпурное сияние хромосферы теряло однородность там, где стасис-экран изгибался. Узкая полоска, часть Большого Пятна, общая конфигурация которого со времени последнего прыжка существенно изменилась, слегка пульсировала. Хелен опустилась на колени и осторожно подобралась к самому краю платформы. Несколько мгновений она не отрывала глаз от этого мерцания. Затем оперлась ладонями о палубу и медленно опустила ноги в стасис-поле.

Джейкоб затаил дыхание.

— Вы просто сумасшедшая, — прошептал он, облизнув пересохшие вдруг губы.

Хелен неторопливо поболтала ногами. Казалось, они движутся в густом сиропе. Облегающая ноги ткань комбинезона, будто живая, покрылась рябью. Хелен взглянула на него и втянула ноги на палубу без видимого усилия.

— Похоже, с ними все в порядке, Джейкоб. Но

глубже опускаться, наверное, не стоит. По всей видимости, масса моих ног вызывает искажения в удерживающем поле. Во всяком случае, при погружении туда у меня не возникло ощущения, что мои ноги вдруг взяли и перевернулись вверх тормашками.

Она снова свесила их в стасис-поле. Джейкоб почувствовал, как у него внезапно ослабли колени.

— Вы хотите сказать, что прежде ни разу не проделывали ничего подобного?!

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Вы спрашиваете, не рисуюсь ли я? Отвечаю: да, мне хочется произвести на вас впечатление. Но головы я отнюдь не потеряла. После всего того, что вы вчера рассказали о Буббакубе и его манипуляциях с пылесосом, я внимательно перепроверила все уравнения. И с удивлением выяснила, что подобные фокусы совершенно безопасны. Присоединяйтесь!

Он вяло кивнул. После чехарды удивительнейших событий последних дней подобное предложение уже не казалось ему верхом безумия. Весь секрет состоял в том, чтобы просто не думать о том, что собираешься сделать. Он опустился на палубу рядом с Хелен.

Стасис-поле действительно напоминало густой сироп, вязкость которого возрастала с глубиной. Нельзя сказать, чтобы ощущения были уж очень неприятными. Единственное, что не понравилось Джейкобу, так это поведение брючин, решивших вдруг зажить своей отдельной жизнью.

Какое-то время они молча сидели рядом, меланхолически болтая ногами. Хелен не спешила заговорить, а Джейкоб не хотел ее торопить. Она явно ушла в свои мысли.

— Эта трагедия с Ванильным Шпилем случилась на самом деле? — наконец тихо спросила она, не поднимая глаз.

— Да.

— Она, наверное, была чудесным человеком.

— Да.

— Нужно быть очень храброй, чтобы прыгать с одного шара на другой на высоте двадцать миль, но...

— Она пыталась отвлечь их внимание, пока я обезвреживал осветитель. Я не должен был ей разрешать. — Джейкобу казалось, что говорит кто-то другой, так изменился его голос. — Я почему-то был уверен, что успею... что смогу защитить ее... Понимаете, у меня имелось одно устройство...

— Наверное, она и во всем остальном была такой же отчаянной. Как жаль.

Джейкоб понял, что вслух он не сказал ни слова.

— Да, Хелен, вы с Таней понравились бы друг другу. — Он тряхнул головой. Нельзя раскисать. — Впрочем, мне казалось, что разговор у нас совсем о другом. Мы, кажется, обсуждали тему женщин и мужчин на космическом корабле?

Она по-прежнему не отрывала глаз от своих ног.

— Мы об этом и говорим, Джейкоб.

— Разве?

— Разумеется. Помните, я как-то сказала вам, что существует способ заставить женский экипаж быть особенно осторожным при встрече с чужаками?

— Да, но...

— А знаете ли вы, что человечеству удалось основать целых три колонии? Но транспортные расходы не позволяют сделать их жизнеспособными. Проблема увеличения человекофонда в изолированной колонии — одна из острейших. — Она выпалила информацию смущенной скороговоркой. — Когда мы вернулись на Землю, то обнаружили, что конституция восстановлена. А

вскоре Конфедерация объявила о приглашении женщин в космос. От желающих отбоя не было.

— Я... я не понимаю...

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Может, еще рано понимать. Знайте только, что через несколько месяцев я отправляюсь в новую экспедицию на «Калипсо». Мне предстоят кое-какие приготовления, в том числе и отбор членов экипажа. Ну вот! — Хелен вытерла пыльные руки о костюм и втянула ноги на палубу. — Пора возвращаться. Мы уже совсем рядом с активной областью. И я должна быть на посту.

Джейкоб поспешно вскочил и помог ей подняться. Поступок не показался архаичным им обоим.

По пути к пункту управления Хелен и Джейкоб решили проверить параметрический лазер. Заслышав их шаги, из-под сплетения проводов, выглянул Дональдсон.

— Привет! Думаю, эта штука готова к работе. Хотите взглянуть?

— Конечно. — Джейкоб присел на корточки.

Лазер покоился на платформе, привинченной прямо к палубе. Вытянутый многоствольный корпус слегка покачивался на шарнирном креплении.

Джейкоб почувствовал, как колено Хелен слегка коснулось его щеки. Не отвлекайся!

— Этот малыш, — важно провозгласил Дональдсон, — мой скромный вклад в усилия по установлению контакта с Солнечными Призраками. Я пришел к выводу, что раз с пси у нас ничего не вышло, то надо устанавливать непосредственную, то есть визуальную связь. Большинство лазеров работает только в одном-двух очень узких спектральных диапазонах, как правило, соответствующих атомным или молекулярным переходам. Ну а этот малыш способен выдать любую длину волны. Надо лишь установить нужный режим. — Дональдсон ласково похлопал по ручкам на лицевой панели платформы.

— Да, — кивнул в ответ Джейкоб, — я уже наслышан о вашем детище. Насколько я понимаю, он должен обладать такой мощностью, чтобы луч смог пробить экраны и остаться при этом достаточно интенсивным.

— В прошлой моей жизни, — иронически заметила Хелен, которая о своей жизни до полета на «Калипсо» всегда говорила в отстраненно-язвительной манере, словно защищая и оберегая воспоминания о безвозвратно ушедшем времени, — мы умели изготавливать многоцветные

лазеры, настраиваемые с помощью оптических красителей. Они обладали приличной энергией, были весьма эффективны и невероятно просты в обращении. — Она ласково улыбнулась воспоминанию. — Правда, краситель очень быстро рассыпался, и достоинства такого лазера мгновенно исчезали. Какой же тогда поднимался переполох! Тот факт, что мне больше никогда не придется отмывать пол от родамина G6, заставляет меня склонить голову перед прогрессом!

— Неужели вы действительно могли настроить его на любую длину волны с помощью одного-единственного красителя? — с недоверием спросил Джейкоб. — И как же вы накачивали ваш... «акварельный лазер»?

— Иногда при помощи стробоскопических машин, но чаще всего химическим способом, высвобождая энергию органических молекул, например, сахара. Для заполнения всего спектра требовалось несколько красителей. Полиметил кумарин использовался для получения синего и зеленого диапазонов. Родамин и несколько других соединений позволяли настроиться на красный цвет. Да ладно, — она махнула рукой, — это все уже пыльные древности! Расскажите-ка лучше, что за дьявольский план вы двое состря-

пали на этот раз?! — Она уселась на палубу рядом с Джейкобом. Оценивающе поглядела на него, не обращая внимания на Дональдсона. Джейкобу стало неловко.

— Ну, — осипшим голосом начал он, — все довольно просто. Еще на «Брэдбери» я записал несколько дельфиньих песен. Вдруг Призраки окажутся поэтическими натурами? Когда же Дональдсон предложил использовать визуальную связь, я передал ему свои записи.

Дональдсон вмешался:

— Кроме того мы улучшили версию математического контактного кода. Эту идею тоже он мне подбросил. — Дональдсон расплылся в улыбке. — Я вряд ли узнаю ряд Фибоначчи. А Джейкоб утверждает, что это древний способ установления контакта.

— Верно, — кивнула Хелен. — Но после «Везариуса» мы никогда больше не пользовались математическими приемами. Библиотека убедила нас, что в космосе все и так друг друга давно понимают, и нет смысла копья ломать.

Она легко толкнула лазерную трубу, та свободно повернулась.

— Надеюсь, включенный, он не так болтается?

— Нет, конечно! Мы его закрепим, сориенти-

ровав луч строго по радиусу корабля. Исключим внутренние отражения. Не стоит тревожиться, капитан! К тому же во время работы лазера запрещается снимать защитные очки. — Дональдсон извлек из ящика темные очки с толстыми стеклами. — Доктор Мартин сказала, что лично проследит за выполнением. Она буквально помешана на влиянии интенсивного излучения на здоровье вообще, и на зрение в особенности. Всю базу подняла на ноги, когда признала источником яркого света безобидные лампы. Обвинила всех в «коллективной галлюцинации».

— Мне пора возвращаться к своим обязанностям. — Хелен поднялась. — С вами хорошо, но я и так уже задержалась. Мы вроде бы уже близко от цели. Надо расставить людей по местам.

Мужчины вскочили вслед за ней, она ослепительно улыбнулась каждому из них и удалилась, покачивая бедрами, словно профессиональная обольстительница. Джейкоб не мог оторвать от нее глаз.

— Знаете, Демва, поначалу я думал, что вы настоящий чокнутый. Но потом вы так ловко все вычислили, что мне пришлось изменить свою точку зрения. А сейчас я, похоже, опять начинаю думать, что у вас не все дома.

Джейкоб рассеянно взглянул на него.

— Как это?

— Ясное дело, всякий мужчина готов распустить хвост, когда женщина делает ему авансы. Но этот случай не похож на прочие. Вы не потеряли голову, старина? Разумеется, это не мое дело...

— Вот именно, дружище. Не ваше.

Джейкоб встревожился не на шутку. Неужели так заметно? Он твердо пообещал себе, что, как только они вернутся на Меркурий, он вплотную займется Хелен. А пока Джейкоб лишь пожал плечами. С тех пор, как они покинули Землю, все чаще и чаще он ловил себя на том, что этот жест — единственное, что ему остается.

— Сменим тему. Вернемся к вопросу о внутренних отражениях. Вам не приходило в голову, что кто-то решил устроить грандиозную мистификацию?

— Мистификацию?

— Именно! С Солнечными Призраками. Ведь для их появления и требуется-то всего лишь компактный голографический проектор...

— Невозможно, — покачал головой Дональдсон, — на борту нет голографических проекторов. Мы все проверили несколько раз. Да и вообще очень уж неправдоподобно. Призраку еще туда-сюда,

но такие сложные картины, как стадо тороидов... В любом случае камеры на обратной стороне раскрыли бы обман очень быстро.

— Хорошо, но что вы скажете о Призраках гуманоидного типа? Их размеры невелики, форма проста, а камер они старательно избегают, вращаясь быстрее, чем мы, и все время оставаясь у нас над головой!

— Знаете, что я скажу, Джейк? Все оборудование на борту перед каждым стартом тщательно проверяется не один раз, так же как и личные вещи экипажа и пассажиров. Да и где, скажите мне, можно спрятать проектор на абсолютно открытой палубе? Честно говоря, подобная мысль мне и в голову не могла прийти. Нет, мистификация исключена.

Джейкоб задумчиво кивнул. Доводы Дональдсона вполне разумны. Притом мистификация не укладывалась в один ряд с трюком Буббакуба. Идея соблазнительная, но невероятная.

Дальний лес спикул то и дело выбрасывал вверх фонтанчики раскаленного газа, образуя огненный частокол по периметру медленно пульсирующей супергрануляционной ячейки. Она уже закрывала полнеба. В центре ячейки чернел зрачок Большого Пятна. Вокруг зрачка

прослеживались области повышенной яркости.

Он оглянулся. Возле пульта управления толпились темные силуэты. Непосредственно у панели командной связи выделялись две фигуры. Высокий узкий силуэт принадлежал Кулле. Прингл то и дело вскидывал руку, указывая направление движения. Корабль постепенно приближался к длинному волокну, зависшему над самым Пятном. Другая тень, очень напоминавшая ветвистый куст, покачивалась рядом с принглом. Вот она отделилась, явно двигаясь в сторону Джейкоба.

— Вот где можно спрятать проектор! — Дональдсон без всякого стеснения ткнул пальцем в приближающееся дерево.

— Что?! Фэгин? — Джейкоб от изумления даже присвистнул. — Это несерьезно! Ведь он принимал участие всего в двух прыжках!

— Да, — задумчиво протянул механик, — но все эти его ветки и прочее... Я уж скорее начну рыться в нижнем белье Буббакуба в поисках контрабанды, чем рискну заглянуть в это воронье гнездо.

Джейкобу показалось, что он уловил в голосе Дональдсона язвительные интонации. Он быстро взглянул на механика. В ответ получил лишь безмятежно-наивный взгляд. Впрочем, это было

бы слишком уж невероятно — остроумие отнюдь не было коньком механика базы «Гермес».

Они поднялись, приветствуя подошедшего Фэгина. Кантен весело засвистел в ответ. Интересно, слышал ли он, о чем они тут говорили?

— Комендант де Сильва считает, что погодные условия на Солнце на редкость благоприятны. Она сказала мне, что можно будет заняться важными проблемами солнечной физики, не связанными с Призраками. Необходимые измерения займут совсем немного времени. — Фэгин склонил ветку в сторону Дональдсона. — Иными словами, мой любезный друг, в вашем распоряжении всего двадцать минут.

Дональдсон присвистнул и, не теряя времени даром, начал лихорадочно укреплять лазер. Джейкоб присоединился к нему.

Неподалеку доктор Мартин копалась в своем ящике, то и дело извлекая из него мелкие предметы. Пси-шлем уже красовался у нее на голове. Джейкоб улыбнулся. Судя по всему, Милли настроена весьма решительно. Ему казалось, что он даже слышит, как она грозит загадочным Призракам, обещая на этот раз вывести их на чистую воду, чего бы ей это ни стоило!

22. ДЕЛЕГАЦИЯ

Вы спрашиваете, в чем смысл существования этих световых созданий? Но с таким же успехом вы можете спросить: «В чем смысл существования человека?» Я могу ответить лишь общими фразами. Человек рожден для того, чтобы снова и снова разбивать себе лоб в стремлении забраться все выше и выше. Неолитики как раз и твердят нам, что приспособляемость — главный признак человеческого рода. Человек, мол, бегает, может, и не столь быстро, как гепард, но зато куда быстрее многих других земных видов. Никогда не выиграет заплыв у выдры, но на воде держаться способен. Его глаза не столь остры, как у орла, но видит он куда лучше многих обитателей Земли. Природа не наградила его способностью прятать запасы за щеку, но и тут человек решил проблему, научившись строить жилище и разводить огонь. Со временем это странное двуногое научилось и бегать стремительнее гепарда, и плавать быст-

рее выдры, и видеть лучше орла. Человек пересек арктическую пустыню, забрался на самые высокие вершины, освоился в джунглях, покорил океаны. Он научился всему, что умеют прочие обитатели этой планеты, и теперь ему остается лишь лениво покачиваться в любимом кресле, хвастаясь своими успехами и гордясь собой.

Но этого не происходит. Человека гнетет вечная неудовлетворенность. Всегда что-то заставляет его двигаться все дальше и дальше. Он постоянно стремится вперед. В этом-то и есть его суть. И в своем стремлении человек обречен на полное одиночество. О, он всегда хотел лишь одного — узнать и понять, зачем явился в этот мир! Он кричал от тоски и отчаяния, надеясь, что найдется хоть кто-нибудь, кто услышит его. Но в ответ Вселенная по-прежнему улыбается ему своей двусмысленной звездной улыбкой.

Человек сгорает от желания познать смысл и суть мироздания. И, получив отказ, он выплескивает свое разочарование на тех, кто всегда рядом с ним. Все вокруг,

живое и мертвое, знает свое место. И вот человек начинает ненавидеть окружающий мир за это знание. Обитатели Земли становятся его рабами, безропотными и покорными поставщиками протеина, жертвами его неистовой ненависти, ненависти к самому себе.

Человеческая «приспособляемость» обернулась оглушающим эгоизмом. Сотни животных видов, чьи потомки могли бы со временем добиться величия, превратились в пыль под ногами своего старшего брата. Только по счастливой случайности незадолго до Контакта человечество решило заняться сохранением оставшихся в живых животных. А может, поворот в мыслях вовсе и не был случаен? Странно, что экологический припадок, в котором внезапно забилось человечество, почти точно совпал по времени с получением первых достоверных сообщений о Контакте...

И сейчас, как и тысячи лет назад, мы продолжаем спрашивать себя, что составляет смысл нашего существования. Быть может, мы созданы для того, чтобы стать

примером для всех живущих в Галактике? В чем бы ни заключался первородный грех наших опекунов, побудивший их бросить нас, сейчас он оборачивается жалким фарсом.

И лишь одна надежда согревает нам душу: возможно, наши соседи, наблюдая за теми, кем движет гордыня и тщеславие, извлекут немало полезного из трагикомедии, называемой жизнь человека.

Ла Рок остановил запись и хмуро взглянул на камеру. Нет, последний кусок никуда не годится. Надо подбавить яду, да и весь текст ни к черту. Где знаменитая непринужденность известного мастера пера? Где легкость стиля? Он поморщился. Все как-то вымученно, напыщенно... Ла Рок глотнул из пластикового стаканчика, стоявшего на подлокотнике кресла, и, рассеянно поглаживая щегольские усики, глянул в иллюминатор. Корабль уже успел развернуться, и прямо по курсу сияло и переливалось стадо тороидов. На рассуждения о скорбной участи человечества времени больше не оставалось. В конце концов, этим можно заняться и попозже. Он включил запись.

Парочка замечаний. Больше иронии, не забыть упомянуть о тимбрими — их приспособляемость куда выше человеческой. Не акцентировать проблему объединения человечества.

Он опять выключил диктофон и положил его на пол рядом с креслом. Стадо из маленьких обручальных колец находилось уже в пятидесяти милях. Внезапно из-за прядей темного газа вынырнули особи покрупнее. Ближайший тороид выглядел настоящим монстром. Зеленые блики вихрем проносились по его выпуклым массивным бокам. Тонкие голубые линии сплетались в запутанный узор. Вокруг тороида мерцал молочный нимб.

Ла Рок вздохнул, разглядывая это чудо. Вот он, последний довод его теории! Когда голограммы этих существ разлетятся по всей Галактике, враги будут посрамлены раз и навсегда. И все же что-то подтачивало правоту Ла Рока. Чем глубже корабль погружался в Солнце, тем отрешеннее и задумчивее становился репортер. Нереальный мир... Он улыбнулся. Впервые в жизни Пьер Ла Рок не стыдился признаться себе, что ему страшно. По-настоящему страшно.

Жемчужины спокойствия, нанизанные на ожерелье из сверкающих изумрудов. Быть может, в этих местах в незапамятные времена затонул какой-нибудь галактический галеон, навеки похоронив сокровища своих трюмов среди перистых пылающих рифов? И никогда ни один охотник за драгоценностями не похитит эти чудесные диадемы!

Они бросают вызов логике и здравому смыслу. Они бросают вызов самой истории, ибо о них во Вселенной не осталось никаких воспоминаний. Они бросают вызов могуществу не только приборов землян, но и могуществу галактической науки.

Они невозмутимы и равнодушны. Им нет дела до мышиной возни водородников и кислородников. Ведь их питает самый неисчерпаемый источник. Помнят ли они о своем начале?.. Может, они знали самих прародителей? Мы все еще надеемся, что нам удастся задать им эти вопросы. Но не тщетны ли наши надежды?

Когда на горизонте появилось стадо сияющих тороидов, Джейкоб на несколько мгновений оторвался от работы. Сейчас зрелище уже не произвело на него такого ошеломляющего впечатления, как в первый раз. Ненасытный человеческий разум требовал новых впечатлений. И все же Джейкоб не мог не восхититься красотой открывшейся картины. А при мысли о ее значении его охватил благоговейный страх.

На полу, у ног Дональдсона, работала компьютерная панель. На экране монитора медленно колыхался узор из плавно изогнутых линий — очертания Призрака, повстречавшегося кораблю час назад.

Эту встречу вряд ли можно было назвать контактом. Корабль, вынырнув из плотного скопления волокон у самого края стада, внезапно столкнулся с одиноким солярианином. Тот мгновенно бросился наутек. Удалившись на несколько миль. Призрак завис, явно наблюдая за нежданным пришельцем. Хелен приказала развернуть корабль, чтобы Дональдсон мог сориентировать свой П-лазер на порхающее существо.

Призрак вновь стремительно отпрянул. Дональдсон выругался и опять принялся настраивать лазер. Необходимо промодулировать сигнал

в соответствии с записями Джейкоба.

На этот раз Призрак повел себя иначе. Казалось, он услышал сигнал. Его аморфные крылья-щупальца внезапно протянулись к кораблю, равномерное голубоватое сияние сменилось радужной рябью. Какое-то время он пульсировал разноцветными бликами, словно отвечая, а затем последовала вспышка изумрудного света, и солярианин исчез.

Джейкоб пододвинул к себе компьютерную панель. Как раз сейчас шел анализ поведения Призрака. Камеры запечатлели солярианина во всех подробностях. Джейкоб уже выяснил, что мерцание Призрака совпадает по фазе с басовым ритмом мелодии дельфина. Теперь предстояло выяснить, не содержится ли в сложном наборе частот, испущенном солярианином перед тем, как исчезнуть, некоего ответа.

Джейкоб решил, что мелодию и ритм песни дельфина следует искать по всей поверхности солярианина в трех режимах: цветовом, временном и яркостном. Если вдруг обнаружится что-то определенное, то во время следующей встречи компьютер сможет запустить лазер в режиме реального времени. Если, разумеется, подобная встреча вообще состоится. Песня дельфина

являлась всего лишь прелюдией к серии математических последовательностей, но Призрак явно не пожелал дослушать остальную часть световой симфонии.

Джейкоб отложил компьютер и опустил спинку кресла. Теперь можно наблюдать за тороидами, не задирая головы. Парочка бубликов покачивалась прямо перед его глазами, под углом в сорок пять градусов к поверхности палубы. Джейкоб отметил, что движения тороидов значительно сложнее, чем ему представлялось в первый раз. Быстро проносившиеся по ободу картинки скорее всего таили в себе сведения о внутренней структуре этих существ. В какой-то момент тороиды касались друг друга, но вращающиеся узоры не претерпевали никаких изменений. Столкновения тороидов в стаде становились все чаще. Им явно было не по себе. Хелен высказала догадку, что переполох вызван ослаблением магнитных полей — активная область оказалась умирающей, магнитные поля рассеивались все более и более. Тороидам приходилось подстраиваться под постоянно меняющееся направление поля.

На кушетку рядом с Джейкобом опустился Кулла. Отчетливо клацнул фарфор. Джейкоб уже немного научился распознавать состояние чужа-

ка по звуку его зубных пластинок. Он далеко не сразу понял, что этот стук является столь же фундаментальным признаком состояния принглов, как и мимика у людей.

— Я могу ждешь немного пошидеть, Джейкоб? — робко поинтересовался Кулла. — Мне только шейчаш предштавилашь вожмошношть поблагодарить вас жа помошь на Меркурии.

— Кулла, вам вовсе не нужно благодарить меня, — мягко ответил Джейкоб. — Требование о неразглашении в течение двух лет — довольно суровое наказание всем за мою прыть. Никто из нас не сможет вернуться домой, если хотя бы один человек не подпишет соответствующий документ.

— И вше же вы имели полное право рашкажать вшему миру о том, что ждешь проижошло. Библиотека обяжательно уштыдилашь бы дейштвий Буббакуба. Очень благородно ш вашей шторoны, што вы, обнаружив... ошибку Буббакуба, решили проявить шдержанношть и дать им вожмошношть ишправить положение.

— Что собирается предпринять Библиотека... кроме наказания Буббакуба?

Кулла глотнул из своей неизменной банки с соломинкой. Глаза его засветились.

— Вероятно, Жемле шпишут вше долги и вы-

делят шредштва на ражвитие филиала. А ешли Конфедерашия и дальше шоглашитшя молчать, то шредштва штанут поштупать поштоянно. Желание ижбежать шкандала очень велико. А ваш, Джейкоб, наверное, наградят.

— Наградят? — Джейкоб оцепенел. Для «дикого» землянина любая галактическая награда представлялась чем-то вроде волшебной лампы Аладдина. Он едва верил своим ушам.

— Да-да, не шомневайтешь, хотя в Библиотеке и шожалеют о том, что вам не удалошь поведать о швоем открытии более ужкому кругу. Штепень их щедрошти будет, по-видимому, обратно пропоршиональна той оглашке, которую получит дело Буббакуба.

— Понимаю.

Мыльный пузырь лопнул. Одно дело принимать знак благодарности от власть предержащих, и совсем другое, когда хотят купить твое молчание. Разумеется, ценность награды не изменится, а может, окажется даже и выше. Впрочем, не спешит ли он с выводами? Ведь образ мышления чужаков никогда не совпадал с человеческим. Логика дирекции Библиотеки всегда представлялась людям абсолютной загадкой. Единственное, что Джейкоб понимал совершенно отчетливо:

Библиотека изо всех сил старается избежать плохой прессы. Его интересовало, говорит ли Кулла сейчас как официальное лицо, или же просто решил поделиться с ним своими догадками?

Внезапно круглая голова прингла резко дернулась. Красные глаза вспыхнули, провожая проходящее мимо стадо тороидов. Из-за толстых складчатых губ послышалось низкое гудение. Прингл нащупал на подлокотнике кресла шнур микрофона.

— Ижвините меня, Джейкоб, но мне кажетша, я что-то увидел. Нужно шообщить коменданту.

Он забормотал в микрофон, не сводя глаз с точки в небе справа от себя. Что происходит там, под углом градусов в двадцать пять к палубе? Джейкоб напряг зрение, но не увидел ничего примечательного. Из кресла Куллы донесся далекий голос Хелен. Новый приказ! Через мгновение палуба чуть дрогнула. Корабль начал разворачиваться.

Джейкоб взглянул на свой компьютер. На мониторе появились первые результаты. Ничего, что можно было бы интерпретировать как ответ на их сигнал. Жаль, жаль.

— Уважаемые софонты, — раздался голос Хелен, — прингл Кулла вновь обнаружил соляриан.

Просьба всем занять свои рабочие места.

Звонко клацнули давилки Куллы. Джейкоб вскинул глаза.

Под углом в сорок пять градусов быстро росла сияющая точка. Вот уже можно было различить пять симметричных отростков Приблизившись к кораблю. Призрак остановился.

Прямо перед солнечным кораблем кривлялась вторая, зловещая ипостась солярианина. Утрированная карикатура на человека свирепо сверкала красными провалами глазниц и разинутого рта. На этот раз на корабле решили даже не пытаться поймать видение камерами. Ставку сделали на параметрический лазер.

Джейкоб подал знак Дональдсону. Тот защелкал кнопками.

— Внимание! Всем немедленно надеть защитные очки! Мы включаем лазер.

Дональдсон первым надел очки и, оглядевшись, убедился, что все выполнили его приказ. Исключение составил лишь Кулла, ему на слово поверили, что лазерное излучение безвредно для его глаз. Дональдсон склонился над своим детищем.

Даже сквозь стекла защитных очков Джейкоб различил тусклое свечение на внутренней

поверхности защитного экрана. Интересно, окажется ли этот «человек» более склонным к общению, чем его аморфный собрат? Скорее всего это то же самое существо. Возможно, оно и исчезало лишь навести марафет.

Лазерный луч пробил Призрака насквозь. А тот продолжал свое бесстрастное порхание. Джейкоб услышал, как неподалеку чертыхается Милдред Мартин.

— Черт знает что! — яростно шипела она. Джейкоб оглянулся на нее. Из-под массивного пси-шлема и нацепленных сверху очков высовывался лишь кончик носа. — Не то, не то, черт возьми! Что-то есть, но не там! Да что же случилось с этой проклятой штуковиной! — Она в сердцах хлопнула ладонью по шлему.

Внезапно видение спикировало и, словно гигантская бабочка, опустилось на обшивку корабля. «Лицо» подернулось полосатой рябью, существо начало растекаться по обшивке корабля, постепенно превращаясь в неровный прямоугольник, некое подобие экрана. На его поверхности то там, то здесь замелькали зеленые искры. Они беспорядочно мельтешили по «экрану». И внезапно сложились в слова!

— О Боже! — прошептал Джейкоб.

Где-то поблизости раздался дрожащий свист флейты. Сбоку Кулла громко молотил своим фарфором.

Прямо перед глазами ошарашенных и испуганных наблюдателей сияла надпись на правильном английском:

ОСТАВЬТЕ НАС. НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ.

Джейкоб с силой вцепился в подлокотники кресла. Тишина, нарушаемая лишь учащенным дыханием людей и звуковыми эффектами В.З., становилась невыносимой.

— Милли! — Он изо всех сил старался не сорваться на крик. — Милли, ради Бога, вы что-нибудь уловили? — Джейкоб даже не заметил, как уже во второй раз за последнюю минуту изрекает лексический архаизм.

Мартин застонала.

— Да... Нет! Нет! Я что-то поймала, но это абсолютно бессмысленно! Ни с чем не сообразно!

— Попробуйте спросить его! Спросите, получает ли он ваш пси?

Мартин сгорбилась, спрятав голову между вскинутых рук. Буквы тут же перестроились.

СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ. ГОВОРИТЕ ВСЛУХ.

Джейкоб оцепенел. Он чувствовал, как внутри у него зашевелился мистер Хайд. Что же, черт побери, заинтересовало этого пройдоху?!

— Спросите, почему он только сейчас решил заговорить с нами?

Мартин отчетливо повторила вопрос вслух.

ПОЭТ. ОН ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС. ОН ЗДЕСЬ.

— Нет! Нет! Я не хочу! — в ужасе взвизгнул Ла Рок.

Джейкоб резко обернулся. Репортер, прикрыв голову руками, скорчился в кресле рядом с автоматами для раздачи пищи.

ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС.

Изумрудная надпись не оставляла никаких сомнений.

— Доктор Мартин, — раздался спокойный голос Хелен, — спросите солярианина, почему нам не следует возвращаться.

Через несколько мгновений надпись изменилась.

МЫ ХОТИМ БЫТЬ ОДНИ. ПОЖАЛУЙСТА,

ОСТАВЬТЕ НАС.

— А если мы все-таки вернемся? Что тогда? — хрипло спросил Дональдсон.

Мартин угрюмо повторила вопрос.

НИЧЕГО. НАС ВЫ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИТЕ. ТОЛЬКО НАШИХ МЛАДШИХ БРАТЬЕВ. НЕ НАС.

«По крайней мере выяснили, что существует два типа соляриан», — невесело подумал Джейкоб. Должно быть, «обычная разновидность» — это их молодежь, которой поручаются простые задачи, например, сопровождение тороидов. Где же тогда обитают взрослые? Какая у них культура? Как вообще, скажите на милость, создания из ионизированной плазмы могут общаться с существами из воды, незванно заявившимися к ним в гости?! Мысли путались. Итак, взрослые соляриане могут избегать встречи с солнечным кораблем, да что там, с целой флотилией солнечных кораблей, столь же легко, как орел уворачивается от воздушного шарика. Если сейчас они прервут контакт, то никогда уже люди не смогут заставить их возобновить общение. Бессильная ярость овладела им.

— Пожалуйшта, — раздался голос Куллы, — шпрошите, обидел ли их Буббакуб? — Глаза прингла так и полыхали огнем.

БУББАКУБ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. ВСЕ ЭТО МЕЛОЧИ. ОСТАВЬТЕ НАС.

Солярианин начал таять. Неровный прямоугольник уменьшался на глазах.

— Постойте! — Джейкоб вскочил на ноги. Вскинутые в отчаянии руки поймали пустоту. — Не бросайте нас так! Мы ведь ваши ближайшие соседи! Мы всего лишь хотели поделиться с вами информацией! Скажи хотя бы, кто ты?!

Призрак неумолимо удалялся. Вот налетело облако темного газа, скрыв солярианина из виду. Но прежде чем Призрак окончательно исчез, наблюдатели смогли прочесть последнюю фразу, блеснувшую сквозь разрыв в плазменных тучах:

ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

В глубокой древности два пионера-воздухоплавателя создали первые летательные аппараты, представлявшие собой обычные крылья. Один из них, Дедал, взлетев невысоко, и полет прошел благополучно. После приземления его окружили должным почетом и уважением. Икар же взмыл к самому солнцу, которое своим жаром растопило воск, скреплявший крылья, и полет смельчака закончился катастрофой. Классические авторитеты осудили Икара за его «лихачество». Я же предпочитаю считать, что он своим поступком выявил серьезный недостаток в конструкции современных ему летательных аппаратов.

Сэр Артур Эддингтон. Из книги «Звезды и атомы» Оксфорд-Юниверсити-Пресс, 1927

23. ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Пьер Ла Рок сидел на полу, прислонившись спиной к эксплуатационному куполу. Пухлые дрожащие руки обхватили колени, отрешенный взгляд уткнулся в палубу. Никогда в жизни журналист еще не чувствовал себя столь несчастным. Как утопающий за последнюю соломинку, Ла Рок хватался за надежду, что, может, Милли все-таки сжалится над ним и сделает укол. И он проспит выход корабля из хромосферы.

К сожалению, такой поворот дела совершенно не согласовывался с его новой ролью пророка. Ла Рок никак не мог справиться с дрожью, сотрясавшей его тело. Впервые за свою карьеру журналист осознал совершенно ясно и отчетливо, в чем состоит разница между комментатором событий и их творцом. Солярианин навлек на него проклятие. За что?!

Вдруг это странное существо просто решило подшутить над ним? А может, слова запрятаны глубоко-глубоко и всплывут лишь после возвращения домой, вызвав на Земле всеобщие шок и замешательство? Вряд ли Призрак имел в виду собственное мнение журналиста... Ла Рок

в отчаянии начал раскачиваться из стороны в сторону. Нет... одно дело, когда передаешь чьи-то идеи и мысли, пропуская их через собственную личность, и совсем другое — вещать самому, обрядившись в одежды пророка.

Все остальные собрались у командного пункта, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он слышал их гомон, от которого ему становилось еще хуже. За что?! За что?! Он чувствовал их взгляды на себе. Он знал: они говорят о нем. Впервые в жизни Пьер Ла Рок хотел умереть.

— А я говорю, его нужно убрать, — твердил Дональдсон, возбужденно размахивая руками. Картавость, прежде почти незаметная, стала сейчас отчетливой. Джейкоб прекрасно понял, что имеет в виду главный механик, и ему стало не по себе. — Неприятностям не будет конца, если он доберется до Земли, — мрачно добавил механик.

Милдред Мартин кусала губы.

— Нет! Это неразумно! Надо запросить Землю, как только мы вернемся на базу. Власти Конфедерации могут принять решение о его изоляции. Но никому не удастся выйти сухим из воды, если мы решимся на физическое уничтожение Питера.

— Довольно неожиданная реакция, Милли, — сухо заметил Джейкоб. — Я-то думал, что вам

будет противна сама идея насильственного устранения. Но никак не ожидал такого прагматизма.

Мартин пожала плечами.

— Теперь-то уж, наверное, все вы поняли, что я представляю одну из фракций в Ассамблее Конфедерации. Питер мой друг, но если мне станет ясно, что долг перед Землей требует убрать его с дороги, я не задумываясь пойду на это. — Она надменно вскинула голову.

Впрочем, удивление Джейкоба было не совсем искренним. Маски скинуты, и вот-вот наступит развязка! Если даже добродушный Дональдсон решился высказаться за физическое устранение репортера, то чего уж ждать от остальных. Милдред Мартин с ее профессиональной бесстрастностью вполне способна подвести хорошую идейную базу под любое самое немыслимое предложение. Он оглянулся на репортера. Ла Рок тоже оставил свое притворство. Страх, похоже, полностью парализовал беднягу.

Дональдсон вскинул указующий перст.

— А вы заметили, что солярианин даже не упомянул о нашем лазерном луче? Луч прошел сквозь него, а ему хоть бы хны! А ведь тот, другой...

— Юнец.

— Ну да, так вот юнец определенно прореагировал.

Джейкоб дернул себя за ухо.

— Загадкам нет конца. Почему взрослое существо избегает приборов? Ему есть что скрывать? Зачем во время предыдущих прыжков надо было угрожать нам? Почему он оставил политику запугивания? Почему вообще он не сразу пошел на общение с нами? Ведь доктор Мартин никогда не расстается со своим пси-шлемом.

— Может, как раз параметрический лазер и помог установить контакт? Своего рода недостающее звено... — предположил один из членов экипажа. — Или он ждал кого-то с более высоким статусом...

Мартин презрительно фыркнула.

— Мы уже выдвигали эту гипотезу во время предыдущего прыжка, но она, как вы знаете, не сработала. Буббакуб контакт симулировал, а Фэгин потерпел неудачу, несмотря на все свои старания... О! — Глаза ее внезапно расширились. — Вы имеете в виду Питера?!

На палубе повисла столь плотная тишина, что, казалось, ее можно резать ножом.

— Джейкоб, как жалко, что у нас не нашлось хотя бы захудалой камеры, — криво ухмыльнулся

Дональдсон. — Она могла бы решить все наши проблемы.

Джейкоб невесело улыбнулся в ответ.

— Deus ex machina[2], так что ли, механик? Вы не хуже меня знаете, что ждать особых милостей от Вселенной нам не приходится.

— У нас есть еще один путь — попросту смириться, — снова заговорила Мартин. — Возможно, нам больше никогда не удастся увидеть взрослых Призраков. На Земле наши рассказы об «антропоморфных фигурах» воспримут скорее всего крайне скептически. Доказательства — лишь размытые фотографии да утверждения двух десятков софонтов, которые с легкостью можно списать на счет массовой галлюцинации.

Она понуро опустила голову.

Джейкоб только сейчас осознал, что рядом с ним, почти касаясь его руки, стоит Хелен. Все это время она молчала.

— Что ж, во всяком случае, «Прыжку в Солнце» ничто отныне не угрожает, — заметил Джейкоб. — Можно смело продолжать исследования Солнца, изучать тороиды. Соляриани ясно дал понять, что они не станут нам мешать.

---

[2] notes: 2
Бог из машины.

— А что с ним? — Дональдсон ткнул пальцем в скорчившегося на полу Ла Рока.

— Сейчас для нас важнее решить, что делать дальше. Мы находимся у нижней границы стада. Я предлагаю подняться и порыскать над стадом. А вдруг соляриане так же сильно отличаются друг от друга, как и люди? Возможно, наш приятель просто был не в духе. — Джейкоб вопросительно взглянул на остальных.

— Я об этом как-то не думала, — равнодушно откликнулась Мартин.

— Пускай П-лазер работает в автоматическом режиме и выдает закодированные английские фразы. На то время, пока мы будем неторопливо продвигаться вверх, сориентируем лазер на стадо в надежде, что он привлечет более благосклонного взрослого солярианина.

— Если таковой обнаружится, надеюсь, я не наложу в штаны от страха, — грубовато заметил Дональдсон. — В прошлый раз я здорово перепугался.

Хелен обхватила себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? Нет? Тогда разрешите мне подвести итог. Я не позволю, — продолжала она, чеканя каждое слово, — ни-

каких опрометчивых действий в отношении мистера Ла Рока. А сейчас объявляю перерыв. Подумайте о том, что нам делать дальше. Пусть кто-нибудь минут через двадцать пригласит Куллу и Фэгина на общее собрание. Пока все.

Джейкоб почувствовал, как ее ладонь робко коснулась его руки.

— Вы в порядке, Хелен?

— Все отлично... — Но улыбка у нее вышла не слишком убедительной. — Просто я... Джейкоб, я хочу с вами поговорить.

— Хорошо.

Хелен покачала головой, казалось, едва сдерживая слезы. Она потянула его к крохотному закутку, прилепившемуся к центральному куполу. Ее кабинет. Задвинув за собой дверь, Хелен расчистила место на небольшом письменном столе и предложила ему сесть. Сама же Хелен прислонилась к двери.

— О Боже, Джейкоб, — выдохнула она, откинув со лба светлую прядь.

— Хелен... — Он рванулся к ней, но она жестом остановила его.

Глаза ее сверкнули.

— Джейкоб, — он видел ее отчаянные усилия взять себя в руки, — я прошу вас об одной любез-

ности. Обещайте мне, что вы никогда и никому не расскажете о том, что сейчас услышите. Я не стану говорить, пока вы не пообещаете мне.

Ее глаза молили.

— Конечно, Хелен. Только...

— Обнимите меня... — Она судорожно всхлипнула и в следующее мгновение уткнулась ему в грудь.

Джейкобу ничего не оставалось, как крепко обнять ее. Он медленно баюкал ее, бормоча какие-то бессмысленные успокаивающие слова. Крупная дрожь сотрясала ее гибкое тело.

— Шшшшш... все в порядке, все в порядке, Хелен, все в порядке...

Мягкие волосы щекотали ему шею, нежный запах старинных духов заполнил все крохотное пространство «кабинета». Он чувствовал, что пьянеет от ее близости. Он ласково гладил ее по спине, по плечам и чувствовал, как расслабляются под его ладонями напряженные мышцы. Постепенно Хелен перестала дрожать, тело ее обмякло. Честно говоря, Джейкоб уже не знал, кто кому тут оказывает любезность. Он много лет не чувствовал себя таким умиротворенным. Его до слез тронуло ее доверие. Он был счастлив, да-да, именно счастлив. Где-то внутри скрипучий голос

ворчливо жаловался на судьбу. Но причитания мистера Хайда были напрасны. Да и существовал ли вообще этот неприятный субъект? Джейкоб чувствовал, как губы его расползаются в идиотически-блаженную улыбку.

Через несколько мгновений Хелен подняла голову, смущенно улыбнулась и хрипло заговорила:

— Я напугана, Джейкоб. Никогда в жизни мне еще не было так страшно. Но все равно нельзя так распускаться. Мне казалось, я смогу оставаться Железной Леди до конца полета, но... но вы... вы были слишком близко... Простите меня.

Джейкоб отметил, что она не делает никаких попыток отстраниться. Он по-прежнему крепко сжимал ее в объятиях.

— Пустяки, не переживайте, — коснулся он губами ее лба, — когда-нибудь я расскажу вам, как это было прекрасно. А ваш страх очень естествен. Я сам чуть рассудка не лишился, когда увидел эти надписи. А ведь любопытство и бесчувственность — суть моей натуры. Реакцию всех остальных вы видели. Просто на вас лежит ответственность за всех.

Хелен не ответила. Она высвободила руки и положила ему на плечи.

— Во всяком случае, — он поправил ей выбившуюся прядь, — во время ваших межзвездных странствий у вас было куда больше причин для страха.

Хелен сверкнула глазами.

— Мистер Демва, вы невыносимы! Вы и ваши навязчивые напоминания о моем опыте! Вы что, полагаете, я всегда была трусихой? Сколько же мне лет, по-вашему?

Джейкоб улыбнулся. Она по-прежнему не делала никаких попыток вырваться из его объятий.

— Ну, с релятивистской точки зрения... — начал он.

— К черту релятивизм! Мне двадцать пять! Запомните это раз и навсегда! Возможно, я и повидала больше вашего, но в реальном мире у меня куда меньше опыта, чем у вас, дорогой мистер Демва. И мой профессиональный уровень никак не влияет на мои чувства! Но я боюсь того, что нужно сохранять выдержку, отвечать за жизнь людей... В этом я не похожа на вас! Вы, с вашей вечной невозмутимостью, удачливый и бесчувственный, этакий герой-дурачок из народных сказок, вы... Капитан Бэлок на «Калипсо» был таким же. Когда мы прорвали безумную блокаду на J-8... А теперь я допущу еще одно нарушение за-

кона и попрошу вас поцеловать меня, поскольку по собственному почину вы, похоже, этого делать не собираетесь!

Она вызывающе взглянула на него. Джейкоб рассмеялся и привлек ее к себе. Какое-то мгновение она сопротивлялась, но затем ее руки обвили его шею, и она приникла к его губам.

Джейкоб снова почувствовал, как она дрожит. Но на этот раз все было иначе. Внезапно с мучительной ясностью он осознал, что прошло больше двух лет с того момента, как... Он резко отшвырнул от себя все воспоминания. Таня мертва! А Хелен так восхитительно жива. Он сжал ее еще крепче и ответил на ее страстный призыв единственно возможным способом.

— У вас превосходные методы лечения, доктор, — лукаво заметила она. — Я словно родилась заново. А вот вы будто не один день провели в центрифуге.

— В центрифуге? Это что еще за зверь? Впрочем, неважно. Надоели мне ваши анахронизмы, мадам! Хочу заметить, вы очень тщеславны. Взгляните только на себя, так и светитесь от гордости, что заставили меня почувствовать себя слитком на наковальне.

— Угу.

Джейкоб не выдержал и рассмеялся.

— Замолчите, вы, невежа, разве вам неизвестно, что к старшим надо относиться с уважением и почтением? Кстати, сколько у нас еще времени?

Он взглянул на часы.

— Около двух минут.

— Черт! Проклятое совещание! Вы только-только начали проявлять ко мне интерес. И кому это пришло в голову назначить столь неудобное время?

— Вам.

— Мне? Ах да! Действительно, мне. В следующий раз я отведу вам не меньше получаса, и мы сможем обсудить наши вопросы более подробно.

Джейкоб неопределенно кивнул. Порой было очень трудно понять, говорит она в шутку или всерьез.

Прежде чем открыть дверь, Хелен обернулась и нежно поцеловала его.

— Спасибо, Джейкоб.

Он ласково коснулся ее щеки, и Хелен на мгновение прижалась к его ладони. Слова тут были излишни.

Она отодвинула дверь и выглянула наружу. Поблизости находился лишь пилот, внимательно следивший за своими приборами. Все остальные,

по всей видимости, уже собрались в буфете.

— Пошли, — позвала она Джейкоба, — проголодалась — страсть! Лошадь бы проглотила.

Джейкоб вздрогнул. Лошадь?! Если он хочет узнать эту женщину получше, его воображение должно быть готово к подобным упражнениям. Лошадь... Надо же!

Он шел вслед за Хелен, любуясь непринужденным изяществом ее походки. Джейкоб был настолько поглощен этим зрелищем, что не заметил, как мимо корабля скользнул гигантский тороид. Его вращающиеся бока были украшены замысловатыми звездами и молочно-белым нимбом.

24. СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Джейкоб и Хелен присоединились к остальным. Кулла, привстав на цыпочки, извлекал пустую банку диетического напитка из-под листвы Фэгина. Шаря одной рукой в зарослях разумного куста, другой прингл сжимал еще одну банку.

— Еще раз приветствую вас, друзья мои, — пропел кантен. — Прингл Кулла любезно согласился помочь мне принять диетическую добавку. При этом, боюсь, он совершенно забыл о собственном

питании.

— Вше в порядке, шэр, — прошепелявил Кулла.

Джейкоб вытянул шею. Это был очень удобный случай узнать побольше о физиологическом устройстве Фэгина. Кантен как-то сказал ему, что у представителей его вида отсутствует какая-либо стыдливость. Так что теперь он, наверное, не станет возражать, если его старый приятель проявит несколько чрезмерное любопытство.

Что же там орошал Кулла? Джейкоб попытался заглянуть через плечо прингла, но тот резко дернул рукой, освобождая зацепившийся за ветку рукав своего просторного одеяния. Удар пришелся прямо в глаз. Джейкоб вскрикнул и, не удержав равновесия, отлетел в сторону.

Громко застучали фарфоровые пластинки. Банки выпали из рук испуганного Куллы и покатились по палубе. Джейкоб поспешно вскочил на ноги и яростно взглянул на Хелен, тщетно пытавшуюся сдержать душивший ее смех. Затем перевел взгляд на трясущегося прингла.

— Не беспокойтесь, Кулла, — он поднял руку, — ничего страшного не произошло. Я сам виноват. Кроме того, у меня в запасе есть еще один глаз.

Он подавил желание потрогать саднящую бровь. Кулла поднял на него засветившиеся глаза.

Стук постепенно стих.

— Вы очень любежны, друг Джейкоб, — с трудом выговорил он, — в подобных иншидентах между подопечным и предштавителем штаршей рашы именно подопечный нешет ответштвенношть. Шпашибо вам, вы очень добры.

— Да будет вам, дружище! — Джейкоб махнул рукой и постарался улыбнуться как можно натуральней. Далось это ему нелегко, он так и чувствовал, как заплывает глаз. И все же надо поскорей сменить тему, иначе бедняга совсем растеряется. — А что касается глаза, так я читал, что большинство видов, обитавших прежде на планете Прингл, вполне обходились одним органом зрения. До тех пор, пока не появились пилы со своими генетическими программами.

— Да, Джейкоб. Пилы наделили наш двумя глажами иж... эштетичешких шоображений, ведь большинштво двуногих в Галактике имеют бинокулярное жрение. Они не хотели, чтобы другие младшие рашы дражнили наш.

Джейкоб нахмурился. За всем этим явно что-то скрывалось... Мистер Хайд наверняка уже во всем разобрался, но предпочитает отмалчиваться исключительно по причине дурного нрава. Вот скотина! И где это чертово подсознание?! Когда

не нужно, оно так и прет наружу, когда же необходима его помощь...

— Но, дружище Кулла, я также читал, что представители вашего вида жили на деревьях, и... даже были брахиатами, если я ничего не путаю...

— Что это такое? — оглушительным шепотом осведомился за его спиной Дональдсон.

— Они предпочитали проводить время, повиснув на дереве, — так же шепотом ответила Хелен, — тише вы!

— Но если у ваших предков имелся только один глаз, то каким образом они могли оценивать расстояние при прыжках с дерева на дерево?

Не успел Джейкоб договорить, как его охватило ликование. Вот оно! Что, любезный мистер Хайд, не только вы чего-нибудь стоите? Это все Хелен, все ее благотворное влияние. Теперь ответ Куллы его нисколько не интересовал. Джейкоб упивался победой над своим ловким соперником.

— Я думал, вы жнаете, друг Джейкоб. Я шлышал, как комендант де Шильва объяшняла перед первым прыжком, что мое вошприятие отличаетшя от вашего. Мои глажа шпошобны определять не только интеншивношть ижлучения, но и его фажу.

— Вот как? — Разговор и в самом деле становил-

ся чрезвычайно интересным. «Надеюсь, Фэгин даст мне знать, когда я коснусь болезненной для Куллы темы». — Но ведь излучение солнечного света, если на пути его распространения имеются препятствия, непостоянно. Подобную систему используют дельфины в звуковом диапазоне. Они также воспринимают фазу волны, но при этом сами обеспечивают когерентность, издавая сигналы через строго определенные промежутки времени. — Джейкоб отступил назад, выдерживая паузу, словно умелый актер. Под ногой что-то треснуло, он рассеянно подобрал одну из упавших банок. — Так что, если даже ваши предки и воспринимали фазу излучения, то в отсутствие когерентного источника эта способность была абсолютна бесполезна. — Джейкоб чувствовал, как внутри него нарастает возбуждение. Он облизнул внезапно пересохшие губы. — Лазер! Природный лазер! Неужели в ваших лесах есть источники лазерного излучения?!

— Черт побери, это становится интересным! — проворчал за его спиной Дональдсон.

Куллa кивнул.

— Да, Джейкоб. Мы нажываем их, — фарфоровые давилки начали выбивать сложный ритм, — раштениями... Прошто не веритша, что вы

шмогли догадатша о них на ошновании штоль малого количештва данных. Ваш можно пождравить. Когда мы вернемша на Меркурий, я обяжательно покажу их изображения.

Джейкоб взглянул на Хелен, как-то странно улыбавшуюся ему. Где-то в глубинах его мозга раздался отдаленный рокот, но он не обратил на него внимания.

— Мне было бы очень интересно, Кулла.

В руке Джейкоб по-прежнему сжимал банку. В воздухе стоял аромат свежескошенной травы.

— Вот, Кулла, ваш завтрак. — Он протянул принглу банку, рассеянно взглянув на надпись на этикетке. И тут же почти вырвал банку из руки чужака.

— Милли, идите скорее сюда! Взгляните! — Он протянул банку Мартин, ткнув пальцем в этикетку.

— Алкалоидная смесь?.. Альфа-ацетонил-бензил-гидроксикумарин? — Она подняла на него непонимающий взгляд, затем глаза ее расширились. — Варфарин! Это же варфарин! Так, значит, он служит диетической добавкой в питании принглов! Но каким образом она попала в аптечку Дуэйна?

Джейкоб смущенно улыбнулся.

— Боюсь, недоразумение возникло исключительно по моей вине. Как-то на «Брэдбери» мне не спалось, и я решил выпить кофе, но по рассеянности заказал питание Куллы. В тот момент я был настолько сонным, что начисто забыл об этом происшествии. И таблетка, по-видимому, попала в один карман с лекарствами Кеплера. В итоге и возникла вся эта путаница. Ситуацию усугубило то, что диетическая добавка Куллы оказалась идентична старому земному яду. Сколько же я наделал ошибок! Я ведь решил, что это Буббакуб подсунул доктору Кеплеру яд, но, честно говоря, уже тогда эта теория мне не нравилась.

Он виновато пожал плечами.

— Что касается меня, то я рада, что все наконец выяснилось, — рассмеялась Мартин. — Всеобщая подозрительность не самое приятное на свете!

Конечно же, открытие это не имело уже никакого значения, но разрешение загадки, изрядно попортившей всем кровь, существенно подняло настроение.

Лишь Ла Рок не присоединился к всеобщему ликованию, предпочитая прохаживаться в стороне, что-то бормоча себе под нос и загадочно улыбаясь. Мартин позвала его, но он лишь покачал головой и продолжил прогулку по периметру

корабля.

Хелен коснулась руки Джейкоба, все еще сжимавшей банку Куллы.

— Кстати, о совпадениях... Вы внимательно прочли формулу пищевой добавки Куллы? — Она бросила на него многозначительный взгляд.

В этот момент прингл, вежливо отступивший в сторону, снова придвинулся к нему.

— Джейкоб, ешли вам больше не нужен мой жавтрак, то можно, я жаберу его?

— Что? Ах да! Конечно же, вот держите. Так что вы там говорите, Хелен?

Он любовался ее прелестным лицом, не слыша, что она говорит. Типичный признак начальной стадии влюбленности — никак не можешь сосредоточиться на смысле слов объекта обожания.

— ...Я говорю, что, когда доктор Мартин зачитывала вслух формулу диетической добавки, я заметила очень интересное совпадение. Помните, мы недавно говорили о лазерах на органических красителях? Так вот...

Голос Хелен снова отдалился. Джейкоб видел, как движутся нежные губы, но ничего не слышал. Одно лишь слово стучало в мозгу раскаленным молотом: кумарин. Кумарин.

Он чувствовал поднимающуюся изнутри

дрожь. Нервные окончания не выдерживали напряжения. Мистер Хайд мощно и настойчиво стремился на волю, не давая сосредоточиться на словах Хелен. Он мог лишь понять, что она отправляется в полет на «Калипсо» и хотела бы взять его с собой.

Неужели мистер Хайд ненавидит Хелен? Догадка выглядела просто ошеломляющей. Впервые после смерти Тани он может попытаться полюбить, и... Жгучая боль стиснула череп раскаленным обручем. Откуда такая ненависть?! Мистер Хайд нарушил их соглашение! Он давно уже знает все, но таит свои знания в темном болоте подсознания. Невыносимое ощущение.

— Джейкоб, с вами все в порядке? — пробился сквозь пелену голос Хелен.

Он поднял на нее затуманенный взгляд. В глазах Хелен читалась нескрываемая тревога. Из-за ее плеча на него в упор уставился Кулла.

— Хелен, — резко сказал Джейкоб, — пожалуйста... рядом с панелью я оставил коробочку с таблетками от головной боли... Вы не могли бы принести ее? — Он сморщился от нового приступа.

Паника билась внутри, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

— Хорошо, я мигом! — Хелен быстрым шагом направилась к пульту управления.

Джейкоб вздохнул с облегчением. Ушла. Он скользнул взглядом по остальным. У всех на поясе болтались защитные очки. Лишь комендант, опытнейшая и осмотрительнейшая де Сильва, напрочь забыла о мерах безопасности.

Направляясь к пульту управления, Хелен никак не могла справиться с охватившими ее сомнениями. Джейкоб не оставлял никакой коробочки с лекарствами! Она бы знала об этом. Он просто хотел избавиться от нее. Но почему? Она оглянулась. Джейкоб извлек из пищевого автомата протеиновый шарик и непринужденно направился к П-лазеру. У люка в гравитационную петлю стоял Кулла, не сводя с него пристальных светящихся глаз.

Джейкоб совершенно не походил на человека, испытывающего приступ головной боли! Хелен почти обиделась. Что ж, раз этот чертов индеец не хочет, чтобы она была рядом с ним, тем лучше! Надо сделать вид, что она ищет проклятые таблетки! Она уже собиралась отвернуться, как вдруг Джейкоб споткнулся об один из корней Фэгина и растянулся на палубе. Протеиновый шарик покатился, остановившись у основания

П-лазера. Прежде чем Хелен успела что-либо сообразить, Джейкоб с глупейшей улыбкой вскочил на ноги и бросился подбирать свою дурацкую подкормку. Хелен внимательно следила за его непонятными манипуляциями. Вот он наклонился, чтобы поднять шарик, неуклюже при этом задев ствол лазера.

В следующее мгновение синее сияние залило палубу. Раздались испуганные крики. Хелен, инстинктивно прикрыв глаза одной рукой, другой потянулась к поясу за защитными очками. Но их там не было!

Кресло! Она забыла их там! Вот дура!

Кресло находилось футах в трех от нее. Не открывая глаз, Хелен прикинула, в каком направлении ей следует двигаться, и, не теряя времени, одним прыжком-падением, преодолела расстояние. Слава Богу, очки здесь! По-прежнему не открывая глаз, Хелен натянула очки, и только тогда решилась оглядеться.

Повсюду мелькали яркие блики. Луч, потерявший строго радиальное направление, отражался от вогнутой поверхности оболочки, накрыв палубу лазерной сетью. Свет, промодулированный «кодом для установления контакта», мерцал на палубе и на поверхности центрального купола.

Возле пищевых автоматов на полу скрючились человеческие тела. Никто не делал попыток подобраться к П-лазеру и отключить его. Черт побери, где же Джейкоб и этот увалень Дональдсон?! Неужели их ослепило в первое же мгновение?!

У люка в гравитационную петлю толкалось несколько фигур. В стробоскопическом мельтешений Хелен с трудом узнала Демву, главного механика и... Куллу. Что... что они, черт возьми, там делают?! Она не верила своим глазам — Джейкоб, похоже, пытался нахлобучить на голову Куллы мешок!

Времени на размышления больше не было. Впрочем, как и особого выбора. Первым делом надо отключить лазер, а потом уже разбираться. Уворачиваясь от синих лучей, Хелен метнулась к П-лазеру и ударила по переключателю.

Световая чехарда разом прекратились, если не считать какой-то странной запоздавшей вспышки, мелькнувшей у люка в гравитационную петлю. За вспышкой последовал леденящий душу вопль. В наступившей тишине отчетливо послышались стоны, раздававшиеся со всех сторон.

— Капитан, что это?! Что происходит? — загремел по внутренней связи встревоженный голос пилота. Хелен схватила ближайший микрофон.

— Хьюз, — быстро произнесла она, — что с кораблем?

— Все нормально. По счастью, я заранее надел защитные очки. Но что случилось, командир?!

— П-лазер сместился. Действуйте, как обычно. Держитесь неподалеку от стада. Я скоро подойду. — Она бросила микрофон.

— Чен! Дубровский! Кто-нибудь! — Она пыталась разглядеть в красном полумраке, что делают все остальные.

— Я здесь, командир! — Это был голос Чена.

Вместо ответа Хелен выругалась и сорвала с лица мешающие очки. Чен склонился у люка над скорчившейся на палубе фигурой.

— Дубровский мертв, командир. — Он поднял на нее глаза. — Ему выжгло глаза.

Доктор Мартин скрючилась у основания ствола Фэгина. Заметив Хелен, кантен тихо свистнул.

— С вами все в порядке? — быстро спросила она.

Фэгин издал протяжный звук, отдаленно напоминавший утвердительный ответ. Мартин приподнялась на коленях, тряся головой. Очки на ее лице перекосились. Хелен помогла ей подняться и осторожно сняла очки.

— Давайте, доктор, у вас появились пациенты.

— Она потянула ее за руку. — Чен! Быстрее аптечку! Давайте же, доктор, шевелитесь!

У Мартин внезапно подкосились ноги, и она беспомощно опустилась на пол.

Хелен стиснула зубы и резко дернула ее за руку, рывком подняв на ноги. Мартин пошатнулась, но устояла.

Хелен с размаху ударила ее по щеке.

— Очнитесь, Милли! Или вы сейчас же займетесь пострадавшими, или я выбью вам все зубы! — Она поразилась собственной ярости.

Мартин вяло кивнула, и, как сомнамбула, двинулась к лежавшим без движения Джейкобу и Дональдсону.

Джейкоб застонал и слегка пошевелился. Хелен почувствовала, как силы оставляют ее. Она опустилась на колени и осторожно отвела его руку, прикрывавшую лицо. Ожоги выглядели незначительными, глаза не пострадали. Глубоко вздохнув, она поднялась и подвела беспомощную Мартин к Дональдсону. Главному механику опалило всю левую половину лица. Левое стекло защитных очков было разбито.

Появился тяжело дышащий Чен. В руках он держал аптечку.

Доктор Мартин вздрогнула, словно приходя в

себя, и подняла глаза на Чена.

— Вам нужна помощь, доктор?

Мартин покачала головой и протянула руку за аптечкой.

— Справлюсь.

Она опустилась на палубу около Дональдсона и принялась раскладывать инструменты.

Хелен повернулась к Чену.

— Найдите Ла Рока и Куллу! Как только кого-нибудь из них обнаружите, немедленно сообщите.

Джейкоб снова застонал и попытался приподняться. Хелен вытащила из кармана платок и, смочив в ближайшем питьевом фонтанчике, уселась на пол рядом с Джейкобом. Бережно положив его голову к себе на колени, она принялась осторожно промывать раны. Он скривился от боли.

— Ох... — он снова застонал, — надо было учесть... Его предки лазали по деревьям... Сил у него не меньше, чем у наших шимпанзе. А на вид такой дохляк!

— Может, объяснишь мне, что ты тут устроил? — тихо спросила она, не прекращая своего занятия.

Джейкоб замычал от боли. Левую руку он сунул за спину и попытался что-то выдернуть из-под

себя. После пары неудачных попыток ему удалось вытащить большой мешок из-под защитных очков. Он изумленно взглянул на него и отшвырнул в сторону.

— Голова просто раскалывается, — пожаловался он Хелен и с ее помощью привел себя в сидячее положение.

— Кулла, случайно, не валяется где-нибудь здесь без сознания? Мне казалось, что ударил я его как следует.

— Я не знаю, где Кулла! — в сердцах воскликнула Хелен. — Так что же...

По внутренней связи зазвучал голос Чена:

— Командир! Я нашел Ла Рока. С ним все в порядке, он все это время просидел с другой стороны от купола и ничего не знает о случившемся!

Джейкоб на четвереньках подполз к Мартин и быстро заговорил. Хелен поднялась и подошла к ближайшему креслу. Вытянув микрофон, она спросила:

— Чен, вы видели Куллу?

— Нет, его нигде нет! Должно быть, он на обратной стороне корабля. — Чен запнулся. — У меня такое впечатление, что здесь кто-то дрался. Вы не знаете, что все-таки случилось?!

— Нет, Чен, но как только что-нибудь выясню,

сразу сообщу. А пока лучше помогите Хьюзу.

Джейкоб уже поднялся и, прихрамывая, подошел к ней.

— С Дональдсоном все будет в порядке, но глаз ему понадобится новый. Хелен, я собираюсь отправиться на поиски Куллы. Мне нужен в помощь кто-нибудь из твоих людей. А ты как можно быстрее выводи нас отсюда!

Она в ярости взглянула на него.

— Да ты только что убил моего человека! Дубровский мертв! Дональдсон потерял глаз! И ты требуешь, чтобы я помогла тебе охотиться на Куллу?! Да ты не в себе!

— Я никого не убивал, Хелен.

— Не убивал?! Да я собственными глазами видела, как ты толкнул П-лазер! Ты во всем виноват, только ты! Зачем ты напал на Куллу?

— Хелен, — Джейкоб сморщился и схватился за голову, — нет времени объяснять. Я хочу, чтобы ты поняла: главное сейчас — выйти из хромосферы! Ты должна вывести нас. Теперь, когда я раскрыл его, он способен на все.

— Объясни!

— Я... я намеренно толкнул лазер... я...

Космический костюм так плотно облегал фигуру Хелен, что, казалось, спрятать глушитель

нет никакой возможности, но тем не менее в руках коменданта откуда ни возьмись появился миниатюрный предмет.

— Продолжай, — ровным голосом приказала она.

— Кулла следил за мной. Если бы я объявил о своей догадке, он тут же ослепил бы нас всех! Я намеренно отослал тебя подальше, а сам постарался добраться до мешка с защитными очками. Лазер я толкнул, чтобы запутать Куллу.

— И убил ни в чем не повинного человека!

Джейкоб едва справился с подступившим приступом гнева.

— Послушай, ты, идиотка! Я направил луч вниз! Вниз, ты понимаешь?! Он мог ослепить, но никак не выжечь глаза! Если ты мне не веришь, то давай, стреляй! Свяжи меня по рукам и ногам! Делай, что хочешь, но только выводи нас отсюда! Иначе он нас убьет.

— Кулла?

— Да, черт побери! Испепелит нас своими дьявольскими глазами! У него же вместо глаз лазеры! Кумарин! Ты же сама мне рассказывала! Его «диетическая добавка» — это лазерный краситель! Кулла убил Дубровского в тот момент, когда мы втроем набросились на него! Он лгал, рассказы-

вая о существовании лазерных деревьев на своей планете! У принглов имеется собственный источник когерентного света. Во всем виноват Кулла! Это он пугал нас изображениями гуманоидных Призраков! И это... О! — Джейкоб в отчаянии махнул рукой. — Какой же я идиот! Ведь если его глаза являются настолько тонким инструментом, что способны создавать изображения Призраков на внутренней поверхности оболочки корабля, то, значит, он может вмешиваться и в работу оптических компьютеров Библиотеки! Это он так запрограммировал компьютеры, что они определили Ла Рока как поднадзорного, и это он... А я... я ведь в этот момент находился рядом с ним! Я лично наблюдал, как Кулла перепрограммировал корабль Джеффа! Пока я любовался световыми потоками, это чудовище... — Джейкоб застонал.

Хелен отшатнулась и затрясла головой.

— Нет! Нет!

Джейкоб умоляюще взглянул на нее.

— Почему именно Кулла всегда первым обнаруживал появление гуманоидных Призраков? Почему никто не наблюдал их во время того прыжка, когда он вместе с Кеплером находился на Земле? И как я не сообразил, зачем он настоял на том, чтобы и у него тоже взяли изображение

«сетчатки»!

Хелен лихорадочно пыталась собраться с мыслями. Это невозможно! Чудовищно!

— Хелен, ты должна мне поверить! — Джейкоб устало взглянул на нее и отвернулся.

Какое-то мгновение она в упор разглядывала его, затем с проклятием кинулась к микрофону.

— Чен! Немедленно уходим! Никаких предупреждений, никаких задержек! Уходим! Включайте двигатели на полную мощность и вперед! Систему сжатия времени переведите в максимальный режим! Я хочу как можно скорее увидеть над головой черное небо!

— Слушаюсь, командир!

Корабль дернулся. Хелен и Джейкоб едва устояли на ногах.

Она снова заговорила в микрофон:

— Внимание всем! С этого момента запрещено снимать защитные очки! Постарайтесь как можно быстрее занять свои места и пристегнуться. Хьюз, немедленно сообщите, что происходит за люком гравитационной петли!

Корабль быстро набирал скорость. Тороиды стремительной чередой неслись навстречу. Каждый раз, когда очередной обитатель хромосферы оказывался ниже плоскости палубы, он ярко

вспыхивал, словно прощаясь с пришельцем.

— Мне тоже следовало догадаться, — потерянно сказала Хелен. — А я вместо этого отключила лазер и, наверное, позволила ему уйти.

Джейкоб быстро поцеловал ее.

— Ты не могла знать. На твоем месте я бы тоже прежде всего занялся лазером.

Она перевела взгляд на тело Дубровского. Губы ее задрожали.

— Ты отослал меня, потому что...

— Командир, — раздался голос Чена, — у меня проблемы. Система сжатия времени выходит из-под контроля. Мне нужна помощь Хьюза. Кроме того мы потеряли связь с базой.

Джейкоб сжал кулаки.

— Сначала лазерная связь, затем система сжатия времени, потом система управления гравитацией и наконец стасис-экраны. Все очень логично.

Хелен поднесла к губам микрофон.

— Нет, Чен, Хьюз мне нужен здесь. Придется вам действовать в одиночку.

Она отключила связь и твердо взглянула на Джейкоба.

— Я иду с тобой.

— Нет. — Джейкоб надел защитные очки и

подобрал пустой мешок. — Если Кулла выведет из строя все системы, то мы изжаримся в буквальном смысле. Но если мне удастся задержать его хоть ненадолго, то у нас есть шанс выбраться отсюда. И вывести нас сможешь только ты. Пожалуйста, дай мне твое оружие. Вдруг пригодится.

Хелен послушно протянула ему глушитель. Она понимала: спорить сейчас глупо, оставалось лишь безропотно передать бразды правления Джейкобу Демве.

Спокойное гудение двигателей сменилось низким тревожным воем. Джейкоб вопросительно взглянул на нее.

— Отключилась система сжатия времени, у нас его почти не осталось, — спокойно ответила Хелен.

25. СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ

Джейкоб скорчился в тесном проеме люка, готовый в любой момент выскочить наружу. Пока все шло хорошо. В гравитационной петле, по счастью, Куллы не оказалось.

Петля, связывавшая две стороны корабля, была идеальным местом для засады. Но Джейкоба отсутствие Куллы не слишком удивило. На то

имелись две причины. Прежде всего Кулла не стал устраивать здесь засады из чисто практических соображений. Оружие прингла действовало лишь в зоне прямой видимости, петля же круто изгибалась, так что преследователь имел возможность продвигаться незаметно. Кроме того, любой предмет, брошенный вдоль петли, пролетал ее всю, не снижая скорости. Когда они с Хьюзом начали подъем по петле, то на всякий случай решили метнуть несколько ножей. Ножи они подобрали на обратной стороне неподалеку от выхода из петли в луже нашатырного спирта, которым усердно орошали свой путь, продвигаясь вперед.

Разумеется, Кулла мог поджидать их сразу за люком. Но имелась еще одна причина, которая заставила прингла забыть о безопасности тылов. Он спешил. Кулла мог рассчитывать на успех, только пока солнечный корабль не удалился достаточно далеко. Выйди они в открытый космос, и хромосферные бури тут же потеряют опасность. Прочная зеркальная оболочка достаточно хорошо отражает тепло, так что они смогут продержаться до прибытия помощи. Поэтому Кулле необходимо как можно скорее покончить с ними. Впрочем, и с самим собой. Джейкоб нисколько не сомне-

вался, что прингл уже добрался до компьютера и сейчас с помощью своих лазерных глаз пытается вмешаться в работу защитных программ. Зачем Кулла все это затеял, гадать было некогда.

Хьюз подобрал ножи, пополнив боевой арсенал преследователей, в который входили также пластиковый мешок, несколько баллончиков с нашатырным спиртом и миниатюрный глушитель Хелен.

По классической схеме один из них должен был пожертвовать собой, выманив Куллу, а другой тем временем прикончил бы врага. Существовало два варианта: либо им нужно приблизиться к Кулле одновременно с разных сторон, либо один должен двигаться чуть впереди, отвлекая внимание прингла. Другой же, с индейским воплем выпрыгнув из-за спины своего героического друга, пустил бы в ход глушитель.

Но, к сожалению, ни один из этих планов не годился. Проблема заключалась в том, что их противник в прямом смысле убивал взглядом. Правда, положение несколько облегчалось одним обстоятельством: если для создания «взрослых» Призраков энергии требовалось скорее всего немного, то использовать лазерные глаза в качестве оружия Кулла наверняка долго не мог.

Джейкоб не помнил, сколько раз прингл выстрелил на верхней стороне... Хотя, возможно, это и не имело решающего значения. Ведь у Куллы было целых два глаза и всего лишь два противника. Достаточно и по одному выстрелу из каждого глаза.

Кроме того — и вот это Джейкобу уж совсем не нравилось, — они не имели никакого понятия, как далеко простираются способности прингла. А вдруг Кулла может следить за ними по отражениям от внутренней оболочки? Убить их с помощью отражений он, конечно, не сумеет. Слабое утешение!

Если бы многократные отражения не столь сильно ослабляли излучение параметрического лазера, то был бы шанс поразить чужака, пустив пучок по всему кораблю. Люди и Фэгин могли бы пока укрыться в гравитационной петле.

Джейкоб чертыхнулся про себя. Почему они так медлят с запуском лазера? Рядом с ним Хьюз что-то тихо бормотал по внутренней связи. Закончив говорить, он взглянул на Джейкоба.

— Они готовы.

Защитные очки хотя и выполнили свою функцию, но резкий свет, заливший стенки внешней сферы, все же бритвой полоснул по глазам.

Хелен и доктор Мартин скорее всего подтащи-

ли П-лазер к самому краю палубы. По расчетам коменданта, луч должен был отразиться от купола как раз против компьютера. К сожалению, узкий промежуток между палубой и оболочкой не позволял направить луч напрямую. А отраженное излучение скорее всего не нанесет Кулле никакого вреда.

Тем не менее внезапная вспышка, похоже, изрядно напугала Куллу. В тот самый момент, когда наверху включили лазер и Джейкоб с Хьюзом зажмурились, со стороны компьютера донесся громкий стук фарфора. Потом возник шум.

Когда глаза немного привыкли к слепящему сиянию, Джейкоб смог различить в воздухе тонкие яркие линии. Это луч П-лазера рассеивался по висящей в воздухе пыли. Очень удачно. Теперь хотя бы не надо думать о том, чтобы не напороться на него.

— Внутренняя связь на максимуме? — громко спросил он.

Хьюз вскинул вверх большой палец.

— Хорошо, тогда пошли!

П-лазер беспорядочно менял оттенки, не выходя за пределы сине-зеленого диапазона. Джейкоб рассчитывал, что в этом случае Кулла не сможет уловить отражения от внутренней оболочки.

Он скомандовал:

— Раз. Два. Три. Вперед!

Стрелой проскочив открытый промежуток, Джейкоб нырнул за одну из огромных телекамер на краю палубы. В следующее мгновение он услышал, как Хьюз тяжело приземлился у соседней камеры.

Он оглянулся. Пилот взмахнул рукой.

— Ничего нет! — хрипло прошептал Хьюз.

С помощью зеркальца из аптечки Джейкоб постарался рассмотреть, что находится за углом камеры. Хьюз на своем месте проделывал те же манипуляции, пустив в ход зеркало из косметички Милли Мартин.

Куллы нигде не было.

Вдвоем они могли видеть больше половины всей палубы. Компьютер находился по другую сторону купола, чуть за пределами поля зрения Хьюза. Джейкобу предстоял долгий путь по кругу от одной камеры к другой.

На стенках корабля вспыхивали и тут же гасли сине-зеленые блики параметрического лазера, полностью перекрывая красное сияние хромосферы. Призрачная дымка мерцала в воздухе. Несколько минут назад корабль покинул большое волокно, стадо тороидов осталось в сотне

миль внизу.

Внизу, то есть как раз над их головами. Джейкоб поморщился. Фотосфера с Большим Пятном отсюда представлялась бесконечным бурлящим потоком, с которого живыми сталактитами свисал лес колеблющихся спикул.

Он продолжал двигаться вперед, неслышной ящерицей извиваясь меж обзорных телекамер. Внезапно прямо перед собой Джейкоб увидел яркую синюю полосу. Он резко вскочил и, перепрыгнув через смертоносный луч, кубарем покатился к следующему укрытию. Отдышавшись, он достал из кармана зеркальце. Куллы по-прежнему нигде не было видно.

Хьюза тоже. Джейкоб дважды коротко свистнул, давая знать, что перед ним все чисто. Хьюз ответил.

Со следующим лучом Джейкоб решил не рисковать и осторожно прополз под ним. Всякий раз, преодолевая открытое пространство, он чувствовал, как натягивается кожа в ожидании прожигающей насквозь вспышки. Надо бы успокоиться. Он прислонился щекой к холодному корпусу очередной телекамеры. Что-то здесь не так. Он тяжело дышал, сердце с силой бухало в груди. «Почему я так устаю?! Что со мной? Что-то

здесь не то».

Джейкоб судорожно сглотнул и осторожно выставил зеркальце. Боль резкой вспышкой пронзила пальцы. Вскрикнув, он выронил зеркальце и затряс обожженной рукой.

В следующее мгновение мозг автоматически погрузился в легкий транс. Искры в глазах гасли по мере того, как боль отделялась от него. Но вот волна облегчения схлынула, словно невидимый противник набрался сил и с новой энергией потянул канат на себя, таща его в черную пропасть нестерпимой боли. Надо остановиться. Удовлетвориться достигнутым уровнем, иначе можно потерять все.

Чертов мистер Хайд и его проделки! Нашел время для своих игр! Джейкоб взглянул на руку. Боль чуть отступила. Указательный и безымянный пальцы были обожжены очень сильно, остальные пострадали меньше.

Ему удалось подать Хьюзу условный сигнал. Что ж, пришла пора привести в действие их план. Единственный план, который имел хоть какие-то шансы на успех.

А он состоял в том, чтобы успеть вывести корабль в открытый космос. Система сжатия времени не работала — ее Кулла вывел из строя

в первую очередь. В результате субъективное время почти совпадало с реальным.

Поскольку нападение на Куллу вряд ли будет успешным, то лучший способ оттянуть гибель корабля — это поговорить с принглом.

Облокотившись о голографическую камеру, Джейкоб сделал два глубоких вдоха, внимательно прислушиваясь к каждому звуку. Кулла всегда передвигался очень шумно. Именно на это обстоятельство Джейкоб и рассчитывал в том случае, если пингл решит напасть на них. Только бы выманить его на открытое пространство! Уж тогда он не упустит шанса, и глушитель Хелен исполнит свою миссию, благо пучок у него широкий и прицеливаться особо не надо.

— Кулла! — негромко позвал он. — Вы не считаете, что зашли слишком далеко? Почему бы вам не выйти и не поговорить со мной?

Джейкоб замолчал и прислушался. Откуда-то донеслось слабое жужжание, словно пингл изо всех сил старался сдержать стук фарфоровых давилок. Во время драки на верхней палубе им с Дональдсоном приходилось, помимо всего прочего, то и дело уворачиваться от этих ослепительных молотилок.

— Кулла! — снова позвал он. — Я знаю, что

глупо судить чужака по законам своего вида, но я искренне считал вас другом. Вы обязаны хотя бы объясниться! Поговорите с нами. Если вы действуете по приказу Буббакуба, то не надо бояться. Я обещаю вам, что вы не будете слишком наказаны!

Жужжание усилилось. Послышалось усталое шарканье. Раз. Два. Три... Шаги смолкли. Слишком мало, чтобы определить направление!

— Джейкоб, я прошу у ваш прощения. — Шелестящий голос Куллы заполнил палубу. — Прежде чем мы умрем, я хочу ш вами поговорить, но шначала я прошу выключить лажер. Мне очень больно.

— Кулла, моя рука тоже болит.

В голосе Куллы послышалось раскаяние.

— П-п-проштите меня, Джейкоб. Пожалуйшта, проштите. Вы мой друг. Отчашти я делаю это для ваш и вашей рашы. Это прештупление необходимо. Как хорошо, что шмерть уже так ближко, и я ошвобожушь от швоей памяти.

Софистика чужака потрясла Джейкоба. Уж чего-чего, а подобных стенаний недоученного студента он от Куллы никак не ожидал. Он обдумывал ответ, как вдруг по внутренней связи раздался негромкий голос Хелен:

— Джейкоб! Ты слышишь меня? Гравитационные двигатели теряют мощность. Скорость падает.

Она замолчала. Да продолжения и не требовалось — все и так было яснее ясного. Если немедленно не предпринять решительных действий, то им предстоит долгое падение на Солнце. Дорога, ведущая в никуда.

Когда корабль окажется в пределах досягаемости конвекционной ячейки, его затянет внутрь солнечного ядра. Если к тому времени от корабля, конечно же, хоть что-нибудь останется.

— Видите ли, Джейкоб, — снова зашепелявил Кулла, — тянуть время нет уже никакого шмышла. Вше кончено. Я жнаю, что вы уже ничего не шможете ишправить. Но, пожалуйшта, поговорите со мной, Джейкоб. Я не хочу умереть вашим врагом.

Джейкоб не отрывал глаз от перистых облаков хромосферы. Потоки раскаленного газа двигались «вниз», в направлении, противоположном движению корабля, но это могла быть просто особенность конвекционных процессов в ограниченной области. И несомненно, это движение замедлилось. Возможно, корабль уже начал падение в ад.

— Вы очень пронишательны, Джейкоб. Вы шмогли рашкрыть мою миштификашию, ошновываяшь лишь на кошвенных швидетельштвах. И вы блештяще разобралишь в иштории моей рашы! Шкажите, ваш не поражает, что фантомы иногда появлялишь наверху, когда я находилша на обратной штороне?

Джейкоб напряженно размышлял. Он никак не мог ухватить ускользающую суть.

— Наверное, вы просто перегибались через край палубы и посылали свой луч сквозь удерживающее поле. Это, кстати, хорошо объясняет, почему изображение иногда выглядело искаженным. На самом же деле мы наблюдали его отражение от внутренней оболочки.

Внезапно его осенило. И как он раньше не догадался! Яркая вспышка в Бахе. Ведь открыв глаза, он тогда увидел перед собой именно Куллу! Должно быть, в тот момент прингл снимал его голограмму. Отличный способ запомнить незнакомца с первой же встречи!

— Кулла, — медленно продолжил он, — не хочу выглядеть злопамятным, но все-таки мне было бы интересно узнать, почему я так странно повел себя во время предыдущего прыжка? Это ваши шутки?

Кулла молчал. Пауза затягивалась. Дробно выстукивал фарфор. Когда прингл наконец заговорил, его шепелявость усилилась настолько, что Джейкоб с трудом разбирал слова.

— Я ошень шожалею, но вы штановилишь шлишком любопытным, нужно было шкомпрометировать ваш. Но мне это не удалошь. — Круглая голова Куллы печально поникла.

— Но каким образом...

— Как-то доктор Мартин рашкаживала о влиянии направленного швета на человечешкую пшихику. — Впервые на памяти Джейкоба сверхпочтительный прингл решился прервать своего собеседника! — Я нешколько мешяшев проводил экшперименты над доктором Кеплером. И над Ла Роком, и над Джеффом, и... над вами, Джейкоб. Я выяшнил, что наиболее эффективен ужкий полярижованный луч. Человечешкий глаж не шпошобен зарегиштрировать его, но швет путает мышли, мешает шошредоточитша. Я не жнал, какая у ваш окажетша реакшия, но надеялша, что она вше же шмутит вшех и поштавит под шомнение вашу вменяемошть. Проштите меня, Джейкоб! Это было необходимо.

Корабль определенно приближался к Солнцу. Большое волокно, которое они только что поки-

нули, снова надвигалось на них. Взметающиеся вверх плазменные струи тянулись к кораблю хищными скрюченными пальцами.

Джейкоб лихорадочно пытался найти выход. Но все было впустую. Воображение отказало ему в самый ответственный момент. Черт с тобой! Сдаюсь. Оставалось последнее средство — обратиться за помощью к ненавистному двойнику. Он знал, что сейчас мистер Хайд может взять реванш за все свои предыдущие поражения, но выбирать не приходилось. Джейкоб заранее был согласен со всеми условиями, который выдвинет его двойник. Настало время пустить в ход главный пункт их договора. В случае смертельной опасности Джейкоб Демва и мистер Хайд должны слиться в единую личность. Что-то подобное имело место на Меркурии вовремя охоты на Ла Рока.

Джейкоб сконцентрировался.

— Но ради всего святого, зачем?! Кулла, зачем?!

Впрочем, ответ не слишком его интересовал. То, что он упустит, запомнит Хьюз. Да и Хелен наверняка ловит каждое слово. Перед ним же сейчас стояла куда более важная задача.

Он методично просеивал чувства и гештальт-образы сквозь сито неортодоксальных координат своего разума. Прежние полузабытые навыки

должны быть пущены в ход.

Мало-помалу он отбросил все лишнее, оказавшись лицом к лицу со своей второй половиной.

Мощные крепостные стены, непреодолимые во время предыдущих осад, стали, казалось, еще неприступнее. Земляные брустверы сменились каменными, ощерившись острыми, словно иглы, шпилями. На вершине самой высокой башни развевался флаг. Полотнище украшал краткий девиз: «Будь верен!» Чуть ниже флага торчали две человеческие головы, насаженные на копья.

Одну он узнал тотчас. Голова Джейкоба Демвы. Свежая кровь, стекавшая по древку копья, искрилась на ярком солнце. На мертвом лице застыло выражение раскаяния и печали.

Он перевел взгляд на другую голову и вздрогнул. Хелен! Прекрасное лицо изуродовано до неузнаваемости. Внезапно ресницы дрогнули. Голова все еще жила! Нечеловеческое страдание сквозило в прекрасных глазах.

Почему?!! Почему проклятый Хайд так ненавидит Хелен?! И к чему этот намек на самоубийство?.. Откуда такое сильное нежелание соединиться с ним?.. Почему Хайд отказывается слиться с Джейкобом Демвой в едином

Ubermensch?[3]

«Джейк! Главное сделать первый шаг! Первый шаг...»

Внезапный крик стих. Джейкоб был в полном недоумении. И это все?! Он столько лет пытался разобрать последние слова Тани. А оказалось, что она смеется, смеется, как всегда.

Хотя... Ну, конечно же! Это не Таня! Это Хайд! Это все его проделки. Проклятый двойник решил напоследок отомстить ему. Но где же сам мерзавец? И за что он, собственно, так ненавидит свою реальную половину?

Сознание вины.

Джейкоб всегда знал, что после трагедии на Шпиле он несет бремя вины, но только сейчас осознал, насколько велика тяжесть. Теперь он ясно видел всю неестественность их соглашения с мистером Хайдом. Соглашения, с которым он жил все эти годы. Вместо того, чтобы постепенно залечивать душевные травмы, он замкнулся в себе, переложив вину за смерть на искусственное, выморочное существо... Он выдумал себе двойника и наградил его своими пороками. Это Хайд в тот страшный день возомнил себя суперменом

---

[3] notes: 3
Сверхчеловек (нем.)

на высоте в двадцать миль, это... О Боже...

В своем высокомерии он вообразил, что непогрешим... Да и его нелепая вера в то, что он сам сумеет справиться со своей бедой... Сверхчеловек, отринувший путь страдания и боли, отказавшийся от дружбы, от людей... Глупец!

Глупец, попавший в ловушку. Теперь-то он понимал, что значил девиз на знамени. Опять обман... Верностью искупить вину за смерть Тани... Он не смог ее спасти, так будет верен ей вечно! Какая иллюзия! Верность, сводящаяся к нежеланию сближаться с людьми. Правильнее назвать ее высокомерием!

Неудивительно, что Хайд так ненавидит Хелен! Неудивительно, что он желает смерти Джейкобу Демве. Несчастный двойник болезненно привязан к призраку Тани, он ревнует к Хелен. Он не желает делить Джейкоба Демву ни с кем! Ни с кем... кроме Тани. Обман. Все обман!

Да Таня бы полюбила Хелен! Они не могли бы не понравиться друг другу!

Но у мистера Хайда своя логика! Логика слепца.

Напрасно. Все напрасно. До него не достучаться. Барьер непробиваем.

Джейкоб открыл глаза.

Красное марево сгустилось. Корабль вновь вошел внутрь недавно покинутого волокна. Вспышка света за бортом заставила Джейкоба обернуться.

Это был тороид. Корабль снова оказался в гуще стада магнитоядных. Тороиды вращались как сумасшедшие, словно забыв об опасности, исходящей от солнечного корабля.

— Джейкоб, почему вы не отвечаете? — Монотонный голос Куллы доносился словно сквозь вату.

Джейкоб встрепенулся.

— Конечно, я понимаю, что у ваш швое мнение отношительно моих мотивов, но ражве вы не видите, что я хочу принешти пользу не только швоей, но и вашей раше. И вашим подопечным.

Джейкоб энергично тряхнул головой. Хватит рефлексии! К черту Хайда! Сами справимся. Вот и рука перестала ныть. Еще поборемся!

— Кулла, я могу немного подумать? Может, нам стоит уединиться с вами и все спокойно обсудить? Я мог бы принести вам немного еды.

Повисла долгая пауза. Затем Кулла очень медленно заговорил:

— Вы очень ижобретательны, Джейкоб. Я почти поверил вам, но нет! Не двигайтешь ш мешта! Я

не шучу. Ешли кто-нибудь иж ваш шевельнетша, я вжгляну на него!

Джейкоб попытался понять, что же такого изобретательного в том, что он предложил Кулле подкрепиться. А собственно, почему ему вообще пришло в голову кормить прингла?!

Корабль падал все быстрее. Большинство тороидов уже остались наверху, отчаянно сигналя изумрудными вспышками. Открывающаяся картина поражала мрачной красотой. На фоне зловещей линии горизонта фотосферы искрились и мигали сотни обручальных колец. А вокруг тускло мерцало красное марево хромосферы.

Ближайшие к кораблю тороиды вдруг засуетились. Они ускорились и, опережая корабль, ринулись вниз. Ослепительная зеленая вспышка залила корабль, когда один из магнитоядных случайно полоснул по нему своим лазерным лучом. Защитные экраны все еще действовали.

Откуда-то сбоку неожиданно выпорхнул Призрак, затем появился еще один. Они зависли совсем рядом с кораблем, но быстро скрылись из виду.

Зрители собираются. Наверное, падение солнечного корабля возбудило их любопытство. Корабль уже миновал большую часть стада. Но

прямо по курсу кружилась группа самых крупных магнитоядных. Рядом бешено плясали пастухи. Джейкоб надеялся, что корабль не нанесет им вреда. Но раскаленный луч охлаждающего лазера приближался.

Джейкоб собрался. Оставался лишь один путь — напасть на Куллу. Он коротко свистнул. В ответ также раздался короткий свист. Хьюз готов.

Джейкоб ждал. Хьюз находился к Кулле ближе и должен был первым напасть на прингла. Джейкоб напряженно вслушивался в тишину, предельно сконцентрировавшись, готовый в любое мгновение ринуться в атаку. Потная ладонь крепко сжимала глушитель.

На палубе что-то зашумело. Джейкоб стремительно выпрыгнул из-за укрытия и нажал на спуск. Куллы не было. Бесценный заряд пропал впустую. Не теряя времени, Джейкоб, уже не прячась, бросился к компьютерной стене. Если Кулла сейчас занят Хьюзом, то...

Палубу вдруг залил ослепительный синий свет. Продолжая бежать, Джейкоб взглянул вверх: за оболочкой корабля теснились тороиды, готовые вот-вот столкнуться с ним.

Взревел сигнал тревоги, следом за ним зазвенел голос Хелен, предупреждавшей всех о возможных

толчках.

Джейкоб перепрыгнул лазерную нить и в следующее мгновение оказался в двух метрах от спины Куллы. Перед Куллой, подняв руки, замер Хьюз. Повсюду на палубе валялись ненужные уже ножи.

Джейкоб вскинул глушитель, но Кулла, уловив шорох за спиной, стремительно обернулся. Джейкоб нажал на спуск, и на какое-то мгновение ликование охватило его.

Но уже в следующий момент левую руку пронзила жгучая боль. Оружие выпало. Прорвавшись сквозь пелену боли, Джейкоб открыл глаза. Кулла стоял перед ним совершенно невредимый, уставившись перед собой ничего не выражавшим потухшим взглядом. Фарфоровые давилки больше не прятались за толстыми складчатыми губами, опасно выдвинувшись вперед. Джейкоб, словно загипнотизированный, не мог оторвать от них взгляда.

— Проштите меня, Джейкоб. Так нужно.

Неужели он собирается разделаться с ним своими чудовищными резцами?! Охваченный страхом и отвращением, Джейкоб попятился. Кулла медленно надвигался. Челюсти мерно и мощно клацали в такт его шагам. Джейкоб

чувствовал, как смерть мягкой лапой сжала его сердце. Все кончено. Он отступал и отступал. Боль в руке исчезла, испуганная близостью небытия.

— Нет! — хрипло прошептал он и, нагнув голову, бросился вперед.

В этот момент снова раздался голос Хелен. Голубое сияние стало еще ярче. Мощный толчок сотряс палубу.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Жил когда-то человек столь добродетельный, что боги пообещали выполнить любое его желание. Он захотел стать на один-единственный день возничим солнечной колесницы. Лишь Аполлон воспротивился этому желанию, предрекая ужасные последствия, но остальные боги лишь посмеялись над его страхами. Говорят, что Сахара — это след, оставленный неопытным возничим, задевшим одним из колес поверхность Земли. После того случая боги предпочитают больше не связываться с людьми.

М.Н. Плано

26. ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Джейкоб упал на противоположную сторону компьютерной стены, сильно ударившись спиной об пол. К счастью, упругий материал палубы в значительной степени смягчил удар.

Он быстро вскочил на ноги. Голова гудела, во

рту чувствовался привкус крови. Корабль сотрясался, магнитоядные продолжали удерживать его своими телами, заливая палубу слепящим синим светом. Тороиды облепили сферическую оболочку, не давая кораблю продолжить падение в раскаленную пропасть. А вверх устремлялся смертоносный луч накопленного солнечного тепла. Охлаждающий лазер продолжал исправно работать.

Раздумывать, чем там занимаются тороиды: помогают или же попросту решили поиграть, — времени не было. Надо было максимально эффективно использовать неожиданную передышку.

Он оглянулся. Хьюз, сидя неподалеку на палубе, потирал ушибленную руку. Джейкоб помог ему подняться.

— Давайте, Хьюз, нам надо поторапливаться! Если Куллу удалось оглушить, у нас есть хороший шанс обезвредить его!

Хьюз кивнул. Несмотря на полученные ушибы он все еще был полон желания выиграть эту гонку. Однако двигался пилот не слишком уверенно. Джейкобу пришлось поддерживать его. Они обогнули центральный купол. Кулла беспомощным кулем привалился к массивному

прибору. Увидев людей, он попытался встать на ноги. Казалось, еще несколько мгновений, и прингл рухнет бездыханным. Но тут он вскинул глаза, и Джейкоб понял, что игра окончена. Один глаз чужака полыхнул огнем. В воздухе запахло паленой резиной. Джейкоб схватился за глаза. Вместо защитных очков пальцы коснулись расплавленного пластика.

Не медля ни секунды, он толкнул Хьюза под прикрытие купола. Осечка! До люка, ведущего в гравитационную петлю, они добирались, казалось, целую вечность. Из проема люка им навстречу вытянулись корневища Фэгина. Цепляясь за них, Джейкоб и Хьюз забрались внутрь. Силы были на исходе. Фэгин возбужденно зашелестел:

— Джейкоб! Вы живы! Я уже предполагал самое худшее!

— Как... — Джейкоб с трудом перевел дыхание. — Как давно мы падаем?

— Пять-шесть минут. Как только я пришел в себя, то сразу же последовал за вами. Кулла не сможет пробить мое тело. — Кантен издал пронзительную трель, по-видимому, означавшую издевательский смех.

Джейкоб невольно улыбнулся. Интересная

мысль! А каким вообще энергетическим запасом располагает прингл? Он где-то читал, что средняя мощность, которую может развить человек, не превышает ста пятидесяти ватт. Предел Куллы наверняка значительно выше, да к тому же он очень экономно расходует свою энергию.

Будь у него запас времени, Джейкоб бы методично все подсчитал. В последний раз Кулла потратил на свои фальшивки не меньше двадцати минут. После чего «антропоморфные Призраки» быстренько утратили к кораблю всякий интерес, а Кулла внезапно зверски проголодался. Тогда это приписали нервному перенапряжению. На самом же деле принглу надо было пополнить запасы кумарина и, вероятно, высокоэнергетических веществ, чтобы обеспечить достаточную мощность своим лазерам.

— Ты ранен? — обеспокоенно пропел Фэгин. Ветви кантена взволнованно дрогнули. — Вам обоим надо подняться наверх и обработать раны.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, хотя ему не хотелось сейчас оставлять Фэгина одного. — Кроме того, нужно кое о чем спросить доктора Мартин.

Кантен издал протяжный свист:

— Джейкоб, ни в коем случае не надо сейчас

беспокоить доктора Мартин! Она общается с солярианами. Это наш единственный шанс!

— Что?!

— Их привлекло мерцание П-лазера. Когда солярианe приблизились, доктор Мартин надела свой пси-шлем и установила с ними связь! Они отрядили несколько десятков магнитоядных толкать наш корабль снизу, именно благодаря им скорость падения существенно замедлилась.

Сердце у Джейкоба застучало. Он ощутил себя приговоренным к смертной казни, которому вдруг сообщили об отсрочке.

— Так, говоришь, существенно? Значит, мы все-таки падаем?

— К сожалению, да. Мы падаем, но очень медленно. Трудно сказать, сколько времени смогут удерживать нас тороиды.

От осознания того, что удалось сделать Милдред Мартин, по спине у Джейкоба пробежал холодок. Есть контакт с солярианами! Это одно из самых эпохальных свершений всех времен, но никто об этом никогда не узнает. Никто и никогда.

— Фэгин, я постараюсь вернуться как можно скорее! А пока не мог бы ты сымитировать мой голос, чтобы ввести Куллу в заблуждение?

— Постараюсь.

— А потом сам поговори с ним. Своим собственным голосом. Делай, что хочешь, но держи его все время в напряжении. Отвлеки его! Не дай заняться компьютером!

Фэгин согласно свистнул. Джейкоб повернулся и, поддерживая Хьюза, ступил на гравитационную петлю.

На этот раз на петле, к которой уже успел привыкнуть, он чувствовал себя не слишком уютно. Гравитационное поле заметно флуктуировало. Джейкоб двигался с огромным трудом. Никогда еще его вестибулярный аппарат не подвергался столь чудовищным нагрузкам. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. С огромным трудом им все-таки удалось достичь верхней половины корабля.

Здесь по-прежнему полыхал пурпур хромосферы. Но кое-что все-таки изменилось: сине-зеленые соляриане плясали совсем близко, их «крылья» почти касались оболочки корабля. Над палубой повсюду протянулись нити параметрического лазера. Джейкоб устало опустился на пол и огляделся. Лазер был установлен на самом краю.

Эх, если бы только у них были камеры! Он усмехнулся. Какой смысл теперь жалеть о том, что не можешь зафиксировать факт установле-

ния контакта! Уворачиваясь от лучей, он дотащил Хьюза до ближайшего кресла, осторожно уложил и пристегнул ремнями. Пора поискать аптечку.

Она обнаружилась рядом с пультом управления. Милдред Мартин нигде не было видно. Джейкоб решил, что психолог уединилась, чтобы полностью погрузиться в светские беседы со сгустками пламени. В креслах у пульта управления лежали Ла Рок и Дональдсон. Немного в стороне от них Джейкоб заметил прикрытое тело Дубровского. Лицо Дональдсона почти полностью скрывали какие-то белые наросты. Джейкоб пригляделся — пена от ожогов.

Хелен де Сильва и единственный оставшийся невредимым член экипажа склонились над приборами. Заслышав шорох его шагов, она подняла глаза.

— Джейкоб?!

Он быстро спрятал руки за спину. Не стоит пугать ее своими болячками. От резкого движения Джейкоб покачнулся. Так, стой спокойно!

— Ничего не вышло! Хотя мне удалось поговорить с ним...

— Да, мы здесь все слышали. А потом раздался дикий грохот. Я пыталась предупредить тебя о том, что тороиды пытаются остановить падение

корабля, но вы не слышали нас.

— Толчок нам здорово помог. В тот момент, когда я уже приготовился отправиться к праотцам, нас как следует тряхануло, и все обошлось. На этот раз. — Он постарался беззаботно улыбнуться.

— А что Кулла?

Джейкоб пожал плечами.

— Он по-прежнему внизу. Я думаю, у него еще осталось достаточно сил. Здесь, наверху, он выстрелил в Дональдсона и Дубровского. Внизу же он стрелял крайне редко, маленькими порциями, старательно прицеливаясь, и даже попытался пустить в ход еще одно свое оружие.

Он рассказал, как Кулла набросился на него, клацая давилками.

— Боюсь, запас энергии у него истощится нескоро. Если бы нас было больше, то мы могли бы провоцировать его, пока он не исчерпает ресурс. Но увы! Хьюз уже не боец, а вам с Ченом ни в коем случае нельзя покидать пост.

На пульте замигал сигнал тревоги. Хелен отключила его и потерянно взглянула на Джейкоба.

— Ничего не получается, ты уж прости. Сейчас мы пытаемся проникнуть в компьютер, возбуж-

дая датчики модулированными сигналами, но все безрезультатно. Боюсь, нам не выкарабкаться. Корабль слушается все хуже.

Она снова повернулась к пульту. Джейкоб отошел в сторону. Хелен явно было не до разговоров.

— Демва, я могу чем-нибудь помочь?

Он обернулся. В кресле приподнялся Пьер Ла Рок. Пристегнутые ремни не давали ему возможности освободиться. Джейкоб начисто позабыл о репортере.

Он заколебался. Поведение Ла Рока перед всей этой заварухой не слишком-то впечатляло, и Хелен с Милли Мартин пристегнули его к креслу, чтобы он не путался под ногами.

Но выбирать не приходилось. Джейкобу вспомнилось, как отчаянно действовал Ла Рок на Меркурии. Может, он и не слишком надежен, но в критической ситуации журналист, похоже, способен на многое.

Сейчас Ла Рок выглядел очень сосредоточенным. Джейкоб, кивнув ему, подошел к Хелен, чтобы спросить, что она думает на этот счет, но та лишь пожала плечами.

— Хорошо. Но если он приблизится к приборам, я убью его. Так и передай.

Этого не требовалось. Ла Рок, соглашаясь, кивнул со своего места. Джейкоб быстро подошел к нему и освободил ремни здоровыми пальцами правой руки.

Хелен за его спиной сдавленно вскрикнула:

— Джейкоб, твои руки!

Он покосился на нее. Хелен рванулась было к нему, но он взглядом остановил ее. Не время для сентиментальности, хотя приятно, черт возьми, когда женщина так за тебя переживает. Хелен, постаравшись улыбнуться как можно бодрее, повернулась к приборам. Теперь все зависело только от нее одной, и она хорошо это понимала.

Ла Рок встал, разминаясь, подхватил аптечку и иронически улыбнулся Джейкобу.

— Ну-с, кто первый на очереди? Вы, Хьюз или Кулла?

27. ВОЗБУЖДЕНИЕ

Хелен нужно было выкроить время, чтобы спокойно обдумать положение. Неужели ничего нельзя сделать?! Она не привыкла опускать руки даже в самой безнадежной ситуации. Все системы, основанные на галактических разработках, одна за другой выходили из строя. Отказали

система сжатия времени, гравитационные двигатели и еще несколько не столь важных устройств. Если к ним добавится управление внутренним гравитационным полем, то корабль окажется совершенно беззащитным перед неистовыми хромосферными бурями.

Тороиды все еще боролись с солнечным притяжением, удерживая корабль от стремительного падения в фотосферу, но, судя по всему, они начинали уставать. Скорость падения мало-помалу возрастала. Большая часть стада уже осталась наверху, теряясь в розовом мареве хромосферы. Остальные тоже долго не протянут.

Вновь запульсировал сигнал тревоги. Что на этот раз?

В структуре внутреннего гравитационного поля появилась положительная обратная связь. Хелен машинально подкорректировала параметры и откинулась на спинку кресла.

Бедный Джейкоб, как он устал. Хелен чувствовала себя дезертиршей. Почему она не настояла и не отправилась вниз вместе с ним?! Хелен ничего не могла поделать с угрызениями совести, хотя отлично понимала, что ее участие вряд ли что-нибудь изменило бы.

Но теперь наступил ее черед. Она обязана что-

то придумать! Но что?! Что можно сделать, когда все компоненты корабля один за другим выходят из строя?

Хотя нет! Не все! Хелен резко выпрямилась. Если не считать системы лазерной связи с базой, все оборудование, основанное на земных технологиях, работает безупречно. Судя по всему, устройства, созданные людьми, Куллу нисколько не интересовали. Система охлаждения корабля в порядке; электромагнитные поля вокруг оболочки корабля стабильны, хотя и не очень хорошо слушаются регулировки, что, впрочем, сейчас не так уж и важно.

Корабль вздрогнул. Еще раз. И еще. Толчки следовали один за другим. Край палубы внезапно вспыхнул голубым сиянием. В поле зрения появилось тело тороида, трущегося об обшивку корабля. Рядом метались Призраки.

Толчки прекратились, сменившись неприятной мелкой дрожью. Отчетливо раздался жуткий скрип. По телу тороида побежали пурпурные пятна. Бублик пульсировал, содрогаясь под наскоками мучителей. Затем, внезапно вспыхнув, тороид исчез. Солнечный корабль, лишенный поддержки, резко накренился. Хелен попыталась выправить положение.

В какой-то степени ей это удалось. Она устало подняла глаза. Тороиды удалялись в сопровождении соляриан. Она горько улыбнулась. Спасибо, друзья! Вы сделали все, что могли. Она проводила взглядом тороидов, быстро поднимавшихся вверх на столбах изумрудного пламени.

Затем опустила глаза на приборы. Высота стремительно падала. На обзорном экране хищно пульсировала грануляционная ячейка. Даже соляриане, наверное, не приближались к фотосфере столь близко. Первые люди на Солнце! Она чуть не рассмеялась, вспомнив, что читала в детстве роман с похожим названием, но только речь там шла о Луне.

Краткое мгновение славы. Огонь, сжигающий все.

Она снова взглянула на соляриан, превратившихся уже в сияющие точки. Может, стоит созвать всех и... попрощаться... Хелен подумала о Джейкобе. Неужели они больше никогда не увидятся? Ей стало горько.

Крошечные зеленые огоньки продолжали притягивать взгляд. Каким образом тороиды способны передвигаться столь быстро?

Проклятие! Хелен вскочила на ноги, чуть не оборвав шнур микрофона. Чен изумленно взгля-

нул на нее.

— В чем дело, командир? Что-то с защитными экранами?!

Ликующий индейский клич огласил корабль. Хелен стремительно застучала по клавишам основного компьютера.

Какая жалость, что она не может сообщить на Меркурий! Ведь даже если они сгорят в пламени Солнца, их опыт будет иметь уникальнейшее значение для всей Галактики!

Пульсирующая боль в руке не утихала. Более того, к боли добавился неприятный зуд. Левую руку почти полностью покрывал толстый слой противоожоговой пены. Да и на правой действовали лишь три пальца.

Джейкоб скрючился за люком гравитационной петли, время от времени выглядывая на обратную сторону палубы. Фэгин немного посторонился, освобождая для него место. Джейкоб наблюдал в зеркальце, приделанное к длинной указке, на всякий случай также обильно покрытой противоожоговой пеной.

Кулла не показывался. В слабом сиянии тороидов сумеречно поблескивали массивные телекамеры и регистрирующие приборы. Повсюду протянулись лазерные нити.

Джейкоб сделал знак Ла Року. Тот послушно опустил свою ношу в проем люка. Вымазавшись с головы до ног противоожоговой пеной, они облачились в защитные очки, залепив на всякий случай промежуток между очками и открытыми участками лица мягким пластиком.

— Вы, конечно, понимаете, что это очень опасно? — ворчливо спросил Ла Рок. — Эта штука защитит нас от лазерного луча, но не спасет от огня. Единственное горючее вещество на корабле! Если бы не его уникальные медицинские качества, оно никогда бы не попало на борт.

Джейкоб кивком поблагодарил репортера за популярную лекцию. Если он выглядит так же, как Ла Рок, то у них неплохие шансы до смерти напугать прингла.

Он приподнял баллон и пустил струю пены в люк. Какое-никакое, но все-таки оружие!

В этот момент корабль резко дернулся. Еще раз и еще. Джейкоб высунул голову из люка. Палуба накренилась. Магнитоядный, поддерживавший корабль, быстро удалялся. Навстречу стремительно неслась полыхающая фотосфера.

Конец. Это конец. Если уж не выдержали аборигены...

Корабль задрожал, затем выпрямился.

Джейкоб вздохнул. Если удастся немедленно обезвредить Куллу, может, еще есть шанс.

— Знаешь, Фэгин, я здорово изменился! Похоже, от прежнего Джейкоба Демвы не осталось и следа. Тот парень давно бы уже скрутил Куллу и вывел бы корабль из этого ада. Ты ведь знаешь, на что он был способен! А я... я ужасно устал.

Фэгин сочувственно зашелестел:

— Знаю, дружище Джейкоб. Именно ради такой перемены я позвал тебя принять участие в «Прыжке в Солнце».

Джейкоб изумленно взглянул на него.

— Не делай таких круглых глаз, — нежно пропела флейта, — я ведь не предполагал, что ситуация окажется столь серьезной. Я звал тебя исключительно ради тебя самого. Мне очень хотелось, чтобы ты выполз из своего кокона, в который спрятался после прискорбного происшествия в Эквадоре. И еще я очень хотел познакомить тебя с Хелен де Сильвой. Должен признать, план мой удался на славу. Чему я очень рад. — Куст приосанился.

Джейкоб растерянно потряс головой.

— Но, Фэгин, мое сознание... — он замолчал.

— Друг мой, с твоим сознанием все в полном порядке. Просто у тебя слишком буйное вообра-

жение. Только и всего. Честно говоря, любезный Джейкоб, твои фантазии всегда отличались удивительной изощренностью. Никогда не встречал большего ипохондрика, чем ты, мой дорогой друг!

Джейкоб пытался разобраться в том, что происходит. Либо проклятый овощ решил до самого конца сохранить свою старомодную вежливость, либо он ошибается, сам того не сознавая, либо... он прав. Фэгин никогда не лгал даже из соображений любезности и уж тем более не стал бы этого делать на пороге смерти, да еще в столь деликатном вопросе.

Неужели и в самом деле мистер Хайд — всего лишь игра?! Неужели он, Джейкоб Демва, подобно маленькому ребенку, создал свой игрушечный мир, но мир столь правдоподобный, что он оказался неотличим от реальности? Такое и раньше с ним случалось... Врачи же лишь улыбались и разводили руками, констатируя сильное, но отнюдь не патологическое воображение... Да и тесты всегда твердили: он осознает, что это игра, всего лишь игра... Излишек воображения не пугал его... прежде.

Так, может, и мистер Хайд — такая же выдуманная реальность, что и прежние? Джейкоб только

что осознал, что до сих пор его двойник не причинил никакого вреда, он всего лишь раздражал и только. А эти «несанкционированные» поступки... Ведь всегда находилась достаточно веская причина, вынуждавшая решаться на них...

— Дорогой мой Джейкоб, когда я только познакомился с тобой, ты и в самом деле был не совсем здоров. Шпиль излечил тебя. Но катастрофа еще и напугала тебя, и ты попросту спрятался в свою игру. Я не знаю ее правил — ты всегда был так скрытен на этот счет, — но мне совершенно ясно: сейчас ты полностью пробудился. Минут двадцать назад...

Джейкоб уже не слушал его. Прав Фэгин или нет, в данный момент не имеет никакого значения. В его распоряжении всего лишь несколько минут, чтобы спасти корабль, а времени для психологической болтовни нет. Если... если еще не поздно.

Вокруг по-прежнему полыхал пожар хромосферы. Но вверху зияла пропасть фотосферы. П-лазер все так же простреливал плоскость палубы.

Джейкоб поднял руку и сморщился от острой боли.

— Ла Рок! Бегом наверх, мне нужна зажигалка. Живо!

Ла Рок жестом фокусника извлек зажигалку из кармана.

— Держите, босс! Но зачем...

Джейкоб его не слушал. Он снял трубку внутренней связи.

Если у Хелен есть в запасе хоть немного мощности, то самое время пустить его в ход. Но прежде чем он сумел сказать хоть слово, взвыла сирена.

— Софонты! — зазвенел голос Хелен. — Приготовьтесь к резкому ускорению. Мы покидаем Солнце! — Ликующие интонации в голосе капитана в ситуации полной безнадежности выглядели довольно эксцентрично. — Ввиду специфики старта я настоятельно рекомендую всем облачиться в пальто и шубы, если, конечно же, вы не забыли их по рассеянности дома! В это время года на Солнце обычно бывает довольно прохладно!

28. ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Из вентиляционных каналов, расположенных вокруг охлаждающего лазера, тянуло ледяным воздухом. Джейкоб и Ла Рок съежились у крошечного костерка.

— Ну давай же, давай же! — шептал Джейкоб.

Застывшая противоожоговая пена разгоралась

неохотно.

Джейкоб вдруг хрипло расхохотался.

— Тот, кто когда-то был пещерным человеком, навсегда им и останется, не так ли, Ла Рок? Люди забрались на Солнце, но и здесь им приходится греться у костра!

Ла Рок слабо улыбнулся, энергично подкармливая разгоревшееся пламя. Вечно словоохотливый журналист сейчас не раскрывал рта. Разве что время от времени что-то сердито бормотал себе под нос.

Джейкоб сунул в огонь факел из все той же противоожоговой ленты. Шлейф вонючего черного дыма выглядел очень впечатляюще.

Джейкоб довольно улыбнулся. Хорошо быть пещерным человеком! Вскоре задымило еще несколько факелов. Едкий дым щипал глаза, становилось трудно дышать, так что пришлось подобраться поближе к холодным потокам воздуха. Фэгин, следивший за их действиями из люка, втиснулся поглубже в гравитационную петлю.

— Все, хватит! — скомандовал Джейкоб. — Вперед!

Он первым выскочил на открытое пространство и швырнул коптящий факел к противоположному краю палубы. За спиной раздался

сдержанный шелест. Он обернулся. Кантен выглядывал из люка.

— Все ясно, — тихо пропел Фэгин. — Куллу так не выманишь.

Новость была и хорошей и плохой одновременно. С одной стороны, стало совершенно ясно, где в данный момент находится Кулла но с другой — она означала, что чужак сейчас изо всех оставшихся у него сил старается повредить охлаждающий лазер.

Джейкоб зябко передернул плечами.

Становилось ХОЛОДНО!

План коменданта был просто великолепен! Поскольку защитные экраны продолжали исправно функционировать — неопровержимым доказательством чего служил тот факт, что люди все еще живы, — Хелен могла регулировать количество тепла, поступающее внутрь корабля. Это тепло откачивалось на охлаждающий лазер и сбрасывалось обратно в хромосферу вместе с теплом энергетической установки самого корабля. Словом, все как обычно. За небольшим отличием. Чудовищный поток тепловой энергии, вырывающейся из корабля, сейчас был направлен строго вниз. Великолепный реактивный двигатель. Корабль поднимался!

Естественно, при таком режиме работы автоматическая система, контролирующая температуру внутри корабля, потеряла свою точность. Хелен, должно быть, запрограммировала автоматику так, чтобы больший разброс приходился на диапазон низких температур. В этом случае ошибки легче исправить.

Блестящая идея! Джейкоб очень надеялся, что ему все-таки удастся выразить Хелен свое восхищение. Но прежде необходимо обеспечить условия для осуществления этой замечательной идеи.

Джейкоб, прижимаясь к центральному куполу, начал пробираться вперед, пока не оказался вне поля зрения Фэгина. Замерев на мгновение, он прицелился и швырнул один за другим еще три факела. Палубу окутала завеса черного дыма.

В темно-сером мареве ярко сияли нити П-лазера. Более слабые вторичные следы исчезли, поглощенные частицами дыма.

Джейкоб отступил назад. В запасе у него оставалось еще три факела. Он осторожно подобрался к краю палубы и перебросил их через центральный купол. Ла Рок, находившийся чуть в стороне, проделал то же самое. Один из факелов репортера, попав в створ рентгеновского луча охлаждающе-

го лазера, мгновенно испарился.

Джейкоб чертыхнулся про себя. Оставалось лишь надеяться, что это происшествие несильно отклонило луч в сторону. Когерентный рентгеновский луч не был рассчитан на прохождение через твердые объекты.

— Все будет хорошо! — подбодрил себя Джейкоб.

Махнув рукой Ла Року, он стрелой метнулся к куполу, в котором, кроме всего прочего, имелся небольшой шкаф, где хранились запасные детали к записывающим устройствам. Ла Рок, не отставший от него ни на шаг, быстро забрался внутрь шкафа и протянул руку Джейкобу. Теперь их положение было весьма уязвимо. Кулла обязательно должен что-то предпринять, не может же он пренебречь столь явной угрозой, как горящие факелы! Дым ел глаза, вонь стояла такая, что Джейкобу казалось: еще немного, и они задохнутся.

Ла Рок, цепляясь за полки с приборами, взобрался повыше и, упершись ногами в дверной косяк, подставил сцепленные руки. Джейкоб, оттолкнувшись от них, вскарабкался ему на плечи. Купол сужался довольно полого, но поверхность была слишком гладкой, а у Джейкоба имелось

всего три действующих пальца вместо десяти. Спасала все та же противоожоговая пена. Она отлично липла к стенкам купола, так что онемевшие пальцы исполняли роль присосок. После двух неудачных попыток Джейкобу удалось оттолкнуться от плеч Ла Рока. Репортер закряхтел, но равновесие удержал.

Стенки купола скользили под руками, словно их покрывал слой льда. Джейкоб, вцепившись ничего не чувствующими пальцами в упругий пластик, с трудом преодолевал каждый дюйм. Задача осложнялась еще и тем, что вблизи вершины следовало быть предельно осторожным — здесь царствовал охлаждающий лазер. Джейкоб уже видел выходное отверстие. Чуть ниже мерно гудела лазерная установка, дымный воздух ощутимо подрагивал под напором мощного потока энергии. При виде смертоносного жерла Джейкоб поежился. Не слишком приятная штука! Он поспешил отвернуться. Нечего забивать себе голову подобной ерундой.

Подать сигнал Фэгину, не привлекая внимания Куллы, он не мог. Оставалось положиться на превосходный слух кантена, тот сам должен был выбрать момент для отвлекающего маневра. Тянулись томительные секунды. Джейкоб

перевернулся, уперся спиной в стену купола и постарался расслабиться.

Всюду, куда ни глянь, царило Солнце. Жестокое и неумолимое.

Фотосфера угрожающе пульсировала. Заросли спикул неровным частоколом устремлялись навстречу, огненные буруны закручивались вокруг их колышущихся стеблей.

Джейкоб смотрел прямо в огненное око звезды. Фотосфера игриво подмигивала Большим Пятном. На какое-то мгновение Пятно исказилось, обернувшись лицом всеведущего старца. Рев, стоявший вокруг, зазвучал вдруг раскатами жутковатой песни. Песни, услышать и понять которую дано лишь звездам.

Солнце было живым. Оно дышало. Оно пело. Оно видело его.

> Зови меня животворным, ибо я дарую тебе энергию. Мой огонь — это твоя жизнь. Я неизменно, и потому я — твой покой. Но космос темными тропами подбирается к тайнам моего строения. И время кует свою косу небытия на моем горниле. У нас с тобой один враг. Энтропия. Она везде и всюду. Великий

Разрушитель сущего. Ты еще слишком мал и не успел ощутить ее властную руку на своем челе. Ты лишь мотылек жизни, летящий навстречу буре Энтропии.

Зови меня животворным, обреченный на смерть. Я сгораю, даруя жизнь, и сгорая, дарую смерть. Ты все еще припадаешь к моему источнику, но он скоро иссякнет. Но иссякнув, я уступлю место своему собрату, который тоже иссякнет. И так будет всегда.

Зови меня животворным, обреченный на радость жизни. Ты живое создание, в тебе мой голос. Он говорит с тобой. Но кто поговорит с нами?! Плачь о нас, обреченный на жизнь. Помни о нас! Мы поем, и песнь наша полна огня и пепла. Мы ждем, когда крошечный эмбрион жизни достигнет зрелости и бросит вызов безжалостной Энтропии. Мы ждем тебя.

Джейкоб рассмеялся. Да, Фэгин, как всегда, прав! Ну и воображение! Он закрыл глаза в ожидании продолжения. С того момента, как Джейкоб добрался до вершины купола, прошло семь секунд.

— Джейк... Джейк... — Его звал женский голос.

Он снова взглянул вверх.

— Таня...

Она стояла в своей лаборатории, облокотившись о детектор пионов. Темно-русые волосы перехвачены красной лентой. Веселая улыбка. В уголках глаз затаились морщинки. Таня. Мягкие губы. Руки, сильные и нежные.

— Ты вовремя!

— Таня...

— Неужели я не падаю, Джейк?! Так странно и хорошо! Почему ты вспоминаешь только мое падение? Ведь у нас было столько счастливых мгновений!

Джейкоб знал: она права. В течение двух лет он вспоминал лишь бесконечное падение Тани, начисто забыв обо всем остальном. Таня падала, падала и снова падала!

— Но знаешь, Джейк, для тебя это оказалось довольно полезно. — Она улыбнулась. — Наконец-то ты избавился от проклятой самонадеянности! Джейк, ты думай обо мне, просто думай. Не забывай меня, Джейк!

— Нет, Таня, я не забуду тебя. Никогда. Обещаю.

— Взгляни на эту звезду! Она говорит с тобой!

Говорит, Джейк! Это не твоя выдумка, это реальность!

Голос ее отдалился.

— А она мне очень понравилась, Джейк, она подходит тебе, поверь. Я очень рада. Будь счастлив, Джейк!

Он открыл глаза. Над головой бесстрастно пульсировала фотосфера. Большое пятно и в самом деле смотрело на него. Колебания грануляционной ячейки напоминали удары сердца.

Неужели ты существуешь?

Ответ просверлил его насквозь, проник в душу, очистил разум от последних сомнений. Нейтрино как лекарство от неврозов. Оригинально, ничего не скажешь!

Снизу раздался свист. Джейкоб машинально заскользил вправо, в направлении, откуда донесся звук. Он старался не шуметь и не делать лишних движений.

Внезапно показалась круглая голова прингла. Кулла, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер стоял к нему боком. Тонкие руки быстро перебирали клавиши на открытой панели компьютера. Сквозь густой дым тускло просвечивал П-лазер.

Слева послышался громкий шелест, и в следу-

ющее мгновение справа раздался топот. Ла Рок и Фэгин приступили к отвлекающему маневру.

Вот слева из-за купола показались веточки с серебристыми кристалликами. Кулла немедленно полыхнул огнем, и один из световых рецепторов Фэгина задымился. Кантен издал пронзительный свист, ветки скрылись. Кулла резко обернулся, поджидая нападения справа.

Джейкоб достал из кармана флакон с противоожоговой пеной. Рассчитанным движением он поднял его и нажал на распылитель. Кулла, почуяв неладное, поднял голову, но тут же тонкая струя пены брызнула в направлении полыхающих глаз прингла. Почти одновременно из-за поворота появился Ла Рок. Нагнув голову, репортер с диким воплем бросился на чужака. Кулла отшатнулся. Струя пены, не достигнув прингла, вспыхнула в воздухе. Кулла закрыл лицо тонкими руками, а Ла Рок, проскочив сквозь догорающий след, врезался в прингла.

Кулла зашатался и вцепился в репортера, чтобы удержать равновесие. Тонкие пальцы мертвой хваткой сжали шею Ла Рока. Журналист захрипел, лицо его посинело.

Джейкоб выдержал паузу. Дым был таким густым, что без фильтра дышать становилось все

труднее и труднее. Кулла ни в коем случае не должен заметить момент прыжка! В противном случае они с Ла Роком обречены.

Он сконцентрировался и прыгнул.

Его способность к сжатию времени превратила полет в медленное, неторопливое парение. Знакомый прием из арсенала прежнего Джейкоба Демвы. Преодолев уже почти треть пути, он заметил, как очень медленно начала поворачиваться голова Куллы. Джейкоб не видел, что там чужак делает с Ла Роком. Густая завеса дыма скрывала все, кроме смертоносных глаз прингла.

Глаза медленно поднимались. Джейкоб хладнокровно прикинул диапазон, который Кулла может охватить своим лучом. Ему вдруг стало смешно... Во всей этой ситуации было что-то очень комичное — замедленное парение в точности напоминало выходки супермена из древних фильмов. Вволю насмеявшись, Джейкоб решил ускорить течение времени и посмотреть, что из этого получится.

В следующее мгновение последовала яркая вспышка, затем клацание фарфора и, наконец, резкая боль в предплечье в тот момент, когда он ударил Куллу. Вцепившись онемевшими пальцами в свободное одеяние чужака, Джейкоб

повалил прингла на пол. Сцепившись в борцовском захвате, они покатились по палубе.

И тут обоих охватил приступ кашля. Беспорядочно размахивая руками, чужак и человек возились на полу, сотрясаемые судорогами удушья. Каким-то чудом Джейкобу удалось на несколько мгновений обхватить тонкую шею прингла. Кулла заметался с удвоенной силой, пытаясь укусить его фарфоровыми резцами или испепелить лазерным лучом. Стараясь не попасть в поле зрения прингла, Джейкоб немного ослабил хватку.

Тонкие, хрупкие на вид руки, обернувшись мощными щупальцами, с удивительным упорством пытались ухватить его за шею. Джейкобу никак не удавалось провести один из своих коронных приемов, который положил бы конец этому нелепому и смертельному фарсу. Противники катались по палубе, кашляя и отплевываясь столь усердно, что очень быстро оказались довольно далеко от центрального купола. Джейкобу наконец удалось оседлать Куллу, но в следующее мгновение острая боль пронзила ему колено.

— Давай, сволочь, давай же, стреляй! Надолго тебя не хватит!

Спрятав лицо за выставленным коленом, он

прижал руки Куллы к палубе, лишив его возможности маневра. Кулла снова выстрелил, потом еще. Джейкобу казалось, что колено вот-вот вспыхнет. Невероятным усилием воли он подавил боль, ни на мгновение не ослабляя хватку. Он очень надеялся, что запас энергии у Куллы подходит к концу.

Но Кулла, оставив попытки выжечь ему глаза, внезапно резко дернулся, высвободив одну руку, и ударил Джейкоба по раненой ноге. Тот вскрикнул, и возня на палубе возобновилась. Кашель становился нестерпимым. Кулле он давался, похоже, тяжелее. Казалось, в стеклянной бутылке перекатывается с полдесятка металлических шариков.

Дьявол! Надо во что бы то ни стало добраться до его шеи! Других уязвимых точек у прингла, судя по всему, нет. Джейкоб постарался успокоить дыхание. Обожженные едким дымом легкие пылали. Всякий раз, втягивая в себя воздух, он немедленно терял преимущество, достигнутое с таким трудом в предыдущее мгновение, и Кулла тут же оказывался наверху.

Дым ел глаза. Внезапно Джейкоб осознал, что на нем нет защитных очков! Либо Кулла снова пережег резинку, либо очки слетели во время

драки.

Где же, черт побери, Ла Рок?!

Руки дрожали от напряжения. Мышцы, не выдерживая заданного темпа, посылали мозгу панические сигналы. Кашель Куллы звучал все более надрывно, Джейкоб отвечал ему сдавленным бульканьем. Силы стремительно покидали его. Еще немного, и все будет кончено. Страх ледяными щупальцами проникал в мозг. Неужели этот ужас не кончится никогда?!

Жгучая боль в спине заставила его подпрыгнуть. Боль была столь сильной и внезапной, что Джейкоб не сумел ее подавить. Кулла вырвался из его рук, стремительно откатившись в сторону. Джейкоб вскочил, кинув быстрый взгляд на палубу. Дьявол! На полу тлели остатки противоожоговой пены.

Примерившись, он прыгнул на Куллу, но промахнулся. Кулла быстро отполз в сторону и повернулся к нему лицом. Джейкоб зажмурился и прикрыл глаза обожженной рукой. Он попытался встать, но с легкими происходило что-то неладное. Приподнявшись на одном колене, Джейкоб почувствовал, что еще мгновение, и он без сил рухнет на пол. Воздуха не хватало. Спина, казалось, превратилась в хорошо прожаренный

бифштекс. Почему Кулла не стреляет? Чего он ждет?!

Совсем рядом раздалось клацание фарфора. Джейкоб обессиленно уронил руку и открыл глаза. Прингл находился меньше чем в метре от него. Сквозь зловонную завесу тускло светились глаза.

— Ну... — выдохнул Джейкоб, — давай же, приятель... Это твой последний шанс...

Он усмехнулся. Ну и цирк! Тане это представление наверняка бы понравилось. Уж она-то знала толк в хорошем театре. Заключительный выход! Надеюсь, Хелен ничего не упустила.

Заключительный выход? Больше эффекта, приятель! Сейчас не время для халтуры. Даже если Кулла перекусит ему горло или прожжет дырку в башке, он успеет преподнести ему прощальный подарок.

Он выхватил из-за пояса забытый было распылитель пены. Они славно порезвились, славно и закончат! Какая разница, обезглавят тебя или же просто сожгут? Мучительная боль пронзила левый глаз. Ощущение было таким, словно молния, попав в глазницу, вышла с другой стороны головы. Не дожидаясь продолжения, он вскинул распылитель и направил струю пены туда, где, по его предположениям, находился Кулла.

29. ПОГЛОЩЕНИЕ

Хелен взглянула вверх. Мимо корабля проносилось стадо тороидов. На таком расстоянии зеленосинее сияние было едва заметно. И все-таки она смогла разглядеть, что крошечные светящиеся колечки — изумрудные клочки жизни в океане огня — выстроились одно на другим, образовав миниатюрную колонну. Они прощались.

То здесь, то там вспыхивали голубые искры — пастухи дирижировали своей паствой. Стадо зашло за темную прядь газа и скрылось из вида.

Хелен горько улыбнулась. Эх, если бы у нас осталась лазерная связь! А так никто не узнает об упорстве и стойкости земного корабля. Никто никогда не узнает и о том, что соляриане вовсе не собирались убивать пришельцев, а совсем даже наоборот, изо всех сил пытались им помочь. И, наконец, никто не узнает, что люди установили контакт с обитателями Солнца! Что ж, выход один — выжить и самим сообщить обо всем Галактике.

Взвизгнул сигнал тревоги. Хелен быстро перевела взгляд на приборную панель. Вот дура-то, нашла время мечтать!

За ее спиной нервно прохаживалась Милдред Мартин. Действия психолога, хотя и вполне разумные, особой последовательностью не отличались. Мартин только что вернулась с противоположной стороны купола, где оказывала помощь Хьюзу и Дональдсону. Сейчас она, что-то бормоча себе под нос, мерила шагами палубу.

Слава Ифни, у Милли хотя бы хватает здравого смысла не мешать им! Но пристегнуться к кушетке психолог решительно отказалась. Хелен не решилась послать ее на обратную сторону корабля в помощь Джейкобу, Ла Року и Фэгину. Состояние Мартин не внушало ей доверия.

В воздухе пахло зловонной гарью. Камеры, установленные на обратной стороне корабля, давали лишь панораму густого дыма. Хелен не отключала внутреннюю связь, ловя каждый звук, доносящийся снизу. Время от времени раздавались крики и звуки борьбы. Пару раз ей показалось, что она уловила стоны. А несколько мгновений назад душераздирающий вопль заставил ее вздрогнуть. После этого в корабле повисла гнетущая тишина.

Хелен, не позволяя эмоциям взять над собой верх, бесстрастно следила за приборами. Сейчас она не имела права на чувства. Лишь гордость

владела в эти минуты комендантом базы «Гермес». Несмотря ни на что, они все еще были живы!

Разумеется, шансы на спасение с каждой минутой становились все призрачней. Если бы Кулла был обезврежен, Джейкоб тут же дал бы о себе знать. Она вздрогнула и поспешила взять себя в руки.

Становилось по-настоящему холодно. Температура на борту упала до пяти градусов Цельсия. Накопившаяся усталость давала о себе знать, и Хелен уже не успевала поддерживать достаточно высокую температуру внутри корабля, корректируя защитные поля. Просто же поднять температуру означало снизить мощность охлаждающего лазера, что могло повлечь за собой катастрофу.

Хелен подрегулировала конфигурацию магнитного поля. Не хватало только, чтобы вышли из строя фильтры жесткого ультрафиолетового излучения. Слава Ифни, хоть здесь все в порядке!

Охлаждающий лазер работал на пределе мощности, выкачивая тепло из хромосферы и посылая его вниз потоком жесткого рентгеновского излучения. Корабль поднимался, но поднимался мучительно медленно.

Снова взвыл сигнал тревоги. Но на этот раз он сообщал не об очередном отклонении параметров. Это был крик умирающего корабля.

К едкому дыму теперь добавился еще и ледяной холод. Джейкоб слышал, как кто-то рядом стучит зубами, заходясь при этом от надрывного кашля. Ему потребовалось усилие, чтобы осознать: это он сам.

Кашель рвал легкие, холод сводил судорогами тело. Джейкоб приподнялся на локтях, не чувствуя ничего, кроме тупого удивления. Неужели он все еще жив?!

Дым понемногу рассеивался, распадаясь на отдельные пряди и струйки, вытянувшиеся в направлении вентиляционных отсеков.

Джейкоб равнодушно отметил, что зрение не отказало ему. Он поднес руку к левому глазу. Цел. Зажмурил глаз, снова открыл. Глаз не видел, но, судя по всему, цел. Он ощупал голову. Похоже, и тут все в порядке. Значит, у Куллы не хватило энергии на полноценный выстрел.

Кулла! Джейкоб быстро оглянулся. Дурнота волной подкатила к горлу. Он замер, пережидая приступ, затем снова принялся озираться.

В двух футах от себя Джейкоб увидел тонкую белую руку, резко выделявшуюся на фоне закоп-

ченной палубы. Джейкоб пригляделся.

Лицо Куллы обгорело до неузнаваемости. Черная корка тлеющей противоожоговой пены покрывала то, что когда-то было смертоносными глазами прингла. Из разбитой головы сочилась синяя слизь.

Сомнений не оставалось — Кулла был мертв.

Опираясь на руки, Джейкоб пополз по палубе в сторону центрального купола. Прежде всего надо найти Ла Рока и Фэгина.

А потом добраться до петли и позвать кого-нибудь, кто сможет разобраться в компьютере... если еще не поздно...

Рядом послышался стон. Ла Рок, обхватив голову руками, сидел в нескольких метрах от Куллы. Джейкоб осторожно тронул его за плечо. Репортер поднял на него затуманенный взгляд.

— Оооо... Демва, это вы? Нет, молчите! У меня голова и так раскалывается.

— С вами все в порядке?

Ла Рок кивнул.

— Наверно, раз я жив. Но если живы еще и вы, то Кулла должен быть мертв, так? И если я все еще не хочу умирать... Mon Dieu![4] Демва, у вас

---

[4] notes: 4
О Боже! (франц.)

такой вид, словно вы побывали в мясорубке! Неужели я выгляжу так же?!

Похоже, помимо всего прочего, драка вернула Ла Року склонность к многословию.

— Вставайте, Ла Рок, нам нужно спешить. Вставайте и помогите мне. Один я не справлюсь. Нам еще нужно кое-что сделать.

Ла Рок со стоном поднялся и тут же пошатнулся. Стремясь удержать равновесие, он ухватился за Джейкоба. От резкой боли тот на какое-то мгновение потерял сознание. Ла Рок, извергая потоки слов, помог ему подняться.

Остатки пены, судя по всему, окончательно выгорели. Дым быстро рассеивался, распадаясь на отдельные пряди.

Они очень медленно начали продвигаться вдоль купола, огибая его по часовой стрелке. Один раз дорогу им пересек луч П-лазера. Не в силах перешагнуть через сияющую нить, они двинулись напрямую. Джейкоб лишь поморщился, когда луч бритвой распорол ему ногу.

Фэгин был плох. Из дыхательного отверстия доносился лишь тоненький жалобный свист. Джейкоб, останавливаясь после каждого слова, спросил кантена, может ли тот двигаться. Но в ответ лишь печально звякнули серебряные ко-

локольчики. Выдвинувшиеся из корней острые когти намертво вцепились в упругий материал палубы. Фэгину требовалась срочная помощь.

Они обошли кантена и направились к люку. На глаза Джейкобу попалось переговорное устройство. Он набрал в легкие побольше воздуха.

— Хел. Хелен...

Он замолчал, не в силах продолжать. Хелен не отвечала. Лишь слабое эхо доносилось из динамика. Судя по всему, внутренняя связь в порядке. Так в чем же дело?!

— Хелен, ты слышишь меня?! Кулла мертв... Нас изрядно потрепало... Нужно срочно исправить...

Судорога свела лицевые мышцы, и Джейкоб замолчал. Опираясь на Ла Рока, он доковылял до люка и рухнул на наклонный пол гравитационной петли. Жесточайший приступ кашля окончательно лишил его сил.

Спать. Ему так хотелось спать. Невыносимо болела обожженная спина, обгоревшие руки саднили. Боль волнами прокатывалась по телу, не давая сконцентрироваться на каком-нибудь отдельном участке. Отчаянно ныл бок — наверное, сломано ребро. Но все это было сущими пустяками по сравнению с пульсирующей тяжестью над левым глазом. Казалось, какой-то шутник вскрыл

ему череп и высыпал туда гореть раскаленных углей.

Джейкоб понимал: во что бы то ни стало надо встать на ноги и подняться по петле. Медлить нельзя. Он попытался ползти, подтягиваясь на руках. За спиной надрывно постанывал Ла Рок. Лежа на покатом полу, Джейкоб испытывал довольно странное чувство. Он всегда считал, что гравитационное поле должно иметь равномерное распределение вдоль всей петли, но вместо этого чувствовал, как мягкие волны перекатываются через него, нежно покачивая израненное тело. При этом одни участки тела наливались свинцовой тяжестью, другие же становились почти невесомыми.

Без всякого сомнения, с полем творилось что-то неладное. Гравитация баюкала, ласково покачивая его на своих волнах, рябью пробегая по спине. Спать... как хорошо...

— Джейкоб! Слава Богу! — Голос Хелен взорвался в голове тысячей раскаленных искр.

— Что...

— Не до разговоров, милый! Вставай же! Гравитационные поля слабеют! Я послала Милдред, но... — Голос оборвался, сменившись каким-то дробным стуком.

— Хелен... Как хорошо... — Джейкоб поудобнее пристроил голову и погрузился в глубокий сон.

Ему снился Сизиф. Человек, приговоренный богами вечно вкатывать камень на гору. Джейкобу стало жаль беднягу — он-то на месте этого простака поступил бы куда хитрее. Зачем мучиться и вкатывать камень по отвесному склону, когда можно заставить гору стать плоской, как блин? И какое имеет значение, что в реальности ничего не изменится? О, мистер Хайд в подобных фокусах всегда был большим специалистом.

Но на этот раз гора пребывала явно не в духе. Бесчисленные муравьи, живым ковром покрывавшие ее склоны, то и дело впивались в него челюстями. Осы устрашающих размеров решили устроить в его глазнице гнездо и отложить яйца. С каждым шагом камень становился все тяжелее.

Гора играла с ним. Она выпускала липкие щупальца, опутывая ими ноги и не давая сдвинуться с места. Склоны внезапно покрывалась слизью, и он беспомощно скатывался вниз. Время от времени гора начинала вздыматься неровными волнами, от чего тошнота комом подкатывала к горлу, и он мгновенно терял ориентацию.

Джейкоб никак не мог вспомнить, дозволяют ли правила игры ползти. Решив, что столь нехит-

рый способ вряд ли возбраняется, он прижался к горе и пополз. Хитрость удалась на славу.

Камень, словно живое существо, помогал ему. Он двигался сам, и Джейкобу лишь приходилось слегка подталкивать его. Это было прекрасно. Единственное неудобство состояло в том, что камень стонал. Его жалобные стенания немного раздражали. Джейкоб, утешал себя тем, что тот хотя бы воздерживается от болтовни на французском языке. Момент для практики в иностранных языках и в самом деле был не слишком удачным.

Джейкоб очнулся. С усилием оторвав чугунную голову от пола, огляделся Он находился совсем рядом с люком. Но какой это люк, Джейкоб не знал. Дым исчез.

Джейкоб заглянул в люк. На палубе было темно. Красное марево хромосферы потеряло былую прозрачность, налившись густым мраком.

Что это? Линия горизонта? Край Солнца?! Он не мог оторвать глаз от открывшейся картины. Впереди простиралась плоская фотосфера, перистый ковер из красных и черных сполохов. Океан огня все так же пульсировал, но форма волокон на его поверхности изменилась — замысловатые узоры вытянулись вдоль ярких качающихся струй.

Взад и вперед. Солнце игриво раскачивалось перед глазами. Взад. Вперед. Взад. Вперед.

В проеме люка показалось лицо Милли Мартин. Увидев его, Мартин испуганно вскрикнула.

Джейкобу захотелось успокоить ее. Сказать, что все будет в порядке. Что все уже позади. Что мистер Хайд мертв, и больше не о чем тревожиться. Он вдруг вспомнил, что видел мерзавца на горе. Лицо обгорело до неузнаваемости, левый глаз выжжен. Труп издавал отвратительное зловоние. Джейкобу стало смешно.

Сзади что-то вдруг с силой дернуло его за ноги. Люк! Ему надо к люку! Он начал сползать. Как он добрался до палубы, Джейкоб уже не помнил.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Как дивно созерцать галактику в отверстие бумажного листа.
Кобуяши Исса (1763-1828)

30. НЕПРОЗРАЧНОСТЬ

Член Комиссии Абатсоглу:

— Так вы утверждаете, что все системы, разработанные Библиотекой, вышли из строя задолго до прибытия спасателей?

Профессор Кеплер:

— Да, именно так. Дееспособными остались лишь устройства, разработанные на Земле. Я мог бы добавить, что пил Буббакуб и многие другие официальные лица неоднократно заявляли о бесполезности земных технологий.

Ч.К.А.:

— Вы намекаете, что Буббакуб заранее знал...

П.К.:

— Нет, конечно, нет! В каком-то смысле Буббакуба одурачили так же, как и всех нас. Его возражения основывались исключительно на

эстетических соображениях. Образованному пилу ужасно не нравилось, что галактические системы сжатия времени и управления гравитацией станут соседствовать с архаичной системой охлаждения и доисторическими тепловыми экранами землян. Впрочем, его можно понять: ведь отражающие поля и охлаждающий лазер основывались на принципах, известных людям еще в двадцатом веке. Естественно, Буббакуба покоробила настойчивость людей в их желании построить корабль прежде всего по земным технологиям. Он возражал, и возражал очень упорно, пытаясь убедить их в том, что рядом с галактическими системами земные устройства абсолютно излишни. Ну и, кроме того, Буббакуб попросту презирает доконтактную земную науку, высокомерно полагая, что она представляет собой жалкую смесь полуистин и суеверий.

Ч.К.А.:

— Однако эти суеверия оказались куда надежнее, чем новейшие разработки галактической науки.

П.К.:

— Надо признать, нам очень повезло. Ведь Кулла, также как и Буббакуб, считал, что от земных систем мало что зависит, и поначалу даже не

пытался вывести их из строя. Когда же он понял свою ошибку, было уже поздно.

Член Комиссии Монт:

— Доктор Кеплер, я никак не могу понять одного. И думаю, кое-кто из моих коллег разделяет мое недоумение. Насколько я знаю, Хелен де Сильва использовала охлаждающий лазер в качестве двигателя. Но, чтобы вывести корабль из хромосферы, необходимо преодолеть притяжение солнечной массы. Пока действовали гравитационные двигатели, ничего невозможного в этом не было, но что же произошло после того, как они вышли из строя? Почему корабль не смяло в лепешку?!

П.К.:

— Гравитационные двигатели отказали не сразу. Сначала испортилась тонкая настройка полей внутри гравитационной петли, ведущей на приборную полусферу. Затем отказала система автоматического слежения за турбулентностью, и, наконец, исчезли сами поля, компенсировавшие внутри корабля притяжение Солнца. Но когда это произошло, солнечный корабль уже добрался до нижних слоев солнечной короны. Командир де Сильва была готова к такому повороту. Она хорошо понимала, что после отключения

внутреннего компенсационного поля продолжать подъем — чистейшее самоубийство. Хотя на крайний случай, стремясь сохранить если не жизни членов экипажа, то хотя бы полученные уникальные данные, она оставила и этот вариант. Но Хелен нашла выход: она предоставила корабль свободному падению, лишь слегка притормаживая двигателями с ускорением, не превышающим три «g». К счастью, существует способ довольно безопасного падения в гравитационную воронку, надо лишь двигаться по гиперболической орбите относительно гравитационного центра. Хелен и попыталась перевести корабль на такую орбиту, направив лазер по касательной к ней. По сути дела, она всего лишь повторила управляемый прыжок доконтактного периода. Разница состояла в том, что на этот раз прыжок был вынужденным, а орбита не столь высока.

Ч.К.А.:

— Как близко корабль подошел к Солнцу?

П.К.:

— Вы уже знаете, что корабль до этого падал дважды: сначала, когда отказали гравитационные двигатели, и потом, когда солярианe, какое-то время удерживавшие корабль своими

телами, вынуждены были оставить это бесплодное занятие. Так вот, во время третьего падения корабль подошел к Солнцу наиболее близко. Он в буквальном смысле коснулся поверхности фотосферы.

Ч.К.А.:

— Но как же турбулентность?! Почему корабль не раздавило?!

П.К.:

— В результате этого вынужденного погружения мы получили много новых сведений о физике Солнца. Хромосфера оказалась куда менее турбулентной, чем мы предполагали. Впрочем, и среди нас имелись провидцы, которым я сейчас с огромным удовольствием приношу свои извинения. Но думаю, что решающим элементом явилось все-таки мастерство пилота. Хелен де Сильва совершила невозможное. Люди из службы спасения изучили данные бортовых датчиков и пришли в неописуемый восторг, омраченный лишь невозможностью немедленно склонить колени перед мужеством и мастерством Хелен де Сильвы.

Генерал Уэйд:

— Да уж, спасатели, подоспевшие на помощь, испытали настоящий шок от увиденного. Экипаж

напоминал армию Наполеона во время отступления из Москвы. На борту стоял жесточайший мороз. Никто не подавал признаков жизни. Вы можете понять, в каком недоумении находились мы, пока не просмотрели данные.

Член Комиссии Нгуен:

— Могу себе представить! Никто не ожидал, что из раскаленного ада вылетит снежный ком! Доктор Кеплер, а вы понимаете, почему командиру корабля понадобилось увеличить скорость отвода тепла?

П.К.:

— Честно говоря, не совсем. Мне кажется, что Хелен намеренно понизила температуру на борту корабля с одной-единственной целью — сохранить в целости полученные данные. Она боялась, что они могут сгореть. Наверное, Хелен все-таки верила в то, что корабль выберется из этой переделки. Но вряд ли она задумывалась над биологическим эффектом столь резкого понижения температуры. Видите ли, во многих вопросах Хелен оставалась совершенно наивной. В своей области де Сильва достигла совершенства, но не уверен, что она знала о достижениях криогенной хирургии. Полагаю, очнувшись, она будет очень поражена. Да и остальные наверня-

ка удивятся не меньше. За исключением, быть может, мистера Демвы. Этого человека ничем не проймешь. Боюсь, что даже сейчас, когда его сознание пребывает в небытии, он продолжает свои аналитические игры.

31. РАСПРОСТРАНЕНИЕ

По весне киты устремляются на север. Когда он в последний раз стоял на берегу океана, наблюдая за миграцией серых китов, многие из тех, что вспенивал сейчас морскую гладь, не появились еще на свет. Ему было любопытно узнать, поют ли нынешние поколения «Балладу о Джейкобе и Сфинксе».

Наверное, нет. Серым китам песня всегда не слишком нравилась. Не то что чувствительным белугам. Серые киты славились снобизмом, но Джейкоб все равно любил их.

Негромко ревели буруны, разбиваясь о скалы у его ног. Воздух, пропитанный соленой влагой, наполнял сердце радостью и безмятежным покоем.

В госпитале Санта-Барбары его попытались усадить в инвалидное кресло, но Джейкоб отказался, предпочтя трость. Хотя такой выбор сильно ограничивал свободу передвижения, зато посто-

янная физическая нагрузка шла на пользу. Все три месяца, прошедшие с момента пробуждения в боксе госпиталя, Джейкоб отчаянно пытался встать на ноги.

Он вспомнил, как изменилась после возвращения на Землю Хелен. И куда только исчезли ее надменность и чопорность! Лексикон уроженки эпохи расцвета Бюрократии заставлял заливаться краской благонравных граждан Конфедерации. Джейкоб улыбнулся. Когда Хелен почувствовала, что находится среди друзей, ее речь обрела выразительность языка опытного космолетчика, повергая всех в полнейшее изумление. Но Хелен лишь смеялась, ссылаясь на издержки своего воспитания. Джейкоб, весьма интересовавшийся жизнью Хелен, был очень настойчив в расспросах. А если не помогали обычные методы убеждения, то переходил к менее традиционным. На Хелен в таких случаях нападал приступ безумного хохота, она обзывала его развалиной и требовала, чтобы он прекратил нелепые попытки совершить то, к чему далеко еще не готов. Ну и язва! Как будто она готова! Джейкоб снова улыбнулся.

Только через месяц врачи прекратят пичкать их гормональными препаратами. Сначала

должны полностью восстановиться все клетки организма. Еще месяц потребуется на подготовку к столь серьезному испытанию, как космический полет. Хелен, опережавшая Джейкоба на пути к выздоровлению, постоянно дразнила его, подчас довольно жестоко. Доктора же на его просьбы оградить от нападок этой «нахалки» лишь улыбались и отвечали, что разочарование обостряет желание выздороветь. Ну и чушь! Если Хелен не прекратит провокаций, то вскоре ему придется как следует удивить и ее, и этих болтунов в белых халатах. Джейкоб не очень доверял всяким там графикам, больше полагаясь на собственные ощущения.

Ифни! Как же здесь хорошо! Как чудесен океан воды, а не огня! Джейкоб с наслаждением втянул в себя соленый воздух. Пора идти. Его ждет лечение, куда более эффективное, чем таблетки и самовнушение.

Он повернулся и медленно направился к хаотичному строению, экстравагантному жилищу его дядюшки Джеймса. Он с удовольствием ощущал под ногами твердую землю, а не упругий материал, служивший полом на Меркурий и солнечном корабле.

Дядя Джеймс, по своему обыкновению, упоенно

флиртовал с Хелен. Она же бесстыдно поощряла его.

— Мой мальчик! — Дядюшка Джеймс приветственно вскинул руку. — А мы уже собирались разыскивать тебя!

Джейкоб лениво улыбнулся.

— К чему спешить, дядя Джим! Уверен, у нашей покорительницы межзвездных миров в запасе имеется еще немало историй. Дорогая, ты уже рассказала моему родственнику о черной дыре?

Хелен криво улыбнулась и одарила его ироничным взглядом.

— Джейк, по-моему, ты хотел сам поведать своему дяде эту историю.

Джейкоб ответил безмятежной улыбкой. Она права — он должен сам заняться обработкой дядюшки. На дипломатические таланты Хелен особо рассчитывать не приходилось.

Хелен де Сильва была великим пилотом, а за последние недели она стала еще и превосходным конспиратором. Но Джейкоба немного пугали ее упорство и сила. Он не знал, как сложатся их отношения в дальнейшем.

Узнав после пробуждения, что корабль «Калипсо» уже отправился в межзвездный полет, Хелен тут же записалась в группу «Везариус-2». На роб-

кие попытки Джейкоба узнать, чем же она там занимается, Хелен лишь нагло отвечала, что сначала она должна как следует выдрессировать его в полном соответствии с системой доктора Павлова, дабы выработать необходимые условные рефлексы. Курс дрессировки займет не меньше трех лет, добавляла Хелен, и в конце означенного периода, она, так уж и быть, сжалится над ним и позвонит в колокольчик, приглашая его отправиться с ней в межзвездный полет.

У Джейкоба, правда, имелись свои соображения на этот счет, хотя он обреченно понимал, что деятельность его слюнных желез находится под полным контролем Хелен де Сильвы.

Дядя Джеймс нервничал. Джейкоб не мог припомнить случая, когда дядя выглядел бы столь обеспокоенным. Куда-то вдруг подевалось знаменитое ирландское обаяние, которым всегда славился клан Альварес. Живые зеленые глаза смотрели неестественно печально.

— Джейкоб, мой мальчик! Прибыли наши гости. Они ждут в кабинете, ими занимается Кристиан. Я очень рассчитываю, что ты будешь благоразумен. Ох, не стоило приглашать этого парня из правительства! Мы сами могли все уладить. Но теперь, насколько я понимаю...

Джейкоб помахал свободной рукой.

— Дядя, пожалуйста! Мы уже все с тобой обсудили Ты же понимаешь, что принять решение необходимо. Если ты откажешься от услуг Комиссии по регистрации секретов, то я буду вынужден созвать семейный совет и вынести это дело на его суд. Ты же знаешь дядю Джереми, он скорее всего потребует, чтобы это дело немедленно предали огласке. Пресса, разумеется, примет твою сторону, но у Департамента судебных преследований появится отличный предлог, чтобы навесить на тебя маленькую пищащую штучку. Только представь, милый дядюшка, ходишь ты себе и попискиваешь, словно полевая мышь: пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип...

Джейкоб оперся о плечо Хелен, не столько потому, что устал, сколько в поисках моральной поддержки в этом бесконечном споре с дядей Джеймсом.

Аристократическое лицо дядюшки побледнело. Хелен тщетно пыталась сдержать смех, странно всхлипывая и издавая не слишком приличное бульканье.

— Прощу прощения, — выдавила наконец она.

— Тебе бы все насмехаться над беспомощным инвалидом! — Джейкоб ущипнул ее и снова опер-

ся на трость.

Кабинет дяди Джеймса производил не столь внушительное впечатление, как кабинет в Альварес-холле в Каракасе. Он выглядел куда более уютным и располагающим к приватным беседам. Джейкоб надеялся, что ему удастся серьезно поговорить с дядюшкой еще сегодня.

Лепные стены и декоративные колонны подчеркивали испанский стиль. Среди книжных полок выделялись закрытые ящики, в которых хранилась коллекция самиздатовских изданий времен Бюрократии. Над мраморным камином красовался девиз:

КОГДА НАРОД ЕДИН, ОН НЕПОБЕДИМ.

Фэгин, замерший декоративным растением у одной из колонн, приветственно свистнул. Джейкоб, церемонно поклонившись в ответ, приступил к длительной процедуре формального приветствия. Ему хотелось сделать приятное другу. Фэгин регулярно навещал его в госпитале. Поначалу они испытывали немалые трудности в общении, поскольку каждый считал себя в неоплатном долгу перед другим. После долгих и церемонных препирательств они наконец пришли к единому мнению, то есть каждый остается

при своем.

...Когда гиперболическая орбита вынесла солнечный корабль достаточно далеко от Солнца, к нему смогла подобраться спасательная команда. Проникнув на борт корабля, спасатели с изумлением обнаружили, что люди попросту заморожены. Тело прингла, находившееся на обратной стороне корабля, было расплющено всмятку перегрузками, не пощадившими нижней части корабля. Но больше всего спасателей поразил Фэгин. Уцепившись острыми шипами за палубу, он болтался вверх ногами. Параметрический лазер продолжал исправно работать, придавая картине совсем уж абсурдный вид. Холод повредил живучему кусту меньше четверти клеток, так что кантен вышел из всей этой заварухи, можно сказать, без потерь.

В итоге Фэгин из Института Прогресса, привыкший всегда быть лишь сторонним наблюдателем, сам очутился в центре всеобщего внимания. Он оказался единственным софонтом во всей Галактике, кто испытал, что значит лететь вверх тормашками сквозь плотное пламя звезды. Теперь и у него появилась своя собственная история, которую он мог с гордостью рассказывать пораженным слушателям. Но самое печальное

состояло в том, что бедняге Фэгину никто не верил. Пока не просмотрели данные с корабля.

Закончив с приветственным церемониалом, Джейкоб дружески кивнул Ла Року, восседавшему за столиком с многочисленными блюдами.

Со времени их последней встречи к журналисту вернулись и его цветущий вид, и, разумеется, аппетит. Сейчас Ла Рок с волчьей ненасытностью поглощал кулинарные творения Кристиана. Будучи все еще прикованным к инвалидному креслу, он лишь молча кивнул Джейкобу и Хелен, приветственно взмахнув пухлой ручкой. Джейкоб заподозрил, что подобная сдержанность объясняется очень просто: у репортера настолько набит рот, что он не в состоянии приветствовать старых друзей трескучей тирадой.

Кроме Фэгина и Ла Рока, в кабинете находился еще один человек. Высокий мужчина с длинным благородным лицом. Пронзительные светло-серые глаза. Во всем облике нечто аскетическое. Он поднялся из кресла навстречу вошедшим и протянул Джейкобу руку.

— Хан Нильсен, к вашим услугам, мистер Демва. Я много слышал о вас и теперь горд, что могу пожать вашу руку. Разумеется, Комиссия по регистрации секретов в курсе всего, что известно

правительству. Поэтому я вдвойне восхищаюсь вами. Но сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопрос, о котором правительству не следует знать.

Джейкоб и Хелен расположились на диване у окна.

— Совершенно верно, мистер Нильсен. Речь пойдет о двух вопросах. Во-первых, мы хотели бы получить формальное одобрение Совета Всех Землян.

Нильсен нахмурился.

— Вы должны сознавать, что в данный момент Совет пребывает в зачаточном состоянии. Делегаты от колоний не прибыли. Бюр... чиновникам Конфедерации, — Нильсен едва удержался от ругательства, — не по душе существование Комиссии по регистрации секретов, ставящей честность превыше закона. Совет Всех Землян еще менее популярен.

— Может, оно и к лучшему. Но чего ждут от нас и Совет, и ваша Комиссия? Ведь потребуются годы, чтобы Совет приобрел легитимность. Зачем вам рисковать, вмешиваясь в эту проблему?

Какое-то время все молчали. Потом Нильсен пожал плечами и достал из портфеля записывающее устройство.

— Содержание этого разговора не подлежит разглашению без санкции Комиссии по регистрации секретов. Кто первый? Может, вы начнете, доктор де Сильва?

Хелен кивнула.

— Хорошо. Первое. Мы знаем, что пил Буббакуб совершил преступление с точки зрения как Библиотеки, так и собственной расы. Он подделал доклад Библиотеки и совершил подлог на борту солнечного корабля, а именно: фальсифицировал контакт с солярианами и устроил представление с «реликвией летаней». Мы полагаем, что нам теперь известны мотивы его поступка. Во-первых, Буббакуба смутило отсутствие в Библиотеке каких-либо упоминаний о солнечных обитателях. И во-вторых, он уже давно мечтал поставить на место зарвавшуюся «сиротскую расу».

Подумав, Хелен добавила:

— Мы понимаем, что, действуя в русле галактической традиции, и Библиотека, и пилы попытаются подкупить Землю, пообещав всевозможные блага за вечное молчание. Конфедерация, возможно, и удовлетворится подобным предложением. Но надо помнить, что в будущем людям неизбежно придется столкнуться с враждебностью пилов, гордость которых уязв-

лена. Уже сейчас ходят разговоры о том, чтобы лишить наших подопечных, шимпанзе и дельфинов, статуса кандидатов в софонты. Более того, человечеству могут придать статус «приемных подопечных», дабы обеспечить «сложный переходный период». Не говорю уже о том, что начнется, если пилы активизируются в своих антипатиях к землянам. Я правильно обрисовала ситуацию?

Джейкоб кивнул.

— Прекрасно. Ты только не упомянула о моей глупости. Я совершил огромную ошибку, обвинив Буббакуба на Меркурии в присутствии довольно большой аудитории. Подписанное нами двухлетнее обязательство о неразглашении никем всерьез не воспринимается. Власти же Конфедерации слишком долго выжидали, прежде чем наложить запрет на информацию об этих событиях. И теперь, наверное, половина галактики перемывает нам косточки. В результате мы утратили шанс оказывать давление на пилов с помощью шантажа. А пилы не остановятся ни перед чем в стремлении превратить землян в приемышей. Под предлогом «возмещения» за преступление Буббакуба они навяжут нам разнообразную, но ненужную помощь, примутся нас

направлять и контролировать. Мы полностью окажемся во власти расы, ненавидящей нас.

Он замолчал и знаком попросил Хелен продолжать.

— Итак, второе. Теперь мы знаем, что в неудаче Буббакуба виноват Кулла. Думаю, в намерения прингла не входило разоблачение людьми его опекуна. Кулла сам собирался шантажировать пилов. Надо сказать, что он проявил редкую изобретательность. Поощряя попытки Джеффри «освободить» его, он тем самым спровоцировал гнев Буббакуба. Последовавшая смерть шимпанзе привела всех в смятение. Буббакуб возомнил, что отныне поверят любым его утверждениям. Возможно даже, что Кулла учел и проницательность руководителя проекта доктора Кеплера. Именно Кулла вывел его из строя с помощью своих удивительных глаз. Но самая важная часть плана Куллы состояла в имитации антропоморфных Призраков. Эта затея удалась ему с блеском. Он обманул всех без исключения. Нетрудно понять, что, обладая столь изощренным умом и столь редкими талантами, прингл считал себя вправе требовать независимости для своей расы. Мне нечасто доводилось слышать о столь одаренных существах.

— Но если пилы являются опекунами принглов, — возразил дядя Джеймс, — то почему Буббакуб не догадался о том, что Призраки — дело рук его подопечного?

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — пропел Фэгин. — Принглам разрешили самим выбрать помощника, который бы сопровождал Буббакуба. Моему Институту известно из независимого источника, что Кулла был незаурядным актером, очень популярным на одной из планет принглов. Кроме того, среди самодовольных пилов бытовало мнение, что их подопечные — существа недалекие и не отличающиеся особыми талантами.

— А в чем заключались способности принглов?

— Ну, во-первых, в умении создавать голографические изображения с помощью своих лазерных глаз. Не забывайте, что в этом искусстве принглы совершенствовались все сто тысяч лет разумного существования, причем делали это в тайне от опекунов. Я преклоняюсь перед их упорством и самоотверженностью.

Нильсен присвистнул.

— Да, наверное, они и в самом деле очень тяготились статусом подопечных. Но все-таки я не понимаю, почему Кулла все это затеял! Ка-

ким образом имитация псевдосоляриан, смерть Джеффри и давление на Буббакуба могли помочь расе принглов освободиться?

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот кивнул.

— Продолжай, это же в основном твои выводы.

Она глубоко вздохнула.

— Видите ли, в планы Куллы не входило разоблачение Буббакуба на Меркурии. Он вынудил своего опекуна солгать и проделать трюк с «реликвией летаней», но никак не ожидал, что мы начнем сомневаться в правдивости пила. Если бы его план полностью удался, то Библиотека получила бы сообщение, содержащее два пункта. Во-первых, Буббакуб — глупец и лжец, и от неминуемого конфуза его спасла лишь расторопность самого Куллы. И во-вторых, люди представляют собой сборище жалких идиотов, и на их россказни не стоит обращать внимания. Совершенно очевидно, что, получив такое сообщение, никто бы не поверил в странные рассказы землян о «человекоподобных Призраках», порхающих вокруг звезды. Недоверие усугублялось бы еще и отсутствием в Библиотеке упоминаний о солярианах. Так что, я думаю, вы без труда сможете представить себе, как отреагировала бы Галактика на рассказы о плазменных существах, потрясаю-

щих кулаками и чудесным образом избегающих регистрации! Услышав подобные утверждения, никто не взял бы на себя труд даже ознакомиться с полученными нами изображениями тороидов и настоящих соляриан. Галактика и так смотрит на земные «исследования» со снисходительным презрением. Думаю, Кулла хотел добиться, чтобы «Прыжок в Солнце» подняли на смех, даже не выслушав его участников.

Джейкоб заметил, как густо покраснел Ла Рок, в свое время также весьма пренебрежительно отзывавшийся о «земных исследованиях».

— Из краткого объяснения Куллы, — продолжала Хелен, — можно заключить, что он устроил всю эту катавасию с Призраками ради нашего же блага. Если бы нас сочли глупцами, то никто не обратил бы внимания на наше заявление об открытии. И землянам оставалось спокойно догонять другие расы.

Нильсен нахмурился.

— В этом есть определенный смысл.

Хелен пожала плечами.

— Теперь-то об этом поздно рассуждать. Во всяком случае, Кулла скорее всего собирался убедить Библиотеку в том, что люди — безвредные идиоты, на которых не стоит обращать внимание.

Для него гораздо важнее было то, что активным участником людского идиотизма оказался бы и пил Буббакуб, поверивший в так называемых Призраков. В результате он и решился на такую мистификацию! — Хелен повернулась к Фэгину. — Я верно изложила суть наших обсуждений, кантен Фэгин?

Кантен тихо свистнул.

— Абсолютно, дражайшая Хелен. Полностью доверяя Комиссии по регистрации секретов, я хочу сообщить, что мой Институт получил данные, касающиеся принглов и пилов. Очень важные в свете этого рассказа. Судя по всему, принглы оказались втянуты во всегалактическую кампанию по дискредитации пилов. Для человечества здесь открываются как новые возможности, так и новые опасности. Возможности заключаются в том, что ваша Конфедерация имеет доказательства предательства Куллы. Пилы узнают, что ими манипулировали, и скорее всего тут же начнут кампанию против принглов. Расу Куллы вынудят найти себе покровителя, их понизят в статусе. Колонии принглов ликвидируют, а население «сократят». Человечество, может, и получит при этом небольшую выгоду. Но она не перевесит враждебного отношения пилов к землянам. Пси-

хология пилов не знает, что такое благодарность. Да, они могут отложить на некоторое время попытки придать человечеству статус «приемной» расы. Но не более. Возможно, пилы также с готовностью воспримут послабления для землян в качестве возмещения ущерба, нанесенного одним из пилов. Но все равно люди никогда не смогут завоевать доброго расположения соплеменников Буббакуба. Сознание того, что они в неоплатном долгу перед человечеством, лишь усилит ненависть пилов к сиротской расе.

Кантен умолк, собираясь с мыслями, но поспешил добавить новые аргументы:

— Кроме того, многие либерально настроенные расы, на чью поддержку до сих пор человечество полагалось, отнесутся крайне неодобрительно к тому, что люди предоставят пилам casus belli[5] для новых джихадов. Тимбрими скорее всего отзовут свое консульство с Земли. И, наконец, имеются еще и этические соображения. Я не стану вдаваться в их тонкости, поскольку многое, вероятно, вам покажется непонятным. Скажу лишь, что Институт Прогресса заинтересован в том, чтобы принглы не подверглись санкциям. Это

---

[5] notes: 5
Повод к войне (исп.)

молодая и импульсивная раса, подающая очень большие надежды. И будет несправедливо, если на нее обрушатся жестокие репрессии только за то, что некоторые из ее представителей оказались замешаны в заговоре с целью освобождения своего вида от стотысячелетнего рабства. По перечисленным причинам я предлагаю наложить на преступления Куллы гриф полной секретности. От слухов в среде людей, безусловно, никуда не деться. Но надменные соро никогда не станут прислушиваться к человеческой болтовне.

Колокольчики тихо звякнули, и Фэгин замолчал.

Нильсен хмуро смотрел в окно.

— Неудивительно, что Кулла попытался уничтожить корабль, когда Джейкоб вычислил его. Если бы пилы получили официальное подтверждение о его действиях, принглы были бы обречены.

— А что, по вашему мнению, намерена предпринять Конфедерация? — спросил Джейкоб.

— Предпринять? — Нильсен горько рассмеялся. — О, они, разумеется, поспешат на поклон к пилам, подобострастно выложив все, как есть. В результате нам не навяжут полноценный филиал Библиотеки со штатом в десять тысяч

сотрудников! И нас не станут заставлять перейти на современные галактические корабли, в которых не способен разобраться ни один человек и которыми можно управлять лишь с помощью «советников»! Такой шаг даже отсрочит на неопределенный срок получение этого проклятого статуса «приемной расы»! — Нильсен махнул рукой. — С другой стороны, власти Конфедерации не станут церемониться с расой принглов, представитель которой убил нашего подопечного, чуть не погубил лучший земной проект и попытался выставить землян полными идиотами в глазах всей Галактики! И, положа руку на сердце, разве можно их за это осуждать?

Дядя Джеймс кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мы обязательно должны засекретить эту историю. Я пользуюсь некоторым влиянием в определенных кругах. Если я замолвлю словечко...

— Ты не можешь замолвить словечко, дядя Джеймс, — прервал его Джейкоб, — ты замешан, пускай и незначительно, в известной нам интриге. Если ты попытаешься вмешаться, то сразу же засветишься.

— О чем идет речь? — спросил Нильсен.

Джейкоб хмуро взглянул на дядю, затем на Ла Рока. Француз невозмутимо уничтожал очередной кулинарный шедевр.

— Эти двое входят в некую группу заговорщиков, решивших взорвать Закон о надзоре. Это еще одна причина, по которой я попросил вас приехать. Нужно что-то делать, и я решил, что лучше обратиться в вашу Комиссию, чем в полицию.

При слове «полиция» Ла Рок замер и с отвращением положил замысловатый бутерброд обратно на тарелку.

— Что еще за группа заговорщиков?

— В основном поднадзорные и сочувствующие им граждане. Эти безумцы задумали тайком построить космический корабль и отправиться в космос.

Нильсен резко выпрямился.

— Что?!

— Ла Рок отвечает за подготовку астронавтов. Кроме того, он исполняет функции главного шпиона. Наш поэт пытался снять калибровочные параметры генератора гравитации на солнечном корабле.

— Но зачем им это нужно?

— А почему бы и нет? Прекрасная форма протеста. Если бы я был поднадзорным, то ни в

коем случае не остался бы в стороне. Этот идиотский закон нравится мне не больше, чем самим поднадзорным. Но я реалист. Поднадзорные объявлены неполноценными. И в результате у них выработался устойчивый психологический комплекс. Вот они и пытаются объединиться, чтобы сообща ненавидеть «послушное и приручённое» общество. Они словно говорят: «Вы полагаете, что мы склонны к насилию? Что ж, придется оправдать ваши ожидания!» Большинство поднадзорных не способны причинить вред живому существу, что бы там ни показывали П-тесты. Но после того, как на них навесили ярлык, они и вести себя стали соответственно.

— Может, так, а может, и нет, — ответил Нильсен. — Но позволить поднадзорным отправиться в космос, да еще в данной ситуации...

Джейкоб вздохнул.

— Тут вы, разумеется, правы. Этого нельзя допустить ни в коем случае. Пока нельзя. С другой стороны, нельзя позволить и Конфедерации развязать истерию по этому поводу. Она лишь усугубит ситуацию и вызовет еще более резкие формы протеста.

Нильсен выглядел встревоженным.

— Не хотите ли вы сказать, что в спор о Законе о

надзоре может ввязаться Совет Всех Землян? Это было бы настоящим самоубийством! Общественное мнение никогда не простит этого Совету!

Джейкоб весело улыбнулся.

— Вы правы. Даже мой дядя Джеймс вынужден будет с вами согласиться. Нынешние граждане даже в мыслях не допускают изменения статуса поднадзорных, а Совет Всех Землян в настоящее время совершенно не пользуется авторитетом. Ведь чем сейчас занимается Совет? Управляет колониями, находящимися за пределами Солнечной системы. И рано или поздно, но он начнет контролировать все проекты землян в космосе. И вот тогда Совет сможет влиять, хотя бы символически, на Закон о надзоре.

— Я не очень понимаю, что вы имеете в виду.

— Вы, наверное, не знакомы с книгами Олдоса Хаксли? Когда Хелен была студенткой, его романы еще пользовались популярностью. Я же со своими кузенами обязан был изучать их в нашей семейной школе. Временами это было совсем нелегко, но труды стоили того. Этот человек обладал редкой проницательностью и удивительно острым умом. У старика Хаксли есть такой роман «О, дивный новый мир...»

— Я что-то слышал о нем. Антиутопия, не так

ли?

— В каком-то смысле. Советую почитать. Вы знаете, там есть совершенно невероятные по точности предсказания. Хаксли сконструировал общество с весьма непривлекательными чертами, но при этом самосогласованное и имеющее собственное понятие о чести. Этакий улей со своей этикой. Поскольку человечество то и дело порождает личности, которые никак не вписываются в установленные общественные рамки, то как, по вашему мнению, поступает с ними государство в романе Хаксли?

Нильсен сдвинул брови, не понимая, к чему клонит Джейкоб.

— В государстве, устройство которого напоминает улей? Наверное, отклоняющихся от нормы уничтожали?

Джейкоб вскинул указующий перст.

— Нет, не совсем так. Государство у Хаксли обладает определенной мудростью. Его лидеры сознают, что их система лишена гибкости и не способна выдержать внезапные потрясения. Они хорошо понимают, что неординарные личности — это резерв, к которому можно обратиться в трудные времена, но в то же время не могут оставить их на свободе.

— И что же?

— Всех, кто отклоняется от нормы, попросту ссылают на острова, где им дозволяется осуществлять собственные культурные эксперименты.

— На острова? — Нильсен почесал голову. — Впечатляющая идея. Но в действительности она обратна идее резерваций для Внеземных. Мы выслали поднадзорных с небольших территорий, предоставив их В.З.

— Ужасно, — пробормотал Джеймс, — и для поднадзорных, и для В.З. Фэгин, к примеру, очень хотел бы посетить Лувр, Агру или Йосемитскую долину!

— Всему свое время, друг Джеймс Альварес, — пропел Фэгин. — Сейчас я очень благодарен за разрешение посетить этот уголок Калифорнии. Я не заслужил такой милости.

— Не уверен, что идея с островами так уж хороша, — задумчиво протянул Нильсен. — Но, безусловно, она достойна обсуждения. Все ее плюсы и минусы мы рассмотрим как-нибудь в другой раз. А сейчас меня интересует совсем другое: при чем тут Совет Всех Землян?

— А вы проведите параллель, — откликнулся Джейкоб. — Ведь проблема поднадзорных в значительной степени была бы ослаблена, если бы

в их распоряжение были предоставлены острова, где они могли бы жить по своему разумению, не подвергаясь постоянному контролю. Но и этого мало. Многие поднадзорные считают, что их с самого начала лишили чего-то очень важного. Речь идет не только о родительских правах, но и о космосе, самом великом достижении человечества. Небольшой заговор, в который вовлечены и мой дядя Джеймс, и мистер Ла Рок, — первый симптом подобных настроений. Нам вскоре предстоит всерьез столкнуться с проблемой поднадзорных, если, конечно, не будет найдена ниша, где они смогут ощутить себя полноправными людьми.

— Ниша... острова... космос! Демва, вы можете быть хоть изредка серьезным? Купить еще одну колонию и передать ее поднадзорным? И это когда мы с трудом справляемся с имеющимися тремя? Должно быть, вы большой оптимист, если полагаете, что подобный план хоть сколько-нибудь реален.

Джейкоб почувствовал, как рука Хелен коснулась его руки. Он быстро взглянул на нее. В лице — обычная смесь надменности и готовности вот-вот рассмеяться. В ответ он сжал ее пальцы.

— Вы правы, в последнее время я стал оптимистом. И уверен, что мой план не так уж

безнадежен.

— Но средства?! Где взять средства? И что вы собираетесь делать с возмущенными гражданами, которые сами рвутся осваивать новые колонии? Черт побери, места все равно всем не хватит! Даже «Везариус-2» может принять не более десяти тысяч человек. А поднадзорных почти сто миллионов!

— Но ведь далеко не все захотят отправиться в полет, особенно если в их распоряжении будут острова на Земле. Кроме того, я уверен, что для них важнее само право на космос. Хотя отсутствие средств — это действительно проблема. — Джейкоб улыбнулся. — Но почему бы не попросить Библиотеку помочь нам в этом деле? Колония четвертого класса и несколько кораблей типа «Орион», приспособленных специально для земных экипажей.

— И как вы собираетесь убеждать? Библиотека, безусловно, обязана возместить нам ущерб, причиненный Буббакубом. Однако она постарается сама получить выгоду от сделки Не упустит момент! Да еще поспешит поставить нас в полную зависимость от галактических технологий. И уж в этом Библиотеку поддержат все расы. Как вы собираетесь заставить их изменить форму

возмещения?

Джейкоб развел руками.

— По-моему, вы забыли о том, что у нас кое-что есть. Настолько ценное, что Библиотека обязательно согласится на наши условия. Знание! — Он достал из кармана клочок бумаги. — Это зашифрованное сообщение с Меркурия, которое я получил от Милли Мартин. Хотя Милли до сих пор прикована к инвалидному креслу, она отправилась в экспедицию, поскольку соляриане пока соглашаются общаться только с ней. Так вот, Милли сообщает, что уже совершено несколько полноценных прыжков. И она приняла участие в одном из них. Милли до сих пор умудряется уклоняться от доклада властям Конфедерации. Сначала она хотела бы посоветоваться со мной и Фэгином. Контакт установлен. Соляриане с ней говорили. Они разумны и имеют очень долгую историю.

— Невероятно, — выдохнул Нильсен. — Но каким образом это открытие может иметь политические последствия?

— Судите сами. Пускай Библиотека по-прежнему верит, что может заставить нас принять возмещение ущерба на ее условиях. Но если действовать умело, мы вынудим ее пойти на

значительные уступки. Тот факт, что соляриане обладают речью и помнят отдаленное прошлое — а Милли дает понять в своем сообщении, что они помнят прыжки в Солнце древних софонтов, быть может, даже самих прародителей, — означает, что нам неожиданно выпал настоящий подарок судьбы. Библиотека, безусловно, захочет как можно больше узнать о наших таинственных предшественниках. В результате открытие землян получит большую огласку. — Джейкоб усмехнулся. — Конечно, дело непростое. Сначала нам надо закрепить сложившееся впечатление того, что «Прыжок в Солнце» потерпел крах. Затем с упрямством истинных идиотов получить у Библиотеки патент на исследование Солнца. Чинить препятствий нам не станут, поскольку решат, что дальнейшие исследования лишь выставят людей еще большими дураками. Когда же Библиотека поймет, чем мы обладаем, ей придется выкупить у нас это знание по нашей цене! Здесь нам потребуется помощь Фэгина. Пригодятся и политический опыт клана Альварес, и энергия Совета Всех Землян. Думаю, что мой план не так уж нереален. Дядя Джереми наверняка не откажет мне, когда узнает, что я наконец ввязался в «грязную политику».

Дядя Джеймс рассмеялся.

— Слышали бы тебя твои братья! Я уже предвижу панику в их рядах!

— Передай, что им нечего опасаться. Конкурировать с ними я не собираюсь. Впрочем, я сам все расскажу своим многочисленным родственникам, когда дядя Джереми соберет семейный совет. По моим прикидкам, мы можем уложиться в три года. После чего я навсегда удалюсь от политики. Видите ли, друзья мои, у меня возникло желание совершить длительное путешествие.

Хелен с силой ущипнула его за ногу. Джейкоб серьезно взглянул на нее.

— Но я ни за что не отступлю от одного условия. Мы обязательно должны взять с собой дельфиниху. Несмотря на пристрастие к похабным песням, она может нам очень пригодиться в решении многих проблем!

Звездный прилив

Моим собственным прародителям...

СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Акки — дельфин, корабельный гардемарин с Калафии.

Акцептор — представитель расы клиентов танду. Телепат с исключительными способностями к восприятию.

Би Чохуан — синтианский разведчик.

Баскин, Джиллиан — врач, представитель Совета Земли. Результат генной инженерии.

Библиотека — информационный банк данных, который обеспечивает единство галактического сообщества; архив знаний, накопленных со времен прародителей.

Братья Ночи — галактическая раса патронов.

Брошенный флот — обнаруженная «Стремительным» флотилия гигантских космических кораблей, давно забытых и блуждающих в космосе.

Брукида — дельфин-металлург.

Ватгасети — сержант-неофин.

Возвышение — процесс включения старшими

космическими расами младших в галактическую культуру с помощью обучения и генной инженерии. Образующаяся при этом раса клиентов служит своим патронам определенное договором время.

Галакты — представители старших космически рас, которые образуют сообщество пяти галактик. Большинство из них являются патронами, участвуя в древнем процессе возвышения.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная Земле.

Д'Анит, Эмерсон — инженер «Стремительного», человек.

Дарт, Чарлз — планетолог, неошимпанзе.

Ивашика, Тошио — гардемарин с Калафии.

Ики — древний остров смерти и уничтожения.

Ифни — «Бесконечность», или госпожа Удача.

Калафия — колонизованный мир, населенный людьми и неодельфинами.

Кантен — одна из немногих галактических рас, дружески относящихся к Земле.

Карранк% (человек не может произнести правильно) — галактическая раса, настолько измененная в процессе служения по договору,

что превратилась в расу безумцев.

Кикви — земноводные предразумные существа, туземные обитатели планеты Китруп.

Кининк — философская школа, объединяющая логику человеческой мысли с наследием «сна китов».

Кипиру — первый пилот «Стремительного». Уроженец планеты Атласт.

Клиент — раса, достигшая стадии разума благодаря генной инженерии, осуществленной расой патронов. Договорный клиент — раса, выплачивающая свой долг патрону согласно договору.

Крайдайки — капитан исследовательского корабля «Стремительный».

Крат — командующая эскадрой соро.

Кта-Джон — особая разновидность неодельфина-стенос. Один из младших офицеров «Стремительного».

Маканай — корабельный хирург «Стремительного»; фем-неофин.

Мел — термин языка англик, обозначающий человека-мужчину.

Мелкое скопление — редко посещаемое ненаселенное шаровое скопление, в котором был обнаружен брошенный флот.

Метц, Игнасио — эксперт по возвышению, при-

писанный к «Стремительному».

Моки — неофин-стенос.

Нисс — псевдоразумный компьютер, переданный Томасу Орли агентом тимбрими.

Орли, Томас — агент Совета Земли, результат незначительной генной инженерии.

Пила — галактическая раса патронов, входящая в клан соро и враждебная Земле.

Праймал — полуязык, которым пользовались дельфины Земли до возвышения.

Прародители — мифическая первая раса, основавшая галактическую культуру и Библиотеку несколько миллиардов лет назад.

Сахот — неодельфин-стенос. Гражданский лингвист на борту «Стремительного».

Свесси, Ханнес — инженер, человек.

Синтианин — член одной из трех галактических рас, дружески настроенных по отношению к Земле.

Соро — одна из старших рас патронов, враждебно настроенная по отношению к Земле.

Стенос — профессиональное название неодельфинов, у которых есть гены естественных дельфинов вида Stenos bredanensis.

Stenos bredanensis — вид естественных дельфи-

нов на Земле, дельфин крупнозубый.

Судман, Дэнни — экзобиолог, человек.

Такката-Джим — неофин-стенос, помощник капитана «Стремительного».

Танду — воинственная галактическая раса, враждебная Земле.

Теннанинцы — воинственная галактическая раса.

Тимбрими — галактическая раса, дружески относящаяся к Земле; известна своим умом.

Турсиопы — профессиональный термин, обозначающий неодельфинов без генов стенос.

Tursiopus amicus — современный неодельфин. В переводе — «дружественная афалина».

Tursiopus truncatus — естественный дельфин Земли, афалина.

Тшут — неофин, самка, четвертый офицер «Стремительного».

Фем — термин языка англик, обозначающий женщину.

Фин — профессионализм, неодельфин.

Хаоке — неодельфин-турсиопа.

Херби — мумия древнего астронавта неизвестного происхождения.

Хикахи — неодельфин, самка, третий офицер

«Стремительного».

Хеурка-пит — неодельфин-стенос.

Эписиарх — член расы клиентов, служащий по договору танду. Телепат.

ПРОЛОГ
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

«Стремительный» хромает, как пес на трех лапах.

Вчера наудачу мы прыгнули в овердрайв, чтобы уйти от преследования галактов. Единственная уцелевшая после Моргранской битвы вероятностная обмотка стонала и скрипела, но все-таки доставила нас сюда, к источнику слабой гравитации, звезде-карлику, которая называется Ктсимини.

Библиотека указывает на наличие одного пригодного для жизни мира — планеты Китруп.

Говоря «пригодный для обитания», я выражаюсь очень мягко. Мы с Томом, Хикахи и капитаном провели много часов в поисках альтернативы, и в конце концов Крайдайки решил привести нас сюда.

Как врач, я страшусь высаживаться на такой коварной и опасной планете, но Китруп — океанический мир, а на-

шему экипажу, состоящему в основном из дельфинов, необходима вода, чтобы передвигаться и ремонтировать корабль. Китруп богат тяжелыми металлами, на нем есть все необходимое.

К тому же еще одно преимущество — его редко посещают. Библиотека утверждает, что планета очень давно не возделывалась. Может, галакты не догадаются искать нас здесь.

Я сказала об этом Тому вчера вечером, когда мы, взявшись за руки, смотрели, как вырастает планета в иллюминаторе каюты. Обманчиво красивый голубой шар, перевитый белыми лентами облаков. Ночная сторона тускло освещается действующими вулканами и молниями.

Я сказала Тому:

— Уверена: здесь нас никто преследовать не будет.

Конечно, я поделилась этой догадкой только с ним, и поэтому никого не пришлось обманывать. Том улыбнулся и промолчал: пощадил мое желание надеяться только на лучшее.

Конечно, они не оставят нас в покое.

«Стремительный» мог уйти только по нескольким пространственным линиям, не пользуясь пунктом перехода. Вопрос лишь в том, сумеем ли мы отремонтировать корабль и улететь прежде, чем появятся галакты.

Впервые за последние дни мы с Томом смогли несколько часов побыть наедине. Мы ушли в свою каюту и занимались любовью.

Сейчас он спит, а я пишу эти строки. Не знаю, когда смогу их продолжить.

Только что позвонил Крайдайки. Он вызывает нас обоих на мостик. Вероятно, чтобы фины видели и знали, что патроны-люди рядом. Даже такой опытный астронавт, как Крайдайки, время от времени испытывает подобную потребность.

Если бы и у нас, людей, было такое психологическое убежище!

Пора заканчивать писать и будить моего уставшего спутника. Хочу еще кратко изложить, что сказал мне Том вчера, когда мы смотрели на бурные моря Китрупа.

Он повернулся ко мне, улыбнулся своей необычной улыбкой — как всегда, когда мыслит иронично, — и просвистел на дельфиньем языке тринари краткую хайку:

Звезды дрожат от бури,
Вода ревет от грома —
Но разве мы промокли, любовь моя?

Я рассмеялась. Иногда мне кажется, что Том наполовину дельфин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЛАВУЧЕСТЬ

Все ваши лучшие дела должны быть записаны на воде...

Фрэнсис Бомонт и Джон Флетчер

1. ТОШИО

Фины тысячелетиями смеялись над людьми. Люди всегда казались им ужасно смешными. То, что люди вмешались в их генетику и научили инженерии, нисколько не повлияло на это отношение.

Фины по-прежнему наглецы.

Тошио смотрел на маленькую инструментальную панель своих морских саней, делая вид, что проверяет показания глубиномера. Сани двигались на глубине десять метров. Никаких поправок вносить не нужно, но Тошио сосредоточился на панели, когда к нему подплыл Кипиру — несомненно, собираясь отпустить новую шутку.

— Маленькие Руки, свистни! — Гладкий се-

рый дельфин сделал справа от Тошио «бочку» и подплыл поближе, небрежно взглянув на него. — Насвисти нам мотив о кораблях, и космосе, и возвращении домой!

Голос Кипиру, резонируя во множестве полостей его черепа, напоминал звук фагота. Но дельфин с таким же успехом мог имитировать гобой и саксофон.

— Ну, Маленькие Руки? Где твоя песня?

Кипиру говорил так, чтобы слышали все остальные. Прочие дельфины плыли тихо, но Тошио знал, что они слушают. Он радовался, что Хикахи, командир экспедиции, находится впереди, в разведке. Было бы гораздо хуже, если бы Хикахи оказалась рядом и приказала Кипиру оставить юношу в покое. Слова Кипиру ничто по сравнению с позором — его, Тошио, защищают, как беспомощного ребенка.

Кипиру лениво перевернулся вверх брюхом около саней и легкими движениями плавников удерживался рядом. В хрустально чистой воде Китрупа все странно преломлялось. Похожие на кораллы вершины металлических островов-холмов мерцали, как горы, сквозь дымку в конце длинной долины. С поверхности свисали длинные нити водорослей.

Серая шкура Кипиру фосфоресцировала, острые как иглы зубы в его длинной узкой V-образной пасти блестели с насмешливой жестокостью, которая кажется преувеличенной... если не водой, то воображением Тошио.

Как фин может быть таким злым?

— Споешь нам, Маленькие Руки? Спой нам песню, на которую мы могли бы купить рыбной похлебки, когда наконец улетим с этой так называемой планеты и окажемся в дружественном порту! Свисти, чтобы спящим приснилась Земля!

В ушах Тошио, перекрывая негромкий гул очистителя воздуха, загудело от замешательства и неловкости. Он был уверен, что сейчас в любой момент Кипиру перестанет звать его Маленькие Руки и пустит в ход другое придуманное им прозвище — Великий Мечтатель.

Жаль, что он уже допустил ошибку, начал насвистывать, участвуя в исследовательской экспедиции с дельфинами, и те приветствовали его свист насмешками; но чтобы его издевательски величали титулом самых великих музыкантов среди горбатых китов... такого он выдержать не сможет.

— Мне не хочется сейчас петь, Кипиру. Почему

бы тебе не попросить кого-нибудь другого? — Тошио понял, что одержал победу над собой: ему полностью удалось унять дрожь в голосе.

К его облегчению, Кипиру только просвистел что-то высокое и быстрое на гортанном тринари, почти на дельфиньем праймале, — хотя это можно было воспринять и как оскорбление. Потом дельфин изогнулся и устремился к поверхности за воздухом.

Вода везде чистая и голубая. Быстро проплывают блестящие китрупские рыбы; их чешуйчатые спины отражают свет, как плывущие замерзшие листья. Все вокруг разнообразных металлических оттенков. Утреннее солнце проникает в чистое спокойное море и отражается от своеобразных живых организмов этого странного и неизбежно смертоносного мира.

Но Тошио некогда смотреть на красоты китрупских вод. Он ненавидит эту планету, ненавидит искалеченный корабль, который принес их сюда, ненавидит дельфинов, своих товарищей по несчастью. Он плыл и наслаждался ядовитыми ответами, которыми смог бы парировать Кипиру: «Если ты так хорош, Кипиру, почему бы тебе не насвистеть нам немного ванадия?» Или: «Не вижу смысла насвистывать человеческую мелодию

для дельфинов, Кипиру».

Эти воображаемые ответы казались очень эффектными. Но Тошио знал, что на самом деле никогда ничего подобного не сказал бы.

Прежде всего, пение именно китообразных, а не антропоидов принималось как законная плата во многих портах галактики. Конечно, высоко ценились печальные баллады китов, двоюродных братьев дельфинов, но все же Кипиру и его сородичи могли в большинстве портов купить выпивку, просто поработав своими легкими.

И вообще было бы ужасной ошибкой пытаться «качать права» по отношению к экипажу «Стремительного». В самом начале пути, после того, как они оставили Нептун, Тошио предупредил об этом старина Ханнес Свесси, один из семи людей, членов экипажа.

— Попробуй, и увидишь, что получится, — сказал механик. — Они будут ужасно смеяться, и я тоже, если окажусь в это время рядом. И скорее всего кто-нибудь из них ущипнет тебя. Если дельфины чего-нибудь не любят, так это людей, которые, не имея права, напускают на себя важность патронов.

— Но протоколы... — начал возражать Тошио.

— Подумаешь, протоколы! Они придуманы для

того, чтобы люди, и фины, и шимпы вели себя правильно в присутствии галактов. Если «Стремительный» будет остановлен патрулем соро или запросит у пиланского библиотекаря данные, вот тогда доктор Метц или мистер Орли... или даже ты и я... сделаем вид, что мы здесь старшие, потому что никто из этих ити[6] и не подумает разговаривать с такой молодой расой, как дельфины. Но в остальное время мы подчиняемся приказам капитана Крайдайки.

— Да уж и так плохо — получать выговор от соро и делать вид, что радуешься, потому что эти проклятые ити признают, что мы, люди, по уровню чуть выше фруктовых мух. Представляешь, каково бы нам было, доведись нам действительно вести корабль? Попытались бы превратить дельфинов в послушных, покорных клиентов-рабов? Тебе бы это понравилось?

Тогда Тошио яростно покачал головой. Мысль о том, чтобы обращаться с финами, как обычно в галактике обращаются с клиентами, вызывала отвращение. Его лучший друг Акки — фин.

Но иногда, в такие минуты, как эта, Тошио мечтал о какой-нибудь компенсации за то, что

---

[6] notes: 6

ИТ, «ити», от англ. ET — extra-terrestrial — внеземной, общепринятое название разумных существ с других планет

оказался единственным молодым человеком на корабле, экипаж которого — в основном взрослые дельфины.

На корабле, который в данный момент никуда не направляется, напомнил себе Тошио. И негодование из-за насмешек Кипиру тут же сменилось тревогой: сможет ли он вообще когда-нибудь покинуть этот водяной мир Китруп и снова увидеть дом?

Замедли ход — юноша на санях

Исследовательская группа — соберись

Плывет Хикахи — мы ее ждем.

Тошио оглянулся. К нему приближался Брукида, пожилой дельфин-металлург. Тошио просвистел ответ на тринари.

Хикахи плывет — мои сани останавливаются.

И потянул назад дроссель.

На экране сонара Тошио видел отражение звука, идущего спереди и с боков. Возвращаются разведчики. Он поднял голову и увидел играющих на поверхности Тшут и Кипиру.

Брукида перешел на англик. Хоть говорил он запинаясь и слишком высоко, все же гораздо лучше,

чем Тошио на тринари. В конце концов дельфины получили генетически усовершенствованный речевой аппарат, чтобы пользоваться звуками человеческой речи, а не наоборот.

— Ты не нашел следов нужных веществ? — спросил Брукида.

Тошио взглянул на молекулярное сито.

— Нет, сэр. Пока ничего. Невероятно, вода почти чистая, учитывая содержание металлов в коре. В ней вообще нет никаких солей тяжелых металлов.

— И ничего при глубоком сканировании?

— Никакого резонансного эффекта на тех полосах, которые я проверил, хотя общий уровень шума очень высок. Не уверен, что смогу засечь даже насыщенный никель, не говоря уже о других нужных нам элементах. Все равно что искать иголку в стоге сена.

Наблюдается парадокс. Планета перенасыщена металлами. И это одна из причин, почему капитан Крайдайки выбрал ее убежищем. Но вода относительно чистая... настолько чистая, что дельфины могут свободно плавать, хотя жалуются на чесотку, а по возвращении на корабль нуждаются в приеме медикаментов.

Объяснение поблизости — растительность и

рыбы.

Кости живых организмов Китрупа состоят не из кальция, а из других металлов. Вода проходит через биологические фильтры и очищается. Вот море и сверкает яркими цветами металлов и окислов. Блестящие грудные плавники рыб, серебряные стебли подводных растений — все это контрастирует с обычной хлорофилловой зеленью листьев.

И преобладают в этой картине металлические холмы, гигантские губчатые острова, созданные миллионами кораллоподобных существ, чьи металлорганические экзоскелеты превратились в огромные горы с плоскими вершинами, поднимающимися на несколько метров над уровнем воды.

А на островах растут деревья-сверла, они пропускают сквозь металлический холм свои корни с металлическим покрытием и высасывают снизу органику и силикаты. Деревья создают неметаллический слой на каждом острове и пещеру под металлическим холмом. Странное сочетание. Библиотека на «Стремительном» не смогла дать никакого объяснения.

Инструменты Тошио обнаружили чистое олово, холмы из хромовой рыбьей чешуи, коралловые

колонии из разнообразных сплавов бронзы, но пока никаких удобных, легкодоступных источников ванадия. А также нужной им разновидности никеля.

Вообще-то нужно чудо — что-нибудь этакое, что помогло бы экипажу из дельфинов с помощью семи людей и одного шимпанзе отремонтировать корабль и убраться из этой части галактики, прежде чем преследователи их догонят.

В лучшем случае в их распоряжении несколько недель. Альтернатива — пленение десятком не совсем нормальных рас ити. А в худшем случае — межзвездная война, в масштабах, не виданных галактикой миллионы лет.

От всего этого Тошио казался себе маленьким, беспомощным и очень юным.

Тошио слышал очень высокие звуки — эхо сонаров возвращающихся разведчиков. Каждый далекий крик отражался точкой на экране его сканера.

Потом на востоке показались два крупных силуэта, они выныривали к собравшимся наверху, прыгали, ныряли, кусаясь понарошку.

Наконец один из дельфинов изогнулся и нырнул прямо к Тошио.

— Хикахи возвращается, она хочет, чтобы ты

поднял сани, — быстро, почти неразборчиво прощелкал Кипиру. — Постарайся не заблудиться по пути наверх.

Тошио сморщился, продувая балласт. Не стоит Кипиру так явно показывать свое презрение. Даже нормально говоря на англике, дельфины словно осыпают слушателей градом насмешек.

Сани поднимались в сонме крошечных пузырьков. На поверхности вода мощными ручьями стекала с боков машины. Тошио выключил двигатель и повернулся, чтобы отстегнуть лицевую пластику.

Наступившая тишина принесла облегчение. Вой двигателя, щелчки сонара, писк дельфинов — все вдруг исчезло. Свежий ветер взъерошил мокрые прямые черные волосы, охладил пылающие уши. Он принес запах чужой планеты — аромат вторичной растительности на старом острове, тяжелый маслянистый запах дерева-сверла в пору его расцвета.

И во всем легкий металлический привкус.

На корабле говорят, что это не вредно, особенно Тошио в его водонепроницаемом костюме. Образующиеся хелатные водородные кольца абсорбируют тяжелые металлы, которые могут усвоить разведчики. Хотя, конечно, никто не зна-

ет, какие еще опасности таятся на этой планете.

А если им придется провести тут месяцы? Годы?

В таком случае медицинское оборудование «Стремительного» не справится с медленным накоплением металлов. И со временем придется просить йофурские, теннанинские и соро корабли взять их — для допросов или чего-нибудь похуже, просто чтобы убраться с этой прекрасной планеты, которая исподволь убивает их.

Не очень веселая мысль. Тошио обрадовался, когда к саням подплыл Брукида.

— Зачем Хикахи велела мне подняться на поверхность? — спросил он у пожилого дельфина. — Я думал остаться под водой, на случай, если меня уже засекли спутники-шпионы.

Брукида вздохнул.

— Вероятно, она решила, что тебе нужен перерыв. К тому же разве можно обнаружить такую маленькую машину, когда вокруг столько металла?

Тошио пожал плечами.

— Очень любезно со стороны Хикахи. Мне и правда нужен отдых.

Брукида поднялся в воде, удерживаясь ударами хвоста.

— Слышу Хикахи, — провозгласил он. — А вот и она.

С севера быстро приближались два дельфина — один светло-серый, другой с темными пятнами. В наушниках Тошио услышал голос командира группы:

В пламени плавников — я, Хикахи, обращаюсь к вам

Грудные слушают — брюшные делают

Смейтесь над моими словами — но повинуйтесь им

Соберитесь у саней — и слушайте!

Хикахи и Саттатта сделали круг и остановились перед собравшимися членами экспедиции.

Наряду с другими дарами человечество дало дельфинам широкие возможности мимики. Конечно, за пятьсот лет генной инженерии невозможно достичь того, чего достигла природа за миллионы лет эволюции. Фины по-прежнему выражают свои чувства звуками и движениями. Но они уже утратили то застывшее выражение мордочки, которое люди считали (отчасти справедливо) постоянной насмешливой улыбкой. Теперь фины умеют выглядеть встревоженными. И Тошио мог считать мимику Хикахи классиче-

ским проявлением дельфиньего недовольства и беспокойства.

— Фип-пит пропал, — объявила Хикахи. — Я слышала его крик к югу от меня, потом ничего. Он искал Сассию, которая немного раньше исчезла там же. Придется на время оставить картографирование и поиски металлов и пуститься на поиски. Всем вооружиться.

Послышался общий ропот несогласия. Из-за того, что дельфинам придется надеть доспехи, которые они с удовольствием сняли, выйдя из корабля. Но даже Кипиру понимал, что это необходимо.

Тошио уже сбрасывал доспехи в воду. Они сделаны так, чтобы дельфин легко мог их надеть, но кому-то обязательно понадобится помощь, чтобы подсоединить усилитель нервных импульсов к специальному гнезду над глазом.

Тошио закончил работу быстро, с неосознанным изяществом, которое вырабатывается долгой практикой. Его тревожило отсутствие Сассии, вежливого дельфина; она всегда доброжелательно разговаривала с ним.

— Хикахи, — обратился он к проплывавшей мимо руководительнице, — мне связаться с кораблем?

Маленькая турсиопа поднялась в воде перед Тошио.

— Нет, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы исполняем приказы. Над нами уже могут висеть спутники-шпионы. Установи на санях возврат по автопилоту на всякий случай — если на юго-востоке нам не уцелеть.

— Но никто не видел больших животных...

— Это только одна из возможностей. Я хочу, чтобы на корабле получили информацию, как бы ни сложилась наша судьба... даже если нас всех охватит «лихорадка спасения».

Тошио похолодел при упоминании о «лихорадке спасения». Конечно, он об этом слышал. Но видеть не имел никакого желания.

Двинулись на юго-восток в засадном строю. Фины по очереди плыли по поверхности, потом ныряли к Тошио. Дно океана казалось длинным рядом змеиных следов, усеянных странными оспинами — дырами, похожими на глубокие угрожающе-зловещие кратеры. В долинах глубиной сотни метров Тошио видел дно, покрытое темно-синими щупальцами.

Длинные подводные хребты с интервалами увенчивались сверкающими металлическими вершинами, похожими на замки в губчатой

броне. Многие поросли густыми зарослями похожих на иву растений, в которых плодились и кормились китрупские рыбы. Один металлический холм стоял на самом краю пропасти — пещеры, вырытой его собственным деревом-сверлом; когда сверление закончится, пещера поглотит весь холм.

Гипнотически гудел двигатель саней. Следить за инструментами слишком просто, и потому Тошио невольно начал размышлять. И вспоминать.

Когда его впервые пригласили в космос, все смахивало на приключение. Он уже дал клятву астронавта и готов был забыть о прошлом. А на новом дельфиньем корабле нужен был человек-гардемарин для ручной работы.

«Стремительный» — небольшой исследовательский корабль необычной конструкции. В космическом пространстве редко встречаются разумные, дышащие кислородом и снабженные плавниками существа. Тех, что есть, используют в качестве мастеров и рабочих-клиентов, а для удобства вводят искусственное тяготение.

Но первый корабль с экипажем из дельфинов должен быть совсем другим. Он сооружался по принципу, которым больше двух столетий

руководствовались земляне: «По возможности выбирайте простые решения. Не пользуйтесь наукой галактов, если не понимаете ее».

Через двести пятьдесят лет после первого контакта с галактической цивилизацией человечество по-прежнему пытается догнать ее. Галактические расы использовали древнюю Библиотеку задолго до того, как на Земле появились первые млекопитающие, и с ледяной медлительностью пополняли новым это универсальное собрание знаний. Людям, в их ранних неуклюжих космических кораблях, они казались богоподобными. Теперь у Земли есть своя ветвь Библиотеки, гипотетически дающая ей доступ ко всей мудрости, накопленной за галактическую историю. Но только в последние годы она стала реально помогать и больше уже не сбивала с толку.

«Стремительный», с его сложной системой бассейнов, удерживаемых центробежной силой, с его мастерскими и лабораториями в невесомости, должен был показаться чужакам, наблюдавшим за первым стартом, невероятно архаичным. Но для неодельфиньей цивилизации Земли он стал предметом необыкновенной гордости.

После прощального круиза «Стремительный»

остановился в небольшой человеческо-дельфиньей колонии Калафии и забрал нескольких лучших выпускников местной крохотной академии. Так началось для Тошио первое и, вероятно, последнее посещение старой Земли.

«Старая Земля» — по-прежнему дом девяноста процентов человечества, не говоря уже о других разумных земных расах. Галактические туристы по-прежнему толпятся здесь, чтобы поглазеть на родину enfants terribles, вызвавших за несколько столетий такие перемены. И все еще заключаются пари, сколько же продержится человечество без покровительства патрона.

Разумеется, все расы имели патронов. Никто не достигал стадии космического разума без вмешательства другой космической расы. Разве люди не так же поступили с дельфинами и шимпанзе? Со времени прародителей, мифической первой расы, все виды, обладающие разумом, речью и умением подниматься в космос, делали это с помощью предшественников. Ни одна раса не выжила с того отдаленного времени, но цивилизация, основанная прародителями вместе с Библиотекой, развивается.

О судьбе самих прародителей существует множество легенд; о ней говорится в разных про-

тиворечивых религиях.

Тошио, как и все за последние триста лет, гадал, какими были патроны человечества. Если, конечно, они существовали. Может, они как раз среди тех фанатичных видов, которые подстерегли ничего не подозревающий «Стремительный» и сейчас охотятся на него, как псы на лисицу?

Весьма неприятная мысль, учитывая то, что обнаружил «Стремительный».

Совет Земли отправил корабль вслед за многими другими, проверяющими истинность положений Библиотеки. До сих пор найдено всего лишь несколько небольших неточностей: в одном месте указана неверно звезда, в другом — пропущена в каталоге раса. Все равно что пересчитывать песчинки на берегу. И за тысячу жизней их не пересчитать, но можно попробовать случайное выборочное тестирование.

«Стремительный» исследовал небольшой гравитационный приливной бассейн в пятидесяти тысячах парсеков от местоположения галактики, когда обнаружил флот.

Тошио вздохнул, сознавая несправедливость случившегося. Сто пятьдесят дельфинов, семь человек и шимпанзе; откуда мы знали, что найдем?

Почему мы это нашли?

Пятьдесят тысяч кораблей, каждый размером с Луну. Вот что они нашли. Дельфины пришли в ужас: величайший брошенный флот из когда-либо найденных, по-видимому, невероятно древний. Капитан Крайдайки связался с Землей по пси-каналу, чтобы получить инструкции.

Черт возьми! Зачем он вообще обратился к Земле? Неужели нельзя было подождать с отчетом до нашего возвращения? Зачем сообщать всей подслушивающей галактике, что обнаружено Саргассово море древних корпусов в самой середине пустоты?

Совет Земли прислал закодированный ответ:

— Скройтесь. Ждите приказов. Не отвечайте.

Крайдайки, конечно, послушался. Но к этому времени половина патронов галактики отправили свои боевые корабли на поиски «Стремительного».

Тошио замигал.

Неужели наконец ответное эхо? Да, магнитный определитель руды показывает слабое эхо к югу. Юноша сосредоточился на приемнике, радуясь, что у него появилось занятие. Ему наскучило жалеть себя.

Должно быть, хорошее месторождение. Сказать

Хикахи? Естественно, сначала нужно искать исчезнувших товарищей, но...

На него упала тень. Отряд огибал массивный металлический холм. Масса медного цвета покрыта толстыми щупальцами какого-то зеленого растения.

— Не подходи близко, Маленькие Руки, — просвистел слева Кипиру. Только он и сани возле холма. Остальные фины огибали его издалека.

— Мы ничего не знаем об этой флоре, — продолжал Кипиру. — А Фип-пит потерялся где-то здесь. Тебе нужно оставаться под нашей охраной. — Кипиру лениво проскользнул мимо Тошио. На поверхности сложенных механических рук его доспехов отразилась медь металлического холма.

— Тем более важно взять образцы, — раздраженно ответил Тошио. — Мы здесь для этого! — И, не дав Кипиру возможности среагировать, Тошио круто накренил сани, направляя их к металлическому острову.

Он нырнул в тень: остров закрывал от лучей солнца. Мелькнула стая рыб с серебристыми спинками. Тошио приближался к поросшей растительностью стене.

Кипиру удивленно окликнул его, выругался на

дельфиньем праймале. Значит, фин был расстроен. Тошио улыбнулся.

Сани гудели, холм возвышался справа. Тошио еще раз накренил машину и ухватился за свисающие ветви. Что-то оборвалось, и образец остался у него в руках. Ни один фин на такое не способен! Тошио сжал и разжал пальцы, потом повернулся, собираясь положить ветви в сетку для образцов.

Подняв голову, он увидел, что зеленая масса над ним сгустилась и приблизилась. Громче стал крик Кипиру.

«Плакса! — подумал Тошио. — Ну, выпустил я на мгновение приборы. И что? Вернусь в конвой раньше, чем ты закончишь свою поэму проклятий».

Он круто наклонил машину, одновременно поднимая плоскости. И тут же понял свою тактическую ошибку. Потому что движение саней замедлилось и ветки-щупальца дотянулись до них.

Очевидно, на Китрупе есть большие морские животные: щупальца, упавшие на Тошио, рассчитаны на крупную добычу.

— О, Конно-Анти! Что я наделал! — Тошио включил максимальную тягу и приготовился справиться с рывком.

Двигатель взвыл, но ускорения не последовало. Сани застонали, натянули длинные зеленые веревки. Потом двигатель замер. Тошио почувствовал, как его ног коснулось что-то скользкое. Щупальца начали сжиматься и тянуть.

Тяжело дыша, он сумел развернуться и дотянулся до ножа в ножнах на бедре. Щупальца узловатые и крепкие. Узлы прилипали к любой поверхности, и когда один коснулся открытой руки Тошио, юноша закричал от острой боли.

Фины кричали друг другу, по доносившимся звукам ощущалось быстрое движение поблизости. Но Тошио только на мгновение подумал, что, может, больше никто не пойман: все его внимание занимала борьба.

Наконец он высвободил нож, блестящий, как надежда. Надежда окрепла, когда две нити распались под его ударами. Вот еще одна, толще. Потребовалось несколько секунд, чтобы перепилить ее. Но почти сразу же ее заменили две другие.

И тут Тошио увидел, куда его тянут.

В боку металлического холма виднелся глубокий разрез. Внутри ждала бьющаяся масса щупалец. А еще глубже, в десяти метрах, в путанице обманчиво неподвижных ветвей висело

что-то серое и блестящее.

Дыхание затуманило лицевую пластину Тошио. На неподвижной фигуре Сассии отразились его собственные расширившиеся от потрясения глаза. Мягкий, как жизнь, прилив раскачивал ее тело.

С криком Тошио снова принялся рубить щупальца. Он хотел было позвать Хикахи — руководитель группы должен знать о судьбе Сассии, — но лишь кричал от ненависти и отвращения к этому китрупскому хищнику. Он рубил, во все стороны разлетались ветви и листья, но это мало что меняло — вокруг смыкалось еще больше щупалец; его тащило к расселине.

Поднимающийся-по-Лестнице

— остроглазый рифмоплет

Отзовись — чтобы ищущие слышали

Оживи сонар — листва мешает смотреть.

Это Хикахи.

Теперь Тошио слышал шум работающих дельфинов. Быстрые трели на тринари, не разложимые на отдельные слова для человеческого слуха, скрип доспехов.

— Здесь! Я здесь! — Он перерубил лозу, про-

тянувшуюся к его воздушному шлангу, чуть не повредив при этом сам шланг. Облизал губы и постарался просвистеть на тринари:

Держусь — клюв у моллюска
Крепкий — и мрачный
От него погибла Сассия.

Конечно, ритм и форма никуда не годятся, но фины воспримут его лучше, нежели бы он крикнул на англике. Уже сменилось сорок разумных поколений, но в чрезвычайных ситуациях дельфинам по-прежнему более понятен язык свиста.

Тошио слышал приближающийся звук схватки. Но тут, словно почувствовав угрозу, щупальца потянули его быстрее. Сосущая ветвь неожиданно обернулась вокруг его правой руки. Прежде чем он среагировал, жгучий узел коснулся ладони. Тошио закричал и оторвал щупальце, но нож выпал из его руки.

Клубок щупалец обрушился на него. И в этот момент Тошио понял, что кто-то говорит с ним, говорит медленно, на англике:

— ...появились корабли. Помощник капитана Такката-Джим спрашивает, почему Хикахи не послала подтверждение...

Голос Акки, с корабля! Тошио не мог ответить

другу. Ему не дотянуться до переключателя радио, к тому же он немного занят.

— Не отвечай на это сообщение, — тут же любезно сказал Акки. Тошио застонал от нелепости своего положения, пытаясь оторвать щупальце от лицевой пластины, не подставляя в то же время руки. — Передай только монопульс. И немедленно возвращайтесь, возвращайтесь все. Мы считаем, что над Китрупом разворачивается бой в космосе. Вероятно, спятившие ити последовали за нами сюда и теперь дерутся за право захватить нас, как и у Морграна.

— Я должен заканчивать. Объявляется радиомолчание. Возвращайтесь как можно быстрее. — Акки закончил.

Тошио почувствовал, как сжало его воздушный шланг. Теперь щупальце было толстое.

— Конечно, Акки, старина, — хмыкнул он, отрывая присоски. — Отправлюсь домой, как только вселенная меня отпустит.

Воздушный шланг пережат, и он ничего не может сделать. Лицевую пластину затуманила испарина. Тошио чувствовал, что теряет сознание. Ему показалось, что появились спасители, но он не знал, наяву это или галлюцинация. Он, например, никогда бы не подумал, что первым

появится Кипиру и будет сражаться так свирепо, не обращая внимания на жгучую боль от присосок.

В конце концов Тошио решил, что видит сон. Лазерные вспышки слишком яркие, звуки слишком громкие. И отряд приближается к нему под развевающимися знаменами, как кавалерия, которую человек всегда ассоциирует со спасением.

2. ГАЛАКТЫ

На центральном корабле флота наступила фаза отрицания.

Гигантские крейсеры выныривали из трещины в пространстве и устремлялись к яркой точке — непримечательному красноватому солнцу. Один за другим с ревом вырывались они из светящегося разрыва. Вместе с ними приходил рассеянный звездный свет за сотни парсеков отсюда.

Существовали правила, предотвращающие это. Туннель — неестественный способ перемещения из одного места в другое. Нужна сильная воля, чтобы вызвать такое отверстие в пространстве.

Эписиарх в своем воинствующем отрицании реальности создал для своих хозяев танду проход. Отверстие держалось на его непреклонной

воле, на отказе признавать все, относящееся к действительности.

Когда прошел последний корабль, эписиарха намеренно отвлекли, и отверстие коллапсировало с беззвучной яростью. И только через мгновение приборы могли показать, что оно существовало. Нарушение физических законов прекратилось.

Эписиарх привел армаду танду к звезде-цели задолго до других флотов, тех, которые оспаривали у танду право захватить земной корабль. Танду послали хвалебные импульсы в центры удовольствия эписиарха. Он взвыл и благодарно закивал большой мохнатой головой.

А для танду эта загадочная и опасная форма перелета снова доказала свои преимущества. Хорошо оказаться на поле битвы раньше противника, это дает тактическое преимущество.

Эписиарх хотел только отрицать существующее. Теперь его работа завершена, и он возвращался в пространство иллюзий, чтобы изменять бесконечную цепь воображаемых реалий, пока его гнев снова не понадобится хозяевам. Его волосатая аморфная фигура высвободилась из сенсорной паутины, и в сопровождении бдительных стражников он удалился.

Когда путь расчистился, на своих паучьих ногах вошел акцептор и расположился в середине сети.

Некоторое время он восхвалял реальность, воспринимая ее. Акцептор зондировал этот новый участок пространства, касался его, ласкал своим далеко простирающимся восприятием. И при этом орал от удовольствия.

— Такая утечка! — радостно провозгласил акцептор. — Я слышал, что преследуемые — неуклюжие разумные, но, даже скрываясь от опасности, они дают столько информации! Они прячутся на второй планете. Края их психических щитов застывают слишком медленно, чтобы скрыть от меня их точное местонахождение. Кто их хозяева, научившие этих дельфинов так прекрасно изображать добычу?

— Их хозяева — люди, они сами не завершены, — ответил главный сталкер танду. Его ответ прозвучал серией щелчков и хлопков из храпового соединения на суставе ноги богомола. — Земляне испорчены неправильными представлениями и стыдом от того, что их бросили. Когда их съедят, стихнет шум, который держится уже три столетия. И наша охотничья радость будет, как у тебя, когда ты видишь новый предмет или новое

место.

— Это большая удача, — согласился акцептор.

— А теперь подробности, — приказал сталкер. — Скоро мы сразимся с еретиками. Я должен сообщить другим клиентам их задачи.

Сталкер ушел, а акцептор завернулся в паутину и раскрыл свои чувства этой новой тропе реальности. Все хорошо. Он сообщал, что видит, и хозяева соответственно переводили корабли, но большая часть его мозга была занята восприятием... маленького красного солнца, всех его планет, а также великолепной местности, которая вскоре превратится в поле битвы.

Скоро акцептор ощутил приближение других военных флотов, каждый возникал по-своему, и занимал чуть худшую позицию, из-за раннего появления танду.

Акцептор воспринимал пыл воинственных клиентов и холодную расчетливость старших патронов. Он ласкал жесткие мозговые щиты, воздвигнутые против него, и гадал, что таится за ними. Он оценивал открытость других воинов, которые с небрежением посылали свои мысли, чтобы слушатели восприняли это.

И в том числе мысли об уничтожении самого акцептора, когда огромные флоты устремились

друг к другу и начали вспыхивать яркие разрывы.

Акцептор все это воспринимал с радостью. Разве можно чувствовать что-то другое, если во вселенной столько подобных чудес?

3. ТАККАТА-ДЖИМ

Высоко в левой четверти большой сферической контрольной рубки «Стремительного» пси-оператор билась в упряжи. Ее плавники взбивали воду, она кричала на тринари.

Чернильный восьмирукий спрут нашел нас!

Отряды сражаются!

Сообщение оператора подтверждали показания детектора нейтрино, полученные несколько минут назад. Вдохновенно оператор продолжала излагать поток дурных новостей.

Они кричат и вожделеют —

Хотят победить и захватить...

С другой стороны послышался спокойный отчет на англике с дельфиньим акцентом.

— Мощное гравитонное излучение, помощ-

ник капитана Такката-Джим. Гравитационные нарушения означают большое сражение над планетой.

Дежурный офицер «Стремительного» молча выслушал отчеты, позволив себе слегка отплыть в циркулярном течении командного центра. Поток пузырей вырвался из его дыхала, когда он вдохнул особую жидкость, заполнявшую корабельный мостик.

— Принято, — сказал он наконец. Под водой его голос звучал глухо. Согласные смазывались. — Далеко ли ближайший контакт?

— Пять астрономических единиц, сэр. Сюда доберутся не раньше чем через час, даже если полетят сломя голову.

— Гм... Хорошо. Оставайтесь в состоянии готовности. Продолжай наблюдения, Акикемаи.

Помощник капитана необычайно велик для неофина, у него мощное мускулистое тело, он не похож на остальных, стройных и гладких. Неровная серая окраска и щербатые зубы выдавали его принадлежность к субрасовой линии стенос и вместе с несколькими другими на борту отличали от большинства турсиоп.

Человек рядом с Такката-Джимом встретил дурные новости бесстрастно. Они лишь подтвер-

ждали его подозрения.

— Надо сообщить капитану, — сказал Игнасио Метц. Слова его, произнесенные под лицевой маской в шипящей воде, были усилены. От редких седых волос высокого мужчины поднимались струйки пузырьков.

— Я предупредил Крайдайки, что так случится, если мы попробуем скрыться от галактов. Надеюсь, он будет благоразумным в этой безвыходной ситуации.

Такката-Джим раскрыл и закрыл пасть по диагонали, что воспринималось как энергичный кивок.

— Да, доктор Метц. Теперь даже Крайдайки вынужден будет признать, что вы были правы. Мы загнаны в угол, и капитану останется только прислушаться к вам.

Метц благодарно кивнул.

— А что слышно об отряде Хикахи? Им сообщили?

— Я уже приказал исследовательской группе возвращаться. Даже сани теперь — слишком большой риссск. Если ити уже на орбите, у них есть средства обнаружения.

— Инопланетяне... — автоматически, по профессиональной привычке поправил Метц. — Термин

«ити» нельзя назвать вежливым.

Такката-Джим не изменил выражения. В отсутствие капитана именно он командует кораблем и всем экипажем. Но этот человек обращается с ним, как с только что отнятым от груди младенцем. Это раздражало его, но Такката-Джим очень старался, чтобы Метц не заметил, как реагирует на такое обращение помощник капитана.

— Да, доктор Метц, — сказал он.

А тот продолжал:

— Отряду Хикахи вообще не следовало покидать корабль. Я предупреждал Тома Орли, может произойти нечто подобное. Юный Тошио... и все эти фины, они так долго не связываются с нами. Будет ужасно, если с ними что-нибудь случится!

Такката-Джим считал, что понимает, о чем на самом деле думает Метц. Человек, вероятно, думает, как ужасно будет, если кто-то из экипажа «Стремительного» погибнет не у него на глазах... и он не сможет судить о его поведении для своих бихевиористских и генетических штудий.

— Если бы только Крайдайки прислушался к вам, сссэр, — повторил он. — Вам всегда есть что сказать.

Рискованно; но если человек за невыразительной маской Такката-Джима разглядел сарказм,

то не подал виду.

— Что ж, приятно это слышать, Такката-Джим. Очень проницательно. Я знаю, у вас много дел, поэтому я найду свободную линию связи и сам разбужу Крайдайки. И как можно мягче сообщу ему, что преследователи двинутся за нами к Китрупу.

Такката-Джим почтительно кивнул с высоты своего роста.

— Вы очень добры, доктор Метц. Сделайте одолжение.

Метц похлопал лейтенанта по боку, словно успокаивая. Такката-Джим перенес этот покровительственный жест с напускным спокойствием и посмотрел вслед уплывающему человеку.

Мостик представляет собой заполненную жидкостью сферу, которая слегка выступает из цилиндрического корпуса на носу корабля. Из большого иллюминатора командного центра открывается вид на неясную картину океанских хребтов, осадков и плавающих морских животных.

Огражденные сетями рабочие места членов экипажа освещаются лампами. Но большая часть помещения находится в глубокой тени, а отборный персонал выполняет свои задачи

быстро и почти беззвучно. Единственные звуки кроме всплесков и шипения рециклированной оксиводы — перемежающиеся щелчки сонаров и краткие профессиональные реплики операторов.

«Надо отдать Крайдайки должное, — сказал себе Такката-Джим. — Из своего экипажа он создал отлично работающий механизм. Конечно, дельфины менее последовательны, чем люди. Невозможно заранее предугадать, что подействует на неодельфина, но не успеешь оглянуться, а он уже работает в состоянии стресса. На корабле это лучший из возможных экипажей, но достаточно ли этого? Если допустить хоть одну радиационную или пси-утечку, ити набросятся на нас быстрее, чем касатка на тюленей».

Такката-Джим с горечью подумал, что фины исследовательского отряда находятся в большей безопасности, чем их товарищи на борту. Метц дурак, что беспокоится о них. Они, наверно, отлично проводят время.

Такката-Джим постарался вспомнить, каково плыть в открытом океане, без доспехов, и дышать свежим воздухом. Каково глубоко нырнуть в воду, как могут только стеносы, где большеротые боящиеся удаляться от берега турсиопы редки,

как дюгони.

— Акки, — обратился он к оператору электронного искателя, молодому фину гардемарину с Калафии, — ты получил подтверждение от Хикахи? Ей передан приказ об отзыве?

Гардемарин из колонии — небольшого роста, разновидность турсиоп с желтоватой окраской тела. Он все еще не привык дышать и говорить в оксиводе. И ответил на странном диалекте подводного англика:

— Прос-стите, помощник капитана, но ответа не было. Я проверил монопульссс на всех... канналах. Ничего.

Такката-Джим раздраженно мотнул головой. Хикахи могла решить, что ответ даже монопульсом рискован. Но все же подтверждение избавило бы его от необходимости принять неприятное решение.

— Сэр? — Акки опустил голову и уважительно свесил хвост.

— Да?

— Мож-жет, повторить ссообщение? Может быть, они отвлеклись и пропустили его в перс... первое время...

Как все колонисты с Калафии, Акки гордился своим правильным англиком. Очевидно, его

смущало, что он говорит простыми фразами.

Но это устраивало помощника капитана. Одно из слов, которые легко переводится с англика на тринари, — глупец. Такката-Джиму не хотелось, чтобы его гардемарины были глупцами.

— Нет, оператор. Мы получили приказ. Если капитан захочет попробовать снова, когда поднимется на мостик, это его право. А ты оставайся на своем посссту.

— Есть, сэр. — Молодой дельфин развернулся, возвращаясь на свое место, где можно дышать в воздушном пузыре, а не глотать воду, как рыба. И говорить тут можно нормально, ожидая вести от ближайшего друга, гардемарина-человека, который сейчас где-то в безбрежном океане.

Такката-Джим хотел, чтобы капитан пришел поскорее. Командная рубка казалась ему тесной и мертвой. Он всегда уставал к концу смены, если приходилось дышать шипящей, насыщенной газом оксидированной водой. Ему казалось, что такая вода дает недостаточно кислорода. Вспомогательные жабры-легкие ныли из-за подавленного инстинкта, а таблетки, повышающие усваиваемость кислорода из воды, всегда вызывали у него сильное сердцебиение.

Он снова увидел Игнасио Метца. Седовласый

ученый держался за переборку, сунув голову в пузырь коммуникатора. Говорит с Крайдайки. Закончив, вероятно, захочет остаться здесь. Этот человек всегда поблизости, наблюдает... и всегда возникает такое чувство, будто тебя экзаменуют.

— Мне нужен человек-единомышленник, — напомнил себе Такката-Джим. «Стремительным» командуют дельфины, но экипаж повинуется охотнее, если слово офицера поддержано кем-нибудь из расы патронов. У Крайдайки есть Том Орли. У Хикахи — Джиллиан Баскин. Человеческий компаньон Брукиды — инженер Свесси.

А у Такката-Джима будет Метц. К счастью, этим человеком легко манипулировать.

На информационных дисплеях появлялось все больше сообщений о битве в космосе. Над планетой развертывалось настоящее сражение. В нем участвовало по меньшей мере пять больших флотов.

Такката-Джим подавил внезапное желание укусить кого-нибудь, резко ударить плавниками. Как ему хочется подраться! Видеть перед собой осязаемого противника, а не это зрелище ужаса!

После недель полета «Стремительный» оказался в западне. Какую хитрость придумают на этот раз Крайдайки и Том Орли, чтобы вырваться на

свободу?

А если ничего не придумают? Или еще хуже: придумают какой-нибудь безумный план, который всех погубит? Что он будет делать тогда?

Такката-Джим размышлял над этим, чтобы чем-то занять свой мозг, ожидая появления капитана, чтобы сменить его.

4. КРАЙДАЙКИ

Первый настоящий глубокий сон за несколько недель. Естественно, его должны были прервать.

Крайдайки привык отдыхать в невесомости и влажном воздухе. Но пока они в укрытии, антигравитационные койки запрещены, и дельфину приходилось спать только в воде.

Целую неделю Крайдайки пытался в течение отдыха дышать оксиводой. Результат — кошмары, сны, в которых он задыхался.

Корабельный врач Маканай предложила, чтобы он спал старомодным дельфиньим способом, плавая на поверхности воды.

Крайдайки решил последовать совету Маканай. Он убедился, что в верхней части каюты есть большой воздушный пузырь, трижды проверил, исправен ли прибор, контролирующий уровень

кислорода. Наконец сбросил доспехи, выключил свет, поднялся на поверхность и вытолкнул оксиводу из жабер-легких.

Это было здорово. Но вначале он лежал на поверхности воды, напряженный, кожа чесалась с непривычки без доспехов. Он знал, что это ощущение обманчиво. Наверно, люди в своем докосмическом прошлом так же относились к наготе.

Бедные Homo sapiens! История человечества полна страданий в те тяжелые тысячелетия, когда оно медленно прогрессировало до первого Контакта. Тогда люди были невежественны и отрезаны от галактического сообщества.

«А вот дельфины, — думал Крайдайки, — были почти счастливы, занимая свой угол „сна китов“. Когда человек повзрослел и стал возвышать животных Земли, дельфины легко переместились из одного почетного состояния в другое».

«Впрочем, и у нас есть свои проблемы», — напомнил он себе. Ему очень хотелось почесать основание гнезда усилителя импульсов, но добраться туда без доспехов невозможно.

Он плавал в темноте на поверхности, ожидая сна. Приятно плескались легкие волны. И настоящий воздух, конечно, гораздо лучше оксиводы.

Но он немного боялся утонуть... как будто ему повредит, если он погрузится в оксиводу... словно миллионы дельфинов не спали всю жизнь таким образом.

Сбивала с толку и привычка астронавта постоянно смотреть вверх. Переборка потолка всего в нескольких дюймах от окончания его спинного плавника. Даже когда он закрывал глаза, сонар предупреждал его о преграде. Он не может спать, не посылая эхолокационные импульсы, как не может спать шимпанзе, не почесываясь.

Крайдайки фыркнул. Пора выбрасываться на берег, если корабельные условия вызывают у него бессонницу! Он усиленно выдохнул и принялся считать щелчки сонара. Начал с тенорового ритма, потом стал добавлять другие элементы песни-сна, создавая фугу.

Импульсы исходили из его лба и распространялись по помещению, отдаваясь эхом. Ноты перекрывали друг друга мягкими завываниями и басовыми отголосками. Создавалась сонарная картина, модель другой комнаты. Крайдайки знал, что правильная комбинация звуков заставит стены исчезнуть.

Он сознательно отказывался от строгой дисциплины кининка, приветствуя верный «сон

китов».

Когда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом —
Позволяет вспомнить
Тихо навевает
Сны о рассвете
И о луне —
О морском приливе
Тогда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом —
Позволяет вспомнить...

Стол, шкафы, стены — все покрылось ложной сонарной тенью. Песня продолжалась, из искусных отражений создавалась богатая и настоящая поэзия.

Вокруг плавали маленькие стайки созданий сна. Эхо раскрывало пространство вокруг, воды уходили все дальше.

И море сна
Вечное море

Зовет шепотом —

Позволяет вспомнить

Вскоре Крайдайки почувствовал, что из отражений что-то формируется.

И когда его сознание инженера уснуло, рядом с ним плыла тень богини. Это плыла Нукапай... призрак из ряби. Черное гладкое тело ушло во тьму, и переборка, которая словно растворилась, не помешала ему.

Видения исчезали. Вода вокруг Крайдайки потемнела, и Нукапай перестала быть просто тенью, пассивным слушателем его песни. Блеснули ее зубы-иглы, и она запела сама.

В близости

Воды

В бесконечных

Слоях сна

Где горбатый кит

Старый родич

Поет песни

Серьезным рыбам

Там найдешь меня

Блуждающий брат

Даже в этом
Человеческом ритме
Где люди
И другие прямоходящие
Развлекают
Сами звезды...

Сердцебиение Крайдайки блаженно замедлилось. Он уснул рядом с богиней сна. Она немного посмеивалась над ним за то, что он инженер, за то, что стихи его на жестком четком тринари, а не на хаотичном праймале его предков.

Она приветствовала его на Пороге Моря, где сойдет и тринари, где он лишь слегка слышит гнев «сна китов» и древних богов, живущих здесь. Именно так может воспринять океан его сознание инженера.

Каким неуклюжим кажется иногда тринари! Рисунок перекрывающих друг друга тонов и символов почти по-человечески точен... и по-человечески ограничен.

Он вырос, считая эти условия обязательными. Часть его мозга генетически преобразована и напоминает мозг человека. Но время от времени прорываются хаотичные звуковые образы, насмешливо намекая на древнее пение.

Нукапай сочувственно защелкала. Улыбнулась...

Нет! Ничего такого обезьянье-сухопутного она не сделала! Из всех китовых только неодельфины умеют улыбаться пастью.

Нукапай сделала нечто иное. Она погладила его по боку, ласковейшая из богинь, и сказала:

Пребывай в мире
Это Суть
И инженеры
Далеко от океана
Все еще ее слышат.

Напряжение последних недель наконец покинуло его, и он уснул. Дыхание Крайдайки сверкающими каплями конденсировалось на потолочной переборке. Ветер из ближайшего вентиляционного отверстия сдувал эти капли, и они падали в воду мягким дождем.

Когда в метре от него появилось изображение Игнасио Метца, Крайдайки не сразу воспринял его.

— Капитан... — сказало изображение. — Я звоню с мостика. Боюсь, галакты обнаружили нас раньше, чем мы ожидали...

Крайдайки не обращал внимания на этот ничтожный голос, возвращающий его к делам и битвам. Он лежал в вяло раскачивающихся водорослях и слушал звуки ночи. И лишь сама Нукапай разбудила его. Исчезая, она мягко напомнила:

Долг, долг — и честь
Честь, Крайдайки
Проснись и раздели ее.

Лишь Нукапай могла себе позволить безнаказанно разговаривать с Крайдайки на праймале. Он не мог игнорировать богиню сна, как не мог не обращать внимания на свою совесть. Один его глаз сфокусировался на голограмме назойливого человека, смысл слов наконец дошел до его сознания.

— Спасибо, доктор Метц, — вздохнул Крайдайки. — Передайте Такката-Джиму, что я сейчас буду. И, пожалуйста, пошлите за Томом Орли. Я хотел бы видеть его на мостике. Конец связи.

Он глубоко вдохнул, позволил помещению стать отчетливее. Потом нырнул за своими доспехами.

5. ТОМ ОРЛИ

Высокий темноволосый мужчина висел, ухватившись одной рукой за ножку койки. Койка была привинчена к полу перевернутой вверх дном каюты. Пол шел наклонно над головой мужчины. Левая нога касалась ящика, вытащенного из перевернутого стенного шкафа.

Когда неожиданно вспыхнул тревожный желтый свет, Том Орли повернулся и свободной рукой схватился за кобуру. И уже наполовину выхватил свой игольник, когда понял причину помехи. Медленно выругался и вернул оружие в кобуру. К чему такая спешка? Он с ходу мог придумать десяток причин. Но когда он висит вот так, на одной руке, в самой неудобной части корабля!

— Я установил контакт, Томас Орли.

Голос, казалось, исходит откуда-то сверху. Том переменил хватку и повернулся. В метре от него появился абстрактный рисунок, похожий на рой разноцветных мошек в урагане.

— Вы хотели бы знать причину тревоги. Верно?

— Ты чертовски прав! — выпалил Том. — На нас напали?

— Нет. — Цветные точки мельтешили. — На корабль пока не напали, но помощник капитана Такката-Джим объявил тревогу. В окрестностях Китрупа появилось по крайней мере пять флотов. И как будто они сражаются друг с другом недалеко от планеты.

Орли вздохнул.

— Прощай, быстрый ремонт и бегство. — Он не думал, что охотники позволят им ускользнуть. Поврежденный «Стремительный» оставил за собой шумный след, когда выскользнул из засады у Морграна.

Том помогал ремонтировать в машинном отделении стасис-генератор «Стремительного». Они только что закончили модуль, требующий осторожной ручной работы, и он умудрился улизнуть в безлюдную часть сухого колеса корабля, где спрятал компьютер Нисс.

Сухое колесо — это длинная лента лабораторий и кают, которые свободно вращаются, когда корабль находится в космосе, создавая необходимое людям псевдотяготение. Но сейчас колесо неподвижно. И часть с перевернутыми вверх дном помещениями оставлена из-за тяготения планеты.

Это одиночество устраивало Тома, хотя, конеч-

но, то, что все стоит вверх ногами, раздражало.

— Ты не должен объявляться, пока я не включу тебя вручную, — сказал Том. — Жди моего отпечатка пальца или голоса, прежде чем дать понять, что ты не простой корабельный коммуникатор.

Вихрь точек превратился в рисунок кубистского стиля. Машина невозмутимо ответила:

— В данных обстоятельствах я позволил себе свободу принятия решения. Если ошибся, готов принять наказание на уровне три. Наказание на более высоком уровне является несправедливым и должно быть отвергнуто как предвзятое.

Том иронично усмехнулся. Машина будет водить его кругами, и он ничего не добьется, если станет настаивать на своем праве хозяина. Тимбримийский шпион, передавший ему Нисса, ясно дал понять, что полезность машины связана с ее гибкостью и инициативностью, хотя временами это и бесит.

— Я подумаю об уровне твоей провинности, — сказал Том Ниссу. — Теперь обрисуй мне ситуацию.

— Вопрос некорректный. Я могу связаться с боевым компьютером корабля. Но это рискованно.

— Нет, пока не нужно. — Если Нисс попытается обольстить боевой компьютер во время тревоги,

экипаж на мостике может заметить. Том допускал, что Крайдайки знает о присутствии Нисса на борту, точно так же, как капитан знал и о тайном проекте Джиллиан Баскин. Но командир-дельфин молчал об этом, предоставив людям заниматься своим делом.

— Ну хорошо. Можешь связать меня с Джиллиан?

Голограмма замигала голубыми точками.

— Она в своем кабинете. Вызываю.

Точки неожиданно исчезли. Их сменило изображение светловолосой женщины лет тридцати. Она удивленно подняла голову, и ее лицо сразу озарилось ослепительной улыбкой. Женщина рассмеялась.

— Я вижу, ты навещаешь своего механического друга. Том, что же есть у этой саркастической машины чужаков, чего нет у меня? Ради меня ты никогда не вставал буквально с ног на голову.

— Очень забавно. — Но все же ее поведение успокоило: значит, тревога не очень серьезная. Он опасался, что им придется немедленно вступить в бой. Через неделю «Стремительный» сможет постоять за себя, прежде чем будет взят в плен или уничтожен. Сейчас же у него силы столько, сколько у опьяневшего кролика.

— Значит, галакты еще не высадились.

Джиллиан покачала головой.

— Нет, хотя мы с Маканай на всякий случай дежурим в лазарете. На мостике говорят, что по крайней мере три флота выскочили из пространства поблизости. И тут же начали сражаться друг с другом, как у Морграна. Мы можем только надеяться на их взаимное истребление.

— Боюсь, надежды на это мало.

— Ну, ты ведь в нашей семье тактик. Но все же может пройти много времени, прежде чем победитель высадится за нами. Начнутся переговоры и возникнут союзы, заключенные в последнюю минуту. У нас есть еще время придумать что-нибудь.

Том хотел бы разделять ее оптимизм. Его дело, как семейного тактика, «придумать что-нибудь».

— Ну, если положение не такое критическое...

— Думаю, нет. Можешь еще немного пообщаться со своим приятелем — моим электронным соперником. А я вступлю в интимную близость с Херби.

Том только покачал головой на эту шутку. Херби — это труп, их единственная реальная добыча из брошенного флота. Джиллиан уверена, что трупу чужака не менее двух миллиардов лет.

У корабельной мини-Библиотеки каждый раз случался приступ, когда ее спрашивали, к какой расе принадлежал когда-то Херби.

— Ну хорошо. Передай Крайдайки, — я сейчас буду.

— Конечно, Том. Его как раз будят. Скажу ему, что видела тебя поблизости. — Она подмигнула и отключилась.

Том смотрел на то место, где было ее изображение, и в который раз думал, чем заслужил такую женщину.

— Из чистого любопытства, Томас Орли, я хотел бы расспросить о некоторых подтекстах вашего последнего разговора. Я прав, считая, что легкие оскорбления доктора Баскин — на самом деле выражение любви? Мои тимбримийские хозяева, разумеется, телепаты, но иногда они тоже этим развлекаются. Это часть процесса спаривания? Или какой-то тест на дружбу?

— И то и другое понемногу, вероятно. Неужели тимбрими тоже... — Том встряхнулся. — Ну неважно! Мои руки устали и мне нужно быстро спускаться. Есть еще что-нибудь важное?

— Ничего существенного для сохранения вас и экспедиции.

— Значит, тебе не удалось уговорить мини-Биб-

лиотеку выдать что-нибудь о Херби и брошенном флоте.

Голограмма приобрела отчетливые геометрические очертания.

— В этом ведь главная проблема? Доктор Баскин задавала мне точно такой же вопрос, когда в последний раз, тринадцать часов назад, связалась со мной.

— И ей ты дал такой же прямой ответ?

— Найти доступ к информации корабельной мини-Библиотеки — главная цель моего пребывания на борту. Я сказал бы вам сразу, если бы добился успеха. — Бестелесный голос звучал предельно сухо. — Тимбрими давно заподозрили, что Институт Библиотеки вовсе не нейтрален; продаваемые им ветви несовершенны и тем самым ставят вызывающие тревогу расы в худшее положение.

— Тимбрими бьются над этой проблемой еще с тех времен, когда ваши предки носили шкуры животных, Томас Орли. И никто не думает, что в этом путешествии мы достигнем чего-нибудь большего, чем просто соберем какие-либо новые данные и, возможно, устраним некоторые несущественные ограничения.

Орли понимал, что машина-долгожитель

может позволить себе такое терпеливое выжидание. Но он отвергал это. Приятно думать, что из всех бед «Стремительного» и его экипажа удастся извлечь что-нибудь полезное.

— После всех неожиданностей наш полет может добавить кое-что большее, — предположил он.

— Способность землян совершать ошибки и учиться на них была главной причиной согласия моих владельцев на это безумное предприятие — хотя, конечно, никто не ожидал, что на корабль выпадет столько неприятностей. Мы недооценили ваши способности.

Ответа не последовало. Руки Тома начинали болеть.

— Что ж, я, пожалуй, вернусь. При чрезвычайных обстоятельствах свяжусь с тобой через корабельный коммуникатор.

— Конечно.

Орли отпустил руку и приземлился у закрытой прямоугольной двери на круто наклоненной стене.

— Доктор Баскин только что передала мне, что Такката-Джим приказал исследовательской группе вернуться на корабль, — неожиданно сказал Нисс. — Она считает, что вы должны это знать.

Орли выругался. К этому, должно быть, приложил руку Метц. Как им отремонтировать корабль, если не будут найдены необходимые материалы? Крайдайки выбрал Китруп прежде всего из-за обилия чистых металлов и больших океанов, удобных для дельфинов. Если исследователи Хикахи отозваны, опасность велика… или кое-кто паникует.

Том повернулся, собираясь выйти, но потом остановился и поднял голову.

— Нисс, нам нужно узнать, что, по мнению галактов, мы обнаружили.

Точки слегка угасли.

— Я тщательно обыскал все открытые файлы корабельной ветви мини-Библиотеки, чтобы пролить свет на загадку брошенного флота, Томас Орли. Но ничего, кроме отдаленного сходства рисунков на корпусах этих гигантов с некоторыми древними культовыми символами, не нашел. Ничто не подтверждает гипотезу о связи флота с известными прародителями.

— Но ничего противоречащего этой гипотезе ты тоже не нашел?

— Совершенно верно. Но корабли могут быть связаны, а могут и не быть связаны с легендой, объединяющей все кислорододышащие расы

пяти галактик.

— Похоже, мы нашли обломки, не имеющие никакой исторической ценности.

— Верно. Но, с другой стороны, вы, возможно, совершили величайшее археологическое и религиозное открытие эпохи. Именно это обстоятельство объясняет битву, развернувшуюся в этой солнечной системе. Отказ мини-Библиотеки сообщать подробности говорит о том, что расы галактики очень интересуются древними событиями. И до тех пор пока корабль остается единственным обладателем информации о брошенном флоте, исследовательское судно «Стремительный» будет величайшим призом, и все фанатики будут домогаться его.

Орли надеялся, что Нисс раздобудет доказательства безобидности их открытия. С их помощью можно было бы убедить ити оставить корабль в покое. Но если этот брошенный флот действительно так важен, «Стремительному» нужно найти способ доставить информацию на Землю, и пусть тогда головы поумнее решают, что с ней делать.

— Продолжай обдумывать, — сказал он Ниссу. — А я постараюсь, чтобы галакты от нас отвязались. Не скажешь ли теперь...

— Конечно, скажу, — прервал его Нисс. — Коридор снаружи пуст. Думаете, я позволил бы вам выйти, не предупредив?

Том покачал головой. Он был уверен, что машина специально запрограммирована делать это снова и снова. Типично для тимбрими. Лучшие друзья землян известные мастера розыгрышей. А когда неприятности кончатся, Том собирался сунуть в компьютер гаечный ключ и объяснить тимбримийским друзьям, что произошел «несчастный случай».

Дверная панель скользнула в сторону, Том ухватился за край и приготовился спрыгнуть на тускло освещенный потолок коридора. Дверь за ним автоматически закрылась. На стенах дугообразного коридора горели красные тревожные огоньки.

«Ну ладно, — подумал Том. — Надежды на быстрое бегство не оправдались, но у меня начинают вызревать комбинации планов посложнее».

Кое-что он уже обсуждал с капитаном. Один или два оставил при себе.

Пора претворять их в жизнь, подумал Том, хорошо зная по опыту, что случай вечно меняет все планы. И вполне возможно, что подвернется что-то совершенно фантастическое и станет для

них последней реальной надеждой.

6. ГАЛАКТЫ

Первая фаза битвы стала всеобщей свалкой. Два десятка воюющих групп накидывались друг на друга, проверяли, искали бреши в защите. На орбитах уже появилось несколько взорванных корпусов, разбитых, покореженных, зловеще светившихся. Вокруг клубились облака плазмы, блестели обломки раскаленного металла.

В своем флагманском корабле кожистая королева смотрела на экраны, показывающие ход битвы. Она лежала на широких мягких подушках и задумчиво поглаживала широкие чешуйки на животе.

На дисплеях, обступивших ложе Крат, было видно множество опасностей. На одном изображении была нанесена сеть линий, показывающих аномальные вероятности. На других показаны были зоны опасной пси-депрессии.

Видны были огни других флотов, перегруппировывавшихся после первой фазы. На краях по-прежнему бушевала схватка.

Крат облокотилась на подушку влетуровой кожи. Перегруппировалась, чтобы уменьшить

давление на третий живот. Боевые гормоны всегда ускоряли ее внутренние процессы. В древности это было очень неудобно, ибо вынуждало ее предков по женской линии оставаться в гнезде, а битвы предоставлять глупым самцам.

Но теперь все иначе.

К ней подошло маленькое птицеобразное существо. Крат взяла с протянутого подноса лингсливу. Откусила, наслаждаясь соком, который потек по языку и усам. Маленький форски проникновенно запел балладу о радостях битвы.

Разумеется, птицеподобные форски возвышены до полного разума. Поступить иначе с расой клиентов означало бы нарушить Кодекс Возвышения. Но, хотя они умеют разговаривать и даже летать в космических кораблях, у них напрочь отсутствует честолюбие. Они слишком незаменимы в качестве домашней прислуги и развлечения, чтобы сделать их специализированными. И способность адаптироваться могла бы помешать им прекрасно выполнять свои функции.

Неожиданно погас один из маленьких экранов. Уничтожен истребитель в арьергарде соро. Крат почти не обратила на это внимания. Пока потери несущественны.

Командная рубка разделена на секции. Со свое-

го места в центре Крат может заглянуть в любую из них. Там суетятся многочисленные клиенты соро, каждый готов исполнить ее волю согласно своему узкому профилю.

В секциях навигации, обнаружения и боевой оживление наконец стихало. Зато в секции планирования суета усилилась, экипаж оценивал возможности, включал вероятные союзы с силами воспринимающих и нарушителей.

Из секции обнаружения высунулся младший офицер паха. Полуприкрыв глаза, Крат видела, как он метнулся к пищевой станции, схватил кружку дымящегося амоклаха и торопливо вернулся на пост.

Паха разрешалось больше видового разнообразия, чем форски, чтобы увеличить их численность, как ритуальных воинов. Крат управляла ими с трудом, но такова цена, которую приходится платить за настоящих воинов. Поэтому она решила не выказывать никакой реакции. Слушала песню маленького форски о грядущей победе, о славе, которая ожидает Крат, когда она захватит землян и выведает их тайны.

Рявкнули клаксоны. Форски в тревоге подпрыгнул и убежал в свою нору. Показались бегущие отовсюду паха.

— Рейдер танду! — крикнул офицер из секции тактики. — Между кораблями два и двенадцать прямо в середине нашего строя! Необходим срочный маневр! Быстро!

Флагманский корабль вздыбился, избегая линии снарядов. На экранах Крат эти снаряды видны, как гневно пульсирующие синие точки: отчаянный крейсер танду проник в самый центр ее флота и ведет огонь по кораблям соро.

Будь прокляты эти вероятностные двигатели! Крат знала, что никто не передвигается быстрее танду, потому что ни один корабль не отважится на такое!

Крат раздраженно дернула брачным когтем. Корабли соро так старались увернуться от снарядов, что не вели ответного огня.

— Глупцы! — засвистела Крат в свой коммуникатор. — Шестой и десятый корабли, оставайтесь на месте и ведите огонь по этому убожеству!

И прежде чем ее слова достигли капитанов, прежде чем соро начали стрелять, ужасный корабль танду стал саморазрушаться. Только что он был здесь, свирепый и смертоносный, сражаясь со множеством растерянных противников. И вот его уже окружило облако бесцветных искр. Защитные поля не выдержали, и крейсер сложился,

как карточный домик.

С яркой вспышкой танду исчез, оставив только облако пара. Сквозь защитные экраны своего корабля Крат услышала страшный пси-рев.

«Повезло нам, — подумала Крат, когда пси-шум начал стихать. — Не зря другие расы не пользуются методами танду. Но если бы этот корабль продержался еще некоторое время...»

Но пока никакого вреда не причинено, и Крат отметила, что экипаж сыграл свою роль. Однако некоторые не очень-то торопились и придется их наказать...

Она подозвала главного тактика, высокого могучего паха. Воин подошел к ней. Он пытался сохранить гордую осанку, но опущенные реснички сказали Крат, что тактик понимает, что его ждет. Крат низко зарычала.

Начала говорить, и в этот момент командующая флотом соро почувствовала сильное давление внутри. Крат задергалась, тяжело дыша, а офицер паха бежал. Наконец Крат взвыла и почувствовала облегчение. И через минуту снесла яйцо.

Взяла его, на время забыв о наказании и битвах. Следуя инстинкту, который сохранился еще с того времени, когда два миллиона лет назад ее раса была возвышена робкими хулами, Крат

вдохнула запах феромонов и начала слизывать родовую слизь с трещин, покрывающих кожистую поверхность яйца.

Крат лизала долго, продлевая удовольствие. И покачивала яйцо, подчиняясь древнему неослабевшему чувству.

7. ТОШИО

Разумеется, участвовал и корабль. С девятилетнего возраста все сны Тошио связаны с кораблями. Вначале корабли из пластила и джаббера в проливах и архипелагах Калафии, позже корабли в космосе. Тошио мечтал о кораблях всех модификаций, даже кораблях могучих галактических патронов, которые он надеялся когда-нибудь увидеть.

Сейчас ему снилась корабельная шлюпка. Вместе с Акки по поручению небольшой человеческо-дельфиньей колонии его родной планеты он выходит в море на аутригере. Значок Калафианской академии ярко сверкает под лучами Альфы. Плавание начинается в прекрасный, полный ароматов день.

Но скоро погода портится, все вокруг становится под цвет воды, море — мрачным, черным,

потом сменяется вакуумом, и неожиданно повсюду вспыхивают звезды.

Тошио заботит воздух. Ни у него, ни у Акки нет скафандров. Трудно дышать в вакууме!

Он уже собирается поворачивать домой, когда видит преследователей. Галакты, всех цветов и форм, с длинными мускулистыми руками или с маленькими цепкими клешнями, и — что гораздо хуже — все мощно гребут к нему. И гладкие носы их лодок сверкают, как звезды.

— Что вам нужно? — кричит он, гребя изо всех сил, чтобы уйти. (А нет ли на лодке мотора?)

— Кто твой хозяин? — кричат они на тысяче разных языков. — Он рядом с тобой?

— Арки фин! Фины наши клиенты! Мы возвысили их и освободили!

— Значит, они свободны, — отвечают галакты, приближаясь. — Но кто возвысил тебя? Кто освободил тебя?

— Не знаю! — кричит он. — Может, мы сами это сделали! — И все больше напрягается, слыша хохот галактов. Пытается дышать жестким вакуумом. — Оставьте меня в покое! Я хочу домой!

Неожиданно впереди показывается флот. Корабли кажутся больше луны, больше звезд. Они темные и тихие, и даже галакты их пугаются.

И тут передний из огромных шаров начинает раскрываться. И Тошио замечает, что нет Акки. Нет и его лодки. И галакты исчезли.

Ему хочется крикнуть, но надо беречь воздух.

Пронзительный свист вызвал боль, но привел его в себя. Тошио резко сел и почувствовал, как закачались сани. Смутно виден горизонт, свежий ветер обвевает лицо. В ноздрях запах Китрупа.

— Вовремя, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы уже испугались за тебя.

Тошио увидел плывущую рядом Хикахи, она поглядывала на него одним глазом.

— Как дела, остроглазый малыш?

— Кажется... все в порядке.

— Тогда займись своим шлангом. Нам пришлось перекусить его, чтобы ты мог вздохнуть.

Тошио потрогал ровный, словно отрезанный ножом край. Заметил, что обе его руки аккуратно перевязаны.

— Кто-нибудь еще ранен? — спросил он, одновременно отыскивая сумку с инструментами.

— Несколько небольших ожогов. Убедившись, что ты жив, мы наслаждались битвой. Спасибо за то, что рассказал о Сассии. Мы никогда бы не заглянули туда, если бы тебя не поймали. Сейчас ее освобождают.

Тошио знал, что должен быть благодарен Хикахи: она представила его неудачу в таком выгодном свете. На самом деле его следовало бы отругать за то, что он самовольно и безрассудно покинул строй и чуть не погиб.

Но Тошио был слишком опустошен, чтобы чувствовать благодарность к лейтенанту-дельфину.

— Фип-пита еще не нашли?

— Никаких следов.

Медленное вращение Китрупа привело солнце в положение, соответствующее примерно часам четырем на Земле. На востоке собирались низкие облака. Вода, недавно такая гладкая, покрылась рябью.

— Может быть небольшой шторм, — сказала Хикахи. — Возможно, глупо следовать земным инстинктам на другой планете, но, кажется, опасаться нам нечего...

Тошио взглянул вверх. Что-то на юге. Он прищурился.

Снова. Вспышка, еще, несколько подряд. Две вспышки в быстрой последовательности, почти невидимые в блеске моря.

— Как давно это продолжается? — спросил он, показывая на юг.

— О чем ты, Тошио?

— Вспышки. Это молнии?

Глаза Хикахи расширились, рот слегка искривился. Она забила в воде плавниками, повернулась к югу.

— Я ничего не вижу, Остроглазый. Расскажи, что видишь ты.

— Многоцветные вспышки. Огни. Много... — Тошио перестал чинить свой воздушный шланг. Смотрел вдаль, стараясь вспомнить.

— Хикахи, — медленно сказал он. — Мне кажется, во время схватки с водорослями меня вызывал Акки. На ваш приемник не поступила информация?

— Нет, Тошио. Ты знаешь: мы, фины, не способны на абстрактное мышление во время схватки. Постарайся вспомнить, что он сказал.

Тошио коснулся лба. Ему совершенно не хотелось вспоминать о встрече с хищной водорослью. Все сливалось в кошмар, в путаницу цветов, звуков, движений.

— Мне кажется... он что-то сказал о радиомолчании... о возвращении назад... о космической битве.

Хикахи свистнула и ударила плавниками по воде, откидываясь назад. Тут же вернулась, мощно забила хвостом.

Всем собраться
Всем вверх
Повернуть и вверх!

Плохой тринари. В дельфиньем праймале есть оттенки, которых Тошио, конечно, не понимает. По его спине пробежал холодок. От Хикахи он меньше всего ожидал праймала. Сворачивая шланг, он подумал, что им может дорого обойтись его забывчивость.

Тошио плотно закрыл свою лицевую пластину и нажал клапан плавучести на санях, одновременно поглядывая на огоньки по краям своего шлема. Со скоростью калафианца четвертого поколения он проделал всю проверку перед спуском.

Нос саней начал медленно погружаться, и море взорвалось справа. В пене и потоках выдыхаемого воздуха возникли семь дельфинов.

— С-с-сассия привязана к твоей корме, Тошио. Можешь поторопиться? — спросил Кипиру. — Не время мечтать и сочинять мелодии.

Тошио поморщился. Как мог Кипиру отчаянно сражаться за жизнь человека, которого так презирает?

Он вспомнил, как ворвался Кипиру в водо-

росль, какой отчаянный был у него взгляд и как обрадовался дельфин, увидев его. Но сейчас он по-прежнему жесток и насмешлив.

На востоке ослепительно вспыхнуло, все небо осветилось. Дельфины, как один, закричали и мгновенно нырнули — все, кроме Кипиру, который остался рядом с Тошио, а на востоке из-за туч на полуденное небо лился огонь.

Наконец сани погрузились, но в последнее мгновение Тошио и Кипиру увидели битву гигантов.

Огромный стреловидный космический корабль в огне и пробоинах летел на них. Из трещин по бокам у него вырывались столбы дыма, которые ветер относил в узкую полосу сверхзвукового фронта. Ударная волна заставила дрогнуть даже защитные поля огромного корабля, разрывы гравитации и плазмы сверкали с невероятной перегрузкой.

Не более чем в четырех корпусах за гигантом неслись два истребителя крючкообразной формы. Из каждого трилистника вырывались потоки антиматерии, с громом они дважды достигли цели.

Тошио находился на глубине пяти метров, когда до него долетел звуковой удар. Сани пе-

ревернулись и продолжали вертеться в таком грохоте, словно обрушился дом. Вода превратилась в кипящий водоворот пузырей и тел.

Сражаясь с санями, Тошио поблагодарил Ифни за то, что не задержался на поверхности. У Морграна они видели, как гибнут корабли. Но не так близко.

Шум наконец перешел в долгое ровное ворчание. Тошио удалось выровнять сани.

Труп Сассии по-прежнему был привязан к корме. Остальные фины, слишком испуганные или благоразумные, чтобы подниматься на поверхность, по очереди подплывали к небольшим воздушным куполам, расположенным под санным днищем. Тошио должен был удерживать сани в равновесии. В кипящей воде сделать это было нелегко, но он выполнял все необходимое не задумываясь.

Они находились у западного склона большого серого металлического острова. Разделенные промежутками, со склона свисали водоросли. Не похожие на странного хищника, но никакой гарантии.

Тошио все больше и больше не нравилось это место. Он хотел вернуться домой, где опасности известны, где с ними легко справиться: ядовитые

водоросли, островные черепахи и тому подобное — и нет никаких ити.

— Как ты? — спросила подплывшая Хикахи. Лейтенант-дельфин излучала спокойствие.

— Нормально, — ответил Тошио. — Хорошо, что я успел рассказать о сообщении Акки. У вас есть все основания сердиться на меня.

— Не глупи. Мы возвращаемся. Брукида устал, и я привязала его под воздушным куполом. Поплывешь впереди с разведчиками. Мы следом. Давай!

— Есть, сэр. — Тошио посмотрел на приборы и включил двигатель. Винты загудели, сани начали ускоряться. Несколько самых сильных пловцов держались рядом, склон острова медленно уходил направо.

Через пять минут они пустились в путь. И не успели они удалиться, как ударило цунами.

Не очень большая волна, первая из ряда кругов, разошедшихся оттуда, куда упал булыжник. Только булыжником оказался космический корабль длиной в полкилометра, который упал со сверхзвуковой скоростью всего в пятидесяти километрах.

Волна швырнула сани вверх и в сторону, чуть не сбросив при этом юношу. Морские отбросы,

растения, мертвые и живые рыбы закружились, как листва в урагане. Рев оглушал.

Тошио отчаянно вцепился в руль. Несмотря на очень сильное сопротивление, ему удалось поднять и направить сани против волны. Как раз вовремя он ушел из направленного ко дну потока, маленькое судно двинулось на восток.

Слева пронеслась пепельно-серая фигура. Тошио узнал Кипиру, который пытался удержаться в разбушевавшейся воде. Дельфин крикнул что-то непонятное на тринари и исчез.

Какой-то инстинкт вел Тошио. А может, помогал экран сонара, который, хотя и покрылся рябью, сохранил смутные исчезающие очертания местности, всего несколько мгновений назад вырисовывающейся так четко. Тошио старался как можно круче повернуть сани влево.

Рев двигателей, работавших на пределе, усилился: Тошио отчаянно свернул. Впереди возвышался огромный мрачный металлический остров! Уже ощущалось встречное течение, начала формироваться огромная волна.

Тошио хотел закричать, но борьба отняла у него все силы. Он стиснул зубы и стал в ужасе считать секунды.

В облаке пузырей сани пролетели мимо север-

ной оконечности острова. Тошио находился под водой; посмотрев вниз, он увидел метрах в десяти справа береговую растительность. Он летел на гребне высокой волны.

И пролетел мимо острова. Океан раскрылся перед ним: глубокие борозды на дне, темные и словно бездонные. Тошио наклонил носовые лопасти и продул баки. Сани быстро начали погружаться.

Опасно накренилась корма. Тошио миновал груду обломков, за ней начинались тьма и холод, но Тошио приветствовал их как убежище.

Внизу, в спокойной глубине, перед ним открылась долина. Он по-прежнему чувствовал, как вверху перекатываются волны цунами. Водоросли вокруг раскачивались необычайно сильно. Со всех сторон падал медленный дождь обломков, но во всяком случае вода больше не пытается забить его насмерть. Тошио выровнял сани и направился к центру долины, подальше от всего. И позволил себе расслабиться, реагируя выбросом адреналина на ощущение боли избитых мышц.

Он благословлял крошечных созданных человеком симбионтов, которые как раз сейчас избавляют его кровь от избытка азота, предотвращая наркотическое опьянение глубиной.

Тошио уменьшил тягу двигателя, и машина облегченно вздохнула. Как ни удивительно, но после такого обращения с машиной огоньки на приборах в основном зеленого цвета.

Он обратил внимание на один из них, который показывал работу воздушного купола. И тут же Тошио услышал негромкое пение. Терпеливо и почтительно прозвучало:

Океан есть... есть..
Как бесконечный вздох спящего
Есть и другие моря... есть...
И в них другие спят...

Тошио схватил гидрофон.

— Брукида! Как вы там? Хватает ли воздуха?

Послышался вздох, дрожащий и усталый.

— Привет, Быстрые Пальцы! Спасибо за то, что спас мне жизнь. Ты плаваешь не хуже турсиоп.

— Корабль, который мы видели, должно быть, упал. От такого удара поднимется сильное волнение. Может, нам лучше немного побыть на глубине. Я позову сонаром, чтобы остальные смогли найти нас и прийти за воздухом, пока не улеглись волны. — Тошио нажал выключатель сонара, и сразу в воде послышались щелчки. Брукида застонал.

— Они не придут, Тошио. Разве ты их не слышишь? Они не ответят тебе.

Тошио нахмурился.

— Но они должны! Хикахи знает об этих волнах. Они, наверно, как раз сейчас нас ищут. Может, лучше поплыть назад... — Он протянул руку, собираясь продуть балласт. К Брукиде он относился с опасением.

— Не надо, Тошио! Твоя смерть будет напрасной. Подожди, пока волны ссстихнут. Ты должен выжить и рассказать Крайдайки.

— О чем вы говорите?

— Слушай, Остроглазый. Слушай!

Тошио покачал головой, выругался и потянул за дроссель, пока двигатель совсем не стих. И снова протянул руку к гидрофонам.

— Слышишь? — спросил Брукида.

Тошио наклонил голову и прислушался. В море мириады звуков: рев уходящей волны, панический шум стай рыб, грохот падения камней, удары волн о берега.

И тут он услышал. Резкие звуки праймала. Ни один современный дельфин, владеющий собой, на это не способен.

Да, дурные новости.

В одном из криков Тошио отчетливо различил

базовый тревожный призыв. Самый первый сигнал дельфиньей речи, который поняли люди.

Но другие звуки... по меньшей мере три голоса. Звучат странно, как-то очень зло и неправильно.

— Это «лихорадка спасения», — простонал Брукида. — Хикахи выбросило на берег, она ранена. Она должна прекратить звать, но сейчас она в бреду и не контролирует положение.

— Хикахи...

— Подобно Крайдайки, она глубоко постигла кининк... науку логичной дисциплины. Она смогла бы заставить остальных не обращать внимания на крики выброшенных на берег, заставила бы их нырнуть и переждать.

— Но разве они не знают об ударных волнах?

— Дело не в волнах, Остроглазый! — воскликнул Брукида. — Без посторонней помощи они могут выброситься на берег! Ты калафианец. Почему ты не знаешь этого о нас? Я бьюсь изо всех сил, чтобы освободиться и умереть, отвечая на этот зов!

Тошио застонал. Конечно, он знает о лихорадке спасения, при которой паника и страх смывают налет цивилизации и оставляют у китообразных только одну мысль: каков бы ни был личный риск, надо спасти товарищей. Периодически тра-

гедия повторялась даже среди цивилизованных дельфинов Калафии. Акки рассказывал ему, что иногда это как зов моря о помощи. Некоторые люди утверждают, что тоже чувствуют это — особенно те, что принимают дельфинью РНК в обрядах культа спящих.

Некогда турсиопы, бутылконосые афалины, меньше других китообразных подвергались риску выброситься на берег. Но генная инженерия где-то нарушила равновесие. В базовую модель турсиопы были внедрены гены других видов, и кое-что вышло из-под контроля. Уже три поколения земных генетиков работают над этой проблемой. И все равно дельфины живут, словно ходят по лезвию бритвы: над ними постоянно довлеет опасность впасть в безумие.

Тошио прикусил губу.

— У них есть доспехи, — неуверенно сказал он.

— Будем надеяться. Но смогут ли они правильно воспользоваться ими, если уже сейчас говорят на праймале?

Тошио ударил кулаком по саням. Руки уже онемели от холода.

— Я поднимаюсь, — объявил он.

— Нет! Не нужно! Ты должен оставаться в безопас-сности!

Тошио стиснул зубы.

«Всегда обо мне заботятся. Заботятся и насмехаются. Фины обращаются со мной, как с ребенком, и это надоело!»

Он передвинул дроссель на четверть и приподнял нижние плоскости.

— Сейчас я вас развяжу, Брукида. Сможете плыть?

— Да. Но...

Тошио взглянул на сонар. На западе возникла неясная линия.

— Плыть сможете? — снова спросил он.

— Да. Я могу хорошо плыть. Но не отпускай меня около лихорадки спасения. И сам не рискуй на волнах.

— Я вижу одну. Их разделяет несколько минут, и они слабеют. Поднимемся сразу после этой. И вам придется вернуться на корабль. Расскажите, что тут случилось, и попросите помощи.

— Это должен сделать ты, Тошио.

— Неважно. Вы сделаете то, о чем я прошу? Или мне оставить вас привязанным?

Последовала почти незаметная пауза, голос Брукиды изменился.

— Я выполню все в точности, Тошио. Приведу помощь.

Тошио проверил крен, потом скользнул с саней, держась рукой за боковую переборку. Брукида смотрел на него через прозрачную стенку воздушного купола. Плотная пузырьковая мембрана окружала голову дельфина. Тошио разорвал крепления, удерживавшие Брукиду на месте.

— Вам придется взять с собой дыхатель.

Брукида вздохнул, а Тошио потянул за рычаг. Отделился шланг, один его конец накрыл дыхало дельфина. Десять футов шланга, как змея, оплели тело Брукиды. Дыхатель мешает говорить, но с ним Брукиде не нужно будет подниматься за воздухом. Дыхатель поможет престарелому металлургу игнорировать крики в воде, будет постоянно напоминать о его причастности к технологической культуре.

Брукида оставался привязанным одним креплением. Тошио приблизился к поверхности, наблюдая за волной.

Сани наклонились, но на этот раз он был готов. Они находились достаточно глубоко, а волна прошла удивительно быстро.

— Пора! — Тошио переключил двигатель на максимум и продул балласт.

Скоро появилась стена металлического острова. Крики товарищей в сонаре стали слышнее.

Преобладал тревожный призыв лихорадки спасения.

Тошио проплыл мимо острова на север. Он хотел как можно дальше увести Брукиду.

И тут у него над головой мелькнуло гладкое серое тело. Тошио сразу узнал его и понял, куда направляется дельфин.

Он перерезал последнее крепление.

— Двигайте, Брукида! Если снова вернетесь к острову, я сорву с вас доспехи и перекушу хвост.

И, не глядя на Брукиду, резко развернул сани. Нажал на акселератор, пытаясь догнать Кипиру. Быстрейший пловец экипажа «Стремительного» направлялся к западному берегу. И кричал на чистом дельфиньем праймале.

— Черт возьми, Кипиру! Остановись!

Сани быстро плыли под самой поверхностью воды. День клонился к концу, облака подернулись красноватым, но Тошио отчетливо видел, как впереди Кипиру перепрыгивает с волны на волну. Он не обращал внимания на призывы Тошио и направлялся к острову, на берегу которого без памяти и в бреду лежали его товарищи.

Тошио чувствовал себя беспомощным. Через три минуты снова накатит волна. Если она не выбросит дельфина на берег, это сделает сам

Кипиру. Кипиру родом с Атласта, относительно новой сельской колониальной планеты. Сомнительно, чтобы он изучал дисциплину мысли, как Крайдайки или Хикахи.

— Стой! Если рассчитаем верно, сможем действовать сообща и избежим волн. Подожди меня! — кричал он. Бесполезно. Фин намного опередил его.

Бесполезная гонка раздражала Тошио. Как он мог жить и работать с дельфинами всю жизнь и так плохо знать их? Подумать только: Совет Земли отобрал его для этого полета из-за опыта в обращении с дельфинами! Ха!

Тошио всегда доставалось от дельфинов. Они смеялись над всеми человеческими детьми, в то же время изо всех сил защищая их. Но, став членом экипажа «Стремительного», Тошио надеялся, что с ним будут обращаться как со взрослым и офицером. Конечно, легкая пикировка будет продолжаться, как бывает между людьми и финами у него дома, но при взаимном уважении. Так не получилось.

И хуже всех оказался Кипиру, с самого начала он без устали издевался над Тошио.

«Почему же я пытаюсь спасти его?»

Тошио вспомнил, как храбро сражался Кипиру,

освобождая его от хищной водоросли. Тогда никакой лихорадки спасения не было. Фин полностью контролировал свои доспехи.

«Итак, он считает меня ребенком, — с горечью подумал Тошио. — Неудивительно, что и сейчас он меня не слышит».

Однако это подсказало выход. Тошио прикусил губу, тщетно пытаясь придумать что-то еще. Чтобы спасти жизнь Кипиру, ему придется пойти на сильное унижение. Нелегко решиться на это, особенно после постоянных насмешек.

Выругавшись, Тошио потянул назад дроссель и поставил носовые плоскости на спуск. Включил гидрофоны на максимум и закричал на искаженном тринари:

Ребенок тонет — ребенок в опасности!

Ребенок тонет — он в отчаянии

Человеческий ребенок — ему нужен спаситель

Человеческий ребенок — спаси его!

Он снова и снова повторял этот призыв, насвистывая пересохшими от стыда губами. Всех детей Калафии учат таким песенкам. Но любой ребенок старше девяти лет, который воспользуется этим призывом, вынужден будет проситься на другой

остров, чтобы избежать постоянных насмешек. Взрослые зовут на помощь достойно.

Но эти достойные призывы Кипиру не услышит.

С горящими ушами Тошио повторял призыв.

Конечно, не все калафианские дети дружили с финами. Только четверть человеческого населения планеты тесно связана с морем. Но эти взрослые умеют обращаться с дельфинами. Тошио всегда считал себя одним из них.

Теперь все кончено. Если он вернется на «Стремительный», придется прятаться в своей каюте... несколько дней или недель, пока не явятся победители Китрупа и не предъявят свои права.

На экране сонара с запада приближалась еще одна неясная линия. Тошио опустил сани чуть глубже. Продолжал свистеть, но чувствовал, что готов расплакаться.

где... где... где ребенок... где ребенок, где...

Дельфиний праймал! Поблизости! Тошио забыл о своем позоре. Нащупал веревку, которая удерживала на месте Брукиду, и продолжал насвистывать.

Мимо промелькнула серая полоса. Тошио по-

добрал колени и взял веревку в обе руки. Он знал, что Кипиру обогнет снизу и появится с противоположной стороны. И когда увидел поднимающееся серое пятно, прыгнул с саней.

Пулеобразное тело дельфина изогнулось в панической попытке избежать столкновения. Тошио закричал, когда хвост китообразного ударил его в грудь. Но скорее это был крик радости. Он все рассчитал верно!

Когда Кипиру снова повернул, Тошио бросился в сторону и позволил фину проплыть между собой и веревкой. Сжал ногами скользкий дельфиний хвост и натянул веревку, словно затягивая удавку на Кипиру.

— Поймал! — крикнул он.

И в этот миг ударила новая волна.

Тошио потащило в глубину. В него ударили обломки, от движений обезумевшего дельфина его тело бросало из стороны в сторону.

Но на этот раз Тошио не боялся волны. Боевая ярость переполняла его. Горячим потоком струился в жилах адреналин. Ему нравилось спасать Кипиру, одновременно расплачиваясь с ним за недели унижений.

Дельфин извивался в панике. Когда волна прокатилась над ними, Кипиру испустил базовый

призыв — на поверхность, за воздухом. Он отчаянно пытался подняться.

Они выскочили из воды, и Тошио едва увернулся от струи из дыхала Кипиру. Кипиру несколько раз подпрыгнул, пытаясь избавиться от своего нежеланного всадника.

Каждый раз погружаясь под воду, Тошио пытался позвать.

— Ты разумный, — кричал он. — Черт побери, Кипиру... ты... ты пилот звездного корабля!

Он знал, что ему следовало уговаривать на тринари, но это совершенно бесполезно, он и так едва держится.

— Ты безмозглый... фаллический символ! — кричал он под ударами воды. — Рыба-переросток! Ты меня убиваешь!.. Ити захватят Калафию, потому что вы, фины, не можете прикусить язык! Нам не следовало брать вас в космос!

Слова были полны ненависти. Презрения. Но наконец, Кипиру как будто услышал. Приподнялся в воде, как рассерженный жеребец. Тошио почувствовал, как отрывается от дельфина и летит, словно рваная кукла. Он с плеском ударился о воду.

За сорок поколений возвышения дельфинов известно только восемнадцать случаев, когда фи-

ны нападали на людей с целью уничтожения. В каждом случае все фины, родственники преступника, были стерилизованы. Но Тошио все равно ожидал, что в любое мгновение будет раздавлен. Ему стало безразлично. Он наконец понял причину своей депрессии, когда боролся с Кипиру.

Не собственные способности и не перспектива возвращения угнетала его в последние недели. Нет, другое, о чем он запретил себе думать с самой битвы у Морграна.

Ити... инопланетяне... галакты всех видов и религий... те, что сейчас преследуют «Стремительный»... они не ограничатся охотой на корабль с его смешанным экипажем.

Хотя бы одна раса ити догадается, что «Стремительный» сумел надежно спрятаться. Или решит ошибочно, что он успел передать информацию на Землю. В любом случае следующий логичный шаг наиболее аморальной или победоносной расы ити будет принуждение.

Земля может защитить себя. Вероятно, смогут и Омнивариум и Гермес. Тимбрими защитят Каананскую колонию.

Но такие планеты, как Калафия или Атласт, будут захвачены немедленно. И его семья, знакомые превратятся в заложников. И Тошио понял,

что винит в этом финов.

Очередная волна. Тошио все равно.

Поблизости проплыли какие-то обломки. В километре Тошио видел металлический остров. Как будто тот же самый. Но Тошио не мог сказать, на его ли берег выбросились дельфины.

Прибивало большой кусок. Тошио потребовалось несколько мгновений, чтобы понять — Кипиру.

Он забился в воде, открывая лицевую пластину.

— Ну, гордишься собой? — спросил он.

Кипиру чуть повернулся, и на Тошио уставился один большой глаз. Из утолщения на голове — здесь люди сформировали голосовой аппарат из прежнего дыхала — послышался длинный негромкий дрожащий звук.

Тошио не был уверен, что это вздох. Может быть, извинение на дельфиньем праймале. Одна мысль об этом рассердила его.

— Прекрати! Я хочу знать только одно. Должен ли я отправить тебя на корабль? Или ты можешь оставаться разумным настолько, чтобы помочь мне? Отвечай на англике и соблюдай правила!

Кипиру болезненно застонал. Спустя несколько мгновений, тяжело дыша, он наконец ответил

— очень негромко.

— Не отсссылай меня. Они зовут на помощь! Я ссделаю, что ты сскажешь!

Тошио колебался.

— Ну хорошо. Отправляйся за санями. Найди их и надень дыхатель. Тебе должно хватить воздуха, и к тому же он будет постоянно напоминать тебе, кто ты.

— Потом приведи сани к острову, но не очень близко!

Кипиру резко кивнул большой головой.

— Да! — воскликнул он. Подпрыгнул и ушел под воду. И очень хорошо, что не стал ни о чем спрашивать.

Фин мог бы помешать планам Тошио.

Километр до острова; есть только один способ добраться туда быстро и при этом не пораниться о жесткую как металл коралловую поверхность. Тошио снова сориентировался, и тут опускающийся уровень воды подсказал ему, что приближается очередная волна.

Эта волна казалась самой мягкой. Тошио знал, что это ощущение обманчиво. Он слишком глубоко в воде, чтобы испытать всю силу волны. Она приближалась не как гора, увенчанная пеной, а как небольшое возвышение. Тошио нырнул в

этот горб и некоторое время проплыл в его течении, прежде чем подняться на поверхность.

Он рассчитал правильно. Отплыл бы назад дальше, не успел бы добраться до острова, и откатывающаяся волна оттащила бы его назад; остался бы впереди — мог удариться о поверхность, испытать всю силу прибоя и обратного течения.

Все произошло очень быстро. Тошио плыл изо всех сил, но не мог сказать, миновал ли он гребень волны. Оглянулся и понял: что-то менять уже поздно. Снова повернулся лицом к высокому, покрытому растительностью острову.

В ста ярдах перед ним начинался прибой, и расстояние это быстро сокращалось. Вершина волны сдвинулась в сторону Тошио, и его бросило на берег.

Юноша напрягся, когда вершина накрыла его. Он готов был заглянуть в пропасть и больше ничего не видеть.

Но увидел водопад белой пены, и волна начала спадать. Тошио закричал, чтобы прочистить слуховые каналы, и поплыл изо всех сил, стараясь держаться на уровне потока пены и морских отбросов.

Неожиданно он оказался в окружении зелени.

Деревья и кусты, выдержавшие предыдущие удары, дрожали от нового наступления. Как раз когда Тошио проплывал мимо, некоторые из них вырвало с корнем. Другие держались и били его своими ветвями.

Но ни одна острая ветвь не проткнула его, ни одна лоза не задушила. Наконец ему удалось ухватиться за ствол дерева, остановиться, переждать, пока волна отступит.

Как ни удивительно, он встал на ноги — первый человек, ступивший на поверхность Китрупа. Тошио ошеломленно оглядывался, все еще не веря, что жив.

Потом торопливо открыл лицевую пластину и также стал первым человеком, извергнувшим на почву Китрупа свой завтрак.

8. ГАЛАКТЫ

— Убить их! — потребовал верховный жрец йофуров. — Уничтожить изолированный теннанинский крейсер в нашем шестом квадранте!

Начальник штаба склонил свой двенадцатиколечный корпус перед верховным жрецом.

— Теннанинцы наши временные союзники! Как мы можем напасть на них, предварительно

не исполнив тайного ритуала предательства? Их предки не будут умиротворены!

Йофурский жрец раздул шесть своих верхних соковых колец. Он высоко поднялся на своем помосте в тыльной части командной рубки.

— Нам не до ритуалов! Теперь, когда наш союз очистил этот сектор пространства! Теперь, когда наш союз стал сильнейшим! Теперь, пока все еще бушует битва! Теперь, когда эти глупые теннанинцы раскрыли перед нами свой фланг. Теперь мы можем причинить им большой вред.

Начальник штаба возбужденно запульсировал, от сильных переживаний его внешние соковые кольца обесцветились.

— Согласен, мы можем отказаться от союза. Согласен, мы можем предать своих союзников. Согласен, мы должны делать все, чтобы победить. Но мы не можем делать это, не исполнив соответствующих ритуалов! Именно ритуалы делают нас сосудами, наполненными волей предков! Ты сведешь нас до уровня еретиков!

Верховный жрец так затрясся от гнева, что под ним задрожал помост.

— Мои кольца решают! Мои кольца — жреческие кольца! Мои кольца...

Операционный верх конусообразного тела жре-

ца взорвался гейзером горячего разноцветного сока и залил липкой янтарной жидкостью весь мостик флагманского корабля йофуров.

— Продолжать сражение. — Взмахом боковой руки начальник штаба вернул свой штат к работе. — Позвать квартирмейстера религиозности. Пусть отправит кольца для изготовления нового жреца. Продолжать сражение, пока не будет исполнен ритуал предательства.

Начальник штаба склонился к главам секций.

— Вначале умиротворим предков теннанинцев, а потом обрушимся на них.

— Но постарайтесь, чтобы теннанинцы не узнали о нашем намерении!

9. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Прошло много времени от последней записи в этом дневнике. После Мелкого скопления у нас постоянная лихорадка. То мы совершаем открытие тысячелетия, то отбиваемся в засаде у Морграна, то стараемся спасти свою жизнь. Я почти не вижу Тома. Он пропадает у двигателей или в арсенале. А я либо здесь, в лаборатории, либо помогаю в лазарете.

У корабельного врача Маканай хлопот полон рот. Фины всегда были склонны к ипохондрии. Каждый пятый член экипажа уже обращался с психосоматическими жалобами. Невозможно понять, что творится у них в голове, поэтому мы гладим их, говорим, какие они храбрые, и успокаиваем их.

Я думаю, если бы не капитан, половина экипажа уже впала бы в истерику. Но им он кажется героем из «сна китов». Крайдайки расхаживает по кораблю, присматривает за ремонтом и дает уроки логики кининка. И фины взбадриваются, видя его рядом.

По-прежнему приходят сообщения о продолжающейся битве в космосе. Битва становится все ожесточеннее.

И мы все больше беспокоимся об отряде Хикахи.

Джиллиан отложила ручку. Небольшой кружок света, падавший от настольной лампы, освещал лабораторию. Другое освещение проникало только с дальней стены помещения. И на фоне этого свечения смутно виднелась гуманоидная фигура,

лежащая на столе стасиса.

— Хикахи, — вздохнула Джиллиан — Где ты, именем Ифни?

Всех очень тревожило, что отряд Хикахи не подтвердил по монопульсу получение приказа об отзыве. «Стремительный» не мог позволить себе потерю этих членов экипажа. Несмотря на некоторую неровность поведения за пределами мостика, Кипиру все же лучший пилот. И даже Тошио Ивашика подает большие надежды.

Но самую сильную боль вызывает утрата Хикахи. Справится ли без нее Крайдайки?

Хикахи ближайший друг Джиллиан среди дельфинов, они близки так же, как Том с Крайдайки или Тшут. Джиллиан в очередной раз удивилась, почему помощником капитана был назначен Такката-Джим, а не Хикахи. Это не имеет смысла. Можно только предположить, что решение было принято из политических соображений. Такката-Джим — стенос. Вероятно, к отбору экипажа приложил руку Игнасио Метц. Он еще на Земле выступал активным сторонником некоторых видовых разновидностей дельфинов.

Джиллиан не стала записывать эти мысли. На праздные рассуждения у нее нет времени.

И вообще — пора вернуться к Херби.

Она закрыла дневник, встала и подошла к столу стасиса, где в поле замедленного времени плавало высохшее тело.

Древний труп улыбался сквозь стекло.

Это не человек. Когда он жил, дышал и управлял космическими кораблями, на Земле еще не было даже многоклеточных организмов. Но чем-то он напоминает человека. У него прямые руки и ноги, похожие на человеческие голова и шея. Челюсти и глазные впадины выглядят необычно, но улыбка у черепа все же человеческая.

«Сколько тебе лет, Херби? — мысленно спросила Джиллиан. — Сколько миллиардов лет? Один? Два?

Почему твой флот, все эти древние корабли, ждал так долго и оставался незамеченным, пока не появились мы? Мы, группа волчат, неизвестно как возникших людей, и лишь недавно возвышенных дельфинов? Почему именно мы нашли тебя?

И почему одна-единственная твоя голограмма, переданная на Землю, свела с ума половину рас патронов галактики?»

Микро-Библиотека «Стремительного» ничем не помогла. Она наотрез отказывалась узнавать Херби. Может, она что-то утаивает или слишком

мала, чтобы помнить так много лет назад существовавшую расу.

Том просил Нисса заняться этим. Но саркастической тимбримийской машине пока не удалось добиться ответа.

Выкраивая время от занятий в лаборатории и лазарете, Джиллиан находила ежедневно по нескольку часов, чтобы незаметно осматривать останки, надеясь понять, что привело в такое возбуждение ити. Если она не поймет, не поймет никто.

И заняться этим надо сегодня.

«Бедный Том, — с улыбкой подумала Джиллиан. — Он появляется вечерами, выжатый, а я прихожу в возбуждение. Он молодчина, что еще замечает меня!»

Она взяла пионный микрофон.

«Ну ладно, Херби, нельзя ли установить, какой у тебя был мозг?»

10. МЕТЦ

— Простите, доктор Метц, капитан с Томасссом Орли в оружейной секции. Я могу быть чем-то полезен?...

Такката-Джим неизменно вежлив. Его англик

даже в оксиводе оставался почти безупречным. Игнасио Метц не смог сдержать одобрительной улыбки. Такката-Джим его очень интересовал.

— Нет, помощник капитана. Я заглянул на мостик, чтобы узнать, вернулась ли исследовательская группа.

— Нет. Мы можем только ждать.

Метц сочувственно зацокал. Он был уверен, что группа Хикахи погибла.

— Ну ладно. Галакты не предлагают вступить в переговоры?

Такката-Джим повернул свою большую пятнисто-серую голову слева направо.

— К сожалению, сэр. Их больше интересует взаимное убийство. Похоже, каждый час в системе Ктсимини появляется новый военный флот и вступает в схватку. Много воды утечет, прежде чем настанет черед дипломатии.

Доктор Метц нахмурился: нелогичность его смущала. Если бы галакты были благоразумны, они позволили бы «Стремительному» передать свое открытие в Институт Библиотеки и покончить с этим. И все получили бы равные возможности!

Но галактическая цивилизация едина больше на словах. И слишком у многих воинственных

рас есть большие корабли и оружие.

«И вот мы оказываемся в самом центре, — подумал он, — и все от нас чего-то хотят. Сомнительно, чтобы им был нужен только древний флот. Что-то более важное движет ими. Джиллиан Баскин и Том Орли что-то нашли в Мелком скоплении. Интересно, что?»

— Не пообедаете ли со мной сегодня, доктор Метц?

Метц мигнул. Какой сегодня день? Кажется, среда.

— Разумеется, помощник капитана. Ваше общество и беседа, как всегда, весьма желательны. Скажем, в шесть с чем-нибудь?

— Может, в девятнадцать ноль-ноль будет удобней, сссэр? Я в это время сдаю вахту.

— Хорошо.

Такката-Джим кивнул. Повернулся и поплыл на свое место.

Метц оценивающе смотрел ему вслед.

«Он лучший из моих стеносов, — подумал Метц. — И не знает, что я его крестный отец... геноотец. Но я им горжусь».

Все дельфины на борту относятся к виду Tursiopus amicus. Но некоторым добавлены гены Stenos bredanensis, глубоководного дельфина,

наиболее близкого к афалине по разуму.

Дикие bredanensis имели репутацию исключительно любопытных животных, пренебрегающих опасностью. И Метц настоял на том, чтобы в генетический бассейн неофинов добавили ДНК этого вида. На Земле большинство стеносов развивались вполне удовлетворительно, проявляя необычайную инициативу и ум.

Но несдержанность и буйный темперамент стеносов вызвал жалобы земных береговых общин. Метцу пришлось очень напряженно работать, чтобы убедить Совет доверить нескольким стеносам ответственные посты на борту первого космического корабля с дельфиньим экипажем.

Такката-Джим стал его аргументом. Холодно-логичный, неизменно вежливый, он почти никогда не пользуется тринари, только англиком, и кажется недоступным для «сна китов», который так сильно действует на другие виды — типа Крайдайки. Такката-Джим наиболее человекообразный из всех знакомых Метцу дельфинов.

Метц наблюдал, как помощник капитана управляет командой мостика — без всяких кининкских притч, как Крайдайки, с точностью и краткостью англика. Без лишних слов.

«Да, — подумал он. — Этот получит хороший

отзыв, когда вернемся домой».

— Доктор Метцссс?

Метц повернулся и отшатнулся от незаметно приблизившегося дельфина.

— Что?.. О, Кта-Джон. Вы меня испугали. Чем могу быть полезен?

Необыкновенно рослый дельфин улыбнулся ему. Тупая морда, пятнистое темное тело, выпуклые глаза — это о многом рассказало бы Метцу, если бы он не знал всего и так.

«Feresa attenuata, — с удовольствием подумал человек. — Такой прекрасный и свирепый. Мой самый тайный проект. И никто, даже ты сам, Кта-Джон, не знает, что ты не просто стенос».

— Прошу прощения, доктор Метцсс, но ученый шимп Чарлззз Дарт-т попросил поговорить с вами. Я думаю, маленькая обезьяна снова хочет поворчать.

Метц нахмурился. Конечно, Кта-Джон всего лишь боцман, он не должен быть таким рафинированным, как Такката-Джим. Но все же есть определенные границы, особенно учитывая тайну его происхождения.

«Надо будет поговорить с ним, — решил Метц. — Такое отношение может все испортить».

— Пожалуйста, предупредите доктора Дарта,

что я немедленно отправляюсь к нему, — сказал Метц дельфину. — Здесь я с делами покончил.

11. КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ

— Итак, мы снова вооружены, — вздохнул Крайдайки. — Некоторым образом.

Томас Орли оторвал взгляд от отремонтированного орудия и кивнул.

— Лучше, чем ничего, Крайдайки. Мы ведь не ждали никаких неприятностей, когда оказались в самом центре битвы у пункта перехода Моргран. Нам повезло, что нас не очень повредили.

Крайдайки согласился.

— Именно так, — мрачно подтвердил он. — Только бы я действовал бысс-т-трее.

Орли заметил настроение своего друга. Поджал губы и засвистел. Его дыхательная маска усилила картину псевдозвуков, слабое эхо отпрыгивало от углов заполненного оксиводой помещения и плясало, как сошедшие с ума эльфы. Работавшие в оружейной секции дельфины подняли свои чувствительные морды, следя за исчезающим сонарным изображением, насмешливо пощелкивая.

Когда отдаешь приказы,

Как тебе завидуют —

Но какова тяжесть ответственности!

Отзвуки исчезли, но смех продолжался. Команда оружейной секции пищала и булькала.

Крайдайки подождал, пока веселье уляжется. Потом из его лба раздалось пощелкивание. Оно наполнило помещение, очень напоминая гром грозовых туч, послышался звук дождевых капель, которые несет ветер. Том закрыл глаза, чтобы впечатление было полным.

Они стоят у меня на пути,

Эти древние, безумные,

отвратительные существа

Прикажите им уйти!

Орли наклонил голову, признавая поражение. Никто не мог побить Крайдайки в хайку на тринари. Восхищенные фины подтверждали это.

Разумеется, ничего не изменилось. Покидая оружейную секцию, Орли и Крайдайки знали, что вызывающее поведение экипажа не выход из кризиса. Но надо надеяться.

Но надежда редкий гость. Том знал, что Край-

дайки очень беспокоится о Хикахи, хотя не подает вида.

Когда их никто не мог услышать, капитан спросил:

— Джиллиан чего-нибудь достигла, изучая эту штуку, которую мы нашли?.. Причину всех наших неприятностей?

Том покачал головой.

— Последние два дня я видел ее не более часа, поэтому не знаю. Когда я спрашивал в последний раз, микро-Библиотека корабля по-прежнему утверждала, что ничего о нем не знает.

Крайдайки вздохнул.

— Интересно бы знать, что, по мнению галактов, мы нашли. Ну ладно.

Их остановил неожиданный свист сзади. Тшут, четвертый офицер корабля, влетела в помещение в облаке пузырей.

— Крайдайки! Том! Сонар обнаружил дельфина далеко на востоке, он очень быстро плывет к нам!

Крайдайки и Орли переглянулись. Том кивнул на невысказанный приказ капитана.

— Можно мне взять Тшут и двадцать финов?

— Да. Пусть готовятся. Но не выходите, пока мы не установим, кто это. Тебе может понадобиться

больше двадцати. Или это вообще безнадежно.

Том видел боль во взгляде капитана. Следующий час ожидания будет очень трудным.

Орли знаком пригласил лейтенанта Тшут следовать за собой, повернулся и на большой скорости поплыл по заполненному водой коридору к выходному шлюзу.

12. ГАЛАКТЫ

Быть патроном, отдавать приказы — большая радость. С таким чувством соро Крат следила за джелло, паха, пила и другими клиентами, которые снова вели флот соро в битву.

— Госпожа, — провозгласил офицер джелло из секции обнаружения. — По твоему приказу мы приближаемся к водному миру со скоростью, равной одной четвертой скорости света.

Крат ответила на сообщение легким подергиванием языка, но втайне она была счастлива. Ее яйцо здорово. Когда они победят, она сможет вернуться домой и снова спариться. И экипаж флагманского корабля работает, как хорошо налаженный механизм.

— Флот на один пактаар опережает расписание, госпожа, — объявил офицер из обнаружения.

Из всех рас клиентов соро Крат особенно ценила джелло. Это первые клиенты ее расы, возвышенные соро очень давно. Джелло, в свою очередь, стали патронами и привели в клан еще две расы. Соро гордились ими. Цепь возвышения не прерывалась.

В далеком прошлом остались прародители, установившие Галактический Закон. С тех пор одна раса помогала другой возвыситься до уровня разума. И в качестве благодарности принимала на службу по договору.

Много миллионов лет назад древние льюберы возвысили пьюберов. Так, во всяком случае, утверждает Библиотека. Льюберов давно уже нет. Пьюберы еще где-то живут, хотя регрессировали и пришли в упадок. Но до этого они успели возвысить хулов, которые, в свою очередь, сделали клиентами предков соро. Вскоре после этого хулы уединились на своей планете и превратились в философов.

Теперь у самих соро много клиентов. Самые удачные — джелло, паха и пила.

Крат слышала высокий голос тактика-пила Куббер-кабуба, который распекал своих подчиненных в планирующей секции. Он предлагал утроить усилия, чтобы получить от корабельной

мини-Библиотеки информацию, которую она затребовала. Голос Куббер-кабуба был испуганным. Это хорошо. Если будет ее бояться, работать станет еще лучше.

На борту только пила-млекопитающие, приземистые двуногие с планеты с мощным тяготением. Во многих бюрократических организациях галактики они стали очень влиятельны. В том числе в самой важной из них — в Институте Библиотеки. Пила, в свою очередь, возвысили клиентов, прославив клан.

Жаль, конечно, что пила не являются больше клиентами по договору. Неплохо было бы снова повозиться с их генами. У маленьких пушистых разумных неприятный запах.

Конечно, совершенных клиентов не бывает. Всего двести лет назад земляне сильно озадачили пила. Это происшествие оказалось трудно замять. Крат не знала всех подробностей, но это было связано с солнцем землян. С тех пор пила люто ненавидят землян.

При мысли о землянах брачный коготь Крат заныл. За триста лет они стали такой же помехой, как лицемерные кантены или дьявольски хитрые тимбрими!

Раса соро терпеливо ждала возможности вос-

становить свою поруганную честь. К счастью, земляне весьма невежественны и уязвимы. Может, сейчас и представилась такая возможность.

Как приятно было бы получить землян клиентами по договору! Это вполне может произойти! Какие трансформации были бы совершены! Как можно было бы переплавить этих людей!

Крат смотрела на свой экипаж и жалела, что нельзя вмешиваться в развитие уже взрослых рас: менять, лепить по своему усмотрению, уничтожать. А сколько всего можно было бы сделать! Но это потребовало бы изменения правил.

Но если возвышенные водные млекопитающие с Земли действительно таковы, как она считает, можно попытаться изменить правила... если действительно возвращаются прародители. Какая ирония, что этот брошенный флот нашла самая молодая раса! Крат почти простила людям их существование и их статус патронов.

— Госпожа! — провозгласил высокий джелло. — Союз йофуров и теннанинцев распался. Они сражаются друг с другом. Значит, теперь у них нет превосходства.

— Продолжайте наблюдение, — вздохнула Крат. Не следовало бы джелло поднимать такой шум из-за небольшого предательства. Союзы

создаются и распадаются, пока одна сторона не получит превосходства в силе. И она намерена добиться, чтобы этой стороной были соро. Когда кончится битва, она получит награду.

Дельфины должны принадлежать ей! После побоища она извлечет этих безруких из их подводного убежища и заставит все рассказать!

Ленивым взмахом левой лапы она вызвала из ниши библиотекаря пила.

— Найди данные об этих обитателях вод, которых мы преследуем, — сказала она библиотекарю. — Мне нужно больше знать об их обычаях и привычках. Говорят, связь их с человеческими патронами непрочна. Дай мне козырь, чтобы обратить этих... дельфинов.

Библиотекарь поклонился и исчез в своей секции, над которой виднелся иероглиф — спираль с лучами — знак Библиотеки.

Крат чувствовала дыхание судьбы. Это место в пространстве — нужная точка приложения сил. И без помощи приборов она знает это.

— Я получу их! И правила будут изменены!

13. ТОШИО

Тошио нашел Саттатту у ствола гигантского дерева-сверла. Фина бросило на чудовищное растение и раздавило. Его доспехи были полностью разбиты.

Пробираясь через густой подлесок, Тошио изредка насвистывал призыв на тринари. Но в основном просто старался удержаться на ногах. С момента вылета с Земли ему не часто приходилось ходить. А ушибы и головокружение задачу отнюдь не облегчали.

К'Хит лежал на мягкой постели из травянистой растительности. Доспехи его были целы, но дельфин-планетолог умер от потери крови. На животе виднелись три больших разреза. Тошио постарался запомнить место и пошел дальше.

Подходя к берегу, он нашел Сатиму. Маленькая самка потеряла много крови и впала в истерику, но была жива. Тошио залепил ей раны пеной из медицинской сумки. Потом взял механические руки ее доспехов и как можно глубже закопал в глину. Ничем другим закрепить Сатиму перед пятой волной он не мог.

Эта волна больше напоминала наводнение.

Тошио ухватился за дерево; вода дошла до горла; он ждал отлива.

Когда волна начала спадать, он отцепился и подплыл к Сатиме. Нащупал зажим доспехов, расстегнул их и помог дельфинихе поплыть в отступающей волне. Сам держался сзади.

Он как раз пытался затолкнуть Сатиму в кусты, чтобы ее не смыло, когда краем глаза уловил движение на дереве. Ему показалось, что это не просто раскачивание ветвей. Тошио посмотрел вверх и встретился взглядом с парой маленьких черных глаз.

Течение мгновенно затянуло их с Сатимой на вновь образовавшееся болото. И Тошио неожиданно оказался слишком занят, чтобы смотреть по сторонам.

Он подтащил Сатиму на несколько ярдов по скользким растениям, оберегая ее раны. Ему показалось, что она пришла в себя. Дельфиньи крики превращались в слова на тринари.

Свист заставил Тошио поднять голову. Кипиру направлял к берегу сани, их разделяло несколько ярдов. На дельфине был дыхатель, но он мог сигнализировать.

— Сатима! — закричал Тошио раненой самке. — Плыви к саням! Плыви к Кипиру!

— Привяжи ее к воздушному пузырю, — крикнул он Кипиру. — И следи за сонарным экраном. Отплывай, когда увидишь приближающуюся волну.

Кипиру кивнул. Когда Сатима отплыла на сто футов, он начал уводить ее на глубину.

Итак, пятеро. Остаются Хист-т и Хикахи.

Тошио взобрался по водоросли и снова углубился в подлесок. Голова его казалась такой же опустошенной и разрушенной, как этот остров. Слишком много трупов, слишком много мертвых друзей он увидел сегодня.

И понял, что был несправедлив к финам.

Нет смысла винить их в насмешках: так уж они устроены. Если не учитывать генной инженерии, дельфины всегда относились к людям с добродушной иронией — с тех самых пор, как в море было спущено первое каноэ. И устоялась привычка, которую возвышение могло только завуалировать, но не устранить.

И зачем ее устранять? Теперь Тошио понимал, что люди на Калафии, работавшие с дельфинами, были особыми личностями: прямота в них соединялась с чувством юмора. С дельфинами невозможно работать, если они тебя не уважают.

Он заторопился к серому телу в подлеске. Нет.

Это опять Саттатта. Ее передвинула последняя волна. Тошио зашагал дальше.

Дельфины отлично понимают, что сделали с ними люди. Возвышение — болезненный процесс. Но никто из них не захотел бы возврата к «сну китов», если бы это от них зависело.

Также фины знали, что законы галактических рас, законы существующих эпох позволяли людям требовать на протяжении тысяч лет службы своих клиентов. Человечество содрогалось от этой мысли. Самому Homo sapiens меньше лет. И если бы у человечества был свой патрон — достаточно сильный, чтобы подкрепить это звание, — в качестве поощрительной премии он мог бы претендовать и на Tursiopus amicus.

Нет дельфинов, которые не знали бы отношения человечества к этому. Дельфины теперь члены Совета Земли, как и шимпанзе.

Теперь Тошио знал, как он обидел Кипиру во время схватки в море. Больше всего сожалел он о своих словах про Калафию. Кипиру с радостью умер бы тысячу раз, чтобы спасти земляков Тошио.

Он скорее вырвет себе язык, нежели когда-нибудь произнесет нечто подобное.

Тошио выбрался на поляну. Здесь, в неглубокой

луже, лежал дельфин турсиопа.

— Хикахи!

Дельфин был исцарапан и избит, с кровоподтеками на боках, но в сознании. И когда Тошио направился к ней, она позвала.

— Оставайся на месте, Остроглазый! Не двигайся. У нас есть общество!

Тошио застыл. Приказ Хикахи совершенно ясен. Но ему необходимо подойти к ней. Ему не понравились эти царапины. Если у нее под кожей обломки металла, их нужно извлечь как можно скорее, чтобы яд не проник в кровь. И ему нелегко будет оттащить Хикахи в море.

— Хикахи, скоро новая волна. Она может добраться сюда. Надо подготовиться к ней!

— Стой, Тошио! Волна сюда не дойдет. Оглянись, видишь, насколько это важнее?

Впервые Тошио внимательно разглядел поляну. Лужа в неглубоком бассейне, явно только что выкопанном. И тут он увидел, что на доспехах Хикахи нет рук-манипуляторов.

Кто же тогда?.. Тошио перевел взгляд. Увидел спутанные ветви, раскиданные стволы, узнал в них остатки деревни.

В постоянном мерцании китрупского леса он увидел грубые изорванные сети, разбросанные

покрытия крыш, острые металлические обломки, привязанные к деревянным древкам. И легкое движение в кроне. Потом появились маленькие расплющенные пальцы с перепонками, сверкающие черные глаза, которые смотрели на Тошио из-под низкого зеленоватого лба.

— Або! — прошептал Тошио. — Я видел одного раньше, но совершенно забыл. Эти аборигены кажутся предразумными.

— Да! — вздохнула Хикахи. — И это делает сохранение тайны еще необходимее. Быстрее, Остроглазый! Расскажи мне, что случилось!

Тошио пересказал, что сделал после удара первой волны, опустив только подробности своей схватки с Кипиру. Трудно было сосредоточиться под взглядами этих черных глаз. Когда он поднимал голову, аборигены исчезали в листве. Не успел он закончить рассказ, как накатила очередная волна.

Ниже по склону видны были пенные буруны. Но Хикахи оказалась права. До нее волна не дошла.

— Тошио! — свистнула Хикахи. — Ты хорошо поступил. Спас вместе с нами и этих малышей. Брукида справится. Он приведет помощь. Поэтому мной пока можешь не заниматься. Делай то,

что я скажу! Пусть Кипиру немедленно нырнет. Он должен незаметно искать тела. Похорони Ссаттатту и К'Хита и собери обломки их доспехов. Когда придет помощь, мы должны уйти как можно быстрее.

— Вы уверены, что выдержите? Ваши раны...

— Все будет в порядке. Мои друзья смачивают меня водой. А деревья скрывают от наблюдения сверху. Следи за небом, Остроглазый! Не позволяй, чтобы тебя увидели. Пока ты будешь заканчивать, я попробую уговорить своих друзей здесь, чтобы они доверяли тебе.

Голос ее звучал устало. Тошио разрывался. Наконец вздохнул и повернул в лес, заставив себя бежать вслед за уходящей водой к берегу.

Когда он вышел на берег, Кипиру только вынырнул. Фин снял дыхатель, теперь на нем был воздушный пузырь. Он сообщил, что обнаружил тело Фип-пита, того самого, которого, как они думали, захватила хищная водоросль. Должно быть, волны цунами вырвали его избитое тело.

— Какие-нибудь следы Хист-та? — спросил Тошио.

Кипиру ответил отрицательно. Тошио передал приказ Хикахи и смотрел, как сани снова погрузились.

Несколько мгновений постоял на берегу, глядя на запад.

Садилось красноватое солнце Китрупа. Над головой показалось несколько звезд. Тучи на востоке приобретали зловещие очертания. Ночью пойдет дождь. Тошио решил не снимать костюм, хотя и сбросил прорезиненный капюшон. Ветер холодный, но он приносит облегчение.

Тошио посмотрел на юг. Если битва в космосе продолжается, он не увидел ее следов. Вращение планеты увело их от облака плазмы и обломков.

Тошио не хватило сил, чтобы погрозить кулаком, но он мрачно посмотрел на южную часть неба, надеясь, что галакты уничтожат друг друга.

Маловероятно. Победители будут. И когда-нибудь они спустятся в поисках людей и дельфинов.

Тошио расправил плечи и, несмотря на усталость, решительно направился в лес, под защиту раскидистых деревьев,

Вскоре после высадки группа отыскала юношу и дельфина. Они жались друг к другу в грубом убежище, пропускавшем ручейки дождя. Молнии поглощали тусклый желтый свет фонарей спасателей. При первой вспышке Томасу Орли

показалось, что он видел вокруг Хикахи и Тошио маленькие мохнатые фигурки. Но когда он с партнерами пробрался через подлесок, этих животных — или кем они еще могут быть — не оказалось.

Опасение, что это стервятники, прошло, когда он увидел, как пошевелился Тошио. Но все же Орли держал в руке игольник, а в другой руке был фонарь, которым он освещал Ханнесу Свесси дорогу в подлеске. Орли внимательно оглядел поляну, воспринял ее запахи, звуки, постарался запомнить подробности.

— Как они? — спросил он через несколько секунд.

— Тшш, все в порядке, Тошио. Это всего лишь я, Ханнес, — услышал Орли слова инженера. Тот говорил очень заботливо. — Да, мистер Орли, — отозвался Свесси. — Оба в сознании, но им пока не до разговоров.

Томас Орли еще раз осмотрел поляну, потом поставил фонарь рядом со Свесси.

— Эта молния все прикроет, — сказал он. — Я вызову роботов, чтобы быстрее убрать их отсюда. — Он коснулся края своего шлема и засвистел на превосходном тринари. Свист продолжался шесть секунд. Говорят, Томас Орли владеет и

праймалом, хотя никто этого не слышал.

— Будут через несколько минут. Им приходится заметать свои следы. — Он присел рядом с Тошио, который теперь, когда Свесси передвинулся к Хикахи, сел.

— Здравствуйте, мистер Орли, — сказал юноша. — Простите, что оторвал вас от работы.

— Все в порядке, сынок. Мне все равно хотелось выглянуть наружу. И у капитана появился повод послать меня. Отправим тебя на корабль, а потом пойдем взглянуть на затонувший корабль.

— Сможешь отвести нас к Саттатте и К'Хиту? Мы хотим прочесать весь остров.

Тошио кивнул.

— Да, сэр. Я смогу ходить. Вы не нашли Хистта?

— Нет. На корабле начали беспокоиться, но сильно растревожились после рассказа Брукиды. Большую часть потом нам рассказал Кипиру. Знаешь, он очень высокого мнения о тебе. Ты тут хорошо поработал.

Тошио отвернулся, словно стыдясь похвалы.

Орли с любопытством посмотрел на него. До сих пор он не думал об этом гардемарине. На первой стадии полета юноша казался сообразительным, но немного безответственным. После

находки брошенного флота он почему-то стал мрачен и все больше мрачнел по мере того, как уменьшались их шансы на возвращение.

Но теперь в нем что-то изменилось. Трудно сказать, что будет потом, но, очевидно, Тошио прошел ритуал посвящения.

На берегу раздалось гудение. Скоро показались два паукообразных механизма, каждый нес дельфина в доспехах.

Тошио слегка вздохнул, когда Орли помог ему встать. Потом старший мужчина нагнулся и поднял с земли какой-то предмет. Взвесил его в руке.

— Мотыга, а? Из позвоночника металлической рыбы, приклеенного к деревянной ручке...

— Наверно.

— Язык у них есть?

— Нет, сэр; вернее, зачатки. Они, похоже, стабилизировались. Охотники и собиратели. Хикахи считает, что в таком состоянии они уже находятся полмиллиона лет.

Орли кивнул. На первый взгляд, раса кажется вполне созревшей для возвышения. Чудо, что какой-нибудь галактический патрон еще не обнаружил ее и не привлек в клиенты и на тысячелетия службы.

Теперь у людей и финов «Стремительного» есть еще одно обязательство, и сохранение тайны становится еще необходимее.

Орли положил артефакт в карман, потом опустил руку на плечо Тошио.

— Что ж, сынок, остальное сможешь рассказать по пути на корабль. И заодно подумай.

— Сэр? — Тошио недоуменно посмотрел на него.

— Не всякому удается обнаружить расу будущих астронавтов. Фины ожидают от тебя, что ты сложишь об этом песню.

Тошио смотрел на старшего мужчину, пытаясь понять, не шутит ли он. Но на лице Томаса Орли было обычное загадочное выражение.

Орли взглянул на дождевые тучи. За Хикахи подошли роботы, он отошел назад и улыбнулся в занавес, который временно закрыл сцену в небе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТЕЧЕНИЯ

Взгляну ли в море — вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг —
Но трупы вкруг лежат.
С. Т. Колридж (Пер. В. В. Левика)

14. ДЭННИ

Чарлз Дарт оторвался от поляризационного микроскопа и выругался. По привычке, которую он всю жизнь старался изжить, Чарлз с отсутствующим видом заложил руки за голову, ухватился за волосы и потянул. Этот обезьяний жест никто на корабле повторить бы не мог. Если бы Дарт заметил, что делает, немедленно прекратил бы.

Из экипажа в сто пятьдесят астронавтов только восемь на борту «Стремительного» имели руки... или выступающие наружу уши. И один из таких астронавтов делил сухую лабораторию с Чарлзом Дартом.

Дэнни Судман и в голову не приходило следить

за жестами Чарлза Дарта. Она давно перестала замечать его раскачивающуюся походку, скрипучий хохот шимпанзе или шерсть, покрывающую все тело.

— В чем дело? — спросила она. — По-прежнему неприятности с этими образцами из хоры?

Чарли кивнул, глядя на экран.

— Да.

Голос у него низкий и скрипучий. В лучшем случае похоже на речь человека, у которого гравий в горле. Если приходилось излагать сложную мысль, Дарт бессознательно начинал жестикулировать, как в юности.

— Ничего не пойму в этой концентрации изотопов, — проворчал он. — И минералы не на месте... металлоподобные без металлов, сложные кристаллы на глубине, где их не должно быть. Глупые запреты капитана Крайдайки не дают мне работать! Мне нужны сейсмическое сканирование и глубокий радар. — Он повернулся в кресле и выжидательно посмотрел на Дэнни, словно ожидал разрешения от нее.

Дэнни широко улыбнулась. Ее миндалевидные глаза забавно сузились.

— Конечно, Чарли. Почему бы и нет? Мы в искалеченном корабле на дне океана смертоносной

планеты, десятки флотов высокомерных и могучих патронов сражаются за право захватить нас, а вы хотите всего лишь произвести искусственное землетрясение и распространить всюду гравитационные лучи. Замечательная мысль!

— Послушайте! У меня есть идея еще лучше. Возьмем большой лист, напишем на нем «Привет, чудища! Приходите и ешьте нас!» И станем размахивать им в поднебесье. Как?

Чарли искоса взглянул на нее и косо улыбнулся, что с ним случалось крайне редко.

— О, я обойдусь лишь несколькими маленькими сейсмографическими взрывами. Ити их даже не заметят.

Дэнни рассмеялась. Чарли хочет заставить планету звенеть, как колокол, чтобы увидеть, что у нее внутри. Маленькие-премаленькие землетрясения! Скорее взрывы в несколько килотонн! Иногда Чарли казался ей таким ограниченным, что это тревожило. Но сейчас он, по-видимому, тоже развлекался.

Чарли рассмеялся, испуская короткие хриплые раскаты, которые отражались эхом от голых белых стен лаборатории. Постучал по своему столу.

Улыбаясь, Дэнни складывала бумаги в кейс на

молнии.

— Знаете, Чарли, на некотором расстоянии отсюда все время извергаются вулканы. Если вам повезет, извержение может начаться поблизости.

Чарли с надеждой посмотрел на нее.

— Вы так думаете?

— Конечно. А если ити начнут бомбить планету, чтобы добраться до нас, вы получите кучу данных, зафиксированных при близких попаданиях. Если, конечно, бомбардировки будут не настолько сильными, чтобы изучение геофизики Китрупа потеряло всякий смысл. Завидую вашему положению: и в плохом вы можете найти хорошее. А сейчас я хочу забыть о собственных исследованиях и немного поесть. Пойдете?

— Нет, спасибо. Я принес с собой. Поработаю еще немного.

— Как хотите. Но вам не помешало бы познакомиться с кораблем, вместо того чтобы сидеть все время в каюте или лаборатории.

— Я все время разговариваю с Метцем и Брукидой по видеофону, и мне совсем не нужно ходить глазеть на это детище Рюба Голдберга, которое теперь даже летать не может.

— К тому же... — подтолкнула она.

Чарли улыбнулся.

— К тому же я терпеть не могу сырость. Мне все же кажется, что вам, людям, следовало заняться собаками, после того как мы, из рода Pan, были очарованы вами. Дельфины, конечно, хороши; многие фины мои лучшие друзья. Но странно превращать их в астронавтов.

И он, умудренный печалью, покачал головой. Очевидно, считал, что весь процесс возвышения на Земле проходил бы гораздо лучше, если бы им занимались шимпанзе.

— Ну, они прекрасные космические пилоты, — возразила Дэнни. — Чего стоит космический жокей Кипиру.

— Да, и посмотрите, как дергается этот фин, когда не пилотирует. Честно, Дэнни, этот полет заставил меня задуматься, пригодны ли фины к космосу вообще. Вы заметили, как ведут себя некоторые из них с тех пор, как у нас начались неприятности? Они распустились под давлением, особенно большие стеносы Метца.

— Вы не очень милосердны, — посмеивалась Дэнни. — Никто не ожидал таких осложнений. Мне кажется, большинство финов держится великолепно. Вы только вспомните, как Крайдайки увел нас из западни у Морграна.

Чарли покачал головой.

— Не хочу. Все равно я предпочел бы, чтобы на борту было больше людей и шимпов.

Шимпы всего на столетие раньше дельфинов вышли в космос. Дэнни подумала, что и через миллион лет они будут относиться к финнам покровительственно.

— Ну, что ж, если вы не идете, я ухожу, — сказала Дэнни. Она взяла свой кейс и коснулась ладонью пластины у двери. — Пока, Чарли.

Прежде чем дверь закрылась, шимп ее окликнул.

— Кстати! Если встретите Тхаата или Сахота, попросите позвонить мне. Мне кажется, эти скрытые аномалии могут быть палеотехническими. Археологи могут заинтересоваться!

Дэнни, не отвечая, закрыла дверь. Если не отзовется, то потом она скажет, что не расслышала. Ни за что не станет разговаривать с Сахотом, что бы там Чарли не обнаружил!

И так слишком много времени отнимают у нее попытки избежать встреч с этим дельфином.

Сухие секции звездного корабля «Стремительный» обширны, хоть и используются только восемью членами экипажа. Сто тридцать дельфинов — на тридцать два меньше с момента старта

с Земли — могут посещать сухое колесо только в механических устройствах — «пауках».

Некоторые помещения нельзя заполнять оксиводой или подвергать гравитационным изменениям, как в центральном стволе в свободном полете: кое-какие запасы должны оставаться сухими, кое-где ведется горячая обработка материалов при нормальной силе тяжести. И просто нужны жилые помещения для людей и шимпа.

Дэнни остановилась на перекрестке. Посмотрела вдоль коридора, в который выходили каюты людей, и подумала, не постучать ли в дверь, вторую от нее. Если Том Орли там, она смогла бы попросить у него совета, как справиться с проблемой, которая с каждый днем становится все неприятней... как устранить необычное... внимание Сахота.

Мало кто смог бы лучше Томаса Орли разобраться в поведении нелюдей. Его официальная должность — консультант по чуждой технологии, но, совершенно очевидно, он присутствовал здесь как психолог, который должен был помочь доктору Метцу и доктору Баскин оценить работу объединенного экипажа дельфинов. Он знает китообразных и может объяснить ей, чего хочет от нее Сахот.

Том сказал бы, но...

Обычная нерешительность охватила Дэнни. Существует много причин, по которым не стоит беспокоить Тома сейчас. Конечно, то же самое можно сказать об остальном экипаже, но опыт и реноме подсказывали, что если кому-то удастся увести «Стремительный» отсюда и не дать ити захватить его, то именно Орли.

Дэнни вздохнула. Другая причина — ее смущение. Не так-то легко молодой женщине советоваться с таким человеком, как Томас Орли. Тем более просить совета насчет притязаний влюбленного дельфина.

Как бы ни был Том вежлив, он обязательно рассмеется — и попытается подавить смех. Дэнни понимала, что ситуация покажется забавной всем, кроме нее.

Дэнни быстро пошла к лифту.

«Зачем мне вообще понадобился космос? — спросила она себя. — Конечно, это неплохо для карьеры. И на Земле у меня никак не складывалась личная жизнь. Но чего же я добилась? Исследование китрупской биологии не продвигается. Над планетой кружатся тысячи пучеглазых чудищ, которые хотят спуститься и захватить нас, а возбужденный дельфин пристает ко мне

с предложениями, от которых покраснела бы Екатерина Великая».

Конечно, это нечестно, но разве жизнь бывает честной?

«Стремительный» является модификацией исследовательского корабля класса «Снарк». Сейчас используется мало «Снарков». Познакомившись с новейшими технологиями Библиотеки, земляне научились объединять старое и новое — древние галактические конструкции и прогрессивную земную технологию. Когда строились первые «Снарки», этот процесс только начинался.

Корабль выполнен в виде цилиндра с утолщениями на концах и выступающими из корпуса гребнями реальности — пять полос по пять гребней вдоль всего корпуса. В космосе эти гребни создают вокруг корабля поле стасиса. Сейчас это просто посадочные опоры; поврежденный «Стремительный» лежит на них в каньоне на дне чужого моря на глубине восемьдесят метров.

Между третьим и четвертым рядами гребней корпус раздувался, образуя сухое колесо. В открытом космосе это колесо вращается, создавая примитивное искусственное тяготение. Люди и их клиенты научились создавать такие поля, но почти все земные корабли по-прежнему

снабжены центробежными колесами. Некоторые усматривают в этом символ: земляне и их клиенты должны держаться незаметно; как подсказывают дружественные расы, эти волчата, «сироты» с Земли, отличаются от остальных.

В колесе «Стремительного» кают на сорок человек, хотя людей сейчас всего семеро и один шимпанзе. Здесь также помещения отдыха для дельфинов, бассейны, в которых можно плескаться, прыгать и предаваться сексуальным играм в свободное время.

Но на поверхности планеты колесо вращаться не может. Большая часть его помещений наклонена и неудобна. А центральный отсек корабля заполнен водой.

Дэнни поднялась в лифте по одной из спиц, соединяющих сухое колесо с центральным жестким позвоночником корабля. Этот позвоночник поддерживает открытые внутренние помещения «Стремительного». Дэнни вышла из подъемника в восьмиугольный коридор с дверьми и панелями под всеми углами и дошла до входа в центральный отсек, в пятидесяти метрах от сухого колеса по направлению к носу.

В невесомости она проплыла бы по этому коридору. Тяготение делало его странно незнакомым.

В шлюзе центрального отсека, вдоль стены в прозрачных шкафах находились космические скафандры и снаряжение для ныряния. Дэнни выбрала в своем ящике бикини, маску и ласты. В «нормальных» обстоятельствах она надела бы комбинезон, небольшой поясной ракетный двигатель и, может быть, пару широких крыльев на руки. И, прыгнув туда, могла бы долететь во влажном воздухе до любого нужного места; только, конечно, необходимо внимательно смотреть за вращающимися спицами сухого колеса.

Но теперь колесо неподвижно, а отсек заполнен чем-то влажнее воздуха.

Дэнни быстро переоделась. Потом остановилась перед зеркалом и оправилась. Она знала, что у нее хорошая фигура. Знакомые мужчины часто говорили об этом. Но чуть широковатые плечи всегда давали ей повод для недовольства.

Она улыбнулась в зеркало. Крепкие белые зубы прекрасно уравновесили темно-карие глаза.

Дэнни нахмурилась. Ямочки на щеках делают ее такой юной. Этого впечатления нужно избегать любой ценой. Она вздохнула и тщательно упрятала свои черные волосы под резиновую купальную шапочку.

Ну, с этим покончено.

Дэнни еще раз проверила замки своего кейса и вошла в шлюз. Когда она закрыла его изнутри, из отверстий в полу начала подниматься шипящая соленая вода.

Дэнни избегала смотреть вниз. Возилась с маской, закрывая лицо. Прозрачная мембрана прилегает плотно, но пропускает воздух. Девушка несколько раз быстро и глубоко вдохнула. Многочисленные гибкие пластинки по краям маски помогали извлекать достаточно кислорода из перенасыщенной оксиводы, а маленькие экраны сонаров помогают преодолевать глухоту людей под водой.

Теплая пузыристая влага поднималась по ногам. Дэнни несколько раз поправляла маску. Локтем прижала к боку кейс. Когда вода достигла плеч, девушка погрузилась с головой, закрыла глаза и сделала несколько вдохов.

Маска работала. Конечно, так было всегда. Словно дышишь густым туманом, но воздуха хватает. Чуть стесняясь этого своего ритуала и страха, Дэнни выпрямилась и ждала, пока вода скроет ее с головой.

Наконец дверь открылась, и Дэнни выплыла в большой цилиндр, где в нишах аккуратно лежали «пауки», «ходоки» и прочее дельфинье снаряже-

ние. На полках хранилось множество небольших двигателей, которыми дельфины пользуются на корабле в невесомости. Эти двигатели позволяют совершать удивительные акробатические прыжки, но на поверхности планеты, когда почти весь корабль заполнен водой, они бесполезны.

Обычно один-два фина всегда возятся со снаряжением. Удивленная пустотой, Дэнни подплыла к отверстию в дальнем конце помещения и выглянула в центральный отсек.

Большой цилиндр достигал двадцати метров в поперечнике. Не такое внушительное зрелище, как из центра одного из космических городов в поясе астероидов Солнечной системы. Но все же первое впечатление Дэнни от корабля — обширное заполненное пространство. От центральной оси к стенам отходят длинные радиальные стойки, они обеспечивают корпусу прочность и передают энергию гребням стасиса. Между этими колоннами рабочие отсеки дельфинов, огороженные гибкой сетью.

Дельфины, даже Tursiopus amicus, не любят работать в тесных помещениях. В космосе экипаж работает в невесомости в центральном отсеке, перемещаясь во влажном воздухе с помощью двигателей. Но Крайдайки вынужден был поса-

дить поврежденный корабль в океан. А значит, корабль пришлось затопить, чтобы дельфины могли подобраться к своим рабочим местам.

Многочисленные струйки выделяющихся пузырьков поднимались к потолку. Воду Китрупа тщательно фильтровали, насыщали кислородом, добавляли растворители и она превращалась в оксиводу. Неодельфины генетически приспособлены к тому, чтобы дышать ею, хотя им это не очень нравится.

Дэнни растерянно осмотрелась. Куда все подевались?

Она уловила движение. Над центральным стволом-позвоночником два дельфина и двое людей быстро плыли к носу.

— Эй! — крикнула Дэнни. — Подождите!

Дельфины остановились и одновременно повернулись к ней. Люди еще несколько мгновений плыли, потом тоже остановились и оглянулись, медленно поводя в воде руками. Увидев Дэнни, один из них махнул рукой.

— Поторопитесь, почтенный биолог! — Большой серо-черный дельфин в рабочих доспехах проплыл мимо Дэнни. Второй нетерпеливо кружил вокруг.

Дэнни поплыла изо всех сил.

— Что происходит? Кончился космический бой? Нас нашли?

Ей улыбался крепкий чернокожий мужчина. Его спутница, рослая красивая блондинка, нетерпеливо повернулась, когда Дэнни поравнялась с ними.

— Если бы мы ждали ити, разве не услышали бы тревоги? — Чернокожий посмеивался. Они поплыли рядом. Дэнни никак не могла добиться у Эмерсона Д'Анита, почему он культивирует шотландский акцент в разговоре?

Она обрадовалась, узнав, что на них не нападают, но в чем тогда дело?

Исследовательская группа! Она совершенно забыла о них, занятая своими проблемами.

— Джиллиан, они вернулись? Вернулись Тошио и Хикахи?

Женщина грациозно повернулась; Дэнни всегда завидовала этой неосознанной грации движений ее длинных рук и ног. Низкий альтовый голос хорошо слышался и в воде. Лицо у нее было мрачное.

— Да, Дэнни, они вернулись. Но четверо из них мертвы.

Дэнни ахнула. Она с усилием сдержалась.

— Мертвы? Как?.. Кто?..

Джиллиан Баскин не уменьшила скорости и бросила через плечо:

— Пока не знаем... Когда Брукида вернулся, он упомянул Фип-пита и Сассию... и сказал, что другие тоже выброшены на берег и, возможно, погибли.

— Брукида?..

Эмерсон подтолкнул ее локтем.

— А вы где были? Об этом объявили несколько часов назад, когда он только появился. Мистер Орли взял старину Ханнеса и двадцать финов, чтобы отыскать Хикахи и остальных.

— Я... наверное, спала. — Дэнни мысленно пообещала себе разорвать в клочья одного шимпанзе. Почему Чарли не сказал ей, когда она пришла в лабораторию? Наверное, сам забыл. Когда-нибудь она придушит шимпа из-за его индивидуализма.

Доктор Баскин уплыла вперед с двумя дельфинами. Она почти такой же хороший пловец, как Том Орли, и никто из остальных людей на борту не догонит ее, когда она торопится.

Дэнни повернулась к Д'Аниту.

— Расскажите мне!

Эмерсон быстро пересказал сообщение Брукиды — о водоросли-убийце, об упавшем горящем

космическом корабле и об огромных волнах. Они вызвали приступ «лихорадки спасения».

Дэнни была ошеломлена услышанным, особенно ее потряс молодой Тошио. Совершенно не похоже на него. Он, единственный на борту, казался моложе ее. И выглядел более одиноким. Гардемарин ей нравился, и она надеялась, что он не погибнет, пытаясь стать героем.

Эмерсон поделился с ней последними слухами: о спасении на острове в бурю и об аборигенах, пользующихся орудиями.

Дэнни даже перестала грести.

— Або? Вы уверены? Туземные предразумные? — Она стояла в воде, глядя на чернокожего инженера.

Они были в десяти метрах от носового выхода из центрального отсека. Доносилась какофония щелканья и свиста.

Эмерсон пожал плечами; его фигура окуталась мириадами пузырьков.

— Дэнни, почему бы нам не войти и не узнать лично? Пока я слышал только сплетни. Теперь они уже прошли деконтаминацию.

Неожиданно послышался высокий звук работающих двигателей: показалось трое саней. Они обогнули Дэнни и Д'Анита, прежде чем те смогли

пошевелиться, и унеслись, оставляя за собой пенный след.

К каждым саням в пластиковом коконе был прикреплен раненый дельфин. У двоих были страшные, грубо перевязанные разрезы на боках. Дэнни удивленно замигала, узнав в одном дельфине Хикахи, третьего офицера «Стремительного».

Санитарные сани круто повернули в центре отсека и направились к боковому выходу. На третьих санях, вцепившись в поручень, висела та самая блондинка, которая плыла с ними. Свободной рукой она прижимала диагностический монитор к боку другого раненого дельфина.

— Теперь понятно, почему Джиллиан так торопилась. С моей стороны было глупо задерживать ее.

— Не беспокойтесь. — Эмерсон взял ее за руку. — Для этих ран не нужен хирург-человек. Маканай справится с помощью противоядий.

— Но могут быть биохимические повреждения... яд... Я могу помочь.

Она повернулась, собираясь уплыть, но инженер удержал ее.

— Вас позовут, если Маканай и фем-мистеру Баскин понадобится помощь. И думаю, вы не

захотите пропустить новости, связанные с вашей специальностью.

Дэнни посмотрела вслед санитарным саням, потом кивнула. Эмерсон прав. Если она понадобится, вызов по интеркому разыщет ее повсюду и за ней пришлют сани. Они вместе с инженером подплыли к переднему выходу и оказались в помещении, полном мелькающих серых тел и пузырей.

Шлюзы на носу «Стремительного» были главной связью с внешним миром. Цилиндрические стены помещения покрыты шкафами с «пауками», санями и другим снаряжением, которое может понадобиться выходящим из корабля. Впереди виднелись три больших воздушных шлюза.

Справа и слева много места занимают скиф и баркас. Нос каждого маленького космического корабля почти касается диафрагмы, которая может выпустить его в воздух, в воду или в вакуум — куда потребуется.

Корма скифа почти касается стены двадцатиметрового помещения, а корма большего по размерам баркаса исчезает в специальном рукаве внутри корпуса «Стремительного», среди путаницы коридоров и кают.

Вверху третье место стоянки пустует. Капи-

танская гичка погибла в странном инциденте несколько недель назад вместе с десятью финами в районе, который Крайдайки назвал Мелким скоплением. Эта потеря, понесенная в ходе исследования брошенного флота, не сходила с уст последнее время.

Дэнни схватила Д'Анита за руку: мимо проплыли еще одни белые санитарные сани. Запечатанные зеленые мешки были привязаны к их корме. Бутылкообразная форма мешков не оставляла сомнений в содержимом.

«Маленького мешка нет, — подумала Дэнни. — Значит ли это, что Тошио жив?» И тут она увидела у деконтаминационного выхода молодого человека в окружении дельфинов.

— Тошио! — воскликнула она облегченно. И заставила себя продолжать более спокойно: — А рядом с ним — Кипиру? — Она указала.

Д'Анит кивнул.

— Да. Они вроде здоровы. Я думаю, Хист-та унесло течением. Какой стыд. Мы с ним дружили. — Деланная картавость Эмерсона исчезла, когда он заговорил о погибшем друге.

Он всмотрелся в толпу.

— Как вы думаете, можно найти официальный предлог, чтобы подплыть поближе? Большинство

финов уступят нам дорогу просто по привычке. Но Крайдайки — совсем другое дело. Хоть мы и патроны, он нас взгреет, если решит, что мы бездельничаем и мешаем.

Дэнни как раз об этом подумала.

— Предоставьте это мне. — Она провела его через возбужденную толпу, время от времени касаясь плавников, чтобы пройти. Фины при виде двух людей отплывали в сторону.

Дэнни смотрела на щелкающую свистящую толпу.

«Не может ли здесь быть Томаса Орли? — подумала она. — Он, и Ханнес, и Тшут участвовали в спасении. Почему же я его не вижу? Мне нужно срочно поговорить с ним».

Тошио выглядел очень усталым. Только что выйдя из деконтаминации, он разговаривал с Крайдайки и раздевался. И скоро остался в чем мать родила, не считая маски. Клочья синтетической кожи покрывали его руки, горло и лицо. Поблизости плавал Кипиру. На истощенном дельфине был дыхатель, надетый, должно быть, по настоянию врача.

Неожиданно зрители, мешавшие Дэнни смотреть, начали расплываться.

...толпа зевак...

прекратите подглядывать!

Да отыщет вас сеть Ики —

вы не работаете и не стремитесь к цели.

Дэнни и Эмерсон закачались в воде из-за внезапно разбегающихся китообразных; через несколько мгновений толпа поредела.

— Не вынуждайте меня повторять, — сказал Крайдайки вдогонку убегающим. — Здесь все сделано. Мыслите ясно и занимайтесь своей работой.

С десяток финов — персонал шлюза и помощники капитана — остались. Крайдайки повернулся к Тошио.

— Ну, маленький Гроза Акул, заканчивай свой рассказ.

Юноша покраснел, смущенный почетным титулом. Он с трудом поднял отяжелевшие веки и попытался принять стандартную стойку в течении.

— Я уже все рассказал, сэр. Мистер Орли и Тшут сообщили мне свои планы. Если корабль ити пригоден к использованию, они пришлют сани с отчетом. Если же нет, вернутся как можно неза-

метнее и привезут все, что раздобыли.

Крайдайки слегка шевелил нижней челюстью.

— Рискованная игра, — заметил он. — Им придется целый день добираться до корпуса. Может пройти несколько дней без контакта...

Из его дыхала поднимались пузыри.

— Ну хорошо. Отдохни, потом вместе поужинаем. Боюсь, что за жизнь Хикахи, а может, и нас всех, мы заплатим допросом, которому тебя бы и враги не подвергли.

Тошио устало улыбнулся.

— Я понимаю, сэр. Счастлив предоставить вам информацию, только сначала поем... и немного просохну!

— Договорились. До встречи! — Капитан кивнул и повернулся, чтобы уплыть.

— Капитан, прошу прощения! Могу я сказать слово?

Этот музыкальный голос принадлежал большому самцу-дельфину с пятнистой серой расцветкой, стеносу. Доспехи на нем гражданские, без тяжелых рук-манипуляторов, которые надевают постоянные члены экипажа. Дэнни захотелось спрятаться за Эмерсоном Д'Анитом. Она не заметила в толпе Сахота, пока он не заговорил.

— Прежде чем вы уйдете, сэр, — продолжал

дельфин небрежным тоном. — Прошу вашего разрешения отправиться на остров, на который выбросилась Хикахи.

Крайдайки с помощью ударов хвостового плавника изогнулся и посмотрел на говорящего. И скептически сказал:

— Говорящий-с-Расами, это не рыбный бар, — этот остров, где можно исправить ошибку поэзией. Раньше ты не был храбрецом. Что же случилось?

Сахот лежал неподвижно. Несмотря на свою неприязнь к гражданскому специалисту, Дэнни сочувствовала ему. Сахот отказался идти на обследование брошенного флота с обреченной группой, тогда его поступок не вызывал восхищения. Он вел себя как примадонна.

И однако оказался прав. Капитанская гичка и десять лучших членов экипажа были потеряны, и среди них второй офицер «Стремительного».

Цена этого жертвоприношения — трехметровая труба из незнакомого металла, изрытая ямками от столкновений с метеоритами за прошедшие эпохи. Ее обнаружил лично Томас Орли. Джиллиан Баскин забрала эту запечатанную находку, и, насколько знала Дэнни, ее больше никто не видел. Вряд ли это компенсирует потери.

— Капитан! — обратился Сахот к Крайдайки. — Я думаю, что даже Томас Орли не смог все тщательно исследовать. Он отправился к потерпевшему крушение кораблю, но мы должны подумать и об острове.

Нечестно! Дэнни готова заняться этим. Как профессионал, она должна была заявить...

— Правда, капитан, — продолжал Сахот, — у нас нет задачи важнее! Конечно, после спасения из западни и передачи сообщений на Землю. Вот наш долг.

Крайдайки колебался. Он, очевидно, готов был откусить Сахоту грудной плавник. Сахот словно гарпуном его ударил — произнес слово «долг» и задал вопрос-загадку. Капитан бил хвостом, испуская серию низких сонарных щелчков, словно тиканье часов. Глаза его впали и потемнели.

Дэнни не стала ждать, когда капитан отгадает загадку.

— Або! — воскликнула она.

Крайдайки повернулся и посмотрел на нее. Дэнни вспыхнула: она почувствовала как ее охватывает звуковая волна. Она знала, что эти волны проникают в ее внутренности, сообщают, чем она позавтракала. Крайдайки пугал ее. Она не чувствовала себя патроном этого умного дельфина.

Капитан развернулся и подплыл к Тошио.

— Артефакты, которые отобрал Томас Орли, по-прежнему у тебя, юный охотник?

— Да, сэр, я...

— Пожалуйста, передай их биологу Судман и Говорящему-с-Расами Сахоту. Отдохнув, забери их вместе с рекомендациями специалистов. Я сам осмотрю их за ужином.

Тошио кивнул. Капитан повернулся к Дэнни.

— Прежде чем я дам разрешение, вы должны подготовить план. Мы сможем оказать вам лишь небольшую помощь, и при малейшей опасности вы будете отозваны. Согласны?

— Д... да... нам понадобится моноволоконный кабель для связи с компьютером корабля и...

— Обговорите это с Кипиру, прежде чем он уйдет отдыхать. Он придумает что-нибудь приемлемое с точки зрения военного.

— Кипиру? Но я думала... — Дэнни посмотрела на молодого дельфина и проглотила чуть не сорвавшуюся с языка бестактность. Пилот казался очень недовольным.

— У меня есть для этого причины, фем-сэр. Как пилот он пока не очень нужен. Могу освободить его от работы здесь, чтобы он был вашим помощником... если приму ваш план.

Кипиру отвел взгляд. Тошио положил руку ему на гладкий бок. Это что-то новое. Дэнни раньше они не казались друзьями.

В ярком свете отсека сверкнули зубы Крайдайки.

— Еще соображения есть?

Все молчали.

Крайдайки забил хвостом и свистнул — команда прекратить разговор. Изогнулся и поплыл мощными гребками. Помощники последовали за ним.

Кипиру подождал, когда капитан скроется из виду. Потом обратился к Дэнни и Сахоту.

Готов к вашим услугам, найдете меня —

В моей каюте плавающим и дышащим —

После того как провожу на отдых Тошио...

Тошио улыбнулся, когда Дэнни приобняла его. Потом повернулся и уплыл, положив руку на спину Кипиру и не обгоняя медлительного дельфина.

Тут раскрылась дверь одного из лифтов, и из трубы вылетела желто-голубая фигура. Веселый

гул заполнил отсек: второй гардемарин корабля обогнул Кипиру и юношу, поплыл, сужая круги, возбужденно болтая.

— Думаешь, Тошио дадут поспать? — спросил Эмерсон.

— Конечно, нет, если Акки заставит его повторить рассказ. Это затянется до самого ужина с капитаном. — Дэнни завидовала прочным дружеским отношениям Тошио и Акки. Она смотрела, как смеется юноша, ускользая от друга; наконец они исчезли в трубе.

— Ну, сестренка, — улыбнулся Эмерсон Д'Анит Дэнни, — похоже, в вашем распоряжении группа ученых. Поздравляю.

— Еще не решено, — ответила она. — К тому же командовать будет Кипиру.

— Кипиру будет заниматься только военными делами. Это меня немного смущает. Не понимаю, чего добивается Крайдайки, давая это задание, несмотря на его поведение в последнее время. Наверно, это его способ привести беднягу в себя.

Дэнни согласилась, хотя это показалось ей несколько жестоким.

Неожиданно она почувствовала, как что-то гладкое прикоснулась к ее бедру. С криком обернулась, схватившись за горло, и вздохнула,

увидев антрополога-неодельфина Сахота. Стенос криво улыбнулся. Сверкнули его острые зубы.

У Дэнни заколотилось сердце.

— Выдох акулы! Сочинитель частушек! Занимайся любовью с грязными пробирками! — Голос ее дрожал.

Сахот отплыл, удивленный. Очевидно, не ожидал, что Дэнни так разнервничается.

— Ах, Дэнни, — вздохнул Сахот. — Я только пытался поблагодарить вас за помощь с Крайдайки. Видимо, ваши чары действуют на него сильнее моих аргументов. Простите, если я вассс испугал.

Дэнни фыркнула на эту двусмысленность. Но все же она сильно разволновалась. Пульс ее медленно приходил в норму.

— ...Неважно. Больше не подкрадывайтесь ко мне так!

Даже не оборачиваясь, она чувствовала, как за ее спиной широко улыбается Эмерсон Д'Анит.

«Мужчины! — подумала она. — Они когда-нибудь взрослеют?»

— Гм, Дэнни. — Голос Сахота звенел, как струнное трио. — Если мы вместе с экспедицией отправимся на остров, нужно обсудить один небольшой вопрос. Будете ли вы неподкупны и позволите Крайдайки предвзято выбрать научно-

го руководителя? Или дадите мне шанс? Может, мы посостязаемся?

Д'Анит кашлянул. Отвернулся и прочистил горло.

Дэнни покраснела.

— Пусть капитан решает, как лучше. К тому же... Я не уверена, что нужно отправляться нам обоим. Чарли говорил мне, что вас может заинтересовать его анализ образцов вещества коры... в верхних слоях есть следы палеотехнологии. Вам надо быстрее увидеться с ним.

Глаза Сахота сузились.

— Эт-то интереесссно. Я считал, что планета не возделывалась слишком долго и никаких следов палеотехнологии не сохранилось.

Но тут же уничтожил надежды Дэнни.

— Увы. Останки древних цивилизаций Китрупа и вполовину не так важны, как контакты с предразумными. Надо, чтобы вы, люди, имели права на них. И у нас, финов, могут появиться новые двоюродные братья еще до окончания работы с неособаками! Да поможет небо этим беднягам, если до них доберутся банду, соро или им подобные!

— И еще мы сможем лучше узнать друг друга... как профессионалы, разумеется.

Эмерсон Д'Анит снова кашлянул.

— Я слишком надолго оторвался от ремонта, ребята, — сказал он. Снова вернулась его картавость. — Мне пора к двигателям, а вы обсуждайте свои планы.

Д'Анит едва сдерживал ухмылку. Дэнни поклялась отомстить ему.

— Эмерсон! — прошипела она.

— Да, девочка? — Он невинно взглянул на нее.

Она наградила его свирепым взглядом.

— О... готова поручиться, что в вас нет ни капли кельтской крови!

Темнокожий инженер улыбнулся ей.

— Как, разве вы не знаете? Все шотландцы — инженеры, а все инженеры — шотландцы. — Он махнул рукой и уплыл, прежде чем Дэнни нашлась, что ответить.

«Черт возьми!» — про себя выругалась она. Ее подвел языковой барьер!

Когда Д'Анит исчез, Сахот подплыл ближе.

— Может, начнем планировать нашу экспедицию? — Его дыхало оказалось рядом с ее ухом.

Дэнни вздрогнула. Неожиданно она заметила, что все исчезли. Сердце Дэнни забилось быстрее, словно в маску перестало поступать достаточно воздуха.

— Не здесь! — Она отвернулась и поплыла. — Пойдем в офицерскую кают-компанию, где оборудование... и воздушные пузыри. Там человек может дышать!

Сахот держался в опасной близости от нее.

— Дэнни... — сказал он, но не стал настаивать. Напротив, запел негромкую атональную мелодию на каком-то малоизвестном диалекте тринари.

Невольно Дэнни заслушалась. Странная и необыкновенно красивая мелодия. И лишь через несколько минут стало ясно, что она к тому же и неприличная.

15. СТЕНОС

Моки, Срика-пол и Хакукка-джо проводили свободное от вахты время, как всегда в последними недели — жалуясь.

— Он сегодня опять был в моей секции, — ворчал Срика-пол, — совал свое рыло в работу. Думает, что все его действия — тайна, но все засвечивает своим кининкским звукоэхом.

Моки кивнул. Невозможно было не понять, кто такой «он».

Вечно кричит — вечно ворчит
Слагает, слагает свои ритмы
А дельфины качают хвостами
Восхищаются его логикой

Хакукка-джо поморщился. Моки редко говорит на англике, а его тринари слишком близкое к праймалу. Это неприлично.

Но Срика-пол, очевидно, согласен с Моки.

— Все эти турсиопы преклоняются перед Крайдайки. Подражают ему, стараются вести себя так, будто посвящены в логику кининка! Даже половина наших стеносов им очарована!

— Ну, если он уведет нас отсюда живыми, я прощу ему даже эти назойливые проверки, — заметил Хакукка-джо.

Моки покачал головой.

Живыми! Живыми!
В глубокие воды!
Следуйте, следуйте
За предводителем с острыми зубами!

— Потише! — Хакукка-джо развернулся и прислушался к отголоскам эха от стен помещения для отдыха. У кухонных машин виднелось несколько дельфинов. Они как будто не слышали. — Сле-

ди за своими словами! У нас и без того хватает неприятностей. Тебя обвинят в мятежных разговорах! Я слышал, как доктор Метц расспрашивал Такката-Джима о тебе!

Моки вызывающе ухмыльнулся. Срика-пол одобрил его невысказанное замечание.

— Метц ничего не сделает, — сказал Срика. — Ведь половина стеносов на борту подобрана им лично. Мы его дети. Теперь, когда Орли и Тшут отсутствуют, Хикахи в лазарете, нужно следить только за главным ослом!

Хакукка-джо испуганно огляделся.

— И ты тоже? Слушай, потише! Вон плывет Кта-Джон!

Остальные двое повернулись в ту сторону, куда он показал. Большой неодельфин направлялся к ним. Другие дельфины, поменьше, торопливо уступали ему дорогу.

— Ну и что? Он один из нас! — неуверенно сказал Срика-пол.

— Он еще и боцман! — горячо возразил Хакукка-джо.

— Но он тоже не любит ослов-турсиоп! — вмешался Моки на англике.

— Может быть, но держит это при себе. Он знает, как люди относятся к расизму.

Моки оглянулся. Этот дельфин, как и многие другие, суеверно боится патронов. Моки негромко произнес на тринари:

Спроси чернокожих —
Спроси коричневых и желтых людей
Спроси китов —
О расизме человека!

— Но это было давно! — выпалил Хакукка-джо, немного шокированный. — И у людей не было тогда патронов!

— Вот именно... — сказал Срика-пол несколько неуверенно.

Они замолчали при приближении Кта-Джона. Хакукка-джо почувствовал холодок страха при виде боцмана. Кта-Джон — трехметровый гигант, шире двух человек в обхвате. У него тупой бутылкообразный нос, и расцветка не пятнистая, как у остальных стеносов на борту, а с глубокими переходами цвета. Говорят, Кта-Джон — один из «особых» дельфинов доктора Метца.

Гигант приблизился и выдохнул множество пузырей. В раскрытой пасти показались ряды острых зубов. Остальные почти инстинктивно приняли позу покорности, отведя глаза, закрыв пасти.

— Я слышал, тут недавно дрались, — произнес Кта-Джон на подводном англике. — К счастью, мне удалось подкупить старшего боцмана С'тату редкой чувствительной лентой, и он согласился не докладывать капитану. Надеюсь, стоимость ленты покроет кто-нибудь из заинтересованных...

Моки раскрыл было пасть, но Кта-Джон оборвал его:

— Никаких объяснений! С'тата вправе обвинить тебя. Ты укусил его сзади!

Пусть посмеет! Пусть посмеет!

Трусливая турсиопа!

Пусть посмеет...

Моки не успел закончить, как Кта-Джон ударил его. Он отлетел на несколько метров, извиваясь от боли. Кта-Джон подплыл к нему и негромко сказал:

— Ты тоже турсиопа! Так в Библиотеке зарегистрирован весь наш вид! Tursiopusss amicusss... «Дружественные бутылконосые». Спроси доктора Метца, если не веришь. Ты позоришь всех, имеющих гены стеносов, на борту... помощника капитана Такката-Джима и меня самого, например, — тем, что ведешь себя, как животное, и я

покажу тебе, что такое дружественные бутылконосые! Я сделаю из твоих кишок снасти!

Моки задрожал и отвернулся, крепко сжав челюсти.

Кта-Джон окинул фина презрительным всплеском сонара, повернулся и взглянул на остальных. Хакукка-джо и Срика-пол притворились, что наблюдают за яркими декоративными гарибальди и морскими ангелами, которым позволялось жить в центральном отсеке. Хакукка-джо негромко свистнул.

— Перерыв заканчивается! — рявкнул боцман. — Возвращайтесь к работ-те! А ненавистью своей упивайтесь в личное время! — Он повернулся и уплыл, а возникшая при этом волна чуть не перевернула остальных.

Хакукка-джо посмотрел ему вслед и испустил долгий неслышный вздох.

«На время поможет, — думал Кта-Джон, торопясь на свой пост в грузовой секции. — Теперь Моки будет поспокойнее. Лучше бы он не выставлялся.

Меньше всего ему и Такката-Джиму нужны сейчас проявления расизма и подозрительности. Ничто так не объединит людей, как эти проявления.

Да и Крайдайки обратит внимание. Такката-Джим настаивает, чтобы мы позволили капитану еще раз попробовать благополучно вернуть нас домой.

Ну хорошо, я могу подождать.

А если у капитана не получится? Что если он будет продолжать требовать от экипажа самопожертвования? Мы ведь не нанимались в герои.

В таком случае кто-то обязан предложить альтернативу. Такката-Джим пока упрямится, но это ненадолго».

Когда наступит время, им понадобится поддержка кого-то из людей, а расизм Моки может помешать. Кта-Джон решил внимательно наблюдать за стеносом, чтобы в случае чего склонить его к покорности.

Хотя как приятно было бы со временем отгрызть хвост какой-нибудь проклятой трусливой лицемерной турсиопе!

16. ГАЛАКТЫ

— Возрадуйтесь! — напевал четвертый Брат Эбеновых Теней. — Возрадуйтесь: пятый спутник маленькой пыльной планеты завоеван!

Братья Ночи доблестно сражались за этот ка-

мень преткновения, здесь они установят свою неодолимую мощь и сотрут с лица неба всех еретиков и осквернителей. Спутник предопределяет овладение добычей! Она будет принадлежать им, и только им!

Ни один спутник в системе Ктсимини не обладает такими свойствами, как этот: кора почти на один процент состоит из недоступного. Уже тридцать кораблей Братьев высадились на него и приступили к созданию Оружия.

Как всегда, ключ дала Библиотека. Циклически оглядываясь назад, четвертый Брат Эбеновых Теней наткнулся на смутное упоминание изобретения, которое использовалось в войне двух давно исчезнувших рас. Полжизни он выяснял подробности, потому что Библиотека — это настоящий лабиринт. Но теперь он получит свою награду!

— Возрадуйтесь! — Возглас отдавался гулким эхом. Это был гимн торжества, он должен быть услышан, и действительно, кое-кто из сражающихся заметил, что в углу системы Ктсимини происходит нечто необычное. Самая яростная схватка развернулась у стратегически важного газового гиганта и у самого Китрупа, но кое-кто начал посылать разведчиков, чтобы выяснить,

что задумали Братья Ночи.

— Пусть приходят и смотрят! Теперь уже все равно!

Какое-то время за ними следил корабль соро. Может, догадался об их цели?

— Никогда! Упоминания весьма неконкретны! Наше новое оружие слишком долго пролежало незамеченным в пыльных архивах. Они начнут догадываться, когда эта луна задрожит на пятнадцатом уровне вероятности и будет посылать волны, которые разнесут на клочки их флоты. Тогда их корабельные Библиотеки, конечно, вспомнят, но будет уже поздно!..

Брат Эбеновых Теней следил в пространстве, как завершается сооружение генератора и корабли посылают в него свою объединенную энергию. Он чувствовал, как возникает волна...

— Что они делают? Что делают эти презираемые прародителями соро?..

Инструменты показывали, что Братья Ночи не одни на пятнадцатом уровне! От корабля соро донеслась волна, слабое эхо того, что происходило на спутнике.

И пятнадцатый уровень начал действовать. Невероятно, но он действовал в ритме, заданном соро!

Братья на поверхности старались перекрыть свой сигнал, но было уже слишком поздно! Маленькая луна задрожала и начала раскалываться. Разлетелись огромные скалы, разбивая на своем пути корабли.

— Как они узнали? Откуда?..

И тут Брат Эбеновых Теней понял. Давным-давно, когда он только начинал свои поиски нового оружия, ему здорово помогал библиотекарь... пила. Он всегда давал очень полезные советы, добывал ссылки. Тогда Брат не придал этому значения. Библиотекари и должны помогать, сохраняя нейтралитет.

— Но пила — клиенты соро... — понял Брат. — Крат знала все заранее...

Он отдал приказ уцелевшим кораблям укрыться.

— Это только небольшая задержка. Мы еще посмотрим, кто пленит землян!

Маленькая луна продолжала рассыпаться.

17. ТОМ ОРЛИ

Ханнес Свесси лежал ничком на тяжелых рабочих санях рядом с Томасом Орли. Худой лысеющий инженер жестом указал на корпус

потерпевшего крушение корабля.

— Теннанинский корабль, — сказал главный инженер. — Несомненно, сильно поврежден. Видите? Никаких якорей объективности, только проекторы стасиса на главном гребне. Теннанинцы очень боятся изменять реальность. Этот корабль не предназначен для использования вероятностного двигателя. Определенно, теннанинец или их клиент или союзник.

Дельфины кружили поблизости, по очереди пользуясь воздушными пузырями под санями, и испускали негромкие сонарные щелчки, поглядывая на гигантский наконечник стрелы под собой.

— Я думаю, вы правы, Ханнес, — сказал Том. — Это бегемот.

Поразительно, но корабль не раскололся. Падая в океан на скорости в пять Махов, он отскочил от двух островков, оставив на них заметные впадины, и провел глубокую борозду на океанском дне прежде чем застрял в пеларгической грязи, чуть-чуть не столкнувшись с крутым утесом. Стена утеса казалась непрочной и опасной. Еще один толчок, несомненно, обрушит ее, и корабль будет полностью погребен.

Орли знал, что это чудо объясняется свойства-

ми стасисных щитов теннанинца. Даже погибая, теннанинский корабль продолжал бороться. В баталиях эти корабли неповоротливы, медлительны, но уничтожить их полностью так же трудно, как тараканов.

Степень повреждений пока трудно определить. Глубже приповерхностных слоев океана становилось темно. Фины не могли включить дуговые лампы, пока Тшут не убедится, что это безопасно. К счастью, корабль лежит неглубоко, чтобы к нему можно было спускаться, но в то же время достаточно глубоко, чтобы не увидеть его сверху.

Розовобрюхая бутылконосая самка дельфина подплыла к саням. Задумчиво повела мордой.

— Поразительно, верно, Том? — сказала она. — Он должен бы разбиться на миллиард кусков.

На этой глубине голоса финов звучали удивительно ясно. Всплески пузырей из дыхал и щелчки сонаров вместе с телодвижениями позволяли произносить сложные фразы. Для человека, живущего на суше, подводная речь неодельфинов похожа скорее на звуки настройки оркестра авангардистов, чем на производное английского языка.

— Вы думаете, мы сможем им воспользоваться? — спросил офицер-дельфин.

Орли снова посмотрел на корабль. Очень вероятно, что воюющие над Китрупом не заметили, куда упала стрела. У него уже появилось несколько смутных идей. Одна из них может оказаться достаточно смелой, неожиданной — и безумной, чтобы осуществиться.

— Давайте осмотрим его получше, — предложил он. — Я думаю, нужно разбиться на три группы. Первая будет проверять все источники излучения, особенно вероятностного, пси и нейтрино, и обезвреживать их. А также поищет оставшихся в живых, хотя это и кажется маловероятным.

Свесси фыркнул, глядя на корпус. Орли продолжал:

— Вторая группа будет отбирать все полезное. Ее возглавит Ханнес вместе с Ти-Тча. Они поищут монополи и очищенные металлы, которые мог бы использовать «Стремительный». Если повезет, могут отыскать заменители колец, которые нам так нужны. С вашего разрешения, Тшут, я возьму группу три. Мне нужно проверить целостность корабля и осмотреть окрестности.

Тшут согласно щелкнула челюстями.

— У вас хорошая логика, Том. Так и сделаем. Я оставлю у саней Лаки Ка на всякий случай.

Остальные немедленно разобьются на группы.

Орли схватил грудной плавник Тшут, когда она уже собиралась высвистывать приказ.

— Пожалуй, лучше всем надеть дыхатели. Конечно, будет трудно общаться на англике, но я предпочитаю это. Иначе все начнут подниматься за воздухом, а при этом можно пораниться.

Тшут поморщилась, но отдала приказ. В отряд входили дисциплинированные дельфины, отборные члены экипажа «Стремительного», так что они только немного поворчали и негодующе выпустили несколько струй пузырей, надевая воздушные шланги.

Том слышал о существовании дыхателей, в которых подача воздуха происходила без помех для речи. Если бы было время, он попробовал бы соорудить такой. Ему нетрудно говорить на тринари, но по опыту он знал, что финам трудно передавать технические сведения; они могут это делать только на англике.

Старый Ханнес ворчал. С неприкрытым недовольством он передавал дыхатели. Конечно, главный инженер тоже владеет тринари, но для него трехступенчатая логика этого языка затруднительна. К тому же он бездарный поэт. И, конечно, его не привлекала перспектива вы-

свистывать плохо срифмованные технические подробности.

Отряд уменьшился. Несколько отобранных офицеров и членов экипажа вернулись на корабль, сопровождая Тошио, Хикахи и остальную добычу волн. В отряде оставалось меньше двадцати финов. Если возникнет опасность, им придется выкручиваться самостоятельно. Помощь со «Стремительного» вовремя не придет.

«Хорошо бы Джиллиан была здесь, — размышлял Том. — Конечно, осмотр кораблей чужаков не ее дело, но она знает финов и сможет справиться с ними, если ситуация того потребует.

Правда, у нее хватает работы на борту. Она пытается решить загадку миллиардолетней мумии, существование которой вообще непонятно. А в случае чрезвычайных происшествий Джилл единственная на борту, исключая, возможно, Крайдайки, знает о существовании компьютера Нисса и понимает, что его интерпретация данных обойдется им слишком дорого».

Том улыбнулся: он поймал себя на том, что опять пытается оправдаться.

Да, существуют причины, согласно логике которых мы должны тут оказаться вдвоем. Прими это как должное. Выполняй свою работу, и, может

быть, через несколько дней вернешься к ней.

Когда они встретились будучи еще подростками, не возникло и тени сомнения, что они — подходящая пара. Он иногда гадал, не запланировано ли это заранее подбором соответствующих гамет, чтобы две растущие зиготы потом так превосходно совпали — вплоть до простейшей телепатии, которой они обладают.

Вероятно, это счастливый случай. Планирование человека генетически очень ограничено — законом и обычаем. Но случай это или нет — Том был благодарен. Работая агентом Совета Земли, он понял, что вселенная полна опасностей и разочарований. Слишком редко у разумных — даже приспособленных для этого — встречается любовь.

Как только дыхатели были распределены, Том с помощью санных микрофонов усилил свой голос.

— Теперь запомните: хотя все галактические технологии основаны на данных Библиотеки, это собрание настолько огромно, что в корпусе корабля может оказаться любая машина. Ко всему относитесь как к западне, пока не поймете назначение и не убедитесь в безопасности.

— У группы один — после того, как корабль

замолчит, — главная цель — найти боевой компьютер. В нем может храниться запись о развертывании боя наверху. Возможно, это ценная для капитана информация.

— И все ищите иероглиф Библиотеки. Если увидите этот символ, пожалуйста, отметьте место и сообщите мне. Мне хотелось бы взглянуть на их микроветвь.

Он кивнул Тшут.

— Согласны, лейтенант?

Четвертый офицер «Стремительного» щелкнула челюстью и кивнула. Она оценила вежливость Орли, но скорее откусила бы себе хвост, нежели не согласилась бы с каким-нибудь его предложением. Экспедиция на «Стремительном» — первая, которой командуют дельфины. Однако, в самом начале было ясно, что некоторые люди присутствуют на борту в качестве патронов.

Она произнесла на тринари:

Группа один, со мной, —
Мешаем слушающим вверху
Группа два, со Свесси, —
Отыскиваем сокровища
Группа три, с Орли, —
Осуществляем его планы

Не оставляйте ничего земного —
Не выдавайте наше присутствие
Если вынуждены испражняться —
Уберите за собой
Вначале думайте, потом действуйте
И пусть ваша логика будет ясна и страстна.
А теперь, экипаж «Стремительного», —
За работу!

Все три группы строго по порядку разошлись. Минуя сани Орли, они делали в воде «бочку». И во исполнение его приказа слышалось только быстрое щелканье сонаров китообразных.

Орли подвел сани на сорок метров к корпусу. Потом хлопнул Ханнеса по спине и отодвинулся в сторону.

Что за прекрасная находка — этот корабль! Орли с помощью лучевого спектрографа исследовал состав металлов в разрыве корпуса. Измерив период бета-полураспада, он присвистнул так, что ближайшие фины с любопытством оглянулись. Он приблизительно представлял себе первоначальный состав сплава и степень под-

верженности нейтрино с момента изготовления, но самые осторожные подсчеты показывают, что корабль был изготовлен по крайней мере тридцать миллионов лет назад!

Том покачал головой. Только обнаруживая такие факты, понимаешь, насколько человечество отстало от галактов.

«Нам нравится считать, что расы, пользующиеся Библиотекой, лишены воображения и инициативы», — думал Орли.

В целом это верно. Слишком часто галакты кажутся неповоротливыми и неизобретательными. Однако...

Он смотрел на громоздкий темный корпус космического корабля и размышлял.

Легенда утверждает, что прародители провозгласили всеобщее стремление к поиску знаний, прежде чем много эпох назад удалились в неизвестность. Но на практике большинство рас в этом случае обращается к Библиотеке и только к ней. И ее запас пополняется очень медленно.

Какой смысл искать, если то, что мы ищем, уже тысячи раз найдено нашими предками? Очень просто, например, разыскать в Библиотеке конструкцию космического корабля и слепо ее копировать, понимая лишь малую часть того,

что сооружаешь. У Земли есть несколько таких кораблей, и они настоящее чудо.

Совет Земли, курирующий взаимоотношения земных рас с галактами, однажды чуть не поддался этому искушению. Многие считали, что нужно просто заимствовать у галактов конструкции, которые они сами заимствовали у более древних рас. Они приводили в пример Японию, которая в девятнадцатом веке оказалась перед аналогичной проблемой — выжить среди наций, несравненно более могущественных. Япония периода Мэйдзи сосредоточила все усилия на том, чтобы повторить достижения соседей, и в конце концов достигла их уровня.

Но большинство членов Совета, включая почти всех китообразных, не согласилось. Им Библиотека казалась бочкой меда с ложкой дегтя — заманчиво, питательно, но в то же время смахивает на ловушку.

Они опасались синдрома Золотого века… стремления смотреть не вперед, а назад… искать мудрости в древних, самых пыльных текстах, а не в новейших журналах.

За исключением немногих рас, таких, как кантен или тимбрими, остальной Галактике присущ именно такой менталитет. В любой проблеме

Библиотека — первый и последний источник знаний и решений. То, что в этих древних текстах почти всегда имеется что-то полезное, не делало такую перспективу приемлемой для многих землян, включая Тома, Джиллиан и их старого учителя Джакоба Демва.

Представители Земли были убеждены, что даже в этот поздний период развития галактики возможны и необходимы новации. Так им казалось. Раса, выросшая без покровительства, раса волчат, отличается болезненной гордостью.

У сирот кроме нее часто ничего нет.

Но вот перед ними предвестник Золотого века. Все на корабле говорит об утонченности. Даже разрушенный, он кажется удивительно простым по конструкции и в то же время прекрасным. Глаз не видит никаких швов. Распорки и стойки многофункциональны. Вот эта поддерживает гребень стасиса и одновременно служит радиатором для сброса избыточного вероятностного излучения. Орли казалось, что он видит и другие совмещения, тонкости, которые достигаются только веками усовершенствований древнего образца.

Во всем чувствовались показуха, упадочнический дух, хвастовство, которое казалось не просто

чуждым, но высокомерным и причудливым.

Одна из главных задач Тома на борту «Стремительного» — оценка неизвестных механизмов, особенно военных. Это не лучшее, чем располагает галактика, но он все равно ощущал себя в роли охотника за головами с Новой Гвинеи, гордый своим только что приобретенным мушкетом, правда, сознающим, что существуют и пулеметы.

Том посмотрел наверх. Его группа собралась. Он включил свой гидрофон.

— Все готово? Хорошо. Подгруппа два, проверьте, как далеко уходит этот каньон. Он намного сокращает нам обратную дорогу к «Стремительному».

Он услышал ответный свист Караччи-джефа, командира второй подгруппы. Хорошо. Это надежный фин.

— Будьте осторожней, — добавил он, когда они отплывали. Потом поманил остальных за собой в корпус сквозь выжженную дыру.

Они оказались в темных коридорах на удивление знакомых очертаний. Повсюду признаки общей галактической культуры, со следами стилей чуждой расы. Световые панели такие же, как на сотнях других кораблей, но между ними

причудливые и яркие теннанинские иероглифы.

Орли старался увидеть все сразу. Но прежде всего он искал символ, который может быть повсюду в пяти объединенных галактиках, — спираль с лучами.

«Мне скажут, если ее найдут, — напомнил себе Том. — Фины знают, что я ею интересуюсь».

«Надеюсь, однако, они не догадываются, насколько важно мне увидеть этот иероглиф».

18. ДЖИЛЛИАН

— То есть как это зачем? А? Вы не очень-то хотите мне помочь. Я прошу только минуту на разговор с Брукидой. Разве это много?

Джиллиан Баскин чувствовала усталость и раздражение. На нее смотрело голографическое изображение планетолога шимпа Чарлза Дарта. Конечно, нетрудно разбранить Чарли и заставить его отвязаться. Но он, вероятно, пожалуется Игнасио Метцу, а Метц прочтет ей лекцию о том, что «нельзя так относиться к разумным, потому что они клиенты».

Вздор. Джиллиан ни от одного человека не потерпела бы того, что выносит от этого важничающего маленького неошимпа!

Она отбросила упавшую на лоб прядь темных волос.

— Чарли, в последний раз. Брукида спит. Он получил ваше сообщение и свяжется с вами, когда Маканай решит, что он достаточно отдохнул. Тем временем я хочу получить от вас список избыточных изотопов всех трансжелезных элементов на Китрупе. Только что кончилась четырехчасовая операция Сатимы, и нам нужна эта последовательность для лечения. Мне нужно как можно быстрее убрать из ее тела все следы тяжелых металлов. Если я прошу слишком много и вы переработали, решая свои маленькие геологические загадки, я свяжусь с капитаном или с Такката-Джимом и попрошу, чтобы они дали кого-нибудь вам в помощь!

Ученый-шимп скорчил гримасу. Губы его раздвинулись, обнажив внушительные ряды больших желтоватых зубов. В этот момент, несмотря на увеличенный объем черепа, выступающую челюсть и противопоставленные пальцы, он больше походил на разгневанную обезьяну, чем на ученого.

— Ну ладно. — Его раздирали эмоции, руки заметались, голос дрожал. — Но... но это важно! Понимаете? Я считаю, что на Китрупе обитали

разумные технологические существа не позднее тридцати тысяч лет назад! А в Галактическом Институте Миграции эта планета числится невозделанной и нетронутой уже сто миллионов лет!

Джиллиан подавила желание спросить: «Ну и что?» В истории пяти галактик гораздо больше погибших и забытых рас, чем может подсчитать Библиотека.

Чарли, должно быть, разгадал выражение ее лица.

— Это незаконно! — закричал он. Голос его звучал хрипло. — Если это верно, следует сообщить в Институт Миграции! Он будет благодарен; может быть, даже уберет от нас этих сумасшедших фанатиков сверху!

Джиллиан удивленно подняла бровь. Что это? Чарли Дарт задумался над чем-то, кроме своей работы? Значит, даже он время от времени думает о выживании. Его рассуждения насчет законов миграции наивны, учитывая, что часто эти законы искажались и нарушались могущественными кланами. Но все же он до чего-то додумался.

— Хорошо. Неплохая мысль, Чарли, — кивнула она. — Я обедаю с капитаном. И расскажу ему об этом. И попрошу Маканай разбудить Брукиду пораньше. Хорошо?

Чарли подозрительно посмотрел на нее. Потом, неспособный долго удерживать такое тонкое выражение, широко улыбнулся.

— Хорошо! — проворчал он. — Факс будет у вас в руках через четыре минуты. Доброго здоровья.

— Здоровья, — негромко ответила Джиллиан, и голограмма погасла.

Джиллиан долго смотрела на пустой экран коммуникатора. Поставив локти на стол, она уткнулась лицом в ладони.

«Ифни! Надо было мягче урезонить сердитого шимпа. Что со мной случилось?»

Джиллиан слегка потерла глаза.

«Ну, во-первых, я не спала уже тридцать шесть часов».

Не очень помог и долгий бесплодный спор о семантике с проклятой саркастической машиной Тома — Ниссом. Ей нужна была помощь только в толковании нескольких смутных упоминаний в Библиотеке. Машина знает, что ей необходимо, чтобы разгадать загадку Херби, древнего трупа, лежащего под стеклом в ее личной лаборатории. Но она меняет тему, спрашивает мнение Джиллиан о множестве несущественных проблем, например, о сексуальных обычаях человека. Когда разговор закончился, Джиллиан хотелось

голыми руками разобрать эту машину.

Том, наверно, не одобрит этого, поэтому пришлось отказаться.

Она уже собиралась ложиться спать, когда поступил срочный вызов от шлюза. И ей пришлось помогать Маканай и автоврачам заботиться о выживших из исследовательского отряда. Беспокойство о Хикахи и Сатиме прогнало весь сон, пока операции не кончились.

Теперь, когда они вне опасности, Джиллиан больше не может пользоваться адреналином, чтобы заполнить пустоту сегодняшнего дня.

«Не время наслаждаться одиночеством», — подумала она. Подняла голову и посмотрела на свое отражение в темном экране. Глаза ее покраснели. Конечно, от работы, но и от беспокойства.

Джиллиан хорошо знала, как с этим справиться, но решение было бы искусственно. А инстинкт требует тепла, удовлетворения физического желания. Хочется, чтобы кто-то прижал ее к себе.

Она подумала, испытывает ли сейчас то же самое Том. Конечно, испытывает; между ними телепатическая связь, и Джиллиан его очень хорошо знает. Он того же типа.

Но иногда Джиллиан кажется, что с ним у планировщиков получилось удачнее, чем с нею.

Ее все считают исключительно компетентной, но перед Томом просто преклоняются. В такие минуты, как сейчас, эйдетическое восприятие мира казалось скорее проклятием, чем благословением. Джиллиан думала, так ли уж она не подвержена неврозам, как гарантируют планировщики-изготовители.

Принтер факса у нее на столе выдал листок с текстом. «Распределение изотопов, обещанное Чарли, появилось на минуту раньше», — отметила Джиллиан. Хорошо. Почти никаких отклонений от архивного отчета о Китрупе в Библиотеке. Она их и не ожидала, но проверить никогда не мешает.

Краткое примечание поясняло, что оценки относятся только к поверхностным частям коры, для глубин более двух километров они неточны.

Джиллиан улыбнулась. Когда-нибудь дотошность Чарли спасет их всех.

Она вышла из своего кабинета на парапет, обрамляющий большое открытое помещение. Центральную часть помещения заполняла вода. Они заканчивалась в двух метрах под парапетом. Из воды торчали громоздкие машины. Верхняя часть помещения, включая кабинет Джиллиан, была недоступна для дельфинов — разве что в

«пауке» или в «ходоке».

Джиллиан не стала возиться с маской. Посмотрела вниз и нырнула в промежуток между двумя рядами автоврачей. Большие продолговатые гласситовые контейнеры были тихи и пусты.

Водные пути в лазарете мелкие, чтобы дать возможность дышать открыто и проводить «сухую» хирургию. Джиллиан плыла сильными длинными гребками, держась за угол машины на поворотах, и проплыла в секцию травм.

Она вынырнула, широко раскрыв рот, набрала воздух, потом подплыла к стене из толстого свинцового стекла. В плотно закрытом антигравитационном танке плавали два дельфина.

Один, окруженный множеством шлангов, был, видимо, под наркозом. Второй весело засвистел, увидев Джиллиан.

— Приветствую, Очистительница Жизни! Твои лекарства жгут вены, но сердце астронавта радует невесомость. Спасибо!

— Добро пожаловать, Хикахи! — Джиллиан легко держалась на воде, не хватаясь за перила. — Не слишком привыкай к комфорту. Боюсь, мы с Маканай очень скоро тебя отсюда выпроводим — в наказание за такой железный организм.

— В противоположность висмуту и кадмию?

— Хикахи рассмеялась.

Джиллиан тоже.

— Действительно. Твоя выносливость тебе может здорово навредить. Не успеешь оглянуться, предстанешь перед капитаном. Будешь стоять на хвосте и глотать пузыри.

Хикахи улыбнулась легкой улыбкой неофина.

— Ты уверена, что не слишком рискованно было включать этот антигравитационный танк? Не хотела бы я вместе с Сатимой нести ответственность, если нас засекут.

— Успокойся, фем-фин. — Джиллиан покачала головой. — Мы трижды проверили. Буи, проверяющие утечку излучения, ничего не заметили. Отдыхай и не волнуйся.

— Да, я слышала, капитан собирается послать небольшую группу на твой остров, чтобы осмотреть этих предразумных, которых ты нашла. Я подумала, тебе будет интересно. Это значит, что капитана сейчас галакты не очень волнуют. Космическое сражение, возможно, затянется, а мы сможем прятаться бесконечно.

— Но бесконечно оставаться на Китрупе — не так я представляю рай. — Хикахи иронично приоткрыла рот. — Если это хорошая новость, пожалуйста, предупреди меня, когда новости

будут дурные.

Джиллиан рассмеялась.

— Хорошо. А теперь тебе нужно поспать. Выключить свет?

— Да, пожалуйста. Джиллиан, спасибо за новости. Я считаю очень важными контакты с аборигенами. Надеюсь, экспедиция закончится успешно.

— Скажи Крайдайки, что не успеет он открыть банку с тунцом, как я вернусь на пост.

— Скажу. Приятных снов, дорогая. — Джиллиан коснулась пластины, и свет постепенно померк. Хикахи мигнула, засыпая.

А Джиллиан направилась в другую часть лазарета, где Маканай принимает обеспокоенных здоровьем членов экипажа. Джиллиан покажет ей распределение изотопов, присланное Чарли, а потом вернется в лабораторию и еще немного поработает.

Хотелось лечь, но она знала, что долго не уснет. В настроении, подобном ее сегодняшнему, ложиться не следует.

Логика — благословение и проклятие ее воспитания. Она знала, где находится Том. Он пытается спасти их всех. И он это знает. Ему пришлось спешно уехать, и не было времени отыскать ее и

попрощаться.

Джиллиан понимала и повторяла все это, плывя к себе. Но все равно не могла избавиться от мысли, насколько непривлекательна ее пустая постель.

19. КРАЙДАЙКИ

— Кининк — это наука о взаимоотношениях, — сказал он аудитории. — Это часть нашего дельфиньего наследия. Но кининк — это также умение сравнивать. Эту часть мы заимствуем у своих человеческих патронов. Кининк — это такой же синтез взглядов мировоззрений, как и мы сами.

Перед ним плавали примерно тридцать неодельфинов, из их дыхал поднимались пузыри, слышались щелчки сонаров.

Поскольку людей не было, Крайдайки не нужно было выдерживать четкие согласные и долгие гласные стандартного англика. Но, перенесенные на бумагу, его слова доставили бы удовольствие любому специалисту по английской грамматике.

— Подумайте об отражениях от поверхности океана, где вода встречается с воздухом, — предложил он своим ученикам. — Что говорят нам

эти отражения?

Они смотрели удивленно.

— Как вы думаете, что я имею в виду? Говорю ли я об отражениях снизу, из-под воды, или сверху? Более того, я говорю об отражениях света или звука?

Он повернулся к одному из дельфинов.

— Ватгасети, представь себе, что ты один из наших предков. Какая комбинация пришла бы тебе в голову?

Техник-двигателист мигнул.

— Звуковые отражения, капитан. Предразумный дельфин подумал бы о звуковых отражениях от поверхности воды.

Голос техника звучал устало, но Ватгасети продолжал посещать занятия в лихорадочном стремлении к самоусовершенствованию. Именно для таких финов, как Ватгасети, очень занятой капитан находил время для лекций.

Крайдайки кивнул.

— Совершенно верно. А что подумают об отражениях люди?

— Об отражении света сверху, — тут же ответил повар кают-компании С'тат.

— Весьма вероятно, хотя мы знаем, что даже некоторые из «большеухих» со временем могут

научиться слушать.

Все рассмеялись этой беззлобной шутке над патронами. Смех — барометр состояния экипажа, и капитан сверялся с ним, как мог бы измерить массу топливной пластины, зажав ее между зубами.

Крайдайки впервые заметил, что к группе подплыли Такката-Джим и Кта-Джон. И почувствовал смутную опасность. Такката-Джим сообщил бы ему, если бы происходило что-то важное. Но он как будто собрался просто послушать.

Если это признак начала конца его необъяснимой депрессии, Крайдайки рад. Он держал Такката-Джима на корабле, не отсылая сопровождать Орли в группе спасателей, потому что не хотел упускать его из виду. И изредка подумывал о том, что пришла пора менять своих помощников.

Он подождал, пока стихнет смех.

— А теперь подумайте. В чем мысли людей об отражении от поверхности воды аналогичны нашим?

Слушатели принялись сосредоточенно соображать. Это будет предпоследнее задание. Теперь, когда так много ремонтных работ, у Крайдайки было сильное искушение прекратить занятия. Однако очень многие хотят изучать кининк.

В начале полета в занятиях, играх, атлетических состязаниях участвовали почти все. Это помогало разгонять скуку космического перелета. Но после страшного происшествия в Мелком скоплении, когда десять членов экипажа погибли при исследовании брошенного флота, многие стали обособляться, и экипаж разбился на мелкие группы. У некоторых даже начал проявляться странный атавизм — затруднения при использовании англика и при необходимости сосредоточиться, что так важно для астронавта.

Крайдайки вынужден был даже менять расписание, подыскивая замены. Он поручил Такката-Джиму обеспечить пострадавших работой. Помощнику капитана это задание как будто понравилось. С помощью боцмана Кта-Джона он находил занятие даже для наиболее потерпевших.

Крайдайки внимательно вслушивался в плеск плавников, бульканье легких-жабр, ритм сердечных ударов. Такката-Джим и Кта-Джон плавали спокойно и, похоже, сосредоточенно. Но Крайдайки чувствовал скрытое напряжение.

Крайдайки вздрогнул, неожиданно представив себе мрачный взгляд помощника капитана и большие острые зубы боцмана. Подавил дрожь,

браня себя за разыгравшееся воображение. У него нет оснований опасаться кого-либо из этих двоих!

— Мы размышляем о приграничных отражениях воздух-вода. — Он торопливо возобновил лекцию. — И дельфины, и люди думают о барьере, когда представляют себе поверхность воды. По другую сторону находится малодоступная область. Но современный человек, владея соответствующими средствами, не боится воды, как некогда. Неофин, владея своим снаряжением, может жить и работать в воздухе и смотреть под воду, не испытывая неудобств.

— Подумайте, как развивалась ваша мысль, когда вы услышали вопрос. Вначале вы подумали о звуковых отражениях снизу. Наши предки на этом бы и остановились, но вы стали размышлять о возможных альтернативах. Это основной признак существа, способного планировать. Для нас это новое качество.

Таймер на доспехах Крайдайки зазвенел. Становится поздно. Хотя Крайдайки и устал, ему предстоит совещание, а потом нужно заглянуть на мостик и узнать, нет ли новостей от Орли.

— Как китообразное, чья наследственность и само устройство мозга позволяют только интуи-

тивно мыслить, учится анализировать сложную проблему шаг за шагом? Иногда ключевой метод — умение сформулировать вопрос. Потренируйтесь в свободные минуты.

— Попробуйте сформулировать проблему отражений от поверхности воды на тринари... таким образом, чтобы требовался не просто ответ или трехуровневая диспозиция, но самое простое перечисление возможных отражений.

Он увидел, что несколько финов смущенно нахмурились.

Капитан ободряюще улыбнулся.

— Я знаю, звучит трудно. И я не прошу вас это сделать сразу. Но, чтобы представить себе, как это делается, воспримите эхо этого сна.

Разделяющий слой
небесная звезда — морская звезда
Что первым придет к нам
под узким углом?

Охотящийся хватающий звезды спрут
Отражается!

Призывающий ночь поворот звезд
Отражается!

Звездный свет в глазах моей любимой
Отражается!

Солнце, беззвучное, позирующее солнце
Отражается!

Крайдайки был награжден широко раскрытыми глазами высоко оценившей его аудитории. Уходя, он заметил, что даже Такката-Джим медленно качает головой, словно обдумывая мысль, которая раньше никогда не приходила ему в голову.

После совещания Кта-Джон настаивал на своих аргументах.

— Видели? Ссслышали его, Такката-Джим?

— Видел и слышал, боцман. Как обычно, он произвел на меня впечатление. Крайдайки гений. Так что вы хотели мне сказать?

Кта-Джон хлопнул челюстями, — не очень вежливо по отношению к старшему офицеру.

— Он ничего не сказал о галактах! Ничего об осаде! Ничего о планах отхода. Или, если уж на то пошло, о плане сражения! И совершенно игнорировал растущую разобщенность экипажа!

Такката-Джим выпустил длинную струю пузырей.

— Которую вы очень умело организуете, Кта-Джон. Не трудитесь изображать невинность. Вы действовали тонко, и я знаю, что вы старались создать базу для меня. Поэтому я закрывал глаза. Но не слишком рассчитывайте, что Крайдайки этого долго не заметит. А когда заметит, Кта-Джон, берегите свой хвост! Потому что я ничего не знаю о ваших маленьких хитростях!

Кта-Джон молчал.

— А что касается планов Крайдайки, посмотрим, согласится ли он выслушать доктора Метца и меня или будет настаивать на своей мечте порадовать Землю нераскрытыми тайнами.

Такката-Джим заметил, что гигант стенос собирается прервать его.

— Я знаю, вы считаете, что я должен предположить и третье. Вы хотели бы, чтобы мы выступили против галактов и справились с ними в одиночку, не так ли, Кта-Джон?

Огромный дельфин не ответил, но глаза его сверкнули.

«Правда ли, что ты, мой Босвелл, мой Ситон, мой Игорь, мой Яго? — подумал Такката-Джим, молча глядя на гиганта. — Ты служишь мне, но в конечном счете кто же кого использует — ты меня или я тебя?»

20. ГАЛАКТЫ

Битва кипела вокруг флотилии маленьких ксаппишских боевых кораблей.

— Мы потеряли КС'ктау и КС'кленну. Наша боевая мощь уменьшилась на треть.

Старший ксаппишский лейтенант вздохнул.

— Ну и что? Младший, мне нужны новости, а не то, что уже известно.

— Наши патроны ксатинни расходуют клиентов, как реакторный газ, а свои силы берегут. Смотри, как они жмутся в сторону, готовые бежать, если битва станет слишком напряженной! А нас посылают в самое пекло.

— Так они себя ведут всегда, — согласился старший.

— Но если ксаппишский флот погибнет здесь напрасно, кто же защитит три наши крошечные планеты и обеспечит наши права?

— Тогда зачем же нам патроны? — Старший лейтенант понимал, что иронизирует. Он приладил экран, чтобы отразить неожиданную пси-атаку, не изменяя тональности голоса.

Младший не удостоил его ответом, но проворчал:

— А что нам сделали эти земляне? И чем они угрожают нашим патронам?

Испепеляющий залп боевого крейсера танду чуть-чуть задел левое крыло маленького ксаппишского разведчика. Младший лейтенант умело сманеврировал кораблем. Старший ответил на его вопрос, как будто ничего не произошло.

— Значит, ты не веришь, что прародители возвращаются.

Младший только фыркнул, работая с прицелом торпеды.

— Правильно. Я тоже считаю, что это часть программы, направленной на уничтожение землян. Старшие расы патронов видят в землянах угрозу. Земляне никем не воспитаны и потому опасны. Они используют революционную практику возвышения... тем более они опасны. Они союзники тимбрими, а это оскорбление, которое невозможно вынести. И они не обращаются в иную веру — самое непростительное преступление.

Разведчик вздрогнул: торпеда устремилась к истребителю танду. Маленький корабль набрал скорость, чтобы отойти подальше.

— Я считаю, мы должны выслушать землян, — прокричал младший лейтенант. — Если все расы клиентов в галактике восстанут одновременно...

— Так уже случалось, — прервал старший. — Изучай записи Библиотеки. Шесть раз в галактической истории. И дважды успешно.

— Неужели? И что же произошло?

— А как ты думаешь? Клиенты стали патронами новых видов, но обращались с этими разумными так же, как когда-то обращались с ними!

— Не могу поверить!

Старший лейтенант вздохнул.

— Посмотри сам.

— Посмотрю!

Но не смог. На пути корабля оказалась незамеченная антивероятностная мина. Маленький корабль покинул галактику красиво и, к сожалению, навечно.

21. ДЭННИ И ТОШИО

Дэнни еще раз проверила заряды. В шахте, где проходил корень дерева-сверла, было темно и тесно. В лучах фонаря со шлема многочисленные корни отбрасывали густые тени.

Дэнни крикнула снизу:

— Ты закончил, Тошио?

Он размещал взрывчатку в верхней части корня, вблизи поверхности металлического острова.

— Да, Дэнни. Если закончила, спускайся ниже. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Она даже не видела над собой его ноги в ластах. Его голос в заполненном водой стволе был искаженным. Какое счастье уйти отсюда.

Дэнни осторожно пробиралась вниз, борясь с приступом клаустрофобии. Такую работу она бы никогда себе не выбрала. Но сделать это нужно, а природа не приспособила дельфинов для таких дел.

На полпути вниз она запуталась во вьюнке. Потянула, но он не подался, а только еще больше оплетал ее, и она ярко представила себе водоросль-убийцу, о которой рассказывал Тошио. Паника чуть не овладела ею, но она заставила себя перестать биться, глубоко вдохнуть и осмотреться.

Просто засохшая лоза, которая обернулась вокруг ноги. Нож легко разрезал ее. Дэнни продолжала спускаться еще осторожнее и оказалась наконец в гроте под металлическим островом.

Здесь ждали Кипиру и Сахот. Похожие на шланги дыхатели закрывали их дыхала и обертывались вокруг торсов. Лучи прожекторов двух саней рассеивались тысячами нитей, которые заполняли грот, словно ползучим туманом. Сквозь

входное отверстие грота пробивался слабый свет.

Звучит эхо, в этом гроте
Не очень хорошо ловить рыбу.

Дэнни посмотрела на Сахота, не уверенная, правильно ли она поняла поэтику тринари.

— Когда Тошио закончит, нам лучше выбраться отсюда. Взрыв очень сильно тряхнет эту пещеру. Не думаю, чтобы это было полезно.

Кипиру согласно кивнул. Покинув корабль, на пути сюда военный командир экспедиции большей частью молчал.

Дэнни осмотрела подводную пещеру. Коралловидные микроскопические мусорщики выстроили свой замок на силикатном хребте океанского дна. Сооружение росло медленно, но когда остров наконец поднялся над водой, появилась жизнь на его вершине. И среди выросших растений оказалось дерево-сверло.

Это растение каким-то образом прорезало металлическую сердцевину острова и добралось до богатого органикой слоя под ним. Снизу извлекались минералы и перемещались вверх. Постепенно ширились пустоты, из-за которых металлический холм когда-нибудь обрушится.

Дэнни, как экологу, показалось что-то неправильным в такой организации. А микроветвь Библиотеки на «Стремительном» вообще не упоминала эти металлические холмы, что было само по себе странно.

Даже не верилось, что дерево-сверло развилось в своей экологической нише постепенно, аналогично таким организмам. Дерево существовало по принципу «все или ничего», который требовал большой энергии и настойчивости. Дэнни удивлялась, как это могло получиться.

А что происходит с холмами, когда они падают в приготовленные для них деревьями полости? Она видела несколько ям, поглотивших такие острова. В глубине они были темны и тусклы; по-видимому, они гораздо глубже, чем думаешь.

Дэнни осветила фонарем основание холма. Отражение поразительное. Она ожидала чего-нибудь рваного и неправильного, но фонарь осветил правильное углубление в ровной и гладкой поверхности металла.

Дэнни подплыла к одному из таких углублений, прихватив с собой камеру. Чарли Дарту захочется иметь снимки и образцы из этой экспедиции. Она, конечно, понимала, что на благодарность рассчитывать не приходится. Напротив, какой-

нибудь нечеткий снимок приведет его в ярость из-за ее неспособности увидеть очевидное.

В одной из ям, на глубине, что-то двигалось, угадывались медленные повороты. Дэнни направила туда луч света и всмотрелась. Какой-то корень. Она видела, как несколько плавающих лент были подхвачены ответвлениями этого корня и притянуты к нему. Сама взяла несколько таких лент в качестве образца.

— Пошли, Дэнни! — услышала она крик Тошио. Послышался громкий звук, и рядом с ней появились сани. — Пошли. До взрыва всего пять минут!

— Хорошо, хорошо, — ответила она. — Еще минутку. — Профессиональное любопытство на время пересилило все другое. Дэнни не могла понять, зачем живой организм углубляется в темноту, в почти чистый металл. Она протянула руку в яму и взяла вращающийся корень, потом уперлась в стену холма и сильно потянула.

Вначале корень показался необыкновенно прочным, он не поддавался и даже тащил ее к себе. И Дэнни отчетливо представила, что оказалась в ловушке.

Неожиданно корень оторвался. Укладывая его в сумку для образцов, Дэнни заметила блестящий

твердый конец. Взмахнула плавниками и оттолкнулась от металлической поверхности.

Кипиру укоризненно поглядел на нее, когда она ухватилась за сани. Направил машину к выходу из пещеры на дневной свет, где ждали Тошио и Сахот. Чуть позже раздался громкий взрыв, и звучное эхо пронеслось по мелководью.

Они ждали час, потом вернулись в грот.

Заряды разорвали ствол дерева-сверла в том месте, где он перерезал основание металлического холма. Наклоненный ствол уходил в неясную глубину. В отверстие все еще падали обломки. Полость под островом густо заросла качающимися кустами.

К отверстию приближались осторожно.

— Вначале, пожалуй, вышлю робота, — сказал Тошио. — Может быть, в стволе остались подвижные куски.

Я сделаю это, Бегущий-по-Лестнице
Роботу нужно мое — нервное гнездо.

Тошио кивнул.

— Да, ты прав. Сделай, Кипиру. — Пилот, который может подсоединить машину непосредственно к нервным окончаниями, сможет управлять ею лучше Тошио. Из людей на борту

только у Эмерсона Д'Анита и Томаса Орли были такие гнезда. Пройдет немало времени, прежде чем люди преодолеют побочные эффекты таких подключений; а дельфины к ним приспособлены генетически, и им такие гнезда гораздо нужнее.

Под руководством Кипиру маленький зонд отсоединился от саней. Подплыл к дыре и исчез в ней.

Тошио никак не думал, что его отправят назад вместе с Кипиру — туда, где, по его мнению, они оба вели себя не лучшим образом. Важность их задачи — защищать двух ведущих ученых и помогать им — еще больше смущала его. Почему Крайдайки не назначил кого-то другого? Более надежного?

Конечно, капитан мог отправить их всех четверых с корабля, просто чтобы избавиться. Но это тоже не похоже на правду.

И Тошио решил не искать логику поступков Крайдайки. Может, поэтому он и капитан. Только он знал, что они с Кипиру намерены справиться с заданием как можно лучше.

Как гардемарин, рангом он выше Кипиру. Но по традиции дежурные офицеры и пилоты распоряжаются гардемаринами, если только капитан не решает по-иному. Тошио помогает Дэнни и

Сахоту в их исследованиях. А в военных вопросах старшим является Кипиру.

Тошио все еще удивлялся, что старшие останавливаются и выслушивают его предложения; его решения принимаются. К этому еще необходимо привыкнуть.

На экране явилось изображение, посылаемое роботом, — цилиндрическая пустота в пенистом металле. Видны были сломанные корни — напоминание о главном стволе дерева-сверла. Мимо камеры проплывали вниз какие-то обрывки.

Робот поднимался, и в отверстие сквозь струи пузырьков пробивался свет его фонаря.

— Как вы думаете, достаточно широко для саней? — спросил Тошио.

Робот вынырнул в бассейне в несколько метров шириной. Его камера развернулась, и на экране появилось изображение голубого неба и густой зеленой листвы. Высокий ствол дерева-сверла рухнул в лес. Снизу трудно было разглядеть, какой это принесло ущерб, но Тошио был уверен, что ствол упал в сторону от деревни аборигенов.

Они опасались, что взрыв вызовет панику у обитателей острова. Но решили все же рискнуть, потому что подниматься обычным путем на предательские склоны острова опасно, да к тому же

их могли обнаружить спутники-шпионы галактов. А на случайное падение дерева на острове вряд ли сверху кто-нибудь обратит внимание.

— Наверху, — показал Тошио.

Дэнни придвинулась к экрану.

— В чем дело, Тош? Проблема?

Кипиру склонился к камере, собираясь закончить обзор.

— Вот, — сказал Тошио. — Этот неровный кусок коралла, нависающий над бассейном, похоже, может упасть.

— Может, робот что-нибудь под него подсунет, чтобы помешать этому?

— Не знаю. Как ты думаешь, Кипиру?

Кое-какие планы могут сработать —
Если позволит судьба
Давайте рискнем
И просто попробуем.

Кипиру посмотрел на свои два экрана и сосредоточился. Тошио знал, что пилот вслушивается в сложный рисунок звуковых отражений, передаваемых через гнездо нервных импульсов. По приказу Кипиру робот двинулся вдоль края бассейна. Его когтистые механические руки ухватили край и потянули. Посыпался град камней.

— Берегись! — крикнул Тошио.

Неровный кусок скалы наклонился. Камера показала, как он угрожающе пошатывается. Дэнни отшатнулась от экрана. Потом скала перевернулась и обрушилась на робота.

Последовал калейдоскоп изображений. Дэнни продолжала смотреть на экран, но Кипиру и Тошио вглядывались в ствол. Неожиданно целый дождь осколков вылетел из отверстия и исчез внизу. Осколки сверкали в свете саней, исчезая в пропасти.

После долгого молчания Кипиру сказал:

Зонд там, внизу — легкие его не дышат
Меня пощадило — и я не испытал
ощущений смерти
Робот еще жив — там слышно эхо.

Кипиру хотел сказать, что робот по-прежнему шлет сообщения с какого-то выступа в глубине, на котором застрял. Его крошечный мозг и передатчик не погибли, и Кипиру не испытал шок от внезапного обрыва связи с его нервной системой.

Но баки робота, обеспечивающие его плавучесть, уничтожены. Он навсегда останется внизу.

Должно быть, это — последнее препятствие

Я пойду туда

осторожно

проверю

Дэнни, возьми сани — и следи за мной!

Прежде чем Кипиру и Тошио смогли его остановить, Сахот отплыл от саней. Мощно ударил плавником и исчез в стволе. Кипиру и Тошио переглянулись, рассердившись на сумасшедшего штатского.

«По крайней мере он взял с собой камеру», — подумал Тошио. Но если бы Сахот подождал, у Тошио появилась бы сомнительная привилегия настаивать на том, чтобы самому разведать проход.

Он посмотрел на Дэнни. Она следила за экраном робота, как будто могла на нем разглядеть, что происходит с Сахотом. Надо подсказать, прежде чем она возьмет на себя управление вторыми санями.

Тошио всегда думал о Дэнни Судман, как о взрослом ученом, дружелюбном, но непонятном. Но теперь он увидел, что она такая же незрелая, как он. И, хоть и пользуется почетом и статусом

профессионала, ей не хватает эффективности и офицерской подготовки, которые есть у него. Более того, на протяжении своей карьеры ей вряд ли доведется встретиться с такими же людьми и ситуациями, что ждут его.

Он снова посмотрел на вход в ствол. Кипиру нервно выдувал пузыри. Придется принимать какое-то решение, если Сахот не появится.

Сахот, очевидно, результат генетического эксперимента с рассчитанным оптимумом. Если эксперимент окажется удачным, такое сочетание генов будет добавлено в генетический фонд дельфинов. Этот процесс повторяет, но гораздо быстрее, разделение и смешение, осуществляемые природой.

Но иногда такие эксперименты заканчиваются непредвиденными результатами.

Тошио не знал, можно ли доверять Сахоту. Скрытность этого дельфина не похожа на непроницаемость основательного и задумчивого Крайдайки. Напротив, похожа на скрытность некоторых знакомых людей.

И еще эти сексуальные игры Сахота с Дэнни. Он, конечно, не ханжа. Такое, строго говоря, не запрещено, но известно, что это порождает проблемы.

По-видимому, Дэнни не понимает, что сама

подсознательно поощряет Сахота. Тошио подумал, хватит ли у него решимости сказать ей об этом. А может, это не его дело?

Прошла еще одна напряженная минута. И когда Тошио собрался нырнуть сам, из ствола выскочил Сахот и повернул перед ними.

Путь чист —
Я поведу вас к воздуху!

Кипиру направил сани к дельфину-антропологу и произнес что-то настолько высоко, что даже Тошио, со своим калафианским восприятием, не разобрал.

Сахот дернулся и неохотно захлопнул пасть, признавая свое подчиненное положение. Но во взгляде его по-прежнему было что-то вызывающее. Он посмотрел на Дэнни, переворачиваясь и подставляя Кипиру один из своих брюшных плавников.

Пилот символически укусил его и повернулся к остальным.

Теперь пошли —
Оставим эти дыхатели
Поговорим как земляне
О нашей работе

И встретим наше будущее
Братья-пилоты.

Сани двинулись в ствол, оставленный деревом-сверлом, и начали подниматься в облаке пузырей. Люди и дельфины последовали за ними.

22. КРАЙДАЙКИ

Совещание длилось слишком долго.

Крайдайки пожалел, что разрешил Чарлзу Дарту присутствовать в виде голограммы. Планетолог-шимп был бы не столь многословен, если бы ему, мокрому и в маске, пришлось дышать оксиводой в центральном отсеке.

Дарт развалился в своей лаборатории, отправив в конференц-зал цилиндрического корпуса «Стремительного» только свое изображение. Он, очевидно, не замечал ерзанья слушателей. Дышать в течение двух часов оксиводой неофину очень тяжело.

— Естественно, капитан, — разносился в воде хриплый баритон шимпанзе. — Когда вы решили посадить корабль вблизи главного тектонического разлома, я одобрил ваш выбор. Иначе я не смог бы получить столько ценной информации, не

сходя с места. Однако я определил еще семь или восемь многообещающих точек на поверхности Китрупа, чтобы проверить некоторые весьма интересные открытия, которые мы здесь сделали.

Крайдайки слегка удивился, услышав «мы». Впервые Чарли проявляет такую скромность.

Капитан взглянул на плававшего поблизости Брукиду. Когда знания металлурга не требовались ремонтникам, он работал с Чарли Дартом. Он все время молчал, предоставляя Дарту фонтанировать профессионализмами, отчего у Крайдайки начинала кружиться голова.

«Что с Брукидой? Неужели он тоже считает, что у капитана корабля, оказавшегося в осаде, нет дел поважнее?»

Хикахи, недавно выписанная из лазарета, перевернулась на спину, дыша насыщенной кислородом жидкостью и поглядывая одним глазом на голограмму шимпанзе.

«Что же она со мной делает, — подумал Крайдайки. — Мне и без того трудно сосредоточиться».

Долгие совещания всегда утомляли Крайдайки. Он чувствовал, как застаивается кровь в его мошонке. На самом деле ему хочется подплыть к Хикахи и куснуть ее во все места: выше и ниже

за бока.

Конечно, странное желание, тем более при всех, но, по крайней мере, он честен перед собой.

— Планетолог Дарт, — вздохнул он. — Я стараюсь понять, что, по вашему мнению, вы обнаружили. Кажется, я понял ту часть, которая связана с различными кристаллическими и изотопными аномалиями в коре Китрупа. Что касается зоны подчинения...

— Зона подчинения — это граница между двумя плитами коры, где одна плита скользит по другой, — прервал Чарли.

Крайдайки пожалел, что не может отругать шимпа. Это было бы недостойно.

— В таком объеме я знаю планетологию, доктор Дарт. — Он говорил очень взвешенно. — И я рад, что наше пребывание вблизи такой зоны оказалось полезным для вас. Однако вы должжжны понять, что наш выбор месста посадки осснован на тактических сссображениях. Нам нужны были металлы и маскировка; и то и другое нам давали «коралловые» острова. Мы приземлились здесь, чтобы спрятаться и отремонтировать корабль. Сейчас, когда у нас над головой крейсеры врага, я не могу разрешить экспедиции в другие районы планеты. И вообще я вынужден запре-

тить вам дальнейшее бурение и здесь. Теперь, когда появились галакты, риск слишком велик.

Шимп нахмурился. Руки его замелькали. Крайдайки не дал ему заговорить.

— К тому же что сообщает корабельная микроветвь о Китрупе? Разве Библиотека не дает ответа на ваши проблемы?

— Библиотека! — фыркнул Дарт. — Собрание лжи! Застывшая трясина дезинформации! — Голос Дарта перешел в рычание. — Об аномалиях ни слова! Даже не упоминаются металлические острова! Исследование проводилось свыше четырехсот миллионов лет назад, когда планету перевели в резервный статус для карранк%...

Чарли так старался произнести это непроизносимое название с двойной гортанной остановкой, что чуть не задохнулся. Его глаза выкатились, он заколотил в грудь и закашлялся.

Крайдайки повернулся к Брукиде.

— Это так? Библиотека дает неверные сведения о планете?

— Да, — медленно кивнул Брукида. — Четыреста эпох — это очень долго. Когда планету переводят в резерв, она остается невозделанной, дожидаясь, пока подрастет предразумная раса, пригодная для возвышения. Или такую планету предоставляют

древней расе, впавшей в старческое бессилие, для спокойного упадка. Такие планеты становятся либо яслями, либо богадельнями.

— На Китрупе как будто произошло и то и другое. Мы обнаружили предразумную расу, которая, очевидно, развилась уже после исследования, давшего информацию Библиотеке. И еще эти... карранк%... — Брукиде тоже было очень трудно выговорить. — Им предоставили планету для спокойной смерти. Здесь как будто нет больше... карранк%.

— Но четыреста эпох без исследования? Трудно себе представить.

— Да, обычная планета давно была бы вторично лицензирована Институтом Миграции. Но Китруп — такая странная планета. Мало кто согласился бы жить на ней. И удобных подходов к ней нет. В этом районе космоса очень низкий уровень радиации. Кстати, поэтому мы сюда и прилетели.

К Чарлзу Дарту вернулась способность дышать. Он отпил воды из стакана. Во время передышки Крайдайки лежал неподвижно и размышлял. Несмотря на доводы Брукиды, казалось невероятным, что Китруп могли оставить невозделанным так надолго — в перенаселенной галактике, где

идет борьба за каждую пригодную для жизни планету.

Институт Миграции — единственная бюрократическая структура галактики, чьи власть и влияние соперничают с самим Институтом Библиотеки. По традиции все расы патронов подчиняются законам управления экосферой; поступить иначе означало бы вызвать катастрофу галактического масштаба. Представление, что предразумные расы превратятся в клиентов, а потом и в патронов, приводит к консерватизму в галактических масштабах.

Большинство галактов закрывают глаза на доконтактные подвиги человечества. Уничтожение мамонтов, гигантских наземных ленивцев и ламантина простили из-за «сиротского» статуса человечества. Настоящую вину возложили на гипотетических патронов Homo sapiens — загадочную необнаруженную расу, которая оставила человечество, не завершив процесс его возвышения, много тысяч лет назад.

Дельфины знали, как близки были китообразные к гибели от руки человека, но за пределами Земли никогда не упоминали об этом. Плохо или хорошо, но судьба их навсегда связана с судьбой человечества.

Земля принадлежит человечеству, пока оно не погибнет или не переселится. Десять колонизированных людьми планет переданы Земле по лицензии на основе сложного плана управления экологией. Самый короткий срок лицензии — шесть тысяч лет. По окончании этого периода колонистам Атласта придется удалиться, оставив планету невозделанной.

— Четыреста миллионов лет, — размышлял Крайдайки. — Небывало длительный период для релаксации планеты.

— Согласен! — закричал Чарлз Дарт, совершенно оправившийся от приступа. — А если я вам скажу, что есть признаки присутствия на Китрупе технологической цивилизации всего тридцать тысяч лет назад? Без всякого упоминания о ней в Библиотеке?

Хикахи подплыла поближе.

— Вы считаете, доктор Дарт, что эти аномалии в коре — отбросы цивилизации, незаконно появившейся на планете?

— Да! — воскликнул он. — Совершенно верно! Отличная догадка!

— Вы все знаете, что экочувствительные расы сосредотачивают основные усилия как раз на разломах тектонических плит. Таким образом,

когда планету впоследствии провозглашают невозделанной, все следы пребывания втягиваются под мантию и исчезают. Некоторые думают, что на Земле не сохранилось никаких следов предшествующих обитателей.

Хикахи кивнула.

— А если какая-то раса поселилась незаконно...

— Она будет жить на границе плит! Библиотека исследует планеты через очень длительные интервалы. Следы вторжения к тому времени исчезают под корой! — Шимп оживленно посмотрел с экрана.

Крайдайки трудно было воспринимать все это серьезно. В устах Чарли все звучит как детективный роман! Только преступниками оказываются цивилизации, улики — целые материки, а все следы преступления прячутся под корой планеты! Настоящее преступление! Ведь коп дежурит на углу и заглядывает сюда раз в несколько миллионов лет, и всегда с опозданием.

Крайдайки понимал, что все его метафоры человеческие. Неудивительно. Конечно, есть темы, например полеты в искривленном пространстве, в которых дельфиньи аналогии полезнее. Но когда думаешь о безумной политике галактов, помогают старые человеческие кинотриллеры и

тома невероятной истории человечества.

Брукида и Дарт принялись спорить по какому-то техническому вопросу... и Крайдайки смог подумать о вкусе воды, в которой плавала Хикахи. Он очень хотел спросить ее, соответствует ли этот вкус его представлениям. Это косметика или естественные феромоны?

С усилием он вернулся к обсуждавшемуся вопросу.

Открытие Чарли и Брукиды в нормальных условиях вызвало бы большое оживление.

«Но оно не имеет отношения к спасению корабля и экипажа. И не дает возможности передать информацию Совету Земли. Даже изучение предразумных аборигенов сейчас важнее, чем охота за скрытыми следами в древних скалах».

— Прошу прощения за опоздание, капитан, но что-то я уже уловил.

Крайдайки повернулся и увидел подплывающего к себе доктора Игнасио Метца. Худой седовласый психолог медленно греб в воде, небрежно компенсируя малую подъемную силу. Обтягивающий костюм позволял увидеть небольшой животик.

Теперь Дарт и Брукида спорили о периодах полураспада, тяготении и ударах метеоритов.

Хикахи это, очевидно, заинтересовало.

— Добро пожаловать, доктор Метц, хоть вы и опоздали. Я рад, что вы смогли выбраться.

Крайдайки удивился, что не услышал приближения человека. Обычно Метц появлялся с шумом, который было слышно в другом конце отсека. Иногда на уровне двух килогерц. Сейчас шум был едва заметен, но временами это здорово раздражало. И как Метц мог столько проработать с финами, не избавившись от подобной привычки?

«Теперь я рассуждаю, как Чарли Дарт! — Крайдайки упрекнул себя. — Не будь глуп, Крайдайки!»

И мысленно просвистел строфу:

Те, кто живет
Вибрируют
Всем телом
И их дрожь
Вливается в музыку мира.

— Капитан, я пришел по другой причине, но открытие доктора Дарта и Брукиды может иметь к этому отношение. Мы можем поговорить наедине?

Крайдайки молчал. Ему скоро нужно будет от-

дохнуть и размяться. Усталость уже сказывается на его действиях, и это может плохо отразиться на «Стремительном».

Но с этим человеком нужно быть осторожным. Метц не может приказывать ему — ни на борту «Стремительного», ни в других местах, но он обладает властью, причем очень специфической. Крайдайки знал, что его право на потомство гарантировано, как бы ни закончилась эта экспедиция. Но оценка Метца все же очень важна. И все дельфины на борту старались вести себя по отношению к нему «разумно». Даже капитан.

«Может, именно поэтому я избегаю столкновения», — подумал Крайдайки. Но вскоре он вынужден будет задать доктору Метцу несколько вопросов относительно определенных членов экипажа «Стремительного».

— Хорошо, доктор, — ответил он. — Дайте мне еще минутку. Кажется, здесь мы закончили.

По кивку Крайдайки Хикахи подплыла ближе. Улыбнулась и плеснула грудным плавником в Метца.

— Хикахи, пожалуйста, заканчивай за меня. Не давай им больше десяти минут, потом суммируй их предложения. Через час встретимся в бассейне для отдыха А-3, и я выслушаю твои

рекомендации.

Она, как и он, использовала быстрый и гибкий подводный англик:

— Есть, капитан. Еще какие-нибудь приказы?

Черт побери! Крайдайки отлично знает, что сонар Хикахи выдал ей его сексуальное возбуждение. У самца это легко определить. А чтобы сказать то же самое о ней, ему необходимо тщательно просветить сонаром все ее внутренности, а это невежливо.

Гораздо проще было раньше!

Ну что ж, через час он все узнает. Одна из привилегий капитана — приказать освободить бассейн для отдыха. И уж тогда пусть ничего не помешает.

— Спасибо, Хикахи. Исполняй!

Она резко отсалютовала механической рукой своих доспехов.

Брукида и Чарли продолжали спорить, а Крайдайки повернулся к Метцу.

— Нам хватит времени, если мы отправимся на мостик кружным путем, доктор? Я хотел бы повидаться с Такката-Джимом, прежде чем заняться другими делами.

— Отлично, капитан. Много времени мне не понадобится.

Крайдайки старался выглядеть невозмутимо. Почему улыбается Метц? Что он мог заметить?

— Меня по-прежнему смущает цепь вулканов в трехтысячекилометровой зоне, где всссстречаются две плиты, — сказал Брукида. Он говорил медленно, отчасти для Чарли, отчасти из-за того, что в оксиводе трудно спорить. Кажется, что всегда не хватает воздуха.

— Если посссмотреть на сделанные с орб-биты исследовательские карты, видно, что на планете вулканы редки. Но здесь их очень много, и все они небольшого раз-змера.

Чарли пожал плечами.

— Не вижу логики, старина. Просто небольшое совпадение.

— Но ведь это единственная область, где есть металлические острова, — неожиданно сказала Хикахи. — Я не специалист, но астронавт привыкает настороженно относиться к двум совпадениям сразу.

Чарли как будто собрался заговорить, но передумал. Наконец он сказал:

— Очень хорошо! Брукида, вы считаете, что эти коралловые существа нуждаются в корме, который может поставляться только этим типом вулканов?

— Возззможно. Наш специалист по экзобиологии Дэнни Судман. Она сейчас на одном из островов, исследует аборигенов.

— Она должна прихватить для нас образцы. — Чарли потер руки. — Как вы думаете, можно попросить ее заглянуть в район вулканов? Не очень далеко, конечно, после того, что сказал Крайдайки. К маленькому вулкану, крошечному.

Хикахи со свистом рассмеялась. Этот тип рехнулся! Но его энтузиазм заразителен, это прекрасная возможность отвлечься от тревог. Если бы она умела прятаться от опасностей вселенной в абстракциях, как Чарли Дарт.

— И определить температуру! — воскликнул Чарли. — Дэнни сделает это для меня. Ведь я так для нее старался!

Крайдайки описал широкую спираль вокруг плывущего человека, разминая мышцы и изгибая спину.

Через нейросоединение подал команду главным манипуляторам согнуться. Словно человек, разминающий руки.

— Ну хорошо, доктор. Чем я могу быть вам полезен?

Метц плыл неторопливыми гребками. Он дружелюбно посмотрел на Крайдайки.

— Капитан, я считаю, пора слегка пересмотреть нашу стратегию. Со времени нашего прилета на Китруп положение изменилось. Нам нужны новые подходы.

— Вы можете говорить определеннее?

— Конечно. Как вы помните, мы бежали из пункта перехода у Морграна, потому что не хотели погибнуть в засаде семи флотов. Вы быстро поняли, что даже если мы сдадимся одной группе, другие нападут на нее, и это неизбежно повлечет наше уничтожение. Тогда я не сразу понял логику вашего решения. Теперь я его приветствую. Конечно, это был великолепный тактический маневр.

— Спасибо, доктор Метц. Вы, разумеется, не упоминаете другой причины нашего бегства. Совет Земли приказал доставить информацию непосредственно ему, без всякой утечки в пути. Наше пленение, несомненно, можно назвать «утечкой».

— Да! — согласился Метц. — И ситуация осталась прежней, когда мы прилетели на Китруп — повторяю, я считаю этот ход вдохновенным. С моей точки зрения, нас обнаружили из-за неудачи.

Крайдайки воздержался от замечания, что их

еще все же пока не обнаружили. Окружили — да, но в сети не поймали.

— Продолжайте, — предложил он.

— Пока существовала вероятность, что нас не захватят, ваша стратегия себя оправдывала. Но обстоятельства изменились. Шансы на бегство теперь близки к нулю. Китруп остается полезен нам, как убежище от битвы, но не сможет нас скрывать, когда появится победитель.

— Вы считаете, нам не избежать пленения?

— Совершенно верно. Я считаю, что мы должны пересмотреть приоритеты и обдумать наши действия в случае неблагоприятных последствий.

— Какие приоритеты вы считаете важнейшими? — Крайдайки заранее знал ответ.

— Конечно, сохранение корабля и экипажа! Наблюдения за ними. Ведь в конце концов это главная цель нашего полета, а? — Метц остановился и перебирал руками в воде, глядя на Крайдайки, как учитель на ученика.

Крайдайки мог бы перечислить с полдюжины задач, поставленных перед «Стремительным», начиная с проверки истинности некоторых утверждений Библиотеки и кончая разведывательным заданием Томаса Орли.

Все эти задачи очень важны, но главная —

оценить возможности корабля с экипажем из дельфинов. Сам «Стремительный» и его экипаж — вот главный эксперимент.

Но все очень изменилось с тех пор, как они обнаружили брошенный флот! Он действовал уже не в тех приоритетах, которые существовали в начале полета. Но как это объяснить такому человеку, как Метц?

«Справедливость, — подумал Крайдайки, — ты бежала к диким зверям, а люди утратили рассудок...» — Иногда ему казалось, что Бард сам был полудельфином.

— Я разделяю вашу точку зрения, доктор Метц. Но не вижу, каким образом она сможет изменить нашу стратегию. Стоит нам лишь высунуть нос из китрупского моря, как по-прежнему нам грозит уничтожение.

— Мы сделаем это только тогда, когда победитель еще не определится. Разумеется, мы не станем высовываться под перекрестный огонь.

— Но вот когда обнаружится победитель, мы сможем начать переговоры. И если будем вести себя разумно, еще обеспечим успех всего полета!

Крайдайки вновь медленно заскользил по спирали, заставляя генетика плыть вместе с ним к мостику.

— Что, по вашему мнению, мы можем предложить на переговорах, доктор Метц?

Метц улыбнулся.

— Во-первых, у нас есть информация, которую буквально выкопали Брукида и Чарлз Дарт. Институт награждает тех, кто сообщает об экологических преступлениях. Большинство сражающихся групп относятся к консерваторам-традиционалистам и высоко оценят наше открытие.

Крайдайки воздержался от насмешек над наивностью человека.

— Продолжайте, доктор, — спокойно сказал он. — Что еще мы можем пред-дложить?

— Честь нашей экспедиции, капитан. Даже если наши победители решат задержать на время «Стремительный», они не могут не сочувствовать цели полета. Научить клиентов освоиться в космосе — одна из основных задач возвышения. Они разрешат отправить часть экипажа домой с рапортом об оценке поведения, чтобы продолжался прогресс в астронавтике дельфинов. Для них поступить иначе — все равно что мешать развитию ребенка, потому что они поссорились с его родителями!

«А сколько человеческих детей было предано

пыткам и убито из-за грехов родителей в ваши Темные Века?» — Крайдайки хотел спросить, кто же будет тем послом, который отвезет на Землю данные о возвышении, пока «Стремительный» находится в плену.

— Доктор Метц, мне кажется, вы недооцениваете фанатизм воюющих. Еще что-нибудь?

— Конечно. Самое важное я приберег напоследок. — Метц, подчеркивая свои слова, коснулся плавника Крайдайки. — Мы должны подумать, капитан, над тем, чтобы отдать галактам то, что им нужно.

Крайдайки ожидал этого.

— Вы считаете, что мы должны сообщить им, где находится брошенный флот?

— Да, а также отдать все найденные нами сувениры.

Крайдайки сохранял равнодушное выражение.

«Интересно, что он знает о Херби Джиллиан, — подумал он. — Великий Спящий! Этот труп начинает создавать проблемы!»

— Капитан, вспомните: краткое сообщение с Земли приказывало нам скрываться и хранить наши координаты в тайне! Также говорилось, что решения мы должны принимать по обстоятельствам.

— Неужели наше молчание надолго задержит обнаружение этого флота, теперь, когда о нем стало известно? Несомненно, половина патронов пяти галактик выслала кучи разведывательных кораблей, которые постараются повторить наше открытие. Они будут заглядывать во все тусклые редко посещаемые шаровые скопления. И только вопрос времени, когда они наткнутся на нужный гравитационный бассейн и на нужное скопление.

Крайдайки считал это маловероятным. Галакты нередко думают, как земляне, и вряд ли будут проводить поиск таким образом. Доказательство — то, что флот так долго не был обнаружен. Но Метц, вероятно, прав.

— В таком случае, доктор, почему бы нам сразу не сообщить о местонахождении флота Библиотеке? Оно станет общеизвестно и больше не будет нас касаться. Такое большое открытие должно исследоваться группой, получившей лицензию Института.

Крайдайки иронизировал, но, когда Метц взглянул на него покровительственно, понял, что его слова восприняты всерьез.

— Вы наивны, капитан. Фанатики над нашими головами не очень считаются с галактическими

законами, рассчитанными на миллионы лет, если впереди у них только тысячелетия. Если все узнают, где находится брошенный флот, битва переместится туда! Эти древние корабли погибнут в перекрестном огне, какое бы мощное защитное поле их ни окружало. И галакты все равно постараются захватить нас, если решат, что им солгали!

Они приплыли на мостик. Крайдайки остановился.

— Лучше одной из соперничающих групп получить сведения и возможность исследовать флот?

— Да! В конце концов, что нам эти пустые корпуса? Опасное место, где мы потеряли корабль и десяток лучших членов экипажа. Мы не преклоняемся перед предками, как эти неистовые ити. Нас лишь умозрительно интересует, где флот, сохранившийся со времен прародителей, или где сами прародители! Из-за этого не стоит умирать. Если мы чему-то и научились за последние двести лет, так это тому, что малые расы, новички, как мы, должны своевременно уходить с дороги больших парней, как соро или губру, когда они начинают уничтожать друг друга!

Седые волосы доктора Метца разлетались, он намеренно покачивал головой. Вокруг него воз-

ник ореол из пузырей.

Крайдайки не мог бы изменить свое отношение к Метцу, но когда того покинула привычная сдержанность и охватил энтузиазм, он стал капитану почти приятен.

К несчастью, Метц ошибается в самых основах своих рассуждений.

В доспехах Крайдайки зазвенело. Вздрогнув, он понял, что уже очень поздно.

— Ваши аргументы очень интересны, доктор Метц. Но у меня нет больше времени. Никакого решения не будет принято без ведома совета корабля. Согласны?

— Да. Однако, мне кажется...

— Кстати, о сражении над Китрупом. Мне надо узнать, что может сообщить Такката-Джим. — Капитан не намерен столько времени проводить с Метцем. И не хотел пропускать долгожданных упражнений.

Но Метц не отпускал его.

— Да. Когда вы сказали о Такката-Джиме, я вспомнил, что хотел еще кое о чем поговорить с вами, капитан. Меня беспокоит ощущение социальной изоляции, которое испытывают члены экипажа экспериментальных разновидностей. Они жалуются на остракизм и на большую за-

груженность.

— Вы имеете в виду некоторых стеносов?

Во взгляде Метца промелькнула растерянность.

— Это бытовое название. Кажется, оно прижилось, хотя все неодельфины таксономически Tursiopus Amicus...

— Я контролирую ситуацию, доктор Метц. — Крайдайки было теперь все равно, что он перебивал человека. — Принимаю специальные меры и считаю, что мне удастся сохранить единство экипажа.

Только с десяток стеносов проявляли недовольство. Крайдайки подозревал, что это атавизм, отступление от разумности под влиянием страха и напряжения. А эксперт доктор Метц, по-видимому, считает, что большинство экипажа «Стремительного» впало в расизм.

— Вы хотите сказать, что у Такката-Джима тоже возникли проблемы? — спросил Крайдайки.

— Конечно, нет! Он очень хороший офицер. Но когда вы произнесли его имя, я вспомнил об этом, потому что... — Метц смолк.

«Потому что он тоже стенос, — про себя закончил Крайдайки. — Сказать Метцу, что я собираюсь назначить Хикахи первым помощни-

ком капитана? Такката-Джим, конечно, хороший специалист, но его мрачное настроение начинает сказываться на психологическом состоянии экипажа. Не таким должен быть мой заместитель».

Крайдайки очень не хватало лейтенанта Ячапа-Джина, который погиб в Мелком скоплении.

— Доктор Метц, уж поскольку вы затронули эту тему, я заметил несоответствия между предполетными психобиологическими характеристиками некоторых членов экипажа и их поведением в полете еще до того, как мы обнаружили брошенный флот. Я не китопсихолог, но в некоторых ситуациях считаю, что эти фины вообще не должны были оказаться на корабле. У вас есть объяснения?

Лицо Метца стало невыразительным и пустым.

— Не совсем понимаю, о чем вы, капитан.

Крайдайки механической рукой почесал над правым глазом.

— Пока я ничего не хочу добавлять, но вскоре мне придется воспользоваться своим служебным положением и просмотреть ваши записи. Неформально, разумеется. Пожалуйста, приготовьте их для...

Крайдайки прервал звонок коммуникатора на его доспехах.

— Да. Говорите! — приказал он. Несколько мгновений прислушивался.

— Ничего не меняйте, — ответил он. — Сейчас я у вас буду. Конец связи.

Он направил вспышку сонара на сенсорную пластину двери. Люк открылся.

— С мостика, — сказал он Метцу. — Вернулся разведчик с сообщением от Тшут и Томаса Орли. Мне нужно быть там, но ссскоро мы вернемся к этому разговору, доктор.

Двумя мощными ударами плавников Крайдайки вплыл в люк и направился на мостик..

Игнасио Метц смотрел ему вслед.

«Крайдайки что-то заподозрил, — подумал он. — Насчет моих специфических исследований. Но что именно?»

Постоянное напряжение, опасность, осада давали великолепные данные, в частности относительно тех финов, которых включили в состав экипажа по настоянию Метца. Но сейчас положение усложняется. У некоторых его подопечных появились неожиданные для него симптомы.

Теперь вдобавок к тревоге из-за этих фанатичных галактов, прибавились подозрения Крайдайки. Нелегко будет сбить его со следа. Метц высоко ценил гениальность, особенно в

возвышенном дельфине.

«Если бы только он был одним из моих, — думал он о Крайдайки. — Если бы только я его создал!»

23. ДЖИЛЛИАН

Корабли лежали в пространстве, как рассыпанные бусы, тускло отражая слабый свет Млечного Пути. Ближайшие планеты — неяркие красноватые старики в небольшом шаровом скоплении, жалкие и редкие остатки первой эпохи формирования, лишенные звезд и металлов.

Джиллиан рассматривала одно из тех шести изображений, что «Стремительный» неосмотрительно передал домой из заброшенного и, казалось бы, неинтересного гравитационного бассейна вдали от всех известных путей.

Неестественно молчаливая армада, не ответившая ни на один их вопрос; земляне не знали, что и подумать. Флот из кораблей-призраков, которому нет места в структуре пяти галактик.

Сколько времени они оставались незамеченными?

Джиллиан отложила голографию и взяла другую. На ней был крупным планом изображен один из гигантских брошенных кораблей.

Огромный, как луна, в яминах, древний, слабо мерцающий — это защитное поле неизвестных свойств. Оно не поддавалось анализам. Удалось только определить, что это напряженное вероятностное поле необычной природы.

Пытаясь причалить к одному из кораблей-призраков с внешней стороны поля, гичка «Стремительного» каким-то образом начала цепную реакцию. Ослепительно яркие молнии пронеслись между древним гигантом и крошечным разведчиком. Лейтенант Ячапа-Джин доложил, что все дельфины на гичке галлюцинируют. Гичка попыталась уйти, но потеряла ориентацию и включила свое поле стасиса внутри защитного поля корабля. В результате взрыв уничтожил оба корабля.

Джиллиан отложила голоизображение и осмотрела лабораторию. Херби по-прежнему лежит в стасисе, силуэт миллиардов прошедших лет.

После катастрофы Том Орли отправился туда и втайне пронес этот загадочный реликт через один из боковых выходов корабля.

«Находка огромной ценности, — думала Джиллиан, рассматривая труп. — Мы хорошо заплатили за тебя, Херби. Если бы я только знала, что мы приобрели».

Херби — загадка, которую должны разгадывать объединенные коллективы больших институтов, а не одинокая женщина в осажденном корабле далеко от дома.

Это раздражает, но кто-то ведь должен постараться. Кто-то должен понять, почему их превратили в преследуемых животных. Том отсутствует, Крайдайки очень занят, сохраняя нормальный ритм работы экипажа и корабля, остается только она. Больше некому.

Постепенно она кое-что узнала о Херби — это действительно очень древний труп, у него скелет существа, передвигавшегося по планете. Библиотека корабля утверждает, что ничего подобного никогда не существовало.

Джиллиан положила ноги на стол и взяла еще один снимок из стопки. Сквозь мерцание защитного поля ясно видны символы на массивном корпусе.

— Открыть Библиотеку, — сказала она. Из четырех экранов на ее столе ожил левый, с изображением спирали с лучами.

— Файл «Саргассы», поиск соответствий символов. Открыть и продемонстрировать изменения. — В ответ на стене слева от Джиллиан показался текст. Чрезвычайно короткий.

— Подпрограмма: перекрестные справки Библиотеки, программа поиска, — сказала Джиллиан. Текст продолжал проецироваться на стену. Рядом с ним показалось мерцающее изображение спирали с лучами. Негромкий низкий голос произнес:

— Программа поиска перекрестных справок, чем могу быть полезна?

— Это все, что было найдено на борту брошенного корабля?

— Ответ верен. — Голос звучал холодно. Интонации утвердительные, однако не делалось никаких попыток скрыть, что отвечает только ничтожная часть программы корабельной Библиотеки.

— Я просмотрела все записи в поисках корреляций этим символам. Вы, конечно, понимаете, что я только микроветвь, а эти символы со временем меняются. В тексте указаны все возможные соответствия, которые я смогла установить в указанных вами параметрах.

Джиллиан просмотрела короткий список. Трудно поверить. Хотя и очень маленькая по сравнению с планетарными или секторными ветвями, корабельная Библиотека содержала столько информации, сколько все книги, опуб-

ликованные на Земле до конца двадцать первого столетия. Соответствий должно быть гораздо больше!

— Ифни! — вздохнула Джиллиан. — Что-то ведь должно было возбудить всех фанатиков галактики. Может, посланное нами изображение Херби? Или символы? Что именно?

— Я не обладаю возможностью рассуждать, — ответила программа.

— Вопрос риторический и адресован не тебе. Я вижу, указана тридцатипроцентная корреляция с религиозными иероглифами «Союза Отрекшихся». Дай мне краткие сведения об отрекшихся.

Тональность голоса изменилась.

— Программа культуры, резюме...

> Отрекшиеся — заимствованный из англика термин, обозначает крупную философскую группу культур галактического общества.
>
> Религия «отрекшихся» возникла из легендарного исторического события — тарсеу, в пятнадцатой эпохе, примерно шестьсот миллионов лет назад, когда галактические Институты едва уцелели из-за притязаний трех могуществен-

ных рас патронов (каталожные номера 97AcF109t, 97AcC136t и 97AcG986s).

Два этих вида относятся к самым мощным и агрессивным воинственным образованиям в истории пяти связанных галактик. Третий вид известен введением нескольких новых космических технологий, включая новые стандарты...

Библиотека пустилась в техническое описание методов изготовления кораблей. Интересно, но к проблеме не относится. Большим пальцем ноги Джиллиан коснулась кнопки «пропустить» на своей консоли, и изложение перескочило.

...Победители взяли название, которое можно перевести как «Львы». Они смогли захватить большую часть пунктов перехода и центров силы и все большие Библиотеки. В течение двадцати миллионов лет их власть казалась несокрушимой. Львы практиковали стихийное расселение и колонизацию, в результате чего в пяти галактиках того времени погибло восемь предразумных рас.

Тарсеу покончили с этой тиранией, призвав на помощь шесть древних рас,

которые считались исчезнувшими, и, объединив силы, совершили успешное контрнападение. Впоследствии, когда галактические Институты были восстановлены, тарсеу вместе с шестью таинственными защитниками предали забвению...

Джиллиан прервала словесный поток.

— Откуда появились эти шесть рас, которые помогли повстанцам? Ты говоришь, они считались исчезнувшими?

Снова послышался голос монитора:

— В соответствии с записями того времени они считались погибшими. Хотите узнать каталожные номера?

— Нет. Продолжай.

— Сегодня большинство разумных считает, что эти шесть были остатками рас, перешедших на следующую ступень эволюции. Поэтому им было не обязательно исчезать, просто они стали неуловимыми, невоспринимаемыми. Но все же сохранили заинтересованность в мирских делах, особенно когда они шли плохо. Хотите получить список статей о программах перехода рас?

— Нет. Продолжай. Что же все-таки утверждают

отрекшиеся?

> Отрекшиеся считают, что существуют некие бесплотные расы, которые время от времени снисходят до физической формы, вписываясь в нормальный процесс возвышения. Эти «Великие Призраки» появляются как предразумные, поднимаются до уровня клиентов, проходят период службы по договору, становятся ведущими старшими и при этом скрывают свою истинную природу. Однако, в чрезвычайных обстоятельствах, эти суперрасы могут быстро вмешиваться в дела смертных.
>
> Утверждают, что так называемые прародители — это самые древние, наиболее отчужденные и могучие из Великих Призраков.
>
> Естественно, это существенно отличается от обычной легенды о прародителях, тех Древнейших, что удалились в свою галактику давным-давно, пообещав когда-нибудь вернуться...

— Довольно! — Библиотека сразу смолкла. Джиллиан нахмурилась: на словах «Естествен-

но, это существенно отличается...» ей пришла в голову мысль.

Вздор! Религия Отрекшихся — всего лишь вариант основной догмы, она лишь незначительно отличается от многотысячелетней легенды о «возвращении» прародителей. Это противоречие напомнило ей древние религиозные конфликты на Земле, когда верующие отчаянно спорили о природе троицы или о количестве ангелов, которые могут уместиться на конце иглы.

Это безумие из-за мелких подробностей доктрины было бы даже занимательным, если бы не битва, происходящая прямо сейчас в нескольких тысячах километров над головой.

Она сделала краткую запись — проверить сходство с верой индусов в земное воплощение божеств, в аватар. Сходство с религией Отрекшихся совершенно очевидное, и Джиллиан удивилась, почему Библиотека не заметила эту аналогию.

Хватит, значит хватит.

— Нисс! — окликнула Джиллиан.

Засветился крайний правый экран. На нем появился четкий абстрактный рисунок.

— Насколько вам известно, Джиллиан Баскин, предпочтительно, чтобы Библиотека не знала

о моем присутствии на корабле. Я взял на себя смелость отключить ее, чтобы она не могла нас подслушать. Вы хотите о чем-нибудь спросить?

— Да. Ты слушал сообщение только что?

— Я прослушиваю все, что сообщает эта микроветвь. Это моя главная задача здесь. Разве Томас Орли не объяснил вам это?

Джиллиан сдержалась. Нога ее почти касалась этого гнусного экрана. Чтобы избежать искушения, она опустила ее на пол.

— Нисс, — спокойно спросила она, — почему микроветвь Библиотеки несет вздор?

Машина тимбрими вздохнула, как человек.

— Доктор Баскин, все кислородопоглощающие расы, за исключением человечества, вскормлены на семантике, развившейся в десятках взаимоотношений патронов с клиентами; и все это делалось под влиянием Библиотеки. А вот языки Земли по галактическим стандартам странные и хаотичные. Невероятно сложна проблема перевода галактических архивов на ваш необычный синтаксис.

— Все это я знаю! Во времена контакта ити хотели, чтобы мы все изучили галактические языки. Мы сказали им, как поступить с этой идеей.

— И даже очень красочно. Напротив, человече-

ство приложило гигантские усилия, чтобы земная ветвь Библиотеки пользовалась англиком. Для этого нанимались в качестве консультантов кантена, тимбрими и другие. Но проблемы остаются.

Джиллиан потерла глаза. Так дело не пойдет. Почему Том считает, что эта саркастическая машина полезна? Всегда, когда ей нужен просто ответ, машина только задает вопросы.

— Лингвистическая проблема — их предлог в течение вот уже двух столетий! — сказала она. — И сколько времени они еще будут ею пользоваться? Со времен контакта мы изучаем языки, как никогда раньше. Мы справились с трудностями таких языков, как англик, английский, японский, и научили говорить дельфинов и шимпов. У нас достигнут даже некоторый прогресс в общении со странными существами — солорианами, живущими на земном Солнце!

— Однако Институт Библиотеки по-прежнему утверждает, что в нелепых несоответствиях и плохо переведенных записях виноват наш язык! Дьявольщина, мы с Томом знаем четыре или пять галактических языков. Дело не в лингвистических трудностях, а в странных данных, которые нам сообщают!

Нисс негромко пожужжал некоторое время. Затем светящиеся точки на экране превратились в два несмешивающихся потока и распались на капли.

— Доктор Баскин, разве сейчас вы не назвали главную причину, почему такие корабли, как «Стремительный», бороздят космос? Они ищут несоответствия в данных Библиотеки. А цель моего существования — поймать Библиотеку на лжи, выяснить, правда ли, что могущественные расы патронов, как вы выражаетесь, «вешают лапшу на уши» младших разумных, как люди или тимбрими.

— Почему же ты мне не помогаешь? — Сердце Джиллиан забилось. Она ухватилась за край стола и поняла, что чуть не сорвалась из-за раздражения.

— Почему меня всегда так поражает человеческий взгляд на мир, доктор Баскин? — спросил Нисс. Голос машины звучал почти сочувственно. — Мои хозяева тимбрими необычайно хитры. Их приспособляемость позволяет им выжить в самых ужасных условиях. Но и они попали в ловушку галактического образа мыслей. Вы, земляне, со своим свежим взглядом на вещи можете разглядеть то, чего не увидели они.

— Разница в поведении и верованиях кислородопоглощающих огромна, но человеческий опыт уникален. Тщательно и осторожно возвышенные расы никогда не совершали таких ошибок, как люди в предконтактном состоянии. Эти ошибки делают вас уникальными.

Джиллиан знала, что это правда. Люди совершали невероятные глупости; их никогда бы не совершили расы, знающие о существовании законов природы. В эти дикие столетия развивались жуткие суеверия. Допускались самые разные способы управления, интриги, философские школы. Как будто сирота-Земля стала планетой-лабораторией, в которой проводилась серия странных экспериментов.

Какими бы нелогичными и позорными ни казались теперь эти эксперименты, они обогатили современного человека. Мало кто сумел сделать столько ошибок за такое короткое время или пытался бы решить столько неразрешимых проблем.

Художники Земли высоко ценились пресыщенными ити, им хорошо платили, и они сочиняли сюжеты, которых не мог вообразить никакой галакт. Тимбрими особенно нравились земные книги в стиле фэнтези, с драконами, чудовищами

и волшебством — чем больше, тем лучше. Эти книги казались им необыкновенно яркими и гротескными.

— Меня не обескураживает, когда вы сердитесь на Библиотеку, — сказал Нисс. — Я рад. Я учусь на вашем раздражении! Вы сомневаетесь в том, что вся галактика считает само собой разумеющимся.

— Помогать вам — моя вторичная задача, миссис Орли. Главная — наблюдать, как вы страдаете.

Джиллиан моргнула. Машина не зря применила такой древний способ, это попытка еще больше рассердить ее. Она сидела неподвижно, пытаясь разобраться в своих противоречиях и эмоциях.

— Так дело не пойдет, — сказала она наконец. — Это сводит с ума. Я как будто заперта в душном помещении.

Нисс ничего не ответил. Джиллиан следила за светящимися точками на экране.

— Ты предлагаешь на время оставить это? — спросила она наконец.

— Может быть. И у тимбрими, и у людей есть подсознание. Может, позволим ему повозиться с этими проблемами.

Джиллиан кивнула.

— Я попрошу Крайдайки послать меня на остров Хикахи. Изучение аборигенов крайне важно. Я думаю, это самое главное, конечно, после нашего спасения.

— Нормальная точка зрения по галактическим стандартам и потому неинтересная для меня. — В голосе Нисса послышалась скука. На экране появились темные вращающиеся линии.

Джиллиан послышался легкий хлопок.

Она связалась по коммуникатору с Крайдайки.

— Джиллиан, ваше пси перерабатывает. Я собирался с вами связаться.

Она сразу села.

— Новости от Тома?

— Да. Всссе в порядке. Он просит меня передать вам поручение. Можете сейчас прийти ко мне?

— Иду, Крайдайки.

Она закрыла дверь лаборатории и заторопилась на мостик.

24. ГАЛАКТЫ

Би Чохуан лишь глухо гудела, изумляясь масштабу битвы. Как умудрились эти фанатики собрать столько сил за такое короткое время?

Маленький синтианский корабль-разведчик Би, скрываясь в хвосте, опускался на каменное ядро давно мертвой кометы. Система Ктсимини озарялась яркими вспышками. На экранах корабля виднелись боевые флоты, сходившиеся в смертоносной схватке, убивавшие друг друга и снова расходившиеся. Создавались и распадались союзы, когда это казалось выгодным участникам. И в нарушение кодекса Института Цивилизованных Войн, никакого снисхождения друг к другу...

Даже Би, опытный разведчик синтианского анклава, ничего подобного никогда не видела.

— Я была наблюдателем при Паклатугле, когда клиенты J'81ek нарушили свой договор на поле битвы. Я видела ритуальную войну союза Повинующихся с Отрекшимися. Но никогда не видела такого бессмысленного уничтожения! Неужели у них нет гордости? Они не умеют ценить искусство войны?

Прямо у нее на глазах в результате предательства распался самый сильный союз, один фланг обрушился на другой.

Би с отвращением фыркнула.

— Неверные фанатики, — пробормотала она.

С полки до нее донесся щебет.

— Кто из вас это сказал? — Би взглянула на

маленьких, похожих на деревянную мозаику вазунов; каждый смотрел на нее из люка своего крошечного шпионского шара. Вазуны защебетали, но никто не сознался.

Би снова фыркнула.

— Конечно, вы правы. У фанатиков быстрая реакция. Они начинают драться не задумываясь, а мы, умеренные, сначала должны подумать, а потом действовать.

«Особенно сверхосторожны синтиане, — подумала она. — Земляне — наши союзники, но мы только робко ведем переговоры, размышляем, посылаем протесты в галактические Институты и внедряем разведчиков и шпионов, чтобы наблюдать за фанатиками».

Вазуны предупреждающе защебетали.

— Знаю! — выпалила Би. — Вы думаете, я плохо знаю свое дело? Перед нами робот-наблюдатель. Один из вас займется им, и не беспокойте меня! Разве не видите, что я занята?

Глаза смотрели на нее. Одна пара исчезла, вазун скрылся в своем маленьком корабле, люк закрылся за ним. Через мгновение разведчик вздрогнул, из него вылетел маленький корабль..

«Удачи тебе, маленький вазун, верный клиент», — пожелала Би. Она с напускным равнодушием

следила, как маленький зонд пробирается среди обломков к роботу-наблюдателю, преградившему дорогу Би.

«Всего лишь один разведчик, — с горечью думала она. Тимбрими сражаются не на жизнь, а на смерть, Земля осаждена, у нее отобрана половина колоний, а мы, синтиане, по-прежнему ждем и наблюдаем, наблюдаем и ждем; только я и моя команда посланы для наблюдений».

Неожиданно вспыхнуло небольшое пламя, бросив четкие тени на астероиды. Вазуны издали траурный вопль, который прекратился, когда Би посмотрела на них.

— Не стесняйтесь меня, храбрые маленькие вазуны, — сказала она. — Вы клиенты и храбрые воины, а не рабы. Оплакивайте своего товарища, который погиб за всех нас.

Она подумала о своем холодном расчетливом народе, среди которого чувствовала себя чужой.

— Не стесняйтесь! — повторила она, удивленная собственной яростью. — Это не зазорно, мои маленькие вазуны. В этом вы превосходите своих патронов и станете великой расой, когда вырастете!

Би направила корабль к планете, покрытой водой, над которой разворачивалась битва,

чувствуя себя ближе к маленьким клиентам-товарищам, чем к своему вечно осторожному народу.

25. ТОМАС ОРЛИ

Томас Орли смотрел на свое сокровище, на то, что искал двенадцать лет. Оно как будто невредимо. Впервые попавшее в человеческие руки.

Только дважды микроветви Библиотеки, предназначенные для других рас, попадали в руки людей — в кораблях, захваченных в засадах, за последние двести лет. И в обоих случаях банк данных был поврежден. Попытки изучения этих микроветвей принесли много полезного, но рано или поздно какая-то ошибка заставляла эти полуразумные машины самоуничтожаться.

Впервые удалось взять с военного корабля могущественной галактической расы патронов прибор нетронутым. Впервые с тех пор, как к секретным поискам присоединились некоторые тимбрими.

Прибор представлял собой большой ящик, три на два метра, высотой в один метр, с простым оптическим устройством доступа. Посредине одной из сторон спираль с лучами — символ

Библиотеки.

Его привязали к грузовым саням вместе с остальной добычей, включая три кольца генератора вероятностного поля, неповрежденных и бесценных. Ханнес Свесси отправится с добычей на «Стремительный», охраняя ее, как наседка цыплят. И только когда убедится, что она в неприкосновенности доставлена Эмерсону Д'Аниту, вернется назад.

Том на восковой дощечке писал обычные указания. Если повезет, микроветвь передадут Крайдайки и Джиллиан, не привлекая излишнего внимания. Липкой бумагой он заклеил иероглиф Библиотеки.

Дело не в том, что его интерес к захваченной микроветви — большая тайна. Экипаж, помогавший в поисках, знает об этом. Но чем меньше будет известно подробностей, тем лучше. Особенно если корабль будет все-таки захвачен. Если его инструкции выполнят, прибор будет подключен к коммуникатору в его каюте, к внешне совершенно обычному коммуникационному экрану.

Он представил себе, какое впечатление это произведет на Нисса. Том хотел бы присутствовать, когда машина тимбрими обнаружит, к чему получила доступ. Наверное, эта самодовольная

штука на полдня лишится дара речи.

Том надеялся, что она не будет слишком ошеломлена. Ему нужны некоторые ответы немедленно.

Свесси уже уснул, привязанный к своему драгоценному грузу. Том проверил, чтобы его инструкции тщательно соблюдали. Потом поплыл к крутой скале, нависающей над разбитым космическим кораблем.

Вокруг корпуса плавали неофины, проводя многочисленные измерения снаружи и изнутри. По приказу Крайдайки будут заложены заряды, и начнется превращение гигантского боевого корабля в пустую рассверленную оболочку.

К этому времени первое сообщение о находке уже должно достичь «Стремительного», и сани будут возвращаться по найденному ими короткому пути, прокладывая моноволоконную линию связи из дома. На полпути они должны встретить сани с добычей.

Конечно, если этот «дом» на месте. Том полагал, что битва продолжает бушевать над Китрупом. Космическая война разворачивается неторопливо, особенно если ее ведут долгожители галакты. Она может тянуться еще год или два. Подойдут подкрепления, и начнется война на истощение.

Впрочем, маловероятно, чтобы фанатики дошли до этого.

В любом случае экипаж «Стремительного» должен действовать так, словно война кончится не сегодня-завтра. Пока она идет, у землян еще есть шанс.

Том снова обдумал свой план и пришел к тому же выводу. Другого выхода нет.

Есть три выхода из ловушки, в которой они оказались: спасение, переговоры и обман.

Лучше всего представить себе спасение. Но у Земли нет сил, чтобы прийти им на выручку. Вместе со своими союзниками она едва ли сравнится по силе только с одной группой фанатиков в битве над Китрупом.

Конечно, могут вмешаться галактические Институты. Закон требовал, чтобы «Стремительный» сообщил о своем открытии непосредственно им. Проблема в том, что силы Институтов очень малы. Как слабая версия правительств Земли двадцатого века, при которых человечество едва не погибло, Институты зависят от общественного мнения и добровольцев. «Умеренное» большинство может, конечно, решить, что открытия «Стремительного» должны принадлежать всем, но Том полагал, что потребуются

годы, чтобы принять такое решение и создать необходимые союзы.

На переговоры такая же слабая надежда, как и на выручку. В любом случае, если дело дойдет до переговоров с победителем битвы, у Крайдайки есть Джиллиан, Хикахи, Метц, и Том для этого не нужен.

Остается попытка провести врага, суметь обмануть его там, где не помогут выручка и переговоры.

«Вот это дело мое», — подумал Том.

Здесь океан глубже и темнее, чем в пятидесяти километрах на восток, где на отмели на границе континентальной плиты возвышаются металлические острова. В том районе, где была спасена группа Хикахи, вода обогащена металлом из-за цепи полудействующих вулканов.

А здесь подлинных металлических холмов нет, а вулканические острова, образовавшиеся вокруг давно погасших вулканов, почти сравнялись с водой.

Отводя взгляд от разбитого корабля и следа, который оставило его падение, Том видел прекрасный успокаивающий пейзаж. Темно-желтые листья водорослей, покрывающие поверхность воды, напомнили ему цвет волос Джиллиан.

Орли напевал мелодию, которую немногие люди могли бы исполнить. Маленькие полости, генетически возникшие в его черепе, создавали резонанс, и низкая мелодия распространялась в воде.

Во сне твоя ласка
Трогает меня,
Но, просыпаясь, я ее не нахожу

На расстоянии
Я позову тебя,
Коснусь, когда ты будешь спать.

Конечно, Джиллиан не может услышать его стихи-подарок. Его собственные пси-способности довольно скромные. Но намек уловить может. Она не раз уже удивляла его.

Сопровождающие дельфины собрались у саней. Свесси проснулся и вместе с лейтенантом Тшут проверял крепления груза.

Том спустился со своего высокого убежища и присоединился к группе. Тшут увидела его, быстро глотнула воздуха из пузыря и поплыла ему навстречу.

— Мне хочется, чтобы вы передумали, — сказала она, когда они встретились. — Буду откровенна.

Ваше присутствие хорошо поддерживает моральный дух. Потеря вассс будет тяжелым ударом.

Том улыбнулся и положил руку ей на бок. Он уже смирился с тем, что у него очень мало шансов на возвращение.

— Не вижу другого выхода, Тшут. Остальные части моего плана могут осуществить другие, но только я могу насадить приманку на крючок. Вы это знаете.

— К тому же, — он улыбнулся, — Крайдайки сможет отозвать меня, если план ему не понравится. Я попросил, чтобы он выслал Джиллиан мне навстречу к острову Хикахи, куда придет глайдер с нужными припасами. Если Джиллиан скажет, что Крайдайки не разрешает, я буду на корабле раньше вас.

Тшут отвела взгляд.

— Сссомневаюсь, чтобы он ссказал нет, — почти неслышно просвистела она.

— Гм? Что вы имеете в виду?

Тшут уклончиво ответила на тринари:

Крайдайки ведет нас —
Он наш начальник
Но мы считаем,
Что есть тайные приказы.

Том вздохнул. Вот опять. Подозрение, что Земля не отпустила бы корабль с дельфинами без тайного присмотра людей. Естественно, слухи сосредоточились вокруг него. Неприятно, потому что Крайдайки — замечательный капитан, но мешает главной цели экспедиции. Ее успех продвинул бы на целое поколение вперед развитие неодельфинов.

Тогда мой отъезд
Даст вам урок,
На борту «Стремительного»
Ваш капитан.

У Тшут, должно быть, кончался запас воздуха. Из ее дыхала выходили пузыри. Но она покорно взглянула на него и заговорила на англике:

— Хор-рошо. После отъезда Свесси отправим вас. А сами будем продолжать работать здесь, пока не получим приказ Крайдайки.

— Ладно, — кивнул Том. — А остальную часть плана вы по-прежнему одобряете?

Тшут отвернулась, потупила взгляд.

Кининк и логика,
Объединившись,
Говорят

План — это все,

Что между нами

И судьбой

Мы все выполним свою часть.

Том обнял ее.

— Я знал, что могу рассчитывать на вас, моя милая рыбачила. И я совсем не волнуюсь. Давайте прощаться с Ханнесом, чтобы я тоже смог отправиться. Не хочу, чтобы Джилл оказалась на острове раньше меня.

Он нырнул к саням. Но Тшут ненадолго задержалась. Хотя в легких ее почти не осталось кислорода, она некоторое время лежала и смотрела вслед Тому.

Спускаясь, он услышал ее сонар. Мягкие щелчки напевали ему тихий реквием:

Нас ловят сетями

Эти с Ики,

Но ты с нами, ты разрезаешь сети.

Добрый ходящий по суше,

Ты всегда

Разрезаешь сети.

Но за это

У тебя отнимут
Жизнь...

26. КРАЙДАЙКИ

Даже самый правильный англик в тщательном произношении неодельфина человек, знающий только людской английский, поймет с трудом. Синтаксис и большинство корней те же самые. Но лондонец периода до контакта решил бы, что звуки такие же странные, как и произносящие их голоса.

Модифицированные дыхала дельфинов способны производить свистки и писки, произносить гласные и некоторые согласные. Щелчки сонара и различные другие звуки производят сложные резонирующие полости в черепе.

В речи эти различные составляющие иногда совпадают по гармоникам, иногда нет. Даже в лучшие времена встречаются долгие шипящие, «т» с придыханием, стенающие гласные. Речь — это большое искусство.

А тринари — отдых, область воображения и личного. Он сменил дельфиний праймал, значительно расширив его возможности. Но именно

англик связывает дельфинов с миром причин и следствий.

Англик — это язык-компромисс, учитывающий голосовые способности обеих рас, мост между миром рук и огня, миром людей, и легендами «сна китов». С помощью этого языка дельфину удалось сравняться с человеком в аналитическом мышлении, в осмысливании прошлого и будущего, в составлении планов, использовании орудий труда и ведении войн.

Некоторые мыслители-люди задавались вопросом, хорошо ли такое благодеяние для китообразных — умение разговаривать на англике.

Между собой неодельфины могут говорить на англике, чтобы сосредоточиться, но при этом они не стараются, чтобы звучание походило на английскую речь. Они перейдут на частоты, недоступные человеческому восприятию, и согласные в их речи вообще исчезнут.

Кининк позволяет это. Главное для него — семантика. Грамматика, двухуровневая логика, временная ориентация остаются английскими, но главное — прагматический результат.

Принимая доклад Хикахи, Крайдайки сознательно использовал очень свободную форму фин-англика. Он хотел подчеркнуть, что дальше

последует личное.

Слушая, он одновременно в соответствии с запросами тела совершал быстрые круги в бассейне. Хикахи пересказывала содержание разговора планетологов, наслаждаясь свежим воздухом в своих основных легких. Изредка она замолкала и проплывала рядом с ним, потом продолжала.

Сейчас ее речь звучала не совсем по-человечески, но хороший звукозаписывающий аппарат мог их расшифровать.

— ...Он очень этим озабочен, капитан. В сущности, Чарли считает, что даже если «Стремительный» попытается уйти, мы должны оставить здесь небольшую исследовательскую группу с баркасом. Брукиде тоже понравилась эта мысль. Я была ошеломлена.

Крайдайки проплыл перед нею. Быстро задал вопрос.

— Что они будут делать, если мы их оставим, а нас захватят? — Снова нырнул и поплыл к дальней стене.

— Чарли полагает, что он со своей группой должен относиться к мирному населению, как и группа Судман-Сахота на острове. Он говорит, что есть прецеденты. Таким образом, от нас ничего не зависит, часть экспедиции будет сохранена.

Помещение для упражнений размещалось в центральном кольце «Стремительного», на десять градусов выше колеса. Стены скошены, и Крайдайки приходилось следить за эхом от мелей слева. Справа на воде плавали мячи, круги и другие игрушки.

Крайдайки быстро поднырнул под связку шаров и выскочил из воды. Перевернулся в воздухе и с плеском упал на спину. Снова перевернулся под водой и встал на хвосте. Тяжело дыша, он одним глазом смотрел на Хикахи.

— Я уже думал об этом, — сказал он. — Мы могли бы оставить и Метца с его записями. Сбросить его с хвоста — это стоит тридцати селедок и анчоусов на десерт.

Он снова опустился в воду.

— Жаль, что такое решение аморально и неконструктивно.

Хикахи удивленно взглянула на него, стараясь понять смысл сказанного.

Крайдайки почувствовал себя значительно лучше. Беспокойство, которое все усиливалось, когда он слушал сообщение Тома Орли, улеглось. Уныние, в которое его поверг план человека, на мгновение улетучилось.

Теперь остается формальность — согласие сове-

та корабля. Он надеялся на чьи-нибудь светлые мысли, но сомневался в этом.

— Подумай, — сказал он своей помощнице. — Статус мирного населения мог бы подействовать, если бы нас убили или захватили в плен. Но если мы уйдем и увлечем за собой ити?

У Хикахи чуть отвисла нижняя челюсть — жест, заимствованный у людей.

— Конечно. Понимаю. Ктсимини очень изолированная система. Туда и обратно ведет лишь несколько дорог. Баркас, очевидно, в одиночку не сможет вернуться к цивилизации.

— А что это означает?

— Они застрянут на смертоносной планете почти без медицинского оборудования. Прости, я и не могла предположить.

Она слегка повернулась, подставляя левый брюшной плавник. Это цивилизованный признак покорности, существовавший издревле, когда ученик преклоняет голову перед учителем.

Когда-нибудь, если повезет, Хикахи будет командовать гораздо большим кораблем, чем «Стремительный». Капитан и учитель был доволен одновременно скромностью и остротой мышления. Но перед ним стояла более близкая задача.

— Ну, хорошо, мы обсудим их идею. На всякий случай, проверь, чтобы баркас был готов незамедлительно вылететь. Но приставь к нему охрану.

Оба считали дурным предзнаменованием, когда меры безопасности принимаются внутри, а не снаружи корабля.

Мимо проплыло ярко раскрашенное полосатое резиновое кольцо. Крайдайки почувствовал желание схватить его... а потом увлечь Хикахи в угол, прижаться к ней носом... Он встряхнулся.

— Дальнейшие тектонические исследования, — сказал он, — мы рассматривать не будем. Джиллиан Баскин отправилась на твой остров, чтобы передать припасы Томасу Орли и помочь Дэнни Судман наблюдать за аборигенами. Вернувшись, она может прихватить образцы скал для Чарли. Это должно удовлетворить его.

— Остальные будут очень заняты, когда Свесси вернется с запасными частями.

— Свесси уверен, что он нашел то, что нам нужно на разбитом корабле?

— Вполне.

— Новый план означает передвижение «Стремительного». Работающие двигатели могут нас выдать. Но, думаю, выбора нет. Надо продумать схему перемещения корабля.

Крайдайки понял, что ничего не добьется. Осталось всего несколько часов до прибытия Свесси, а его англик... заставляет Хикахи вести себя сдержанно и осторожно. Неудивительно, что нет никаких намеков, никакого сообщения в виде телодвижений, и он не знает, как она отнесется к его попытке приблизиться.

Он ответил на тринари:

Мы передвинем корабль
Под водой
К разбитому кораблю —
Пустому, ждущему
Скоро, пока битва
Бушует в черноте
Заполняя пространство
Воплями головоногих
А в это время
Орли, придумавший сеть,
Далеко от нас
Создаст
Отвлечение
Далеко от нас
Заставит поверить

Обманщиков
Отвлечет акул,
Чтобы мы были в безопасности.

Хикахи смотрела на него. Она впервые слышала об этом. Подобно многим самкам на корабле, Хикахи испытывала платоническое влечение к Томасу Орли.

«Мне следовало мягче сообщить ей эту новость или — еще лучше — подождать».

Глаза ее мигнули раз, другой, потом закрылись. Она медленно погрузилась в воду, и ее сонар издал слабый звук.

Крайдайки позавидовал людям — у них были руки. Он опустился рядом с ней, коснувшись ее концом своего бутылкообразного носа.

Не печалься —
Воин с блестящими глазами
Песнь об Орли
Сложат киты

Хикахи печально ответила:

Я, Хикахи
Почитаю Орли
Почитаю капитана

Почитаю весь экипаж
Дело должно быть сделано
Но я страдаю из-за одной
Из-за Джиллиан Баскин
Дорогой Очистительницы Жизни
Из-за ее утраты
Из-за горя ее тела.

Устыдившись, Крайдайки ощутил, как его охватило полное безразличие и меланхолия. Он тоже закрыл глаза, и по воде донеслось эхо разделенной печали.

Долго они лежали рядом, поднимаясь, чтобы вдохнуть, потом снова опускаясь.

В мыслях Крайдайки уже был далеко, когда, наконец, почувствовал, что Хикахи отплывает. Но вот она вернулась, мягко потерлась о его бок и нежно укусила своими острыми мелкими зубами.

Вначале почти против воли, Крайдайки ощутил, как возвращается его энтузиазм. Он повернулся на бок и выпустил длинную цепочку пузырей, когда ее прикосновения стали более настойчивыми.

Вкус воды улучшился, и Хикахи начала петь знакомую песню — один из древнейших сигналов

на праймале. Помимо всего прочего он сообщал, что «жизнь продолжается».

27. ОСТРОВ

Тихая ночь.

Многочисленные маленькие спутники Китрупа гонят легкий прибой у металлического утеса. Постоянные ветры, без перерыва дующие над океаном планеты, раскачивают деревья и ерошат листву.

И все же после всех этих месяцев тишина угнетает. Никаких звуков, сопровождающих их повсюду с самой Земли, никаких щелчков, гудения, с которыми машины выполняют свои функции, ни треска изредка, ни дымка неполадок.

Не слышны и писклявые свистящие разговоры дельфинов. Отсутствуют даже Кипиру и Сахот. Сегодня ночью они сопровождают аборигенов острова в их ночной морской охоте.

На металлическом острове тоже непривычно тихо. Лишь некоторые звуки постоянны: море, отдаленный гул вулкана...

Негромкий стон в ночи, сопровождаемый очень тихим задыхающимся смехом.

— Вот они снова, — вздохнула Дэнни, не особен-

но заботясь о том, чтобы ее не услышал Тошио.

Звуки доносились с поляны на южном краю острова. Люди, третий и четвертый, постарались как можно дальше отойти и от деревни аборигенов, и от туннеля в острове. Но Дэнни хотелось бы, чтобы они ушли еще дальше.

Послышался смех, слабый, но отчетливый.

— Никогда не слышала ничего подобного, — вздохнула Дэнни.

Тошио покраснел и подбросил дров в костер. Пара на поляне заслужила одиночество. Дэнни могла бы заметить.

— Да они похожи на норок! — сказала Дэнни. В ее словах должны были звучать насмешливая зависть, ирония, сарказм, но слышалась горечь.

Тошио это почувствовал. И, вопреки собственному желанию, сказал:

— Дэнни, мы знаем, что люди — сексуальные гиганты галактики, хотя кое-кто из наших клиентов готов нас в этом переплюнуть.

Он сунул ветку в огонь. Довольно нахальное замечание. Ночь его подбодрила, и надо было снять напряжение, царившее у костра.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросила Дэнни.

Тошио поиграл ветвью.

— Ну, есть строчка в старой пьесе... «Ваши дельфины не похотливей!» Шекспир не первый сравнил два самых сексуальных вида высокоразвитых млекопитающих. Вряд ли существует шкала измерений, но мне часто кажется, что это необходимое условие развития разума.

— Конечно, это только предположение. Если принять во внимание все, что говорят галакты о возвышении...

Он продолжал говорить, постепенно отходя от темы; заметил, что Дэнни, обычно немного холодноватая, едва не взорвалась, но потом отвернулась и посмотрела в сторону.

Ему удалось! Он победил в этом раунде! Небольшой успех в игре. Непонятно даже, стоит ли продолжать.

Легкий флирт по отношению к Тошио был всегда односторонним, и Тошио всегда оказывался страдающей стороной. Справиться с более взрослой, привлекательной женщиной — конечно, победа.

Он не считал себя жестоким, хотя условия игры предполагают это. Ему хотелось только, чтобы Дэнни Судман перестала считать его ребенком. И если от этого пострадает их взаимная легкая привязанность, что ж, тем хуже.

Хотя его не волнует Сахот, Тошио все же доволен, что благодаря дельфину пробил брешь в защите Дэнни.

Он уже собирался вновь сострить, когда Дэнни сказала:

— Прости, Тош. Я бы выслушала остальное, но лучше сейчас поспать. Завтра у нас тяжелый день. Нужно отправить глайдер Тома, показать Джиллиан кикви, поэкспериментировать с этим проклятым роботом для Чарли. Тебе тоже не помешает.

И она закуталась в спальный мешок на краю лагеря, рядом с защитой.

— Да, — согласился Тошио, может быть, чересчур поспешно. — Хорошо, Дэнни. Спокойной ночи. Приятных снов.

Она молчала, повернувшись спиной к костру. Тошио не мог решить, спит ли она.

«Хотел бы я, чтобы у нас, людей, лучше были развиты пси-способности, — подумал он. — Говорят, телепатия — это атавизм, но все равно приятно было бы иногда прочитать чужие мысли. Было бы спокойнее, если бы я знал, о чем она думает... даже если я для нее ребенок».

Он посмотрел на хмурое небо. Сквозь разрывы в облаках видны звезды.

И две новые туманности, которых не было накануне. Это следы продолжающейся битвы. Крошечные ложные туманности сверкали всеми цветами спектра видимых и, вероятно, невидимых частот.

Тошио взял горсть металлосиликатной пыли и сквозь пальцы высыпал на угли. Искорки металла подмигивали ему, как радужные конфетти или мерцающие звезды.

Он стряхнул остатки с рук и заполз в мешок. Лежал, закрыв глаза, не желая ни смотреть на звезды, ни обдумывать свое поведение.

Напротив, прислушивался к звукам ветра и прибоя в ночи. Они доносились ритмично и успокаивающе, как колыбельная, как море у него дома.

Только единожды ему вновь послышались вздохи и негромкий смех с юга. Звуки, полные такого счастья, только усилили его печальную тоску.

— Снова они, — вздохнул он про себя. — Клянусь, никогда не слышал ничего подобного.

Их тела покрылись испариной.

Джиллиан слизнула соль с верхней губы. Том точно так же очистил от соли ее грудь. Влажным ртом он дотронулся до ее сосков, ей стало

прохладно.

Она ахнула и схватила его за волосы на затылке, где их оставалось больше. В ответ он игриво укусил Джиллиан, отчего по всему ее телу пробежала дрожь.

Джиллиан обхватила ногами его колени и опустилась на него. Дыхание его прервалось и, подняв голову, он посмотрел ей в глаза.

— Я думал, это у нас последние игры, — прошептал он чуть хрипло. Сделал вид, что вытирает лоб. — Останови меня, когда я перейду грань и начну обещать невозможное. — Потом взял ее руку и поцеловал.

Джиллиан провела рукой по его щеке, легко коснулась подбородка, горла, плеча. Игриво потянула за волосы на груди.

Звуки, которые она издавала, походили скорее на урчание самки леопарда, а не домашней кошка.

— Когда сможешь, любимый, я подожду. Возможно, ты незаконное дитя грязной пробирки, но я знаю тебя лучше твоих создателей. Они и не подозревали о твоих скрытых резервах...

Том как раз собирался сказать, что он вполне законный сын Мэри и Брюса Орли из штата Миннесота, Земная Конфедерация... но вдруг заметил,

что на глаза ее навернулись слезы. Грубоватые слова ее звучали легко и насмешливо, но она все крепче сжимала его и смотрела так, словно старалась запомнить мельчайшие детали лица.

Том неожиданно смутился. Могут ли они быть ближе, чем сейчас? Он так хотел этого в их с Джилл последнюю ночь. Он плотнее прижался к ней, ощутил ее теплое дыхание. И отвел взгляд, чувствуя, что теряет ее.

Затем вдруг почувствовал мягкое поглаживание, изгоняющее ощущение тяжести в голове. Очень мягкое непрекращающееся давление. И понял, что борется сам с собой.

«Завтра я ухожу», — подумал он.

Они долго спорили о том, кому уходить, и он выиграл. Но ощущение горечи не проходило.

Том закрыл глаза.

«Я отрываю ее от себя! Я, возможно, никогда не вернусь и отрываю теперь часть самого себя, самую дорогую».

Неожиданно Том ощутил себя очень слабым и маленьким, словно он в опасном месте служит единственной преградой между возлюбленной и страшными врагами, и он не сверхгерой, а всего лишь человек, одинокий и готовый на все.

Он открыл глаза, почувствовав прикоснове-

ние.

Прижался щекой к ее руке. В глазах ее по-прежнему слезы, но сквозь улыбку.

— Глупый мальчишка, — сказала она. — Ты никогда не расстанешься со мной. Разве ты еще не понял? Я с тобой, и ты ко мне вернешься.

Он удивленно покачал головой.

— Джилл, я... — Он начал говорить, но она остановила его жадным поцелуем. Губы ее были горячими и нежными. Пальцы ее правой руки ласкали его, не переставая.

Она снова поглотила его, вобрала в себя и одурманила пьянящим, сладким запахом. И Том вдруг понял, что она снова права.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДИССОНАНС

Животные создаются силами природы, которых сами не понимают. Для них не существует ни прошлого, ни будущего. Только одно вечное настоящее, одно нынешнее поколение, его след в лесу, его невидные пути в воздухе или в море. Нет во вселенной существа более одинокого, чем человек. Он вступил в странный мир истории...

Лорен Эйсли

28. САХОТ

Всю ночь Сахот шел за ними. К утру он, кажется, начал понимать.

На рассвете кикви покинули места ночной охоты и для безопасности поплыли к своему острову. Спрятали сети и ловушки в расселинах кораллов, взяли грубые копья и заторопились в лучах занимающегося рассвета. На свету оживают растения-убийцы, возникают другие опасности.

Днем кикви в лесах металлического острова ищут орехи и мелких животных в густой листве.

Под водой кикви с плавниками похожи на зеленую собаку-рыбу, с короткими руками и с перепонками меж пальцев с плавниками на ногах. Два хватательных брюшных плавника помогают им маневрировать. Сильные, отталкивающие воду ноги, позволяют держать в руках груз. Голова — в кольце ресничек, которые собирают рассеянный кислород, добавляя его в воздушный мешок кикви.

Охотники-собиратели несли две сети, полные похожих на крабов морских существ, цветных металлических скульптурок. И клекот, писк, крики были их песней.

Сахот слушал, как они перекликаются; их словарный запас состоит всего из нескольких голосовых сигналов, координирующих их действия. Время от времени некоторые кикви поднимались на поверхность подышать воздухом, это действие сопровождалось сложным подергиванием.

Туземцы не обращали внимания на следующих за ними чужаков. Сахот держался поодаль, стараясь не мешать. Они, конечно, чувствовали его присутствие. Время от времени самые молодые из кикви посылали подозрительные сонарные

сигналы в его направлении. Странно, но охотники постарше полностью смирились с ним.

Сахот с облегчением смотрел на усиливающийся свет. Он всю ночь старался не пользоваться собственным сонаром, чтобы не испугать туземцев. И чувствовал себя почти слепым от постоянных столкновений в темноте.

И все же дело того стоило.

Теперь он неплохо владеет их языком. Как и в дельфиньем праймале, структура сигнала основана на иерархии стада и на темпе дыхательного цикла. Причинно-следственная логика чуть сложнее, чем в праймале, несомненно, благодаря наличию пригодных к работе рук.

? смотрите, мы охотились охотились
и на нас охотились хорошо
? Осторожно, осторожно,
Благоприятность
? Ешь, ешь хорошо
чтоб тебя не съели
? Умри над водой, а не... Нет!

Судя только по семантике, эти существа менее пригодны к возвышению, чем были невозделанные дельфины Земли. Но, основываясь на их

способности использовать орудия труда, кто-нибудь усомнится в этом.

Конечно, наличие рук означает, что кикви вряд ли станут хорошими поэтами. Но все же в их бахвальстве есть определенное очарование.

Ремни доспехов натирали кожу. Сахот поднялся, чтобы вдохнуть. Хоть эта проклятая штука весит мало и обтекаемая, было бы лучше ее не иметь.

Конечно, эти воды опасны, и возможно, ему придется защищаться. К тому же поблизости Кипиру. Согласно инструкциям, держится незаметно, но внимательно слушает. Кипиру отгрызет Сахоту спинной плавник до самого позвоночника, если увидит его без доспехов.

В отличие от других членов экипажа «Стремительного», техников и военных, Сахот побаивался доспехов. Он ничего не имел против компьютеров, поскольку некоторые из них даже умеют говорить и помогают ему общаться с другими расами. Но придатки для перемещения, созидания или убийства, — он предпочел бы обойтись без них.

Он ненавидел два шишковидных маленьких «пальц-ца» на концах своих грудных плавников — говорят, когда-нибудь они заменят его виду

руки. Но пальцы так неэстетичны. Ему не нравились также изменения в легких. Благодаря им дельфины стали устойчивее по отношению к пришедшим с суши болезням и могут дышать в оксиводе. Природные китообразные не нуждались в таких изменениях. Невозделанные Stenos bredanensis и Tursiopus truncatus, которых генетики не тронули, могут перегнать любого amicus.

Со смешанными чувствами он относился и к увеличению зрительных возможностей: ведь это произошло за счет все той же серой материи, которая гораздо лучше воспринимает звуки.

Сахот снова поднялся, чтобы вдохнуть, потом погрузился, не отставая от аборигенов.

В его собственной линии вырабатывались способности к языкам, а не к использованию орудий. Ему это казалось более соответствующим природе дельфина, чем все эти полеты в звездных кораблях. Дельфинам не стоит делать вид, что они инженеры и астронавты.

Это одна из причин, по которым он отказался лететь в гичке осматривать брошенный флот в Мелком скоплении. Даже если бы там было с кем поговорить — чему не обнаружено никаких свидетельств, — что бы он там делал, один, окруженный неумелыми клиентами? «Стреми-

тельный», в одиночку пытающийся справиться с брошенным флотом, все равно что ребенок, играющий с бомбой.

Его поступок вызвал презрение у экипажа, хотя и был оправдан гибелью гички.

Это презрение ничего не значит, напомнил себе Сахот. Он не военный. И пока выполняет свою работу, не должен объяснять причины своего поведения.

Он не придавал значения щелчкам неодобрения в связи с его вниманием к Дэнни Судман. До возвышения самцы-дельфины нахально вели себя с женщинами-исследователями. «Это давняя традиция, — оправдывался он. — Что хорошо для старого доброго Флиппера, подходит и его мозговитому потомку».

В англике он ненавидел эти постоянные поиски оправданий. Люди вечно спрашивают: почему? Какая разница? Всегда можно взглянуть на мир по-иному, нежели люди. Любой кит подтвердит это.

Кикви возбужденно щебетали, плывя к восточной оконечности своего острова и готовясь поднимать добычу в расщелину стены.

Сахот почувствовал чей-то сонар, словно мелькание луча прожектора. С севера приближался

Кипиру, чтобы проводить его к лагерю землян.

Сахот вынырнул на поверхность. Наклонив голову, взглянул на новый день. На востоке встает в дымке солнце, слышен шелест дождя.

Металлический привкус пронизывает воздух, напоминая о смертельной опасности заключения на Китрупе.

Несомненно, Крайдайки и его «инженеры» пытаются нащупать способ выбраться из этой кутерьмы. План этот, несомненно, будет отчаянным и смелым... и приведет их всех к гибели.

Разве не ясно, что дельфины в этой игре завоевателей не способны победить галактов? Ведь их опыт исчисляется целыми эпохами!

Он, конечно, предан людям. Но понимает, что они — неуклюжие сироты-волчата, старающиеся выжить в опасной реакционной галактике.

Существует старинная дельфинья поговорка: «Все люди — инженеры, все инженеры — люди». Остроумно, но вряд ли верно.

Кипиру показался на поверхности рядом с ним. Сахот спокойно выдувал воздух, его дыхание конденсировалось в брызги. Он лежал, глядя на восход, пока не лопнуло терпение Кипиру.

— Ужжже сссветло, Сахот. Наше месссто не ззздесь. Нам надо отрапортовать, и я хочу поесть

и отдохнуть.

Сахот продолжал изображать рассеянного ученого. Он посмотрел так, словно Кипиру оторвал его от мыслей, глубина которых ему недоступна.

— Что? О, да. Конечно, пилот. Разумеется. У меня очень интересные данные для доклада. Знаешь, мне кажется, я разгадал их язык.

— Отлично. — Семантически Кипиру ответил на англике, но фонетически это был писк. Он нырнул по направлению к входу в пещеру.

Сахот поморщился от сарказма пилота, но не раскаялся.

«Сочинить, что ли, несколько лимериков, чтобы разнообразить отчет для Дэнни, — подумал он. — Жаль, что она остается на берегу. Ну, может, сегодня смягчится и присоединится ко мне».

Изгибаясь, чтобы следовать за Кипиру в темную глубину, он сочинял неприличные стихи.

Когда они добрались до дна ствола, сделанного деревом-сверлом и освещенного небольшой фосфорной лампой, Сахот заметил, что двое саней убраны с прохода и помещены в глубине пещеры. Но ведь одни сани всегда должны быть наготове в бассейне, на случай если Дэнни и Тошио понадобится быстро уходить! Он вслед за Кипиру стал торопливо подниматься в вертикальном стволе.

Наверху у бассейна еще две пары саней. Должно быть, кто-то прибыл с корабля, сообразил Сахот.

Тошио и Дэнни уже были у воды, разговаривали с Кипиру. Сахот задумчиво посмотрел на Дэнни, но начинать не решился.

«Сегодня вечером попробую уговорить ее спуститься ко мне в воду, — подумал он. — Под каким-нибудь предлогом. Может, посмотреть механику корня дерева-сверла. Наверно, не получится, но попытаюсь забавы ради».

Сахот поднялся на хвосте и осмотрел местность вокруг бассейна. Интересно, кто же приплыл с корабля.

Густые заросли на юге разделились, и появились двое: женщина и мужчина.

Джиллиан Баскин присела у бассейна и просвистела на тринари приветствие.

Верный Кипиру
Стойкий, как скала,
Победитель кашалотов

Меняющийся Сахот
Ко всему готовый
Так похожий на человека

В любой темноте

Я узнаю вас

Единые в противоположности!

Кипиру совершенно неоригинально ответил на англике:

— Рад видеть вас, Джиллиан. И вас, Т-ттом.

Сахот понял, что нужно поддержать репутацию. В отличие от Кипиру, нужно сочинить что-нибудь не хуже, чем у Джиллиан.

Он предпочел бы где-нибудь спокойно обдумать ее слова, особенно о том, что он так похож на человека. Это комплимент, или на верхнем регистре, когда Джиллиан высвистывала стихи, прозвучала жалость?

Томас Орли спокойно стоял рядом с Джиллиан. Сахот чувствовал, что этот человек видит его насквозь.

Он набрал воздуха.

Посмотрите!

Какое чудо

Моногамия!

Двое влюбленных!

Силуэтом

На фоне широкого неба.

Джиллиан захлопала в ладоши и рассмеялась.

Томас Орли лишь слегка улыбнулся. Очевидно, он что-то задумал.

— Я рад, что вы вернулись, — сказал он. — Мы с Джиллиан приплыли вечером, она со «Стремительного», а я — оттуда, где разбился корабль, поднявший цунами Тошио. Джилл привезла вам моноволоконный кабель, и вы сможете связываться с кораблем. Она несколько дней вместе с вами будет заниматься кикви. К тому же на корабле кое-кто просит вас собрать данные. Верно, Джиллиан?

Блондинка кивнула. Требование Чарли Дарта не обрадовало Тошио и Дэнни.

Орли продолжал.

— Джилл также привезла мне разное оборудование. Мне придется утром уйти. Я возьму солнечный глайдер.

Кипиру вдохнул. Начал возражать, но Орли поднял руку.

— Я знаю, это рискованно. Но я хочу поэкспериментировать, чтобы узнать, сработает ли наш план бегства. И так как кроме вас здесь никого нет, я вынужден просить вас о помощи.

Сахот под водой забил хвостом. Усилием воли он пытался подавить свои чувства. Но как это

трудно!

Итак, они действительно попытаются сбежать! Он надеялся на большее здравомыслие Орли и Баскин. Они умны и опытны, ведь они почти мистические агенты Совета Земли. Способные выжить всюду.

А теперь они высказывают безумные идеи и ждут от него помощи! Разве не ясно, что он против?

Он подплыл к Кипиру, изображая верного внимательного клиента. Но внутри у него все пришло в смятение, когда он слушал «план» спасения их от пучеглазых чудовищ.

29. ТАККАТА-ДЖИМ

Совет корабля превратился в катастрофу. Хуже, чем я думал, — вздохнул помощник капитана.

Хотят обмануть
Провести обманщиков,
Создать покров,
Который спрятал бы китов!

Кта-Джон согласно помотал большой тупой головой.

— Я слышал, кодовое название этого проекта — «Троянский морской конек». Что это значит?

— Литературная аллюзия, — ответил Такката-Джим. Интересно, ходил ли вообще боцман в школу. — Объясню как-нибудь в другой раз. А сейчас дай подумать. Должен быть другой выход, кроме этого самоубийственного плана Крайдайки и Орли.

— Я надеялся, что Крайдайки умнее. А сейчас просто не знаю, что и думать.

— Он не ссслушал?

— О, он был очень вежлив. Этот иглобрюх Метц поддержал меня пункт за пунктом, и Крайдайки внимательно нас слушал. Совет продолжался четыре часа! И все равно капитан решил принять план Орли! Эта фем Баскин уже доставляет ему припасы.

Два стеноса долго лежали рядом. Кта-Джон ждал, что скажет помощник капитана.

Такката-Джим всплеснул хвостом.

— Почему Крайдайки даже не подумал оповестить всех о местонахождении нашей находки и покончить с этим? Напротив, они с Орли хотят провести разумных, которые миллионы лет стараются перехитрить друг друга. Да нас поджарят! По сравнению с этим планом даже ваше предло-

жение — прорываться, стреляя изо всех пушек, — лучше. По крайней мере была бы возможность маневра!

— Я предложил только ссславную альтернативу этому безумию, — сказал Кта-Джон. — Но я поддерживаю ваш план. Подумайте, если бы именно мы спасли корабль и экипаж, мы выгадали бы гораздо больше, чем просто спасение жизни?

Такката-Джим покачал головой.

— Если бы я командовал кораблем, возможно. Но нами командует этот безумный гений, спасающий честь. И приведет к гибели.

Он отвернулся, глубоко задумавшись, и неслышно поплыл по коридору к своей каюте.

Кта-Джон сузившимися глазами смотрел вслед помощнику капитана. Пузыри из его дыхала вылетали небольшими ритмичными хлопками.

30. АККИ

Это нечестно! Почти всем разрешили присоединиться к Хикахи, чтобы работать в теннанинском корабле. Ремонт «Стремительного» почти закончился, а он по-прежнему торчит здесь, где ничего важного не происходит.

Акки подплыл к своему учебному месту, в центральном отсеке, сверху, под воздушным пузырем. Пузыри снизу беспрепятственно проходили через голотекст, проецируемый перед ним.

Какая глупость! Изучать астрогацию в корабле, лежащем на дне океана!

Он старался сосредоточиться на особенностях навигации в дырах, но все время отвлекался. Начинал думать о Тошио. Как давно они не имели возможности поболтать? Должно быть, уже месяц, как они стащили очки Брукиды и заменили их очками Фреснеля.

«Надеюсь, с Тошио все в порядке. По крайней мере он что-то делает. Почему Крайдайки настоял, чтобы я остался здесь, когда инженеры нужны там?»

Акки еще раз попытался сосредоточиться на тексте, но его отвлек звук. Он посмотрел в сторону шума у одной из пищевых машин. Два фина колотили друг друга плавниками, вокруг кольцом обступили зрители.

Акки выскочил из пузыря и нырнул в сторону драки.

— Прекратите! — крикнул он. — Немедленно! — И своими плавниками начал разводить Стату и Срика-джо.

Зрители чуть попятились, но дерущиеся не обратили на него внимания. Кусали и колотили друг друга. Удар пришелся Акки в грудь и отбросил его в сторону.

Акки глотнул, чтобы перевести дыхание. Откуда у них столько энергии, чтобы драться в оксиводе?

Он подплыл к одному из зрителей.

— Пк'Тоу... Пк'Тоу! — Он укусил дельфина за плавник и принял позу господства, когда рассерженный Пк'Тоу попытался отплыть. Акки чувствовал себя таким юным. Но Крайдайки научил его, что делать. Когда фин возвращается в нормальное состояние, он должен сфокусировать взгляд.

— Пк'Тоу, не слушай их, раскрой глаза. Смотри на меня! Как офицер корабля, я приказываю тебе помочь мне прекратить эту драку!

Остекленевшие глаза Пк'Тоу прояснились. Он кивнул.

— Есть, сссэр! — Акки был поражен его покорностью.

Капли крови расплылись в розовое пятно, дерущиеся теперь обменивались ударами медленней, их легкие-жабры хватали воздух. Акки собрал еще троих, кричал, пока они не сфокусировали

взгляд, потом снова приблизился к дерущимся. Ему удалось наконец развести стеноса и кока и под охраной отвести их в лазарет. Доктор Маканай продержит их в изоляции, пока он не сообщит капитану.

Акки оглянулся и заметил боцмана Кта-Джона. Тот проплывал мимо. Гигант-офицер даже не предложил помощи. «Вероятно, просто смотрел на драку, — с горечью подумал Акки. Кта-Джону не понадобилось бы колотить дерущихся. Достаточно было просто рявкнуть».

Кта-Джон направился к одному из шлюзов, чувствовалось его напряжение.

Акки вздохнул.

«Ну, ладно, наверно, все-таки у Крайдайки есть причина держать меня здесь. Теперь, когда Хикахи уплыла с инженерами, ему нужен помощник, чтобы справиться с этими подонками на борту „Стремительного“».

Он носом подтолкнул Срика-джо, чтобы тот двигался побыстрее. Стенос негромко выругался на праймале, но подчинился.

«По крайней мере у меня есть причина оторваться от астрогации», — сардонически подумал Акки.

31. СВЕССИ

— Нет! Перестаньте! Все назад и попробуйте еще раз — осторожнее!

Ханнес Свесси скептически следил, как инженеры дельфины поворачивают тяжелые сани и втаскивают балку назад в помещение.

Это их третья попытка установить распорку в зияющем отверстии в хвосте затонувшего теннанинского корабля. На этот раз почти получилось, но все же ведущие сани чуть задержались и балка едва не пробила корпус изнутри.

— Послушай, Олело, вот как нужно уходить от балки. — Он обратился к пилоту первых саней. Голос его звучал из гидрофона саней. — Когда доберешься до их иероглифа, похожего на двухголового шакала, вот так поднимай нос! — Он показал руками.

Фин посмотрел на него и энергично кивнул.

Принято — я ее вставлю!

Свесси поморщился от такого легкомыслия. Конечно, они не были бы финами, если бы иногда не бывали слишком саркастичны, а в другое время — излишне старательными. К тому же они

действительно много работают.

И все же работать под водой дьявольски трудно. По сравнению с этим, строительные работы в невесомости — настоящее наслаждение.

С двадцать первого века человек много узнал о строительстве в космосе. Были разрешены проблемы вращения и инерции, о которых не упоминается даже в Библиотеке. Впрочем, для существ, вот уже миллиард лет владеющих антигравитацией, это не имеет значения.

Но вот в подводном строительстве, даже в дельфиньих общинах Земли, опыта гораздо меньше. Тем более никому не приходилось ремонтировать на дне океана космический корабль.

Если и на орбите в невесомости инерция вызывает большие трудности, что сказать о непредсказуемой плавучести затопленных материалов? Сила, необходимая для перемещения массивного объекта, постоянно меняется в зависимости от его скорости и различных поперечных течений. В космосе таких осложнений не бывает.

Пока фины переориентировали балку, Свесси заглянул в корпус, чтобы посмотреть, как продвигаются другие работы. Вспышки лазеров, яркие, как гелиевые лампы, освещали медленное опустошение центрального отсека теннанинского

корабля. Постепенно все отчетливее становилось большое цилиндрическое отверстие.

За работой внутри присматривала лейтенант Тшут. Ее рабочие действовали уникальным дельфиньим способом. Для работы с мелкими деталями пользовались глазами и инструментами. Но, приближаясь к объекту, поворачивали голову кругом, испуская из выпуклой «дыни», придающей турсиопам такой высокомерный вид, звуковые лучи. И чувствительный к звукам конец нижней челюсти позволял создать стереоскопическое изображение.

Помещение было заполнено щелканьем. Свесси никогда не переставал удивляться, как они ориентируются в такой какофонии.

Шумные создания, и побольше бы таких.

Свесси надеялся, что вскоре появится с подкреплением Хикахи. Она должна привести с собой скиф или баркас, чтобы Свесси мог обсушиться, а дельфины — подышать свежим воздухом. Его работники должны отдохнуть, чтобы не произошло несчастных случаев.

Дьявольский план предложил Орли. Свесси надеялся, что Крайдайки и совет корабля найдут альтернативу, но даже несогласные ничего не предложили лучше. «Стремительный» пере-

местится, как только будет получен сигнал от Томаса Орли.

Очевидно, Крайдайки решил, что им терять нечего.

Под водой разнесся звук — «керр-ранч!». Свесси мигнул и оглянулся. Один конец теннанинской распорки свободно повис, сломанный балкой Олело. Дельфин, обычно внешне индифферентный, смотрел на Свесси с явным беспокойством.

— Ну, мальчики и девочки, — простонал Свесси, — как же мы оживим этот корпус, если сами вредим ему больше, чем враг? Кто нам поверит, что он может летать с такими дырами?

Олело махнул хвостом и печально защелкал.

Свесси вздохнул. После трехсот лет с дельфинами все равно нужно обращаться осторожно. Разнос способен сломать их. Гораздо лучше действует ободрение.

— Ну ладно. Попробуем повторить. С каждым разом у вас получается все лучше.

Свесси покачал головой и подумал, какая муха его укусила, когда он решил стать инженером.

32. ГАЛАКТЫ

Битва переместилась в другой район космоса; флот танду и на этот раз уцелел.

Группа птаха объединилась с теннанинцами и губру, продолжали оставаться опасными соро. Братья Ночи почти все уничтожены.

Акцептор расположился в самом центре паутины и осторожно открывал свои щиты согласно инструкциям. Его хозяева танду на протяжении тысячи лет учили акцепторов пользоваться мозговой защитой, чтобы не упустить чего-нибудь важного.

Убрав все барьеры, акцептор оживленно воспринял окружающее пространство, лаская облака пара и пролетающие обломки. Он легко обходил заряженные пси-ловушки и антивероятностные поля. Приятно смотреть на битвы, но они опасны.

Угроза опасности — этому танду учили акцептора насильно. Втайне раса акцепторов воспринимает это не очень серьезно. Разве может произойти что-нибудь действительно ужасное? Так смотрят на мир сумасшедшие эписиархи!

Акцептор заметил нечто незначительное

для обычного состояния. При свободном эспервосприятии кораблей, планет и снарядов он, конечно, был бы слишком увлечен, чтобы уловить такую несущественную помеху — мысли одинокого организованного разума.

Акцептор, обрадовавшись, сообразил, что их источник — синтианин! Здесь есть синтиане, и они пытаются связаться с землянами!

Это аномалия, и потому она прекрасна. Акцептор раньше никогда не воспринимал смелых синтиан.

Да и синтиане не славятся своими пси-способностями, но этот отважно пробирается среди мириад пси-детекторов в окружающем пространстве.

Величие подвига — в его неожиданности... еще одно доказательство превосходства объективной реальности над субъективной, вопреки всем безумиям эписиарха! Способность удивляться — двигатель жизни.

Акцептор знал, что будет наказан, если станет слишком долго любоваться открытием и не доложит о нем.

Это тоже чудо — «наказание», с помощью которого хозяева танду могут направлять племя акцепторов в ту или другую сторону. 40000 лет

оно удивляет их. Как-нибудь они с этим справятся. Но торопиться некуда. К тому времени они сами могут стать патронами. Подождать еще шестьдесят тысяч лет — очень легко.

Сигнал синтианского шпиона угас. Очевидно, ярость битвы увлекла его дальше от Ктсимини.

Акцептор слегка пожалел об утрате. Но теперь перед ним раскрылось великолепие битвы. В нетерпении насладиться ею акцептор решил доложить о синтианине позже... если не забудет.

33. ТОМАС ОРЛИ

Том через плечо взглянул на собирающиеся облака. Пока трудно сказать, захватит ли его буря. Ему еще далеко лететь.

Солнечный планер негромко гудел на высоте четыре тысячи футов: маленький самолет не предназначен для побития рекордов. Всего лишь узкий каркас. Винт приводится в движение солнечной энергией, падающей на широкие прозрачные крылья.

Сверху кажется, что мир-океан Китрупа покрыт крошечными белыми шапками. Том летел на северо-восток, предоставив пассатам выполнять основную работу. Те же ветры сделают возвра-

щение — если оно состоится — медленным и опасным.

Выше более сильный ветер гонит на восток темные тучи, которые преследуют самолет.

Том летел почти на наугад, только оранжевое солнце Китрупа помогало ориентироваться. Компас здесь бесполезен, потому что богатый металлами Китруп — сплошная магнитная аномалия. Ветер свистел мимо маленького конического носового щита самолета. Лежа ничком на узкой платформе, Том его почти не ощущал.

Жаль, что у него нет еще одной подушки. Локти у него устали, шею начинало сводить. Том много раз пересматривал список снаряжения, пока не обнаружил, что выбирает между пси-бомбой, которая необходима для достижения цели, и дистиллятором воды, без которого ему не выжить. То, что он отобрал в результате компромисса, привязано к платформе под подушкой. И бугры не позволяют расположиться поудобнее.

Путь бесконечно однообразен — море и небо.

Дважды на некотором расстоянии пролетали какие-то существа. Впервые стало ясно, что на Китрупе есть и летающие животные. Могли ли они развиться из летучих рыб? С самого начала он был несколько удивлен, заметив пустоту воз-

душного пространства планеты.

«Конечно, эти существа могли быть созданы какими-то древними галактическими обитателями Китрупа, — подумал он. — Там, где не справляется природа с ее разнообразием видов, вмешиваются разумные. На водной планете я встречал кое-что и похлеще летающих животных».

Том вспомнил, как вместе с Джиллиан сопровождал старого Джейка Демва на университетскую планету тимбрими Катреннлин. Между встречами и совещаниями они с Джилл сумели выбраться в большой континентальный заповедник, где видели, как огромные стада клиду в абсолютно точном и сложном геометрическом рисунке паслись на травянистых равнинах. Рисунок, как муаровый узор, менялся одновременно, без всякой связи между животными. Тимбрими объяснили, что много лет назад на Катреннлине жила древняя галактическая раса, которая запрограммировала клиду эти рисунки в нечто вроде головоломки. И с тех пор никто не смог разгадать эту загадку. Если это вообще возможно.

Джиллиан предположила, что рисунки усвоены клиду ради собственной выгоды. Любители головоломок тимбрими думали по-другому.

Том улыбнулся, вспомнив это путешествие, их

первое совместное дело. С тех пор они с Джиллиан видели столько чудес, что и не счесть.

Ему ее уже не хватало.

Местные птицы — или что-то другое — свернули в сторону от собирающихся туч. Орли провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду. Там, куда они полетели, нет никакой суши.

Самолет делал почти двести миль в час. Примерно через два часа он доберется до северного края островной вулканической цепи. Радио, слежение со спутников, радар — все это теперь недоступная роскошь. У Тома только карта на ветровом щите, чтобы не сбиться с пути.

Обратный путь легче. Джиллиан настояла, чтобы он взял с собой инерционное записывающее устройство. Оно приведет его назад вслепую точно на остров Хикахи.

Если, конечно, представится такая возможность.

Сгущались тучи над головой и сзади. Котел Китрупа закипал. Том решил, что место для посадки предпочтительнее найти до начала бури.

В полдень он увидел еще одну стаю летающих существ, дважды заметил, как в воде движется что-то огромное и извилистое. И оба раза это исчезало быстрее, чем он мог рассмотреть по-

дробности.

На поверхности воды плавали водоросли. Некоторые срастались в плавучие острова. Может, летающие существа живут на них, лениво подумал Том.

Он боролся со скукой, как мог, и уже возненавидел предмет, лежащий под его левой почкой.

Грозовой фронт теперь лишь в нескольких милях сзади. И тут на севере что-то замаячило — какая-то слабая полоска на фоне серого неба.

Он прибавил оборотов и свернул в ту сторону. Показалась дымящаяся воронка. Огромный столб дыма извивался и уходил на северо-восток.

Том сражался за высоту, а грозные облака уже закрыли полуденное солнце и на солнечные коллекторы упала тень. Прогремел гром, вспышки молнии осветили ландшафт.

Когда пошел дождь, стрелка амперметра переместилась за красную черту. Двигатель начал задыхаться.

Да. Вот он! Остров! Гора вдалеке и почти скрыта дымом.

Том предпочел бы сесть на обычном острове, менее активном. Он улыбнулся: в его положении смешно предъявлять требования. Если понадобится, он сядет и в море. Маленький самолет

оборудован понтонами.

Свет мерк. В усиливающейся тьме Том заметил, что поверхность океана изменила цвет. И удивился — трудно сказать, в чем разница.

Вскоре времени для размышлений не стало, он сдерживал самолет, борясь за каждый фут высоты.

Надеясь, что успеет найти место для посадки, он вел хрупкую машину сквозь дождь к дымящемуся вулкану.

34. КРАЙДАЙКИ

Он не предполагал, что корабль выглядит так плохо.

Крайдайки проверил состояние всех поврежденных машин и инструментов. После ремонта вместе с Такката-Джимом он трижды незаметно убедился в его качестве. То, что можно было исправить, исправлено.

Но как капитан корабля, он должен заниматься и менее насущными проблемами. Кто-то должен думать и об эстетике, как бы далеко ни теснили ее более важные дела. Впрочем, «Стремительный» уже не казался прекрасным.

Впервые Крайдайки покинул корабль. Надев

дыхатель, он проплыл вдоль покрытого рубцами корпуса, стараясь представить себе общую картину.

Гребни стасиса и главные гравитационные двигатели будут работать. Такката-Джим и Эмерсон Д'Анит заверили его в этом, да он и сам проверял. Одна установка запуска ракет уничтожена лучом антиматерии у Морграна. Вторая вполне боеспособна.

Но хотя корпус цел и прочен, на него больше не хочется взглянуть, как когда-то. Там, где лучи проникли сквозь защитные поля, он обожжен.

Брукида сказал, что есть даже небольшой участок, где сплав заменен другим. Структурное единство корабля не нарушено, но кто-то сумел близко подобраться к ним с разрушителем вероятности. Неприятно думать, что кусок «Стремительного» заменен другим, подобным, с похожего, но чуть-чуть отличающегося корабля, в котором такие же, но чуть отличающиеся беглецы, в какой-то гипотетической параллельной вселенной.

Согласно записям Библиотеки, никто пока не научился использовать эти пересекающиеся искажения как-либо иначе, нежели в качестве оружия. Но ходят слухи, что некие древние виды

«переросли» галактическую цивилизацию, раскрыли эту тайну и с ее помощью через боковой выход удалились из реальности.

Концепция бесконечной последовательности параллельных вселенных была известна дельфинам задолго до того, как люди научились пользоваться огнем. Это нераздельная часть «сна китов». Огромные киты удовлетворенно напевали о бесконечно изменяющемся мире. Начав пользоваться инструментами, дельфины amicus утратили это величественное равнодушие. Теперь они понимают философию китов немногим лучше людей.

Временная версия разрушителя вероятности — один из способов превышения скорости света, но благоразумные расы его избегают. Корабли, пользующиеся вероятностными двигателями, часто исчезают.

Крайдайки представил себе, как выходит из сверхсветовой скорости и обнаруживает собрание «Стремительных» — все из различных вселенных, капитаны — слегка измененная версия его самого. Киты могли философски относиться к подобным ситуациям. Но он уже не мог.

К тому же киты, гении в философии, оказались кретинами в мире космических кораблей и ме-

ханизмов. Они способны узнать космический корабль с таким же успехом, как собака свое отражение в воде.

Менее двух месяцев назад Крайдайки увидел брошенный космический флот, каждый корабль размером с луну, все древние, как звезды. Он потерял там десяток своих лучших спутников и с тех пор бежит от вражеских флотов.

Иногда ему хотелось быть таким же, как киты, слепым по отношению к разным вещам. Или так же философски настроенным.

Крайдайки подплыл к хребту, нависающему над кораблем. Яркие гелиарковые лампы бросали тени в верхний слой чистой прозрачной воды. Фины внизу заканчивали прикрепление добычи, снятой Свесси с теннанинского корабля. Оставалось только освободить посадочные опоры.

Хикахи на скифе с отборным экипажем выступила несколько часов назад. Крайдайки хотелось направить Свесси больше помощников, но на «Стремительном» и так значительный некомплект.

Он по-прежнему не видел альтернативы плану Томаса Орли. Метц и Такката-Джим смогли предложить только сдаться на милость победителю, а этого Крайдайки никогда не допустит. Пока у них

остается хоть малейший шанс.

Пассивные сенсоры показывают, что космическая битва только разгорается. В течение нескольких дней она может достигнуть кульминации, и тогда во всеобщем смятении представится лучшая возможность сбежать.

«Надеюсь, Том благополучно прибыл и его оборудование исправно».

В воде гулко отдавались звуки испытаний двигателей. Крайдайки сам рассчитал допустимый уровень шума. Так много возможностей утечки — нейтрино из двигателя, гравитоны из стасис-экранов, пси-волны ото всех на борту. Звук беспокоил его меньше всего.

Крайдайки услышал, как кто-то проплывает над ним, и посмотрел на верхний слой.

У детекторных буев плавал один неофин, работая с помощью манипуляторов доспехов. Крайдайки придвинулся ближе.

Какая-то проблема —
Есть из-за чего беспокоиться,
Выполнять долг?

Он узнал гигантского стеноса Кта-Джона. Боцман вздрогнул. Глаза его расширились, и Крайдайки на мгновение увидел белки вокруг

плоских, вытянутых зрачков.

Кта-Джон уже пришел в себя. Раскрыл в улыбке рот.

Сигнал неисправности —
Сборщик нейтрино
Не слышал
Битву вверху

Теперь он сообщает мне —
Статика исчезла
Я возвращаюсь
К своим обязанностям.

Дело серьезное. Нужно, чтобы на мостике «Стремительного» знали, что происходит в небе, и получили сообщение Томаса Орли.

Такката-Джим должен был бы поручить эту работу кому-то другому. Буйки на совести экипажа мостика. Но Хикахи и Тшут нет, а с ними оттуда ушло большинство специалистов. Может, Кта-Джон действительно единственный офицер, который может позволить себе заняться этой работой.

Хорошо,
Рослый всадник волн,

Теперь торопись назад,
К тем, кто тебя ждет.

Кта-Джон кивнул. Сложил манипуляторы. Не сказав ни слова, выпустил небольшое облако пузырей и нырнул к освещенному люку «Стремительного».

Крайдайки смотрел вслед гиганту.

Внешне Кта-Джон реагировал на тяжелое положение «Стремительного» более гибко, чем остальные. Он словно наслаждался умелым отходом с боем от Морграна и управлял своей батареей с боевым энтузиазмом. Очень хороший сержант.

«Но почему же у меня волосы встают дыбом, когда я оказываюсь рядом с ним? Он из любимцев Метца?

Я должен настоять на том, чтобы доктор Метц перестал скрытничать и показал мне свои записи. Если понадобится, я вскрою его сейф — к дьяволу протокол!»

Кта-Джон стал постоянным спутником лейтенанта Такката-Джима. Вместе с Метцем они втроем были главными противниками плана Тома Орли. И по-прежнему виделся какой-то в этом подвох. Такката-Джим стал еще молчаливее

и мрачнее.

Помощник капитана вызывает серьезные опасения. Крайдайки сочувствовал лейтенанту. Не его вина, что полет оказался таким тяжелым. Но жалость не помешает Крайдайки поставить Хикахи на место Такката-Джима, как только та вернется.

Такката-Джим, вероятно, понимает это, он знает и о том, что капитан должен представить подробный рапорт о каждом офицере в Центр возвышения. Особое право Такката-Джима на потомство может оказаться под угрозой.

Крайдайки мог представить себе, что испытывает помощник капитана. Иногда и он с негодованием воспринимает агрессию возвышения, и ему хочется крикнуть на праймале: «Кто дал вам право?» И сладкий гипноз «сна китов» постоянно зовет вернуться в объятия старых богов.

Но этот момент всегда проходит, и он вспоминает, что для него нет ничего более желанного во вселенной, чем командовать космическим кораблем, собирать записи песен космоса и исследовать межзвездные течения.

Мимо проплыла стайка местных рыб с яркой металлической чешуей. Похожи на кефаль.

Крайдайки испытал неожиданное желание

пуститься в погоню, позвать уставший экипаж на охоту.

Он позавидовал своим флегматичным инженерам и техникам, которые продолжали работать, просто отгоняя рыб, заставляя их панически устремляться к поверхности.

Хорошо бы финам проглотить нечаянно немного металла. Может, это повлияло бы на моральный дух экипажа?

Все кольца весны,

А потом тайный вечер,

Бегущие волны, Луна...

Хайку сожаления.

Играть и охотиться не приходится, пока они сами являются добычей.

Звонок на доспехах известил, что запаса воздуха у него только на тридцать минут. Крайдайки встряхнулся. Если еще глубже погрузиться в размышления, может подобраться Нукапай. Химерическая богиня будет издеваться над ним. Ее нежный голос напомнит о том, что рядом нет Хикахи.

Поблизости плясали наблюдательные буи, привязанные снизу к водорослям. Крайдайки подплыл ближе к бело-красному овоиду, над

которым работал Кта-Джон, и заметил, что плита доступа в корпус сдвинута.

Крайдайки послал узкий звуковой луч — странные очертания буя и необычные провода вызвали смутное беспокойство.

Зазвенел приемник сонара. Послышался искаженный голос через усилитель нервных импульсов.

— Капитан, это Такката-Джим. Мы закончили проверку пускателей и генераторов стасиса. Параметры доведены до указанных вами. И еще Свесси сообщает, что... что «Троянский морской конек» успешно движется. Хикахи прибыла на место и шлет привет.

— Хорошо, — ответил Крайдайки через усилитель. — От Орли есть что-нибудь?

— Нет, сэр. И уже поздно. Вы уверены, что хотите продолжать претворение его плана? Что, если он не сможет отправить нам известие с помощью пси-бомбы?

— Мы уже все обсуждали.

— И по-прежнему намерены передвинуть корабль? Я считаю, что нужно еще раз обговорить это.

Крайдайки почувствовал приступ раздражения.

— Не будем дискутировать по открытому каналу, второй в стае. К тому же решение принято. Я скоро вернусь. Проверьте, нет ли упущений. Мы должны быть готовы, когда позвонит Том!

— Есть, сэр. — В голосе Такката-Джима совсем не слышалось вины.

Крайдайки уже сбился со счета, сколько раз его расспрашивали о плане. Если они не верят ему, потому что он всего лишь «дельфин», пусть вспомнят, что идея исходит от Томаса Орли! К тому же он, Крайдайки, капитан! И должен сберечь их жизни и честь.

Когда он служил на исследовательском корабле «Джеймс Кук», никогда не видел, чтобы капитана Альвареса, человека, так расспрашивали.

Он бил хвостом по воде, чтобы немного успокоиться. Начал считать, пока не достиг умиротворения кининка.

«Пусть, — подумал он. — Большинство членов экипажа не сомневается, а остальные подчинятся приказам. Для экспериментального экипажа в таком невероятном напряжении и это сойдет».

«Где есть разум, всегда есть и решение», — учит кининк. Все вопросы содержат в себе элементы ответа.

Он приказал манипулятору схватить панель

буйка.

Если буй в порядке, он сможет поблагодарить Такката-Джима. Должен же существовать ключик к этому лейтенанту, можно вернуть его в экипаж, разорвать его мрачное одиночество. «Где есть разум...»

Требуется несколько минут, чтобы установить, в порядке ли буй. Крайдайки через нервное гнездо подсоединился к компьютеру буя. Приказал машине доложить о своем состоянии.

Перед ним мелькнула ослепительная дуга электрического разряда. Крайдайки закричал: моторы его доспехов перегорели, кожу вокруг нервного гнезда обожгло.

«Нацеленный удар, — смутно осознал Крайдайки. — Но как...»

Все замедлилось. Ток уничтожал защитные диоды его нервного усилителя. Сгорела изоляция.

Парализованному Крайдайки словно почудился пульсирующий, насмешливый голос:

Где есть разум... разум
там есть и обман
Обман

Изогнувшись от боли, Крайдайки закричал на праймале, первый раз за всю свою взрослую

жизнь. Потом вверх брюхом погрузился в темноту чернее ночи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЛЕВИАФАН

Отец служил на Эддистоунском маяке
И как-то переспал с русалкой,
От этого союза родилось нас трое:
Дельфин, морской карась и я.
О, что за жизнь в волнующемся море.

Старинная песня

35. ДЖИЛЛИАН

Подобно большинству видов, развившихся от хищных предков, танду были трудными клиентами. Они сохранили каннибальские наклонности, и нападения на патронов, Нгхт6, в ранние периоды возвышения были нередки.

В отличие от других разумных форм жизни у танду очень слабо развита способность сопереживания. Они принадлежат к псевдорелигиозной группировке, основной догмат которой — постепенное уничтожение видов, которые считают-

ся «недостойными». Соблюдая законы галактических Институтов, танду в то же время не делают тайны из своего желания видеть вселенную гораздо менее населенной или стремления приблизить день, когда все законы сменит «новый порядок».

Согласно последователям религии «наследия» это произойдет, когда прародители вернутся в пять галактик. Танду считают, что они окажутся среди избранных и, когда наступит этот день, будут уничтожать недостойных.

Ожидая своего часа, танду непрерывно вступают в стычки и сражения чести. Они участвуют во всех войнах, провозглашенных галактическими Институтами, независимо от их целей, и часто обвиняются в превышении сил. Им приписывают «случайное уничтожение» по крайней мере трех космических видов.

Хотя танду не сопереживают своим патронам, они считаются мастерами в искусстве возвышения. На своей планете они приручили предразумные виды, чтобы использовать их в качестве охот-

ничьих животных. После освобождения от службы по договору танду приобрели два вида самых сильных пси-существ среди нового поколения клиентов. Проводится долговременное расследование по обвинению танду в незаконном генетическом преобразовании этих видов (каталожные номера ЭПИСИАРХ-cl-82f49; АКЦЕПТОР-cl-82f-50) и превращении их в инструмент охоты...

«Ничего не скажешь, славные парни эти танду», — подумала Джиллиан.

Она положила плоскую читательскую таблицу рядом с деревом, возле которого сидела. Этим утром она разрешила себе часок почитать. Этот час почти закончился. Она прочла еще примерно две тысячи слов.

Справка о танду передана со «Стремительного» по кабелю накануне вечером. По-видимому, Нисс уже наладил контакт с мини-Библиотекой, которую Том обнаружил на разбившемся теннанинском корабле. Слишком четко все изложено и непосредственно относится к ситуации; вряд ли такое сообщение могла дать в переводе на английский жалкая микроветвь самого «Стре-

мительного».

Конечно, Джиллиан и так кое-что знала о танду. Все агенты Совета знают об этих скрытных и жестоких врагах человечества.

Отчет только усиливает ее ощущение, что вселенная изначально устроена неправильно, если в ней живут такие чудовища. Джиллиан однажды целое лето читала космические романы доконтактного периода. Какой открытой и дружественной казалась в те дни вымышленная вселенная! Даже некоторые «пессимистические» измышления были далеки от реальной опасности.

Рисуя в воображении драматические картины «знакомства» с танду, она решила носить кортик, чтобы прибегнуть к последней древнейшей самозащите, если эти чудовищные существа захватят ее.

Густой органический запах перегноя перебивал металлический привкус, который преобладал возле воды. Воздух был чист после вчерашней бури. Мягкие китрупские пассаты раскачивали зеленые кроны.

«Том, должно быть, уже нашел свой остров, — подумала Джиллиан, — и начал подготовку к эксперименту.

Если он жив».

Сегодня утром она впервые в этом усомнилась. Она была убеждена, что сразу узнает, если он погибнет, когда бы и где это ни произошло. Но сейчас она уже изверилась. Мозг ее затуманен, и ясно ей только одно — вчера вечером произошло что-то ужасное.

Вначале, сразу после захода, ее охватило предчувствие, что с Томом что-то происходит. Она не могла точно передать это ощущение, но оно тревожило ее.

Позже она увидела сны.

Лица, лица галактов, обтянутые кожей, покрытые перьями и чешуей, с клыками и клешнями. Они выли и рычали, но она, несмотря на свою подготовку, не смогла разобрать ни слова, ни единого чувственного иероглифа. Кое-кого из своего сна она узнала: двое хаппишских астронавтов, погибающих в своем разорванном корабле; йофур, прижимающий окровавленный обрубок руки; синтианин, слушающий песню китов; а она при этом прячется за холодной, как вакуум, каменной глыбой.

Во сне Джиллиан не могла их прогнать.

Она проснулась неожиданно, среди ночи, напряженная, как тетива лука. Тяжело дыша в

темноте, ощутила, как родственное сознание уходит за пределы восприятия. Несмотря на расстояние, Джиллиан уловила странную смесь в этом легком пси-прикосновении. Слишком человеческое, чтобы это был только фин, слишком китообразное, чтобы быть только человеческим.

И тут же оно прекратилось. Психическое нападение кончилось.

Джиллиан не знала, что об этом подумать. Какая польза в пси, если при этом получаются сообщения, которые невозможно расшифровать? Ее генетически обостренная интуиция, казалось, теперь подводит. Она бесполезна, если не хуже.

Час истекал, осталось совсем немного. Джиллиан провела это время, закрыв глаза, прислушиваясь к звукам прибоя, который ведет свой бесконечный бой с западным берегом. Ветки дерева качались и шумели на ветру.

Сквозь этот шелест Джиллиан слышала щебетанье предразумных аборигенов — кикви. Время от времени она различала голос Дэнни Судман, которая говорила с машиной, переводившей ее речь на слова высокочастотного языка кикви.

Хотя она работает по двенадцать часов в день, помогая Дэнни в общении с кикви, Джиллиан чувствовала себя виноватой за свой отдых. Она

говорила себе, что эти маленькие туземцы исключительно важны.

Но сон преследовал ее все утро, особенно одно лицо. И лишь полчаса назад она поняла, что так она представляла себе живого Херби.

Во сне, перед тем как она ощутила приближение катастрофы, это длинное, отдаленно напоминающее гуманоидное лицо древнего улыбнулось ей и медленно подмигнуло.

— Джиллиан! Доктор Баскин! Пора!

Джиллиан открыла глаза. Подняла руку и взглянула на часы. Они идут как будто по команде Тошио. Она вспомнила, что гардемарину можно верить на слово. Скажи ему поднять тебя через час, и он сделает это с точностью до секунды. В начале пути она пыталась отучить его от обыкновения называть ее «сэр» — или более анахронично «мэм», и ей это удалось: теперь он так говорит не через слово, а в каждой третьей фразе.

— Иду, Тошио! Минутку! — Она встала и потянулась. Отдых оказался полезен. Только он привел ее сознание в порядок.

Она надеялась здесь быстро закончить и через три дня оказаться на «Стремительном», как раз к тому времени, когда Крайдайки собирался пере-

местить корабль. Но до этого они с Дэнни должны выяснить все потребности кикви для того, чтобы знать, как лучше перевезти небольшую группу этих существ в Центр возвышения на Земле. Если «Стремительный» вырвется и человечество первым представит заявку на клиентов, это спасет кикви от гораздо худшей судьбы.

Проходя меж деревьев, Джиллиан увидела на севере между ними океан.

«Почувствую ли я здесь, когда Том позовет? Нисс говорит, что этот сигнал будет слышно на планете повсюду».

«И все ити, конечно, его услышат».

Она тщательно сдерживала свою пси-способность, как настаивал Том. Но вслух она старомодно помолилась и послала свои слова на север.

— Конечно, это понравится доктору Дарту, — сказал Тошио. — Эти сенсоры — как раз то, что ему нужно. Но робот по-прежнему действует.

Джиллиан посмотрела на маленький экран связи с роботом. Она не специалист по робототехнике или планетологии. Но в принципах разбирается.

— Я думаю, ты прав, Тошио. Рентгеновский спектрометр действует. Лазерный резак и магнитометр тоже. А передвигаться робот может?

— Как маленький скальный омар. Он не может только вернуться. Баки, обеспечивающие плавучесть, разбиты упавшим куском коралла.

— А где робот сейчас?

— На выступе, на глубине девяносто метров. — Тошио нажал кнопки на маленькой панели управления, и на экране появилось схематическое изображение. — Он дал мне сонарную карту глубин. Я не стал опускать его ниже, пока не поговорю с доктором Дартом. Мы можем только спускаться с выступа на выступ. Покинув это место, робот сюда уже не вернется.

На изображении видно было заостренное к концу цилиндрическое углубление, уходящее в силикатную, богатую металлами тонкую кору Китрупа. Стены углубления усеяны выступами и карнизами; на одном из них сейчас находится поврежденный зонд.

Ствол чуть наклонно спускается в большую пещеру. Это корень того самого дерева-сверла, которое Тошио и Дэнни взорвали несколько дней назад. Верхний конец опирается на выступ собственного подводного углубления. Ствол уходит далеко вниз, на территорию, не отраженную на схеме.

— Я думаю, ты прав, Тошио. — Джиллиан улыб-

нулась и сжала плечо юноши. — Чарли будет рад. Может, отвяжется от Крайдайки. Хочешь передать ему новость?

Тошио явно обрадовался словам Джиллиан, но ее предложение застало его врасплох.

— Гм, нет, спасибо, сэр. Ну, я могу просто вставить сообщение в ваш ежедневный отчет на корабль. Я думаю, у доктора Дарта появятся вопросы, на которые я не готов ответить...

Джиллиан не могла винить Тошио. Сообщать доктору Дарту хорошую новость не лучше, чем плохую. Но рано или поздно Тошио придется научиться разговаривать с планетологом. И лучше бы ему научиться этому пораньше.

— Прости, Тошио. Но доктор Дарт полностью твой. Не забывай, что через несколько дней я уеду. И тебе придется... да, удовлетворять Чарли, когда он попросит тебя работать тридцать часов в сутки.

Тошио серьезно кивнул, выслушивая ее совет. Она поймала его взгляд и улыбнулась; в ответ он тоже улыбнулся и покраснел.

36. АККИ

Торопясь попасть на мостик до пересменки, Акки двинулся кратчайшим путем через внешний шлюз. Он проплыл уже половину обширного помещения, когда заметил нечто необычное.

Он перевернулся через голову, чтобы остановиться. Легкие-жабры напрягались, и он обозвал себя идиотом: торопится и вертится, когда кислорода едва хватает!

Акки осмотрелся. Шлюз пустовал, как и следовало.

Капитанская гичка потеряна в Мелком скоплении. Тяжелые сани с многочисленным оборудованием у разбитого теннанинского корабля, а скиф только вчера увела лейтенант Хикахи.

Вокруг баркаса, последнего вспомогательного корабля, оставшегося на «Стремительном», оживление. Несколько дельфинов с помощью механических «пауков» грузят ящики в маленький космический корабль. Акки забыл о своем стремлении быстрее попасть на дежурство и неторопливо поплыл к баркасу.

Он оказался за дельфином с «пауком». «Паук» в своих механических руках нес большой ящик.

— Эй, Сап-пен, что здесь происходит? — Акки старался говорить короткими и простыми фразами. Он теперь лучше говорит на англике в оксиводе, но если калафианец не будет говорить правильно, что подумают другие?

Дельфин посмотрел на него.

— О, добрый день, мистер Акки. Мы получили новый приказ. И готовим баркас к самостоятельному космическому полету. Кроме того, мы должны также погрузить эти ящики.

— А что в них... в этих ящиках?

— Записи доктора Метца, кажетссся, — третий манипулятор «паука» указал на груду ящиков в водонепроницаемой упаковке. — Только подумать, что все наши бабушки и дедушки, все внуки перечислены на магнитных катушках. Чувствуете преемственность, а?

Сап-пен из южноатлантического сообщества, там причудливая речь в цене. Акки часто размышлял, что это... эксцентричность — или просто глупость.

— Мне казалось, вы доставляете припасы к теннанинскому кораблю, — сказал он. Сап-пен обычно получал задания, не требующие большой сообразительности.

— Я там был, мистер Акки. Но эти перевозки

заканчиваются. Работы там прекращаются, разве вы не слышали? Будем плавать кругами, пока не выяснится самочувствие капитана.

— Что? — Акки подавился. — Капитана?

— Он был ранен во время наружного осмотра корабля. Говорят, электрический удар. Хорошо хоть нашли его вовремя: вот-вот отказал бы дыхатель. И все это время он был без сознания. Сейчас командует Такката-Джим.

Акки был шокирован настолько, что не заметил, что Сап-пен неожиданно заторопился, принялся за работу, а рядом появилась большая темная фигура.

— Я могу вам помочь, мистер Акки? — Голос большого дельфина звучал почти неприкрыто саркастично.

— Кта-Джон. — Акки пришел в себя. — Что случилось с капитаном?

Что-то в этом боцмане приводило Акки в ужас. А Кта-Джон даже и не пытался изображать почтительность перед Акки, несмотря на его звание. Он быстро произнес на тринари:

Я скажу вам,
Как узнать больше —
Спросите своего предводителя

И, сделав дерзкий жест механической рукой своих доспехов, Кта-Джон развернулся и направился к рабочим. Волна от его движения отбросила Акки метра на два. Акки понимал, что звать боцмана назад не стоит. Что-то в тринари Кта-Джона подсказывало ему, что это бесполезно, более того, для него это было предупреждением, и он поплыл к лифту, чтобы подняться на мостик.

Вдруг ему стало ясно, что на борту отсутствуют почти все лучшие фины. Тшут, Хикахи, Каркаэтт, С'тат и Лаки Ка — все у теннанинского корабля. И самым старшим из младших офицеров остался Кта-Джон!

Отсутствует и Кипиру. Акки не верил слухам о нем. Он всегда считал Кипиру самым храбрым и быстрым дельфином в экипаже. Хорошо бы, чтобы Кипиру с Тошио были здесь. Они бы помогли ему узнать, что происходит.

Возне лифта Акки столкнулся с группой из четырех турсиоп, которые теснились в углу и ничего не делали. Все были мрачны и лежали в ленивых позах.

— Сус'та, что здесь происходит? — спросил Акки. — Разве у вас нет работы?

Дельфин махнул хвостом — подобно пожатию

плечами у человека.

— А в чем дело, мистер Акки?

— Дело в том... мы должны выполнять свой долг! Что с вами?

— Капитан... — начал один из них.

Акки прервал его.

— Капитан первым приказал бы вам продолжать работу! — Он перешел на тринари.

Смотрите на дальний
Горизонт —
На Землю!
Мы все там понадобимся...

Сус'та мигнул и постарался принять подобающую позу. Остальные последовали его примеру.

— Да, сссэр, мистер Акки. Мы постараемся.

Акки кивнул.

— Очень хорошо. Сохраняйте дух кининка.

Он вплыл в лифт и набрал код мостика. Дельфины начали расплываться по своим рабочим местам. Двери лифта закрылись.

Ифни! Нелегко пришлось, а ведь всего-то и хотел — получить у них информацию. Пришлось сделать вид, что знает больше, чем они!

Укус черепахи! Неисправные моторы! Тяжело ли ранен капитан? Что делать, если Крайдайки

не будет с ними?

Надо держаться как можно незаметнее... пока не прояснится, что происходит. Он понимал, что будучи гардемарином находится в самом трудном положении: у него обязанности офицера, но нет его прав и защиты.

И именно гардемарин узнает последним о том, что происходит!

37. СВЕССИ

Из корпуса почти все удалили, укрепили изнутри распорками. Вскоре можно будет поместить туда нужный груз и улететь.

Ханнес Свесси не мог дождаться. Хватит с него подводных работ! И если говорить правду, то и дельфинов тоже.

Боже мой, какие истории он сможет порассказать дома. Как он руководил работами под океанами смога на Титане. Проводил кометы через Суповую туманность. Даже работал с этими сумасшедшими америндийцами и израэлитами, которые пытались терраформировать Венеру. Но ни одна работа, в отличие от этой, не учила его законам наоборот.

Почти все материалы, с которыми они рабо-

тают, созданы чужаками, у них необычайная ковкость и еще более необычная квантовая проводимость. Ему приходилось проверять псионическое сопротивление почти каждого стыка, и все равно их замаскированное чудо будет пропускать телекинетический стасис и его после взлета уловят по всему небу!

Фины! Они выводят его из себя. Безупречно выполняют самые тонкие операции, а потом плавают кругами, кричат вздор на праймале, получив какое-нибудь необычное сонарное отражение от открытого люка.

И каждый раз, закончив работу, они зовут старину Свесси. Проверь нашу работу, Ханнес, просят они. Убедись, что мы все сделали правильно.

Они так стараются. И все равно чувствуют себя неотработавшими клиентами патронов, которые сами похожи на детей, никем не возвышены и живут в невероятно враждебной вселенной. Тем более, что все это правда.

Свесси признавал, что ворчит зря, просто хочется поворчать. Экипаж проделал огромную работу, а ведь только это имеет значение. Он гордится каждым из них.

И вообще с прибытием Хикахи дела пошли гораздо лучше. Она подавала остальным пример,

посмеивалась, цитировала притчи кининка и помогала финам сосредоточиться.

Свесси оперся на локоть. Его узкая койка всего лишь в метре под потолком. В нескольких дюймах от плеча горизонтальный вход в его спальное помещение.

«Я достаточно отдохнул», — подумал он, хотя в глаза как будто насыпан песок, а руки все еще болят. Бессмысленно пытаться заснуть. Теперь он будет только смотреть на свои веки.

Свесси раскрыл узкий люк. Заслонил глаза от верхнего света, сел, опустив ноги. Плеснула вода.

Ух! Вода. За метр до потолка скиф заполнен водой.

Тело его кажется бледным в резком свете. «Когда же по графику мне заступать?» — подумал Свесси и с закрытыми глазами скользнул в воду. Перевернулся через голову и закрыл за собой дверь.

Естественно, пришлось подождать, пока из помещения выкачают воду и он сможет воспользоваться удобствами.

Чуть позднее он добрался до контрольной рубки маленького корабля. Здесь были Хикахи и Тшут, они возились у коммуникатора. Спорили на быстром англике, и Свесси не понимал, о чем.

— Эй! — позвал он. — Если не хотите меня видеть — отлично. Но если нужна моя помощь, лучше перейдите на тридцать три с третью оборота. Я не Том Орли и за вашим бормотанием уследить не могу!

Два офицера-дельфина подняли головы из воды. Свесси ухватился за ближайший поручень. Глаза Хикахи перефокусировались с подводного на надводное бинокулярное зрение.

— Особых проблем нет, Ханнес, но, по-видимому, мы утратили связь с кораблем.

— Со «Стремительным»? — Густые брови Свесси поднялись. — На него напали?

Тшут слегка покачала справа налево верхней частью тела.

— Не думаю. Я ждала связи. Должны были сообщить, что слышно от Орли и время перемещения корабля. Особого внимания не обращала, но услышала, как оператор просил подождать... и потом ничего.

— Когда это было?

— Несколько часов назад. Я ждала смены вахты, надеясь, что на корабле просто какое-то техническое повреждение, потом позвала Хикахи.

— С тех пор мы отслеживаем все частоты, — сказала старший офицер.

Свесси подплыл к установке. Конечно, надо все разобрать вручную и проверить самому. Но электроника загерметизирована от влаги.

«Если бы мы были в свободном падении и фины могли бы работать без воды!»

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — С вашего разрешения, Хикахи, я вас двоих выпровожу, возьму двух дельфинов из контрольной рубки и посмотрю, что тут стряслось. И не тревожьте финов в трюме.

Хикахи кивнула.

— Я пошлю проверить целость волокна.

— Хорошая мысль. И не беспокойтесь. Я уверен, что ничего серьезного не произошло. Наверно, работа гремлинов.

38. ЧАРЛЗ ДАРТ

— Боюсь, они спустили этот проклятый робот только на восемьдесят метров глубже. Этот мальчик Тошио может с ним работать всего лишь несколько часов, ему приходится помогать Дэнни и Джиллиан проводить наших новых клиентов через лабиринты, заставлять сбивать бананы палкой — или что еще они там делают. Говорю вам, я раздражен! На этом маленьком неисправ-

ном роботе не те инструменты, которые нужны для геологических работ. Можете себе представить, как он будет действовать на приличной глубине.

Голографическое изображение металлурга Брукиды, казалось, смотрит мимо Чарлза Дарта. Очевидно, ученый-дельфин смотрел на собственный дисплей. Оба его глаза были закрыты линзами, чтобы устранить астигматизм при чтении. Он повернулся и снова посмотрел на своего коллегу шимпа.

— Чарли, вы так уверенно говорите о том, чтобы послать этого робота глубже в кору Китрупа. Вы жалуетесь, что он опустился «только» на пятьсот метров. Вы понимаете, что это — полкилометра?

Чарли почесал свою волосатую челюсть.

— Да? И что с того? Ствол становится чуть поуже, но робота можно опустить гораздо глубже. Это удивительная минералогическая лаборатория! Я уже очень много узнал и о подповерхностной зоне!

Брукида вздохнул.

— Чарли, разве вам не интересно, почему пещера под островом Тошио уходит хотя бы даже на сто метров?

— Гм-м-м? О чем это вы?

— О том, что дерево-сверло, проделавшее это углубление, не может уходить так далеко только в поисках карбоновых и силикатных питательных веществ. Не может...

— Откуда вы знаете? Вы эколог? — Чарли испустил резкий смешок. — Правда, Брукида, на чем основано это ваше предположение? Иногда вы меня удивляете!

Брукида терпеливо ждал, пока шимпанзе кончит смеяться.

— Основано на хорошо известных фундаментальных законах природы и на принципе бритвы Оккама. Подумайте, каков объем извлеченного материала! Его бросили в воду? Приходило ли вам в голову, что вдоль границы плиты разбросаны десятки тысяч металлических островов, и у каждого свое дерево-сверло... и что в недавнее геологическое время должно было существовать много миллионов таких углублений?

Дарт начал хихикать, но потом остановился. Несколько мгновений смотрел на изображение своего китообразного коллеги и искренне рассмеялся. Постучал по столу.

— Туше! Ну хорошо, сэр! К нашему списку вопросов добавим еще один: «Зачем эти дыры?» К счастью, все последние месяцы я ухаживаю за

нашим экологом. Я оказывал ей бесчисленные услуги, и, кстати, она как раз на месте нашего исследования! Я попрошу Дэнни немедленно заняться этим! Будьте уверены, скоро я узнаю достаточно об этих деревьях-сверлах!

Брукида и не подумал отвечать. Он только слегка вздохнул.

— Короче, решено, — продолжал Чарли. — Вернемся к проблемам. Помогите мне убедить капитана, что я должен сам отправиться на остров и заменить этого малыша Тошио на настоящего глубинного робота.

Глаза Брукиды расширились. Он помолчал.

— К... капитан не пришел в сознание, — сказал он наконец. — Маканай провела уже две операции. Согласно последним бюллетеням, прогноз неутешительный.

Шимп долго смотрел на него.

— Ах, да, я забыл. — Он отвернулся от голоизображения. — Ну, тогда, может быть, Такката-Джим разрешит. Ведь баркас пока не используется. Я попрошу Метца поговорить с ним. А вы поможете?

Глаза Брукиды запали.

— Я изучу данные масс-спектрометра, — спокойно ответил он. — Позвоню вам, когда получу результаты. А теперь я должен закончить, Чарлз

Дарт.

Изображение исчезло. Чарли снова остался один.

«Что-то Брукида слишком резок, — подумал он. — Может, я его чем обидел?»

Чарли знал, что на него обижаются. Но ничего не мог поделать. Даже другие шимпанзе считали его неприятным и эгоцентричным. Поговаривали, что такие неошимпы, как он, порочат репутацию всей расы.

«Что ж, я старался, — подумал он. — А если очень хочешь, но видишь, что все твои попытки быть вежливым ни к чему, что ты постоянно забываешь имена окружающих, — что ж, может, пора и прекратить? Остальные тоже не всегда ко мне добры».

Чарлз Дарт пожал плечами. Какой смысл восстанавливать ускользающую популярность? Всегда есть его собственный мир скал и расплавленной коры, магмы и живых планет.

«Но все же я считал Брукиду своим другом...»

Он заставил себя не думать об этом.

«Надо позвонить Метцу. Он даст то, что мне нужно. Я им докажу, что эта планета настолько уникальна... что ее переименуют в мою честь! Есть прецеденты». Он усмехнулся, ущипнув себя

за ухо одной рукой, другой набрал код.

Ожидая, пока компьютер отыщет Игнасио Метца, Дарт лениво подумал: «Все ждут сообщений от Тома Орли. Только об этом и говорят».

Потом он вспомнил, что сообщение Орли должно было прийти еще вчера, примерно тогда, когда был ранен Крайдайки.

«Ага! Ну, наверное, Тому удалось выполнить задуманное, но никто не потрудился сказать мне. А может, сказал, а я, как обычно, прослушал. Ну, я уверен, он все уладит с этими ити. Пора бы уже. Ужасно неудобно, когда тебя гоняют по всей галактике, заставляют заполнить корабль водой...»

На экране появился номер Метца.

Жаль Крайдайки. Для фина он всегда слишком серьезен и строг, не всегда разумен... но Чарли не мог радоваться этой потере. Напротив, в животе у него появлялось странное ощущение пустоты, когда он думал о другом капитане корабля.

«Ну и не думай об этом! Ни к чему хорошему беспокойство не приведет!»

— А, доктор Метц! Вы уходите? Не могли ли бы мы с вами поговорить? Сегодня чуть позже? Хорошо! Да, я попрошу у вас о маленьком, очень маленьком одолжении...

39. МАКАНАЙ

«Врач должен быть немного интеллектуалом, немного алхимиком, сыщиком и шаманом», — подумала Маканай.

Но в медицинской школе ей не говорили, что придется быть еще солдатом и полицейским.

Маканай с трудом сохраняла достоинство. На самом деле она была на грани неповиновения. Хвост ее взбивал воду, заливая стены лазарета потоками пены.

— Я не могу оперировать одна! Механические врачи тут не помогут. Мне нужно поговорить с Джиллиан Баскин!

Лениво приподняв один глаз над поверхностью, держа в механической руке коммуникатор, Такката-Джим посмотрел на Игнасио Метца. Лицо человека выражало терпение. Они ожидали такой реакции от хирурга корабля.

— Я уверен, вы недооцениваете свое мастерство, доктор, — сказал Такката-Джим.

— Значит, вы теперь хирург? И мне нужно ваше мнение? Дайте мне поговорить с Джиллиан!

Успокаивающе заговорил Метц:

— Доктор, лейтенант Такката-Джим только

что объяснил, что по военным причинам мы вынуждены на время прервать связь. Наши буи показывают, что в пределах ста километров от этого места, происходит пси-утечка. Ответственны либо те, кто работает с Хикахи и Свесси, либо те, что на острове. Пока мы не выясним, где происходит утечка...

— Вы действуете на основе информации буя? Неисправный буй чуть не уб... б... бил К... к... крайдайки!

Метц нахмурился. Он не привык к тому, чтобы его прерывали дельфины. Он заметил, что Маканай возбуждена. Слишком возбуждена, чтобы так говорить на англике. Дельфин в ее-то положении! Это, несомненно, стоит отметить в досье... и ее чрезмерно агрессивное поведение.

— Это другой буй, доктор Маканай. Помните, у нас три точки. К тому же мы не утверждаем, что эта течь действительно существует, но мы должны действовать так, будто она существует, пока не докажем обратного.

— Но связь не прекращена полностью! Я слышала, что шимпанзе по-прежнему получает данные от этого Ики — проклятого робота! Почему вы не разрешаете мне поговорить с доктором Баскин?

Метцу хотелось выругаться. Он ведь просил

Чарлза Дарта помалкивать. Будь проклята необходимость улещивать этого шимпа!

— Мы по очереди отклоняем любую возможность, — попытался успокоить Маканай Такката-Джим. В то же время он принял позу повеления, требуя на языке телодвижений покорности. — Как только мы убедимся, что молодой человек Ивашика, Судман и поэт Сахот не являются источниками утечки, мы свяжемся с доктором Баскин. Понимаете, пси-энергия может исходить от любого, поэтому мы должны проверить всех.

Метц слегка приподнял брови. Браво! При ближайшем рассмотрении объяснение, конечно, шито белыми нитками. Но в нем есть доля правды! Им нужно совсем немного времени. Пусть Маканай помолчит еще хотя бы два дня, этого довольно.

Такката-Джим, очевидно, почувствовал одобрение Метца. Приободрившись, он стал еще агрессивнее.

— Довольно, доктор! Мы хотим знать о состоянии капитана. Если он не сможет выполнять свои функции, должен быть выбран новый. У нас тяжелое положение, и мы не можем откладывать.

Если он хотел напугать Маканай, то добился противоположного результата. Маканай хлест-

нула хвостом. Подняла голову из воды. Устремила один сузившийся глаз на дельфина-самца и произнесла саркастически:

Я думала,
Вы забыли
О долге
Как приятно,
Что я ошиблась
В оценке вашего поведения
Вы ведь не требуете
Торопливо
Капитанских почестей?

Такката-Джим открыл рот, обнажив ряды белых зубов. Метцу на мгновение показалось, что он сейчас набросится на маленькую самку.

Но Маканай начала действовать первой, она выпрыгнула из воды и опустилась обратно с всплеском, залившим и Метца, и Такката-Джима. Человек, отплевываясь, подплыл к стенному поручню.

Маканай повернулась и исчезла за рядом темных аппаратов жизнеобеспечения. Такката-Джим плыл под водой, испуская сонарные щелчки, ища ее. Метц ухватил его за спинной

плавник, прежде чем тот смог погнаться за ней.

— А... хм! — Метц продолжал держаться за стену. — Нельзя ли справиться со своим дурным характером, фины? Доктор Маканай? Прошу вас вернуться. Достаточно того, что полвселенной стремится захватить нас. Мы не должны воевать друг с другом!

Такката-Джим посмотрел на него и понял, что доктор Метц говорит искренне. Лейтенант продолжал тяжело дышать.

— Пожалуйста, Маканай, — снова позвал Метц. — Давайте поговорим, как цивилизованные разумные.

Они ждали. Вскоре между двумя автодокторами появилась голова Маканай. Теперь она выглядела не вызывающе, скорее, устало. Врачебные доспехи издавали негромкие звуки. Изящные инструменты дрожали, словно их держит неуверенная рука.

Только ее дыхало поднялось над поверхностью.

— Прошу прощения, — сказала она. — Уверена, что Такката-Джим не станет присваивать себе полномочия капитана без одобрения совета корабля.

— Конечно, нет! Это не военный корабль. Обя-

занности командира на борту исследовательского корабля в основном административные, и иерархия подчиненности должна быть утверждена на совете корабля при первой же возможности. Такката-Джим полностью отдает себе в этом отчет. Я прав, лейтенант?

— Да.

— Но до того мы должны подчиняться Такката-Джиму, иначе на корабле наступит хаос. И на «Стремительном» должна соблюдаться иерархия. Пока мы не удостоверимся, что капитан Крайдайки больше не сможет выполнять свои функции.

Маканай закрыла глаза, она тяжело дышала.

— Крайдайки, вероятно, не придет в себя без дальнейшего хирургического вмешательства. Да и то сомнительно.

— Шок распространился от гнезда нервной связи на мозг. Большая часть повреждений в новых зонах коры... там, где серое вещество турсиоп подверглось наиболее значительным изменениям при возвышении. Повреждены отделы, контролирующие зрение и речь. Сожжено соединение полушарий — corpus callosum...

Маканай открыла глаза, но как будто не смотрела на них.

Метц кивнул.

— Спасибо, доктор, — сказал он. — Вы сказали все, что нам нужно было знать. Простите, что отняли у вас много времени. Я убежден, что вы делаете все необходимое.

Она не ответила, а человек натянул маску и нырнул в оксиводу. Сделал знак Такката-Джиму и повернулся.

Самец-дельфин еще пощелкал Маканай, но та не ответила, и он последовал за Метцем к выходу.

Когда они исчезли в шлюзе, по телу Маканай пробежала дрожь. Она подняла голову и произнесла им вслед:

— Не забудьте, что я член совета корабля! А также Хикахи, Джиллиан и Томас Орли! — Дверь как раз закрывалась, и Маканай не знала, услышали ли ее.

Со вздохом она погрузилась в воду.

«И Том Орли, — подумала она. — Не забудьте о нем, вы, скользкие ублюдки! Он вам не даст уйти с этим!»

Маканай покачала головой, зная, что мыслит иррационально. Для подозрений нет оснований. И даже если они справедливы, Томас Орли не может протянуть руку за две тысячи километров и спасти положение. Говорят, он уже погиб.

Метц и Такката-Джим привели ее в смятение. Она чувствовала в глубине души, что ей сообщили искусную смесь правды, полуправды и откровенной лжи, и она не может отличить одно от другого.

«Они считают, что могут одурачить меня, потому что я самка и к тому же стара, на два поколения старше всех по возвышению, кроме Брукиды. Но могу догадаться, почему они ублажают единственного члена совета, шимпанзе. Хотят, чтобы на их стороне было большинство. Неудивительно, что не торопятся вернуть Хикахи и Джиллиан!»

«Может, следовало солгать им... сказать, что Крайдайки может в любую минуту прийти в себя?»

«Но кто может знать, на какие отчаянные поступки они решатся? На что пойдут? Был ли случай с буем действительно несчастным случаем? Они могут лгать, оправдывая незнание — или заговор. Могу ли я защитить Крайдайки со своими двумя помощницами?»

Маканай негромко застонала. Такие происшествия — не ее стихия. Она иногда жалела о прежних днях. Тогда дельфиний врач только поднимал раненого над поверхностью воды, чтобы

он не утонул, и ждал, пока тот либо придет в себя, либо у него разорвется сердце...

Она повернулась к палате интенсивной терапии. Палата была затемнена, слабо светилось тело большого неодельфина в защищенном антигравитационном танке. Маканай проверила показания приборов и убедилась, что они стабильны.

Крайдайки мигнул невидящими глазами, и короткая дрожь пробежала по его телу.

Маканай вздохнула и отвернулась. Поплыла к ближайшему коммуникатору и задумалась.

Метц и Такката-Джим еще не успели вернуться на мостик, решила она. Набрала код и включила прибор. Почти тут же на экране появилось изображение молодого дельфина.

— Отдел коммуникации. Чем могу быть полезен?

— Акки? Да, дитя, это доктор Маканай. У тебя есть планы на ленч? Знаешь, у меня, кажется, еще остался консервированный осьминог. Ты ссвободен? Отлично! Тогда вскоре увидимся. Да, и держи наше ссвидание в тайне. Ладно? Хороший мальчик!

У нее начал созревать план.

40. КРАЙДАЙКИ

В спокойной серости антигравитационного танка слабый стонущий крик.

В отчаянии он плывет
Его швыряют ветры бури, а он кричит:
Тону! Тону!

41. ТОМ ОРЛИ

Гора с дурным характером ворчала в середине покрытого пеной и водорослями моря.

Недавно прошел дождь. Вулкан громыхал и кашлял пламенем в низкие нависающие облака, окрашивая их снизу в оранжевый цвет. В небо поднимались столбы пепла и падали не в чистую морскую воду, а на ковер из тусклых водорослей, уходящий, казалось, в бесконечность.

Томас Орли закашлялся во влажном, грязном от сажи воздухе. Он заполз на небольшой холм из скользких перепутанных водорослей. Грубые сани своим весом тащили книзу его привязанную левую руку. Правой он держался за толстый

стебель у вершины холма.

Он полз, а ноги продолжали проскальзывать. Даже когда он умудрялся укрепить их между ветвями, они погружались в болото внизу. И когда он вытаскивал ноги, трясина уступала неохотно, издавая ужасный всасывающий звук.

Иногда из топи выскакивали какие-то существа, скользили по ногам и снова падали в зловонный рассол.

Привязь врезалась в левую руку, а он продолжал тащить сани — жалкий остаток солнечного самолета и припасов. Чудо, что он спас даже это немногое при крушении.

Вулкан освещал равнину водорослей вспышками цвета охры. Радужные частицы металлической пыли покрывали растительность. Вторая половина дня, почти китрупские сутки, как он повернул свой глайдер к острову в поисках места для посадки.

Том поднял голову и взглянул на водорослевую равнину. Все его планы рухнули из-за этих жестких, похожих на веревки водорослей.

Он надеялся найти убежище на острове, на подветренной от вулкана стороне, или, если не получится, сесть на воду и превратить глайдер в широкий и надежный мореходный плот, на

котором и провести свой эксперимент.

«Мне следовало учесть и такой поворот». Крушение, лихорадочные минуты, когда он нырял за оборудованием, сооружал грубые сани, а над головой ревела буря, и эти часы, когда он полз среди зловонных водорослей к единственному прочному островку в растительности, — всего этого нужно было избежать.

Он попытался подтянуться, но дрожь в правой руке грозила перейти в судороги. Он сильно вывихнул правую руку при крушении, когда оторвались крылья самолета и понтоны, а фюзеляж прыгал по болоту, пока не упал в открытый бассейн.

Рана с левой стороны лица чуть не вызвала потерю сознания в первые критические минуты. Она тянулась от челюсти почти до нейрогнезда над левым ухом. Пластиковое покрытие, обычно закрывающее нежное соединение нервов, сорвано и безнадежно потеряно.

Инфекция — сейчас наименьшая из опасностей.

Рука дрожала все сильнее. Том старался успокоить дрожь, лежа вниз лицом на пахучих упругих водорослях. Правая щека и лоб касались грязи.

Ему нужно быть энергичным. Некогда зани-

маться самогипнозом, приводить тело в рабочее состояние. Силой воли он приказал своим мышцам напрячься для последнего рывка. Он мало что может сделать с тем, что обрушила на него вселенная, но — черт побери! — после тридцати часов борьбы, в нескольких метрах от цели он не позволит собственному телу его подвести!

Еще один приступ кашля разорвал пересохшее горло. Тело дрожало, приступ заставил ослабить хватку на стволе водоросли. Когда он подумал, что легкие не выдержат, приступ прошел. Том лежал в грязи, обессиленный, с закрытыми глазами.

Считаешь радости движения?
Первое из преимуществ:
Отсутствие скуки

У него не хватает дыхания, чтобы просвистеть эту хайку на тринари; он насвистывал ее про себя и даже слегка улыбнулся испачканными губами.

Каким-то образом ему удалось найти силы для нового движения. Он сжал зубы и подтянулся. Правая рука чуть не подломилась, но выдержала, и он наконец поднял голову над небольшим холмом.

Том, мигая, очистил глаза от пепла и осмот-

релся. Водоросли. Всюду, насколько хватает глаз, водоросли. Из вершины небольшого холма торчит прочная петля. Том подтащил сани и привязал их к этому стеблю.

Кровь прилила в онемевшую левую руку, у Тома перехватило дыхание от боли и он упал.

Вернулись судороги, тело его скорчилось. Он хотел бы вырвать тысячи клыков, рвущих его ноги и руки, но руки превратились в неподвижные клешни. И Том лежал согнувшись.

Но независимо от боли, часть мозга оставалась мыслящей. Она по-прежнему строила планы, рассуждала, рассчитывала время. В конце концов он появился здесь с определенной целью. И не стоило проходить через все... Если бы только он мог вспомнить, зачем он здесь, почему лежит, измученный, в пыли и грязи.

Спокойствие, которого он искал, не приходило. Том чувствовал, что теряет сознание.

И тут, с закрытыми от боли глазами, он увиден лицо Джиллиан.

На ветру за ней колышется листва. Серые глаза смотрят в его сторону, словно она что-то ищет. Они смотрят мимо него... Он задрожал, не в силах шевельнуться. И вот наконец она встретилась с ним взглядом и улыбнулась!

Ноющая боль грозила заглушить сон-слова:

Я шлю... добро...

хоть ты... скептичен, любовь моя.

...все могут... слышать.

Он старался сосредоточиться на сообщении — скорее на галлюцинации. Но ему все равно, что это. Это якорь. Он цеплялся за него, пока судороги превращали сухожилия в гудящие тетивы.

В ее улыбке сострадание.

Что за дело!.. Любовь

...и беззаботный! Я

...не лучше?

Мета-Орли не одобрил послание. Если это действительно послание от Джиллиан, она очень рискует.

«Я тоже люблю тебя, — послал он. — Но замолчи, иначе все ити тебя услышат».

Пси-послание — или галлюцинация — дрогнуло от охватившего Тома приступа кашля. Он кашлял, пока легкие не превратились, судя по ощущениям, в сухую шелуху. И наконец со вздохом лег.

Мета-Том отказался от своей гордости.

Да!

Он погрузился лицом в грязь, зовя ее исчезающий образ.

Да, любимая! Вернись,

Чтоб мне стало лучше...

Лицо Джиллиан, казалось, растекается во всех направлениях, как пучок лунных лучей, присоединяется к блеску металлической пыли в небе. Настоящее послание или галлюцинация, порожденная бредом, — изображение рассеялось, как дым.

Но Тому показалось, что он слышит затихающий голос Джиллиан:

...есть... есть

исцеление придет во сне...

Он слушал, не сознавая, сколько времени прошло, и судороги медленно прекращались.

Вулкан гремел и освещал небо. «Земля» под Томом мягко разворачивалась, укачивала, навевала сон.

42. ТОШИО

— Нет, доктор Дарт. Относительно этих включений я не уверен. Были очень сильные помехи,

когда я принимал данные. Если хотите, я прямо сейчас проверю вторично.

Веки Тошио отяжелели от скуки. Он уже забыл, сколько времени нажимает кнопки и считывает данные по приказу Чарлза Дарта. Планетолога-шимпа ничто не удовлетворяет! Как бы хорошо и быстро Тошио ни отвечал, все равно недостаточно.

— Нет, нет, у нас нет времени, — ворчливо ответил Чарли с голоэкрана на краю ствола дерева-сверла. — Попробуйте сделать сами, когда мы закончим.

— Это хороший побочный проект для вас, Тошио. Некоторые из этих камней действительно уникальны. Если вы тщательно проделаете минералогическое обследование ствола, я с радостью помогу вам оформить результаты. Представьте себе, какое перо в вашей шляпе! Большая статья не помешает вашей карьере.

Тошио хорошо мог себе это представить. Он многому научился, работая с доктором Дартом. Но если ему когда-либо придется учиться в школе высшего типа, он с большими предосторожностями будет выбирать себе научного руководителя.

Впрочем, сейчас, когда над головой чужаки, которые хотят захватить их, думать об этом не

время. В тысячный раз Тошио заставил себя забыть о битве в космосе. Эти мысли только угнетают его.

— Спасибо, доктор Дарт, но...

— Никаких проблем! — снисходительно рявкнул Чарли. — Если не возражаете, подробней обсудим ваш проект позднее. А теперь нужны последние данные с робота.

Тошио покачал головой, изумленный упорной односторонностью этого парня. Он опасался за себя, если так пойдет дальше, он может сорваться, хоть этот шимпанзе и старший научный сотрудник.

— Гм... — Тошио проверил приборы. — Робот спустился почти на километр, доктор Дарт. Ствол здесь уже и ровнее, здесь бурили недавно; и мне все удобнее прикреплять робота к стене.

Тошио посмотрел через плечо на северо-восток. Хоть бы показались Дэнни или Джиллиан! Но Дэнни со своими кикви, а Джиллиан в последний раз он видел сидящей на берегу в позе лотоса. Она смотрела в океан, забыв обо всем мире.

Джиллиан очень встревожилась, когда Такката-Джим сказал ей, что на корабле все слишком заняты подготовкой «Стремительного» к перемещению, чтобы разговаривать с ней. Даже ее

вопросы о Томе Орли были вежливо отклонены. Позвонят, когда что-нибудь узнают, сказал Такката-Джим.

Тошио видел, как она хмурилась, когда ей не удавалось вызвать корабль. Место Акки занял новый офицер-связист. Он говорил ей, что все, кого она просит вызвать, заняты. Можно поговорить только с Чарлзом Дартом, очевидно потому, что его помощь сейчас не нужна. А шимп мог говорить только о своей работе.

Джиллиан сразу начала готовиться к отъезду. И тут поступил приказ с корабля — лично от Такката-Джима. Она должна оставаться на острове и помогать Дэнни Судман подготовить отчет о кикви.

На этот раз Джиллиан приняла новость безразлично. Ни слова не говоря, она в одиночку ушла в джунгли.

— ...побольше бы этих щупалец, — говорил Чарлз Дарт, в то время как мысли Тошио были далеко. Тошио заставил себя сесть и прислушаться к словам ученого-шимпа.

— ...Самое интересное — распределение изотопов калия и йода. Они подтверждают мою гипотезу о том, что в недавнее геологическое время какая-то раса разумных прятала свои отходы

в подкорковом слое! Это чрезвычайно важно, Тошио. Внизу свидетельства, что в течение многих поколений отходы спускались сверху вниз и проходили рециклирование в близлежащих вулканах. Как будто все совершалось в определенном ритме подъема и упадка. Что-то очень подозрительное происходило здесь долгое время! Китруп считается невозделанным с тех пор, как тут жила древняя раса карранк%. Но совсем недавно кто-то скрывал в коре высокоочищенные вещества.

Тошио чуть не ответил грубостью. «Действительно, очень недавно!» Дарт мыслит геологическим временем. Каждый день на них могут обрушиться ити, а он носится с древними отбросами, словно это последняя тайна Скотланд Ярда!

— Да, сэр. Сейчас займусь. — Тошио даже не представлял, о чем сейчас попросил его Дарт, но решил не показывать этого.

— И не тревожьтесь, сэр. Робот будет под контролем день и ночь. Кипиру и Сахоту приказано заменять меня. Они позовут меня или разбудят, если состояние изменится.

Неужели это не удовлетворит шимпа? Фины не очень хорошо отнеслись к приказу исполняющего обязанности капитана, но подчинятся ему, даже если работа Сахота с кикви замедлится.

Чудо из чудес, Чарли как будто согласился.

— Да, это хорошо с их стороны, — сказал он. — Поблагодарите их от меня.

— И еще. Пока Кипиру подключен, может, он сумеет проследить, что это за помехи, которые мы постоянно получаем от робота. Мне это не нравится. И они становятся все сильнее.

— Да, сэр. Я попрошу его.

Шимпанзе потер правый глаз тыльной стороной мохнатой ладони и зевнул.

— Послушайте, Тошио, — сказал он. — Мне очень жаль, но я должен отдохнуть. Не возражаете, если продолжим чуть позже? Позвоню вам после ужина и отвечу на все ваши вопросы, ладно? Ну, хорошо, тогда пока! — Чарли наклонился, и изображение исчезло.

Тошио, слегка ошеломленный, смотрел на пустой экран. Не возражаю? Не возражаю ли я? О, нет, сэр, абсолютно! Просто буду терпеливо ждать: либо вы позвоните, либо небо упадет мне на голову!

Он фыркнул. «Стал бы я возражать».

Тошио встал, суставы его трещали от долгого сидения в одной позе — скрестив ноги.

«Мне казалось, что для такого я слишком молод. Ладно. Гардемарин должен испытать все».

Он посмотрел в сторону леса. Дэнни много работает с кикви. Попытаться обратиться к Джиллиан? Она, вероятно, беспокоится о Томе, и кто стал бы ее винить? Мы ведь еще вчера должны были получить его сообщение.

Возможно, ей нужно общество.

У него иногда возникали фантазии насчет Джиллиан. Естественно, конечно: красивая женщина, к тому же постарше. По многим стандартам она гораздо соблазнительнее Дэнни Судман.

Дэнни, естественно, тоже по-своему привлекательна, но Тошио не хотел больше думать о Дэнни. Его обижало ее невысказанное отвержение: она не замечает его, а ведь они были одни на острове, у них много общего.

Правда, Дэнни не сказала и не сделала ничего оскорбительного, но в последнее время стала угрюмой. Тошио подозревал, что она догадывается, что небезразлична ему, и потому старается быть слишком холодной. Он убеждал себя, что такое поведение — признак незрелости, но все равно обижался.

Мысли о Джиллиан — совсем другое. Ему было стыдно, но он продолжал мечтать о том, что окажется рядом, когда ей понадобится мужчина, поможет ей перенести утрату...

Она, вероятно, тоже понимает его чувства, но ведет себя по отношению к нему, как ни в чем не бывало. Прощает, и он продолжает втайне ею восхищаться.

«Я, похоже, совсем запутался, — подумал Тошио. — Пытаюсь анализировать то, в чем совсем неопытен».

«Хотел бы я быть не неуклюжим юнцом, а больше походить на мистера Орли».

Неровный электронный звук прервал его размышления — ожил коммуникатор.

— О, нет! — простонал Тошио. — Еще нет!

Из приемника доносились помехи, тюнер пытался настроиться на несущую волну. Тошио захотелось пнуть прибор, столкнуть его в бездонное дупло дерева-сверла.

Неожиданно треск сменился свистом.

Если (треск) гардемарин
Держись поближе
Кто может остановить нас?
И кто из гардемаринов
Может летать
Как калафианец?

— Акки! — Тошио торопливо склонился к ком-

муникатору.

Я здесь,
Мой смелый партнер —
Помнишь, как вместе
Мы охотились на омара?

— Помню ли я? Ифни! Как бы я хотел сейчас оказаться дома! Что происходит? У вас неполадки с оборудованием на мостике? Я не получаю картинки, очень много помех. Мне казалось, что ты сейчас не на вахте. И почему тринари?

Необходимость —
Это (треск) мать —
Я шлю это
Через нервное гнездо —
Я встревожен и ищу
Высокого нежного патрона —
Нужно срочно
Передать (треск) предупреждение

Тошио поджал губы, повторяя про себя это сообщение. «...Высокий нежный патрон». Мало кого фин так бы назвал. На острове только одна подходящая кандидатура.

— Хочешь поговорить с Джиллиан?

Срочно

Предупредить

Тошио моргнул, потом сказал:

— Сейчас позову ее, Акки! Подожди!

Повернулся и побежал в лес, изо всех сил зовя Джиллиан.

43. АККИ

Моноволоконный кабель почти невидим на фоне камней и ила океанского дна. Даже при свете фонаря Акки лишь изредка видел его блеск среди скал и осадков на вершине неровного подводного хребта.

Кабель специально сделан так, чтобы его трудно было обнаружить: только через него «Стремительный» может связываться с двумя рабочими группами, не выдавая своего местоположения. Акки искал целый час, используя инструменты и зная точно, что кабель здесь, прежде чем обнаружил линию на остров. К тому времени, когда он подключился нервным гнездом к линии, половина кислорода в его дыхателе была израсходована.

Очень много времени потребовалось только на

то, чтобы уйти с корабля. И Акки совсем не был уверен, что его уход остался незамеченным. Молчаливый электрик, который дежурил в шлюзе, не должен был спрашивать о приказе, когда Акки попросил дыхатель. Другой фин, из машинного отделения, но свободный от вахты, пошел за ним, когда он получил снаряжение, и Акки пришлось нырять через шлюз, чтобы сбить стеноса со своего следа.

Меньше чем за два дня экипаж «Стремительного» заметно изменился. Власть распределилась по-новому. Члены экипажа, которые раньше не имели влияния, теперь, расталкивая других, первыми подходили к пищевым линиям и принимали начальственные позы, а остальные выполняли свои обязанности, опустив глаза и плавники.

Ранг и официальное положение почти не имели к этому отношения. Да и вообще на «Стремительном» никогда строго не соблюдались формальности. Но умению доминировать, подчинять себе других фины придают гораздо большее значение, чем официальному рангу.

Казалось, что теперь даже проявился расизм. Большое число тех, кто получил власть, принадлежало к подвиду стеносов.

Похоже на переворот. До созыва совета корабля Такката-Джим официально действовал от имени заболевшего Крайдайки. Но в воде «Стремительного» появились элементы стадности с новым самцом во главе. Те, что были близки к прежнему самцу, отходили на второй план, а приятели нового выплывали вперед.

Акки находил это нелогичным и отталкивающим. Ему пришло в голову, что даже особо отобранные члены экипажа «Стремительного» под давлением могут забыть о цивилизованном поведении. Теперь он понимал, что имел в виду Крайдайки, говоря, что триста лет возвышения — недостаточное время подготовки к космическим полетам.

Неприятное осознание. Никогда в своей смешанной, с равными для всех правами колонии Калафия Акки не чувствовал себя клиентом, а здесь почувствовал.

Но это открытие отчасти помогло ему. Он испытал примитивное удовлетворения от непослушания. По закону, он совершает серьезное преступление, покинув корабль, чтобы связаться с Джиллиан Баскин. Он нарушает прямой приказ исполняющего обязанности капитана.

Но Акки знал, что поступает правильно; он

член экипажа, только имитирующего готовность выйти в космос. И если Крайдайки не придет в себя, им не выпутаться из этих неприятностей без патронов.

И здесь не годится ни Игнасио Метц, ни Эмерсон Д'Анит. Даже Тошио. Акки согласен с Маканай, что их единственная надежда — возвращение на корабль доктора Баскин или мистера Орли.

А теперь приходится признать гибель Орли, в которую верят все остальные в экипаже. И это еще одна из причин того, что моральное состояние экипажа после несчастного случая с Крайдайки покатилось к дьяволу.

Коммуникационная линия посылала направленную волну непосредственно в его статоакустический нерв, и Акки нетерпеливо ждал, когда Тошио вернется с Джиллиан. Теперь, когда доктор Дарт отправился отдыхать, линия не используется, но с каждой секундой возрастает риск, что дежурный связист заметит резонанс. Акки устроил так, что подслушать его разговор с Тошио невозможно, но даже самый тупой техник заметит побочные эффекты.

«Где же они? — думал он. — Ведь знают, что у меня мало воздуха. А от этой насыщенной металлом воды зудит кожа».

Чтобы успокоиться, Акки дышал медленно. В сознании вспыхнул обучающий ритм кининка.

Прошлое — это то, что было когда-то —
Остатки, называемые памятью...
В нем заключены «причины»
Того, что сейчас.

Будущее — то, что будет —
Представляемое, но редко видимое...
В нем заключены «результаты» —
Того, что сейчас.

Настоящее — это узость —
Оно проходит, мерцая...
Доказательство того, что «шутка» —
То, что сейчас.

Настоящее, прошлое и будущее — самые трудные для тринари концепции. Стихотворение предназначено для того, чтобы фины поняли причинно-следственное восприятие мира патронами и большинством других разумных, но в то же время сохранили мировоззрение китообразных.

Все это кажется Акки таким простым. Иногда он удивляется, почему у дельфинов Земли воз-

никают трудности с такими идеями. Мысль, ее воображаемый результат, его последствия — все это имеет свой вкус и свое ощущение, когда действуешь. Если будущее неясно, стараешься действовать как лучше и надеешься.

Так люди пробирались через века своего ужасного невежества. Акки не понимал, почему и его народу это должно даваться трудно, если показывают дорогу.

— Акки? Говорит Тошио. Джиллиан идет. Ей пришлось прервать что-то очень важное, и я побежал вперед. Как ты?

Акки вздохнул.

В глубине —
С гудящим дыхалом
Пытаюсь ждать —
Как обязывает долг

Все движется...

— Подожди, — сказал Тошио, прерывая его стих. Акки поморщился. У Тошио никогда не было чувства стиля.

— Здесь Джиллиан, — продолжал Тошио. — Береги себя, Акки!

На линии трещали помехи.

И ты тоже —

Ныряющий/летающий партнер

— Акки?

Голос Джиллиан Баскин, еле слышный из-за плохого соединения. Но слышать его — бесконечное облегчение.

— В чем дело, дорогой? Скажи, что происходит на корабле? Почему Крайдайки не разговаривает со мной?

Акки не ожидал, что она сразу спросит об этом. Почему-то он думал, что ее главная забота — Томас Орли. Ну, он не станет поднимать эту тему, если она не хочет.

Маканай —

Излечивающая пациентов

Послала меня —

Предупредить об опасности

Тихий, неподвижный

Лежит Крайдайки

Судьба «Стремительного»

В опасности

И привкус —

Атавизма

Отравил воду

На другом конце наступила тишина. Несомненно, Джиллиан формулировала свой следующий вопрос так, чтобы на него можно было ответить на тринари недвусмысленно. Этого искусства Тошио часто недоставало.

Акки быстро поднял голову. Был звук? Не от коммуникационной линии, а из темной воды вокруг.

— Акки, — начала Джиллиан. — Я задам вопрос, сформулированный так, чтобы получить ответ на трех уровнях. Пожалуйста, пожертвуй в ответе поэтичностью ради краткости.

«С радостью, если смогу», — подумал Акки. Он часто думал, как трудно поддерживать разговор на тринари, не отвлекаясь на поэтические аллюзии. Для него это такой же родной язык, как англик, но и его раздражает неспособность выразить на нем мысль кратко.

— Акки, как Крайдайки относится к рыбьему сну: игнорирует его, гонится за ним или кормится им?

Джиллиан спрашивала, может ли Крайдайки пользоваться орудиями, или он ранен серьезно и плывет в бессознательном сне-охоте. Или, что еще хуже, мертв. Каким-то образом Джиллиан

умудрилась сразу перейти к сути дела. И Акки смог ответить с благословенной краткостью.

Преследует головоногих —
В глубоких водах.

Опять этот звук! Быстрое щелканье уже поблизости. Будь проклята необходимость подсоединять нервное гнездо к линии! Звуки так близко, что никаких сомнений не остается: на него кто-то охотится.

— Хорошо, Акки. Следующий вопрос. Хикахи успокоилась на эхе кининка, или она повинуется эху стада, или хранит отсутствующее молчание?

Дельфиний сонар всегда направлен на что-нибудь. Акки ощутил, как прошел над ним звуковой луч, не коснувшись его. Прижался как можно теснее к океанскому дну и постарался направить собственное нервное щелканье в песок. Он хотел протянуть искусственную руку и ухватиться за край скалы для устойчивости, но опасался, что негромкое жужжание моторов будет услышано.

Отсутствующее молчание —
Тающая память —
Хикахи
Отсутствующее молчание —

Тшут

И Свесси.

Он тоже хотел бы отсутствовать здесь, оказаться в своей спокойной каюте на борту «Стремительного».

— Хорошо, каково качество их молчания? Пойманных в сети? В страхе ждущих кашалота? Или молчание кормящейся рыбы?

Акки уже собрался ответить, когда погрузился в громкий луч пульсирующего звука, словно человек, которого ослепили ярким светом. Луч был нацеленный и шел слева и сверху. Не было сомнений, что дельфин наверху знает о его присутствии.

Такката-Джим

Перекусывает кабель

Моя работа —

Больше не моя

Его сообщения —

Лживые песни.

Акки был так возбужден, что кое-что произнес просто вслух, а не передал импульсом по волокну. Нет смысла прятаться. Он приготовился

отсоединиться от линии и повернул свою «дыню» к пришельцу. Послал сильный сонарный луч, которым он надеялся на мгновение ошеломить дельфина.

Вернувшееся эхо нарисовало ему четкую картину. Наверху, совсем близко, из его луча выходит очень большой дельфин.

Кта-Джон! Акки мгновенно узнал это эхо.

— Акки? Что случилось? Ты в боевом состоянии? Прерви связь, если необходимо. Я вернусь быстро, как...

Выполнив долг, Акки отсоединил нервное гнездо и откатился в сторону.

И вовремя. Сине-зеленый лазерный луч ударил в то место, где он только что находился.

Так вот как, подумал он, ныряя в каньон рядом с хребтом. Он собрался меня прикончить без всяких изменений.

Он повернул направо и постарался скрыться в тени.

Дельфины не любят убивать то, что дышит воздухом, но бывают исключения. Еще до возвышения людям доводилось видеть, как дельфины убивают друг друга. Чтобы сделать китообразных способными к космическим полетам, люди развили их способность убивать в случае необ-

ходимости.

Яркий луч лазера прошипел всего в метре от него. Акки сжал челюсти и поднырнул под пузыри собственного следа. Еще один луч пролетел между его спинными плавниками. Акки повернулся и нырнул в глубокую звуковую тень скалы.

Лазер Кта-Джона может убить на большом расстоянии, а вот факел для сварки и плавки, который установлен на доспехах Акки, как и всякое ручное орудие, действует только на близком расстоянии. Очевидно, его единственный шанс — обман и бегство.

Внизу оказалось очень темно. Все красные оттенки исчезли. Из всего спектра дневного света сюда проникают только синие и зеленые цвета. Акки воспользовался неровностью дна и скользнул в щель между двумя скалами. Тут он остановился и прислушался.

Эхо, которое он уловил, сообщило ему, что Кта-Джон все еще вверху, продолжает поиски. Акки надеялся, что он дышит не так громко, как ему кажется.

Он послал по нервной сети запрос в доспехи. Микрокомпьютер сообщил, что в дыхателе воздуха меньше чем на полчаса. Это предел его

ожидания.

Акки крепче сжал челюсти. Он хотел бы схватить длинные плавники Кта-Джона зубами, хотя понимал, что силы слишком неравны.

Акки не знал, выполняет ли Кта-Джон приказ Такката-Джима или охотится по своей инициативе. Но понимал: если на «Стремительном» какой-то заговор, заговорщики не остановятся перед тем, чтобы убить беспомощного Крайдайки, дабы он не помешал их планам. Как ни невероятно, но они могут даже расправиться с Джиллиан, если она будет неосторожна, возвращаясь на корабль. Сама мысль о том, что фины могут участвовать в таком преступлении, вызывала у Акки отвращение.

«Нужно вернуться на борт и помочь Маканай защищать Крайдайки, пока не вернулась Джиллиан! Это сейчас самое важное».

Он выскользнул из расселины и зигзагами поплыл над самым дном от «Стремительного», а также от острова Тошио и теннанинского корабля. Вероятней всего, Кта-Джон не будет сторожить его в этом направлении.

Он слышал, как гигант ищет его. Но мощный луч звука теперь проходил далеко. У него неплохие шансы уйти незамеченным.

Хотя гораздо приятнее было бы подстеречь Кта-Джона и вцепиться зубами в его гениталии.

Джиллиан отвернулась от коммуникатора и увидела встревоженное лицо Тошио. Он кажется таким юным. Забыта роль сурового жесткого мужчины. Тошио — юноша-гардемарин, только что узнавший, что его капитан искалечен. А теперь и его лучший друг, возможно, борется за свою жизнь. Он смотрел на нее, надеясь почерпнуть уверенность, что все кончится благополучно.

Джиллиан привлекла юношу к себе. Подержала, пока плечи его не расслабились, и он прижался к ней лицом.

Отстранившись наконец, Тошио не смотрел на Джиллиан, он отвернулся и вытер глаза рукой.

— Я хочу, чтобы со мной пошел Кипиру, сказала Джиллиан. — Как ты считаешь, Дэнни и Сахот обойдутся без него?

Тошио кивнул. Голос его звучал хрипло, но он взял себя в руки.

— Да, сэр. Сахот может изобразить проблему, когда я начну передавать ему обязанности Кипиру, но я видел, как вы управляетесь с ним. Думаю, что справлюсь.

— Хорошо. И последи, чтобы он не очень приставал к Дэнни. Ты теперь командир. Уверена, ты

справишься.

Джиллиан прошла в маленький лагерь и начала собирать свои вещи. Тошио подошел к кромке води и включил подводный гидрофон: дельфины получат сигнал, что они нужны. Сахот и Кипиру уплыли час назад, чтобы участвовать в вечерней охоте аборигенов.

— Я вернусь с вами, если хотите, Джиллиан.

Она покачала головой, собирая свои записи и инструменты.

— Нет, Тошио. Работа Дэнни с кикви очень важна. Только ты можешь помешать ей спалить лес непогашенной спичкой, когда она занята чем-то. К тому же нужно делать вид, что я рядом. Сделаешь это ради меня? — Джиллиан плотно закрыла свою водонепроницаемую сумку и начала раздеваться. Тошио сначала отвернулся, потом покраснел.

Но заметил, что Джиллиан не возражает против того, чтобы он смотрел.

«Возможно, я больше никогда ее не увижу, — подумал он. — Знает ли она, что делает для меня?»

— Да, сэр, — сказал он. Во рту у Тошио пересохло. — Я буду вести себя с доктором Дартом так же нетерпеливо, как всегда. А если Такката-Джим

спросит о вас, я... скажу, что вы где-то... грустите.

Джиллиан держала перед собой обтягивающий купальный костюм, собираясь надеть его. Посмотрела на Тошио, пораженная сухостью его тона. Потом рассмеялась.

Двумя длинными шагами подошла и снова обняла его. Не задумываясь, Тошио положил руки ей на талию.

— Ты хороший человек, Тош, — сказала она и поцеловала его в щеку. — И знаешь, ты немного перерос меня. Солги ради меня Такката-Джиму, и я обещаю, что сделаю из тебя настоящего мятежника.

Тошио кивнул и закрыл глаза.

— Да, мэм, — сказал он, прижимая ее к себе.

44. КРАЙДАЙКИ

Кожа зудела. Она зудела еще с тех смутных времен, когда он плыл рядом с матерью в потоке сна, когда она кормила его или мягко толкала носом, напоминая, что пора подняться на поверхность за воздухом.

Скоро он узнал, что существуют и другие виды прикосновений. Стены, растения, углы зданий поселка Подводная Каталина; удары, укусы —

да! — и игривые прикосновения сверстников. Мягкие, безгранично приятные прикосновения мужчин и женщин — людей, плавающих рядом, как ластоногие, как морские львы, играющие в воде и под водой.

Ощущение воды. И разнообразные ощущения.

Всплеск и удар о воду! Спокойный гладкий поток, вдоль которого плывешь быстрее, чем когда-либо раньше! Мягкие всплески сразу под дыхалом, когда отдыхаешь, напевая сам себе колыбельную.

О, как зудит кожа!

Он давно научился тереться о предметы и узнал, что это дает ему. С тех пор он начинал мастурбировать, когда испытывал потребность, как и любой здоровый дельфин...

Крайдайки хотелось почесаться. Хотелось мастурбировать.

Но поблизости нет никакой стены, о которую можно потереться. Он как будто не способен двигаться, даже не может открыть глаза, чтобы увидеть окружающее.

Он плывет в воздухе, легкий, как перышко... знакомое волшебство... «антигравитация»... Это слово — как и многочисленные воспоминания... почему-то кажется чужим, бессмысленным.

Он удивляется своей вялости. Почему бы не открыть глаза и не посмотреть? Почему бы не прощелкать звуковой луч и не ощупать формы окружающих предметов?

Временами он чувствует, как его кожу смачивают водой, чтобы она оставалась влажной. Влага приходит словно отовсюду.

Он задумывается и понимает, что с ним что-то неладно. Должно быть, он заболел.

Невольный вздох помогает понять, что он не утратил способность издавать звуки. Он ищет нужный механизм, экспериментирует, потом умудряется повторить звук.

«Должно быть, меня лечат, — думает он. — Я, наверное, ранен. Хотя никакой боли не чувствую, чувствую только какую-то пустоту. Что-то у меня отобрали. Мяч? Инструмент? Умение? Ну, люди, наверное, вернут его».

«Я верю людям», — счастливо думает он. И рот его растягивает молчаливая улыбка.

!!!!

Что делает его рот?

О. Да. Улыбается. Это что-то новое.

Новое? Я всю жизнь это делал.

Почему?

Это здорово! Мое выражение
слегка меняется. Это...
Это избыточно.

Крайдайки испускает слабый смущенный крик.

В яркости
Солнечного света —
Есть ответы
В косяках рыбы.

Теперь он кое-что вспоминает. Ему снился сон. Произошло что-то ужасное, и он погрузился в кошмар. Какие-то фигуры приближаются и удаляются, и он чувствует, как древняя песня приобретает новые странные формы.

Наверное, он опять видит сон — одновременно обоими полушариями. Поэтому он не может двигаться. Он пытается свистеть песню.

Есть уровни
Известные только кашалотам

Кашалотам, которые охотятся
В безднах снов

Сражаются со спрутами

У которых клювы как горы

И чьи гигантские руки
Обнимают океаны.

Не очень успокаивающая песня. В ней обертоны мрака, и от этого хочется сбежать в ужасе. Крайдайки хочет прекратить ее, боясь того, что он может натворить с ее помощью. Но не в силах остановиться.

Спускайся на эти уровни —
В темноту

Где ты никогда
Не бывал

Где оседает
Вся музыка

И собирается,
Складывается слоями

Воющие песни
Древних бурь

И ураганов,
Которые никогда не умирают...

Рядом с Крайдайки кто-то возникает. Он чув-

ствует гигантскую широкую фигуру, созданную из ткани его песни. Медленное пульсирование ее сонара заполняет маленькое помещение, в котором он лежит... это маленькое помещение не может вместить формирующегося гиганта.

Нукапай?

Звуки землетрясений —
Хранящиеся эпохи

Звуки расплавленных
Первобытных скал...

С каждым стихом звуковая фигура становится все материальнее. В ней чувствуется мышечная сила. Огромные плавники медленно, но мощно плещут, грозя перевернуть его с головы на хвост. Когда она выдувает воздух, пена вырывается, как прибой в бурю.

Страх наконец дает ему силу открыть глаза. Слизь покрывает их, он пытается поднять веки. Глаза провалились, и требуется много времени и усилий, чтобы сфокусировать их для воздушного зрения.

Вначале он видит больничный подвешенный танк, маленький и закрытый. И только.

Но звуки говорят, что он в открытом море и

левиафан плывет рядом!

Он моргает, и неожиданно картина меняется. Зрение сменяется звуком. Комната исчезает, и он видит!

!!!!!!

Существо рядом с ним не может жить в знакомых ему океанах. Крайдайки чуть не задохнулся от страха.

Оно движется с мощью цунами, с непреодолимостью прилива.

Это существо из тьмы и глубины.

Это бог.

Кк... кп... криии!

Крайдайки не подозревал, что знает это имя. Оно пришло откуда-то, как дракон из кошмара.

Один темный глаз уставился на Крайдайки, этот взгляд обжигает его. Он хочет отвернуться — спрятаться или умереть.

И тут оно заговорило.

Оно не воспользовалось тринари, как и ожидал Крайдайки. Отбросило праймал, презирая этот язык умных животных. И запело песню, которая зазвучала, как удары волн, окружила его и заполонила устрашающим пониманием.

: ТЫ УПЛЫЛ ОТ НАС, КРАЙДАЙКИ: ТЫ НАЧАЛ

УЧИТЬСЯ: НО ПОТОМ ТВОЙ РАЗУМ СВЕРНУЛ: МЫ НЕ ЗАКОНЧИЛИ: ЕЩЕ:

: МЫ ДАВНО ЖДАЛИ ТАКОГО, КАК ТЫ: ТЕПЕРЬ МЫ НУЖНЫ ТЕБЕ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ТЫ НАМ: ВОЗВРАТА НЕТ:

: ТАКОЙ, КАК ТЫ СЕЙЧАС, ТЫ БУДЕШЬ ПУСТОЙ ШЕЛУХОЙ: МЕРТВОЕ МЯСО: ПУСТОТА БЕЗ ПЕСНИ: НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ ТЫ НИ СПЯЩИМ, НИ ИСПОЛЬЗУЮЩИМ ОГОНЬ:

: БЕСПОЛЕЗНЫЙ КРАЙДАЙКИ: НЕ КАПИТАН: НЕ КИТООБРАЗНЫЙ: БЕСПОЛЕЗНОЕ МЯСО:

: ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ПУТЬ: СКВОЗЬ БРЮХО СНА КИТОВ: ЗДЕСЬ ТЫ МОЖЕШЬ НАЙТИ ПУТЬ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ: НО ПУТЬ ВЫПОЛНИТЬ СВОИ ДОЛГ: ПУТЬ СПАСТИ СВОЮ ЖИЗНЬ...:

Крайдайки застонал. Он слабо забился и позвал Нукапай. Но потом опомнился. Она одна из них. Она ждет внизу вместе с другими его мучителями, некоторые из них древние боги, о которых он слышал в сагах, а о других он никогда не слышал, их не упоминали даже киты-горбачи...

Кк-кп-крии пришел, чтобы забрать его.

Хотя англик для него утрачен, Крайдайки произнес жалобу на языке, которого не знал раньше.

: Я поврежден!: Я пустая шелуха!: Я должен быть мертвым мясом!: Я утратил речь!: Я утратил

слова!: Позволь мне умереть!:

В ответ послышался звук, словно порожденный самой землей. Из-под ила.

: ТЫ ИДЕШЬ ЧЕРЕЗ СОН КИТОВ: ГДЕ НИКОГДА НЕ БЫВАЛИ ТВОИ БРАТЬЯ: ДАЖЕ КОГДА ОНИ ИГРАЛИ, КАК ЖИВОТНЫЕ И ПОЧТИ НЕ ЗНАЛИ ЛЮДЕЙ: ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ОПУСКАЮТСЯ ГОРБАЧИ: В СВОИХ ЛЕНИВЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ: ГЛУБЖЕ КАШАЛОТОВ: В ИХ ДЬЯВОЛЬСКОЙ ОХОТЕ: ГЛУБЖЕ САМОЙ ТЬМЫ...:

: ТАМ ТЫ СМОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ, ЕСЛИ НЕ НАЙДЕШЬ ИСТИНУ...:

Стены маленького помещения растаяли, мучители начали создавать новую реальность. У нее широкий лоб и блестящие зубы кашалота, но глаза сверкают, как маяки, и плавники ее обрамлены серебром. А вокруг мерцающий ореол... как защитное поле вокруг космического корабля...

Помещение совершенно исчезло. Неожиданно вокруг открылось бесконечное море невесомости. Древний бог поплыл мощными гребками плавников. Крайдайки, испустив бессильный вопль, не смог уберечься от мощного затягивающего волнения. Они плывут все быстрее... быстрее...

Невозможно определить, но он откуда-то знает, что они движутся ВНИЗ.

— Вы ссслышали это?

Помощница Маканай посмотрела на танк, в котором висел капитан. Тусклый фонарь освещал рубцы повторной операции. Каждые несколько секунд из воронок вырывались потоки мелких брызг и покрывали висящего без сознания дельфина.

Маканай тоже посмотрела туда.

— Возззможно. Мне недавно показалось, что я что-то ссслышу. А вы?

Помощница покачала головой.

— Я не уверена. Мне показалось, он с кем-то разговаривает... но не на англике. Похоже вначале было на тринари... потом что-то другое. Так странно звучало!

Помощница вздрогнула.

— Может, ему снятся сны?

Маканай посмотрела на Крайдайки и вздохнула.

— Не знаю. И не знаю, молиться ли, чтобы ему снилось что-то или чтобы ничего не снилось.

45. ТОМ ОРЛИ

Холодный морской ветер дул с запада. Среди ночи его разбудил приступ дрожи. Он раскрыл в

темноте глаза, посмотрел в пустоту.

И не смог вспомнить, где он.

«Минутку, — подумал он. — Сейчас придет».

Ему снилась планета Гарт, где моря маленькие, а реки многочисленные. Здесь он какое-то время провел в смешанной колонии людей и шимпов, такой же богатой и удивительной, как Калафия, где вместе живут люди и дельфины.

Гарт — гостеприимная планета, хотя расположена далеко от других поселений землян.

Ему снилось вторжение на Гарт. Гигантские военные корабли повисли над городами и пустили облака газа на плодородные долины, обратив колонистов в паническое бегство. Небо заполнилось вспышками.

С трудом ему удавалось отличить сон от реальности. Том смотрел на хрустальный купол китрупской ночи. Тело его напряжено, ноги вытянуты, руки сжимают плечи — и от судорог усталости, и от холода. Медленно он заставил мышцы расслабиться. Сухожилия щелкали, суставы скрипели, но он ощутил, что снова может двигаться.

Вулкан на севере стих, только виднеется розовое зарево. Над головой в тучах длинные рваные разрывы. Том следил за точками света в небе.

Он думал о звездах. Астрономия всегда была его увлечением.

«Красное означает холод, — подумал он. — Вот эта красная звезда — должно быть, маленькая, близкая и древняя или далекий гигант в предсмертной агонии. А вот эта яркая — голубой сверхгигант. Очень редкий. Есть ли такой в этом районе космоса?»

Он должен это помнить.

Том мигнул. Голубая «звезда» двигалась.

Он следил, как она перемещается на фоне звезд, пока не встретилась с другой яркой точкой, зеленой. И когда два огня встретились, последовала вспышка. Синяя искра двинулась дальше, а зеленая исчезла.

«Какова же вероятность того, чтобы я присутствовал при этом? Чтобы посмотрел в нужное время в нужное место? Должно быть, там идет сильный бой. Он еще не закончился».

Том попытался встать, но тело его снова опустилось на постель из водорослей.

«Попробую еще раз».

Он перекатился, оперся на локоть, застыл, собираясь с силами, и оттолкнулся.

Маленькие неяркие спутники Китрупа отсутствовали, но звездного света хватало, чтобы

разглядеть странный ландшафт. Вода выступала поверх перемещающегося болота. Слышались хриплые квакающие звуки. Однажды Том услышал писк, сразу прервавшийся: неожиданно погибло какое-то маленькое животное, решил он.

Он был благодарен упрямству, которое привело его на эту скромную высоту. Даже двумя метрами выше ощущалась большая разница. Ниже он бы не перенес ночь в этой отвратительной массе.

Он повернулся и принялся разбирать скромные запасы на своих грубых санях. Прежде всего — согреться. Он достал костюм для плавания и осторожно надел его.

Том знал, что должен обработать свои раны, но они могут еще немного подождать. И настоящий завтрак тоже — у него хватит продуктов на несколько завтраков.

Жуя пищевой брусок и изредка отпивая из канистры, Том оценивал небольшую груду припасов. Сейчас самое важное — три пси-бомбы.

Он посмотрел на небо. Если не считать мерцающей дымки вокруг одной из звезд, никаких признаков сражения не было видно. Но и одного следа достаточно. Том знал, какую бомбу настроить.

Джиллиан провела несколько часов с Ниссом, прежде чем оставить «Стремительный» и встретиться с Томом на острове. Она подсоединила машину тимбрими к микроветви теннанинской Библиотеки, которую он добыл в корабле. Потом они с Ниссом поместили в бомбу соответствующие сигналы.

Самый важный из них — теннанинский сигнал тревоги. Если позволит капризная Ифни, именно этот сигнал поможет Тому понять, сработал ли его план.

Вся работа Свесси, Тома и остальных над «Троянским морским коньком» ни к чему, если среди оставшихся на поле боя нет теннанинцев. Какой смысл «Стремительному» забираться в пустой корпус теннанинца и в замаскированном виде подниматься, если все сражающиеся тут же начнут стрелять по призраку уже погибшей группы?

Том взял одну пси-бомбу. Круглая как мяч. Сверху предохранитель и таймер. Джиллиан тщательно написала название каждой бомбы на клейкой полоске. На этой добавила свою подпись и маленькое сердце, пронзенное стрелой.

Том улыбнулся и поднес бомбу к губам.

Он чувствовал вину за то, что настоял, чтобы она осталась. Но теперь знал, что был прав. Хоть

Джиллиан подготовлена и опытна, она не такой хороший пилот, как он, и, вероятно, погибла бы в крушении. И, конечно, у нее не хватило бы сил так далеко тащить сани.

«Дьявол! — подумал он. — Я рад, что она в безопасности, с друзьями, которые защитят ее. Она может справиться с десятью бленчкскими пещерными ящерицами одной рукой, но она моя женщина, и я должен беречь ее».

Том дожевал остатки протеинового бруска. Он взвесил бомбу и принялся обдумывать стратегию своих действий. Первоначальный план заключался в том, чтобы сесть вблизи вулкана, подождать, пока глайдер зарядится для взлета, потом установить бомбу и улететь прежде, чем она взорвется. Он мог бы на восходящих от вулкана термальных потоках подняться высоко и отыскать другой остров, а с него следить за результатами своего эксперимента.

Даже если подходящего острова не найдется, он мог отлететь достаточно далеко, сесть на воду и с помощью телескопа следить оттуда.

Отличный план, но буря и заросли водорослевых джунглей нарушили его. Телескоп теперь присоединился к металлическим осадкам на дне китрупского моря-мира, вместе с обломками

солнечного самолета.

Том осторожно поднялся на ноги. Теперь, поев и согревшись, он смог это сделать и легко пересиливал боль.

Порывшись в своих пожитках, он достал длинную полоску ткани — остаток изорванного спального мешка. Этот кусок прочного изошелка должен подойти.

Пси-бомба тяжело лежала в руке. Трудно представить себе, что она заряжена мощными иллюзиями — сверхмощная подделка, готовая взорваться по приказу.

Том поставил таймер на два часа и спустил предохранитель.

Осторожно положил бомбу в свою импровизированную пращу. Том понимал, что слишком драматизирует ситуацию. Расстояние мало поможет ему. По всему Китрупу оживут сенсоры, когда эта штука взорвется. С таким же успехом он может поставить ее у своих ног.

Хотя... кто знает?.. Он отбросит ее от себя как можно дальше. Несколько раз он взмахнул пращой, чтобы рука привыкла к ее тяжести, потом начал вращать. Вначале медленно, он постепенно набирал инерцию, пока странное ощущение здоровья не распространилось по груди, рукам и

ногам. Усталость словно растаяла. И Том запел.

Мой папа был человек пещерный,
И в шкурах он в мяч играл,
И снились ему огни в небесах,
Когда в грязи он спал.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был боец отважный,
Но как же страдала семья!
И снился ему вечный мир и покой,
А умер он от копья.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа умел любить,
Но даже жену свою бил,
И снилась ему другая жизнь,
И жалел он о том, как жил.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был великий вождь,
Мечтатель, но лгал он нам.
Запугивал всех и заставлял
Стрелять по небесам.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды...

Мой папа был совсем неучен,
Но всегда о чем-то мечтал.
Ненавидел себя за невежество
И гордыню свою укрощал.

Но как-то он угодил в ловушку
И долго от боли кричал.
Он, мучаясь, умер, а мне, сироте,
Свое сердце и ум завещал.

Ну что ж, презирайте меня за сиротство,
За убогость, за раны, за слезы,
Но только скажите: «Вы сами-то кто?»
Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Том напрягся и шагнул вперед. Рука его резко выпрямилась, и он выпустил пращу. Бомба взлетела высоко в небо, вращаясь как мяч. Она ярко блестела, продолжая подниматься, пока не исчезла из виду. Том прислушался, но не услышал, как она упала.

Постоял немного, тяжело дыша.

«Ну, что ж, — подумал он наконец. — Это вызывает аппетит. У меня два часа на то, чтобы поесть, позаботиться о своих ранах и приготовить убежище. А время, которое я получу после этого, о Боже, будет воспринято со смиренной благодарностью».

Он обвязался куском ткани и принялся при свете звезд готовить себе еду.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СОТРЯСЕНИЕ

В мире более древнем и сложном, чем наш, они живут, законченные и совершенные, наделенные чувствами, которых мы лишились или никогда не имели, слышат голоса, которых мы никогда не услышим... это другие народы, но они вместе с нами захвачены в одну сеть жизни и времени.

Генри Бейтсон

46. САХОТ

Наступил вечер, и кикви отправились на охоту. Сахот слышал, как они возбужденно трещат, собираясь на поляне к западу от затопленного дерева-сверла. Охотники прошли недалеко от бассейна, направляясь к расселине в крутом южном берегу острова, болтая и набирая воздух в легочные мешки.

Сахот прислушивался, пока або не прошли. Потом погрузился на метр и расстроенно выдул

пузыри. Все идет не так.

Дэнни изменилась, и ему это не нравится. Вместо обычного веселого кокетства она буквально игнорирует его. Выслушала два его лучших лимерика и ответила совершенно серьезно, не обратив внимания на великолепную двусмысленность.

Несмотря на важность исследований кикви, Такката-Джим приказал ей готовить образцы для Чарлза Дарта. Дважды она спускалась под воду, чтобы собирать образцы под металлическим островом. Она не обращала внимания на Сахота, когда он игриво толкал ее носом; хуже того, с отсутствующим видом хлопала его по боку.

Сахот чувствовал, что, несмотря на все предыдущие усилия, не хотел, чтобы что-то изменилось. Во всяком случае не так.

Он поплыл, но тут же остановился. Он присоединен к саням. Новая обязанность заставляет его вечно держаться возле этого электрического неприличия, тесниться в маленьком бассейне, в то время как его настоящая работа в открытом море с предразумными!

Когда уплыли Джиллиан и Кипиру, он решил, что у него теперь больше времени, чтобы заниматься тем, чего хочет. Ха! Не успели пилот и человек-врач исчезнуть, как Тошио — подумать

только, Тошио! — принял на себя команду.

«Мне не следовало уступать. Как, во имя пяти галактик, этот мальчишка смог взять верх?»

Теперь уже трудно вспомнить, как. Но вот он управляет этим проклятым роботом ради напыщенного эгоцентричного шимпанзе, которого интересуют только камни! У этого тупого маленького робота нет даже мозга, с ним невозможно разговаривать! Ведь с микропроцессорами не поговоришь. Скажешь им, что нужно делать, а потом беспомощно смотришь, как они выполняют понятое буквально.

Доспехи зазвенели. Время проверять зонд. Сахот саркастически проговорил:

Да, ничтожество,
Господин и повелитель!
Металлический слабоумный
Сплошная катастрофа!
Погуди снова,
А я буду работать быстрее!

Сахот взглянул левым глазом на экран саней. Послал закодированный пульсирующий сигнал роботу и получил в ответ поток данных.

Робот наконец переварил образцы ближайших

скал. Сахот приказал роботу перевести содержание его маленькой памяти в банк данных саней. Тошио заставил его столько раз это проделать, что теперь Сахот управлял роботом, не задумываясь.

Он закрепил моноволоконный кабель о скалу и опустился еще на пятьдесят метров.

Прежняя гипотеза появления этой дыры под металлическим островом была отвергнута. Дереву-сверлу не нужно углубляться на километр в поисках питательных веществ. Оно не может так глубоко проникать в кору. И масса корня слишком велика, чтобы его могло вращать стоящее наверху одинокое дерево.

Объем выкопанного материала превосходит десять таких островов. В виде осадков этот материал разбросан по дну вокруг острова.

Сахота не волновали эти загадки. Они лишний раз доказывают, что вселенная устроена странно и, может, людям, дельфинам и шимпам стоит немного подождать с ее разгадками.

Робот закончил очередной спуск. Сахот заставил его закрепиться на стене при помощи клешней с алмазными остриями, потом спустил с поверхности больше кабеля.

Робот будет опускаться постепенно. И навсегда останется внизу. Сахот иногда ощущал и себя

в таком же положении, особенно с тех пор, как оказался на Китрупе. Он не надеялся покинуть этот смертоносный мир.

К счастью, управлять роботом, немного освоившись, можно совершенно автоматически. Даже Чарлз Дарт ни к чему не придерется. Если только...

Сахот выругался. Вот опять — помехи, которые преследуют робота, когда он перевалил полукилометровую глубину. Тошио и Кипиру не смогли найти причин этого.

Треск не похож на помехи, которые Сахот слышал раньше... впрочем, он не специалист. Своего рода синкопа, и слушать это даже приятно. Сахот знал, что некоторым людям нравится слушать белый шум. Это успокаивает.

Тикали часы на доспехах. Сахот слушал и думал об извращениях, о любви и одиночестве.

Я плыву —
Кругами — как остальные
И учусь —
Печально я
Ничего не вижу
Вздыхаю одиноко.

Неожиданно Сахот понял, что настроился на ритм «шума» снизу. Он покачал головой. Но когда прислушался, снова ощутил ритм.

Песня. Это песня!

Сахот сосредоточился. Все равно, что слушать шесть частей фуги одновременно. Ритмы накладываются друг на друга с непостижимой сложностью.

Неудивительно, что это приняли за шум! Даже он едва не обманулся!

Снова зазвенел таймер на доспехах, но Сахот не заметил. Он был слишком занят, слушая, как поет для него планета.

47. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Моки и Хаоке вызвались добровольно исполнять обязанности караульных, но по разным причинам.

Обоим хотелось для разнообразия выйти из корабля. И обоим совсем не хотелось проводить часы, привязавшись к тяжелым саням, в темных глубинах океанов.

Но тут сходство кончалось. Хаоке был здесь, потому что считал эту работу необходимой. С другой стороны, Моки надеялся, что сможет убить

кого-нибудь.

— Хотел бы я, чтобы Такката-Джим послал за Акки меня, а не Кта-Джона, — выдохнул Моки. — Я смог бы выследить этого нахала.

Сани Моки лежали в двадцати ярдах от саней Хаоке на подводном утесе, нависающем над кораблем. Дуговые лампы освещали корпус «Стремительного», но окрестность теперь вся вымерла; выход разрешает только сам помощник капитана.

Моки посмотрел на Хаоке сквозь гибкий купол-пузырь своих саней. Хаоке, как обычно, молчал. Он не обратил никакого внимания на замечание Моки.

Высокомерное отродье вонючего спрута! Хаоке такой же нахал-турсиопа, как Крайдайки и этот гардемарин Акки.

Моки изобразил легкую звуковую картину. Картину рвущих зубов, уничтожения. Однажды он представил в роли жертвы Крайдайки. Капитан, который слишком часто заставал его увиливающим от работы и оскорблял своим слишком правильным англиком, наконец получил по заслугам. Моки рад, но теперь для фантазии нужен другой персонаж. Не очень интересно терзать кого-то неконкретного.

Подойдет этот калафианец, Акки: ведь установлено, что гардемарин предал помощника капитана. Моки надеялся, что Такката-Джим пошлет его, но тот послал Кта-Джона, объяснив, что нужно не убивать Акки, а доставить его на корабль для наказания.

Гигант, казалось, не обращает внимания на это тонкое различие. Он уплыл, вооруженный мощным лазерным ружьем. Возможно, Такката-Джим не может больше контролировать Кта-Джона и отослал его для собственной безопасности. Видя блеск глаз Кта-Джона, Моки не завидовал калафианцу, когда тот будет найден.

Хорошо, пусть Кта-Джон берет Акки! Небольшое развлечение потеряно, но это не испортит радости Моки.

Хорошо быть большим! В свободное от вахты время все уходят с пути Моки, словно он вожак стаи! Он уже положил глаз на двух сексуальных самок в лазарете Маканай. Некоторые молодые самцы тоже привлекательно выглядят... Моки не очень различает тех и других.

Когда они поймут, куда повернуло течение, они все придут к нему. Моки немного посопротивлялся, но не смог сдержаться. И триумфально заскрежетал в запретной форме:

Слава!

Слава!

Кусать Слава!

Подчинять самок!

Пришел новый вожак!

Он увидел, что наконец-то Хаоке среагировал. Второй охранник слегка вздрогнул и посмотрел на Моки. Но промолчал, когда Моки вызывающе встретил его взгляд. Моки направил луч сонара прямо на Хаоке, чтобы показать, что он за ним тоже следит!

Высокомерный вонючий спрут! Хаоке свое получит, когда Такката-Джим окончательно возьмет положение под контроль. А люди на Земле одобрят, потому что большой человек Метц на стороне Такката-Джима, и он все одобрил!

Моки снова испустил вопль на праймале, наслаждаясь запретной примитивностью. Праймал затрагивает в нем что-то глубокое, и тоска по нему усиливается.

Пусть Хаоке щелкает в отвращении! Моки бросит вызов самим галактам. Пусть спустятся под воду к нему и к его новому капитану!

Хаоке стойко перенес звериные вопли Моки. Но

это напомнило ему, что он в команде кретинов и неудачников.

К несчастью, кретины и неудачники правы, а самые умные головы «Стремительного» катастрофически ошибаются.

Хаоке бесконечно жаль, что пострадал Крайдайки. Капитан — один из лучших представителей своего племени. Но несчастный случай позволяет спокойно и незаметно изменить политику, и Хаоке не жалеет об этом. Такката-Джим по крайней мере сознает безнадежность этого отчаянного плана — «Троянского морского конька».

Даже если «Стремительный» сумеет незаметно перебраться к разбитому теннанинскому кораблю, если команда Тшут каким-то чудом сумеет выпотрошить корпус, и «Стремительный» наденет его на себя, как гигантскую маскировку, даже если они сумеют взлететь в таких условиях, что им это даст?

Даже если бы Томас Орли сообщил, что теннанинцы по-прежнему участвуют в космической битве, нужно еще обмануть их, чтобы они бросились на защиту своего поврежденного корабля и отвели его в тыл. Очень сомнительная возможность.

Очевидно, Орли погиб. Уже несколько дней

от него ни слова, и игра становится отчаянно рискованной.

Почему бы просто не отдать этим трижды проклятым галактам то, что им нужно? К чему этот романтический вздор о спасении данных и доставке их Совету Земли? Какое нам дело до опасных древних кораблей? При чем здесь мы, если галакты хотят сражаться из-за этого брошенного флота. Даже ради аборигенов Китрупа не стоит умирать.

Хаоке все кажется ясным. И Такката-Джиму тоже, а его ум Хаоке уважает.

Но если это так ясно, почему не соглашаются такие, как Крайдайки и Томас Орли?

Именно такие сомнения заставляли Хаоке оставаться в своем орудийном расчете, а не пытаться стать сержантом или офицером, что позволяют результаты его тестирования.

Моки испустил еще одну похвальбу на праймале. На этот раз громче. Стенос пытается вывести его из себя.

Хаоке вздохнул. Многие из экипажа начали вести себя странно, не так, как Моки, но все же плохо. И не только стеносы. Некоторые стеносы ведут себя лучше многих турсиоп. Мораль разрушается, и все больше дельфинов отказываются от

кининка, перестают вести ежедневную борьбу со своим животным началом. И несколько недель назад трудно было предсказать, кто окажется наиболее подвержен этой болезни.

Конечно, все лучшие отсутствуют — во главе с Хикахи и Свесси.

«К счастью, — подумал Хаоке. Он с иронией подумал о превращении дурного в хорошее, правильного в неправильное. — Ну, кажется, Такката-Джим понимает, что он чувствует, и не настроен против него. Помощник капитана с благодарностью принял поддержку Хаоке».

Хаоке слышал, как Моки бьет хвостом в воде, но прежде чем стенос смог произнести еще одну насмешку, ожили приемники на обоих санях.

— Хаоке и Моки? Вызывает фин-связист Хеурка-пит... Ответьте!

Вызывает оператор обнаружения, выполняющий функции связиста. То, что пришлось объединить эти функции, показывает, как плохо обстоят дела.

— Принято, говорит Хаоке. Моки в данный момент ответить не может. В чем дело?

Он слышал, как возмущенно задохнулся Моки. Но совершенно очевидно, что сейчас он не в состоянии отвечать на англике.

— Хаоке, на экране сонара цель к востоку... похоже на сани. Если цель враждебна, уничтожить. Если это кто-то с острова, они должны повернуть назад. Если откажутся, стреляйте, чтобы вывести из строя сани!

— Понято. Хаоке и Моки приступают к выполнению.

— Ну, ладно, приятель, — сказал Хаоке все еще безмолвному Моки. И криво усмехнулся. — Договоримся! Мы только поддерживаем карантин. Не стреляем в товарищей, если, конечно, не будет необходимости!

Нервным импульсом он включил двигатель саней. Не оглядываясь, поднялся с илистого дна и начал набирать скорость, направляясь на восток.

Моки посмотрел вслед Хаоке, потом включил двигатель своих саней.

Искушаем, искушаем... я, Моки...

Искушение — великолепно!

Сани погрузились в полутьму. На пассивном сонарном экране они были двумя точками, которые медленно заходили в тень острова, затем исчезли в ней.

Кипиру раскрыл клешню правой механиче-

ской руки и опустил портативный акустический прибор. Тот мягко упал на ил. Кипиру повернулся к Джиллиан.

Сделано, сделано —
Они гонятся за нашей тенью
Им не понравится,
Когда увидят добычу!

Джиллиан ожидала, что будет выставлена охрана. Несколько километров назад они оставили сани на автопилоте и поплыли на северо-запад. К тому времени, как сани снова включились, они уже были в нескольких сотнях ярдов от входного шлюза.

Джиллиан коснулась бока Кипиру. Чувствительная кожа дрогнула под ее рукой.

— Ты помнишь план, Кипиру?

Нужно ли спрашивать?

Джиллиан удивленно подняла брови. Такая короткая трель и вопросительный щелчок? Необычно краткий и прямой ответ для тринари. Кипиру способен на большее, чем она думала.

— Конечно, нет, дорогой всадник на волнах. Прошу прощения. Выполню свою часть и не буду беспокоиться о твоей.

Кипиру взглянул на нее, словно жалел, что на нем дыхатель. Словно хотел ответить ей на ее родном языке. Джиллиан ощутила легкое телепатическое прикосновение.

Она обхватила ровный гладкий торс.

— Береги себя, Кипиру. Помни, тобой восхищаются, тебя любят. Очень.

Пилот покачал головой.

Плавать — или
Сражаться
Предупреждать — или
Спасать
Заслужить — твое
Доверие

Они выскользнули из укрытия и быстро поплыли к шлюзу корабля.

48. ТАККАТА-ДЖИМ

Невозможно отдыхать.

Такката-Джим завидовал тому бессознательному состоянию людей, которое они называют сном. Когда человек ложится отдыхать ночью, он перестает осознавать мир, полностью дезакти-

вирует свои нервы и мышцы. И если ему снится сон, то физически он в нем не участвует.

Даже неодельфин не может так отключаться. Одно из полушарий его мозга всегда бодрствует, контролируя дыхание. Сон для фина — одновременно и более легок и гораздо более серьезен.

Такката-Джим плавал в капитанской каюте; ему хотелось бы вернуться в свою, маленькую. Но для экипажа важны символы. Его последователи должны опираться не только на логику. Им нужно видеть, что у стада Новый Вожак. А это значит, что нужно жить так, как жил прежний.

Он набрал воздуха и защелкал, осветив помещение звуковыми отражениями.

У Крайдайки, несомненно, вкус эклектический. Ифни знает, чем владел прежний капитан и что спрятал перед приземлением на Китрупе, чтобы не повредила влага. Но то, что осталось, поразительно.

За стеклянными витринами лежат произведения искусства художников десятков разумных рас. Звуковые фото странных миров и причудливых необычных звезд украшают стены.

Впечатляет музыкальная система Крайдайки. У него записаны тысячи песен и странных... звуков; когда Такката-Джим прослушивает их, у него

холодеет спина. Бесценна коллекция китовых баллад, причем значительная часть собрана им самим.

На коммутаторе фото Крайдайки с офицерами «Джеймса Кука». Сама капитан Элен Альварес подписала ее. Она положила руку на широкий лоб своего первого помощника, и дельфин с Элен прижались друг к другу перед камерой.

Такката-Джим служил на больших кораблях, на грузовых судах, обеспечивающих снабжение колоний на Атласте и Калафии, но в таких полетах, как легендарный «Кук», никогда не бывал. Никогда не видел таких зрелищ, не слышал таких звуков.

До Мелкого скопления... пока они не нашли мертвые корабли размером с луну...

Такката-Джим раздраженно забил хвостом. Плавники болезненно ударились о потолок. Дышал он тяжело.

Неважно. Все неважно, если он победит! Уведет «Стремительный» с Китрупа с живым экипажем! Если он это сделает, у него тоже будет фото. И рука президента Конфедерации Земли будет лежать на спине Такката-Джима.

Справа появились сверкающие точки. Они превратились в голографическое изображение в

нескольких дюймах от его глаза.

— Да, в чем дело! — рявкнул Такката-Джим.

Возбужденный дельфин, сгибая и разгибая механические руки, нервно кивнул. Это начальник хозяйственной части корабля Саппех.

— Сссэр! Происходит что-то ссстранное! Мы не знали, нужно ли вассс будить, но...

Такката-Джим с трудом понимал подводный англик этого фина. Верхние регистры Саппеха неконтролируемо искажались.

— Успокойтесь и говорите медленно! — резко приказал он. Фин мигнул, но попытался выполнить приказ.

— Я... я был во внешнем шлюзе. Слышал, как кто-то сказал, что объявлена тревога. Хеурка-пит послал Хаоке и Моки за звуками саней...

— Почему сразу не сообщили мне?

Саппех в отчаянии изогнулся. Мгновение казалось, что он слишком испуган, чтобы говорить. Такката-Джим вздохнул и спокойно сказал:

— Неважно. Вы не виноваты. Продолжайте.

Саппех с облегчением продолжал:

— Через несколько минут загорелся огонь на входном шлюзе. Ватгасети подошел, а я не обратил внимания. Но когда вошли Очиститель Жизни и Пилот в Водоворотах...

Такката-Джим вспенил воду. Только необходимость дослушать рассказ Саппеха помешала ему ударить того о стену.

— ...я пытался остановить их, как вы приказали, но Ватгасети и Хисс-каа прыгали от радости и втащили обоих!

— Где они сейчас? — спросил Такката-Джим.

— Баскин в центральном отсеке вместе с Ватгасети. Хисс-каа распускает слухи по всему кораблю. Кипиру взял сани и дыхатель и исчез.

— Куда исчез?

— Назад! — взвыл Саппех. Он быстро терял способность говорить на англике. Такката-Джим постарался воспользоваться тем, что еще оставалось.

— Пусть Хеурка-пит разбудит доктора Метца. Доктор Метц в сопровождении трех охранников должен прийти в лазарет. Отправляйтесь вместе с Савтутом к раздевалке сухого колеса и никого туда не впускайте. Понятно?

Саппех энергично кивнул, и его изображение исчезло.

Такката-Джим молился, чтобы у Хеурка-пита хватило ума отозвать Хаоке и Моки и послать их за Кипиру. Действуя вместе, с умом Хаоке и свирепостью Моки, они могли бы отрезать пилота от

теннанинского корабля.

«Почему еще не вернулся Кта-Джон? Я послал его за гардемарином, чтобы на время удалить с корабля. Боялся, что он становится опасным даже для меня. Хотел выиграть время, чтобы все организовать без него. Но Баскин вернулась раньше, чем я ожидал. Может быть, стоит держать Кта-Джона поблизости. Он может оказаться полезным».

Такката-Джим свистом открыл дверь и выплыл в коридор. Предстоит столкновение, которое он надеялся оттянуть часов на сорок, если не навсегда.

«Может, следовало избавиться от Крайдайки?.. Это было бы легко... перерыв энергоснабжения антигравитационного танка, выскочивший катетер... Метц не одобрит этого, но и так есть многое, о чем Метц не подозревает и не должен знать».

Такката-Джим подплыл к внутреннему лифту.

«Может, и не понадобится Кта-Джон, чтобы справиться с Баскин, — подумал он. — В конце концов что может сделать одна женщина?»

49. ПСИ-БОМБА

Высохшие стебли образовали купол над морем водорослей. С помощью распорок саней Том устроил грубую пещеру. Он сидел у входа, ожидая предрассветной полутьмы, и жевал один из немногочисленных пищевых брикетов.

Насколько можно, он очистил свои раны, покрыл их медицинской пеной. Поев, частично сняв боль, он снова чувствовал себя почти человеком.

Осмотрел свой маленький дистиллятор. В верхней части, в прозрачном мешке с фильтром, толстый слой морской воды и осадков. Но под фильтром почти полная фляжка.

Том взглянул на часы. Осталось пять минут. Некогда набирать еще одну порцию воды и заливать в дистиллятор. Не успеет он даже прочистить фильтр, как взорвется бомба.

Он подобрал фляжку, плотно завинтил крышку, положил в карман. Вытащил фильтр и вытряхнул осадок, потом свернул фильтр и сунул за пояс. Фильтр, вероятно, не устраняет все растворенные металлы. Он создавался не для Китрупа. Тем не менее, из всего багажа эта вещь, похоже, самая ценная.

Три минуты, сказали ему светящиеся стрелки часов.

Том посмотрел на небо. На востоке оно стало чуть светлее, и звезды начинали меркнуть. Утро будет ясное и потому очень холодное. Том вздрогнул и плотнее застегнул костюм. Обхватил колени.

Одна минута.

Когда начнется, будет как самый громкий звук. Как самый яркий свет. Удержать невозможно.

Он хотел закрыть глаза и уши, как от реального взрыва. Вместо этого смотрел на горизонт и начал считать. Сознательно заставил себя погрузиться в транс.

— ...семь... восемь... девять... десять... — Легкость заполнила грудь. Распространялась по телу, вызывая онемение и спокойствие.

Свет нескольких звезд на западе превратился в паутину лучей над полузакрытыми ресницами. Том ждал беззвучного взрыва.

— Сахот, я готов принять у вас дежурство.

Сахот сощурился и посмотрел на Тошио.

— Еще несссколько минут, ладно? Я кое-что сслушаю.

Тошио нахмурился. Не этого он ожидал от Сахота! Он пришел пораньше, чтобы освободить

фина-лингвиста, потому что Сахот ненавидит работу с зондом.

— Что случилось, Тош?

Дэнни села в спальном мешке, потерла глаза и всмотрелась в предрассветную мглу.

— Не знаю, Дэнни. Я предложил сменить Сахота, чтобы он не связывался с Чарли, когда тот позвонит. Но Сахот отказался.

Дэнни пожала плечами.

— Это его дело. А ты чего тревожишься?

Тошио почувствовал, как резкий ответ повис у него на языке, но заставил себя промолчать и отвернулся. Он будет игнорировать Дэнни, пока та не проснется и не станет вежливее.

После ухода Джиллиан и Кипиру Дэнни удивила его, без возражений согласившись с тем, что он теперь старший. В последние два дня она интересовалась только своими микроскопами и образцами, не обращая внимания даже на приставания Сахота и односложно отвечая на вопросы.

Тошио склонился к коммуникатору, связанному с санями Сахота. Напечатал вопрос и озабоченно посмотрел на монитор.

— Сахот! — строго сказал он. — Убирайтесь оттуда!

— Сссек... — неопределенно ответил дельфин.

Тошио поджал губы.

НЕМЕДЛЕННО будь ЗДЕСЬ

Собирайся

Прекрати все

И слушай внимательно!

Он услышал, как ахнула Дэнни. Она, вероятно, не все поняла в этом взрыве на тринари, но основную мысль уловила. Тошио почувствовал удовлетворение. Это тест. Он не может действовать так тонко, как Джиллиан Баскин, но должен добиться повиновения, если хочет оставаться офицером.

Сахот смотрел на него, ошеломленно мигая. Потом фин вздохнул и переместился к краю бассейна.

— Сахот, за четыре часа вы ни разу не снимали геологических показателей. Но опустили робота за это время на двести метров. Что с вами произошло?

Стенос покачивался из стороны в сторону. Наконец негромко проговорил:

— Я слушал песню...

Тошио показалось, что он ослышался. Он посмотрел на гражданского неофина, не веря своим

ушам.

— Что вы слушали?

— Пеcссню...

Тошио поднял руки и бессильно уронил их.

«Совсем спятил, — подумал он. — Сначала Дэнни, потом Сахот. У меня под присмотром двое спятивших».

Он чувствовал, что к бассейну приближается Дэнни.

— Слушайте, Сахот, — сказал Тошио. — Скоро позвонит доктор Дарт. Что, по-вашему, он скажет, когда...

— Я поговорю с доктором Дартом, — негромко сказала Дэнни.

— Ты? — Последние сорок часов Дэнни непрерывно бранилась из-за задания, которое выполняет по приказу Такката-Джима по просьбе Чарлза Дарта. Ей совершенно некогда было заниматься кикви. Тошио не мог себе представить, что она захочет поговорить с шимпанзе.

— Да, я. То, что я ему скажу, заставит его забыть о роботе, так что отстань от Сахота. Если он говорит, что слушал песню, значит, что-то услышал.

Тошио посмотрел на нее, потом пожал плечами.

«Отлично. Моя работа — охранять этих двоих,

а не исправлять их научные ошибки. Надеюсь, Джиллиан разберется с тем, что происходит на корабле, и я смогу доложить о происшествиях здесь».

Дэнни склонилась к воде и говорила с Сахотом. Говорила она медленно и тщательно, терпеливо относясь к его медлительным ответам на англике: он слишком долго был связан с роботом.

Дэнни хотелось нырнуть и посмотреть самой на сердцевину металлического острова. Сахот вызвался сопровождать ее, если она немного подождет, пока он запишет больше своей «музыки». Дэнни согласилась, очевидно, совершенно не боясь спуска под воду с Сахотом.

Тошио сел и стал ждать неизбежного зуммера связи с кораблем. Вокруг него спутники меняются за одну ночь, а он и понятия не имеет почему!

Глаза словно запорошило песком. Тошио потер их, но это не помогло.

Он помигал и постарался прислушаться к разговору Дэнни и Сахота. Но ему все труднее становилось сосредоточиться. Между ним и бассейном повисла какая-то дымка. Неожиданно возникло предчувствие чего-то ужасного. Оно распространялось, пульсируя, от затылка к лопаткам.

Он зажал руками уши.

— Дэнни! Сахот! Вы... — Он кричал, уже не слыша собственного голоса.

Они взглянули на него. Дэнни встала и с озабоченным лицом сделала шаг к нему.

И тут ее глаза широко и удивленно раскрылись. Тошио краем глаза увидел какое-то движение в лесу. И тут же из кустов на них набросились кикви!

Тошио пытался достать свой пистолет-игольник, но было уже поздно. Аборигены сомкнулись вокруг, размахивая короткими конечностями и крича высокими голосами. Трое столкнулись с ним, двое опрокинули Дэнни. Тошио упал, стараясь уберечь лицо от рвущих когтей, а сознание мутилось от громовых звуков.

Кикви мгновенно исчезли!

Преодолевая гром в голове, Тошио заставил себя встать и оглядеться.

Дэнни со стоном каталась по земле, зажимая уши. Тошио опасался, что ее поранили когти кикви, но, когда она повернулась к нему, он увидел только неглубокие порезы.

Дрожащими руками он достал игольник. Несколько кикви совсем не нападали на него, они бросились к берегу бассейна и нырнули.

«Это не они», — смутно подумал Тошио.

Звук был такой, словно тысячи ногтей скребли по доске.

Пси-нападение! Нужно укрыться! Вода смягчит нападение. Нужно нырнуть, как аборигены!

В голове ревело. Тошио пополз к бассейну. Но потом остановился.

Изменив направление, с трудом добрался до дерева на берегу бассейна. Сел, прижимаясь к стволу спиной. Попытался сконцентрироваться, несмотря на шум в голове.

«Вспомни, чему учил тебя мистер Орли, гардемарин! Думай о своем мозге и постарайся погрузиться в него. Определи иллюзии, посланные врагом... внимательно слушай его ложь... пользуйся инь и янь... двойным спасением... логикой, которая помогает проникнуть через покров Мары... и поддержать веру...»

Дэнни стонала и каталась в пыли в нескольких ярдах от него. Тошио положил игольник на колени, чтобы он был наготове, если появится враг. Позвал Дэнни, перекрикивая шум:

— Дэнни! Слушай биение своего сердца! Слушай дыхание! Это реальные звуки! А этот нет!

Он видел, как она медленно повернулась к нему, в глазах боль, бледные бескровные руки

прижаты к ушам. Шум усилился.

— Считай удары сердца, Дэнни! Они... они как океан, как прибой! Дэнни! — кричал он. — Ты слышала звук, который громче прибоя? Представь себе такой звук...

Она смотрела на него. Он видел, как она глубоко вдыхает, начинает считать.

— Да! Считай, Дэнни! Считай вдохи и удары сердца! Вспомни звук, который перекроет прибой!

Она смотрела ему в глаза, он цеплялся за ее взгляд.

Постепенно шум в голове достиг крещендо. Тошио видел, как наконец она кивнула и слабо благодарно улыбнулась.

Сахот тоже ощутил это. И в тот момент, как пси-волна накатилась на него, бассейн заполнился испуганными кикви. Сахота затопил ужасный шум снаружи и изнутри. Хуже, чем ослепнуть от света прожектора.

Он хотел нырнуть, уйти от этой какофонии. Но, борясь с паникой, заставил себя лежать неподвижно.

Попытался разделить шум, вначале выделить в нем человеческую партию. Дэнни и Тошио, кажется, пострадали сильнее него. Может, ока-

зались чувствительнее к нападению. Но помочь им невозможно!

Кикви в ужасе кричали, прыгая в бассейн.

Бежать! Бегство!

От печального огромного непонятного!

Кто-нибудь! Помогите!

Большому печальному непонятному!

Устами младенца... Сосредоточившись на пси-нападении, Сахот понял, что это действительно призыв о помощи. Больно, как в преисподней, но он старался справиться с болью и понять.

Ему показалось, что он добивается успеха, несомненно справляется, — и тут послышался новый голос, на этот раз через его нервное гнездо! Песня снизу, та самая, которую он не мог расшифровать всю ночь. Она взревела из внутренностей Китрупа. Ее просто невозможно не понять.

+ КТО ЗОВЕТ? —

— КТО СМЕЕТ БЕСПОКОИТЬ? +

Сахот застонал и разорвал связь с роботом. Трех криков, на разных уровнях сознания, вполне достаточно. Еще один, и он сойдет с ума!

Теннанинец Буоулт испугался, хотя офицер на службе Великих Призраков не должен думать ни о смерти, ни о живых врагах.

Шаттл прошел через шлюз флагманского корабля «Огонь Квега». Огромные двери, массивные и прочные, закрылись за ним. Пилот шатала проложил курс к флагману танду.

Танду.

Буоулт, демонстрируя уверенность, развернул головной гребень. Нервы и кровеносные сосуды при этом потеряют тепло в холодной атмосфере корабля танду, но совершенно необходимо выглядеть уверенным.

Вероятно, менее отвратительно было бы заключить союз с соро. Соро, по крайней мере, больше похожи на теннанинцев, чем артроподы танду, да и живут они при более подходящей температуре. К тому же клиенты соро — интересные типы, племя Буоулта с радостью бы занялось возвышением таких.

«Да и для них было бы лучше, — подумал он. — Потому что мы добрые патроны».

Если кожистые соро надоедливы и бессердечны, то танду вообще чудовища. А клиенты у них такие странные, что хвост Буоулта начинал дергаться, когда он вспоминал о них.

Буоулт с отвращением сморщился. Политика приводит к странным трансформациям генов. Теперь, среди выживших, соро — самые сильные. Теннанинцы — самые слабые из основных претендентов. И хотя философия танду чрезвычайно отталкивающая с точки зрения религии Отрекшихся, только они теперь стоят на пути торжества соро. И теннанинцы должны, пусть и временно, вступить с ними в союз.

А если танду начнут побеждать, наступит время новой смены союза. Это происходило уже много раз и произойдет еще.

Буоулт напрягся в ожидании предстоящей встречи. Он решительно не намерен выказывать страх, ступив на борт корабля танду!

Танду как будто не боятся своих непонятных вероятностных двигателей. Сумасшедшие изменения реальности, которые осуществляют их клиенты эписиархи, позволяют им передвигаться быстрее противников. Но иногда получившиеся изменения пространства-времени глотают целые флоты, навсегда устраняя и танду, и их врагов из вселенной! Это безумие!

«Пусть только не используют свои изощренные двигатели, пока я на борту, — произнесли молитвенные органы Буоулта. — Пусть мы только

составим план битвы, и я улечу».

Показался корабль танду, необычный, похожий на ходули; ради скорости и маневренности он пренебрегает защитой.

Конечно, даже самые необычные корабли всего лишь варианты древних проектов, которые содержатся в Библиотеке. Танду смелы, но не оригинальны.

Земляне во многих отношениях гораздо неудобнее танду. Их неуклюжие механизмы — вульгарная привычка, возникшая из-за отсутствия настоящего воспитания.

Буоулт подумал, чем сейчас занимаются «дельфины». Плохо им придется, если их заберут танду или соро. Даже примитивные морские млекопитающие, клиенты грубой волосатой расы сирот-волчат, заслуживают защиты, если это возможно.

Конечно, приоритеты есть везде. Прежде всего им нельзя позволить утаивать свои открытия!

Буоулт заметил, что в возбуждении выпустил пальцы-когти. Втянул их обратно и постарался успокоиться. Шаттл приближался к строю танду.

Но тут рассуждения Буоулта прервал неожиданный холод, от которого задрожал гребень... возбуждение на пси-полосе.

— Оператор! — выкрикнул он. — Свяжись с флагманским кораблем! Проверь, подтвердят ли они вызов.

— Слушаюсь, генерал-протектор!

Буоулт сдержал возбуждение. Пси-энергия может быть приманкой. Но все же ощущение верное. Изображение «Огня Кронодора». А они уже не надеялись его увидеть!

Его заполнила решимость. В предстоящих переговорах он попросит еще об одном одолжении. Танду должны помочь теннанинцам.

— Подтверждение, сэр. Это военный корабль «Огонь Кронодора», — сказал пилот дрожащим от возбуждения голосом. Буоулт выпрямил гребень. Смотрел вперед на металлические фигуры богомолов, готовясь к противостоянию, переговорам, к ожиданию.

Би Чохуан слушала песнь кита — редкую и дорогую запись, которая стоила ей когда-то месячной платы, — когда ее детекторы уловили сигнал бакена. Она неохотно опустила наушники и отметила направление и мощность. Было так много сигналов... бомб, взрывов, ловушек. Но один из маленьких вазунов указал, что луч исходит из водного мира.

Би причесала усы и задумалась.

— Мне кажется, это меняет положение, мои малыши. Нужно ли оставить этот пояс нерожденных отбросов и переместиться ближе к арене действия? Пора ли дать знать землянам, что поблизости у них есть друзья?

Вазуны прощебетали в ответ, что политика — ее дело. В соответствии с договором они шпионы, а не стратеги.

Би одобрила их сарказм: очень изысканно.

— Хорошо, — сказала она. — Попробуем приблизиться.

Хикахи торопливо запросила боевой компьютер скифа.

— Это какое-то пси-оружие, — через гидрофоны объявила она работавшим в корпусе чужого корабля. Ее англик был спокоен и точен, пронизан холодными тонами кининка. — Других признаков нападения я не вижу, поэтому считаю, что это результат битвы в космосе. Мы и раньше их ссслышали, хоть и не так сильно.

— Мы глубоко под водой, частично защищены от пси-волн. Сожмите зубы. Старайтесь не обращать внимания. Продолжайте выполнять свои обязанности с надлежащим рвением.

Хикахи отключила гидрофоны. Она знала, что Тшут уже среди работающих, шутит, поддержи-

вает моральный дух.

Пси-шум походил на назойливый зуд, но со странным ритмом. Словно какой-то код, разгадать который невозможно.

Хикахи посмотрела на Ханнеса Свесси, который сидел у ближайшей стены и казался очень усталым. Он должен был отправиться спать, но пси-удар подействовал на него сильнее, чем на дельфинов. Он сравнил его с ногтями, скребущими по доске.

— Я могу высказать два предположения, Хикахи. Одно было бы хорошей новостью, другое — очень плохой.

Она кивнула гладкой головой.

— Мы неоднократно проверяли связь, послали уже троих посыльных, но корабль молчит. Я предполагаю самое худшее.

— Что «Стремительный» захвачен, — Свесси закрыл глаза.

— Да. Пси-волна идет откуда-то с поверхности планеты. Может, как раз сейчас галакты дерутся за наш корабль — или за то, что от него осталось.

Хикахи приняла решение.

— Я возвращаюсь на «Стремительный» в лодке. Подожду, пока не будут завершены помещения для экипажа в корпусе. Нам нужна энергия скифа,

чтобы перезарядить аккумуляторы теннанинца.

Свесси кивнул.

— Послушайте, Хикахи, когда убежище внутри будет готово, мы можем накачать оксиводу для финов, и они смогут нормально отдыхать. К тому же корпус экранирует пси-излучение. И что самое важное, у меня есть собственная комната, сухая, без толпы пищащих детей, которые толкают меня носами, стоит мне отвернуться. — В глазах его была мягкая ирония.

У Хикахи слегка отвисла челюсть.

— Тогда подождите минутку, Хозяин Удивительных Игрушек. Я сейчас присоединюсь к вам. Работа отвлечет нас от царапанья ногтей чужаков.

Соро Крат не испытывала неприятных ощущений. Ее корабль был хорошо защищен от раздражающего пси-воздействия. Она с легким интересом восприняла сообщение пила Куллалберры.

В ходе битвы они уже засекали такие сигналы. Но ни разу они не исходили от планеты. Только в нескольких засадах война приближалась к самому Китрупу.

В обычных условиях она просто приказала бы выпустить торпеду и забыла бы об этом деле.

Вблизи планеты газового гиганта формируется предвиденный танду-теннанинский союз, и ей нужно принимать меры. Но что-то в этом сигнале ее заинтересовало.

— Определи точное происхождение этого сигнала с поверхности планеты, — сказала она пила. — Включая местоположение всех известных посадок вражеских кораблей.

— Их уже десятки, и место очень неопределенно, — ответил пила из отсека статистики. Голос у него высокий и резкий. Рот раскрывался и закрывался при каждом согласном, и волосатые реснички колебались над маленькими черными глазами.

Крат не удостоила его взглядом.

— Когда соро прервали служение пила их прежним патронам, кисса, — просвистела она, — то не для того, чтобы сделать вас Старшими. Кто смеет сомневаться в моих приказах, словно я человек, который возится с шимпанзе?

Куллалберра задрожал, быстро поклонился и ускользнул в центр сбора данных.

Крат счастливо заурчала. Да, пила близки к совершенству. Высокомерные и властные со своими клиентами и соседями, они торопливо выполняют любой каприз соро. Как прекрасно

быть Старшим Патроном!

Она в долгу перед людьми кое за что. Всего за несколько столетий они полностью заменили тимбрими в роли пугала для непослушных клиентов. Они символизируют все недостатки либерализма возвышения. Когда Земля будет приведена в порядок, а земляне приобретут подобающий им ранг клиентов, придется поискать другой пример для устрашения.

Крат подключилась к собственной линии связи. На экране появилось изображение соро Притил, молодого командира одного из кораблей ее флотилии.

— Да, мать флота, — Притил чуть склонила голову. — Слушаю.

Крат сглотнула от такой наглости.

— Корабль шестнадцать был медлителен в последней засаде, Притил.

— Это только одно мнение. — Притил осматривала свой брачный коготь. Начала чистить его перед экраном: этот нарочитый жест подчеркивает безразличие.

Молодые самки обычно не понимают, что подлинное оскорбление должно быть тонким и не сразу обнаруживаться. Крат решила преподать Притил такой урок.

— Тебе нужно отдохнуть. В следующей схватке корабль шестнадцать будет все равно бесполезен. Но есть возможность вернуть ему честь, а может, и захватить добычу.

Притил подняла голову, она заинтересовалась.

— Да, мать флота?

— Мы уловили сигнал, который внешне похож на что-то другое. Мне это подозрительно.

Привкус интриги, очевидно, привлек Притил.

— Я хочу тебя слушать, мать группы.

Крат вздохнула от такой предсказуемости. Она знала: все молодые капитаны считают легендой ее предчувствия. И понимала, что Притил попадется.

«Тебе еще многому предстоит научиться, — подумала она, — прежде чем ты сможешь сбросить меня и занять мое место, Притил. Но сначала твоя шкура изукрасится множеством шрамов. С наслаждением я поучу тебя, дочь моя».

Джиллиан и Маканай смотрели на Такката-Джима и доктора Игнасио Метца, вошедших в лазарет в сопровождении трех крупных стеносов в военных доспехах и с застывшими лицами.

Ватгасети пропищал что-то неразличимо вызывающее и попытался встать перед ними. Помощницы врача затрещали сзади.

Джиллиан встретилась взглядом с Маканай. Вот оно, столкновение. Теперь они увидят, вообразила ли все это Маканай. Джиллиан еще надеялась, что у Такката-Джима и Метца есть веские причины для своих действий, и рана Крайдайки — на самом деле несчастный случай.

Маканай уже приняла решение. Акки, молодой гардемарин с Калафии, все еще не вернулся. Врач посмотрела на Такката-Джима, как на тигровую акулу. Выражение дельфина-самца вполне оправдывало такой взгляд.

У Джиллиан было тайное оружие, но она поклялась не пускать его в ход без крайней необходимости.

«Пусть они начнут действовать, — подумала она. — Раскроют свои карты, прежде чем я достану козырный туз из рукава».

Первые шаги могут оказаться опасными. Джиллиан успела только накоротке переговорить с Ниссом, потом заторопилась в лазарет. Ее положение может оказаться трудным, если она неправильно оценила степень атавизма на «Стремительном». Может, следовало оставить при себе Кипиру.

— Доктор Баскин! — Игнасио Метц не стал подплывать близко, он ухватился за поручень

у стены и позволил стеносам проплыть вперед. — Рад видеть вас, но почему вы не известили о своем прибытии?

— Серьезное нарушение правил безопасности, доктор, — добавил Такката-Джим.

Вот как они решили это представить, подумала Джиллиан. И вполне могут засадить меня в карцер.

— Я явилась на совет корабля, джентльфин и джентльмен. Меня вызвала на него доктор Маканай. Жаль, что на мостике затеряли мой ответ. Я слышала, там все новые и неопытные операторы.

Такката-Джим нахмурился. Может, она и посылала сообщение, но оно пропало во всеобщей суматохе.

— Послание Маканай тоже нарушает приказ! А ваше возвращение противоречит моим распоряжениям.

Джиллиан изобразила удивление.

— Разве она не передала мне просто приглашение на совет корабля? Правила совершенно ясны. Вы должны созвать совет в течение двадцати четырех часов после смерти или выхода из строя капитана.

— Подготовка к совету идет. Но в чрезвычай-

ных обстоятельствах исполняющий обязанности капитана может действовать и без помощи совета. Столкнувшись с открытым неповиновением приказу, я имею право...

Джиллиан напряглась. Ее подготовка ничего не даст, если Такката-Джим потерял способность к разумным действиям. Попробовать вскочить на автоврачей, и оттуда на парапет. От него совсем близко ее кабинет.

— ...задержать вас на время, пока не отменят чрезвычайные обстоятельства.

Джиллиан взглянула на стеносов. Неужели они способны причинить вред человеку? Присмотрелась и поняла — способны.

Во рту у нее пересохло, но она не показала этого.

— Вы неправильно оцениваете свой статус, лейтенант, — спокойно сказала она. — Я думаю, мало кто из финов на борту удивится, узнав...

Слова застряли у нее в горле. Джиллиан спиной ощутила холод, окружающий воздух словно задрожал и запульсировал. Она ухватилась за перила, и в голове ее родился глубокий рокочущий звук.

Остальные смотрели на нее, удивленные ее поведением. Но затем они тоже почувствовали.

Такката-Джим развернулся и закричал:

— Пси-оружие! Маканай, дайте мне связь с мостиком! На насссс нападают!

Врач-дельфин отодвинулась, удивленная скоростью, с какой Такката-Джим мелькнул мимо нее. Джиллиан зажала уши руками, увидела, как Метц сделал то же самое; глухой звук становился все громче. Стеносы с расширенными от страха зрачками бились у стены.

«Попробовать прорваться сейчас? — подумала Джиллиан. — Но если это нападение, мы должны забыть распри и объединиться».

— ...некомпетентность! — кричал Такката-Джим в коммуникатор. — Что значит «всего тысяча миль отсюда»? Определите точно! Почему не действуют активные сенсоры?

— Подождите! — закричала Джиллиан. Она хлопнула в ладоши. И начала смеяться. Такката-Джим продолжал кричать на команду мостика, но остальные удивленно повернулись к ней.

Джиллиан смеялась. Хлопала по воде, колотила по ближайшему автоврачу, обхватила дрожащий бок Ватгасети. Тут даже Такката-Джим остановился, пораженный этим, по-видимому, психическим приступом веселья. Смотрел, позабыв о лихорадке на мостике.

— Том! — громко воскликнула Джиллиан. — Я говорила: он не может умереть! Черт побери, я тебя люблю, сукин... О, если бы я пошла, сейчас была бы уже дома!

Фины смотрели на нее; глаза их раскрылись еще шире, они начинали понимать, о чем она говорит.

А она смеялась, и слезы текли по ее лицу.

— Том, — негромко сказала она. — Я тебе говорила, что ты не умрешь! — И не глядя обняла ближайшего фина.

Звуки вернулись к Крайдайки, плывущему в невесомости.

Все равно что слушаешь Бетховена или пытаешься понять песню кита-горбача.

Кто-то оставил подключенной аудиосвязь: вдруг он произнесет еще что-нибудь. Но никто не подумал, что связь действует в обоих направлениях. Слова извне проникали в антигравитационный танк.

Они мучительно ускользали, как проблески мысли большой симфонии, намекали на то, что композитор уловил нечто неуловимое, такое, на что ноты могут лишь намекнуть, к чему мир никогда не приблизится.

Что-то кричит и фыркает Такката-Джим. Ясен

угрожающий тон. Ясна и осторожная чистота голоса Джиллиан Баскин. Если бы только он мог понять слова! Но англик для него утрачен.

Крайдайки знал, что его корабль в опасности, но ничего не мог сделать. Старые боги еще не закончили с ним, они не дадут ему пошевелиться. Они должны показать еще многое, прежде чем он сможет служить их целям.

Он уже смирился с периодическими вспышками ужаса — будто ныряешь в глубину на схватку с гигантским спрутом, потом поднимаешься вверх глотнуть воздуха и снова опускаешься в хаос. Когда они снова потащат его вниз, он опять будет захвачен водоворотом идей-иероглифов, бьющимся сном, который чужд его мозгу инженера.

Это было бы невозможно, сохранись его центры речи. Крайдайки горевал о потере слов. Слушал звуки снаружи, сосредоточивался изо всех сил на странном музыкальном — знакомом ощущении.

Не все ушло, решил он. Время от времени он узнавал отдельные слова. Простые слова, в основном названия предметов и имена людей или названия простых действий, связанных с этими людьми.

Это могли сделать и его отдаленные предки.

Но запомнить больше трех или четырех слов он

не мог, и поэтому ему невозможно было следить за разговором. Он мог с трудом расшифровать предложение и тут же забывал его, занявшись следующим. Это было мучительно трудно, и наконец он заставил себя отказаться от бессмысленных усилий.

Так ничего не выйдет, заключил он.

Напротив, сказал он себе, надо попытаться ухватить суть. Используй хитрости, которые применили к тебе старые боги. Охватывай. Поглощай... чувствуй то, что чувствовал Бетховен, погружаясь в загадки скрипичного концерта.

Из микрофона доносились сердитые звуки разговора разумных. Звуки плясали по помещению, отскакивали от стен, разлетались, как капли. После ужасной красоты ВНИЗУ Крайдайки испытывал отвращение. Но он заставил себя слушать, искать путь, какой-то способ спасти «Стремительный» и его экипаж.

Он сконцентрировался, усиливалось желание действовать. Крайдайки искал фокус, центр этих хаотических звуков.

Злоба

Муть

Прилива

Не видно
Акул!
Междоусобная борьба...
Приглашает
Акул!
Глупое согласие.

Невольно он снова защелкал. Пытался остановиться, понимая, к чему это приведет, но щелчки в его лбу возникали непроизвольно, и скоро к ним присоединились низкие стоны.

Разговор снаружи стих, он ткал вокруг себя все более густую сеть собственным пением. И постепенно рядом с ним образовалась новая реальность. Совсем близко плыла темная фигура.

Без слов он велел ей уходить.

: НЕТ: МЫ ВЕРНУЛИСЬ: ТЕБЕ ЕЩЕ НУЖНО УЧИТЬСЯ:

«Я знаю, что ты мой бред. Сама не производишь ни звука! Всегда говоришь отражениями моего сонара!»

: РАЗВЕ ТВОИ ОТРАЖЕНИЯ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛИ ТАКИМИ СЛОЖНЫМИ?:

«Кто знает, на что способно мое подсознание? В моей памяти такие странные звуки, каких не слышал ни один китообразный. Я слышал,

как живые облака свистят ураганам времени. Я слушал бомбы судьбы в черных дырах и песни звезд!»

: ТЕМ БОЛЕЕ, ТЫ ТОТ, КТО НАМ НУЖЕН: ТОТ, КОГО МЫ ХОТИМ:

«Я нужен здесь!»

: И ПРАВДА:

: ИДЕМ:

: КРАЙДАЙКИ:

Старый бог, Кк-кп-крии, придвинулся ближе. Его сонически прозрачная фигура блестела. Сверкали острые зубы. Вымысел или нет, но огромное тело начало двигаться, унося его с собой, как и раньше, не способного сопротивляться.

: ВНИЗ:

И тут, как раз когда Крайдайки уже смирился, он услышал звук. Чудо, но этот звук порожден не им, он не из его безумного сна. Он приходит откуда-то извне, мощный и властный!

: НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ: ИДЕМ:

Мозг Крайдайки устремился к этому звуку, как стая кефали, звук стал оглушающим.

: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ЧУВСТВАМИ: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ПСИ, О КОТОРОМ НЕ ЗНАЛ РАНЬШЕ: НО ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ: НЕ ДУМАЙ О БЫСТРОЙ НАГРАДЕ: ИДИ ТРУДНЫМ ПУТЕМ...:

Крайдайки рассмеялся и раскрылся навстречу. Звук ударил в него, превратил сверкающую тьму старых богов в искры, разбросал их, и они медленно исчезли.

: ЭТОТ ПУТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ЗАКРЫТ:

: КРАЙДАЙКИ...:

И большелобый бог исчез. Крайдайки рассмеялся, освобождаясь от жестокой иллюзии, благодарный новому звуку.

Но звук продолжал усиливаться. Ощущение победы переросло в панику, когда давление в голове усилилось, билось о стены черепа, грозило разорвать его. Мир превратился в чуждый крик о помощи.

Крайдайки переливисто засвистел в отчаянии, пытаясь держаться поверх сокрушительного прилива.

50. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Волны псевдозвука наконец начали спадать.

— Крайдайки! — воскликнула Маканай и подплыла к танку. Остальные тоже повернулись, только сейчас заметив беспокойство раненого дельфина.

— Что с ним? — Джиллиан подплыла к Ма-

канай. Она видела, как слабо бьется капитан, испуская негромкие медленные стоны.

— Не знаю. Никто не следил за ним, когда взорвалась пси-бомба. Я только сейчас заметила, что он обеспокоен.

К Джиллиан подплыл Игнасио Метц.

— Джиллиан... — начал он, — я хочу, чтобы вы знали: я рад, что Том жив, хотя его опоздание сулит неприятности. Я по-прежнему считаю, что его план «Троянский морской конек» неудачен.

— Обсудим это на совете корабля, доктор Метц, — холодно ответила она.

Метц прочистил горло.

— Не уверен, что исполняющий обязанности капитана позволит... — Он замялся под ее взглядом и отвернулся.

Джиллиан посмотрела на Такката-Джима. Если он сделает что-то опрометчивое, это послужит последней каплей, которая подточит мораль «Стремительного». Джиллиан должна убедить Такката-Джима, что он проиграет, если попробует бороться с ней. Новость о том, что Томас Орли жив, пронесется по кораблю, как звук горна. И так уже один из стеносов, которые, очевидно, тщательно были отобраны помощником капитана, выглядел возмущенным и оживленно разговари-

вал с Ваттасети.

«Я должна действовать быстро, — поняла Джиллиан. — Он в отчаянном положении».

Она с улыбкой подплыла к Такката-Джиму. Он попятился, верные ему стеносы смотрели на нее с боков.

Джиллиан заговорила негромко, так, чтобы не слышали другие.

— Даже не думайте, Такката-Джим. Все фины на борту теперь думают о Томе Орли. Если вы считаете, что сможете навредить мне сейчас, лучше еще раз хорошенько задумайтесь.

Глаза Такката-Джима расширились, и Джиллиан поняла, что попала в цель благодаря легенде о своих пси-способностях.

— К тому же, тут доктор Метц. Он доверчив, но если мне навредят у него на глазах, вы его потеряете. Вам ведь нужен человек, как символ? Без хотя бы одного человека ваши стеносы разбегутся.

Такката-Джим громко хлопнул челюстью.

— Не пытайтесь запугать меня! Я не причинил вам вреда! Я — законная власть на корабле. И могу приказать заключить васс под стражу!

Джиллиан взглянула на свои ногти.

— Вы уверены?

— Вы хотите, чтобы экипаж не повиновался

законному командиру? — Такката-Джим был искренне поражен. Он понимает, что многие фины, особенно турсиопы, пойдут за ней, что бы ни говорил закон. Но это означало бы мятеж, и экипаж оказался бы расколот.

— На моей стороне закон! — просвистел он.

Джиллиан вздохнула. Игру надо доводить до конца, хотя это причинит огромный ущерб дельфинам на Земле, когда они узнают. И она шепотом произнесла два слова, которые ей не хотелось произносить.

— Тайные приказы, — сказала она.

Такката-Джим смотрел на нее, потом пронзительно крикнул. Встал на хвост и перевернулся, а охрана недоуменно смотрела на него. Джиллиан повернулась и увидела, что на нее смотрят Метц и Ватгасети.

— Не верю! — плевался Такката-Джим, разбрасывая во все стороны воду. — На Земле нам пообещали, что «Стремительный» наш!

Джиллиан пожала плечами.

— Спросите команду на мостике, работает ли боевой компьютер, — предложила она. — Пусть кто-нибудь попробует выйти через наружный шлюз. Попытайтесь открыть дверь в арсенал.

Такката-Джим развернулся и поплыл к ком-

муникационному экрану в конце помещения. Охранники последовали за ним. Такката-Джим был ошеломлен предательством.

Не весь экипаж почувствует то же самое, Джиллиан знала. Большинство просто обрадуется. Но в глубине души все поймут, что одна из основных задач полета «Стремительного» — выработать у неофинов ощущение независимости, уверенности в себе — теперь не будет выполнена.

«Был ли у меня другой выход? Могла ли я сначала попробовать что-то другое?»

Она покачала головой. Хорошо бы, Том был здесь. Он мог поставить все на место одной саркастической песенкой на тринари. Все бы сразу устыдились.

«О Том, — думала она. — Мне следовало отправиться вместо тебя».

— Джиллиан!

Плавники Маканай били воду, доспехи жужжали. Одной металлической рукой она указывала на раненого дельфина, плавающего в антигравитационном танке.

Крайдайки смотрел на нее!

— Но ведь вы сказали, что его кора сожжена! — воскликнул Метц.

Крайдайки выражал величайшую сосредото-

ченность. Дышал он тяжело, потом отчаянно крикнул:

— Наружу!

— Это невозможно! — вздохнула Маканай. — Его центры речи...

Крайдайки хмурился, пытаясь сконцентрироваться.

Наружу:

Крайдайки!

Плавать:

Крайдайки!

Это был детский тринари, да еще в странном тоне. Но в темных глазах светился разум. Ожило телепатическое восприятие Джиллиан.

— Наружу! — Крайдайки повернулся в танке и громко ударил плавниками по окну. Он повторил слово на англике. Но оно звучало словно на праймале.

— Наружу!

— Помогите ему выбраться! — приказала Маканай ассистенткам. — Осторожно! Быстрее!

Такката-Джим, перекосившись от гнева, на большой скорости плыл от коммуникационного экрана. Но неожиданно остановился и ярким глазом посмотрел на капитана.

Это была последняя капля.

Такката-Джим повернулся и отплыл, не зная, какую позу принять. Он посмотрел на Джиллиан.

— То, что я делал, я делал потому, что считал это лучшим выходом для экипажа, корабля и всей экспедиции. На Земле я сумею защитить себя.

Джиллиан пожала плечами.

— Будем надеяться, что у вас появится такая возможность.

Такката-Джим сухо рассмеялся.

— Ну, хорошо, мы соберем этот совет корабля. Я созываю его через час. Но позвольте предупредить вас: не заходите слишком далеко, доктор Баскин. У меня еще есть сила. Мы можем договориться. Если вы попытаетесь поставить меня к позорному столбу, вы расколете экипаж.

— И я буду сопротивляться, — негромко добавил он.

Джиллиан кивнула. Она добилась чего хотела. Даже если Такката-Джим и сделал то, в чем подозревает его Маканай, никаких доказательств нет, и теперь нужно либо идти на компромисс, либо начать гражданскую войну и потерять корабль. Первому офицеру нужно оставить выход.

— Я понимаю, Такката-Джим. Через час я буду.

Такката-Джим с охранниками повернулся, собираясь уплыть.

Джиллиан видела, как Игнасио Метц смотрит вслед лейтенанту-дельфину.

— Вы утратили контроль? — сухо спросила она, проплывая мимо.

Голова генетика дернулась.

— Что, Джиллиан? Что вы имеете в виду? — Но выражение лица выдало его. Подобно большинству других, Метц переоценивал ее пси-способности. И теперь ломал голову, прочла ли она его мысли.

— Неважно. — Джиллиан криво усмехнулась. — Пойдемте посмотрим на чудо.

И поплыла туда, где Маканай беспокойно ждала выплывающего капитана. Метц неуверенно последовал за ней.

51. ТОМАС ОРЛИ

Дрожащими руками он отвел ветви от входа в пещеру. Выполз из убежища и замигал, глядя на туманное утро.

Небо закрывал толстый слой низких туч. Уже хорошо, что чужих кораблей пока нет. Он опасался их появления, пока лежит беспомощно, борясь

с действием пси-бомбы.

Было очень невесело. В первые же несколько минут пси-удары уничтожили его гипнотическую защиту, перекрыли ее и заполнили мозг чуждым воем. Два часа — они показались ему вечностью — он сражался с безумными картинами, дергающими нервы звуками и огнями. Он все еще дрожал от реакции.

«Надеюсь, там, вверху, есть теннанинцы, и они на это клюнут. Испытанное должно того стоить».

По словам Джиллиан, Нисс уверен, что нашел нужные коды в Библиотеке, взятой на борту теннанинского корабля. И если в системе еще есть теннанинцы, они отзовутся. Бомбу должны были засечь на миллионы миль во всех направлениях.

Том набрал горсть грязи между водорослями и отбросил ее. Углубление почти до верха заполнила пенистая морская вода. Другое углубление находится в нескольких метрах, под соседним холмиком, там неуверенно покачиваются водоросли, но Тому хотелось входить в воду поблизости.

Он как мог убрал грязь, потом вытер руки и принялся наблюдать из своего убежища за небом. На колени положил оставшуюся пси-бомбу.

Во время крушения ему удалось спасти только

три таких бомбы, поэтому он может сообщить немного сведений. В зависимости от того, какую бомбу он приведет в действие, Джиллиан и Крайдайки будут знать, какие именно чужаки явились проверять его сигнал.

Конечно, может произойти нечто такое, что не укладывается ни в один из обсуждавшихся сценариев. И тогда ему придется решать, посылать свое двусмысленное сообщение или ждать.

«Может, надо было прихватить с собой радио, — подумал он. — Но военные корабли мгновенно засекут радиоисточник и уничтожат его, не успеет он произнести и нескольких слов. Бомба посылает сообщение в течение секунды и засечь ее гораздо труднее».

Том думал о «Стремительном». Казалось, он уже целую вечность не был на корабле. Все вожделенное находится там: пища, сон, горячий душ, его женщина.

Он улыбнулся своим приоритетам. Ну, Джилл поймет.

«Стремительному» придется оставить его, если эксперимент поможет покинуть Китруп. Не самая бесчестная смерть.

Он не боится смерти, но нужно сделать все, что возможно, а не просто плюнуть в глаза смерти,

когда она придет. Важен последний жест.

Но тут он увидел другое, гораздо менее приятное мысленное зрелище: «Стремительный» захвачен, космическое сражение окончено, все его усилия бесполезны.

Том вздрогнул. Лучше думать, что его самопожертвование не напрасно.

Свежий ветер гнал облака. Они разделялись на густые влажные полосы. Том заслонил глаза от света. Ему показалось, что он увидел на фоне восходящего солнца какое-то движение, ближе к югу. И поглубже заполз в свою импровизированную пещеру.

Из одной движущейся полосы на востоке медленно опускался темный предмет. Он повис над покрытым водорослями морем, и клубы пара скрыли его форму и размер.

До Тома донесся слабый барабанный бой. Он скорчился, жалея о потерянном бинокле. Но вот дымка на мгновение разошлась, и он ясно увидел парящий космический корабль. Похожий на гигантскую стрекозу, с заостренными концами, смертельно опасную.

Мало кто решается так глубоко заглядывать в Библиотеку, как полные идиосинкразий безжалостные танду. Из узкого корпуса во всех

направлениях торчат многочисленные выступы — явный признак принадлежности танду.

Но выступ с одного конца, тупой, клинообразный, мешает общему впечатлению беззаботности. Он не вписывается в очертания корабля.

Прежде чем Том смог разглядеть получше, туман снова сгустился, закрыв висящий крейсер. Но слабый гул мощных двигателей становился отчетливее.

Том почесал отросшую за пять дней щетину. Появление танду — дурная новость. Если не появятся другие, Тому придется приводить в действие бомбу номер три — «Стремительному» закрыться и готовиться к смертельной схватке.

С этим врагом человечество так и не сумело вступить в переговоры. В засадах галактических болот земные корабли редко вступали в бой с танду, даже когда преимущество было на их стороне. А танду, напротив, предпочитали сразу вступать в бой, особенно если нет свидетелей. Действовал приказ — любой ценой избегать столкновений с ними, пока советники тимбрими не подскажут человеческому экипажу, как уйти от этих мастеров тайных ударов.

Если появятся только танду, можно считать, что Том видит свой последний рассвет. Потому

что, приведя в действие бомбу с сообщением, он сразу выдаст себя. У танду есть клиенты, которые улавливают даже отдельные пси-мысли по запаху.

«Вот что я тебе скажу, Ифни, — подумал Том. — Пришли еще кого-нибудь сюда. Я не настаиваю, чтобы это обязательно был теннанинец. Подойдет боевой планетоид йофуров. Перемешай тут все как следует, и я обещаю, вернувшись домой, прочесть пять сутр, десять „Аве, Мария“ и десять киддушей. Договорились? Даже пожертвую несколько кредиток, если хочешь».

Он представил себе, как из туч появляется тимбрими-человеческо-синтианский военный флот, разбивает танду вдребезги и очищает небо. Прекрасная мысль, хотя сразу приходят в голову десятки соображений, почему это невозможно. Во-первых, синтиане, хоть и дружески настроенные, не вмешаются, если не будут абсолютно уверены в победе. Тимбрими, вероятно, помогли бы Земле защититься, но не будут ради каких-то волчат-сирот слишком далеко высовываться.

«Ну хорошо, Ифни, госпожа удачи и случая. — Том потрогал бомбу номер три. — Подойдет один-единственный избитый теннанинский крейсер».

Бесконечность не дала ему немедленного ответа. Да он и не ожидал.

Гул усилился и звучал теперь как будто над самой головой. Волосы на затылке Тома поднялись, поля корабля накрыли его, соприкоснувшись со скромной пси-защитой.

Потом звук начал медленно удаляться. Том посмотрел на запад. Облака снова разошлись, и он увидел корабль танду, легкий истребитель, даже не крейсер, всего в нескольких милях от себя.

На его глазах клинообразный выступ отделился и медленно поплыл на юг. Том нахмурился. Не похоже на знакомые ему разведчики танду. Совсем другая конструкция, прочная, как...

Облака снова сошлись, закрыв два корабля. Рев их двигателей заглушил ворчание ближайшего вулкана.

Неожиданно в облаках, в том месте, где Том в последний раз видел корабль танду, блеснули три яркие зеленые вспышки и сверкающей радугой ударились в море. Прозвучал сверхзвуковой гром.

Вначале Том решил, что танду что-то взрывают внизу. Но тут в разрыве туч он увидел: взорвался сам корабль. Кто-то высоко над облаками ведет огонь по танду!

Том был слишком занят, хватая свое оборудование, чтобы тратить время на наблюдение. Он отвернулся и потому не ослеп, когда корабль танду выпустил лучи антиматерии в своего врага. Горячая волна обожгла Тому затылок и руки, Том сунул пси-бомбы за пояс и надел на голову дыхательную маску.

Лучи антиматерии образовали на небе солнечные полосы. Том схватил мешок и нырнул в отверстие, которое недавно расчистил от грязи и водорослей.

Том заметил, что автоматически задерживает дыхание. Бессмысленно. Маска не позволит кислороду просочиться, но выпустит двуокись углерода. Держась за прочный стебель водоросли, Том начал глубоко дышать.

Дышать было трудно. Ему казалось, что с таким количеством растительности в воде должно быть много кислорода. Но маленький приборчик на краю маски подсказал ему, что это не так. Вода бедна кислородом по сравнению с обычно богатым соляным раствором китрупского моря. Колышущиеся жабры маски поставляют только треть кислорода, который ему понадобится, даже если он будет совершенно неподвижен.

Через несколько минут у него начнет кружить-

ся голова. Пройдет еще немного времени, и он потеряет сознание.

Гул битвы проникал под водоросли тупыми ударами. В отверстия травянистой крыши пробивались яркие вспышки, прямо перед Орли. Даже непрямой свет жег глаза. Том видел, как листва над поверхностью, пережившая падение пепла с вулкана, теперь корчилась от жара, становилась коричневой и распадалась.

«Прощайте, припасы, — подумал он. — И спасение с воздуха».

Он обхватил ногами толстый корень и снял мешок со спины. Порылся в поисках чего-нибудь неожиданного. В резких тенях содержимое мешка он определял на ощупь.

Инерционный курсоуказатель, который дала ему Джиллиан, пачка пищевых брикетов, две фляжки «пресной» воды, заряд для игольника, сумка для инструментов.

Кислородный расходомер зловеще покраснел. Том зажал мешок между ног и раскрыл сумку с инструментами. Схватил моток восьмидюймового резинового шланга. Когда перерезал ножом шланг, перед глазами уже плыли пурпурные пятна.

Том сунул один конец шланга в прорезь маски.

Маска выдержала, но содержимое шланга пролилось ему в рот, заставив закашляться.

Но сейчас не до нежностей. Том, извиваясь, поднимался по стеблю к поверхности, к отверстию в водорослях.

Он зажал другой конец шланга, но, когда распрямил его, хлынула горько-соленая маслянистая вода. Он повернул голову, но немного все же пришлось проглотить. Отвратительный вкус.

Маска очистит жидкость, если, конечно, ее попадет не много.

Том поднял руку и высунул шланг над поверхностью небольшого бассейна, откуда вспышки продолжали посылать в глубину столбы света. Он глубоко вдохнул, выплюнул слизь с резким металлическим привкусом, отчаянно пытаясь прочистить шланг.

Блеснула новая вспышка, пальцы Тома обожгло. Он подавил инстинктивный крик и стремление отдернуть пальцы. Почувствовал, как теряет сознание, но силой воли удерживал левую руку в обжигающем жару.

Еще раз вдохнул и наконец был вознагражден тонкой струйкой влажного воздуха. Том начал лихорадочно всасывать воздух. Горячий, полный пара, пахнущий дымом, но такой освежающий.

Том выдыхал в маску, надеясь, что она удержит с таким трудом добытый кислород.

Боль в легких стихла, и резко заявила о себе боль в руке. И в тот момент, когда Тому показалось, что он больше не выдержит, жар вверху схлынул, вспышки сменились тусклым свечением.

В нескольких метрах образовалось еще одно отверстие, там он может выставить шланг между двумя водорослями, не показываясь. Том несколько раз вдохнул, потом зажал шланг. Но прежде чем он успел сделать что-нибудь еще, резкий голубой свет пронизал воду, отбрасывая вокруг отчетливые тени. Последовал сильный толчок, и море начало швырять Тома, как рваную куклу.

Что-то большое упало в океан и привело его в движение. Корень, за который Том цеплялся, оторвался от дна, и Том оказался в водовороте бьющихся стеблей.

Мешок его сорвало. Том успел схватить его за ремень, но что-то ударило его по голове, чуть не лишив сознания. Мешок исчез в шуме и мелькающих тенях.

Том свернулся в клубок, прижимая руками маску, чтобы ее не сорвало.

Придя в себя, он смутно удивился, что еще

дышит.

Тому показалось, что битва продолжается, но потом он понял, что дрожь только в его теле. А рев в ушах — только рев в его ушах.

Обожженная левая рука лежит на каком-то стебле. Пенистая зеленоватая вода покрывает тело до подбородка, плещется о маску. Легкие болят, и воздух затхлый.

Том поднял дрожащую правую руку и сорвал маску, она повисла на шее. Фильтры удерживали запах озона, теперь он ощущался очень сильно, но Том глубоко, благодарно вдохнул.

В последнее мгновение он решил, пожертвовав собой, вынырнуть на поверхность. К счастью, битва закончилась раньше.

Том превозмог искушение потереть горящие глаза: слизь на руках не принесет им ничего хорошего. По сигналу обратной связи хлынули слезы и смыли большую часть грязи.

Том снова мог видеть.

На севере, как обычно, дымился вулкан. Облачный покров кое-где расступался, открывая изогнутые столбы многоцветного дыма. Из водорослей выбирались маленькие существа и возобновляли свое предназначение — есть и быть съеденными. В небе больше не было видно

боевых кораблей, сжигающих друг друга лучами сверхновых.

Впервые Том обрадовался однообразию этого поля водорослей. Ему даже не приходилось подниматься, чтобы видеть столбы дыма от обломков.

Один из таких обломков взорвался у него на глазах. Звук долетел через несколько секунд серией приглушенных кашлей и щелчков, подчеркнутых беспорядочными яркими вспышками. Темные очертания глубже ушли в воду. Том отвел взгляд. А когда посмотрел снова, не увидел ничего, кроме облаков пара. Легкий шипящий звук постепенно затих.

Повсюду плавали обломки. Том медленно поворачивался, потрясенный этой картиной уничтожения. Обломков гораздо больше, чем можно ожидать от обычной стычки в засаде.

Он рассмеялся над иронией случившегося, отчего тут же заболели легкие. Все галакты явились по ложному сигналу тревоги и принесли свою смертоносную вражду, а ведь отправлялись в спасательную экспедицию. И теперь они мертвы, а он еще жив. Не похоже на обычные капризы Ифни. Напротив, похоже на таинственный замысел самого бога.

«Означает ли это, что я по-прежнему цел? — удивился Том. — Это было бы замечательно. Так много пиротехники, а выжил всего лишь один жалкий человек».

Наверное, ненадолго. Из-за этой схватки он потерял почти все припасы, которые сохранил с таким трудом. Том нахмурился. Бомбы с сообщениями! Схватился за пояс — и мир словно рухнул. Остался только один шар! Остальные, должно быть, сорвались, когда его болтало между водорослями.

Когда правая рука перестала дрожать, Том осторожно сунул руку за пояс и извлек пси-бомбу, свою последнюю связь со «Стремительным»... с Джиллиан.

Это подтверждение... та бомба, которую он должен взорвать, если придет к выводу, что «Троянский морской конек» должен взлетать. И теперь ему предстоит решить, посылать ли это сообщение или не посылать никакого.

«Хотел бы я только знать, чей корабль открыл огонь по танду».

Спрятав бомбу, Том продолжал медленно поворачиваться. Один обломок на северо-западе похож на разбитую яичную скорлупу. От него по-прежнему поднимается дым, но пожар, кажется,

прекратился. Взрывов не видно, и он как будто больше не погружается.

«Ну, ладно, — подумал Том. — Это будет моей целью. Он выглядит почти целым, пригодится для каких-нибудь нужд. Может, там найдется что-нибудь полезное. Еда. И, конечно, это убежище, если он не радиоактивен».

До обломка около пяти километров, хотя ландшафт здесь очень обманчив. Но, по крайней мере, появится какая-то цель. Тому нужно больше информации. А обломок может ее дать.

Том подумал, идти ли «сушей», пробираясь через водоросли, или плыть под водой, от одного бассейна к другому, бросая вызов неведомым подводным существам.

Неожиданно Том услышал сзади высокий щебечущий звук, повернулся и увидел маленький космический корабль, примерно в километре от себя, медленно летящий на север низко над океаном. Мерцали его защитные поля. Двигатели работали с перерывами.

Том натянул маску и приготовился нырнуть, но маленький корабль двигался не в его сторону. Он проходил западнее, из-под его гребней стасиса вырывались снопы искр. Уродливые черные пятна покрывали корпус, кое-где он даже

расплавился.

Том затаил дыхание. Таких моделей он раньше никогда не видел. Но мог подумать о нескольких расах, для которых характерна подобная конструкция.

Двигатели корабля закашлялись, он опустился еще ниже. Высокий звук генераторов гравитации начал слабеть.

Очевидно, экипаж понял, что корабль погиб. Он сменил курс, направляясь к острову. Том невольно посочувствовал отчаянным попыткам чужого пилота. Корабль пронесся над водорослями и скрылся за отрогом горы.

Пассат донес скрежет приземления.

Том ждал. Через несколько секунд с громом отключилось поле стасиса. Над морем разлетелись осколки. Они с шипением падали в водоросли и медленно погружались.

Том сомневался, чтобы кто-то успел уйти.

Том принял решение. Дальней целью все-таки оставался яйцеобразный корпус, плавающий в нескольких милях. Но вначале ему хотелось осмотреть место крушения разведчика. Может, там он найдет помощь. А может, там будет пища.

Он попытался выбраться наверх, на водоросли,

но обнаружил, что это трудно. Он по-прежнему дрожал.

«Ну ладно. Пойдем под водой. Наверное, это все равно.

Остается только наслаждаться природой».

52. АККИ

Сын кровожадной миноги не отстает!

Акки устал. Металлический привкус воды смешивался с горечью желчи из переднего желудка. Молодой дельфин плыл на юго-восток. Он отчаянно нуждался в отдыхе, но знал, что не может позволить преследователю сократить расстояние.

Время от времени он видел Кта-Джона примерно в двух километрах сзади. Гигантский темный дельфин казался неутомимым и постепенно догонял Акки. Его дыхание конденсировалось в высокие вертикальные полосы, как инверсионные следы маленькой ракеты, и он продолжал плыть под водой.

Дыхание Акки стало неровным, он ослабел от голода. Выругался на англике и нашел это неблагозвучным. Непристойные фразы звучали на праймале гораздо колоритнее.

Он должен был обогнать Кта-Джона, хотя бы на коротких дистанциях. Но что-то в воде действует на гидродинамические свойства его кожи. Какое-то вещество вызывает аллергическую реакцию. Обычно гладкая и эластичная, кожа стала шероховатой и бугристой. Ему кажется, что он плывет не в воде, а в густом сиропе. Акки удивлялся, почему никто об этом не докладывал. Может, это действует только на дельфинов с Калафии?

Еще одна несправедливость из множества, которые преследуют его с тех пор, как он попал на корабль.

Уйти от Кта-Джона оказалось не так легко, как он ожидал. Двигаясь на юго-восток, он должен был свернуть направо или налево и получить помощь от Хикахи и тех, кто работает в теннанинском корабле, или на острове Тошио. Но каждый раз, когда он пытался свернуть, Кта-Джон срезал угол. Акки не может позволить ему приблизиться еще больше.

Над ним пронесся луч сонара, направленный сзади. Каждый раз, когда это происходило, Акки хотелось свернуться в шар. Неестественно для дельфина так долго преследовать другого. В прежние времена молодые дельфины, рассердившие вожака — например, они пытались совокупиться

с самками из его гарема, — бывали биты или протаранены, но зло на них долго не держали. Акки все время сдерживал стремление остановиться и попробовать договориться с Кта-Джоном.

Но что это ему даст? Гигант явно спятил.

Преимущество в скорости утрачено из-за загадочного зуда кожи. Нырнуть и уйти под Кта-Джоном тоже не получится. Stenos bredanensis — океанические дельфины. Кта-Джон, вероятно, может нырять глубже любого другого фина на борту.

Когда Акки оглянулся в следующий раз, Кта-Джон приблизился на километр. Акки вздохнул и удвоил усилия.

Километров через пять на горизонте показался ряд островов с зелеными вершинами. Он должен продержаться до них.

53. МОКИ

Моки на самой большой скорости гнал сани на юг, пуская вперед сонар, словно звуки горна.

— ...вызываю Хаоке, вызываю Моки. Говорит Хеурка-пит. Отзовитесь. Подтвердите прием!

Моки раздраженно мотнул головой. Корабль снова пытается связаться с ним. Моки включил

передатчик и попытался говорить четко.

— Да! Что нужжжно?

Наступила пауза, затем:

— Моки, мне нужно поговорить с Хаоке.

Моки едва сдержал смех.

— Хаоке... мертв! Убит! Я гонюсь за убийцей. Скажи Такката-Джиму, что я его убью!

Англик Моки почти невозможно было понять, но он не посмел пользоваться тринари. Мог публично перейти на праймал, но к этому он еще не готов.

На сонарной линии связи наступило долгое молчание. Моки надеялся, что его оставят в покое.

Когда они с Хаоке обнаружили сани этой женщины, медленно плывущие на запад, что-то в нем окончательно сломалось. Он вступил в необычное, но возбужденное состояние, в поток действий, как сон, полный насилия.

Может, они оказались в засаде, а может, это ему померещилось. Но когда все кончилось, Хаоке был мертв, а он, Моки, не испытывал никаких сожалений.

После этого его сонар нащупал новый объект, движущийся на юг. Еще одни сани. Не задумываясь, он пустился в погоню.

Снова затрещал сонар.

— Снова говорит Хеурка, Моки. Ты выходишь за пределы устойчивой связи, а радио мы по-прежнему использовать не можем. Тебе передаются два приказзза. Первый — передай Кта-Джону: немедленно возвращаться. Его задание отменяется! Второй — после этого возвращайся сссам! Это прямой приказ!

Огоньки и точки мало что значили теперь для Моки. Главное — звуковые образы, которые воспринимает его сонар. Усиленный слух вызывал у него ощущение, словно он из числа Великих Спящих. Он казался себе гигантским кашалотом, повелителем глубин, при первом же появлении которого все разбегаются.

Недалеко на юге по-прежнему приглушенный звук саней, тех самых, за которыми он гонится. Он слышит, что догоняет их.

Гораздо дальше и левее два слабых ритмичных сигнала — звуки двух быстро плывущих китообразных. Это, должно быть, Кта-Джон и этот выскочка с Калафии.

Моки с радостью отобрал бы у Кта-Джона его добычу, но это может подождать. Первый враг прямо впереди.

— Моки, ты меня слышишь? Отвечай! Ты полу-

чил приказ! Ты должжжен...

Моки с отвращением сжал челюсти. Отключил сонар на середине фразы Хеурка-пита. Он с трудом понимал этого маленького офицера. Да он никогда и не был стеносом, изучал с турсиопами кининк, старался «самоусовершенствоваться».

Моки решил, что, покончив с врагами вне корабля, займется этим типом.

54. КИПИРУ

Кипиру знал, что его преследуют. Он ожидал, что с корабля пошлют кого-то, чтобы помешать ему добраться до Хикахи.

Но его преследователь просто идиот. По звуку двигателя он слышал, что сани идут на скорости, намного превосходящей запроектированную. Чего он хочет? У Кипиру огромное преимущество, и все равно он войдет в сферу сонарной связи с корпусом теннанинца прежде, чем преследователь догонит его. Ему нужно только чуть передвинуть дроссель саней к красной черте.

Фин повсюду за ним распространяет сонарный шум, как будто оповещает всех, что он идет.

Все эти ненормальные крики мешали Кипиру сосредоточиться и понять, что происходит на

юго-востоке. Кипиру постарался блокировать шум сзади.

Два дельфина, один как будто уже совсем выбился из сил, другой еще сильный и энергичный, быстро плывут к группе сонарных теней примерно в пятидесяти километрах отсюда.

Что происходит? Кто за кем гонится?

Он слушал так сосредоточенно, что чудом избежал столкновения с подводной горой. Миновал ее с запада буквально в нескольких метрах. Тень горы мгновенно погрузила его в тишину.

Берегись мелей
Дитя турсиоп!

Он испробовал ритм-урок, потом переключился на тринари-хайку.

Эхо берега
Подобно плывущим перьям,
Сброшенным пеликаном!

Кипиру посмеялся над собой. Дельфины — хорошие пилоты, именно эта способность столетие назад привела их на космический корабль, а он — один из лучших. Так почему же сорок километров под водой для него труднее пятидесятикратной скорости света в водовороте дыры?

Его сани вышли на открытую воду. С юго-востока снова донесся сигнал двоих быстро плывущих китообразных.

Кипиру сосредоточился. Да, преследователь стенос, очень крупный. И со странным рисунком поискового сонара.

А тот, что впереди...

«Это Акки, — подумал Кипиру. — Малыш в беде. В большой беде».

И тут прямой сфокусированный луч сонара сзади чуть не оглушил его. Кипиру пробормотал проклятие и покачал головой, чтобы лучше слышать.

Он чуть не повернул, чтобы заняться своим преследователем, но теперь он знает, что должен плыть вперед.

Кипиру чувствовал себя между двух огней. Строго говоря, его долг — доставить сообщение Хикахи. Но оставить без помощи гардемарина — в нем все восставало против этой мысли. Малыш устал. Преследователь явно догоняет его.

Но если он повернет на восток, то позволит своему преследователю приблизиться...

И еще — он должен отвлечь Кта-Джона, заставить его повернуть.

Он офицер. Он владеет кининком. Но принять

логичное решение не может.

Он хотел бы, чтобы рядом оказался какой-нибудь далекий прапраправнук. Зрелый и логичный дельфин, который мог бы сказать своему грубому полуживотному предку, что делать.

Кипиру вздохнул.

«Почему я решил, что мне позволят иметь прапраправнуков?»

Он решил не отступать от своих принципов. Резко повернул сани влево и еще на одно деление передвинул дроссель к красной черте.

55. ЧАРЛЗ ДАРТ

Один из двух землян в помещении — человек — рылся в ящиках шкафа и с отвлеченным видом швырял вещи в открытый чемодан на кровати. В то же время он слушал шимпанзе.

— ...зонд опустился на два километра. Радиоактивность быстро увеличивается, и температурный градиент тоже. Я не уверен, что зонд продержится еще двести метров, но ствол продолжается!

— Теперь я абсолютно уверен, что какая-то технологическая раса выбрасывала свои отходы — и недавно! Не больше сотен лет назад!

— Это очень интересно, доктор Дарт. Действительно. — Игнасио Метц старался не показывать своего раздражения. Приходится быть терпеливым с шимпами, особенно с Чарлзом Дартом. Но все же очень трудно собираться, когда шимп говорит без умолку, взгромоздившись на стул.

Дарт, ничего не замечая, продолжал:

— Если за что-то я и ценю Тошио, хотя этот парень такой нерасторопный, так это за их совместную работу с Сахотом, ленивым дельфином-лингвистом! Я получал хорошие данные, пока не взорвалась эта проклятая бомба Тома Орли и Сахот не начал вопить о «голосах» снизу! Проклятый фин спятил...

Метц разбирал свое имущество.

«Где же мой синий наземный костюм? Да я его уже уложил. Посмотрим. Копии всех моих записей уже погружены в лодку. Что осталось?»

— ...я сказал, доктор Метц.

— Гм? — Метц быстро поднял голову. — Простите, доктор Дарт. Все эти неожиданные перемены. Я уверен, вы понимаете. Что вы сказали?

Дарт раздраженно застонал.

— Я сказал, что хочу идти с вами! Вам эта поездка, может быть, кажется изгнанием, но для меня она спасение! Я должен быть вместе с моей рабо-

той! — Он застучал кулаком по стене и показал два ряда больших желтоватых зубов.

Метц задумался на мгновение, покачивая головой. Изгнание? Может, так считает Такката-Джим. Конечно, он и Джиллиан — все равно что вода и масло. Джиллиан намерена решительно довести до конца план Орли и Крайдайки — «Троянского морского конька». Такката-Джим столь же решительно сопротивляется этому.

Метц соглашался с Такката-Джимом и удивился, когда лейтенант кротко отказался от исполнения обязанностей капитана на совете корабля; исполняющим обязанности капитана до возвращения Хикахи назначили Джиллиан. Это означало, что план «Морской конек» будет осуществляться. Через несколько часов «Стремительный» уходит в подводное путешествие.

Если приманка сработает, Метц с удовольствием уйдет с корабля. Баркас просторен и достаточно удобен. В нем и его записи будут в безопасности. Данные о его уникальном эксперименте с течением времени дойдут до Земли, даже если... если «Стремительный» погибнет, пытаясь уйти.

К тому же он сможет присоединиться к Дэнни Судман в изучении кикви. Метцу не терпелось

взглянуть на предразумных.

— Вам следовало поговорить об этом с Джиллиан, Чарли, — покачал он головой. — Она позволила нам взять с собой ваш новый робот. Попросите ее.

— Но вы и Такката-Джим пообещали, что если я поддержу вас на совете и если до того не проболтаюсь Тошио...

Шимп смолк, увидев выражение лица Метца. Потом поджал губы и встал.

— Ну все равно спасибо! — проворчал он, направляясь к выходу.

— Послушайте, Чарли...

Дарт вышел в коридор. Удар двери отрезал последние слова Метца.

Шимп пошел по изгибающемуся коридору, упрямо наклонив голову.

— Я должен быть там! — ворчал он. — Любым способом.

56. САХОТ

Когда Джиллиан впервые попросила его попытаться поговорить с Крайдайки, первой его мыслью было отказаться.

— Знаю, знаю, — согласилось ее крошечное

изображение, — но вы единственный, кого я могу оторвать от работы и кто достаточно подготовлен. Сформулируем по-другому. Вы единственный можете с этим справиться. Крайдайки явно в сознании, но говорить не может! Нам нужно связаться с неповрежденными частями его мозга. А вы специалист.

Крайдайки никогда не нравился Сахоту. И рана, которую получил капитан, пугала Сахота. Но все же это вызов его тщеславию.

— А как же Чарлз Дарт? Он подгонял меня и Тошио так, что у нас отвисали плавники, и его работа — главная на нашей линии.

Лицо Джиллиан на маленьком экране выглядело очень усталым.

— Теперь нет. Мы шлем с Такката-Джимом и Метцем новый зонд, который Дарт сможет контролировать сам через коммуникатор. До этого времени его проект занимает последнее место. Понятно?

Сахот в знак согласия громко хлопнул челюстями. Хорошо иметь решительного предводителя. При том, что руководителем стал человек, достойный уважения, по мнению Сахота.

— Насчет Метца и Такката-Джима...

— Я все передала Тошио, — сказала Джиллиан.

— А он сообщит вам при первой возможности. Вся власть на острове сейчас в его руках. А вы должны безропотно ему повиноваться. Ясно?

Даже в стрессовых ситуациях Джиллиан никогда не забывается. Сахоту это нравилось.

— Вполне. Теперь относительно резонанса, который я получаю от коры планеты. Что мне делать? Насколько мне известно, это совершенно беспрецедентное явление! Можете попросить кого-нибудь посмотреть для меня в Библиотеке?

Джиллиан нахмурилась.

— Вы утверждаете, что резонанс явно разумного происхождения приходит из глубины коры Китрупа?

— Совершенно верно.

Джиллиан закатила глаза.

— Ифни! Исследование этой планеты в мирной и спокойной обстановке потребовало бы десяти лет работы дюжины исследовательских кораблей! Она покачала головой. — Нет. Мне кажется, что какая-то своеобразная скальная формация внизу отражает излучения битвы, происходящей над нами. Но это сейчас не самое важное: вначале безопасность, кикви и разговор с Крайдайки. У вас и без того полно дел.

Сахот решил не возражать. Жаловаться сейчас

— значит получить прямой приказ Джиллиан держаться подальше от робота. Пока она этого не сказала, поэтому нужно держаться потише.

— Теперь насчет вашего выбора, — напомнила Джиллиан. — Если «Стремительный» попытается прорваться, мы вышлем скиф за Томом и теми с острова, кто захочет присоединиться к нам. Вы можете прилететь на нем или остаться с Метцем и Такката-Джимом и переждать в баркасе. О своем решении сообщите Тошио.

— Понимаю. Я подумаю. — Почему-то этот вопрос казался теперь не таким важным, каким был бы несколько дней назад. Повлияли звуки снизу.

— Если останусь, пожелаю вам удачи, — добавил он.

— И вам также, — Джиллиан улыбнулась. — Вы странный парень, но если мы доберемся домой, я похлопочу, чтобы вам позволили иметь кучу внуков. — Она отключилась, и ее изображение исчезло с экрана.

Сахот смотрел на пустой экран. Похвала, совершенно неожиданная, застигла его врасплох. И несколько бродивших поблизости кикви очень удивились, увидев, как большой дельфин встал на хвост и заплясал в маленьком бассейне.

Быть замеченным

Горбачом,
Получишь похвалу
За то, что я — я.

57. ДЭННИ И ТОШИО

— Я боюсь.

Не задумываясь, Тошио положил руку на плечо Дэнни и успокаивающе пожал.

— Чего? Бояться нечего.

Дэнни оторвалась от бурунов, чтобы посмотреть, серьезен ли он. Потом поняла, что он над ней посмеивается, и высунула язык.

Тошио глубоко вдохнул и почувствовал удовлетворение. Ему было неясно, куда заведут их новые отношения. Во-первых, это не физические отношения. Ночью они спят вместе, в одежде. Тошио знал, что это будет его раздражать, и оказался прав. Но это огорчило не так сильно, как он ожидал.

Так или иначе, что-то произойдет. Сейчас Дэнни нужен кто-то рядом. Приятно быть ей полезным.

Может быть, потом она опять будет считать его мальчиком, на четыре года моложе. Но он сомневался в этом. Теперь она чаще касается

его, держит за руку, в притворном гневе колотит кулаком, даже когда воздействие пси-бомбы уже не чувствуется.

— Когда они придут сюда на баркасе? — Дэнни снова посмотрела на океан.

— Завтра, во второй половине дня, — ответил Тошио.

— Такката-Джим и Метц хотят вступить в переговоры с ити. Что остановит их, если они нарушат приказ и все-таки попробуют?

— Джиллиан дает им энергии, только чтобы добраться сюда. У них есть регенератор, так что за месяц они смогут подзарядиться для космического перелета, но к тому времени, так или иначе, «Стремительного» уже не будет.

Дэнни слегка вздрогнула.

Тошио отругал себя за бестактность.

— У Такката-Джима не будет радио. Я буду охранять наше, пока за нами не придет скиф. Да и что он может предложить галактам? У него нет карт, на которых помечен брошенный флот.

— Я думаю, они с Метцем переждут, пока все не улетят, а потом уйдут на Землю с записями огребать награды.

Дэнни взглянула на первые звезды долгих китрупских сумерек.

— А ты вернешься? — спросила она.

— «Стремительный» — мой корабль. Слава богу, Крайдайки жив. Но даже если он уже не мой капитан, я все равно в долгу перед ним и другими офицерами корабля.

Дэнни мельком посмотрела на него, кивнула и снова посмотрела на море.

«Она думает, что у нас нет ни шанса, — понял Тошио. — Может, она права. Надев на себя для маскировки корпус теннанинского боевого корабля, мы будем тихоходны, как калафианский мусорщик. И даже обманутые галакты — совсем не радостная неожиданность. Они хотят захватить „Стремительный“, но не станут удерживать огонь, когда увидят, что разбитый враг снова поднимается в небо. Чтобы план сработал, поблизости должны быть другие теннанинцы».

«Но ведь мы не можем просто сидеть здесь и ждать. Если мы так поступим, галакты поймут, что с землянами можно справиться. Мы не можем позволить кому-то безнаказанно гонять наш исследовательский корабль».

Дэнни казалась встревоженной. Тошио сменил тему:

— Как твой доклад?

— О, я думаю, все в порядке. Ясно, что кикви

настоящие предразумные. Состояние невозделанности длится уже очень долго. Некоторые еретики-дарвинисты решили бы, что они готовы самостоятельно получить разум. Кое-какие признаки его они уже проявляют.

Стоики от науки по-прежнему считают, что предразумная раса может вступить в стадию космического разума исключительно в процессе эволюции, без вмешательства патронов. Большинству галактов такая мысль кажется нелепой и странной, но неспособность найти предполагаемых благодетелей человечества принесла этой теории немало сторонников.

— А как металлические острова? — спросил Тошио о предмете другого исследования Дэнни, начатого по требованию Чарлза Дарта в первую очередь. Теперь Дэнни, заинтересовавшись, продолжала исследование по своей инициативе.

Дэнни пожала плечами.

— Остров живой. Профессиональный биолог во мне отдал бы левую руку, чтобы остаться на острове на год и изучать его, имея необходимое оборудование!

— Поедающие металл кораллы, дерево-сверло, живая кора острова — все это симбионты. В сущности, это органы одного гигантского существа!

Если я закончу свой отчет, я стану знаменитой... если, конечно, мне поверят.

— Поверят, — убежденно сказал Тошио. — И ты будешь знаменитой.

Он жестом показал, что пора возвращаться в лагерь. У них совсем немного времени для прогулки и разговора. Теперь, когда распоряжается он, нужно строго следить за выполнением расписания.

Когда они повернули к лагерю, Дэнни держала его за руку. Сквозь шум ветра в листве доносились писки туземцев, они поднимались, отдохнув после обеда, и готовились к ночной охоте.

Дэнни и Тошио молча пошли по узкой тропе.

58. ГАЛАКТЫ

Крат медленно лизала свой брачный коготь, не обращая внимания на существ, которые торопливо убирали кровавое месиво в углу.

Будут неприятности. Высший совет пила выразит протест.

Конечно, как адмирал, она имеет право поступать с подчиненными по своему усмотрению. Но традиция не одобряет, когда старшего библиотекаря разрывают на части только за то, что он

принес дурные новости.

«Старею, — поняла она. — А дочь, на которую я надеялась, ждала, что именно она сместит меня, теперь мертва. Кто теперь окажет мне честь и уничтожит, прежде чем я начну допускать ошибки и стану опасна для клана?»

Останки маленького пушистого существа унесли, и крепкий паха затирал кровь. Остальные пила глядели на нее.

«Пусть смотрят. Когда захватим землян, это уже не будет иметь значения. Пила больше не будут нашими союзниками. Они снова станут по-настоящему нашими, мы сможем переделывать их, как раньше».

— Все за работу! — Она щелкнула брачным когтем. Экипаж разбежался по своим местам, все начали ликвидировать последствия битвы с танду.

«Думай, мать соро. Можешь ли ты послать еще корабли на планету? В этот адский вулкан, куда все флоты уже посылали свои корабли — на битву и смерть?»

Никаких губру тут не должно быть! Но поврежденный корабль губру оказался в том месте, откуда шел призыв о помощи. И превратился в груду развалин вместе с истребителем танду,

кораблем Притил номер шестнадцать и двумя другими кораблями, которые не смог опознать даже ее боевой компьютер. Возможно, один из них — уцелевший корабль Братьев Ночи, скрывавшийся на одном из спутников Китрупа.

А тем временем последняя битва с союзом танду превратилась в кровавую ничью. У соро по-прежнему небольшое преимущество, поэтому уцелевшие корабли теннанинцев сохраняют верность своим союзникам танду.

Должна ли она рискнуть еще одной стычкой? Если танду победят, это будет ужасно! Получив власть, они уничтожат множество прекрасных видов, которыми с удовольствием занялись бы соро.

Она решила, что теннанинцы переметнутся, как только окажутся перед выбором.

— Отдел стратегии! — рявкнула она.

— Мать флота? — Воин-паха приблизился, но остановился на почтительном расстоянии. И осторожно взглянул на нее.

Если будет возможность, она заложит уважение в гены паха так глубоко, что его ничто не сотрет.

Она выпустила когти, и паха невольно отступил.

— Определи, какие корабли нам меньше всего нужны. Построй их. Мы снова начинаем разведку планеты.

Паха отсалютовал и быстро вернулся на место. Крат поудобней уселась на своей влетуровой подушке.

«Нужно отвлечься, — подумала она. — Может, еще одна экспедиция к вулкану заставит теннанинцев нервничать, а танду — думать, что мы что-то знаем».

«Конечно, — напомнила она себе, — танду и сами могут знать то, чего не знаем мы».

59. КРАЙДАЙКИ

Далеко
Они зовут
Гиганты,
Духи ОКЕАНА,
Левиафаны.

Крайдайки начинал понимать... начинал понимать...

Старые боги — отчасти воображение, отчасти видовая память, отчасти призраки... и еще что-то... что-то такое, чего инженер никогда не

должен позволить своим глазам видеть, а ушам — слышать...

Далеко
Они зовут
Левиафаны

Еще нет. Еще нет, нет. У Крайдайки есть долг, есть долг.

Больше не инженер — но Крайдайки остается астронавтом. Он не бесполезен, он сделает что сможет, сделает, поможет.

Поможет спасти свой экипаж, свой корабль...

60. ДЖИЛЛИАН

Она хотела потереть глаза, но мешала маска. Очень многое еще нужно сделать.

Фины приплывали и уплывали, проплывали мимо, чуть не опрокидывая ее, торопливо докладывали и тут же исчезали выполнять ее приказы.

«Надеюсь, Хикахи скоро вернется. Я неплохо справляюсь, вероятно, но я не офицер космического корабля. У нее специальная подготовка, чтобы руководить экипажем.

Хикахи даже не знает, что она капитан, — ду-

мала Джиллиан. — И, как бы мне ни хотелось, чтобы быстрее заработала линия связи, я боюсь сообщать ей эту новость».

Она написала короткую записку Эмерсону Д'Аниту, и последний курьер отправился в машинное отделение. Джиллиан повернула к шлюзу, Ватгасети все время держался рядом.

В отсеке две группы финов: одна у выходного шлюза, другая у баркаса. Нос маленького космического корабля почти касался диафрагмы выхода. Корма исчезала в металлическом чехле в задней стене отсека.

«Когда баркас уйдет, отсек здорово опустеет», — подумала Джиллиан.

Ее заметил фин у шлюза и поплыл навстречу. Резко остановился перед ней и приподнялся в стойке внимания.

— Сторожевые и разведчики готовы к отплытию, ждут вашего приказа, Джиллиан, — сказал он.

— Спасибо, Заа'фт. Скоро. По-прежнему никаких сообщений от группы ремонтирующих линию или от Кипиру?

— Нет, сссэр. Курьер, которого вы отправили вслед за Кипиру, должен скоро добраться до разбитого корпуса.

Как это раздражает. Такката-Джим перерезал линию, ведущую к теннанинцу, и теперь кажется невозможным найти разрыв. Не в первый раз она прокляла способность моноволоконного провода так хорошо скрываться.

Любая катастрофа могла произойти с группой в том самом месте, куда она собирается переместить «Стремительный».

Но детекторы извещают, что бой в космосе продолжается почти так же яростно, как раньше.

Но что-то удерживает Тома. Он должен был взорвать информационную бомбу, когда ити явятся исследовать его призыв о помощи. Но после этого подложного призыва ничего не было.

Вдобавок проклятый Нисс не желает с ней разговаривать. Он не приводит в действие тайный сигнал в ее кабинете, который обозначал бы чрезвычайное положение, но каждый раз, когда она пользуется коммуникатором, ей слышится слабый щелчок — машина не расположена разговаривать.

От этого хочется просто забраться в постель и ни на что не реагировать.

Возникла неожиданная суматоха. Из стенного громкоговорителя раздался сигнал на тринари, за ним долгое изложение на искаженном англике.

— Сссэр! — быстро повернулся к ней Заа'фт. — Докладывают...

— Я слышала. — Она кивнула. — Линия восстановлена. Поблагодарите от меня группу и дайте несколько часов отдыха. Потом попросите Хеурка-пита немедленно связаться с Хикахи. Пусть он объяснит ей ситуацию и сообщит, что мы начинаем перемещать корабль в 21.00, если она не возражает. Я скоро свяжусь с ней.

— Есть, сссэр! — Заа'фт повернулся и уплыл.

Ватгасети молча смотрел на нее.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Выпустим Такката-Джима и Метца. Вы уверены, что выгружено все, чего нет в их списке, и осмотрено все, что изгнанники берут на борт?

— Да. У них даже плавникового пистолета нет. Нет радио, а топлива хватит только до острова.

Несколько часов назад Джиллиан сама осматривала лодку, пока Такката-Джим и Метц упаковывали свои вещи. И приняла еще несколько мер предосторожности, о которых никому не рассказывала.

— Кто идет с ними?

— Три добровольца, все — «странные» стеносы. Самцы. Мы обыскали их вплоть до пенисного чехла. Они чисты и теперь в баркасе, готовы к

выходу.

Джиллиан кивнула.

— Давайте избавимся от них и займемся другими делами.

Она уже думала о том, что скажет Хикахи.

61. ХИКАХИ И СВЕССИ

— Помните, — сказала она Тшут и Свесси, — необходимо любой ценой сохранять радиомолчание. И постарайтесь, чтобы эти спятившие фины не съели в первые же дни все припасы на борту.

Тшут согласно щелкнула челюстями, хотя в глазах ее читалось сомнение. Свесси сказал:

— Вы уверены, что не хотите, чтобы кто-нибудь из нас пошел с вами?

— Уверена. Если меня ждет катастрофа, не хочу, чтобы со мной гибли другие. Если найду выживших, мне может потребоваться все пространство. В любом случае скиф движется сам. Мне нужно только приглядывать за ним.

— Но вы не можете сражаться, управляя кораблем, — заметил Ханнес.

— Если со мной будет стрелок, я могу вступить в схватку. Поэтому я и убегаю. «Стремительный»

погиб или захвачен, и я должна вернуться на скифе, иначе все вы здесь обречены.

Свесси нахмурился, но вынужден был с ней согласиться. Он был благодарен Хикахи, что она задержалась и позволила воспользоваться энергией скифа, чтобы закончить приготовления в корпусе.

«Мы все тревожимся о „Стремительном“ и о капитане, — подумал он. — Но что испытывает Хикахи?»

— Ну, ладно. До свидания и удачи, Хикахи. Пусть Ифни будет к вам благосклонна.

— Того же и вам обоим. — Хикахи осторожно зажала руку Свесси в зубах, то же самое проделала с левым грудным плавником Тшут.

Тшут и Свесси помогли ей забраться в шлюз маленького корабля. Потом отвели свои сани к зияющему отверстию в корпусе затонувшего чужого крейсера.

С низким гулом включился двигатель скифа. Он отразился от гигантского утеса, нависшего над местом крушения.

Маленький космический корабль медленно двинулся на восток, постепенно набирая под водой скорость. Хикахи избрала кружный путь, прежде чем повернуть к убежищу «Стремитель-

ного». В течение двух дней она будет без связи, зато не удастся проследить, откуда она приплыла, если на месте «Стремительного» в засаде ждет враг.

Они смотрели, как лодка исчезает во тьме. Свесси давно уже ничего не слышал. Наконец Тшут медленно махнула хвостом вслед затихающему звуку.

Два часа спустя, когда Ханнес впервые за двое суток лег отдохнуть, самодельный интерком у его матраца ожил.

«Больше никаких дурных новостей», — вздохнул Ханнес.

Закрывая одной рукой глаза, он включил прибор.

— Да? — просто спросил Свесси.

Это Лаки Каа, молодой техник-электроник и младший пилот. Голос его звучал возбужденно.

— Сэр! Тшут говорит, что вы должны немедленно прийти! Это корабль!

Свесси приподнялся на локте.

— «Стремительный»?

— Да. Связь восстановлена. Они хотят немедленно поговорить с Хикахи.

Руки Свесси стали ватными. Он упал на матрац и застонал.

«Вот беда-то! Никакой сонар теперь до нее не дотянется!

В такие минуты я жалею, что не умею болтать по-дельфиньи, как Том Орли. Может быть на тринари я сумел бы сказать, что думаю об этой вселенной, достаточно иронично и вульгарно».

62. ИЗГНАННИКИ

Баркас гладко скользнул сквозь шлюз в синие сумерки китрупского океана.

— Вы направились не туда, — заметил Игнасио Метц, когда диафрагма закрылась за ними. Вместо того чтобы повернуть на восток, лодка по спирали направилась вверх.

— Всего лишь небольшой маневр, доктор Метц, — успокоил его Такката-Джим. — Сникаджо, передай на «Стремительный», что я проверяю готовность механизмов.

Помощник пилота начал свистеть своему напарнику на корабле. В ответ послышались гневные щелчки сонара. «Стремительный» тоже заметил смену курса.

Метц находился за Такката-Джимом и чуть выше. Вода доходила до пояса.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Привыкаю к приборам...

— Ну смотрите. Вы идете прямо на буи обнаружения!

Метц недоуменно смотрел, как корабль устремился прямо на группу дельфинов, работающих у буев. Дельфины рассыпались в стороны с гневными криками, корабль ударился в буи. Осколки металла застучали по носу и упали в темноту.

Такката-Джим, казалось, ничего не заметил. Он спокойно повернул маленький корабль и на небольшой скорости повел его на восток, к острову — цели назначения.

Пищал сонар. Доктор Метц покраснел. Воспитанные дельфины не должны пользоваться такими выражениями!

— Передай, что это случайность, — сказал Такката-Джим помощнику. — Приборы не слушались, но теперь все под контролем. Мы следуем под водой к острову, как приказано.

Баркас вошел в узкое ущелье, оставив позади ярко освещенную подводную долину и «Стремительного» на ней.

— Случайность, клянусь мошонкой моего волосатого дяди Фреда!

Эти слова сопровождались гоготом.

— Знаете, Такката-Джим, я догадывался, что вы

не уйдете, не уничтожив предварительно улики.

Доктор Метц, борясь со своими привязными ремнями, повернулся.

— Чарлз Дарт! Что вы здесь делаете?

В открытом теперь шкафу для оборудования сидел на полке улыбающийся шимпанзе в космическом скафандре.

— Небольшая личная инициатива, доктор Метц! Обязательно отметьте в журнале. Меня должны похвалить за это. — И он опять заготготал.

Такката-Джим на мгновение развернулся и посмотрел на шимпа. Потом фыркнул и вернулся к приборам управления.

Чарли явно собирался с силами, чтобы спуститься в воду, хотя и был в скафандре. Опустился по шлем.

— Но как?.. — начал Метц.

Чарли достал из ящика большой водонепроницаемый мешок и положил на сиденье рядом с Метцем.

— Я воспользовался дедукцией, — сказал он, взбираясь на сиденье. — Я решил, что парни Джиллиан будут следить только за стеносами. Почему бы, подумал я, не пробраться в лодку путем, который они и не догадаются проверить?

Глаза Метца распахнулись.

— Муфта! Вы пробрались через вспомогательный рукав, который использовали строители на Земле, потом через панель доступа к лодке и оттуда к двигателям...

— Верно! — Чарли улыбался, расстегивая костюм.

— Вам пришлось воспользоваться ключом, чтобы снять плиты в стене рукава. Ни один дельфин не способен на это в ограниченном пространстве, поэтому никто и не додумался.

— Конечно.

Метц сверху донизу оглядел Чарли.

— Вы прошли вплотную с двигателями. Не сварились?

— Гм. Радиометр костюма говорит, что излучение невелико. — Чарли насмешливо подул на кончики пальцев.

Метц улыбнулся.

— Действительно, редкая изворотливость, доктор Дарт! Добро пожаловать на борт. Я буду очень занят, изучая кикви, чтобы должным образом следить за вашим роботом. Теперь вы сами займетесь этим.

Дарт энергично кивнул.

— Поэтому я здесь.

— Отлично. Может, сыграем в шахматы?

— С удовольствием.

Они откинулись, глядя на проплывающий мимо подводный хребет. Посматривали друг на друга и начинали смеяться. Стеносы молчали.

— Что в мешке? — Метц указал на большую сумку Чарли.

Дарт пожал плечами.

— Личные вещи, инструменты. Немного и по-спартански необходимое.

Метц кивнул. Приятно иметь в спутниках шимпанзе. Дельфины, конечно, отличные парни. Но старейшая раса клиентов человека известна своей разговорчивостью. К тому же дельфины очень плохо играют в шахматы.

Час спустя Метц припомнил первые слова Чарли на борту. Что имел в виду шимп, говоря об уничтожении улик? Очень странное высказывание.

Он задал этот вопрос Дарту.

— Спросите лейтенанта, — предложил Чарли. — Он как будто понял, что я имею в виду. Мы с ним разговариваем неохотно, — проворчал он.

Метц энергично кивнул.

— Спрошу. Как только высадимся на остров.

63. ТОМ ОРЛИ

В спутанной тени под ковром водорослей он осторожно передвигался от одного отверстия к другому. Маска позволяла надолго задерживать дыхание, особенно когда он оказался вблизи острова и искал выход на берег.

Наконец, когда оранжевое солнце Китрупа ушло за облака на западе, Том выбрался на берег. Длинный китрупский день протянется еще немного, но ему не хватало теплых прямых лучей солнца. Том вздрогнул от холода, выбираясь в разрыв между водорослями на скалистый берег. На четвереньках отполз на несколько метров от воды и тяжело опустился на грубый базальт. Потом спустил на шею маску.

Остров словно медленно раскачивался, как пробка на поверхности моря. Пройдет некоторое время, прежде чем он снова привыкнет к твердой почве под ногами. «Именно столько, чтобы закончить дело и снова вернуться в воду», — иронично подумал он.

Он стер с плеч зеленую слизь и опять вздрогнул от испарения.

Да еще голод.

Но по крайней мере голод заставляет забыть о сырости и холоде. Том подумал, не съесть ли последний пищевой брикет, но решил подождать. В пределах тысячи километров это вся его еда, конечно, если он ничего не найдет в обломках чужого корабля.

С того места, где на отроге горы разбился маленький разведчик, все еще поднимается дым. Тонкая струйка, уходя вверх, смешивается с дымом вулкана. Изредка Том слышит его ворчание.

«Ну, ладно. Пора двигаться».

Он подтянул ноги и оттолкнулся.

Мир вокруг неуверенно раскачивался. Но все же Том приятно удивился, обнаружив, что стоит без особого труда.

«Наверное, Джилл права, — подумал он. — И у меня есть резервы, о которых я и не подозревал».

Он повернул направо, шагнул и чуть не упал. Пришел в себя и побрел по скалистому склону, благодарный опутавшим руки водорослям. Приходилось цепляться за края скал, острые, как оббитый кремень. Шаг за шагом, и вот он уже у источника дыма.

Перевалив через небольшой подъем, он увидел обломки.

Разведчик разбился на три куска. Кормовая

часть погрузилась, только ее край виднелся из углубления, заполненного растительностью. Том проверил показания радиометра на краю маски. Если понадобится, он выдержит такую дозу в течение нескольких дней.

Передняя часть корабля раскололась в длину, выбросив на каменную полосу содержимое рубки. Огонь плясал на металлических переборках, разорванных и изогнутых, как мягкая конфета.

Том подумал, не достать ли игольник, но решил, что лучше оставить обе руки свободными. Вдруг упадет.

«Внешне нетрудно, — подумал Том. — Спущусь и осмотрю эту проклятую штуку. Шаг за шагом».

Он начал осторожно спускаться и проделал это без происшествий.

Смотреть было не на что.

Том узнавал в обломках части различных механизмов. Однако среди них не нашлось ничего нужного ему.

И никакой пищи.

Повсюду большие изогнутые листы металла. Том подошел к одному, как будто остывшему, и попытался поднять. Слишком тяжелый. Приподняв его дюйма на два, Том вынужден был бросить.

Положил руки на колени и ненадолго застыл, тяжело дыша.

В нескольких метрах большая груда плавника. Том подошел к ней и вытащил несколько толстых высохших стеблей водорослей. Прочные, но слишком упругие, чтобы использовать как рычаги.

Том чесал щетину и думал. Посмотрел на море, до самого горизонта затянутое зловонными скользкими растениями. И наконец начал собирать сухие водоросли в две груды.

Когда стемнело, он сидел у костра и плел из ветвей два больших веера, немного похожих на теннисные ракетки с петлей внизу. Том не был уверен, что они сработают, как ему нужно, но завтра он проверит.

Чтобы забыть о голоде, он негромко напевал на тринари. Свист колыбельной отражался эхом от ближайшего утеса.

Руки и огонь?
Руки и огонь!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы подняться выше!

Сны и песни?

Сны и песни!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы прыгнуть дальше!

Неожиданно Том остановился и наклонил голову. Через несколько мгновений извлек игольник из кобуры.

Слышал ли он звук? Или показалось?

Он неслышно откатился от огня и скорчился в тени. Смотрел в темноту, как дельфин, стараясь прислушаться к очертаниям предметов. Пригнувшись, перебегая от укрытия к укрытию, двинулся по усеянной обломками полоске.

— Бпаркиимклеф аннатан п'кленно. В'хуминф?

Том нырнул за обломок корпуса и перекатился. Дыша открытым ртом, чтобы было тише, он прислушался.

— В'хумин кент'тун ф?

Голос как будто отражается от металла... из-под большего куска корпуса? Кто-то пережил крушение? Кто бы мог подумать?

Том позвал:

— Биркех'клеф. В'хуман идес'к. В'теннан'клеф ф?

Он ждал. И когда из темноты донесся ответ, Том встал и побежал.

— Идатесс. В'теннан'клиф...

Том снова нырнул и прижался к обломку металла. Выглянул и быстро осмотрелся.

И направил пистолет прямо в большое лицо рептилии всего в метре от себя. Лицо сморщилось в слабом звездном свете.

До этого Том только однажды встречался с теннанинцами и неделю изучал их в университете Катреннлина. Существо наполовину зажато большой изогнутой металлической плитой. Том понял, что оно в агонии. Руки и спина разведчика разбиты куском корпуса.

— В'хумин т'баррчит па...

Том приспособился к диалекту. Теннанинец говорит на версии галактического-шесть.

— ...не стал бы убивать тебя, человек, даже если бы мог. Хочу убедить тебя, чтобы ты подошел ко мне и отвлек на время.

Том сунул пистолет в кобуру и, скрестив ноги, сел перед пилотом. Придется вежливо выслушать и покончить с его мучениями, если он попросит о такой милости.

— Я печалюсь, что не могу помочь тебе, — ответил Том на галактическом номер шесть. — Хотя ты мой враг, я никогда не считал теннанинцев злыми.

Существо снова сморщилось. Его гребень попеременно то вставал, касаясь металлической крыши, то опадал.

— И мы не считаем, что хуман'влеч безнадежны, хотя они упрямы, дики и безответственны.

Том поклонился на этот своеобразный комплимент.

— Я готов оказать тебе услугу прекращения, если хочешь, — предложил он.

— Ты добр, но не таков наш обычай. Я подожду, пока боль не уравновесится с жизнью. Великие Призраки найдут меня храбрым.

Том опустил взгляд.

— Да, они сочтут тебя храбрым.

Теннанинец дышал тяжело, закрыв глаза. Том протянул руку к поясу. Коснулся выпуклости — информационной бомбы.

«Ждут ли они, там, на „Стремительном“? — подумал он. — Может, не получив от меня сообщений, Крайдайки решил улететь?

Я должен знать, что происходит в битве над Китрупом».

— Ради беседы и отвлечения, — предложил он, — не обменяться ли вопросами?

Теннанинец открыл глаза. В них было что-то похожее на благодарность..

— Хорошая мысль. Как старший, я начну. Я буду задавать простые вопросы, чтобы ты не напрягался.

Том пожал плечами..

«Библиотека у нас уже почти триста лет. За нами шесть тысячелетий сложной цивилизации. И все же все по-прежнему считают людей невежественными дикарями».

— Почему вы от Морграна не направились в более безопасную гавань? — спросил разведчик. — Земля не может защитить вас, даже с помощью этих мошенников-тимбрими, которые ведут вас неправедными путями. Но Отрекшиеся сильны. У нас вы были бы в безопасности. Почему вы не пришли к нам в руки?

Ему все кажется таким простым! Если бы было так. Если бы существовал могущественный союз, к которому можно было бы обратиться и который не затребовал бы больше, чем может заплатить «Стремительный» или вся Земля. Как сказать теннанинцу, что его Отрекшиеся нисколько не лучше остальных фанатиков.

— Наша политика — никогда не поддаваться на угрозы, — ответил Том. — Никогда. История учит нас ценить эту традицию гораздо больше, чем можно представить себе по записям Биб-

лиотеки. Наше открытие мы передадим только галактическим Институтам, и сделают это только руководители Совета Земли.

При упоминании об «открытии» «Стремительного» на лице теннанинца отразился искренний интерес. Но он ждал своей очереди, давая возможность Тому задать вопрос.

— Теннанинцы вверху побеждают? — беспокойно спросил Том. — Я видел танду. Кто побеждает в небе?

Через дыхательные жабры пилота со свистом проходил воздух.

— Славные терпят поражение. Убийцы танду процветают, язычники соро многочисленны. Мы мешаем, где можем, но Славные терпят поражение. Добычу получат еретики.

Не очень тактично, учитывая, что часть «добычи» сидит рядом. Том негромко выругался. Что же ему делать? Кое-кто из теннанинцев уцелел, но может ли он передать Крайдайки, что это повод приступать к действиям? Нужно ли прибегать к обману, который даст им слишком слабых союзников?

Теннанинец тяжело дышал.

И хотя была не его очередь, Том задал следующий вопрос:

— Тебе холодно? Я передвину сюда костер. К тому же я должен кое-что сделать, пока мы разговариваем. Прости младшему патрону, если я оскорбил тебя.

Теннанинец посмотрел пурпурными кошачьими зрачками.

— Вежливо сказано. Нам говорили, что у людей нет манер. Может, вы просто не обучены, но намерения у вас хорошие...

Теннанинец чихнул и выдул песок из своих дыхательных жабр, а Том быстро передвинул лагерь. В мерцающем свете теннанинец вздохнул.

— Правильно, что, умирая на примитивной планете, я согреваюсь у костра, разведенного искусным волчонком. Я попрошу тебя рассказать о вашем открытии. Никаких тайн, только рассказ... рассказ о чуде Великого Возвращения...

Том подумал, что эти воспоминания вызывают у него дрожь.

— Представь себе корабли, — начал он. — Космические корабли, древние, в пробоинах, огромные, как луны...

Когда он проснулся утром у остывающих углей костра, брезжил рассвет, бросая длинные тени на берег.

Том чувствовал себя гораздо лучше. Желудок

привык к посту, а сон принес отдых. Он еще чувствовал слабость, но был готов искать очередное убежище.

Он встал, отряхнул многоцветный песок и посмотрел на север. Да, разбитый корпус еще там. Надежда на горизонте.

Слева, под массивной переборкой, негромко дышал теннанинский разведчик. Он медленно умирал. Уснул, слушая рассказ Тома о Мелком скоплении, о сверкающих гигантских кораблях и загадочных символах на их бортах. Том сомневался, что он придет в себя.

Он уже собрался обуться, как вдруг нахмурился и из-под ладони посмотрел на восток.

Если бы только уцелел его бинокль!

Он сощурился и разглядел линию движущихся теней, какие-то паукообразные фигуры на длинных ногах и меньшее запинающееся существо. Колонна медленно продвигалась на север.

Том вздрогнул. Они направляются к яйцеобразному корпусу. Если он не будет действовать быстро, они лишат его единственной надежды на спасение.

Теперь он уверен, что это танду.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
РАЗБРОС

Спорный вопрос, сможет ли левиафан долго выдерживать безжалостное преследование... и последний кит, как последний человек, последний раз затянется трубкой и с последней затяжкой испарится сам.

Мелвилл

64. КРАЙДАЙКИ/САХОТ

Крайдайки внимательно посмотрел на голограмму. Говорить легче, чем слушать. Он может по одному, по два вспоминать слова, медленно произносить их, нанизывая, как жемчужины.

— ...нервная связь... восстановлена... Джиллиан и Маканай... но... но... речь... все еще... еще...

— Еще не вернулась. — Изображение Сахота кивнуло. — Но вы можете теперь пользоваться инструментами?

Крайдайки сосредоточился на простом вопросе Сахота. Вы — можете — теперь... Каждое слово

ясно. Но в ряду они ничего не значат. Ужасно раздражает!

Сахот переключился на тринари.

Инструменты?

Мячи

Космические корабли —

Ваши челюсти?

Игрок

Пилот

Крайдайки кивнул. Гораздо лучше, хотя и тринари кажется иностранным языком, который он с трудом понимает.

Пауки ходуны, ходуны, ходуны

Голокоммы говорящие, говорящие, говорящие

Мои игрушки —

Крайдайки отвел взгляд. Он знал, что в этой простой фразе есть элементы праймала — в повторах, в высоком свисте. Унизительно иметь по-прежнему острый ум и знать, что окружающему миру ты кажешься слабоумным.

И в то же время он подумал, заметил ли Сахот следы языка своих снов — языка старых богов.

Слушая капитана, Сахот чувствовал облегчение. Их первый разговор начался хорошо, но к концу Крайдайки начал отвлекаться, особенно когда Сахот попытался провести его через ряд лингвистических тестов.

Теперь, после последней операции Маканай, он кажется гораздо внимательней.

Он решил проверить способность Крайдайки слушать, рассказав ему о своем открытии. Подробно и медленно поведал на тринари о «пении», которое слышал, когда связывался с роботом в стволе дерева-сверла.

Крайдайки долго смущался, сосредотачиваясь на упрощенных объяснениях Сахота, потом вроде бы понял. Вообще могло показаться, что он считает песню планеты самым естественным явлением.

— ...Подключи... подключи... меня... п... пожалуйста... я... буду... слушать... слушать...

Сахот в знак согласия щелкнул челюстями. Он был доволен. Конечно, Крайдайки, с его сгоревшими речевыми центрами, ничего, кроме помех, не услышит. Потребовался весь опыт Сахота, чтобы расслышать рефрен. За исключением одного случая, когда голоса внизу звучали рассерженно, они казались почти неразличимыми.

Он вздрогнул, вспоминая этот единственный понятный эпизод.

— Хорошо, Крайдайки, — сказал он, подсоединяя капитана. — Слушайте внимательно.

Крайдайки закрыл глаза, и на линии затрещали помехи.

65. ДЖИЛЛИАН

— Черт побери! Мы не можем ждать Хикахи, чтобы начать передвижение. Ей потребуется два дня в скифе. А к тому времени я хочу, чтобы «Стремительный» был уже в корпусе морского конька.

Изображение Свесси пожало плечами.

— Можете оставить ей записку.

Джиллиан потерла глаза.

— Вот что мы сделаем. Оставим моноволоконный кабель связи с островом. Я попрошу, чтобы с острова ей передали, куда мы направились.

— А Тошио и Дэнни?

Джиллиан в свою очередь пожала плечами.

— Я надеялась послать за ними и Сахотом скиф... и, может, за Томом тоже. Но в нынешнем положении я предпочла бы, чтобы Дэнни и Сахот добирались до вас на санях. Мне не хочется этого делать. Это опасно, и мне нужен Тошио, чтобы

следить за Такката-Джимом до нашего отлета.

Она не упомянула другой причины, по которой ей хочется, чтобы Тошио оставался как можно дольше. Они оба знают, что Том Орли, если полетит на глайдере назад, вернется на остров. И там кто-то должен его ждать.

— Мы на самом деле оставим Метца и Такката-Джима? — Свесси выглядел озадаченным.

— И Чарли Дарта, по-видимому. Он «зайцем» уплыл на баркасе. Да, это их выбор. Они надеются добраться до дома, когда галакты покончат с нами. Ну, окончательное решение за Хикахи, когда она наконец вернется и обнаружит, что она теперь капитан.

Джиллиан покачала головой.

— Ифни, кажется, превзошла себя с нами, а Ханнес?

Пожилой инженер улыбнулся.

— Удача всегда капризна. Потому она и женщина.

— Хм! — Но у Джиллиан не хватало энергии, чтобы бросить на него по-настоящему неприличный взгляд. На консоли рядом с голоизображением замигал огонек.

— Вот оно, Ханнес. Машинное отделение готово. Мне пора идти. Сейчас начнем.

— Удачи, Джиллиан. — Свесси сложил пальцы в виде О, потом прервал связь.

Джиллиан переключилась на связь с островом.

— Сахот, говорит Джиллиан. Прошу прощения за помеху, но будьте добры, скажите капитану, что мы выступаем. — Конечно, из вежливости требовалось сообщить об этом Крайдайки. Когда-то он был капитаном «Стремительного».

— Да, Джиллиан. — Послышался ряд высоких повторяющихся свистков на тринари, очень похожем на праймал. Большая часть звуков выше порога восприятия Джиллиан.

— Капитан хочет наблюдать снаружи, — сказал Сахот. — Он обещает не мешать.

Джиллиан не видела причин для отказа.

— Хорошо. Но сначала пусть свяжется с Ватгасети, пользуется санями и будет очень осторожен. Если он уплывет, нам некого будет послать за ним!

Еще ряд высоких свистов, которые Джиллиан с трудом различала. Крайдайки отвечал, что понял.

— Кстати, Сахот, — добавила Джиллиан. — Пожалуйста, попросите Тошио связаться со мной, как только прибудет баркас.

— Хорошо!

Джиллиан прервала связь и начала одеваться. Приходится думать обо всем одновременно.

«Правильно ли я поступила, позволив маленькому Чарли Дарту улизнуть? — думала она. — Если он или Такката-Джим поведут себя непредсказуемо, что делать?»

В углу консоли горел огонек. Нисс по-прежнему хочет поговорить с ней. Но это не срочно. Джиллиан заторопилась, чтобы следить за перемещением.

66. АККИ

С натруженными мышцами Акки медленно выплыл из расселины, в которой отдыхал до рассвета.

Он сделал несколько глубоких вдохов и нырнул, распугав стаю ярких чешуйчатых рыбообразных существ. Не раздумывая, схватил большую рыбу, прекратив челюстями ее конвульсии. Но металл горек на вкус. Акки выплюнул рыбу.

И снова вынырнул на поверхность. На востоке красные облака отбрасывали розовый свет. Голод грыз Акки. Он подумал, не слишком ли шумит. Охотник может его услышать.

«Это нечестно. Когда Кта-Джон меня наконец

найдет, у него будет хотя бы что съесть!»

Акки встряхнулся. Какая ужасная мысль!

«Разваливаешься, гардемарин. Кта-Джон не каннибал. Он...»

Что? Акки вспомнил вчерашнюю гонку, перед закатом, когда он сумел добраться до металлических островов на несколько метров раньше преследователя. Погоня там превратилась в смешение пузырей, прибоя и охотничьих криков. Найдя убежище, он несколько часов кряду слышал сонар Кта-Джона, который ушел недалеко.

При мыслях о боцмане у Акки холодок пробегал по спине. Что это за существо? Дело не просто в глупости смертельной охоты; дело и в том, как охотился Кта-Джон. Сонар гиганта излучал такую злобу, что Акки хотелось свернуться в шар.

Конечно, гены стеноса в какой-то мере объясняют его размер и нелогичность. Но в боцмане есть что-то еще. Что-то такое, чего Акки, выросший на Калафии, никогда не встречал.

Акки плыл рядом с коралловым островом и высунул морду из-за северной оконечности. Слышны только природные звуки китрупского моря.

Он хлопнул хвостом и осмотрел отражения. На запад или на север? К Хикахи или к Тошио?

Лучше на север. Цепь островов может тянуться до самого лагеря. Это естественное укрытие.

Он пронесся через четверть километра, отделявшие его от следующего острова, потом внимательно прислушался. Никаких изменений. Дыша чуть легче, он пересек следующий пролив, потом еще один, плыл короткими рывками, потом слушал и возобновлял осторожное продвижение.

Однажды услышал странный треск справа. Лежал неподвижно, пока не понял, что это не может быть Кта-Джон. Акки сделал небольшой крюк, чтобы взглянуть.

И увидел подводную засаду существ, похожих на воздушные шары из-за раздутых дыхательных пузырей и голубых лиц. Они несли грубые инструменты и сети, полные бьющейся добычи. Если не считать нескольких голограмм, посланных Дэнни Судман и Сахотом, это была первая встреча Акки с туземцами Китрупа кикви. Он смотрел, заинтересованный, потом подплыл ближе. Он считал, что находится далеко к югу от Тошио, но если это та самая группа...

Увидев его, охотники закричали в панике. Бросив сети, они вскарабкались на поросший растительностью ближайший остров. Акки по-

нял, что, должно быть, встретил другое племя, которое никогда раньше не видело дельфинов.

Но все же это что-то. Он смотрел, как поднимается последний. Потом снова повернул на север.

Но когда миновал северный берег следующего острова, попал под сильный звуковой луч.

Акки упал духом. Как! Кта-Джон тоже подумал об островной цепи? Или какой-то дьявольский инстинкт подсказал ему, где искать добычу?

Луч снова пролетел над ним. За ночь он еще больше изменился, превратился в яростный крик, от которого Акки бросало в дрожь.

Крик послышался снова, ближе, и Акки понял, что ему не спрятаться. Этот крик отыщет его в любой расселине. Он должен попытаться уйти, пока еще контролирует свое сознание!

67. КИПИРУ

Сражение началось в предрассветной тьме.

Несколько часов назад Кипиру понял, что сани преследователя не выходят из строя. Двигатель кричит, но не стихает. Кипиру переключил свой гораздо дальше красной линии, но было уже поздно. Он услышал вой торпеды, резко повернул налево и вниз, выпустив воздух, чтобы оставить

на своем месте облако шумных пузырей.

Торпеда прошла мимо в темноту. Разочарованный гневный крик отразился от оснований островов и подводных возвышений. Кипиру уже привык к непристойностям на праймале своего преследователя.

Он почти добрался до линии островов, за которой несколько часов назад исчезли два дельфина. Приближаясь, он все время слышал звуки охоты, приходил в ужас от гнетущих ассоциаций и очень опасался за Акки.

Но теперь у Кипиру собственные проблемы. Он пожелал Акки продержаться, пока не стряхнет со своего хвоста этого идиота.

Наверху становилось светлее. Кипиру завернул за остров, нырнул, выключил двигатель и стал ждать.

Моки выругался, когда маленькая торпеда не взорвалась.

Зубы, зубы
Лучше, лучше
Всего ни свете!

Он покрутил мордой в разные стороны. Оставил сенсоры саней и вел машину только по

привычке.

Где этот наглец? Пусть придет и получит по заслугам!

Моки устал, был раздражен и невыразимо соскучился. Он никогда не думал, что быть Большим Самцом так скучно. Ему хотелось, чтобы вернулся горячий, почти оргазмический гнев. Попытался вернуть себе былую жажду крови, но продолжал думать об охоте на рыб, а не на дельфинов.

Если бы только он был способен на свирепость, которую слышал в охотничьем крике Кта-Джона! Моки перестал ненавидеть страшного боцмана. Он начинал думать о гиганте, как о духовном существе злой природы. Он убьет этого нахала-турсиопу и принесет его голову Кта-Джону, как доказательство своей готовности стать его последователем. И тогда тоже станет наводить животный ужас, которому никто не сможет противостоять.

Моки повел машину по кругу, держась у дна и внимательно всматриваясь в отражения звука. Турсиопа повернул налево на большой скорости. Дуга его поворота шире, чем у Моки, и теперь нужно только выбрать правильную дугу самому.

Моки находился на дежурстве, когда началась

охота, поэтому его сани вооружены торпедами. Он был уверен, что у нахала торпед нет. И очень хотел побыстрее закончить эту скучную погоню.

Звук! Он повернулся так быстро, что ударился мордой о пластиковый воздушный пузырь. Моки двинул сани вперед, приготовил еще одну торпеду. Эта прикончит врага.

В широком океанском каньоне открылся широкий провал. Моки взял балласт и начал опускаться, прижимаясь к стене. Потом передвинул дроссель назад и остановился.

Проходили минуты. Слабый звук работающего двигателя слева все усиливался. Приближающиеся сани на глубине держатся ближе к стене.

Неожиданно они оказались прямо под ним! Моки решил не стрелять сразу. Это было бы слишком легко! Пусть нахал услышит, как сзади к нему приближается смерть. Она будет слишком близка, он не сможет уйти. Пусть дрожит в страхе, прежде чем торпеда Моки разорвет его на куски!

Сани взревели и начали опускаться. Жертва не успеет повернуть вовремя! Моки кричал:

Вожак стаи!

Идет Большой Самец!

Но вот он прервал свою песню. Почему этот

нахал не бежит?

Моки ориентировался исключительно на звук. Только теперь он посмотрел на свою жертву.

Сани пусты! Они медленно опускаются, никто ими не управляет. Но где же?..

Уши охотника
Нужны самцу —
Но астронавту
Нужны глаза
И мозг.

Голос над ним! Моки закричал, стараясь повернуть сани и одновременно выпустить торпеду. С отчаянным воплем двигатель отключился. Отказало гнездо нервной связи, и в это мгновение Моки увидел в двух метрах над собой гладкого серого дельфина-турсиопу, его белые зубы сверкали.

А из дураков
Получаются только
Трупы

Моки закричал, когда режущий факел на доспехах пилота вспыхнул лазерным блеском.

68. ТОМ ОРЛИ

Откуда они все взялись?

Том Орли прятался за невысоким холмиком водорослей и смотрел на отряды чужаков на горизонте. Он насчитал по крайней мере три группы, которые двигались с разных сторон к яйцеобразному корпусу.

Примерно в миле за ним по-прежнему ворчал вулкан. На рассвете Том ушел от разбитого теннанинского разведчика, оставив возле умирающего пилота фляжку с драгоценной пресной водой, чтобы тот утолил жажду, если придет в себя.

Вышел он вскоре после того, как заметил группу танду. Начал испытывать недавно сплетенные «водорослевые башмаки» на скользкой неровной поверхности. Похожие на снегоступы, они скользили, но помогали уверенней держаться на поверхности.

Вначале он двигался быстрее танду. Но вскоре те выработали новую технику. Они больше не брели по грязи, а двигались резко. Том держался за укрытиями и думал, что случится, если его заметят.

А теперь появились отряды, один движется

с юго-запада, другой — с запада. Еще он видит движущиеся с трудом пятна на низком неровном горизонте. Но откуда они взялись?

Танду ближе всех. Их по крайней мере восемь или девять, движутся колонной. Каждый идет на шести широко расставленных тонких ногах, чтобы легче было удержать равновесие. В руках у них длинные блестящие инструменты, которые могут быть только оружием. Продвигаются вперед быстро.

Том гадал, какова их новая тактика. Но потом заметил, что передний танду не несет никакого оружия. Напротив, он ведет на поводке какое-то волосатое неуклюжее существо. Наклоняется над ним, словно заставляет выполнять задачу.

Том решился на несколько дюймов приподнять голову.

— Будь я проклят!

Волосатое существо создавало сушу — по крайней мере прочную поверхность — узкую тропу впереди отряда! Прямо перед тропой и по сторонам виднелось слабое мерцание. Казалось, действительность сопротивляется такому пагубному вторжению.

Эписиарх! На мгновение Том забыл о своих трудностях, благодарный возможности увидеть

редкое зрелище.

На его глазах тропа в одном месте провалилась. Светящаяся полоса по краям тропы в этом месте громко щелкнула. Ближайший воин танду замахал конечностями и упал в водоросли. Он срывал стебли, бился и только расширял отверстие. И наконец, как камень, ушел под воду.

Никто из остальных танду словно не заметил этого. Двое ближайших перепрыгнули на «прочную» почву. Отряд, потеряв одного воина, продолжал движение.

Том замотал головой. Он должен первым добраться до корабля! Нельзя пропустить танду вперед.

Но если он даже просто сдвинется с места или что-нибудь сделает, они его заметят. А он не сомневался — они хорошо владеют своим оружием. Вряд ли кому-то из людей удавалось их слишком долго недооценивать.

Том неохотно нагнулся и развязал крепления самодельной обуви. Бросив ее, он осторожно пополз к ближайшему открытому бассейну.

Считал про себя, дожидаясь приближения колонны галактов. Снова мысленно проигрывал свои действия.

Сделав несколько глубоких вдохов, он натянул

на лицо дыхательную маску, проверив, чтобы она плотно прилегала, а жабры были открыты. Затем достал из кобуры игольник, держа его в обеих руках.

Том поставил ноги на два прочных стебля и проверил их крепость. Бассейн был прямо перед ним.

Он закрыл глаза.

Слушай

Хлещущий хвост

Тигровой акулы

Эмпатически он уловил мощное пси-излучение безумного клиента ити, до которого оставалось всего восемьдесят метров.

— Джиллиан... — вздохнул Том. Потом распрямился одним гибким движением и вытянул руку с оружием. Раскрыл глаза и выстрелил.

69. ТОШИО

Вопреки возражениям Тошио, они использовали остатки энергии баркаса, чтобы поднять его и посадить на площадку на острове. Тошио предлагал расширить пещеру под металлическим холмом, но Такката-Джим холодно отверг

его предложение.

Пришлось два часа рубить ветви и маскировать небольшой корабль. Тошио не был уверен, что это поможет, если галакты, закончив сражение, обратят внимание на поверхность планеты.

Метц и Дарт должны были помогать ему. Тошио велел им рубить ветви, но выяснилось, что нужно показывать и объяснять каждую мелочь. Дарт был мрачен, сердился оттого, что подчиняется гардемарину, которому несколько дней назад сам отдавал приказы. Он явно хотел вернуться к своим приборам, которые оставил у бассейна дерева-сверла, когда его назначили в рабочую группу. Метц помогал охотнее, но ему так хотелось уйти и поговорить с Дэнни, что он был почти бесполезен.

Тошио в конце концов отправил их обоих и сам закончил работу.

Но вот баркас замаскирован. Тошио опустился на землю и немного отдохнул, прижимаясь к стволу масляно-орехового дерева.

Будь проклят Такката-Джим! Тошио и Дэнни должны были проверить безопасность лагеря, сообщить Метцу о результатах своей работы с кикви, а потом сесть в сани и убраться отсюда! Джиллиан ждет их через несколько часов, а они

почти ничего не сделали!

И, хуже всего — только за час до прибытия баркаса «Стремительный» предупредил его о «зайце». Джиллиан решила не арестовывать Чарли за нарушение приказа, хотя, как выяснилось, он украл оборудование из десятка лабораторий корабля. Тошио был рад, что хоть этого он избежал. К тому же на острове не было ничего подходящего в качестве места заключения.

Слева зашуршала листва. Треск веток сопровождался механическим гудением. На поляну вышли четыре «паука». На плавучей площадке каждого лежал дельфин-стенос и контролировал движения механических конечностей через гнездо нервной связи. Когда они приблизились, Тошио встал.

Мимо прошел Такката-Джим, молча и холодно взглянув на Тошио. Остальные три «паука» вслед за ним миновали поляну и углубились в лес. Стеносы разговаривали на желудочном тринари.

Тошио смотрел им вслед. Он вдруг обнаружил, что затаил дыхание.

— Не знаю, как Такката-Джим, но эти его стеносы безумны, как волноломные гнездовики с Атласта, — сказал Тошио самому себе, качая головой. На Калафии он мало видел так называемых

стеносов. Некоторые были со странностями в ту или иную сторону, как у Сахота. Но никогда он не видел такого выражения, как у последователей бывшего помощника капитана.

Звуки процессии стихли. Тошио встал.

Он удивлялся, почему Джиллиан вообще отпустила Такката-Джима. Почему бы просто не отправить его и сторонников в карцер и не покончить с этим?

Конечно, неплохая мысль — оставить группу на баркасе, чтобы она попыталась добраться до Земли, если это не удастся «Стремительному». Джиллиан, очевидно, не может пожертвовать ни одним надежным членом экипажа. Но...

Том повернул к деревне кикви, размышляя по пути.

Конечно, баркас размонтирован. Теоретически Такката-Джим не мог бы связаться с галактами, даже если бы захотел. А Тошио не представлял себе, чтобы он захотел этого.

Но что если у него свои причины? И если он отыщет способ?

Задумавшись, Тошио чуть не натолкнулся на дерево. Поднял голову и чуть поправил направление.

«Мне надо знать наверняка, — решил он. — Се-

годня вечером я выясню, сможет ли он причинить неприятности».

Сегодня вечером.

Взрослые аборигены сидели кружком на поляне в центре селения. С одной стороны расположились Игнасио Метц и Дэнни Судман. Напротив них — Мать Гнезда, со своими раздутыми яркими, в зеленую и красную полоску, воздушными мешками. По обе стороны от нее вздымались и волновались, как цепь ярко раскрашенных воздушных шаров в лесном солнечном свете, старейшины деревни.

Тошио остановился на краю площади. Солнечный свет, пробивающийся сквозь ветви, освещал собрание разных рас.

Мать Гнезда щелкала, размахивая лапами вверх и вниз; Дэнни как-то объяснила, что это знак согласия. Если бы старейшая самка рассердилась, движения ее стали бы поперечными. Поразительно простой способ общения. Остальные члены племени повторяли ее звуки, иногда опережая ее.

Игнасио Метц возбужденно кивнул, прикрывая рукой наушник, в который слушал перевод компьютера. Когда песня стихла, он произнес в микрофон несколько слов. Из громкоговорителя

машины послышался ряд высоких писков.

Лицо Дэнни выражало облегчение. Она боялась первой встречи в качестве специалиста по возвышению с кикви. Но Метц, по-видимому, не повредит ее долгим и осторожным переговорам с предразумными. Встреча идет к удовлетворительному завершению.

Дэнни увидела Тошио и улыбнулась. Без церемоний встала и покинула круг. Торопливо подошла туда, где он ждал.

— Как дела? — спросил он.

— Удивительно! Оказывается, он прочел каждое слово, которое я посылала на корабль. Понимает протокол поведения, физические проявления различий в поле и возрасте, он считает мой анализ их поведения «образцовым»! Образцовым!

Тошио улыбнулся, разделяя ее радость.

— Он сказал, что добьется моего назначения в Центр Возвышения! Можешь себе представить? — Дэнни не могла спокойно стоять на месте.

— А как договор?

— Они готовы в любое время. Если Хикахи доберется сюда на скифе, мы прихватим с собой на «Стремительный» десяток кикви. Или же некоторые полетят с Метцем на Землю в баркасе. Все решено.

Тошио посмотрел на счастливых жителей деревни и постарался подавить в себе тревожные опасения.

Конечно, для кикви, как вида, это хорошо. Под покровительством человечества им будет лучше, чем с любой другой космической расой. И у земных генетиков будут живые образцы еще до того, как они предъявят требование на прием клиентов.

Будет сделано все, чтобы первая группа аборигенов оставалась здоровой. Половина всех забот Дэнни — определение их потребностей, включая микроэлементы. Но все же маловероятно, чтобы кто-то из первой группы выжил. И даже если они выживут, Тошио сомневался, чтобы кикви догадывались, что их ждет.

«Они еще не разумны, — напомнил он себе. — По законам галактики они всего лишь животные. И, в отличие от всех остальных в пяти галактиках, мы хоть что-то пытаемся им объяснить и получить их согласие».

Но он помнил бурную ночь, сильный дождь к вспышки молнии, тогда эти маленькие амфибии жались к нему и его раненому другу-дельфину, согревали их теплом, отгоняли отчаяние своим присутствием.

Он отвернулся от залитой солнцем поляны.

— Значит, больше тебя здесь ничего не удерживает? — спросил он у Дэнни.

Она покачала головой.

— Конечно, я хотела бы еще ненадолго остаться. Теперь, покончив с кикви, я могла бы заняться проблемой островов. Поэтому я так нервничала несколько дней назад. Помимо того, что приходилось заниматься сразу двумя делами, я еще раздражалась из-за непонятных явлений. Но теперь мы ближе к разгадке. А знаешь, кора этих металлических холмов еще жива. Она...

Тошио вынужден был прервать поток ее слов:

— Дэнни! Подожди минутку, пожалуйста. Ответь на мой вопрос. Ты готова немедленно покинуть остров?

Дэнни моргнула. Переступила с ноги на ногу, нахмурилась.

— «Стремительный»? Что-то случилось?

— Несколько часов назад начали перемещение. Я хочу, чтобы ты собрала свои записи и вещи и прикрепила к саням. Вы с Сахотом уходите засветло.

Смысл слов начал доходить до нее.

— Я и Сахот? Не ты?

— Нет. Я останусь еще на день. Нужно.

— Почему?

— Послушай, Дэнни, я не могу сейчас говорить об этом. Сделай, как я сказал, пожалуйста.

Он повернулся, собираясь идти, но она схватила его за руку. И вынуждена была идти за ним.

— Но мы ведь собирались уйти вместе! Если у тебя здесь дела, я подожду!

Он шел, не отвечая. Не знал, что сказать. Горько понимать, что ее уважение и привязанность завоеваны, когда остается несколько часов.

«Если это означает быть взрослым, — подумал он, — могут оставить это себе. Мне не нравится».

Приближаясь к бассейну, они услышали звуки громкого спора. Тошио заторопился. Дэнни бежала рядом с ним. Они выскочили на поляну.

Чарлз Дарт кричал и держался за цилиндр, зажатый в манипуляторе «паука» Такката-Джима. Чарли собрал все силы, пытаясь вырвать цилиндр. Такката-Джим широко улыбался.

Перетягивание длилось несколько секунд, мощные бицепсы шимпа вздулись, цилиндр вылетел у него из рук, и Чарли упал в пыль, едва удержавшись на краю бассейна. Он вскочил и гневно закричал.

Тошио видел еще трех «пауков», под управлением стеносов они двигались к баркасу. Каждый

нес еще по одному цилиндру. Разглядев, что Такката-Джим отобрал у Чарли, Тошио застыл. Глаза его расширились.

— Никакой опасности больше нет, — сказал ему Такката-Джим безразлично. — Эти я конфисковал. Они будут в безопасности у меня на борту и ничего не повредят.

— Они мои, ты вор! — Чарли Дарт гневно подпрыгивал, размахивая руками. — Ты преступник! Думаешь, я не знаю, что ты пытался убить Крайдайки? Мы все знаем, что это сделал ты! Ты разрушил буи, чтобы уничтожить улики! А теперь ты крадешь мое оборудование!

— Которое вы, несомненно, украли из арсенала «Стремительного». Хотите, чтобы я запросил подтверждения у доктора Баскин?

Дарт заворчал и показал внушительные зубы. Отвернулся от неодельфина и сел в пыли перед сложным ныряющим роботом, только что собранным на краю бассейна.

«Паук» Такката-Джима начал разворачиваться, но тут фин заметил, что на него смотрит Тошио. На мгновение холодное спокойствие оставило Такката-Джима. Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на Тошио.

— Не верь ничему услышанному, молодой че-

ловек, — сказал он. — Я сделал много и сделаю еще, и убежден, что поступаю правильно. Но не я причинил вред Крайдайки.

— Вы разрушили буи? — Тошио чувствовал за собой Дэнни, которая через его плечо смотрела на большого дельфина.

— Да. Но не я уссстановил ловушшшку. Как король Генри с Беккетом, я узнал об этом гораздо позже. Расскажи об этом на Земле, если тебе удастся туда добраться, а мне нет. Другой взял на себя эту инициативу.

— Кто? — Тошио сжимал кулаки.

Из дыхала Такката-Джима вырвался долгий вздох.

— Доктор Метц вырвал у Совета разрешение на участие в полете тех, кого не должно быть на борту. Он слишком торопился. У некоторых стеносов... необычное происхождение.

— Стеносы...

— Несколько стеносов! Я не из тех, с кем экспериментировал доктор Метц! Я офицер космического корабля. И заслужил свое место! — В голосе дельфина звучал вызов.

— Когда напряжение возросло почти до критического, некоторые из них обратились ко мне. Я подумал, что смогу контролировать их. Но с

одним я справиться не смог. Расскажи об этом дома, Тошио Ивашика. Расскажи, что можно превратить дельфина в чудовище. Их следует предупредить.

Такката-Джим еще раз внимательно посмотрел на него, потом «паук» повернулся и направился следом за другими к баркасу.

— Он *лжет*! — прошептала Дэнни как только «паук» удалился. — Его слова разумны и логичны, но я дрожу, когда слышу их.

Тошио смотрел вслед исчезающему «пауку».

— Нет, — сказал он наконец. — Он честолюбив и, может, сам спятил. Вероятно, он тоже предатель. Но почему-то мне кажется, что он сказал правду. Может, из гордости он еще хочет выглядеть честным.

Он повернулся, качая головой.

— Конечно, это не уменьшает опасности.

Он подошел к Чарли Дарту, который посмотрел на него с дружеской улыбкой. Тошио присел рядом с шимпом-планетологом.

— Доктор Дарт, какой они величины?

— Что, Тошио? Слушай! Ты видел этого нового робота? Я сделал его необычным. Он сможет нырнуть к основанию острова, потом сбоку пройти к большому туннелю в магме, который мы об-

наружили...

— Какой они величины, доктор Дарт? — повторил Тошио. Он с трудом сдерживал раздражение и готов был задушить шимпанзе. — Отвечайте!

Дарт быстро и виновато оглянулся, потом задумчиво посмотрел на бассейн.

— Всего около килотонны каждая, — вздохнул он. — Недостаточно, чтобы поднять большую волну в коре. — Он посмотрел невинными карими глазами. — Всего лишь крошечные атомные бомбы, честно!

70. ХИКАХИ

Необходимость оставаться незамеченной не позволяла двигаться быстрее, чем на простых санях. Это раздражало.

Больше суток отрезанная от связи, Хикахи изучала морское дно, чтобы не думать о возможной судьбе «Стремительного» и Крайдайки. Рано или поздно она узнает, что произошло. А до того беспокойство только утомит ее.

Утренний свет проникает в каньон, в котором она свернула сначала на восток, потом на север. Над головой плывут обрывки водорослей, рядом мелькают медного цвета рыбы, но скиф быстро

оставляет их позади.

Однажды она увидела что-то длинное и извилистое. Но при ее приближении оно скрылось в пещере. Нет времени, чтобы задержаться и посмотреть, однако, проплывая, она сфотографировала чудовище.

«Что же делать, если „Стремительный“ погиб?» — пришла незваная мысль.

«Вернусь к корпусу теннанинца. Я там нужна. Но тогда я буду капитаном. И прятаться на дне океана — не выход из положения. Во всяком случае, не на этой смертоносной планете.

Могу ли я сдаться?»

Если дойдет до этого, живой она галактам не сдастся. Она из тех, кто, имея необходимые данные, мог бы проложить обратный курс к брошенному флоту.

«Убедившись, что экипаж интернирован, я, возможно, попытаюсь вырваться на скифе, — подумала она. — Но, даже если вырвусь из блокады галактов, скиф вряд ли выдержит путь домой. Однако кто-то должен попытаться донести сообщение до Земли. Может, найдется способ наказать фанатиков... чтобы они дважды подумали, прежде чем снова связываться с землянами».

Хикахи понимала, что это лишь мечты. Только

через несколько тысяч лет люди и их клиенты обретут нужную силу.

Хикахи прислушалась. Какой-то звук...

Она увеличила громкость корабельных гидрофонов. Фильтры устраняли шум двигателей и волн. И до Хикахи донеслись негромкие звуки морской жизни.

— Компьютер! Проверить на следы китообразных!

Звуковой рисунок изменился. Море стихло. Однако обнаружился какой-то след.

— Увеличить дальность! — Уровень шума поднялся. И сквозь помехи она безошибочно различила крики плывущих дельфинов! Звуки отчаянной схватки.

Может, это пережившие катастрофу? Что же делать? Она хотела броситься на помощь. Но кто преследует дельфинов?

— Зззвуки двигателей! — приказала она. Но детектор подмигнул красным огнем, указывая, что в пределах досягаемости двигателей нет. Итак, дельфины не на санях.

Если попытается помочь, рискует единственной надеждой экипажа на «Морского конька». Обойти беглецов и направиться к «Стремительному», как планировалось? Трудный выбор.

Хикахи еще больше заглушила двигатели и повернула скиф на север, к едва различимым крикам.

71. ЧАРЛЗ ДАРТ

Он подождал, пока все уйдут, потом раскрыл спину своего нового робота и проверил содержимое.

Да, она на месте. Хорошо спрятана.

«Ну ладно, — подумал он. — Я надеялся на повторение эксперимента. Но и одной бомбы хватит».

72. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы в пути. Все на борту радуются этому.

Накануне поздно вечером «Стремительный» поднялся с океанского дна, двигатели работали на минимуме. Я была на мостике, принимая доклады финов снаружи и следя за приборами, пока не убедилась, что со «Стремительным» все в порядке. Он готов к действиям.

Эмерсон и его команда могут гордиться своей работой, хотя, конечно, найденные Томом и Тшут кольца сделали это возможным. «Стремительный» снова гудит, как космический корабль.

Мы идем на юг. Тянем за собой моноволоконный кабель, чтобы поддерживать связь с островом, оставили сообщение для Хикахи, когда она покажется.

Надеюсь, она поторопится. Быть капитаном гораздо труднее, чем я думала. Нужно убедиться, что все выполняется правильно и в должном порядке, как можно ненавязчивей, чтобы фины не чувствовали, что «старуха» нависла над ними. Мне бы хотелось пройти военную подготовку, как Том; он получил ее, пока я училась в медицинской школе.

Менее чем через тридцать часов мы доберемся до разбитого теннанинца. Свесси сообщил, что все будет готово. Между тем мы выслали разведчиков, а над нами в детекторных санях плывет Ватгасети. Его приборы показывают, что утечки почти нет и мы в безопасности.

Я отдала бы годовое жалование за то,

чтобы прямо сейчас вернулась Хикахи, или Тшут, или даже Кипиру. Раньше я не понимала, почему капитан так высоко ценит своих офицеров.

Кстати, о капитанах. Наш — просто чудо.

Крайдайки казался не в себе долгое время после выхода из лазарета. Но продолжительные разговоры с Сахотом как будто приободрили его. Не знаю, что сделал Сахот, но никогда бы не поверила, что после такого серьезного ранения можно остаться бодрым и полезным.

Когда мы поднимались, Крайдайки попросил разрешения присматривать за разведчиками и боковыми. Мне очень нужен был фин, на которого можно положиться, и я подумала, что только вид капитана подействует благотворно. Даже стеносы обрадовались, увидев его. Их недовольство моим «государственным переворотом» и ссылкой Такката-Джима, кажется, улеглось.

Крайдайки ограничен простейшими призывами на тринари, но этого достаточно. Он теперь снаружи, привязанный

к саням, наводит порядок, показывая, подталкивая и подавая пример. Если через несколько часов наши разведчики встретятся с Тшут, Крайдайки сможет вернуться на борт.

Со времени моего возвращения на консоли горит огонек. Это сумасшедшая машина тимбрими Нисс. Я заставляю его ждать. Том, наверное, не одобрил бы этого. Но силы женщины ограничены, и мне нужно поспать. Если бы дело было срочное, Нисс заговорил бы сам.

О Том, как нам нужна твоя выносливость! Возвращаешься ли ты? Может, сейчас твой маленький глайдер опускается на остров Тошио?

Кого я обманываю? После первой псибомбы мы ничего не обнаружили, только шум космической битвы, причем часть шума оттуда, где в последний раз засекли Тома. Он не пустил в ход ни одну бомбу с сообщениями. Либо решил не посылать двусмысленного сообщения, либо еще хуже.

Без данных от Тома мы не решим, что делать на борту «Морского конька»? Вз-

лететь и попытать удачи или прятаться внутри, сколько сможем?

Пусть решает Хикахи.

Джиллиан закрыла дневник и прижала палец к устройству самоуничтожения. Потом встала и выключила свет.

По пути в лабораторию она прошла мимо стасис-поля древнего трупа, который они такой ценой заполучили в Мелком скоплении. Херби, древняя загадка, привычно улыбался в свете маленькой лампочки. Тайна.

Источник неприятностей.

Избитый, в шрамах, «Стремительный» медленно шел по дну долины, двигатели работали сдержанно, негромко. В том месте, где выхлопы касались ила, поднимался темный пенистый туман.

Бугорчатый цилиндр скользил над мрачными черными хребтами и пропастями, огибал металлические острова и стены долин. Маленькие сани скользили по бокам, направляя корабль лучами сонаров.

Крайдайки снова видел свой корабль живым. Он слышал сжатые сообщения разведчиков и часовых, ответы с мостика. Подробности он не

понимал; технический жаргон сейчас ему так же недоступен, как прошлогодний снег. Но подсознательно он ощущал: экипаж контролирует ситуацию.

На глубине в пятьдесят метров, в темном тусклом свете, «Стремительный» не мог блестеть, но Крайдайки мог слушать, и он слушал, наслаждался низким гулом двигателей, представлял, что будет на корабле, когда тот снова взлетит.

: НИКОГДА СНОВА, КРАЙДАЙКИ: ТЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОЛЕТИШЬ НА НЕМ:

Рядом плывет призрак — Кк-кп-крии, привидение из серебристых и сонарных теней. Присутствие бога не удивляет и не тревожит Крайдайки. Он ожидал его появления. Призрак плывет лениво, легко держась на уровне саней.

: ТЫ УШЕЛ ОТ НАС: НО ТЕПЕРЬ ТЫ СОЗНАТЕЛЬНО ВЫЗВАЛ МЕНЯ ИЗ ПЕСНИ: ИЗ-ЗА ДРЕВНИХ ГОЛОСОВ, КОТОРЫЕ ТЫ УСЛЫШАЛ?: ГОЛОСОВ СНИЗУ?:

: Да:

Крайдайки думает не на англике и не на тринари, но на новом языке, который изучает.

: В этом мире живет древний гнев: Я слышал его песню:

Широкий лоб бога сна отражает звездный свет.

Раскрывается его пасть. Сверкают зубы.

: И ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ДЕЛАТЬ?:

Крайдайки чувствует, что бог уже знает ответ.

: Исполнять свой долг: — повторяет он на языке бога.: Что еще я могу делать?:

Из глубины сна китов бог одобрительно вздыхает.

Крайдайки увеличил дальность приема своих гидрофонов. Впереди слышатся возбужденные крики — радостные звуки приветствия.

Крайдайки взглянул на сонарный дисплей саней. На пределе дальности несколько точек. Вот они соединяются с точками — разведчиками «Стремительного». Первая группа Тшут от «морского конька».

Убедившись, что поблизости никого нет, Крайдайки повернул сани в небольшой боковой каньон. Скользнул в тень скалы и выключил двигатель. Подождал, пока мимо пройдет «Стремительный». Корабль исчез за поворотом вместе с сопровождающими.

— Прощай... — он с трудом выговаривал слова англика. — Прощай... и... удачи...

Потом развернул сани и выбрался из небольшого углубления, направляясь на север, в то место, которое они оставили двадцать часов назад.

: Можешь приходить, если хочешь: — сказал он богу, отчасти созданному собственным воображением, отчасти — отражениями сонара самого Крайдайки.

Прозрачная фигура ответила:

: Я ПОЙДУ С ТОБОЙ: НИ ЗА КАКУЮ ПЕСНЮ Я БЫ НЕ ПРОПУСТИЛ ЭТОГО:

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА

— Хозяин, я все думаю: как живут рыбы в море?
— Как люди: большие поедают маленьких.
Вильям Шекспир «Король Ричард Второй»

73. АККИ

От этого крика застыла кровь в жилах. Только чудовище может издавать такой крик. И он убегал, как от страшного чудовища.

К полудню Акки понял, что скоро все кончится.

Сердце билось часто, дышал он с трудом, кожа ныла. Аллергическая реакция на воду, казалось, усилилась из-за усталости. Она становилась все сильнее, пока он отчаянно нырял меж низких островов. Некогда гладкая, эластичная кожа превратилась в сплошную ссадину. И мозг устал так же сильно.

Несколько раз ему удавалось уходить от ловушек, которые превратили бы его в мясо. Однажды, отскочив от сонарного отражения, он чуть не попал в зубы Кта-Джона. Гигант улыбнулся и нацелил лазерное ружье, а Акки в панике бежал. И спасся он не благодаря своей быстроте или хитрости. Он понял, наконец, что враг пока только играет.

Он надеялся уйти на север, к острову Тошио, но теперь гонка идет в другом направлении, и север для него потерян. Если он дождется заката...

Нет. Я столько не продержусь. Пора кончать».

Снова послышался ужасный охотничий клич. От него словно свернулась вода.

Большая часть усталости Акки возникает от этого животного страха. Что за дьявол его преследует?

Чуть раньше ему показалось, что он слышит вдали другой клич. Похоже на поисковый крик турсиопы. Но, вероятно, это игра воображения. Что бы ни происходило на «Стремительном», вряд ли оттуда отправят на его поиски. А если даже отправят, разве можно найти его в этом обширном океане?

Но он все же послужил «Стремительному», отвлекая Кта-Джона, уводя его от корабля, где бы

тот мог сильнее навредить.

«Надеюсь, Джиллиан и Хикахи вернутся и все исправят, — подумал он. — Я в них уверен».

Он негромко дышал в тени скалы. Кта-Джон, конечно, знает, где он. Это лишь вопрос времени, когда ему наскучит охота и он придет за добычей.

«Я теряю силы, — подумал Акки. — Надо кончать, пока есть надежда — пусть это всего лишь возможность выбора момента».

Он проверил заряд батарей доспехов. Можно сделать два выстрела из режущего факела. Да и то на очень небольшом расстоянии, а ружье Кта-Джона, несомненно, заряжено полностью.

Высокий крик прозвучал снова, насмешливый, холодящий кровь.

«Ну, ладно, чудовище. — Акки стиснул зубы, чтобы не дрожать. — Держи лошадей. Я иду».

74. КИПИРУ

Кипиру летел на северо-восток, на звуки схватки, которые слышал всю ночь. Быстро плыл по поверхности, изгибался, ныряя. Проклинал тяжесть доспехов, но бросать их не помышлял.

Снова проклинал свое невезение. И в его санях,

и в санях Моки иссякла энергия, и их пришлось оставить.

Входя в лабиринт островков, он впервые отчетливо услышал охотничий клич.

До сих пор он мог успокаивать себя, что ему просто почудилось, что расстояние или какое-то необычное отражение искажают звуки.

Крик отразился от металлических островов. Кипиру развернулся: на мгновение показалось, что его преследует стая охотников.

Потом другой звук, храбрый и слабый скрежет отдаленного тринари. Кипиру двинул челюстью, определяя направление, и поплыл изо всех сил.

Он пробирался через лабиринт, мощно сокращая и расслабляя мышцы. Услышав звонок дыхателя, он откинул это глупое устройство и продолжал плыть по поверхности, делая вдох во время каждой дуги перед нырянием.

Он оказался в дельте нескольких узких проливов и остановился в замешательстве.

Куда? Поворачивался, пока снова не уловил охотничий крик. Потом — ужасный скрежещущий звук. Крик боли и гнева и мягкое гудение доспехов. Еще один негромкий выкрик на тринари и ответный дикий крик и скрежет.

Кипиру поплыл еще быстрее. Это совсем

близко! Он мчался, не думая о резервах, когда послышался последний вызывающий возглас:

Ради чести

Калафии.

Голос смолк, его заглушил вопль дикого торжества. И наступило молчание.

Кипиру потребовалось пять минут лихорадочного метания по узким проливам, чтобы отыскать поле битвы. Привкус воды подсказал, что уже поздно.

Он застыл, не входя в узкую долину между тремя островами. Над головой плыли водоросли.

В центре долины стояло облако красной пены, красные струйки уплывали по течению. В обрывках доспехов, частично съеденное, плавает брюхом вверх тело молодого дельфина amicus. Гигантский дельфин рвет его своими окровавленными челюстями.

Гигантский дельфин? Как он не замечал этого раньше, сразу после вылета с Земли? Прикрепляя свежий дыхатель, Кипиру наблюдал за убийцей.

«Взгляни на эти оценки, — говорил он себе. — На короткие челюсти, большие зубы, короткий и острый спинной плавник.

Только послушай его!»

Кта-Джон удовлетворенно хмыкнул, отрывая кусок тела Акки. Гигант как будто даже не замечал длинного ожога на боку или кровоподтека на том месте, куда пришелся последний отчаянный удар Акки.

Кипиру понимал, что чудовище знает о его присутствии. Кта-Джон лениво проглотил, потом поднялся на поверхность за воздухом. Спустившись, он посмотрел прямо на Кипиру.

— Ну, пилот? — довольно спросил он.

Кипиру ответил на англике, хотя дыхатель мешал ему.

— Я имею дело с одним чудовищем, Кта-Джон, но твоя деградация бросает тень на всю нашу расу.

Кта-Джон насмешливо фыркнул:

— Ты думаешь, я деградировал, как этот жалкий стенос Моки, да, пилот?

Кипиру только покачал головой, не в состоянии высказать свое мнение по поводу теперешнего состояния боцмана.

— Может ли деградировавший дельфин так хорошо говорить на англике? — насмехался Кта-Джон. — Или мыссслить так логично? Может ли подобная особь чистого стеноссса или даже турсиопы так решительно преследовать добычу...

и с таким удовольсствием?

— Правда, напряжение последних дней что-то высвободило во мне. Но неужели ты слушаешь меня и можешь назвать таким словом?

Кипиру взглянул на розовую пену на коротких мощных челюстях. Труп Акки медленно отплывал по течению.

— Я знаю, кто ты, Кта-Джон. — Кипиру перешел на тринари:

Холодная вода кипит,
Когда ты кричишь
Красночелюстной голод
Заполняет твои сны.
Гарпуны убивают
Китов,
Сети Ики
Ловят нас
Но тебя одного
Мы боимся ночами
Тебя одного —
Касатка!

Кта-Джон довольно хлопнул челюстями, словно принимая посвящение в рыцари. Он поднялся

наверх и вернулся на несколько метров ближе к Кипиру.

— Я догадался об этом недавно. Я результат одного из экспериментов нашего любимого патрона — человека Игнасио Метца. Несмотря на всю свою глупость, этот дурак совершил один очень важный поступок. Другие его подопытные деградировали или сошли с ума. Но я — это успех...

— Ты — несчастье! — крикнул Кипиру, дыхатель помешал ему воспользоваться более подходящими выражениями.

Кта-Джон подплыл еще на несколько метров, невольно заставив Кипиру попятиться. Гигант снова остановился; он удовлетворенно щелкал.

— Неужели, пилот? Можешь ли ты, простой поедатель рыбы, понять тех, кто выше тебя? Можешь ли судить моих предков, которые находились на вершине пищевой цепочки в океане? И поступали с твоими предками так, как они того заслуживают?

Кипиру почти не слышал его, видя, как сокращается расстояние между ними.

— Ты сслишком высссокомерен. У тебя всего несколько генов от...

— Я — КАСАТКА! — закричал Кта-Джон. Крик его прозвучал как торжественный призыв горна.

— Внешность ничто! Мозг и кровь имеют значение. Слушай и не смей меня опровергать!

С пушечным грохотом захлопнулись челюсти Кта-Джона. Боцман испустил охотничий клик, и Кипиру под действием ударной волны почувствовал инстинктивное желание спрятаться или умереть.

Но он сопротивлялся. Заставил себя принять независимую позу и вызывающе ответить:

— Ты деградировал, Кта-Джон! Хуже того, ты мутант без всяких наследников. Эксперимент Метца не удался. Неужели ты думаешь, что настоящая касатка поступила бы так, как ты? Касатки охотятся на невозделанных дельфинов на Земле, но никогда не делают этого, если сыты. Подлинный кит-убийца не убивает по злобе!

Кипиру испражнился и погнал фекалии ударами плавников в сторону гиганта.

— Ты неудачный эксперимент, Кта-Джон! Ты говоришь, что сохраняешь логику, но теперь у тебя нет дома. А когда мой отчет дойдет до Земли, твою генетическую плазму выльют в канализацию! Твоя линия прервется так же, как и у других чудовищ.

Глаза Кта-Джона сверкнули. Он охватил Кипиру лучом сонара, словно запоминая каждый

изгиб тела будущей добычи.

— А почему ты сссчитаешь, что тебе удастся сделать от-тчет? — просвистел он.

Кипиру улыбнулся.

— Все очень просто. Ты искалеченное безумное чудовище, чья тупая морда вырезана из картона, чья мужественность нравится только решетке бассейна, потому что дает только грязную жидкость...

Гигант снова закричал, на этот раз гневно. Когда Кта-Джон бросился на него, Кипиру увернулся и ушел в боковой пролив, едва ускользнув от мощных челюстей.

Продираясь сквозь густые водоросли, Кипиру поздравил себя с успехом. Насмешками заставив Кта-Джона перейти к вендетте, он одновременно вынудил его забыть о доспехах... и о лазерном ружье. Кта-Джон явно намерен убить Кипиру так же, как Акки.

Кипиру уходил, всего на корпус опережая мутанта.

«Пока хорошо», — думал он, скользя мимо сверкающих оконечностей металлического острова.

Но оторваться от преследователя оказалось трудно. И грозные челюсти не раз заставили Кипиру усомниться в мудрости избранной им

стратегии. Погоня продолжалась, а день был на исходе. И когда солнце село, гонка еще продолжалась.

В темноте она превратилась в соревнование умов и звуков.

Ночные обитатели архипелага бежали в панике, когда два незнакомых чудовища проносились по пересеченным проливам, оставляя полосы пузырей. Пролетая, они оглашали глубины потоками звуков, соединением изображений и ярких иллюзий. Местные рыбы, даже гиганты, уносились прочь из этой акватории, оставляя поле битвы чужакам.

Причудливая игра изображений и звуков, обманов и неожиданных засад продолжалась.

Кипиру выскользнул из узкого илистого пролива и прислушался. Уже на протяжении часа до него не доносился охотничий клич, но это ничего не означало. Кипиру представил себе окружающую местность по доходившим до него отражениям; он знал, что некоторые из них — искусный обман. Гигант где-то поблизости, он использует свой превосходный сонарный орган, чтобы каждый раз искажать картину отражений.

Кипиру пожалел, что ничего не видит. Полуночные тучи погрузили все во тьму. Только слабо фосфоресцирующие растения освещали море.

Кипиру поднялся на поверхность, чтобы вдохнуть, и посмотрел на серебристые нижние облака. Шел мелкий дождь, островная растительность шумела и раскачивалась.

Кипиру сделал несколько вдохов и снова опустился. Вниз, туда, где неизбежна битва.

Фантомы плыли по проливам. Псевдоэхо показывало проход прямо на севере, но Кипиру, тщательно рассмотрев его, решил, что это иллюзия.

Точно такой же ложный проход недавно чуть не обманул его; он слишком поздно начал поворачивать и ударился о покрытую водорослями металлическую стену острова. Избитый, он с трудом выбрался из путаницы стеблей как раз вовремя, чтобы избежать тарана. Огромная морда Кта-Джона проскочила всего в нескольких дюймах от него. Вдогонку ему раздался выстрел из лазерного ружья. Кипиру обожгло левый бок. Ужасно больно.

В тот раз только лучшая маневренность спасла его. Он нашел убежище и закачался на волнах боли.

Со временем он смог бы, наверно, уйти от псевдокасатки. Но время играет на руку Кта-Джону. Тот целиком посвятил себя ритуальной охоте и ни о чем другом не помышлял. Он не собирался возвращаться к цивилизации. Он хотел только, чтобы Игнасио Метц защитил на Земле его право на потомство. И поэтому старался обезвредить Кипиру.

Но у Кипиру были обязанности на борту. А «Стремительный» не станет его ждать, если появится возможность уйти.

«На самом ли деле я так стараюсь уйти?» — подумал он.

Кипиру нахмурился и замотал головой. Два часа назад он был почти уверен, что потерял Кта-Джона. И вместо того чтобы бежать, повернул назад под каким-то предлогом, которого уже не помнил, и снова отыскал запах-звук гиганта. Враг тоже почуял добычу. Через несколько мгновений прозвучал охотничий клич, и мутант снова устремился за ним.

«Почему я это сделал?»

На мгновение мелькнула мысль... правда... Но Кипиру отбросил ее. Враг приближается. Кипиру едва ощутил приток адреналина, который заставил его забыть боль от ушибов и ожога.

Иллюзии исчезли, рассеявшись, как туман, превратившись в постоянные щелчки и шепот. Мощно ударяя по воде плавниками, гигант вошел в пролив ниже Кипиру. Кта-Джон поднялся к поверхности, показав белые пятна на животе, потом проплыл мимо ниши Кипиру, выпуская перед собой луч сонара.

Кипиру подождал, пока чудовище пройдет мимо, потом сам поднялся на поверхность. Пять раз неслышно вдохнул, потом погрузился, не шевеля плавниками.

Чудовище находилось в десяти метрах. Кипиру не шевелился. Кта-Джон поднялся и снова вдохнул. Но когда он начал опускаться, Кипиру послал поток щелчков, который отразился от двух металлических холмов за проливом.

Полукасатка быстро развернулась и пошла налево, гонясь за иллюзией. Кта-Джон прошел почти под Кипиру.

Как глубинная бомба, Кипиру носом упал на врага.

Но у того оказалось невероятное чутье, хотя Кипиру держался неестественно тихо. Кта-Джон услышал что-то за собой и, успев развернуться, как дервиш, приподнялся в воде вполоборота к Кипиру.

Угол для удара неудобный. Навстречу развернулись огромные челюсти и лазерное ружье. Попытка бежать означает получить залп из лазера.

Вдруг в сознании Кипиру всплыл один эпизод. Он вспомнил, как инструктор по тактике в академии рассказывал о преимуществах неожиданности.

> ...У нас, как разумных землян, это единственное и уникальное оружие в арсенале, которое другие не могут скопировать...

Кипиру еще сильнее увеличил скорость и оказался перед Кта-Джоном, брюхо к брюху. Он улыбнулся.

Кто может отказать
Внимательному поклоннику —
Потанцуем!

Взвыли доспехи Кипиру, и три механические руки схватили Кта-Джона и зажали его на месте.

Ошеломленный экс-боцман в гневе закричал и щелкнул челюстями, пытаясь схватить Кипиру, но не смог дотянуться. С помощью массивных

плавников он пытался высвободиться, но хвост Кипиру дублировал движения соперника, удерживая их на месте.

Кипиру почувствовал эрекцию и обрадовался ей. В эротических играх молодых самцов более сильный обычно исполняет мужскую роль. Кипиру ткнулся в Кта-Джона и услышал отчаянный возмущенный вопль.

Гигант дергался и извивался, бил хвостом, бросался в разных направлениях, заполняя воду своими воплями. Кипиру прочно держал его, понимая, какими будут следующие действия Кта-Джона.

Полукасатка боком двигалась к крутой стене острова. Кипиру продолжал держать Кта-Джона. Тот уже готов был ударить его о стену, прижать своим телом. Но тут Кипиру неожиданно изогнулся и бросил весь свой вес в одну сторону.

Хотя Кта-Джон и был гигантом, подлинной касаткой он не был. Кипиру весил достаточно, чтобы развернуть их обоих непосредственно перед столкновением. Правый бок Кта-Джона ударился в рваный металлический край, и за ним потянулась полоса кровавых пузырей.

Кта-Джон плыл, ошеломленно качая головой и оставляя за собой кровавое облако. На мгновение

гигант потерял интерес ко всему, кроме воздуха. Он поднялся на поверхность и задышал.

«Вскоре и мне понадобится воздух, — понял Кипиру. — Но сейчас время ударить!»

Он откинулся, пытаясь привести в действие свой режущий факел.

Но он застрял! Застрял в доспехах Кта-Джона! Кипиру тащил и не мог высвободить его.

Кта-Джон смотрел на него.

— Теперь тттвоя очередь, маленький дельфин, — улыбнулся он. — Ты зажал меня здесь. И мне теперь остается только удерживать тебя под водой. Будет интересно, когда ты запросишь воздуха!

Кипиру захотелось выругаться, но нужно было беречь силы. Он пытался перевернуть Кта-Джона на спину, чтобы самому добраться до поверхности. Она всего в нескольких метрах над ним. Но Кта-Джон предотвращал каждую его попытку.

«Думай, — сказал себе Кипиру. — Я должен думать. Если бы я лучше знал кининк. Если бы...»

Легкие его горели. Он чуть не испустил крик тревоги на праймале.

Он помнил, когда в последний раз ему хотелось перейти на праймал. Вспомнил голос Тошио, насмешливый, успокаивающий. Вспомнил клятву умереть, но не опуститься на уровень живот-

ного.

«Конечно! Я глупая рыба-переросток! Почему я не думаю?»

Вначале он послал по нервной связи команду выбросить факел. Потом привел в движение механические руки.

Тот, кто выбирает
Возврат,
Не нуждается ни в космосе,
Ни в орудиях астронавта.

Клешней он схватил нервное гнездо в височной части головы Кта-Джона. Глаза чудовища расширились, но, предваряя его попытку напасть, Кипиру вырвал гнездо, стараясь как можно сильнее ранить противника. Враг взвыл от боли, и Кипиру выдернул кабель, сделав бесполезными доспехи Кта-Джона.

Механические руки Кта-Джона, бившиеся под ним, застыли. Негромкое гудение лазерного ружья стихло. Кта-Джон выл и бился.

Броски мутанта на мгновение вынесли их на поверхность. Кипиру глотнул воздуха. С шумом они снова погрузились, и Кипиру перенес захват на доспехи противника. Он держал их двумя механическими руками.

— Сейчас мы... — пробормотал он, готовясь привести в действие третью руку и разорвать врага.

Но Кта-Джон рывком сумел высвободиться. Кипиру взлетел в воздух и с громким плеском упал по другую сторону узкой отмели.

Отдуваясь, они смотрели друг на друга через мель. Потом Кта-Джон щелкнул челюстями и развернулся в поисках прохода. Погоня возобновилась.

На рассвете всей дипломатии пришел конец. Никакого изящества звуковых иллюзий, никаких насмешек. Кта-Джон со свирепой одержимостью преследовал Кипиру. Казалось, он не испытывал усталости. Потеря крови только усилила его ярость.

Кипиру уходил в узкие проливы, некоторые не глубже двенадцати дюймов, пытаясь довести раненую псевдокасатку до изнеможения. О бегстве он и не помышлял. Битва шла не на жизнь, а на смерть.

Но Кта-Джон, казалось, не знал усталости.

Охотничий клич эхом отдавался в проливах. Чудовище совсем близко.

— Пилотттт! Почему ты сссопротивляешься? Ты ведь знаешь, что пищевая цепочка на моей ссстороне!

Кипиру мигнул. Как может Кта-Джон связывать это с религией?

До возвышения концепция пищевой цепочки, как некой мистической иерархии, была в центре мировоззрения китообразных, частью «сна китов».

Кипиру во всеуслышание провозгласил:

— Кта-Джон, ты сошел с ума. То, что Метц снабдил тебя несколькими зиготами касатки, не дает тебе права пожирать всех!

В старину люди часто удивлялись, почему дельфины и большинство китов остаются дружески настроенными к ним даже после того, как люди чуть не истребили их полностью. Когда люди начали размещать дельфинов и касаток в соседних бассейнах океанских парков, они кое-что начали понимать. Они, к своему изумлению, обнаружили, что дельфины перепрыгивают через барьер, чтобы плавать вместе с китами-убийцами... пока касатки не голодны.

Дельфин не может обвинять представителя другого вида, другой расы, если тот его убивает, но при этом стоит выше в пищевой цепочке. На протяжении столетий китообразные просто воспринимали как факт, что человек — высшее звено в этой цепочке, и возмущались только

самыми бессмысленными убийствами.

Люди раскаялись в содеянном, когда узнали об этом кодексе чести.

Кипиру, уверенный, что Кта-Джон засек его по последнему обмену словами, скользнул в открытый пролив, чтобы укрыться.

Что-то вокруг показалось ему знакомым. Он не понял, но в воде ощущался какой-то привкус. Привкус дельфиньей смерти.

Есть — быть съеденным

Укусить — быть укушенным

Отплатить морю

Приди и накорми меня!

Слишком близко. Голос Кта-Джона, выкрикивающий религиозные святотатства, слишком близок. Кипиру направился к расселине, чтобы укрыться, и неожиданно остановился. Привкус смерти стал всепоглощающим.

Кипиру стал приближаться медленнее и остановился, увидев висящий в водорослях скелет.

— Хист-т! — вздохнул он.

Дельфин-астронавт пропал в тот первый день, когда волна выбросила на берег Хикахи, а он вел себя как дурак. Тело было съедено стервятниками. Причина смерти непонятна.

«Я знаю, где я...» — подумал Кипиру. И в этот момент снова прозвучал охотничий клич. Близко! Очень близко!

Он повернулся и поплыл назад по проливу, увидел движение, увернулся, пропуская мимо огромное тело. Волна от гигантских плавников отбросила его в сторону.

Кипиру изогнулся и начал уходить, хотя бок заныл, словно было сломано ребро. Он крикнул:

За мной — регрессировавший мошенник!

Я знаю — пора тебя накормить.

Кта-Джон взревел в ответ и бросился за ним.

Вот их разделяет два корпуса, вот только один, вот половина. Кипиру знал, что в его распоряжении мгновения. Зияющие челюсти сразу за ним.

«Где-то здесь, — подумал он. — Должно быть здесь!»

Тут он увидел расселину и узнал это место.

Кта-Джон взревел, видя Кипиру в ловушке перед островом.

Медленно, медленно

или быстро, быстро —

Пора кормить меня — кормить меня!

— Я тебя скормлю, — выдохнул Кипиру, ныряя в каньон с узкими стенами. По обе стороны, как от прилива, раскачивались водоросли.

Пойман! Пойман!

Ты мой...

Кта-Джон удивленно закричал. Кипиру выскочил на поверхность, стараясь опередить ветви. Вынырнул и глубоко вдохнул, держась ближе к стене.

Закипела и вспенилась вода. Кипиру смотрел и слушал: Кта-Джон сражался в одиночку, без доспехов и воздуха, вырывал клочья водорослей челюстями, бился, а они плеть за плетью окутывали его огромное тело.

Кипиру тоже был занят. Он заставлял себя сохранять спокойствие и пользовался только доспехами. Сильные клешни механических рук разрезали плети, тянувшиеся к нему. Чтобы мыслить на англике, он повторял таблицу умножения, расправляясь со стеблями поодиночке.

Полукасатка посылала в небо потоки воды и обрывков растений. Поверхность покрылась розово-зеленой пеной. Вызывающе прозвучал охотничий клич.

Но проходили минуты. Все реже тянулись нити

к Кипиру. Все больше и больше опускалось их на борющегося гиганта. Снова послышался охотничий крик, уже слабее, и теперь в нем звучало отчаяние.

Кипиру смотрел и слушал. Битва начала стихать. И его охватила странная печаль, он словно жалел о таком конце.

Я ведь сказал — я тебя скормлю...

И он медленно запел умирающему существу внизу:

Но не сказал, кому —
Кому я тебя скормлю...

75. ХИКАХИ

С ночи она искала укрывшихся в убежище, вначале медленно и осторожно, потом с возрастающим отчаянием. Наконец, забыв об осторожности, послала сонарный луч.

Ничего! Где-то были фины, но они не реагировали!

Только углубившись в лабиринт проливов, она уловила звук. И тут поняла, что один из финов безумен, что оба они заняты ритуальным едино-

борством и отгородились от всей вселенной до завершения битвы.

И это больше всего ошеломило Хикахи. Ритуальное единоборство? Здесь? Какое отношение это имеет к молчанию «Стремительного»?

У нее было нехорошее предчувствие, что единоборство будет идти не на жизнь, а на смерть.

Она поставила сонар на автоматику и предоставила скифу возможность идти самостоятельно. Немного поспала, переведя сначала одно полушарие, потом другое в альфа-ритм, а маленький корабль скользил по узким проливам, держа курс на северо-восток.

Ее разбудил громкий звонок. Скиф остановился. Инструменты показывали, что впереди, у самой стены острова, китообразное. Медленно плывет на запад.

Хикахи включила гидрофоны.

— Кто ты? — загремел в воде голос. — Немедленно приблизься!

Послышался слабый звук, усталый свист:

— Сюда, идиот! На мой голос!

Что-то показалось в узком проливе между островами. Хикахи включила прожекторы. Серый дельфин замигал в ярком свете.

— Кипиру! — ахнула Хикахи.

Тело пилота в синяках, сильный ожог на боку, но он тем не менее улыбнулся.

Ах, мягкие дожди —
Дорогая, ты пришла
И спасла меня...

Улыбка погасла, как залитый костер, глаза закатились. И потерявшее сознание тело чисто инстинктивно поднялось на поверхность и плыло, пока Хикахи не приблизилась к нему.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»

Черные полумесяцы поднимаются
Из воды, где начинается полусвет,
Куда они идут, к каким берегам,
Дельфины? Дельфины?
Хэмиш Макларен

76. ГАЛАКТЫ

Би Чохуан проклинала скупость своих начальников.

Если бы Синтианское Верховное Командование послало наблюдать за битвой фанатиков материнский корабль, она смогла бы приблизиться во флиттере — они достаточно малы и можно было рассчитывать остаться незамеченной. А так она вынуждена пользоваться большим кораблем, чтобы проходить через пункты перехода и гиперпространство. Но он слишком большой, чтобы незаметно подобраться к сражающимся, и в то же время слишком мал и слаб, чтобы успешно защищаться.

Она чуть не выстрелила в крошечный шар, который показался из-за астероида и подкрался к ее убежищу. Но вовремя узнала разведчик вазуна. Нажала кнопку, открывающую шлюз, но вазун держался на расстоянии, посылая серию лазерных сигналов.

«Ваша позиция раскрыта, — сообщали сигналы. — Снаряды приближаются...»

Би изрыгала самые страшные проклятия. Каждый раз, как только она приближается настолько, чтобы послать сообщение землянам, ей приходится бежать от какого-то параноидально-случайного щупальца битвы.

— Быстрее возвращайся на борт! — прощелкала она приказ вазуну. И так погибло уже слишком много этих малышей.

— Ответ отрицательный. Беги, Би. Вазун отвлечет...

Би рявкнула от такого неповиновения. Три оставшихся на полке вазуна съежились и уставились на нее большими глазами.

Шар-разведчик полетел в ночь.

Би закрыла шлюз и включила двигатели. Осторожно пробиралась между глыбами первобытных скал, подальше от опасного района.

«Слишком поздно, — подумала она, глядя на

приборы слежения. — Снаряды приближаются слишком быстро».

Неожиданная вспышка сзади рассказала ей о судьбе маленького вазуна. Усы Би взъерошились, она думала о том, как сведет счеты с фанатиками при первой же возможности.

Тут появились снаряды, и она оказалась слишком занята даже для таких приятных мыслей.

Два снаряда она превратила в пар своей пушкой, стреляющей заряженными частицами. Два других выстрелили в нее, но их лучи отразили защитные поля корабля.

«Эх, земляне, — размышляла она. — Вы даже не узнаете, что я была здесь. Вам кажется, что вселенная забыла о вас.

Но не останавливайтесь, волчата. Сражайтесь! Рычите на преследователей! А когда отказывает оружие — кусайтесь!»

Би уничтожила еще четыре снаряда, но пятый разорвался слишком близко, отправив ее разбитый горящий вращающийся корабль в пыльную галактическую тьму.

77. ТОШИО

Ночь влажная, время от времени накрапывает дождь. Широкие гладкие листья неуверенно раскачиваются на ветру, который дует отовсюду, словно не может выбрать направление. Когда две маленькие китрупские луны пробиваются сквозь облака, глянцевитая листва начинает блестеть.

На крайней южной оконечности острова грубая тростниковая крыша пропускает дождь медленными ручейками. Капли падают на корпус маленького космического корабля. Вода собирается лужицами на его поверхности, потом стекает. К стуку капель по крыше присоединяется шум воды, текущей по глине под цилиндрической машиной.

Ручейки огибают гребни поля стасиса. Текут, оставляя следы, по иллюминаторам, темным или светлым в перемежающемся свете лун.

Ручейки находят щели вокруг шлюза, и вода капает на поверхность.

Послышалось негромкое механическое гудение, чуть громче шума дождя. Щели вокруг немного расширились. Соседние ручейки устремились в новые русла. Под люком образовалась

лужа.

Дверь немного приоткрылась. Ручейки словно стремились ворваться в корабль. Поток устремился из нижней щели. Он обрушился на поверхность, потом так же неожиданно прекратился.

С глухим вздохом бронированный щит отошел в сторону. Несколько капель дождя упало в отверстие.

На пороге, не обращая внимания на дождь, стояла темная фигура в шлеме. Она посмотрела налево, направо, потом вышла и зашлепала по луже. Люк снова закрылся с гудением и негромким щелчком.

Фигура склонилась в поисках тропы.

Дэнни села, услышав звук шагов. Прижав руку к груди, она прошептала:

— Тошио?

Клапан палатки откинули. На мгновение показалась темная фигура. Негромкий голос произнес:

— Да, это я.

Пульс Дэнни начал замедляться.

— Я боялась, что это кто-то другой.

— А кого ты ждала, Дэнни? Чарли Дарта? Думаешь, он пришел похитить тебя? А может, одного из кикви? — Он посмеивался, но не мог скрыть

напряжения в голосе. Снял комбинезон и шлем и повесил у двери. Потом залез в свой спальный мешок.

— Где ты был?

— Нигде. Спи, Дэнни.

Дождь продолжал неровно стучать. Дэнни сидела, глядя на Тошио в слабом свете, который пробивался сквозь дверь. Она видела только белки его глаз, которые словно смотрели в пустоту.

— Пожалуйста, Тош, расскажи мне. Когда я проснулась, а тебя в спальном мешке не оказалось... — Она смолкла, и он повернулся взглянуть на нее. Перемена, происшедшая с Тошио Ивашика за последние несколько недель, заметнее всего была в напряженном выражении глаз.

Наконец он ответил:

— Ну, ладно, Дэнни. Я просто ходил к баркасу. Забрался внутрь и огляделся.

Сердце Дэнни опять забилось чаще. Она начала было говорить, запнулась, потом справилась с собой:

— Разве это не опасно? Я хочу сказать: невозможно предугадать реакцию Такката-Джима! К тому же он действительно предатель.

Тошио пожал плечами.

— Мне и нужно было узнать кое-что еще.

— Но как ты смог попасть туда и ускользнуть так, чтобы тебя не поймали?

Тошио приподнялся на локте. Она увидела, как он улыбается.

— Гардемарин иногда знает то, чего не знает старший офицер, Дэнни. Особенно, если это касается укрытий на корабле. Когда наступает свободное время, всегда найдется пилот или лейтенант, который придумает занятие для праздных рук или плавников... подучить астрогацию или правила протокола, например. Мы с Акки прятались в трюме баркаса. Научились открывать люк, не подавая сигнал в контрольную рубку.

Дэнни покачала головой.

— Хорошо, что ты не сказал мне, куда идешь. Я умерла бы от беспокойства.

Тошио нахмурился. Опять Дэнни становится похожа на его мать. Она по-прежнему не хотела уходить, оставив его на острове. Тошио надеялся, что больше она об этом не заговорит.

Она легла на бок, подложив под голову руку и продолжая смотреть на него. Немного подумала, потом прошептала:

— Что ты нашел?

Тошио закрыл глаза.

— Тебе все равно нужно знать, — сказал он. — Ты должна рассказать Джиллиан, если я не смогу связаться с ней утром. Я узнал, что делает Такката-Джим с бомбами, которые отобрал у Чарли. Он хочет использовать их в качестве топлива для баркаса.

Дэнни замигала.

— Но... но что мы можем сделать?

— Не знаю! Не знаю даже, должны ли мы что-то делать. В конце концов, через пару недель его аккумуляторы и так зарядятся, и он сможет взлететь. Может, Джиллиан все равно. С другой стороны, возможно, это очень важно. Я пока еще не решил. Может, придется что-то сделать...

Он видел частично разобранные бомбы через окно в двери лаборатории баркаса. Добраться до них гораздо труднее, чем просто посмотреть.

— Что бы ни случилось, — успокаивал он, — я уверен, все будет в порядке. Проверь утром, все ли твои записи упакованы. Данные о кикви — вторые по ценности в нашей безумной одиссее, и мы должны их доставить. Ладно?

— Конечно, Тош.

Он лег на спину. Закрыл глаза и спокойно задышал, изображая сон.

— Тошио?

Молодой человек вздохнул.

— Да, Дэн...

— Гм, я насчет Сахота. Он уходит, только чтобы сопровождать меня. Иначе, я думаю, ты столкнулся бы с мятежом.

— Знаю. Он хочет остаться и слушать эти свои подземные «голоса». — Тошио потер глаза, удивляясь, почему Дэнни не дает ему уснуть. Он уже выслушивал назойливые просьбы Сахота.

— Не отметай их так просто, Тош. Он говорит, что Крайдайки тоже их слушал, и ему пришлось прервать связь, чтобы вывести капитана из транса, эти голоса завораживают.

— Капитан теперь — калека с поврежденным мозгом. — Слова звучали горько. — А Сахот — эгоцентричный и ненадежный...

— Я тоже так считала, — прервала его Дэнни. — Он меня пугал, пока я не поняла, что он мил и совершенно безопасен. Но даже если у этих двух финов галлюцинации, остаются мои исследования об этих металлических островах.

— Мммф, — сонно заметил Тошио. — А что именно? То, что они живые?

Дэнни поморщилась от такого пренебрежения.

— Да, а также необыкновенная экониша деревьев-сверл. Тошио, я провела анализ на своем

карманном компьютере, и есть только одно решение! Стволы деревьев-сверл — часть единого организма, организма, который начало жизненного цикла проводит на поверхности, внешне напоминая коралловую колонию, а потом опускается в подготовленную деревом-сверлом яму...

— И вся эта хитроумная адаптация и трата энергии — только чтобы выкопать себе могилу? — вмешался Тошио.

— Нет! Не могилу! Канал! Металлический остров — это только начало жизненного цикла существа... личиночная стадия. Его взрослая жизнь внизу, под тонкой корой планеты, где конвективные потоки магмы дают достаточно энергии для металлоорганической формы жизни!

Тошио честно пытался слушать, но мысли все время рассеивались — бомбы, предатели, тревога об Акки, его пропавшем товарище, и о человеке где-то к северу от них, который заслуживает, чтобы его кто-то ждал — когда он наконец вернется на этот остров.

— ...я только не понимаю, как могла возникнуть такая форма жизни! Никаких промежуточных форм, никаких следов предшественников, никаких упоминаний в Библиотеке о Китрупе... а ведь это настолько уникальная форма жизни, что

заслуживает упоминания!

— М-м-м...

Дэнни посмотрела на Тошио. Он закрыл рукой глаза и спокойно дышал, словно засыпая. Но она видела, как быстро пульсирует жилка у него на виске, через равные промежутки Тошио сжимал другую руку в кулак.

Она лежала, глядя на него в полутьме. Хотела схватить и потрясти, заставить слушать.

«Чего я к нему пристаю? — неожиданно спросила она себя. — Конечно, это важно, но все это интеллектуальный бред, а Тошио в ответе за нашу часть мира. Он так молод, но уже несет бремя бойца.

Что я чувствую к нему?»

Ощущение внизу живота подсказывало.

«Я пристаю к нему, чтобы привлечь его внимание.

Мне нужно его внимание, — поправила она себя. — Как всегда неуклюже, я пытаюсь ему помочь...»

Нервничая, она осознала собственную глупость.

«Если я старше его и не понимаю себя, как я могу ждать, что он разберется?» — поняла она наконец.

Она протянула руку. Рука коснулась черных волос, длинными влажными прядями закрывавших его виски. Дрожа, она снова прислушалась к себе и поняла, что ее удерживает только страх быть отвергнутой.

Как будто по собственной воле, рука коснулась щеки Тошио. Юноша вздрогнул, повернулся и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Тошио, — она сглотнула. — Мне холодно.

78. ТОМ ОРЛИ

Когда наступило относительное затишье, Том мысленно записал:

«Запомнить раз и навсегда — нельзя трогать осиное гнездо».

Он держал во рту один конец импровизированной трубки для дыхания. Другой конец под видом сломанного стебля выступал над поверхностью. К счастью, на этот раз не приходилось втягивать слишком много воздуха: помогала дыхательная маска. В этом месте в воде растворено больше кислорода.

Над головой снова скрестились лучи оружия, доносились крики идущей рядом войны. Дважды вода вздрогнула от близких взрывов.

«По крайней мере сейчас не страшно, что я испекусь от снарядов, — утешал он себя. — Все, что у них есть, только ручное оружие».

Том иронично усмехнулся. «Ручное оружие».

В первой засаде он прикончил двух танду прежде, чем они смогли снять со спины свои ружья, заряженные частицами. Ему даже удалось ранить мохнатого эписиарха, а потом нырнуть в отверстие в водорослях.

Но он едва успел. На левой ноге ожог второй степени от близко прошедшего луча. В последний момент он увидел, как поднимается эписиарх, голова его окружена, как нимбом, светящимся ореолом нереальности. Тому показалось, что сквозь дрожащий свет он увидел звезды.

Танду не смогли удержаться на своей тропе, которая начала дико изгибаться. Вероятно, это повлияло на их хваленую меткость и спасло ему жизнь.

Как Том и ожидал, мстительные танду, охотясь, двинулись на запад. Он время от времени выглядывал, чтобы поддерживать их интерес.

Но потом, когда он плыл от одного отверстия в водорослях к другому, сражение наверху продолжалось без него. Он слышал звуки битвы и понял, что его преследователи столкнулись с другим

отрядом ити.

И Том уплыл под водой в поисках других приключений.

Шум битвы переместился. Час назад Том подсмотрел, что в стычке участвуют с полдесятка губру и три избитые машины незнакомого типа на толстых шинах. Том не мог сказать, роботы это или они управляются экипажами, но они, несмотря на свою огневую мощь и шины, как будто не могли приспособиться к предательской поверхности.

Он с минуту прислушивался, потом свернул свой шланг и сунул за пояс. Осторожно поднялся к поверхности маленького бассейна и поднял глаза над переплетением водорослей.

Теперь он гораздо ближе к яйцеобразному корпусу. Их разделяло всего несколько сотен метров. От машин на колесах остались лишь две дымящиеся развалины. На глазах Тома сначала одна, потом другая медленно погрузились в воду. Три покрытых слизью губру, очевидно, последние из отряда, пробирались по болоту к плавающему кораблю. Их перья прилипли к тощим телам с ястребиными клювами. Зрелище было жалкое.

Том встал и заметил вспышки на юге: там продолжается схватка.

Три часа назад появился разведчик соро и начал атаку с бреющего полета, но его перехватил атмосферный истребитель танду. Они стреляли друг в друга, в них стреляли снизу, и наконец они соединились в яростном взрыве и спутанным клубком упали в море.

Почти через час все повторилось. На этот раз участниками оказались неуклюжий тендер птака и избитый истребитель Братьев Ночи. Их обломки присоединились к другим, медленно погружающимся в болото.

«Ни пищи, ни убежища, а та единственная раса фанатиков, которую я хотел бы увидеть, отсутствует в этой бойне».

Информационная бомба запрятана за поясом. Хотел бы он знать, когда настанет ее черед.

«Джиллиан уже беспокоится, — подумал Том. — Слава богу, по крайней мере хоть она в безопасности.

А битва продолжается. Значит, у нас еще есть шанс.

Да. И дельфины любят долгие прогулки вдоль берега.

Ну хорошо. Посмотрим, смогу ли я доставить еще какое-нибудь беспокойство».

79. ГАЛАКТЫ

Соро Крат прокляла отдел стратегического планирования. Клиенты благоразумно попятились, пока она успокаивалась, разрывая на части влетуровую подушку.

Потеряны четыре корабля! А танду потеряли лишь один! Последняя схватка превратилась в катастрофу!

А тем временем в мелких стычках на поверхности планеты один за другим гибнут ее корабли поддержки.

Как будто остатки всех потерпевших поражение флотов, прятавшиеся на спутниках и планетоидах, решили, что земляне скрываются где-то возле вулкана на поверхности Китрупа в среднесеверных широтах. Почему они так считают?

Ведь не станут же они сражаться впустую? Схватка теперь идет по собственным законам. Кто бы мог подумать, что побежденные сохранят столько огневой силы, чтобы в последнем усилии попытаться захватить добычу?

Крат гневно согнула брачный коготь. Она не может не считаться с тем, что они правы. Что

если сигнал тревоги исходил действительно от земного корабля? Несомненно, это человеческое хитроумие от дьявола, но она не может рисковать: вдруг беглецы там!

— Теннанинцы отозвались? — выпалила она.

Пила в коммуникационной секции быстро поклонился и ответил:

— Еще нет, мать флота, хотя от своих союзников танду они отделились. Мы ожидаем сообщения от Буоулт.

Крат коротко кивнула.

— Немедленно доложите мне! — Пила торопливо согласился и попятился.

Крат перебирала варианты. В конце концов, все сводится к тому, какой поврежденный и почти бесполезный корабль она может выделить для полета к планете.

Она подумала о теннанинском корабле, поскольку неизбежен новый союз против общего врага — танду. Но потом решила, что это неразумно. Лучше держать самодовольных лицемерных теннанинцев поближе, чтобы она могла не спускать с них глаз. Она пошлет один из своих поврежденных кораблей.

Крат мысленно представила землян — костлявых, волосатых, с кожей, как тесто, пронырливых

существ, а также их странных пищащих безруких клиентов-дельфинов.

«Когда они будут принадлежать мне, — подумала она, — я заставлю их пожалеть обо всех причиненных мне неприятностях».

80. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы прибыли.

Последние четыре часа я была матриархом сумасшедшего дома. Хвала небу за Ханнеса, и Тшут, и Лаки Каа, и всех прекрасных компетентных финов, которых нам так не хватало. Я до сих пор не понимала, как много лучших было отправлено готовить наш новый дом.

Последовала волнующая встреча. Фины мелькали, сталкивались друг с другом и издавали такой шум, что, я уверена, их услышали галакты. Тише стало, только когда вспомнили об отсутствующих. О шести финах, включая Хикахи, Акки и Кипиру, и, конечно, о Томе.

Только спустя немного времени мы обнаружили, что Крайдайки тоже не хватает.

После короткого праздника мы принялись за работу. Лаки Каа взялся за руль и почти так же уверенно, как Кипиру, ввел «Стремительный» в корпус теннанинского корабля. Опустились огромные зажимы и схватили «Стремительный», сделав его частью внешнего корпуса. Все совпало. Техники немедленно стали соединять сенсоры и настраивать генераторы стасиса. Двигатели готовы. Открыли тщательно замаскированные орудийные бойницы — на случай битвы.

Какое свершение! Никогда бы не подумала, что оно возможно! Не думаю, чтобы галакты что-то заподозрили. Воображение Тома поразительно.

Услышать бы только нам его сигнал...

Я попросила Тошио прислать Дэнни и Сахота сюда на санях. Если двинутся прямым путем и на максимальной скорости, доберутся за день. В это время мы будем заканчивать приготовления.

Нам очень важно получить записи Дэнни и образцы плазмы. Если Хикахи появится, я попрошу ее сделать остановку на острове, чтобы принять послов кик-

ви. Наш долг перед этими маленькими земноводными — спасти их от служения какой-нибудь сумасшедшей расе галактических патронов.

Тошио решил остаться — приглядывать за Такката-Джимом и Метцем и встретить Тома, если он появится. Я думаю, последнее он добавил, понимая, что я не смогу возразить... Я знала, что он это предложит, и на это рассчитывала.

Жаль, что мне приходится использовать Тошио, чтобы следить за Такката-Джимом. Даже если наш бывший помощник капитана меня «разочарует» и будет вести себя нормально, не знаю, сумеет ли Тошио вовремя вернуться, особенно если нам придется неожиданно стартовать.

Теперь я понимаю, что такое «вдоль приказов».

Мне пришлось изобразить удивление, когда Тошио рассказал о мини-бомбах, украденных Чарли Дартом из арсенала. Тошио предложил попытаться отобрать их у Такката-Джима, но я это запретила. Сказала ему, что мы рискнем.

Я не могла ему довериться. Тошио ум-

ный молодой человек, но он не умеет обманывать.

Думаю, что все рассчитала верно. Если бы только я была уверена.

Проклятый Нисс опять вызывает меня. На этот раз придется узнать, что ему нужно.

О, Том! Смог бы ты заменить капитана корабля? Не прощу себе, что разрешила Крайдайки выйти одному.

Но ведь он вел себя так нормально. Во имя Ифни, что произошло?

81. ЧАРЛЗ ДАРТ

Рано утром он уже был у консоли на краю воды, счастливо разговаривая со своим новым роботом. Тот уже опустился на километр, прикрепляя по пути к стене ствола маленькие датчики.

Чарлз Дарт оживленно бормотал. Через несколько часов робот погрузится на глубину предыдущего, почти ни на что негодного зонда, который Дарт уже оставил. Потом, проведя еще несколько тестов, чтобы подтвердить его теорию относительно локальных формаций коры, Дарт

сможет формулировать основные проблемы. Например, что такое, в конце концов, эта планета Китруп.

Никто, никто не сможет теперь остановить его!

Он вспомнил годы, проведенные в Калифорнии, в Чили, в Италии, когда изучал землетрясения, работал с крупнейшими специалистами геофизики. Это приятно будоражило. Но через несколько лет он почувствовал что-то неладное.

Его приняли во все профессиональные общества, его статьи встречали, хвалили и изредка язвительно критиковали — эти реакции настоящие ученые предпочитают сплетням. Не было недостатка в лестных предложениях.

Но наступило время, когда он задумался: где же его ученики?

Почему аспиранты не выбирают его своим научным руководителем? Он видел, как осаждают его коллег энергичные соискатели, но, несмотря на внушительный список его публикаций, на его широко известные, хотя и спорные порой, теории, к нему приходили только второсортные, те, кто ищет скорее грант, чем руководителя. Ни один способный молодой студент, ни одна талантливая студентка не просили его стать их шефом.

Конечно, иногда он срывался, и один или два студента покинули его с желчными замечаниями, но ведь это не может объяснить застой его педагогической карьеры.

И постепенно он стал подозревать, что за этим скрывается нечто другое. Нечто... расовое.

Дарт никак не реагировал на модели поведения прошедших возвышение шимпов: на утонченную вежливость большинства к людям или мрачное негодование небольшого, но громкоголосого меньшинства. Но несколько лет назад он начал обращать на это внимание. И вскоре у него возникла догадка: студенты избегают его, потому что он шимпанзе!

Это его ошеломило. На целых три месяца он бросил свои исследования, проблемы. Прочел протоколы, дающие человечеству права патрона на его расу, и рассердился из-за того, что люди получили абсолютную власть над его племенем. Но также узнал, что никто не давал через четыреста лет клиентам права заседать в высшем совете, а человечество дало.

Чарлз Дарт был смущен. Но потом задумался над смыслом слова «дать».

Он читал о расовых предрассудках человечества в старину. Неужели всего полтысячелетия

назад люди рассказывали друг о друге чудовищно лживые вещи только из-за пигмента кожи и убивали миллионы, поверив в собственную ложь?

Он узнал о теории символизма — когда разрешалось допускать в науку и в правительство ограниченное число негров, как показатель их равенства — и почувствовал жгучий стыд. Именно тогда он вызвался добровольцем в дальний космический полет, решив не возвращаться, пока не докажет, что, как ученый, он не уступает любому человеку!

Увы! Он получил назначение на «Стремительный», корабль, полный дельфинов и воды. И в довершение ко всему, этот самодовольный дурак Игнасио Метц немедленно начал обращаться с ним, как сноб с одним своим экспериментальным полукровкой!

Чарли научился жить с этим. Он приспособился к Метцу. Он все перенесет, пока не будут объявлены результаты его исследований Китрупа.

И тогда при его появлении все будут вставать! К нему придут талантливые молодые ученые. И все увидят, что он, по крайней мере, не символ!

Глубокие размышления Чарли прервал шум в лесу. Чарли торопливо прикрыл приборы в углу консоли. Никто не должен узнать о тайной части

его эксперимента.

На тропе из деревни показались Дэнни Судман и Тошио Ивашика, они разговаривали негромко и несли в руках небольшие свертки. Чарли занялся роботом, но искоса посматривал на людей, гадая, не заподозрили ли они чего.

Но нет. Они слишком заняты друг другом, касаются, ласкают, шепчут. Чарли негромко фыркнул: как много значит для людей секс. Но когда они взглянули в его сторону, он улыбнулся и помахал им рукой.

Они помахали в ответ и вернулись к своему разговору. Они ничего не подозревают, поздравил себя Чарли. Ему повезло, что они влюблены.

— Я хочу остаться. А если Джиллиан ошибается? Если Такката-Джим раньше закончит конвертировать бомбы?

Тошио пожал плечами.

— У меня есть кое-что, что ему нужно. — Он взглянул на сани в бассейне, те самые, что принадлежали Тому Орли. — Без этого Такката-Джим не улетит.

— Совершенно верно! — энергично подхватила Дэнни. — Ему нужно это радио, иначе ити взорвут его, прежде чем он вступит в переговоры. Но ты будешь один! Этот фин опасен!

— Это одна из причин, почему я хочу немедленно отослать тебя.

— Говорит большой мужчина-хозяин? — Дэнни пыталась говорить саркастично, но не смогла.

— Нет. — Тошио покачал головой. — Говорит твой военный командир. Вопрос решен. Давай грузить последние образцы. Я провожу вас с Сахотом несколько миль, прежде чем мы попрощаемся.

Он нагнулся к одному из пакетов, но почувствовал прикосновение к спине. Резкий толчок лишил его равновесия, заставил замахать руками.

— Дэнни! — Он увидел ее злорадную улыбку. В последний момент выставил руку и успел схватить ее. Смех сменился криком, и они оба упали в воду.

Отплевываясь, вынырнули между санями. Дэнни торжествующе закричала, схватив обеими руками его голову и погрузив в воду. Но тут же выскочила из воды. Что-то подтолкнуло ее.

— Тошио! — обвиняюще крикнула она.

— Это не я. — Он перевел дыхание и отплыл подальше. — Должно быть, второй твой возлюбленный.

— Мой... О, нет! Сахот! — Дэнни, отбиваясь, по-

вернулась и закричала, когда что-то схватило ее сзади. — Эй вы, самцы с мошонкой вместо мозга, вы способны думать о чем-нибудь еще?

Поблизости появилась пятнистая серая дельфинья голова. Дыхатель, надетый на дыхало, лишь слегка искажал смех дельфина.

Задолго до того,
Как люди вышли в море на бревнах —
Мы сделали открытие —

Хотите попробовать
Любовь
На троих?

Он смеялся, Тошио тоже, а Дэнни покраснела. Она начала обливать Тошио водой, он подплыл к ней, схватил за руки и, чтобы остановить поток обвинений, поцеловал.

Она ответила ему, и на губах появился горький вкус Китрупа. Сахот подплыл и осторожно взял их ноги в свои острые неровные зубы.

— Знаешь, нам не стоит подвергать себя лишнему воздействию, — сказал ей Тошио, пока они обнимались. — Тебе не следовало этого делать.

Дэнни покачала головой, потом уткнулась в его плечо, чтобы спрятать лицо.

— Кого мы обманываем, Тош? — прошептала она. — К чему беспокоиться о медленном отравлении металлом? Мы умрем задолго до того, как посинеют наши десны.

— Ах, Дэнни. Это вздор... — Он пытался найти слова, чтобы успокоить ее, но почувствовал, что может только прижимать ее к себе, а дельфин обернулся вокруг них обоих.

Зазвенел коммуникатор. Сахот включил прибор на санях Орли. Они моноволоконным кабелем были соединены с прежней стоянкой «Стремительного».

Он прислушался к щелчкам, потом быстро прощелкал что-то в ответ. Приподнялся высоко в воде, снял дыхатель.

— Это тебя, Тошио!

Тошио не спросил, насколько это важно. По этой линии приходят только экстренные сообщения. Он осторожно высвободился.

— Заканчивай упаковку. Я скоро вернусь и помогу.

Она кивнула и вытерла глаза.

— Останься с ней ненадолго, Сахот, — попросил Тошио, подплывая к устройству связи. Стенос кивнул.

— С радоссстью, Тошио. Моя очередь развлекать

леди. Но я нужен тебе, чтобы переводить.

Тошио недоумевающе посмотрел на него.

— Это капитан, — сообщил Сахот. — Крайдайки хочет поговорить с нами обоими. Хочет, чтобы мы помогли ему установить связь с технообитателями этого мира.

— Крайдайки? Говорит оттуда? Но Джиллиан сказала, что он пропал! — Тошио нахмурился; до него дошел смысл слов Сахота.

— Техно... Он хочет поговорить с кикви?

— Нет, сэр; вряд ли они подходят под такое определение, наш бесстрашный военный предводитель. Капитан хочет поговорить с моими «голосами». С теми, кто живет глубоко внизу.

82. ТОМ ОРЛИ

Брат Двенадцати Теней негромко задудел. Звуки удовольствия распространялись в воде. Он отплыл от места засады, прислушиваясь к затихающим звукам конвульсии жертвы.

Темнота под ковром водорослей его не беспокоила. Она не помеха для Брата Ночи.

— Брат Темных Сумерек, — засвистел он. — Радуешься ли ты, как и я?

Откуда-то слева от него, из путаницы расти-

тельности, донесся радостный ответ.

— Я радуюсь, Старший Брат. Эти воины пила больше никогда не смогут преклониться перед своими извращенными хозяевами — самками соро. Хвала древним воинам!

— Мы лично поблагодарим их, — ответил Брат Двенадцати Теней, — когда узнаем расположение их вернувшегося флота от этих полуразумных землян. А пока хвала нашим, давно почившим, патронам Ночным Охотникам, которые сделали из нас таких отважных воинов.

— Я благодарю их души, Старший Брат.

Они плыли, разделенные тройной длиной тела, как требовала доктрина подводной засады. Среди водорослей это было неудобно, вода отзывалась необычным эхом, но доктрина есть доктрина, она так же неоспорима, как инстинкт.

Старший Брат прислушивался, пока не прекратились последние конвульсии тонущего пила. Теперь он и его товарищ движутся к одному из плавающих обломков, где, несомненно, найдутся еще жертвы.

Все равно, что срывать плоды с дерева. Даже такие могучие воины, как танду, среди этих ужасных водорослей барахтаются словно олухи, — все, но не Братья Ночи. Способные быстро при-

способливаться, изменяться, Братья плывут под водорослями, всюду сея смятение.

Жаберные щели всасывали воду с металлическим привкусом. Брат Двенадцати Теней обнаружил в воде полоску, где содержится чуть больше кислорода, и слегка повернул, чтобы пройти через нее. Конечно, важно соблюдать доктрину, но разве здесь, под водой, небольшое отступление от нее может повредить?

И вдруг резкие звуки, короткий крик и тишина.

— Меньший Брат, в чем дело? — послал запрос Брат Двенадцати Теней в том направлении, где плыл его уцелевший партнер. С растущей тревогой он ждал ответа.

— Брат Темных Сумерек!

Он нырнул под свисающие щупальца, держа в каждой из четырех инструментальных рук по ружью.

Что могло одолеть такого испытанного бойца, как его младший брат? Никто из знакомых ему патронов на это не способен. А робот был бы обнаружен металлодетекторами.

И вдруг ему пришло в голову, что эти полуразумные «дельфины» могут быть очень опасны в воде.

Но нет. Дельфины дышат воздухом. И они большие. Он осмотрел окрестность и не увидел никаких отражений.

Старейший Брат — тот, что командовал уцелевшими остатками флотилии и находился в пещере на одном из спутников, — заключил, что здесь, в северном море, землян нет, но послал небольшой корабль мешать другим и наблюдать. Два брата в воде — вот и весь экипаж, вернее, то, что от него осталось. Однако ничто не предвещало присутствия землян.

Брат Двенадцати Теней быстро обогнул край открытого бассейна. Может быть, его младший брат выплыл на открытое место и был поражен сверху?

Подготовив оружие, он поплыл на слабый звук.

Во тьме ощутил впереди большое тело. Испустил звук и сосредоточился на сложных отражениях.

Отражения показывали, что поблизости находится существо, большое и неподвижное.

Он подплыл, посмотрел и начал оплакивать. Вода проходила сквозь жаберные щели, а он восклицал:

Я отомщу за тебя, Брат!

Я убью всех в этом море, кто мыслит!
Я принесу тьму всем, кто надеется!
Я буду...

Послышался громкий всплеск. Брат испустил нечто вроде «урк», когда сверху упало что-то тяжелое и обхватило его длинными руками и ногами.

Брат Двенадцати Теней с ужасом понял, что это человек! Полуразумный, тонкокожий, неизвестно каким патроном воспитанный!

— Прежде чем ты исполнишь обещанное, тебе предстоит кое-что еще, — послышался голос на галактическом десять сразу за органами слуха.

Брат взвыл. Что-то очень острое перерезало ему горло в области спинного нерва.

Он услышал, как его противник почти сочувственно сказал:

— Тебе предстоит умереть.

83. ДЖИЛЛИАН БАСКИН

— Я только могу вам сказать, Джиллиан Баскин, что он знал, как меня найти. Добрался сюда на «ходоке» и говорил со мной.

— Крайдайки был здесь? Мы с Томом догада-

лись, что он знает о нашем компьютере, но найти его...

— Я не был удивлен, доктор Баскин, — прервал ее Нисс, сглаживая грубость абстрактным рисунком. — Капитан хорошо знает свой корабль. Я полагаю, он догадался о моем местонахождении.

Джиллиан села у двери и покачала головой.

— Мне следовало появиться, когда ты начал подавать сигнал. Может, я помешала бы его уходу.

— Это не ваша вина, — с необычным чувством ответила машина. — Если бы я считал ситуацию чрезвычайной, я сделал бы сигнал требовательнее.

— Конечно. — В голосе Джиллиан звучал сарказм. — Совершенно неважно, когда офицер, следуя атавизму, в результате теряется в смертоносном враждебном окружении.

Рисунок изменился.

— Вы ошибаетесь. Капитан Крайдайки не стал жертвой шизофрении регресса.

— Откуда ты знаешь? — горячо спросила Джиллиан. — После засады у Морграна треть экипажа склонна к проявлениям атавизма, включая всех финов с генами стеносов. Как можно утверждать, что после всех перенесенных страданий Крайдайки не регрессировал? Как он может вос-

пользоваться кининком, если даже разучился говорить!

Нисс спокойно ответил:

— Он пришел сюда в поисках уникальной информации. Он знал, что у меня доступ не только к микроветви корабельной Библиотеки, но и к более сложной, которую мы взяли на теннанинском корабле. Он не мог сказать мне, что ему нужно, но мы нашли способ преодолеть языковой барьер.

— Как? — Джиллиан заинтересовалась, несмотря на гнев и чувство вины.

— С помощью пиктограмм, звуковых и визуальных рисунков, которые я менял с большой скоростью. Он быстро отвечал «да» или «нет» в зависимости от того, куда я иду; как вы, люди, говорите: «горячо-холодно». Вскоре уже он направлял меня, мысля ассоциациями, о которых я не догадывался.

— Например?

Замерцали светящиеся точки.

— Например, как многочисленные загадки Китрупа начинают совмещаться: планета после смерти своих последних обитателей непривычно долго остается невозделанной, необычная экологическая ниша так называемых деревьев-сверл, странные «голоса из глубины» Сахота...

— Дельфины с темпераментом Сахота всегда слышат «голоса», — вздохнула Джиллиан. — И не забудь, что он тоже экспериментальный стенос. Я уверена, некоторые из них попали в экипаж без обычных тестов на стресс.

После короткой паузы машина деловито ответила:

— Тому есть доказательства, доктор Баскин. Очевидно, доктор Игнасио Метц представляет группу нетерпеливых в Центре Возвышения...

Джиллиан встала.

— Возвышение! Черт побери! Я знаю, что Метц это сделал. Думаешь, я слепа? Из-за его безумных планов я потеряла нескольких друзей и незаменимых членов экипажа. О, он, конечно, решил испытать своих подопечных в деле! И некоторые из новых моделей не выдержали напряжения! Но теперь все кончено! Какова связь возвышения с голосами снизу, или с деревьями-сверлами, или с историей Китрупа, или, кстати, с нашим другом Херби? Какое отношение это имеет к нашим лишениям и попыткам вырваться отсюда?

Сердце ее билось часто, Джиллиан заметила, что сжала кулаки.

— Доктор Баскин, — спокойно ответил Нисс. — Именно об этом я и спросил вашего капитана

Крайдайки. И когда он сложил части головоломки, я понял, что возвышение — здесь вопрос не праздный. А главный и единственный. Здесь, на Китрупе, представлено все хорошее и плохое системы, существующей миллиарды лет. Здесь как будто подвергаются выверке основы галактического сообщества.

Джиллиан смотрела на абстрактный рисунок.

— Какая ирония, — продолжал бестелесный голос, — что эта проблема поставлена вами, людьми, первой разумной расой, которая может утверждать, что ее разум развился в процессе «эволюции».

— Ваше открытие в так называемом Мелком скоплении может привести к войне, ранее немыслимой для пяти галактик. Но кризис может и развеяться, подобно многим другим. Однако ваша деятельность на Китрупе станет легендарной. Тут имеются все слагаемые для этого. А легенды помнят, как правило, дольше, чем войны.

Джиллиан долго смотрела на голограмму. Потом покачала головой.

— Не скажешь ли мне, что ты имеешь в виду?

84. ХИКАХИ/КИПИРУ

— Мы должжжны торопиться, — настаивал пилот.

Кипиру лежал привязанный к механическому врачу. От сети, которая поддерживала его на поверхности, отделялись катетеры и трубки. Маленькое помещение заполняли звуки работающего двигателя скифа.

— Ты должен отдыхать, — успокаивала Хикахи. — Нас ведет автопилот. Мы идем под водой на максимальной скорости. И будем на месте очень скоро.

Хикахи еще не пришла в себя от новости о Крайдайки и была потрясена предательством Такката-Джима. Но все же не могла одобрить торопливость Кипиру. Очевидно, он очень предан Джиллиан Баскин и хочет как можно быстрее вернуться, чтобы помогать ей. Хикахи видела и другое. Вероятно, на корабле теперь все под контролем Джиллиан. По сравнению с тем, что она представляла себе несколько дней назад, это почти радостная новость. Даже ранение Крайдайки не мешало Хикахи чувствовать облегчение от того, что «Стремительный» невредим.

Загудели доспехи. Хикахи механической рукой ввела Кипиру слабое снотворное.

— Я хочу, чтобы ты уснул, — сказала она ему. — Ты должен беречь силы. Считай это приказом: ведь ты сказал, что я теперь капитан.

Глаза Кипиру начали уходить в углубления, медленно опустились веки.

— Прошу прощения, сссэр... Мне кажется, теперь я не логичней Моки. Я всегда причиняю неприятносссти...

Его слова начали сливаться под действием лекарства. Хикахи плавала рядом и негромко пела колыбельную:

Спи, защитник —

Пусть тебе приснятся те, кто тебя любит

И будь благословенна твоя храбрость

85. ДЖИЛЛИАН

— Ты говоришь, что эти... карранк%... были последними разумными, которые получили лицензию на планету Китруп сто миллионов лет назад?

— Совершенно верно, — ответил Нисс. — С

ними очень жестоко обращались патроны, подвергли их мутациям, которые выходят далеко за рамки разрешенных кодексом. По данным теннанинской Библиотеки, это вызвало тогда большой скандал. В качестве компенсации карранк% были освобождены от службы по договору и получили эту планету. Считалось, что появление здесь предразумных маловероятно. Покрытая водой планета — хорошее место для пенсионеров. На таких планетах очень редко развиваются предразумные. Кикви кажутся большим исключением.

Джиллиан ходила по наклонному потолку вставшей дыбом комнаты. Сквозь стены изредка доносился звон: экипаж заканчивал укрепление «Стремительного» внутри «Троянского морского конька».

— Но ты ведь не утверждаешь, что кикви имеют отношение к этим древним...

— Нет. Они появились независимо, и это главная причина, почему вам нужно уйти, благополучно вернуться на Землю и сообщить это.

Джиллиан иронично усмехнулась.

— Спасибо. Мы постараемся.

— Так что же сделали с этими карр... карранк%, — Джиллиан постаралась изобразить двойное гортанное придыхание, — что они спрятались

на Китрупе и больше никогда не включались в галактическую культуру?

Нисс объяснил:

— В предразумном существовании они были звероподобными существами на богатой металлами планете, похожей на эту. Метаболизм у них углеродно-кислородный, как и у вас, но они отличные землекопы.

— Я выскажу гипотезу. Их выращивали как шахтеров, чтобы извлекать руды на бедных металлом планетах. Гораздо дешевле ввозить или выращивать шахтеров карранк%, чем перевозить в космосе большие количества металлов.

— Очень верная мысль, доктор Баскин. Клиенты карранк% действительно были превращены в шахтеров, и их метаболизм был изменен таким образом, что они получали энергию непосредственно от радиоактивных элементов. Их патроны считали, что это послужит для них побудительным мотивом к работе.

Джиллиан свистнула.

— Такое резкое изменение природы не проходит даром! Ифни, как они должны были страдать!

— Это было извращение, — согласился Нисс. — Когда это обнаружилось, карранк% освободили

и предложили попытаться исправить содеянное. Но карранк%, в течение нескольких тысячелетий пытавшиеся вписаться в жизнь космоса, отказались от этого и решили осесть на Китрупе. Планета навсегда была передана им. Никто не думал, что они проживут долго.

— Однако они не вымерли; напротив, по-видимому, продолжали видоизменяться. И стиль их жизни уникален в обозримом космосе.

Джиллиан сопоставила предыдущие фразы и сказала, широко распахнув глаза:

— Ты говоришь, что эти металлические острова...

— Личинки разумной формы жизни, находящейся в коре планеты. Да. Я мог бы догадаться об этом по последним данным, сообщенным Дэнни Судман, но Крайдайки пришел к такому заключению еще раньше. Поэтому он и пришел ко мне. За подтверждением своей гипотезы.

— «Голоса Сахота»! — прошептала Джиллиан. — Это карранк%!

— Вполне приемлемое гипотетическое заключение, — согласился Нисс. — Это было бы открытием столетия, если бы не остальное. Я знаю, у вас есть выражение «льет, как из ведра». Странное, но подходящее выражение.

Джиллиан не слушала его.

— Бомбы! — Она хлопнула себя по лбу.

— Прошу прощения?

— Я позволила Чарли Дарту украсть из арсенала несколько бомб. Я знала, что Такката-Джим конфискует их и начнет преобразовывать, чтобы получить энергию поля. Это входило в мои планы. Но...

— Вы считали, что Такката-Джим конфискует все бомбы?

— Да! Я собиралась связаться с ним и намекнуть на их исчезновение, но он действовал эффективно и нашел их сразу же. Мне пришлось солгать Тошио, но тут уж делать было нечего.

— Если все идет согласно плану, не вижу проблем.

— Проблема в том, что Такката-Джим мог забрать не все бомбы! Мне не приходило в голову, что Чарли повредит живым разумным, если у него сохранится бомба. Но теперь... Мне нужно немедленно связаться с Тошио!

— Нельзя ли подождать несколько минут? Такката-Джим, вероятно, все проделал основательно, а мне нужно обсудить с вами другой вопрос.

— Нет! Ты не понимаешь. Тошио собирается повредить связь. В соответствии с планом! И

если есть вероятность того, что бомба осталась у Чарли, мы должны узнать это немедленно!

Голограмма задергалась.

— Я немедленно устанавливаю связь, — провозгласил Нисс. — Мне понадобится несколько секунд, чтобы незаметно проникнуть в систему связи «Стремительного». Ждите.

Джиллиан расхаживала по наклонному полу, надеясь, что они успеют.

86. ТОШИО

Тошио закончил перематывать, закрыл крышку передатчика саней Томаса Орли и сверху смазал ее тонким слоем грязи, чтобы казалось, будто ее давно не открывали.

Потом отсоединил моноволоконный кабель от аппарата, привязал к его концу маленькую красную ленту и опустил. Почти невидимый кабель скрылся в глубине.

Теперь он отрезан от «Стремительного». И потому почувствовал себя необычайно одиноко, и даже более беззащитным, чем утром, когда уплыли Дэнни и Сахот.

Он надеялся, что Такката-Джим исполнит приказ и будет ждать, пока не улетит «Стре-

мительный». Джиллиан свяжется с бывшим помощником капитана и сообщит об изменениях в баркасе и коммуникаторе.

Но что, если Такката-Джим действительно предатель? Если он улетит раньше?

На борту будут Чарлз Дарт, Игнасио Метц, три стеноса и, вероятно, три или четыре кикви. Тошио никому из них не желает зла. Трудный выбор.

Он поднял голову и увидел, как Чарли Дарт счастлив от общения со своим новым роботом.

Тошио покачал головой. Хорошо, что хоть теперь шимпанзе доволен.

Тошио опустился в воду и поплыл к своим саням. Собственное радио он выбросил час назад. Привязался и включил двигатель.

Под островом есть еще один кабель. Последний клиент — старый робот, забытый где-то на глубине. Крайдайки, оставшийся на старом месте, там, где был «Стремительный», хочет поговорить с «голосами» Сахота. Тошио считал, что он в долгу перед капитаном, даже если тот и гоняется за иллюзией.

Сани опускались, а Тошио думал о проделанной работе... о том, что еще нужно успеть, прежде чем он покинет остров.

«Пусть Том Орли ждет, когда я вернусь, — поду-

мал он. — Это бы все решило. Пусть мистер Орли закончит свое дело на севере и приземлится, пока я здесь, внизу».

Тошио иронически улыбнулся.

«И еще, Ифни, почему бы тебе не прислать большой флот хороших ребят, которые очистли бы небо от наших приятелей?»

Он спускался по узкому стволу в тесноту.

87. ДЖИЛЛИАН

— Дьявольщина! Трижды дьявольщина! Линия мертва! Тошио уже оборвал связь.

— Не волнуйтесь зря, — успокаивал Нисс. — Весьма вероятно, что Такката-Джим конфисковал все бомбы. Разве гардемарин Ивашика не доложил, что видел несколько разобранных бомб?

— Да, и я велела ему не беспокоиться. Но я не додумалась попросить его пересчитать их. Я вся в заботах о корабле и не думала, что Чарли может навредить.

— Теперь, конечно, известно многое.

Джиллиан подняла голову. Машина тимбрими просто тактична, или это сарказм?

— Ну, что сделано, то сделано, — сказала она. — Что бы ни произошло, нас здесь это не коснется.

Надеюсь только, что к сомнительным достижениям нашего полета не добавится преступление относительно разумной расы.

Она вздохнула.

— А теперь скажи мне, как все это станет легендой.

88. ТОШИО

Связь установлена. Теперь Крайдайки может сколько угодно слушать подземные звуки. Тошио опустил моноволоконный кабель в ил. Выпустил балласт, и сани по спирали начали подниматься вверх по стволу дерева-сверла.

Вынырнув, Тошио сразу понял, что что-то изменилось. Вторые сани, те, что принадлежали Томасу Орли, были вытащены из воды и лежали на лужайке к югу от бассейна. Из открытой контрольной секции торчали оборванные провода.

На краю воды сидел Чарлз Дарт. Шимп наклонился вперед, прижав палец к губам.

Тошио выключил моторы и расстегнул ремни. Сел и посмотрел на поляну, но увидел только раскачивающиеся ветви.

Чарли гортанным шепотом сказал:

— Я думаю, Такката-Джим и Метц собираются

скоро улетать, Тошио, со мной или без меня. — Дарт выглядел смущенным, словно такая глупость его озадачила.

Тошио сохранял невозмутимое выражение.

— Почему вы так считаете, доктор Дарт?

— Как только ты спустился, появились два стеноса Такката-Джима и забрали радио. И еще, пока ты был внизу, на баркасе испытывали двигатели. Звук вначале был не очень ровный, но они сейчас над этим работают. Мне кажется, теперь им все равно, что ты доложишь.

Тошио услышал негромкий ворчливый звук с юга — неровный вой двигателей.

Движение на севере привлекло его внимание. Он увидел торопливо идущего по лесной тропе Игнасио Метца с грудой записей. За ним шли четверо крепких добровольцев кикви из деревни. Их воздушные мешки были гордо раздуты, но, очевидно, им не очень хотелось приближаться к рычащим машинам. Перед собой они несли тюки. Из листвы за процессией с тревогой следило несколько десятков пар широко раскрытых глаз.

Тошио прислушался к звуку работающих двигателей, определяя, сколько времени осталось. Такката-Джим закончил конвертировать бомбы раньше, чем он ожидал. Возможно, они недо-

оценили лейтенанта-дельфина. Что еще успел он залатать на «живую», чтобы сделать баркас пригодным к полету пораньше?

«Может быть, мне задержать их отлет? Если останусь дольше, вероятно, больше никогда не увижу „Стремительный“».

— А как же вы, доктор Дарт? Готовы закончить и присоединиться по приказу Такката-Джима?

Дарт взглянул на свою консоль. Покачал головой.

— Мне нужно еще шесть часов, — проворчал он. — Может, мы оба заинтересованы в том, чтобы задержать взлет баркаса. Есть какие-нибудь идеи?

Тошио задумался.

«Надо решать. Если уходить, то немедленно».

Тошио перевел дыхание.

«А, ладно!»

— Я думаю, мы можем немного задержать их, доктор Дарт. Вы поможете мне? Это рискованно.

Дарт пожал плечами.

— Сейчас я жду, пока робот прорежет кору и погрузит... гм... инструмент. До тех пор я свободен. Что мне сделать?

Тошио снял со своих саней моток кабеля и отрезал кусок.

— Для начала, я думаю, кому-то придется пола-

зить по деревьям.

Чарли скорчил гримасу.

— Стереотипы, — пробормотал он про себя. — Все время стереотипы.

89. ДЖИЛЛИАН

Она медленно покачала головой. Может, сказывается усталость, но она понимает лишь часть объяснений Нисса. Каждый раз, когда она пытается заставить его объяснить что-нибудь неясное попроще, он начинает приводить примеры, которые еще больше запутывают.

Она чувствовал себя кроманьонцем, старающимся понять интриги двора Людовика XIV. Нисс утверждает, что открытия «Стремительного» будут иметь более значительные последствия, чем нынешний кризис из-за брошенного флота. Но подробности она понять не могла.

— Доктор Баскин, — снова попробовала машина. — У каждой эпохи есть свой поворотный пункт. Иногда — это поле битвы. Иногда — технологический скачок. Иногда — это философская мысль или происшествие, настолько неясное, что современники вообще не понимают, что изменилось, а тем временем их мир перевора-

чивается вверх тормашками. Но часто, очень часто, этим переворотам предшествует легенда. Я не могу предложить никакого другого слова на англике... это сюжет, образы которого сохраняются в сознании всех разумных... подлинный сюжет о необыкновенных деяниях, с мощными выразительными архетипами. Он предваряет изменения.

— Ты хочешь сказать, мы становимся одной из таких легенд?

— Вот именно.

Джиллиан никогда не ощущала себя такой маленькой. Она не может взвалить на себя еще и эту огромную тяжесть. С нее достаточно ответственности за жизни ста пятидесяти друзей, членов экипажа.

— Ты говоришь, архетипы...

— Что может быть более символичным, доктор Баскин, чем «Стремительный» и его открытия? Только одно из них — брошенный флот — перевернуло вверх дном все пять галактик. Добавьте, что это было сделано самой молодой расой, патроны которой утверждают, что сами вообще не были клиентами. Тут, на Китрупе, где не должно быть предразумных, они находят готовую к возвышению расу и идут на большой риск, чтобы

защитить этих предразумных от застывших, окаменевших законов галактической цивилизации...

— Но только...

— Но только добавьте к этому карранк%. Ни разу во все времена с разумной расой не обращались так жестоко, вопреки системе, которая должна была бы защищать ее.

— Какова же вероятность, чтобы именно этот корабль в поисках убежища прилетел именно на эту планету, где нашли свой последний приют карранк%? Разве вы не понимаете, доктор Баскин? От прародителей до новейшей расы — все складывается в мощную проповедь о системе возвышения.

— Каким бы ни был исход ваших приключений, удастся вам уйти с Китрупа или нет, звезды все равно будут воспевать вас. И эта песнь, я считаю, изменит гораздо больше, чем вы можете себе вообразить. — Нисс закончил приглушенно, почти благоговейным тоном. Наступила тишина.

Джиллиан стояла на наклонном потолке темной кривой комнаты, мигая в свете экрана. Тишина продолжалась. Наконец Джиллиан покачала головой.

— Еще один проклятый розыгрыш тимбрими,

— вздохнула она. — Ужасная история. Ты смеешься надо мной.

Довольно долго светлячки плясали в тишине.

— Вы будете себя чувствовать лучше, доктор Баскин, если я соглашусь? И изменят ли мои слова ваши действия?

Она пожала плечами.

— Вероятно, нет. По крайней мере, ты немного отвлек меня от забот. После всей этой философской болтовни у меня слегка кружится голова. Наверное, пора поспать.

— Всегда готов служить.

Джиллиан фыркнула.

— Ну, конечно. — Она добралась по упаковочной корзине к дверной плите, но, прежде чем открыть дверь, оглянулась.

— Скажи мне вот что, Нисс. Ты сообщил Крайдайки этот вздор, которым сейчас потчевал меня?

— Не на англике. Но основное мы обсудили.

— И он тебе поверил?

— Кажется, поверил. Откровенно говоря, я немного удивлен. Такое впечатление, словно он все это уже знал — из другого источника.

Тогда это отчасти объясняет загадку исчезновения капитана. И сейчас ничего не вернуть.

— Допустим, Крайдайки тебе поверил. Чего же он собирается добиться?

Светлячки на экране плясали несколько секунд.

— Мне кажется, доктор Баскин, прежде всего он ищет союзников. Я считаю, что он добавляет несколько собственных строф к легенде, совсем на другом уровне.

90. КРАЙДАЙКИ

Они стонали. Им всегда больно. Жизнь на протяжении тысячелетий причиняет им боль.

: Слушайте:

Он воззвал на языке древних богов, уговаривая карранк% ответить ему.

: Слушайте: Вы Глубоко Скрытые — Вы Печальные и Оскорбленные: Я Зову Снаружи: Я Хочу, Чтобы Вы Меня Услышали:

Печальное пение на мгновение смолкло. Крайдайки ощутил волну раздражения. Она пришла и в звуке, и в пси-диапазоне — легкое движение, чтобы прогнать назойливую муху.

Печальная песнь возобновилась.

Крайдайки ухватился за нее, толкая, прикасаясь. Он пользовался остатками связи «Стре-

мительного», дышал из воздушного пузыря, старался привлечь внимание древних мизантропов, с помощью далекого робота усиливая свой призыв.

: Я Призываю Снаружи: Я Прошу Помощи: Ваши Древние Мучители — Наши Враги:

Это слегка искажало истину, но ладно... Он заторопился, чувствуя, что их внимание ускользает.

: Мы Ваши Братья: Поможете Ли Вы Нам?:

Ворчливое гудение неожиданно взорвалось. Пси-составляющая казалась гневной и чуждой. Составляющая звука завывала, скрипя, как помехи. Без помощи «сна китов» Крайдайки никогда не смог бы понять.

+ НЕ ТРЕВОЖЬ НАС —
— НЕ ОСТАВАЙСЯ! +
+ У НАС НЕТ БРАТЬЕВ —
— МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ +
+ ОТ ВСЕЛЕННОЙ —
— УХОДИ! +

Голова Крайдайки звенела от этого мощного отказа. Но все же его ободрило то, что он вообще получил ответ.

«Стремительному» больше всего нужен теперь союзник. Ему нужна помощь или, по крайней мере, отвлечение, если проект Томаса Орли имеет

хоть один шанс из тысячи. Хоть эти подземные существа чужды и обижены, когда-то они бороздили звездный океан. Может, им будет приятно помочь другим жертвам галактической цивилизации.

Крайдайки настаивал.

: Послушайте! Ваш Мир Окружен Теми, Кто Вмешивается В Наследственность: Они Ищут Нас И Тех Маленьких, Которые Делят С Вами Эту Планету: Они Хотят Искалечить Нас: Как Они Поступили С Вами: Они Увеличат Вашу Боль:

Он создал сонарную картину больших флотов, кораблей с зияющими челюстями. Придал им злобное выражение.

Картина его разлетелась от громового ответа.

+ МЫ НЕ ВМЕШИВАЕМСЯ! —

Крайдайки покачал головой и сосредоточился.

: Они Могут Отыскать И Вас:

+ МЫ ИМ НЕ НУЖНЫ! —

— ОНИ ИЩУТ НЕ НАС! +

+ НЕ НАС! —

Ответ ошеломил его. У Крайдайки осталось сил только на один вопрос. Он попытался спросить, что сделают карранк%, если нападут на них.

В ответ он услышал такой скрежет, который нельзя было выразить даже на языке древних

богов. Скорее, просто вызывающий рев, чем что-то осмысленное. Потом мгновенно звуки и мысленная передача прекратились. Крайдайки завис в воде, и только в голове у него продолжало звенеть от их гнева.

Он старался изо всех сил. Что теперь?

Так как больше делать было нечего, он закрыл глаза и задумался. Пощелкал сонаром и представил себе картину окружающих хребтов. Почувствовал, как рядом возникает фигура Нукапай, и разочарование его смягчилось. Тело ее, как всегда, состояло из отражений его звуков и из звуков моря. Она словно потерлась о его бок, он будто физически ощутил ее. Легкая сексуальная дрожь пронзила его.

: Не очень приятные собеседники: — заметила она.

Крайдайки печально улыбнулся.

: Да, не очень: Но они обижены: Я бы не стал тревожить этих отшельников, если бы не необходимость:

Он вздохнул.

: Песня-Мир как будто говорит, что они не помогут:

Нукапай улыбнулась его пессимизму. Изменила темп и негромко засвистела.

Иди вниз

И чувствуй завтрашнюю погоду

Иди вниз

Там предвидение, предвидение...

Крайдайки попытался понять ее. Почему она говорит на тринари, языке, почти таком же трудном для него сейчас, как англик? Есть ведь другой язык, выразительный и мощный, на котором они могут общаться. Почему она напоминает ему о его недееспособности?

Он в смущении покачал головой. Нукапай — результат работы его мозга... по крайней мере она связана звуками, которые производит его голос. Как же она вообще может говорить на тринари?

Повсюду загадки. Чем дальше он углубляется, тем их становится больше.

Иди вниз

Ночной ныряльщик

Иди вниз

Там предвидение, предвидение

Он повторил эти слова про себя. Она хочет сказать, что он может что-то узнать о будущем? Что что-то неотвратимое выведет карранк% из их убежища?

Он все еще пытался разрешить эту загадку, когда услышал звук двигателей. Крайдайки несколько мгновений прислушивался. Ему не нужно поворачивать гидрофоны саней, чтобы распознать этот звук.

В каньон осторожно входил маленький корабль. Посылал сонарные лучи в одну сторону, в другую. Прожектор осветил борозду, оставленную уходящим «Стремительным». Осветил остатки оборудования и наконец остановился на коммуникаторе и санях.

Крайдайки замигал в ярком свете. В приветственной улыбке широко раскрыл челюсти. Но голос отказал ему. Впервые за несколько дней он устыдился. Боялся, что не справится даже с простейшими словами, покажется идиотом.

Громкоговорители корабля донесли единственный счастливый вздох, удивительно простой:

Крайдайки!

Удовольствие узнавания этого голоса разлилось теплом. Он включил мотор саней и отвязался. Направляясь к открытому шлюзу скифа, он по одному посылал слова англика:

— Хикахи... как... приятно... снова... услышать... твой... голос...

91. ТОМ ОРЛИ

Над морем водорослей клубился туман. В некотором роде это хорошо, легче красться. Но труднее разглядеть ловушки.

Том осторожно осмотрелся, лежа в водорослях перед последней прогалиной, отделявшей его от разбитого крейсера. Под водой не подберешься, а он не сомневался, что те, кто нашел здесь убежище, приняли меры предосторожности.

Аппарат он увидел в нескольких метрах от отверстия. От одного куста водорослей к другому тянулся провод. Том осмотрел устройство, потом осторожно копнул под проволокой и пробрался вниз. Миновав преграду, он осторожно добрался до края плавающего корпуса и прижался к неровной поверхности.

Население водорослей укрылось во время сражения. Теперь, когда почти все участники схватки мертвы, оно снова появилось. Крики, похожие на кваканье, причудливо отдавались в тумане. В отдалении Том слышал рокот вулкана. Заурчал пустой желудок. Настолько громко, что может разбудить прародителей.

Том проверил оружие. В игольнике осталось

всего несколько зарядов. Хорошо бы подтвердилась его догадка о количестве ити, укрывшихся в корабле.

«Хорошо бы я оказался прав и в других отношениях, — напомнил он себе. — Многое поставлено на то, что тут окажется пища и информация».

Он ненадолго закрыл глаза, потом повернулся и, пригибаясь, направился к отверстию. Заглянул за неровный край одним глазом.

Три птицеподобных губру сидели на заваленной оборудованием, задымленной наклонной палубе. Внимание двоих было приковано к маленькому, совершенно недостаточному для них обогревателю. Они грели над ним тонкие руки. Третий сидел перед разбитой консолью и пищал на галактическом языке номер четыре, популярном среди птицеподобных видов.

— Никаких следов людей или их клиентов, — пищал он. — Оборудование для дальнего поиска мы потеряли, поэтому уверенности нет. Но мы не обнаружили никаких следов землян. Больше сделать ничего не можем. Приходите за нами!

Радио закашляло:

— Нет возможности выйти из укрытия. Нельзя тратить последние резервы. Вы должны держаться. Затаитесь. Ждите.

— Ждать? Мы находимся в корпусе, запасы пищи в котором радиоактивны и оборудование которого вышло из строя. Но этот корпус — лучшее из возможных убежищ. Вы должны прийти за нами!

Том молча выругался. Прощай, еда!

Оператор продолжал передавать по радио протесты. Остальные двое губру слушали, нетерпеливо переминаясь. Один из них неожиданно повернулся, словно хотел прервать оператора. Его взгляд упал на выходное отверстие. Прежде чем Том смог отскочить, глаза существа широко распахнулись. Оно заметило.

— Человек! Быстрее...

Том выстрелил ему в грудь. Не глядя на свою жертву, прыгнул в отверстие и перекатился за консоль. Высунулся с противоположной стороны и дважды выстрелил в тот момент, когда стоящий губру собрался стрелять. Его ручное оружие вспыхнуло, зацепило пламенем уже обожженный потолок, и чужак закричал и упал навзничь.

Галакт около радио смотрел на Тома, потом взглянул на радио.

— Даже не думай, — пропищал Том на галактическом четыре с сильным акцентом. Гребень

чужака удивленно поднялся. Губру опустил руки и застыл.

Том осторожно встал, не отводя взгляда от уцелевшего губру.

— Сними оружейный пояс и отойди от передатчика. Медленно. Помни, мы, люди, выросли без патронов. Мы жестоки, хищны и невероятно быстры! Не заставляй меня есть тебя. — Он широко улыбнулся, чтобы показать как можно больше зубов.

Существо задрожало и послушалось. Том на всякий случай зарычал. Иногда даже такое примитивное повторение полезно.

— Ну хорошо, — сказал он, когда чужак перешел на указанное место у зияющего отверстия. Том, держа его на прицеле, сел возле радио. Приемник издавал возбужденные возгласы.

Слава Ифни, он узнал модель и выключил передатчик.

— Что ты передавал, когда твой друг заметил меня? — спросил он пленника. Слышал ли командующий скрытыми силами губру слово «человек»?

Гребень галакта задрожал. Ответ был настолько неуместен, что вначале Том решил, что не понял.

— Перестань гордиться, — пропел пленник, распуская перья. — Все молодые должны забыть о гордости. Она ведет к ошибкам, и высокомерие тоже. Спасти может только ортодоксальность. Мы можем спасти...

— Хватит! — выпалил Том.

— ...спасти вас от ереси. Привести вас к вернувшимся прародителям, к древним хозяевам, дающим правила. Привести вас к ним. Уходя давным-давно, они пообещали вернуться. Они ожидают, что их встретит рай, и будут беспомощны перед такими, как соро, и танду, и теннанинцы, и...

— Теннанинцы! Это мне и нужно узнать! Теннанинцы продолжают сражаться? Участвуют в битве? — Том дрожал в напряженном ожидании.

— ...и Темные Братья. Им понадобится защита, пока они не поймут, какие ужасные дела совершались их именем, как уничтожали ортодоксию, насаждали ересь. Пойдем к ним, помоги очистить вселенную. Велика будет твоя награда. Изменения невелики. Период служения недолог...

— Прекрати! — Том чувствовал, как напряжение последних дней оборачивается гневом. После соро и танду, губру — самые жестокие враги человечества. И слушать дальше он не намерен!

— Прекрати и отвечай на мои вопросы! — Он выстрелил в пол у ног существа. То удивленно подпрыгнуло, широко раскрыв глаза. Том выстрелил еще два раза. В первый раз губру отскочил от рикошета. Во второй раз только мигнул: игольник не выстрелил.

Галакт уставился на Тома, потом радостно запищал. Широко расставил оперенные руки, выпустив длинные когти. Впервые он сказал нечто прямо и понятно:

— Теперь ты будешь говорить, высокомерный выскочка, недоделанный и лишенный хозяина!

И с криком бросился на Тома.

Том увернулся, и вопящий птицеподобный проскочил мимо. Но голод и усталость замедлили реакцию Тома, и один острый коготь разрезал его костюм и кожу около ребер. Том ахнул и прислонился к окровавленной стене, а губру повернулся, чтобы возобновить нападение.

Ни один из них не подумал о лежавшем на полу ручном оружии. Разряженное и скользкое, оно не стоило того, чтобы за ним наклоняться.

— Где дельфинннны? — пропищал губру, приплясывая взад и вперед. — Говори, или я научу тебя уважать старших.

Том кивнул.

— Научись плавать, птицемозглый, и я отведу тебя к ним.

Губру снова выставил когти. Закричал и прыгнул.

Том собрался с силами. Подпрыгнул и сильно ударил противника в горло. Крик резко оборвался, Том услышал, как лопнул позвоночник, и губру упал, скользнул по палубе и кучей перьев замер у стены.

Том приземлился рядом с ним. Перед глазами все плыло. Тяжело дыша, стоя на четвереньках, он посмотрел на врага.

— Я говорил... тебе... что у нас не было патронов, — сказал он.

Немного придя в себя, подошел к рваному почерневшему краю отверстия в корпусе и выглянул в клубящийся туман.

Все, что у него осталось, — маска, перегонный куб, одежда и... да, почти бесполезное ручное оружие губру.

И, конечно, информационная бомба. Он чувствовал ее тяжесть за поясом.

«Я достаточно долго откладывал решение», — подумал Том. Пока шел бой, он мог создавать видимость поиска ответа. Но, похоже, он слишком медлил.

«Я хотел знать наверняка, должен был быть уверен, сработает ли хитрость. Для этого здесь должны быть теннанинцы.

Я встретил этих разведчиков. Губру упоминал теннанинцев. Неужели нужно увидеть их флот, чтобы понять, что они здесь есть?»

Однако он оттягивал решение и по другой причине.

«Как только я пошлю сообщение, Крайдайки и Джиллиан выступят. Они не смогут подобрать меня. По плану мне надо самостоятельно вернуться на корабль».

Сражаясь в водорослях, он надеялся найти транспортное средство в рабочем состоянии. Что угодно, лишь бы вернуло его домой. Но тут оказались только обломки.

Том тяжело опустился спиной к холодному металлу и достал информационную бомбу.

«Пускать в ход?»

«Морской конек» — его план. И вот он, вдали от дома и Джиллиан, должен проверить его в действии.

Взгляд его, блуждая по окровавленной усеянной обломками палубе, остановился на радио губру.

«Знаешь, — сказал он себе, — ты можешь еще

кое-что сделать. Если даже после этого я окажусь в самом центре прямого попадания, все равно смогу передать информацию Джиллиан и остальным.

А может, добьюсь и большего».

Том собрался с силами, чтобы снова встать.

«Ну ладно, — подумал он, поднимаясь. — Пищи все равно нет. Можно уйти красиво».

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ПОДЪЕМ

Закат, и вечерняя звезда,
И ясный призыв ко мне,
И пусть никто не плачет,
Когда я выйду в море.
А. Теннисон

92. ДЭННИ/САХОТ

— Так дольшшше, Дэнни. Ты уверена, что не надо сворачивать на юго-запад?

Сахот плыл рядом с санями, легко держась на одном уровне. Через каждые несколько рывков он поднимался на поверхность, потом, не снижая скорости, присоединялся к своей спутнице.

— Я знаю, что так будет быстрее, Сахот, — ответила Дэнни, не отрывая взгляда от экрана сонара. Она старалась как можно дальше обходить металлические острова. Это район, в котором растут водоросли-убийцы. Она ужаснулась рассказу Тошио о встрече с ними и решила плыть подальше от этих холмов.

— Зачем же нам возвращаться к прежней стоянке «Стремительного», прежде чем двигаться на юг?

— По нескольким причинам, — ответила Дэнни. — Прежде всего, эту часть пути мы знаем, были здесь раньше. А дорога от прежней стоянки к морскому коньку прямо на юг, и там меньше вероятности заблудиться.

Сахот в сомнении фыркнул.

— Что еще?

— Еще мы можем отыскать Хикахи. Я думаю, сейчас она где-то возле старой стоянки.

— Джиллиан просила тебя поискать ее?

— Да, — солгала Дэнни. У нее были свои причины искать Хикахи.

Дэнни боялась намерений Тошио. Возможно, он задержится на острове до окончательной готовности «Стремительного», и тогда Такката-Джим уже не успеет вмешаться. Конечно, тогда будет слишком поздно и возвращаться на борт в санях.

В таком случае единственным шансом Тошио останется скиф. Дэнни должна отыскать Хикахи раньше Джиллиан. Джиллиан может послать скиф за Томом Орли, а не за Тошио.

Дэнни понимала, что рассуждает нерационально, и чувствовала себя виноватой. Но если она

может солгать одному дельфину, то сможет и другим.

93. ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ

Бывший первый помощник капитана качал головой и скалил зубы в ответ на саботаж.

— Я развею их внутренности по лесу! — свистел он. Гудели тяжелые механические руки его доспехов.

Игнасио Метц смотрел на тонкие, почти невидимые проволочки сети, прижимавшей баркас к поверхности...

Покачал головой.

— Мне кажется, вы слишком нервничаете, помощник капитана. Парень только старался не выпустить нас раньше срока.

Такката-Джим развернулся и взглянул на человека.

— Вы передумали, доктор Метц? Вы считаете, что эта сумасшедшая, которая теперь управляет кораблем, пошлет экипаж на смерть?

— Нет, конечно, нет! — Метц отступил перед злобой офицера. — Я согласен с вами. Мы попытаемся пойти на компромисс с галактами, но...

— Что — но?

Метц неуверенно пожал плечами.

— Я не думаю, что Тошио виноват в том, что выполняет свои обязанности...

Такката-Джим с пушечным залпом захлопнул челюсти, его «паук» надвинулся на Метца и остановился в метре от занервничавшего человека.

— Вы думаете! Вы ДУМАЕТЕ! Из всех комедий эта самая смешная! Вы, считающий себя умнее Совета Земли, вы, который и в без того неустойчивый экипаж ввел своих любимых чудовищ, вы, не обративший никакого внимания на сигналы опасности, — да, Игнасио Метц! Вы говорите мне, что думаете! — И Такката-Джим насмешливо фыркнул.

— Н... но мы... вы и я договорились почти обо всем! Мои экспериментальные стеносы стали вашими самыми верными сторонниками! Только они и стоят за вами!

— Ваши стеносы вовсе не стеносы! Это отсталые искалеченные существа, которые не должны были участвовать в экспедиции. Я использовал их, как использовал вас. Но не надо причислять меня к вашим чудовищам, Метц!

Пораженный, Метц прижался к стене баркаса.

Послышался звук возвращающихся машин. С испепеляющим взглядом Такката-Джим велел

человеку молчать. Из леса показался «паук» Срикапона.

— Нити ведут к бассейну, — объявил фин. Его англик был так высок, что Метц почти не слышал. — Спускаются в воду, а там обернуты вокруг ствола дерева-сверла.

— Ты их перерезал?

— Да! — Неофин помотал головой.

Такката-Джим кивнул.

— Доктор Метц, пожалуйста, подготовьте кикви. Они — второй по значимости предмет торговли и должны быть готовы к осмотру любой расой, с которой мы вступим в контакт.

— Куда вы направляетесь? — спросил Метц.

— Не ваше дело.

Метц увидел решительное выражение Такката-Джима. Потом заметил трех стеносов. В их глазах горело безумие.

— Вы пробудили в них праймал! — ахнул он. — Я вижу! Вы завели их слишком далеко! Они станут самоубийцами!

Такката-Джим вздохнул:

— О своей совести я позабочусь сам, доктор Метц. А пока буду делать все, чтобы спасти корабль и нашу экспедицию. Так как нормальный дельфин не может убить человека, мне понадо-

бились безумные дельфины.

Три стеноса улыбнулись Метцу. Он в ужасе посмотрел им в глаза, прислушался к их мрачному щелканью.

— Вы с ума сошли! — прошептал он.

— Нет, доктор Метц, — Такката-Джим с сожалением покачал головой. — Это вы сошли с ума. Эти фины безумны. Но я действую, как действовал бы отчаявшийся и преданный своему делу человек. Преступник или патриот — это вопрос точки зрения, но я разумен.

Глаза Метца распахнулись еще шире.

— Вы не можете увезти на Землю всех, кто в курсе... — Он побледнел, повернулся и побежал к шлюзу.

Такката-Джиму даже не пришлось отдавать приказ. Из «паука» Срика-пола вырвался фотохимический голубой луч. Игнасио Метц ахнул и упал на грязную почву перед самым люком. Он смотрел на Срика-пола, как отец, преданный сыном, которого он безумно любил.

Такката-Джим повернулся к своему экипажу, пытаясь справиться с отвращением и тошнотой.

Найти, найти,
Найти и убить

Убить
Мягкокожего человека
Волосатую обезьяну

Я буду ждать, ждать
Здесь
Ждать здесь

Фины одновременно резко свистнули в знак согласия, повернулись все, как один, и с шумом углубились в лес, ломая тяжелыми манипуляторами стволы, как прутики.

Человек застонал. Такката-Джим сверху вниз посмотрел на него и подумал, что надо положить конец его мучениям. Он хотел, но не мог заставить себя совершить насилие по отношению к человеку.

«Ну и хорошо, — подумал он. — Кое-что надо еще починить. Я должен быть готов, когда вернутся мои чудовища».

Такката-Джим осторожно перешагнул через лежащего человека и забрался в шлюз.

— Доктор Метц! — Тошио оттащил раненого в сторону и приподнял ему голову. Он говорил настойчиво, одновременно покрывая болеутоляющей пеной шею генетика. — Доктор Метц, вы

меня слышите?

Метц неясным взглядом посмотрел на юношу.

— Тошио? Ты должен уходить, мой мальчик! Такката-Джим послал...

— Я знаю, доктор Метц. Я прятался в кустах, когда в вас выстрелили.

— Значит, ты слышал, — он вздохнул.

— Да, сэр.

— И знаешь, какой я был дурак, когда...

— Сейчас не время, доктор Метц. Нужно уходить. Чарли Дарт прячется поблизости. Мне нужно забрать его, пока стеносы обыскивают другую часть острова.

Метц схватил Тошио за руку.

— Они охотятся и за ним.

— Знаю. Никогда не встречал более потрясенного шимпа. Он искренне верил, что его помощь останется для них тайной! Я схожу за ним, и мы вас унесем отсюда.

Метц закашлялся, на губах выступила красная пена. Он покачал головой.

— Нет. Я, кажется, как Виктор Франкенштейн, погублен собственным созданием. Оставь меня. Беги к саням и уплывай.

Тошио сморщился.

— Они сразу направились к бассейну, доктор

Метц. Я следил за ними и видел, как они потопили мои сани. Но я опередил их и предупредил кикви. Дэнни научила меня их сигналу тревоги, и они разбежались, как спятившие лемминги, когда я крикнул. Так что пока стеносы им не угрожают...

— Они не стеносы, — поправил Метц. — Demenso cetus metzii — вот как их надо бы назвать. Безумные дельфины Метца... Знаешь, мне первому удалось создать дельфинов-преступников... — Он прижал руку ко рту и снова закашлялся.

Посмотрел на красную слюну на руке, потом на Тошио.

— Мы собирались отдать кикви галактам. Мне это было не по нраву, но он меня убедил...

— Такката-Джим?

— Да. Он считал, что только сообщить им местоположение брошенного флота недостаточно...

— У него есть ленты? — Тошио был ошеломлен. — Но как?..

Метц его не слушал. Он слабел на глазах.

— ...Он считал, что этого не хватит, чтобы купить свободу «Стремительному», поэтому... решил, что мы им отдадим и аборигенов.

Слабеющей рукой Метц схватил Тошио.

— Ты должен освободить их, Тошио. Не отдавай их фанатикам. Они так много обещают. У

них должны быть добрые патроны. Может быть, линтены... или синтиане... мы не готовы к такой работе... мы... мы превратим их в карикатуру на самих себя... мы...

Генетик обмяк.

Тошио ждал. Больше он ничего не мог сделать для этого человека. Небольшая медицинская сумка позволяла лишь облегчить боль.

Через минуту Метц пришел в себя. Он смотрел, не видя.

— Такката-Джим... — проговорил он. — Никогда не думал об этом раньше! Он именно тот, кого я искал! Я не понимал этого, но он не дельфин. Он человек... Кто бы мог подумать...

Лицо его побледнело. Глаза закатились.

Пульс не прослушивался. Тошио положил тело на землю и скользнул назад в лес.

— Метц мертв, — сказал он Чарли Дарту. Шимп смотрел на него из куста. Блестели белки его глаз.

— Н... но эт... то...

— Преступление, я знаю. — Тошио сочувственно кивнул Чарлзу Дарту. Стандартная процедура возвышения, которую земляне переняли у галактов: у клиентов вырабатывается устойчивое отвращение к убийству патрона. Некоторые счи-

тали это лицемерием, зная прошлые «заслуги» человечества. И все же...

— Они не задумываясь застрелят тебя или меня!

Тошио пожал плечами.

— Что же мы будем делать? — Профессиональная уверенность покинула Чарли. Он хотел поменяться ролями с Тошио.

«Он взрослый, а я мальчик, — с горечью подумал Тошио. — Должно быть наоборот.

Нет, это глупо. И статус патрона или клиента к этому не имеет отношения. Я военный. Моя работа — сохранить нам жизнь».

Он постарался скрыть, что нервничает.

— Будем продолжать делать то, что делали. Мешать им, как можно дольше задерживать полет.

Дарт несколько раз мигнул, потом возразил.

— Но тогда и у нас не будет выхода! Разве нельзя попросить «Стремительный» забрать нас?

— Джиллиан сделает все необходимое, уверен. Наши судьбы сейчас не самое важное. Постарайтесь это понять, доктор Дарт. Мы солдаты. Говорят, на миру и смерть красна. Наверно, это правда; иначе не было бы легенд.

Шимп пытался поверить ему. Руки его дрожали.

— Если они вернутся на Землю, расскажут о том, что мы сделали, верно?

Тошио улыбнулся.

— Конечно.

Чарли несколько мгновений смотрел в землю. Слышно было, как в лесу стеносы сокрушают деревья.

— Тошио, я должен тебе кое-что сказать.

— Что, доктор Дарт?

— Помнишь, я хотел, чтобы они отложили старт еще на несколько часов?

— Ваш эксперимент. Да, помню.

— Приборы на борту «Стремительного» зарегистрируют данные, так что информация дойдет до дома, даже если я не вернусь.

— Здорово, доктор Дарт! Я рад за вас, — Тошио понимал, что это значит для ученого шимпа.

Чарли слабо улыбнулся.

— Ну, сейчас уже остановить невозможно, лучше тебе быть в курсе, чтобы не удивиться.

Что-то в его словах встревожило Тошио.

— Расскажите, — попросил он.

Чарли взглянул на часы.

— Робот будет на месте через восемьдесят минут. — Он, чуть занервничав, посмотрел на Тошио. — И тогда взорвется моя бомба.

Тошио прислонился спиной к дереву.

— Только этого нам не хватало!..

— Я собирался до взрыва сказать Такката-Джиму, чтобы он мог укрыться в это время, — объяснил Чарли. — Но особенно не тревожься. Я видел карту пещеры под островом, составленную Дэнни. Шансы, что остров не обрушится, примерно равны, но знаешь... — Он развел руками.

Тошио вздохнул. Они в любом случае погибнут. К счастью, последнее не имеет, кажется, большого значения.

94. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Мы готовы. — Сообщение прозвучало небрежно.

Джиллиан оторвалась от голограммы. Ханнес Свесси, стоя у двери, двумя пальцами отдал ей салют. Свет из ярко освещенного коридора трапецией освещал пол в темной комнате.

— Как соотношение сопротивлений?.. — спросила она.

— Почти полное совпадение. Когда вернемся на Землю, я предложу скупить несколько старых теннанинских корпусов и снабдить их «снарками». Мы будем медлительны, особенно из-за воды

в центральном отсеке, но «Стремительный» поднимется, полетит и деформируется в переходе. И потребуется приложить усилия; чтобы пробить внешний корпус.

Джиллиан положила ногу на стол.

— Ну, силы для этого найдутся, Ханнес.

— Корабль полетит. А в остальном... — Инженер пожал плечами. — Единственное, о чем я прошу: приказать всем провести час в спальных машинах, чтобы мы не отключились на старте. А остальное решать вам, мадам капитан.

Он остановил ее прежде, чем она заговорила.

— И не спрашивайте совета у нас, Джиллиан. До сих пор вы отлично справлялись, и мы с Тшут будем говорить только «Да, сэр» и вскакивать, когда вы входите.

Джиллиан закрыла глаза и кивнула.

— Хорошо, — негромко сказала она.

Ханнес через открытую дверь заглянул в лабораторию Джиллиан. Он знал о древнем трупе, потому что помогал Тому Орли переносить его на корабль. Увидел силуэт в стеклянном ящике. Вздрогнул и отвернулся.

На дисплее Джиллиан видно было маленькое, размером с мяч для пинг-понга, голографическое изображение Китрупа и нескольких его спутни-

ков. В космосе — две группы красных и синих точек, рядом с ними компьютерные надписи.

— Как будто немного осталось, — заметил Свесси.

— Это корабли только в ближайшем космосе. Если увеличить картину до кубического астрона, видны еще два значительных галактических флота. Мы, разумеется, не можем их распознать, но боевой компьютер приписывает цвета на основе их передвижений. Там все время происходит перегруппировка союзов.

— И выжившие скрываются на спутниках.

Свесси поджал губы. Чуть не задал вопрос, который волновал всех, но удержался. А Джиллиан ответила на него:

— От Тома по-прежнему ни слова. — Она взглянула на руки. — До сих пор его информация была нам не очень нужна, но сейчас... — Она замолчала.

— Теперь мы должны знать, станет ли наш старт самоубийством, — закончил за нее Свесси. Он заметил, что Джиллиан снова разглядывает дисплей.

— Вы хотите сами это установить?

Джиллиан пожала плечами.

— Берите этот час, Ханнес, или три, или десять.

Скажите финам, чтобы отдыхали на своих местах; пусть машины для сна перетащат на мостик.

Она нахмурилась, глядя на светящиеся точки.

— Возможно, я ошибаюсь. Может, нужно выбрать меньшее из зол: скрываться здесь, пока не посинеют десны и мы не начнем умирать от отравления металлом. Но у меня предчувствие, что скоро придется действовать. — Она покачала головой.

— А как же Тошио, Хикахи и все остальные?

Джиллиан не ответила, да это и не требовалось. Через мгновение Свесси повернулся и вышел. И закрыл за собой дверь.

Точки. Пассивные сенсоры «Стремительного» не давали большего разрешения; изредка две точки встречались — вспышка — и точек становилось меньше. Боевой компьютер исследовал движения и выдавал предварительные заключения. Но ответа, который она ждала, так и не было.

— Останутся ли уцелевшие флоты равнодушными к неожиданному появлению давно утраченного теннанинского крейсера, или они объединятся, чтобы смести его с неба? — Ей предстояло решать. Джиллиан никогда не чувствовала себя так одиноко.

«Где ты, Том? Я знаю, ты жив. Я чувствую твое далекое дыхание. Что ты сейчас делаешь?»

Слева вспыхнул зеленый огонек.

— Да, — сказала она в коммуникатор.

— Доктор Бассскин! — Голос Ватгасети с мостика. — Вызывает Хикахи! Она у релейного пункта! И у нее Крайдайки!

— Соедините!

Послышался свист, оператор усиливал принимаемый сигнал.

— Джиллиан? Это ты?

— Да, Хикахи! Слава богу! Как вы? А Крайдайки все еще у реле?

— Все в порядке, Очиститель Жизни. По словам финов на мостике, мы вам там особенно и не нужны!

— Проклятые лжецы и подхалимы! Я бы не отдала ни одного из них и за свою левую руку. Слушайте, не хватает пяти членов экипажа. Помните: двое из них подвержены атавизму и очень опасны.

Послышался свист помех. Потом:

— Мы знаем о них, Джиллиан, — послышался ответ. — Четверо из них мертвы.

Джиллиан закрыла глаза.

— Боже...

— Кипиру ссс нами, — ответила на невысказанный вопрос Хикахи.

— Бедный Акки, — вздохнула Джиллиан.

— Передайте на Калафию, что он выполнил свой долг. Кипиру говорит, что он сопротивлялся и до конца сохранял разум.

Джиллиан не понравилось последнее замечание Хикахи.

— Хикахи, ты теперь капитан. И нужна здесь немедленно. Я передаю тебе официально...

— Не надо, Джиллиан, — прервал ее высокий голос. — Пожалуйста. Не сейчас. Я еще нужна на скифе. Надо прихватить тех, кто на острове, и добровольцев кикви.

— Я не уверена, что у нас есть на это время, Хикахи. — Слова прозвучали горько. Джиллиан подумала об умной, излишне умаляющей свое достоинство Дэнни, об образованном Сахоте, о Тошио, таком молодом и благородном.

— Том сообщал что-нибудь? Нужно срочно действовать?

— Пока нет, но...

— Что же тогда?

Она не могла объяснить. Попыталась на тринари:

Что за пронзительный звук я слышу —

Звук горнов, шум двигателей —
Слезы покинутых —
Скоро, очень скоро

На скифе долго молчали. Наконец ответила не Хикахи, а Крайдайки. И в его ответе на примитивном тринари с рефренами звучало что-то глубокое и странное.

Звуки, все звуки
Говорят что-то
Говорят что-то

Действия, все действия
Производят звуки
Производят звуки

Но долг, но долг
Призывает молча
Призывает молча.

Джиллиан, затаив дыхание, слушала, как стихает голос Крайдайки. По спине ее пополз холодок.

— Пока, Джиллиан, — сказала Хикахи. — Что есть, то есть. Я свяжусь, как только смогу. Не жди нас.

— Хикахи! — Джилл протянула руку к комму-

никатору, но связь оборвалась прежде, чем она смогла сказать хоть слово.

95. ТОШИО

— Оба шлюза заперты изнутри. — Тошио отдувался, добравшись до убежища. — Похоже, что придется добираться вашим путем.

Чарлз Дарт кивнул и провел Тошио к корме маленького космического корабля.

Дважды они скрывались, поднимаясь на высокие деревья, когда внизу проходили патрулирующие стеносы. Фины не догадывались посмотреть вверх. Но Тошио знал, что если их с Чарли засекут на открытой местности, им придется умереть.

Чарли снял заднюю крышку служебного прохода между двигателями.

— Я прополз между линиями питания вот здесь, пока не добрался до плиты в переборке. — Он показал. Тошио всмотрелся в лабиринт труб.

Потом удивленно взглянул на Дарта.

— Неудивительно, что никто не заподозрил «зайца» на борту. Вы так же пробрались и в арсенал? Пролезли через трубопроводы, куда не войдет человек?

Планетолог кивнул.

— Ты не сможешь идти со мной. Значит, мне придется добираться до малышей одному.

Тошио кивнул.

— Я думаю, они в кормовом трюме. Вот переводчик.

Он протянул прибор. Переводчик походил на большой медальон на цепи, чтобы можно было повесить на шею. Все неошимпы знакомы с такими приборами, потому что до трехлетнего возраста им очень трудно говорить. Чарли надел прибор. Начал пробираться в маленькое отверстие, но потом остановился и искоса взглянул на гардемарина.

— Слушай, Тошио. Представь себе, что это один из зоокораблей двадцатого века, или клипер, в трюме которого перевозят предразумных шимпанзе — или что они там использовали, — их везут из Африки в лаборатории или в цирк. Ты бы стал их спасать?

Тошио пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю, Чарли. Хочется думать, что стал бы. Но на самом деле не знаю, как бы я поступил.

Неошимп долго смотрел человеку в глаза, потом хмыкнул:

— Ну хорошо, охраняй тыл.

Тошио подтолкнул его, и Чарли втиснулся в механический лабиринт. Тошио присел и прислушался к звукам в лесу. Чарли, ставя изнутри плиту на место, ужасно шумел. Но вот шум прекратился.

Тошио скользнул в лес, чтобы незамеченным обойти окружающую местность.

По треску, доносящемуся со стороны деревни, он решил, что стеносы забавляются разрушением. Он надеялся, что маленькие существа не вернулись наблюдать за этим.

Вернувшись к баркасу, Тошио взглянул на часы. До взрыва семнадцать минут. Осталось очень мало времени.

Он протиснулся в сектор обслуживания и начал выводить из строя клапаны. Конечно, эти двигатели Такката-Джиму не нужны. Если он конвертировал бомбы, то может действовать на гравитационных. Открытый люк уменьшит аэродинамическую устойчивость корабля, но ненамного. Такие баркасы делают очень прочными.

Он остановился и прислушался. Шум в лесу усиливается. Фины возвращаются.

— Быстрее, Чарли! — Он потрогал рукоять игольника, не уверенный, что сумеет попасть

в места, не защищенные металлическими доспехами.

— Выходите!

Из глубины послышался негромкий писк. Звуки отражались от стен узких проходов, и наконец Тошио увидел зеленые лапы с плоскими перепончатыми пальцами.

Затем показалась голова недоумевающего кикви. Абориген выбрался из отверстия, пробрался между путаницей труб и прыгнул в руки Тошио.

Тошио опустил перепуганное существо и протянул руки за следующим. Кикви испускали громкие крики.

В конце концов все четверо выбрались. Тошио всмотрелся и увидел, что Чарлз Дарт пытается поставить на место внутреннюю панель.

— Оставьте! — просвистел Тошио.

— Нет! Такката-Джим заметит изменение давления воздуха. Нам повезло, что до сих пор он не заметил!

— Сюда! Они... — Тошио услышал жужжание моторов «паука» и треск ветвей. — Они уже здесь! Я отвлеку их! Удачи, Чарли!

— Подожди!

Тошио отбежал в кустарник, чтобы фины не догадались, откуда он пришел. Потом, пригнув-

шись, побежал.

Вот! Вот!
Китобой!
С сетями Ики!
Гонец за тунцами!
Вот! Убить! Вот!

Стеносы кричали совсем близко. Тошио нырнул за ствол орехового дерева, над головой пронесся синий луч смерти. Кикви закричали и разбежались по лесу.

Тошио перекатился и снова побежал, стараясь, чтобы между ним и преследователями были деревья.

Он слышал звуки слева и справа. Фины пытались окружить его. Комбинезон сковывал движения. Тошио пытался добраться до береговых утесов, пока кольцо не сомкнулось.

96. ТОМ ОРЛИ

Какое-то время он слушал радио, и, хоть разобрал несколько языков, переговоры в основном вели между собой компьютеры, а это ему ничего не давало.

«Ну хорошо, — сказал он себе. — Попробуем все правильно сформулировать. Речь должна быть грамотной».

97. СКИФ

Дэнни запиналась, произнося тщательно подготовленную речь. Она старалась усилить аргументацию, но Хикахи остановила ее.

— Доктор Судман. Не нассстаивайте! Наша следующая остановка все равно остров. Мы возьмем Тошио, если он еще там. И, возможно, будем иметь дело с Такката-Джимом. Выступим, как только Крайдайки закончит.

Дэнни почувствовала, как проходит напряжение. Итак, теперь от нее ничего не зависит. Делом займутся профессионалы. Она может расслабиться.

— Сколько?..

Хикахи покачала головой.

— На сей раз Крайдайки не предвидит хорошего результата. Много времени не потребуется. Почему бы вам с Сахотом пока не отдохнуть?

Дэнни кивнула и повернулась, чтобы отыскать место в крошечном трюме и лечь.

Сахот плыл рядом с ней.

— Слушай, Дэнни, раз уж мы отдыхаем, хочешь попробовать массаж?

Дэнни рассмеялась.

— Конечно, Сахот. Только не очень увлекайся, ладно?

Крайдайки пытался еще раз договориться с ними.

: МЫ В ОТЧАЯННОМ ПОЛОЖЕНИИ: КАК И ВЫ КОГДА-ТО: МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ПОМОЩЬ МАЛЕНЬКИМ
НЕЗАВЕРШЕННЫМ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ: НАДЕЖДУ ВЫРАСТИ НЕСЛОМЛЕННЫМИ:

: НАШИ ВРАГИ КОГДА-НИБУДЬ ПРИЧИНЯТ ВРЕД И ВАМ: ПОМОГИТЕ НАМ:

В ответ донеслось пульсирование. В нем замкнутость, давление, жар расплавленной магмы. Песня, полная клаустрофобии, хвалы твердому камню и текучему металлу.

+ ПРЕКРАТИ —

— МИР +

+ СВОБОДА!! —

— ИЗОЛЯЦИЯ +

Вслед за скрипом механизма неожиданно наступила тишина. Старый робот, долго провисевший на двухкилометровой глубине в узкой шахте, был уничтожен.

Крайдайки прощелкал знакомую фразу на тринари:

Вот и все

Ему хотелось снова погрузиться в сон. Но на уровне реальности для этого не было времени.

Сейчас важнее уровень реальности, в котором для него существует долг. Может быть, позже. Позже он снова навестит Нукапай. Может, тогда она покажет ему то невыразимое, что услышала на смутном пути предвидения.

Он направился к шлюзу маленького корабля. Увидев его, Хикахи начала прогревать двигатели.

98. ТОМ ОРЛИ

— ...небольшая группа дельфинов замечена в нескольких сотнях пактаров от этого места! Они быстро движутся на север. Могут появиться здесь, чтобы узнать, что за схватка тут происходила. Торопитесь! Нужно ударить!

Том щелкнул в передатчик. Голова болела от необходимости сосредоточиться, чтобы бегло говорить на галактическом-десять. Он не думал, что Братья Ночи примут его за одного из своих

исчезнувших разведчиков. Для осуществления плана это неважно. Он хотел только пробудить их интерес перед заключительным ударом.

Он переключил частоту и поджал губы, готовясь заговорить на галактическом-двенадцать.

Вообще-то это забавно! Отвлекает от усталости и голода, удовлетворяет эстетическое чувство, даже если из-за этого за ним явятся все патроны со своими клиентами.

— ...Воины паха! Паха-аб-Клепшко-аб-пьюбер-аб-соро-аб-хул! Передайте хозяйке флота соро, что у нас есть новости!

Том думал о каламбуре, который имеет смысл только на гал-двенадцать. Впрочем, соро этого не поймет.

99. ДЖИЛЛИАН

Неожиданно все флоты пришли в движение. Небольшие группы кораблей пронеслись по полю сражения и объединились среди спутников Китрупа, направляясь к планете. Сближаясь, они вились друг около друга, вспыхивали огоньки взрывов.

Что бы ни происходило, для Джиллиан это был шанс.

— Доктор Бассскин! Джиллиан! — В коммуникаторе послышался голос Тшут. — Мы принимаем радиосообщение с поверхности планеты. Передатчик один, но передача идет попеременно на разных галактических языках. Я готова поклясться, что голос один и тот же!

Джиллиан наклонилась вперед и коснулась переключателя.

— Иду, Тшут. Вызовите всех, кто сейчас на вахте. Остальные пусть еще немного отдохнут. — И она выключила передатчик.

«О Том, — вздохнула она, торопясь к выходу. — Зачем это? Неужели не мог придумать что-нибудь поэлегантнее? И менее отчаянное?

Конечно, не мог, — выругала она себя и побежала по коридору. — И хорошо, Джилл. По крайней мере не «пили» его».

Через несколько мгновений она оказалась на мостике и стала слушать.

100. ТОШИО

Загнанный, Тошио даже не мог взобраться на дерево. Они слишком близко и, услышав его движения, будут рядом.

Он слышал, как они крадутся, сужая круги. То-

шио сжал игольник и решил напасть первым. Но у него ручное оружие против мощных лазеров, и к тому же он не снайпер, как Том Орли. Вообще он еще ни разу не стрелял в разумное существо. А ждать здесь еще хуже.

Он пригнулся и пополз к берегу. Старался не сломать ни веточки, но через минуту вспугнул какое-то мелкое животное, которое с шумом побежало через кусты.

И тут же Тошио услышал звук приближающегося механизма. Он быстро нырнул в куст и вынырнул оттуда прямо перед широкой ногой «паука».

Поймал! Поймал!

Последовал торжествующий крик. Тошио поднял голову и встретился взглядом со Срика-полом. Фин улыбался, заставляя «паука» поднять ногу.

Тошио успел откатиться в сторону, нога обрушилась на то место, где он только что лежал. Он перекатился в обратном направлении, снова избежав удара. «Паук» откинулся, пуская в ход обе передние ноги. Тошио не видел, куда ему свернуть. Он выстрелил в бронированное брюхо машины, и тонкие иглы, не причинив вреда, отлетели в лес.

Снова торжествующий вопль на чистом прайм-мале:

Поймал!

И тут остров вздрогнул.

Земля поднялась и опустилась. Тошио отбросило вправо, головой он ударился о почву. «Паук» пошатнулся и упал в лес.

Дрожь почвы усилилась. Тошио сумел перевернуться на живот. Он пытался удержаться на месте.

С грохотом на поляне столкнулись два «паука». Один пронесся мимо Тошио в панике. Но другой заметил его и гневно завизжал.

Тошио пытался прицелиться, но в этот момент дрожащая почва начала наклоняться. И он, и безумный дельфин старались выстрелить первыми.

Вдруг на обоих обрушился вопль, эхом отдавшийся в голове.

+ ПЛОХИЕ! —

— ПЛОХИЕ! +

+ ОСТАВЬТЕ —

— НАС +

+ В ПОКОЕ! —

От этого вопля Тошио застонал и схватился за

виски. Пистолет выскользнул из руки и упал на все более наклоняющуюся поверхность.

Дельфин резко свистнул, его «паук» упал в конвульсиях. Послышался жалобный вопль:

Прости! Прости!

Патрон, прости!

Прости!

Тошио двинулся вперед.

— Ты прощен, — бросил он на ходу. С шизоидно-преображенным фином ему нечего делать. — Иди за мной, если сможешь! — крикнул он, пытаясь пробраться к берегу. Шум в голове походил на землетрясение. Каким-то образом Тошио удержался на ногах и начал пробираться сквозь лес.

Добравшись до берега, он увидел, что море покрыто пеной. Он посмотрел вправо и влево: везде одно и то же.

В этот момент раздался рев двигателей. Тошио оглянулся и увидел, как в ста метрах от него разлетается сорванная растительность. Над наклоняющимся лесом поднимался металлически-серый баркас. Его окружал сверкающнй ореол ионизации. Холодок пробежал по спине Тошио. По острову пронеслась антигравитационная волна. Корабль медленно, неуверенно

повернулся. Затем с громом устремился в небо.

Тошио упал, когда на него обрушилась волна.

Нельзя терять времени. Либо Чарлз Дарт успел уйти, либо нет. Тошио натянул на лицо маску, придержал ее одной рукой и прыгнул.

— Ифни, хозяйка! — взмолился он. И упал в бурные воды.

101. ГАЛАКТЫ

Над планетой небольшая флотилия израненных кораблей задержалась, вступив в бой.

Корабли покинули укрытия на спутниках Китрупа, все поставив на то, что странная передача с северного полушария планеты человеческого происхождения. На пути вниз группы обрушивались друг на друга со своими тающими силами, но тут неожиданная волна пси-шума хлынула на все пестрое собрание. Она шла с планеты и была неожиданно сильной, проникла через все защитные поля, на время выведя из строя экипажи.

Корабли продолжали опускаться к планете, но выжившие члены экипажа оказались не в состоянии вести огонь и прицеливаться.

Если бы этот удар был оружием, он лишил бы половину кораблей экипажей. Но этот крик гнева

и отчаяния отразился только в головах, и лишь немногие сошли с ума.

Долго крейсеры плыли бесконтрольно, опустившись в самую толщу атмосферы.

Но вот пси-крик начал слабеть. Гнев уменьшился, оставив горящие отпечатки в памяти, и ошеломленные члены экипажей начали постепенно приходить в себя.

Ксатинни и их клиенты, которых отнесло от остальных, осмотрелись и поняли, что больше не хотят сражаться. Они решили принять предложение удалиться. Четыре избитых корабля покинули систему Ктсимини со всей скоростью, какую позволяли двигатели.

Дж'8лек приходили в себя медленнее. Потеряв сознание от крика, они оказались среди кораблей Братьев Ночи. Братья пришли в себя раньше и использовали корабли Дж'8лек для тренировок стрельбы по целям.

Совершенное оборудование позволило двум военным кораблям йофуров опуститься на склон дымящейся горы, намного южнее их первоначального назначения. Автоматическое оружие продолжало поиски врага, пока йофуры приходили в себя. Наконец, когда ошеломляющий пси-шум стих, экипаж начал восстанавливать

контроль над кораблями.

Йофуры уже были готовы к взлету, чтобы направиться на север и присоединиться к столкновению, когда вершина горы взорвалась в потоке перегретого пара.

102. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Джиллиан стояла с отвисшей челюстью, пока скрежещущий «звук» не начал стихать. Она с трудом сглотнула. В ушах хлопало, она потрясла головой, чтобы сбросить оцепенение. Потом увидела, что все дельфины смотрят на нее.

— Это было ужасно! — сказала она. — Как все остальные?

Тшут с облегчением вздохнула.

— Мы в порядке, Джиллиан. Только что засекли исключительно мощное пси-извержение. Оно легко пробило нашу защиту и на несколько минут вывело нас из строя. Но, кроме некоторого неудобства, мы больше ничего не ощутили.

Джиллиан потерла виски.

— Должно быть, повышенная чувствительность сделала меня уязвимой. Будем надеяться, что больше нападений со стороны ити не последует... — Она замолчала. Тшут качала головой.

— Джиллиан, я не думаю, что это ити. Во всяком случае нацелено не на нас. Приборы свидетельствуют, что источник излучения очень близко, причем он намеренно нацелен так, чтобы не задеть китообразных! Ваш мозг аналогичен нашему, поэтому вы ощутили только легкий удар. Свесси тоже сообщил, что сильного удара не получил. Но, я думаю, галактам пришлось трудно в этой пси-буре!

Джиллиан вторично покачала головой.

— Не понимаю.

— Значит, нас двое. И вот что я вам скажу: вероятно, нам это и не надо. Но почти в то же самое время зарегистрирован мощный подземный толчок примерно в двухстах километрах отсюда. Волна в коре только докатилась до нас.

Джиллиан поплыла в стеклянный шар мостика. Дельфин-лейтенант концом челюсти указала на шарообразную модель планеты.

Недалеко от «Стремительного» вспыхивали красные символы.

— Это остров Тошио! — сказала Джиллиан. — Чарли все-таки уберег одну бомбу!

— Прошу прощения? — Тшут выглядела смущенной. — Но, мне казалось, Такката-Джим конфисковал...

— Взлет корабля! — прокричал офицер из секции обнаружения. — Антигравитация и стасис. С того же места, где зафиксированы сотрясения в коре. В ста пятидесяти километрах отсюда. Продолжаем слежение. Корабль на скорости в два Маха направляется на восток!

Джиллиан взглянула на Тшут. Их пронзила одна и та же мысль: Такката-Джим.

Джиллиан видела вопросительное выражение глаз лейтенанта-дельфина.

— Возможно, очень скоро придется действовать. Продолжайте следить за его направлением. Поднять весь экипаж!

— Есть, сэр. Тех, кто не проснулся за последние минуты. — Тшут повернулась и передала приказ.

Через несколько минут затрещал боевой компьютер.

— Что на этот раз? — спросила Джиллиан.

На шаре, изображавшем Китруп, появилась неровная цепочка ярко-желтых огоньков. Она начиналась у острова Тошио.

— Какая-то детонация, — заметила Тшут. — Компьютер интерпретирует это как бомбардировку, но мы не видели ни одного снаряда! И почему такой разброс? Детонация происходит

узкой полосой.

— Еще пси-помехи! — объявил оператор. — Сильные! И из многочисленных источников по всей планете.

Джиллиан нахмурилась.

— Это вовсе не бомбардировка. Я видела этот рисунок. Он совпадает с границей плиты коры. Вероятно, это вулканы. Вероятно, так местные жители проявляют свое недовольство.

— Что? — недоуменно спросила Тшут.

У Джиллиан было задумчивое выражение, словно она смотрела куда-то далеко.

— Я думаю, что начинаю понимать происходящее. Нужно поблагодарить капитана Крайдайки, что пси-удар не затронул дельфинов.

Дельфины смотрели на нее. Джиллиан улыбнулась и похлопала Тшут по боку.

— Не беспокойтесь, фем-фин. Это долгая история, но со временем я объясню. Думаю, что самыми серьезными последствиями станут землетрясения, и они скоро начнутся. Мы их выдержим?

Лейтенант-дельфин нахмурилась. Она не понимала, как люди могут так стремительно менять тему.

— Я думаю, да, Джиллиан. Пока вот это остается

на месте. — Она указала через иллюминатор на утес, нависший над их гибридным кораблем.

Джиллиан посмотрела на скалу сквозь щели в корпусе теннанинца.

— Об этом я забыла. Не спускайте с него глаз.

Она повернулась к голограмме, наблюдая, как распространяется область сотрясений.

«Торопись, Хикахи! — про себя позвала она. — Бери Тошио и остальных и возвращайся сюда! Я вскоре должна принимать решение, и ты можешь опоздать!»

Проходили минуты. Несколько раз вода начинала дрожать, слышался низкий гул.

Джиллиан смотрела на синий шар Китрупа. Полоска желтых огней протянулась на север, напоминая рану в боку планеты. И вот желтые огни слились с небольшой группой островов на севере.

«Том», — вспомнила Джиллиан.

Неожиданно вскочил оператор-связист.

— Командир, идет передача! На чистом англике!

103. ТОМ ОРЛИ

Он неуклюже держал микрофон, не приспособленный для руки человека. Том провел языком по растрескавшимся губам. Повторять речь еще раз некогда. В любой момент могут нагрянуть гости.

Он нажал клавишу передачи.

— Крайдайки! — отчетливо заговорил он. — Слушай внимательно! Запиши и передай Джиллиан! Она истолкует!

Он знал, что его передачу слушают все корабли в ближнем космосе. Вероятно, прямо к нему их направляется множество. И если его новая ложь будет убедительна, их явится еще больше.

— Прямая линия связи с кораблем нарушена, — сказал он. — А сто километров — долгий путь для доставки сообщений, поэтому я рассчитываю на новый код. Надеюсь, он еще не расшифрован.

Пусть галакты подумают над этим. А теперь — настоящее сообщение на «Стремительный», в котором содержится информация о том, что он узнал:

«Джилл. Наше яйцо проклюнулось, милая. Весь зоопарк разбежался. Звери свирепые!

Но я нашел оборванный образчик того, что мы

искали. Я слышал, что он все еще продается, но ключи высоко. Вы с Х и К должны принимать решение на этом основании.

Вспомни, что говорил нам старик Джейк Демва, когда мы с ним были в центральной Библиотеке на Танит. Помнишь, что он говорил о предчувствиях? Расскажи об этом Крайдайки. Ему решать, но я настаиваю: следуйте совету Джейка».

Он чувствовал, как ком подкатывает к горлу. Пора заканчивать. Нет смысла сильно намекать ити.

«Джилл! — Он кашлянул. — Милая, я выхожу из игры. Отвези Херби и всю остальную информацию в Совет. Мне остается только верить, что игра стоила свеч».

Он закрыл глаза и сжал микрофон.

«Когда встретишься со старым Джейком, выпейте за меня».

Он хотел сказать еще что-то, но понял, что и так сказал слишком много и откровенно. Нельзя дать лингвистическим компьютерам галактов возможность расшифровать смысл его сообщения.

Он поджал губы. И попрощался на языке, который хорошо для этого приспособлен:

Мимо плывут лепестки,

Плывут по руке моей женщины,
И она вспоминает меня

Затем прервал связь.

Встал и вынес аппаратуру наружу. Осторожно подошел к краю открытого бассейна и бросил передатчик в воду. Если кто-то засек резонанс его кристаллов, ити придется за ним нырять.

Постоял у бассейна, глядя, как ползут низкие облака, темные и тяжелые от непролитого дождя.

Теперь они могут появиться в любую минуту. Оружие у него на поясе, там же трубка для дыхания и полная фляжка. Он готов.

И в этот момент напряженного ожидания на горизонте заворчал вулкан, потом кашлянул и гневно выбросил в небо яркие огни.

Мостик расплылся. Перед глазами Джиллиан все слилось. Она моргнула, но слез не было. Не пролились, как драгоценная защита глаз.

— Будем отвечать? — спросила Тшут.

Джиллиан покачала головой. Нет, попыталась она сказать. Но произнесла это слово мысленно. Телепатически она ощущала сочувствие остальных.

«Как мне его оплакивать, — подумала она, — если я все еще ощущаю его присутствие? Он еще

жив где-то там.

Как мне его оплакивать?»

Она почувствовала движение воды: осторожно, стараясь не потревожить ее, приблизился фин и стал что-то докладывать Тшут.

Джиллиан закрыла горящие глаза. Слезы наконец хлынули по ее щекам. Она не могла стереть их под маской. Когда открыла глаза, зрение прояснилось.

— Я слышала, Ватгасети. В какую сторону направился Такката-Джим?

— К галактическим флотилиям, капитан. Но эти флоты погрузились в хаос! После этого пси-удара они жгут друг друга. И большая часть схватки происходит... над позицией мистера Орли.

Джиллиан кивнула.

— Подождем еще немного. Переходите в состояние боевой готовности и немедленно информируйте меня обо всем.

На посты вызвали всех, кто не был на вахте. Свесси и Д'Анит доложили, что двигатели прогрелись.

«Последняя возможность, Хикахи, — подумала Джиллиан. — Придешь?»

— Джиллиан! — крикнул Лаки Каа. Механической рукой он указывал на иллюминатор.

— Утес!

Джиллиан торопливо взглянула в этом направлении. Утес дрожал. По нему прошли большие трещины.

— На старт! — приказала Джиллиан. — Тшут, уноси нас отсюда!

104. ГАЛАКТЫ

Куллкуллабра низко поклонился соро Крат.

— Сообщение человека переведено? — рявкнула она.

Могучий пила снова поклонился и слегка попятился.

— Не полностью, мать флота. Человек говорил на двух несовершенных языках — англике и тринари. У нас, конечно, есть программы перевода для обоих, но они так хаотичны и контекстуальны, что вообще не похожи на языки цивилизованных существ...

Библиотекарь вздрогнул, когда Крат обратилась к нему.

— У тебя есть что-нибудь?

— Госпожа, мы считаем, что последняя часть сообщения — на тринари — самая важная. Это может быть приказ клиентам, или...

Тяжелая линг-слива пролетела в нескольких дюймах от его головы. Библиотекарь быстро попятился.

— Гипотезы! Предположения! — бушевала Крат. — Даже танду вне себя от возбуждения и шлют экспедицию за экспедицией к тому месту планеты, откуда пришло сообщение. И мы должны последовать их примеру.

Она оглянулась. Экипаж избегал ее взгляда.

— У кого-нибудь есть гипотеза, объясняющая этот неожиданный пси-удар, который вывел из строя всех разумных в системе? Может, и это выдумка землян? А вулканы — тоже их хитрость?

Экипаж старался выглядеть одновременно внимательным и занятым. Никто не рискнул заговорить с рассерженной матерью флота.

Из секции обнаружения показался воин паха.

— Госпожа, — объявил он. — Мы не заметили этого из-за вулканов, но с планеты поднялся корабль.

Крат почувствовала прилив радости. Этого-то она и ждала! Хотя она и послала свои корабли к месту радиосообщения, основные силы флота сохранились при ней.

— Отвлекающие маневры! Все это были отвлекающие маневры! Радиосообщение, пси-удар,

даже вулканы!

Конечно, ей хотелось бы знать, как землянам удалось осуществить два последних отвлекающих маневра. Но этот вопрос будет решен, когда поймают и допросят людей и их клиентов.

— Земляне выждали, пока битва переместится к планете, — сказала она. — И теперь пытаются уйти! Мы должны...

Подошел Куллкуллабра и поклонился.

— Госпожа, я провел глубокий поиск в Библиотеке и, как мне кажется, знаю источник пси и...

Глаза пила выпучились: Крат ударила его в живот своим брачным когтем. Крат встала, схватила библиотекаря и швырнула его безжизненное тело об стену.

Постояла, глубоко вдыхая запах смерти. Ну, по крайней мере из-за этого убийства неприятностей не будет. Ведь идиот-пила действительно прервал ее! Никто не скажет, что она была не вправе разделаться с ним!

Она втянула коготь. Конечно, не сравнится с самцом ее рода: тот ведь может и ответить, но все равно хорошо.

— Расскажи о корабле землян, — сказала она паха.

Крат заметила, что он подождал несколько

секунд, прежде чем заговорить.

— Госпожа, — сказал он. — Это не главный их корабль. Похоже на какой-то разведчик.

Крат кивнула.

— Посол. То-то я так удивлялась, почему они не пытаются договориться о сдаче. Необходимо перехватить этот корабль. Мы должны действовать, прежде чем его обнаружат танду.

— Пусть наши новые теннанинские союзники идут в тылу. Я хочу, чтобы они поняли: в этом деле они младшие партнеры.

— Госпожа, теннанинцы уже готовятся покинуть нас. Они хотят присоединиться к схватке над поверхностью планеты.

Крат хмыкнула.

— Пусть. Наши силы снова равны силам танду. А теннанинцы почти бессильны. Пусть уходят. А мы займемся разведчиком.

Она села на влетуровую подушку и загудела про себя.

Скоро, скоро.

Хозяева требуют слишком многого. Как может акцептор достоверно докладывать, когда одновременно происходит столько всего.

Это прекрасно! Все происходит в один момент! Сверкающие вспышки над поверхностью пла-

неты... яркие горячие вулканы... и этот гневный пси-рев, который недавно испустила сама планета!

Гнев все еще кипит и пенится. Почему хозяева не интересуются таким уникальным явлением? Пси-сигналы из глубин планеты? Акцептор мог бы так много рассказать танду об этом гневном голосе, но их интересует только, как его заглушить. Он отвлекает их и делает уязвимыми.

Акцептор же воспринял его как благословение, пока его снова не наказали. Хозяева применили нервный хлыст. Ноги акцептора дернулись: неприятное ощущение проникло в мозг.

Должно ли «наказание» изменить его поведение в этот раз? Акцептор задумался.

И решил игнорировать «боль». Пусть льстят или кричат. Акцептора очаровали гневные голоса, исходящие снизу, и он стал слушать их очень внимательно.

105. СКИФ

— Какого дьявола?..

Дэнни скатилась со своей полки и упала в воду. Сахот запищал. Корабль неожиданно встал на дыбы.

И вдобавок к физическому неудобству на них навалилось психическое. Дэнни хлебнула воды и ухватилась за распорку. Ей хотелось зажать уши.

— Прекратите, — простонала она. Она пыталась использовать технику, которой обучал ее Тошио... чтобы ритм ударов сердца совпадал со скрежещущим шумом в голове. Она почти не слышала, как Сахот крикнул:

— Это они!

Фин клювом нажал кнопку люка и заторопился по коридору. Он ворвался в тесную контрольную рубку.

— Крайдайки! — начал он, забыв, что капитан его не понимает. — Это они! Голоса снизу!

Крайдайки взглянул на него, и Сахот понял, что капитан уже знает. Он как будто и не удивился. Крайдайки негромко напевал мелодию приятия. Он казался удовлетворенным.

Со своего места пилота Кипиру объявил:

— Регистрирую поток нейтрино и антигравитации. Прямо по курсу! Взлетает небольшой корабль.

Хикахи кивнула.

— Вероятно, Такката-Джим. Надеюсь, Джиллиан была права, когда приняла меры.

Они продолжали двигаться под водой на во-

сток. Полчаса спустя Кипиру снова крикнул:

— Еще антигравитация! Большой корабль! Взлетает на юго-запад!

Крайдайки плавниками ударил по воде.

Вверх, вверх!

Вверх и смотрите!

Смотрите!

Хикахи кивнула Кипиру.

— Поднимись на поверхность.

Скиф вынырнул. Мимо иллюминаторов скользнули водоросли.

Все столпились у южного иллюминатора и смотрели, как на горизонте появился клинообразный предмет, медленно набирая скорость, поднялся в небо. Видели, как он пролетел на юг, достиг скорости звука и наконец исчез в облаках.

Смотрели, пока след «Стремительного» не рассеялся в небе Китрупа.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВОСТОРГ

Это парни, которые всегда обгоняют ветер.

Герман Мелвилл

106. ТОШИО

Тошио плыл изо всех сил, волны старались оттащить его назад. Борясь с течением, он пробивался в открытый океан. И, когда почувствовал, что руки и ноги отказывают, добрался до спокойной воды. С горящими легкими повернулся и увидел, как остров, оставшийся теперь почти в двух километрах, медленно погружается в пропасть.

Но это погружение кратковременное. Деревосверло не завершило свою работу, когда они с Дэнни взорвали его. Как только ствол будет забит, остров, вероятно, остановится.

Со всех сторон донеслись глухие взрывы. Тошио огляделся. Деревья на островах раскачивались во всех направлениях, как от ветра. На некотором

расстоянии он увидел три столба пара и дыма, поднимающиеся над равниной моря. Слышался рев подводных землетрясений.

Неужели из-за одной маленькой бомбы? Несмотря на все пережитое, Тошио спокойно рассуждал о происходящем. Ему ничего не оставалось, кроме рассуждений о том, как лучше умереть. Он испытывал странное ощущение свободы.

«А если бомба высвободила поток магмы? — подумал Тошио. — Если где-то и должен был бы появиться вулкан, то, мне кажется, в шахте этого дерева-сверла. Но, наверное, остров заткнул эту шахту».

Металлический остров, который две недели был его домом, будто бы перестал погружаться. Над водой виднелись только вершины деревьев.

Тошио подумал о судьбе Чарлза Дарта. Он не мог себе представить, чтобы шимпанзе уплыл далеко. Вероятно, это к лучшему. Во всяком случае быстрая смерть.

Отдохнув, Тошио почувствовал себя бодрее. И снова поплыл.

Минут через двадцать послышался низкий гул. Тошио обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как отдаленный остров покачнулся от сильного

взрыва. Во все стороны разлетелась грязь и растительность. Сам остров приподнялся, раскололся надвое и снова опустился в облаке пара.

107. ТАККАТА-ДЖИМ

— Вызываю военный флот! Вызываю военный флот спереди! Говорит лейтенант Такката-Джим из Земной Исследовательской Службы. Я хочу начать переговоры. Пожалуйста, ответ-тьте!

Приемник молчал. Такката-Джим выругался. Радио должно работать. Он снял его с саней Томаса Орли, а у этого человека оборудование всегда в порядке. Почему же галакты не отвечают?

Баркас должен управляться несколькими членами экипажа. Неожиданное уничтожение острова заставило его бросить стеносов. И теперь никто не может ему помочь. Ему приходится одновременно работать за двоих или троих.

Он смотрел на тактический дисплей. С севера галактики к нему приближается группа желтых огней. Она ничтожно мала по сравнению с огромной армадой, которая появилась здесь, в системе, несколько недель назад. Но все же обладает огромной огневой мощью. И направляется прямо к нему.

Вселенский хаос. Планета в пятнах выделяющейся энергии — столбы пара над вулканами, проснувшимися в море. А над северным полушарием продолжается битва.

Такката-Джим уменьшил масштаб изображения на дисплее и увидел другой флот. Он тоже направлялся прямо к нему.

Эфир заполнен голосами. Импульсная модуляция, частотная модуляция, модуляция пучка первичных электронов — вся шкала задействована в этом смятении. Может, поэтому его никто не слышит?

Нет. У галактов совершенные компьютеры. Должно быть, барахлит его оборудование. Некогда было проверить перед стартом!

Такката-Джим нервно смотрел на карту.

Он плывет навстречу стае хищных акул, надеясь вступить в переговоры и обеспечить безопасность «Стремительного» и его постепенное освобождение. Но тут он вспомнил выражение лица Джиллиан Баскин, когда неделю назад предложил отдать все сведения галактам как выкуп. Метц тогда поддержал его, но теперь в памяти всплыло лицо женщины. Она с жалостью посмотрела на него и сказала, что фанатики не подчиняются разуму.

— Они все возьмут, вежливо поблагодарят нас, а потом сожгут в масле, — заметила она.

Такката-Джим мотнул головой.

«Не верю. Это все же лучше, чем ее прожект!»

Он смотрел на тактическую голограмму. Первый флот уже всего в ста тысячах километров. Компьютер наконец выдал данные. Это боевые корабли соро.

Соро! Такката-Джим ощутил горечь желчи из первого желудка. Вспомнил все, что слышал о соро.

А если они начнут стрелять первыми? Если их вообще не интересуют пленные? Он посмотрел на приборы собственного оружия. Жалкое вооружение, но...

Механическая рука включила рубильник... все-таки хоть какое-то утешение.

108. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Оба больших флота повернули к Такката-Джиму!

Джиллиан кивнула.

— Продолжайте сообщать мне, Ваттасети. — Она повернулась. — Тшут, сколько времени нас еще будут скрывать эти тектонические сдвиги?

— Наша антигравитация уже пять минут как может быть зарегистрирована. Не думаю, чтобы нас скрыли вулканы. Если хотим вырваться, нужно набирать высоту.

— Нас сканируют с дальнего расстояния! — крикнул оператор детектора. — Интересуются несколько кораблей, воюющих над Орли!

— Вот и все, — заметила Тшут. — Пора.

Джиллиан покачала головой.

— Дайте мне еще минут пять, Тшут. Дерущиеся на севере меня не тревожат. Укройте меня еще ненадолго от основных флотов.

Тшут развернулась в оксиводе, оставив за собой цепочку пузырей.

— Лаки Каа! Держи курс на юго-запад, к этому новому вулкану!

Джиллиан напряженно смотрела на дисплей. Маленькая голубая искра обозначала баркас, летящий навстречу группе из тридцати больших точек.

— Давай, Такката-Джим, — про себя сказала Джиллиан. — Я думаю, что поняла тебя. Докажи, что я права!

От лейтенанта-изменника по радио не пришло ни звука. Должно быть, Тошио исполнил свой долг — вывел из строя все установки на острове.

Голубая искра в ста тысячах километров от врага.

— Телеметрия! Такката-Джим привел в действие свое оружие! — объявил Ватгасети.

Джиллиан кивнула.

«Я это знала. Он ведь почти человек. Надо быть очень сильной личностью — не только для того, чтобы атаковать, но и чтобы прервать связь с кораблем».

Еще немного...

— Джиллиан! — воскликнул офицер у детектора. — Не могу поверить! Такката-Джим...

Джиллиан чуть печально улыбнулась.

— Попробую угадать. Такката-Джим ведет огонь по всему флоту. — Тшут и Ватгасети повернулись к ней, глядя широко раскрытыми глазами. Она пожала плечами.

— Каковы бы ни были его грехи, никто не скажет, что Такката-Джим трус.

Джиллиан улыбнулась, чтобы скрыть свою нервозность.

— Всем приготовиться.

109. ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим закричал и схватился за рычаг. Не работает! Приборы управления огнем включились без его приказа!

Каждые несколько секунд маленький корабль вздрагивал: из единственной торпедной установки уходил очередной снаряд. Из носа баркаса вырывались небольшие вспышки антиматерии, автоматически направлявшиеся на ближайший вражеский корабль.

Необыкновенно удачный выстрел: передовой корабль соро раскрылся, как цветок. Неожиданность нападения преодолела защиту, способную противостоять вспышке новой.

Такката-Джим выругался и еще раз отключить управление огнем. Не получилось.

Весь флот соро повел ответный огонь. Такката-Джим закричал и начал маневрировать. С врожденным дельфиньим ощущением трехмерности пространства он уходил от потоков заряженных частиц и близких разрывов.

Оставалось только одно. Такката-Джим послал свой корабль навстречу второму флоту. Там видели его нападение. Если он доживет до встречи

с ними, его посчитают союзником.

Он устремился в пространство, преследуемый стадом бегемотов.

110. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора, Джиллиан?

— Почти, дорогая. Еще минуту.

— Корабли на сссевере как будто приняли решение. Некоторые из них поворачивают... Поправка, вся схватка движется на юг, в нашу сторону!

Джиллиан не могла не обрадоваться, что бой уходит от Тома. В конце концов это только ответная любезность.

— Хорошо. Выбирайте траекторию. Я хочу направиться к востоку от плоскости эклиптики, как только второй флот повернет к баркасу.

Тшут нетерпеливо вздохнула.

— Есть, сэр. — Она поплыла на место пилота и стала разговаривать с Лаки Каа.

111. ТОМ ОРЛИ

Он поднял голову над поверхностью бассейна, в котором прятался.

Куда все так неожиданно исчезли?

Минуту назад небо сверкало от пиротехники. Сверху падали горящие корабли. Теперь он заметил высоко вверху только несколько отставших. Все они направлялись на юг.

Через мгновение он догадался.

«Спасибо, Джилл, — подумал он. — Отомсти за меня!»

112. ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим раздраженно фыркал. Он был так занят, что управлять огнем ему было некогда. В отчаянии он посылал импульсы, стирая целые блоки компьютерной памяти. Наконец что-то сработало. Выключилась система управления огнем.

Такката-Джим лихорадочно повернул корабль влево, уходя от торпед.

Два флота быстро сближались, он находился между ними.

Такката-Джим собирался нырнуть во второй флот и зайти за него, показывая своими действиями то, что не мог передать по радио: он ищет защиты.

Но приборы не действовали! Он не мог завер-

шить маневр. Слишком много памяти стер.

Под прямым углом баркас уходил от обоих флотов.

И оба повернули за ним.

113. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора! — сказала она.

Пилота не нужно было подталкивать. Он уже добавлял ускорение. А теперь включил двигатели на полную мощность. Машины «Стремительного» взревели, и в атмосфере за кораблем появился длинный след ионизации.

Серое море исчезло под белым облачным одеялом. Горизонт изогнулся, превратился в дугу. «Стремительный» падал в океан звезд.

— Идут за нами. Те, что с севера.

— Сколько?

— Примерно двадцать. — Тшут прислушалась к нервной связи. — Они растянулись. Кроме относительно большой группы в тылу, вряд ли два из них принадлежат одной расе. Я слышу стрельбу. Преследуя нас, они продолжают сражаться друг с другом.

— А сколько в этой тыловой группе?

— Гм... шесссть, мне кажется.

— Ну, посмотрим, на что мы способны, когда разгонимся.

Планета уходила назад, Лаки Каа разгонял «Стремительный» в направлении, выбранном Джиллиан.

За горизонтом Китрупа шло сражение. Какое-то время корабль скрывался от него за корпусом планеты. Но вот они его увидели.

В миллионе километров от них пространство заполняли яркие взрывы и крики, едва проникавшие сквозь пси-экраны, но поднимавшие волосы дыбом.

Тшут заметила:

— Большие парни дерутся из-за Такката-Джима. Может, нам даже удастся уйти незамеченными, прежде чем нас догонят основные флоты.

Джиллиан кивнула. Жертва Тошио была не напрасной.

— Значит, наша проблема — меньшие парни в хвосте. Нужно их как-то стряхнуть. Нельзя ли укрыться за газовым гигантом? Сколько нам до него?

— Трудно сказать, Джиллиан. Может, час. Мы не можем использовать овердрайв в системе, у нас и так очень большая лишняя масса.

Тшут сосредоточенно прислушалась.

— Те, что у нас на хвосте, прекратили бить друг друга. Они, возможно, повреждены, но, я думаю, два самых больших корабля настигнут нас раньше, чем мы доберемся до газового гиганта..

Джиллиан посмотрела на голоэкран. Китруп превратился в небольшой шар в углу, за ним виднелись искорки битвы. По эту сторону многоточие показывало преследователей «Стремительного».

На переднем экране рос сверкающий шар с пастельными полосами. Огромная планета из замерзшего газа, гораздо больше Юпитера, медленно, но заметно увеличивалась.

Джиллиан поджала губы и негромко присвистнула.

— Что ж, если не можем от них уйти, попробуем засаду.

Тшут смотрела на нее.

— Джиллиан, это военные корабли! А мы всего лишь исследовательское судно класса «Снарк», да и то перегруженное!

Джиллиан улыбнулась.

— «Снарк» вырос, девушка. Корпус теннанинца нас не очень задержит. А мы можем придумать что-нибудь такое, чего никто не ожидает.

Она не сказала, что именно, хотела еще подо-

ждать, надеясь на чудо.

— Все ли грузы закреплены?

— Уставная процедура. Все сделано.

— Хорошо. Пожалуйста, соберите весь экипаж в центральный отсек. Пусть привяжутся чем смогут.

Тшут передала приказ, потом с вопросительным выражением повернулась к Джиллиан.

Та объяснила:

— Мы тихоходны, потому что у нас лишний вес. Они начнут стрелять, прежде чем мы укроемся за газовым гигантом, тем более достигнем уровня овердрайва. Скажите мне, Тшут, из чего состоит наш лишний вес?

— Из корпуса теннанинца.

— А еще?

Тшут выглядела удивленной.

Джиллиан намекнула загадкой:

Живое прикосновение
К самому движению —
О нем забываешь, как о воздухе,
Пока оно не исчезнет!

Тшут смотрела недоумевающе. И вдруг поняла. Глаза ее расширились.

— Очень хитро. Может сработать. Но хорошо,

что вы мне сказали. Экипажу понадобится снаряжение.

Джиллиан попыталась щелкнуть пальцами в воде и не смогла.

— Космические скафандры! Вы правы! Тшут, что бы я без вас делала!

114. ГАЛАКТЫ

— Сражение остатков флотов переместилось от планеты, — доложил воин паха. — Они уходят от Китрупа, преследуя большой корабль.

Соро Крат очистила линг-сливу от кожуры. Она попыталась сдержать нервную дрожь левой руки.

— Можешь опознать, кого они преследуют?

— Это не наша добыча.

Паха притворился, что не замечает вздоха облегчения матери флота при этом известии.

— Он слишком велик для земного корабля. Мы предполагаем, что это поврежденный теннанинец, однако...

— Да? — лукаво спросила Крат.

Паха колебался.

— Он странно себя ведет. Необыкновенно массивен, и моторы звучат не совсем по-тенна-

нински. Но он слишком далеко, чтобы данные о нем были точнее.

Крат хмыкнула.

— Каково наше положение?

— Танду идут параллельно, стреляют нам во фланг, мы отвечаем тем же. Мы оба преследуем разведчик Земли. Оба перестали стрелять по разведчику, если он не приближается к противоположной стороне.

Крат заворчала.

— Этот корабль уводит нас все дальше и дальше от планеты — нашей истинной добычи. Задумайся, возможно, такова цель разведчика?

Паха подумал, потом кивнул.

— Да, мать флота. Похоже на трюк тимбрими или волчат. Что ты приказываешь?

Крат переполняло раздражение. Это уловка! Но она не может прекратить погоню, иначе разведчиком завладеют танду. И чем дольше идет преследование, тем больше потери с обеих сторон.

Она швырнула сливу. Та попала в центр иероглифа Библиотеки. Испуганный пила вскочил и запищал, потом с ужасом посмотрел на эту дерзость.

— Передайте стандартный сигнал перемирия

три, — с отвращением приказала Крат. — Свяжитесь со сталкером танду. Надо положить конец этому фарсу и немедленно возвращаться к планете.

Сталкер танду еще раз спросил тренера:

— Ты можешь разбудить акцептора?

Тренер склонился перед сталкером, предлагая собственную голову.

— Не могу. Он в органастическом состоянии. Сверхстимуляция. Никакие воздействия не помогут.

— Значит, у нас нет возможности метапсихически исследовать эту странную погоню?

— Нет. Мы можем использовать только физические методы.

Ноги сталкера дернулись.

— Иди и отрежь себе голову. Прикажи положить ее в мои трофеи.

Тренер прохрипел согласие.

— Пусть новый тренер, что я воспитал, служит тебе лучше.

— Пусть. Но сначала, — сказал сталкер, — попытайся соединить меня с соро. Мне, конечно, придется отрезать ноги, которыми я буду вести с ними переговоры, но переговоры необходимы.

Буоулт откусил чешуйки с локтя и принялся расчесывать ими гребень. Его догадки правильные! Он увел оставшиеся шесть теннанинских кораблей из сражения соро с танду и вовремя оказался у планеты, чтобы присоединиться к преследователям. Десять избитых кораблей перед ними следуют за едва различимым объектом.

— Быстрее! — приказал он. — Остальные малочисленны. Соро и танду дерутся друг с другом, и мы — единственная значительная сила в этом районе. Мы должны их догнать!

Намного впереди теннанинцев капитан губру пригладил перья и каркнул.

— Мы их догоняем! Догоняем этот неуклюжий корабль! И смотрите. Мы теперь близко, и нам видно, что это излучения землян. Они летят внутри корпуса, но теперь мы достаточно близко, чтобы поймать их и заглянуть внутрь корпуса!

— Мы близко и поймаем их!

Конечно, неудача по-прежнему возможна. Но полное поражение — нет.

— Если не сможем их поймать, — сказал себе капитан, — то уничтожить — вполне.

115. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Впереди висел газовый гигант. Грузный «Стремительный» приближался к нему.

— Они ожидают, что мы, приблизившись, пройдем по крутой гиперболе, — заметила Тшут. — Обычно эта тактика хороша в планетарной системе. Быстрое прохождение вблизи планеты может резко изменить направление.

Джиллиан кивнула.

— Они ждут этого от нас, но не дождутся.

Они смотрели на экран, на котором три точки постепенно превращались в изображения боевых кораблей с ужасными шрамами и еще более ужасными орудиями.

Корабли преследователей становились больше, но и планета начинала вмешиваться.

— Все фины в безопасности?

— Да.

— Тогда выберите время, лейтенант. Вы лучше меня чувствуете бой в космосе. Вы знаете, что мы хотим сделать.

Тшут щелкнула челюстями.

— Сделаю, Джиллиан.

Они нырнули к планете.

— Ссскоро. Скоро они должны будут... — Глаза Тшут сузились. Она сосредоточилась на звуковых изображениях, передававшихся через нервную связь. На мостике было тихо, только щелкали сонары дельфинов. Джиллиан вспомнила о напряженной обстановке на человеческих боевых кораблях, когда половина экипажа, не замечая этого, начинает насвистывать сквозь зубы.

— Приг-готовиться, — передала Тшут в интерком в машинное отделение. Корабли преследователей исчезли за корпусом планеты.

— Пора! — крикнула Тшут, чтобы услышал Свесси. — Открыть задние шлюзы. Включить насосы. — Она повернулась к пилоту. — Запустить зонд-приманку! Максимальное боковое ускорение! Ускорение компенсировать полем стасиса, только на корме оставить одно «g». Повторяю, на корме гравитация одно «g»!

Половина приборов на контрольном щите вспыхнула красным светом. Предупрежденный экипаж закрепился, а из задних шлюзов «Стремительного» в вакуум устремился поток.

Капитан губру был озабочен тем, что корабль птака пытается его обогнать. Капитан обдумывал маневр уничтожения птака, но неожиданно его внимания потребовал главный компьютер.

— Они не сделали этого! — завопил капитан, недоверчиво глядя на экран. — Они не могли этого сделать. Они не могли найти такую дьявольскую уловку. Они не могли...

На экране корабль птака почти на световой скорости столкнулся с преградой, которой только что не было.

На их пути оказался всего лишь поток частиц газа. Но не ожидавший этого птака наткнулся, словно на прочную стену. На такой скорости любая преграда смертельно опасна.

— Поворот! — приказал капитан губру. — Огонь из всех орудий по добыче!

Вперед устремились лучи энергии, но наткнулись на непреодолимую стену между губру и быстро поворачивающим кораблем землян.

— Вода! — закричал он, прочитав отчет спектроскопа. — Барьер из водяного пара! Цивилизованная раса не может отыскать такую уловку в Библиотеке! Цивилизованная раса не может опуститься так низко! Цивилизованная раса не может...

И в этот момент корабль губру столкнулся с облаком снежинок.

Освещенный мегатонными взрывами, «Стремительный» шел по крутой дуге, которую несколько

минут назад не мог бы себе позволить. Шлюзы закрыли, и корабль медленно заполнялся воздухом. Появилась невесомость. Экипаж в скафандрах разлетелся по местам из трюма-убежища.

Из все еще залитого водой мостика Джиллиан следила за гибелью двух ближайших преследователей. Экипаж весело загудел, когда третий корабль попытался отвернуть, но не успел и столкнулся с рассеянным облаком. И сразу превратился в шар из плазмы.

— Остальные еще за газовым гигантом, — сказала Джиллиан. — После погони с Китрупа им кажется известной наша динамика. Они никогда не подумают, что мы сделали такой поворот.

Тшут выглядела менее уверенной.

— Возззможно. Мы выпустили зонд-приманку по нашему прежнему маршруту. Он подражает нашим излучениям. Возможно, они погонятся за ним.

— Во всяком случае им придется подходить по крутой и быстрой гиперболе.

— И мы сможем брать их по одному. — У Джиллиан слегка кружилась голова. Это их единственная надежда. Потом нужно будет затаиться и незаметно ждать. Ждать Хикахи и Крайдайки. Ждать еще одного чуда.

«Стремительный» застонал, меняя направление.

— Свесси сообщает, что стенные распорки под сильным напряжением, — доложил Лаки Каа. — Он спрашивает, собираетесь ли вы еще раз отключать стасис или делать другие маневры. Он называет их «дикими безумными женскими маневрами». Его слова, сссэр!

Джиллиан не ответила. Да Свесси и не ожидал.

В тот момент, когда «Стремительный» завершил резкий маневр, из-за газового гиганта показались еще два корабля.

— Уберите их, — сказала Джиллиан офицеру-дельфину. В голосе звучал гнев. За недели напряжения она себе этого не позволяла. — Действуйте, как хотите. Но уберите их!

— Есссть! — Тшут заметила сжатые кулаки Джиллиан. Она тоже это чувствовала.

Повернулась и обратилась к экипажу.

Терпеливо
Сносили мы оскорбления —
Терпеливо
Выдерживали зло —

Но теперь мы останавливаемся,

Мы больше не терпим —
Сон и логика
Соединяются в битве!!

Экипаж мостика приветствовал ее. «Стремительный» направился к удивленным врагам.

116. ГАЛАКТЫ

Голос матриарха соро звучал из коммуникационной паутины:

— Значит, договорились объединить силы?

Сталкер танду пообещал себе лишиться двух ног, а не одной из-за этого позорного договора.

— Да, — ответил он. — Если будем продолжать погоню по-прежнему, только истощим силы друг друга. Для паразитов вы, соро, сражаетесь хорошо. Объединимся и закончим погоню.

Крат для уверенности повторила:

— Мы клянемся Договором Номер Один, древнейшим и самым священным в Библиотеке, что захватим землян вместе, вместе извлечем информацию и вместе будем искать послов наших предков, чтобы они определили нашу судьбу.

— Согласен, — сказал танду. — А теперь закончим дело и займемся главной добычей.

117. ТАККАТА-ДЖИМ

Теперь он понимал, что имеют в виду люди, говоря о «катании на санях в Нантакете».

Такката-Джим устал. Ему казалось, он бежит уже много часов. Как только он пытался повернуть к одной группе, чтобы сдаться, другая начинала стрелять между ним и целью, не давая ему приблизиться, заставляя отходить.

Но вот он заметил длинную цепочку кораблей, уходящих от Китрупа в другом направлении. Не требовалось большой догадливости, чтобы понять, что туда же полетел «Стремительный».

«Все кончено, — подумал Такката-Джим. — Я пытался выполнить свой долг, как я его понимаю, и одновременно спасти свою жизнь. Теперь кости брошены. И план мой не удался.

Я проиграл. И теперь могу только выиграть для «Стремительного» несколько лишних минут».

Флоты перестали стрелять друг в друга, продолжая преследовать его. Такката-Джим понял, что они договорились.

Неожиданно ожил его приемник — сообщение на базовом гал-один. Сообщение простое: приказ остановиться и сдаться объединенному флоту

соро и танду.

Такката-Джим щелкнул челюстями. Ответить он не может, нет передатчика. Но если он остановится, они возьмут его в плен.

Он ждал, пока сообщение не повторили трижды. Потом начал сбавлять скорость... но медленно. Очень медленно. Он продолжал тянуть время.

Когда галакты приблизились и их сообщения звучали все более угрожающе, Такката-Джим вздохнул и снова включил боевой компьютер управления огнем.

Баркас вздрогнул, маленькие снаряды начали уходить от него. Такката-Джим снова увеличил скорость.

Когда оба флота выстрелили по нему, он, конечно, попытался увернуться. Неспортивно было бы сдаваться без боя.

Но энергии для серьезных маневров уже не оставалось. И в ожидании Такката-Джим начал стихотворение:

Самое печальное
Для дельфина, даже для меня —
Умереть в одиночестве...

118. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Засада за газовым гигантом оказалась неожиданной. Враг подошел близко, используя огромное тяготение планеты, чтобы пройти по крутой гиперболической орбите. И был не готов отразить нападение с фланга.

По сравнению с головокружительным финтом вражеских кораблей «Стремительный» был почти неподвижен. Он обрушился на два проходящих крейсера, выбросив на их траектории паутину антиматерии.

Первый из кораблей превратился в огненный шар прежде, чем компьютер «Стремительного» сумел опознать его. Его защитные экраны, вероятно, были повреждены во время битвы.

Второй крейсер оказался в лучшей форме. Его экраны зловеще сверкнули фиолетовым светом, а на корпусе вспыхнули яркие линии раскаленного металла. Но он миновал ловушку и начал отчаянно ускоряться.

— Он прошел наши мины, — объявила Тшут. — Жаль. Не было времени приготовиться получше.

— Не все же сразу, — ответила Джиллиан. — Вы сделали все прекрасно. Ему потребуется много

времени, чтобы вернуться к нам.

Тшут всмотрелась в экран и прислушалась к своему нервному гнезду.

— Если у него непорядок с двигателями, он может запоздать. Сейчас он идет по курсу столкновения с планетой!

— Хорошо. Оставим его и посмотрим, что с остальными.

Маневр «Стремительного» увел его от планеты и сблизил еще с пятью точками. Они видели засаду и сейчас спешно меняли курс.

— Увидим, сработает ли «Троянский морской конек», — сказала Джиллиан. — Те, первые, были близко и смогли понять, что у нас земные двигатели. Но эти гораздо дальше. Наложил ли Свесси рисунок излучения теннанинца, как мы договаривались?

Ватгасети утвердительно свистнул.

— Сделано. Свесси, правда, говорит, что это уменьшает мощность наших двигателей. Он напоминает, что у нас все же не теннанинские двигатели.

— Поблагодарите его от меня. А теперь наша жизнь зависит от того, насколько развито у них воображение. Правда, Том считал, что развито достаточно. Полную мощность на пси-защиту!

— Есть, ссэр!

Засветились экраны детекторов энергии: это приближающиеся корабли пустили в ход свои опознавательные лучи. Пестрое собрание приближающихся кораблей ити заколебалось, потом дрогнуло.

— Номера один, четыре и пять ускоряются, чтобы обогнать нас, — сообщила Тшут. Мостик наполнился весельем и хлопками дельфинов.

— А остальные?

Манипулятор Тшут указал на две точки на экране.

— Сбрасывают скорость и готовятся к бою! Мы получаем сообщение на галактическом-десять. Это ритуальный вызов на бой.

Тшут покачала головой.

— Они действительно считают, что мы теннанинцы! Но все равно хотят нас прикончить!

— Кто они?

— Братья Ночи!

На экране показались два приближающихся боевых корабля, темных и грозных.

Что делать? Джиллиан хранила непроницаемое выражение лица. Она знала, что фины следят за ней.

«Мы не можем уйти от них, особенно сейчас,

когда изображаем, что у нас двигатели теннанинца. И корпус на нас тяжелый. Но только глупец попытался бы сразиться с ними.

Глупый боец, как Том, — иронически подумала она. — Или Крайдайки. Если бы командовал один из них, я бы уже готовила для Братьев Ночи траурные венки».

— Джиллиан? — нервно спросила Тшут.

Джиллиан встряхнулась.

«Пора. Принимай решение».

Она посмотрела на приближающихся врагов.

— Прямо им в глотку, — сказала она. — Направляемся к Китрупу.

119. ГАЛАКТЫ

— Мы оставим половину нашего объединенного флота над планетой. Никто из оставшихся не посмеет вернуться теперь, когда мы объединились. Мы даже пошлем отряды, чтобы очистить спутники от затаившихся врагов и проверить, что произошло за газовым гигантом.

У сталкера танду теперь было не шесть ног, а только четыре. Соро Крат удивилась, какой несчастный случай произошел с предводителем ее неприятных Союзников.

Впрочем, это не важно. Крат мечтательно подумала о том дне, когда лично оторвет остальные ноги сталкера, а потом все его головные бутоны.

— Возможно ли, что смятение за планетой вызвано теми, за кем мы охотимся? — спросила она.

Танду на экране хранил непроницаемое выражение.

— Все возможно, даже невозможное. — Похоже на трюизм танду. — Но добыча не могла уйти, хотя силы преследователей невелики. Если они ее захватили, начнется борьба между захватившими. И когда прибудут наши объединенные силы, мы получим все. Очень просто.

Крат кивнула. Действительно просто.

«Скоро, — сказала она себе. — Скоро мы вырвем информацию у землян или выясним ее, просеивая обломки их корабля. И увидим своих предков.

Но надо будет оставить в живых несколько человек и их дельфинов после получения от них информации о местонахождении прародителей. Моим клиентам не нравится, когда я развлекаюсь с ними. Если я найду развлечение вне семьи, это убережет меня от неприятностей».

Она смутно пожалела, что поблизости нет самца ее племени. Объединенный отряд танду и соро

из тринадцати кораблей устремился к газовому гиганту.

120. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Повреждены гребни стасиса с левого борта! — сообщил Ватгасети. — Все боевые установки в этом районе вышли из строя.

— Есть ли повреждения внутреннего корпуса? — беспокойно спросила Джиллиан.

Фин взглянул на экран контрольного компьютера.

— Нет. Пока весь удар принимает на себя корпус теннанинца. Но Свесси говорит, что распорки слабеют.

— Теперь, когда наш левый борт поврежден, они попытаются сосредоточить на нем огонь, — сказала Тшут. — И ожидают, что мы повернем. Батареи правого борта! Пять мин по азимуту в сорок градусов! Небольшая скорость и зарядные шнуры!

— Н-но там никого нет!

— Будут! Огонь! Руль, поверните корабль на два радианта в минуту влево!

«Стремительный» дрожал, медленно поворачивая в пространстве. Его экраны опасно светились

под ударами мощных лучей. Но теперь удар придется в противников, которые легко повторили неуклюжий маневр корабля.

От затененного корпуса «Стремительного» неторопливо отошли шесть небольших снарядов, потом их двигатели отключились. «Стремительный» повернулся, пытаясь защитить поврежденный борт, но медленнее, чем мог бы.

Чувствуя его слабость, вражеские корабли повторили поворот. Лучи нацелились в поврежденный борт корабля, который Братья Ночи приняли за настоящий корпус противника.

«Стремительный» вздрогнул, когда лучи пробили его защиту и уперлись в теннанинский корпус. Мигнуло поле стасиса, у всех появилось странное яркое ощущение deja vu. На заполненном водой мостике залпом чуть не сбило экипаж. Детекторы повреждений извещали об огне и дыме, о плавящемся оружии и коробящихся стенах.

Крейсеры уверенно вошли в минное поле, и снаряды взорвались.

Джиллиан схватилась за ближайшую распорку. Сенсоры, которые не превратились в пар, сообщили, что враг скрылся в облаке раскаленного газа.

— Ускорение, двадцать градусов на два семьдесят! — крикнула Тшут. — Прекратить поворот!

Двигатели ревели от перегрузки. Крепления двух корпусов стонали. «Стремительный» увеличил скорость и пошел в другом направлении.

— Будь благословен этот теннанинец! — вздохнул один из финов. — Эти лучи разрезали бы «Стремительный» на тосты!

Джиллиан всмотрелась в один из уцелевших экранов, стараясь что-то рассмотреть среди обломков и дыма. Наконец она увидела врага.

— Попадание! Точное! — воскликнула она.

У одного корабля огромная пробоина в борту, горящий металл заворачивается лепестками. Второй взрыв потряс корабль.

Второй казался невредимым, но стал гораздо осторожнее.

«Продолжай осторожничать, — молча попросила Джиллиан. — Дай нам немного уйти!»

— Есть еще кто-нибудь поблизости? — спросила она у Тшут. Если остались только эти два корабля, она готова снова включить двигатели на полную мощность, и пусть все знают, что это земной корабль!

Лейтенант мигнула.

— Да, Джиллиан. Еще шесть. Быстро приближаются. — Тшут покачала головой. — От этой группы нам не уйти. Они идут слишком быссстро.

Простите, Джиллиан.

— Братья приняли решение, — сказал Ватгасети. — Они идут к нам.

Тшут закатила глаза. Джиллиан про себя согласилась с ней.

«Больше мы их не одурачим».

— Вызывает Свесси. Он спрашивает...

Джиллиан вздохнула.

— Передайте Ханнесу, что больше «женских маневров» не будет. У меня больше нет идей.

Два боевых крейсера за кормой «Стремительного» увеличивались. Они не стреляли, готовясь к решающей схватке.

Джиллиан подумала о Томе. Не могла избавиться от мысли, что подвела его.

«Это был очень хороший план, милый. Ради тебя мне хотелось воплотить его».

Враг зловеще приближался.

И тут Лаки Каа закричал:

— Сворачивают! — Пилот возбужденно бил хвостом. — Меняют курс! Бегут, как стая кефали!

Джиллиан недоуменно мигнула.

— Но ведь мы в их руках!

— Это новые, Джиллиан! Шесть приближающихся кораблей! — весело крикнула Тшут.

— Что? А они тут при чем?

Трут улыбнулась широко, как может только неофин.

— Это теннанинцы! Они идут на полной скорости! И стреляют вовсе не в нас!

На экране было видно, как два крейсера, преследовавшие «Стремительный», теперь уходят, стреляя в парфянском стиле по мини-флотилии.

Джиллиан рассмеялась.

— Ваттасети! Передай Свесси — отключить двигатели! Пусть пойдет дымок. Будем изображать смертельно раненого воина!

Спустя несколько мгновений инженер ответил:

— Свесси говорит, что проблем не будет. Никаких.

121. ГАЛАКТЫ

Гребень Буоулта дрожал от возбуждения. Перед ним «Огонь Кронодорфа», избитый, но гордый и непобежденный. Он считал старый корабль погибшим с первых дней битвы вместе с его командиром бароном Эбремсевом. Буоулту не терпелось увидеть старого товарища.

— Ответа по-прежнему нет? — спросил он у связиста.

— Нет, командир. Корабль молчит. Возможно, именно сейчас они получили смертельный удар... Подождите! Что-то есть! Сигнал вспышками, текст открытый, некодированный. Сигналят из иллюминатора!

Буоулт энергично продвинулся вперед.

— Что они говорят? Просят помощи?

Связист сидел перед монитором, глядя на мигающий огонек.

— Все орудия и средства связи уничтожены, — читал он. — Аппаратура жизнеобеспечения и вспомогательные двигатели еще действуют... Земляне впереди, их преследуют несколько небольших кораблей... Мы отходим... счастливой охоты... «Огонь Кронодорфа», конец связи.

Буоулту показалось несколько странным это сообщение. Почему Эбремсев отходит, если может еще преследовать врага и по крайней мере отвлечь на себя огонь?

Возможно, он храбрится, чтобы не задерживать их. Буоулт уже собрался распорядиться о посылке помощи, когда снова заговорил связист.

— Командир! Со стороны водной планеты приближается отряд! Не менее десяти кораблей! Признаки соро и танду!

Гребень Буоулта мгновенно опустился. Вот он,

последний союз еретиков.

— Вот наш шанс! Немедленно за беглецами! Мы справимся с преследователями, когда они захватят землян, и опередим танду и соро!

Когда корабли устремились вперед, Буоулт приказал отправить на «Огонь Кронддорфа» сообщение:

— Пусть с вами живут Великие Духи...

122. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Вы прятали от нас очень совершенный компьютер, — заметила Тшут.

Джиллиан улыбнулась.

— На самом деле он принадлежит Тому.

Фины рассудительно кивнули. Исчерпывающее объяснение.

Джиллиан поблагодарила Нисса за перевод послания на теннанинский. Ей ответил бестелесный голос из облака искорок, вспыхивающих в оксиводе.

— Я не мог сделать ничего другого, Джиллиан Баскин. Вы, несколько заблудившихся землян, навлекая на себя катастрофы, умудрились собрать больше информации, чем мои хозяева за последнюю тысячу лет. Только уроки возвыше-

ния полезны тимбрими, которые всегда готовы учиться — даже у волчат.

Голос смолк, искорки погасли, прежде чем Джиллиан смогла ответить.

— Группа сигнальщиков вернулась от иллюминатора, Джиллиан, — сказала Тшут. — Тенненинцы отправились в погоню за нашей тенью, но они вернутся. Что теперь?

Джиллиан чувствовала дрожь адреналинового выброса. Больше у нее нет никаких планов. Теперь ей отчаянно хочется только одного. Только одна цель во всей вселенной.

— Китруп, — прошептала она.

Джиллиан встряхнулась.

— Китруп? — прошептала она. Посмотрела на Тшут, зная ответ.

Тшут покачала гладкой головой.

— На орбите вокруг Китрупа большая флотилия, Джиллиан. Никаких сражений. Это, должно быть, победитель.

— Еще одна группа быстро приближается. Большая. Мы не хотим, чтобы они раскрыли нашу маскировку.

Джиллиан кивнула. Ей не хотелось говорить, но она заставила себя.

— На север, — сказала она.

— Ведите нас на север, Тшут... к пункту перехода. На полной скорости. Когда подойдем ближе, сбросим «морского конька» и уберемся отсюда... со всем пеплом, который завоевали.

Дельфины вернулись на посты. Быстро набирал силу рокот двигателей.

Джиллиан отплыла в темный угол прозрачного купола, к трещине-щели в корпусе теннанинца, откуда могла смотреть на звезды.

«Стремительный» набирал скорость.

123. ГАЛАКТЫ

Объединенный отряд соро и танду быстро догонял растянувшихся беглецов.

— Госпожа, поврежденный теннанинский корабль приближается к пункту перехода на траектории ухода.

Крат пошевелилась на своей подушке и рявкнула:

— Ну и что? Поврежденные корабли и раньше покидали поле битвы. Все пытаются эвакуировать своих раненых. К чему тревожить меня, когда мы почти догнали добычу?

Маленький пила убежал в свою секцию слежения. Крат снова принялась следить за передним

экраном.

Впереди держится небольшая группа теннанинских кораблей. Дальше, на пределе досягаемости, искорки показывали, что остатки флота по-прежнему сражаются, догоняя добычу.

«Что если они ошиблись? — подумала Крат. — Мы преследуем теннанинцев, которые преследуют остатки флота, который гонится... за кем? Эти дураки могут гоняться друг за другом!»

Неважно. Половина флота соро и танду патрулирует над Китрупом, так что в любом случае земляне пойманы.

«В свое время мы разберемся с танду, — подумала она, — и одни встретимся с древними».

— Госпожа! — пронзительно закричал пила из секции обнаружения. — Передача от пункта перехода!

— Не беспокой меня больше мелочами... — угрожающе прорычала она, сгибая свой брачный коготь. Но клиент прервал ее! Клиент осмелился прервать ее!

— Госпожа! Это корабль землян! Они нас обманули! Они нас провели! Они...

— Покажи! — свистнула Крат. — Этого не может быть! Покажи немедленно!

Пила нырнул в свою секцию. На главном экране

перед соро появилось изображение человека и нескольких дельфинов. По фигуре человека Крат видела, что это самка, вероятно, их предводитель.

— ...глупые создания, недостойные имени разумных. Глупые предразумные воспитанники глупых хозяев! Мы ушли от вашей военной мощи, мы смеемся над вашей неуклюжестью! Уходим, как всегда уходили, вы, жалкие создания! Мы теперь настолько вас опередили, что вам ни за что не догнать нас! Какое еще нужно доказательство, что прародители предпочитают нас? Какое...

Насмешки продолжались. Крат слушала, разгневанная, в то же время наслаждаясь артистичностью исполнения.

«Эти люди гораздо лучше, чем я думала. Оскорбления их многословны и лишены вкуса, но по-своему талантливы. И заслуживают почетной медленной смерти».

— Госпожа! Сопровождающие нас танду меняют курс. Остальные их корабли оставили Китруп и направляются к пункту перехода!

Крат в отчаянии засвистела:

— За ними! Немедленно за ними! Мы до сих пор преследовали их по всему космосу. Охота продолжается!

Экипаж вернулся к своим обязанностям. У земного корабля появились шансы уйти. В любом случае погоня будет долгой.

Крат поняла, что не сумеет добраться домой ко времени спаривания. Она умрет здесь.

Человек на экране продолжал насмехаться.

— Библиотекарь! — позвала она. — Некоторые слова человека я не понимаю. Переведи, что значит эта фраза — «няаа, няаа» — на их зверином волчьем языке!

124. ТОМ ОРЛИ

Сидя со скрещенными ногами на плетеном из водорослей мате в тени обломка корпуса, он прислушивался к рокоту соседнего вулкана. Думал о спасении, слушал бесконечный шорох водорослей, находя в нем своеобразную красоту. Мерный ритм помогал сосредоточиться.

Прямо перед ним, как центр мандалы, лежала информационная бомба, которую он так и не использовал. Контейнер сверкал в лучах солнца: первый хороший день на севере Китрупа за неделю. Корпус измят, но все равно блестит.

«Ну где же ты теперь?»

Площадка мягко покачивалась на волнах. Том

оглядывался по сторонам, как старик на заброшенном чердаке.

«Где ты теперь, любовь моя?»

Он вспомнил японскую хайку восемнадцатого столетия — великого поэта Босуна:

Идет весенний дождь,
На крыше промокший
Рваный детский мяч.

Глядя на отражения во вмятинах корпуса бомбы, он прислушивался к звукам плоских джунглей, к беготне мелких животных, к шуму ветра во влажной листве.

«Где та моя часть, что ушла?»

Он прислушивался к медленному пульсу мира-океана, смотрел на отражения, и постепенно в них проступило изображение.

Тупая, неуклюжая, клинообразная фигура приблизилась к месту в мире небытия, в сияющей необъятной черноте космоса. На глазах у Тома неуклюжий корпус раскололся. Толстая шелуха медленно отошла, как яичная скорлупа. Осколки отпали, и показался стройный цилиндр, похожий на гусеницу. Вокруг него засветился нимб — вероятностная оболочка. Она на глазах увеличивалась.

«Иллюзия, — решил он. — Хотя нет, не похоже».

Он раскрылся для восприятия, впустил изображение в себя. И уловил направленную из этой гусеницы мысль.

Цветет груша
И женщина в лунном свете
Читает письмо...

Он медленно улыбнулся. Это тоже хайку Босуна. Ее послание не может быть яснее в таких обстоятельствах. Она каким-то образом услышала его и ответила тем же.

— Джилл!.. — Он звал изо всех сил.

Гусеница, окруженная коконом стасиса, приблизилась к дыре в пространстве. Устремилась к тому месту в пустоте, стала прозрачной, исчезла.

Том долго сидел неподвижно, глядя как меняются отражения в корпусе бомбы. Медленно проходило утро.

Наконец он решил, что не принесет вселенной особого вреда, если подумает и о себе.

125. СКИФ

— Вы, два сумасшедших самца, когда-нибудь сможете его понять?

Кипиру и Сахот посмотрели на Хикахи. И, не отвечая, вернулись к обсуждению непонятных инструкций Крайдайки.

Хикахи закатила глаза и повернулась к Тошио.

— Я подумала, что они включат меня в свои сеансы. В конце концов, мы ведь с Крайдайки пара!

Тошио пожал плечами.

— Крайдайки нужны способности Сахота-лингвиста и Кипиру-пилота. Но вы видели их лица. Они уже наполовину в «сне китов». Мы не можем допустить, чтобы и вы стали такой. Ведь вы наш командир.

— Хм. — Хикахи вспенила воду, отчасти умиротворенная. — Ты закончил инвентаризацию, Тошио?

— Да, сэр. — Он кивнул. — Я подготовил список. Продуктов и воздуха нам хватит до двух пунктов перехода. Конечно, мы окажемся где-то посередине, потому что нам нужны, как минимум, пять пунктов перехода, чтобы приблизиться к циви-

лизации. Наши карты очень приблизительны, двигатели, вероятно, не выдержат долгого перелета, и мало кораблей нашего размера успешно преодолевали переход. Не считая всего этого, а также тесноты, остальное в порядке.

Хикахи вздохнула.

— Пытаясь, мы ничего не теряем. Ведь галакты ушли.

— Да, — согласился он. — Отличная мысль. Джиллиан, начав насмехаться над ними, дала нам знать, что они уходят и уводят за собой всех ити.

— Не говори «ити», Тошио. Это невежливо. Привыкнешь, однажды обидишь каких-нибудь вполне приличных кантенов или линтенов.

Тошио сглотнул — и потупился. Где бы ты ни оказался, лейтенант никогда не упустит возможности поучить гардемарина.

— Да, сэр, — сказал он.

Хикахи улыбнулась и нижним плавником погнала на юношу небольшую волну.

Долг, долг,
Храбрый охотник на акул,
Какая награда
Может быть лучше?

Тошио вспыхнул и кивнул.

Скиф снова двинулся. Кипиру вернулся на место пилота. Сахот и Крайдайки оживленно беседовали на полупраймале, отчего у Хикахи холодок пробегал по спине. Сахот сказал, что Крайдайки сознательно придерживается праймала!

Хикахи никак не могла привыкнуть к мысли, что рана Крайдайки — скорее открытая, а не закрытая дверь.

Скиф поднялся с поверхности моря и полетел на восток, следуя указаниям Крайдайки.

— А как насчет морального духа пассажиров? — спросила Хикахи у Тошио.

— Думаю, все в порядке. Пока кикви остаются с Дэнни, они счастливы. А Дэнни... пока тоже счастлива.

Хикахи забавлялась. Почему юношу так смущает другое занятие Дэнни? Она рада, что эти двое теперь вместе, как они с Крайдайки.

Несмотря на свои новые необычные способности, Крайдайки все тот же дельфин. Новизной он пользовался, привыкал к ней, исследовал ее возможности. Он говорил с трудом, но сохранил свой интеллект.

— А как Чарли? — спросила она Тошио.

Тошио вздохнул.

— По-прежнему смущен.

Они нашли шимпа через день после большого землетрясения, он цеплялся за плывущее бревно, промокнув насквозь. В течение десяти часов не мог говорить и все время пытался взобраться на стены скифа, пока не успокоился.

Чарли в конце концов признался, что вскарабкался на вершину большого дерева как раз перед тем, как остров обрушился. Это спасло ему жизнь, но инстинкт был унизителен.

Тошио и Хикахи теснились за местом Кипиру и смотрели, как под скифом быстро поворачивается океан. Время от времени море становилось ярко-зеленым — они пролетали над водорослями. Маленький корабль двигался навстречу солнцу.

С отлета «Стремительного» прошла неделя. И всю эту неделю они продолжали искать.

Вначале нашли Тошио, который, не желая сдаваться, плыл на запад. Потом Дэнни привела их к острову, на котором жило племя кикви. Пока она договаривалась с ними, они нашли Чарли Дарта.

Такката-Джим и все стеносы пропали или погибли.

И вот последние, по-видимому, безнадежные поиски. Они длятся уже несколько дней.

Хикахи готова сдаться. Они не могут продолжать так тратить время и продукты. Ведь им предстоит еще долгий путь.

Да и шансов у них немного. Никто не слышал о подобном полете. Перелет через всю Галактику в скифе! По сравнению с этим эпический переход капитана Блайта через Тихий океан на «Баунти» кажется послеобеденной прогулкой.

Но эти мысли Хикахи держала при себе. Крайдайки и Кипиру, вероятно, понимают, что их ждет. Тошио тоже догадывается. А остальным нет надобности сообщать, пока не придется в четвертый раз урезать рацион.

Она вздохнула.

Из чего еще
Сделаны герои,
Эти мужчины и женщины,
Кто, подобно нам,
Пытается

Как звук трубы, прозвучал торжествующий призыв Кипиру. Пилот пищал и метался на своей платформе. Скиф завалился налево, потом направо.

— Какого?.. — начал Тошио и спохватился: — Святая прыгающая рыба-черепаха, Кипиру! В

чем чело?

Хикахи механической рукой ухватилась за переборку и посмотрела в иллюминатор. После чего снова вздохнула — глубоко и протяжно.

Дым костра на мгновение скрыл лодку из виду. Он узнал о ней, когда луч сонара чуть не сбил его с ног.

Человек на плетеном из водорослей матраце кинулся в укрытие, но что-то заставило его остановиться и присмотреться.

Глаза его покраснели, а в уголках морщины, которых не было несколько недель назад. В бороде появились белые нити. Борода отросла и почти перестала чесаться. И закрыла рваный шрам на щеке.

Прикрывая глаза рукой, он сначала увидел безумный маневр и только потом узнал корабль. Тот высоко взлетел, устремился вниз, почти миновал его.

Человек протянул руку, чтобы удержать стойки с высохшим мясом. К чему зря тратить продукты? Ему потребовалось много времени, чтобы добыть его и подготовить. Впереди долгий путь, и оно им понадобится.

Он не уверен, как его воспримут фины, но мясо питательное... это единственное на планете, что

могут есть земляне.

Вяленое мясо губру, полоски танду, освежеванный эписиарх. Может, вкус у них и неплохой.

Том улыбнулся и помахал Кипиру, который начал снижать скиф.

«Как я могла сомневаться в том, что он жив? — радостно удивлялась Хикахи. — Джиллиан сказала, что он жив. Никто из галактов не мог его тронуть. Не мог и все тут!

Так стоит ли тревожиться о том, как мы доберемся домой?»

ЭПИЛОГ

: Отдыхай: Отдыхай и Слушай:
: Отдыхай и Слушай и Учись, Крайдайки:
: Начинается Звездный Прилив:
: В Темном Течении:
: Мы Долго Ждали Того, Что Наступит:

ПОСТСКРИПТУМ

Имена дельфинов в романе часто напоминают полинезийские или японские. Иногда это справедливо. Но в общем неофин сам выбирает себе подходящее имя, обычно с чередующимися звучными гласными и согласными.

На англике слова «человек» и «человечество» употребляются без указания пола. В тех случаях, когда это важно, добавляется «фем», если речь идет о женщине, и «мел» — о мужчине.

Языки дельфинов — изобретение автора, они не эквивалентны средствам общения современных дельфинов и китов. Мы только начинаем понимать, какое место занимают китообразные в нашем мире и какое место в этом мире занимаем мы сами.

Автор хотел бы поблагодарить всех, кто помогал ему в работе, особенно Марка Грайгера, Аниту Эверсон, Патрика Маера, Рика и Пэтти Харперов, Рея Фейста Ричарда Спола, Тима Ласелла, Этана Мансона и, как всегда, Дэна Брина. Лу Ароника и Таппан Кинг из «Бэнтам Букс» всегда поддерживали его, когда он падал духом.

Хайку Есы Босуна приводятся по «Антологии

японской литературы», составленной Доналдом Кином и опубликованной «Грув Пресс».

Пути мира, реальные и воображаемые, расходятся. Все герои этого романа вымышлены. Но может так случиться, что когда-нибудь наши братья млекопитающие станут нашими партнерами. Ради этого будущего мы должны сберечь их сегодня.

Война за возвышение

Джейн Гудолл, Саре Харди и всем остальным, кто помогает нам учиться понимать.
И Дайан Фосси, которая умерла, чтобы красота и стремление к совершенству жили.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Англик — язык, обычно используемый потомками земных людей, шимпанзе и дельфинов.

Атаклена — дочь посла тимбрими Утакалтинга. Командующая нерегулярной армией Гарта.

Библиотека — древнее собрание знаний. Одно из оснований цивилизации пяти галактик.

Болджер, Фибен — эколог-неошимпанзе, лейтенант колониальной милиции.

Буруралли — предыдущая раса, получившая лицензию на Гарт; недавно возвышенная раса, регрессировавшая и чуть не уничтожившая планету.

Возвышение — древний процесс, во время которого старшие космические расы путем генной инженерии вводят новые виды в галактическую культуру. В уплату за это раса «клиентов» служит «патронам» в течение определенного договором срока. Статус галактической расы определяется, в частности, тем, кто был ее патроном и сколько у нее клиентов. Волчата — члены расы, достигшей космического статуса без помощи патронов.

Галакты — старшие космические расы, руководящие сообществом пяти галактик. Большинство из них становятся «патронами», продолжающими древнюю традицию возвышения.

Гартлинг — мифический абориген Гарта, крупное животное, пережившее катастрофу, вызванную бурурали.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная землянам.

Джонс, Гайлет — «шимми», специалист в галактической социологии. Обладает неограниченными правами на порождение потомства («белая карта»). Руководитель городского восстания.

Ифни — «бесконечность», или леди Удача.

Каулт — теннанинский посол на Гарте.

Маккью, Лидия — офицер морской пехоты землян.

Матиклуанна — покойная мать Атаклены.

Мел — термин англика, обозначающий человека-мужчину.

Нагалли — раса, бывшая патроном бурурали и заплатившая дорогую цену за преступления своих клиентов.

Онигл, Меган — планетарный координатор на переданной людям в лицензию планете Гарт.

Онигл, Роберт — капитан колониальной мили-

ции Гарта и сын планетарного координатора.

Pan argonostes — видовое название неошимпанзе, расы возвышенных клиентов.

Пратачулторн, майор, — офицер земной морской пехоты.

Сильвия — неошимпанзе, обладающая «зеленой картой».

Синтиане — одна из немногих галактических рас, дружески настроенных по отношению к землянам.

Соро — старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

«Стремительный» — космический корабль с экипажем из дельфинов, совершивший важнейшее открытие в космосе далеко от Гарта. Последствия этого открытия и привели к кризису.

Сэр — почтительное обращение к старшим землянам независимо от пола.

Сюзерен — один из трех главнокомандующих силами вторжения губру; каждый сюзерен правит в своей области: религией, управлением и армией. Политика губру определяется путем консенсуса всех троих. Каждый сюзерен является кандидатом на получение пола (сексуальности) и на трон.

Танду — исключительно алчная старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

Теннанинцы — одна из фанатичных галактических рас, участвующих в настоящем кризисе. Педантичная, но в то же время известная своим чувством юмора.

Тимбрими — галакты, известные своей приспособляемостью и своеобразным чувством юмора. Друзья и союзники Земли.

Tursiops amicus — видовое название возвышенных неодельфинов.

Утакалтинг — посол тимбрими на колониальной планете Гарт.

Фем — термин англика, обозначающий человека-женщину.

Шен — термин англика, обозначающий самца-неошимпанзе.

Шимми — термин англика, обозначающий самку-неошимпанзе.

Шимп — термин англика, обозначающий представителя расы неошимпанзе (самца и самку).

СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ

Гир-трансформация — поток гормонов и энзимов, позволяющий тимбримии быстро изменять свою физиологию; за это приходится расплачиваться.

Зуноур-тзун — глиф, обозначающий, что еще очень многое нужно познать.

Кеннинг — способность воспринимать (кеннировать) глифы и волны эмпатии.

Кинивуллун — глиф, обозначающий: «так поступают мальчики».

Кухуннагарра — глиф продолжительной неопределенности.

К'чу-нон — тимбримийское слово, обозначающее волчат без патронов.

К'чу-нон кранн — армия волчат.

Ла'тстун — уединение парами.

Л'иут'тсака — глиф, выражающий презрительное отношение ко Вселенной.

Луррунану — глиф проникновения, предназначенный для того, чтобы вызвать подозрение.

Нахакиери — глубочайший уровень эмпатии, на котором тимбримии может иногда воспринимать тех, кого любит.

Нутуранау — глиф, помогающий ослабить гир-реакцию.

Паланк — пожатие плечами.

Риттитис — глиф сострадания детям.

Сиртуну — раздраженный вздох.

Сиулф-куонн — предчувствие розыгрыша.

Сиулф-та — радость от решенной головоломки.

С'устру'тун — ребенок, добившийся от родителей желаемого.

Тив'нус — тщетность общения.

Тотану — уход от реальности, вызванный страхом.

Тутсунуканн — глиф ожидания чего-то ужасного.

Ту'флук — неоцененная шутка.

Усунлтлан — защитная сеть при близком контакте с кем-то другим.

Форнелл — глиф неуверенности.

Фсу'устурату — глиф сочувственного веселья.

Ш'ча'куонн — зеркало, показывающее, как тебя видят другие.

ПРОЛОГ

«Удивительно, как незначительная планета может приобрести такое большое значение».

Между башнями Столицы напряженное движение, оно совсем рядом с закрытым хрустальным куполом правительственного паланкина. Но ни звука не проникает внутрь, ничто не отвлекает чиновника Стоимости и Бережливости, который сосредоточен только на голографическом изображении небольшой планеты, медленно поворачивающейся на расстоянии его покрытой пухом руки.

Чиновник видит яркие моря и острова, похожие на россыпь драгоценностей, все это сверкает отраженным светом звезды за пределами экрана.

«Если бы я был одним из богов, которых воспевают легенды волчат...» — думает чиновник. Кончики его крыльев вздрагивают. Такое ощущение, что достаточно протянуть коготь и схватить...

Но нет. Эта нелепая мысль доказывает, что чиновник слишком много времени провел, изучая врага. Безумные представления землян оказались заразительными.

Пушистые помощники неслышно суетятся

поблизости, расчесывают крылья и яркий торк к предстоящей встрече. Чиновник не обращает на них внимания.

Воздушные корабли и летающие баржи расступаются, потоки машин тают при виде яркого прожектора правительственного экипажа. Такой статус приличествует только монарху, но внутри паланкина все проходит незамеченным, тяжелый клюв чиновника устремлен только к голографическому изображению.

«Гарт. Многократная жертва».

Очертания коричневых континентов и мелких ярких морей смазываются под каруселью грозовых туч, обманчиво белых и мягких на вид, как плюмаж губру.

Только вдоль одной цепи островов — и в единственном месте на краю самого крупного континента — горят огни нескольких небольших городов. В остальном планета кажется нетронутой, ее озаряют только редкие молнии.

Цепочка кодовых символов раскрывает мрачную правду. Гарт — бедная планета, с большой угрозой для жизни. Иначе почему бы на нее дали лицензию волчатам и их клиентам? Галактические институты давно списали ее.

«А теперь, несчастный мирок, ты избран ме-

стом для войны».

Для практики чиновник Стоимости и Бережливости думал на англике, зверином удобоваримом языке земных созданий. Большинство губру считает изучение чужих языков пустым времяпрепровождением, но сейчас увлечение чиновника как будто себя оправдывает.

«Наконец. Сегодня».

Паланкин проплыл путь между башнями Столицы, и прямо перед ним возникло гигантское здание. Арена Собраний, местонахождение правительства всех кланов губру.

Нервная дрожь предчувствия пробежала по голове-гребню чиновника до самых крыльев, вызвав щебечущие жалобы помощников-кваку. Как они, спрашивается, могут закончить прихорашивать белые перья чиновника, отполировать его длинный крючковатый клюв, если он не сидит неподвижно?

— Сознаю, понимаю, уступаю, — снисходительно ответил чиновник на стандартном галактическом языке номер три. Эти кваку верные существа, и им позволяется небольшая дерзость. И чиновник снова вернулся мыслями к маленькой планете Гарту.

«Это наиболее уязвимый передовой пост зем-

лян... его легче всего захватить и превратить в заложника. Поэтому военные настаивают на операции, хотя мы заняты одновременно в других уголках космоса. Это будет тяжелый удар по волчатам, и мы сможем заставить их подчиниться и передать то, что нам нужно».

Наряду с военными план поддерживает церковь. Стражи Праведности заявили, что вторжение запятнает честь наступающих.

Остается гражданская служба — третий столп насеста власти. И вот здесь консенсус нарушился. Руководители чиновника из отдела Стоимости и Бережливости возражали. План слишком рискован, заявили они. И слишком дорог. Но насест на двух основаниях не устоит. Должен быть достигнут консенсус. Должен быть компромисс.

«Наступают времена, когда риск для гнезда неизбежен».

Гороподобная Арена Собраний превратилась в утес обработанного камня, закрывающий полнеба. Открылось пещерообразное отверстие и поглотило паланкин. С негромким гулом гравитика маленького экипажа отключилась, поднялся навес. У подножия посадочной площадки уже ждала толпа губру с нормальными белыми плюмажами взрослых бесполых.

«Они знают, — подумал чиновник, разглядывая их правым глазом. — Знают, что я уже не принадлежу к их сообществу».

Другой глаз чиновника в последний раз посмотрел на бело-синий шар.

Гарт.

«Скоро, — подумал чиновник на англике. — Мы скоро встретимся».

* * *

Арена Собраний полна ярких цветов. И каких цветов! Всюду королевской расцветки перья, алые, янтарные, мышьяково-синие.

Два четвероногих слуги-кваку раскрыли церемониальный портал перед чиновником Стоимости и Бережливости, который на мгновение остановился и зашипел в благоговении перед великолепием Арены. Сотни насестов тянулись вдоль стен, отделанных дорогой древесиной, привезенной с сотни планет. На насестах во всем своем царском великолепии стояли Повелители Насестов народа губру.

Как бы хорошо он ни подготовился к сегодняшней встрече, чиновник почувствовал, что глубоко тронут. Никогда не приходилось ему видеть одновременно столько цариц и принцев!

На взгляд чужака, мало что отличало чиновника от его повелителей. Все они высокие, стройные потомки нелетающих птиц. Внешне только ослепительная окраска оперения отличает Повелителей Насестов от их остального народа. Но гораздо существеннее внутренние отличия. Это Царицы и принцы, обладающие полом и правом приказывать. Ближайшие Повелители Насестов повернули в сторону острые клювы, чтобы одним глазом смотреть на чиновника Стоимости и Бережливости, который исполнял быстрый семенящий танец ритуального унижения.

«Какие цвета!» Эти королевские цвета вызвали поток гормонов, в груди чиновника росла любовь. Древний инстинктивный ответ, но никогда ни один губру не предлагал отказаться от него. Даже после того, как губру научились вмешиваться в наследственность и вышли в космос. Те, кто достигает предела желаний — цвета и пола, стоят неизмеримо выше, и ими должны восхищаться белые и бесполые.

Это и значит быть губру.

И это хорошо. Это образ жизни.

Чиновник заметил еще двоих губру с белыми плюмажами, которые вошли через соседние двери. Они присоединились к чиновнику на

центральной платформе и вместе заняли низкие насесты перед собранием Повелителей Насестов. У того, что справа, серебряная одежда, а на белом горле полосатый торк жречества.

У кандидата слева оружие и стальные когти офицера армии. Окраска концов перьев указывает на его звание — полковник.

Два губру с белыми плюмажами не смотрели на чиновника. И он никак не показывал, что видит их. Тем не менее он ощутил внутреннюю дрожь. «Нас трое».

Президент Собрания — престарелая царица, чье некогда яркое оперение теперь стало бледно-розовым, — распушила перья и раскрыла клюв. Акустические устройства Арены автоматически усилили ее голос. Она чирикнула, призывая к вниманию. По обе стороны царицы и принцы смолкли.

Президент Собрания подняла тонкую, поросшую пушком руку. И начала раскачиваться и напевать. Один за другим остальные Повелители Насестов присоединялись к ней, и скоро все собрание синих, янтарных и алых фигур раскачивалось вместе с ней. И из царского собрания донесся низкий диссонирующий стон.

— Зуууун...

— С незапамятного времени, — зачирикала Президент на протокольном галактическом-три, — с начала нашей славы, еще до того как мы стали патронами, даже еще до того, как мы были возвышены в разумную расу, мы всегда искали равновесия.

Собравшиеся пели не в унисон.

Равновесие — где на суше летит ураган,

Равновесие — где раскинулся вод океан,

Равновесие — наш великий, великий план.

— Еще когда наши предки были предразумными животными, еще до того, как наши патроны-гуксу нашли нас и возвысили к знаниям, еще до того, как мы научились говорить и пользоваться инструментами, мы уже познали мудрость, умели принимать решения, достигать консенсуса, любить.

— Зуууун...

— Наши предки, полуживотные... знали, что мы должны выбрать... должны выбрать троих...

Одного — охотиться и смело насту-

пать!

Другого — искать справедливости и защищать!

Третьего — опасность предотвращать!

Чиновник Стоимости и Бережливости ощущал близкое присутствие двух других кандидатов, знал, что они так же возбуждены, так же захвачены ожиданием. Нет большей чести, чем быть избранным в число трех, как избраны они.

Конечно, всех молодых губру учат, что это наилучший способ. Какая еще раса умеет так объединять политику и философию с любовью и продолжением рода? Эта система сослужила хорошую службу народам и кланам на протяжении многих веков. Она привела их на высоты власти в Галактике.

«А теперь может привести на край гибели».

Возможно, святотатственно даже так думать, но чиновник Стоимости и Бережливости не мог не спрашивать себя: а может, другой способ, если его хорошо изучить, все же лучше? Он прочел все, что мог, о системах управления: об автаркии и аристократии, о технократии и демократии, о синдикатах и мериократии. Не может ли один

из этих способов дать преимущество при выборе пути в опасной вселенной?

Возможно, такие мысли — проявление неуважения, но именно благодаря способности к нетрадиционному мышлению Повелители Насестов отобрали чиновника для исполнения новой роли. В предстоящие месяцы кто-то из трех должен сомневаться. Такова всегда роль Стоимости и Бережливости.

* * *

— Так мы достигаем равновесия. Так мы обретаем консенсус. Так мы разрешаем конфликт.

— Зуууун! — согласились собравшиеся царицы и принцы.

Многочисленные переговоры сопровождали выбор каждого из кандидатов: одного от военных, одного от священников и одного из гражданской службы.

Все сработало хорошо, и из предстоящего слияния выйдут новая царица и два принца. И вместе с новой генетической линией для расы, с новыми зародышами возникнет и новая политика, как концентрация их взглядов. Так должно кончиться. Но начало — другое дело. Обреченные на любовь в будущем, все трое на старте станут

соперниками. Соревнующимися.

Ибо возможна только одна царица.

* * *

— Мы посылаем троих с жизненно важной миссией. Миссией завоевания. Миссией принуждения.

— Мы посылаем их также для поиска единства... поиска согласия... поиска консенсуса. Они должны объединиться в наше тревожное время.

— Зуууун!

В этом хоре слышалось стремление Собрания к единству, к концу разногласий. Три претендента должны провести из множества сражений клана гуксу-губру лишь одно. Но, очевидно, Повелители Насестов возлагают на них особые надежды.

Слуги-кваку преподнесли каждому кандидату сверкающие кубки. Чиновник Стоимости и Бережливости высоко поднял кубок и начал пить. Жидкость казалась золотым огнем. «Первый глоток царского напитка...»

Как и ожидалось, вкус этот ни с чем не сравним. И три плюмажа кандидатов уже засверкали обещанием цвета.

«Мы будем сражаться вместе, и в этом слиянии один из нас станет янтарным. Один станет

синим».

И один, самый сильный, тот, кто предложит лучшую политику, получит высшую награду.

«Эта награда будет моей». Говорят, все организовано заранее.

Осторожность побеждает в будущем консенсусе. Тщательный анализ покажет невозможность альтернатив.

— Вы выступите, — пела президент Собрания. — Вы три новых сюзерена нашей расы и нашего клана. Вы выступите и победите. Выступите и унизите волчат-еретиков.

— Зуууун! — соглашалось собрание.

Президент опустила клюв на грудь, словно неожиданно обессилела. И новый сюзерен Стоимости и Бережливости услышал, как она тихо добавила:

— Вы выступите и сделаете все, чтобы спасти нас...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВТОРЖЕНИЕ

Пусть поднимут нас на плечи. И мы увидим земли обетованные, земли, откуда пришли и куда идем.
У. Б. Йитс

Глава 1
ФИБЕН

Никогда за все то время, что Фибен Болджер жил здесь, на сонном посадочном поле Порт-Хелении не было такого движения. Столовая гора, нависающая над заливом Лепикал, дрожала от оглушающего инфразвукового рева двигателей. Столбы пыли закрывали стартовые шахты, но это не мешало зевакам собираться за оградой и наблюдать за оживлением. Обладающие зачатками пси-восприятия могли сообщать, какой корабль собирается стартовать. Волны неопределенности, вызванные пробивающейся гравитикой, заставляли зрителей мигать: потом огромный космический корабль прорывал дымку и исчезал

в затянутом облаками небе.

Шум и пыль вызывали раздражение. Особенно плохо тем, кто стоит на самом посадочном поле, тем более не по своей воле.

Фибен с удовольствием оказался бы где-нибудь в другом месте, желательно в пивной, где можно заказать пинту анестетической выпивки. Но этому не бывать.

Он цинично наблюдал за лихорадочной деятельностью.

«Мы — тонущий корабль, — подумал он. — И крысы говорят adieu».

Все, способное подняться в космос и пройти через переход, покидало Гарт с неприличной поспешностью. И скоро посадочное поле опустеет.

«Пока не появится враг... кем бы он ни был».

— Ш-ш-ш, Фибен. Перестань ерзать!

Фибен посмотрел направо. Шимп справа от него выглядит таким же недовольным, как он сам. Форменная фуражка Саймона Левина потемнела над надбровными дугами, где из-под ее края выбивались влажные курчавые завитки. Взглядом Саймон молча просил Фибена выпрямиться и смотреть вперед.

Фибен вздохнул. Он знал, что должен попытаться стоять смирно.

Церемония отбытия значительных лиц почти закончена, а член почетного караула не должен горбиться.

Но взгляд его продолжал устремляться к южному краю плоской вершины, далеко от коммерческого вокзала и улетающих торговых кораблей. Здесь виднелся неровный ряд незамаскированных тусклых металлических предметов, с легко различимым контуром военных кораблей. Вокруг суетились техники, готовя детекторы и щиты кораблей к предстоящей битве. Время от времени корабли начинали мерцать.

Фибен гадал, решило ли наконец командование, в каком корабле полетит он. Наверно, полуобученные пилоты колониальной милиции будут бросать жребий, чтобы решить, кто полетит на самых ветхих из этих военных машин, купленных недавно по сниженной цене у пролетавшего ксатинни, торговца металлоломом.

Левой рукой Фибен оттянул тугой воротник мундира и почесал густые волосы под ключицей. «Старое не обязательно плохое, — напомнил он себе. — По крайней мере знаешь, что твоя тысячелетней давности лохань выдержала уже много ударов».

Большинство из этих побитых разведчиков

участвовало в боевых действиях на звездных линиях, когда еще человечество и не слышало о галактической цивилизации... когда оно еще даже не начало играть с пороховыми ракетами, обжигая пальцы и распугивая птиц на своей родной Земле.

Эта мысленная картина заставила Фибена улыбнуться. Не самая почтительная мысль о расе твоих патронов. Но люди вырастили его народ не для почтительности.

«Черт побери, как чешется этот обезьяний костюм! Голые обезьяны, как и люди, могут это выдерживать. Но мы ведь волосатые, это не для нас!» Но церемония отлета синтаинского консула как будто подходит к концу.

Свойо Шочухун, этот напыщенный шар из шерсти и усов, заканчивает прощальную речь, обращенную к обитателям планеты Гарт, людям и шимпам, которых оставляет на произвол судьбы. Фибен снова почесал подбородок.

Поскорее бы этот воздушный шар забрался в катер и убирался бы с планеты, если так торопится.

Сосед локтем ударил его в ребра. Саймон настойчиво прошептал:

— Выпрямись, Фибен. Ее милость смотрит сюда.

Меган Онигл, седовласый планетарный координатор, поджала губы и покачала головой, глядя на Фибена.

«Дьявольщина!» — подумал он.

Сын Меган Роберт был однокашником Фибена в маленьком университете Гарта. Фибен изогнул бровь, словно хотел сказать, что он не напрашивался на эту сомнительную честь. И если люди хотят, чтобы их клиенты не чесались, не нужно было возвышать шимпанзе.

Но все же поправил воротник и постарался выпрямиться. Внешность и форма очень много значат для галактов, и Фибен знал, что даже низкий неошимп должен достойно исполнить свою роль, иначе земной клан потеряет лицо.

По обе стороны от координатора Онигл стояли другие важные шишки, пришедшие проститься с отлетающей Свойо Шочухун. Слева от Меган Каулт — громоздкий и неуклюжий теннанинский посол, великолепный в своей яркой шляпе поверх гребня. Дыхательные щели у него на горле раскрываются и закрываются, как жалюзи, каждый раз, когда существо с огромными челюстями вдыхает.

Справа от Меган видна фигура, больше похожая на гуманоидную, стройная, с длинными конечно-

стями, беззаботно сгорбившаяся на полуденном солнце.

«Что-то развеселило Утакалтинга, — понял Фибен. — Какая-то новость?» Разумеется, послу Утакалтингу все кажется забавным. Своей позой, слегка развевающимися над маленькими ушами серебристыми щупальцами, блеском своих золотых широко расставленных глаз посол тимбрими, казалось, выражал то, что не мог произнести вслух, — нечто весьма оскорбительное в адрес улетающего синтианского дипломата.

Свойо Шочухун пригладила усы и стала по очереди прощаться с коллегами. Глядя, как она ритуально машет лапой перед Каултом, Фибен подумал, что она похожа на огромного толстого енота, разодетого наподобие какого-нибудь древнего восточного придворного.

Каулт, теннанинец, раздул гребень и поклонился в ответ. Два галакта разного роста обменялись любезностями на певучем, с разнообразными интонациями, галактическом-шесть. Фибен знал, что особой любви друг к другу они не испытывают.

— Ну, друзей ведь не выбирают? — прошептал Саймон.

— Ты чертовски прав, — согласился Фибен.

Какая ирония! Пушистые коварные синтиане — одни из немногих «союзников» Земли в политической и военной трясине пяти галактик. Но они фантастически эгоистичны и трусливы. Отъезд Свойо гарантирует, что в тяжелую минуту у Гарта не появятся армады толстых пушистых воинов. «Точно так же не будет помощи ни с Земли, ни от тимбрими. У них и так хватает забот».

Фибен достаточно владел гал-шесть, чтобы понять, что рослый теннанинец сказал Свойо. Каулт, очевидно, невысокого мнения о после, покидающем свой пост.

«Надо отдать должное теннанинцам», — подумал Фибен. Возможно, народ Каулта фанатичен. И, несомненно, теннанинцы числятся в настоящее время среди противников землян. Тем не менее они хорошо известны своей храбростью и неуклонным следованием кодексу чести.

«Конечно, невозможно всегда выбирать ни друзей, ни врагов».

Свойо повернулась к Меган Онигл. Ее поклон был заметно ниже, чем перед Каултом. Люди занимают нижнее место на шкале рас патронов в галактике.

«И ты точно знаешь свое место», — напомнил себе Фибен.

Меган поклонилась в ответ.

— Жаль, что вы улетаете, — сказала она на галшесть с сильным акцентом. — Передайте своему народу нашу благодарность.

— Конечно, — пробормотал Фибен. — Всем другим енотам передай спасибо.

Но лицо его сохраняло невозмутимое выражение. В этот момент полковник Мейвен, человек, командир почетного караула, сердито посмотрел на него.

Ответ Свойо изобиловал банальностями.

Будьте терпеливы, советовала она. В пяти галактиках сейчас смятение.

Фанатики великих рас сеют смуту, потому что считают, что близок конец великой эры. И немедленно начинают действовать.

В то же время умеренные и галактические Институты должны влиять медленнее, разумнее. Но они начнут функционировать, заверяла посол. В свое время. Маленький Гарт не будет забыт.

«Как же! — саркастически думал Фибен. — Не пройдет одного-двух столетий, как нам помогут!»

Другие шимпы в составе почетного караула переглядывались и с отвращением закатывали глаза. Офицеры-люди обладали большей выдерж-

кой, но Фибен заметил, как один из них сунул язык за щеку.

Наконец Свойо остановилась перед дуайеном дипломатического корпуса.

Другом Людей Утакалтингом, послом-консулом тимбрими.

На высоком ити[7] свободная черная одежда, контрастирующая с бледной кожей. Рот у Утакалтинга маленький, и пространство между затененными глазами кажется необыкновенно широким. Тем не менее гуманоидное выражение лица совершенно ясно. Фибену всегда кажется, что посол самых близких союзников Земли всегда на грани смеха над шуткой, большой или малой. Утакалтинг, с его мягкой шерстью на голове, по краям которой колышутся щупальца, с его длинными тонкими руками, с его юмором, был единственным существом на поле, которого, казалось, не коснулись тяготы и заботы этого дня. Ироническая улыбка тимбрими подействовала на Фибена заразительно, настроение его сразу улучшилось.

«Наконец-то!» Фибен облегченно вздохнул. Свойо как будто закончила, повернулась и на-

---

[7] notes: 7
От англ. extra-terrestrial — инопланетянин

правилась к трапу ждущего катера. Услышав резкий приказ полковника Мейвена, почетный караул вытянулся. Фибен начал про себя считать количество шагов, отделяющих его от тени и холодной выпивки.

Но еще не пришло время расслабляться. Не один Фибен застонал про себя, когда синтианка остановилась на верху трапа и еще раз обратилась к присутствующим.

То, что произошло в этот момент, весь ход событий, будет еще долгое время вызывать замешательство Фибена. Но при первых певучих звуках гал-шесть, которые испустил Свойо, что-то странное случилось на посадочном поле. Фибен ощутил резь в глазах и посмотрел влево. Он увидел, как вокруг одного из разведчиков возникло свечение. И тут же маленький корабль словно взорвался.

Фибен не помнил, когда бросился на бетон, но обнаружил, что лежит на нем, стараясь зарыться в жесткую упругую поверхность.

«Что это? Вражеское нападение? Так быстро?»

Он услышал, как оглушительно чихнул Саймон. Отовсюду раздавалось чихание. Моргая невидящими глазами, Фибен сквозь пелену увидел, что маленький корабль цел. Значит, он не

взорвался?

Но поля его вышли из-под контроля. Они испускали ослепительный и оглушительный светозвук. Инженеры в защитных костюмах пытались отключить вышедший из строя вероятностный генератор, но шумное извержение ударило по всем чувствам присутствующих, от осязания и вкуса до обоняния и пси-восприятия.

— Ну и ну! — присвистнула шимми слева от Фибена, тщетно пытаясь зажать нос. — Кто-то установил бомбу-вонючку!

И Фибен мгновенно понял, что она права. Он быстро повернулся и успел заметить, как посол синтиан, сморщив нос и постыдно свернув усы, исчезает в катере, забыв о достоинстве. Люк захлопнулся.

Кто-то наконец отыскал нужную кнопку и отключил перегруженный генератор. Остался только мерзкий привкус во рту и звон в ушах. Члены почетного караула вставали, оправлялись и раздраженно бормотали. Некоторые — и люди, и шимпы — мигали и отчаянно зевали. Казалось, только на посла теннанинцев случившееся не подействовало. Больше того, Каулт словно удивлялся странному поведению землян.

«Бомба-вонючка. — Фибен кивнул. — Кто-то

считает это удачным розыгрышем».

«И мне кажется, я знаю кто».

Фибен внимательно посмотрел на Утакалтинга. Существо, прозванное Другом Людей, вспоминало, как худой тимбрими улыбался Свойо, напыщенной маленькой синтианке, когда она начала свою последнюю речь. Да, Фибен готов поклясться на экземпляре Дарвина, что в этот самый момент, перед тем, как генератор корабля начал сбоить, тонкие щупальца над головой Утакалтинга поднялись, образовав корону, и посол улыбнулся в предвкушении.

Фибен покачал головой. Несмотря на свои прославленные пси-способности, тимбрими не может вызвать такое происшествие одной силой воли.

Все должно быть организовано заранее.

Синтианский катер поднялся в воздух и отлетел на безопасное расстояние, потом с воем гравитики устремился к облакам.

По приказу полковника Мейвена почетный караул вытянулся в последний раз. Перед ним прошли планетарный координатор и два оставшихся посла.

Возможно, это игра воображения, но Фибену показалось, что Утакалтинг на мгновение задер-

жался перед ним. Фибен был уверен, что один из широких, окруженных серебряным ободком глаз посмотрел прямо на него. А другой подмигнул.

Фибен вздохнул. «Очень смешно, — подумал он, надеясь, что посол тимбрими уловит его мысленный сарказм. — Через неделю мы все превратимся в дымящееся мясо, а ты устраиваешь розыгрыши.

Очень смешно, Утакалтинг».

Глава 2
АТАКЛЕНА

Щупальца возбужденно зашевелились над головой. Атаклена чувствовала, как ее раздражение и гнев, подобно статическому электричеству, стекают с концов серебряных нитей. Эти концы шевелились словно по своей воле, как тонкие пальцы, они лепили из ее почти ощутимого негодования что-то.

Сидевший поблизости человек, тоже ожидающий аудиенции у планетарного координатора, принюхался и удивленно оглянулся. Сам не понимая, почему ему вдруг стало так неловко, он отодвинулся от Атаклены. Вероятно, прирожденный, хотя и примитивный эмпат. Некоторые

люди способны к кеннингу эмпатических глифов тимбрими, но мало кто из них умеет пойти дальше очень смутного ощущения.

Кто-то еще заметил поведение Атаклены. На другом конце приемной стоящий в толпе ее отец неожиданно поднял голову. Его собственная корона щупалец оставалась неподвижной, но Утакалтинг чуть наклонил голову и слегка повернулся, посмотрев на дочь. Его выражение было вопросительным и чуть заинтересованным.

Так смотрят люди-родители на дочь, пинающую диван или мрачно что-то бормочущую про себя. В сущности, чувство то же самое, только Атаклена проявляет его не внешней вспышкой раздражения, а через свою тимбримийскую ауру. Под взглядом отца она торопливо успокоила свои шевелящиеся щупальца и подавила нарождающийся глиф.

Но негодование ее от этого не прошло. Да и трудно о нем забыть в этой толпе людей. «Карикатуры», — презрительно подумала Атаклена, хотя понимала, что эта мысль несправедлива и невеликодушна. Конечно, земляне не могут перестать быть такими. Это один из самых странных народов, появившихся в галактике за прошлые эпохи. Но это вовсе не значит, что она обязана

восхищаться ими!

Было бы легче, если бы они казались более чужими. А так — неуклюжие, узкоглазые, сутулые пародии на тимбрими. Цвет кожи и волос необычайных оттенков, невероятные пропорции тела усугублялись их постоянной мрачностью и угрюмостью. Их общество со временем начинало действовать на Атаклену угнетающе.

«Еще одна мысль, неподобающая дочери дипломата».

Атаклена высмеивала себя, пытаясь направить мысли по другому руслу. В конце концов людей нельзя винить в том, что они буквально излучают страх: война, которой они не хотели, готова обрушиться на них.

Атаклена видела, как ее отец рассмеялся, услышав слова одного из офицеров-землян, и поразилась его самообладанию. Как он все достойно выносит!

«Мне никогда не усвоить эту легкую, уверенную манеру поведения».

«Он никогда не сможет гордиться мной».

Атаклена хотела, чтобы отец отошел от землян и она могла бы поговорить с ним наедине. Через несколько минут за ней явится Роберт Онигл, и она хотела еще раз попытаться убедить отца не

отсылать ее с молодым землянином.

«Я могу быть полезна. Я знаю, что могу! Меня не нужно отправлять в горы для безопасности, как ребенка!»

Она заставила себя успокоиться, прежде чем над головой образовался еще один глиф негодования. Нужно переключиться на что-то другое, пока она ждет. Сдерживая свои эмоции, Атаклена неслышно направилась к двоим офицерам-людям, стоявшим поблизости. Те разговаривали на англике, наиболее часто используемом земном языке.

— Послушай, — говорила офицер-женщина. — Мы знаем только, что один из земных исследовательских кораблей наткнулся на что-то странное и совершенно неожиданное в звездном скоплении на краю галактики.

— Но что это было? — спросил другой офицер. — Что они обнаружили? Ты изучала чужаков, Алиса. Не знаешь ли, что открыли эти бедняги дельфины? Из-за чего эта заварушка?

Женщина пожала плечами.

— Хоть обыщи меня! Но даже туманные намеки в первом послании «Стремительного» привели самые фанатичные кланы галактики к сражениям друг с другом в масштабах, не виданных

мегагодами. Последние сообщения говорят о жесточайших стычках. Ты ведь видел, какой испуганной выглядела синтианка неделю назад, когда решила улизнуть?

Мужчина мрачно кивнул. Какое-то время оба молчали. Напряжение незримой стеной повисло в воздухе. Атаклена восприняла его как простой, темный глиф неуверенности и страха.

— Это что-то огромное, — негромко сказала наконец женщина. — Что-то по-настоящему важное.

Атаклена отошла, поняв, что люди обратили на нее внимание. С самого прибытия на Гарт она постепенно меняла форму тела так, чтобы черты лица и фигура напоминали земную девушку. Но способности тимбрими к изменениям не безграничны. Невозможно скрыть, кто она на самом деле. Если бы она осталась на месте, земляне обязательно поинтересовались бы ее мнением о нынешнем кризисе, и ей не хотелось признаваться, что она знает не больше них.

Атаклена находила такую ситуацию печально-ироничной. Снова, как и во время знаменитого дела «Солнечного ныряльщика» два столетия назад, земные расы в центре внимания. На этот раз межзвездный кризис вызван кораблем, впервые в

истории руководимым экипажем неодельфинов. Второй по возрасту расе клиентов землян не более двухсот лет, она моложе даже неошимпанзе. Никто не может предугадать, как китообразные астронавты выберутся из положения, которое создали по собственной небрежности. Но последствия их открытия уже затронули половину известной галактики и дошли даже до таких далеких планет, как Гарт.

— Атаклена...

Она повернулась. Рядом стоял Утакалтинг и доброжелательно смотрел на нее.

— Все в порядке, дочь?

Она чувствует себя такой ничтожной в присутствии Утакалтинга.

Невзирая на его мягкое обращение с ней, ей всегда немного страшно. Так совершенны его искусство и самообладание, что она даже не почувствовала его приближения, пока он не коснулся ее руки. И даже сейчас ее кеннинг не проникает в его ауру, и она видит только эмпатический глиф, который называется каридоуо — отцовская любовь.

— Да, отец. Я... все в порядке.

— Хорошо. Значит, ты собралась и готова к экспедиции?

Он говорил на англике. Она ответила на тимбримийском варианте галактического-семь.

— Отец, я не хочу уходить в горы с Робертом Ониглом.

Утакалтинг нахмурился.

— Мне казалось, что вы с Робертом друзья.

Ноздри Атаклены раздраженно раздулись. Почему Утакалтинг сознательно не понимает ее? Он должен знать, что сын планетарного координатора не вызывает возражений в качестве спутника. Из всех молодых землян Порт-Хелении Роберт наиболее соответствует определению ее «друга».

— Отчасти именно из-за Роберта я прошу тебя передумать, — сказала она отцу. — Он стыдится того, что ему приказано «нянчиться» со мной, как они говорят. Все его товарищи и одноклассники в милиции и готовятся к войне. И я не могу винить его за такое отношение.

Утакалтинг хотел ответить, но она торопливо продолжила:

— И еще я не хочу оставлять тебя, отец. Объясню еще раз логику своих действий: я уже говорила, что могу оказаться тебе полезной в предстоящие недели. А теперь добавлю еще это.

С огромным старанием она сосредоточилась на создании глифа, который задумала с утра. Она

назвала его кей'патие — просьба быть в опасности рядом с тем, кого любишь. Щупальца ее дрожали над ушами, глиф тоже дрожал, возникая над головой, и начал вращаться. Но наконец стабилизировался. Она послала его по направлению к ауре отца. В этот момент Атаклена даже забыла, что комната полна неуклюжими гладколобыми землянами и их мохнатыми маленькими клиентами-шимпами. В мире оставались только они двое и мост, который она жаждала перебросить через пустоту.

Кей'патие опустился в ждущие щупальца Утакалтинга и завертелся там; его оценка высветила глиф. Атаклена ахнула, увидев его красоту. Она знала, что искусство отца намного превышает ее скромные возможности.

Глиф, как мягкий утренний туман, опустился на корону отца и продолжал там светиться.

— Прекрасный глиф. — Голос его звучал ласково, и Атаклена увидела, что он тронут.

Но... Она сразу поняла, что его решение осталось неизменным.

— Предлагаю тебе мой кеннинг, — сказал он и достал из рукава небольшую позолоченную шкатулку с серебряной застежкой. — Твоя мать Матиклуанна завещала, чтобы ты получила это,

достигнув возраста зрелости. Мы еще не обсуждали эту дату, но я считаю, что настало время отдать тебе это.

Атаклена мигнула; неожиданно ее охватили противоречивые эмоции. Как часто хотелось ей знать, что оставила ей в наследство покойная мать. Но теперь медальон вдруг напомнил ей ядовитого жука.

Утакалтинг не стал бы так поступать, если бы считал, что они еще встретятся.

Она поняла:

— Ты собираешься сражаться!

Утакалтинг на самом деле пожал плечами — он перенял человеческое выражение неуверенности и равнодушия.

— Враги людей и мои враги, дочь. Земляне храбры, но в конце концов они всего лишь волчата. Им пригодится моя помощь.

Атаклена поняла, что его решение окончательное и дальнейшими возражениями она ничего не добьется, только будет выглядеть глупо в его глазах. Их руки встретились над медальоном, длинные пальцы переплелись, и они вместе молча вышли из комнаты. И на мгновение им показалось, что их не двое, а трое, потому что в медальоне было что-то от Матиклуанны. Этот

миг для обоих был мучительно сладостным.

Дежурные неошимпы-милиционеры вытянулись и раскрыли перед ними двери, и они вышли из здания министерства в яркое солнечное утро. Утакалтинг проводил Атаклену к обочине, где лежал ее рюкзак. Руки их разжались, и в ладони Атаклены остался медальон матери.

— А вот и Роберт, точно в срок! — сказал Утакалтинг, прикрывая глаза. — Мать считает его непунктуальным. Но когда дело не терпит отлагательств, он всегда точен.

Мимо лимузинов и армейских машин милиции по дороге пролетел старый разбитый флиттер.

— Тебе понравится в Мулунских горах. Я их видел. Они очень красивы. Воспользуйся случаем, Атаклена.

Она кивнула.

— Я выполню твое пожелание, отец. Постараюсь усовершенствоваться в англике и изучить эмоциональные особенности людей.

— Хорошо. И смотри в оба: вдруг увидишь легендарных гартлингов.

Атаклена нахмурилась. Ее отец увлекается преданиями волчат. В последнее время это увлечение стало перерастать в одержимость. И все же никогда нельзя сказать, серьезен Утакалтинг или

готовит очередной розыгрыш.

— Поищу, хотя эти существа исключительно мифологические.

Утакалтинг улыбнулся.

— Мне пора. Моя любовь останется с тобой. Она станет птицей, парящей... — он сделал жест руками... — над твоим плечом.

Его щупальца на мгновение нежно коснулись ее, и он тут же исчез, присоединился к встревоженным военным. Атаклена осталась стоять, думая, почему Утакалтинг воспользовался такой странной, сугубо человеческой метафорой.

«Может ли любовь быть птицей?»

Иногда Утакалтинг даже ей кажется странным и пугающим.

Послышался скрежет гравия: флиттер сел рядом с обочиной. Роберт Онигл, темноволосый молодой человек, который будет ее товарищем в изгнании, улыбнулся и помахал из-за руля. Но она видела, что его веселость напускная, так он пытается ее подбодрить. В глубине души Роберт так же недоволен предстоящим путешествием, как и она. Судьба и непререкаемый авторитет взрослых предначертали им жизненный путь, который вряд ли они сами себе избрали.

Атаклена образовала — невидимо для Роберта

— глиф покорности и признания поражения. Но внешне постаралась быть такой же веселой.

— Привет, Роберт, — сказала она и подняла свой рюкзак.

Глава 3
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности распушил белые перья, демонстрируя над головой радугу будущей царственности. Сюзерен Праведности гордо вскочил на насест провозглашения и зачирикал, призывая к вниманию.

Боевые корабли экспедиционного корпуса все еще находились в подпространстве, между уровнями мира. Именно поэтому сюзерен Праведности главенствует и может вмешиваться в деятельность экипажа флагмана.

На мостике сюзерен Луча и Когтя посмотрел со своего командного насеста. У адмирала, как и у сюзерена Праведности, начала образовываться радуга царственности. Тем не менее нельзя вмешиваться, когда делается религиозное провозглашение. Адмирал прервал поток приказов, которые отдавал подчиненным, и занял позу почтительного внимания.

На мостике шумный говор инженеров и астронавтов-губру сменился негромким шепотом. Четвероногие клиенты-кваку тоже прекратили воркование и прислушались.

Но сюзерен Праведности по-прежнему ждал. Нельзя начинать, пока не соберутся все трое.

Раскрылся люк. В него прошел третий командир экспедиции, последний член триумвирата. Как положено, на сюзерене Стоимости и Бережливости черный торк подозрения и сомнения. Он занял свой насест в сопровождении небольшой стаи помощников и клерков. На мгновение их взгляды скрестились над мостиком. Напряжение среди троих уже возникло, в предстоящие недели и месяцы оно начнет расти, пока не будет достигнут консенсус, в котором они сольются, и возникнет новая царица.

Ситуация возбуждающая, волнующая, сексуальная. Никто не знает, чем она кончится. У Луча и Когтя, разумеется, преимущество изначальное, потому что экспедиция военная. Но это преимущество долго не сохранится.

А сейчас на первый план выступает священник.

Все клювы повернулись. Сюзерен Праведности поднял и согнул одну ногу, потом другую, он

приготовился говорить. И вскоре собравшиеся птицеподобные негромко загудели:

— Ззууун.

— Мы начинаем миссию, священную миссию, — распевал сюзерен.

— Ззууун.

— Начиная эту миссию, мы должны проявить настойчивость.

— Ззууун.

— Наша задача включает Завоевание во славу нашего клана.

— Ззууун.

— Завоевание и принуждение, чтобы мы могли постигнуть тайну, тайну, которую звери-земляне сжимают в своих когтях, хотят утаить от нас, ззууун.

— Ззууун.

— Завоевание, принуждение и решающий удар по врагу принесут нам честь. Враг будет опозорен, а мы избежим позора, ззууун.

— Ззууун.

— Все это — завоевание, принуждение, позор врага — докажет, что мы достойны своих предков, достойны Прародителей, время возврата которых настало.

— Мы достойны господствовать, зззууун.

Послышался полный энтузиазма рефрен:

— Зззуууун!

* * *

Два остальных сюзерена почтительно поклонились священнику, и официальная церемония закончилась. Солдаты Когтя и астронавты сразу вернулись к своим обязанностям. Но чиновники и гражданские служащие, возвращающиеся в свои кабинеты, ясно слышали негромкое, но отчетливое пение:

— Все... все... все это. Но еще одно, еще одно... Прежде всего — выживание гнезда...

Жрец резко повернул голову и увидел блеск в глазу сюзерена Стоимости и Бережливости. И мгновенно понял, что соперник одержал внешне незаметную, но важную победу. И увидел торжество в глазах соперника. Тот опустил голову и негромко пропел:

— Зуууун.

Глава 4
РОБЕРТ

Пятна солнечного света пробивались сквозь

полог влажного тропического леса, в тусклом перевитом лианами проходе вспыхивали яркие точки. Яростные бури середины зимы прекратились, но о них напоминал свежий ветер, он раскачивал кусты, стряхивая с них влагу ночного дождя. Капли с громким звуком падали в лужи.

В горах над долиной Синда тихо. Может, даже тише, чем должно быть в лесу. Внешняя красота скрывала болезнь, лихорадку ран прошлого.

Аромат плодородия смешивается с явственным запахом разложения. Не нужно быть эмпатом, чтобы ощутить печаль этого места. Меланхоличный мир.

Косвенным образом эта грусть и привела сюда землян. Последняя глава истории Гарта еще не написана, но планета уже в списке. В списке умирающих миров.

* * *

Луч света упал на веер разноцветных стеблей, беспорядочно свисающих с ветвей гигантского дерева. Роберт Онигл указал на них.

— Может, хочешь осмотреть их, Атаклена? Их можно приучить.

Молодая тимбрими подняла голову от орхидеи, которую рассматривала.

Проследила, куда ой указывает, всмотрелась в яркие наклонные столбы света.

И ответила на хорошем англике, хотя и с небольшим акцентом:

— Что можно приучить, Роберт? Я вижу только лианы.

Роберт улыбнулся.

— Эти самые лесные лианы, Атаклена. Удивительные существа.

Атаклена нахмурилась очень по-человечьи, несмотря на широко расставленные овальные глаза с чуждыми золотыми, с зелеными точками, зрачками. Тонкая изогнутая нижняя челюсть и угловатый лоб придавали лицу слегка ироническое выражение.

Конечно, как дочь дипломата Атаклена получила соответствующую подготовку и могла в обществе людей подражать их мимике. Но все же Роберт был убежден, что сейчас на ее лице искреннее удивление. И когда она заговорила, ее англик из-за сливающихся звуков показался менее совершенным.

— Роберт, неужели ты считаешь, что эти висячие живые щупальца предразумные? Конечно, существует несколько автотрофных разумных рас, но эта поросль не проявляет никаких призна-

ков. — Она сосредоточилась. Тонкие щупальца над ушами задрожали. — И я совсем не чувствую эмоционального излучения.

Роберт улыбнулся.

— Конечно. Я совсем не хотел сказать, что у них есть потенциал возвышения или вообще нервная система. Это просто растения дождевого леса. Но у них есть тайна. Иди сюда. Я тебе покажу.

Атаклена кивнула — еще один человеческий жест; у тимбрими он может существовать, но может и не существовать. Она осторожно отпустила цветок, который рассматривала, и выпрямилась гибким грациозным движением.

У девушки-чужака хрупкий скелет, и пропорции рук и ног отличаются от человеческих. Например, ноги у нее длиннее в икрах и короче в бедрах.

Тонкий сочлененный таз отходит от еще более узкой талии. На взгляд Роберта, она крадется, как кошка; эта особенность походки привлекла его еще полгода назад, когда Атаклена появилась на Гарте.

По очертаниям верхних грудей, отчетливо заметных под тонким спортивным костюмом, Роберт может судить, что тимбрими — млекопитающие. Он знает — изучал, — что у Атаклены

есть еще две пары грудей, а также сумка, как у сумчатых животных. Но эти особенности строения сейчас не видны. И в данный момент Атаклена выглядит скорее как человек — или эльф, — а совсем не кажется чужаком.

— Ну хорошо, Роберт. Я пообещала отцу извлечь максимум полезного из этого вынужденного изгнания. Покажи мне чудеса этой маленькой планеты.

Говорила она так тяжело, таким покорным голосом, что Роберт решил: она переигрывает. Этот театральный эффект усиливал ее сходство с человеческим подростком, и это само по себе заставляло слегка нервничать.

Роберт подвел ее к пучку лиан.

— Вот здесь, где они сливаются у земли.

Шлем коротких коричневых волос, который начинается у Атаклены узкой полосой на спине, проходит по шее, покрывает голову и заканчивается на лбу острым выступом, как вдовий чепец, распушился, края его стали неровными.

Над гладкими круглыми ушами задвигались щупальца короны тимбрими: Атаклена пыталась уловить присутствие разума на узкой поляне.

Роберт напомнил себе, что не следует преувеличивать способностей тимбрими, как часто

делают люди. Стройные галакты обладают поразительным умением улавливать сильные эмоции; больше того, сама эмпатия является для них формой искусства. А вот телепатия у тимбрими встречается так же редко, как и у землян.

О чем она думает? Знает ли, что его восхищение ею с момента выхода из Порт-Хелении все растет? Он надеется — нет. Даже самому себе он не хочет признаваться в этом чувстве.

Могучие лазящие лианы, иногда толщиной с человеческий торс, змеятся по земле, закручиваются в петли, со всех сторон подбираясь к этой небольшой лесной поляне. Роберт отвел пучок ярких стеблей и показал Атаклене, что все они заканчиваются в небольшом водоеме, полном янтарного цвета воды.

И объяснил:

— Такие пруды расположены по всему континенту. Они соединены друг с другом разветвленной сетью стеблей. И играют очень важную роль в экосистеме дождевого леса. Никакое другое растение не может существовать вблизи этой дренажной системы, где стебли выполняют свою работу.

Атаклена наклонилась, чтобы рассмотреть получше. Корона ее продолжала волноваться; сама

она казалась заинтересованной.

— А почему пруд так окрашен? В воде какие-то примеси?

— Да, верно. Если бы у нас были приборы, я мог бы показать тебе, что в воде каждого бассейна преобладают различные элементы и соединения. Лианы образуют огромную сеть, по которой питательные элементы, избыточные в одном месте, передаются в другие места.

— Торговый договор! — Шлем Атаклены распушился; это одно из тех чисто тимбримийских выражений, которые Роберт понимает. Впервые с того времени, как они вместе покинули город, она казалась чем-то искренне взволнованной.

Роберт подумал, не создает ли она в этот момент глиф — странноватый вид искусства, который, как утверждается, способны воспринимать и даже понимать некоторые люди. Роберт знал, что в этом процессе каким-то образом участвуют перьевые щупальца короны тимбрими. Однажды, сопровождая мать на дипломатическом приеме, он заметил нечто — вероятно, глиф, — плывущее над короной посла тимбрими Утакалтинга.

Это было необычное беглое ощущение — как будто видишь нечто, на что можно смотреть только слепым пятном глаза, что уходит от взгля-

да, как только сосредоточишься. И тут же, так же быстро, как появилось, видение исчезло. И Роберт так и не был уверен, видел ли он что-то или это просто игра воображения.

— Взаимоотношения, конечно, симбиотические, — сказала Атаклена.

Роберт мигнул. Она говорит, разумеется, о лианах.

— Хм, снова верно. Лианы получают питание от больших деревьев; в обмен они предоставляют питательные вещества, которые деревья не могут извлечь корнями из бедной почвы. Они также вытягивают токсины и переносят их на большие расстояния. А такие водоемы служат своеобразными банками; здесь создаются запасы веществ и происходит обмен.

— Невероятно. — Атаклена рассматривала корешки. — Имитация торгового обмена разумных существ. И, по-видимому, когда-то где-то такая способность впервые появилась у растений. Наверно, кантены начинали так же, пока садоводы линтены не возвысили их и не вывели в космос.

Она посмотрела на Роберта.

— Занесен ли этот феномен в каталог? Предполагается, что з'танги исследовали Гарт, прежде чем Институты передали ее вам, людям. Я удив-

лена, что никогда не слышала об этом.

Роберт позволил себе слегка улыбнуться.

— Конечно, з'танги в своем отчете в Великую Библиотеку упомянули способности растений к химическому обмену. Трагедия Гарта отчасти объясняется тем, что перед появлением землян, перед тем, как мы получили лицензию на планету, вся эта система чуть не погибла. А если бы это действительно случилось, весь континент превратился бы в пустыню.

— Но з'танги упустили нечто важное. Они как будто не заметили, что лианы передвигаются по лесу, ищут новые минеральные соединения для своих хозяев-деревьев. Лес, подобно всякому активному торговому сообществу, приспосабливается. Он меняется. И есть надежда, что при нужном толчке здесь и там эта сеть станет основой восстановления экосферы планеты. И в таком случае мы могли бы получить неплохую прибыль, продавая эту технику нуждающимся повсюду.

Он надеялся, что Атаклена обрадуется, но та, опустив корешки в янтарную воду, ответила холодным тоном:

— Ты словно гордишься тем, что поймал такую серьезную и мудрую древнюю расу, как з'танги,

на ошибке, Роберт. Как говорится в одной из ваших телепьес: «Ити и Библиотеку снова застали с молоком на губах». Верно?

— Минутку. Я...

— Ответь мне. Вы, люди, собираетесь утаить эту информацию и всякий раз злорадствовать, выдавая ее по крохам? Или станете на всех перекрестках кричать то, что и так всем известно: что Великая Библиотека несовершенна и никогда не была совершенной?

Роберт мигнул. Земляне обычно представляют себе тимбрими хорошо приспосабливающимися, мудрыми и часто озорными существами. Но сейчас Атаклена вела себя, как любая молодая упрямая женщина, всегда готовая к спору.

Правда, некоторые земляне заходят слишком далеко, критикуя галактическую цивилизацию. Как первая за последние пятьдесят мегалет раса «волчат», люди иногда слишком громко хвастают, что они единственные сумели выйти в космос без чьей-либо помощи. Почему же в таком случае они должны считать обязательным для себя все, что содержится в Большой Библиотеке пяти галактик? Земные средства массовой информации поддерживали презрительное отношение к чужакам, которые предпочитают справиться

в Библиотеке, чем выяснить что-то самостоятельно.

И причины для такого отношения есть. Альтернатива, в соответствии с мнением земных психологов, в разрушающем расовом комплексе неполноценности. Гордость жизненно важна для единственной известной во вселенной «отсталой» расы. Она стоит между человечеством и отчаянием.

К несчастью, такое отношение вызвано враждой со стороны многих чуждых цивилизаций, которые в противном случае могли бы стать друзьями человечества.

Но так ли уж причастен к этому народ Атаклены? Тимбрими известны тем, что обнаруживают пробелы в традиции и не удовлетворяются тем, что им приносит прошлое.

— Когда вы, люди, поймете, что вселенная опасна, что существует много древних могущественных кланов, которые не любят выскочек, особенно новичков, настаивающих на реформах, не представляя себе их последствий?

Теперь Роберт понял, что имеет в виду Атаклена, какова истинная причина ее взрыва. Он выпрямился на берегу пруда и отряхнул руки.

— Послушай, мы ведь в сущности не знаем,

что сейчас происходит в галактике. Но вряд ли наша вина в том, что корабль с экипажем из дельфинов...

— «Стремительный».

— ...да, «Стремительный» случайно открыл нечто странное, что-то такое, что до сих пор никто не заметил. Всякий мог бы наткнуться на это! Дьявольщина, Атаклена! Мы ведь даже не знаем, что нашли эти бедняги неодельфины! Последнее, что мы о них слышали: за их кораблем от пункта перехода Моргран гонится двадцать разных флотов — и все дерутся друг с другом за право захватить «Стремительный».

Роберт обнаружил, что у него ускорился пульс. Сжатые руки показывали, насколько его самого волнует эта тема. В конце концов уже то, что вселенная грозит обрушиться на тебя, способно вызвать раздражение; но особенно плохо, что это связано с событиями в килопарсеках отсюда, среди красных звезд, слишком слабых, чтобы их увидеть.

Глаза Атаклены с темными веками встретились с его взглядом, и впервые он ощутил в них понимание. Ее рука с длинными пальцами легко изогнулась.

— Я слышу, что ты говоришь, Роберт. И знаю,

что иногда слишком поспешна в суждениях. Отец постоянно советует мне изживать этот недостаток. Но ты должен помнить, что мы, тимбрими, защитники и союзники Земли с того времени, как ваши неуклюжие, медлительные космические корабли вторглись в наше пространство, восемьдесят девять пактааров назад. Иногда это утомляет, и ты должен простить, если временами утомление сказывается.

— Что утомляет? — Роберт смутился.

— Ну, во-первых, со времен Контакта мы вынуждены были изучать и выносить набор волчьих щелканий и рычаний, который вы имеете наглость называть языком.

Выражение лица Атаклены оставалось спокойным, но Роберту казалось, что он действительно чувствует слабое нечто, исходящее от ее короны.

Это нечто как будто отражало то, что земная девушка выражает мимикой.

Очевидно, Атаклена поддразнивает его.

— Ха-ха! Очень смешно. — Он посмотрел на землю.

— Серьезно, Роберт, разве мы все семь поколений с Контакта не уговариваем вас и ваших клиентов действовать помедленнее? «Стремительному» просто не следовало залетать так

далеко. Ему не место там, особенно пока ваша раса молода и беспомощна.

— Вы не можете остановиться, не можете не испытывать правила, проверяя, какие позволено нарушать, какие нет!

Роберт пожал плечам.

— Это часто себя оправдывает.

— Да, но разве всегда — как же эта звериная идиома? — всегда ваши кони возвращаются к своим стойлам?

— Роберт, теперь фанатики вас не оставят в покое. Они будут преследовать корабль дельфинов, пока не захватят его. И если не смогут таким путем получить информацию, могучие кланы, такие, как соро и йофур, найдут другие способы.

В узком столбе солнечного света плясали пылинки, блестели разбросанные лужи. В наступившей тишине Роберт тащился по мягкому перегною, понимая, на что намекает Атаклена.

Йофур, соро, губру, танду — могучие расы галактических патронов, постоянно демонстрирующие свою враждебность человечеству. Если не удастся захватить «Стремительный», следующий их шаг очевиден. Рано или поздно один из этих кланов обратит свое внимание на Гарт, или Атлас, или Калафию — наиболее отдаленные

и беззащитные колонии Земли. Попытается захватить заложников и с их помощью разузнать тайны корабля дельфинов. В соответствии с либеральными законами, установленными древним галактическим Институтом Цивилизованных Войн, это даже допустимо.

«Какая ирония, — с горечью думал Роберт. — Дельфины вообще ведут себя не так, как ожидают от них педантичные галактические эксперты».

Согласно традиции, раса клиентов оказывается в долгу у патронов, космической цивилизации, «возвысившей» эту расу до разума. Люди поступили так с шимпанзе вида «пан» и дельфинами рода «турсиопс» еще до того, как встретились в космосе с чужаками. Таким образом человечество неосознанно воспроизвело образец, который уже в течение трех миллиардов лет господствует в галактике.

Согласно традиции, раса клиентов служит патронам в течение ста тысяч лет и больше, пока не будет освобождена от службы и сможет искать собственных клиентов. Галактические кланы и не представляли себе, сколько свободы было дано людьми шимпам и дельфинам. Трудно сказать, как поступят дельфины, если люди окажутся заложниками. Но это, конечно, не остановит

галактов. Расположенные в далеком космосе пункты прослушивания уже подтвердили самые худшие опасения. Уже сейчас, в тот момент, как он разговаривает с Атакленой, к Гарту приближаются военные флоты.

— И что еще хуже, — негромко продолжила Атаклена, — это собрание древних космических кораблей, которые будто бы нашли дельфины... эти брошенные корабли не представляют для вас никакой ценности. Что они для ваших планет, с их фермами, парками, орбитальными городами? Я не понимаю, почему Совет Земли приказал «Стремительному» хранить тайну, в то время когда вы настолько уязвимы!

Роберт снова посмотрел на землю. У него нет ответа. Если посмотришь с такой точки зрения, решение кажется нелогичным. Он подумал о своих соучениках и друзьях, они готовятся к сражению, они будут сражаться за дело, которого никто из них не понимает. Это очень трудно.

Атаклене, конечно, тоже трудно: в разлуке с отцом, она одна на чужой планете из-за ссоры, которая не имеет к ней отношения. Роберт решил оставить последнее слово за нею. Она видела больше во вселенной, чем он, и происходит из более старого клана, имеющего более высокий

межзвездный статус.

— Может, ты и права, — сказал он. — Может, ты права.

«А может быть, — напомнил он себе, помогая ей надеть рюкзак и надевая потом собственный, — может быть, молодая тимбрими так же несведуща и неопытна, как любой человеческий подросток, она тоже испугана и оторвана от дома».

Глава 5
ФИБЕН

— Разведывательный корабль «Бонабо» вызывает разведывательный корабль «Проконсул»! Фибен, ты опять вышел из строя. Давай, старина шимп, занимай свое место.

Фибен дергался у приборов своего древнего, построенного чужаками корабля. Только включенный микрофон удержал его от выражения своего мнения с помощью богатейшего запаса непристойностей. Наконец, в отчаянии он пнул временную панель управления, установленную техниками Гарта.

И это подействовало! Загорелся красный огонек, и верньеры антигравитации ожили. Фибен

вздохнул. Наконец-то!

Конечно, от усилий лицевая пластина его шлема запотела.

— За все это время можно было бы придумать приличный обезьяний костюм, — проворчал он, включая антиконденсаторный прибор. Прошло не меньше минуты, прежде чем звезды появились вновь.

— В чем дело, Фибен? Что ты сказал?

— Я сказал, что вовремя верну в строй эту старую лохань, — рявкнул Фибен. — Ити не будут разочарованы.

Популярное сленговое выражение чужаков-галактов «ити» — аббревиатура двух корней, входивших в английское слово «Extraterrestrials». Но одновременно оно напомнило Фибену о еде. Уже несколько дней он жил на корабельной пасте. И все бы отдал за свежего цыпленка и салат из пальмовых листьев — прямо сейчас!

Специалисты по питанию всегда пытались ограничить мясное в рационе шимпов. Утверждают, что слишком много мяса — плохо для кровяного давления.

«Дьявольщина, еще бы баночку горчицы и последний номер „Хеления таймс“», — подумал Фибен.

— Эй, Фибен, ты всегда в курсе последних слухов. Известно, кто на нас нападает?

— Я знаком с шимми из штата координатора, а у нее приятель в разведке. Он ей сказал, что это, возможно, соро или танду.

— Танду! Надеюсь, ты шутишь, — снова послышался голос Саймона, и Фибен с ним согласился. О таком лучше просто не думать.

— Ну, я бы сказал, что это просто шайка садовников линтенов проверяют, хорошо ли мы обращаемся с растениями.

Саймон рассмеялся, и Фибен этому обрадовался. Веселый ведомый стоит половины офицерского жалованья.

Он вывел свой маленький корабль на рассчитанную траекторию.

Разведчик, купленный несколько месяцев назад у торговца ломом ксатинни, был гораздо старше народа шимпов. Когда его предки еще ссорились с бабуинами под пальмами Африки, этот корабль участвовал в боевых действиях среди далеких звезд. И управляли им руки, когти, щупальца других бедняг, которые тоже обречены были ждать в засаде и умирать в бессмысленных межзвездных сражениях.

Фибену дали лишь две недели на изучение

корабля и научили галактической письменности для того, чтобы он читал надписи на приборах. К счастью, конструкции в древней галактической культуре меняются медленно, и у всех кораблей есть немало общего.

Но одно несомненно: галактическая технология впечатляет. Лучшие корабли человечества по-прежнему покупаются, а не строятся. И хоть эта старая лохань скрипит и дребезжит, вероятно, сегодня она переживет его.

Вокруг Фибена сверкали яркие звезды, только в одном месте туманность Ложка закрывала часть галактического диска. В этом направлении находится Земля, родина племени Фибена, которую он никогда не видел и, вероятно, уже не увидит.

С другой стороны Гарт — яркая зеленая искра всего лишь в трех миллионах километров. Крошечный флот планеты слишком слаб, чтобы прикрыть отдаленный пункт гиперпространственного перехода или даже просто отстоять внутреннюю систему. Пестрое собрание разведчиков, сборщиков метеоритов и переоборудованных торговых кораблей — плюс три современных корвета — едва ли способно защитить саму планету.

К счастью, Фибен не командует флотом и ему

не нужно думать об их жалких перспективах. Ему нужно только ждать и выполнять свой долг. И он не собирается проводить оставшееся время, размышляя об уничтожении.

Он попытался отвлечься, думая о семействе Тропов, небольшом клане на острове Квинтана, который недавно пригласил его участвовать в групповом браке. Для современного шимпа это серьезное решение, как и для двух или трех человек, которые решают объединиться и создать семью. И Фибен уже несколько недель раздумывает над этим предложением.

У клана Тропов прекрасный уютный дом, они заботливо ухаживают друг за другом, у них хорошие профессии. Все взрослые привлекательные и интересные шимпы, и у всех зеленые генетические карты. С социальной точки зрения это очень выгодный ход.

Но, конечно, есть у него и недостатки. Прежде всего, придется переселиться из Порт-Хелении на острова, где по-прежнему живет большинство поселенцев — шимпов и людей. Фибен не уверен, что готов к этому. Ему нравятся открытые просторы континента, свобода гор и приволье диких равнин Гарта.

Есть и другие немаловажные соображения.

На самом ли деле он нужен Тропам, или они пригласили его, потому что Комитет по возвышению неошимпанзе дал ему синюю карту — разрешение на продолжение рода почти без ограничений?

Выше только белая карта. Синий статус означает, что он может присоединяться к любой брачной группе и заводить детей при минимальных генетических консультациях. И это, конечно, подействовало на Тропов, когда они приглашали его.

— Не занимайся самообманом, — проворчал он наконец. Вопрос, конечно, неясный. Но теперь у него мало шансов вообще вернуться домой.

— Фибен? Ты еще здесь, малыш?

— Да, Саймон. Что нового?

Наступила пауза.

— Только что разговаривал с майором Фортнессом. Он говорит, что беспокоится по поводу четвертого додеканта.

Фибен зевнул.

— Люди всегда беспокоятся. Все время. Вот что значит быть патроном.

Его партнер рассмеялся. На Гарте даже хорошо образованные шимпы постоянно подтрунивают над людьми. Люди воспринимают это спокойно;

те, кто этого не может, надолго не задерживаются.

— Вот что я решил, — передал Фибен Саймону. — Подлечу к четвертому додеканту и погляжу, что там.

— Мы не должны расходиться, — послышался слабый протестующий голос в наушниках. Впрочем, они оба знали, что ведомый ничего не изменит в случае схватки.

— Да я мигом, — заверил друга Фибен. — Оставь мне бананов.

Он постепенно и осторожно включал поля стасиса и гравитационные, обращаясь с древней машиной, как с девственницей-шимми в ее первом розовом цикле. Разведчик постепенно набирал скорость.

План обороны был тщательно продуман с учетом консервативной психологии галактов. Корабли землян образовали сеть, при этом самые большие корабли оставались в резерве. Разведчикам, таким, как Фибен, полагалось заранее доложить о приближении врага, чтобы флот успел перегруппироваться.

Проблема состояла в том, что разведчиков слишком мало, чтобы перекрыть все направления.

Фибен через сиденье ощущал дрожь от работы могучих двигателей. Скоро корабль уже быстро перемещался по звездному полю. «Надо отдать должное галактам, — подумал Фибен. Они консервативны и нетерпимы, иногда напоминают фашистов, но корабли строят хорошие».

Тело в космическом костюме зудело. Фибен пожалел, что пилоты-люди слишком велики для управления этими крошечными кораблями ксатинни.

Любопытно взглянуть, как будет пахнуть пилот после трех дней в космосе.

Часто, в свои самые мрачные минуты, Фибен думал, так ли уж хорошо, что люди сделали из обезьян инженеров, поэтов и астронавтов. Обезьяны были бы счастливее, оставаясь в лесу. Где бы он сейчас был, если бы люди воздержались от действий? Был бы грязен и невежествен. Но по крайней мере, мог бы чесаться сколько угодно и где угодно!

Как ему не хватает местного клуба ухода. Как приятно, когда тебя расчесывают гибкие пальцы шимми, а ты лежишь в тени и болтаешь ни о чем!

На экране загорелся розовый огонек. Фибен протянул руку и постучал по экрану, но огонек

не исчез. Больше того, он увеличился, разделился надвое, потом каждая часть разделилась в свою очередь.

Фибен похолодел.

— Клянусь невоздержанностью Ифни!.. — выругался он и нажал кнопку общего сигнала. — Разведчик «Проконсул» — всем кораблям. Они за нами! Три... нет, четыре группы боевых кораблей идут с уровня В гиперпространства в четвертом додеканте!

Он замигал, увидев, как из ничего возникла пятая флотилия; огоньки мерцали, корабли появлялись в реальном времени и сбрасывали в реальное пространство излишки гипервероятности. И даже на таком расстоянии видно было, что корабли эти огромные.

В наушниках разразилась буря.

— Клянусь вдвое сложенным мужеством моего волосатого дядюшки! Откуда они знают, что у нас здесь дыра?

— ...Фибен, ты уверен? Почему они выбрали именно это...

— ...Да кто они такие? Можешь...

Все смолкли, услышав голос майора Фортнесса.

— Сообщение получено, «Проконсул». Мы идем. Пожалуйста, Фибен, включи повтор.

Фибен хлопнул себя по шлему. Он уже несколько лет не тренировался, а все забывается. Он включил телеметрию, чтобы остальные могли получать данные его приборов. Конечно, это делает его легкой целью, но какая разница? Противник явно знает расположение защитников, вероятно, до последнего корабля. Фибен уже заметил летящие к нему ракеты.

Прощай, внезапность и укрытие, преимущества слабых! Сближаясь с противником — каким бы дьяволом он ни был! — Фибен отметил, что возникающая армада захватчиков расположена между ним и зеленой искоркой Гарта.

— Здорово! — фыркнул он. — По крайней мере меня сожгут на пути домой. Может, несколько клочков шерсти долетят туда раньше ити.

— Надеюсь, если кто загадает желание на падающую звезду, оно исполнится.

Он увеличил скорость древнего разведчика и почувствовал, как напрягается поле стасиса. Гул двигателей стал выше. Фибену показалось, что боевая песня корабля звучит почти радостно.

Глава 6

УТАКАЛТИНГ

Четыре человека-офицера шагнули на паркетный пол оранжереи, их блестящие ботинки четко и ритмично стучали. Трое остановились на почтительном расстоянии от большого окна, у которого стояли посол и планетарный координатор. Но четвертый прошел вперед и четко отдал честь.

— Мадам координатор, началось. — Седеющий офицер достал из сумки документ и протянул его.

Меган Онигл взяла протянутый листок. Утакалтинг восхитился ее выдержкой. На ее лице не отразилось то отчаяние, которое она должна была почувствовать, получив худшее из возможных известий.

— Спасибо, полковник Мейвен, — сказала она.

Утакалтинг заметил, что младшие офицеры украдкой поглядывают на него.

Очевидно, гадают, как воспринял новость посол тимбрими. Внешне он оставался спокоен, как и подобает дипломату. Но концы его короны невольно задрожали: он ощутил напряжение, которое принесли посыльные во влажную теплицу.

Из широкого окна открывался отличный вид на долину Синда, усеянную фермами и рощами деревьев, местных и привезенных с Земли. Прекрасная мирная картина. И только Великая Бесконечность знает, сколько еще она продержится. А в настоящее время Ифни не поверяет свои планы Утакалтингу.

Планетарный координатор Онигл быстро просмотрела отчет.

— Есть сведения о том, кто наш враг?

Полковник Мейвен покачал головой.

— Пока нет, мэм. Но флоты сближаются. Скоро узнаем.

Несмотря на серьезность положения, Утакалтинг в который раз удивился странному архаичному диалекту, которым пользуются люди на Гарте. Во всех остальных человеческих колониях, где он побывал, англик пестрит заимствованиями из гал-семь, два и десять. Здесь, однако, язык почти не изменился за два поколения после получения людьми лицензии на Гарт.

«Удивительные, великолепные существа», — подумал Утакалтинг. Только здесь, в глубинке, можно услышать такие чистые, древние выражения.

Например, обращение к руководителю-жен-

щине «мэм». В любом другом человеческом мире к руководителю обращаются с нейтральным «сэр», независимо от пола.

На Гарте много необычного. За время своего пребывания здесь Утакалтинг выслушал много невероятных рассказов, странных, очень странных новостей, которые приносили из дикой местности фермеры, охотники и работники службы экологии. Много ходит слухов. Слухов о странных происшествиях в горах.

Конечно, в основном это только вымыслы. Преувеличения, сплетни, хвастовство. Именно этого и можно ожидать от волчат, живущих на краю цивилизации. И тем не менее у Утакалтинга возникла идея.

Он молча выслушал доклады офицеров-штабистов. Наконец все смолкли.

Молчание смельчаков, ощущающих свою обреченность. И только тогда Утакалтинг негромко заговорил.

— Полковник Мейвен, вы уверены, что противник пытается полностью изолировать Гарт?

Советник по обороне поклонился Утакалтингу.

— Господин посол, мы знаем, что гиперпространство заминировано вражескими крейсерами в районе шести миллионов километров по

крайней мере на четырех главных уровнях.

— Включая уровень Д?

— Да, сэр. Разумеется, это означает, что мы не можем послать ни один из наших легковооруженных кораблей в остающиеся гиперпространственные коридоры, даже если бы могли выделить их. Но это также означает, что пробиться к Гарту чрезвычайно сложно.

На Утакалтинга это произвело впечатление.

«Заминировали Д-уровень. Я не думал, что они до этого дойдут. Явно не хотят, чтобы кто-то вмешался в их операцию!»

Это свидетельствует об огромных затратах средств и сил. Кто-то не покладая рук работает над этой операцией.

— Вопрос спорный, — сказала планетарный координатор. Меган смотрела на холмистые луга Синда, с их фермами и исследовательскими станциями.

Прямо под окном садовник-шимп на тракторе обрабатывал широкий газон земной травы у дома правительства.

Меган повернулась к офицерам.

— Последний связной корабль доставил приказ Совета Земли. Мы должны защищаться, насколько хватит сил, защищая свою честь и для истории.

Но после этого можем надеяться только на ограниченное подпольное сопротивление, пока не придет помощь извне.

Утакалтинг чуть не рассмеялся вслух: в этот момент люди в помещении изо всех сил старались не смотреть на него. Полковник Мейвен откашливался и разглядывал свой доклад. Офицеры любовались яркими цветущими равнинами.

Но совершенно очевидно, о чем они думают.

Из немногих галактических кланов, которых Земля может считать друзьями, только тимбрими обладают достаточной военной мощью, чтобы помочь в этом кризисе. Люди считают, что тимбрими не оставят их вместе с клиентами в беде.

И они правы. Утакалтинг знал, что союзники будут вместе расхлебывать кашу.

Но ясно также, что маленький Гарт далеко от центра событий. И думать будут прежде всего о родной планете.

«Неважно, — решил Утакалтинг. — Цель оправдывает средства».

И, как ему ни хотелось, Утакалтинг подавил в себе желание рассмеяться. Это только привело бы в замешательство бедных, убитых горем людей. Конечно, за время своей карьеры он встречал людей, склонных к авторитаризму. Некоторые

даже могли соперничать с тимбрими. Однако большинство из них так трезвы и скучны! Отчаянно стараются быть серьезными в моменты, когда только юмор поможет преодолеть неприятности.

Утакалтинг был удивлен.

«Как дипломат я приучился следить за каждым словом, чтобы наша склонность к шуткам не вызывала неприятных инцидентов. Но разумно ли это?

Моя родная дочь переняла эту привычку от меня... саван серьезности. Может, поэтому и выросла такой необычайно странной и серьезной».

Вспомнив об Атаклене, он еще больше захотел прояснить ситуацию. Иначе он может поступить по-человечески и подумать об опасности, угрожающей дочери. Он знал, что Меган беспокоится о сыне. «Она недооценивает Роберта, — подумал Утакалтинг. — Ей следовало бы лучше знать возможности парня».

— Дорогие леди и джентльмены, — сказал он, наслаждаясь архаизмом. И дурачась, лишь слегка расширил глаза. — В ближайшие дни мы можем ожидать прибытия фанатиков. Вы подготовили планы сопротивления с учетом имеющихся незначительных ресурсов. Эти планы будут осу-

ществлены.

— Однако? — В слове, которое произнесла Меган Онигл, звучала вопросительная интонация. Брови ее над темными зрачками выгнулись — глаза большие и широко расставленные, почти в классическом тимбримийском стиле.

Ошибиться в значении ее взгляда невозможно.

«Она, как и я, знает, что на кон поставлено гораздо большее. И если у Роберта есть хоть половина мозгов его матери, мне нечего опасаться за Атаклену, которая сейчас в темных лесах этого печального опустошенного мира».

Корона Утакалтинга задрожала.

— Однако, — повторил он, — я считаю, что нам следует проконсультироваться с Библиотекой.

Утакалтинг почувствовал их разочарование. Поразительные существа!

Скептицизм тимбрими по отношению к современной галактической культуре никогда не заходил так далеко, до полного презрения к Великой Библиотеке.

А многие земляне именно это испытывают!

«Волчата». Утакалтинг незаметно вздохнул. И создал над головой глиф сиулф-та — предчувствие головоломки, слишком сложной, чтобы ее можно было решить. Призрак, невидимый

людям, выжидательно вращался. Но внимание Меган на мгновение отвлеклось, она как будто готова была что-то увидеть.

«Бедные волчата. Несмотря на ее недостатки, именно в Библиотеке все начинается и кончается. В этой сокровищнице знаний всегда можно найти решение. И пока вы не поймете это, друзья мои, небольшие неприятности, вроде военных флотов, будут постоянно отравлять такие прекрасные весенние дни».

Глава 7
АТАКЛЕНА

Роберт шел в нескольких футах перед нею, перерубая мачете ветки, загораживающие узкий проход. Яркие лучи местного солнца — Гимельхая — пробивались через лесной полог, и весенний воздух был теплым.

Атаклена радовалась неспешному движению. С измененной фигурой ходьба сама по себе становилась необычным делом. Интересно, как земные женщины всю жизнь ходят с такими широкими бедрами. Наверно, это цена, которую приходится платить за большеголовых детей. Гораздо разумнее рожать маленьких и потом

выращивать их в сумке.

Этот эксперимент — изменение формы тела, чтобы оно больше походило на человеческое, — стал одним из самых интересных моментов в посещении этой земной колонии. Так незаметно, как здесь, она не могла бы расхаживать среди рептилоидных соро или йофуров, с их кольцами сока. И в процессе изменения она больше узнала о психологическом контроле, чем научили ее инструкторы в школе.

И все же неудобства значительны, и она подумывает об окончании эксперимента.

«О, Ифни! — На кончиках ее щупалец возник глиф раздражения. — Возврат к исходному облику потребует столько усилий, что и не стоит пробовать».

Есть ограничения даже у невероятно приспособительной физиологии тимбрими. Если слишком много перемен происходит в короткий срок, наступает энзимное истощение. Тем не менее лестно кеннировать смятение в сознании Роберта. «Действительно ли я его привлекаю?» — думала Атаклена. Год назад такая мысль шокировала бы ее. Даже юноши тимбрими заставляли ее нервничать, а Роберт ведь чужак!

Но теперь почему-то она испытывала не отвра-

щение, а любопытство.

Есть нечто завораживающее в раскачивании рюкзака, в ритме, с которым мягкие подошвы ступают по тропе, в разогретых мышцах ног, слишком долго ограничивавших свое движение лишь улицами города. Здесь, на средних высотах, воздух влажный и теплый. В них тысячи разнообразных запахов: разлагающийся перегной, кисловатый запах человеческого пота.

Атаклена шла вслед за Робертом по вершине хребта с крутыми склонами.

Впереди, на некотором расстоянии, слышалось негромкое гудение. Похоже на работу мощных двигателей, на какую-то промышленную установку. Гудение стихало, потом возникало вновь и все усиливалось, по мере того как они приближались к его таинственному источнику. Очевидно, Роберт хочет удивить ее, поэтому Атаклена сдержала удивление и не задавала вопросов. Наконец Роберт остановился и подождал на повороте тропы. Он закрыл глаза, сосредоточившись, и Атаклене показалось, что на мгновение она уловила очертания примитивного эмоционального глифа. Но это не подлинный кеннинг, в сознании возникло видимое изображение — высокий ревущий фонтан в ярких растормошенных синих и

зеленых цветах.

«Он все совершенствуется», — подумала Атаклена. Потом подошла к повороту и удивленно ахнула.

Капли, миллиарды крошечных жидких линз сверкали в солнечных лучах, прорезающих облачный лес. Гудение, которое слышалось уже с час, превратилось в громогласный рев; от него дрожали стволы справа и слева, он отражался в скалах и костях. Прямо впереди огромный водопад переливался через гладкие камни и падал в пене и брызгах в каньон, пробитый за долгие века.

Падающая река — это излишество природы, она красочна и горда. Ни у одного человеческого шута нет такого бесстыдства, ни у одного поэта — такой гордости.

Невозможно воспринять ее только слухом и зрением. Щупальца Атаклены напряглись, они искали, кеннировали. Это один из тех редчайших моментов, о которых иногда говорят тимбримийские мастера глифов: весь мир соединяется в эмпатической сети, тогда как обычно в ней участвуют только живые существа. И в это затянувшееся мгновение Атаклена поняла, что древний Гарт, израненный и искалеченный, еще

может петь.

Роберт улыбнулся. Атаклена встретилась с ним взглядом и тоже улыбнулась. Руки их соединились. Долго стояли они молча и смотрели на сверкающую, вечно изменчивую радугу, изогнувшуюся над потрясающим потоком.

Странно, но Атаклена испытала печаль, пожалела, что увидела это чудо.

Ей не хотелось открывать здесь красоту. От этого судьба маленькой планеты кажется еще более трагичной.

Сколько раз досадовала она, что Утакалтинг принял это назначение? Но такие пожелания редко что-нибудь меняют.

Как она ни любила отца, часто он казался Атаклене непостижимым.

Слишком сложны причины его решений, слишком непредсказуемы действия.

Например, он принял этот скромный пост, хотя мог получить гораздо более престижный. Достаточно было только сказать.

Он послал ее в горы с Робертом... и она сразу поняла, что не «для безопасности». Неужели она на самом деле должна искать экзотические горные существа? Маловероятно. Наверно, Утакалтинг предложил это, чтобы отвлечь ее от беспокойных

мыслей.

Потом она подумала об этом с другой стороны.

Неужели отец действительно считает, что она может установить связь... с человеком? Ноздри ее раздулись при этой мысли. Сдерживая корону, чтобы не выдать своих мыслей, она отпустила руку Роберта и почувствовала облегчение, когда он не стал ее удерживать.

Атаклена скрестила руки и вздрогнула.

Дома она несколько раз вступала в пробные отношения с юношами, в основном с одноклассниками. В семье это вызывало немало споров до смерти матери. Матиклуанна очень беспокоилась о своей замкнутой и отчужденной дочери. Но отец не настаивал, чтобы Атаклена делала то, чего ей не хочется.

«Может, только до настоящего времени?»

Роберт, несомненно, очарователен и привлекателен. У него плоские скулы, широко расставленные глаза; он красив, каким только может быть красив человек. Но сам факт, что она может думать о нем в таких выражениях, шокировал Атаклену.

Щупальца ее дернулись. Она покачала головой и уничтожила нарождающийся глиф, прежде чем осознала, каков он. Эту проблему она не желает

обдумывать, особенно накануне предстоящей войны.

— Водопад прекрасен, Роберт, — тщательно произнесла она на англике. — Но если мы останемся здесь дольше, совсем промокнем.

Он, казалось, очнулся от глубокой задумчивости.

— О, да, Кленни. Пошли. — С легкой улыбкой он повернулся и пошел, испуская смутные далекие волны человеческой эмпатии.

Тропический лес полосами тянулся меж холмов; дорога поднималась, и идти становилось все труднее. Небольшие гартианские животные, редкие и робкие внизу, здесь постоянно шуршали за буйной листвой и иногда даже издавали вызывающие крики.

Вскоре путники поднялись на вершину хребта, где торчала цепь камней, голых и серых, как костные пластины древних ящеров, которых как-то показывал Атаклене Утакалтинг в одной из книг по истории Земли. Сняли рюкзаки и расположились на отдых. Роберт рассказал, что никто не может объяснить происхождение этих цепей, которые постоянно встречаются в Мулунских горах.

— Даже в отраслевой Библиотеке на Земле нет

ссылки, — сказал он и провел рукой по неровной поверхности камня. — Мы направили запрос малой срочности в ветвь Библиотеки на Таците. Может, через столетие компьютеры Библиотеки найдут отчет какой-нибудь давно исчезнувшей расы, и тогда мы узнаем ответ.

— Но ты надеешься, что и там не будет ответа, — сказала Атаклена.

Роберт пожал плечами.

— Я бы предпочел, чтобы это осталось тайной. И тогда, может, мы первые ее раскроем. — И он задумчиво посмотрел на камни.

Большинство тимбрими рассуждает так же. Они предпочитают хорошую головоломку готовому ответу. Но не Атаклена. Такое отношение к Библиотеке она считала нелепым.

Без Библиотеки и других галактических Институтов кислорододышащие существа, преобладающие в пяти галактиках, давно пришли бы в упадок и, может, истребили друг друга в свирепой тотальной войне.

Правда, большинство космических рас слишком полагается на Библиотеку.

А Институты только смягчают ссоры наиболее ограниченных и злобных старших патронов. Нынешний кризис самый последний в их цепи,

которая уходит в прошлое, когда еще не существовала ни одна из нынешних рас.

Но именно эта планета показывает, что может произойти, если будут сброшены узы древней традиции. Атаклена прислушалась к звукам леса.

Прикрыв глаза, она наблюдала за стайкой маленьких пушистых существ, которые перелетали с ветви на ветвь в направлении полуденного солнца.

— По внешнему виду никогда не догадаешься, что это планета после катастрофы, — негромко сказала она.

Роберт положил рюкзаки в тень камня и начал нарезать соевую салями и хлеб.

— Прошло пятьдесят тысяч лет, с тех пор как бурураллi устроили катастрофу на Гарте, Атаклена. Достаточно времени, чтобы немногие выжившие виды распространились и заполнили образовавшиеся ниши. Теперь, вероятно, нужно быть зоологом, чтобы заметить, сколько видов отсутствует.

Корона Атаклены вытянулась во всю длину, кеннируя слабые волны эмоций в окружающем лесу.

— Я заметила, Роберт, — сказала она. — Я могу

это чувствовать. Водораздел жив, но нет того многообразия жизни, какая должна быть в диком лесу. И никаких следов Потенциала.

Роберт серьезно кивнул. Но Атаклена понимала, что он далек от этого.

Катастрофа бурурали произошла очень давно с точки зрения землянина.

Бурурали тогда только что освободились от своей службы нагалли, расы патронов, которая возвысила их до разума. Наступало особенное время для бурурали, потому что только выполнив свои обязательства, раса клиентов становилась патроном и могла организовывать свои колонии. И когда наступило время, галактический Институт Миграции решил, что невозделанная планета Гарт пригодна для ограниченного возделывания. Как обычно, Институт ожидал, что туземные формы жизни, особенно те, у которых может развиться Потенциал возвышения, будут всесторонне оберегаться новыми обитателями.

Нагалли хвастали, что бурурали из предразумных неуживчивых хищников превратились в совершенных галактических граждан, ответственных и надежных, достойных такого доверия.

Как выяснилось, нагалли ужасно ошиблись.

— Ну, чего можно ждать, если вся раса сходит с ума и начинает уничтожать все с первого взгляда? — спросил Роберт. — Что-то случилось, и все бурурали превратились в безумцев. Они разрывали на части планету, о которой должны были заботиться. Неудивительно, что ты не чувствуешь никакого Потенциала в лесу Гарта, Кленни. Только крошечные существа, которые могут закапываться в землю и прятаться, скрылись от безумных бурурали. А большие и умные животные теперь там же, где прошлогодний снег.

Атаклена моргнула. Ей казалось, что она уже хорошо владеет англиком, а Роберт опять проявил странную склонность людей к метафорам. В отличие от сравнений, которые сопоставляют похожее, метафоры, вопреки всяким законам логики, утверждают, что непохожее похоже! Ни один галактический язык не подчиняется такой логике.

Обычно она как-то справлялась с такими лингвистическими трудностями, но эта смутила ее. Над дрожащей короной на мгновение возник малый глиф тив'нус — обозначение нестыковки произведенной коммуникации.

— Я слышала только краткий отчет об этом времени. А что случилось с самими убийцами

буруралли?

Роберт пожал плечами.

— Чиновники из Институтов возвышения и Миграции появились тут через сто лет после катастрофы. Конечно, инспектора пришли в ужас.

— Они обнаружили, что буруралли выродились до неузнаваемости, бродили по планете, истребляя все, что могли поймать. Но к этому времени они уже забыли современную технологию и оружие и вернулись почти на уровень когтей и клыков. Наверно, именно поэтому выжили маленькие существа.

— Экологические катастрофы не так редки, как пытаются представить Институты, но тут разразился большой скандал. Вся галактика испытала отвращение. Большинство старших рас отрядило свои боевые флоты, которые действовали под единым командованием. И вскоре буруралли перестали существовать.

Атаклена кивнула.

— Я думаю, их патроны, нагалли, тоже были наказаны.

— Верно. Они утратили статус и теперь чьи-то клиенты. Такова плата за небрежность. Мы проходим эту историю в школах. Несколько раз.

Роберт протянул ей салями, но Атаклена пока-

чала головой. Ее аппетит пропал.

— И вы, люди, унаследовали подлежащий восстановлению мир.

Роберт отложил еду.

— Да. Поскольку у нас две расы клиентов, нам положены колонии, но Институты нам всегда предлагают остатки чужих катастроф. Нам приходится напряженно работать, чтобы восстановить экосистему этой планеты, но Гарт еще очень хорош, если сравнивать с другими. Тебе следовало бы взглянуть на Дими или Хорст в скоплении Канаан.

— Я слышала о них. — Атаклена вздрогнула. — Не думаю, что мне хочется их увидеть...

Она смолкла на середине предложения.

— Я не... — Веки ее затрепетали, она огляды-валась, ощутив неожиданное смятение. — Ту'ун дан! — Ее шлем встопорщился. Атаклена быстро встала и пошла — в полутрансе — туда, где камни возвышались над вершинами дождевого облачного леса.

Роберт пошел за ней.

— В чем дело?

Она негромко ответила:

— Я что-то почувствовала.

— Гм. Это меня не удивляет. У вас такая нервная

система. Ты изменила форму тела, чтобы мне было приятно. Неудивительно, что ты улавливаешь статику.

Атаклена нетерпеливо покачала головой.

— Я делала это не для того, чтобы доставить тебе удовольствие, ты, высокомерный человеческий самец! И я уже просила тебя осторожнее обращаться с этими ужасными метафорами. Корона тимбрими не радиоприемник! — Она сделала нетерпеливый жест рукой. — А теперь, пожалуйста, помолчи.

Роберт смолк. Атаклена снова сосредоточилась, пытаясь кеннировать...

Корона не может ловить статическое электричество, как радиоприемник, но помехи и для нее существуют. Атаклена искала слабую ауру, которую ощутила на мгновение, но тщетно. Все затоплял грубый и энергичный эмпатический поток Роберта.

— Что это было, Кленни? — негромко спросил он.

— Не знаю. Что-то не очень далекое, на юго-востоке. Похоже на разумные существа, на людей и неошимпанзе вместе, но было еще что-то.

Роберт нахмурился.

— Наверно, одна из экологических станций.

Тут есть еще удаленные поселения, как правило в высокогорных местах, где растет сейсин.

Она быстро обернулась.

— Роберт, я почувствовала Потенциал! На краткий миг я ощутила присутствие предразумного существа!

Лицо Роберта оставалось невыразительным, но испытал он бурные и смутные чувства.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец рассказывал мне кое-что, перед тем как мы отправились в горы. Тогда я не обратила на это внимание. Это казалось невозможным. Как волшебные сказки ваших человеческих писателей, от которых у нас, тимбрими, такие странные сны.

— Ну, вы их закупаете целыми кораблями, — вставил Роберт. — Романы, старые фильмы, три-ви, стихотворения...

Атаклена игнорировала его замечание.

— Утакалтинг упомянул о туземном существе с высоким Потенциалом... которое пережило катастрофу бурурал ли. — Корона Атаклены образовала редкий для нее глиф — сиулф-та, предвкушение радости от разгаданной головоломки. — И теперь я думаю, не окажутся ли эти легенды правдой.

Почувствовал ли Роберт мгновенное облегчение? Атаклена ощущала его грубую, но эффективную эмоциональную защиту.

— Гм. Ну, это легенда, — сказал он. — Просто рассказ волчат. Образованному галакту он вряд ли интересен.

Атаклена внимательно посмотрела на него и мягко коснулась руки.

— Ты хочешь, чтобы я подождала, пока ты с драматическим видом раскроешь эту тайну? Или хочешь избежать синяков и сразу расскажешь, что тебе известно?

Роберт рассмеялся.

— Ты очень убедительна. Может, действительно приняла волны эмпатии гартлинга?

Широко расставленные, с золотыми точками глаза Атаклены мигнули.

— Именно это слово произносил мой отец!

— Так. Значит, Утакалтинг слушал байки старых охотников за сейсином... Только представить себе: они продержались здесь больше ста земных лет!.. В них говорится, что крупное животное благодаря своей хитрости, уму, свирепости и большому Потенциалу спаслось от бурурали. Горные охотники и шимпы рассказывают об ограбленных ловушках, о том, как крадут разве-

шанное для просушки белье, о необычных следах на неприступных утесах.

— Ну, это все, вероятно, выдумки и краснобайство. — Роберт улыбнулся. — Но я помню, что эти легенды рассказывала мне мать, когда мы должны были лететь сюда. Так что я решил, что вполне можно прихватить с собой тимбрими. Не сможет ли она поймать гартлинга в свою эмпатическую сеть?

Кое-какие метафоры Атаклена понимала легко. Она сжала руку Роберта.

— И что же? — спросила она. — Только поэтому я нахожусь в этой дикой местности? Должна вынюхивать для тебя легенды?

— Конечно, — подшучивал Роберт. — Иначе зачем бы я оказался здесь с чужаком из далекого космоса?

Атаклена со свистом процедила воздух сквозь сжатые зубы. Но в глубине души была довольна. Эта людская язвительность напоминает ей обращенный разговор тимбрими. И когда Роберт рассмеялся, она обнаружила, что смеется вместе с ним. И на мгновение они забыли тревоги предстоящей войны и опасности. Для обоих это оказалось приятным и необходимым расслаблением.

— Если такое животное существует, мы долж-

ны найти его, ты и я, — сказала Атаклена.

— Да, Кленни. Мы найдем его вместе.

Глава 8
ФИБЕН

И все-таки разведывательный корабль «Проконсул» не пережил своего пилота. Он участвовал в последнем боевом вылете и погиб в космосе, но защитная оболочка сохранила жизнь.

Достаточно жизни, чтобы вдыхать острый запах шесть дней не мывшейся обезьяны и выдыхать непрерывный поток проклятий и непристойностей.

Наконец, обнаружив, что ругательства иссякают, Фибен выдохся. Он уже произвел все мыслимые и немыслимые перестановки, комбинации, противопоставления телесных, духовных и наследственных свойств, реальных и воображаемых, какими только может обладать враг. Это помогло ему выдержать собственное участие в битве, когда он пытался применить свое оружие, подобное пугачу, и избежать ответных ударов, как комар увертывается от ударов молота. После контузии от близких попаданий, после визга разрываемого металла, после потрясений и заме-

шательства он, оказывается, еще жив. Пока.

Убедившись, что капсула жизнеобеспечения исправна и не собирается расколоться, как остальные части корабля, Фибен выбрался из своего костюма и воспользовался первой за много дней возможностью почесаться. Он чесался не только пальцами рук, но и пальцами левой ноги. И, наконец, откинулся на спину, приходя в себя от переживаний.

Его главной задачей было подойти как можно ближе и собрать данные для защитников. Фибен решил пройти прямо через вражеский флот. И так и поступил.

Похоже, захватчики не оценили его комментарии, когда «Проконсул» пролетал через центр их построения. Фибен сбился со счета, сколько раз он чуть не сварился от близких разрывов. К тому времени, как он вылетел за пределы строя наступающих, вся корма «Проконсула» превратилась в застывший расплав металла.

Главный двигатель вышел из строя, конечно. Вернуться и помочь товарищам в их отчаянной схватке не было никакой возможности. Улетая все дальше от разворачивающейся битвы, Фибен мог только слушать.

Это даже не сражение. Избиение продолжалось

меньше одного дня.

Фибен помнил последний удар корвета «Дарвин» в сопровождении двух переоборудованных фрайтеров и группы разведчиков. Эта маленькая группа ударила во фланг наступающему флоту, пробила его, привела в смятение строй крейсеров в облаках дыма и в ужасных волнах вероятности.

Из этого водоворота не вышел ни один земной корабль. Фибен понял, что «Бонабо» и его друг Саймон погибли.

В данный момент, преследуя несколько уцелевших кораблей, враг уходил за ними Ифни знает куда. Нападающие не торопились, расчищали пространство, прежде чем устремиться к ждущему Гарту.

Теперь проклятия Фибена обратились на другое. В духе конструктивной критики, разумеется, он перечислял характерные недостатки расы, которую его собственное племя имело несчастье получить в качестве патронов. «Почему? — вопрошал он Вселенную. — Почему люди, эти злополучные безволосые несчастные волчата, с их невероятно дурным вкусом, возвысили неошимпанзе и ввели в галактику, которой управляют откровенные идиоты?» Иногда он

засыпал.

К нему приходили тревожные сны. Фибену снилось, что он пытается заговорить, но не может произнести ни слова. Кошмарная перспектива для существа, чьи прапрадеды говорили только с помощью специальных приборов, а еще более отдаленные предки за всю жизнь не сказали ни слова.

Фибен потел. Нет большего стыда. Во сне он почему-то искал «речь» — словно это предмет, вещь, которую можно потерять, случайно положив не на то место.

Глядя вниз, он увидел сверкающую жемчужину. Может, это дар миров, подумал Фибен и наклонился, чтобы поднять ее. Но он такой неуклюжий!

Пальцы не сгибаются, и он не смог поднять сокровище из пыли. Больше того, от его усилий она зарылась в пыль еще глубже.

Отчаявшись, он присел на корточки и подобрал ее губами.

Она обжигает! Во сне он закричал, когда в горло устремился жидкий огонь.

Но в то же время он понимал, что это странный кошмар: можно испытывать ужас и в то же время оставаться посторонним наблюдателем. Одна его

половина дергалась от боли, а другая с интересом следила за первой.

И тут же сцена изменилась. Фибен обнаружил, что стоит в толпе бородатых людей в черных плащах и мягких шляпах. Это все старики; перелистывая древние рукописи, они спорят друг с другом. Древний совет талмудистов, подумал он. Ему приходилось читать о таких во время изучения религии в университете. Раввины сидят кружком и обсуждают символизм и его библейскую интерпретацию. Один поднимает высохшую руку и указывает на Фибена.

«Кто лакает, как животное, — такого, Гидеон, не следует брать...»

— А что это значит? — спрашивает Фибен. Боль прошла. Теперь он не испуган, а заинтересован. Его приятель, Саймон, был иудеем. Это отчасти объясняет безумную сцену. Совершенно очевидно, что эти человеческие ученые пытаются растолковать его перепуганной части смысл сна.

«Нет, нет, — возражает второй мудрец. — Символы имеют отношение к суду над ребенком Моисеем. Ангел, ты помнишь, направил его руку к раскаленным углям, а не к сверкающим драгоценностям, и рот его был обожжен...»

— Но я не понимаю, что это говорит мне, — воз-

разил Фибен.

Старейший раввин поднял руку, и все замолчали.

«Сон не означает ни того, ни другого. Символизм его очевиден», — сказал он.

«Смысл его исходит от старейшей книги...»

Густые брови мудреца сосредоточенно сошлись.

«...и Адам тоже вкусил плода от древа познания добра и зла...»

— Уф! — вслух застонал Фибен, просыпаясь, мокрый от пота. Вокруг грязная душная капсула, но сохранялось и видение сна, и на мгновение Фибен усомнился в реальности. Наконец пожал плечами. «Должно быть, старина „Проконсул“ пролетел сквозь волны вероятностной мины ити, пока я спал. Да. Так, наверно, и было. Никогда не буду больше смеяться над рассказами в баре астронавтов».

Сверившись с разбитыми приборами, Фибен убедился, что битва сместилась в сторону солнца. Его собственный корабль находится точно на орбите пересечения с планетой.

— Гм, — пробормотал он, работая с компьютером. Действительно, какая ирония. Компьютер утверждает, что это планета Гарт.

В гравитационной системе еще сохранялась небольшая возможность для маневра. Может, достаточно, чтобы сбросить скорость до безопасных пределов. И — о чудо из чудес! — если его эфемериды верны, он сможет даже добраться до района Западного моря... к востоку от Порт-Хелении. Фибен в течение нескольких минут немелодично насвистывал. Он гадал, каковы шансы, что так и получится. Один к миллиону? Скорее к триллиону.

А может, Вселенная заманивает его очередной надеждой, прежде чем нанести новый удар?

Все же есть какое-то утешение в том, что под этими звездами кто-то думает и о нем лично.

Он достал сумку с инструментами и занялся необходимым ремонтом.

Глава 9
УТАКАЛТИНГ

Утакалтинг знал, что неразумно ждать дольше. Но оставался с библиотекарями, глядя, как они стараются добыть больше сведений, прежде чем наступит время уходить.

Он разглядывал техников, людей и неошимпанзе, которые суетились под высоким куполом

здания отраслевой Библиотеки планеты. У всех были задания, и все выполняли их напряженно и эффективно. Но все же чувствовался под самой поверхностью еле сдерживаемый страх.

Непрошенный, на короне Утакалтинга образовался неярко светящийся риттитис. С помощью этого глифа тимбрими обычно успокаивают испуганных детей.

«Они тебя не видят», — сказал Утакалтинг своему глифу. Однако риттитис упрямо висел, пытаясь смягчить тревогу молодых.

Но это не дети. Люди знакомы с Великой Библиотекой всего два земных столетия. Однако у них есть тысячи лет собственной истории. Им не хватает галактического блеска и образованности, но иногда этот недостаток оборачивается преимуществом.

«Редко». Риттитис сомневался.

Утакалтинг пресек спор, убрав глиф туда, где ему полагается находиться, — вглубь своего существа.

Под сводчатым каменным потолком висит пятиметровый серый монолит, увенчанный изображением крылатой спирали; в течение трех миллиардов лет это символ Великой Библиотеки. Поблизости накопители информации заполня-

ли кристаллические кубы памяти. Жужжали принтеры, выбрасывая толстые отчеты, которые кратко аннотировались и увозились.

Библиотечное отделение класса К, конечно, очень маленькое. В нем содержится эквивалент, всего в тысячу раз больший, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта. Безусловно, это капля в море по сравнению с полной отраслевой Библиотекой на Земле или общей секторной библиотекой на Таците.

Но когда Гарт падет, эта Библиотека тоже перейдет к захватчикам.

Согласно традиции, это ничего не меняет. Библиотека всегда должна действовать и быть открытой для всех, даже для воюющих, на территории которых находится. Но в такие времена, как сейчас, нельзя рассчитывать на благородство. Силы сопротивления колонистов хотели захватить с собой всю информацию, которую смогут использовать позже.

Ничтожная часть ничтожно малого. Конечно, они делают это по его предложению, но Утакалтинг был искренне изумлен, когда люди так энергично стали осуществлять его идею. К чему беспокоиться? Чего можно достичь с помощью такой ничтожной информации?

Посещение Планетарной Библиотеки служило его целям, но одновременно укрепило его мнение о землянах. Они никогда не сдаются. И это еще одна причина, по которой он находит эти создания изумительными.

Тайная пружина всего этого хаоса — его собственная шутка: ему нужно незаметно переместить несколько специфических метафайлов, что легко сделать сейчас под шумок. Никто даже не заметил, когда он приложил свой собственный приемопередающий куб к массивной Библиотеке, подождал несколько секунд и снова спрятал свое маленькое приспособление для саботажа.

Готово. Теперь в ожидании машины оставалось только наблюдать за волчатами.

Вдали раздался и пропал воющий звук. Это сирена космопорта через залив: еще один искалеченный участник схватки в космосе начал экстренную посадку. Слишком часто в последнее время раздается этот звук. Все и так знают, что выжило очень немного.

Сутолоку создавали отлетающие воздушные корабли. Многие жители континента уже бежали на цепь островов в Западном море, где до сих пор живет большая часть землян. Готовится эвакуация правительства.

Когда завыла сирена, все люди и шимпы на мгновение подняли головы.

Утакалтинг почти ощутил короной вкус сложной фуги тревоги.

«Почти ощутил вкус?

О, какая прекрасная, поразительная штука — эти метафоры! — подумал Утакалтинг. — Можно ли ощущать вкус с помощью короны? Можно ли осязать глазами? Англик — такой примитивный язык, но иногда вызывает удивительные мысли.

И разве дельфины не „видят“ ушами?»

Над раскачивающимися щупальцами сформировался новый глиф — зунур'тзун, резонирующий со страхом людей и шимпов. Да, мы все надеемся выжить, потому что хотим еще так много сделать, вкусить, увидеть, кеннировать...

Утакалтинг пожалел, что дипломатия требует в роли послов самых скучных тимбрими. Он стал послом еще и потому, что он скучен, по крайней мере по мнению тех, кто остался дома.

А бедная Атаклена еще хуже, она так серьезна и сдержанна.

Он охотно признавал, что отчасти это его вина. Поэтому он привез с собой отцовскую коллекцию доконтактных комедий землян. Ему особенно нравятся программы «Три комика». Увы, Атак-

лена, кажется, не способна воспринять тонкую иронию этих древних гениев буффонады.

С помощью силта — посыльного мертвых, которых помнят, — его давно покойная жена все еще поддразнивает его, она говорит, что их дочь должна быть дома, где жизнерадостные сверстники могли бы нарушить ее уединение.

Может быть, думал он. Но Матиклуанна свою попытку предприняла. А он верит в свои собственные методы.

Маленькая самка-неошимпанзе в мундире — шимми — остановилась перед Утакалтингом и поклонилась, уважительно сложив перед собой руки.

— Да, мисс? — Утакалтинг заговорил первым, как требует протокол. И хотя патрон говорил с клиентом, он великодушно включил старинное почтительное обращение.

— Ваше превосходительство. — Хриплый голос шимми слегка дрожал. Наверное, она впервые говорила не с землянином. — Ваше превосходительство, планетарный координатор Онигл передает, что подготовка закончена. Можно зажигать огни.

— Она спрашивает, хотите ли вы присутствовать при начале осуществления вашей...

программы.

Глаза Утакалтинга удивленно раздвинулись, взъерошенная шерсть между бровями на мгновение пригладилась. Его «программа» вряд ли заслуживает такого названия. Скорее это остроумный розыгрыш, нацеленный на захватчиков. В лучшем случае рискованная попытка.

Даже Меган Онигл не знает, что он на самом деле задумал. Конечно, жаль, но это необходимо. Даже если не удастся — а скорее всего так и будет, — все равно раз-другой можно будет усмехнуться. А смех поможет его другу в предстоящих тяжелых испытаниях.

— Спасибо, капрал, — кивнул Утакалтинг. — Пожалуйста, проводите меня.

Идя вслед за маленьким клиентом, Утакалтинг слегка сожалел о том, что многого не сделал. Хорошая шутка требует большой подготовки, и у него просто не было времени.

«Если бы только у меня было настоящее чувство юмора! Ну, ладно. Где не проходят тонкие шутки, приходится обходиться тортом с кремом».

* * *

Два часа спустя он возвращался в город от Правительственного здания.

Встреча была краткой: боевые флоты подходили к планете, и вскоре ожидалась высадка. Меган Онигл уже перевела правительство и большую часть оставшихся сил в безопасное место.

Утакалтинг понимал, что еще какое-то время есть. Захватчики не высадятся, пока не провозгласят свой манифест. Этого требуют правила Института Цивилизованных Войн.

Конечно, сейчас, когда пять галактик в смятении, многие космические кланы вольно обращаются с традициями. Но в данном случае соблюдение правил ничего не стоит врагу. Он уже победил. И теперь нужно лишь захватить территорию.

К тому же битва в космосе прояснила одно обстоятельство. Стало несомненным, что захватчики — губру.

Людям и шимпам на планете предстоят нелегкие времена. Клан губру с самого Контакта злейший враг Земли. Впрочем, птицеподобные галакты строго придерживаются правил. В собственной интерпретации, разумеется.

Меган была разочарована, когда он отклонил ее предложение переместиться в безопасное место. Но у Утакалтинга есть собственный корабль. И остаются дела в городе. Он попрощался с коор-

динатором, пообещав, что скоро они встретятся вновь.

«Скоро» — удивительная двусмысленность. Одна из многих причин, по которым он ценит англик, — поразительная неточность этого языка волчат.

В лунном свете Порт-Хеления казалась еще меньше и заброшеннее, чем днем. Впрочем, и днем это всего лишь небольшой поселок, которому угрожает опасность. Зима уже кончилась, но с востока дует сильный ветер, гонит листву по опустевшим улицам. Машина Утакалтинга направлялась к архиву посольства. Воздух был влажный, и Утакалтингу показалось, что он ощущает запах гор, в которых ищут убежища его дочь и сын Меган.

За это решение дети не поблагодарили своих родителей.

На пути к посольству тимбрими машина снова прошла мимо здания отраслевой Библиотеки. Водитель сбросил скорость, объезжая другую машину.

И поэтому Утакалтинг увидел редкое зрелище — разъяренного теннанинца высокой касты, стоящего под уличным фонарем.

— Тормози, — неожиданно сказал Утакалтинг.

Перед каменным зданием Библиотеки негромко гудел большой воздушный катер. Из-под его приподнятого купола лился свет, отбрасывая на широкие ступени темные тени. Пять из этих теней принадлежали неошимпанзе, их длинные конечности подчеркивали темные силуэты. Две еще более длинные тени отбрасывали стройные фигуры, стоящие у самого катера. Два дисциплинированных иннина, похожих на высоких кенгуру в броне, неподвижно стояли, словно высеченные из камня.

Их наниматель и патрон, обладатель самой большой тени, нависал над маленькими землянами. Клинообразные плечи этого угловатого и могучего существа, казалось, сразу переходят в голову в форме пули. На голове высокий волнующийся гребень, подобный шлему греческих воинов. Выходя из машины, Утакалтинг услышал громкий гортанный голос:

— Ната'ки гхумф? Верайч'щ хуман'влеч! Нитаро К'Англи!

Шимпанзе, смущенные и явно испуганные, качали головами. Очевидно, никто из них не владел галактическим-шесть. Но когда огромный теннанинец попытался пройти вперед, маленькие земляне преградили ему дорогу; они низко

кланялись, но упорно не давали пройти.

Это еще больше рассердило говорившего.

— Идатесс! Ниттари коллунта...

Рослый галакт замолчал, неожиданно заметив Утакалтинга. Его кожистый клювоподобный рот оставался закрытым. Перейдя на галактический-семь, он заговорил через дыхательные щели.

— А! Утакалтинг, аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал! Я тебя вижу!

Даже в городе, заполненном теннанинцами, Утакалтинг узнал бы Каулта.

Громадный напыщенный самец из высшей касты знает, что протокол не требует полных видовых имен в обычном разговоре. Но сейчас у Утакалтинга нет выбора. Придется отвечать тем же.

— Каулт, аб-Вортл аб-Кош аб-Рош аб-Тоттун ул-Паймин ул-Раммин ул-Пинии ул-Олюмимин, я тоже тебя вижу.

Каждое «аб» в этом длинном имени обозначает расу патронов, от которой происходит клан теннанинцев до самой древней еще живущей. «Ул» предшествует названию каждого вида клиентов, которых сами теннанинцы возвысили до космического статуса. Последний мегагод народ Каулта был очень занят. И непрестанно хвастается сво-

им длинным родовым именем. Теннанинцы — идиоты.

— Утакалтинг! Ты хорошо владеешь этим жалким языком землян. Пожалуйста, объясни этим несчастным полувозвышенным существам, что я желаю пройти! Мне нужно воспользоваться отраслевой Библиотекой, и если они не дадут мне пройти, я попрошу их патронов наказать их!

Утакалтинг пожал плечами — расхожий жест сожаления о невозможности помочь.

— Они только выполняют свою работу, посол Каулт. Когда Библиотека занята защитой планеты, позволительно на короткий период закрыть в нее доступ всем, кроме обладателей лицензии.

Каулт не мигая смотрел на Утакалтинга. Его дыхательные щели раздувались.

— Младенцы, — негромко произнес он на малоизвестном диалекте галактического-двенадцать. Вероятно, он считал, что Утакалтинг не понимает. — Дети, которыми правят непослушные подростки, воспитанные малолетними правонарушителями.

Глаза Утакалтинга раздвинулись, щупальца иронично запульсировали. Они создали фсу'устурату, глиф, соответствующий смеху.

«Как хорошо, что теннанинцы толстокожи, как

слоны, к эмпатии», — подумал Утакалтинг на англике, торопливо стирая глиф. Из всех галактических кланов, втянутых в нынешний разгул фанатизма, теннанинцы самые приемлемые. Они искренне верят, что действуют в интересах тех, кого завоевывают.

Было совершенно очевидно, кого имеет в виду Каулт под «малолетними правонарушителями», неверно руководящими землянами. Но Утакалтинг не оскорбился.

— Эти подростки летают в космических кораблях, Каулт, — ответил он на том же диалекте, к явному удивлению теннанинца. — Лучших клиентов, чем неошимпанзе, не было уже полмегагода... за исключением их двоюродных братьев неодельфинов. Разве не достойно уважения их искреннее стремление выполнить свой долг?

Гребень Каулта застыл при упоминании второй расы клиентов землян.

— Мой друг тимбрими, не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть новости о корабле дельфинов? Его нашли?

Утакалтинг испытывал легкое чувство вины из-за того, что играет с Каултом. Учитывая все, он не так уж плох. Он принадлежит к той политический фракции теннанинцев, которая

поговаривает о возможном мире с тимбрими. Тем не менее у Утакалтинга есть причины подогревать интерес коллеги, и он заранее подготовился к такой возможности.

— Наверно, я сказал больше, чем должен. Пожалуйста, забудь об этом. Мне искренне жаль, но я должен идти. Опаздываю на встречу. Желаю тебе удачи и благополучия в эти нелегкие дни, Каулт.

Он поклонился, как положено при встрече одного патрона с другим, и повернулся, собираясь уходить. Но про себя Утакалтинг смеялся. Он знал, почему Каулт оказался в Библиотеке. Теннанинец пришел в поисках его самого.

— Подожди! — окликнул его Каулт на англике.

Утакалтинг оглянулся.

— Да, уважаемый коллега?

— Я... — Каулт снова перешел на гал-семь. — Я должен поговорить с тобой относительно эвакуации. Ты, наверно, слышал, что мой корабль вышел из строя. И в данный момент я лишен транспорта.

Теннанинец в замешательстве прижал гребень. Протокол и дипломатический этикет — одно дело, но этот парень явно не хочет оставаться в городе, когда высадятся губру.

— Поэтому я должен обсудить с тобой — можем

ли мы рассчитывать на взаимопомощь? — торопливо закончил рослый теннанинец.

Утакалтинг сделал вид, что серьезно задумался. В конце концов, официально в настоящее время тимбрими и теннанинцы — враги. Но, подумав, он кивнул.

— Будь на моей территории завтра к полуночи. И ни на миктаар позже, запомни. И прихвати минимум багажа. Мой корабль невелик. Если ты с этим согласен, с радостью предлагаю тебе совместный полет в безопасное место.

Он повернулся к своему водителю-неошимпанзе.

— Это вежливо и достойно, не правда ли, капрал?

Бедная шимми смущенно замигала. Ее назначили на эту должность потому, что она владеет галактическим-семь. Но она, конечно, не поняла сути происходящего.

— Да, сэр. Мне кажется, это добрый поступок.

Утакалтинг кивнул и улыбнулся Каулту.

— Вот как, дорогой коллега. Не просто правильный, но добрый. Неплохо бы нам поучиться у этих быстро развивающихся детей и кое-что позаимствовать. Верно?

Впервые он увидел, как теннанинец мигнул.

Все его существо излучало смятение. Но наконец он решил, что его не разыгрывают. Каулт поклонился Утакалтингу. И, поскольку Утакалтинг включил ее в разговор, добавил легкий поклон в сторону маленькой шимми.

— От сссвоих клиентов и от сссебя благодарю тебя, — неловко сказал он на англике. Каулт щелкнул своими локтевыми шипами, и его клиенты-иннины вслед за ним забрались в катер. Закрывшийся купол перерезал яркий свет.

Шимпы из Библиотеки благодарно взглянули на Утакалтинга.

Катер поднялся на гравитационной подушке и быстро улетел.

Водитель-шимми приоткрыла дверцу для Утакалтинга, но тот потянулся и глубоко вздохнул.

— Пожалуй, неплохо пройтись, — сказал он. — До посольства отсюда недалеко. Капрал, вы свободны. Можете провести несколько часов с семьей и друзьями.

— Но, сэр...

— Со мной все будет в порядке, — твердо сказал он. Поклонился и почувствовал ее радость от такой безыскусной вежливости. В ответ она тоже глубоко поклонилась.

«Замечательные существа, — думал Утакал-

тинг, глядя вслед отъезжающей машине. — Мне встречались неошимпанзе, у которых есть даже зачатки чувства юмора. Надеюсь, этот вид выживет».

Он пошел. Вскоре шум Библиотеки остался позади, вокруг простирался жилой район. Ветер очистил ночной воздух, а мягкий уличный свет не затмевал звезды. По всему небу растянулся бриллиантовый край галактики. Ни следа космической битвы: стычка слишком незначительная, чтобы быть видимой на таком расстоянии.

Звуки, доносившиеся со всех сторон, говорили о необычности вечера.

Отдаленно ревели сирены, над головой пролетали корабли. Почти в каждом квартале слышался плач... голоса, людей и неошимпанзе, гневные, раздраженные, полные страха. На уровне эмпатии друг о друга бились волны эмоций. Корона Утакалтинга улавливала страх, с которым горожане ждали утра.

Утакалтинг не пытался приглушить восприятие, идя по улицам, усаженным декоративными деревьями. Он погрузил щупальца в поток эмоций и создал странный новый глиф. Безымянный и ужасный, он плыл над короной. Вечная угроза на мгновение стала осязаемой.

Утакалтинг улыбнулся древней особой улыбкой. И в этот момент даже в темноте никто не принял бы его за человека.

«Есть много путей...» — подумал он, вновь наслаждаясь вольностями англика.

Он оставил созданный им глиф висеть в воздухе, и тот медленно растворялся сзади. А Утакалтинг пошел дальше под медленно вращающимся звездным колесом.

Глава 10
РОБЕРТ

Роберт проснулся за два часа до рассвета.

Краткий период беспамятства, когда медленно растворяются чувства и образы сна. Он потер глаза, пытаясь разогнать туман в голове.

Он помнит, что бежал во сне — длинными плавающими шагами, когда ноги едва касаются земли. Вокруг перемещались неясные фигуры, загадки, образы, ускользающие в тот момент, когда проснувшийся мозг пытается их уловить.

Роберт взглянул на Атаклену. Она лежит рядом в своем спальном мешке.

Коричневый шлем — мягкие каштановые волосы — распушился. Серебристые щупальца

короны слегка раскачиваются, словно ощупывают нечто невидимое.

Она вздохнула и очень тихо произнесла несколько коротких быстрых фраз на певучем, со множеством гласных, тимбримийском диалекте галактического-семь.

Может, это объясняет его странный сон, подумал Роберт. Должно быть, он воспринимал ее сон!

Глядя на движущиеся щупальца, он мигнул. На мгновение показалось, что он видит что-то плывущее в воздухе над спящей чуждой девушкой. Похоже на... на...

Роберт нахмурился, покачал головой. Ни на что не похоже. Сама попытка сравнить это с чем-то отогнала изображение.

Атаклена вздохнула и повернулась. Ее корона опустилась. Больше ничего не видно в полутьме.

Роберт выбрался из мешка и, не вставая, надел ботинки. Ощупью пробрался мимо камня, под которым они заночевали. Звездного света едва хватает, чтобы находить дорогу между странными монолитами.

Он вышел на мыс, с которого видна горная цепь на западе и северные равнины справа. Внизу, под самым их наблюдательным пунктом, тянется

темное море леса. Деревья заполняют воздух густым влажным ароматом.

Прислонившись спиной к камню, Роберт сел и задумался.

Если бы их путешествие только этим и ограничилось. Идиллическая интерлюдия в Мулунских горах в обществе чужеземной красотки. Но невозможно забыть чувство вины, не испытывать уверенности, что он не должен здесь находиться. Он должен быть вместе с однокашниками, со своим отрядом милиции, противостоять грозящим бедам.

Но так не будет. В который раз высокое положение матери отразилось на его жизни. Не впервые Роберт пожалел, что он сын политического деятеля.

Он видел звезды, вспыхивающие при встрече двух спиральных рукавов галактики.

«Если бы я чаще встречал в жизни соперничество, может, я был бы лучше подготовлен к предстоящему. Легче бы переносил разочарования».

Дело не только в том, что он сын планетарного координатора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще в детстве он заметил, что там, где другие

мальчики спотыкаются и набивают шишки, где большинство уязвимых подростков методом проб и ошибок идет на ощупь, он чувствовал себя легко и удобно, как в старой разношенной обуви.

Мать и космический бродяга-отец, — когда Сэм Теннейс появлялся на Гарте, — всегда подчеркивали, что он должен наблюдать за отношениями сверстников, а не просто воспринимать случившееся как неизбежное. И действительно, он заметил, что в каждой возрастной группе есть несколько подобных ему, таких, которые почему-то росли легче. Они без труда проходили болото подросткового возраста, тогда как все остальные вязли и безмерно радовались, если удавалось выйти на относительно утоптанную тропу. И многие баловни воспринимали свою счастливую участь как знак божественного избранничества. То же самое относится и к самым популярным девушкам. У них не было эмпатии, не было сочувствия к нормальному большинству.

Что касается Роберта, то он никогда не добивался репутации плейбоя.

Но со временем она пришла, почти вопреки его воле. В глубине души он все сильнее ощущал страх; суеверие, которым не делился ни с кем. Неужели во Вселенной все уравновешивается?

Неужели она отбирает, чтобы компенсировать то, что дает? Культ Ифни считается шуткой астронавтов. Но иногда жизнь кажется такой сложной!

Глупо полагать, что испытания только закаляют человека, делают его мудрее. Он знает много глупых, высокомерных и злых людей, которые тем не менее многое перенесли.

И все же...

Подобно большинству людей, он временами завидовал красивым гибким независимым тимбрими. Молодая по галактическим стандартам раса, тимбрими тем не менее мудрее и опытнее человечества, которое достигло мира, равновесия и постигло науку сознания только за поколение до Контакта. И земное общество еще оставалось несовершенным. А тимбрими, кажется, так хорошо себя знают.

«Может, именно поэтому меня так привлекает Атаклена? Символически она старше и опытнее, она дает мне возможность приобретать свой нелегкий опыт и наслаждаться этой ролью».

Все это так сложно. Роберт еще не разобрался в собственных чувствах.

В горах с Атакленой ему интересно, и он этого стыдится. Он возмущался тем, что мать отослала

его, и чувствовал себя виноватым в этом.

«О, если бы мне позволили воевать!» В сражении по крайней мере легко разобраться. Это древний, честный и простой способ.

Роберт быстро посмотрел вверх. Там, среди звезд, на мгновение блеснула яркая вспышка. У него на глазах появилось еще две сверкающие точки, потом еще. Яркие искры держались достаточно долго, чтобы он отметил их небесное расположение.

Слишком упорядоченный рисунок, чтобы быть случайным... с интервалом в двадцать градусов над экватором, от Сфинкса до самого Бэтмена, где красная планета Тлуга сверкает на поясе древнего героя.

«Итак, началось». Уничтожение синхронизированной сети спутников предвиделось, но все равно поразительно стать его свидетелем. Конечно, это означает, что вскоре произойдет и высадка.

У Роберта было тяжело на сердце. Ему хотелось думать, что хоть кто-нибудь из его друзей — людей и шимпов — остался в живых.

«Я так и не узнал, могу ли я считаться достойным человеком? Но теперь, может, узнаю».

Но в одном он уверен. То, что ему поручили,

он выполнит. Сопроводит штатскую девушку чужака в горы и к безопасности. Нужно сделать еще одно дело, пока Атаклена спит. Как можно тише Роберт вернулся к рюкзакам.

Достал из нижнего кармана радиоустановку и начал разбирать ее в темноте.

Он был на полпути, когда яркая вспышка в восточной части неба заставила его поднять голову. Болид пронесся поперек звездного поля, оставляя на своем пути сверкающие уголья. Что-то на большой скорости входило в атмосферу.

Осколки войны.

Роберт встал и проследил маршрут искусственного метеорита по небу. Он исчез за хребтом, километрах в двадцати отсюда, а может, еще ближе.

— Храни тебя Господь, — прошептал он воину, которому принадлежал корабль.

Он не боялся благословить врага: ясно, какая сторона сегодня нуждается в помощи. Но как долго ждать эту помощь!

Глава 11

ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности короткими прыжками продвигался по мостику флагманского корабля, наслаждаясь прогулкой, а военные губру и кваку уступали ему путь.

Нескоро верховный священник-губру сможет снова наслаждаться такой свободой передвижения. После высадки оккупационных сил сюзерену нельзя будет в течение многих миктааров ступать на «землю». Пока не достигнут праведности, пока не завершится консолидация сил, пока не захватят окончательно планету, он не сможет коснуться ее почвы.

Остальные два руководителя сил вторжения — сюзерен Луча и Когтя и сюзерен Стоимости и Бережливости — не подлежат таким строгим ограничениям.

И это правильно. У военных и чиновников свои функции. Но именно сюзерен Праведности должен блюсти поведение экспедиционного корпуса губру. А для этого он должен оставаться на насесте.

В дальнем конце мостика слышны были жалобы сюзерена Стоимости и Бережливости. Неожиданно стойкое сопротивление слабых сил

землян привело к непредвиденным потерям. А каждая потеря в такие опасные времена мешает целям губру.

«Глупый недальновидный птенец», — подумал сюзерен Праведности.

Физический ущерб, нанесенный сопротивлением землян, гораздо менее важен, чем ущерб этический и духовный. Краткая схватка оказалась такой яростной и эффективной, что игнорировать ее невозможно. На нее следует обратить внимание.

Волчата-земляне хотят, чтобы было отмечено их сопротивление прибывающим силам губру. И совершенно неожиданно они сделали это в соответствии с Протоколами Войн.

Они не просто умные животные,

Не просто животные.

Возможно, их и их клиентов следует изучить,

Следует изучить — ззуууун...

* * *

Это неожиданное противодействие крошечной флотилии землян означает, что сюзерен вынужден будет оставаться на насесте по крайней мере

в начальной стадии оккупации. Теперь надо искать нечто вроде casus belli[8], что позволило бы губру объявить во всех пяти галактиках, что земляне должны быть лишены лицензии на Гарт.

Пока этого не произошло, действуют Правила Войны, и сюзерен Праведности предвидел, что возникнут конфликты с двумя другими руководителями, его будущими любовниками и соперниками. Правильная политика требует, чтобы между ними существовала взаимосвязь, хотя сам священник в глубине души считал многие законы, на которых должен настаивать, глупыми.

Скорее бы наступило время,

Скорее бы мы освободились от правил — ззуууун!

Скорее бы Перемена вознаградила праведных,

Когда вернутся прародители — зззуууун!

Сюзерен пригладил свое пушистое оперение. Призвал одного из служителей, мохнатого невозмутимого кваку, и приказал принести раз-

---

[8] notes: 8
Формальный повод к объявлению войны и началу военных действий

дуватель перьев и очиститель.

Земляне оступятся...

Они дадут нам повод — ззуууун...

Глава 12
АТАКЛЕНА

Утром Атаклена почувствовала, что ночью что-то произошло. Но Роберт скупо отвечал на ее вопросы. А грубый, но эффективный щит перекрыл все ее попытки кеннировать.

Атаклена старалась не обижаться. В конце концов ее друг-человек только начинает учиться использовать свои скромные способности. Ему неведомы пока более тонкие пути, которыми эмпат может обозначить свое стремление к уединению. Роберт может только сильно хлопнуть дверью.

Завтракали молча. Когда Роберт заговаривал, она отвечала односложно.

Рассудком Атаклена понимала его отгороженность, но она не обязана ему потакать.

Низкие облака нависли над хребтом, их разрезали гряды зубчатых камней-чешуй. Все это создавало странную картину, полную мрачных

предчувствий. Путники брели сквозь клочья холодного тумана, постепенно поднимаясь все выше по холмам, ведущим к Мулунским горам. Воздух тих; он как будто передает странное напряжение, источник которого Атаклена не может определить. Но оно затрагивает ее сознание, вызывает непрошенные воспоминания.

Она вспоминает время, когда вместе с матерью отправилась в северные горы Тимбрима; они ехали на спинах шурвалов по тропе, ненамного шире этой.

Им предстояло присутствовать на церемонии возвышения титлалов. Утакалтинга не было, он уехал с одной из дипломатических миссий, и никто не знал, каким транспортом он воспользуется для возвращения. А это очень важный вопрос. Если Утакалтинг сумеет воспользоваться гиперпространством на уровне А и переходными пунктами, то сможет вернуться домой через сто дней или даже быстрее. А если вынужден будет двигаться уровнем Д — или, еще хуже, через обычное пространство, — то может отсутствовать всю продолжительность их нормальной жизни.

Дипломатическая служба старалась уведомить семьи своих работников, как только эти вопросы прояснялись, но в этот раз выяснение

заняло очень много времени. Атаклена и ее мать становились помехой для общественности, на всех соседей они распространяли утомительные и надоедливые флюиды тревоги. Им вежливо намекнули, что для их пользы им лучше бы на время уехать из города. И поэтому служба предложила им билеты для участия в церемонии, во время которой представители титлалов осуществят обряд перехода на своем долгом пути возвышения.

Грубый мозговой щит Роберта напомнил Атаклене о том, как тщательно скрывала ее мать боль во время медленной поездки по заросшим пурпурным лесом холмам. Мать с дочерью почти не разговаривали, пока двигались по обширным невозделанным парковым лесам. Наконец они оказались на поросшей травой равнине древней вулканической кальдеры. Здесь, вблизи центрального симметричного холма, под пестрыми навесами, собрались тысячи тимбрими, чтобы стать свидетелями Принятия и Выбора титлалов. Были и наблюдатели от множества достойных космических кланов — синтиане, кантены, мргх'4луарги — и, конечно, толпа хохочущих людей.

Земляне затерялись среди своих союзников

тимбрими у столов с едой, они бурно проводили время. Атаклена вспомнила свое презрение при виде такого количества безволосых неуклюжих существ. «Неужели я была таким снобом?» — удивлялась она теперь.

Она с отвращением фыркала, слыша звуки громкого человеческого хохота.

Всюду она видела их плоские приплюснутые глаза, люди расхаживали, демонстрируя свои мерзкие выступающие мышцы. Даже их самки кажутся карикатурой на тимбримийских силачей.

Конечно, тогда Атаклена была еще подростком. Теперь она вспоминала, что ее соплеменники проявляли не меньше энтузиазма, они тоже размахивали руками и расцвечивали воздух сверкающими трепещущими глифами. В конце концов это великий день. Потому что титлалам предстояло «избрать» патронов и своих новых поборников возвышения.

Под яркими навесами располагались многочисленные почетные гости.

Конечно, непосредственные патроны самих тимбрими калтмуры не могли присутствовать, все они трагически вымерли. Но повсюду виднелись их цвета и символы — знак признательности

тем, кто подарил тимбрими разум.

Зато присутствовала делегация щебечущих брма на тонких, как ходули, ногах. Это они когда-то давным-давно возвысили калтмуров. Атаклена вспомнила, как ахнула, удивленно распустив корону, когда увидела высоко на церемониальном помосте одну фигуру в темно-коричневом покрове. Это был краллнит! Старейшая в их линии патронов раса прислала своего представителя! Краллниты сейчас почти полностью впали в спячку, все остающиеся жизненные силы они отдают странным формам медитации. Считалось общеизвестным, что они уже много эпох нигде не появляются. И присутствие одного из них на церемонии было высокой честью и благословением для младших участников. Конечно, в центре внимания находились сами титлалы. В короткой серебряной одежде они, тем не менее, очень напоминали земные существа, известные под названием выдра. Готовясь к обряду, посланники титлалов повсюду излучали свою гордость.

— Смотри, — сказала мать Атаклене. — Титлалы избрали для своего представления музопоэта Суструка. Помнишь, мы с ним встречались?

Естественно, она помнила. Лишь год назад Суструк навещал их в их городском доме. Утакал-

тинг познакомил титлалского гения с женой и дочерью перед самой своей последней поездкой.

— Поэзия Суструка — тупые вирши, — пробормотала она.

Матиклуанна пристально взглянула на нее. Корона ее дрогнула. Она создала глиф ш'чакуон — темное зеркало, которое может удержать перед тобой только мать. И Атаклена увидела отраженным собственное поведение. И пристыженно отвернулась.

Несправедливо винить титлалов в том, что они напомнили ей об отсутствующем отце.

Церемония действительно была прекрасна. Глиф-хор с колонии тимбрими Джатхтатх исполнил «Апофеоз Лерензини», и даже лысые, лишенные щупалец люди стояли, изумленно раскрыв рты: они явно кеннировали часть сложной Плывущей гармонии. Только грубовато-добродушные послы Теннанина оставались невозмутимыми. Впрочем, они не жаловались, что их оставили без внимания.

Потом певец брма Кафф-Кафф'т исполнил древний атональный пеан в честь Прародителей.

Атаклене стало плохо, когда затихшая аудитория слушала композицию, специально созданную для этого случая одним из двенадцати великих

мечтателей Земли, китом по имени Пять Пузырьковых Спиралей. Официально киты не считались разумными, но это не мешало высоко ценить их. То, что они живут на Земле, под покровительством волчат-людей, всегда было одним из главных поводов для недовольства со стороны наиболее консервативных космических кланов. Атаклена помнит, как сидела, зажав уши, в то время как все остальные счастливо раскачивались в такт странной китовой музыке. Ей она казалась страшнее грохота рушащихся домов. Матиклуанна с тревогой посмотрела на нее. «Моя странная дочь, что нам делать с тобой?» Но по крайней мере мать не стала ругать ее вслух, не создала глиф, который мог бы публично смутить ее.

Наконец, к огромному облегчению Атаклены, развлечения закончились.

Настала очередь делегации титлалов, время Принятия и Выбора.

Во главе со своим великим поэтом Суструком делегация приблизилась к неподвижному почетному гостю краллниту и низко поклонилась. Потом оказала знаки уважения представителям брма, вежливо поздоровалась с людьми и другими гостями-патронами.

Последним принял долг вежливости тимбрими

Хозяин возвышения. Суструк и его супруга, ученая титлал по имени Кихимик, вместе выступили вперед как пара, избранная быть «представителем расы». Хозяин возвышения читал список формальных вопросов, они отвечали по очереди, а он согласно кивал.

Потом эта пара предстала перед критиками из галактического Института возвышения.

Пока что проходила только поверхностная версия теста четвертой степени на разумность. Однако сейчас титлалы рискуют потерпеть поражение.

Один из галактов, направивших на Суструка и Кихимик сложные приборы, — соро, а соро не принадлежат к друзьям тимбрими. Может быть, соро ищет предлог, любой предлог, чтобы унизить тимбрими, отвергнув их клиентов. Глубоко под вулканической кальдерой располагалось оборудование, дорого обошедшееся расе Атаклены. И теперь прием титлалов передавался на все пять галактик. Сегодня есть все основания для гордости, но возможно и унижение.

Конечно, Суструк и Кихимик легко прошли испытания. Они низко поклонились каждому из экзаменаторов-чужаков. Если соро была разочарована, она никак этого не проявила.

Делегация пушистых коротконогих титлалов направилась к расчищенной площадке на вершине холма. Титлалы начали петь, раскачиваясь в странной свободной манере, типичной для существ их родной планеты, невозделанного мира, на котором они достигли предразумного состояния и где их нашли тимбрими и начали долгий процесс возвышения.

Техники включили усилители, которые сообщат всем собравшимся и миллиардам зрителей на других планетах выбор титлалов. Низкий гулкий звук под ногами свидетельствовал, что аппаратура работает.

Теоретически титлалы имеют право даже отвергнуть патронов и вообще отказаться от возвышения, хотя существует такое количество правил и оговорок, что на практике этого никогда не происходит. И, конечно, в тот день ничего подобного не ожидалось. У тимбрими сложились превосходные отношения с клиентами.

И все равно возбужденное сухое шелестение началось в толпе зрителей, когда обряд Выбора приблизился к концу. Раскачивающиеся титлалы стонали, их низкий стон многократно усиливался. Над головами возникло голографическое изображение, и толпа разразилась смехом и ап-

лодисментами.

Лицо тимбрими, и все сразу его узнали. Ошойойойтуна, шут города Фойона, который в некоторые свои наиболее изысканные розыгрыши включал титлалов. Конечно, титлалы снова провозгласили тимбрими своими патронами. Но то, что они избрали своим символом Ошойойойтуна, говорило о большем. Они гордились принадлежностью к клану.

Когда зрители успокоились, оставалась последняя часть церемонии: выборы консорта-представителя, который во время следующей стадии возвышения будет защищать интересы титлалов. Люди на своем странном языке называли консорта-представителя повивальной бабкой возвышения.

Консорт-представитель не может избираться из числа тимбрими. И хотя это сугубо церемониймейстерский пост, консорт-представитель может вмешиваться в процесс возвышения в интересах клиентов, если считает это необходимым. И неудачный выбор не раз в прошлом вызывал серьезные проблемы.

Никто не знал, какую расу изберут титлалы. Одно из немногих решений, которые даже самые назойливые патроны, как соро, предоставляли

принимать своим подопечным.

Суструк и Кихимик снова заворковали, и даже со своего места в тылу толпы Атаклена ощутила растущее предчувствие. Дьяволята что-то задумали, несомненно.

Снова земля вздрогнула, снова загремел усилитель, и над вершиной холма сформировалось туманное изображение. В нем плавали какие-то неясные фигуры, проносились вперед и назад в освещенной воде.

Корона бесполезна: изображение сугубо визуальное. Атаклена пожалела, что не обладает острым зрением людей: из толпы землян послышались удивленные крики. Все тимбрими вокруг напряженно всматривались. Атаклена мигнула. И вместе с матерью присоединилась к общему изумленному недоверию.

Одна из неясных фигур выплыла вперед и остановилась, улыбаясь аудитории, демонстрируя длинный узкий оскал белых, острых, как иглы, зубов. Видны были блестящий глаз и струйка поднимающихся в воде пузырей.

В воздухе повисло изумление. Никто во всех звездных полях Ифни не ожидал, что титлалы изберут дельфинов!

Гости-галакты онемели. Неодельфины... да ведь

вторые клиенты людей самые молодые признанные разумные существа в галактике, они гораздо моложе самих титлалов! Это беспрецедентно. Это поразительно.

Это...

Это потрясающе смешно! Тимбрими оценили шутку. Их смех вздымался, чистый и высокий. Их короны, как одна, создавали сверкающий глиф одобрения, такой яркий, что даже посол теннанинцев замигал, заметив что-то. Видя, что их союзники не оскорбились, люди присоединились к веселью, хохотали, хлопали друг друга по спинам.

Кихимик и большинство остальных титлалов поклонились, принимая одобрение патронов. Хорошие клиенты, они, по-видимому, напряженно трудились, чтобы этот день запомнился замечательным розыгрышем. Только Суструк продолжал стоять неподвижно, он весь дрожал от напряжения.

Вокруг Атаклены вздымались волны одобрения и веселья. Она слышала смех матери, присоединившейся к общему смеху.

Но сама Атаклена попятилась, отделилась от веселящейся толпы, пока у нее не появилась возможность повернуться и убежать. Вступила

в действие гир-реакция. Атаклена бежала без оглядки, миновала край кальдеры, спустилась по тропе, пока наконец не стихли звуки смеха, пока она больше ничего не могла видеть. Тут, над прекрасной долиной Медлящих Теней, она упала на землю, сотрясаясь от энзимной реакции.

Этот ужасный дельфин...

С того дня она никому не рассказывала, что увидела в глазу китообразного. Ни матери, ни даже отцу — никому она не открыла правды... что она глубоко в голограмме ощутила глиф, созданный самим Суструком, поэтом титлалов. Присутствующие решили, что это замечательная шутка, великолепный розыгрыш. Они думали, что понимают, почему титлалы в качестве своих консортов-представителей избрали самую молодую расу Земли... Конечно, чтобы оказать клану патронов честь своей изящной, но безвредной шуткой.

Выбирая дельфинов, они как будто говорили, что им защитник не нужен, что они без всяких оговорок почитают и любят своих патронов-тимбрими. К тому же выбирая вторых клиентов людей, они показывают нос неповоротливым старым галактическим кланам, которые неодобрительно относятся к дружбе тимбрими

с волчатами.

Изысканно.

Неужели только одна Атаклена поняла глубоко скрытую истину? Или ее подвело воображение? Много лет спустя на далекой планете Атаклена вздрогнула, вспомнив тот день.

Неужели только она одна уловила третью гармонию смеха, боли и смятения Суструка? Музопоэт умер через несколько дней после этого происшествия и унес тайну в могилу.

Только одна Атаклена почувствовала, что церемония совсем не шутка, что образ, созданный Сустуком, родился не в его мыслях, а пришел из Времени! Титлалы действительно выбрали своих защитников, и выбор их был совершенно искренним.

И вот, всего несколько лет спустя, в пяти галактиках воцарилось смятение из-за открытия, сделанного незначительной расой клиентов, самой молодой из всех. Расой дельфинов. «О, земляне, — думала она, поднимаясь вслед за Робертом в Мулунские горы, — что же вы наделали?»

Нет, вопрос сформулирован некорректно.

«Кем, о, кем вы станете?»

* * *

В полдень путники столкнулись с густым плющом. Юго-восточный склон хребта зарос широколиственными глянцевитыми растениями; листья походили на перекрывающие друг друга пластины брони огромного спящего зверя. Путь в горы закрыт.

— Бьюсь об заклад, ты не понимаешь, как мы переберемся на ту сторону, — сказал Роберт.

— Склон выглядит предательски, — подтвердила Атаклена. — И далеко тянется в обоих направлениях. Наверно, придется повернуть.

Но что-то подсказывало Роберту, что это маловероятно.

— Замечательные растения, — сказал он, присаживаясь рядом с одним из листов — перевернутой чашей, похожей на щит, диаметром метра в два. Он взялся за край и потянул. Лист отошел от переплетения, и Атаклена увидела прикрепленный к его центру корень. Она придвинулась и помогла тянуть, гадая, что он задумал. — Колония отращивает новое поколение таких чаш каждые несколько недель, и каждый слой ложится поверх предыдущего, — объяснил Роберт и сильно дернул за прочный жилистый корень. — Поздней

осенью самый верхний слой чаш расцветает и становится тонким, как вафля. Миллионы таких чаш отламываются, их подхватывают сильные зимние ветры и уносят в небо. Поверь мне, замечательное зрелище, когда все эти радужные воздушные змеи плывут под облаками. Впрочем, это опасно для летательных аппаратов.

— Значит, это семена? — спросила Атаклена.

— Вернее, переносчики спор. Большая часть этих стручков, усеивающих в начале зимы Синд, стерильна. Похоже, это растение зависело от какого-то животного опылителя, не пережившего катастрофу бурурални. Еще одна проблема для групп по восстановлению экологии. — Роберт пожал плечами. — Но сейчас, в начале весны, эти нижние чаши прочны и упруги. Нелегко будет отрезать одну.

Роберт достал нож и, притягивая чашу вниз, принялся перерубать жесткие нити корня. Неожиданно корень лопнул, выпрямился, как пружина, Атаклену отбросило, и чаша упала на нее.

— Оп! Прости, Кленни! — Она чувствовала, что Роберт, помогая ей выбраться из-под чаши, с трудом сдерживает смех.

«Совсем как мальчишка...» — подумала Ата-

клена.

— Как ты?

— В порядке, — коротко ответила она и отряхнулась.

Перевернутая чаша лежала выпуклой поверхностью вверх, из центра ее торчали перерезанные волокна.

— Хорошо. Тогда помоги мне отнести ее к тому песчаному откосу, вблизи крутого склона.

Заросли плющей с трех сторон окружали мыс и тянулись до следующего хребта. Роберт и Атаклена подняли чашу, отнесли туда, где начинался неровный склон, и положили лицом вверх.

Роберт занялся работой. Он выравнивал неровную внутреннюю поверхность. Через несколько минут выпрямился и осмотрел получившееся.

— Подойдет. — Он пнул чашу. — Твой отец хотел, чтобы я показал тебе все, что смогу, на Гарте. По-моему, в твоем образовании образуется пробел, если я не научу тебя ездить на таких плющах.

Атаклена перевела взгляд с перевернутой пластины на заросший плющом склон.

— Ты хочешь сказать... — Но Роберт уже грузил их багаж в чашу. — Неужели ты серьезно, Роберт?

Он пожал плечами, искоса взглянув на нее.

— Если хочешь, можем вернуться на одну-две мили и поискать обход.

— Ты не шутишь. — Атаклена вздохнула. Плохо, что отец и друзья дома считают ее робкой. Она не может позволить, чтобы так считал и человек. — Хорошо, Роберт, покажи мне, как это делается.

Роберт встал в чашу и проверил ее устойчивость. Потом поманил Атаклену. Она взобралась в раскачивающуюся корзину и села, где показал Роберт, прямо перед ним, так что ее колени размещались по обе стороны от центрального выступа.

И тут, с нервно развевающейся короной, Атаклена снова ощутила это. И конвульсивно ухватилась за упругий край корзины, заставив ее раскачиваться.

— Эй! Осторожней! Ты нас чуть не перевернула!

Атаклена схватила его за руку, всматриваясь в долину внизу. Вокруг ее лица раскачивались тонкие щупальца.

— Я снова кеннирую это. Это внизу, Роберт. Где-то в лесу.

— Что? Что в лесу?

— Существо, которое я кеннировала раньше.

Не человек и не шимпанзе! Немного похоже и на того и на другого, но отличается. И от него несет Потенциалом!

Роберт заслонил глаза.

— Где? Можешь указать направление?

Атаклена сосредоточилась. Попыталась локализовать источник эмоций.

— Оно... оно исчезло, — выдохнула она наконец.

Роберт излучал нервное возбуждение.

— А ты уверена, что это не шимпанзе? Их много в этих холмах, собирателей сейсина и работников экологических станций.

Атаклена создала глиф паланг. Потом, вспомнив, что Роберт не может увидеть это сверкающее проявление ее раздражения, пожала плечами, что приблизительно обозначало то же самое.

— Нет, Роберт. Вспомни, я встречалась со многими неошимпанзе. Существо, которое я почувствовала, другое. Прежде всего, я готова поклясться, что оно не вполне разумно. И еще было ощущение печали, сдержанной силы...

Атаклена в неожиданном возбуждении повернулась к Роберту.

— Может быть, это гартлинг? Быстрее, Роберт! Надо подойти поближе! — Она снова села в цен-

тре корзины и выжидательно посмотрела на Роберта.

— Знаменитая приспособляемость тимбрими, — вздохнул Роберт. — И так неожиданно ты торопишься идти. А я-то пытался поразить тебя нашим спуском. Подумал, что ты схватишься так, что пальцы побелеют.

«Мальчишки, — снова подумала Атаклена, качая головой. — Как они могут так думать, даже в шутку?»

— Перестань шутить, и давай отправляться! — сказала она.

Роберт сел в корзину за ней. Атаклена прижалась к его коленям.

Щупальца чуть не касались его лица, но Роберт не жаловался.

— Ладно, отправляемся.

Кисловатый человеческий запах окружил Атаклену. Роберт оттолкнулся, и корзина заскользила вниз.

* * *

Все вернулось к Роберту, когда их импровизированные сани начали все ускоряющийся спуск, подпрыгивая на скользкой поверхности пластин плюща.

Атаклена схватилась за его колени, смех ее звучал выше и звонче, чем у земных девушек. Роберт тоже смеялся и кричал, держа Атаклену и наклоняясь то в одну сторону, то в другую, чтобы поддержать равновесие бешено подпрыгивающих саней.

«Последний раз я это проделал в одиннадцать лет».

При каждом повороте и прыжке сердце его подскакивало. Даже поездка в парке антигравитации с этим не сравнится! Атаклена возбужденно крикнула, они пролетели большое расстояние в воздухе, снова приземлились и подпрыгнули на упругой поверхности. Серебряные щупальца, казалось, потрескивают от напряжения.

«Надеюсь, я помню, как управлять этой штукой».

Возможно, он все-таки забыл. А может, его отвлекло присутствие Атаклены. Но Роберт среагировал слишком поздно, когда прямо перед ними возник пень псевдодуба, некогда росшего на этом склоне.

* * *

Атаклена радостно рассмеялась, когда Роберт резко наклонился влево, пытаясь повернуть их

неуклюжую повозку. Но когда она ощутила, что его настроение резко переменилось, они уже беспорядочно и бесконтрольно кувыркались. Потом корзина задела за что-то невидимое. Удар перевернул ее, и содержимое корзины разлетелось в разные стороны.

В это мгновение счастье не изменило Атаклене. Хлынули стрессовые гормоны, она мгновенно пригнула голову и превратилась в шар. И тело ее само превратилось в сани, оно запрыгало по поверхности плюща, как резиновый мяч.

Все произошло очень быстро. Гигантские кулаки колотили ее, швыряли в стороны. Громкий рев заполнял уши, корона сверкала на солнце, вздымаясь и опадая.

Наконец, по-прежнему свернувшись в шар, Атаклена остановилась на самом краю леса в долине внизу. Вначале она могла только лежать: приходилось ждать, пока гир-энзимы заставляли ее расплачиваться за быструю реакцию. Она дышала прерывистыми длительными вздохами, верхние и нижние почки работали с перегрузкой.

И еще боль. Атаклена не могла понять, что именно болит. У нее как будто бы всего несколько ушибов и царапин. Так что же?..

Она поняла и тут же развернулась и открыла глаза. Боль испытывает Роберт! Ее проводник-землянин излучает волны боли.

Атаклена осторожно встала, от реакции все еще кружилась голова, и, заслоняя глаза, осмотрела склон. Человека не видно, поэтому она принялась искать с помощью короны. Поток обжигающей боли привел ее, неуклюже спотыкающуюся, к месту поблизости от перевернутой корзины.

Из-под широких пластин плюща торчали ноги Роберта. Они слабо дергались. Попытка выбраться вызвала слабый стон. Горячая боль дождем опустилась на корону Атаклены.

Она наклонилась к Роберту.

— Роберт! Ты застрял? Дышать можешь?

Какая глупость, поняла она. Задавать кучу вопросов, когда человек на пороге сознания.

«Я должна что-то сделать». Атаклена достала из-за голенища свой лазерный резак и набросилась на плющ, начиная подальше от Роберта. Тяжело дыша, напрягаясь, она по одной оттаскивала пластины.

Узловатые стебли опутали ноги и руки человека, привязали его к зарослям.

— Роберт, я буду резать у твоей головы. Не двигайся!

Роберт ответил что-то непонятное. Его правая рука была вывернута, и такая боль окружала его, что Атаклене пришлось свернуть корону, чтобы не потерять сознание от перегрузки. Чужаки не могут так сильно передавать свои ощущения тимбрими! Раньше она никогда не поверила бы, что возможно подобное.

Атаклена убрала с его лица последнюю пластину, и Роберт застонал.

Глаза его были закрыты, губы шевелились, словно он говорит про себя. «Что он сейчас делает?»

Она чувствовала, что он совершает какой-то человеческий обряд самодисциплины. И это имеет непосредственное отношение к числам и счету.

Наверно, техника самовнушения, которой всех людей обучают в школе. Техника примитивная, но, по-видимому, Роберту она помогает.

— Теперь я разрежу корни, которые держат твои руки, — сказала Атаклена.

Он кивнул.

— Быстрее, Кленни. Я... Мне никогда не приходилось блокировать такую боль... — Он вздохнул, когда отскочил последний стебель. Рука его высвободилась, повисшая, сломанная.

«Что теперь?» Атаклена тревожилась. Раненый

чужак всегда опасен.

Отсутствие подготовки — только часть проблемы. Собственный базовый защитный инстинкт может оказаться совершенно неверным, когда помогаешь существу чуждого вида.

Атаклена схватила несколько щупалец и в нерешительности согнула их.

«Должно быть нечто универсальное!»

Сделай так, чтобы жертва могла дышать. Это она проделала автоматически.

Попытайся остановить потерю жидкости. Ей приходится руководствоваться только старыми, периода до Контакта, земными фильмами, которые они с отцом смотрели на пути в Гарт. В этих фильмах действовали существа, которых называют копы и бандиты. Согласно этим фильмам, раны Роберта царапины. Но Атаклена подозревала, что создатели древних фильмов не были сторонниками реализма.

О, если бы люди не были такими уязвимыми!

Атаклена бросилась к рюкзаку Роберта, начала искать в кармане радио.

Помощь из Порт-Хелении придет меньше чем через час, а специалисты подскажут ей, что делать тем временем. Радиоустановка простая, тимбримийского производства. Но, когда она

нажала кнопку, ничего не произошло.

«Нет! Оно должно работать!» Она снова нажала на кнопку. Но индикаторы оставались немыми.

Атаклена сняла заднюю крышку: нет кристалла передатчика. Она в замешательстве замигала. Как это произошло?

Они отрезаны от помогли. Полностью предоставлены себе.

— Роберт, — позвала она, снова наклонившись к нему. — Ты должен руководить мной. Я не могу помочь тебе, если ты не скажешь, что нужно сделать.

Человек продолжал считать от одного до десяти, снова и снова. Она начала повторять свои слова, наконец взгляд его сфокусировался на ней.

— Мне... мне кажется, у меня сломана рука, Кленни, — выдохнул он. — Помоги мне перейти в тень... потом дай лекарство...

Он как будто снова потерял сознание, глаза закатились. Атаклена презирала нервную систему, которая поддается боли, оставляя своего хозяина беспомощным. Но это не вина Роберта. Он смел, просто его мозг несовершенен.

Но в этом, конечно, и преимущество. Когда Роберт потерял сознание, болевые излучения

заметно ослабли. И ей легче было перетащить его по скользкой неровной поверхности плит плюща в тень леса, пытаясь без надобности не тревожить сломанную руку.

«Люди, с их большими костями, с огромными сухожилиями, сверхмускулистые!» Сгибаясь под тяжестью тела Роберта, Атаклена создала едкий глиф.

Потом вернулась и отыскала аптечку. Вот этот раствор он использовал позавчера, когда поранил палец щепкой. Атаклена обильно смазала им порезы Роберта.

Роберт застонал и зашевелился. Она чувствовала, как его сознание сражается с болью. И сразу, почти автоматически, он снова начал считать.

Шевеля губами, Атаклена читала на англике инструкцию по применению «тканевой пены», потом наложила ее слой на раны поверх настойки.

Оставалась рука — и боль. Роберт упомянул лекарство. Какое именно?

В сумке множество ампул, на всех этикетки с четкими надписями на англике и гал-семь. Но инструкции очень сжатые. Не рассчитаны на чужака, которому без посторонней помощи и совета приходится лечить землянина.

Она воспользовалась логикой. Средства, которые необходимо применять срочно, упаковываются в ампулы в газообразном виде, так их легче и быстрее использовать. Атаклена наклонилась так, что ее щупальца коснулись лица Роберта, ощутила его мужской запах, кисловатый и терпкий.

— Роберт, — тщательно заговорила она на англике. — Я знаю, ты меня слышишь. Приди в себя! Мне нужны твои знания. Немедленно.

Очевидно, она отвлекала его от обряда самодисциплины, потому что болевое ощущение усилилось. Роберт сморщился и продолжал считать вслух.

Тимбрими не бранятся, как люди. Пурист сказал бы — осуществляют стилистическую модуляцию. Но в такие моменты бывает трудно заметить разницу. Атаклена ядовито забормотала на родном языке.

Роберт явно не преуспел даже в своей грубой технике самогипноза. Его боль колотила ее по краю сознания. Атаклена издала негромкую трель, похожую на вздох. Она не привыкла к таким приступам. Веки ее задрожали, зрение смазалось, как у человека от слез.

Остается единственный способ. Но он означает

раскрыться, даже больше, чем в собственной семье. Перспектива устрашающая, но выбора нет. Чтобы добраться до него, она должна стать как можно ближе.

— Я... я здесь, Роберт. Поделись со мной.

Она раскрылась перед потоком боли, таким нетимбримийским и таким странно знакомым. Она словно узнавала его. Боль неравномерная, как будто насос работает неровно. Боль напоминает маленькие раскаленные шары... слитки расплавленного металла.

«...слитки металла?..»

Причудливость образа чуть не прервала контакт. Атаклена никогда раньше не испытывала такой яркой метафоры. Это не сравнение. На мгновение боль превратилась в раскаленные комки, прикосновение к которым обжигает...

«Быть человеком действительно очень необычно».

Атаклена пыталась подавить воображение. Она двигалась к центру боли, пока ее не остановила преграда. «Еще одна метафора?» На этот раз стремительный поток боли — на ее пути река.

Ей необходим усунлтлан — защитное поле, которое перенесет ее через поток к источнику боли. Но как воздействовать на сознание человека?

Вокруг нее собирались туманные изображения. Плыли дымчатые картины, густели, приобретали материальность. Атаклена вдруг обнаружила, что видит себя в маленькой лодке. А в руках у нее весло.

Неужели усунлтлан в сознании человека предстает как метафора?

Пораженная, она начала грести вверх по течению, приближаясь к жгучему водовороту.

Мимо проплывали фигуры, теснясь и толкаясь в окружающем тумане. Вот одно пятно превращается в искаженное лицо. Дальше рычит странное животное.

Большинство гротескных фигур, которые она видит в тумане, в реальной Вселенной не существует.

Атаклена не привыкла видеть деятельность мозга, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять фигуры-воспоминания, конфликты, эмоции.

Как много эмоций! Атаклене захотелось бежать. Здесь можно сойти с ума!

Остаться ее заставило тимбримийское любопытство. И еще долг. «Как здесь странно», — думала она, продвигаясь в метафорическом болоте. Полуослепшая от капель боли, она удивленно

осматривалась. Стать бы настоящим телепатом и знать, а не догадываться, что означают все эти символы!

Очевидно, многое напоминает работу мозга тимбрими. Некоторые образы показались ей знакомыми. Может, они восходят к временам, когда и ее, и Роберта расы еще не знали речи, когда стада умных животных жили на далеких диких планетах. С тех пор ее раса прошла трудным путем возвышения, людям же пришлось еще труднее.

Самое странное — видеть одновременно двумя парами глаз. Одна пара изумленно разглядывает метафорический мир, другая, настоящая, видит в нескольких дюймах, под щупальцами короны, лицо Роберта.

Человек быстро замигал. Перестал считать. Наконец она отчасти поняла, что происходит. Но Роберт испытывает поистине странные ощущения. В голове Атаклены возникло слово deja vu — воспоминание того, что будто бы уже было.

Атаклена сосредоточилась и создала изящный глиф, луч, который должен гармонировать с подсознанием. Роберт ахнул, и она поняла, что он уловил этот луч и устремился к нему.

Его метафорический образ появился рядом с

ней в маленькой лодке, у него в руках тоже весло. На этом уровне все кажется естественным, и он даже не спросил, как здесь оказался.

Вместе гребли они по потоку боли, исходящему от его сломанной руки.

Им приходилось пробираться сквозь водовороты болевых ощущений, которые обрушивались на них, как стаи насекомых-вампиров. Встречались препятствия, сучья, омуты, в их глубине звучали странные голоса.

Наконец они оказались в заводи — сердцевине всей проблемы. А на дне ее изображение вделанной в каменный пол решетки. Это дренажное устройство, но решетка забита ужасными останками.

Роберт в волнении отшатнулся. Атаклена поняла, что это насыщенные эмоциями воспоминания — но их отвратительность приобретает внешность когтей, клыков, разбухших уродливых рыл. «Как может человек собрать такую груду?» Атаклена была ошеломлена и испугана омерзительным, одушевленным мусором.

«Это называется неврозами, — послышался внутренний голос Роберта. Он знает, что они „видят“, и подавляет свой ужас. — Многое из этого я забыл! Понятия не имел, что это еще здесь».

Роберт смотрит на врагов внизу — и Атаклена видит, что лица внизу — искаженные образы его собственного лица.

«Теперь моя работа, Кленни. Задолго до Контакта мы знали, что есть только один способ бороться с этим. Единственное действенное оружие — правда».

Лодка качнулась: метафорическая суть Роберта перегнулась через борт и нырнула в омут расплавленной боли.

«Роберт!»

Поднялась пена. Лодчонка начала раскачиваться, Атаклене пришлось вцепиться в край странного усунлтлана. По обе стороны брызнула яркая ужасная боль. А внизу, под поверхностью, началось сражение.

Во внешнем мире лицо Роберта покрылось испариной. Атаклена подумала, долго ли он еще сможет выдерживать.

Она неуверенно опустила воображаемую руку в воду. Прикосновение обжигало, но она продолжала тянуться к решетке.

Что-то схватило ее за руку! Она дернулась, но освободиться не смогла.

Ужасное существо с перекошенным лицом Роберта смотрело на нее снизу с похотливым

выражением. Существо пыталось увлечь ее в глубину. Атаклена закричала. Другая фигура схватилась с той, что удерживала ее. Чешуйчатая рука разжалась, и Атаклена упала на дно лодки. И маленькое суденышко стало быстро уходить! Озеро боли устремилось в дренажную решетку. А лодка продолжала стремительно плыть в другую строну, против течения.

«Роберт отталкивает меня», — поняла она. Контакт стал слабее, потом совсем прервался. Метафорический мир неожиданно исчез. Атаклена ошеломленно замигала. Легла на мягкую почву. Роберт держал ее за руку, тяжело дышал сквозь стиснутые зубы.

— Мне пришлось остановить тебя, Кленни... Слишком опасно для тебя...

— Но тебе так больно!

Он покачал головой.

— Ты показала мне, где находится блок. Теперь... теперь я справлюсь с неврозами. Знаю, где они... пока этого достаточно. И... говорил ли я тебе, что в тебя легко влюбиться?

Атаклена резко выпрямилась, ее удивило это non sequitur[9]. Она взяла три газовые ампулы.

---

[9] notes: 9
Вывод, не соответствующий посылкам; нелогичное заключение (лат.)

— Роберт, ты должен сказать мне, какая из них снимает боль, пока снова не потерял сознание.

Он прищурился.

— Синяя. Разбей у меня под носом, но сама не вдыхай! Нет... не нужно. Трудно сказать, как на тебя подействует параэндорфин.

Атаклена разбила ампулу, и образовалось небольшое густое облачко.

Половину его Роберт вобрал в себя следующим вздохом. Остальное тут же рассеялось.

Тело Роберта словно развернулось. Он глубоко, с дрожью, перевел дыхание. Посмотрел на нее, в глазах светилось сознание.

— Не знаю, мог ли я еще оставаться в сознании. Но дело того стоило... разделить с тобой сознание.

И в его ауре появилось слабое подобие глифа зунур-тзун.

Атаклена была ошеломлена.

— Ты очень странное существо, Роберт. Я...

Она смолкла. Зунур-тзун... исчез, но она, несомненно, кеннировала глиф. Но как Роберт мог создать его?

Атаклена кивнула и улыбнулась. Теперь ей легко воспринимать человеческие образы.

— Мне пришла точно такая же мысль, Роберт.

Я... я тоже считаю, что дело того стоило.

Глава 13
ФИБЕН

Сразу над стеной утеса, у самого края плоской вершины, от крушения, вырывшего углубление в почве, еще поднимались столбы пыли. Полоска леса в форме кинжала разлетелась в несколько секунд, когда стремительный предмет ударился в нее, отскочил и ударился снова. Во всех направлениях разлетелась почва и обрывки растительности. Наконец снаряд застыл на самом краю пропасти.

Это случилось ночью. Другие обломки вызвали пожары, но здесь все ограничилось скользящим ударом.

Постепенно гул взрыва замер, но оставались другие последствия: оползень на ближайшем утесе, искалеченное дерево. А в конце борозды темный предмет, вызвавший все эти разрушения, продолжал потрескивать: перегретый металл остывал на холодном потоке воздуха, поднимавшемся из долины внизу.

Наконец все успокоилось и вошло в привычное русло. Туземные животные выбрались из укры-

тий. Некоторые даже приблизились, вдохнули с отвращением запах горячего металла и ушли по своим серьезным делам. Предстояло прожить еще один день.

* * *

Тяжелая была посадка. Внутри капсулы жизнеобеспечения пилот не шевелился. Прошла ночь, прошел день, он лежал неподвижно.

Наконец с кашлем и низким стоном Фибен очнулся.

— Где?.. Что?.. — прохрипел он.

И первой его мыслью было, что он говорит на англике.

«Это хорошо, — с трудом сообразил он. — Мозг не поврежден».

Главное сокровище неошимпанзе — способность к речи. И утрачивается она легче всего. Речевая афазия — прямой путь к переоценке. Можно даже попасть в генетически забракованные.

Разумеется, образцы плазмы Фибена уже отосланы на Землю, отзывать их поздно, так что какая разница, если даже его переоценят. Да он и не особенно заботился о том, какого цвета его карта воспроизводства.

Во всяком случае заботился не больше, чем другие шимпы.

«Итак, мы философствуем? Оттягиваем неизбежное? Не волнуйся, Фибен, старина! Двигайся! Открой глаза! Ощупай себя. Убедись, что все при тебе».

Легко сказать, но трудно сделать. Фибен застонал и попытался поднять голову. Его организм обезвожен. Открыть глаза — все равно что вытащить застрявший ящик письменного стола.

Но наконец ему удалось чуть приоткрыть их. Он увидел, что щит капсулы потрескался и покрылся сажей. Вокруг спекшаяся грязь с остатками флоры в лужах от недавнего дождя.

Фибен обнаружил одну из причин потери ориентации: капсула наклонена больше чем на пятьдесят градусов. Он повозился с ремнями безопасности и наконец расстегнул их. И обвис в кресле. Набравшись сил, занялся люком.

Работал, бормоча хриплые ругательства, пока люк не отскочил, разбрасывая дождь листьев и камешков. Последовало несколько минут сухого чихания. Наконец он повис через край люка, тяжело дыша.

Фибен стиснул зубы.

— Давай, — неслышно сказал он. — Выберемся

отсюда! — Приподнялся, не обращая внимания на синяки, протиснулся в люк, повис и нащупал опору под ногами. И упал на грязную, благословенную почву. Но когда попытался встать, левая нога не слушалась. Фибен снова упал и больно ударился.

— Ух! — произнес он вслух. Порылся под собой и вытащил острый прут, проткнувший шорты. Посмотрел на него, отбросил и снова лег на землю рядом с капсулой.

Перед ним, примерно в двадцати футах, в лучах занимающегося рассвета виднелся край пропасти. Далеко снизу доносился звук текущей воды. «Ух! — Он про себя удивился близости гибели. — Еще несколько метров, и мне совсем не хотелось бы пить».

Взошло солнце, картина прояснилась, стали видны борозды, проделанные в лесу другими обломками. «Прощай, старина „Проконсул“, — подумал Фибен. — Несколько тысяч лет верной службы полусотне мудрых галактических рас, а кончилось тем, что ты разбился на заброшенной планете, а разбил тебя Фибен Балджер, клиент волчат, полуобученный пилот милиции. Какой недостойный храброго воина конец!»

Но он все же пережил свой разведчик. По край-

ней мере ненадолго.

Кто-то сказал, что степень разумности определяется тем, сколько энергии раса разумных тратит на то, что не связано с выживанием. Фибен чувствовал себя, как кусок полупрожаренного мяса, но у него все же хватило сил улыбнуться. Он пролетел несколько миллионов миль и, может, еще доживет до того, что расскажет об этом своим нахальным внукам, на два поколения опередившим его в возвышении.

Он похлопал по обожженной земле и рассмеялся хриплым от жажды голосом.

— Попробуй справиться с этим, Тарзан!

Глава 14
УТАКАЛТИНГ

— ...Мы здесь как сторонники галактической традиции, защитники праведности и чести, мы исполняем волю тех, кто когда-то основал Путь Жизни...

Утакалтинг не очень силен в галактическомтри, поэтому он записывал с помощью портативного секретаря манифест губру для дальнейшего изучения. А слушал только краем уха, завершая свои приготовления.

«...краем уха...» Корона дернулась, и он понял, что материализовал человеческую метафору. Края его ушей действительно дернулись!

Все шимпы поблизости занимались манифестом по своим приемникам: его передавали с кораблей губру и на англике. Но это «неофициальный» вариант манифеста, так как англик считается всего лишь языком волчат, неподходящим для дипломатии.

Утакалтинг создал глиф л'иут'тсака, примерно соответствующий носу, пренебрежительно показанному захватчикам. Один из помощников неошимпанзе удивленно взглянул на него. Должно быть, у шимпа есть латентная пси-способность, понял Утакалтинг. Остальные три мохнатых клиента сидели под ближайшим деревом и внимали голосу вторгшейся армады.

— ...в соответствии с протоколом и правилами войны на Землю была отправлена нота с изложением наших претензий и требований...

Утакалтинг наложил последнюю печать на дипломатический сейф.

Пирамидальное сооружение расположено на вершине холма, к юго-западу от остальных зданий посольства тимбрими, и смотрит на Силмарское море. А в океане все кажется без-

мятежным и прекрасным. По спокойной воде движутся даже небольшие рыбацкие лодки, словно в небе нет ничего враждебнее редких облаков. По другую сторону за зарослями древесной травы Тула, привезенной с его родной планеты, расположены здания посольства, опустевшие, покинутые.

Строго говоря, он мог оставаться на месте и выполнять свои обязанности. Но Утакалтинг не собирался доверять обещанию захватчиков соблюдать все Правила Войны. Губру известны тем, что всегда толкуют правила так, как им выгодно.

К тому же у него свои планы.

Утакалтинг закончил накладывать печать и отошел от дипломатического сейфа. В стороне от самого посольства, запечатанный и закрытый, он охраняется миллионами лет традиции. В посольство и другие здания захватчики смогут проникнуть, но им придется очень тщательно искать объяснений, если они попытаются вскрыть священное хранилище.

Но Утакалтинг улыбался. Он верил в губру.

Отойдя на десять метров, он сосредоточился и создал простой глиф, потом отправил его на вершину пирамиды, где маленький голубой шар начал неслышно вращаться. Охранник на

мгновение еще более просветлел и испустил еле слышное гудение. Утакалтинг отвернулся и направился к ожидающим шимпам.

* * *

— ...главным образом, наше недовольство вызвано тем, что раса клиентов землян, известная как Tursiops amicus, или «неодельфины», совершила открытие, которым не поделилась с нами. Утверждают, что это открытие окажет огромное влияние на все галактическое сообщество. Клан гуксу-губру, как защитник традиций и наследия Прародителей, не может быть исключен! Наше законное право захватить заложников и вынудить эти полусформированные водные существа и их хозяев-волчат поделиться с нами информацией...

Небольшая часть сознания Утакалтинга занялась открытием клиентов землян на краю галактического диска. Утакалтинг задумчиво вздохнул. При нынешней обстановке в пяти галактиках ему пришлось бы воспользоваться Д-уровнем гиперпространства и вынырнуть в миллионе лет от нынешнего момента, чтобы узнать всю правду. Но к тому времени она превратится в древнюю историю.

В сущности, чем именно вызвал «Стремительный» нынешний кризис, уже неважно. Высший Совет тимбрими рассчитал, что подобный взрыв неизбежен в пределах нескольких сотен лет. Земляне умудрились вызвать его заблаговременно. Только и всего!

Вызвать преждевременно... Утакалтинг поискал нужную метафору. Словно ребенок сбежал из колыбели, пробрался в логово зверей вл'корг и щелкнул царицу прямо в морду!

— ...вторая причина нашего недовольства и непосредственная причина вторжения — в обоснованных подозрениях, что на планете Гарт нарушаются правила возвышения! Мы располагаем доказательствами, что полуразумная раса, известная под именем неошимпанзе, не получает нужного руководства ни со стороны патронов-людей, ни со стороны консортов-тимбрими...

«Тимбрими неподобающие консорты? Высокомерные птицеподобные заплатят за это оскорбление!» — поклялся Утакалтинг. Шимпы вскочили и низко поклонились при его приближении. На концах короны Утакалтинга на мгновение мелькнул глиф с иулф-куон, посол поклонился в ответ.

— Я хочу отправить несколько посланий. Вы

послужите мне?

Все кивнули. Шимпы явно стесняются друг друга, происходя из различных социальных групп.

Один гордо носит офицерский мундир. Двое в яркой гражданской одежде.

Наконец, четвертый одет мешковато, на груди у него панель со множеством кнопок; она позволяет бедному существу пользоваться подобием речи. Этот шимп стоит сзади и в стороне от других и едва отрывает взгляд от земли.

— Мы все к вашим услугам, — сказал, вытянувшись, молодой лейтенант.

Он, казалось, совершенно не замечает мрачных взглядов, которые искоса бросают на него пестро одетые штатские.

— Это хорошо, мой юный друг. — Утакалтинг положил руку на плечо шимпа и протянул маленький черный куб. — Пожалуйста, доставьте это планетарному координатору Онигл, вместе с моими добрыми пожеланиями. Передайте ей, что мне пришлось отложить вылет в Убежище, но я надеюсь скоро с ней увидеться.

«На самом деле я даже не лгу, — напомнил себе Утакалтинг. — Будь благословенна двусмысленность англика!»

Лейтенант-шимп взял куб и поклонился точно

под необходимым углом, как следует кланяться патрону-союзнику. Не глядя на остальных, он побежал к курьерскому экипажу.

Один из штатских, явно надеясь, что Утакалтинг не услышит, шепнул пестро одетому коллеге:

— Надеюсь, этот нахал с синей картой упадет в лужу и вымажет свой мундир.

Утакалтинг сделал вид, что ничего не заметил. Иногда вера других в то, что слух у тимбрими такой же слабый, как зрение, оказывается полезной.

— Это для вас, — сказал он двоим в пестрой одежде и бросил каждому мешочек. Внутри находились деньги, галбанкноты, безупречные, подкрепленные содержанием всей Великой Библиотеки, но из неизвестного источника.

Двое шимпов поклонились Утакалтингу, стараясь скопировать точный поклон офицера. Утакалтинг с трудом сдержал смех: foci — центр сознания каждого шимпа — сосредоточился на мешочке с монетами, отрезав всю остальную вселенную.

— Идите и потратьте на свое усмотрение. Благодарю вас за вашу прежнюю службу.

Два члена небольшого преступного подполья

Порт-Хелении повернулись и бросились в рощу. Заимствуя еще одну человеческую метафору, они была «глазами и ушами» Утакалтинга с его прибытия на Гарт. Несомненно, сейчас они считают свою работу завершенной.

«И спасибо за то, что вы еще сделаете», — думал Утакалтинг, глядя им вслед. Он хорошо знает этих парней. Они быстро потратят его деньги и войдут во вкус новых трат. А через несколько дней появится единственный способ их заработать.

Утакалтинг был уверен, что скоро у них возникнут новые наниматели.

— ...пришли как друзья и защитники предразумных, чтобы они получали нужное руководство и стали членами достойного клана...

Оставался только один шимп; он пытался стоять прямо, как остальные.

Но бедное существо не могло не переминаться с ноги на ногу, беспокойно улыбаясь при этом.

— И что... — начал Утакалтинг, но неожиданно замолчал. Щупальца его заволновались; он повернулся и посмотрел на море.

В небе над заливом возникла огненная точка и полетела на восток.

Утакалтинг заслонил глаза, но не стал тратить времени на то, чтобы позавидовать зрению зем-

лян. Сверкающий уголек перемещался в облаках, оставляя за собой след, который мог воспринимать только тимбрими. Это сияние радостного отлета в течение нескольких секунд развернулось со слабым инверсионным следом и тут же угасло.

От'тушутн, помощник, секретарь и друг Утакалтинга, повел свой корабль сквозь сердце вражеского флота, осаждающего Гарт. И кто знает? Корабль специально сконструирован. Возможно, и прорвется.

Конечно, это не дело От'тушутна. Его задача — просто попытаться.

Утакалтинг напряг свой кеннинг. Да, что-то исходит от этого света.

Сверкающее наследие. Он воспринял прощальный глиф От'тушутна и тщательно сберег его, чтобы дома передать возлюбленной храброго тимбрими.

На Гарте теперь остаются только два тимбрими. Атаклена в безопасности, насколько это возможно. Утакалтингу пора позаботиться о себе.

— ...освободить невинные существа, избавить их от неправильного руководства волчат и преступников...

Утакалтинг снова повернулся к маленькому

шимпу, своему последнему помощнику.

— А как ты, Джо-Джо? Тоже хочешь выполнить задание?

Джо-Джо повозился с кнопками на своем дисплее.

ДА, ПОЖАЛУЙСТА. Я ХОЧУ ПОМОГАТЬ ВАМ.

Утакалтинг улыбнулся. Ему нужно торопиться на встречу с Каултом. Сейчас посол теннанинцев уже выходит из себя возле катера Утакалтинга. Но еще несколько секунд может подождать.

— Да, ты можешь кое-что для меня сделать, — сказал он Джо-Джо. — Ты сможешь сохранить тайну?

Маленький генетический мутант энергично кивнул, его мягкие карие глаза переполняла искренняя преданность. Утакалтинг провел много времени с Джо-Джо, учил его тому, чему не позаботились научить в школе на Гарте — например, как выжить в дикой местности или как пилотировать простейший флиттер. Конечно, Джо-Джо не гордость возвышения неошимпанзе, но у него большое сердце и своеобразная хитрость, которую Утакалтинг высоко ценил.

— Видишь голубой огонек наверху пирамиды, Джо-Джо?

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ, — напечатал шимп.

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ ВСЕ СЛОВА.

— Хорошо. — Утакалтинг кивнул. — Я так и знал. Я рассчитываю на тебя, мой дорогой маленький друг. — Он улыбнулся, и Джо-Джо радостно улыбнулся в ответ.

А созданный компьютером голос продолжал нудить из космоса, заканчивая манифест вторжения.

— ...и дать им возможность быть принятыми в достойный древний клан, который поведет их к правильному поведению...

«Болтливые птицы, — подумал Утакалтинг. — В сущности они глупы».

— Мы им покажем «правильное поведение», верно, Джо-Джо?

Маленький шимп нервно кивнул. И улыбнулся, хотя не все понял.

Глава 15
АТАКЛЕНА

Ночью лагерный костер отбрасывал желтые и оранжевые отблески на стволы ближайших псевдодубов.

— Я был так голоден, что даже консервы показались вкусными, — вздохнул Роберт, отодвигая

чашку и ложку. — Собирался испечь корни плюща, но теперь мне кажется, что у нас пропал аппетит к этому деликатесу.

Атаклене казалось, она понимает склонность Роберта к абстракциям, не относящимся к их положению. И у тимбрими, и у людей есть способы, которые помогают легче переносить неприятности, — еще одна общая черта двух видов. Сама она ела мало. Тело ее почти избавилось от пептидов, результата последней гир-реакции, но все еще слегка побаливало после дневного приключения.

Часть неба над головой закрывали темные пылевые галактические облака, по краю их шла яркая водородная туманность. Атаклена смотрела на звездный свод, корона над ушами слегка расширилась. Она принимала эмоции крошечных туземных животных из леса.

— Роберт?

— Гм... Да, Кленни?

— Роберт, зачем ты убрал кристалл из радио?

После паузы голос его прозвучал серьезно и угнетенно.

— Я не хотел говорить тебе об этом еще несколько дней, Атаклена. Прошлой ночью я видел, как уничтожали спутники связи. Это может означать

только одно: прибыли галакты, как и ожидали наши родители. Кристаллы радио могут засечь детекторы на кораблях, даже когда мы не пользуемся установкой. Я изъял кристалл, чтобы нас не смогли обнаружить. Это обычная процедура.

Атаклена почувствовала легкую дрожь, она началась над носом, прошла по голове и спине.

«Итак, началось».

Ей хотелось оказаться рядом с отцом. По-прежнему ее огорчало, что он отослал ее, не разрешил остаться с собой, чтобы она могла ему помочь.

Молчание затянулось. Атаклена кеннировала нервное напряжение Роберта.

Дважды он собирался заговорить, но передумал. Наконец она кивнула.

— Я согласна с твоим решением, Роберт. Мне кажется, я даже понимаю защитный импульс, который заставил тебя не рассказывать мне об этом. Но не следовало этого делать. Это глупо.

Роберт серьезно кивнул.

— Больше не буду, Атаклена.

Они некоторое время лежали молча, потом Роберт протянул здоровую руку и коснулся Атаклены.

— Кленни, я... знаешь, как я тебе благодарен. Ты спасла мне жизнь...

— Роберт, — устало вздохнула она.

— ...но дело не только в этом. Придя в мое сознание, ты показала мне меня самого... показала то, чего я не знал. Это очень важно. Можно прочесть об этом в книгах. Самообман и неврозы — два самых коварных человеческих несчастья.

— Они не только человеческие, Роберт.

— Да, я догадываюсь. То, что ты увидела в моем сознании, должно быть, ерунда по стандартам до Контакта. Но, учитывая нашу историю, даже самым нормальным из нас нужно напоминать время от времени.

Атаклена не знала, что сказать, поэтому промолчала. Жить в темные времена человечества — должно быть, это действительно страшно.

Роберт откашлялся.

— Я хочу сказать, что теперь понимаю, как далеко ты зашла в своей адаптации. Ты постигла человеческие эмоции, изменила свою психологию...

— Эксперимент. — Она пожала плечами — и неожиданно поняла, что лицу жарко. В человеческой реакции, которую она считала такой странной, раскрываются капилляры. Она краснеет!

— Да, эксперимент. Но справедливо, чтобы он

был двусторонним, Кленни. Тимбрими известны своей приспособляемостью в пяти галактиках. Но мы, люди, тоже умеем кое-чему учиться...

Она подняла голову.

— О чем ты, Роберт?

— Я хочу, чтобы ты мне больше рассказала о тимбрими. О ваших обычаях. Хочу знать, каков у вас эквивалент изумленного взгляда, утвердительного кивка, улыбки.

Снова легкое сверкание. Атаклена настроила корону, но призрачный простой глиф, который начал создавать Роберт, рассеялся как дым. Наверно, он сам не понимает, что создал его.

— Гм, — сказала Атаклена, мигая и качая головой. — Не могу сказать точно. Но мне кажется, Роберт, ты уже начал узнавать.

* * *

На следующее утро, когда сворачивали лагерь, у Роберта болело все тело. У него был жар. Но он принял анестезирующее средство, чтобы продолжать работать.

Большую часть их имущества Атаклена спрятала в дупло резиновой березы и надрезала кору, чтобы потом найти дерево. Но в глубине души она сомневалась, что кто-то вернется сюда.

— Тебя нужно показать врачу, — сказала она, трогая его лоб. Высокая температура — явно плохой признак.

Роберт указал, на узкий проход между двумя горами к югу.

— Вот там, в двух днях пути, ферма Мендозы. Миссис Мендоза была медсестрой, прежде чем вышла замуж за Хуана и завела ферму.

Атаклена неуверенно взглянула на проход. Придется подниматься на тысячу метров, чтобы миновать его.

— Роберт, ты считаешь, что это лучший маршрут? Я уверена, что принимала излучения разумных гораздо ближе, к востоку, вдоль этой линии холмов.

Роберт взял самодельный посох и пошел на юг.

— Пошли, Кленни, — бросил он через плечо. — Я знаю, ты хочешь отыскать гартлинга, но сейчас не время. Когда меня подлатают, мы сможем поохотиться на туземных предразумных.

Атаклена смотрела ему вслед, пораженная нелогичностью его замечания.

Потом догнала его.

— Роберт, что за странную вещь ты сказал? Как я могла думать о поиске туземных животных, пусть самых интересных, пока ты нездоров? Я

ясно ощущала присутствие на востоке разумных: людей и шимпов, хотя должна признать, что был и какой-то странный субъект, почти...

— Ага! — Роберт улыбнулся, как будто она призналась. И пошел дальше.

Удивленная, Атаклена попыталась прощупать его чувства, но самоконтроль и решимость оказались невероятными для представителя расы волчат. Она могла только ощутить его беспокойство — и это беспокойство связано с тем, что она обнаружила присутствие разумных к востоку.

О, если бы она была настоящим телепатом! В который раз она подумала, почему Высший Совет тимбрими не отверг правила Института возвышения и не стал развивать эту способность. Иногда она завидовала людям, которые могут окружать непроходимым барьером свою внутреннюю жизнь, в отличие от собственной, сплетничающей, вторгающейся во все культуры. Но сейчас ей хотелось одного: заглянуть к нему внутрь и узнать, что он скрывает!

Корона ее развевалась, и если бы поблизости оказался тимбрими, он бы поморщился, уловив ее язвительность по поводу устройства мира.

* * *

Прошло чуть больше часа. Они еще не добрались до вершины первого хребта, а Роберт шел уже с трудом. Теперь Атаклена знала, что испарина у него на лбу — то же, что покраснение и раздувание короны тимбрими, — признак перегрева.

Услышав, что он негромко начал считать, она поняла, что нужно отдохнуть.

— Нет. — Он покачал головой. Голос его звучал неровно. — Перейдем через хребет и доберемся до следующей долины. Вся дорога оттуда до прохода в тени. — Роберт пошел дальше.

— Здесь тоже достаточно тени, — настаивала Атаклена.

Она потянула Роберта к откосу, поросшему ползунками с листьями, словно зонтиками; все они вездесущими лианами связаны с лесом в долине.

Роберт вздохнул, когда она помогла ему сесть на камень в тени. Она вытерла ему лоб и начала разматывать повязку на сломанной правой руке. Он застонал сквозь зубы.

Кожа около сломанной кости потемнела.

— Это плохо, Роберт?

На мгновение ей показалось, что он теряет

сознание. Но вот он пришел в себя, покачал головой.

— Нет. Вероятно, инфекция. Нужно больше универсального...

Он потянулся к ее рюкзаку, где находилась аптечка, но потерял равновесие, и Атаклене пришлось подхватить его.

— Хватит, Роберт. Ты не дойдешь до фермы Мендозы. Я не могу нести тебя и не могу оставить на два-три дня!

Роберт попросил дать ему две синие таблетки и отпил из фляжки.

— Ну хорошо, Кленни, — вздохнул он. — Повернем на восток. Но только пусть твоя корона поет для меня, ладно? Мне это нравится и помогает лучше понять тебя... и теперь я думаю, что нам лучше пойти, потому что я начинаю нести чепуху. Это признак того, что человек распадается. Ты должна теперь это знать.

Глаза Атаклены широко раздвинулись, она улыбнулась.

— Я и так знала это, Роберт. А теперь скажи, как называется место, куда мы идем.

— Оно называется Хаулеттс-Центр. Прямо туда, за второй грядой холмов. — Он указал на юго-восток. — Там не любят незваных гостей, поэтому,

приближаясь, будем говорить вслух.

* * *

Делая частые остановки, они к полудню перебрались через первую гряду холмов и отдохнули в тени у небольшого ручья. Тут Роберт уснул беспокойным сном.

Атаклена беспомощно смотрела на юношу-человека. И обнаружила, что напевает знаменитый «Плач неизбежности» Тлуфаллтрила. Эта печальная аура и мелодия были созданы свыше четырех тысяч лет назад, когда патроны тимбрими калтмуры погибли в кровавой межзвездной войне.

Неизбежность — не очень приятная для ее народа ситуация, тем более ужасна она для людей. Но тимбрими давно решили стать эрудитами и изучить все философии. И смирение, покорность тоже имеют право на существование.

«Не сейчас!» — поклялась Атаклена. Она уговорила Роберта проглотить еще две таблетки. Как можно лучше закрепила сломанную руку и подложила камни, чтобы Роберт не скатился во сне.

Она надеялась, что окружающий их густой кустарник помешает подобраться опасным животным. Конечно, бурурали очистили лес от всех крупных животных, но она все же беспокои-

лась. Можно ли оставить потерявшего сознание человека ненадолго?

Рядом с его левой рукой она положила свой лазер-резак и фляжку.

Наклонившись, коснулась его лба чувствительными преобразованными губами.

Ее корона опустилась ему на лицо; Атаклена, прощаясь, передавала ему пожелания в обычае своего народа.

* * *

Олень может бежать быстрее. Кугуар может проскользнуть по неподвижному лесу незаметней. Но Атаклена никогда не слышала о таких животных. И даже если бы слышала, тимбрими не боятся сравнений. Их общее свойство — приспособляемость.

Уже на протяжении первого километра автоматически начались изменения.

Железы укрепили ноги, изменения в составе крови позволили лучше усваивать кислород воздуха. Соединительные ткани расслабились, ноздри раскрылись шире, чтобы пропускать больше воздуха, кожа натянулась, чтобы груди не подпрыгивали при ходьбе.

Склон стал круче, и вот она оказалась во второй

долине и побежала вверх по звериной тропе к цели. Быстрые шаги легко звучали на мягком суглинке. Лишь изредка треск ветки возвещал о ее присутствии, и тогда маленькие зверьки испуганно разбегались. И всюду ее сопровождали щебечущие насмешки, и звуковые, и эмоциональные, которые она улавливала короной.

Эти звуки заставляли Атаклену улыбаться потимбримийски. Животные всегда так серьезны. Только немногие, почти готовые к возвышению, проявляют зачатки юмора. И очень часто в процессе возвышения патроны стирают воображение как «черту нестабильности».

После второго километра Атаклена побежала медленнее. Прежде всего потому, что перегрелась. А для тимбрими это опасно.

Она достигла вершины хребта с неизбежной цепью камней-чешуй и еще более сбавила скорость, пробираясь в лабиринте торчащих монолитов. Потом немного отдохнула. Прислонившись к камню, тяжело дыша, она расправила корону. Щупальца задрожали в поиске.

Да! Близко люди! И неошимпанзе. Теперь она хорошо знает их излучения.

И... она сосредоточилась. Что-то еще. Что-то мучительно ускользающее.

Это загадочное, странное существо, присутствие которого она уже дважды ощущала. Одно мгновение оно кажется земным, но в другое — принадлежащим этому миру. И оно предразумное, у него свой, суровый характер.

Если бы эмпатия могла точно указывать направление!

Атаклена двинулась вперед, пробираясь к источнику излучения сквозь каменные дебри.

На нее упала тень. Инстинктивно Атаклена отскочила и присела — гормоны мгновенно придали силы ее рукам и ногам. Подготовка к схватке.

Атаклена глубоко дышала, подавляя гир-реакцию. Она думала встретить какое-нибудь небольшое существо, пережившее катастрофу буруралли, — но такое огромное!

«Успокойся», — приказала она себе. На камне виден был силуэт большого двуногого, явно родственника человека и не туземного обитателя Гарта.

Шимпанзе, конечно, не может угрожать ей.

— З...здравствуйте! — умудрилась она выговорить, сдерживая дрожь уходящей гир-реакции. Молча прокляла мгновенные реакции, которые делают тимбрими такими опасными при вне-

запном столкновении, но укорачивают жизнь и часто приводят их в замешательство в приличном обществе.

Фигура смотрела на нее сверху. Двуногая, с поясом для инструментов на талии. Смотреть против света трудно. Сбивает с толку яркий голубоватый свет солнца Гарта. Но даже и так Атаклена видела, что животное слишком велико для шимпанзе.

Существо не реагировало. Просто смотрело на нее сверху вниз.

От молодой, как неошимпанзе, расы клиентов не следует ожидать большого ума. Атаклена, прищурившись против яркого света, начала медленно и четко говорить на англике.

— У меня срочное дело. Там, недалеко, — она указала, — человек, он ранен. Ему нужна немедленная помощь. Пожалуйста, отведи меня к людям. Как можно скорее. — Она ожидала немедленного ответа, но существо лишь переступило с ноги на ногу и продолжало смотреть.

Атаклена чувствовала себя неловко. Может, она встретилась с самым глупым шимпом? Или мутантом? Новые расы клиентов дают множество вариантов, иногда очень опасных, с глубоким регрессом. Доказательство — то, что произошло с бурурали здесь, на Гарте.

Атаклена напрягла свои чувства. Корона ее расширилась и тут же удивленно свернулась!

Это предразумное существо! Внешнее сходство — шерсть и длинные руки — обмануло ее. Это совсем не шимп! То самое чуждое существо, присутствие которого она ощущала раньше!

Неудивительно, что оно не ответило. У него нет патронов, которые научили бы его говорить! Потенциал дрожал и бился. Атаклена чувствовала его под поверхностью. И подумала, что же сказать туземному предразумному.

Вгляделась внимательней. Темная пушистая шерсть существа окаймлена солнечным сиянием. На коротких согнутых ногах массивное тело, которое заканчивается большой головой с узким лбом. Широкие плечи без видимой шеи переходят в голову.

Атаклена припомнила знаменитый рассказ Напуталлила о космическом сборщике, который в лесу, далеко от поселения колонии, встретил ребенка, воспитанного дикими бегунами. Поймав свирепо огрызающееся маленькое существо, охотник создал простую версию ш'чакуон — зеркала души.

Атаклена сформировала глиф, насколько могла вспомнить.

СМОТРИ В МЕНЯ — ТЫ ВИДИШЬ САМОГО СЕБЯ.

Существо стояло. Но вот оно отпрянуло, фыркая и нюхая воздух.

Атаклена вначале решила, что оно реагирует на ее глиф. Но тут хрупкую связь разорвал какой-то шум поблизости. Предразумное шумно запыхтело — глубокий гортанный звук, — потом повернулось и ускакало, прыгая с камня на камень. И исчезло.

Атаклена побежала за ним, но бесполезно. Через несколько мгновений она потеряла след. Вздохнула и снова повернула на восток, туда, где, по словам Роберта, располагается Хаулеттс-Центр. Прежде всего нужно найти помощь.

Она продолжала продвигаться сквозь лес камней. Их становилось меньше, начинался спуск в следующую долину. Обогнув очередной камень, Атаклена чуть не столкнулась с поисковой партией.

* * *

— Простите, если мы напугали вас, мэм, — хрипло сказал предводитель группы. Голос его напоминал нечто среднее между рычанием и кваканьем. Он снова поклонился. — Сборщик сейсина сообщил о крушении корабля, и мы по-

слали несколько поисковых групп. Вы не видели падающий космический корабль?

Атаклена дрожала от Ифни-проклятой сверхреакции. Должно быть, в первые несколько секунд она выглядела ужасно, когда неожиданность вызвала у нее стремительные перемены. Бедные создания испугались. Еще четверо шимпов за предводителем нервно поглядывали на нее.

— Нет, не видела. — Атаклена говорила медленно и тщательно, стараясь не вызвать у маленьких клиентов чувства вины. — Но у меня тоже есть срочное сообщение. Мой спутник, человек, вчера днем был ранен. У него сломана рука и, вероятно, началось заражение. Я должна поговорить с кем-нибудь из ваших руководителей, чтобы его немедленно эвакуировали.

Предводитель шимпов был выше среднего роста, почти полтора метра. Как у всех остальных, на нем были шорты, пояс с инструментами и небольшой рюкзак за спиной. Улыбка впечатляла оскалом неровных желтоватых зубов.

— У меня достаточно полномочий. Меня зовут Бенджамин, мисс... мисс... — Его хрипловатый голос звучал вопросительно.

— Атаклена. Имя моего товарища Роберт Онигл. Он сын планетарного координатора.

Бенджамин распахнул глаза.

— Понятно. Ну что ж, мисс Атак... мэм... вы, наверно, уже знаете, что Гарт подвергся нападению военного флота ити. И нам нельзя пользоваться воздушными кораблями, если этого можно избежать. Но моя группа может перенести человека с такими ранениями, как вы описали. Если вы отведете нас к мистеру Ониглу, мы позаботимся о нем.

Облегчение смешивалось у Атаклены с болью: ей напомнили о тяжелом общем положении. Надо допытаться выяснить.

— Установлено ли, кто захватчики? Была ли высадка?

Шимп Бенджамин — профессионал, с хорошей дикцией, но он не мог скрыть замешательства. Наклонив голову, он посмотрел на Атаклену под новым углом.

Остальные шимпы беззастенчиво пялились. Они явно никогда не видели ничего подобного.

— Гм. Простите, мэм, но новости не очень подробные. Ити... э-э-э... — Шимп всмотрелся в нее. — Э-э-э... простите, мэм, но вы ведь не человек?

— Великий Калтмур, конечно, нет! — ощетинилась Атаклена. — Что дает вам основание... — Но тут вспомнила внешние изменения, которые

составляли часть ее эксперимента. Она должна сейчас очень походить на человека, особенно когда солнце за спиной. Неудивительно, что бедные клиенты смутились. — Нет, — сказала она спокойнее. — Я не человек. Я тимбрими.

Шимпы вздохнули и быстро переглянулись. Бенджамин поклонился, скрестив перед собой руки. Впервые сделал жест приветствия клиента представителю расы класса патронов. Народ Атаклены, как и люди, не верит в необходимость жесткого господства над клиентами. Но все же этот жест смягчил ее оскорбленные чувства. Когда Бенджамин заговорил снова, дикция его заметно улучшилась.

— Прошу прощения, мэм. Я хотел сказать, что не знаю, кто такие захватчики. Меня не было возле приемника, когда передавали их манифест несколько часов назад. Мне сказали, что это губру, но ходят слухи, что они теннанинцы.

Атаклена вздохнула. Теннанинцы или губру. Что ж, могло быть хуже.

Первые — ограниченные ханжи. Вторые обычно злобны, консервативны и жестоки. Но все же это не то, что коварные соро или жуткие смертоносные танду.

Бенджамин пошептался с одним из товарищей.

Маленький шимп убежал по тропе назад, туда, откуда они пришли, в направлении загадочного Хаулеттс-Центра. Атаклена уловила дрожь тревоги. И снова подумала, что же происходит в долине, от которой старался увести ее Роберт, даже с риском для своего здоровья.

— Посыльный сообщит о состоянии мистера Онигла и организует транспорт, — сказал ей Бенджамин. — Тем временем мы сразу же поможем ему. Если вы покажете нам дорогу...

Он звал ее, и Атаклене пришлось на время сдержать любопытство. Прежде всего Роберт.

— Ну хорошо, — сказала она. — Пошли.

Проходя под камнем, на котором она увидела странное предразумное существо, Атаклена посмотрела вверх. Был ли это действительно гартлинг?

Может, шимпы что-нибудь о нем знают? Но прежде чем успела спросить, Атаклена споткнулась и схватилась за виски. Шимпы удивленно смотрели на ее раскачивающуюся корону и странно раздвинувшиеся глаза.

Отчасти звук, отчасти кеннинг, такой высокий, что уходит за пределы восприятия, отчасти резкий зуд, ползущий по спине.

— Мэм? — Бенджамин встревоженно посмот-

рел на нее. — В чем дело?

Атаклена покачала головой.

— Это... это...

Она не закончила. Потому что в это мгновение на западе, на горизонте, мелькнула серая вспышка. Что-то неслось по небу прямо к ним — слишком стремительно! Не успела Атаклена мигнуть, как точка выросла до чудовищных размеров. И совершенно неожиданно над долиной неподвижно повис гигантский серый корабль.

Атаклена едва успела крикнуть:

— Зажмите уши!

Разразился гром. Грохот и рев бросил их на землю. Эхо дробилось в лабиринте камней и отразилось от склонов долины. Деревья раскачивались, трещали и падали, листья срывало внезапно налетевшим циклоном...

Наконец грохот стих. Лес отразил и поглотил его. И только тогда послышался низкий гул двигателей самого корабля. Серое чудовище, огромный блестящий цилиндр, отбрасывало тень на долину. На глазах Атаклены и шимпов корабль начал медленно опускаться, спустился на уровень камней, исчез из виду. Стих и гул двигателей, и послышался шум оползней с ближайших склонов. Шимпы нервно встали; держась за руки,

они зашептались низкими хриплыми голосами. Бенджамин помог встать Атаклене. Гравитационное поле корабля ударило по ее раскрывшейся короне, а она была не готова к этому.

Атаклена трясла головой, пытаясь прийти в себя.

— Это военный корабль? — спросил у нее Бенджамин. — Остальные шимпы не были в космосе, но я несколько лет назад ходил смотреть старый «Везарий», когда тот прилетал на планету. Но он не такой огромный.

Атаклена вздохнула.

— Да, военный корабль. Конструкции соро, мне кажется. Теперь губру пользуются этой конструкцией. — Она взглянула на шимпа. — Гарт теперь не просто окружен, шимп Бенджамин. Началось вторжение.

Бенджамин стиснул руки. Нервно потянул один большой палец, потом другой.

— Они висят над долиной. Я их слышу. Но что они хотят сделать?

— Не знаю, — ответила Атаклена. — Надо посмотреть.

Бенджамин поколебался, потом кивнул. И повел группу назад, туда, где из-за камней открывался вид на долину.

* * *

Примерно в четырех километрах на дне долины виднелись белые здания.

Корабль висел над ней в нескольких сотнях метров, отбрасывая огромную тень. Атаклена заслонила глаза: яркий солнечный свет отражался от блестящих бортов. Низкое гудение двигателей огромного крейсера звучало зловеще.

— Он просто висит там! Что они делают? — нервно спросил какой-то шимп.

Атаклена покачала головой, как человек.

— Не знаю. — Она ощущала страх людей и неошимпанзе в поселке внизу.

Были и другие источники эмоций.

«Захватчики», — поняла она. Они убрали свой пси-щит, высокомерно отвергая всякую возможность обороны. У нее появилось мысленное изображение легких пернатых существ, потомков какого-то нелетающего псевдоптичьего вида. На мгновение ярко высветилась картина местности, видимая глазами одного из офицеров корабля. Контакт длился всего миллисекунду, но корона Атаклены задергалась в отвращении.

«Губру», — поняла она. Неожиданно все стало чрезвычайно реальным.

Бенджамин ахнул.

— Смотрите!

Из-под широкого брюха корабля, из открывшихся отверстий, начал опускаться коричневый туман. Медленно, лениво темные испарения закрывали дно долины.

Страх внизу сменился паникой. Атаклена прижалась к камню и обхватила голову руками, чтобы уйти от почти ощутимой ауры ужаса.

Слишком сильно? Атаклена попыталась создать глиф мира в пространстве перед собой, отразить боль и ужас. Но все, что она создавала, мгновенно таяло, как снег под языками горячего пламени.

— Они убивают людей и горилл! — закричал шимп на склоне и побежал вниз. Бенджамин крикнул ему вслед:

— Петри! Вернись! Куда ты?

— Я должен помочь! — отозвался тот. — И ты тоже! Ты ведь слышишь их крики! — И, не обращая внимания на расширяющуюся тропу, он начал спускаться по лесистому склону — самым прямым путем к клубящемуся туману и глухим крикам отчаяние.

Оставшиеся двое шимпов вызывающе посмотрели на Бенджамина; очевидно, они думали

так же.

— Я тоже иду, — произнес один.

Сошедшиеся от страха глаза Атаклены ныли. Что собираются делать эти глупые создания?

— Я с тобой, — согласился второй шимп. И, несмотря на крики и проклятия Бенджамина, они оба начали спускаться в долину.

— Немедленно остановитесь!

Все повернулись и посмотрели на Атаклену. Даже Петри застыл, схватившись рукой за камень и мигая. Третий раз в жизни Атаклена воспользовалась Тоном Беспрекословного Приказа.

— Прекратите глупости и немедленно вернитесь! — приказала она. Корона развевалась у нее над ушами. Тщательно отработанный человеческий акцент исчез. Она говорила на англике с сильным акцентом тимбрими, который шимпы бессчетное количество раз слышали по видео. Она могла походить на человека, но человеческий голос не в состоянии воспроизводить такие звуки.

Клиенты землян мигали, раскрыв рты.

— Немедленно возвращайтесь! — прошипела Атаклена.

Шимпы поднялись по склону и остановились перед ней. Один за другим, нервно поглядывая

на Бенджамина, они последовали его примеру и поклонились, сложив перед собой руки.

Атаклена подавила собственную дрожь, чтобы казаться совершенно спокойной.

— Не заставляйте меня снова повышать голос, — негромко сказала она. — Мы должны действовать сообща, думать хладнокровно и разработать целесообразный план.

Неудивительно, что шимпы дрожали и смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Люди редко разговаривали с шимпами так безапелляционно. Возможно, шимпы и служат людям, но по земным законам они такие же граждане.

«Мы, тимбрими, другое дело». Долг, просто долг заставил Атаклену отказаться от тотану — вызванной страхом отчужденности. Кто-то должен принять на себя ответственность, чтобы спасти жизнь этим существам.

Туман перестал выделяться из корабля губру. Он, подобно темному пенному озеру, залил всю долину, скрыв здания на склоне. Отверстия в брюхе корабля закрылись, он начал медленно подниматься.

— Укройтесь, — приказала Атаклена и отвела шимпов за ближайший монолит. Низкий гул двигателей корабля поднялся на октаву. Скоро

они увидели корабль над камнями.

— Зажмите уши.

Шимпы прижались друг к другу, прикрыли уши ладонями.

Только что корабль был здесь, в тысяче метров над долиной. В следующее мгновение, так быстро, что глаз не успевал среагировать, он исчез. Вытесненный воздух устремился внутрь, и вновь словно ударила гигантская рука, загремел гром, покатился над долиной, поднимая пыль и срывая листву с деревьев. Наконец эхо стихло. Ошеломленные шимпы долго смотрели друг на друга.

Но вот самый старший из них, Бенджамин, встряхнулся. Отряхнул руки, схватил Петри и поставил перед Атакленой.

Петри пристыженно смотрел в землю.

— Прошу прощения, мэм... — сказал он. — Я... там внизу люди... и моя подруга...

Атаклена кивнула. Нельзя быть слишком строгим с клиентами, у них ведь добрые намерения.

— Мотивы твоего поступка похвальны. Теперь, успокоившись, мы сможем более эффективно помочь твоим патронам и друзьям.

Она протянула руку. Казалось, шимпы ждут от галакта более покровительственного жеста. Например, похлопывания по голове. Пожав Атак-

лене руку, Петри застенчиво улыбнулся.

Они прошли между камнями и посмотрели вниз. Шимпы ахнули. Коричневое облако покрыло землю, как густое грязное море, оно доходило до основания леса на склоне у их ног. Тяжелый туман имел четко очерченную верхнюю границу, едва касавшуюся корней ближайших деревьев. Они не знали, что происходит внизу, не знали даже, выжил ли там кто-нибудь.

— Мы разделимся на две группы, — сказала Атаклена. — Роберт Онигл по-прежнему нуждается в помощи. Кто-то должен идти к нему.

Мысль о Роберте, лежащем в полубессознательном состоянии там, где она его оставила, вызвала тревогу. Атаклена должна быть уверена, что о нем позаботятся. Она подозревала, что шимпы предпочтут идти к Роберту, чем оставаться у этой смертоносной долины. Они слишком потрясены катастрофой и не уверены в себе.

— Бенджамин, вместе с товарищами ты сможешь найти Роберта, если я укажу направление?

— Вы сами нас не поведете? — Бенджамин нахмурился и покачал головой. — Не знаю, мэм... Я считаю, вы должны идти с нами.

Атаклена оставила Роберта возле приметного ориентира — гигантского орехового дерева у

самой тропы. Любая группа без труда отыщет раненого землянина.

Она отчетливо ощущала эмоции шимпа. Бенджамин очень хотел, чтобы представитель знаменитого народа тимбрими помог людям в долине. И тем не менее пытается увести ее.

Внизу клубился маслянистый дым. Атаклена чувствовала присутствие внизу многих сознаний, испытывающих страх.

— Я останусь, — твердо сказала она. — Ты сказал, что эти шимпы подготовлены как спасатели. Они найдут Роберта и помогут ему. Кто-то должен остаться и попытаться помочь тем, внизу.

Люди могли бы возражать, спорить. Но шимпы даже не думали возражать галакту, принявшему решение. Разумные класса клиентов просто не в состоянии так поступить.

Она чувствовала облегчение Бенджамина... и в то же время страх.

Трое младших шимпов надели рюкзаки. Молча и серьезно двинулись меж камней на запад, время от времени нервно оглядываясь, пока не исчезли из виду.

Атаклена больше не волновалась из-за Роберта. Но все усиливался ее страх за отца. Враг, несомненно, первый удар обрушил на Порт-Хелению.

— Идем, Бенджамин. Посмотрим, что можно сделать для этих бедняг внизу.

* * *

Несмотря на неожиданные и быстрые успехи в возвышении, землянам предстояла еще большая работа с неошимпанзе и неодельфинами. В обоих видах настоящие мыслители еще очень редки. По галактическим стандартам они добились большого прогресса, но земляне хотели двигаться еще быстрее. Как будто опасались, что их клиенты вырастут самостоятельно и очень быстро.

Когда среди турсиоп или понго появлялся хороший ум, о нем тщательно заботились. Атаклена видела, что Бенджамин — один из таких превосходных образцов. Несомненно, у этого шимпа по крайней мере синяя карта воспроизводства, и он уже произвел немало детей.

— Может, я разведаю, что там впереди, мэм? — предложил Бенджамин. — Я могу забраться на деревья и оставаться выше уровня газа. Узнаю, как обстоят дела, потом вернусь за вами.

Атаклена чувствовала, что шимп дрожит, глядя на озеро загадочного газа. Тут он глубиной по лодыжку, но дальше достигает нескольких человеческих ростов.

— Нет. Будем держаться вместе, — твердо ответила Атаклена. — Я тоже могу взбираться на деревья.

Бенджамин осмотрел ее сверху донизу, очевидно, вспоминая рассказы о знаменитой приспособляемости тимбрими.

— Наверно, ваш народ когда-то был лесным. Конечно, я не хочу вас обидеть. — Он осторожно и невесело улыбнулся. — Ну хорошо, мисс, пошли.

Он быстро взобрался по ветвям ближайшего псевдодуба, обернулся вокруг ствола, спустился с другой стороны и перепрыгнул через узкий промежуток на соседнее дерево. Держась за ветвь, оглянулся и посмотрел любопытными карими глазами.

Атаклена поняла, что ей бросили вызов. Она несколько раз глубоко вдохнула, сосредоточившись. Начались изменения, защипало в отвердевающих концах пальцев, расширилась грудь. Атаклена выдохнула, пригнулась и взлетела на псевдодуб. С некоторым трудом она движение за движением повторила маршрут шимпа.

Бенджамин одобрительно кивнул, когда она оказалась рядом с ним. И двинулся дальше.

Они продвигались медленно, перепрыгивая с дерева на дерево, обходя увитые лианами ство-

лы. Несколько раз приходилось отступать и искать обход: поляны были затянуты медленно оседающим дымом. Переступая через самые высокие клубы тяжелого газа, они старались не дышать, но Атаклена тем не менее чувствовала острый маслянистый запах. Она уверяла себя, что растущий зуд, вероятно, психосоматического происхождения.

Бенджамин продолжал незаметно поглядывать на нее. Шимп, несомненно, заметил некоторые изменения: удлинение конечностей, округлившиеся плечи, более цепкие руки. Он никак не ожидал, что галакт сможет держаться с ним наравне в переходе по деревьям.

Конечно, он не знает, чего будет стоить ей гиреакция. Боль уже возникла, и Атаклена знала, что это только начало.

Лес переполняли звуки. Мимо проносились мелкие животные, убегая от чуждого дыма и запаха. Атаклена улавливала быстрый пульс их страха.

Добравшись до вершины холма перед самым поселком, они услышали слабые крики: испуганные земляне на ощупь бродили в темном как сажа лесу.

Карие глаза Бенджамина подсказали Атаклене,

что это кричат его друзья внизу.

— Этот газ прижимается к земле, — сказал он. — Едва поднимается над крышами зданий. Бели бы у нас было хоть одно высокое здание!

— Тогда они бы сразу его взорвали, — заметила Атаклена. — А потом выпустили бы газ.

— Гм. — Бенджамин кивнул. — Посмотрим, успели ли мои подруги подняться на деревья. Может, помогли забраться и людям.

Она не говорила с Бенджамином о его тайном страхе; от нее он все равно не может его скрыть. Но все же что-то еще примешивалось к его беспокойству о людях и шимпах внизу. Словно он тревожился еще о ком-то.

* * *

Чем дальше они углублялись в долину, тем выше нужно было забираться на деревья. Все чаще приходилось спускаться, погружаться в дымные густые клубы ногами, перебираясь с ветки на ветку. К счастью, маслянистый газ как будто рассеивался, он тяжелел и капал дождем на серую почву.

Они увидели белые здания Центра за деревьями, и Бенджамин двинулся быстрее. Атаклена шла за ним, но уже еле поспевала за шимпом.

Энзимное истощение начинало сказываться, корона раскалилась, пытаясь устранить излишек тепла. Но тело все равно перегревалось.

«Сосредоточься», — приказала она себе, скорчившись на ветке. Атаклена согнула ноги и попробовала заглянуть за листву и ветви перед собой.

«Вперед!»

Она развернулась, но ее движения утратили стремительность и энергичность. Она едва сумела перескочить двухметровую брешь. Атаклена прижалась к раскачивающейся, подпрыгивающей ветви. Корона пульсировала огнем. Атаклена цеплялась за дерево чужого мира, дыша открытым ртом, неспособная двинуться, мир вокруг расплывался. «Может, это больше, чем боль гиперреакции, — подумала она. — Может, газ действует не только на землян. Он убивает меня».

Потребовалось какое-то время, чтобы взгляд ее снова сфокусировался, и она увидела поросшую коричневой шерстью ногу с черной подошвой...

Бенджамин, держась за ветку, стоял над нею.

Он притронулся к щупальцам ее короны.

— Подождите здесь и отдохните, мисс. Я посмотрю, что впереди, и сразу вернусь.

Ветвь задрожала, и он исчез.

Атаклена лежала неподвижно. Она могла только вслушиваться в негромкие звуки, доносившиеся со стороны Хаулеттс-Центра. После ухода крейсера губру прошел час, но по-прежнему слышались крики испуганных шимпов и странные низкие незнакомые ей голоса других животных.

Газ рассеивался, но еще висел, даже здесь. Атаклена держала ноздри закрытыми, дышала ртом.

«Жаль бедных землян, им приходится все время держать открытыми нос и уши, и весь мир может нападать на них». Но все же иронично отметила: землянам не нужно слушать сознанием.

Корона постепенно охлаждалась, и Атаклена начала улавливать поток эмоций — человеческих, шимпанзе и еще одной разновидности, излучения «незнакомца», которые теперь уже знакомы ей. Проходили минуты, Атаклена чувствовала себя лучше — достаточно хорошо, чтобы проползти по ветви и добраться до ствола. Она со вздохом прижалась к грубой коре, теперь ее затопил поток шумов и эмоций.

«Может, я и не умираю. Во всяком случае не сейчас».

Но тут она поняла, что что-то происходит рядом с ней. Она почувствовала, что на нее смотрят

— и с очень близкого расстояния! Она повернулась и резко выдохнула. С ветви дерева на нее смотрело несколько пар глаз: три пары карих и ярко-голубые.

Если не считать, возможно, разумных полурастений кантенов, тимбрими лучше всех галактов знают людей. Тем не менее Атаклена удивленно замигала.

Она не поняла, что видит.

Около самого ствола сидела взрослая самка-неошимпанзе — шимми, одетая только в шорты. На руках у нее детеныш. Карие глаза матери широко распахнулись в страхе.

Рядом с ними маленький гладкокожий человеческий ребенок в хлопчатобумажном комбинезоне. Светловолосая девочка застенчиво улыбалась Атаклене.

Смятение Атаклены вызвало четвертое существо на этом дереве.

Она вспомнила звуковую скульптуру неодельфина, которую отец привез на Тимбрим из своих путешествий. Это произошло сразу после того эпизода на церемонии Принятия и Выбора титлалов, когда Атаклена вела себя так странно в погасшей вулканической кальдере. Возможно, Утакалтинг хотел с помощью этой звуковой

скульптуры рассеять ее дурное настроение, доказать, что земные китообразные на самом деле очаровательные существа и их не нужно бояться. Он велел ей закрыть глаза и позволить песне перекатиться через нее.

Каким бы ни были его мотивы, результат получился противоположный.

Слушая дикие неприрученные звуки, Атаклена неожиданно почувствовала себя погруженной в океан, в котором собирается гневная буря. И когда открыла глаза и увидела, что по-прежнему сидит в домашней гостиной, это не помогло. Впервые в жизни слух победил зрение.

Атаклена больше никогда не слушала этот куб, вообще ничего такого странного не испытывала... пока не встретила необычный метафорический ландшафт в сознании Роберта Онигла.

И вот она снова испытывает подобное. На первый взгляд четвертое существо на ветке напоминает очень большого шимпанзе, но корона утверждает нечто совершенно противоположное.

Не может быть!

Мирно и спокойно смотрели на нее карие глаза. Существо, очевидно, тяжелее всех остальных вместе взятых; оно осторожно, бережно держит

на руках человеческого ребенка. Когда девочка шевелилась, огромное существо только слегка фыркало и вздыхало, не отрывая взгляда от Атаклены. В отличие от нормальных шимпанзе, у него совершенно черное лицо.

Не обращая внимания на боль, Атаклена осторожно, чтобы не вспугнуть их, продвинулась по ветке вперед.

— Здравствуйте, — отчетливо произнесла она на англике.

Девочка снова улыбнулась и застенчиво зарылась головой в густую шерсть на груди своего защитника. Мать-неошимпанзе в явном страхе отшатнулась.

Массивное существо с плоским широким лицом только дважды кивнуло и снова фыркнуло.

Оно насквозь пропитано Потенциалом!

Атаклене только раз приходилось встречаться с существом, находящимся на грани между животными и признанными разумными клиентами. Это очень редкое состояние в пяти галактиках: любой вновь открытый предразумный вид сразу регистрируется и отдается по лицензии в служение какой-нибудь старшей расе патронов. Атаклена поняла, что это существо далеко продвинулось по пути к разуму.

Но ведь пропасть между животным и разумным существом невозможно преодолеть самостоятельно! Правда, некоторые земляне по-прежнему придерживаются невежественных теорий, распространенных у них до Контакта: будто бы разум может возникнуть самостоятельно, путем «эволюции». Однако галактическая наука утверждает, что этот порог можно преодолеть только с помощью другой расы, которая уже пересекла его.

Так было от самых легендарных дней первой расы — Прародителей, миллиарды лет назад.

Однако патронов людей так и не сумели найти. Поэтому их и называют к'чу-нон — волчата. Может, все-таки в их старой идее есть зерно истины? И если так, может, это существо тоже?..

«Нет! Почему я сразу этого не заметила?»

Неожиданно Атаклена поняла, что это существо не естественного происхождения. Это не сказочный гартлинг, которого просил поискать ее отец. Слишком велико семейное сходство.

На ветке над облаком газа губру сидят близкие родственники, братья. Человек, неошимпанзе и... кто?

Она попыталась припомнить, что рассказывал отец о лицензии людей на их собственную

планету Землю. После Контакта Институты дали землянам право поселения де-факто. Но она уверена, что сохраняются права возделывания и другие ограничения.

И несколько земных видов перечислялось специально. Огромное животное излучает Потенциал, как... Атаклене пришла в голову метафора — маяк, горящий на соседнем дереве. Порывшись в памяти, она наконец вспомнила название.

— Красавчик, — сказала она негромко. — Ты ведь горилла, верно?

Глава 16
ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР

Большое животное мотнуло головой и фыркнуло. Мать-шимпанзе негромко заскулила и посмотрела на Атаклену с неподдельным ужасом.

Но маленькая девочка захлопала в ладоши, предвкушая игру.

— Рилла! Джонни рилла! Я тоже! — И она маленькими кулачками заколотила по груди. Откинула голову и испустила высокий воющий крик.

Горилла. Атаклена удивленно смотрела на

гигантское неподвижное существо, пытаясь припомнить, что ей о нем известно.

Темные ноздри расширились, горилла принюхалась и свободной рукой быстро сделала девочке знак на языке жестов.

— Джонни спрашивает, ты ли теперь будешь старшей, — сказала девочка. — Я надеюсь на это. Но ты выглядела очень усталой, когда перестала гнаться за Бенджамином. Он сделал что-то плохое?

Атаклена придвинулась чуть ближе.

— Нет, — сказала она, — Бенджамин не сделал ничего плохого. Во всяком случае с тех пор, как я его встретила... Хотя начинаю подозревать...

Она замолчала. Ни девочка, ни горилла не поймут, что она заподозрила.

Но взрослая шимпанзе знает, и в глазах ее страх.

— Я Эприл, — сказала девочка. — А это Нита. Ее ребенка зовут Ча-Ча.

Шимми дают своим детям при рождении легкие имена, потому что дети еще не умеют хорошо говорить.

Сверкающими глазами она посмотрела на Атаклену.

— Ты правда там... бим... тиммбимми?

Атаклена кивнула.

— Да, я тимбрими.

Эприл захлопала в ладоши.

— Ух! Здорово! Видела большой космический корабль? Он прилетел с громким гулом, и папа велел мне уходить с Джонни, а потом пошел газ, и Джонни закрыл мне рот рукой и я не могла дышать!

Эприл состроила гримасу, изображая удушение.

— Но когда мы поднялись на деревья, он меня отпустил. Мы встретили Ниту и Ча-Ча. — Она оглянулась на шимпов. — Наверно, Нита еще очень испугана и не может говорить.

— А ты тоже испугалась? — спросила Атаклена.

Эприл серьезно кивнула.

— Да. Но мне нельзя бояться. Я ведь единственный здесь человек, я старшая и должна обо всем думать. Может, теперь ты станешь старшей? Ты настоящая тиммбимми.

К девочке вернулась застенчивость. Она спряталась на груди у Джонни, так что виден был только один глаз, и улыбнулась Атаклене.

Атаклена удивленно смотрела на нее. До сих пор она не понимала по-настоящему людей — на

что они способны. Несмотря на то, что ее народ союзник землян, она усвоила некоторые галактические предубеждения: в волчатах есть что-то дикое, неприрученное. Многие галакты вообще сомневаются, могут ли люди быть патронами. Несомненно, губру выразили это в своем военном манифесте.

Но этот ребенок полностью опровергает такое мнение. По закону и обычаю маленькая Эприл действительно старшая над клиентами, какой бы молодой ни была она сама. И совершенно очевидно, что она осознает свою ответственность.

И все же Атаклена понимает, почему и Роберт, и Бенджамин не хотели приводить ее сюда. Она подавила свой праведный гнев. После того, как она подтвердит свое подозрение, она сумеет передать сообщение отцу.

Гир-реакция постепенно сменилась тупой болью в мышцах и нервных окончаниях, и Атаклена снова почувствовала себя тимбрими.

— Другие люди успели забраться на деревья? — спросила она.

Джонни сделал несколько быстрых знаков руками. Эприл перевела, явно не понимая всех этих слов.

— Он говорит, что несколько попытались. Но

они оказались недостаточно быстрыми... Большинство просто бегало, совершая «человеческие поступки». Так риллы называют все действия людей, которые не понимают, — негромко пояснила она.

Наконец заговорила мать-шимпанзе Нита.

— Г...газ... — она глотнула. — Газ сделал людей слабыми. — Голос ее звучал еле слышно. — Кое-кто из нас, шимпов, тоже воспринял это... Но, мне кажется, риллы ничего не чувствовали.

Вот как. Возможно, первоначальная догадка Атаклены верна. Она считала, что газ не вызывает немедленную смерть. Институт Цивилизованных Войн не одобряет массового убийства гражданского населения. Замысел губру должен быть гораздо изощреннее.

Справа послышался треск. На ветку третьего от Атаклены дерева прыгнул шимп Бенджамин. Он обратился к Атаклене.

— Сейчас все в порядке, мисс. Я нашел доктора Таку и доктора Шульца. Они хотят поговорить с вами.

Атаклена подозвала его.

— Сначала иди сюда, Бенджамин.

С типичным выражением понго Бенджамин испустил долгий вздох.

Перепрыгивая с ветки на ветку, он приблизился и увидел трех обезьян и девочку. Челюсть его отвисла, и он чуть не сорвался вниз. На лице его ясно отразилась растерянность. Он повернулся к Атаклене, облизал губы и прочистил горло.

— Не волнуйся, — сказала она ему. — Я знаю, что за последние двадцать минут среди всеобщей сумятицы ты пытался обмануть меня. Но это бесполезно. Я знаю, что тут происходит.

Рот Бенджамина оставался закрытым. Он пожал плечами.

— И что же?

У четверых на ветке Атаклена спросила:

— Признаете мое старшинство?

— Да, — ответила Эприл. Нита перевела взгляд с девочки на Атаклену и тоже кивнула.

— Хорошо. Оставайтесь на месте, пока за вами не придут. Понятно?

— Да, мэм, — снова кивнула Нита. Джонни и Ча-Ча продолжали просто смотреть на нее.

Атаклена встала, уловила равновесие на ветке и повернулась к Бенджамину.

— Пошли к этим вашим специалистам по возвышению. Если газ не лишил их дара речи, я бы хотела узнать, почему они решили нарушить галактический закон.

Бенджамин вызывающе посмотрел на нее, потом кивнул.

— И еще, — добавила она, вставая на ветку рядом с ним. — Верни назад группы шимпов и горилл, которые ты отправил, чтобы я их не увидела. Нам может понадобиться помощь.

Глава 17
ФИБЕН

Фибен умудрился смастерить костыль из ствола дерева, сломанного капсулой при падении. Подложил прокладки из своего костюма, и поэтому костыль лишь частично выбивал его плечо из сустава на каждом шагу.

«Хм, — думал он. — Если бы люди не выпрямили нам спины и не укоротили руки, я бы двинулся назад к цивилизации на четвереньках».

Оглушенный, избитый, голодный... и все же в хорошем настроении, Фибен пробирался через препятствия по пути на север. «Дьявол, я жив. Не имею права жаловаться».

Он провел немало времени в Мулунских горах, работая в Восстановительном проекте, и знал, что находится на водоразделе недалеко от известных земель. Растительность вся знакома, в основном

— местная, но есть и виды, импортированные и введенные в экосистему, чтобы заполнить бреши после катастрофы бурурали.

Фибен был настроен оптимистично. Выжить в такой схватке, даже упасть в знакомой местности... Ифни явно рассчитывает на него в будущем. Она приберегает его для чего-то особого. Наверно, для судьбы гораздо мучительней и болезненней, чем простая смерть от голода в дикой местности.

Напрягая слух, Фибен посмотрел вверх. Неужели ему померещился этот звук?

Нет! Голоса! Он побежал по звериной тропе, прыгая на самодельном костыле, пока не оказался на поляне, откуда открывался вид на каньон.

Шло время, а он все смотрел. Дождевой лес чертовски густой.

Вот! На другой стороне каньона он увидел шестерых шимпов с рюкзаками за плечами. Они быстро пробирались к еще дымящимся обломкам «Проконсула».

Сейчас они молчали. Ему повезло, что они заговорили, как раз проходя под ним.

— Эй! Тупицы! Сюда! — Он кричал, подпрыгивая на правой ноге и размахивая руками. Поисковая группа остановилась. Шимпы оглядывались, эхо отражалось от стенок дефиле. Фибен оскалил

зубы. Он не сдержал раздраженного ворчания. Они смотрели куда угодно, но только не на него!

Наконец он схватил костыль, повертел его над головой и швырнул в каньон.

Один из шимпов вскрикнул и схватил другого. Они смотрели, как деревяшка исчезает в листве. «Правильно, — подталкивал их Фибен. — А теперь думайте. Проведите дугу назад».

Двое шимпов посмотрели в его сторону и увидели, как он машет руками.

Они возбужденно зашумели, забегали кругами.

Мгновенно забыв о недавней регрессии, Фибен про себя бормотал:

— Повезло: меня спасет толпа идиотов. Давайте, парни. Не нужно по всякому поводу исполнять танец грома.

Но когда они подошли к его поляне, он улыбался. И когда его обнимали и хлопали по спине, забылся настолько, что сам испустил несколько воплей.

Глава 18

УТАКАЛТИНГ

Его маленький катер последним покидал взлетное поле Порт-Хелении. На экранах уже показались боевые крейсеры, опускающиеся в нижних слоях атмосферы.

В порту горстка сухопутных и морских пехотинцев готовилась к последнему безнадежному сопротивлению. По всем каналам они передавали обращение:

— Мы отказываем захватчикам в праве посадки. Мы требуем у галактической цивилизации защиты от агрессии. Мы не разрешаем губру высаживаться на планете, отданной нам в лицензию.

— Небольшая вооруженная группа сопротивления ждет захватчиков в космопорту столицы. Наш вызов...

Утакалтинг вел катер небрежными прикосновениями запястья и пальцев к контроллеру. Маленький корабль быстрее звука летел на юг вдоль берега Силмарского моря. Справа от воды ярко отражалось солнце.

— ...если они посмеют противостоять нам лицом к лицу, не укрываясь в боевых кораблях...

Утакалтинг кивнул.

— Скажите им, земляне, — негромко произнес он на англике. Командир группы просил его совета, как сформулировать ритуальный вызов. Утакалтинг надеялся, что его помощь окажется полезной.

Продолжалось перечисление личного состава и вооружения, которое ждет снижающуюся армаду в космопорту, так чтобы у врага не было оправданий для использования превосходящей силы. В таких условиях у губру не останется выбора: им придется нападать наземными войсками. И они понесут потери.

«Если они еще соблюдают Кодекс, — напомнил себе Утакалтинг. — Враг, возможно, больше не заботится о соблюдении правил войны. Трудно представить себе такую ситуацию. Но на звездных линиях ходят слухи...» В рубке ряд экранов. На одном виден крейсер, появившийся в камерах Порт-Хелении. На других быстроходные истребители разрывают небо над самым портом.

Сзади послышался негромкий вой. Два иннина на ходулеобразных ногах выражали друг другу соболезнование. Эти существа по крайней мере могут использовать предназначенные для тимбрими сиденья. Но их рослому хозяину приходится стоять.

Каулт не просто стоял, он расхаживал по узкой рубке, раздув гребень, который снова и снова задевал за низкий потолок. Теннанинец был не в духе.

— Почему, Утакалтинг? — не в первый раз спрашивал он. — Почему тебя не было так долго? Мы последними уходим отсюда.

Дыхательные щели Каулта раздувались.

— Ты сказал мне, что мы улетим еще прошлой ночью. Я быстро собрался и ждал, но ты не пришел! Я ждал. Упустил возможность нанять другой транспорт, а ты только слал сообщение за сообщением, призывая к терпению. А когда на рассвете ты пришел, мы улетели так беспечно, словно отправляемся на каникулы к Арке Прародителей!

Утакалтинг позволил коллеге ворчать. Он уже формально извинился и заплатил дипломатический налог в качестве компенсации. Большего не требуется.

К тому же все развивается именно так, как он планировал.

На контрольном щите вспыхнул желтый огонек, послышалось гудение.

— Что это? — Каулт нервно приблизился. — Они засекли наш двигатель?

— Нет.

Каулт облегченно вздохнул.

Утакалтинг продолжил.

— Это не двигатели. Огонек сообщает, что нас просканировали лучом вероятности.

— Что? — чуть не закричал Каулт. — Разве этот корабль не защищен? Мы даже не пользуемся гравитикой! Какую вероятностную аномалию могли они засечь?

Утакалтинг пожал плечами, словно с детства привык к этому человеческому жесту.

— Может быть, невероятность внутренняя, — предположил он. — Что-то в нас самих, в нашей собственной судьбе, светится вдоль мировых линий. А они это засекли.

Правым глазом он заметил, как вздрогнул Каулт. Теннанинцы испытывают почти сверхъестественный страх перед всем, имеющим отношение к науке/искусству формирования реальности. Утакалтинг сформировал щупальцами лут-тру — извинение перед врагом и напомнил себе, что его народ и народ Каулта официально находятся в состоянии войны. В его праве дразнить врага-друга; именно поэтому этически приемлемо и то, что он вывел из строя собственный корабль Каулта.

— Я бы не стал об этом беспокоиться, — сказал

он. — Мы их намного опередили.

Прежде чем теннанинец смог ответить, Утакалтинг наклонился и быстро заговорил на гал-семь, приказывая одному из экранов увеличить изображение.

— Твиллку-чллиу! — выругался он. — Только посмотри, что они делают!

Каулт повернулся и посмотрел. На голоэкране виден был повисший над городом гигантский крейсер, он заливал здания и парки коричневым газом.

Хотя звук был уменьшен, в голосе диктора слышалась паника: он описывал темнеющее небо, как будто кто-то в Порт-Хелении мог этого не заметить.

— Это нехорошо. — Гребень Каулта снова задел потолок. — Губру проявляют больше жестокости, чем требует ситуация.

Утакалтинг кивнул. И тут же вспыхнул еще один желтый огонек.

— А сейчас что? — спросил Каулт.

Глаза Утакалтинга максимально расширились.

— Это значит, что нас преследуют, — ответил он. — Возможно, придется сражаться. Можешь управлять оружейной консолью класса пятьде-

сят семь, Каулт?

— Нет, но мне кажется, один из моих инниннов...

Его прервал крик Утакалтинга:

— Держись! — Катер перевернулся. Земля пронеслась мимо. — Я начал маневр уклонения, — объяснил Утакалтинг.

— Хорошо, — сказал Каулт через носовые отверстия.

«О, будь благословен крепкий череп теннанинцев», — подумал Утакалтинг. Он строго контролировал свою мимику, хотя и знал, что его коллега обладает чувствительностью камня и не сможет уловить его радость.

Преследующие корабли начали стрелять, и корона Утакалтинга запела.

Глава 19
АТАКЛЕНА

Зеленые островки леса сливались с газонами и окрашенными в цвет листвы зданиями Центра; поселок очень трудно заметить с воздуха. Хотя западный ветер унес все видимые остатки аэрозоля, все до высоты в пять метров покрывал толстый слой жесткого порошка, издававшего

острый неприятный запах.

Под ударами волн паники корона Атаклены обвисла. Настроение в поселке изменилось. Преобладала покорность... и гнев. Атаклена вслед за Бенджамином прошла к первой поляне и увидела несколько групп неошимпанзе, они суетились между зданиями. Двое несли на носилках что-то закутанное в ткань.

— Может, вам все же не стоит спускаться, мисс, — прохрипел Бенджамин.

— Газ явно должен был поразить людей, но и мы, шимпы, его почувствовали. А вы для нас очень важны...

— Я тимбрими, — холодно ответила Атаклена. — Я не могу отсиживаться в безопасности, когда клиентам и патронам другой расы нужна помощь.

Бенджамин покорно поклонился. По веткам, похожим на ступеньки, он повел ее вниз, и наконец она с облегчением ступила на землю. Здесь острый запах чувствовался сильнее. Атаклена пыталась не обращать на него внимания, но пульс ее нервно участился.

Они миновали помещения, в которых жили и учились гориллы. Обнесенные решеткой лужайки, игровые площадки, площадки для

тестирования. Здесь явно велась напряженная работа, хотя и в сравнительно небольшом масштабе.

Неужели Бенджамин вообразил, что может обмануть ее, просто отослав предразумных в джунгли?

Она надеялась, что никто из них не пострадал от газа или во время последующей паники. Из краткого курса истории Земли Атаклена помнила, что гориллы — существа хоть и сильные, но крайне чувствительные, с тонкой психикой.

Шимпы в шортах, сандалиях, с неизменными поясами для инструментов суетились с серьезным видом, выполняя различные поручения. Они поглядывали на Атаклену, но не заговаривали с ней. Она вообще почти не слышала слов. Легко ступая по темному порошку, они пришли в центр поселка. Здесь наконец она встретила людей. Они лежали на кушетках у входа в главное здание. Мел и фем. У мужчины совершенно лысая голова, видно, что он пережил пластическую операцию — глаза его сужены. Он почти без сознания.

Второй человек — высокая темноволосая женщина. Кожа у нее очень черная, такого глубокого черного цвета Атаклена никогда раньше не встречала. Вероятно, она из тех редких «чисто-

кровных» людей, которые сохраняют признаки своих древних рас. По контрасту кожа стоявших рядом с ней шимпов под редкой шерстью казалась бледно-розовой.

Когда Атаклена подошла, черная женщина с помощью двух старших шимпов приподнялась на локте. Бенджамин вышел вперед и представил.

— Доктор Така, доктор Шульц, доктор М'Бзвелли, шимп Фредерик, все из клана земных волчат. Представляю вам уважаемую Атаклену, тимбрими аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал.

Атаклена взглянула на Бенджамина, пораженная тем, что он смог произнести ее полное почетное имя по памяти.

— Доктор Шульц. — Атаклена кивнула стоящему слева шимпанзе. Женщине она поклонилась ниже. — Доктор Така. — И последний поклон относился одновременно к человеку и шимпу. — Доктор М'Бзвелли и шимп Фредерик. Прошу принять выражение сочувствий по поводу жестокого нападения на ваш поселок и на вашу планету.

Шимпы низко поклонились. Женщина тоже попыталась, но не смогла из-за слабости.

— Спасибо за сочувствие, — с трудом ответила она. — Я уверена, мы, земляне, справимся...

Признаюсь, я немного удивлена, увидев, как словно ниоткуда появляется дочь посла тимбрими...

«Еще бы, — подумала Атаклена на англике, наслаждаясь человеческим сарказмом. — Мое присутствие — такая же угроза вашим планам, как губру и их газ!»

— Мой друг ранен, — вслух сказала она. — Трое ваших неошимпанзе пошли за ним. Вы что-нибудь о нем слышали?

Женщина кивнула.

— Да-да. Мы получили сообщение поисковой партии. Роберт Онигл в сознании, состояние его удовлетворительное. Другая группа, которую мы отправили на поиски потерпевшего крушение корабля, скоро присоединится к ним. У этой группы имеется все необходимое медицинское оборудование.

Атаклена почувствовала, как ее тревога проходит.

— Хорошо. Очень хорошо. Тогда займемся другими делами.

Корона ее блеснула, создавая куоувассуе — глиф предчувствия. Конечно, она понимала, что собеседники лишь смутно почувствуют его, если вообще почувствуют.

— Прежде всего, как представитель расы, ко-

торая была вашим союзником с того момента, как вы, земляне, с таким шумом возникли в сообществе пяти галактик, я предлагаю вам помощь. Что могу сделать как патрон, я сделаю. В ответ я попрошу только помочь мне вернуться к отцу.

— Договорились, — доктор Така кивнула. — И примите нашу благодарность.

Атаклена шагнула вперед.

— Во-вторых, я должна выразить беспокойство по поводу функций Центра. Я вижу, вы заняты несанкционированным возвышением... невозделанного вида!

Четверо руководителей Центра переглянулись. Атаклена уже достаточно хорошо разбиралась в мимике землян: у этих четверых выражение досадливой покорности.

— Больше того, — продолжала она, — вы совершаете это преступление на планете Гарт, трагической жертве экологической катастрофы...

— Минутку! — возразил шимп Фредерик. — Как вы можете сравнивать нашу работу с катастрофой бурур...

— Фред, тише! — настойчиво вмешался второй шимп, доктор Шульц.

Фредерик замигал. Поняв, что уже слишком поздно делать вид, что он ничего не говорил,

шимп сказал:

— Нам, землянам, дают только те планеты, которые другие ити привели в негодность...

Второй человек, доктор М'Бзвелли, закашлялся. Фредерик замолчал и отвернулся.

Мужчина посмотрел на Атаклену.

— Вы загнали нас в угол, мисс. — Он вздохнул. — Позвольте нам объясниться, прежде чем выдвинете обвинения. Понимаете... мы не представители правительства. Мы... частные преступники.

Атаклена испытала странное облегчение. Старые земные двухмерные фильмы времен до Контакта, особенно триллеры «копы и бандиты», популярны у тимбрими. В них часто сюжет сосредоточен вокруг попыток «заставить замолчать свидетеля». И она подумала, насколько атавистичны эти люди.

Атаклена перевела дыхание и кивнула.

— Очень хорошо. На время чрезвычайного положения оставим этот вопрос. Пожалуйста, ознакомьте меня с ситуацией. Чего враг пытается достичь с помощью этого газа?

— Газ ослабляет людей, которые вдохнули его, — ответила доктор Така. — Час назад была передача. Захватчики объявили, что поражен-

ные люди должны в течение недели получить противоядие. Иначе они умрут. И, разумеется, противоядие будет выдаваться только в городах.

— Газ принуждения! — прошептала Атаклена. — Они хотят всех людей на планете превратить в своих пешек.

— Совершенно верно. Мы должны сдаться, или через шесть дней умрем.

Корона Атаклены излучала гнев. Газ принуждения — негуманное оружие, хотя допускается в некоторых ограниченных типах войн.

— А что станет с вашими клиентами? — Расе неошимпанзе исполнилось всего несколько сотен лет, их нельзя было оставлять без присмотра.

Доктор Така поморщилась. Очевидно, она тоже обеспокоена.

— На большинство шимпов газ, по-видимому, не подействовал. Но у них очень мало прирожденных руководителей, как Бенджамин или доктор Шульц.

Карие обезьяньи глаза доктора Шульца устремились на женщину.

— Не волнуйтесь, Сьюзен. Как вы говорите, мы, земляне, справимся. — Он повернулся к Атаклене. — Мы постепенно эвакуируем людей. Начнем сегодня вечером с детей и стариков. Тем време-

нем разрушим поселок и уничтожим все следы нашей деятельности.

Видя, что Атаклена собирается возразить, пожилой неошимпанзе поднял руку.

— Да, мисс. Мы дадим вам камеры и помощников, чтобы вначале вы могли собрать доказательства. Договорились? Мы и не думаем мешать вам исполнять долг.

Атаклена слышала горечь в словах шимпа. Горечь генетика. Но она ему не сочувствовала. Только представить себе, что почувствует отец, когда узнает об этом! Утакалтинг любит землян. Эта безответственность очень огорчит его.

— Нет смысла оправдывать агрессии губру, — добавила доктор Така. — Если хотите, передадим вопрос о гориллах Высшему Совету тимбрими. Наши союзники решат, что делать: выдвинуть формальные обвинения или предоставить наказать нас нашему правительству.

Атаклена видела логичность такого решения. Немного подумав, она кивнула.

— Договорились. Принесите камеры, я буду снимать разрушение.

Глава 20
ГАЛАКТЫ

Адмиралу флота, сюзерену Луча и Когтя, спор казался глупым. Но, конечно, так повелось у штатских. Священники и чиновники всегда спорят.

Действуют только военные!

Но все же адмирал признавал, что это большое событие — первое политическое решение, принятое втроем. Так, по традиции губру достигают Истины — путем стрессов и разногласий, убеждения и танца, пока не будет достигнут новый консенсус.

А тем временем...

Сюзерен Луча и Когтя отбросил эту мысль. Слишком рано думать о Слиянии. Будет еще много споров, много интриг и маневров, много борьбы за высший насест, пока не настанет день Слияния.

А что касается первого спора, адмирал был доволен: он оказался в положении арбитра между двумя спорящими.

Хорошее начало.

* * *

Земляне в маленьком космопорте прислали хорошо сформулированный формальный вызов. Сюзерен Праведности настаивал на том, что солдаты Когтя должны теперь атаковать защитников. Сюзерен Стоимости и Бережливости не соглашался. Они уже кружат друг возле друга на командном мостике флагмана, выкрикивая доводы.

Сократить расходы!

Сократить настолько, чтобы не пришлось,

Не пришлось оголять другие фронты!

Сюзерен Стоимости и Бережливости тем самым напоминал, что их экспедиция — лишь одна из многих, для которых требуются силы клана гуксу-губру. В сущности, это незначительное периферийное сражение.

Положение в галактической спирали напряженное. В такие времена долг сюзерена Стоимости и Бережливости — ограждать клан от чрезмерных расходов. В ответ сюзерен Праведности негодующе растопырил оперение воротника.

Что значат расходы,
Что они означают,
Что символизируют,
Если мы падем,
Потерпим поражение,
Унизимся,
Лишимся праведности
В глазах наших предков?
Мы должны поступать правильно!
Зуууун!

Со своего командного поста сюзерен Луча и Когтя наблюдал за спором, ожидая, где проявится рисунок господства. Поразительно видеть и слышать превосходный танец-спор тех, кто избран быть партнерами адмирала. Все трое представляют великолепный образец инженерии «горячего яйца», предназначенной для высиживания лучших представителей расы.

Скоро стало очевидно, что его партнеры зашли в тупик. И теперь решать предстоит сюзерену Луча и Когтя.

Разумеется, для экспедиционных сил гораздо дешевле просто не обращать внимание на дерзких волчат там, внизу, пока газ принуждения

не заставит их сдаться. Или простым приказом превратить их оплот в дымящиеся развалины.

Но сюзерен Праведности против обоих решений. Священник утверждает, что такие действия приведут к катастрофе.

А чиновник проявляет такую же неуступчивость из-за бесцельной, ради красивого жеста, гибели солдат.

Оказавшись в тупике, двое командующих смотрели на сюзерена Луча и Когтя, продолжая кружить и вскрикивать, раздувая пушистое оперение.

Наконец адмирал расправил собственный плюмаж и сошел с насеста, чтобы присоединиться к ним.

Ввязаться в наземную схватку — стоит дорого,
Означает дополнительные затраты,
Но это почетно,
Это достойно восхищения.

Определяет третий фактор,
Он помогает принять решение.
Солдатам Когтя
Необходима тренировка.

Бездумная агрессия против войск волчат.

Наземные силы атакуют их,

Клюв к клюву,

Коготь к когтю.

Вопрос решен. Насест-полковник солдат Когтя отдал честь и отправился выполнять приказ.

Конечно, после такого решения насест Праведности станет чуть выше.

Насест Бережливости понизится. Но спор за господство только начинается.

Так было у их отдаленных предков, еще до того, как гуксу превратили примитивных губру в космическую расу. Их патроны мудро использовали древние привычки и образцы, превратили в логичную и полезную форму руководства народом разумных.

Но сохраняются и древние функции. Сюзерен Луча и Когтя дрожал, чувствуя, как спадает напряжение спора. Все трое пока еще бесполы, но адмирал на мгновение ощутил пробуждение глубоко запрятанной сексуальности.

Глава 21
ФИБЕН И РОБЕРТ

Две группы спасателей встретились на тропе за милю до поселка.

Встреча была невеселой. Трое вышедших утром с Бенджамином так устали, что смогли только кивнуть подавленным шимпам, возвращающимся с места крушения.

Но спасенные при виде друг друга оживились.

— Роберт! Роберт Онигл! Тебя выпустили из школы? А мама знает, где ты?

Раненый шимп опирался на самодельный костыль и был одет в лохмотья корабельного костюма. Роберт посмотрел на него с носилок и улыбнулся сквозь туман анестезии.

— Фибен! Так это ты задымил все небо? Тебе подходит. Что ты там делал? Поджаривал разведчик стоимостью в десять мегакредитов?

Фибен закатил глаза.

— Скорее пять мегов. Старая лохань, хотя меня она выручила.

Роберт почувствовал странную зависть.

— Вот как? Значит, мы разбиты наголову?

— Как сказать. Один на один мы сражались хорошо. Все бы обошлось, если бы нас хватало.

Роберт понимал, о чем говорит его друг.

— Ты хочешь сказать, что нет пределов, которых мы не достигли бы...

— С неограниченным количеством обезьян? — прервал его Фибен. Фырканье его меньше напоминало смех, чем ироническую улыбку.

Остальные шимпы в ужасе мигали. Такой уровень болтовни им недоступен, но они испугались, услышав, как этот шимп разговаривает с человеком, к тому же сыном планетарного координатора!

— Хотел бы я оказаться там с тобой, — серьезно сказал Роберт.

Фибен пожал плечами.

— Да, Роберт. Знаю. Но каждому свое. — Долгое время они молчали.

Фибен достаточно хорошо знал Меган Онигл, чтобы посочувствовать Роберту.

— Что ж, — вымолвил наконец Фибен, — теперь нам предстоит отсиживаться в горах, продавливать кровати и приставать к сестрам. — Он вздохнул и посмотрел на юг. — Если сможем выдержать разряженный воздух. — Он взглянул на Роберта. — Эти шимпы рассказали мне о напа-

дении на Центр. Страшновато.

— Кленни помогает им справиться, — ответил Роберт. Он начал отвлекаться. Его явно начинили дельфиньей дозой успокоительного. — Она много знает... гораздо больше, чем понимает сама.

Фибен слышал о дочери посла тимбрими.

— Конечно, — негромко ответил он; шимпы снова подняли его носилки. — Ити помогает справиться. А не отправит ли твоя подружка всех в тюрьму, хоть у нас и вторжение?

Но Роберт был уже далеко. И у Фибена создалось странное впечатление.

Как будто облик Роберта перестал быть человеческим. Его сонная улыбка казалась какой-то... неземной.

Глава 22
АТАКЛЕНА

Много шимпов вернулось в Центр; они выходили из леса, куда их отправили прятаться. Фредерик и Бенджамин распределяли между ними работу.

Нужно было разбирать и сжигать здания и их содержимое. Атаклена со своими двумя помощниками переходила с места на место, тщательно

записывая все перед сожжением.

Работа была трудная. Никогда в своей жизни, жизни дочери дипломата, Атаклена так не уставала. Но она не смела оставить хоть ничтожные доказательства незафиксированными. Это вопрос долга.

Примерно за час до сумерек в лагерь вернулась группа горилл, огромных размеров, темных, сгорбленных и гораздо больше похожих на животных, чем сопровождающие их шимпы. Под тщательным присмотром гориллы выполняли простые задания, помогая уничтожать единственный известный им дом.

Смущенные существа смотрели, как их тренировочный и испытательный центр вместе с домами клиентов превращается в уголья. Некоторые даже пытались помешать уничтожению, они вставали перед маленькими, вымазанными сажей шимпами, энергично жестикулировали, пытались сказать, что это плохо.

Атаклена понимала, что для них этот поступок совершенно непонятен и нелогичен. Но дела существ класса патронов часто кажутся нелепыми.

В конце концов рослые предклиенты остались стоять среди дымящихся развалин, у ног их лежали небольшие груды личных вещей: игрушки,

сувениры, простейшие инструменты. Гориллы молча смотрели на разрушение, не зная, что делать.

К вечеру Атаклена была совершенно истощена волнами эмоций, проносящихся по поселку. Она сидела на пне, в наветренном направлении от горящих зданий, и слушала низкие тихие стоны больших обезьян. Помощники с камерами и мешками образцов сидели рядом, глядя на разрушение, в их глазах отражалось пламя.

Атаклена убрала свою корону; теперь она могла кеннировать только глиф Единства — свечение, в которое вносят свой вклад все живые существа лесной долины. И даже это изображение колебалось, мерцало. Она видела его метафорически — слезливое, свисающее, как траурный разноцветный флаг. Она скрепя сердце признавала, что это благородно. Эти ученые нарушали договор, но их нельзя обвинить в том, что они делают нечто неестественное.

По всем меркам гориллы готовы к возвышению не меньше, чем были готовы шимпанзе за сто земных лет до Контакта. Когда Контакт привел их во владения галактической культуры, люди вынуждены были идти на компромиссы.

Официально договор о владении, который

передавал им права на их родную планету, предусматривал сохранение невозделанных видов Земли; обладающие Потенциалом существа нельзя использовать впопыхах.

Все знали, что, вопреки легендарной склонности человека к геноциду Земля представляет собой великолепный образец генетического разнообразия, редкого количества типов и форм, не затронутых галактической цивилизацией.

А когда предразумная раса готова к возвышению, она к нему готова!

Нет, договор явно был навязан землянам, когда они были еще слабы. Им разрешили претендовать на неошимпанзе и неодельфинов — но эти виды еще до Контакта далеко прошли по дороге к разуму. Однако старшие кланы не собирались позволять людям заводить себе новых клиентов! Ведь это дало бы волчатам статус старших патронов! Атаклена вздохнула.

Конечно, это нечестно. Но сейчас уже неважно. Галактическое сообщество держится на выполнении договоров. Договор — это торжественная клятва, данная всей расой. И нарушение договора не может остаться незамеченным.

Атаклене хотелось, чтобы здесь был ее отец. Утакалтинг знал бы, как поступить с тем, что

она видела: с незаконным центром, созданным с самыми благими намерениями, и с жестокими, но законными действиями губру.

Но Утакалтинг далеко, слишком далеко даже для сети эмпатии. Она может только сказать, что его личный ритм слабо вибрирует на уровне нахакиери. И хоть приятно закрыть глаза и внутренние уши и кеннировать его, слабое напоминание об отце мало что говорит ей. Сущность нахакиери может сохраняться, даже когда личность покидает жизнь, как у ее давно покойной матери Матиклуанны. Эти подобия песен земных китов на грани сознания того, кто живет мечом и огнем.

— Прошу прощения, мэм. — Хриплый голос, не громче шепота, грубо разрушил слабый подглиф, рассеял его. Атаклена покачала головой. Раскрыла глаза и увидела неошимпанзе с перепачканной сажей шерстью и обвисшими от усталости плечами.

— Мэм? С вами все в порядке?

— Да. Все хорошо. А в чем дело? — Англик царапал гортань, надорванную дымом и усталостью.

— Директора хотят вас видеть, мэм.

Болтун. Атаклена слезла с пня. Ее помощники с театральными стонами собрали ленты и образцы

и пошли за ней.

В доке стояло несколько грузовых тележек. Шимпы и гориллы доставляли во флаеры носилки; потом флаеры на негромко гудящих гравитационных двигателях поднимались в ночь и исчезали в направлении Порт-Хелении.

— Я считала, что дети и старики уже эвакуированы. Почему вы так торопливо отправляете людей?

Посыльный пожал плечами. Стрессы прошедшего дня отразились на многих шимпах, лишив их налета цивилизованности. Атаклена была уверена, что только присутствие горилл и необходимость показывать им пример спасает шимпов от массовых приступов стресс-атавизма. Удивительно, до чего хорошо держится такая молодая раса клиентов. Связные выходили из больницы и заходили в нее, но они редко обращались к директорам-людям. Ученый-неошимп доктор Шульц, казалось, самостоятельно решал все вопросы. А шимпа Фредерика рядом с ним заменил спутник Атаклены Бенджамин.

Поблизости лежала небольшая кучка документов и кубов с генеалогией и генетическими данными обо всех живших в поселке гориллах.

— Уважаемая тимбрими Атаклена. — Шульц го-

ворил без тени обычного для шимпов ворчания. Он поклонился, потом пожал ей руку по обычаю людей — раскрытой ладонью с отведенным большим пальцем. — Прошу простить наше скромное гостеприимство, — говорил он. — Мы собирались приготовить торжественный ужин на главной кухне... устроить что-то вроде праздника. Но, боюсь, придется обойтись консервированными продуктами.

Подошла маленькая шимми с подносом, уставленным небольшими контейнерами.

— Доктор Элейн Су, наш специалист по питанию, — представил Шульц. — Она говорит, что вам эти продукты могут понравиться.

Атаклена смотрела на баночки. Кутра! Здесь, в пятистах парсеках от дома, увидеть печенье, которое готовят в ее родном городе! Не в силах удержаться, она рассмеялась вслух.

— Мы загрузили такие продукты и разные припасы в ваш флиттер. Рекомендуем вам улетать как можно быстрее. Очень скоро заработает сеть спутников губру, и тогда перелеты станут невозможны.

— Ну, лететь в сторону Порт-Хелении неопасно, — возразила Атаклена. — Губру ожидают, что туда будут слетаться люди в поисках противоядия.

— Она указала на сцену лихорадочной деятельности. — К чему эта паника, которую я ощущаю? Почему вы так срочно эвакуируете людей? Кто?..

Шульц, казалось, не решается прервать ее; тем не менее он откашлялся и многозначительно покачал головой. Бенджамин умоляюще взглянул на Атаклену.

— Пожалуйста, сэр, — еле слышно попросил Шульц. — Пожалуйста, говорите тише. Большинство наших шимпов еще не догадываются... — Он замолчал.

Атаклена почувствовала холодок вдоль шлема волос. Впервые она пристально посмотрела на директоров-людей — Таку и М'Бзвелли. Они все время молчали и только кивали, словно одобряя все сказанное.

Черная женщина Така улыбнулась ей, не мигая. Корона Атаклены расправилась и тут же свернулась в отвращении.

Атаклена повернулась к Шульцу.

— Вы ее убиваете!

Шульц неуверенно кивнул.

— Пожалуйста, сэр. Тише! Вы, конечно, правы. Я дал им лекарства, чтобы они хорошо выглядели, пока немногие шимпы-администраторы закончат все и уведут остальных без паники.

Они сами на этом настояли. Доктор Така и доктор М'Бзвелли почувствовали, что быстро поддаются действию газа, — печально добавил он.

— Вы не должны их слушаться! Это убийство!

Бенджамин выглядел ошеломленным. Шульц кивнул.

— Это нелегко. Шимп Фредерик не смог перенести и сам ушел в мир иной. Я тоже, вероятно, скоро умру, хотя моя смерть не так неизбежна, как смерть моих коллег-людей.

— Что это значит?

— Это значит, что губру плохие химики. — Пожилой неошимп горько рассмеялся, закончив смех кашлем. — Их газ убивает людей. И гораздо быстрее, чем они объявили. Но он действует и на шимпов.

Атаклена перевела дыхание.

— Понимаю. — Хотела бы она не понимать этого.

— Мы считаем, что вы должны знать еще кое-что, — сказал Шульц. — Новое сообщение захватчиков. К сожалению, оно на галактическом-три: губру отвергают англик, а наша переводческая программа несовершенна. Но мы знаем, что сообщение касается вашего отца.

Атаклена как будто отодвинулась, как будто

повисла высоко над всеми.

В таком состоянии ее оцепеневшие чувства отмечали незначительные подробности. Она кеннировала простую экосистему леса: маленькие лесные животные бегают по своим делам, морщат носы от острого запаха пыли, избегают местности вблизи Центра, потому что там еще горят огни.

— Да, — она кивнула — заимствованный жест, который снова показался ей чуждым. — Расскажите.

Шульц прочистил горло.

— Как будто видели, как космический корабль вашего отца покинул планету. Его преследовали военные корабли. Губру утверждают, что он не достиг пункта перехода. Конечно, нельзя доверять всему, что они говорят...

Атаклена чуть покачнулась, бедра ее слегка вывернулись из суставов. Начало скорби — как дрожь губ девушки-человека, предчувствующей потерю.

«Нет, я не буду сейчас думать об этом. Позже. Позже я решу, что должна чувствовать».

— Конечно, вы можете рассчитывать на любую нашу помощь, — негромко продолжал шимп Шульц. — На вашем флиттере есть не только

пища, но и оружие. Если хотите, можете лететь туда, куда эвакуирован ваш друг Роберт Онигл.

— Однако, мы надеемся, что вы некоторое время побудете с нами, по крайней мере до тех пор, пока гориллы не будут в безопасности в горах под присмотром уцелевших специалистов-людей.

Шульц выжидающе смотрел на нее печальными карими глазами.

— Я знаю, мы много просим, уважаемая тимбрими Атаклена, но не присмотрите ли вы за нашими детьми, когда они отправятся в изгнание?

Глава 23
ИЗГНАНИЕ

Машина с негромко гудящими гравитационными двигателями парила над темными острыми камнями. Укороченные полуднем тени снова начали расти по мере того, как Гимельхай проходил зенит. Флиттер сел между камнями.

Двигатели его смолкли.

В условном месте пассажиров флиттера ждал вестник. Когда Атаклена вышла из машины, курьер-шимп протянул ей записку; Бенджамин торопливо маскировал маленький флиттер

от радаров. В письме Хуан Мендоза, фермер из горной местности за проходом Дерны, сообщал о благополучном прибытии Роберта Онигла и Эприл Ву. В сообщении говорилось, что Роберт быстро выздоравливает. И примерно через неделю будет совсем здоров. Атаклена почувствовала облегчение. Ей очень хотелось увидеть Роберта — и не только потому, что ей нужен совет, как управляться с разношерстной толпой беженцев: горилл и неошимпанзе.

Некоторые шимпы из Хаулеттс-Центра, те, на кого подействовал газ, вместе с людьми ушли в город, надеясь, что им выдадут обещанное противоядие... и что оно поможет. И в распоряжении Атаклены оставалась кучка техников-шимпов, на которых она могла полагаться.

Может, подойдут еще шимпы, говорила себе Атаклена, может, даже люди, представители правительства, которые избежали пленения у губру. Она надеялась, что появится кто-нибудь, облеченный властью, — и появится скоро.

Другое послание из фермы Мендозы написал шимп, переживший космическую схватку. Вояка предлагал помощь в установлении связи с силами сопротивления.

Атаклена не знала, что на это ответить. В позд-

ние часы вечером, когда огромные корабли опускались в Порт-Хелению и города архипелага, вся планета обменивалась лихорадочными теле— и радиосообщениями. Поступали сведения о том, что в порту идет бой, и даже, кажется, рукопашный. Потом наступило молчание, и армада губру высадилась без всяких помех.

Казалось, сопротивление, которое так тщательно готовил Совет планеты, прекратилось за полдня. Все связи были прерваны, управление нарушилось: никто не предполагал, что будет применен газ принуждения. Что можно сделать, если почти все люди на планете сразу вышли из строя?

Шимпы тут и там пытались организоваться, главным образом по телефону.

Но дальше туманных планов дело не шло.

Атаклена отложила листочки и поблагодарила посыльного. За последнее время она несколько изменилась: то, что вчера еще было смятением и печалью, сегодня превратилось в упрямую решимость.

«Я выдержу. Утакалтинг ждал бы от меня этого, и я не обману его ожиданий. Где бы я ни была, врагу не поздоровится».

Она, конечно, сохранит также свидетельства,

которые собрала. И когда-нибудь появится возможность представить их властям тимбрими. Таким образом ее народ покажет людям, как должна вести себя раса патронов. А люди в таком уроке очень нуждаются. Пока еще не поздно.

Если уже не поздно.

На склоне холма к ней присоединился Бенджамин.

— Там! — Он указал на долину внизу. — Они там, как раз вовремя!

Атаклена заслонила глаза. Корона ее устремилась вперед и коснулась эмоциональной сети.

«Да. А теперь я их и вижу».

Внизу в лесу двигалась длинная колонна: небольшие, коричневого цвета фигуры сопровождают многочисленную цепочку других, большего роста и потемнее. У каждого рослого существа за спиной большой рюкзак. Некоторые во время ходьбы опираются на костяшки пальцев одной руки. Среди взрослых бегают дети горилл, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

Сопровождающие шимпы вооружены лучевыми ружьями и держатся настороже.

Но следят не за колонной, а за небом и местностью.

Тяжелое оборудование кружными маршрутами уже переместили в известняковые пещеры в горах. Но исход нельзя считать благополучным, пока там, в этой подземной крепости, не окажутся все беглецы.

Атаклена подумала, что происходит сейчас в Порт-Хелении и в городах архипелага. В сообщениях захватчиков еще дважды упоминалась попытка бегства курьерского корабля тимбрими, затем о ней не вспоминали.

Ей придется самой устанавливать, находится ли ее отец на Гарте. И жив ли он.

Атаклена коснулась небольшого медальона, который всегда висел у нее на шее. Это наследство ее матери — единственная нить короны Матиклуанны.

Печальное утешение, но даже такого у нее нет от Утакалтинга.

«Отец! Как ты мог оставить меня без единой путеводной нити?..» Колонна темных фигур быстро приближалась. Из долины доносилось негромкое рычание, полумузыка. Ничего подобного Атаклена раньше не слышала. Эти существа всегда обладали силой, а возвышение отчасти избавило их от хрупкости и уязвимости. И хотя их будущее по-прежнему неясно, это могучие создания.

Атаклена не собиралась бездействовать, просто заботиться о толпе предразумных и волосатых клиентов. Еще одна черта роднит тимбрими и людей: не сидеть сложа руки, бороться с трудностями. Письмо раненого астронавта-шимпа заставило ее задуматься.

Она повернулась к помощнику.

— Я не очень свободно владею земными языками, Бенджамин. Мне нужно слово. Такое, которое описывает необычные военные силы. Я имею в виду армию, которая передвигается по ночам и в тени. Которая наносит удары стремительно и беззвучно, пользуясь неожиданностью нападения, чтобы компенсировать свою малочисленность и слабую вооруженность. Я читала, что в доконтактной истории Земли такие армии встречались часто. Эти армии, когда им было удобно, действовали привычными методами, а когда нужно, нарушали их. Это будет к'чу-нон краан — армия волчат, подобной которой никогда не существовало. Ты понимаешь, о чем я говорю, Бенджамин? Есть ли название для того, что я имею в виду?

— Вы хотите?.. — Бенджамин быстро взглянул на колонну частично возвышенных обезьян, идущих по лесу, напевая свою странную походную песню.

Он покачал головой, очевидно пытаясь сдержаться, но лицо его покраснело, и наконец он разразился смехом. Бенджамин с хохотом упал на землю, перевернулся на спину. Катался в пыли Гарта, задирал ноги в небо и хохотал.

Атаклена вздохнула. Вначале на Тимбриме, потом среди людей и наконец здесь, среди самых молодых клиентов, — всюду ей попадаются смешливые.

Она терпеливо смотрела на шимпанзе, ждала, пока маленький глупец успокоится, восстановит дыхание и наконец объяснит ей, что же смешного он нашел в ее словах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПАТРИОТЫ

Эвелин, модифицированная со-
бака,
Смотрела на дрожащий край
Особой салфетки,
Наброшенной на пианино, с
некоторым удивлением —
В потемневшей комнате,
Где стулья разбросаны в беспо-
рядке,
А ужасные занавеси
Приглушают дождь,
Она не могла поверить своим
глазам —
Странный ветерок, дыхание с
запахом чеснока,
Больше похожее на сопение,
Где-то вблизи «Стейнвея»
(или даже изнутри него),
Заставляло край салфетки ко-

лебаться,
Дрожать в полутьме —
Эвелин, собака, претерпевшая
Дальнейшие модификации,
Размышляла о значении
Личного поведения
Панхроматического резонанса нажатой педали
И о других окружающих событиях...
«Ав!» — сказала она.

Фрэнк Заппа

Глава 24
ФИБЕН

С крыши низкого темного бункера высокие худые журавлеобразные фигуры наблюдали за дорогой. Их силуэты, четко видные на фоне полуденного солнца, постоянно перемещались; они нервно переступали с одной костлявой ноги на другую, как будто малейшего звука достаточно, чтобы вспугнуть их и заставить улететь.

Серьезные создания, эти птички. И демониче-

ски ужасные.

«Не птицы», — напомнил себе Фибен, приближаясь к условленному месту.

По крайней мере не в земном смысле.

Но аналогия подойдет. Тела их покрыты тонким пухом. На худых вытянутых лицах торчат острые ярко-желтые клювы.

И хотя традиционные крылья превратились теперь в тонкие оперенные руки, эти существа могут летать. Черные блестящие антигравитационные ранцы за спиной у каждого с избытком компенсируют то, что утратили их предки.

Солдаты Когтя. Фибен вытер руки о шорты, но ладони оставались влажными. Он пнул голой ногой камень и похлопал по боку свою клячу. Спокойное животное начало щипать пучки голубой местной травы у дороги.

— Пошли, Тихо, — сказал Фибен, натягивая поводья. — Нельзя задерживаться, иначе они что-нибудь заподозрят. И ты знаешь: от этой травы тебя пучит.

Лошадь тряхнула массивной серой головой и громко выпустила газы.

— Я же тебе говорил. — Фибен помахал рукой перед носом.

За лошадью плыл грузовой фургон. Измятые

полузаржавевшие бункеры забиты грубыми джутовыми мешками с зерном. Очевидно, антигравитационный статор еще работает, но двигатель вышел из строя.

— Пошли. Пора убираться отсюда. — Фибен снова потянул поводья.

Тихо храбро кивнул, словно рабочая лошадь действительно поняла.

Постромки натянулись, и фургон, покачиваясь, поплыл дальше. Они приближались к контрольно-пропускному пункту.

Но вскоре впереди послышался воющий звук — предупреждение о движении на дороге. Фибен торопливо отвел лошадь и фургон в сторону. Мимо с высоким воем и с порывом воздуха пронеслось бронированное судно на воздушной подушке. Весь день такие суда по одному и по двое пролетают на восток.

Фибен тщательно проверил, свободна ли дорога, потом снова вывел на нее Тихо. Он нервно сутулился. Тихо фыркнул, уловив незнакомый запах захватчиков.

— Стой!

Фибен невольно подпрыгнул. Усиленный громкоговорителем голос звучал механически, невыразительно, жестко.

— Двигайся, двигайся в сторону... для осмотра!

Сердце Фибена забилось сильнее. Он был рад, что по роли ему полагается быть испуганным. Это совсем не трудно.

— Быстрее! Поторопись и назови себя!

Фибен подвел Тихо к инспекционной стойке в десяти метрах вправо от дороги. Он привязал лошадь к столбу и заторопился туда, где ждали два солдата Когтя.

Ноздри Фибена расширились от пыльного лавандового запаха чужаков. «Интересно, каковы они на вкус», — свирепо подумал Фибен. Для его пра-в-десятой-степени-деда не имело бы никакого значения, что это разумные существа. Птицы — всегда птицы, по мнению его предков. Фибен низко поклонился, сложив перед собой руки, и впервые так близко увидел захватчиков. Вблизи они не впечатляли. Правда, острые желтые клювы и подобные лезвиям когти выглядели грозно. Но эти существа с тонкими ногами едва ли выше самого Фибена, а кости у них тонкие и полые.

Неважно. Это космические путешественники, старшие патроны. Их культура и технология, созданные на основе Библиотеки, стали высокоразвитыми задолго до того, как люди выпрямились в саваннах Африки, с боязливым любопытством

встречая рассвет. К тому времени, как громоздкие корабли людей столкнулись с галактической цивилизацией, губру и их клиенты завоевали себе место среди самых влиятельных межзвездных кланов. Яростный консерватизм и поверхностное следование Библиотеке далеко увели их от того состояния, в котором их застали на родной планете губру и вывели к разуму их собственные патроны.

Фибен вспомнил непобедимые огромные военные крейсеры, темные и неуязвимые под своими меняющими окраску защитными полями, за которыми светился край галактики.

Тихо заржал и отшатнулся, когда один из солдат Когтя с лазерным ружьем в руках прошел мимо к неуклюжему фургону. Чужак забрался в плавающий в воздухе фургон, чтобы осмотреть его. Второй что-то щебетал в микрофон. Серебряный медальон, погруженный в мягкий пух на шее существа, произнес на англике:

— Назовись... назовись и укажи цель поездки!

Фибен съежился и задрожал, изображая страх. Он был уверен, что солдаты Когтя мало что знают о неошимпах. За несколько столетий после Контакта не так уж много информации прошло через мощный бюрократический заслон Библиотеки и

попало в отраслевые ветви. А галакты, конечно, во всем полагаются на Библиотеку.

Но все же правдоподобие очень важно. Предки Фибена знали только один ответ на угрозу, когда сопротивление невозможно. Подчинение. И Фибен умел изобразить его. Он скорчился и застонал.

Губру в явном раздражении засвистел. Очевидно, с таким поведением ему уже доводилось встречаться. Он снова защебетал, на этот раз медленнее.

— Не бойся, тебе ничего не грозит, — медальон-переводчик зазвучал немного тише. — Ты в безопасности... в безопасности... Мы губру... Галактические патроны высшего класса... Ты в безопасности... Молодые полуразумные в безопасности, если слушаются нас... Ты в безопасности...

Полуразумные... Фибен потер нос, чтобы скрыть возмущенную гримасу. Конечно, так и должны считать губру. И, по правде говоря, вряд ли другая раса клиентов после четырехсот лет возвышения может быть названа подлинно разумной.

Тем не менее Фибен отметил еще один пункт, за который нужно отомстить.

Он понимал отдельные слова захватчика еще до того, как медальон переводил их. Но краткий

курс галактического-три в школе дает не очень много, да к тому же у губру свой диалект.

— Ты в безопасности, — успокаивал переводчик. — Люди не заслуживают таких хороших клиентов... Ты в безопасности...

Фибен попятился и поднял голову. «Не переигрывай», — одернул он себя.

И поклонился птицеподобному существу — поклоном двуногого клиента патрону старшей расы. Чужак не заметит небольшую вольность: Фибен вытянул средний палец, выразительно приправил жест.

— А теперь, — с облегчением произнес переводчик, — назовись и объясни свою цель.

— Э-э-э... я Ф... Фибен... хм... с...сэр. — Руки его мелькали в воздухе. Конечно, это театр, но губру, возможно, знают, что у неошимпанзе в состоянии стресса используется для речи тот участок мозга, который первоначально отвечал за координацию движений.

Похоже, солдат Когтя действительно был раздражен. Оперение его распушилось, он подпрыгнул, начиная танец.

— Цель... цель... назови цель своего приближения к городу!

Фибен снова быстро поклонился.

— Э-э-э... машины больше не работают... людей нет... никто на ферме не говорит, что нам делать...

Вернулся второй губру и коротко поговорил с первым. Фибен достаточно знал гал-три, чтобы уловить суть.

Фургон действительно с фермы. Не нужно быть гением, чтобы понять: достаточно разморозить роторы, и они снова заработают. Только идиот потащит исправную антигравитационную машину на лошади, не в состоянии самостоятельно произвести простой ремонт.

Первый стражник прижал когтистой, с плоскими пальцами рукой медальон-переводчик, но Фибен понимал, что его мнение о шимпах, и так невысокое, падает на глазах. Захватчики даже не позаботились снабдить неошимпов идентификационными карточками.

Столетия земляне — люди, дельфины и шимпы — знали, что галактика — опасное место. И лучше, чтобы тебя считали глупее, чем ты есть на самом деле. Уже перед вторжением среди шимпов Гарта было распространено сообщение, что необходимо вернуться к прежним манерам в духе «Да, масса! Слушаюсь, масса!».

«Да, — напомнил себе Фибен, — но никто и не

подумал, что людей может вообще не остаться!» Думая о людях: мелах, фемах и детях, — Фибен ощущал комок в желудке. Они сейчас жмутся за колючей проволокой в концентрационном лагере.

О, да! Захватчики заплатят за это.

Солдаты Когтя сверились с картой. Первый губру выпустил свой переводчик и снова защебетал, обращаясь к Фибену.

— Можешь идти, — рявкнул переводчик. — Иди к восточному гаражному комплексу... Можешь идти... Восточный гараж... Ты знаешь, где восточный гараж?

Фибен торопливо кивнул.

— Да, сэр.

— Хорошее... хорошее существо... отвези зерно на склад, потом иди в гараж... в гараж... хорошее существо... Ты понял?

— Да!

Фибен отступал, пятясь и кланяясь, потом неуклюже заторопился, усиленно шаркая ногами, к столбу, к которому был привязан Тихо. Отведя глаза, он снова вывел лошадь на дорогу. Солдаты лениво смотрели, как он проходит, обмениваясь презрительными замечаниями. Они были уверены, что он их не понимает.

«Проклятые глупые птицы», — подумал он. Прикрепленная к поясу миниатюрная камера запечатлела пункт, солдат, антигравитационный танк, пролетевший мимо через несколько минут. Экипаж танка загорал на плоской верхней палубе.

Губру смотрели на него с палубы. Фибен помахал им.

«Бьюсь об заклад, в оранжевом желе вы очень вкусны», — подумал он, глядя на пернатые существа.

Фибен натянул поводья.

— Пошли, Тихо, — сказал он. — К ночи нужно добраться до Порт-Хелении.

* * *

В долине Синда фермы еще работали.

По традиции, когда космической расе передавали по лицензии планету, она как можно больше территории оставляла в первозданном виде. И на Гарте большая часть поселений землян располагалась на архипелаге мелкого Западного моря. Только эти острова были полностью преобразованы и заселены земными животными и растениями.

Но Гарт — особый случай. Бурурали оста-

вили его в ужасном состоянии, и нужно было быстро предпринять что-то, чтобы восстановить неустойчивую экосистему планеты. Для предотвращения новой катастрофы нужно было вводить новые виды. А это означало работу и на континентах.

В Мулунских горах один узкий водораздел преобразовали полностью.

Земным организмам, которые отлично себя здесь чувствовали, позволено было под тщательным присмотром распространиться по холмам, медленно заполняя экологические бреши, образовавшиеся во время катастрофы бурурали. Очень тонкий эксперимент в практической планетарной экологии, но его стоило проводить. Земляне на Гарте и на других мирах, испытавших катастрофы, постепенно приобретали репутацию экологических волшебников. Даже самые злобные критики человечества вынуждены были одобрить такую работу.

Но сейчас все это нарушилось. Фибен миновал три экологические станции. Бездейственно, в беспорядке стояли заборщики образцов и роботы-следопыты.

Все это признаки тяжелого кризиса. Захватить людей в заложники — одно дело. Современные

правила ведения войны такую тактику почти признают. Но то, что губру вмешиваются в восстановление Гарта, свидетельствует о дурных настроениях в галактике.

Восстанию это не предвещает ничего хорошего. А что если губру решили вообще не соблюдать военный кодекс? Если готовы уничтожить планету?

«Это проблема генерала, — решил Фибен. — Я всего лишь шпион. А она специалист по ити».

Но фермы все же работают. Фибен миновал поле, засеянное зигопшеницей, и другое — с морковью. Робоуборщики ходили кругами, пололи и поливали.

Кое-где виднелись удрученные шимпы, они управляли паукоподобными контроллерами, следили за механизмами.

Иногда они махали ему. Чаще — нет.

В одном месте Фибен заметил двух вооруженных губру. Они стояли на изрытом поле рядом со своим флиттером. Подойдя ближе, Фибен увидел, что они ругают фермера-шимми. Подпрыгивая и поворачиваясь, птицеобразные указывали на опавшие всходы. Работница кивала с несчастным видом, вытирая руки о поблекшие саржевые брюки. Она искоса взглянула на проезжавшего

мимо Фибена, но губру продолжали ругать ее и не обратили на него внимания.

Очевидно, губру беспокоились о состоянии урожая. Фибен надеялся, что урожай нужен им для заложников. Но, может, им самим не хватает припасов. Проехав довольно большое расстояние, он свернул в маленькую рощу фруктовых деревьев. Лошадь отдыхала, щипала земную траву, а Фибен присел за деревом и облегчился.

Он заметил, что сад уже давно не опрыскивался от вредителей. Лишенные жала осы по-прежнему вились над цветами апельсинов, хотя вторичное цветение кончилось уже недели две назад и для опыления насекомые не нужны.

Воздух напоен ароматом почти созревших фруктов. Осы ползали по кожуре, пытаясь пробиться к сладости под ней.

Неожиданно, не раздумывая, Фибен протянул руку и схватил несколько насекомых. Очень легко. Он поколебался, потом сунул насекомых в рот.

Сочные и хрустящие, похожи на термитов. «Я только помогаю бороться с вредителями», — подумал он, и его коричневые руки снова устремились за осами. Вкус хрустящих крылышек напомнил ему, как давно он не ел.

— Если я собираюсь работать в городе ночью, мне нужно поесть, — вслух подумал он. И оглянулся. Лошадь мирно паслась поблизости. Больше никого не видно.

Фибен снял пояс с инструментами и отступил на шаг. Потом, все еще оберегая левую ногу, прыгнул на ствол и взлетел на усыпанные плодами ветки. «Ах», — подумал он, срывая почти созревшие красноватые шары. Он ел их как яблоки, целиком, с кожурой. Вкус острый и вяжущий, в отличие от пресной человеческой пищи. Многие шимпы уверяют, что она им нравится.

Фибен сорвал еще два апельсина и на закуску сунул в рот несколько листьев. Потом вытянулся на спине и закрыл глаза.

Вверху, когда компанию ему составляют только жужжащие осы, Фибен почти может убедить себя, что он равнодушен к судьбе этого мира. Он выкинул из головы войны и другие глупые занятия разумных существ. Фибен надул толстые выразительные губы. Почесался под мышкой.

— Ук, ук!

Он фыркнул, почти засмеялся молча и представил себе, что находится в Африке, которую не видели даже его прапрадеды. Он на лесистых холмах, которых не коснулись еще его гладкокожие

большеносые двоюродные братья.

Какой была бы вселенная без людей? Без ити? Без всех, кроме шимпов?

«Рано или поздно мы изобрели бы космические корабли, и вселенная принадлежала бы нам».

Облака катились над головой, а Фибен лежал на ветке на спине, закрыв глаза, и наслаждался своими фантазиями. Осы тщетно жужжали, возмущенные его присутствием. Он простил их дерзость, поймал еще нескольких и закусил.

Но, как ни старайся, иллюзию одиночества не поддержишь. Послышался новый звук, гулкий шум сверху. И как Фибен ни пытался, он не смог сделать вид, что не слышит, как по небу пролетают непрошенные воздушные корабли чужаков.

* * *

Сверкающая ограда высотой в три метра окружала холмистую территорию, на которой расположена Порт-Хеления. Внушительный заслон, быстро установленный специально роботами сразу после вторжения. В ограде несколько ворот, городские шимпы выходят и входят в них как будто без помех и расспросов. Но внезапно возникшая стена не может не пугать их.

Возможно, это ее главная цель.

Фибен подумал, как бы проделали этот трюк губру, если бы столица была настоящим городом, а не небольшим поселком на далекой провинциальной планете.

А где держат людей?

Уже стемнело, когда он миновал широкую полосу пней, по колено высотой, оставшихся от вырубленных деревьев перед оградой чужаков. Здесь планировали разбить парк, но теперь на земле, перед темной наблюдательной башней и воротами, оставались лишь расколотые стволы.

Фибен приготовился к новому допросу, как на первом пропускном пункте, но, к его удивлению, никто его не окликнул. Фонари на двух столбах освещали землю у ворот. Дальше он увидел тьму, угловатые здания, тускло освещенные пустынные улицы.

Тишина казалась зловещей. Фибен сгорбился и негромко сказал:

— Идем, Тихо. Спокойно.

Лошадь фыркнула и медленно протащила фургон мимо серо-стального бункера.

Проходя, Фибен бросил быстрый взгляд внутрь сооружения. Там стояли два стражника, каждый на одной тонкой узловатой ноге, острые птичьи клювы были спрятаны в мягкий пух, растущий

подмышками. На стойке рядом со стандартным галактическим коммутатором лежали два сабельных ружья.

Оба солдата Когтя казались крепко спящими!

Фибен фыркнул, его плоский нос снова сморщился, уловив сладковатый запах чужаков. Не впервые подмечает он приметы слабости в этих, по всеобщему мнению, неуязвимых фанатиках-губру. До сих пор все у них идет легко — слишком легко. Почти все люди собраны и нейтрализованы, и захватчики, по-видимому, считают, что угроза для них может прийти только из космоса. Несомненно, именно поэтому все защитные установки нацелены вверх. Почти ничего не сделано, чтобы предотвратить нападение с земли.

Фибен погладил свой нож в ножнах на поясе. Его одолевало искушение пробраться внутрь, проползти под сторожевыми лучами и преподать губру наглядный урок.

Порыв прошел, и Фибен покачал головой. «Позже, — подумал он. — Когда это причинит им больше вреда».

Похлопывая Тихо по шее, он провел лошадь через освещенное место перед воротами и углубился в индустриальный район города. Склады и фабрики тихи и темны.

По каким-то делам пробегают шимпы под присмотром изредка пролетающего патрульного скиммера губру.

Стараясь оставаться незамеченным, Фибен скользнул в переулок и отыскал здание склада без окон, недалеко от единственной в колонии литейной. Он шепотом уговаривал Тихо, и тот подтащил фургон к задней двери, скрывавшейся в тени. Толстый слой пыли показывал, что к висячему замку уже давно никто не прикасался. Фибен внимательно осмотрел его.

— Гм.

Достав из-за пояса тряпку, Фибен обернул ею дужку замка. Потом взял ее крепко в обе руки, закрыл глаза, сосчитал до трех и дернул.

Замок оказался прочен, но, как Фибен и подозревал, кольцо в двери проржавело. С приглушенным треском оно разорвалось. Фибен быстро откатил дверь в сторону. Тихо покорно прошел в темное помещение, втащив за собой фургон. Фибен огляделся, запоминая расположение громоздких прессов и металлообрабатывающих станков, прежде чем снова закрыть дверь.

— Тут тебе будет хорошо, — негромко сказал он, распрягая лошадь.

Вытащил из фургона мешок с овсом и высыпал

зерно на пол. Потом из ближайшего крана наполнил водой лохань.

— Я вернусь, если смогу, — добавил он. — А если нет, наслаждайся пару дней овсом, а потом начинай ржать. Я уверен, кто-нибудь услышит.

Тихо махнул хвостом и поднял голову от зерна. Он сердито взглянул на Фибена и испустил еще один пахучий комментарий.

— Хм. — Фибен кивнул, отгоняя вонь. — Ты, вероятно, прав, старый друг. Но вот что я тебе скажу: твои потомки тоже будут беспокоиться, если кто-нибудь когда-нибудь преподнесет им сомнительный дар — разум.

Он на прощание потрепал лошадь, подошел к двери и выглянул. Изнутри все кажется спокойным. Гораздо спокойней, чем в генетически бедных лесах Гарта. По-прежнему мигает маяк на крыше здания Террагентства: вне всякого сомнения, теперь его используют в своих ночных операциях захватчики.

Где-то слышится негромкое электрическое гудение. Отсюда недалеко до того места, где он должен встретиться со связным. И это самая рискованная часть из его похода в город.

За те два дня, что прошли между первой газовой атакой и окончательным захватом губру всех

средств связи, было высказано немало самых разнообразных предложений. Из Порт-Хелении на Архипелаг, оттуда в отдаленные районы континента делались лихорадочные телефонные звонки, посылались радиосообщения. Все это время человеческое население было очень занято, а немногочисленные правительственные линии связи кодированы. И поэтому брошенные на произвол судьбы шимпы заполняли радиоэфир паническими предположениями и дикими планами, в основном невероятно тупыми.

Фибен считал, что это даже хорошо, потому что, несомненно, враг уже тогда подслушивал. И его мнение о неошимпанзе только укрепилось из-за этой истерии.

Но время от времени раздавались и разумные предложения. «Словесная шелуха иногда прикрывает ценные мысли». Перед смертью антрополог-человек доктор Така узнала сообщение своего бывшего ученика, некоего Гайлета Джонса, жителя Порт-Хелении. Именно к нему генерал решила послать на связь Фибена.

К несчастью, была такая сумятица! Только доктор Така могла сказать, как выглядит этот Джонс, но к тому времени, как догадались спросить, доктор Така умерла.

Фибен не был уверен ни в месте встречи, ни в пароле.

«Может, мы даже день назначили не тот», — ворчал он про себя.

Он выскользнул из склада и закрыл за собой дверь, повесив на место замок. Кольцо выглядело чуть покосившимся. Но если не приглядываться, ничего не заметишь.

Через час взойдет полная луна. Нужно двигаться, если он хочет вовремя добраться до места встречи.

* * *

Ближе к центру Порт-Хелении, но все еще в «плохом» районе, он остановился на небольшой площади и посмотрел на свет, струившийся из подвального окна работающего бара для шимпов. От громкой музыки стекла дрожали в рамах. Фибен, стоя на улице, подошвами ощущал вибрацию. На несколько кварталов это был единственный признак жизни, если не считать тусклых огней за завешенными окнами жилых квартир.

Прямо над головой пролетел жужжащий патрульный робот, и Фибен быстро отступил в тень. Башня машины повернулась, ствол уставился

в Фибена.

Должно быть, машина засекла его своим инфракрасным зрением. Но прошла мимо, решив, что это просто неошимпанзе.

Фибен видел и другие согбенные фигуры на темных улицах. Очевидно, комендантский час скорее психологический, чем военный. Оккупанты не проявляли строгости, так как, по-видимому, не считали это необходимым.

Большинство тех, кто не остался дома, направлялись в подобные места — «Обезьянья гроздь». Это излюбленное заведение простых рабочих и испытуемых-проби, тех, кто по эдикту возвышения ограничен в правах воспроизводства. Фибен заставил себя перестать почесывать подбородок.

Закон требовал, чтобы даже люди проходили генетическое обследование, прежде чем заводить детей. Но для клиентов — неошимпанзе и неодельфинов — законы чрезвычайно строги. В этой сфере либеральное земное общество точно выдерживало галактические стандарты. Приходилось либо подчиняться, либо потерять шимпов и финов. Их передадут каким-нибудь другим старшим патронам. Земля слишком слаба, чтобы позволить себе отвергать наиболее почитаемую галактическую традицию.

Примерно треть шимпов обладает зелеными картами воспроизводства; это позволяет им рожать детей под присмотром Совета возвышения и предусматривает наказания, если они пренебрегут осторожностью. Шимпов, имеющих серые и желтые карточки, гораздо больше и ограничений у них больше. Присоединившись к брачной группе, они имеют право использовать свою сперму или яйца, запасенные в отрочестве, до обязательной стерилизации. Если они добиваются успехов в жизни, то такое разрешение им дается. Но гораздо чаще шимми с желтыми картами получают и вынашивают введенные техниками возвышения эмбрионы более «усовершенствованных» поколений.

Обладателям красных карт даже приближаться к детям шимпов не разрешается.

По стандартам до Контакта такая система может показаться жестокой. Но Фибен прожил в ней всю жизнь. На быстром пути возвышения генетическим фондом клиентов всегда управляют. По крайней мере с шимпами консультируются в ходе этого процесса. Немногие клиенты могут этим похвастать.

Недостаток такого положения в том, что появляется социальное расслоение. Обладателей

синих карт, как Фибен, не очень доброжелательно встречают в таких местах, как «Обезьянья гроздь».

Но именно это место выбрано связным для встречи. Больше никаких сообщений не поступало, и Фибену ничего не остается, как ждать здесь.

Глубоко вздохнув, он перешел улицу и направился к рычащей и гремящей музыке.

* * *

Когда его рука коснулась дверной ручки, слева из тени послышался шепот:

— Хочешь розовую?

Вначале Фибен решил, что ему показалось. Но слова повторились, на этот раз чуть громче.

— Розовую? Ищешь напарницу?

Фибен вгляделся. Свет из окна мешал видеть в ночи, но он разглядел маленькое обезьянье лицо, почти детское. Шимп улыбнулся, сверкнули белые зубы.

— Розовую напарницу?

Фибен выпустил ручку, почти не веря своим ушам.

— Прошу прощения?

Он шагнул вперед. Но в этот момент распахнулась дверь, выпустив на улицу свет и шум. Его

оттолкнуло несколько темных фигур, гогочущих, с пропахшей пивом шерстью. А когда гуляки исчезли и дверь закрылась, темный грязный переулок был уже пуст. Маленькая неясная фигура исчезла.

Фибену захотелось отыскать ее, лишь бы убедиться, что ему предложили именно то, о чем он подумал. И почему предложение, только что сделанное, вдруг было отменено?

Очевидно, многое изменилось в Порт-Хелении. Правда, в подобных злачных местах, как «Обезьянья гроздь», он не бывал с колледжа. Но проститутки на темных улицах даже в этой части города — редкость. На Земле, может быть, или в старых трехмерных фильмах, но здесь, на Гарте?

Он удивленно покачал головой и открыл дверь, собираясь войти.

Ноздри Фибена раздулись от густого запаха пива, понюшек и влажной шерсти. Сразу от входа посетитель начинает нервничать из-за яркого стробоскопического света, который вспыхивает на танцевальной площадке.

Здесь качаются несколько темных фигур, размахивая над головами чем-то вроде побегов. Над группой сидящих музыкантов установлены усилители, которые издают тяжелый, западающий

в душу ритм.

Посетители лежат на тростниковых матрацах и подушках, курят, пьют из бумажных бутылок и обмениваются хриплыми репликами по поводу танцующих.

Фибен пробрался между тесно уставленными столиками к затянутому дымом прилавку и заказал пинту горького. К счастью, колониальные деньги, по-видимому, еще в ходу. Он прислонился к поручню и принялся медленно разглядывать посетителей. Хотелось бы ему, чтобы сообщение связного было определеннее.

Фибен искал кого-то похожего на рыбака, хотя это место находится далеко от залива Аспинал. Конечно, радист, принявший сообщение бывшего студента доктора Таки, мог все перепутать. В этот вечер Хаулеттс-Центр горел, а над головой завывали санитарные флиттеры. Шену показалось, что Гайлет Джонс сказал что-то вроде «таскающий рыбу доходяга».

— Здорово, — сказал Фибен, когда ему передавали это указание. — Вот это по-шпионски! Великолепно. — В глубине души он был уверен, что радист все перепутал.

Не очень благоприятное начало для восстания. И неудивительно. Для всех, кроме нескольких

шимпов, прошедших специальную подготовку, шифры, переодевания и пароли были только приметой старинных триллеров. А те военные, которых целенаправленно готовили, теперь, вероятно, мертвы или интернированы. «Кроме меня. А моей специальностью не была разведка или саботаж. Дьявольщина, да я не обманул бы и старый „Проконсул“!»

Сопротивлению придется всему учиться заново.

Но пиво вкусное, особенно после долгой пыльной дороги. Фибен прихлебывал из бумажной бутылки и старался расслабиться. Он кивал в такт грохочущей музыке и улыбался выходкам танцоров. Разумеется, под ярким стробоскопическим светом прыгали только самцы.

Среди работяг и испытуемых страсть к танцам настолько сильна, что ее можно даже назвать религиозной. Люди, которые отвергали любые формы сексуальной дискриминации, в этом случае не вмешивались. У клиентов есть право создавать собственные традиции, пока они не идут вразрез с выполнением их обязанностей или возвышением.

Так что, по крайней мере, в нынешнем поколении у шимми не было места в танце грома.

Фибен смотрел, как рослый обнаженный самец прыгнул на вершину груды покрытых ковром «скал», размахивая веткой. Танцор — днем, вероятно, механик или фабричный рабочий — махал гремящей веткой над головой, а барабаны грохотали, стробоскоп метал вверху искусственные молнии, окрашивая танцора то в ослепительно-белый, то в черный цвет.

Ветка дребезжала, а танцор прыгал и кричал в такт музыке, бросая вызов небесам.

Фибен часто думал, насколько популярность танца грома объясняется врожденной, унаследованной любовью к грому. Хорошо известен факт, что невозделанные, немодифицированные шимпы в джунглях Земли часто исполняли грубый «танец» во время бури с молниями. Он подозревал, что эта «традиция» неошимпанзе — просто подражание поведению невозделанных, немодифицированных предков. Подобно большинству обучавшихся в колледжах шимпов, Фибен считал себя слишком образованным для такого туповатого и бесхитростного поклонения предкам. И звукам искусственного грома предпочитал Баха или песни китов. Но иногда, один в своей квартире, он доставал запись группы «Гремящие», надевал наушники и старался проверить, какой

гром выдержит его череп, не расколовшись. И сейчас, под ревущими усилителями, он не мог сдержать дрожь, когда по помещению метались «молнии», а барабаны сотрясали посетителей, мебель и арматуру.

Другой обнаженный танцор поднялся на гору, тряся своей веткой и громко бросая вызов. Поднимаясь, он опирался на костяшки пальцев одной руки — манера, вызывающая негодование ортопедов, но которая встретила одобрение веселящейся аудитории. Парень на утро расплатится болью в спине, но что эта боль по сравнению с великолепием танца?

Самец наверху ответил криком. Он искусно и расчетливо подпрыгнул и развернулся, и в этот момент новая стробоскопическая молния выбелила комнату. Картина свирепая и мощная, напоминающая, что всего четыре столетия назад дикие предки танцора точно так же бросали вызов непогоде с вершин лесистых холмов. И им не нужны были люди, не нужны скальпели хирургов, чтобы понять, что ярость неба требует ответа.

Шимпы за столиками засмеялись и зааплодировали, король, улыбаясь, спрыгнул с вершины холма. Он бежал, по дороге сильно толкнув со-

перника.

Это еще одна причина, по которой самки редко участвуют в танце грома.

Взрослый самец-неошимп обладает физической силой своего предка с Земли.

Шимми, желающие участвовать, обычно играют в оркестрах.

Фибену всегда казалось странным, что у людей все по-другому. Самцы людей чаще увлечены звуками, а самки — танцами, а не наоборот. Конечно, люди и во многих других отношениях существа непонятные. Взять, например, их необычные сексуальные взаимоотношения.

Фибен разглядывал клуб. В таких барах самцов всегда больше, чем самок, но сегодня шимми было особенно мало. Они, как правило, сидели в центре группы друзей, причем с краю располагались самые рослые самцы.

Конечно, были и официантки; они, в искусственных шкурах леопарда, расхаживали между столиками, разнося напитки и курево.

Фибен начинал беспокоиться. Как узнает его связной в этом сверкающем полутемном сумасшедшем доме? И вообще, тут нет никого похожего на рыбака.

Вдоль трех стен над танцевальной площад-

кой проходит балкон. Там сидят посетители, наклоняются, колотят по перилам, подбадривают танцующих. Фибен повернулся и попятился, чтобы лучше видеть... и чуть не перевалился через низкий плетеный столик. Он изумленно замигал.

Там, на балконе, за веревочным ограждением, охраняемый четырьмя плавающими боевыми роботами, сидел захватчик в белом оперении, с острым килем, изогнутым клювом... но у этого губру на голове какая-то вязаная шапочка, закрывающая его орган слуха в виде гребня. А на глазах темные очки.

Фибен заставил себя отвести взгляд. Нельзя выглядеть слишком удивленным. Очевидно, посетители за последние недели должны были привыкнуть к виду чужаков. Фибен, правда, заметил отдельные встревоженные взгляды в ту сторону. Возможно, этим объясняется пыл соперников: «Гроздь» даже для рабочего бара кажется необычно буйной.

Небрежно прихлебывая пиво из бутылки, Фибен снова взглянул вверх.

Шапка и очки у губру, несомненно, для защиты от шума и света.

Роботы-охранники выгородили часть терри-

тории для чужака, но оставшееся крыло почти пусто.

Почти. Рядом с остроклювым губру сидели двое шимпов. «Квислинги? — подумал Фибен. — Значит, среди нас уже есть предатели?» Он удивленно покачал головой. Зачем здесь губру? Что интересного нашел здесь захватчик?

Фибен вернулся на свое место за стойкой.

«Очевидно, их интересуют шимпы, и не только как заложники».

Но по какой причине? Почему галакты вообще заинтересовались толпой волосатых клиентов, которых вряд ли считают наделенными разумом?

* * *

Танец грома внезапно достиг крещендо и финального грохота, потом ворчание стало стихать, как бы удаляясь в туманную бурную даль. Эхо в голове Фибена звучало еще несколько секунд.

Улыбаясь, вспотевшие танцоры возвращались к своим столикам, одевались. Смех звучал, возможно, излишне откровенно.

Чувствуя напряжение, царящее в этом зале, Фибен удивлялся, зачем вообще пришли посетители. Бойкот заведения, которому покровительствуют

захватчики, кажется такой простой и очевидной формой ашимы — пассивного сопротивления. Ведь простой шимп с улицы ненавидит врагов всех землян!

Что привлекло сюда эту толпу вечером?

Для отвода глаз Фибен заказал еще пива, хотя уже подумывал о том, чтобы уйти. Губру заставлял его нервничать. Связной не появился, пора уходить отсюда и начинать собственное расследование. Он должен понять, что происходит в Порт-Хелении, и связаться с теми, кто хочет создать организацию.

Группа лежащих посетителей начала топать по полу и кричать. И скоро крик подхватил весь зал.

— Сильвия! Сильвия!

Музыканты вернулись на свою платформу, аудитория зааплодировала, на этот раз в такт гораздо более спокойной музыке. Пара шимми соблазнительно склонилась над саксофонами, в помещении стало темнее.

Прожектор осветил вершину танцевального возвышения, занавес из бус приоткрылся, и появилась новая фигура, остановившаяся в ослепительном свете. Фибен удивленно замигал. Что здесь делает эта шимми?

Верхнюю часть ее лица закрывала клювастая маска с гребнем из белых перьев. Обнаженные соски выкрашены светящейся краской и искорками горят в луче прожектора. Юбка из серебряных нитей раскачивается в такт медленному ритму.

Таз у самок-неошимпанзе шире, чем у их предков, чтобы произвести на свет потомство с большой головой. Тем не менее раскачивание бедрами не стало врожденным эротическим стимулом у шимпов, заводящим самцов, как у людей.

Но Фибен, глядя на призывные движения, чувствовал, как у него сильнее бьется сердце. Вначале он решил, что это молодая девушка, но скоро понял, что танцовщица — зрелая рожавшая самка. Отчего она казалась еще более привлекательной.

Она двигалась покачивающимися шагами, юбка ее слегка развевалась, и Фибен заметил, что ее ткань только снаружи серебристая. С внутренней стороны каждая полоска ярко-розового цвета.

Он покраснел и отвернулся. Танец грома — одно дело, он сам несколько раз принимал в нем участие. Но это совсем другое! Вначале маленький сводник в переулке, а теперь это? Неужели шимпы в Порт-Хелении свихнулись на сексуаль-

ной почве?

Неожиданно ему сильно сжали плечо. Фибен оглянулся и увидел большую поросшую шерстью руку рослого шимпа, таких рослых он почти не помнит. Не ниже невысокого человека и гораздо сильнее. На шимпе был линялый рабочий комбинезон; раздвигая губы, он демонстрировал мощные, почти атавистические клыки.

— В чем дело? Не нравится Сильвия? — спросил гигант.

Хотя танец еще только начинался, аудитория, почти исключительно самцы, восхищенно кричала. Фибен понял, что, очевидно, его неодобрительное отношение отразилось на лице. Он ведет себя как идиот. Настоящий шпион изобразил бы восторг, чтобы не отличаться от остальных зрителей.

— Голова болит. — Он указал на правый висок. — Тяжелый день был. Я, пожалуй, пойду.

Рослый неошимп улыбнулся, его огромная лапа не выпускала плечо Фибена.

— Голова болит? Или для тебя это слишком смело? Может, ты еще и в первом спаривании не участвовал?

Краем глаза Фибен видел дразнящий танец, еще относительно скромный, но с каждым мгно-

вением становящийся все более чувственным. Он ощущал, как растет в зале возбуждение, и понимал, к чему оно может привести.

Существуют важные причины, по которым такие представления объявлены незаконными... это один из немногих запретов, которые люди наложили на своих клиентов.

— Конечно, участвовал! — ответил он. — Просто здесь, на виду у всех... могут начаться беспорядки.

Рослый незнакомец рассмеялся и дружелюбно толкнул Фибена.

— Когда?

— Прошу прощения.... о чем это?

— Когда участвовал в спаривании? Судя по твоей речи, на одной из пирушек в колледже. Верно? Я прав, мистер Синяя Карта?

Фибен быстро взглянул по сторонам. Несмотря на первое впечатление, рослый шимп казался скорее любопытствующим, а не враждебным. Но Фибен хотел бы, чтобы он ушел. Его рост пугает, и к тому же они начинают привлекать внимание.

— Да, — пробормотал он. — Это было посвящение в братство...

Студентки-шимми могли быть хорошими друзьями студентов-самцов, но их никогда не

приглашали на спаривания. Слишком опасно предаваться сексуальным грезам о самках с зеленой картой. И к тому же у них боязнь добрачной беременности без генетической консультации. Слишком дорого могло это обойтись.

Поэтому, когда студенты устраивали пирушку в университете, они приглашали девушек с желтыми и серыми картами, которые для возбуждения шимпов подделывают розовый цвет течки.

Было бы ошибкой подходить к такому поведению с человеческими мерками.

«У нас принципиально другие установки», — напомнил себе Фибен в тот раз и много раз впоследствии. И все же групповое спаривание никогда не приносило ему удовлетворения и радости. Может, когда найдет подходящую брачную группу...

— Моя сестра ходила на такие вечеринки в колледже. Ей нравилось. — Шимп повернулся к бармену и хлопнул по полированной поверхности. — Две пинты! Одна для меня, другая для моего приятели из колледжа! — Фибен поморщился от его громкого голоса. Сидящие поблизости начали оглядываться.

— Скажи мне, — незваный приятель сунул в руки Фибену бутылку, — дети у тебя есть? Может,

зарегистрированные, но ты их не видел? — На этот раз он говорил не по-дружески, а скорее завистливо.

Фибен глотнул теплый горький напиток, покачал головой и негромко ответил:

— Не так это устроено. Открытые права воспроизводства совсем не то, что неограниченные — белая карта. Даже если планировщики и использовали мою плазму, я об этом не знаю.

— А почему нет? Плохо же это для вас, с голубыми картами. Спариваетесь с пробирками, отдаете в Совет возвышения и даже не знаете, использовали ли ваши помои... Дьявол, моя старшая жена два года назад родила запланированного ребенка... ты ведь можешь быть генетическим отцом моего сына! — Рослый шимп рассмеялся и снова сильно ударил Фибена по плечу.

Так продолжаться не может. Все больше голов поворачивалось к ним.

Этот треп о синих картах не прибавит ему здесь друзей. И он совсем не хочет привлекать внимание сидящего поблизости губру.

— Мне в самом деле пора, — сказал Фибен и начал пятиться. — Спасибо за пиво...

Кто-то заступил ему путь.

— Прошу прощения, — извинился Фибен, по-

вернулся и увидел перед собой четверых шимпов в ярких комбинезонах на молниях. Все они стояли со сложенными на груди руками и смотрели на него. Один, чуть выше остальных, толкнул Фибена назад к стойке.

— Конечно, у него есть дети, — сказал он. Этот шимп брил шерсть на лице, а усы у него были набриолиненные и заостренные.

— Только поглядите на его лапы. Бьюсь об заклад, он и дня не работал честно, как другие шимпы. Наверно, техник или ученый. — В его устах последнее слово прозвучало так, словно ученый — это избалованный, капризный ребенок.

Ирония в том, что, хоть ладони Фибена, возможно, и не такие мозолистые, как у других, его тело под одеждой покрыто шрамами и ожогами от вынужденной посадки на склоне холма при скорости в пять махов. Но здесь об этом говорить не стоит.

— Слушайте, приятели, я вас угощу выпивкой...

Высокий в комбинезоне ударил его по руке, и монеты Фибена рассыпались по стойке.

— Хлам. Скоро его ликвидируют, как и вас, обезьян-аристократов.

— Заткнитесь! — крикнул кто-то из толпы, из коричневой массы. Фибен видел Сильвию, покачивающуюся на вершине искусственной горы.

Полоски ее юбки развевались, и Фибен заметил кое-что, заставившее его вглядеться еще раз с изумлением. Она действительно розовая — на мгновение обнажившиеся гениталии свидетельствуют о течке в самом разгаре.

Шимп в комбинезоне снова толкнул Фибена.

— Ну, мистер из колледжа? Что хорошего даст тебе твоя синяя карта, когда губру начнут стерилизовать вас, у кого неограниченные права размножения? А?

Один из вновь подошедших шимпов, с бородкой и покатым лбом, держал одну руку в кармане комбинезона, а в другой какой-то острый предмет. Его взгляд казался внимательным, как у хищника, а говорить он предоставлял своему усатому другу.

Фибен только сейчас понял, что эти подошедшие не имеют ничего общего с рослым шимпом в рабочей одежде. Впрочем, тот уже отодвинулся и растворился в тени.

— Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

— Неужели? Они уже прочесали архивы колонии, приятель, и таких умников из колледжей,

как ты, задерживают и допрашивают. Пока только берут образцы, но у меня есть приятель, он говорит, что будет настоящая чистка. Ну, что ты об этом скажешь?

— Заткнитесь! — снова крикнул кто-то. На этот раз обернулись несколько шимпов. Фибен видел остекленевшие глаза, слюну на губах, оскаленные зубы.

Он разрывался на части. Отчаянно хотелось уйти отсюда, но что, если этот, в комбинезоне, говорит правду? Это важная информация.

Фибен решил послушать еще немного.

— Это удивительно, — сказал он, опираясь локтем о стойку. — Губру фанатичны и консервативны. Как бы они ни поступали с другими патронами, я уверен, они не станут вмешиваться в процесс возвышения. Это противоречит их религии.

Усатый только улыбнулся.

— Это в тебе говорит твоя образованность, парень с синей картой? Ну, сейчас важно только то, что говорят сами галакты.

Эти четверо, что окружили Фибена и, казалось, совсем не интересуются соблазнительным вращением Сильвии. Толпа ревела все громче, музыка била сильнее. Фибену казалось, что голо-

ва его раскалывается от шума.

— ...слишком холодный, чтобы радоваться простому шоу для рабочих. Никогда настоящей работы не делал. Но стоит ему пальцами щелкнуть, и наши шимми бегут к нему!

Фибен чувствовал какую-то фальшь. Этот, с усами, слишком спокоен, его насмешки очень уж нарочитые. В таком окружении, со всем этим шумом и сексуальным напряжением, настоящий посетитель на него не обратил бы внимания.

«Испытуемые!» — неожиданно понял Фибен. Ему бросились в глаза признаки генетического вырождения. У двоих в пестрых комбинезонах на лицах ясно виднелись следы неудачного генного манипулирования, у них вечно удивленный вид, они постоянно мигают — напоминание о том, что возвышение — сложный процесс, и у него есть своя цена.

Фибен вспомнил, что читал в журнале перед самым вторжением: среди отклоняющихся (а испытуемые и есть отклоняющиеся от нормы) распространилась мода на пестрые комбинезоны. И понял, что попал в переделку. Когда не стало людей, когда нет нормальной гражданской власти, невозможно предсказать, как поведут себя эти, с красными картами.

Надо выбираться отсюда. Но как? С каждым мгновением шимпы в комбинезонах теснили его все сильнее.

— Послушайте, приятели, я зашел просто взглянуть. Спасибо за ваше мнение. А теперь мне нужно идти.

— У меня есть предложение поинтереснее, — насмехался предводитель. — Почему бы тебе не познакомиться с губру? Он сам тебе расскажет, что происходит. И что они собираются делать с парнями их колледжей. А?

Фибен мигнул. Неужели эти шены действительно сотрудничают с захватчиками?

Он изучал древнюю историю Земли, долгие мрачные столетия до Контакта, когда сиротливое и невежественное человечество испробовало все, от мистицизма до тирании и войн. Он читал и словно воочию видел эти темные времена, мужчин и женщин, которые в одиночку противостояли злу. Фибен вступил в колониальную милицию в романтическом стремлении подражать храбрым бойцам маки, палмача и союза энергетических спутников. Но история рассказывала и о предателях, тех, которые стремились получить выгоду даже за счет товарищей.

— Пошли, парень из колледжа. Я тебя позна-

комлю с птичкой.

Руку ему сжали крепко, до боли. Удивленный взгляд Фибена заставил усатого улыбнуться.

— В мою генетическую болтушку добавили немного лишней силы, — усмехнулся он. — Эта часть изменений получилась, а другие нет. Меня зовут Железная Хватка, и я должен был бы получить синюю карту или даже желтую. А теперь пошли. Попросим лейтенанта Когтя объяснить, какие у губру планы для умных парней-шимпов.

Несмотря на боль в руке, Фибен изображал беспечность.

— Конечно. Почему бы нет? А хочешь пари? — Его верхняя губа поднялась в отвращении. — Если я не забыл курс ксенологии, губру всегда придерживаются дневного цикла. Бьюсь об заклад, что за этими темными очками птичка просто спит. Как ты думаешь, в каком настроении он проснется, чтобы обсудить с тобой тонкости возвышения?

Несмотря на свою браваду, Железная Хватка, очевидно, осознавал недостаток образования. Деланная уверенность Фибена смутила его, и он замигал. Неужели можно спать в таком шуме?

И наконец сердито кивнул.

— А вот сейчас проверим. Пошли.

Остальные подошли еще ближе. Фибен знал, что со всеми шестью ему не справиться. И, конечно, никакой полиции не существует. Сегодня власть у пернатых.

Его повели сквозь лабиринт низких столиков. Посетители возмущенно бранились, когда Железная Хватка расталкивал их, но не отрывали остекленевших глаз от Сильвин. Темп мелодии усилился.

Бросив через плечо взгляд на танцовщицу, Фибен почувствовал, как у него вспыхнуло лицо. Он попятился не глядя и упал на груду шерсти и мышц.

— О! — закричал сидящий посетитель, проливая выпивку.

— Прошу прощения, — быстро сказал Фибен, отодвигаясь. И наступил сандалиями на коричневую руку, вызвав еще один крик. Он повернулся, чтобы извиниться вторично, и впился костяшками пальцев в чье-то тело.

— Садитесь! — крикнул кто-то из глубины клуба.

— Да! Не мешайте! — кто-то еще.

Железная Хватка подозрительно взглянул на Фибена и потащил его за руку. Фибен сопротивлялся, потом сразу перестал, и они вместе упали

на столики. Разлетелась выпивка и курево, посетители с негодующими воплями вскакивали.

— Эй!

— Осторожней, проклятый проби!

Глаза посетителей, воспламененных алкоголем, наркотиками и танцем Сильвии, были безумны.

Бритое лицо Железной Хватки побледнело от гнева. Он крепче схватил Фибена за руку и сделал знак товарищам, но Фибен только заговорщицки улыбнулся и толкнул его локтем. С нарочитой пьяной уверенностью он громко произнес:

— Смотри, что ты наделал? Я ведь говорил тебе, чтобы ты не толкал этих типов нарочно. Тебе захотелось проверить, смогут ли они разговаривать или уже дошли...

Со стороны ближайших шимпов послышалось шипение втягиваемого воздуха, слышное даже сквозь громкую музыку.

— Кто сказал, что я не смогу разговаривать? — спросил один пьяный, едва выговаривая слова. Пьяница сделал несколько неуверенных шагов в поисках обидчика. — Ты?

Противник Фибена угрожающе взглянул на него и дернул к себе, еще сильнее сжав руку. Но Фибен умудрился сохранить сценическую улыб-

ку. Он подмигнул.

— Может, они и могут говорить. Но ты прав: это всего лишь обезьяны, только на четвереньках и ходят...

— Что!

Ближайший шимп взревел и схватился с Железной Хваткой. Мутант искусно уклонился и ударил ребром свободной ладони. Пьяница взвыл, согнулся и столкнулся с Фибеном.

Но тут с криком навалились его опьяневшие приятели. Руку Фибена выпустили, и на всех обрушился разъяренный поток гнева коричневой толпы.

* * *

Рычащая обезьяна в кожаном рабочем костюме набросилась на Фибена. Он увернулся. Кулак пролетел мимо и столкнулся с подбородком одного из бандитов в комбинезоне. Фибен пнул другого проби в колено; какой-то шимп с довольным рычанием ухватился за него, и все смешалось в хаосе летящей мебели, темных тел, пива и выдранной шерсти.

Звуки музыки почти заглушили воинственные крики. На какое-то мгновение Фибен почувствовал, как его поднимают в воздух обезьяньи руки.

Эти руки совсем не были нежными.

— Уф!

Он пролетел над схваткой и с грохотом приземлился в группе зрителей, не участвовавших в потасовке. Посетители удивленно смотрели на него.

Прежде чем они опомнились, Фибен со стоном вскочил. И побежал по проходу, морщась от боли в левой лодыжке.

Драка разгоралась, но двое в ярких комбинезонах, по-собачьи скаля зубы, пробирались к Фибену. И, что еще хуже, посетители, среди которых он приземлился, вскочили на ноги и гневно кричали. К нему тянулись руки.

— Как-нибудь в другой раз, — вежливо сказал Фибен.

Он перескочил через обломки, уходя от преследователей, и побежал между низкими столиками. Когда другого выхода не было, он, не колеблясь, наступил на широкие согнутые плечи и прыгнул, а его трамплин гневно кричал за еще одним сломанным столом.

Фибен перелетел через последний ряд посетителей и упал на колено на открытой площадке — танцевальной. В нескольких метрах от него возвышался искусственный холм грома, на

вершине которого соблазнительная Сильвия вступила в последнюю фазу танца, очевидно, даже не заметив происходящего в зале.

Фибен быстро побежал по площадке, намереваясь миновать стойку и добраться до выхода за ней. Но как только он вступил на площадку, наверху вспыхнул яркий свет, ударил в него, ослепив и ошеломив! Отовсюду неслись одобрительные выкрики.

Очевидно, что-то понравилось толпе. Но что именно? Всматриваясь сквозь свет, Фибен не смог увидеть ничего нового или необычного в поведении танцовщицы — все было, как прежде. И тут он понял, что Сильвия смотрит прямо на него! Он видел, как ее глаза за птичьей маской с интересом следили за ним.

Он повернулся. Все не втянувшиеся еще в драку тоже смотрели на него.

Аудитория приветствовала его. Даже губру на балконе, казалось, наклонил голову в его сторону.

Не было времени разбираться в смысле всего этого. Фибен видел, как еще несколько его преследователей выбрались из свалки. Хорошо заметные в своих ярких комбинезонах, они делали знаки друг другу, намереваясь отрезать его

от выхода.

Фибен подавил приступ паники. Они загнали его. «Должен быть другой выход», — лихорадочно думал он.

И тут же понял, где он. Дверь над танцевальным холмом! Та самая, из которой появилась Сильвия. Стоит быстро подняться, миновать танцовщицу — и он сможет выйти!

Он побежал по танцплощадке и прыгнул на холм, приземлившись на покрытом ковром выступе.

Толпа снова взревела! Фибен застыл, пригнувшись. Ослепительный луч последовал за ним.

Фибен посмотрел на Сильвию. Танцовщица облизала губы и соблазнительно покачала тазом.

Фибен одновременно испытал сильнейшее отвращение и мощное притяжение.

Ему захотелось подняться наверх и схватить ее. Но в то же время, найти какое-нибудь дупло поглубже и спрятаться.

Потасовка внизу еще продолжалась, но с меньшей яростью. Имея в качестве оружия бумажные бутылки и тростниковую мебель, драчуны могли только дружелюбно толкаться, забыв о причине драки.

Но на краю танцевальной площадки стояли

четверо шимпов в ярких комбинезонах, глядя на Фибена и нащупывая в карманах какие-то предметы.

Похоже, по-прежнему остается только один выход. Фибен поднялся на еще один покрытый ковром «уступ скалы». Снова толпа возбужденно закричала. Шум, запахи, смятение... Фибен видел море глаз, в ожидании устремленных на него. Что происходит?

Его внимание привлекло какое-то движение. С балкона через перила кто-то махал ему. Маленький шимп в темном с капюшоном плаще; в этой возбужденной толпе он казался совершенно спокойным.

И вдруг Фибен узнал в нем маленького сводника, того самого, который обратился к нему у входа в «Обезьянью гроздь». Слова невозможно было разобрать в гуле толпы, но Фибен по движениям губ прочел:

— Эй, придурок, посмотри вверх!

Мальчишеское лицо сморщилось. Шимп указал вверх.

Фибен запрокинул голову... как раз вовремя, чтобы увидеть опускающуюся с балок блестящую сеть! Он чисто инстинктивно отпрыгнул, ударился о другой выступ, и край сети задел его за ногу.

Обожгло электричеством.

— Дерьмо бабуина! Что за... — Он громко выругался.

И только потом понял, что шум в ушах отчасти объясняется аплодисментами. Он перевернулся, едва избежав другой ловушки, и тем вызвал одобрительные крики. За то место, где он только что находился, ухватилось с десяток липких петель.

Фибен старался оставаться неподвижным; он растирал ногу и гневно и подозрительно оглядывался. Дважды его чуть не поймали, как какое-то глупое животное. Для толпы, возможно, это отличная забава, но он совсем не собирается преодолевать дистанцию с какими-то нелепыми препятствиями.

Внизу под собой, на танцплощадке, он видел яркие комбинезоны — справа, слева, в центре. Губру на балконе, казалось, заинтересовался, но не вмешивался.

Фибен вздохнул. Его положение не изменилось. По-прежнему единственное возможное направление — вверх. Внимательно приглядываясь, он взобрался на следующий обитый ковром уступ. Ловушки, по-видимому, должны выглядеть унизительными, устрашающими и болезненными, но они не смертельны. Однако не в его случае.

Если он будет пойман, его нежданные враги тут же окажутся рядом.

Он осторожно ступил на следующий «камень». Почувствовал дрожь правой ногой и отдернул ее: впереди открылся потайной люк. Толпа ахнула, видя, как Фибен удерживается на краю ямы. Размахивая руками, Фибен пытался сохранить равновесие. Он едва успел отпрыгнуть и ухватиться за край следующего уступа.

Ноги его повисли над пустотой. Дышал он тяжело. И в отчаянии пожалел, что люди изъяли «ненужное» врожденное умение карабкаться вверх, чтобы оставить место для таких банальностей, как речь и разум.

С усилием Фибен выбрался на край уступа. Аудитория требовала продолжения.

Отдуваясь на краю уступа и пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях, Фибен постепенно начал сознавать, что громкоговоритель, перекрывая шум толпы, что-то повторят механическим голосом:

— ...более просвещенный подход к возвышению... соответствующий именно данным клиентам... открывает возможности перед всеми... не затронутый искаженными человеческими стандартами...

Вверху за ограждением захватчик что-то чирикал в свой микрофон.

Перевод его слов перекрывал музыку и шум возбужденной толпы. Фибен сомневался в том, что хоть один из десяти шимпов внизу слышит монолог ити — в таком состоянии. Но, вероятно, это не имеет значения.

Толпой манипулируют.

Неудивительно, что он не слышал раньше ни о танце со стриптизом, ни о нелепой гонке с препятствиями. Это нововведение захватчиков. Но какова их цель?

«Они не могли все это проделать без чьей-то помощи», — гневно подумал Фибен. Конечно, вон двое хорошо одетых шимпов стоят рядом с захватчиком, что-то говорят друг другу и записывают. Очевидно, фиксируют для своих новых хозяев реакцию толпы.

Фибен взглянул на балкон и увидел, что маленький сводник в плаще с капюшоном стоит недалеко от заграждения губру и его роботов-охранников. И потратил целую секунду, чтобы запомнить его мальчишеское лицо. Предатель!

Сильвия теперь была всего в нескольких террасах над ним. Танцовщица показала ему свой розовый зад и улыбнулась, глядя на его вспотев-

шее лицо.

У людей свои сексуальные возбудители: круглые женские груди, бедра, гладкая женская кожа. Но все это невозможно сравнить с тем шоком, который пронзает самца-шимпа, когда он видит цвет интимного места самки.

Фибен яростно покачал головой.

— Наружу! Не внутрь! Тебе нужно выбраться!

Стараясь сохранить равновесие, оберегая больную левую ногу, он боком обогнул край ямы и на четвереньках пополз вверх.

Сильвия наклонилась к нему в двух уровнях выше. До Фибена донесся ее запах, и ноздри его расширились.

Он неожиданно потряс головой. Какой-то другой сильный запах, и совсем рядом.

Мизинцем левой руки он осторожно коснулся террасы, на которую предстояло забраться. И ощутил острую боль. Оторвав палец, оставив клочок шкуры, он отскочил.

И все-таки инстинкт действует. Машинально Фибен лизнул руку. Если отступит, скорее всего упадет в яму.

Этот лабиринт ловушек объясняет одно обстоятельство, над которым он задумался раньше. Неудивительно, что остальные шимпы не пыта-

лись подняться на холм, когда Сильвия показала свои розовые прелести. Они знали, что только придурок или отчаянный храбрец может попробовать подняться. И были довольны, просто наблюдая и фантазируя. Танец Сильвии — только часть представления.

Ну, а если какой-нибудь удачливый ублюдок все-таки поднимется? Толпа получит неповторимое удовольствие, наблюдая за дальнейшим!

Эта мысль вызвала у Фибена отвращение. Совокупления наедине в порядке вещей. Но публичная похоть омерзительна!

Он заметил, что и сам поддается. Кровь текла быстрее. Сильвия немного наклонилась к нему, и ему показалось, что он может ее коснуться. Музыканты ускорили темп, снова замигали стробоскопы, напоминая молнии. Загремел искусственный гром. Фибен ощутил несколько капель, словно начало тропического ливня.

Сильвия танцевала на свету, возбуждая толпу. Фибен облизнул губы. Его тянуло к ней.

И тут, при очередной вспышке, Фибен увидел нечто еще более привлекательное, способное увести его от гипнотического раскачивания Сильвии. Маленькая надпись, зеленая, без украшений, за плечом Сильвии:

ВЫХОД.

* * *

Неожиданно накопившиеся боль, усталость, напряжение словно высвободили что-то в Фибене. Он почувствовал, как его поднимает над шумом и смятением. Фибен вспомнил, что сказала ему Атаклена перед тем, как он отправился в город. Серебряные нити ее короны волновались, словно мысли на ветру.

«Есть одно стихотворение, которое процитировал мне отец, Фибен. Хайку на земном языке, который называется японским. Я хочу, чтобы ты взял его с собой».

«Японский, — возразил он. — На нем еще говорят на Земле и на Калафии, но на Гарте вряд ли найдется сотня шимпов или людей, владеющих им».

Но Атаклена только покачала головой.

«Я тоже его не знаю. Но передам тебе высказывание так, как его сказали мне».

И когда она открыла рот, раздался звук какой-то кристаллической структуры, что-то вроде абсолютного значения, которое запомнилось и тут же рассеялось.

Бывают решающие мгновения
В темную зимнюю бурю,
Когда звезды зовут и ты летишь.

Фибен помотал головой. Момент откровения миновал. Надпись продолжала светиться.

ВЫХОД.

Она сияла, как зеленое убежище.

Все вернулось: шум, запахи, жжение от капель дождя. Но Фибен чувствовал себя так, словно его грудь стала вдвое шире. Руки и ноги стали невесомыми.

Подогнув ноги, он прыгнул и опустился на следующей террасе в дюймах от жгучего клейкого покрытия. Толпа взревела, а Сильвия, захлопав в ладоши, отступила на шаг. Фибен рассмеялся. Он поколотил себя в грудь, как делают гориллы, в такт музыке. Аудитории это понравилось.

Улыбаясь, он прошел по самому краю террасы, определяя липкое место скорее инстинктивно, чем по небольшому отличию в цвете. Широко расставив для равновесия руки, он старался показать, что ему гораздо труднее, чем в действительности.

Терраса кончилась там, где росло дерево — искусственное, из фибергласа, зеленое, с пластико-

выми листьями.

Конечно, тут тоже ловушка. Фибен не стал мешкать, разглядывая ее. Он подпрыгнул, слегка дотронулся до ближайшей ветви и опустился, с трудом сохранив равновесие. Толпа ахнула.

Ветвь отреагировала с чуть заметным опозданием — как раз на столько, сколько нужно, чтобы крепко схватиться за нее. По дереву словно прошла судорога. Ветви превратились в веревки, которые опутали бы его руки, если бы он за них держался.

С криком Фибен снова подпрыгнул и схватился за свисающую веревку. Он, как прыгун с шестом, пролетел над двумя оставшимися террасами — и над удивленной танцовщицей — и оказался в густой, как джунгли, путанице балок и проводов вверху.

В последний момент он выпустил веревку и, скорчившись, приземлился на узком мостике. Несколько мгновений боролся с неустойчивостью. Вокруг него сотни ламп и неиспользованных ловушек. Смеясь, он начал освобождать пружины, защелки, рычаги, и на холм обрушился поток сетей, веревок, проводов. Увидев баки с горячей, похожей на овсянку жидкостью, Фибен пнул их. Музыканты, спасаясь от брызг, разбежались.

Теперь Фибен ясно видел весь маршрут. Совершенно очевидно, что пройти его невозможно. Единственный выход — перелететь через последние препятствия.

Другими словами, нужно мошенничать.

Эта гора не честное испытание. Шен не может преодолеть ее только благодаря смекалке. Сначала нужно понаблюдать, как страдают от боли и унижения другие. Урок который тут преподают губру, коварно прост.

— Ублюдки, — сказал Фибен.

Возбуждение его начало спадать вместе с кратковременным ощущением неуязвимости. Очевидно, Атаклена преподнесла ему прощальный дар, какое-то постгипнотическое внушение, которое должно помочь, если он окажется в безвыходном положении. Но он знал, что дальше на него полагаться не стоит.

«Пора сматываться», — подумал он.

После того, как музыканты убежали от липкой овсянки, музыка смолкла.

Но теперь снова заработали громкоговорители, издавая фразы, которые зазвучали лихорадочно.

— ...неподобающее достойным клиентам поведение... Нельзя одобрять того, кто нарушил правила... Его следует наказать...

Никто не слушал нелепых увещеваний губру, потому что толпа превратилась в стадо обезьян. Фибен подскочил к огромному усилителю и выдернул его вместе с проводами. Тирада чужака оборвалась, а аудитория внизу радостно и одобрительно загудела.

Фибен прыгнул к одному прожектору, повернул его и направил луч в зал.

Шимпы хватали плетеные столики и раздирали их над головами. Луч ударил по чужаку за ограждением, тот все еще в бессильном гневе сжимал микрофон.

Птицеподобное существо закричало и съежилось в ярком свете.

Двое шимпов, находившихся в ложе для важных персон, присели. Роботы развернулись и выстрелили. Фибен успел вспрыгнуть на балку, и тут прожектор взорвался в ливне металла и стекла.

Фибен клубком приземлился на вершине холма и вскочил на ноги. Король на горе. Скрывая хромоту, он помахал толпе. Зал взорвался одобрительными криками.

Но все мгновенно стихли, когда Фибен повернулся и сделал шаг к Сильвии.

Вот награда. Самцы-шимпанзе в естественных

условиях не стеснялись совокупляться у всех на виду, и даже возвышенные неошимпанзе могли участвовать в групповых совокуплениях. Они не знали ни ревности, ни табу, которые делают поведение человеческих самцов таким странным.

Кульминация наступила гораздо быстрее, чем планировали губру, и в таком виде, который им не понравился. Но основной урок оставался все тем же. Аудитория должна была стать свидетелем вознаграждающего совокупления, со всеми психологическими последствиями.

Птичья маска Сильвии — часть этой манипуляции.

Сильвия обнажила зубы и соблазнительно повертела задом. Ее юбка с разрезами развевалась, демонстрируя привлекательный розовый цвет. Даже пестрые комбинезоны смотрели вверх, облизываясь в предвкушении, забыв о своей вражде с Фибеном. Сейчас он герой, герой для каждого внизу.

Фибен испытал жгучий стыд. «Мы не так плохи... и ведь нам всего триста лет. Губру хотят, чтобы мы считали себя животными, и тогда мы будем неопасны. Но я слышал, что даже у людей в старину случались такие регрессы».

Он приближался к Сильвии, и она зарычала

на него. Присела в ожидании, и Фибен ощутил сильное напряжение в паху. Добрался до нее. Схватил за плечо.

Развернул лицом к себе. Изо всех сил старался поставить ее прямо.

Крики стихли, слышалось только перешептывание.

Сильвия удивленно мигала. Фибен понял, что она принимала какой-то наркотик, чтобы прийти в такое состояние.

— Спереди? — спросила она, с трудом выговаривая слова. — Но Большой Клюв сказал, что должно быть естественно...

Фибен сжал ее лицо ладонями. Маска закрывается на множество замков, поэтому он только отогнул ее и нежно поцеловал Сильвию в губы.

— Иди домой к своим партнерам, — сказал он ей. — Не позволяй врагам позорить тебя.

Сильвия отшатнулась, словно от удара.

Фибен повернулся лицом к толпе и поднял руки.

— Выращенные волчатами Земли! — закричал он. — Вы все! Идите домой к своим подругам! Вместе с нашими патронами мы сами будем руководить своим возвышением. Нам не нужны ити, мы обойдемся без их указаний!

Послышались вопли ужаса. Фибен видел, что чужак на балконе быстро щебечет что-то в микрофон. Очевидно, вызывает помощь, решил Фибен.

— Идите домой! — повторил он. — И не позволяйте чужакам издеваться над вами!

Шум внизу усилился. Фибен видел тут и там неожиданно нахмурившиеся лица. Шимпы оглядывались. Он надеялся, что они начинают чувствовать смущение. Их лбы морщились от неприятных мыслей.

Но тут снизу кто-то крикнул ему:

— В чем дело? У тебя не поднимается?

Половина зрителей громогласно расхохоталась. Послышались насмешки и свист передних рядов. Фибену пора уходить. Губру вряд ли решится застрелить его на виду у всех, перед этой толпой. Но птицеподобный, несомненно, послал за подкреплением.

Но упустить такую возможность Фибен не мог. Он встал на край платформы и оглянулся на Сильвию. И спустил штаны.

Крики мгновенно замерли, и недолгая тишина прервалась свистом и аплодисментами.

«Кретины!» — подумал Фибен. Но улыбнулся и помахал рукой, застегивая гульфик.

Губру кричал и размахивал руками, он вытал-

кивал из-за ограждения хорошо одетых шимпов. Они, в свою очередь, что-то кричали барменам. В отдалении послышались звуки, похожие на вой сирен.

Фибен схватил Сильвию и снова поцеловал ее. На этот раз она ответила и покачнулась, когда он выпустил ее. Он повернулся, сделал жест в сторону чужака, от которого вся толпа зашлась смехом. И побежал к выходу.

Внутренний голос нещадно ругал его. «Не за этим послала тебя сюда генерал, придурок!»

Он пролетел сквозь занавес из бус и застыл, оказавшись лицом к лицу с неошимпом в комбинезоне с капюшоном. Фибен узнал маленького сводника, которого дважды видел сегодня: в первый раз у входа в «Обезьянью гроздь», а потом на балконе губру.

— Ты! — обвиняюще закричал он.

— Да, я, — ответил сводник. — Прости, но повторить свое предложение не могу. Но, наверно, тебя сегодня занимает другое.

Фибен нахмурился.

— Прочь с дороги! — Он сделал шаг, чтобы отодвинуть его в сторону.

— Макс! — позвал маленький шимп. Из тени появилась крупная фигура.

Тот самый рослый шимп с лицом в шрамах, которого Фибен встретил в баре, перед тем как его окружили проби. Тот самый, что интересовался синей картой. В мощной руке он сжимал станнер. Виновато улыбнулся.

— Прости, приятель.

Фибен напрягся, но было поздно. Все тело закололо, и Фибен упал на руки маленького шимпа.

И ощутил нежное тело и неожиданно приятный запах.

«Ифни!» — подумал он, теряя сознание.

— Помоги мне, Макс, — послышался голос поблизости. — Надо быстро уходить.

Сильные руки подняли его, и Фибен почти обрадовался беспамятству после неожиданного сюрприза. «Сводник» с мальчишеским лицом оказался шимми, девушкой!

Глава 25
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости покинул собрание руководителей в возбужденном состоянии. Встречи с другими сюзеренами всегда утомляли его физически. Три соперника, танцуя и кружа, создавая временные союзы, разъединя-

ясь и соединяясь вновь, формируют постоянно изменяющееся единство. И так будет, пока ситуация остается неопределенной и изменчивой.

Но, постепенно конечно, положение на Гарте стабилизируется. Один из трех руководителей окажется самым проницательным, лучшим из всех. И от того, кто им окажется, зависит очень многое. И их цвет, и их пол.

Но торопиться со Слиянием нельзя. Пока еще нет. Еще много встреч пройдет до этого дня, и много плюмажей будет сброшено.

Первый его спор состоялся с сюзереном Праведности по поводу привлечения солдат Когтя для подавление сопротивления земной морской пехоты в космопорту. В сущности, небольшое столкновение, и когда сюзерен Луча и Когтя принял сторону Праведности, сюзерен Стоимости охотно сдался.

Последующая схватка дорого стоила. Были большие потери. Но цель оправдывает средства.

Сюзерен Стоимости и Бережливости заранее знал, что этим кончится. На самом деле он и не хотел выиграть их первый спор. Он знал, что гонку лучше начинать последним. Пусть священник и адмирал соревнуются между собой. В результате оба какое-то время не будут обращать

внимания на гражданскую службу. Для того чтобы организовать правильное управление, потребуются большие усилия, и сюзерен Стоимости и Бережливости не желал тратить силы в ненужных спорах.

Таких, как самый последний. Выходя из павильона встреч, окруженный помощниками и охраной, главный чиновник по-прежнему слышал, как два сюзерена кричат друг на друга. Встреча закончилась, а они все еще спорят о принятом решении.

Какое-то время военные будут продолжать газовые атаки, разыскивая людей, которые избежали первоначальной дозы. Несколько минут назад об этом был отдан приказ.

Верховный священник, сюзерен Праведности, встревожился из-за того, что слишком много людей при этом погибло или получило ранения. Пострадали также некоторые неошимпанзе. С точки зрения закона или религии это не катастрофа, но с течением времени может усложнить положение. Придется платить компенсацию, а если этот случай когда-нибудь будет рассматриваться в межзвездном суде, авторитет губру может быть подорван.

Сюзерен Луча и Когтя доказывал, что судебное

расследование крайне маловероятно. Теперь, когда все пять галактик в смятении, кто поинтересуется незначительными ошибками, допущенными на таком комке грязи?

— Мы интересуемся! — заявил сюзерен Праведности.

И подчеркнул свое решение, отказавшись сойти с насеста и ступить на почву Гарта. Он заявил, что если сделает это преждевременно, то тем самым официально подтвердит вторжение. А с этим нужно повременить. Из-за небольшой, но яростной схватки в космосе и из-за сопротивления в космопорту. Эффективно, хотя и недолго защищаясь, законные обладатели лицензии сделали необходимой задержку с официальным объявлением захвата. А любые, даже самые незначительные, ошибки не только ослабят положение губру, но и могут дорого обойтись.

Сделав это заявление, священник расправил свой многоцветный плюмаж, самонадеянно уверенный в победе. Упоминая о расходах, он рассчитывал получить союзника. Праведность считал, что его обязательно поддержит Стоимость и Бережливость.

«Как глупо думать, что Слияние может быть достигнуто такими ранними спорами», — думал

сюзерен Стоимости и Бережливости. Он решил поддержать военного.

— Пусть газовые атаки продолжаются, пусть будут найдены все спрятавшиеся, — сказал он, к отчаянию священника и к радости адмирала.

Битва в космосе и высадка оказались очень дорогостоящими. Но без программы принуждения вышло бы еще дороже. Газовые атаки достигли своей цели: теперь почти все человеческое население сосредоточено на нескольких маленьких островках, и там его легко контролировать. Легко понять, почему этого добивался сюзерен Луча и Когтя. У чиновника тоже имелся опыт обращения с волчатами. Он тоже чувствует себя в большей безопасности, когда люди собраны там, где он их не видит.

Конечно, придется принять кое-какие меры, чтобы замаскировать высокую цену экспедиции. Повелители Насестов уже отозвали часть флота. Очень важно прочно цепляться за насест в вопросе о расходах. Однако об этом нужно будет поговорить на другой встрече.

Сегодня победа на стороне военного сюзерена. А завтра? Что ж, союзы создаются и распадаются, и так будет до тех пор, пока не выработается новая политика. И не появится царица.

Сюзерен Стоимости и Бережливости обратился к одному из своих помощников-кваку.

— Пусть меня отвезут, препроводят, отнесут в мои помещения.

Правительственная машина на воздушной подушке поднялась и направилась к зданию на берегу моря, которое присмотрела гражданская служба. Машина со свистом проносилась по небольшому городку землян, патрулируемому боевыми роботами, и на нее смотрели группы смуглых волосатых животных, которых люди называют своими старшими клиентами.

Сюзерен снова повернулся к помощнику.

— Когда прибудем в канцелярию, собери весь штат. Надо обдумать, обсудить, оценить новые предложения относительно этих существ, этих неошимпанзе, которые священник высказал сегодня утром.

Некоторые идеи, предлагаемые отделом Праведности, кажутся чрезвычайно смелыми. Чиновник гордился этими яркими перьями своего будущего партнера.

«Какой Тройкой мы станем!»

Конечно, есть аспекты, которые придется изменить, чтобы план не привел к катастрофе. Только один в триумвирате хватает достаточно крепко,

чтобы довести такой план до победного конца. И это было известно заранее, когда Повелители Насестов выбирали эту троицу.

Сюзерен Стоимости и Бережливости вздохнул и принялся обдумывать следующую встречу. Завтра, послезавтра, через неделю. Стычка неизбежна.

Каждый следующий спор будет все жарче, все важнее для будущего консенсуса и Слияния.

На эту перспективу он смотрел со смесью тревоги, уверенности и крайнего удовольствия.

Глава 26
РОБЕРТ

Обитатели подземных пещер не привыкли к яркому свету и шуму, которые принесли с собой новые жильцы. Стаи летучих мышей бежали, оставляя накопившийся за столетия толстый слой отходов. У известняковых стен, покрытых влагой, щелочные ручейки перекрыли самодельными деревянными мостиками. В сухих углах, при свете настенных шаров, наземные существа нервно суетились, как будто им не хотелось нарушать стигийскую тишину.

Неприятно просыпаться в таком месте. Тени

здесь резкие и поразительные. Камень может казаться безобидным, но при небольшом изменении перспективы становится чудовищем, которое сотни раз видел в кошмарах.

В таком месте лежа приходят дурные сны.

В халате и шлепанцах, спотыкаясь, Роберт успокоился, отыскав, наконец, то, требуемое, — «центр управления» повстанцами. Большое помещение, освещенное ярче других. Но мебели почти нет. Поломанные столы и шкафы, скамьи на сталагмитах и вдобавок несколько перегородок из древесины, добытой в лесу вверху. От всего этого стены кажутся еще грандиознее, а деятельность повстанцев — еще мельче.

Роберт потер глаза. Он видел за одной перегородкой несколько шимпов. Они негромко спорили и втыкали булавки в большую карту. Когда один из них заговорил громче, гулкое эхо отозвалось в переходах. Остальные испуганно оглянулись. Очевидно, новое помещение все еще пугает шимпов. Роберт вышел на свет.

— Ну хорошо, — сказал он. В горле еще першит от долгого молчания. — Что здесь происходит? Где она и что делает?

Они смотрели на него. Роберт понимал, как должен выглядеть в халате и шлепанцах, с вскло-

коченными волосами и с загипсованной по плечо рукой.

— Капитан Онигл, — сказал один из шимпов. — Вам следует лежать. Ваша температура...

— Засунь ее... Мим. — Роберту пришлось вспоминать, как зовут этого парня. Последние несколько недель он помнит не очень хорошо. — У меня уже два дня нет температуры. Я могу прочесть свой больничный лист. Лучше ответь, что происходит. Где все? Где Атаклена?

Шимпы переглянулись. Наконец одна шимми вытащила изо рта булавки с цветными головками.

— Генерал... мизз Атаклена отсутствует... Она руководит нападением.

— Нападением? — Роберт замигал. — На губру? — Он поднес руку к глазам; комната словно зашаталась. — О, Ифни!

Трое шимпов вскочили и, мешая друг другу, потащили деревянный стул.

Роберт тяжело сел. Теперь он видел, что эти шимпы либо стары, либо очень молоды. Должно быть, всех боеспособных Атаклена взяла с собой.

— Рассказывайте, — сказал он шимпам.

Шимми, самая старшая по возрасту, в очках, серьезная, велела остальным заниматься работой

и представилась.

— Я доктор Су, — сказала она. — В Центре я занималась генетикой горилл.

Роберт кивнул.

— Доктор Су, да. Я помню, вы помогали обрабатывать мои раны. — Он вспомнил, что видел ее лицо в тумане, когда инфекция с жаром распространялась в его лимфатической системе.

— Вы были очень больны, капитан Онигл. Дело не только в сломанной руке или в грибном яде, который вы получили во время несчастного случая. Мы думаем, что вы также вдохнули газ чужаков, когда они напали на ферму Мендозы.

Роберт мигнул. В памяти его все перемешалось. Он выздоравливал в горах, в доме Мендозы. Там они с Фибеном провели несколько дней, разговаривали, строили планы. Надо отыскать других и начать что-нибудь.

Может, связаться с правительством его матери в изгнании, если оно существует. В сообщении Атаклены говорилось о пещерах, которые идеально подходят для размещения центра. Может, в этих горах мы создадим штаб ведения боевых действий против врага.

Но однажды утром повсюду забегали шимпы. И прежде чем Роберт встал, прежде чем он успел

сказать что-нибудь, его схватили и унесли из фермы в холмы.

Последовал звуковой удар... какое-то огромное пятно в небе.

— Но... но я считал газ смертельным, если... — Он замолчал.

— Если нет противоядия. Да. Ваша доза была очень небольшой. — Доктор Су пожала плечами. — Но и так мы вас едва не потеряли.

Роберт вздрогнул.

— А как маленькая девочка?

— Она с гориллами. — Шимми-ученая улыбнулась. — Она в безопасности, насколько это возможно в наши дни.

Роберт вздохнул и немного откинулся.

— Ну, с этим хоть все в порядке.

Шимпы, которые несли маленькую Эприл Ву, успели уйти в холмы. Сам Роберт чуть не опоздал. А Мендозы оказались медлительнее и попали в облако газа, выпущенного из брюха корабля чужаков. Доктор Су продолжала:

— Риллам не нравятся пещеры, поэтому большинство их в высокогорных долинах, они бродят небольшими группами под присмотром вдали от зданий. Вы знаете, здания регулярно отравляют газом, несмотря на то, есть там люди или нет.

Роберт кивнул.

— Губру работают очень тщательно.

Он посмотрел на стену, истыканную разноцветными булавками. Карта изображала весь район гор и доходила на севере до долины Синда и на западе до моря. Здесь острова архипелага представляли ожерелье цивилизации.

Только один город расположен на берегу. Порт-Хеления на северном берегу залива Аспинал. Южнее и восточнее Мулунских гор раскинулся главный континент, но самая важная особенность размещена на краю карты. Медленный, но неудержимый поток серого льда с каждым годом опускается все ниже.

Проклятие Гарта.

Но булавки на карте указывают на бедствие поближе. Легко оценить расположение розовых и красных значков.

— Они контролируют положение.

Пожилой шимп по имени Мика принес Роберту стакан воды. Он тоже мрачно взглянул на карту.

— Да, сэр. Сопротивление, по-видимому, прекратилось везде. Губру сосредоточили пленных в Порту и на архипелаге. Пока в горах действий почти не было, только роботы продолжают газовые атаки. Но везде враг устанавливает свое

господство.

— Откуда вы получаете информацию?

— В основном из его собственных передач и передач коммерческих станций Порт-Хелении, которые работают под цензурой. Генерал также разослала во всех направлениях гонцов и наблюдателей. Некоторые уже вернулись.

— Кто разослал бегунов?

— Ген... хм... — Мика в замешательстве отвел взгляд. — Некоторым шимпам трудно произнести имя мисс Атак... мисс Атаклены, сэр. Так что... — Он замолчал.

Роберт фыркнул. «Придется поговорить с девчонкой», — подумал он.

Он поднял стакан с водой и спросил:

— Кого она послала в Порт-Хелению? Опасное место для шпиона.

Доктор Су ответила без особого энтузиазма.

— Атаклена выбрала шимпа по имени Фибен Болджер.

Роберт закашлялся, пролив воду на халат. Доктор Су торопливо добавила:

— Он военный, капитан, и мисс Атаклена решила, что для шпионажа в этом городе нужен... нетрадиционный подход.

От этого Роберт закашлялся еще сильнее. «Нет-

радиционный». Да, это о Фибене. Если Атаклена выбрала для этого поручения старину «Трога» Болджера, она хорошо разбирается в шимпах. Возможно, и не бредет ощупью в потемках.

«Все равно, она еще подросток. И к тому же чужак! Неужели на самом деле считает себя генералом? Кем же она командует?» — Он оглядел бедную обстановку пещеры, горстку украденных и принесенных припасов. Убогое зрелище.

— Эта настенная карта — довольно грубая информация, — заметил Роберт, выбирая одно обстоятельство.

Пожилой шен, который до сих пор молчал, почесал редкие волосы на подбородке.

— Мы можем организовать что-нибудь получше, — согласился он. — У нас есть несколько небольших компьютеров. Они работают на батареях, но, чтобы использовать их в полном объеме, не хватает энергии.

Он насмешливо взглянул на Роберта.

— Тимбрими Атаклена настаивает, чтобы мы вначале прорыли геотермальную скважину. Но я полагаю, что лучше установить несколько солнечных коллекторов на поверхности... конечно, хорошо замаскировав их...

Он замолчал. И Роберт понял, что по крайней

мере одни шимп не пришел в восторг от того, что ими командует девушка, к тому же неземного происхождения.

— Как вас зовут?

— Джоберт, капитан.

Роберт пожал ему руку.

— Что ж, Джоберт, обсудим это позже. А сейчас не расскажет ли мне кто-нибудь об этом «нападении»? Что собирается делать Атаклена?

Мика и Су переглянулись. Шимми заговорила первой.

— Они выступили до рассвета. Сейчас уже вечер, и скоро должен вернуться гонец.

Джоберт снова сморщился, его потемневшее от возраста лицо было лицом пессимиста.

— Они вооружены булавочными ружьями и ударными гранатами. Надеются захватить врасплох патруль губру.

— Мы уже час назад должны были получить сообщение от них, — сухо добавил пожилой шимп. — Боюсь, они задерживаются.

Глава 27

ФИБЕН

Фибен пришел в себя в темноте. Он лежал, свернувшись клубком, под пыльным одеялом.

Сознание принесло боль. Чтобы отвести руку от глаз, потребовалось усилие воли, и движение это вызвало приступ тошноты. Соблазнительно манило назад беспамятство.

Но его заставило сопротивляться воспоминание о снах. Сны гнали его к сознанию... странные, приводящие в ужас образы и ощущения. Последняя яркая сцена — пустынная местность, усеянная кратерами. Вокруг него в песок ударяют молнии; куда бы он ни направился, где бы ни пытался скрыться, повсюду его настигает горячая искрящаяся шрапнель.

Он вспомнил, как пытался протестовать, как будто есть слова, способные остановить бурю. Но речь у него отобрали.

Фибен заставил себя повернуться на скрипящей койке. Пришлось потереть костяшками пальцев глаза, прежде чем они открылись окончательно, и он увидел полутемную маленькую комнату. Небольшое окно закрывал плотный занавес. Из-под него пробивалась полоска света.

Мышцы Фибена дрожали. Он вспомнил, когда

в последний раз чувствовал себя так плохо — на острове Гилмор. Тогда прилетел с Земли цирк неошимпанзе. Цирковой силач предложил посостязаться с чемпионом колледжа, и Фибен сдуру согласился.

Несколько недель после этого он ходил не разгибаясь и прихрамывая.

Фибен застонал и сел. Внутренние поверхности бедер горели, как в огне.

— Мама, — простонал он. — Никогда не буду делать прием «ножницы».

Его кожа и волосы на теле были влажны. Фибен почувствовал острый запах дальсебо, мощного мышечного расслабителя. Значит, похитители постарались все-таки уберечь его от тяжелых последствий станнера. Но все равно, попытавшись встать, он почувствовал себя так, словно в голове у него испорченный гироскоп. Фибен, вставая, ухватился за хлипкий стол; держась за него, побрел к единственному окну.

Схватил грубую ткань по обе стороны от светлой полоски и потянул. И тут же отшатнулся, закрывая глаза руками от неожиданной яркости. Перед глазами вертелись круги.

— Хм, — сжато прокомментировал он. И услышал только хрип.

Где он? В какой-то тюрьме губру? Явно не на борту боевого корабля захватчиков. Он сомневался, чтобы привередливые галакты стали использовать туземную деревянную мебель, тем более такого допотопного образца.

Фибен опустил руки, мигая, осушил глаза от слез. В окно он видел закрытый двор, неухоженный огород, несколько деревьев. Похоже на обычный небольшой коммунальный дом, в таких живут семьи шимпов в групповом браке.

Над соседними крышами на холмах эвкалипты. Значит, он по-прежнему в Порт-Хелении, недалеко от парка Приморского Обрыва.

Может, губру поручают допросы своим квислингам. Или его захватили эти враждебно настроенные испытуемые-проби. У них могут быть на него свои планы.

Рот у Фибена словно набит пылью. Фибен увидел на единственном столе в комнате кувшин. Рядом уже наполненная чашка. Он попытался взять ее, но промахнулся и уронил на пол.

«Сосредоточься! — приказал себе Фибен. — Если хочешь выбраться отсюда, постарайся думать как представитель космической расы!» Это трудно. Непроизнесенные слова болезненно теснятся за лбом. Фибен чувствовал, как пытается отступить

его сознание... отказаться от англика, предпочитая ему более простой и естественный способ мышления.

Фабен подавил всепоглощающее желание схватить кувшин и просто напиться из горлышка. Напротив, несмотря на жажду, заставил себя взять другую чашку.

Пальцы дрожали на ручке кувшина.

«Сосредоточься!»

Фибен вспомнил старинное дзенбуддистское высказывание: «До просветления руби дрова, носи воду. После просветления руби дрова, носи воду».

Преодолевая жажду, он превратил простое действие наливания воды в чашку в упражнение на выдержку. Держа кувшин обеими дрожащими руками, он налил полчашки, больше пролив при этом на стол и на пол. Неважно. Взял чашку и выпил воду большими жадными глотками.

Вторую чашку налить оказалось легче. Руки меньше дрожали.

«Вот так. Сосредоточься... Используй трудную дорогу, ту, на которой нужно думать». Шимпам это сделать легче, чем неодельфинам. Вторая раса клиентов на сто лет моложе, и, чтобы думать, ей приходится пользоваться тремя языками.

Он так сосредоточился, что не заметил, как дверь за ним открылась.

— Ну, для парня, который был так занят ночью, ты держишься бодро.

Фибен повернулся. Вода пролилась на стену, от неожиданного движения закружилась голова. Чашка ударялась о пол, Фибен схватился за виски и застонал.

Он увидел шимми в синем саронге с подносом в руках. Фибен попытался устоять, но ноги подогнулись и он опустился на колени.

— Дурак, проклятый дурак, — услышал он ее слова. И не ответил только потому, что рот наполнился желчью.

Шимми поставила поднос на стол и взяла Фибена за руку.

— Только идиот попытается встать, получив полный заряд станнера в упор.

Фибен зарычал и попытался сбросить ее руку. Он вспомнил! Это маленький «сводник» из «Обезьяньей грозди». Тот самый, что стоял на балконе недалеко от губру и который выстрелил в него из станнера, когда Фибен пытался убежать.

— Ост...вь м...ня в покое, — сказал он. — Мне не нужна помощь проклятого предателя!

По крайней мере он хотел это сказать, но услы-

шал только еле внятное бормотание.

— Ладно. Как скажешь, — спокойно вымолвила шимми и отвела его на койку. Несмотря на свой рост, она оказалась очень сильной.

Фибен со стоном лег на комковатый матрац. Он пытался собраться, но разумные мысли, казалось, накатываются и уходят, как океанский прибой.

— Я тебе сейчас кое-что дам. И ты проспишь часов десять. А тогда, может быть, сумеешь ответить на несколько вопросов.

Фибен не мог тратить энергию, чтобы выругать ее. Все его силы уходили на то, чтобы сосредоточиться, удержать на чем-то внимание. Англик для этого больше не годится. Фибен попробовал галактический-семь.

— На... ка... ча... креш... — хрипло начал он считать.

— Да, да, — ответила она. — Мы теперь уже знаем, как хорошо ты образован.

Шимми склонилась к нему с капсулой в руке. Фибен открыл глаза.

Щелчком шимми обломила верхушку капсулы, выпустив облако тяжелою пара.

Фибен пытался задержать дыхание, не вдыхать анестезирующий газ, но знал, что это бесполезно. В то же время он не мог не заметить, что она

очень хорошенькая, с маленьким детским подбородком и гладкой кожей. Только сухая горькая усмешка нарушала впечатление.

— Какой ты упрямый. Будь хорошим мальчиком, вдохни и отдыхай, — приказала она.

Не в состоянии дальше удерживаться, Фибен вынужден был вдохнуть.

Сладкий запах, похожий на аромат перезревших плодов, заполнил его ноздри.

Сознание начало уходить.

И только тут Фибен сообразил, что она тоже говорила на превосходном галактическом-семь, без всякого акцента.

Глава 28
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Меган Онигл вытерла слезы. Она хотела отвернуться, не смотреть, но заставила себя еще раз увидеть бойню до конца.

На большом экране появилась ночная сцена, серый морской берег, затянутый дождем, едва заметные угрюмые утесы. Ни луны, ни звезд, вообще почти никакого света. Камеры усиливают изображение до предела, чтобы хоть что-то было видно.

Меган с трудом различала пять темных пятен, которые выползли на берег, проползли по песку и начали подниматься на низкие обрушивающиеся утесы.

— Можно сказать, что они точно следуют процедуре, — объяснил майор земной морской пехоты Пратачулторн. — Вначале из подводных лодок выходят разведчики, они плывут на берег и осматривают его. Потом, когда выясняется, что берег чист, выходят диверсанты.

Меган видела, как поднялись на поверхность в потоках пузырей маленькие лодки и быстро двинулись к берегу. Причалили, открылись крышки, и появилось еще много темных фигур.

— У них с собой лучшее доступное оборудование. И подготовка у них наилучшая. Это земная морская пехота.

«Ну и что? — Меган покачала головой. — Значит ли это, что у них нет матерей?»

Впрочем, она понимала, о чем говорит Пратачулторн. Если эти профессионалы потерпели поражение, как можно винить колониальную милицию Гарта в катастрофах последних месяцев?

Темные фигуры направились к утесам, неся за спиной тяжелый груз.

Вот уже несколько недель остатки правительства, ушедшие вместе с Меган в глубоководное убежище, обдумывали причины краха их, казалось бы, хорошо организованного сопротивления. Все было готово: агенты, диверсанты, арсеналы оружия. Но тут появился проклятый газ принуждения губру, и под облаками смертоносного дыма рухнули все планы.

Немногие оставшиеся на континенте люди теперь уже мертвы или почти мертвы. И самое раздражающее, что никто, даже враг, не знает, сколько людей успело добраться до островов и вовремя получить противоядие.

Меган старалась не думать о сыне. Если повезло, то он сейчас где-нибудь на острове Гилмор, сидит с друзьями в какой-нибудь пивной или жалуется девушкам на то, что мать не пустила его на войну. Она может только молиться и надеяться, что так оно и есть и что дочь Утакалтинга тоже в безопасности.

Гораздо больше беспокоила ее судьба самого посла тимбрими. Утакалтинг обещал вслед за Советом планеты уйти в укрытие, но так и не появился.

Сообщили, что его корабль пытался уйти в глубокий космос и был уничтожен.

«Столько жизней! Для чего они утрачены?»

Меган смотрела, как диверсанты на экране начали отступать в воду.

Основные силы уже поднялись на утесы.

Без людей, разумеется, под вопросом вообще всякое сопротивление.

Самые умные шимпы могут время от времени наносить удары, но чего ожидать от них без опеки патронов?

Цель этой высадки — приспособиться к новым обстоятельствам.

В третий раз — хоть Меган и знала, что предстоит, — она была захвачена врасплох неожиданно ударившей в берег молнией. На мгновение все застыло в ослепительном свете.

Вначале взорвались маленькие лодки.

Затем настала очередь людей.

— Подводная лодка едва успела убрать камеры и нырнуть, — сказал майор Пратачулторн.

Экран потемнел. Женщина-лейтенант, управлявшая проектором, включила свет. Члены Совета замигали, привыкая к свету. Несколько человек вытирали глаза.

Южноазиатское лицо майора Пратачулторна было очень серьезно. Он снова заговорил.

— То же самое происходило во время косми-

ческой битвы и происходит при газовых атаках. Они каким-то образом всегда узнают, где мы.

— Вы представляете, как они это делают? — спросил один из членов Совета.

Меган мимоходом отметила, что отвечала на вопрос лейтенант морской пехоты Лидия Маккью. Молодая женщина покачала головой.

— Все наши специалисты ломают головы над этой проблемой. Но пока мы не узнаем, как они это делают, мы не можем рисковать людьми.

Меган Онигл закрыла глаза.

— Мне кажется, мы не в состоянии сейчас обсуждать этот вопрос. Объявляю заседание закрытым.

Вернувшись в свою крошечную комнату. Меган подумала, что заплачет. Но вместо этого просто сидела в кромешной темноте на кровати и смотрела туда, где находятся ее руки.

Немного погодя ей показалось, что она их видит, видит устало лежащие на коленях пальцы. И ей представилось, что они кроваво-красного цвета.

Глава 29

РОБЕРТ

Глубоко под землей невозможно определить естественный ход времени.

Но, неожиданно проснувшись в кресле, Роберт знал, сколько сейчас времени.

«Поздно. Чертовски поздно». Атаклена должна была уже несколько часов назад вернуться.

Если бы он лучше себя чувствовал, Роберт не обратил бы внимания на возражения Мики и доктора Су и сам отправился бы наверх отыскивать опаздывающий отряд. Да и так двум ученым-шимпам пришлось почти силой останавливать его.

Время от времени у него еще повышалась температура. Он вытер лоб и сдержал неожиданно появившуюся дрожь.

«Нет, — подумал он, — я себя контролирую!»

Роберт встал и осторожно пошел туда, где негромко спорили. Там он нашел двух шимпов, работающих в жемчужном свете компьютера семнадцатого уровня. Роберт сел на упаковочный ящик за шимпами и некоторое время прислушивался. Потом внес предложение, шимпы испробовали его, и оно сработало. И вскоре Роберту почти удалось забыть тревогу; он погрузился

в работу, помогая шимпам заложить военную тактическую программу в машину, которая не предназначалась для более воинственных занятий, чем игра в шахматы.

Кто-то принес ему стакан сока. Роберт выпил. Ему дали сандвич. Он съел.

Спустя какое-то время в подземном помещении послышался крик. По деревянным мостикам торопливо затопали. Глаза Роберта привыкли к свету экрана, поэтому он с трудом различал пробегавших мимо шимпов. Хватая разносортное оружие, шимпы бежали по проходу, ведущему на поверхность.

Роберт встал и схватил ближайшего бегущего.

— Что случилось?

С таким же успехом он мог попытаться остановить бегущего быка. Шимп вырвался, даже не взглянув на него, и исчез в неровном туннеле. Роберт замахал второму, тот посмотрел на него и неохотно остановился.

— Экспедиция, — объяснил нервничающий шимп. — Они вернулись... Я слышал, что не все...

Роберт выпустил его. И начал отыскивать оружие для себя. Если отряд преследуют...

Конечно, ничего подходящего не нашлось. К тому же Роберт с горечью понял, что ружье ему

не пригодится: у него неподвижна правая рука. Да и шимпы не позволят ему участвовать в бою. Силой утащат глубже в пещеры.

Наступила тишина. Несколько престарелых шимпов вместе с Робертом ждали звуков выстрелов. Но вместо них послышались голоса, которые постепенно становились громче. В них звучало возбуждение, но не страх.

Что-то погладило его прямо над ухом. С момента ранения у Роберта не было практики, но примитивная эмпатия подсказала, что это знакомое прикосновение. Роберт начинал надеяться.

Из-за поворота показалась шумная толпа — оборванные грязные неошимпанзе, вооруженные самым разнообразным оружием, некоторые в повязках. Увидев Атаклену, Роберт почувствовал, как внутри ослаб какой-то узел.

Но тут же одна тревога сменилась другой. Девушка тимбрими явно использовала гиртрансформацию. Выглядит она истощенной, и Роберт ощутил, насколько она устала.

Более того, он понимал, что она по-прежнему напряженно работает.

Корона ее стояла вертикально, сверкая без света. Шимпы почти не обращали внимания на оставшихся дома, которые расспрашивали тор-

жествующих вернувшихся. И Роберт понял что это настроение создает Атаклена. Само по себе оно слишком слабо, слишком непрочно, чтобы сохраниться.

— Роберт! — Глаза ее раздвинулись. — Разве тебе можно вставать? У тебя еще вчера была лихорадка.

— Я в норме. Но...

— Хорошо. Счастлива видеть тебя на ногах.

Роберт увидел, что в импровизированный госпиталь несут на носилках две забинтованные фигуры. И почувствовал, как Атаклена старается отвлечь внимание всех от этих окровавленных, может быть, умирающих солдат. Только присутствие шимпов заставило Роберта держаться невозмутимо.

— Мне нужно поговорить с тобой, Атаклена.

Она встретилась с его взглядом, и на краткое мгновение Роберту показалось, что он кеннирует слабое дрожащее изображение над ее короной. Торопливо созданный глиф.

Вернувшиеся приступили к еде, хвастались своими похождениями. Только Бенджамин с лейтенантскими лычками на рукаве серьезно стоял рядом с Атакленой. Она кивнула.

— Хорошо, Роберт. Отойдем в сторону.

* * *

— Попробую догадаться, — спокойно сказал Роберт. — Вас напинали в задницу.

Шимп Бенджамин поморщился, но не стал возражать. Показал на расстеленной карте.

— Мы напали на них вот здесь, на перевале Йенчинг, — сказал он. — Это был наш четвертый рейд, и поэтому мы считали себя опытными.

— Четвертый? — Роберт повернулся к Атаклене. — И давно это происходит?

Она достала из кармана печенье, начиненное чем-то остро пахнущим, и откусывала по маленькому кусочку. Сморщила нос.

— Мы действуем уже примерно с неделю, Роберт. Но это первый серьезный набег, когда мы попытались причинить вред.

— И что же?

На Бенджамина, казалось, не действуют усилия Атаклены по формированию настроения. Может, она специально это делает. Ей нужен рядом по крайней мере один помощник с непосредственным восприятием мира. А может, он просто слишком умен. Бенджамин закатил глаза.

— На этот раз вред причинили нам. — И продолжал объяснять. — Мы разделились на пять групп.

По настоянию мисс Атаклены. И это нас спасло.

— Какова была ваша цель?

— Маленький патруль. Два легких танка на воздушной подушке и несколько открытых наземных машин.

Роберт всмотрелся в это место на карте. Здесь одна из немногих дорог углубляется в предгорья. Он слышал, что враг редко выходит за пределы Синда. Казалось, его удовлетворяет контроль за космосом, архипелагом и узкой полосой континента вокруг Порт-Хелении.

Да и зачем захватчикам дикая местность? Почти все люди теперь у них под контролем. Гарт принадлежит им.

Очевидно, первые три набега были подготовкой: шимпы, служившие рядовыми в милиции, пытались научить остальных передвигаться и сражаться в лесу. Но в четвертый раз они сочли себя готовыми к встрече с противником.

— Но, похоже они заранее знали, где мы, — продолжал Бенджамин. — Сначала мы шли за ними следом, учились прятаться за деревьями и подглядывать, как раньше. Потом...

— Потом вы на самом деле напали на патруль.

Бенджамин кивнул.

— Мы заподозрили, что они о нас знают. Но нам

нужно было удостовериться. И генерал предложила план...

Роберт замигал, потом кивнул. Он еще не привык к почетному званию Атаклены. По мере того, как Бенджамин описывал ход событий, удивление Роберта росло.

Засада была устроена таком образом, что каждая из пяти групп начинала обстрел патруля с минимальным риском. И, кстати, как он заметил, без особых шансов причинить ущерб врагу. Засады располагались слишком высоко или далеко, чтобы выстрел оказался удачным. Да и какой ущерб может причинить охотничье ружье и ударная граната?

Первый залп уничтожил небольшую открытую машину губру. Вторая пострадала немного, но тут же огонь из танков заставил нападающих отступить. Вскоре с берега подоспела воздушная поддержка, и участникам рейда с трудом удалось уйти. Активная часть рейда заняла буквально пятнадцать минут. Зато отступление, маневрирование, чтобы запутать следы, — все это потребовало гораздо больше времени.

— Значит, вам не удалось обмануть губру? — спросил Роберт.

Бенджамин покачал головой.

— Они как будто всегда знали, где мы. Чудо, что мы сумели их запутать, и еще большее чудо, что мы вообще унесли ноги.

Роберт взглянул на «генерала». Хотел высказать свое неодобрение, потом еще раз взглянул на карту, задумавшись над избранной для засады позицией. Проследил линии огня, маршруты отступления.

— Ты это подозревала, — сказал он наконец Атаклене.

Ее глаза чуть сдвинулись и снова разошлись — тимбримийский эквивалент пожатия плечами.

— Я думала, что в первом рейде не стоит подходить слишком близко.

Роберт кивнул. Действительно, если бы засада была подготовлена «лучше», если бы шимпы оказались ближе к врагу, мало кто из них вернулся бы живым.

План был хорош.

Нет, не хорош. Вдохновенный план. Он нацелен не на поиски врага, а на то, чтобы внушить уверенность. Отряды разделились так, чтобы каждый смог выстрелить во врага, не подвергаясь при этом чрезмерному риску. Нападающие должны были с триумфом вернуться домой, но самое главное — они должны были вернуться.

И все же они понесли потери. Роберт чувствовал, насколько истощена Атаклена. Отчасти ее утомление объясняется тем, что все остальные считают, что одержали победу.

Он ощутил прикосновение к колену и взял руку Атаклены в свою. Она сжала свои длинные тонкие пальцы, и он почувствовал тройные удары ее пульса.

Их взгляды встретились.

— Сегодня мы превратили почти неизбежную катастрофу в небольшую победу, — сказал Бенджамин. — Но до тех пор, пока противник точно знает, где мы, мы можем только играть с ним в салки. И даже в этой игре потеряем больше, чем можем заплатить.

Глава 30
ФИБЕН

Фибен потер затылок и раздраженно взглянул на стол. Итак, именно с ней он должен был установить связь, с лучшей студенткой доктора Таки, с будущим руководителем городского подполья.

— Что это за глупость? — обвиняющим тоном спросил он. — Ты позволила мне войти в этот клуб, ничего не подозревая, вслепую. Меня десять

раз за прошлый вечер едва не схватили. Могли даже убить!

— Это было два дня назад, — поправила его Гайлет Джонс. Она сидела на стуле с прямой спинкой и разглаживала складки своего синего саронга. — Ну, я ведь была там, в «Обезьяньей грозди», ждала снаружи, чтобы установить контакт. Увидела незнакомца, пришедшего в одиночку, в рабочем костюме. И обратилась к тебе с паролем.

— Розовая? — Фибен замигал. — Ты подошла ко мне и прошептала «розовая», и я должен был понять, что эта непристойность — пароль?

В обычном состоянии он не стал бы так грубить молодой леди. Сейчас Гайлет Джонс больше похожа на того, кого он ожидал встретить, — шимми, явно образованная и хорошо воспитанная. Но он видел ее при других обстоятельствах и никогда этого не забудет.

— Ты называешь это паролем? Мне велели искать рыбака!

Собственный крик заставил его сморщиться. По-прежнему ощущение такое, словно голова протекает в пяти-шести местах. Мышцы уже перестало капризно сводить, но тело по-прежнему болит, и настроение у него не самое лучшее.

— Рыбака? В этом районе города? — Гайлет

Джонс нахмурилась, ее взгляд на мгновение затуманился. — Слушай, был настоящий хаос, когда я позвонила в Центр и попробовала разыскать доктора Таку. Я решила, что ее группа привыкла к конспирации и станет естественной базой в глуши. У меня было несколько мгновений, чтобы договориться о будущей встрече, прежде чем губру захватят все телефонные линии. Я подумала, что они уже и так все разговоры прослушивают и записывают, и мне нужно было подобрать такое слово, которое смогли бы воспринять их лингвистические компьютеры.

Она неожиданно остановилась и поднесла руку ко рту.

— О нет!

— Что? — Фибен придвинулся к ней.

Она несколько мгновений мигала, потом махнула рукой.

— Я сказала этому глупцу оператору в Центре, как должен выглядеть их посланник, где он со мной встретится, потом сказала, что сама я буду потаскушкой...

— Кем? Не понимаю. — Фибен покачал головой.

— Это древнее слово. Еще из человеческого сленга до Контакта. Обозначает женщину, кото-

рая предлагает дешевый секс за наличные.

Фибен выпалил:

— Самая глупая из всех глупых, дурацких, проклятых Ифни мыслей!

Гайлет Джонс горячо ответила:

— Ну, ладно, умник, а что, по-твоему, я должна была сделать? Милиция разбегается. Никто и не подумал, что может возникнуть ситуация, когда опустеют все посты, занятые людьми! Мне из ничего нужно было организовать движение сопротивления. И я попыталась устроить встречу...

— И предложила незаконный секс как раз там, где губру и так поощряют низменные инстинкты!

— Откуда я знала, что они это сделают? Что выберут именно этот сонный ночной бар? Я считала, что социальные ограничения немного ослабнут и я легко смогу сыграть роль. У меня будет алиби, чтобы подходить к незнакомцам. Мне и в голову не приходило, что дойдет до этого! Я просто подумала, что, если обращусь не к тому, он удивится и поведет себя точно так, как ты!

— Но у тебя не получилось?

— Не получилось! Перед тобой показалось несколько одиноких шенов, одетых, как ты, и я начинала представление. Бедному Максу

пришлось уложить с полдесятка станнером, и переулок уже заполнялся. Но уже поздно было менять место встречи или пароль...

— Который никто так и не понял! Потаскушка? Ты должна была догадаться, что не сработает.

— Доктор Така должна была сообразить. Мы вместе смотрели и обсуждали старые фильмы. Неясно, почему она... — Увидев выражение лица Фибена, она осеклась. — В чем дело? Почему ты так на меня смотришь?

— Прости. Я только что понял, что ты не знаешь. — Он покачал головой. — Видишь ли, доктор Така умерла примерно в то время, когда было получено твое сообщение. От аллергической реакции на газ принуждения.

У нее перехватило дыхание. Гайлет, казалось, осела.

— Я... я боялась этого, когда она не пришла в город за противоядием. Это... большая потеря. — Она закрыла глаза и отвернулась, очевидно, чувствуя больше, чем могла выразить словами.

По крайней мере она не видела гибели в огне Хаулеттс-Центра, не видела закопченных прилетающих и улетающих санитарных машин, не видела, как стекленели глаза ее умирающей учительницы. Фибен смотрел записи этого страш-

ного вечера. И помнил их.

Гайлет взяла себя в руки, отложив оплакивание на потом. Вытерла глаза и взглянула на Фибена, упрямо выставив подбородок.

— Мне нужно было придумать что-то такое, что поймет шимп, но не поймут лингвистические компьютеры ити. Не в последний раз приходилось импровизировать. Но ты ведь здесь. И наши две группы установили контакт.

— Меня чуть не убили, — заметил он, хотя сам понимал, что это упоминание грубовато.

— Но не убили же. Вообще, мы можем извлечь из этого небольшого недоразумения для себя выгоду. На улицах до сих пор говорят о тебе.

Неужели в голосе ее прозвучала нотка уважения? Может быть, предложение мировой?

И вдруг он почувствовал, что это уж слишком. Слишком для него! Фибен понимал, что сейчас не самый подходящий момент для веселья, но не смог сдержаться.

— Потаскушка? Таскать? — Он хихикнул, хотя при этом в голове как будто загрохотали булыжники. — Потаскушка? — Откинул голову и загоготал, колотя по ручкам кресла. Фибен ревел, пиная ногами воздух. — О Гудолл! Вот кого мне нужно было искать!

Переводя дыхание, он увидел, как смотрит на него Гайлет Джонс. Но ему все равно, даже если она позовет этого рослого шимпа Макса и прикажет снова пустить в ход станнер.

Это для него чересчур.

И если он правильно понял выражение ее глаз в этот момент, их союз зарождается на очень зыбкой почве.

Глава 31
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя вступил на борт личного крейсера и принял воинские почести солдат Когтя. Это тщательно отобранные военные, перья их аккуратно расчесаны, гребни раскрашены, указывая звание и часть. Кваку, помощник адмирала, заторопился вперед и принял церемониальную одежду.

Когда все заняли места на своих насестах, пилот включил гравидвигатель и направил крейсер к оборонительным сооружениям на низком холме к востоку от Порт-Хелении. Сюзерен Луча и Когтя молча смотрел, как остается позади ограда города и внизу начинают мелькать фермы этого небольшого поселка землян.

Старший насест-полковник, второй по званию командир, приблизился с резким щелканьем клюва — воинским приветствием.

— Встреча прошла хорошо? Достойно? Удовлетворительно? — спросил насест-полковник.

Сюзерен Луча и Когтя решил не обращать внимания на опрометчивость этого вопроса. Лучше, чтобы второй по команде умел думать, чем имел превосходно расчесанный плюмаж. Именно то, что он окружил себя несколькими такими помощниками, помогло сюзерену получить нынешнее назначение. Адмирал высокомерно мигнул.

— Наша встреча прошла удовлетворительно, соответственно и успешно.

Насест-полковник поклонился и вернулся на свое место. Конечно, он знает, что на такой ранней стадии Слияния консенсус никогда не бывает совершенным. Всякий может понять это по взъерошенному пуху и усталым глазам сюзерена.

Последняя встреча командующих выдалась особенно утомительной, и некоторые ее аспекты вызывали недовольство и раздражение адмирала.

Во-первых, сюзерен Стоимости и Бережли-

вости настаивал на том, чтобы большая часть флота была отправлена на поддержку других операций губру далеко отсюда. И, как будто этого недостаточно, третий предводитель, сюзерен Праведности, по-прежнему требовал, чтобы его всюду носили на насесте, отказываясь ступать на почву Гарта, пока не будут соблюдены все формальности. Священника тревожило несколько проблем: высокая смертность людей от газа принуждения, что угрожало всему проекту губру восстановления Гарта, ничтожный размер местной отраслевой Библиотеки, статус в возвышении отсталых предразумных неошимпанзе.

Каждая из этих проблем требовала новых напряженных переговоров, новых перегруппировок. Еще одна схватка за консенсус.

Но все же это мелочи. Трое уже спорили об основах, и вот здесь процесс начал приносить наслаждение. Особенно сильное наслаждение члены триумвирата испытывали, когда танцевали, ворковали и спорили о фундаментальнейших проблемах.

До сих пор адмирал считал, что его продвижение к статусу царицы будет прямым и легким: ведь он старший изначально. Но теперь сюзерену Луча и Когтя стало казаться, что дело окажется не

столь легким. Предстоит совсем не тривиальное Слияние.

Конечно, так всегда бывает с лучшими Слияниями. Очень разные силы были вовлечены в выбор трех руководителей экспедиционных сил. Повелители Насестов дома надеялись, что именно у этой троицы выработается новая единая политика. А чтобы это получилось, у всех должны быть хорошие головы, с оригинальным мышлением.

И только сейчас становится ясно, насколько хороши эти умы и насколько они различны. Несколько идей, предложенных недавно другими, превосходны, но неспособны вывести из равновесия своей необычностью.

«Но в одном они правы, — думал адмирал. — Мы не просто должны победить, покорить, подчинить себе волчат. Мы должны дискредитировать их!» Сюзерен Луча и Когтя так сосредоточился на военных проблемах, что остальные участники триумвирата начали казаться ему помехой.

«С моей стороны это неверно, неправильно, неподобающе», — думал адмирал.

Благочестиво было бы считать, что чиновник и священник так же отлично разбираются в своих сферах, как адмирал в военной. И если Праведность и Бережливость завершат вторжение так

же великолепно, как начали, их троицу запомнят надолго!

Сюзерен Луча и Когтя знал, что кое-что предопределено заранее. И так ведется со времен Прародителей. Уже давно недостойные еретические кланы оскверняют межзвездные пути — ужасные невежественные волчата, и тимбрими, и теннанинцы, и соро... Необходимо, чтобы клан гуксу-губру победил в эту неспокойную эпоху! Клан должен достичь величия!

Адмирал думал о том, что поражение землян было предопределено давным-давно. Силы губру следили за каждым их ходом и противостояли ему.

Газ принуждения разрушил все приготовления и планы землян. Это была идея самого сюзерена — конечно, вместе с его личным штабом. Теперь годы работы начинают приносить плоды.

Сюзерен Луча и Когтя расправил руки, чувствуя, как напряглись мышцы-сгибатели. Эти мышцы за многие века до возвышения поднимали его предков в теплый сухой воздух родной планеты губру.

«Да! Пусть идеи моих соперников будут смелыми, остроумными, полными изобретательности... Пусть они будут такими же великолепными — но

все же не совсем такими, как мои собственные!»

Сюзерен начал расчесывать перья, а крейсер выровнялся и под облачным небом полетел на восток.

Глава 32
АТАКЛЕНА

— Здесь, внизу, я сойду с ума! Меня словно в плену держат!

Роберт расхаживал от стены к стене, и вместе с ним расхаживали две его тени от двух ламп. Свет отражался в ручейках влаги, которая медленно стекала по стенам подземного помещения.

Левая рука Роберта сжата, сухожилия четко выделяются от кулака до локтя и дальше до мускулистого плеча. Роберт ударил по ближайшему шкафу, и эхо отразилось в переходах.

— Предупреждаю тебя, Кленни. Я не смогу долго ждать. Когда ты выпустишь меня отсюда?

Атаклена вздрогнула, когда Роберт снова ударил по шкафу, вымещая свое раздражение. По крайней мере дважды он собирался пустить в ход правую руку в гипсе, а не здоровую левую.

— Роберт, — попыталась она утихомирить его, — ты удивительно быстро идешь на поправку.

Скоро с тебя снимут гипс. Пожалуйста, не надо рисковать...

— Ты уходишь от ответа — прервал он. — Даже в гипсе я могу выйти, буду учить войска, разведывать позиции губру. Но ты удерживаешь меня здесь, внизу, заставляешь программировать мини-компьютеры и втыкать булавки в карту! Это сводит меня с ума!

Роберт буквально излучал раздражение. Атаклена уже просила его попытаться заглушить гнев. Держать себя в руках, как говорится. Почему-то она особенно восприимчива к его эмоциям, буйным и диким, как у подростка тимбрими.

Роберт, ты знаешь, почему мы не можем рисковать, посылая тебя на поверхность. Корабли губру уже несколько раз выпускали смертоносный газ на наши внешние укрепления. И если бы ты оказался там, то сейчас находился бы на пути к острову Гилмор и для нас был бы потерян. И это в лучшем случае!

Я дрожу при мысли о худшем.

Шлем Атаклены взъерошился при этой мысли, серебристые нити короны возбужденно зашевелились.

Большая удача, что Роберта увезли с фермы Мендозы перед тем, как неугомонные роботы

губру обрушились на это небольшое горное селение.

Маскировки и устранения всех электронных приборов, очевидно, оказалось недостаточно, чтобы укрыться.

Медина Мендоза и дети немедленно отправились в Порт-Хелению и предположительно вовремя прибыли для получения противоядия. Хуану Мендозе повезло меньше. Он задержался, чтобы ликвидировать несколько экологических ловушек, испытал аллергическую реакцию на газ принуждения и умер на глазах испуганных шимпов, в судорогах, с пеной на губах, после пятиминутного припадка.

— Тебя там не было, Роберт, когда умер Хуан, но ты, конечно, слышал рассказы. Хочешь тоже умереть такой смертью? Ты понимаешь, что мы и так чуть не потеряли тебя?

Их взгляды встретились, карие глаза смотрели в серые с золотистыми точками. Атаклена чувствовала решимость Роберта и одновременно его усилия сдержать упрямый гнев. Роберт медленно разжал левую руку. Глубоко вздохнул и опустился на стул с брезентовой спинкой.

— Знаю, Кленни. Я понимаю твои чувства. Но ты должна понять, что я часть всего этого. — Он

наклонился вперед, с уже не гневным, но по-прежнему напряженным выражением лица. — Я согласился на просьбу матери увести тебя в глубь континента, вместо того чтобы присоединиться к своей части, потому что Меган считала это важным. Но ты теперь не мой гость. Ты организуешь армию! А я ощущаю себя пятым колесом.

Атаклена вздохнула.

— Мы оба знаем, что не очень хорошая армия получится... В лучшем случае символ. Способ дать шимпам надежду. Как офицер ты имеешь право в любой момент принять у меня командование.

Роберт покачал головой.

— Я не об этом. Я не настолько тщеславен, чтобы считать, что справился бы лучше тебя. Я не из породы лидеров и знаю это. Шимпы преклоняются перед тобой и верят в тимбримийские чудеса. Но все же я, вероятно, единственный человек с военной подготовкой, оставшийся в этих горах... ты должна меня привлечь, если у нас появится шанс...

Роберт неожиданно замолчал и посмотрел через плечо Атаклены. В подземную комнату вошла маленькая шимми в шортах и с поясом, отдала приветствие. Атаклена повернулась.

— Прошу прощения, генерал, капитан Онигл,

но только что вернулся лейтенант Бенджамин. Он докладывает, что дела в долине Спринг обстоят не лучше. Людей там больше нет. Но по крайней мере раз в день, появляются проклятые роботы и распыляют газ в поселениях. И вообще они не прекращают своих действий нигде, куда смогли проникнуть наши бегуны.

— А как шимпы в долине Спринг? Болеют от газа? — спросила Атаклена.

Она вспомнила доктора Шульца и то, какое действие оказал газ на некоторых шимпов в Центре.

Шимми покачала головой.

— Нет, мэм. Больше нет. Везде одно и то же. Шимпы, на которых газ действовал, ушли в Порт-Хелению. И остались только те, у кого есть иммунитет.

Атаклена взглянула на Роберта, и у обоих появилась одна и та же мысль.

Все, кроме одного.

— Будь они прокляты! — взорвался Роберт. — Неужели никогда не успокоятся? Девяносто девять и девять десятых процента людей они уже захватили. Так и будут заливать газом каждую хижину, чтобы захватить всех до последнего?

— Очевидно, они побаиваются Homo Sapiens, Роберт, — улыбнулась Атаклена. — Вы ведь союз-

ники тимбрими. А мы не выбираем в союзники безвредные существа.

Роберт сердито покачал головой. Но Атаклена прикоснулась к нему своей аурой, заставила посмотреть на нее и увидеть насмешливый взгляд. Невольно Роберт медленно улыбнулся. И наконец рассмеялся.

— Да, эти проклятые птицы не так уж тупы. Лучше перестраховаться сейчас, чем сожалеть потом, верно?

Атаклена покачала головой, ее корона создала глиф признательности, простой глиф, который он смог бы кеннировать.

— Да, Роберт. Они не тупы. Но по крайней мере, одного человека они упустили, и поэтому их неприятности еще не кончились.

* * *

Посыльная выпрямилась, когда Атаклена снова повернулась к ней.

— Я хочу сама послушать доклад лейтенанта Бенджамина. Попросите, пожалуйста, доктора Су прийти в комнату управления.

— Да, сэр! — Шимми отсалютовала и убежала.

— Роберт! Нам нужно твое мнение.

Он поднял голову, лицо его было задумчиво.

— Я приду через минуту, Кленни. Мне нужно кое о чем подумать.

— Хорошо, — кивнула Атаклена. — Пока. — Она повернулась и вслед за посыльной пошла по вырытому водой коридору, освещенному редкими тусклыми лампами, свет которых отражался от влажных сталактитов.

* * *

Роберт смотрел на нее, пока она не скрылась из виду. Оставшись в полной тишине, он задумался.

«Почему губру продолжают заливать горы газом? Ведь там не осталось людей. Это ведь очень дорого, даже если роботы летят туда, где были люди.

И как им удается находить здания, машины, отдельных шимпов, как бы хорошо они не скрывались?

Неважно, что они отравляют наши внешние укрепления. Газовые роботы — простые машины и не знают, что мы тренируем армию в этой долине. Они чувствуют землян, выполняют свою программу и улетают.

Но что будет, когда мы начнем действовать и привлечем внимание самих губру? Мы не можем

позволить, чтобы нас тогда обнаружили».

И еще есть одна очень важная причина, чтобы ответить на эти вопросы.

«Пока это продолжается, я заперт здесь, внизу!»

Роберт прислушался к слабому звуку капель, падающих с соседней стены.

Он думал о противнике.

По сравнению с грандиозными битвами, которые разворачиваются в пяти галактиках, действия, здесь, на Гарте, всего лишь легкая потасовка. Губру не могут залить газом всю планету. Это слишком дорого.

Итак, отряды дешевых, тупых, но эффективных поисковых роботов отправлены на охоту за всем, что не принадлежит Гарту... что хоть немного пахнет Землей. Сейчас газ застигает только негодующих раздраженных шимпов, которые к нему невосприимчивы. А также пустые здания по всей планете.

Это препятствие, и очень существенное. Надо найти способ остановить роботов. Роберт достал из папки, лежащей на столе, лист бумаги. И записал способы, с помощью которых роботы могут находить землян на чужой планете.

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ. ИНФРАКРАСНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ТЕЛ. РЕЗОНАНСНОЕ СКАНИРОВАНИЕ ПСИ. ИСКАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ.

Теперь Роберт сожалел, что учился в основном управлению и мало внимания уделял галактической технологии. Он был убежден, что в накопившихся за гигагоды архивах Великой Библиотеки есть немало способов обнаружения, помимо этих пяти. Например, роботы могли буквально «вынюхивать» землян, отыскивать все земное по запаху.

Нет. Он покачал головой. Приходится сокращать список, отвергать очевидно нелепые способы. Их нужно оставить на всякий случай.

Повстанцы спасли из развалин Хаулеттс-Центра пикаветвь библиотеки. Он может попытаться. Шансы на то, что там найдется что-то пригодное для военных действий, ничтожны. Маленькое ответвление, в котором информации не больше, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта, специализированное в области возвышения и генной инженерии.

«Возможно, мы смогли бы обратиться в Региональную Центральную Библиотеку на Таците

с просьбой о поиске информации». Роберт улыбнулся этой мысли. Даже люди, осажденные захватчиками, имеют право запрашивать галактическую Библиотеку. Таков Кодекс Прародителей.

«Конечно! — С улыбкой ответил Роберт. — Мы просто направимся в штаб оккупантов и потребуем, чтобы наш запрос отправили на Тацит... запрос о военной технологии самих оккупантов!

Возможно, они пойдут на это. Сейчас, когда галактика в смятении.

Библиотека завалена запросами. Постепенно очередь дойдет и до нашего.

Может быть, в следующем столетии».

Он взглянул на свой список. Тут то, о чем он слышал или что-нибудь знает.

Первый вариант. Возможно, запущен спутник с совершенным оптическим оборудованием, который акр за акром сканирует Гарт, отыскивая очертания правильных форм — очертания зданий и машин. А потом направляет роботов к цели.

Вероятно, но почему тогда вылазки происходят снова и снова в одно и то же место? Ведь у такого спутника должна быть память. И как может такой спутник направить роботов против группы

шимпов, идущих под покровом густого леса?

То же самое, только наоборот, справедливо и для инфракрасного излучения. Машины не могут быть нацелены на тепло живого организма. Роботы продолжают поливать газом остывшие и покинутые недели назад здания.

У Роберта не хватало знаний, чтобы отбросить все способы из списка.

Он почти ничего не знал о пси-учении и его близком родиче — физике реальности. Время, проведенное с Атакленой, на многое открыло ему глаза, но и сейчас он новичок в той области, которая заставляет шимпов, да и многих людей вздрагивать от страха перед сверхъестественным.

«Ну что ж, все равно я заперт под землей. Надо постараться расширить свое образование».

Он встал, собираясь присоединиться к Атаклене и Бенджамину. Но неожиданно застыл. Глядя на список возможностей, он понял, что упустил еще одну.

«...Способ, с помощью которого губру легко преодолели нашу защиту в начале вторжения... Способ, с помощью которого они снова и снова находят нас, где бы мы ни скрывались. Способ предупредить каждый наш шаг...».

Он не хотел этого, но честность заставила снова взять ручку.

И он приписал одно слово:

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Глава 33
ФИБЕН

В этот день Гайлет показывала Фибену Порт-Хелению, вернее, ту ее часть, в которую разрешен был доступ неошимпам.

В южной части города в доки по-прежнему приходили рыболовные траулеры. Но теперь их экипаж состоял только из моряков-шимпов. Траулеры, с сокращенным вполовину экипажем, старались как можно дальше обходить корабли губру, занявшие залив Аспинал.

На рынках некоторых товаров было в достатке, но вообще большинство полок пустовало: многие запасали продукты, и их стало не хватать. Пиво и рыбу еще можно было купить за колониальные деньги. Но мясо и свежие фрукты продавали только за бумажные купюры, выпущенные оккупантами. И рассерженные покупатели уже начинали вспоминать значение древнего слова

«инфляция».

Похоже, половина населения работает на захватчиков. К югу от города, вблизи космопорта, строились укрепления. Котлованы красноречиво свидетельствовали о том, что будут сооружены и более массивные здания.

Повсюду развешаны плакаты с улыбающимися неошимпанзе; в них обещалось, что как только в обращение попадет достаточно новых денег, наступит изобилие. И добросовестная работа приблизит этот день.

— Ну? Насмотрелся? — спросила провожатая.

Фибен улыбнулся.

— Нет. Мы ведь только скользнули поверху.

Гайлет пожала плечами и предоставила ему идти, куда глаза глядят.

«Что ж, — думал Фибен, разглядывая пустые рыночные полки, — специалисты все время утверждают, что мы, шимпы, едим больше, чем нам полезно... гораздо больше, чем мы могли бы раздобыть в добрые старые дни. Может, это и пойдет нам на пользу».

Наконец они добрели до колокольни колледжа Порт-Хелении. Кампус меньше, чем у университета на острове Гилмор, но Фибен недавно участвовал здесь в конференции по экологии и

хорошо знал район.

И когда он разглядывал растительность, что-то показалось ему очень странным.

Дело не в танке губру на воздушной подушке, торчащем на верху холма.

И не в уродливой ограде, которая, окружая город, задевает и территорию кампуса с севера. Дело в самих студентах, в колледже.

Откровенно говоря, он удивлен что вообще видит их!

Разумеется, это все шимпы. Фибен ожидал увидеть в Порт-Хелении гетто или концентрационные лагеря, забитые людьми с материка. Но последняя партия мужчин и женщин несколько дней назад была перевезена на острова. Их место заняли тысячи шимпов, хлынувших отовсюду, особенно из тех мест, которые подвергаются газовым атакам, что бы ни утверждали губру о неподверженности шимпов действию газа.

Всем шимпам дали порцию противоядия, выплатили небольшую, символическую, компенсацию и направили на работу в городе.

Но здесь, в колледже, все кажется таким мирным и поразительно спокойным. Фибен и Гайлет посмотрели с высоты колокольни. Под ними шимпы и шимми переходили из аудитории в

аудиторию. Они несли книги, негромко разговаривали друг с другом и изредка украдкой бросали взгляды на крейсеры чужаков, все время пролетающие над головой.

Фибен удивленно покачал головой. Как они вообще умудряются тут учиться?

Конечно, люди известны своим либерализмом в политике возвышения; со своими клиентами они обращаются почти как с равными, в то время как галактическая традиция гораздо менее великодушна. Старшие галактические кланы могут неодобрительно ворчать, но в земном Совете рядом с людьми заседают шимпы и дельфины. Клиентам даже доверили несколько космических кораблей.

Но колледж без людей?

Фибен думал, почему оккупанты смотрят на поступки шимпов сквозь пальцы, вмешиваясь лишь в отдельных случаях и достаточно грубо, как в «Обезьяньей грозди».

Теперь ему показалось, что он понимает причину.

— Мимикрия. Должно быть, они считают, что мы притворяемся! — проговорил он вслух.

— Что ты сказал? — Гайлет взглянула на него. Они заключили временное перемирие до окон-

чания задания, но, очевидно, она не испытывала удовольствия от того, что приходится проводить с ним целый день.

Фибен указал на студентов.

— Скажи, что ты там видишь.

Она рассердилась, но потом вздохнула и наклонилась, всматриваясь.

— Я вижу профессора Джимми Санта, он выходит из аудитории, что-то объясняя студентам. — Она чуть улыбнулась. — Наверное, что-то о среднем периоде галактической истории... Я была его техническим помощником и хорошо помню выражение лиц студентов.

— Отлично. Это видишь ты. А теперь взгляни глазами губру.

Гайлет нахмурилась.

— Как это?

Фибен снова протянул руку.

— Вспомни: в соответствии с галактической традицией мы, неошимпы, всего триста лет назад обрели разум, мы чуть старше дельфинов. И только начинаем свой стотысячелетний период договора и службы людям. Не забудь также, что многие фанатики ити ненавидят людей. Однако людям предоставили статус патронов и все привилегии, связанные с ним. Почему? Потому

что еще до Контакта они возвысили шимпанзе и дельфинов! Статус в пяти галактиках приобретается только так. Нужно иметь клиентов и возглавлять клан.

Гайлет покачала головой.

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Зачем ты объясняешь мне очевидное? — Она явно не хотела слушать лекцию шимпа из захолустья, у которого нет даже диплома доктора.

— Подумай! Как люди получили свой статус? Как это произошло, тогда, в двадцать втором столетии? Фанатики оказались в меньшинстве, когда присуждали статус разумных существ неошимпанзе и неодельфинам. — Фибен махнул рукой. — Это дипломатическая победа кантенов, тимбрими и других умеренных; люди тогда даже не подозревали, в чем дело.

На лице у Гайлет появилась сардоническая ухмылка, и Фибен вспомнил, что ее специальность — галактическая социология.

— Конечно, но...

— Это стало fait accompli[10]. Но губру, соро и другим фанатикам это не понравилось. Они по-прежнему считают нас почти животными. Им

---

[10] notes: 10
Совершившийся факт (фр.)

нужно в это верить, иначе придется признать, что люди заслужили свой статус в галактическом сообществе, что они равны остальным или даже выше многих!

— Я по-прежнему не понимаю...

— Посмотри вниз! — указал Фибен. — Взгляни глазами губру и скажи мне, что ты видишь!

Гайлет Джонс пристально взглянула на Фибена. Наконец вздохнула.

— Ну, раз уж ты настаиваешь... — Она наклонилась и снова оглядела двор.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. Фибен почти не слышал ее. Он придвинулся ближе.

— Расскажи, что ты видишь.

Она отвела взгляд, поэтому он ответил за нее.

— Перед тобой умные, хорошо обученные животные, подражающие своим хозяевам. Разве не так? Глазами губру ты видишь искусную имитацию людей-профессоров и людей-студентов... слепок лучших времен, формально воспроизведенный верными...

— Прекрати! — закричала Гайлет, зажимая уши. Она повернулась к Фибену, сверкая глазами. — Я тебя ненавижу!

Фибен удивился. Ей нелегко это дается. Может,

он просто вымещает на ней боль и унижения последних трех дней, которые отчасти дело ее рук?

Но нет. Ей нужно было показать, как ее народ выглядит в глазах врага!

Иначе как она научится сражаться с ним?

Он, конечно, поступил правильно.

«Все равно, — думал Фибен, — трудно выдерживать, когда тебя презирает красивая девушка».

Гайлет Джонс обвисла у столба, поддерживающего крышу колокольни.

— О Ифни и Гудолл! — сказала она, закрыв лицо. — А что, если они правы? Что, если это — правда?

Глава 34
АТАКЛЕНА

Глиф парафренлл повис над спящей девушкой, туманное облако неуверенности, дрожащее в темной комнате.

Это один из Глифов Судьбы. Лучше любого живого существа, предсказывающего свою судьбу, парафренлл знал, что несет в себе для нее будущее, что неизбежно.

И все же старался избежать его. Он не мог поступать иначе. Такова простая, чистая, неизбежная

сущность парафренлла.

Глиф дрожал в беспокойном сне Атаклены, поднимался, пока его неровный край не задел потолок пещеры. Глиф мгновенно отскочил от горящей реальности влажного камня и вернулся туда, где родился.

Атаклена повернула голову на подушке, и ее дыхание ускорилось.

Парафренлл в едва сдерживаемой панике парил над ее головой.

Бесформенный сонный глиф начал изменяться, его аморфное свечение постепенно превращалось в лицо с правильными чертами.

Парафренлл — это квинтэссенция. Его тема — сопротивление неизбежности. Он дергался и дрожал, пытаясь сдержать изменения, и на время лицо исчезло.

Здесь, над источником, опасность самая большая. Глиф метнулся к завешенному выходу, но неожиданно резко затормозил, словно парафренлл удерживают на короткой привязи.

Глиф становился все тоньше, вытягивался, пытаясь освободиться. Над спящей девушкой тонкие нити короны заволновались, натянулась, устремились вслед за капсулой психической энергии, потянули ее назад, назад.

Атаклена, дрожа, вздохнула. Ее бледная, почти прозрачная кожа вибрировала, тело напряглось, готовясь к изменениям. Но приказ не поступил. Плана не было. Гормонам и энзимам нечего было создавать.

Щупальца вытянулись, захватили парафренлл, потащили его.

Собрались вокруг сопротивляющегося символа, как пальцы, ласкающие глину, воссоздающие определенность из неопределенности, форму из неясного хаоса.

Но вот они отпали, обнажая то, во что превратился глиф… Весело улыбающееся лицо. Сверкающие кошачьи глаза. И недоброжелательная улыбка.

Атаклена застонала.

Появилась трещина. Она разделила лицо пополам и половинки разъединились. И появилось два лица!

Дыхание Атаклены участилось.

Два лица разделились в длину, их стало четыре. Это произошло снова — восемь… и снова — шестнадцать. Лица умножались, хохотали беззвучно, но оглушающе.

— Ах! — Атаклена открыла глаза. Они излучали прозрачный искусственный свет. Тяжело дыша,

сжимая одеяло, она села и увидела маленькое подземное помещение. Ей отчаянно нужно было увидеть что-то реальное: стол, слабый свет лампы, пробивающийся сквозь занавес. Она по-прежнему чувствовала присутствие этого существа, порожденного парафреннлом.

Теперь, когда она проснулась, оно растворялось, но медленно, очень медленно! Его смех звучал в такт с ударами ее сердца, и Атаклена знала, что бесполезно закрывать уши.

Как люди называют страшный сон? Кошмар. Но Атаклена слышала, что это лишь бледное, искаженное отражение событий дня, и обычно, проснувшись, люди его забывают.

Очертания комнаты медленно приобретали определенность. Но смех не просто исчез, потерпев поражение. Он впитался в стены. Она знала, что он ждет там. Ждет возврата.

— Тутсунаканн, — вслух вздохнула она. Слово на языке тимбрими прозвучало непривычно гнусаво после нескольких недель англика.

Глиф смеха — тутсунаканн — не рассеивался. И не рассеется, пока что-нибудь не изменится, пока неясная идея не превратится в шутку, розыгрыш.

А для тимбрими розыгрыш — это не обязательно всегда смешно.

Атаклена ждала, пока стихнут волнообразные движения под кожей.

Постепенно растворялась непрошенная гиррреакция.

«Вы не нужны, — сказала она энзимам. — Никакой опасности нет. Уходите, оставьте меня в покое».

С самого нежного возраста она привыкла к этим незначительным, незаметным изменениям, они стали частью ее жизни — иногда просто неудобство, а часто необходимость. Но после прибытия на Гарт она представляла себе маленькие жидкие органы как крошечные существа, похожие на мышей или суетливых гномов, которые бегают по ее телу и совершают изменения, когда в них возникает потребность.

Странный способ представлять себе естественные органические функции!

Многие животные на Тимбриме обладают этой способностью. Она возникла в результате эволюции в лесах Тимбрима задолго до того, как прилетели из космоса калтмуры и дали предкам Атаклены речь и закон.

Конечно, в этом... причина того, что до прилета на Гарт ей не нравились эти деловитые маленькие существа. До возвышения ее предразумные

предки не могли сравнивать. А после возвышения они уже познали научную истину.

Но люди... земные волчата... приобрели разум без всякого руководства.

Им не давали ответов, как ребенку дают знания родители и учителя. Они сами перешли от невежества к сознанию и провели долгие тысячелетия, двигаясь в темноте на ощупь.

Нуждаясь в объяснениях и не имея готовых, они приобрели привычку находить собственные! Атаклена вспомнила, как ей было интересно читать о некоторых таких объяснениях.

Болезнь вызывается «парами», или излишком желчи, или проклятием врага... Солнце движется по небу в большой колеснице... Ход истории определяется экономикой...

А в теле живет душа...

Атаклена коснулась пульсирующего бугорка под подбородком и вздрогнула, когда он отодвинулся, словно маленькое пугливое существо.

Ужасающая вещь, эта метафора, она страшнее, чем тутсунаканн, потому что вторгается в самое тело, в самую суть.

Атаклена застонала и закрыла лицо руками.

«Сумасшедшие земляне! Что они со мной сделали?» Она вспомнила, как отец призывал ее

лучше узнавать людей, преодолеть свои предрассудки относительно обитателей третьей планеты Солнца. Но что вышло из этого? Она обнаружила, что ее судьба переплелась с их судьбами, и она бессильна повлиять на это.

— Отец, — вслух сказала она на галактическом-семь. — Я боюсь.

Теперь у нее остается только воспоминание об отце. Даже свечение нахакиери, которое она ощутила в Хаулеттс-Центре, больше недоступно для нее, может, исчезло навсегда. Она не может опускаться внутрь в поисках отца, потому что там ждет тутсунаканн, как некий подземный зверь.

«Опять метафора, — поняла она. — Они переполняют мои мысли, и собственные глифы приводят меня в ужас!»

Шум в коридоре заставил ее поднять голову. Занавес отдернули, и на пол лег треугольник света, на фоне которого была видна чуть согнутая фигура шимпа.

— Прошу прощения, мисс Атаклена, сэр. Не хотелось нарушать ваш отдых, но мы подумали, что вы захотите знать...

Атаклена глотнула, прогоняя комок из горла. Вздрогнула и сосредоточилась на англике.

— Да? Что случилось?

Шимп сделал шаг вперед, частично закрыв свет.

— Капитан Онигл, сэр. Я... Боюсь, мы нигде не можем его отыскать.

Атаклена замигала.

— Роберт?

Шимп кивнул.

— Его нигде нет, сэр. Он просто исчез!

Глава 35
РОБЕРТ

Лесные животные останавливались и настороженно прислушивались. Шорох шагов заставлял их нервничать. Все без исключения, они прятались в укрытиях и оттуда смотрели, как большой зверь пробегает мимо, перепрыгивая с камня на мягкий суглинок.

К низкорослой двуногой разновидности, а также к тем большим зверям, что часто передвигаются на трех конечностях, они уже начали привыкать. Это волосатые и пахнут как животные. Но этот зверь совсем другой. Он бежит, но не охотится. Его преследуют, но он не пытается сбить преследователей со следа. Он теплокровный, но, отдыхая, лежит на полуденном солнце,

которое могут выдержать только птицы.

Маленькие наивные существа не связывали бегущего зверя с теми, что летают в металлических и пластиковых остро пахнущих оболочках, потому что те всегда издают так много шума, и от них всегда так несет...

Но этот зверь... он бежит совсем без одежды.

* * *

— Капитан, стойте!

Роберт перескочил на следующий булыжник в осыпи. Наклонился, переводя дух, и посмотрел на своего преследователя.

— Устал, Бенджамин?

Офицер-шимп тяжело дышал, он наклонился, опираясь обеими руками о колени. Ниже по склону лежали остальные шимпы из разведывательной группы, некоторые на спинах, не в состоянии двигаться.

Роберт улыбнулся. Они, должно быть, решили, что его легко будет поймать. Ведь в конце концов шимпы в лесу как дома. И даже у самки хватит сил, чтобы схватить его и унести назад.

Но Роберт все рассчитал. Он держался открытой местности и использовал личное преимущество — длинные ноги.

— Капитан Онигл... — снова попробовал Бенджамин, переведя дыхание. Он поднял голову и сделал шаг вперед. — Капитан, пожалуйста, вы больны.

— Я себя отлично чувствую, — заявил Роберт, лишь немного солгав. На самом деле ноги у него начало сводить судорогой, правая рука болела: он сам снял свой гипс. И еще босые ноги...

— Блесни логикой, Бенджамин, — сказал Роберт. — Докажи мне, что я болен, и, может быть, я вернусь с вами в эти вонючие пещеры.

Бенджамин, мигая, смотрел на него. Потом пожал плечами, очевидно, готовый ухватиться за любую соломинку. Роберт доказал, что они не смогут догнать его. Может быть, логика на него подействует.

— Ну, сэр. — Бенджамин облизал губы. — Во-первых, тот факт, что на вас нет никакой одежды.

Роберт кивнул.

— Неплохо для начала. Я согласен, что простейшее, самое естественное объяснение моей наготы в том, что я спятил. Но оставляю за собой право предложить альтернативную теорию.

Шимп вздрогнул, заметив улыбку Роберта. Роберт не мог не сочувствовать Бенджамину. С точки зрения шимпа, происходит трагедия, и он

никак не может предотвратить ее.

— Пожалуйста, продолжай, — сказал Роберт.

— Хорошо, — вздохнул Бенджамин. — Во-вторых, вы убегаете от шимпов, которые вам подчиняются. Патрон, который боится своих верных клиентов, не может быть в здравом рассудке.

Роберт кивнул.

— От клиентов, которые оденут на патрона смирительную рубашку и при первой же возможности накачают его успокоительным? Не пойдет, Бен. Если ты примешь мою посылку, что у меня есть причина для такого поведения, ты поймешь: я должен пытаться помешать вам, ребята, утащить меня назад.

— Хм... — Бенджамин шагнул вперед. Роберт небрежно перескочил на булыжник выше по склону. — Ваша причина может быть неразумной, — предположил Бенджамин. — Неврозы защищаются, они пытаются рационализировать нелепое поведение. Больной на самом деле верит...

— Хорошее доказательство, — жизнерадостно согласился Роберт. — Для дальнейших рассуждений принимаю, что моя «причина» на самом деле объяснение, предложенное неуравновешенным мозгом. Может быть, ты в обмен признаешь, что

эта причина может быть разумной?

Бенджамин оскалил зубы.

— Вы нарушаете приказ. Здесь запрещено находиться.

Роберт вздохнул.

— Приказ ити, да еще штатского, офицеру морской пехоты? Шимп Бенджамин, ты удивляешь меня. Я согласен: Атаклена организует сопротивление. У нее к этому склонность, и большинство шимпов преклоняются перед ней. Но я предпочитаю действовать независимо. Ты знаешь, я имею на это право.

Разочарование Бенджамина было очевидно. Шимп, казалось, находится на грани истерики.

— Но вы здесь в опасности!

Наконец-то. Роберт гадал, сколько еще Бенджамин выдержит эту игру в логику, когда каждая мышца его дрожит от волнения: последний уцелевший человек в опасности. Роберт сомневался, чтобы в аналогичных обстоятельствах многие люди повели бы себя лучше.

Он собирался что-то сказать об этом, но тут голова Бенджамина резко дернулась. Шимп прислушался к небольшому приемнику. И на лице его отразилась тревога.

Должно быть, некоторые шимпы тоже услыша-

ли это сообщение, потому что переступали с ноги на ногу, глядя на Роберта с растущей паникой.

— Капитан Онигл, сообщение о звуковых сигналах на северо-востоке. Газовые роботы!

— Расчетное время появления?

— Четыре минуты! Пожалуйста, капитан, идемте!

— Куда? — Роберт пожал плечами. — Мы не доберемся за это время до пещер.

— Мы можем вас спрятать. — Но, судя по ужасу Бенджамина, он понимал, что это невозможно.

Роберт покачал головой.

— У меня есть предложение получше. Но нам нужно прекратить наш небольшой спор. Ты должен согласиться, что я здесь по уважительной причине, шимп Бенджамин. И немедленно!

Шимп смотрел на него, потом неуверенно кивнул.

— Я... у меня просто нет выбора.

— Отлично, — сказал Роберт. — А теперь раздевайся.

— С... сэр?

— Снимай одежду! И этот твой передатчик! Пусть все разденутся. Снимите с себя все! Во имя любви к патронам не оставляйте ничего, кроме кожи и шерсти. А потом идите сюда ко мне, к

деревьям на вершине осыпи.

Роберт не стал ждать, пока мигающий шимпанзе выполнит этот странный приказ. Он повернулся и побежал по склону, оберегая ногу, которую порезал во время бега.

«Сколько времени осталось?» — думал он. Даже если он прав — а Роберт знал, что он очень рискует, — все равно нужно забраться как можно выше.

Он не мог удержаться и все время поглядывал на небо в поисках роботов-бомбардировщиков. И поэтому споткнулся и упал на колени, достигнув вершины. Прополз последние два метра, срывая кожу, и укрылся под ближайшим карликовым деревом. Согласно его теории, неважно, будет ли он на виду. Но все же Роберту хотелось спрятаться. Возможно, у роботов губру есть дополнительные оптические приборы.

Он слышал крики снизу, там яростно спорили шимпы. Потом с севера донеслось слабое гудение.

Роберт глубже забрался в кусты, хотя острые сучки царапали нежную кожу. Сердце забилось сильнее, во рту пересохло. Если он ошибся, если шимпы не послушаются его приказа...

Если хоть одно условие будет нарушено, он

вскоре окажется на пути в Порт-Хелению, к интернированию. Или вообще умрет. В любом случае Атаклена останется одна, единственный уцелевший в горах патрон. А он проведет оставшиеся минуты или годы жизни, кляня себя последними словами.

«Может, мать была права и я действительно лишь вечный плейбой. Ну, скоро увидим».

Застучали камни, скатывающиеся по осыпи. Пять коричневых фигур достигли зарослей, и в этот момент гул над головой достиг крещендо. Шимпы быстро повернулись, подняв облака пыли, и смотрели широко раскрытыми глазами. Над маленькой долиной повис корабль чужаков. Роберт в своем укрытии откашлялся. Шимпы, которым без одежды было явно неловко, напряженно и удивленно посмотрели на него.

— Ребята, вы лучше все выбросьте, включая эти ваши наушники, иначе я от вас снова убегу.

Бенджамин фыркнул.

— Мы разделись. — Он кивком указал вниз, в долину. — Гарри и Франк не захотели. Я им велел забраться на другой склон и держаться от нас подальше.

Роберт кивнул. Вместе со своими спутниками он смотрел, как робот начинает действовать.

Остальные это уже видели, но у него раньше такой возможности не было. И поэтому Роберт смотрел не просто с легким интересом.

* * *

Корабль-робот, примерно пятидесяти метров в длину, каплевидный, на остром конце установлены медленно поворачивающиеся сканеры. Газовый робот пролетел над долиной справа налево, от его гравиполя дрожала листва деревьев. Летая зигзагами над каньоном, он как будто принюхивался. Исчез за холмом.

Гудение стихло, но ненадолго. Скоро звук вернулся, а вслед за ним снова появилась машина. На этот раз за ней тянулось темное ядовитое облако. Газробот пролетел над долиной и оставил самый толстый слой газа в том месте, где шимпы бросили свою одежду и оборудование.

— Я поклялся бы, что эти мини-компьютеры невозможно обнаружить, — прошептал один из шимпов. — Придется нам выходить совсем без электроники, — с несчастным видом добавил другой, глядя, как корабль снова исчезает из виду. Все дно долины затянулось газом.

Бенджамин посмотрел на Роберта. Оба знали, что это еще не конец.

Высокое гудение послышалось снова, машина губру вернулась и пролетела на большей высоте. Ее сканеры осматривали оба склона долины.

Машина остановилась прямо напротив них. Шимпы застыли, словно глядели в глаза огромного тигра. Так продолжалось несколько мгновений. Потом бомбардировщик двинулся под прямым углом к прежнему курсу.

Прочь от них.

И выпустил облако газа на противоположный склон. С той стороны послышался кашель и громкие проклятия. Один из шимпов бранил химию губру.

Робот начал по спирали набирать высоту. Очевидно, поисковый маршрут вскоре приведет его к землянам на этом склоне.

— Есть у кого-нибудь предметы, не предъявленные таможне? — сухо спросил Роберт.

Бенджамин повернулся к одному из неошимпов. Протянул руку. Младший шимп сердито разжал ладонь. Сверкнул металл.

Бенджамин схватил цепочку и медальон, на мгновение выпрямился и швырнул их вниз. Цепочка сверкнула и исчезла в дымном облаке.

— Возможно, в этом не было необходимости, — сказал Роберт. — Придется поэкспериментиро-

вать. Будем выкладывать различные предметы в разных местах и посмотрим, какие вызовут бомбардировку... — Он говорил для того, чтобы поддержать моральный дух. И не только их, но и свой. — Я полагаю, что это что-то очень простое, обычное, но рассчитанное на Гарт. Его резонанс говорит о земном происхождении.

Бенджамин и Роберт посмотрели друг на друга. В словах не было нужды.

Истинная причина или попытки объяснения? Через десять секунд станет ясно, прав Роберт или катастрофически заблуждается.

«Они могут засекать и нас, — подумал Роберт. — Ифни! Что, если они настроены на человеческую ДНК?»

Робот пролетел над головой. Все закрыли уши и поморщились: поля отталкивания задели нервные окончания. Роберт испытал волну deja vu[11], как будто он и его спутники уже многократно испытывали это в бесчисленных прежних жизнях. Трое шимпов закрыли головы руками и заскулили.

Остановилась ли машина? Роберту показалось, что остановилась, что сейчас она начнет...

---

[11] notes: 11
Уже видел (фр.)

Но вот она миновала их... задрожали вершины деревьев в десяти метрах... в двадцати... в сорока. Поисковая спираль расширилась, и вой двигателей газробота медленно стих в отдалении. Машина улетела в поисках новых целей.

Роберт посмотрел на Бенджамина и подмигнул.

Шимп фыркнул. Очевидно, он считал, что Роберт не должен быть таким самоуверенным, оттого что оказался прав. В конце концов он ведь патрон.

И еще важен стиль. Бенджамину явно хотелось, чтобы Роберт более достойно продемонстрировал свою правоту.

* * *

Роберт должен будет вернуться в пещеры другим путем, избегая малейшего контакта с газом принуждения. Шимпы собрали свои вещи и стряхнули черный, похожий на сажу порошок. Но снова одеваться не стали.

И не только из-за чуждого запаха. Впервые сами предметы вызвали их подозрение. Инструменты и одежда, сами символы разума, вдруг стали предателями. Им нельзя доверять.

Домой шли обнаженными.

Потребовалось какое-то время, чтобы маленькая долина вернулась к нормальной жизни. На туземных обитателей Гарта не действовал газ, который время от времени спускался с неба. Но он нравился им не больше, чем шумные двуногие существа.

Нерешительно, нервно туземные животные возвращались на свои жилые и охотничьи территории.

Такой реакции естественно ожидать от тех, кто пережил катастрофу бурурали. На северном краю долины животные останавливались и прислушивались, подозрительно нюхали воздух.

Многие снова уходили. Что-то чуждое поселилось в долине. И пока не уйдет, возвращения домой не будет.

Темная фигура показалась на склоне, осторожно пробираясь между камнями, где черный слой самый толстый. Сгущались сумерки. Животное смелее двинулось вперед, больше не прячась, потому что здесь ничто не может ему повредить. Оно задержалось, разглядывая что-то. Заходящее солнце отразилось от этого чего-то. Существо подобралось к блестящему предмету, цепочке и медальону среди камней, и подобрало его.

Посидело, разглядывая этот подарок на память,

негромко дыша. Потом уронило блестящую безделушку и пошло дальше.

Оно ушло, и остальные животные завершили одиссею и разбежались по своим нишам и убежищам. И через минуту все было забыто. Изнурительный день кончился.

Память бывает помехой. У животных есть занятия поважнее, чем размышления о том, что произошло здесь раньше. Приближается ночь, а это трудное время суток. Охотиться и убегать от охотников, есть и быть съеденным, жить и умирать.

Глава 36
ФИБЕН

— Мы должны наносить удары таким образом, чтобы они не могли выйти на нас.

Гайлет Джонс сидела, скрестив ноги, на ковре, спиной к углям очага.

Она посмотрела на ad hoc[12] комитет сопротивления и подняла один палец.

— Люди на острове Гилмор и на других островах совершенно беспомощны перед наказанием.

---

[12] notes: 12
На данный случай; временный (лат.)

Кстати, все городские шимпы тоже. Поэтому начинать нужно осторожно и сосредоточиться на разведке, прежде чем сумеем по-настоящему нанести ущерб врагу. Если губру поймут, что перед ними организованное сопротивление, невозможно предсказать, что они сделают.

Фибен из своего затененного конца комнаты видел, как один из вновь назначенных руководителей ячейки, профессор колледжа, поднял руку.

— Но как они могут угрожать заложникам? Это запрещено галактическим кодексом войны. Помнится, я читал...

Его прервала одна из старших шимми.

— Доктор Уолд, мы не можем рассчитывать на галактические кодексы. Мы просто не знаем всех тонкостей, и у нас нет времени на их изучение!

— Ну, мы можем проверить, — неуверенно возразил пожилой шен. — Городская Библиотека открыта.

— Да, — фыркнула Гайлет. — Можно представить себе, как отнесется старший библиотекарь-губру к запросу о правилах войны сопротивления!

— Ну предположительно.

Они уже довольно давно спорили об этом. Фибен откашлялся в кулак. Все подняли головы.

Впервые с начала встречи Фибен заговорил.

— Вопрос спорный, — спокойно сказал он. — Даже если бы мы знали, что заложники в безопасности, Гайлет все равно права, потому что есть еще одна причина.

Она подозрительно взглянула на него. Вероятно, не очень довольна, что он поддержал ее.

«Она очень умна, — подумал Фибен. — Но у меня с ней еще будут неприятности».

Он продолжал.

— Первые наши удары должны казаться легкими, потому что сейчас захватчики расслабились, они ничего не подозревают и совершенно презирают нас. Такие условия сохранятся недолго. Мы должны их использовать, чтобы сопротивление скоординировало свои действия и укрепилось.

— Это значит, что мы не должны очень высовываться, пока не получим приказ генерала.

Он улыбнулся Гайлет и прислонился к стене. Гайлет нахмурилась, но ничего не ответила. Они и раньше спорили, нужно ли подчинять сопротивление в Порт-Хелении юной девушке-чужаку. Здесь ничего не изменилось.

Но сейчас он ей необходим. Выступление Фибена в «Обезьяньей грозди» привело десятки новобранцев и наэлектризовало ту часть общи-

ны, которая наслушалась пропаганды губру.

— Хорошо, — сказала Гайлет. — Начнем с чего-нибудь простого. О чем ты сможешь доложить своему генералу.

Их взгляды на мгновение скрестились. Фибен только улыбнулся и задержал ее взгляд. Заговорили остальные.

— А что, если мы...

— Как насчет взрыва...

— Может быть, единый удар...

На Фибена обрушился поток предложений — как ужалить и одурачить древнюю, опытную, высокомерную и необыкновенно могущественную галактическую расу; и он чувствовал, что знает, о чем думает Гайлет, о чем она должна думать после посещения колледжа Порт-Хелении.

«На самом ли деле мы разумные существа в отсутствие наших патронов? Рискнем ли применить даже самые блестящие планы против мощи, которую и осознать не можем?»

Фибен кивнул, соглашаясь с Гайлет Джонс. «Да, действительно. Начинать нужно с простого».

Глава 37

Расходы росли, но не только это тревожило сюзерена Стоимости и Бережливости. Новые противокосмические укрепления, непрерывные газовые атаки на любое место, где можно заподозрить присутствие землян, — все эти меры были предложены сюзереном Луча и Когтя, и в начальной стадии операции трудно было возражать военному руководителю экспедиции.

Но дело сюзерена Стоимости и Бережливости не только в подсчетах расходов. Главная его задача — защитить расу губру от возможных последствий ошибок.

Как много космических видов возникло с тех пор, как три миллиарда лет назад Прародители начали великую цепь возвышения! Многие расы расцвели, достигли высот величия, но потом погибли из-за глупых ошибок, которых вполне можно было избежать.

Это еще одна причина, по которой власть у губру разделяется.

Агрессивный дух солдат Когтя должен отыскивать новые возможности для Насестов. Опыт Праведности не позволяет свернуть с Истинного Пути. Но вдобавок обязательно должна быть Бе-

режливость, крик предупреждения, что смелость может завести слишком далеко, а чрезмерный догматизм тоже приводит к падению насестов. Сюзерен Стоимости и Бережливости расхаживал по своему кабинету. За окружающими садами лежит маленький город, который люди называют Порт-Хеления. Везде чиновники губру и кваку обсуждают подробности, подсчитывают расходы, строят планы.

Скоро состоится новое совещание с остальными сюзеренами. Сюзерен Стоимости и Бережливости знает, что возникнут другие требования.

Коготь спросит, почему большая часть флота отозвана. И придется доказывать, что Повелителям Насестов флот больше нужен в другом месте: ведь Гарт в безопасности.

Праведность снова будет жаловаться, что планетарная Библиотека совершенно неадекватна и, по-видимому, повреждена бежавшим правительством землян. Или саботаж организовал тимбримийский шутник Утакалтинг? Во всяком случае, будут требования об установке расширенной ветви Библиотеки, а это чрезвычайно дорого.

Сюзерен Стоимости и Бережливости распушил оперение. На этот раз он чувствует себя уверенно.

До сих пор он уступал остальным двум, но сейчас положение под контролем, обстановка мирная.

Остальные двое моложе, не такие опытные. Умные, но торопливые. Пора показать им, как обстоят дела, как они должны обстоять, если они намерены выработать разумную, здравую политику. На этой встрече, уверял себя сюзерен Стоимости и Бережливости, он победит!

Сюзерен почистил клюв и выглянул, увидев мирный полдень. Прекрасные сады, с десятками разновидностей деревьев и трав, привезенных со многих планет. Прежнего обитателя здания нет, но его вкус чувствуется в окружении.

Как печально, что таких губру, которые думают об эстетическом чувстве других рас, можно по пальцам пересчитать. Есть слово, описывающее восприятие чужого. В англике это — эмпатия. Конечно, некоторые разумные заходят здесь слишком далеко. Теннанинцы и тимбрими, каждые по-своему, дошли до нелепости, разрушив свою уникальность. Но все же среди Повелителей Насестов есть и такие, которые считают, что небольшая доза понимания и оценки других в будущем может оказаться полезной.

Более чем полезной. Осторожность просто требует ее теперь.

Сюзерен подготовил свои планы. Мудрые замыслы других сюзеренов объединятся под его руководством. Уже становятся ясными очертания новой политики.

Жизнь — очень сложная штука, думал сюзерен Стоимости и Бережливости.

Но все же иногда она бывает очень приятной!

Какое-то время сюзерен удовлетворенно ворковал в одиночестве.

Глава 38
ФИБЕН

— Все готово.

Высокий шимп вытер руки о комбинезон. Макс носит комбинезон с длинными рукавами, чтобы не пачкать руки, но это не очень помогает. Он отложил инструменты, присел рядом с Фибеном и с помощью прутика начертил на песке грубую схему.

— Вот здесь городские трубы с водородом выходят на территорию посольства, а здесь они проходят под архивом. Мы с партнером вскроем соединение в этом лесу. Когда доктор Джонс даст знак, выльем пятьдесят килограммов Д-17. Должно подействовать.

Фибен кивнул, и Макс стер рисунок.

— Звучит превосходно, Макс.

Хороший план, простой, и, что еще важнее, невозможно найти источник, независимо от того, удастся ли этот план. По крайней мере они на это рассчитывают.

Фибен подумал, что бы сказала Атаклена об этом плане. Подобно большинству шимпов, Фибен познакомился с тимбрими по видеодрамам и речам посла. Судя по этому представлению, ближайшие союзники землян явно любят юмор.

«Надеюсь на это, — размышлял Фибен. — Ей определенно понадобится юмор, чтобы оценить наши действия в посольстве тимбрими».

Он чувствовал себя странно, сидя на открытом месте не более чем в ста метрах от территории посольства, там, где пологие холмы парка Приморского Обрыва выходят к морю Гилмор. В старых военных фильмах люди на подобные задания отправлялись всегда ночью, с зачерненными лицами.

Но это было в темные века, до высокой технологии, до появления инфракрасных сканеров. Деятельность после наступления темноты только привлечет внимание захватчиков. Поэтому саботажники передвигались днем, выдавая себя

за рабочих парка.

Пока они ждали, Макс достал из вместительного комбинезона сандвич и начал есть его большими кусками. Сейчас, сидя со скрещенными ногами, рослый шимпанзе не менее внушителен, чем при первой встрече в «Обезьяньей грозди». По его широким плечам и выступающим вперед мощным клыкам можно подумать, что он — результат неудачной генной инженерии, регрессировавший организм. Но Совет возвышения на внешность обращает мало внимания, зато ценит спокойный невозмутимый характер. У Макса уже есть один ребенок, и одна из его жен ждет сейчас второго.

Макс работает в семействе Гайлет с тех пор, как она помнит себя, и заботится о ней после ее учебы на Земле. Его преданность ей очевидна.

Слишком мало шимпов с желтыми картами, как Макс, стали членами подполья. Гайлет настаивала, чтобы привлекали только синие и зеленые карты, и Фибену от этого было не по себе. Но он понимал ее. Известно, что некоторые шимпы сотрудничают с врагом. Поэтому сеть надо создавать из тех, кто больше всего теряет при господстве губру. Но Фибену все равно не нравилась дискриминация.

— Лучше себя чувствуешь?

— А? — Фибен оглянулся.

— Твои мышцы, — Макс сделал жест. — Не болят?

Фибену пришлось улыбнуться. Макс постоянно извиняется. За то, что не вступился за Фибена, когда к нему приставали испытуемые, за то, что потом выстрелил в него из станнера. Конечно, теперь его действия объяснимы. Ни Макс, ни Гайлет не знали, кто такой Фибен на самом деле, и решили проявить осторожность.

— Да, гораздо лучше. Иногда сводит немного. Спасибо.

— Ммм, хорошо. Я рад. — Макс, довольный, кивнул.

Фибен подумал, что никогда не слышал сожалений Гайлет по поводу того, как с ним обошлись в «Обезьяньей грозди».

Он затянул очередной болт на газонокосилке, которую ремонтировал.

Косилка на самом деле нуждалась в ремонте — на случай, если заинтересуется патруль губру. Но пока им везет. К тому же большинство чужаков на южном берегу залива Аспинал, где присматривают за одним из своих загадочных сооружений.

Фибен достал из-за пояса бинокль и направил

на посольство. Всю его территорию окружает низкая пластиковая изгородь с блестящим проводом поверху. Через равные промежутки расположены вращающиеся наблюдательные буи. Маленькие вертящиеся диски выглядят невинным украшением, но Фибен знал, что это не так. Эти защитные устройства делают прямое нападение нерегулярных сил невозможным.

Изгородь опоясывает пять зданий. Самое большое — архив — оснащено полным набором современного оборудования, с антеннами радио, пси и квантовых волн. Именно по этой причине захватчики заняли это здание, лишившееся своих обитателей.

До вторжения в посольстве работали по найму люди и шимпы. Тимбрими в этом далеком посольстве были только сам посол, его личный пилот и дочь.

Захватчики не следовали этому примеру. Вся территория кишела птичьими фигурами. И только в одном маленьком сооружении, на вершине холма, на берегу океана, не видно многочисленных входящих и выходящих губру и кваку.

Пирамидальное сооружение без окон скорее напоминает насыпь или груду камней, чем дом, и никто из чужаков не подходит к нему ближе

двухсот метров. Фибен вспомнил, что сказала ему генерал перед тем, как он ушел из горного района.

— Фибен, если выпадет случай, пожалуйста, осмотри дипломатический сейф в посольстве. Если губру его не тронули, там может быть послание от моего отца.

Шлем Атаклены на мгновение встопорщился.

— А если губру вскрыли сейф, я тоже должна об этом знать. Мы сможем использовать эту информацию.

Не похоже, что ему представится возможность выполнить ее просьбу, даже если губру соблюдают Кодекс. Генералу придется обойтись отчетом о результатах визуального наблюдения.

— Что ты видишь? — спросил Макс. Он продолжал спокойно жевать сандвич, словно каждый день поднимает восстания.

— Минутку. — Фибен усилил увеличение и пожалел, что у него нет лучшего бинокля. Насколько он может судить, пирамида на вершине холма не тронута. На крыше небольшого сооружены мигает голубой огонек. «Кто его там зажег? Губру?» — подумал Фибен.

— Не знаю, — ответил он. — Но думаю...

Загудел телефон на поясе — еще одна примета

нормальной жизни, которая должна была кончиться с нашествием. Коммерческая телефонная сеть работает, хотя ее явно прослушивают лингвистические компьютеры губру.

Он взял трубку.

— Да, милая? Я уже проголодался. Надеюсь, ты приготовила ленч.

Наступила пауза. Когда Гайлет Джонс ответила, голос ее звучал резко.

— Да, дорогой. — Она придерживалась условного кода, но он явно ей не нравился. — Брачная группа Пила сегодня отдыхает, поэтому я пригласила их на пикник.

Фибен не мог удержаться — разумеется, исключительно для правдоподобия.

— Отлично, дорогая. Может, нам с тобой удастся улизнуть в лес и сделать ук-ук. Понимаешь?

Она ахнула, и Фибен, не давая ей ответить, закончил:

— Пока, сладкая. — Опуская трубку, он заметил, как смотрит на него Макс, с едой за щекой. Фибен поднял бровь, и Макс пожал плечами, как бы говоря: «Не мое дело».

— Пойду взгляну, все ли готово у Дуэйна, — сказал Макс. Он встал и отряхнул комбинезон. — Поднять якорь, Фибен.

— Прочистить фильтры, Макс.

Рослый шимп кивнул и начал спускаться с холма, неторопливо, словно продолжается нормальная жизнь. Фибен опустил кожух и включил щетку. Мотор негромко заурчал. Фибен вскочил на сиденье и тоже медленно двинулся вниз по склону холма.

В этот полдень уик-энда парк битком набит отдыхающими. Это тоже часть плана. Чтобы приучить захватчиков к необычному поведению шимпов, все большие их группы направлялись сюда в течение недели.

Это идея Атаклены. Фибен не был уверен, что она ему понравилась, однако Гайлет полностью приняла предложение тимбрими. Загадка для антрополога. Фибен хмыкнул.

Он подъехал к небольшой рощице ив у ручья, недалеко от территории посольства, вблизи ограды и маленьких вертящихся наблюдателей. Здесь Фибен выключил мотор и слез. Подошел к берегу ручья, разбежался и запрыгнул на дерево. Добрался до ветки, с которой видна вся территория. Потом достал мешочек с арахисом и принялся грызть.

Ближайший диск как будто на мгновение перестал поворачиваться. Вне всякою сомнения,

он уже просветил Фибена всеми возможными способами, от рентгеновских лучей до радара. И установил, что он безоружен и безвреден.

Целую неделю разные шимпы устраивали здесь перерыв на ленч.

Фибен вспомнил вечер в «Обезьяньей грозди». Возможно, Атаклена и Гайлет правы, подумал он. Если птички пытаются манипулировать нами, почему бы нам не попробовать то же по отношению к ним?

Снова зазвонил его телефон.

— Да?

— Знаешь, у Дональда метеоризм. Так что на пикник он не придет.

— Жаль, — ответил Фибен и убрал телефон. Пока все в порядке. Он разгрыз еще один орех. Д-17 залит в трубы, доставляющие водород в посольство. Но есть еще несколько минут, прежде чем что-нибудь произойдет.

Идея простая, хотя у Фибена оставались сомнения. Саботаж должен выглядеть естественно и происходить тогда, когда все невооруженные группы Гайлет займут свои места. Рейд должен только вызвать помехи, а не причинить серьезный вред. И Гайлет, и Атаклене нужна информация о том, что делают губру в чрезвы-

чайной ситуации.

Фибен должен был стать глазами и ушами генерала. Он видел, как на территории посольства птицеподобные входят в архив и другие здания и выходят из них. Маленький синий огонек на верху дипломатического сейфа мигал на фоне ярких морских облаков. Над головой прогудел флиттер губру и начал садиться на широкую лужайку посольства. Фибен наблюдал с интересом, ожидая начала суматохи.

Д-17 — мощный разъедающий газ, особенно в присутствии водорода. Он очень скоро разъест трубы. А когда соединится с воздухом, преподнесет еще один сюрприз. Вонять будет до самого неба.

Долго ждать не пришлось.

Фибен улыбнулся, услышав первые крики ужаса со стороны архива. Через мгновение двери и окна здания словно взорвались: пернатые вылетали из них, дико вопя от ужаса или отвращения. Отчего именно, Фибен не знал, но ему было безразлично. Он слишком увлекся наблюдениями.

Эта часть плана была его идеей. Он очистил орех, подбросил и поймал ртом. Гораздо лучше бейсбола!

Губру разбегались врассыпную, прыгали с бал-

конов даже без антигравитационных устройств. Некоторые лежали на земле с переломанными конечностями.

Тем лучше. Конечно, для врага это не очень серьезный урон, да и проделать такое можно только раз. Истинная цель — понаблюдать, как поведут себя губру в чрезвычайной ситуации.

Завыли сирены. Фибен взглянул на часы. Прошло две минуты с первых признаков паники. Это означает, что тревогу включили вручную. Хваленые оборонительные компьютеры губру, значит, не всеведущи. Они не реагируют на дурной запах.

Буи-сторожа одновременно поднялись с изгороди, издавая угрожающий вой, и завертелись быстрее. Фибен стряхнул с колен скорлупу и медленно сел, осторожно наблюдая за смертоносными приборами. Если они запрограммированы автоматически расширять защитный периметр независимо от причины угрозы, у него могут быть неприятности.

Но они только вращались все быстрее. Потребовалось, по часам Фибена, еще три минуты, и послышался тройной звуковой удар: появились боевые машины. Стреловидные, похожие на клюв ястреба, они низко пронеслись над опу-

стевшим зданием. Губру на лужайке, казалось, слишком нервничают, чтобы радостно приветствовать их появление. Они прыгали и кричали, когда от звуковой волны задрожали деревья и их оперение.

Появился важный чиновник-губру, он ходил по газону, чирикал, успокаивая подчиненных. Фибен не решился воспользоваться биноклем: сторожа сейчас возбуждены. Он пристально вглядывался, стараясь разглядеть главную птицу. Несколько особенностей этого губру показались ему странными: белое оперение, светящееся ярче, чем у остальных, черная лента на шее.

Несколько минут спустя появилось вспомогательное судно и повисло, ожидая, пока щебечущие птицы расступятся и освободят место для посадки. Из приземлившегося флиттера вышли две птицы в ярких дыхательных масках с высоким гребнем. Они поклонились чиновнику, поднялись по ступенькам и исчезли в здании.

Очевидно, главный губру сообразил, что вонь из разъеденных труб не представляет угрозы. Весь этот шум и суматоха гораздо больше вредили его команде чиновников и планировщиков, чем дурной запах. Несомненно, он встревожен, потому что целый рабочий день пошел насмарку.

Шло время. Фибен наблюдал за прибытием конвоя наземных машин с воющими сиренами. Их появление снова привело птицеподобных в возбужденное состояние. Старший губру хлопал руками, пока шум немного не стих. Потом сделал повелительный жест сверхзвуковым истребителям вверху.

Они сразу развернулись и улетели так же быстро, как появились. От ударной волны снова задребезжали окна и закричал штат архива.

— Как они легко возбуждаются, — заметил Фибен.

Несомненно, солдаты губру гораздо лучше подготовлены к таким происшествиям.

Фибен встал на ветке и осмотрел остальные районы парка. Повсюду изгородь была окружена шимпами, еще больше их подходило из города. Они держались на почтительном расстоянии от сторожей, но все же подходили и взволнованно разговаривали друг с другом.

Среди них мелькали разведчики Гайлет Джонс. Они отмечали время и запоминали все действия чужаков.

— Первое, что губру прочтут о вас в архивах Библиотеки, это так называемый обезьяний рефлекс, — говорила Фибену Атаклена. — Тенденция ан-

тропоидов приближаться к месту происшествия — чистой воды любопытство.

— Консервативные виды находят это странным, а птицеподобным такая склонность людей и шимпов покажется особенно нелепой. У них нет даже тени юмора.

Она улыбнулась.

— Мы заставим их привыкнуть к такому поведению, и они решат, что эти странные земляне всегда сбегаются к катастрофам... просто поглазеть.

— Они привыкнут не бояться вас, но они должны будут разговаривать... как обезьяна с обезьяной.

Фибен понимал, что она имеет в виду. Тимбрими в этом отношении похожи на людей и шимпов. И ему передалась ее уверенность. Но вот она неожиданно нахмурилась и заговорила с собой, очевидно, забыв, что он понимает галактический-семь.

— Обезьяны... одна обезьяна с другой... Самбатуралли! Неужели я всегда буду думать метафорами?

Это озадачило Фибена. К счастью, ему не нужно было на этот раз понимать, о чем говорит Атаклена. Он только понял, что она может попросить

его о чем угодно, и он послушно побежит.

Немного погодя в наземных машинах прибыли ремонтники, на этот раз среди них были и шимпы в униформе газового департамента города.

Чиновники-губру расположились в тени деревьев, все еще раздраженно чирикая из-за дурного запаха.

Фибен их не винил. Ветер подул в его сторону. И он в отвращении сморщился.

— Ну, вот и все. Это стоило им дня работы, а мы, возможно, кое-что узнали. Пора возвращаться и оценивать результаты.

Ему совсем не хотелось встречаться с Гайлет Джонс. У этой хорошенькой и умной шимми привычка становиться слишком официальной. И, совершенно очевидно, она его невзлюбила. Как будто он уложил ее из станнера и унес в мешке!

Ну ладно. Сегодня вечером он уйдет, вернется с Тихо в горы с отчетом для генерала. Фибен вырос в городе, но теперь он предпочитает лесных птиц тем, что населяют город.

Он повернулся, обхватил ствол руками и начал спускаться. И вдруг словно гигантская ладонь хлопнула его по спине, воздух с шумом вырвался из легких.

Фибен вцепился в ствол. В голове звенело, глаза

заполнились слезами.

Он сумел удержаться за грубую кору, а ветви раскачивались и листья срывались от неожиданной волны ощутимого звука. Дерево словно взбрыкивало, пытаясь сбросить с себя Фибена.

В ушах защелкало: прошла волна высокого давления. Дерево качалось по все уменьшающейся дуге. Наконец, по-прежнему крепко держась за кору, Фибен собрался с духом и оглянулся.

Столб дыма стоял на том месте, где располагался архив посольства.

Рухнувшие стены лизали языки пламени, полоски сажи виднелись там, где перегретый газ рванул во всех направлениях.

Фибен замигал.

— Горячий цыпленок в тесте! — пробормотал он, совсем не стыдясь первого пришедшего в голову сравнения. Здесь достаточно жареной дичи, чтобы накормить полгорода. Конечно, это редкое мясо. К тому же оно еще иногда шевелилось.

Во рту у Фибена пересохло, но он тем не менее облизал губы.

— Соус для шашлыка, — вздохнул он. — Столько жареного, и без соуса!

* * *

Фибен вскарабкался обратно на ветвь с сорванными листьями. Посмотрел на часы. Потребовалась почти целая минута, чтобы снова завыли сирены. Еще одна, чтобы взлетел флиттер, раскачиваясь на восходящих потоках горячего воздуха.

Фибен посмотрел, что делают шимпы по периметру ограды. Сквозь тучу дыма он увидел, что толпа не рассеялась. Больше того, она выросла. Из ближайших зданий выбегали шимпы и торопились смотреть. Слышались возгласы и крики. Море тревожных карих глаз.

Фибен довольно хмыкнул. Отлично. Только бы никто не угрожал.

Мурашки побежали по коже Фибена, когда он понял, что сторожа-диски внизу! Вдоль всего барьера сторожевые буи рухнули на землю.

— Чтоб я сдох! — пробормотал он. — Проклятые пустомели экономят на роботах. Все эти сторожа управляются на расстоянии.

И когда архив взлетел на воздух, чем бы это ни объяснялось, вышло из строя и центральное управление! Если бы у кого-то хватило мужества взять один из таких дисков...

Он увидел, как Макс подбежал к одному из упавших дисков и потрогал его палкой.

«Хороший парень, — подумал Фибен и тут же забыл об этом. Прислонился к стволу, сбрасывая сандалии. Согнул ноги, проверяя устойчивость опоры. — Ничего не поделаешь», — вздохнул он.

Пробежал по качающейся ветке, использовал ее конец как трамплин для прыжков в воду, оттолкнулся и устремился в воздух.

Изгородь чуть дальше от берега ручья. На лету Фибен ухватился пальцами ноги за проволоку по ее верху и неуклюже приземлился на газоне за оградой.

— Уф! — пожаловался он. К счастью, он не повредил при падении раненую ногу. Но ребра болели, и он тяжело вдыхал дымный воздух. Кашляя, достал из комбинезона платок, вытер нос и побежал в сторону разрушений.

На некогда аккуратном газоне валялись погибшие захватчики. Фибен перескочил через мертвого кваку, четвероногого и вымазанного сажей, и пробежал через клубы дыма. И едва избежал столкновения с живым губру. Тот несся с криком.

Чиновники оккупантов были совершенно дезорганизованы, в панике и смятении они с

криками метались вокруг. Шум оглушал.

Звуковые удары над головой возвестили о прибытии военных. Фибен сдержал приступ кашля и благословил дым. Сверху никто его не увидит, а губру внизу слишком напуганы, чтобы обращать на него внимание. Он перепрыгивал через обгоревших птиц. Запах жареного мяса отгонял атавистический аппетит.

Больше того, Фибен боялся, что его вырвет.

Дело рискованное. Он пробежал мимо горящего архива. Все здание охвачено огнем. Шерсть на правой руке Фибена свернулась от жара.

Он ворвался в стайку птиц, теснящихся под укрытием соседнего здания.

Они собрались со стонами вокруг одного трупа, чей яркий плюмаж обгорел и запачкался. Когда Фибен появился так неожиданно, губру разбежались с отчаянными криками.

«Я заблудился?» Повсюду дым. Фибен свернул. Как определить нужное направление?

Вот! Он увидел в дыму маленький голубой огонек. И побежал еще быстрее, хотя легкие уже обжигало. Шум и жара остались позади, и он побежал через небольшую рощу, окружающую вершину холма.

Неверно выбрав направление, он, чтобы не

удариться о дипломатический сейф тимбрими, вынужден был резко затормозить. Тяжело дыша, согнулся, восстанавливая дыхание.

И тут же подумал, что нужно было останавливаться раньше. Синий шар на веющие пирамиды перестал казаться дружелюбным. Он пульсировал, дрожал.

До сих пор Фибен действовал импульсивно, мгновенно принимая решения.

Взрыв предоставил неожиданную возможность. И ее следовало использовать.

«Хорошо. Вот я и здесь. А дальше что?» Голубой шар может быть оборудованием тимбрими, но его могли установить и захватчики.

Сзади ревели сирены, непрерывным потоком потянулись флиттеры. Вокруг курился дым, развеваемый хаотическим мельканием больших машин. Фибен надеялся, что наблюдатели Гайлет, расположенные на крышах ближайших зданий, все это фиксируют. Если он хорошо знает своих, они сейчас просто смотрят, широко раскрыв глаза, и возбужденно подпрыгивают. Но, может, предыдущие события их чему-то научили.

Он шагнул к пирамиде. Синий огонь продолжал пульсировать. Фибен занес левую ногу.

Яркий синий луч ударила то место, куда он

собирался ее поставить.

Фибен на метр подпрыгнул в воздух. Не успел он приземлиться, как второй луч на несколько миллиметров промахнулся по его правой ноге. Дым от загоревшихся прутьев соединился с тяжелым облаком от архива.

Фибен попытался быстро попятиться, но проклятый шар не отпускал.

Синяя молния ударила в землю за ним, и ему пришлось прыгнуть в сторону. Он понял, что его ведут куда-то!

Удар — прыжок! Прыжок — удар — снова прыжок!

Слишком точны попадания, чтобы быть случайными.

Шар не хочет убивать его. Но, очевидно, не хочет и отпустить!

Между прыжками Фибен лихорадочно думал, как вырваться из ловушки... из этого адского розыгрыша...

Отпрыгивая от очередного дымящегося места, он щелкнул пальцами.

Конечно!

Губру не трогали сейф тимбрими. Голубой шар действует не как орудие птицеподобных. Но именно так действовал бы Утакалтинг. Фибен

выругался: удар обжег большой палец левой ноги. Проклятые ити!

Даже хороших ити невозможно переносить! Он стиснул зубы и заставил себя шагнуть вперед.

Синий луч ударил в камень рядом с его подъемом, аккуратно разрезав камень надвое. Все инстинкты требовали, чтобы Фибен отскочил назад, но он сосредоточенно удержал ногу на месте и сделал еще шаг вперед.

Обычно такое оборонительное устройство должно подавать предупредительный сигнал, когда нарушитель далеко, и действовать по-настоящему, когда он приближается. Исходя из логики вещей, Фибен сейчас поступает глупо.

Синий шар угрожающе загудел и выбросил молнию. Дым поднялся от земли на участке между большим и остальными пальцами левой ноги Фибена.

Он поднял правую.

Вначале предостережение, потом действие. Так поступило бы земное защитное устройство. Но какова программа устройства тимбрими? Фибен не стал бы ставить на такие дикие предположения. Клиент класса разумных не может анализировать поступки патронов среди огня и дыма, особенно когда он служит мишенью!

«Назовем это догадкой», — подумал он.

Он опустил правую ногу и ухватился ее пальцами за дубовую ветку. Шар как будто задумался, потом снова ударила синяя молния, на этот раз в метре перед ним. Медленным зигзагом к Фибену поползла полоска горящего перегноя, она приближалась, и треск горящей травы звучал все громче и громче.

Фибен пытался глотнуть.

«Оно не создано для убийства, — твердил он себе. — Зачем? Губру давно могли бы с безопасного расстояния уничтожить этот шар».

Нет, роль этого шара символическая — служить провозглашением права согласно сложным нормам галактического протокола, более древнего и изысканного, чем правила японского придворного этикета.

Шар должен натянуть клюв губру.

Фибен не отступал. Снова над головой раздались звуковые удары, и тепло от пожара сзади как будто усилилось. Весь этот шум отражался на самоконтроле Фибена.

«Губру могучие воины, — напомнил он себе. — Но они очень возбудимы...»

Синий луч приблизился. Фибен раздул ноздри. Избежать этого смертоносного зрелища он может

только закрыв глаза.

«Если я прав, это еще одна проклятая тимбримийская...» Он открыл глаза. Луч сбоку приближался к его правой ноге. Пальцы согнулись, Фибен готов был отпрыгнуть. Во рту стало горько. Обжигающий нож разрезал камешек в двух дюймах от ноги и продолжал...

...перерезать ногу!

Фибен подавился и сдержал крик. Что-то не так! Повернув голову, он смотрел, как луч пересекает ногу и сразу за ней снова начинает проделывать дымящуюся борозду.

Фибен недоверчиво смотрел на ногу. Он считал, что луч в последнее мгновение остановится. Не остановился. Но... вот его нога, совершенно невредимая.

Луч поджег сухую веточку и начал взбираться на левую ногу.

Фибен ощущал легкое покалывание, но знал, что это психосоматическое.

Прикасаясь к нему, луч превращается в пятно света.

Сердце его все еще бешено колотилось. Фибен взглянул на синий шар и выругался пересохшими губами.

— Забавно.

Должно быть, в пирамиде установлен маленький психоизлучатель: Фибен ощутил, будто в воздухе перед ним распространяется улыбка... чуждая сухая усмешка, как будто шутка эта в конце концов невинная. Можно только усмехнуться, и все.

— Остроумно, Утакалтинг, — Фибен сморщился, заставляя дрожащие ноги повиноватъся, нести его по извивающейся тропке к пирамиде. — Очень. Не хотелось бы видеть, от чего ты хохочешь по-настоящему. Не верится, что Атаклена родственница этого шутника.

В то же время Фибен жалел, что не присутствовал, когда первый губру попытался приблизиться к дипломатическому сейфу.

Шар продолжал пульсировать, но перестал посылать раздраженные голубые лучи. Фибен подошел к пирамиде и принялся ее разглядывать. Обошел по периметру. На полпути вокруг, в стороне, обращенной к морю, он увидел люк.

Фибен замигал, разглядывая набор замков, затворов, запоров, дисков для набора комбинаций и замочных скважин.

«Что ж, — сказал он себе, — все-таки это сейф для дипломатических тайн».

Но все эти замки означают, что он не сможет

проникнуть внутрь и найти послание Утакалтинга. Атаклена просила его попробовать несколько ключевых слов, если у него будет возможность, но это совсем другое дело.

Прибыли пожарные. Сквозь дым Фибен видел, как шимпы из городской пожарной команды бегают, раскатывая шланги. Вскоре кто-нибудь сумеет навести порядок в этом хаосе. Если его пребывание здесь бесполезно, пора уходить, пока это еще реально. Вероятно, можно уйти, обогнув утес, выходящий на море. Так он избежит чужаков и окажется вблизи автобусного маршрута.

Фибен наклонился и снова взглянул на люк. Ха! Бронированная дверь с двумя десятками замков. С таким же успехом захватчиков удержала бы тонкая ленточка красного шелка. Либо договоры выполняются, либо нет! Какой толк от всех этих замков и запоров?

Неожиданно Фибен хмыкнул. Он понял. Конечно, это очередная шуточка тимбрими. Но губру, как бы разумны ни были, ее не поймут. Бывают времена, когда личное обаяние значит больше, чем ум.

Может быть, это означает...

Фибен пробежал на другую сторону пирамиды. Глаза его слезились от дыма; разглядывая про-

тивоположную от люка стену, он вытирал нос платком.

— Чертова работа. Одни догадки! — бормотал он, пробираясь среди гладких камней. — Надо родиться тимбрими, чтобы выдумать такой трюк... или глупым, умственно ограниченным, полуэволюционизировавшим шимпом, как я...

Неожиданно под правой рукой пошевелился камень. Фибен вглядывался в стену, жалея, что у него не тонкие пальцы тимбрими. Сорвав ноготь, он выругался.

Наконец камень высвободился. Фибен замигал.

Он прав, в задней стене пирамиды есть тайник. Но проклятое отверстие пусто!

На этот раз Фибен не сдержался. Он раздраженно закричал. Это уж слишком. Камень полетел в кусты, а Фибен стоял у пирамиды и бранился смачно и затейливо, как его предки перед возвышением, описывая родословную и привычки бабуинов. Припадок гнева длился несколько мгновений, но когда он кончился, Фибен почувствовал себя лучше. Он охрип, горло саднило, ладони болели от ударов о твердый камень, однако раздражение отчасти рассеялось.

Теперь явно пора. Фибен видел, как в облаке

густого дыма садится большой флиттер. Спустили трап, и отряд вооруженных губру вышел на обгоревший газон. Каждого солдата сопровождали два маленьких плавающих шара.

«Да, надо сматываться».

Фибен в последний раз заглянул в нишу в стене пирамиды тимбрими. В этот момент ветерок ненадолго разогнал дым. Сверкнул солнечный луч.

И Фибен увидел серебряную вспышку. Он сунул руку в нишу и вытащил тонкую, как паутинка, нить. Нить оплетала щель в глубине ниши.

В это мгновение послышалось усиленное чириканье. Фибен развернулся и увидел, что к нему приближается взвод солдат Когтя. Держа в руках свисающий с шеи медальон, офицер набирал код перевода.

— ...Катхтуу-пш'в'шимп'ф...

— ...Ках-куу-кии, к'киии! ИииИииИиии! к...

— Хиссс-с-сс поп крр!..

— Пьюна блит поведение...

— ...что ты там делаешь! Это не игрушка!

Офицер увидел открытую нишу — и руку Фибена, которую тот сунул в карман.

— Стой! Покажи нам, что...

Фибен не стал ждать, пока офицер закончит.

Он забрался на пирамиду.

Синий шар пульсировал рядом с ним; ужас, который испытал Фибен, тут же разогнали могучие раскаты хохота. Фибен скользнул по противоположной стене пирамиды. Над головой сверкнули лазерные лучи, отрывая куски камня. Фибен со стуком упал на землю.

«Будь проклят тимбримийский юмор!» — подумал он, вскакивая на ноги и убегая в единственном возможном направлении, под защитой пирамиды, в сторону крутого утеса.

Глава 39
ГАЙЛЕТ

Макс сбросил груду разобранных сторожевых дисков губру на крышу рядом с Гайлет Джонс.

— Мы вытащили их приемники, — доложил он. — Но все равно нужно быть осторожными.

Поблизости профессор Суке щелкнул секундомером. Пожилой шен довольно хмыкнул.

— Воздушное прикрытие снова убрали. Очевидно, они все-таки считают это несчастным случаем.

Сообщения продолжали поступать. Гайлет нервно расхаживала по крыше, изредка погляды-

вая через парапет на сутолоку и пожар в парке Приморского Обрыва. «Ничего подобного мы не планировали! — думала она. — Наверное, нам очень повезло, мы многое узнали.

А может, это катастрофа. Пока трудно сказать.

Только бы враг не выследил нас».

Молодой шен, не старше двенадцати лет, опустил бинокль и повернулся к Гайлет.

— Семафор сообщает, что все наши наблюдатели, за исключением одного, вернулись, мэм. О нем ничего не известно.

— Кто это? — спросила Гайлет.

— Хм, офицер милиции с гор. Фибен Болджер, мэм.

— Могла бы и догадаться! — вздохнула Гайлет.

Макс поднял голову от оборудования чужаков, на лице у него появилось отчаяние.

— Я его видел. Когда изгородь отказала, он перепрыгнул через нее и побежал в огонь. Мне следовало пойти за ним чтобы присмотреть.

— Ничего подобного ты не должен был делать, Макс. Ты поступил совершенно правильно. Из всех глупейших выходок... — Она вздохнула. — Я должна была предвидеть, что он выкинет что-нибудь подобное. Если его схватят и он нас выдаст... — Она замолчала. Пока нет необходимости вол-

новать остальных.

«Во всяком случае, — с легким чувством вины подумала она, — может, этого высокомерного шена убили».

Затем прикусила губу, подошла к парапету и долго стояла там, глядя на вечернее солнце.

Глава 40
ФИБЕН

Сзади послышалось знакомое зип-зип: голубой шар снова начал стрелять. Губру кричали меньше, чем ожидал Фибен — все-таки солдаты. Но тем не менее, шум стоял изрядный, и внимание солдат рассеивалось. Фибен не мог знать, прикрывает ли защита сейфа его отступление или просто отгоняет любых нарушителей границы. Но в тот момент он был слишком занят, чтобы думать об этом.

Одного взгляда вниз было достаточно. У утеса не стеклянный склон, но в то же время это и не самый удобный маршрут, по которому отдыхающие добираются до пляжа внизу.

Губру кричали у синего шара, но скоро они перейдут к решительным действиям. Фибен разглядывал крутой спуск. Говоря откровенно,

он предпочел бы спокойную долгую жизнь сельского эколога, сдавал бы образцы спермы, когда требуется, может быть, включился бы в групповую семью, играл бы в скрэббл.

— Э-эх! — произнес он на человеческом диалекте и переступил через поросший травой край.

Конечно, спуск потребовал четырех рук. Ухватившись пальцами левой ноги за выступ, Фибен повис, дотянулся до другого упора и кое-как опустился на следующий карниз. Вначале спуск шел относительно легко, потом потребовалось цепляться изо всех сил. Слава Творцу, возвышение оставило его племени силу. Если бы у него были человеческие ноги, он бы обязательно упал!

Фибен, потея, нащупывал ногой опору. Она должна быть тут. Но неожиданно стена утеса подпрыгнула и отскочила от него. Скала задрожала от взрыва. Фибен прижался лицом к жесткой поверхности, вцепился в нее изо всех сил, ноги его, болтаясь, повисли в пустоте.

— Из всех треклятых... — Он опять закашлялся и выплюнул комок пыли.

Боковым зрением он видел летящие в небе раскаленные камни; они с шипением падали в море.

«Окаянная постройка, должно быть, взорва-

лась!» Потом что-то просвистело мимо головы. Фибен пригнул голову, но краем глаза уловил вспышку синего цвета и услышал как бы в самом себе смех чужака. Хохот стал громче, что-то будто коснулось затылка Фибена и рассеялось, а синий свет улетел к югу, проносясь над самой водой.

Фибен взвизгнул и лихорадочно поискал место, на которое можно встать.

Наконец нашел и сумел спуститься на следующий выступ, где можно передохнуть. Втиснулся в узкую расселину, так чтобы не заметили сверху. И только тут смог выругаться.

«Когда-нибудь сочтемся, Утакалтинг. Когда-нибудь».

Фибен вытер глаза и посмотрел вниз.

Он проделал полпути до пляжа. Если сумеет закончить спуск, дальше нетрудно пройти к закрытому парку аттракционов на северо-западном берегу залива Аспинал. А там уже раствориться в переулках и улочках.

Следующие несколько минут будут решающими. Солдаты губру, уцелевшие при взрыве, решат, что он погиб, что его сбросили в море осколки пирамиды.

А может, подумают, что он бежал каким-то другим путем. Ведь только идиот может решиться

спускаться по такому откосу без снаряжения.

Фибен надеялся, что его рассуждения правильны. Если губру спустятся вниз и будут ждать его там — он испекся, как птицы в огне архива.

Перед ним в море садилось солнце. Дым пожара поднялся высоко и окрасил закат в ярко-янтарный и алый тона. Тут и там на воде пестрели лодки. Две грузовые баржи медленно шли к далеким островам, на их палубах угадывались коричневые фигуры. Наверняка везут продовольствие заложникам-людям.

К сожалению, некоторые соли, растворенные в морской воде Гарта, ядовиты для дельфинов. Если бы на Гарте жили представители третьей расы землян, захватчикам трудно было бы эффективно изолировать людей на островах. К тому же у финов свой образ мыслей. И, может, они выдали бы одну-две идеи, до которых не додумался народ Фибена.

На юге берег мешал Фибену увидеть порт. Но он заметил серебряные полоски — корабли губру, участвующие в строительстве противокосмических защитных сооружений.

«Что ж, — подумал Фибен, — пока никого нет. Можно не торопиться. Передохни перед последним рывком».

Впереди самое трудное.

Фибен достал из кармана серебристую нить, найденную в нише. Вполне может быть паутиной или чем-то таким же незначительным. Но это единственное, что он может предъявить в доказательство своего приключения.

Придется признаться Атаклене, что больше он ничего сделать не смог. Хотя нет... Еще разрушение дипломатического сейфа тимбрими. Это тоже придется объяснять.

Он достал бинокль, извлек линзы. Затем старательно упрятал нить в корпус и закрыл крышкой. И снова убрал бинокль.

Да, закат прекрасный. Светятся угли от пожара, их вздымают взлетающие санитарные машины губру. Глядя на эту картину, Фибен вспомнил об арахисе.

Но сейчас жажда сильнее голода. И вообще большинство шимпов употребляют слишком много протеина.

«Жизнь груба, — подумал он, пытаясь расположиться удобнее в узкой расселине. — Но ведь клиентам никогда не бывало легко».

Ты сидишь в каком-нибудь тропическом лесу, никого не трогаешь, сроднился со своей экологической нишей, и вдруг — бац! К тебе на грудь

прыгает какой-нибудь парень, возомнивший себя творцом, и силком вталкивает в тебя плоды древа познания. И ты перестаешь быть приспособленным, потому что тебя оценивают по «высшим» стандартам твоего патрона; ты не можешь даже по своему желанию иметь потомство, и у тебя появляется «ответственность»... Кто в джунглях слышал об ответственности?

Ответственности перед патронами, перед собственными потомками?

Нечестная сделка. Но в пяти галактиках существует только одна альтернатива — уничтожение. Доказательство — бывшие обитатели Гарта.

Фибен слизал соленый пот с губ. Он знал, что приступ горечи — это реакция организма на раздражение. Нет никакого смысла во взаимных упреках и обвинениях. Если бы он был представителем своей расы, одним из немногих неошимпов, которые от имени всех своих соплеменников говорят с Советом и галактическими Институтами, тогда стоило бы подумать. А так... Фибен понял, что он просто тянет время.

«Наверно, обо мне уже забыли», — подумал он и удивился своей удачливости.

Закат достиг пика величия и красоты, в мелком море пролегли красные и оранжевые полосы.

Ну что после такого дня спуск в темноте? Увеселительная прогулка, да и только.

* * *

— Где тебя черти носили? — спросила Гайлет, как только Фибен ввалился в комнату. Она в гневе повернулась к нему.

— Ах, учитель, — заныл он. — Не ругайте меня. Такой был неудачный день. — Он прошел мимо нее, миновал домашнюю библиотеку, набитую картами и бумагами. Остановился прямо на лежащей на полу большой карте, не обращая внимания на двух негодующих наблюдателей Гайлет. Они бросились в сторону, когда он пошел прямо на них.

— Мы закончили сбор данных уже несколько часов назад! — сказала, идя за ним, Гайлет. — Макс сумел украсть несколько их дисков...

— Знаю. Видел, — ответил он, входя в отведенную для него крошечную комнатку. И сразу начал раздеваться. — Поесть найдется что-нибудь?

— Поесть? — недоверчиво переспросила Гайлет. — Нам нужен твой отчет, чтобы заполнить белые места на карте операций губру. Хотя взрыв произошел неожиданно и у нас не хватило наблюдателей. Половина наших просто стояла и

глазела.

Комбинезон Фибена упал на пол. Он переступил через него.

— Еда подождет. Мне нужно выпить.

Гайлет Джонс вспыхнула и отвернулась.

— Мог бы быть повежливей и не чесаться, — сказала она.

Фибен, который наливал порцию апельсинового коньяка, с любопытством обернулся. Неужели это та самая шимми, которая несколько ночей назад обратилась к нему с «розовым» предложением? Хлопнув себя по груди, он разогнал облачко пыли. Гайлет с отвращением смотрела на это.

— Я с нетерпением ждал ванны, но, думаю, еще придется подождать, — сказал Фибен. — Очень спать хочется. Я должен отдохнуть. Завтра возвращаюсь домой.

Гайлет мигнула.

— В горы?

Фибен кивнул.

— Возьму Тихо и пойду докладывать генералу. — Он устало улыбнулся. — Не волнуйся. Я ей скажу, что вы тут отлично поработали.

Шимми пренебрежительно фыркнула.

— Ты весь день и вечер валялся в грязи, а теперь напиваешься. А еще, называется, офицер! Я вооб-

ще считала тебя ученым! Когда твой драгоценный генерал решит в следующий раз связаться с движением в городе, позаботься, чтобы она прислала кого-нибудь другого. Ты меня слышишь?

Она развернулась и захлопнула за собой дверь.

«Ну что я такого сказал?» Фибен смотрел ей вслед. Он понимал, что мог бы вести себя и получше. Но он так устал. Тело болит, от обожженных пальцев ног до горящих легких. Падая на кровать, он почти не почувствовал ее под собой.

Во сне вращалась и пульсировала синева. И из нее исходило нечто, похожее на отдаленную улыбку.

«Забавно, — как будто говорила эта улыбка. — Забавно, но все-таки не смешно. Просто предвестник того, что еще будет».

Фибен негромко застонал. И увидел еще одно изображение. Маленький неошимпанзе, явный генетический мутант, с костными валиками над глазами, с длинными руками, которые лежат на клавиатуре дисплея на груди.

Атавистический шимп не умеет говорить, но когда он улыбнулся, Фибен вздрогнул.

Однако тут началась более спокойная фаза, и Фибен с облегчением перешел к другим сновидениям.

Глава 41
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности не мог ступить на неосвященную почву. Поэтому он перемещался на позолоченном насесте в сопровождении толпы чирикающих помощников-кваку. Это непрерывное воркование действовало успокаивающе, не то что серьезные крики их патронов-губру. Хотя на пути возвышения губру заметно приблизили их к себе, кваку все равно оставались не такими строгими и величественными.

Сюзерен Праведности пытался найти оправдание для такого поведения толпы пушистых толстых клиентов, несущих антигравитационный насест с места, где лежит тело. Конечно, это не элегантно, к тому же слышно, как они негромко обсуждают, кем же его заменят. Кто станет новым сюзереном Стоимости и Бережливости?

Это нужно сделать быстро. Сообщение Повелителям Насестов уже отправлено, но если необходимо, старший чиновник будет назначен на месте.

Непрерывность должна сохраняться.

Сюзерен совсем не чувствовал себя оскорбленным; напротив, кваку его успокаивали. Для того чтобы отвлечься, необходимы их простые песни.

Предстоят напряженные дни и недели. Формальный траур — только одна из многих неотложных задач. Надо каким-то образом восстановить продвижение к новой политике. И, конечно, обдумать, как скажется это трагическое происшествие на предстоящем Слиянии.

Следователи ждали прибытия насеста в роще поваленных деревьев недалеко от все еще дымящихся стен архива. Сюзерен кивнул им, разрешая начать, и они пустились в танец представления: жестикуляция и телодвижения описывали, что установлено относительно причин взрыва и пожара. Потом синкопированным хором излагались выводы следователей, и сюзерен попытался сосредоточиться. Это все-таки деликатное дело.

Согласно кодексу, губру могут занять чужое посольство, но любые повреждения будут поставлены им в вину.

— Да, да, это произошло, это случилось, — докладывали следователи. — Здание превратилось — вернее было превращено — в груду развалин.

— Нет, нет, никакого саботажа не обнаружено, не установлено. Никаких доказательств, что

происшествие вызвано нашими врагами и во вред нам.

— И даже если посол тимбрими сам все это устроил в собственном здании, что с того? Если мы не виноваты в происшествии, не нам платить, не нам возмещать ущерб!

Сюзерен кратко прочирикал свое неудовольствие. Не дело следователей определять праведность, они должны только излагать факты. К тому же вопрос об издержках относится к ведению офицеров нового сюзерена Стоимости и Бережливости. Они этим займутся, когда придут в себя после катастрофы, обрушившейся на чиновников. Следователи протанцевали свои извинения.

Сюзерен продолжал обдумывать возможные последствия случившегося. Это в целом незначительное происшествие нарушило непрочное равновесие триумвирата как раз перед очередной командной встречей, и даже после назначения третьего сюзерена последствия еще долго будут сказываться.

Короче говоря, это поможет двум оставшимся в живых. Луч и Коготь теперь сумеет преследовать немногих скрывающихся людей, чего бы это ни стоило. А Праведность приступит к расследованиям без постоянных придирок и напоминаний,

как дорого это обходится.

Надо также обдумать ход борьбы за первенство. В последнее время стало ясно, что положение прежнего сюзерена Стоимости и Бережливости становится все прочнее. Вопреки всем ожиданиям, именно он все чаще и чаще затевал споры, выдвигал лучшие предложения, добивался компромиссов, вел остальных к консенсусу.

Сюзерен Праведности честолюбив. Священнику не нравилось, в каком направлении развиваются события. Не нравилось, что его излюбленные, тщательно выношенные идеи и планы меняются, в них вмешиваются, их переделывают по желанию старшего чиновника.

Нет, произошло не самое худшее. Отнюдь! Новый триумвират будет послушнее, работоспособнее. И в складывающемся балансе сил новый сюзерен окажется самым слабым.

«Тогда почему, по какой причине, на каких основаниях я испуган?» — думал верховный священник.

Вздрогнув, сюзерен Праведности распушил плюмаж и сосредоточился, заставив себя вернуться к настоящему, к отчету следователей. Они считают, что пожар и взрыв относятся к широкому кругу явлений, которые земляне называют

случайностью.

По совету бывшего коллеги сюзерен пытался овладеть англиком, этим странным негалактическим языком волчат. Это потребовало больших усилий и вряд ли вообще нужно, поскольку лингвистические компьютеры обладают огромными возможностями.

Но главный чиновник настаивал, и, к собственному удивлению, священник обнаружил, что в собрании звериных стонов и криков можно найти, например, скрытое значение слова «случайность».

Слово явно применимо, по мнению следователей, к тому, что произошло здесь: соединилось несколько факторов, включая явную некомпетентность городского газового департамента, оставшегося без руководства людей. Но все же это слово волчат в англике не имеет точного смысла! Даже у людей есть трюизмы. «Случайностей не бывает». Но если это так, к чему слово для несуществующего явления?

Случайность — это слово вмещает все, от нелепой небрежности до истинной инвариантности, все, что заполняет седьмой уровень вероятностной бури! В любом случае «результаты» получаются «случайными».

Как может раса выходить в космос, относиться к высшему классу патронов с таким неясным, неопределенным, зависящим от контекста взглядом на Вселенную? По сравнению с землянами даже дьявольские шутники тимбрими чисты и прозрачны, как сам эфир!

Способность порождать такие неприятные мысли священник больше всего не любил в покойном чиновнике. Это была одна из наиболее раздражающих особенностей умершего сюзерена.

Но одновременно самая ценная и нужная. Ее будет очень не хватать.

Таким было положение, когда консенсус нарушился, Слияние прекратилось, едва начавшись.

Сюзерен твердо оборвал нить мыслей. Самоанализ дорого обходится, необходимо принять решение о случившемся.

В обозримом будущем губру, возможно, придется возместить тимбрими — или даже землянам — ущерб, нанесенный на этом плато. Думать об этом неприятно, но выплату можно предотвратить, когда будет достигнута главная цель губру.

Все определят события в других частях пяти галактик.

Эта планета — маленький, хотя, может быть,

и крепкий орешек, который надо расколоть уверенным движением клюва. И к тому же следить, чтобы расходы не были большими, — задача нового сюзерена Стоимости и Бережливости.

А задача священника — следить, чтобы союз губру, подлинный наследник древних, не сбился с пути Праведности до возвращения Прародителей.

«Пусть ветры принесут день», — помолился сюзерен.

— Решение откладывается, задерживается, отсрочивается, — вслух объявил сюзерен. Следователи тут же сложили досье.

Дело о пожаре архива завершено, следующая остановка на вершине холма, где предстоит оценить еще одно происшествие.

Воркующая группа кваку сомкнулась и двинулась как одно целое, перемещая насест. Расплющенный шар пушистых клиентов спокойно двигался в толпе прыгающих возбужденных патронов. На вершине дипломатический сейф еще дымился от вчерашнего взрыва.

Сюзерен внимательно выслушал отчет следователей, иногда по одному, иногда группами, чирикая в унисон, потом в контрапункт. Из этой какофонии сюзерен составил себе картину слу-

чившегося.

Местный неошимпанзе был обнаружен бродящим вокруг сейфа без разрешения оккупационных властей. Явное нарушение законов военного времени. Никто не знает, с какой целью здесь оказалось это глупое полуживотное. Возможно, его привлек «обезьяний комплекс» — непонятное, раздражающее стремление всех землян искать возбуждающие зрелища, вместо того, чтобы благоразумно избегать их.

Отряд солдат наткнулся на этого неошимпанзе, ограждая в обычном порядке место происшествия. Командир отряда немедленно обратился к лохматому клиенту людей, требуя повиновения.

Неошимп оказался упрям, что, впрочем, характерно для всех воспитанников людей. Вместо того, чтобы вести себя цивилизованным образом, он просто убежал. Солдаты, пытаясь его остановить, очевидно, привели в действие защитный механизм сейфа. Пирамида повреждена.

На этот раз сюзерен решил, что исход происшествия самый благоприятный. Хоть он и клиент, неошимпанзе официально союзник проклятых тимбрими. Действуя таким образом, он уничтожил дипломатический иммунитет сейфа! Солдаты имели право открывать огонь и по кли-

енту, и по защитным устройствам сейфа. Сюзерен пришел к выводу, что нарушения Праведности не произошло.

Следователи исполнили танец облегчения. Конечно, чем строже придерживаешься древних традиций, тем ярче будет плюмаж губру при возвращении Прародителей.

«Пусть ветры быстрей принесут день».

— Открывайте, входите, проникайте в сейф, — приказал священник. — Войдите и расследуйте его тайны!

Разумеется, охранные устройства уничтожили большую часть содержимого сейфа. Но все же можно обнаружить и расшифровать ценную информацию.

Простые замки открыли быстро, доставили специальное оборудование, чтобы снять массивную дверь. Все это заняло некоторое время. Священник тем временем отслужил службу для солдат Когтя, молившихся, чтобы укрепилась их вера в подлинные ценности. Важно, чтобы солдаты не расслаблялись в мирной обстановке, поэтому священник напомнил им, что за последние два дня исчезло несколько небольших групп в горах к юго-востоку от этого города.

Важно напомнить им также, что жизнь сол-

дата принадлежит Гнезду. Гнездо и Честь — все остальное не имеет значения.

Наконец сняли последний замок-головоломку. Для прославленных шутников тимбрими оказались не такими уж хитрыми. Роботы губру легко разгадали их секреты. Один из роботов поднял дверь. Следователи, держа перед собой приборы, осторожно вошли в пирамиду.

Мгновения спустя с возгласом изумления пернатая фигура вылетела оттуда, держа в клюве черный блестящий предмет. Затем последовала другая.

Следователи возбужденно приплясывали, выкладывая предметы на землю перед плавающим насестом сюзерена.

«Не тронуто!» — танцевали они. Две базы данных найдены нетронутыми.

Их защитил от взрыва предыдущий обвал.

Радость охватила следователей, передалась с лихорадочной быстротой солдатам и штатским, ждавшим поблизости. Даже кваку счастливо ворковали, потому что видели, что это достижение по крайней мере четвертого порядка.

Своим безответственным поведением клиент землян уничтожил иммунитет сейфа.

Это признак порочности самого процесса воз-

вышения. А в результате губру получили доступ к тайнам врага!

Тимбрими и люди будут посрамлены, а клан гуксу-губру многое узнает!

Сюзерен торжествующе танцевал всего несколько секунд. Даже среди своих вечно встревоженных соплеменников он должен переживать и беспокоиться вдвойне. Слишком много подозрительного во Вселенной и лучше, чтобы оно оказалось мертвым, чтобы когда-нибудь, в будущем, не разорить Гнездо.

Сюзерен наклонил голову в одну сторону, в другую. Посмотрел на кубы с данными, черные и блестящие на обожженной почве. Необычное наложение, казалось, покрывало эти спасенные кристаллы с записями — чувство, которое каким-то неуловимым образом вызывало у него... да, пожалуй, страх.

Но это не какое-то пси-ощущение и не что-то научно объяснимое. Если бы это было так, сюзерен тут же приказал бы уничтожить кубы.

И тем не менее... Все это очень странно.

На мгновение сюзерену показалось, что перед ним блестящие черные глаза огромной и опасной змеи. Он вздрогнул.

Глава 42
РОБЕРТ

Он бежал, с новым деревянным луком в руках. Простой колчан с двадцатью стрелами подпрыгивал на спине, когда Роберт пробирался по лесной тропе. Колчан сделан из шкуры, обработанной примитивным способом. Шляпа сплетена из речного тростника. Набедренная повязка и мокасины на ногах изготовлены из туземной замши.

На бегу молодой человек слегка оберегал левую ногу. Повязка покрывала неглубокую рану. Но даже боль от ожога по-своему приятна. Она напоминает, что он легко отделался.

«Только представить себе большую птицу, которая, не веря своим глазам, смотрит на стрелу, торчащую из груди. Лазерное ружье падает на землю, онемевшие перед смертью когти выпустили его».

В лесу тихо. Слышно только дыхание Роберта да негромкий шелест мокасин по камешкам. Испарина быстро высыхает, а от свежего ветерка по коже бегут мурашки.

Чем выше он поднимается, тем свежее ветер.

Склон сужается, и наконец Роберт оказался над вершинами деревьев, среди камней-чешуй вершины хребта.

Теперь, когда Роберт загорел почти до цвета древесины орехового дерева, неожиданное тепло солнечных лучей приятно гладит кожу. Она к тому же огрубела, и шипы и колючки причиняют меньше беспокойства.

«Я, наверно, похож на индейца из прошлого», — с улыбкой подумал Роберт. Перепрыгнул через упавшее дерево и побежал по левой развилке тропы.

Ребенком он оправдывал свою фамилию Eagle[13]. Маленькому Роберту Ониглу никогда не доставались отрицательные роли, когда дети играли в Восстание Конфедерации. Он всегда был воином-чероки или мохавком, вопя в воображаемом космическом скафандре или боевой раскраске, круша солдат диктатора в войне Спутников. «Когда все это кончится, нужно будет посмотреть свое генеалогическое древо, — подумал Роберт. — Интересно, сколько во мне американо-индейской крови».

Белые пушистые кучевые облака скользили

---

[13] notes: 13
Орел (англ.)

вдоль границы изменения давления к северу. Они как будто бежали вместе с ним над вершинами деревьев по пологим холмам к дому.

«К дому».

Теперь, когда у него есть дело под сенью деревьев и под открытым небом, это слово произносится легко. Он может думать о подземных пещерах как о доме. Потому что они действительно служат убежищем в эти тревожные времена.

И там Атаклена.

Он отсутствовал дольше, чем ожидал. Путь завел его высоко в горы, до самой долины Спринг. Он собирал добровольцев, устанавливал связи и вообще распространял новости о сопротивлении.

И, конечно, у него и его спутников было несколько стычек с противником. Роберт понимал, что это незначительные происшествия — захваченные врасплох маленькие патрули губру, уничтоженные до последнего чужака. Сопротивление наносило удар только там, где победа казалась неизбежной. Не должно быть свидетелей, которые могли бы доложить своему командованию, что земляне научились быть невидимками.

Но хоть и небольшие, эти победы чудесным

образом влияли на моральный дух. Конечно, губру в горах становится жарко. Однако основная масса противника вне досягаемости.

Большую часть времени отнимают дела, вряд ли связанные с сопротивлением. Везде Роберта окружали толпы шимпов, которые завывали и взвизгивали, увидев его, единственного оставшегося на свободе человека.

Его охватывало раздражение: он тут же становился неофициальным судьей, арбитром и крестным отцом новорожденных. Никогда раньше не чувствовал он так явно ответственность, которую возлагает возвышение на патронов. Он, конечно, не винил шимпов. Он сомневался, чтобы за короткую историю неошимпанзе такое количество их оказывалось отрезанным от людей.

Куда бы он ни пошел, всюду становилось известно, что человек не зайдет в здания, построенные до вторжения, и даже не встретится ни с кем, у кого есть одежда или другие предметы не с Гарта. Теперь, когда стало понятно, как газроботы находят цель, многие общины шимпов переселились.

Возобновилось строительство коттеджей, возродилось забытое искусство прядения и ткаче-

ства, выделывания шкур и изготовления обуви.

В сущности, шимпы в горах справлялись неплохо. Пищи было вдоволь, а молодежь по-прежнему посещала школу. Тут и там отдельные особи начали даже восстанавливать проект экологического возрождения Гарта, запускали самые неотложные программы, импровизировали, пытаясь заменить специалистов-людей.

«Возможно, мы им уже и не нужны», — подумал Роберт.

Сами люди едва сумели уберечь свою родную планету от экологической катастрофы перед тем, как человечество обрело разум. Ужасной трагедии едва удалось избежать. Помня об этом, унизительно видеть, что так называемые клиенты ведут себя разумнее, чем люди всего за сто лет до Контакта.

«Есть ли у нас право разыгрывать богов перед ними? Может, когда все кончится, нам следует просто уйти и предоставить им самим строить свое будущее?»

Романтическая мысль. Но есть препятствие, конечно.

«Галакты нам никогда этого не позволят».

И поэтому он разрешал шимпам окружать себя, спрашивать у него советов, называть в честь

него своих детей. А потом, сделав все возможное, уходил дальше в одиночку, потому что шимпы не могли успевать за ним.

Одиночество нескольких последних дней было приятно. У Роберта появилось время подумать. За последние недели и месяцы он многое узнал о самом себе, с того самого дня, когда мозг его распадался от боли и Атаклена вошла в его сознание и спасла его. Странно, но не звери и чудовища его неврозов оказались важнее всего. Когда он их увидел и понял, что они такое, он легко с ними справился. Во всяком случае у него не больше, чем у других, тягот и нерешенных в прошлом проблем.

Важнее то, что он стал лучше понимать себя как человека. Это исследование только началось, но Роберту понравилось направление, в котором он продвигается.

Он свернул по тропе и вышел на открытое место, солнце светило в спину. Впереди, на юге, известняковые холмы, в которых скрывается долина Пещер.

Роберт застыл, увидев какой-то металлический блеск. Что-то сверкает над вершинами за долиной, примерно в десяти милях.

«Газроботы», — подумал он. По всей округе

техники Бенджамина раскладывали образцы различных предметов, от электроники до металла и одежды, чтобы узнать, что же привлекает роботов губру. Роберт надеялся, что во время его отсутствия они достигли прогресса.

Но в каком-то смысле ему уже было все равно. Приятно держать новый длинный лук. Шимпы в горах предпочитают мощные самодельные арбалеты и самострелы, требующие меньшей координации, но большей силы для выстрела. А результат у этих видов оружия один и тот же — мертвые птицеподобные.

Использование древних навыков и оружия вдохновило всех, оживило мифы о клане волчат.

Были и тревожные последствия. Однажды Роберт заметил, как после успешной засады несколько местных горных шимпанзе незаметно отошли от лагеря. Он скользнул в тень и прокрался за ними в боковой каньон, к тайно разведенному костру.

Раньше, когда с убитых губру снимали оружие и уносили тела, Роберт замечал, что некоторые шимпы украдкой виновато поглядывают на него. И вот той ночью он с темного склона видел, как длиннорукие силуэты пляшут у костра под ветреным звездным небом. Что-то с шипением

жарилось на огне, и ветер доносил сладковатый дымный запах.

Роберт понял, что шимпы совсем не хотят, чтобы это видели патроны. Он осторожно ушел снова в тень и вернулся в основной лагерь, предоставив шимпам выполнять свой ритуал.

Но эта картина до сих пор стоит перед глазами мрачной жестокой фантазией. Роберт не спрашивал, что сделали с телами мертвых галактов, но с тех пор не мог думать о враге, не вспомнив этот запах.

«Побольше бы этих губру заманить в горы», — думал он. Кажется, причинить вред захватчикам можно только под деревьями.

День близился к концу. Пора заканчивать долгую дорогу домой. Роберт повернулся и уже хотел начать спуск в долину, когда неожиданно остановился. Замигал. В воздухе какое-то смутное пятно. Как будто на краю поля зрения что-то зашевелилось. Какая-то мошка, танцующая в слепом пятне.

Разглядеть невозможно.

«Ох!» — подумал Роберт.

Он не пытался сфокусировать зрение и отвернулся, предоставив этому не-предмету гнаться за ним. Мозг его раскрывался, как лепестки

цветка под солнцем. Колышущееся нечто робко танцевало и подмигивало ему... простой глиф привязанности и легкого веселья... настолько простой, что даже человек, с толстыми мышцами, с волосатыми руками и розовой кожей, этот пропахший дорогой человек сумел его воспринять.

— Очень забавно, Кленни. — Роберт покачал головой. Но цветок раскрылся еще шире, и Роберт кеннировал тепло. Он уже знал, в какую сторону идти. Свернул с главной тропы и пошел по узкой звериной тропке.

На полпути к вершине холма он увидел коричневую фигуру, развалившуюся в тени куста. Шен поднял голову от книги с бумажными страницами и лениво кивнул.

— Привет, Роберт. Сейчас ты выглядишь лучше, чем в прошлый раз.

— Фибен! — Роберт улыбнулся. — Когда ты вернулся?

Шимп сдержал усталый зевок.

— О, примерно час назад. Парни из пещер послали меня сюда на встречу с ее милостью. Я кое-что принес для нее из города. Прости. Для тебя ничего нет.

— Были неприятности в Порт-Хелении?

— Да, немного. Немного танцев, немного поче-

сываний, немного криков.

Роберт улыбнулся. Когда у Фибена важные новости, он всегда начинает говорить с акцентом и затягивает рассказ. Если бы позволили, он протянул бы всю ночь.

— Фибен...

— Да, да. Она там. — Шимп указал на вершину холма. — И в самом дурном настроении, если ты меня спросишь. Но лучше не спрашивай. Я всего лишь шимпанзе. Пока, Роберт. — Он снова взял книгу. Не очень-то почтительно для клиента. Роберт ухмыльнулся.

— Спасибо, Фибен. Пока. — И пошел вверх по тропе.

* * *

Атаклена не повернулась к нему, когда он подошел, потому что они уже поздоровались. Она стояла на вершине холма, лицом к западу, вытянув перед собой руки.

Роберт сразу почувствовал, что теперь над Атакленой плывет другой глиф, поддерживаемый щупальцами ее короны. И очень впечатляющий глиф. Он его не видел, не мог даже кеннировать полностью, но он здесь, он почти ощутим для его усиливающегося чувства эмпатии.

Роберт сразу понял, что Атаклена что-то делает руками... словно тонкие огненные линии, скорее воспринимаемые интуицией, чем зрением, протянулись от одной руки к другой.

— Атаклена, что...

Он замолчал, увидев ее лицо.

Черты его изменились. Большая часть проявляемых по-человечески особенностей, которые она приобрела за последние недели, сохранилась; но что-то такое, что они заменили, возвращалось, пусть на мгновение. Чуждый блеск в глазах с золотыми точками; он, казалось, дрожит в унисон с пульсированием глифа.

Восприятие Роберта обострилось. Он снова посмотрел на огненные нити в ее руках и ощутил холодок узнавания.

— Твой отец...

Блеснули белые зубы Атаклены.

— В'ит-танна Утакалтинг беллинарри-т'хуу хаоон'да!..

Она глубоко дышала широко раскрытыми ноздрями. Глаза ее, расставленные на максимальную ширину, казалось, вспыхивают.

— Роберт, он жив!

Он замигал, его переполняли вопросы.

— Это здорово! Но... но где? А о моей матери

что-нибудь знаешь? О правительстве? Что он говорит?

Она ответила не сразу. Подняла нить. Солнечный свет пробежал по ее туго натянутой поверхности. Роберт готов был поклясться, что слышал звук, исходящий от дрожащей нити.

— В'ит-тайна Утакалтинг! — Атаклена, казалось, смотрит прямо на солнце.

Она рассмеялась, перестала быть серьезной девушкой, какую он всегда знал. Зафыркала потимбримийски, и Роберт был очень рад, что не он причина ее веселья. Юмор тимбрими часто означает и нечто совсем невеселое.

Роберт проследил за ее взглядом, за долину Синд, туда, где в небе гудели вездесущие аппараты губру. Неспособный полностью воспринять глиф, Роберт искал что-то более доступное для человека. И нашел. В сознании возникла метафора.

Неожиданно улыбка Атаклены стала мрачной, почти хищной. А отразившиеся в ее глазах вражеские корабли начали походить на довольных, ничего не подозревающих мышей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГАРТЛИНГИ

Эволюция человеческой расы будет завершена не за десять тысяч лет истории приручённых животных, но за миллион лет истории диких животных, потому что человек был и всегда будет диким животным.

Чарлз Галтон Дарвин

Вскоре естественный отбор будет значить гораздо меньше, чем отбор искусственный. Мы изменим себя в соответствии с представлениями о том, какими мы должны быть. Уже в течение жизни одного поколения мы изменим себя неузнаваемо.

Грег Бир

Глава 43
УТАКАЛТИНГ

Чернильные полосы расплывались по поверх-

ности болота вблизи того места, где увязла яхта. Темные струйки медленно просачивались через щели в воды широкого плоского эстуария. И там, где они проходили, умирали насекомые, мелкие животные и жесткая соленая трава.

Упав, космический корабль подскочил несколько раз, проведя изогнутую смертоносную полосу, и наконец, зарылся носом в болотистое речное устье. И вот уже несколько дней лежит здесь, медленно протекая и погружаясь в грязь.

Ни дождь, ни ветер не могли извести боевые шрамы с его обожженных бортов. Яхта, некогда привлекательная и красивая, искорежена множеством почти прямых попаданий. Падение стало лишь последней каплей.

* * *

Непомерно большой на корме самодельной лодки, теннанинец поверх нескольких плоских островков смотрел на потерпевший крушение корабль. Он перестал грести, обдумывая свою незавидную участь.

Очевидно, упавший космический корабль никогда больше не взлетит. Его падение загубило большой участок болотистой местности. Гребень теннанинца, похожий на петушиный, с колючи-

ми серыми веерами, взъерошился.

Утакалтинг поднял весло и вежливо ждал, пока его товарищ по несчастью закончит свои возвышенные размышления. Он надеялся, что теннанинский дипломат не станет читать еще одну лекцию об экологической ответственности и тяжком бремени патрона. Но, конечно, Каулт — это Каулт.

— Дух этого места оскорблен, — сказал рослый чужак; его дыхательные щели тяжело зашумели. — Мы, разумные, не должны вести свои войны в детских яслях, отравляя их космическим ядом.

— Смерть приходит ко всем, Каулт. А эволюция расцветает на трагедиях.

Утакалтинг иронизировал, но Каулт, разумеется, восприняла его серьезно.

Из дыхательных щелей теннанинца вырвался поток воздуха.

— Я знаю это, мой коллега тимбрими. Именно поэтому все зарегистрированные планеты-ясли должны проходить свой естественный цикл развития без помех. Ледниковые периоды и столкновения с планетоидами закаляют и помогают выжить органическим видам.

— Но здесь случай особый. Планета, пострадавшая так сильно, как Гарт, от новых катастроф

впадает в шок и становится совершенно безжизненной. Ведь совсем недавно буруралли творили здесь свои безумства. Планета только начала приходить в себя. А теперь новые битвы и новые стрессы... как эта грязь.

Каулт с отвращением указал на жидкость, вытекающую из разбитой яхты.

Утакалтинг на сей раз предпочел промолчать. Конечно, всякая раса класса патронов в галактике официально является сторонником защиты среды.

Это древнейший и главнейший закон. Те космические расы, которые не присягают на верность Кодексу Экологического Управления, бывают уничтожены большинством ради сохранения будущих поколений разумных.

Но есть различия. Губру, например, меньше интересуются планетами-яслями, чем их порождением, готовыми к возвышению предразумными видами, которых можно ввести в клан губру, известный своим консервативным фанатизмом. Соро испытывают радость, манипулируя с вновь поднявшимися расами клиентов. А танду просто ужасны.

Раса Каулта иногда раздражает ханжеским стремлением к экологической чистоте, но эту

одержимость Утакалтинг по крайней мере понимает. Одно дело — сжечь лес или построить город на зарегистрированной планете. Эти раны быстро затянутся. Но совсем другое — выпустить в биосферу долгоживущий яд, который будет поглощаться и усваиваться. Отвращение самого Утакалтинга к этим ядовитым струйкам не намного меньше, чем у Каулта. Но сейчас с этим ничего не поделаешь.

— У землян на этой планете хорошие команды очистителей, Каулт. Очевидно, вторжение вывело их из строя. Может, губру сами возместят этот ущерб.

Все тело Каулта изогнулось, теннанинец звучно откашлялся. В широкий лист попал комок слизи. Утакалтинг уже знал, что это выражение крайнего недоверия.

— Губру бездельники и еретики! Утакалтинг, как можно быть таким наивным оптимистом? — Гребень теннанинца дрожал, кожистые веки мигали.

Утакалтинг смотрел на своего спутника, поджав губы.

— Так, — выдохнул теннанинец. — Ты испытываешь мое чувство юмора своей иронией. — Каулт раздул гребень. — Забавно. Я понял. На

самом деле. Продолжим.

Утакалтинг повернулся и снова поднял весло. Он вздохнул и создал ту'флук, глиф печали по неоцененной шутке.

«Наверно, это мрачное существо назначено послом на планету землян, потому что среди теннанинцев обладает особым чувством юмора». Зеркальное отражение того, почему сам Утакалтинг из всех тимбрими был избран послом сюда... за свою относительно серьезную природу, за сдержанность и тактичность.

«Нет, — думал Утакалтинг, в то время как они гребли среди извивающихся полосок соленой травы, — нет, Каулт, друг мой, ты совсем не понял шутку. Но еще поймешь».

Долгим был путь к устью реки. Гарт обернулся больше двадцати раз, с тех пор как они с Каултом покинули в воздухе поврежденный корабль и на парашютах спустились в дикую местность. Несчастные клиенты теннанинца запаниковали, их парашюты перепутались, и они разбились. С тех пор два дипломата остались наедине.

По крайней мере сейчас весна, и они не мерзнут. Все же какое-то утешение.

Лодка, сделанная из ветвей и парашютного шелка, продвигалась медленно. Яхта всего в

нескольких сотнях метров от того места, где они впервые ее увидели, но им потребовалось почти четыре часа, чтобы пробраться через узкие проливы. Хоть поверхность ровная, высокая трава закрывает видимость.

И вот они рядом, остатки некогда стройного маленького космического корабля.

— Я все еще не понимаю, зачем мы вернулись к месту крушения, — выдохнул Каулт. — У нас достаточно продовольствия, чтобы прожить. Когда положение стабилизируется, мы сможем интернироваться...

— Жди здесь, — сказал Утакалтинг, не заботясь о том, что прервал теннанинца. Слава Ифни, теннанинцы не очень чувствительны в этом отношении. Утакалтинг перебрался через борт лодки и скользнул в воду. — Нет необходимости рисковать нам обоим. Дальше я пойду один.

Утакалтинг достаточно знал своего спутника, чтобы понять, что тому неловко. Культура теннанинцев высоко ценит личную храбрость, особенно после выхода в космос, который приводит теннанинцев в ужас.

— Я пойду с тобой, Утакалтинг. — Каулт отложил весло. — Там может быть опасно.

Утакалтинг остановил его поднятой рукой.

— Не нужно, коллега и друг. Ты физически не приспособлен для «исследования» болота. И можешь перевернуть лодку. Отдыхай. Мне нужно всего несколько минут.

— Ну, хорошо. — Каулт явно испытал облегчение. — Я буду ждать тебя здесь.

Утакалтинг шел по отмели, отыскивая дорогу в предательской грязи. Он огибал струйки темной жидкости, направляясь на берег, на котором лежал борт корабля.

Это было нелегко. Он чувствовал, как тело готовится к изменениям, чтобы облегчить продвижение по густой грязи, но Утакалтинг сдержал эту реакцию. Глиф нутурунау помог ему свести адаптацию к минимуму.

Расстояние просто не стоит той цены, которую придется платить за перемены.

Шлем его распушился, отчасти он поддерживал глиф нутурунау, отчасти корону, настороженную в поисках присутствия. Сомнительно, чтобы здесь таилась опасность. Об этом позаботились бурурали. Но Утакалтинг, идя вброд, продолжал исследовать местность, ласкал эмпатическую сеть этой болотной похлебки жизни.

Вокруг полным-полно мелких животных, основных пород и видов, стандартных форм:

стройные веретенообразные птицы, чешуйчатые, с роговыми ртами рептилоиды, волосатые и пушистые существа, скользящие в тростниках.

Давно известно, что у кислорододышащих животных существует три способа покрывать свое тело. Когда клетки кожи выпячиваются наружу, возникают перья. Когда они растут внутрь, получаются волосы. А когда утолщаются и твердеют, животное обретает чешую.

Все эти три возможности здесь используются, и все в типовых формах.

Перья идеальны для птиц, которым нужен максимум изоляции при минимуме веса. Шерсть покрывает теплокровные существа, которые не могут терять тепло.

Конечно, это только внешность. Внутри — бесконечное разнообразие способов, которыми обеспечивается жизнь. Каждое существо уникально, каждая планета удивительна своим разнообразием. Планета предназначена быть огромной детской и заслуживает защиты в этой роли. В это верили и Утакалтинг, и его спутник.

Его народ и народ Каулта враги. Конечно, не как губру по отношению к людям, но в стиле, позволенном Институтом Цивилизованных Войн. Существует множество типов конфликтов, среди

них и весьма опасные и серьезные. Но все же Утакалтингу по-своему нравится теннанинец. Так просто удобнее. Обычно легче подшучивать над тем, кто тебе нравится.

Утакалтинг поднялся на берег и отряхнулся. Проверил уровень радиации и пошел к разбитой яхте.

* * *

Каулт смотрел, как Утакалтинг исчезает за бортом потерпевшего крушение корабля. Он сидел неподвижно, как его и просили, изредка делал гребок, чтобы удержаться подальше от темных струек. Из его дыхательных щелей показалась пена, отгоняя зловоние.

Во всех пяти галактиках теннанинцы известны как упорные бойцы и отважные космопроходцы. Но расслабиться Каулт и его соплеменники могут только на живой, дышащей планете. Поэтому их корабли, прочные и выносливые, так напоминают дома. Разведывательный корабль, построенный теннанинцами, нельзя было бы так легко смахнуть с неба, как этот, — простым тераваттным лазером! Тимбрими предпочитают броне скорость и маневренность, но такие катастрофы подтверждают правоту теннанин-

цев. Крушение не оставляло им выбора. Прорыв блокады губру крайне рискован, а альтернатива ему — скрываться вместе с выжившими членами правительства землян. И то, и другое не очень привлекательно.

В конце концов, может быть, именно крушение поможет им выжить. По крайней мере здесь есть почва и вода, они окружены жизнью.

Каулт посмотрел на появившегося из-за корабля Утакалтинга. Тот нес небольшой ранец. Когда тимбримийский посол погрузился в воду, его пушистый шлем встал дыбом. Каулт уже знал, что он не столь теплопроводен, как гребень теннанинцев. Некоторые группы в его собственном клане считают такие факты доказательством врожденного превосходства теннанинцев, но Каулт принадлежит к течению, более умеренному в своих взглядах. Он считает, что у каждого вида есть своя ниша в эволюционирующем Всем. Даже дикие и непредсказуемые волчата-люди. Даже еретики.

* * *

Развернув корону, Утакалтинг возвращался к лодке; однако корона развернулась не из-за перегрева. Утакалтинг создавал особый глиф.

Луррунану повис под яркими лучами солнца. Он сверкал в поле короны, собрался, энергично устремился вперед, повис над рослым теннанинцем, заплясал в радостном любопытстве над его гребнем. Галакт ничего не заметил. И его нельзя в этом винить. В конце концов глиф — это ничто. Мираж.

Каулт помог Утакалтингу подняться, схватив за пояс и втащив в неустойчивую лодку головой вперед.

— Я прихватил еще продовольствия и кое-какие инструменты, — сказал Утакалтинг на галактическом-семь, покачнувшись. Каулт помог ему сохранить равновесие.

Ранец раскрылся, в нем были бутылки. Луррунану по-прежнему висел над теннанинцем, ожидая подходящего момента. Каулт наклонился, подбирая рассыпавшиеся предметы, и в этот момент вращающийся глиф прыгнул.

Он ударился о знаменитое упрямство теннанинцев и отскочил.

Серьезность Каулта невозможно нарушить. Под управлением Утакалтинга луррунану снова устремился вперед, яростно набросился на гребень теннанинца; в этот момент Каулт подобрал бутылку легче остальных и протянул ее Утакал-

тингу. Упрямый скептицизм чужака заставил глиф снова отскочить.

Утакалтинг, взяв бутылку и пряча ее, попытался в последний раз, но на этот раз луррунану просто разбился о непроницаемый барьер самонадеянности теннанинца.

— Что с тобой? — спросил Каулт.

— Ничего. — Шлем Утакалтинга опустился, тимбрими раздраженно выдохнул. Все равно нужно найти способ возбудить любопытство Каулта!

«Ну хорошо, — подумал он. — Я и не ожидал, что будет легко. Время еще есть».

Впереди сотни километров глуши, потом Мулунские горы и, наконец, долина Синда, прежде чем они доберутся до Порт-Хелении. Где-то там ждет тайный партнер Утакалтинга, готовый участвовать в продолжительном розыгрыше Каулта.

«Будь терпелив, — сказал себе Утакалтинг. — Хорошая шутка требует времени».

Он сунул ранец под сиденье и привязал его бечевкой.

— Уходим отсюда. Я думаю, у противоположного берега много рыбы, а деревья там защитят от полуденного солнца.

Каулт прохрипел согласие и взял весло. Они двинулись через болото, оставив за собой медленно погружающуюся в трясину космическую яхту.

Глава 44
ГАЛАКТЫ

На околопланетной орбите силы вторжения вступили в новую фазу операции.

Вначале было преодолено краткое, удивительно упорное, но совершенно бессмысленное сопротивление. Потом наступил этап консолидации, составления и исполнения ритуальных планов очищения. Все это время флот в основном сохранял оборонительное построение.

В пяти галактиках царит смятение. В любое время десяток других союзов может попытаться захватить Гарт. Или союз землян и тимбрими, хотя и осажденный со всех сторон, может решить нанести здесь контрудар.

Тактические компьютеры считали, что со стороны землян это было бы глупостью, но земляне так непредсказуемы, что заранее ничего нельзя сказать.

Слишком многое уже вложено в эту операцию. Клан гуксу-губру не должен потерпеть здесь

поражение.

И боевой флот перестроился. Корабли следили за пятью уровнями гиперпространства, за всеми ближайшими пунктами перехода, за узлами пространства-времени.

Приходили новости о тяжелых испытаниях Земли, об отчаянии тимбрими, о тех трудностях, с которыми столкнулись шутники, вербуя союзников среди сонных умеренных кланов. И чем больше времени проходило, тем яснее становилось, что с этой стороны угрозы ждать не следует.

Но другие большие кланы не сидели бездеятельно. Те, которые сразу замечали преимущества. Некоторые из них тщетно искали сбежавший корабль дельфинов. Другие воспользовались смятением, чтобы выместить старые обиды.

Тысячелетней давности соглашения рассеивались, как газовые облака при появлении сверхновой. Пламя лизало древнюю социальную ткань пяти галактик.

С Родного Насеста губру поступили новые приказы. Как только будут завершены наземные оборонительные укрепления, большая часть флота получит новые задания. Оставшихся сил вполне достаточно, чтобы удержать Гарт и про-

тивостоять любой мыслимой угрозе.

Повелители Насестов сопроводили этот приказ компенсацией. Сюзерену Луча и Когтя объявили благодарность. Сюзерену Праведности пообещали усовершенствованную Библиотеку для экспедиции на Гарт.

Новому сюзерену Стоимости и Бережливости компенсация не полагалась.

Но сами новые приказы были его победой, потому что в основе их лежала осторожность. Главный чиновник набирал очки в Слиянии; они ему крайне необходимы в соперничестве с другими, более опытными предводителями.

Флотские соединения улетели к ближайшим пунктам перехода, уверенные, что дела на Гарте находятся в твердых клювах и руках. Однако наземные силы с гораздо меньшей уверенностью смотрели вслед улетающим. На поверхности планеты возникли небольшие очаги сопротивления. Эта активность, всего лишь небольшая помеха, началась среди населения шимпанзе в отдаленных районах.

Поскольку они близкие родственники и клиенты людей, их неразумное поведение неудивительно. Высшее командование губру приняло меры предосторожности. И занялось другими

делами.

Внимание триумвирата привлекла некая информация, полученная от вражеского источника и относящаяся к самой планете Гарт. Возможно, эта информация ложная. Но если она подтвердится, открываются обширные возможности!

В любом случае этим следует заняться. Возможна большая выгода. В этом все трое сюзеренов были единодушны. Они впервые испытали вкус истинного консенсуса.

* * *

Взвод солдат Когтя охранял экспедицию, углубившуюся в горы.

Птицеподобные в боевом снаряжении проносились над вершинами деревьев, внизу, в узком каньоне, слышен был негромкий свист их полетных ранцев. Один танк на воздушной подушке шел впереди, другой замыкал конвой.

Ученые-следователи двигались во флиттерах под надежной защитой.

Машины на воздушных подушках шли вглубь материка, избегая вершин хребтов с их камнями-чешуями. Не торопились. Слух, за которым они охотятся, возможно, ни на чем не основан, но сюзерены настаивают на его проверке. На

всякий случай.

Цель они увидели в конце второго дня. Плоское дно узкой долины. Здесь недавно горели здания небольшого поселка.

Танки заняли позиции в противоположных концах пожарища. Из машин высыпали ученые-губру и их помощники, клиенты-кваку. Держась подальше от все еще пахнущих гарью развалин, они отдали приказ роботам, сборщикам образцов, направляя их поиск. Менее привередливые, чем их патроны, пушистые белые кваку устремились прямо к пепелищам, возбужденно пища, принюхиваясь и приглядываясь.

Одно заключение было получено немедленно. Поселок уничтожен сознательно. Здесь пытались что-то скрыть в дыму и развалинах.

С тропической неожиданностью наступили сумерки. Вскоре пришлось работать при свете прожекторов. И наконец, командир отряда приказал остановиться. Полномасштабное изучение придется отложить на завтра.

Специалисты вернулись в свои машины, обсуждая полученные результаты.

Найдены следы, улики, тревожащие и возбуждающие.

Но для работы хватит дневного времени. Тех-

ники закрылись в машинах от наступающей ночи. Шесть роботов-сторожей поднялись в воздух с механическим молчаливым усердием. Гарт медленно поворачивался под ночным звездным небом. Слабые шорохи и потрескивания говорили о серьезных занятиях ночных лесных обитателей — они охотились и скрывались от охотников. Роботы не обращали на них внимание, продолжая невозмутимо вращаться. Ночь проходила.

Незадолго до рассвета под деревьями в звездном свете показались новые тени. Местные мелкие животные разбегались и из укрытий слушали, как медленно, осторожно крадутся пришельцы.

Роботы тоже заметили этих новых животных и сопоставили их с критериями своих программ. Вывод: неопасны. Они продолжали бездействовать.

Глава 45
АТАКЛЕНА

— Они — сидячие утки, — заметил Бенджамин со своего наблюдательного пункта на западном склоне.

Атаклена взглянула на адъютанта-шимпа. Несколько мгновений сражалась с метафорой

Бенджамина. Может, он имеет в виду птичью природу врага?

— Они как будто спокойны и довольны, если ты это имеешь в виду, — сказала она. — Но у них есть причины. Губру больше полагаются на боевых роботов, чем мы, тимбрими. Мы считаем их слишком дорогими. К тому же их поведение абсолютно предсказуемо. Тем не менее, эти роботы могут быть опасными противниками.

Бенджамин серьезно кивнул.

— Я помню об этом, сэр.

Но Атаклена все же чувствовала, что на него это не произвело впечатления. Он помогал планировать сегодняшнее нападение, координировал действия с городским сопротивлением. Официально цель нападения — запугать врага и, может быть, нанести ему некоторый ущерб, который он запомнит.

Атаклена не была уверена, что это возможно. Но согласилась с планом. Она не хотела, чтобы губру слишком многое узнали в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пока еще рано.

— Они устроили лагерь вблизи развалин главного здания, — сказал Бенджамин. — Именно там, где мы и ожидали.

Атаклена с тревогой взглянула на ночной бинокль шимпа.

— Ты уверен, что этот прибор невозможно обнаружить?

Бенджамин, не поднимая головы, кивнул.

— Да, мэм. Такие приборы мы выложили на склоне, под самым газботом. Но он даже не задержался. Мы сузили список материалов, которые обнаруживают враги. Скоро...

Бенджамин застыл. Атаклена ощутила его напряжение.

— В чем дело?

Шен пригнулся.

— Я вижу какое-то движение в деревьях. Может, наши парни занимают позиции. Сейчас установим, так ли запрограммированы эти роботы, как вы предсказали.

Бенджамин и не подумал предложить бинокль.

«Прощай протокол отношений патрон-клиент», — подумала Атаклена.

Впрочем, неважно. Она предпочитала полагаться на собственные эмоции.

Она чувствовала внизу присутствие трех типов двуногих, располагающихся вокруг экспедиции губру. Если Бенджамин увидел их, они определен-

но находятся в пределах досягаемости вражеских роботов. Но роботы ничего не предпринимают! Проходят секунды, а вращающиеся сторожа не открывают огонь по ползущим фигурам. И не тревожат своих спящих хозяев. Атаклена вздохнула с ожившей надеждой. Поведение машин — очень важная информация. То, что они продолжают молча вращаться, многое говорит не только о том, что происходит здесь, на Гарте, но и том, что творится где-то там, за покрытым звездами куполом над головой. Она узнает о состоянии дел в пяти галактиках.

«Закон еще существует, — подумала Атаклена. — Губру ограничены в своих действиях».

Подобно другим фанатичным кланам, союз губру не очень строго придерживается кодексов планетарного экологического управления. Зная болезненную подозрительность птицеподобных, Атаклена предполагала, что они запрограммируют своих защитных роботов одним способом, если законы еще действуют, и совсем по-другому, если они нарушаются.

Если хаос полностью воцарился в пяти галактиках, губру прикажут своим роботам стерилизовать сотни акров, чтобы не допустить никакого риска для своих жизней.

Но если кодекс действует, враг не посмеет его нарушить. Потому что то же самое правило защитит его, если война пойдет неблагоприятно для его союза.

Правило девятьсот двенадцатое: не участвующие в боевых действиях не должны страдать, если это возможно. Это относится скорее к видам, чем к индивидуумам, особенно на таком пережившем катастрофу мире, как Гарт.

Туземные формы жизни защищены миллиардолетней традицией.

— Собственная самонадеянность загнала вас в ловушку, грязные создания, — сказала Атаклена на галактическом-семь. Очевидно, губру запрограммировали свои машины на слежение за признаками разума: промышленного изготовления оружием, одеждой, механизмами. Губру и подумать не могли, что враг сможет приблизиться к их лагерю нагим, неотличимым от лесных животных!

Она улыбнулась, думая о Роберте. Эта часть плана — его идея.

Серая предрассветная прозрачность распространилась по небу, постепенно изгоняя звезды. Слева от Атаклены их врач, пожилая шимми Элейн Су посмотрела на свои металлические

часы. Многозначительно постучала по циферблату. Атаклена кивнула, давая разрешение продолжать.

Доктор Су поднесла ко рту ладони и испустила высокий пронзительный звук — крик птицы файуаллу. Атаклена не слышала щелчков тетив тридцати луков, выпустивших стрелы. Но напряглась в ожидании. Если роботы губру действительно совершенны и сложны...

— Готово! — воскликнул Бенджамин. — Шесть верхушек, все разбиты на куски! Все шесть роботов выведены из строя!

Атаклена перевела дыхание. Там, внизу, Роберт. Теперь, наверное, она может поверить, что у него и у остальных есть шанс. Она коснулась плеча Бенджамина, и шимп неохотно протянул ей бинокль.

Кто-то, должно быть, заметил, что экраны мониторов потемнели.

Послышалось негромкое гудение, и раскрылся верхний люк одного из танков. Высунулась фигура в шлеме и осмотрела тихий луг. Клюв птицы тревожно дернулся: она увидела обломки ближайшего робота. Что-то пошевелило ветви поблизости. Солдат развернулся, направив лазер на что-то, выскочившее из-под дерева. Синяя

молния ударила в темный силуэт.

И промахнулась. Стрелок не смог попасть в цель, которая не летела, не падала, а раскачивалась на конце лианы. Еще две молнии пролетели мимо, и больше у солдата не было возможности стрелять. Темная фигура обвила ногами худую птицу и с треском сломала ей позвоночник.

Тройной пульс Атаклены забился быстрее: она увидела силуэт Роберта на башне танка, над съежившимся телом солдата Когтя. Роберт поднял руки, и неожиданно все пространство заполнилось бегущими фигурами.

Шимпы бегали между танками и флиттерами с глиняными бутылками. За ними более рослые особи тащили какие-то тюки. Атаклена слышала, как Бенджамин что-то негодующе пробормотал. Это ее решение — включить в операцию горилл, и решение это непопулярно.

— ...тридцать пять... тридцать шесть... — считала секунды Элейн Су. В наступающем рассвете они видели шимпов, карабкающихся на машины чужаков. Это тоже рискованная часть. Надолго ли задержит неожиданность неизбежную реакцию?

Удача кончилась после тридцать восьмой секунды. Заревели сирены, вначале на переднем танке, потом на заднем.

— Осторожно! — закричал кто-то внизу.

Поросшие шерстью нападающие бросились к деревьям; из машин повалили солдаты Когтя, стреляя из ружей. Шимпы падали с криками, хватались за горящую шерсть. Или падали в подлесок молча, пробитые навылет. Атаклена прижала корону, чтобы не потерять сознание от их боли.

Это ее первый опыт настоящей полномасштабной войны. Никаких шуток, только страдания и бессмысленная, отвратительная смерть.

И тут начали падать солдаты Когтя. Птицы подпрыгивали в поисках целей, исчезнувших в деревьях, и падали под выстрелами. Оружие чужаков рассчитано на поиск источников энергии, но тут не было лазеров в качестве целей, не было пульсирующих проекторов, не было даже оружия с пулями, которые вылетают под действием взрыва. А тем временем самострелы взвизгивали, как жалящие комары. Один за другим солдаты губру дергались и падали.

Вначале первый, потом второй танк начали подниматься на воздушных подушках. Передняя машина развернулась. Три ее орудийных ствола начали косить лес.

Вершины деревьев на мгновение зависали в

воздухе, когда ствол взрывался, и потом падали наземь в облаках дыма и мусора. Лианы дергались, как рассерженные змеи, выплевывая с таким трудом добытый сок. Шимпы с криками разбегались из-под деревьев. «Стоила ли игра свеч? Может ли что-нибудь стоить этого?» Атаклена на мгновение расправила корону и почувствовала начало формирования глифа. Она сердито рассеяла создающийся в воздухе ответ на ее вопрос — глиф. Никаких острот тимбрими! Жаль, что она не умела плакать, как люди.

Лес дрожал от страха, туземные животные разбегались в ужасе.

Некоторые бежали прямо по Атаклене и Бенджамину в отчаянном стремлении убраться подальше. Радиус уничтожения расширялся, смертоносные машины стреляли по всему движущемуся. Взрывы и огонь были повсюду.

И вот внезапно передний танк прекратил стрельбу. Вначале один, потом другой ствол раскалился добела и замолчал. Стало тише.

Второй танк, по-видимому, столкнулся с теми же проблемами, но пытался продолжать огонь, несмотря на то, что его стволы начали наклоняться.

— Ныряй! — крикнул Бенджамин и потащил

Атаклену вниз. На холме успели укрыться вовремя: задний танк взорвался с ослепительной вспышкой. Над головой полетели куски металла и пластиковой брони.

Атаклена помигала, чтобы убрать пятно с глаз. Испытывая перегрузку восприятия, она на мгновение удивилась тому, что Бенджамина так тянет к воде и земным водоплавающим.

— Второй заклинило! — крикнул кто-то. И верно: обретя вновь способность видеть, Атаклена заметила дым, поднимающийся от переднего танка. Башня издавала скрежещущие звуки, но, по-видимому, не могла двигаться. К запаху горящей растительности примешивался едкий запах разложения.

— Подействовало! — возбужденно воскликнула Элейн Су. И тут же побежала к раненым.

Бенджамин и Роберт предложили использовать против патруля губру химикалии. Атаклена видоизменила план так, чтобы он отвечал ее целям. Ей не нужны мертвые губру, как до сих пор. Теперь ей нужны живые.

Вот они, закрытые в своих машинах, не в состоянии двигаться и действовать. Их коммуникационные антенны расплавились, да и сейчас уже начались нападения в Синде. У высшего ко-

мандования губру достаточно забот и поближе. Помощь придет не скоро.

Осколки упали на лесную почву. Медленно оседала пыль. Наступила тишина.

И тут послышались крики — радостные вопли, забытые с тех пор, как люди вмешались в гены шимпанзе. Атаклена слышала и другой звук — вопль торжества, «тарзаний» крик Роберта.

«Хорошо, — подумала она. — Хорошо знать, что он выжил в этой бойне. Если бы только он еще придерживался плана и отныне прятался получше».

Из леса показались шимпы, многие устремились на помощь доктору Су к раненым. Остальные расположились вокруг обезвреженных машин.

Бенджамин смотрел на северо-запад, где видно было еще несколько звезд. Оттуда доносился слабый грохот.

— Хотел бы я знать, как Фибен и парни из города выполняют свою часть плана, — сказал он.

Впервые Атаклена расправила корону. Освобожденная, она начала формировать кухуннагарра — глиф отложенной неопределенности.

— Это не в наших силах, — ответила Атаклена Бенджамину. — Мы действуем здесь, в этом месте.

Она махнула рукой и ввела в бой ждущие на склонах группы.

Глава 46
ФИБЕН

Дым поднимался над долиной Синда. В полях и садах горели огни. В бледный утренний воздух взлетала сажа.

Сидя на грубой деревянной раме самодельного воздушного змея в ста метрах над землей, Фибен в бинокль разглядывал разбросанные пожары. Бой в Синде разворачивался не очень удачно. Операция предполагалась стремительной: удар и отступление — попытка причинить вред захватчикам. Но она превратилась в сражение.

А теперь опускаются облака, словно отяжеленные дымом и несбывшимися надеждами. Скоро видимость сократится до километра.

— Фибен!

Внизу и слева, недалеко от угловатой тени змея, ему махала Гайлет Джонс.

— Фибен, как дела у группы В? Захватила она сторожевой пункт губру?

Фибен раздраженно покачал головой.

— Я их не вижу! — крикнул он в ответ. — Но

там пыль от вражеского вооружения!

— Где? Сколько? Мы выпустим веревку, чтобы ты разглядел получше...

— Невозможно! Я спускаюсь!

— Но нам нужны сведения...

Фибен покачал головой.

— Везде патрули! Надо убираться отсюда! — И он помахал шимпам, державшим веревку.

Гайлет прикусила губу и кивнула. Змей начали опускать.

Когда нападения окончились неудачей, а связь прекратилась, Гайлет еще решительней требовала сводок. Фибен не мог винить ее. Он тоже хотел знать, что происходит. У него там друзья! Но сейчас лучше подумать о собственной шкуре.

«А как хорошо все начиналось!» — думал он, медленно опускаясь.

Восстание вспыхнуло, когда шимпы, работающие на строительстве губру, закончили закладывать взрывчатку. Они делали это целую неделю. И пять из восьми целей взлетели в утреннее небо огненными столбами.

Но потом сказывались преимущества технологии. Автоматические защитные системы губру сработали и принялись косить ряды необученных бойцов, не успело еще начаться нападение.

По сведениям Фибена, не захватили ни одного важного объекта. О том, чтобы удержать захваченное, не было и речи.

В целом дела обстояли неважно.

Фибен развернул змея, и неуклюжее сооружение устремилось к поверхности. Земля понеслась навстречу, и Фибен подобрал ноги, готовясь к удару, он получился очень сильным. Треснула деревянная рама крыла, которое приняло на себя основную тяжесть.

«Лучше рама, чем кость». Фибен отвязался и выбрался из тяжелой самодельной упряжи. Конечно, настоящий дельтаплан, с композитной рамой и дюратканевыми крыльями, был бы лучше. Но они по-прежнему не знают, каким образом захватчики распознают присутствие искусственных материалов. Поэтому Фибен настоял на самодельных — и гораздо более неуклюжих — заменах.

Поблизости с лазерным ружьем губру в руках стоял рослый шимп со шрамами на лице — Макс. Он протянул руку.

— Все в порядке, Фибен?

— Да, Макс, в порядке. Давай уберем эту штуку.

Его команда разобрала змея и унесла под покров ближайших деревьев. С самого начала

злополучного набега на рассвете над головой пролетали флиттеры и истребители губру. Змей буквально невидим для радара и инфракрасных лучей. Но все равно слишком рискованно использовать его днем. На краю сада их встретила Гайлет. Она не хотела верить в тайное оружие губру — способность врага находить промышленно изготовленные вещи. Но отчасти пошла навстречу требованиям Фибена. На шимми поверх шортов и домотканой рубашки была грубая коричневая куртка. Гайлет прижимала к груди блокнот и ручку.

Пришлось долго уговаривать ее оставить портативный дисплей компьютера.

Когда Фибен выбирался из остатков змея, ему показалось, что на ее лице отразилось облегчение. Но теперь она интересовалась только делом.

— Что ты видел? Сильные ли подкрепления подходят к врагу из Порт-Хелении? Близко ли подошла группа Йосси к батарее небесной сети?

«Сегодня утром погибло много хороших шимпов и шимми, а ее интересуют только проклятые данные!»

Укрепления космической обороны — одна из целей нападения. До сих пор несколько мелких

засад в горах вряд ли способны были привлечь внимание врага. Фибен настаивал, чтобы в первом набеге удар пришелся по важным целям. Теперь уже не удастся застать врага врасплох.

И все же Гайлет спланировала операцию в Синде с учетом удобства для своих наблюдателей. Для нее информация важнее любого ущерба, который они могут причинить врагу. И, к удивлению Фибена, генерал согласилась с Гайлет.

Фибен покачал головой.

— В том направлении много дыма, так что, может быть, Йосси чего-то добился. — Фибен отряхнулся. В его домотканом комбинезоне дыра. — Я видел много вражеских подкреплений. Все здесь. — Он похлопал себя по голове.

Гайлет поморщилась. По-видимому, хотела все услышать немедленно. Но по плану они должны быть далеко отсюда. Уже очень поздно.

— Ладно, расскажешь позже. Отложим наше совещание.

«Ты, должно быть, шутишь», — саркастично подумал Фибен. Он обернулся.

— Убрали эту штуку, парни?

Трое шимпов из команды змея забрасывали листвой небольшую насыпь под соковым деревом.

— Все готово, Фибен. — Они прихватили охотничьи ружья, стоявшие под другим деревом.

Фибен нахмурился.

— Мне кажется, от них лучше избавиться. Они изготовлены на Земле.

Гайлет решительно покачала головой.

— А чем мы их заменим? Чего добьемся, действуя несколькими трофейными лазерами? Я готова нападать на врага голой, но не безоружной! — Ее карие глаза горели.

Фибен тоже начал сердиться.

— Готова нападать! Почему бы не гоняться за птицами с заточенным карандашом? Это твое любимое оружие!

— Это нечестно! Я делаю записи, потому что...

Ее прервал Макс, закричавший:

— В укрытие!

Со свистом разрывая воздух, что-то белое пронеслось над самыми вершинами деревьев. Вслед за ним вились и падали на луг сорванные листья.

Фибен не помнил, как упал за узловатый корень. Выглянув из-за него, он увидел, как вражеский корабль долетел до ближайшего холма и начал поворачивать назад.

Рядом с Фибеном очутилась Гайлет. Макс сле-

ва, он уже забрался на ветви соседнего дерева. Остальные лежали правее, ближе к краю сада.

Фибен видел, как один из шимпов поднял ружье и прицелился в приближающуюся машину.

— Нет! — закричал он, понимая, что уже поздно.

Край луга взорвался. Комья земли полетели в небо, словно поднятые злобными демонами. В мгновение ока водоворот прошел по деревьям, вздымая обрывки листьев, ветви, грязь, плоть и кости, которые взметнулись во все стороны.

Гайлет с раскрытым ртом смотрела на это опустошение. Фибен упал на нее перед тем, как ударная волна прокатилась через них. Он ощутил воздушный удар, вражеский истребитель пронесся над головой. Уцелевшие деревья дрожали и раскачивались на волне вытесненного воздуха. На спину Фибену падал дождь обломков. Из-под его руки появилось лицо Гайлет.

— Убирайся с меня, пока я не задохнулась, ты, вонючий, блохастый, побитый молью...

Фибен видел, что вражеский разведчик исчез за холмом. Он быстро встал.

— Пошли, — сказал он, поднимая Гайлет. — Надо сматываться.

Цветистые проклятия Гайлет внезапно пре-

кратились. Она встала. И ахнула, увидев, что натворило оружие губру. Слишком страшно в это поверить.

Обломки дерева перемешались с останками троих ее солдат-новобранцев. Там лежали и ружья шимпов.

— Если собираешься взять одно из них, действуй самостоятельно, сестренка.

Гайлет замигала, потом покачала головой и убежденно обронила:

— Нет.

Потом повернулась.

— Макс!

Она двинулась в ту сторону, где в последний раз видела своего рослого помощника. Но в этот момент раздался грохочущий звук.

Фибен остановил Гайлет.

— Военные транспорты. У нас нет времени. Если он жив, выберется. Пошли!

Гул гигантских машин приближался. Но Гайлет сопротивлялась.

— О, ради Ифни, подумай о спасении своих записей! — настаивал Фибен.

Это подействовало. Гайлет позволила ему утащить себя.

Вначале она спотыкалась, потом пошла уве-

ренней. Они побежали.

«Ничего девушка! — думал Фибен на бегу. Они укрывались под деревьями. — Упрямая, но смелая. Впервые такое видит, и ее даже не стошнило».

«Да? — как будто произнес в его голове другой голос. — А ты когда такое видел? Космические битвы по сравнению с этим чистые и аккуратные».

Фибен вынужден был признаться, что его не вывернуло только потому, что он не может позволить себе потерять завтрак на глазах у этой шимми. Такого удовольствия он ей никогда не доставит.

Вместе они пересекли мутный ручей и побежали дальше.

Глава 47
АТАКЛЕНА

Действовать теперь предстояло Бенджамину.

Атаклена и Роберт из укрытия на склоне смотрели, как их друг приближается к конвою губру. Бенджамина сопровождали еще двое шимпов, один из них нес флаг перемирия с изображенным на нем символом Библиотеки — крылатой спира-

лью галактической цивилизации.

Шимпы-парламентеры сбросили домотканую одежду и надели серебристое протокольное платье, приличествующее двуногим. Требовалась смелость, чтобы идти так. Хотя машины выведены из строя, уже полчаса незаметно никаких признаков жизни, трое шимпов гадали, что предпримут губру.

— Десять к одному, что птицеподобные сначала используют робот, — сказал Роберт, не отрывая взгляда от сцены внизу.

Атаклена покачала головой.

— Нет, Роберт? Смотри! Открывается дверца центральной машины.

Со своего наблюдательного пункта они видели всю поляну. Над одним все еще дымящимся танком на воздушной подушке возвышаются развалины Хаулеттс-Центра. Второй танк, с бесполезно обвисшим стволом, лежит накренившись на гибкой завесе воздушной подушки.

А из одной разбитой машины высунулась фигура губру.

— Я прав! — Роберт с отвращением фыркнул. Действительно робот. Он тоже несет флаг с изображением крылатой спирали. — Проклятые птицы не хотят ставить шимпов выше земляных

червей, — заметил Роберт. — Хотят, чтобы переговоры вела машина. Надеюсь, Бенджамин помнит, что должен сделать.

Атаклена коснулась руки Роберта, призывая к тишине.

— Он помнит, — негромко сказала она. — И ему поможет Элейн Су. — Тем не менее, наблюдая, оба испытывали ощущение беспомощности. Это дело уровня патронов. Клиентов не следует оставлять одних в такой ситуации.

Плавающий робот, по-видимому, один из сборщиков образцов, торопливо приспособленный для выполнения дипломатических функций, остановился в четырех метрах от приближающихся шимпов, которые тоже замедлили шаг и поставили свой флаг. Робот негодующе застрекотал. Атаклена и Роберт слов не поняли. Тон, однако, был безапелляционный.

Двое шимпов попятились, нервно улыбаясь.

— Это тебе по силам, Бенджамин! — проворчал Роберт.

Атаклена видела, как вспухли бугры мышц на его руках. Если бы вместо этих мышц оказались железы изменения тимбрими... Она вздрогнула от такого сравнения и снова посмотрела вниз.

Бенджамин стоял неподвижно, как скала, не

обращая внимания на машину.

Он ждал. Наконец робот смолк. Наступила тишина, и тут Бенджамин сделал простой жест — в точности, как его учила Атаклена, — презрительно отстраняя неживого участника переговоров разумных.

Робот снова запищал, на этот раз громче и с ноткой отчаяния.

Шимпы продолжали ждать, не снисходя до ответа машине.

— Какая надменность! — вздохнул Роберт. — Отлично, Бен. Покажи им класс.

Проходили минуты. Положение оставалось прежним.

— Конвой губру пришел в горы без пси-щита, — неожиданно объявила Атаклена. Она коснулась правого виска, и ее корона задрожала. — Либо щит поврежден во время нападения. Я чувствую, что они все сильнее нервничают. Захватчики располагают приборами для наблюдения. Они могли засечь движение в лесу. Это подходит вторая группа нападения, оснащенная современным оружием.

Для достижения эффекта внезапности сопротивление свои основные силы держало в резерве. Антиматерия вызывает резонанс, который мож-

но уловить на большом расстоянии. Но теперь пора раскрывать карты. Враг знает, что даже за своей броней он не в безопасности.

Неожиданно без всяких церемоний робот взлетел и направился к центральной машине. После недолгой паузы снова открылась дверца и появились два новых парламентера.

— Кваку, — объявил Роберт.

Атаклена сдержала глиф сиртуну. У ее друга-человека странная манера объяснять очевидное.

Пушистые белые четвероногие, верные клиенты губру, приближались к месту переговоров, оживленно болтая друг с другом. Рядом с шимпами они казались огромными. На толстой шее одного из них висел медальон-переводчик.

Трое шимпов сложили руки перед собой и, как один, поклонились, опустив головы на тридцать градусов. Потом выпрямились и продолжали ждать.

Кваку просто стояли. Было ясно, кто кого игнорирует на этот раз.

В бинокль Атаклена видела, что Бенджамин заговорил. Она прокляла невозможность услышать его слова.

Однако эти слова подействовали. Кваку гневно зачирикали и заблеяли.

Заработал переводчик, результаты сказались немедленно. Бенджамин не стал ждать, пока они закончат. Вместе с товарищами он поднял флаг, повернулся, и трое шимпов начали уходить.

— Отличные ребята, — довольно заметил Роберт. Он знает шимпов. Их лопатки сейчас ужасно чешутся, но поступь спокойна и преисполнена достоинства.

Передний кваку замолчал и в замешательстве посмотрел вслед шимпам, потом начал подпрыгивать и издавать резкие крики. Его спутник тоже казался возбужденным. Находящиеся на склоне теперь услышали усиленный голос переводчика, который снова и снова кричал: «...вернитесь!» Шимпы продолжали идти к деревьям, и наконец до Атаклены и Роберта донеслось:

— ...вернитесь... ПОЖАЛУЙСТА!..

Человек и тимбрими переглянулись и улыбнулись друг другу. Отчасти из-за этого и произошло сражение.

Бенджамин и его спутники резко остановились, повернулись и пошли назад. Снова поставив на место флаг со спиралью, они застыли в ожидании. И наконец, дрожа от страшного унижения, четвероногие послы поклонились.

Неглубокий поклон — чуть заметно согнуты

передние ноги, но тем не менее поклон. Клиенты губру на договоре признали клиентов людей на договоре равными.

— Они могли предпочесть смерть, — удивленно сказала Атаклена, хотя сама планировала эту встречу. — Кваку шестьдесят тысяч земных лет, а неошимпанзе стали разумными три столетия назад, и они клиенты волчат. — Она знала, что Роберт не обидится на ее слова. — Кваку так далеко зашли в возвышении, что имели право выбрать смерть. Должно быть, они и губру ошеломлены и не обдумали все последствия. Наверное, не верят в происходящее.

Роберт улыбнулся.

— Подожди, пока они услышат остальное. Пожалеют, что не избрали выход полегче.

Шимпы ответили поклоном под прежним углом. Покончив с формальностями, один из гигантов быстро заговорил, из переводчика послышались звуки англика.

— Кваку, вероятно, требуют встречи с руководителями засады, — заметил Роберт, и Атаклена согласилась.

Усиленная жестикуляция при ответе выдала Бенджамина. Но это уже не страшно. Бенджамин указал на развалины, на танки, на беспомощные

машины и на окружающий лес, где силы мстителей готовились завершить начатое.

— Он говорит, что он предводитель.

Так в сценарии, конечно. Атаклена сама написала его, поражаясь тому, как легко перешла от тонкого лицемерия тимбрими к грубой и прямой манере людской лжи.

Поведение Бенджамина помогало ей следить за переговорами, а эмпатия и воображение заполняли пробелы.

«Мы потеряли своих патронов, — произносил Бенджамин отрепетированный ответ. — Вы и ваши хозяева забрали их у нас. Нам их не хватает, мы хотим их возвращения. Но мы знаем, что бездеятельное оплакивание им не понравится и не позволит им гордиться нами. Только своими действиями покажем мы, насколько нас возвысили. И поэтому мы поступаем так, как они учили нас: ведем себя как существа, обладающие разумом и честью.

Во имя чести и в соответствии с Кодексом Войн я требую, чтобы вы и ваши хозяева сдались, иначе вы испытаете все последствия нашего законного и праведного гнева!»

— У него получается! — удивленно прошептала Атаклена.

Роберт закашлялся, пытаясь сдержать смех. Бенджамин говорил, а кваку отчаивались на глазах. Когда он замолчал, пернатые четвероногие начали подпрыгивать и визжать. Они распускали перья, чистили их клювами и громко протестовали.

Но Бенджамина вывести из себя не удалось. Он посмотрел на наручные часы и произнес три слова.

Кваку неожиданно успокоились. Должно быть, получили приказ, потому что одновременно поклонились и понеслись назад к центральной машине.

Солнце поднялось над грядой холмов на востоке. Сквозь ветви деревьев прорвались лучи утреннего света. Площадку для переговоров начало припекать, но шимпы терпеливо ждали. Время от времени Бенджамин поглядывал на часы и говорил, сколько времени осталось.

Атаклена видела, как на краю леса их специальный отряд устанавливает единственный излучатель антиматерии. Несомненно, губру тоже видят это.

Роберт шепотом считал минуты.

Наконец — в самый последний момент — люки трех машин раскрылись. Из каждого показалась

процессия. Впереди все губру в сверкающем одеянии старших патронов. Они высокими голосами пели, и басом им подпевали верные кваку.

Пышное зрелище разворачивалось в древних традициях, восходящих к временам, когда жизнь еще не выбралась из воды на земную твердь. Можно представить, что испытывали Бенджамин и остальные шимпы, когда сдающиеся проходили перед ними. У самого Роберта во рту пересохло.

— Помни, что нужно снова поклониться, — прошептал он настойчиво.

Атаклена улыбнулась. Корона давала ей привилегию.

— Не бойся, Роберт. Он помнит. — И действительно, Бенджамин сложил перед собой руки жестом глубокого уважения младшего клиента перед старшим патроном. Все шимпы низко поклонились.

Только белая полоска выдавала улыбку Бенджамина, от уха до уха.

— Роберт, — сказала Атаклена, удовлетворенно кивая. — Твой народ отлично поработал. И всего за четыреста лет.

— Не перехвали, — ответил он. — Все было ясно с самого начала.

* * *

Сдавшиеся птицы ушли в сторону долины Синда. Несомненно, вскоре их подберут. В противном случае Атаклена приказала распространить приказ. Они должны без помех добраться до базы. Всякий шимп, который коснется их пера, будет объявлен вне закона, его плазму выльют в канализацию, а его генетический код будет уничтожен. Настолько серьезно это дело.

Процессия исчезла на горной тропе. И только тут началась тяжелая работа.

Команды шимпов принялись разбирать покинутые машины; нужно управиться за то небольшое драгоценное время, пока не появились силы возмездия.

Гориллы нетерпеливо пыхтели, ожидая грузов, чтобы унести их в горы.

К этому времени Атаклена уже перенесла командный пункт на каменистую вершину холма на два километра ближе к горам. Она в бинокль следила за тем, как уносят последние грузы, оставив в тени разрушенных зданий пустые корпуса машин.

Роберт по настоянию Атаклены ушел гораздо раньше. Завтра он отправится с другим заданием,

и ему нужно отдохнуть.

Расправив корону, Атаклена кеннировала Бенджамина еще до того, как послышались его мягкие шаги. Когда он заговорил, голос звучал серьезно.

— Генерал, мы, получили по семафору сообщение, что нападения на Синде потерпели неудачу. Несколько сооружений ити удалось взорвать, но все кончилось поражением.

Атаклена закрыла глаза. Она этого ожидала. Прежде всего, внизу много проблем с конспирацией. Фибен подозревал, что в городское сопротивление проникли предатели. Тем не менее Атаклена не отказалась от вылазок. Они отвлекли защитные силы губру, заняли скоростные истребители. Она надеялась, что не слишком много шимпов погибло, отвлекая на себя захватчиков.

— Одно уравновешивает другое, — сказала она своему помощнику.

Атаклена знала, что их победа имеет чисто символическое значение. Невозможно изгнать врага, располагая такими силами. Привычно пользуясь метафорой, она подумала о гусенице, пытающейся передвинуть дерево.

«Нет, если мы и победим, то с помощью хитро-

сти, а не силы».

Бенджамин откашлялся. Атаклена взглянула на него.

— Ты по-прежнему считаешь, что нам не следовало отпускать их живыми? — спросила она.

Он кивнул.

— Да, сэр, считаю. Кажется, я понимаю, что вы говорили о символизме всего этого... и я горжусь, что вы довольны тем, как я провел переговоры. Но я по-прежнему считаю, что всех их надо сжечь.

— Из мести?

Бенджамин пожал плечами. Оба они знали мнение большинства шимпов. Их не интересуют символы. Земляне вообще привыкли смотреть на этикет и тонкие различия статуса рас в галактике как на жеманную глупость декадентской цивилизации.

— Вы знаете, что я не об этом думаю, — возразил Бенджамин. — Я согласен с вашим мнением, что мы одержали сегодня настоящую победу, заставив их разговаривать с нами. Если бы не одно обстоятельство.

— Что именно?

— Птицеподобным удалось осмотреть центр и заметить следы возвышения. И я не уверен, что они не увидели и самих горилл среди деревьев!

— Бенджамин покачал головой. — Не думаю, чтобы после этого можно было позволить им уйти, — сказал он.

Атаклена положила руку на плечо адъютанта. Но молчала, потому что не находила слов. Как объяснить Бенджамину?

Сиулфф-куонн образовался над ее головой, выражая удовлетворение от того, как развиваются события, — в осуществление плана ее отца.

Нет, она не может объяснить Бенджамину, что участие горилл в нападении — лишь этап сложного, долгого розыгрыша.

Глава 48
ФИБЕН И ГАЙЛЕТ

— Не поднимай голову! — проворчал Фибен.

— Ты перестанешь рявкать на меня? — с горячностью ответила Гайлет. Она подняла глаза поверх травы. — Я просто хочу посмотреть...

Предложение оборвалось на середине, Фибен ударил по руке, которой она опиралась. Гайлет упала, резко выдохнув, и покатилась по земле, отплевываясь грязью.

— Ты, царапающийся, покусанный блохами...

Фибен зажал ей рукой рот, но глаза Гайлет про-

должали говорить в том же духе.

— Я тебе сказал, — прошептал он. — Если ты видишь их сенсоры, значит, и они видят тебя. Наш единственный шанс — ползти по-пластунски, пока мы не сумеем затеряться среди гражданского населения.

Неподалеку слышалось гудение сельскохозяйственных машин. Именно этот звук и привлек их. Если бы они могли смешаться с фермерами, избежали бы сети захватчиков. Насколько Фибен знает, они с Гайлет могут оказаться единственными уцелевшими участниками злополучного нападения в долине. Трудно себе представить, что горные повстанцы под руководством Атаклены могли достичь чего-то большего. С того места, где он лежит, восстание кажется подавленным.

Он освободил рот Гайлет.

«Если бы взгляды убивали», — подумал Фибен, видя выражение ее глаз.

Со спутанной и грязной шерстью она больше не напоминает серьезную интеллектуальную шимми.

— Я... думала... ты... сказал... — прошептала она с расстановкой, демонстрируя хладнокровие, — что враг не может нас засечь, если на нас только туземные материалы.

— Да, если они ленивы и рассчитывают только на свое тайное оружие. Но не забудь, что в их распоряжении также инфракрасные лучи, радар, сейсмический сонар, пси-детекторы... — Он неожиданно осекся. Слева раздался низкий гул. Если это комбайн, который они заметили раньше, у них есть возможность подъехать.

— Жди здесь, — прошептал Фибен.

Гайлет схватила его за руку.

— Нет! Я иду с тобой! — Она быстро взглянула по сторонам, потом опустила глаза. — Не... не оставляй меня одну.

Фибен прикусил губу.

— Хорошо. Пригнись и следуй за мной.

Они двинулись друг за другом, прижимаясь к земле.

Гул медленно приближался. Вскоре Фибен ощутил легкое покалывание в затылке.

«Гравитика, — подумал он. — Совсем близко!»

Он даже не сознавал, насколько близко, пока машина не показалась над травой в двух метрах от него.

Он ожидал увидеть большого робота, но перед ними появился шар размером с баскетбольный мяч, усеянный серебряными и стеклянными кнопками — сенсорами. Шар мягко покачивался

на полуденном ветерке, разглядывая их.

«Дьявольщина!» Фибен сел на корточки, покорно опустив руки. Недалеко послышались негромкие голоса. Несомненно, хозяева этой штуки.

— Это боевой робот? — устало спросила Гайлет.

Фибен кивнул.

— Нюхач. Я думаю, дешевая модель, но достаточно, чтобы найти и удержать нас.

— Что нам делать?

Он пожал плечами.

— Сдаваться.

Однако завел руку за спину, порылся в темной почве и нащупал гладкий камень.

Голоса приближались.

«Какого дьявола!» — подумал Фибен.

— Слушай, Гайлет. Когда я тронусь с места, спрячься и уходи отсюда. Отнеси свои записи Атаклене, если она жива.

И прежде чем она могла что-то ответить, он крикнул и изо всех сил швырнул камень.

Несколько событий произошло одновременно. Правую руку Фибена обожгла боль. Вспыхнул свет, такой яркий, что Фибен на мгновение ослеп. Он подпрыгнул, и в грудь впился пучок игл.

Он летел к шару, и неожиданное ощущение овладело Фибеном. Как будто такое уже происходило с ним и сотни раз в сотнях предыдущих жизней. Он помнит это на самой грани сознания. Так ему показалось, когда он пролетел через пульсирующее гравиполе и ухватился за машину чужаков. Мир наклонился и завертелся, шар пытался сбросить его с себя. Луч лазера ударил по тени Фибена и по траве. Фибен держался изо всех сил, а поля и небо слились во вращающемся тошнотворном пятне.

Внушенное deja vu даже помогло! Фибен разжал раненую руку и поискал панель управления робота.

Снимая крышку, вскрывая замок, Фибен сломал ноготь, но наконец засунул руку внутрь и схватил провода.

Машина дико вертелась, словно понимая его намерение. Из-под ног Фибена вылетела опора, его бросало, как тряпичную куклу. Слабела левая рука, он держался за провода — все кружилось вместе с ним.

И только одно в мире не расплывалось — линзы лазера робота, нацеленные прямо на него.

«Прощай», — подумал он и закрыл глаза.

Но тут что-то оборвалось. Он отлетел, по-преж-

нему сжимая провода. И, когда ударился о землю, испытал почти облегчение. Закричал и покатился рядом с огнем. Конечно, было больно. Ребра Фибена болели так, словно самая большая самка-горилла из Хаулеттс-Центра провела с ним страстную ночь. В него выстрелили по крайней мере дважды. Но он ожидал, что умрет. И, что бы ни случилось потом, сейчас приятно ощутить себя живым.

Мигая, он прочистил глаза от пыли и сажи. В пяти метрах от него свистели и плевались остатки вражеской машины в круге почерневшей дымящейся травы. Хваленое качество скобяных товаров губру!

«Какой торговец-ити всучил губру такой кусок дерьма? — подумал Фибен. — Если даже это йофур с десятью вонючими соковыми кольцами, я готов прямо сейчас расцеловать его!»

Возбужденные голоса. Торопливые шаги. Фибен испытал прилив надежды.

Он думал, что за своей разбитой машиной явятся губру. Но это шимпы! Он сморщился и, держась за бок, встал, улыбаясь.

Но улыбка застыла у него на лице, когда он увидел, кто к нему подходит.

— Ну, кто же у нас здесь? Мистер Синяя Карта

собственной персоной! Похоже, ты пробежал длинную дистанцию с препятствиями, парень из колледжа. Ты словно не понимаешь, когда тебя побили.

Высокий шен с тщательно выбритой на лице шерстью, с усами, элегантно напомаженными и завитыми. Фибен узнал вожака группы испытуемых-проби из «Обезьяньей грозди», который называл себя Железная Хватка.

Ну почему именно он?

Подошли остальные. На ярких комбинезонах новая деталь — шарф и наручная нашивка с одинаковым символом — вытянутой когтистой птичьей лапой.

Вооруженные модифицированными сабельными ружьями, шимпы столпились вокруг Фибена. Очевидно, милиция коллаборационистов, о которой они с Гайлет слышали.

— Помнишь меня, парень из колледжа? — спросил Железная Хватка, улыбаясь. — Думаю, да. Я-то тебя запомнил.

Фибен вздохнул, глядя, как двое проби подводят Гайлет Джонс, крепко держа за руки.

— Как ты? — негромко спросила Гайлет. Он не понял выражения ее глаз. Только кивнул. Говорить было не о чем.

— Пошли, мой юный генетический красавец! — Железная Хватка рассмеялся и схватил Фибена за больную руку. — Кое-кто хочет с тобой поговорить, и на этот раз конкретно.

Фибен оторвал взгляд от Гайлет. Его рывком поставили на ноги и толкнули. Для бесполезной борьбы у него не было сил.

Проби потащили его перед Гайлет, и Фибен впервые смог оглядеться. Они всего в нескольких сотнях метров от Порт-Хелении! Двое шимпов в рабочих комбинезонах смотрели на него с площадки обслуживания культиваторов. Фибена и Гайлет отвели к калитке в стене чужаков, этого барьера, который самодовольно развертывался на местности, как сеть, поймавшая их жизни.

Глава 49
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности демонстрировал возбуждение, раздуваясь и исполняя короткий танец на насесте выступлений. Получленораздельные возгласы мешали ему высказаться, и поэтому новость не распространялась в течение всего обращения планеты.

Правда, уцелевшие в горной засаде губру все

еще в шоке. Вначале они хотели доложить командованию, но военные, деловито расправлявшиеся с последними очагами восстания на ближайших равнинах, заставили их ждать.

Что такое в конце концов небольшая стычка в горах по сравнению с почти удавшимся нападением на оборонительные батареи?

Сюзерен хорошо понимал, почему совершаются такие ошибки. И все же это раздражало. Происшествие в горах гораздо важнее всех остальных партизанских вылазок.

— Вы должны были прекратить — устранить — привести себя к концу!

Сюзерен в танце выказывал свое негодование ученым-губру. Специалисты после долгого похода по холмам выглядели взъерошенными и непричесанными. В унынии они обвисли еще больше.

— Сдавшись, вы причинили вред — нанесли ущерб — уменьшили нашу праведность и честь, — закончил обвинение сюзерен.

Если бы они состояли на воинской службе, верховный священник потребовал бы наказания их и их семей. Но большая часть их эскорта погибла, а ученые всегда меньше озабочены вопросами праведности, чем военные.

Сюзерен решил простить их.

— Тем не менее я понимаю ваше решение, признаю, санкционирую его. Мы останемся верными вашему слову.

Специалисты станцевали облегчение. Вернувшись домой, они не испытают унижения или чего-нибудь похуже. Их честь не пострадает.

Но капитуляция обойдется им дорого. Их необходимо немедленно удалить из системы, и не заменять в течение года. Больше того, равное количество людей необходимо освободить из заключения!

У сюзерена неожиданно появилась идея, которая вызвала странное ощущение — ощущение веселья. Он освободит шестнадцать человек, но горные шимпанзе не увидятся со своими опасными хозяевами. Людей отправят на Землю!

Это, несомненно, соответствует праведности и слову. Конечно, обойдется недешево, но гораздо хуже выпустить людей в населенной местности Гарта.

Достижения этих горных шимпанзе ошеломляют, если доклад уцелевших верен. Как это произошло? Протоклиенты, которых он наблюдал в городе и в долине, не способны на такие ухищрения.

Неужели там еще остались люди?

Мысль пугающая, и сюзерен не представлял, как это возможно. Согласно подсчетам, число незахваченных крайне незначительно и статистически его можно просто игнорировать. Скорее всего эти неучтенные мертвы.

Конечно, придется усилить газовые бомбардировки. Новый сюзерен Стоимости и Бережливости будет жаловаться, потому что программа и так оказалась чрезмерно дорогостоящей. Но теперь сюзерен Праведности полностью перейдет на сторону военных.

Что-то шевельнулось у него внутри. Сюзерен Праведности почувствовал легкое покалывание. Неужели предвестник сексуальных изменений? Сейчас, когда положение еще неопределенное и неясно, кто из троих сюзеренов будет господствовать, изменения не должны начинаться. Слияние должно подождать, пока не будет достигнута Праведность, пока не установлен консенсус, так чтобы стало ясно, кто сильнейший!

Сюзерен зачирикал молитву утраченным Прародителям, все остальные подхватили ее.

Как бы установить, в каком направлении разворачиваются сражения в галактических просторах? Найден ли корабль дельфинов? Может быть, именно сейчас флоты каких-нибудь союзов

приближаются к вернувшимся Древним? И скоро придет всеобщий конец? Неужели действительно пришло время Перемены?

Если бы священник знал, что галактический закон безвозвратно отменен, его не стесняло бы это отвратительное слово и связанное с ним признание разумности неошимпанзе.

Конечно, есть и утешение. Даже если ими руководят люди, полуживотные не сумеют воспользоваться этим признанием. Так всегда бывает с видами волчат. Они не обращают внимания на тонкости древней галактической культуры, устремляются напролом и почти всегда гибнут.

— Утешение, — чирикал сюзерен. — Да, утешение и победа.

Нужно позаботиться еще об одном деле, возможно, самом важном. Священник снова обратился к руководителю экспедиции.

— Твое последнее обещание было избегать — устраняться — не появляться больше никогда в этом месте.

Ученые протанцевали согласие. Небольшой клочок Гарта отныне закрыт для губру, пока не упадут звезды или не будут изменены правила.

— И однако до нападения вы обнаружили — установили — заметили следы вмешательства в

генетику, признаки тайного возвышения?

Это тоже отражено в отчете. Сюзерен расспрашивал ученых тщательно и подробно. Они могли только поверхностно осмотреть лаборатории, но факты говорят за себя.

В горах шимпанзе скрывают расу предразумных! И до вторжения они и их человеческие патроны занимались возвышением новой расы клиентов!

Вот как! Сюзерен танцевал. Данные, полученные из сейфа тимбрими, подтверждаются! Каким-то чудом этот переживший катастрофу мир произвел на свет сокровище! И теперь, несмотря на то что губру захватили землю и небо, земляне умудряются держать это открытие в тайне!

Неудивительно, что Отраслевая Библиотека не содержит файлов возвышения! Земляне пытались скрыть улики.

«Но теперь, — радовался сюзерен, — мы знаем об этом чуде!»

— Вы свободны — отпущены — отправлены на свои корабли, — сказал он поникшим ученым, повернулся к помощникам-кваку, собравшимся под насестом.

— Свяжитесь с сюзереном Луча и Когтя, — сказал он с необычной краткостью. — Скажите ему,

что нужно немедленно встретиться. — Один из пушистых четвероногих тут же поклонился и убежал выполнять поручение.

Сюзерен Праведности застыл на насесте; обычай не позволяет ему ступать на почву, пока не завершены церемонии защиты.

Время от времени он переступал с ноги на ногу; опустив клюв на грудь, сюзерен глубоко задумался.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕДАТЕЛИ

Не обвиняй Природу, она свое дело сделала:
Сделай же ты свое.
Джон Милтон «Утраченный рай»

Глава 50
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Вестовой сидел на диване в углу зала совещаний, завернувшись в одеяло, и прихлебывал из чашки горячий суп. Время от времени молодой шен вздрагивал, и выглядел безмерно усталым. Его шерсть не успела просохнуть от ледяной воды.

«Удивительно, что он вообще добрался, — думала, глядя на него Меган Онигл. — Никто из шпионов и разведывательных групп, которых мы посылали на берег, не вернулся, хотя у них было надежное снаряжение. А этот маленький шимп всех нас заткнул за пояс, приплыл на крохотном плоту из срубленных деревьев с домотканым

парусом. Он принес письмо от моего сына».

Меган снова вытерла глаза, вспоминая первые слова посыльного, который, выбиваясь из сил, добрался по подземным пещерам к их убежищу.

— Капитан Онигл шлет свои позд... свои поздравления, мэм.

Он протянул пакет в водонепроницаемой упаковке из сока дерева оли и упал на руки медиков. «Сообщение от Роберта, — удивленно думала она. — Он жив. Он свободен. Помогает сражаться». Она не знала, радоваться или содрогаться от таких известий.

Конечно, этим можно гордиться. Возможно, сейчас Роберт единственный свободный взрослый человек на поверхности Гарта. А если его «армия» всего лишь оборванная толпа партизан-обезьян, то она по крайней мере добилась большего, чем тщательно сохраненные остатки милиции планеты.

Но Роберт не только заставил ее гордиться, он еще и удивил ее. Может, она что-то просмотрела в этом мальчике? Или лишения закалили его?

«Наверное, в нем больше отцовского, чем мне хотелось бы».

Сэм Теннейс, пилот космического корабля, он появляется на Гарте примерно раз в пять лет. Это

один из трех космических мужей Меган. Каждый из них проводил дома не больше нескольких месяцев, с огромными промежутками, и эти мужья почти никогда не встречались друг с другом.

Другие женщины могли бы не справиться с такой ситуацией, но это устраивало и астронавтов, и женщину-политика. И из всех троих только Сэм Теннейс подарил ей ребенка.

«Я никогда не хотела, чтобы мой сын стал героем, — подумала Меган. — И хоть всегда относилась к нему критически, тем не менее не хотела, чтобы он походил на Сэма».

Будь Роберт не таким изобретательным, он оказался бы теперь в безопасности — интернирован на одном из островов с остальными людьми, оставаясь по-прежнему плейбоем среди друзей. И ему не пришлось бы отчаянно и бесполезно сражаться с могущественным врагом.

«Что ж, — успокаивала она себя, — вероятно, в письме он немного привирает».

Слева от нее раздавались громкие изумленные возгласы. Правительство в изгнании изучало послание, написанное на древесной коре самодельными чернилами.

— Сукины дети! — услышала она полковника Миллчемпа. — Так вот как им всегда удавалось

узнать, где мы, еще до начала боя!

Меган придвинулась к столу.

— Подведите, пожалуйста, итоги, полковник.

Миллчемп взглянул на нее. Дородный красноликий офицер милиции тряс листочками, пока кто-то не перехватил их.

— Оптические волокна! — воскликнул он.

Меган покачала головой.

— Прошу прощения?

— Вот что нас выдавало! Они все подстроили! Каждый провод, телефонный кабель, коммуникационные линии... вся электроника планеты! Все они резонируют на вероятностной волне, которую улавливают приборы проклятых птицеподобных... — Полковник Миллчемп подавился от гнева, махнул рукой и отошел.

Должно быть, изумление Меган бросалось в глаза.

— Я попробую объяснить, мадам координатор, — сказал Джон Кайли, болезненный высокий мужчина с телосложением человека, всю жизнь проведшего в космосе. В мирное время Кайли был капитаном фрайтера. Его торговый корабль участвовал в пародии космического сражения и случайно уцелел, если к нему можно применить это слово. Избитая и поврежденная, успевшая

только пощекотать планетоиды губру своим лазером, «Эсперанца» добралась до Порт-Хелении только потому, что враг не очень торопился захватить всю систему Гимельхая. И теперь капитан «Эсперанцы» стал советником Меган.

Кайли выглядел ошеломленным.

— Мадам координатор, вы помните сделку двадцатилетней давности о покупке фабрики по производству электроники и протоники? Небольшая саморегулирующаяся фабрика, в самый раз для таких колоний, как наша.

Меган кивнула.

— Координатором тогда служил ваш дядя. Мне кажется, первое ваше торговое поручение заключалось в завершении сделки и доставке фабрики на Гарт.

Теперь кивнул Кайли. Его удивление не проходило.

— Одно из главных изделий этой фабрики — оптические волокна. Тогда еще говорили, что эта сделка с кваку заключена на слишком выгодных для нас условиях. Но кто мог подумать, что они действовали с таким дальним прицелом? Всего лишь шанс, что они когда-нибудь захотят...

Меган ахнула.

— Кваку! Они клиенты...

— Губру. — Кайли кивнул. — Проклятые птицеподобные уже тогда планировали это.

Меган вспомнила, слова Утакалтинга: «Галакты не торопятся. Они терпеливы, как планеты на орбитах».

Кто-то еще откашлялся. Это майор Пратачулторн, невысокий, мощного телосложения офицер земной морской пехоты. Он со своим небольшим отрядом оставался единственной регулярной военной силой после космической битвы и безуспешной защиты космодрома Порт-Хелении. Миллчемп и Кайли находились в резерве.

— Положение очень серьезное, мадам координатор, — сказал Пратачулторн. — Оптические волокна этой фабрики применяются в любом военном и гражданском оборудовании, изготовленном на планете. Они есть почти в каждом здании. Можем ли мы быть уверены в открытии вашего сына?

Меган едва не пожала плечами, но инстинкт политика вовремя остановил ее. «Откуда мне знать? — подумала она. — Мальчик для меня незнакомец». Она взглянула на маленького шена, который едва не погиб, доставляя послание Роберта. Она и представить не могла, что Роберт способен у кого-нибудь вызвать такую предан-

ность.

«Наверное, я ревную», — решила Меган.

В разговор вступила женщина — офицер морской пехоты.

— Отчет подписан также тимбрими Атакленой, — заметила лейтенант Лидия Маккью. Молодая женщина поджала губы. — Это второй свидетель, подтверждающий подлинность.

— Тысяча извинений, Лидия, — ответил майор Пратачулторн. — Тим всего лишь ребенок.

— Она дочь посла Утакалтинга, — резко сказал Кайли. — И эксперименты помогали проводить техники шимпы.

Пратачулторн покачал головой.

— Значит, у нас нет компетентных свидетелей.

Несколько советников ахнули. Единственный член правительства неошимпанзе доктор Сьюзен Бениршке покраснела и уставилась в стол. Но майор Пратачулторн не заметил собственной дерзости. «Майор, как всегда, бестактен. К тому же он офицер морской пехоты», — напомнила себе Меган.

Это элитарный корпус, в нем совсем немного дельфинов и шимпов. Кстати, в него набирают преимущественно мужчин, это последний оплот старомодного мужского шовинизма.

Командор Кайли перелистал грубые листки отчета Роберта.

— И все же вы должны согласиться, майор, что такое объяснение выглядит вполне правдоподобно. Оно помогает понять причину наших поражений и неудач в попытках установления связи с островами и материком.

Немного погодя майор Пратачулторн кивнул.

— Правдоподобно, да. Однако не мешает проверить на практике, провести собственное расследование, прежде чем мы примем на веру это предположение.

— В чем дело, майор? — спросил Кайли. — Вам не нравится перспектива заменить фазовое ружье на лук и стрелы?

Ответ Пратачулторна прозвучал на удивление спокойно:

— Вовсе нет, сэр, если противник вооружен аналогично. Проблема в том, что он вооружен по-другому.

Повисло долгое молчание. Казалось, никто не знал, что сказать.

Полковник Миллчемп прервал паузу, вернулся к столу и ударил по нему ладонью.

— В любом случае, какой смысл в ожидании?

Меган нахмурилась.

— О чем вы, полковник?

Миллчемп проворчал:

— О том, что наши силы здесь, внизу, бездействуют. Мы просто медленно сходим с ума. А, может быть, именно в этот момент Земля сражается за свою жизнь!

— В космосе не существует понятия «этот момент», — заметил командор Кайли. — Одновременность — миф. Эта концепция обязательна для англика и других земных языков, но...

— Оставьте метафизику! — выпалил Миллчемп. — Важно то, что мы можем повредить врагам Земли! — Он взял в руки кусочки коры. — Благодаря партизанам мы теперь точно знаем, где губру разместили свои базы. Что бы там ни вычитали в Библиотеке эти проклятые птицы, ничто не помешает нам запустить свои ракеты!

— Но...

— У нас их три — они не применялись в космическом сражении, и губру не знают, что они у нас есть. Если эти снаряды могут справиться с танду, будь прокляты все семь камер их сердца, то тем более уничтожат наземные цели губру!

— И что это нам даст? — спокойно спросила лейтенант Маккью.

— Свернем нескольким губру шеи! Посол Ута-

калтинг говорил нам, что в галактических войнах очень важны символы. Сейчас губру могут заявлять, что мы вообще не оказали сопротивления. Но символический удар, который принесет им ущерб, скажет всем пяти галактикам, что мы боремся!

Меган Онигл ущипнула переносицу, и заговорила с закрытыми глазами.

— Меня всегда удивляло, что концепция «решающего удара» моих американо-индейских предков пережила свое время и успешно применяется в гипертехнологической галактике. — Она открыла глаза. — Действительно, может дойти до этого, если другого способа эффективных действий у нас не будет.

— Но вспомните, что Утакалтинг также призывал к терпению. — Она покачала головой. — Пожалуйста, сядьте, полковник Миллчемп. Слушайте все. Я не намерена тратить в символическом жесте наши силы, пока не буду уверена, что это наша единственная возможность сопротивления врагу.

— Не забывайте: почти все человеческое население планеты — на островах, жизнь заложников зависит от противоядия губру. А на континенте бедные покинутые шимпы.

Офицеры сидели, понурив головы.

«Они недовольны, — подумала Меган. — И я не могу винить их».

Когда война назревала и они планировали способы сопротивления вторжению, никто не думал о таком положении. Может быть, народ, лучше знакомый с данными Великой Библиотеки, владеющий древним галактическим искусством ведения войн, подготовился бы лучше. Тактика губру спутала все их скромные оборонительные планы.

Меган не стала называть главную причину, по которой воздерживается от такого жеста. Люди плохо разбираются в игре галактических протоколов. Удар, нанесенный для защиты чести, может испортить дело и оправдать более жестокие меры губру.

Какая ирония! Если Утакалтинг прав, то кризис был ускорен небольшим земным кораблем на другой стороне пяти галактик.

У землян поразительная способность создавать себе трудности. Здесь нет им равных.

* * *

Меган посмотрела на маленького шена с материка. Посланник Роберта, все еще в одеяле,

подошел к столу. В его темных глазах светилась тревога.

— Да, Петри? — спросила Меган.

Шимп поклонился.

— Мэм, врач настаивает на постельном режиме.

Она кивнула.

— Вот и хорошо, Петри. Конечно, позже мы расспросим тебя подробнее... зададим кое-какие вопросы. А сейчас тебе следует отдыхать.

Петри кивнул.

— Да, мэм, спасибо, но у меня к Вам кое-что еще. Я лучше скажу сейчас, пока не забыл.

— Да? Что же это?

Шимп неловко переминался. Взглянул на стоящих вокруг людей, потом снова на Меган.

— Это личное, мэм. Капитан Онигл просил меня запомнить и передать вам.

Меган улыбнулась.

— Хорошо. Прошу прощения.

Она вместе с Петри отошла в дальний конец комнаты. И здесь села, чтобы ее глаза оказались на уровне глаз маленького шимпа.

— Что же передал мне Роберт?

Петри моргнул. Взгляд его утратил сосредоточенность.

— Капитан Онигл велел сказать вам, что на самом деле армию создает тимбрими Атаклена.

Меган кивнула. Это она уже поняла. Роберт может отыскивать новые ресурсы, новые глубины, но он никогда не был и никогда не станет лидером.

Петри продолжал.

— Капитан Онигл сказал: важно, чтобы тимбрими Атаклена имела законный почетный статус патрона в глазах наших шимпов.

Опять Меган кивнула.

— Умно. Мы можем вынести такое решение и отправить на материк.

Но маленький шимп покачал головой.

— Мэм, мы не можем ждать этого. И поэтому я должен сказать вам... Капитан Онигл и тимбрими Атаклена вступили в брак... Кажется, это называется так...

Он замолчал, потому что Меган встала, медленно повернулась к стене и прижалась лбом к прохладному камню.

«Проклятый мальчишка!» — подумалось сразу.

Но одновременно — и другое:

«Это единственное, что они могли сделать».

А ехидный внутренний голос добавил:

«Итак, теперь я свекровь».

Разумеется, от этого союза никаких внуков не будет. Межрасовые браки заключаются с другой целью. Но возможны другие осложнения.

В комнате продолжалось обсуждение. Снова и снова собравшиеся перебирали варианты и опять, как в предыдущие месяцы, ни к чему не приходили.

«О, если бы Утакалтинг добрался сюда, — подумала Меган. — Нам необходимы его опыт, его сдержанная мудрость и юмор. Мы могли бы с ним разговаривать, как раньше. И, может быть, он объяснил бы мне, почему матери бывает так одиноко».

Она призналась себе, что ей не хватает посла тимбрими. Не хватает больше, чем трех мужей, и даже больше, да простит ее Господь, чем собственного странного сына.

Глава 51
УТАКАЛТИНГ

Забавно было смотреть, как Каулт играет с эн-белкой, туземным животным южных равнин. Он приманивал маленького зверька спелыми орехами.

Каулт занимался этим целый час, пока они

пережидали полуденную жару в тени густых зарослей колючей куманики.

Утакалтинга поражало это зрелище. Вселенная не уставала удивлять его. Даже неповоротливый, прямолинейный Каулт — постоянный источник развлечений.

Нервно вздрагивая, эн-белка набралась храбрости, прыгнула в сторону огромного теннанинца и протянула лапы за орехом.

Поразительно. Как это удается Каулту?

Утакалтинг отдыхал в сырой и теплой тени. Он не узнавал растительность тут, на плоскогорье, выходящем на эстуарий, где сел их корабль, но чувствовал, что все сильнее привыкает к запахам, ритмам, мягкому потоку боли повседневной жизни, который течет по этой обманчиво спокойной поляне.

Корона приносила прикосновения мелких хищников, пережидающих дневную жару; скоро они возобновят охоту за своей мелкой добычей. Конечно, крупных животных здесь нет, но Утакалтинг кеннировал стаю инсектоидов-землекопов, которые пересеивают поблизости почву в поисках корма для своей царицы.

Разрываясь между осторожностью и жадностью, маленькая эн-белка напряженно прибли-

зилась и взяла угощение с руки Каулта.

«Странно. Они вроде бы неспособны на это». Утакалтинг поражался, как эн-белка может довериться теннанинцу, такому огромному, устрашающему и сильному.

Здесь, на Гарте, после катастрофы бурурал-ли жизнь нервная, пугливая, параноидальная. Смертный покров буруралли висит над этой степью далеко к востоку и югу от Мулунских гор.

Каулт не может успокоить эн-белку, как это сделал бы тимбрими, — пением глифов в мягких тонах эмпатии. У теннанинца пси-способностей не больше, чем у булыжника.

Но Каулт заговорил на своем, богатом интонациями галактическом диалекте. Утакалтинг прислушался.

— Знаю тебя... вид-звук-образ... сущность предназначения твоего? Пронесешь свои... гены-сущность-судьбу... судьбу твоих звездных потомков?

Эн-белка с набитыми щеками вздрогнула. Она казалась загипнотизированной. Гребень Каулта раздувался и опадал, дыхательные щели раздвигались с каждым влажным выдохом. Теннанинец не может общаться с животным, как Утакалтинг. И тем не менее эн-белка как будто поняла любовь Каулта.

«Забавно», — подумал Утакалтинг. Тимбрими живут в потоке вечной музыки жизни, но он не может отождествиться с этим маленьким животным. В конце концов, оно одно из миллионов. К чему думать именно об этой особи?

А вот Каулт любит это существо. Лишенный эмпатии, не способный установить непосредственную связь живого с живым, он любит его исключительно на абстрактном уровне. Любит то, что представляет это маленькое создание, любит его потенциал.

«Многие люди по-прежнему утверждают, что можно обладать эмпатией без пси-способностей», — размышлял Утакалтинг. Древняя метафора описывает это, как «оказаться в чужой шкуре». Утакалтинг всегда считал это одной из причудливых идей человечества до Контакта, но сейчас он уже в этом не уверен. Может быть, люди находятся на полпути между тимбрими и теннанинцами в умении отождествить себя с другим.

Народ Каулта страстно верит в возвышение, в возможность для самых разнообразных форм жизни достичь со временем разума. Так миллиарды лет назад утверждали утраченные Прародители галактической культуры, и клан теннанинцев совершенно серьезно к этому

относится. Их бескомпромиссный фанатизм восхищает. Временами, как в этом галактическом кризисе, он делает теннанинцев чрезвычайно опасными.

Но сейчас Утакалтинг рассчитывает сыграть на этой черте и привлечь теннанинцев к осуществлению своего плана.

Эн-белка схватила с раскрытой ладони Каулта последний орех и решила, что с нее достаточно. Взмахнув своим веерообразным хвостом, она скрылась в зарослях. Каулт повернулся и посмотрел на Утакалтинга, его дыхательные щели продолжали дрожать.

— Я изучал генетические отчеты земных экологов, — сказал теннанинский консул. — У этой планеты всего несколько тысячелетий назад имелся внушительный потенциал. Ее не следовало передавать буруралли. Утрата жизненных форм Гарта была ужасной трагедией.

— И нагалли наказали за то, что совершили их клиенты? — спросил Утакалтинг, хотя и знал ответ.

— Да. Их низвели до статуса клиентов и передали одному из старших и ответственных кланов патронов. Кстати, моему собственному. Очень печальный случай.

— Почему?

— Потому что в сущности нагалли очень зрелый и изысканный народ. Они просто не поняли, что в обращении с хищниками требуется некая осторожность, и допустили ужасную ошибку со своими клиентами-буруралли. Но ошибку допустили не только они. Часть вины лежит на галактическом Институте возвышения.

Утакалтинг сдержал улыбку в человеческом стиле. Вместо этого над его короной появился слабый глиф, невидимый Каулту.

— Может быть, хорошие новости с Гарта помогут нагалли? — спросил он.

— Несомненно. — Каулт раздувающимся гребнем проделал эквивалент пожатия плечами. — Мы, теннанинцы, никак не были связаны с нагалли, когда произошла катастрофа, но это положение изменилось, когда их передали под нашу опеку. И теперь наш клан отвечает за эту израненную планету и направил сюда консула. Необходима уверенность, что земляне не причинят еще большего вреда этому несчастному миру.

— А на самом деле?

Каулт закрыл глаза и снова открыл их.

— Что на самом деле?

— Земляне здесь не причинили вреда?

Каулт снова раздул гребень.

— Нет. Мы можем воевать с ними, но у меня нет к ним никаких претензий. Их программа экологической помощи просто выдающаяся. Напротив, о деятельности губру на планете я намерен представить отчет.

Утакалтингу показалось, что он понимает Каулта. Они видели признаки краха программы по восстановлению экологии. Два дня назад они миновали восстановительную станцию, теперь опустевшую, с ржавеющими заборщиками образцов и клетками. Пробы наследственного вещества испортились, когда вышли из строя холодильники.

Нашли они и отчаянную записку. Шимп, помощник эколога станции, решил оставить свой пост, чтобы помочь коллеге-человеку. Иначе тот не выдержит долгого пути на побережье за противоядием от газа принуждения.

Утакалтинг гадал, добрались ли они. Очевидно, вся станция отравлена.

Ближайший форпост цивилизации очень далеко отсюда, даже если добираться на судне на воздушной подушке.

Губру оставили станцию без присмотра.

— Если аналогичная ситуация повсюду, мы должны задокументировать это, — сказал Каулт. — Я рад, что убедил тебя идти назад, к населенным районам, чтобы мы могли собрать больше свидетельств таких преступлений.

На этот раз Утакалтинг улыбнулся тому, какие слова выбрал Каулт.

— Вероятно, мы обнаружим немало интересного, — согласился он.

* * *

Когда солнце — Гимельхай — отклонилось от пылающего зенита, они возобновили путь.

Равнины к юго-востоку от Мулунского хребта расстилаются, как волнистое, застывшее море, прочное, как земная кора. В отличие от долины Синда и открытых степей по другую сторону гор, здесь не встречалось признаков животной и растительной жизни, завезенной с Земли экологами.

Только туземные обитатели Гарта.

«Опустевшие ниши».

Утакалтинг ощущал скудость местных видов как зияющие пустоты в ауре этой земли. Метафора, пришедшая в голову, нарисовала музыкальный инструмент, у которого не хватает

половины струн.

«Да, подходит. Поэтически соответствует». Он надеялся, что Атаклена не теряет времени и изучает человеческое мироощущение.

Глубоко, на уровне нахакиери, он видел свою дочь прошлой ночью во сне. Видел, как ее корона тянется, кеннирует угрожающую, пугающую красоту тутсунуканна. Утакалтинг проснулся вопреки своему желанию, весь дрожа, словно инстинкт заставил его бежать от этого глифа.

Хотя через этот тутсунуканн он мог больше узнать об Атаклене, как она живет и что делает. Но глиф только блеснул — сущность ужасающего предчувствия — и по его блеску Утакалтинг понял только, что его дочь жива. Ничего больше.

«Пока и этого достаточно».

Каулт нес большую часть их припасов. Рослый теннанинец шел размеренно, за ним нетрудно поспеть. Утакалтинг сдержал изменения, которые помогли бы ему легче переносить дорогу, но за которые потом пришлось бы расплачиваться слишком дорого. Он шел раскованной походкой, широко раздувая ноздри. Это помогает удержать вечную пыль.

Впереди, на их пути к далеким красноватым горам, появился ручей, текущий меж лесистых

холмов. Утакалтинг сверился с компасом и подумал, что холмы кажутся ему знакомыми. Он пожалел, что инерциальный указатель направления разбился при крушении. Если бы он был уверен...

«Вот!» Он мигнул. Показалось, или он действительно видел слабую голубую вспышку?

— Каулт.

Теннанинец остановился.

— Ммм? — Он повернулся к Утакалтингу. — Ты что-то сказал, коллега?

— Каулт, я думаю, мы должны идти в эту сторону. Доберемся до холмов и разобьем лагерь до наступления темноты.

— Ммм. Это немного в стороне от нашей дороги. — Каулт раздувал свои щели. — Ну хорошо, я тебе доверяю. — И, не откладывая, повернул и двинулся в сторону трех холмов с зелеными вершинами.

За час до заката они подошли к ручью и принялись устраиваться на ночлег. Пока Каулт воздвигал их маскировочное убежище, Утакалтинг проверял мягкие красноватые продолговатые плоды ближайших деревьев. Его портативный прибор показывал, что они съедобны. У них оказался сладковатый острый вкус.

Семена, впрочем, были жесткими, заключенными в прочную кожуру. Такая оболочка должна выдержать действие желудочных соков. Семя пройдет через пищеварительную систему животного и попадет в почву с экскрементами. На многих планетах таким способом размножаются плодовые деревья.

Вероятно, когда-то крупные всеядные животные питались плодами таких деревьев и далеко разносили их семена. Если они взбирались на деревья за плодами, значит, у них имелось какое-то подобие рук. Возможно даже, эти животные обладали Потенциалом. Когда-нибудь они могли бы стать предразумными, влиться в цикл возвышения и постепенно превратиться в разумных.

Но все это кончилось с приходом буруралли. Вымерли не только крупные животные. Теперь семена плодовых деревьев падают рядом с родителями.

Прочная кожура, которая должна была подвергнуться воздействию желудочного сока животных-симбионтов, не дает семенам прорасти. А те ростки, которые все же поднимаются, чахнут в тени.

Тут должен шуметь лес, а осталось всего несколько деревьев. «Туда ли мы попали?» —

думал Утакалтинг. Слишком мало заметных ориентиров на этой холмистой равнине. Он осмотрелся, но синих вспышек больше не увидел.

Каулт сидел в убежище и через дыхательные щели негромко и немузыкально насвистывал. Утакалтинг положил перед теннанинцем гору плодов и снова пошел к журчащей воде. Ручей перекатывался через груду полупрозрачных камней, окрашенных закатом в красноватый оттенок.

Здесь Утакалтинг нашел артефакт.

Он наклонился и поднял его. Осмотрел.

Кремневый сланец, его тут много, но этот кусок оббит, обработан, с острыми краями, с тупым закругленным концом, чтобы удобнее держать...

Корона Утакалтинга дрогнула. Снова возник луррунану, повис меж серебряных нитей. Глиф медленно поворачивался, Утакалтинг вертел камень в руке, разглядывая примитивное орудие, а луррунану смотрел на Каулта, который по-прежнему насвистывал, поднимаясь по склону холма.

Глиф напрягся и устремился к теннанинцу.

«Каменные орудия, наряду с другими признаками присутствия предразумных», — размышлял Утакалтинг. Он просил Атаклену понаблюдать,

потому что ходили слухи... рассказы о том, что видели в далеких степях на Гарте...

— Утакалтинг!

Он повернулся, пряча за спиной каменное орудие, и посмотрел на могучего теннанинца.

— Да, Каулт?

— Я... — Каулт неуверенно смолк. — Метах кайми б'твуил'пф... — Я... — Он покачал головой, закрыл и снова открыл глаза. — Я думаю, проверил ли ты эти плоды и для меня, а не только для себя?

Утакалтинг вздохнул.

«Неужели теннанинцы напрочь лишены любопытства?!» Он незаметно выпустил каменное орудие, и оно упало назад в ручей, где Утакалтинг нашел его.

— Да, коллега. Они пригодны для еды, если ты не забудешь принять дополнения.

И он присоединился к своему спутнику. В опустившейся темноте, при свете далеких галактик они поужинали, не разжигая костра.

Глава 52

АТАКЛЕНА

Гориллы перевалили через острый край узкого каньона, спустились вниз по лианам. Миновали дымящиеся ущелья, где недавние взрывы разорвали укрепление. Осыпи по-прежнему опасны. Тем не менее гориллы торопились. По пути вниз они проходили через сверкающие радуги. Крошечные капельки воды блестели на шерсти горилл.

Ужасный рев сопровождал их спуск, эхом отражаясь от стен и поглощая их тяжелое дыхание. Он затмил шум битвы, смягчил гром смерти, которая бушевала всего несколько минут назад. У водопада объявился соперник по грохоту, но ненадолго. Там, где раньше ревущий поток обрушивался на гладкие камни, теперь лежали остатки металла и полимеров. Атаклена наблюдала с вершины нависающего утеса.

— Не нужно, чтобы они знали, как мы это проделали, — сказала она Бенджамину.

— Нити, которые мы привязали под обвалом, должны распасться. За несколько часов их вымоет, сэр. Когда придет группа спасателей врага, они не смогут понять, к какой уловке мы прибегли.

Они наблюдали, как гориллы присоединились

к группе солдат-шимпов, которые ковырялись в остатках трех танков губру на воздушной подушке.

Убедившись, что все чисто, повесили на спины самострелы и начали снимать с танков оборудование. По их указаниям гориллы поднимали камни и броневые плиты.

Вражеский патруль пришел по запаху добычи. Приборы подсказали губру, что кто-то прячется за водопадом. И действительно, это превосходное и подходящее укрытие — такой барьер обычными средствами не пробьешь. Но вспыхнули специальные резонансные сканеры, показывая, что там земляне, с их предательской технологией.

Чтобы захватить прячущихся врасплох, танки спустились в каньон, под прикрытием летающих роботов, готовых к схватке.

Но за водопадом не оказалось землян вообще. Только мотки тонкой, как паутина, проволоки.

И шнур, ведущий к заряду.

И еще — размещенные в углублении — несколько сот килограммов самодельного нитроглицерина.

Водяные брызги смыли пыль, поток унес мириады крошечных обломков. Но основная часть ударной силы губру оставалась на месте, там,

где ее застали взрывы, обрушившие нависающие утесы и пролившие дождь из черного вулканического камня. Атаклена видела, как из разбитого корпуса выбрался шимп, крикнул и поднял маленький смертоносный снаряд губру. И скоро горы оружия губру перекочевали в мешки ожидающих горилл. Большие предразумные стали подниматься в облаках брызг. Атаклена разглядывала сквозь листву клочки неба. Через несколько минут здесь могут появиться вражеские истребители. К этому времени партизаны должны скрыться, иначе их ждет судьба бедных шимпов, восставших на прошлой неделе в долине Синда.

Несколько уцелевших беглецов добрались до гор. Фибена Болджера среди них не оказалось. Не появился и посыльный с обещанными записями Гайлет Джонс. Из-за отсутствия информации Атаклена могла лишь приблизительно определить, сколько времени потребуется губру, чтобы предотвратить новую засаду.

— Время, Бенджамин. — Атаклена многозначительно взглянула на часы.

Ее помощник кивнул.

— Пойду потороплю их, сэр. — Он скользнул к соседнему сигнальщику.

Молодая шимми замахала флажками.

На краю обрыва из влажной блестящей травы появлялись все новые шимпы и гориллы. Шимпы, разбиравшие танки, выходили из прорытого водой каньона, они улыбались Атаклене и вели своих рослых родичей по тайной тропе через лес.

Атаклене не требуется уговаривать кого-то. Она теперь почетный землянин. Даже те, кто раньше был недоволен, получая «приказы от ити», повинуется ей охотно и быстро.

Какая ирония! Подписав документ, который сделал их супругами, Атаклена и Роберт добились лишь того, что стали гораздо реже видеться. Ей больше не требовался его авторитет — авторитет единственного человека, и поэтому она предоставила ему свободу действий.

«Жаль, что я раньше не уделяла внимания подобным проблемам», — думала она. Атаклена не очень хорошо представляла себе последствия документа, который они подписали при свидетелях. Межрасовые браки обычно заключаются для удобства по каким-либо официальным причинам. Например, деловые партнеры могут «вступить в брак», хотя относятся к совершенно различным генетическим линиям. Рептилоид

би-гле может заключить брачный союз с покрытым хитином ф'рутианином. Никто не ждет от таких браков потомства, но принято считать, что партнеры ценят общество друг друга.

Вся эта история казалась Атаклене забавной. Теперь у нее в некотором смысле есть «муж».

Но его здесь нет.

«Так было с Матиклуанной все эти долгие одинокие годы», — думала Атаклена, трогая медальон, висящий у нее на шее. Здесь к нити ее матери присоединилась нить короны Утакалтинга. Может быть, духи их лайлаклаптн'а переплетаются здесь, как соединялись в жизни.

«Кажется, сейчас я начинаю понимать то, чего никогда раньше не понимала в их отношениях», — думала Атаклена.

— Сэр?.. Э-э... мэм?

Атаклена моргнула и подняла голову. На тропе, где одна из вездесущих лиан опускалась к пруду с красноватой водой, махал Бенджамин. В просвете зарослей техник-шимми настраивала сложный прибор.

Атаклена подошла.

— Вести от Роберта?

— Да, сэр, — сказала шимми. — Я определенно принимаю следы одного из химикатов, которые

он захватил с собой.

— Какого именно? — напряженно спросила Атаклена.

Шимми улыбнулась.

— С левосторонней адениновой спиралью. С той самой, что по нашей договоренности означает победу.

Атаклена облегченно вздохнула. Итак, группа Роберта тоже добилась успеха. Ей предстояло напасть на небольшой наблюдательный пункт врага, к северу от прохода Лорне. Вчера она должна была встретиться с противником.

Две первые небольшие удачи за много дней. Такими темпами они покончат с губру, скажем, за миллион лет или около этого.

— Ответьте, что мы тоже действовали успешно.

Бенджамин улыбнулся, передавая сигнальщику флакон с чистой жидкостью, которую затем вылили в пруд. Через несколько часов помеченные молекулы можно будет обнаружить за много миль отсюда. Завтра, вероятно, сигнальщик Роберта доложит о полученном сообщении.

Конечно, медленный метод. Но Атаклена считала, что губру понятия о нем не имеют — по крайней мере пока.

— Разборка закончена, генерал. Нам пора уходить.

Атаклена кивнула.

— Да. Уходим, Бенджамин.

Через минуту они бежали по зеленой тропе к дому. Немного погодя деревья вокруг задрожали, послышался гром. На несколько мгновений звуки мести раздраженного противника перекрыли гул водопада.

«Слишком поздно», — презрительно бросила Атаклена истребителям врага.

«На этот раз».

Глава 53
РОБЕРТ

Противник начал использовать более совершенных роботов. И на сей раз лишние траты спасли губру от уничтожения.

Пострадавший патруль птицеподобных отступил сквозь густые джунгли, поливая огнем все вокруг. Деревья разлетались, прочные лианы извивались, как черви под ударом лопаты. Танки на воздушной подушке продолжали стрелять, пока не оказались на открытом месте, где могут приземляться тяжелые машины. Здесь оставши-

еся танки образовали круг стволами наружу и продолжали поливать огнем во все стороны.

Роберт видел, как группа шимпов подошла слишком близко со своими ручными катапультами и химическими гранатами. Шимпы были захвачены среди взрывающихся деревьев, их скосил град осколков, разорвали в клочья непрерывные вспышки.

Роберт жестом приказал всем группам отступать поодиночке. Сейчас с этим конвоем ничего нельзя сделать, тем более что подкрепление уже в пути.

Его телохранители, вооруженные трофейными сабельными ружьями, шли впереди и по бокам от него.

Роберт терпеть не мог эту сеть охраны, которую накинули на него шимпы; они не пустили его к месту засады, пока была хоть какая-то опасность. Но и с этим он ничего не может сделать. К тому же они правы, черт побери. Клиенты должны защищать своих патронов как индивидуумов — а патроны, в свою очередь, защищают клиентов как вид.

Атаклена, похоже, лучше справляется с такими проблемами. Она из народа, который сразу воспринимал свое положение именно так. «К тому

же, — признал Роберт, — она не думает о мужском превосходстве». Одна из его трудностей в том, что ему редко приходится видеть врага, соприкасаться с ним. А ему так хочется коснуться губру.

Отход успешно завершился, прежде чем небо заполнилось боевыми кораблями чужаков. Отряд разбился на небольшие группы, которые вернулись в разбросанные убежища и будут ждать нового сигнала сбора, который придет по лесной сети. Только группа Роберта возвращалась в горы, где расположена штабная пещера.

Для этого потребовалось совершить далекий обход, потому что они находились к востоку от Мулунских гор, а враг расположил на нескольких вершинах свои посты, которые легко снабжались по воздуху и располагали мощным космическим вооружением. Один из таких постов находится на прямой дороге домой, поэтому разведчики-шимпы провели Роберта по заросшим джунглями ущельям к северу от прохода Лорне.

Повсюду висели лианы. Это отличный, но медленный способ спуска, поэтому у Роберта оказалось много времени для размышлений. В основном его занимала мысль: зачем вообще губру пришли в эти горы.

Отчасти он был рад их вторжению, потому что

силы сопротивления могли наносить удары. В противном случае нерегулярная армия ничего бы не сделала с врагом, вооруженным до зубов. Но для чего губру возятся со слабым партизанским движением в горах Мулуна, когда они прочно держат в руках всю планету? Может, есть какая-то символическая причина, древняя галактическая традиция расправляться с повстанцами?

Но даже это не объясняет присутствия большого количества штатских в горах. Губру направляют в Мулун множество ученых, которые что-то ищут.

Роберт узнал местность, дал сигнал остановиться.

— Не проведать ли нам горилл? — сказал он.

Его лейтенант, очкастая, средних лет шимми по имени Элси, нахмурилась и с сомнением посмотрела на него.

— Газботы врага постоянно безо всякой причины заливают этот район, сэр. И не по расписанию. Мы успокоимся, только когда вы окажетесь в пещере.

Роберту не хотелось в убежище, к тому же Аталена не вернется туда еще несколько дней. Он сверился с компасом и картой.

— Убежище всего в нескольких милях от нашей тропы. К тому же я знаю вас, шимпов из Хаулеттс-

Центра. Вы прячете своих драгоценных горилл в местах понадежнее, чем эти пещеры.

Он загнал ее в угол, и Элси поняла это. Она заложила пальцы в рот и коротко свистнула, посылая разведчиков в юго-западном направлении. Те устремились по вершинам деревьев. Несмотря на пересеченную местность, Роберт в основном передвигался по земле. Он не мог прыгать по веткам милю за милей, как шимпанзе. Люди не приспособлены для этого.

Они перебрались на другую сторону каньона — всего лишь трещины в гигантском каменном утесе. Внизу, в узком ущелье, клубился густой туман, разноцветный под лучами утреннего солнца. Мелькали радуги, а однажды, когда солнце оказалось сзади и над ними, Роберт увидел собственную тень, окруженную тройным радужным ореолом, как у святых на древних иконах.

Это нимб — необыкновенно удачное слово для прекрасной обращенной на сто восемьдесят градусов радуги над туманным ландшафтом, согревающее сердца и грешников, и праведников. «Если бы я не был атеистом, — подумал Роберт, — то, не зная природы этого явления, мог бы принять его за знамение».

Он вздохнул. Призрак рассеялся, прежде чем он

повернул голову.

Роберту случалось завидовать своим предкам, жившим во мраке невежества до двадцать первого столетия и большую часть своей жизни пытавшимся объяснить мир, чтобы заполнить зияющие провалы своего незнания.

Тогда можно было поверить во что угодно.

Простые, замечательно элегантные объяснения человеческого поведения — по-видимому, неважно, верны они или нет, пока толпа считает их правильными. «Партийная линия», многочисленные теории мирового заговора...

Можно уверовать даже в собственную святость, если угодно. И никто не докажет тебе, не даст ясных экспериментальных доказательств, что нет легких ответов, нет волшебных пуль, нет философского камня, а есть только скучный рационализм.

Каким ограниченным кажется Золотой Век! Не больше ста лет отделяет Тьму от Контакта с галактическим сообществом. Меньше ста лет Земля жила без войн.

«А теперь посмотрите на нас, — думал Роберт. — Интересно, в заговоре ли Вселенная против нас? Мы наконец выросли, достигли согласия с самими собой... и вышли к звездам... которыми

уже владеют безумные чудовища».

«Нет, — поправился он. — Не все там чудовища». В сущности, большинство галактических кланов вполне приличная публика. Но не дают спокойно жить фанатики — и в земном прошлом, и в галактике сегодня.

«Наверно, золотые века просто не могут длиться долго».

Как странно распространяется звук в этих тесных скалистых ущельях, заросших лианами. Иногда кажется, что весь мир погрузился в тишину, как будто столбы света — плотная обивка, поглощающая любой шорох. Но в следующее мгновение Роберт мог услышать обрывок разговора, всего несколько слов. Каким-то чудом до него доносился шепот разведчиков, которые находятся в сотнях метров от него.

Он наблюдал за шимпами. Они по-прежнему нервничают, эти воины нерегулярной армии, которые еще несколько месяцев назад были фермерами, шахтерами и работниками далеких экологических станций. Но с каждым днем они становятся все уверенней, сплоченнее и решительнее.

«И свирепей», — подумал Роберт, глядя, как они перелетают с дерева на дерево. Есть что-то

дикое и яростное в их движениях, в том, как они смотрят по сторонам, перепрыгивая с ветки на ветку. Казалось, одному шимпу не нужны слова, чтобы знать, что делает другой. Негромкий звук, быстрый жест, гримаса — этого часто вполне достаточно.

Если не считать луков, стрел и самотканых патронташей, шимпы были обнажены. Приметы расслабляющей цивилизации — одежда из фабричных тканей и обувь — исчезли. А вместе с ними исчезли и многие иллюзии.

Роберт взглянул на себя: голоногий, в набедренной повязке, мокасинах, с рюкзаком из домотканой материи, в синяках, исцарапанный и крепнущий с каждым днем. Ногти у него грязные. Волосы спереди он срезал, а сзади перевязал. Заросший подбородок давно перестал зудеть.

«Некоторые ити считают, что люди тоже нуждаются в возвышении, что мы почти животные. — Роберт подскочил, ухватился за лиану, перелетел через колючие заросли и, пригнувшись, ловко опустился на упавшее дерево. — Это мнение очень распространено среди галактов. И кто я такой, чтобы отрицать его справедливость?»

Впереди какое-то движение. От дерева к дереву передавались сигналы языком глухонемых.

Охранники, которые непосредственно отвечают за безопасность Роберта, показали, что нужно обойти вдоль западного, наветренного склона каньона. Поднявшись на несколько метров, он понял причину. Несмотря на влагу, чувствовался затхлый сладковатый запах пыли принуждения, ржавого металла и смерти.

Скоро он добрался до места, откуда за небольшой долиной увидел узкий шрам, уже затягивающийся новой растительностью. Он кончался безликой кучей некогда блестящих механизмов, сейчас обожженных и разбитых. Шимпы переговаривались шепотом и жестами. Разведчики осторожно подошли и начали рыться в обломках, а остальные приготовили оружие и наблюдали за небом.

Роберту показалось, что он видит среди обломков кости, уже очищенные вечно голодными джунглями. Он не пытался подойти ближе, шимпы все равно не позволят, и ждал возвращения Элси с докладом.

— Они были перегружены, — сказала Элси, вертя в руках маленький черный полетный рекордер. Очевидно, чувства мешали ей говорить. — Несли слишком много людей в Порт-Хелению на следующий день после первого применения

газа принуждения. Многие уже заболели, а это был их единственный транспорт. Флиттер не сумел перевалить через ту вершину. — Она указала на затянутый туманом пик на юге. — Должно быть, десяток раз ударился о скалу, прежде чем упал здесь... Оставить несколько шимпов, сэр? Для погребения?

Роберт переступил с ноги на ногу.

— Нет. Отметьте это место на карте. Я попрошу Атаклену сфотографировать его. Это свидетельство... А пока пусть Гарт возьмет у них все, что ему нужно. Я...

Он отвернулся. Не только шимпам трудно говорить в такие минуты.

Кивком он велел продолжать путь. Поднимаясь, он чувствовал, что мысли обжигают. Должен быть способ причинить врагу больший ущерб, чем до сих пор!

Несколько дней назад в темную безлунную ночь он наблюдал, как двенадцать тщательно отобранных шимпов спускались к укреплению губру. Они летели на самодельных, в буквальном смысле невидимых бумажных глайдерах.

Спустились, сбросили нитроглицериновые и газовые бомбы и улетели, прежде чем враг сумел разобраться в происходящем.

Потом были шум и дым, смятение и беготня — и никакой возможности оценить степень ущерба. Тем не менее Роберт помнил свои ощущения, наблюдая со стороны. Он опытный пилот и лучше любого шимпа подготовлен для такого дела!

Но Атаклена отдала строгий приказ, и неошимпы его выполняли. Голова Роберта священна.

«Это моя вина», — казнился он, пробираясь через густые заросли.

Сделав Атаклену формально своей женой, он дал ей статус, необходимый для руководства этим небольшим восстанием... а также некоторую власть над собой. Теперь он не может поступать так, как хочет.

Итак, она теперь его жена. «Ну и брак!» — подумал Роберт. Атаклена продолжала менять свою внешность, все больше походя на человека, но это лишь раздражало Роберта, напоминая ему о том, чего она действительно не может. Несомненно, это одна из причин, по которым так редки межвидовые браки.

«Интересно, как отнеслась к этой новости Меган... Добрался ли мой посыльный?»

— Фсссст!

Роберт быстро посмотрел направо. На ветке дерева стояла Элси и показывала вверх. В разры-

вах тумана виднелись высокие облака, которые, словно прозрачные лодки, плыли по невидимым слоям высокого давления в синем небе. Под облаками треугольная вершина, с которой поднимались столбы дыма.

— Гора Фосси, — кратко сообщила Элси. Роберт понял, что шимпы считают это место безопасным... достаточно безопасным для своих драгоценных горилл.

* * *

Вдоль берега моря Гилмор расположено несколько полудействующих вулканов. Но в немногих местах в Мулунских горах земля изредка дрожит.

Иногда выплескивается лава. Хребет продолжает расти.

Гора Фосси свистела. Пар конденсировался длинными змееобразными полосами вдоль геотермальных расселин, в которых собиралась горячая вода.

Изредка оттуда вздымались гейзеры.

Здесь отовсюду сползались вездесущие лианы; как огромные кабели, змеились они по бокам дремлющего вулкана. Здесь главная система прудов всего континента; отсюда редкие при-

поверхностные элементы поступают в лесную экосистему.

— Я мог бы и догадаться, — рассмеялся Роберт. Конечно, губру здесь вряд ли что-то обнаружат. Несколько голых антропоидов на этих склонах теряются в жаре, дыму и смеси химикатов. А если захватчики все-таки явятся, гориллы и их опекуны просто растворятся в джунглях и вернутся после ухода оккупантов. — Чья это идея? — поинтересовался он, когда они шли под покровом леса. Все сильнее пахло серой.

— Генерала, — ответила Элси.

«Подходит». Роберт не сердился. Он знал, что Атаклена очень умна, даже для тимбрими, в то время как он сам не превосходит средний человеческий уровень.

— Почему мне об этом не сказали?

Элси выглядела смущенной.

— Э-э-э... вы никогда не спрашивали, сэр. Были слишком заняты экспериментами с оптическими волокнами. И...

Она замолчала.

— Что «и»? — настаивал Роберт.

Элси пожала плечами.

— И мы не были уверены, что рано или поздно вас не прихватит газом. Тогда вам пришлось бы

отправиться в город за противоядием, где Вам задавали бы вопросы, а может, и пси-сканировали бы.

Роберт закрыл глаза. Снова открыл. Кивнул.

— Ну хорошо. Я даже усомнился, доверяете ли вы мне.

— Сэр!

— Неважно. — Он махнул рукой. Решение Атклены опять оказалось правильным и логичным. Но ему хотелось как можно меньше думать об этом.

— Пойдем проведаем горилл.

* * *

Гориллы располагались небольшими семейными группами и были легко распознаваемы на расстоянии — гораздо крупнее, темнее, с более густой шерстью, чем их родственники неошимпанзе. С выражением мирной сосредоточенности на больших заостренных лицах, черных, как обсидиан, они ели, или перебирали друг другу шерсть, или выполняли свою главную работу — ткали, готовили ткани для войны.

Челноки летали над широкими деревянными станками, таща за собой нити, щелкали в ритм с негромкой песней рослых обезьян. Треск и

низкое диссонирующее пение сопровождали Роберта, когда он со своим отрядом шел к центру убежища.

Время от времени ткачиха прекращала работу, откладывала челнок в сторону, и руки ее начинали метаться в жестах: она разговаривала с соседкой. Роберт неплохо знал язык жестов, однако гориллы, по-видимому, говорили на каком-то диалекте, который сильно отличался от языка, которым пользуются дети-шимпы. Простой язык, да, но по-своему изящный, со своим особым стилем.

Это явно не просто большие шимпы, а совершенно особая раса, со своей многотрудной дорогой к разуму.

Каждая группа горилл состояла в основном из взрослых самок, детей, нескольких подростков и одного огромного, с серебристой шерстью самца.

Волосы главы семейства вдоль позвоночника и ребер поседели. Макушка лысая и внушительная. Специалисты по возвышению изменили общую позу горилл, но большие самцы по-прежнему при ходьбе опираются на руку. Огромная грудь и мощные плечи слишком тяжелы, чтобы передвигаться вертикально, на двух ногах.

Напротив, дети горилл легко передвигались на

ногах. Лбы у них круглые, гладкие, без скошенности и заметных надбровных дуг, которые позже придадут им обманчиво свирепую внешность. Роберту показалось интересным, что дети всех трех видов: людей, шимпанзе и горилл — очень похожи. Только позже становятся заметными различия в наследственности и судьбе.

«Неотения»[14], — подумал Роберт. Классическая теория периода до Контакта, которая скорее подтвердилась, чем была опровергнута. Она предполагает, что отчасти тайна разума заключается в сохранении детского восприятия мира как можно дольше.

Например, человек сохраняет мимику, приспособляемость и (когда его не подавляют) ненасытное любопытство юных антропоидов, даже повзрослев. Случайна ли эта особенность? Та самая, что позволила предразумному Homo habilis совершить считающийся невозможным прыжок — схватить самого себя за волосы и поднять к космическому разуму? Или это дар каких-то загадочных существ, которые, как считают некоторые, когда-то вмешались в человеческую генетику, гипотетических утраченных патронов

[14] notes: 14

Способность некоторых земноводных и беспозвоночных достигать половой зрелости и размножаться на личиночной стадии развития

человечества?

Все это догадки, но одно ясно — большинство земных млекопитающих по достижении половой зрелости утрачивают интерес к знаниям и игре. Но люди, дельфины — а теперь все больше и больше с каждым поколением и неошимпанзе — сохраняют неподдельный интерес к миру, в который вступают.

Когда-нибудь и взрослые гориллы приобретут эту особенность. Уже и теперь они умнее и любопытнее своих невозделанных земных сородичей, и их потомки через всю жизнь пронесут приметы молодости.

«Конечно, если позволят галакты».

* * *

Детеныши горилл свободно бродили повсюду, суя носы во все дела. Их никогда не ругали и не шлепали, только осторожно отстраняли, когда они оказывались на пути, обычно с легким шлепком и ласковыми словами. Минуя одну группу, Роберт увидел в кустах седовласого самца, оседлавшего самку.

А три малыша в это время карабкались по его широкой спине и играли. Самец не обращал на них внимания. Закрыв глаза, он поднимался и

опускался, выполняя свой долг перед видом.

Детеныши гурьбой сбежались к Роберту. Все они жевали обрывки какого-то пластика — видимо, нашли где-то и разорвали на куски. Дети смотрели на Роберта с любопытством и страхом. Один из них, не такой застенчивый, как остальные, помахал ему рукой. Роберт улыбнулся и поднял малыша.

Выше по склону, над цепью затянутых паром горячих источников, Роберт видел скользящие между деревьями коричневые фигуры.

— Молодые самцы, — объяснила Элси. — И те, кто уже слишком стар, чтобы быть отцом семейства. До вторжения планировщики Хаулеттс-Центра размышляли, стоит ли изменять семейную организацию горилл. Это их обычай, но он слишком жесток по отношению к бедным самцам. За несколько лет удовольствия и власти они потом расплачиваются годами одиночества. — Она покачала головой. — Мы не успели принять решения до прихода губру, а теперь, может быть, никогда не сможем.

Роберт воздержался от ответа. Ему не нравятся запретительные договоры, но все же то, что делала Элси и ее коллеги в Хаулеттс-Центре, вызывало у него сомнения. Слишком самонадеянно

брать на себя такое решение. Он сомневался в благополучном исходе эксперимента.

Приближаясь к горячим источникам, он заметил множество шимпов, занятых различными делами. Один заглядывал в рот гориллы, в шесть раз тяжелее его; в руках у шимпа были инструменты дантиста. Другой терпеливо обучал языку жестов группу из десяти горилл.

— Сколько шимпов здесь работает?

— Доктор де Шрайвер из Центра и с десяток специалистов, которые и там с ней работали, еще два десятка охранников и добровольцев из ближайших поселков. Иногда мы привлекаем горилл к военным действиям.

— Как их здесь кормят? — спросил Роберт, когда они спускались к одному источнику. Шимпы из их свиты уже находились там, отдыхали на берегу, прихлебывая суп из чашек. В небольшой пещере поблизости. В ней один из местных работников, в переднике, поварешкой наливает суп всем желающим.

— Это сложная проблема, — кивнула Элси. — У горилл нежное пищеварение, здесь трудно сбалансировать их рацион. Даже в заповедниках Африки самцу необходимо шестьдесят фунтов зелени, фруктов и насекомых в день. В природ-

ных условиях гориллы постоянно передвигаются, чтобы добыть пищу, но здесь мы не можем это позволить.

Роберт опустился на влажный камень и выпустил детеныша гориллы, который спустился к воде, по-прежнему жуя кусок пластика.

— Похоже, положение здесь трудное, — сказал Роберт Элси.

— Да. К счастью, доктор Шульц только в этом году решил проблему. Я рада, что судьба вознаградила его перед смертью.

Роберт снял мокасины. Вода кажется горячей. Он опустил большой палец и тут же отдернул ногу.

— Ух! Как он это сделал?

— Прошу прощения?

— Какое решение нашел доктор Шульц?

— Микробиология, сэр. — Элси неожиданно подняла голову, глаза ее блестели. — А вот и суп для нас!

Роберт взял чашку из рук шимми в переднике из ткани, сотканной гориллами. Шимми хромала. Роберт подумал, что, возможно, это боевая рана.

— Спасибо, — сказал он, вдыхая аппетитный запах. До сих пор он не сознавал, насколько проголодался. — Элси, а что это значит: микро-

биология?

Она изящно отпила из чашки.

— Кишечные бактерии, симбионты. Они есть у всех. Крошечные существа, живущие в кишечнике и полости рта, в основном безвредные спутники. Они помогают нам переваривать пищу, оплачивая бесплатное убежище.

— Ага. — Конечно, Роберт знал о биосимбионтах. Любой школьник о них знает.

— Доктору Шульцу удалось вывести разновидности, которые помогают гориллам усваивать... с удовольствием... туземную растительность Гарта. Они...

Ее прервал высокий крик, на который не способна ни одна обезьяна.

— Роберт! — кричал кто-то.

Роберт поднял голову и улыбнулся.

— Эприл. Маленькая Эприл Ву. Как дела, Солнышко?

Девочка была одета как Шина, девушка джунглей. Она ехала на плече подростка гориллы с терпеливым мягким взглядом. Наклонившись, Эприл быстро сделала несколько знаков руками. Горилла выпустила ее ноги, и девочка встала у нее на плече, держась за голову. Ее носильщик неуверенно переминался.

— Лови меня, Роберт!

Роберт торопливо вскочил. Прежде чем он успел что-нибудь сказать, остановить ее, она прыгнула и полетела, размахивая руками, с развевающимися волосами. Роберт схватил ее за ноги, и, пока он не перехватил покрепче, сердце у него билось быстрее, чем во время битвы в горах.

Он знал, что девочку ради безопасности держат с гориллами. И, к своему огорчению, понял, как был занят после ранения, что даже не вспоминал об этом ребенке, единственном, кроме него, человеке в горах.

— Привет, Тыквочка! — сказал он. — Как дела? Хорошо ли ты заботишься о риллах?

Она серьезно кивнула.

— Я обязана заботиться о них, Роберт. Мы должны о них заботиться, потому что мы здесь старшие.

Роберт обнял ее, на мгновение почувствовав бескрайнее одиночество.

Только сейчас он понял, как не хватает ему человеческого общества.

— Да. Здесь только мы с тобой, — негромко ответил он.

— Ты, я и тимбрими Атаклена, — напомнила девочка.

Он встретился с ней взглядом.

— Но ты ведь слушаешься доктора де Шрайвер?

Она кивнула.

— Доктор де Шрайвер хорошая. Она говорит, что, может, я скоро встречусь с папой и мамой.

Роберт поморщился. Придется поговорить с доктором. Нельзя обманывать детей. Старшая шимми, вероятно, просто не может сказать девочке правду: та долго еще будет находиться на ее попечении. Отправить ее сейчас в Порт-Хелению означало бы выдать тайну горилл, а это даже Атаклена намерена предотвратить.

— Опусти меня туда, Роберт, — потребовала Эприл с улыбкой и указала на плоский камень, где детеныш гориллы прыгал перед отрядом Роберта. Шимпы снисходительно смеялись над проделками малыша. Роберт понимал их покровительственное отношение. Очень молодая раса клиентов, естественно, должна испытывать такие чувства по отношению к еще более юной. К гориллам шимпы относились как собственники, родители.

Роберт, в свою очередь, ощущал себя отцом, которому предстоит неприятный разговор с детьми. Им придется объяснить, что щенок не

всегда будет принадлежать им.

Он перенес Эприл на другой берег и опустил ее. Вода здесь не такая горячая, она просто восхитительная. Сбросив мокасины, он опустил ноги в щекочущее тепло.

Эприл и детеныш гориллы прижались к Роберту с обеих сторон, поставив локти ему на колени. Дальше сидела Элси. Минутная идиллическая картина.

Если бы каким-то чудом из воды высунулась улыбающаяся морда неодельфина, получился бы отличный семейный портрет.

— Эй, что у тебя во рту? — Роберт протянул руку к маленькой горилле, которая сразу же отпрыгнула и смотрела на него широко раскрытыми любопытными глазами.

— Что он жует? — спросил Роберт у Элси.

— Похоже на полоску пластика. Но... но как она здесь оказалась? Тут не должно быть ничего, изготовленного вне Гарта.

— Она сделана не на Гарте, — сказал кто-то. Они подняли головы. Голос принадлежал шимми, которая разливала суп. Улыбнувшись, она вытерла руки о передник и взяла детеныша гориллы. Тот без сопротивления отдал ей полоску.

— Все малыши жуют такие. В них нет ничего,

что пахло бы для детекторов губру земным.

Элси и Роберт обменялись изумленными взглядами.

— Откуда ты знаешь? Что это за материал?

Шимми дразнила детеныша, размахивая перед его лицом пластиком, пока тот не поймал его и снова не сунул в рот.

— Взрослые гориллы принесли эти куски из нашей первой удачной засады, еще у Хаулеттс-Центра, и сказали, что это «хороший запах». А теперь детеныши жуют все время.

Она улыбнулась.

— Это суперпластиковая обшивка боевых машин губру из пуленепробиваемого материала.

Роберт и Элси удивленно смотрели.

— Эй, Конга, — заворковала шимми, обращаясь к маленькой горилле. — Броню ты уже пожевал, что скажешь насчет чего-нибудь повкуснее? Не хочешь ли попробовать город? Скажем, Нью-Йорк?

Ребенок выпустил измусоленную мокрую ленточку и широко зевнул, показав острые блестящие зубы.

Шимми улыбнулась.

— Ха! Мне кажется, маленькому Кинг-Конгу эта мысль понравилась.

Глава 54
ФИБЕН

— Стой спокойно, — сказал Фибен Гайлет, запустив пальцы в ее шерсть.

Он мог бы и не предупреждать. Хотя Гайлет отвернулась, подставив ему спину, он знал, что на лице ее нескрываемое блаженство. Он расчесывал ей шерсть. Когда она такая спокойная, расслабленная и радуется простым земным радостям, ее обычно строгое лицо преображается.

К несчастью, это длилось только минуту. Глаз Фибена уловил легкое движение, и он инстинктивно устремился к нему, прежде чем оно исчезло в тонкой шерсти.

— Ой! — воскликнула Гайлет, когда он прихватил вместе с маленькой уворачивающейся вошью кусочек кожи. Загремев цепями, Гайлет переступила с ноги на ногу. — Что ты делаешь?

— Ем, — ответил он, сжимая насекомое зубами. Даже тут оно не перестало корчиться.

— Лжешь, — неуверенно сказала Гайлет.

— Показать?

Она вздрогнула.

— Неважно. Продолжай.

Он выплюнул мертвую вошь. Учитывая, как их кормят, мог бы и использовать протеин. Он тысячи раз участвовал во взаимном расчесывании с другими шимпами: с друзьями, соучениками, с семейством Тропов на острове Гилмор, но никогда раньше не понимал так отчетливо причины возникновения этого ритуала, наследия древних джунглей избавления другого шимпа от паразитов. Он надеялся, что Гайлет не будет слишком привередлива и проделает то же самое с ним. После двух недель сна на соломе все тело ужасно чешется.

Руки болели. Ему приходилось вытягивать их, чтобы дотянуться до Гайлет, потому что они прикованы к разным стенам каменного помещения. Он едва доставал до нее.

— Ну, вот, — сказал он, — я почти закончил. В тех местах, где ты мне разрешила. Не могу поверить, что шимми, всего несколько месяцев назад предлагавшая мне «розовую», такая скромница.

Гайлет только фыркнула, не снисходя до ответа. Вчера, когда предатели-шимпы привели Фибена сюда из другой камеры, она, вероятно, обрадовалась. Долгие дни в одиночках заставили их радоваться друг другу как родным.

Но теперь она, по-видимому, снова недовольна всем, что делает Фибен.

— Еще немного, — сказала она. — Повыше и слева.

— Щипать, щипать, щипать, — мысленно приказал себе Фибен. Но послушался. Шимпам необходимо касаться друг друга. В этом они нуждаются больше своих патронов-людей. Те иногда держатся за руки в общественных местах, но и только. Фибену было настолько приятно после долгого перерыва расчесывать кого-то, как будто бы это проделывали с ним самим.

В колледже он читал, что некогда у людей запрещалось большинство прикосновений к сексуальным партнерам. В темные времена родители избегали даже обнимать детей! Эти примитивные существа вряд ли испытывали что-либо подобное взаимному расчесыванию, почесыванию, прихорашиванию. Это почти несексуальное занятие, исключительно ради удовольствия от контакта, общения.

Краткий поиск в Библиотеке, к изумлению Фибена, подтвердил этот слух, который он считал клеветническим. Трудно представить себе безумные сексуальные обычаи людей в древности. Что только не выносили бедные мужчины

и женщины. Думая об этом, Фибен лояльнее относился к изображению старинных зоопарков, цирков и «охотничьих» трофеев. От этих мыслей Фибена оторвал звон ключей. Старинная деревянная дверь распахнулась. Кто-то вошел, пнув ее ногой.

Это шимми, которая принесла ужин. Фибен так и не узнал ее имени, но запомнил лицо в форме сердца. На ней был яркий комбинезон, смахивающий на те, что носят испытуемые, работающие на губру. Костюм на лодыжках и запястьях перевязан эластичными лентами, а на наручной нашивке голографическое изображение когтистой птичьей лапы словно выступает на несколько сантиметров в пространство.

— К вам придут, — негромко сказала самка-проби. — Я думаю, вам стоит знать об этом, подготовьтесь.

Гайлет холодно кивнула.

— Спасибо. — Она даже не взглянула на шимми. Но Фибен, несмотря на ситуацию, смотрел вслед тюремщице, которая, покачиваясь, вышла.

— Проклятые предатели! — сказала Гайлет. Натянула свою тонкую цепь, загремела ею. — Иногда я очень хочу быть шеном. Я бы... я бы...

Фибен взглянул в потолок и вздохнул.

Гайлет повернулась и посмотрела на него.

— Что! Хочешь прокомментировать?

Фибен пожал плечами.

— Конечно. Будучи шеном, ты, может, сумела бы порвать свою тонкую цепочку. Но, с другой стороны, у самца, Гайлет, и цепь была бы потолще.

Он, насколько можно, поднял руки: едва мог сам их видеть. Загремели тяжелые звенья. Болела раненая правая рука, поэтому он снова опустил цепи.

— Думаю, есть и другие причины, почему ей хочется быть самцом, — послышался голос от двери. Фибен посмотрел туда и увидел проби Железную Хватку, вожака предателей. Шимп театрально улыбнулся, накручивая кончик уса. Фибена уже тошнило от этой его привычки.

— Прошу прощения. Я не мог не слышать ваш разговор, друзья.

Гайлет презрительно вздернула верхнюю губу.

— Ты подслушивал. Ну и что? Это значит, что ты не только предатель, но и шпион.

Могучий шимп улыбнулся.

— Неужели я похож на соглядатая? Почему бы не сковать вас вместе? Это очень забавно, вы ведь так друг друга любите.

Гайлет фыркнула. Подчеркнуто отодвинулась от Фибена, прижавшись к дальней стене.

Фибен не ответил: не стоит доставлять удовольствие врагу. Спокойно смотрел на Железную Хватку.

— В сущности, — насмешливо продолжал Железная Хватка, — вполне понятно, что такая шимми, как ты, хотела бы стать шеном. Особенно с твоей белой картой, ведь она зря пропадает!

— Но вот чего я не могу понять, — обратился Железная Хватка к Фибену. — Зачем вы делали то, что делали? Играли в солдатиков-людей? Это трудно понять. У тебя синяя карта, у нее белая — да вы могли бы заниматься этим всякий раз, как она розовеет, и без всяких пилюль, не спрашивая разрешения у опекунов, у Совета возвышения. И у вас было бы столько детишек, сколько захотите.

Гайлет презрительно взглянула на шимпа.

— Ты отвратителен.

Железная Хватка покраснел. Это стало особенно заметно на его бритом лице.

— Почему? Потому что меня интересует то, чего меня лишили? То, чего я не мог иметь?

Фибен проворчал:

— Скорее то, чего ты не можешь делать.

Краска сильнее залила его щеки. Железная

Хватка понял, что выдает свои чувства. Он наклонился и приблизил свое лицо к Фибену.

— Подожди, парень из колледжа. Кто знает, что ты сможешь, когда мы решим твою судьбу? — Он улыбнулся.

Фибен наморщил нос.

— Знаешь ли, цвет карты шена — еще не все. Прежде всего, если бы ты хоть изредка полоскал рот, у тебя было бы больше деву...

Он выдохнул и согнулся: удар кулака пришелся в живот.

«За удовольствия надо платить», — напомнил себе Фибен, пытаясь начать дышать. Живот у него свело конвульсией. Но, судя по лицу предателя, он попал в точку. Реакция Железной Хватки говорила о многом.

Фибен повернулся, чтобы найти сочувствие у Гайлет, но увидел только гнев.

— Прекратите! Вы оба ведете себя как дети... как предразумные...

Железная Хватка повернулся и показал на нее.

— А ты что об этом знаешь? А? Ты, специалист, член проклятого Совета возвышения? Да ты хоть раз рожала?

— Я изучаю социологию галактики, — с достоинством ответила Гайлет.

Железная Хватка горько рассмеялся.

— Какая награда для умной обезьяны! Ты, должно быть, достигла чего-то действительно выдающегося в гимнастике джунглей, чтобы получить докторат.

Он присел рядом с ней.

— Ты еще не поняла, маленькая мисс? Позволь выговорить за тебя. Мы все проклятые предразумные! Попробуй оспорить это. Докажи, что я не прав!

Настала очередь Гайлет покраснеть. Она взглянула на Фибена. Он знал, что она вспоминает тот день в колледже Порт-Хелении, когда они поднялись на колокольню и увидели кампус без людей. Только студенты и преподаватели-шимпы, которые делали вид, будто ничего не изменилось. Она вспомнила, как горько было смотреть на это глазами галакта.

— Я разумное существо, — ответила она, стараясь говорить убежденно.

— Да? — усмехнулся Железная Хватка. — На самом деле ты хочешь сказать, что ты чуть ближе нас, остальных... ближе к тому, что Совет возвышения считает нашей, неошимпанзе, целью. Ближе к тому, какими мы должны быть, по мнению людей. Тогда ответь мне. Допустим,

ты летишь на Землю, и капитан неверно поворачивает на уровне Д гиперпространства. Ты возвращаешься через несколько сотен лет. Как ты думаешь, что тогда произойдет с твоей драгоценной белой картой?

Гайлет отвела взгляд.

— Sic transit gloria mundi[15]. — Железная Хватка щелкнул пальцами. — Ты будешь тогда реликтом, устаревшей фазой, давно пройденной безжалостным продвижением возвышения. — Он рассмеялся, взял Гайлет за подбородок и повернул к себе, чтобы она смотрела на него. — Ты будешь испытуемой, миленькая.

Фибен бросился вперед, но его остановила натянутая цепь. Боли в руке он почти не заметил в порыве гнева, который слишком переполнял его, чтобы он мог говорить. Зарычав, он смутно сообразил, что то же самое происходит с Гайлет. И это тем более унизительно, ибо доказывает правоту ублюдка.

Железная Хватка посмотрел ему в глаза и выпустил Гайлет.

— Сто лет назад, — продолжал он, — я был бы выдающимся представителем шимпов. Мне про-

---

[15] notes: 15
Так проходит земная слава (лат.)

стили бы небольшие странности и регрессы, дали бы белую карту за мой ум и силу. Время решает, мои дорогие маленькие шимп и шимми. Все зависит от того, в каком поколении вы родились.

Он выпрямился.

— А может, и не только время. — Железная Хватка улыбнулся. — Может, важно и то, кто твои патроны. Если стандарты изменятся, если цель, идеальный образ будущего Pans sapiens станет другим... — Он развел руками, предлагая додумать самостоятельно.

Первой обрела дар речи Гайлет.

— Ты... действительно... надеешься... что губру...

Железная Хватка пожал плечами.

— Времена меняются, моя дорогая. Возможно, у меня скорее, чем у вас, будут внуки.

Фибен сумел подавить гнев, который лишил его дара речи, и рассмеялся, загоготал.

— Да? — спросил он со смехом. — Для начала тебе придется решить другую проблему, приятель. Как ты собираешься передавать свои гены, если у тебя даже не встанет...

На этот раз Железная Хватка ударил ногой. Фибен предвидел это и успел откатиться, так что удар пришелся вскользь. Но за ним последо-

вал град новых тумаков. Однако слов не было, и Фибен понял, что пришел черед онеметь Железной Хватке. Весь в пене, его рот открывался и закрывался, извергая низкое рычание. Наконец высокий шимп перестал пинать Фибена, повернулся и вышел.

Шимми с ключами смотрела ему вслед. Она стояла у дверей и словно не знала, что делать.

Фибен с хмыканьем перевернулся на спину.

— Хм. — Сморщившись, он потрогал ребра. Сломанных как будто нет. — Ну, по крайней мере Саймон Легри[16] ушел без подходящей заключительной реплики. Я ждал, что он скажет: «Я еще вернусь» или что-нибудь столь же оригинальное.

Гайлет покачала головой.

— Чего ты добивался своими насмешками?

Фибен пожал плечами.

— На то есть свои причины.

Он осторожно прислонился к стене. Шимми в ярком комбинезоне смотрела на него. Встретившись с ним взглядом, она быстро мигнула, повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Фибен поднял голову и несколько раз глубоко

---

[16] notes: 16

Персонаж романа Г. Э. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»; рабовладелец, забивший плетьми негра Тома.

вдохнул через нос.

— А что ты теперь делаешь? — спросила Гайлет.

Он пожал плечами.

— Ничего. Просто убиваю время.

Когда он снова взглянул, Гайлет повернулась к нему спиной. Ему показалось, что она плачет.

«Неудивительно», — подумал Фибен. Гораздо хуже быть пленницей, чем руководить подпольем. Насколько можно судить, сопротивление подавлено, прикончено, капут. И нет оснований считать, что в горах дела обстоят лучше. Атаклена, Роберт и Бенджамин могут быть убиты или находиться в плену. А в Порт-Хелении по-прежнему правят птицеподобные и квислинги.

— Не волнуйся, — сказал он, стараясь подбодрить ее. — Знаешь про настоящий тест на разумность? Неужели никогда не слышала? Он начинается, когда шимпы ложатся.

Гайлет вытерла глаза и посмотрела на него.

— Заткнись.

«Ну ладно, шутка бородатая, — признался самому себе Фибен. — Но попытаться стоило».

Она знаком попросила его повернуться.

— Давай. Теперь твоя очередь. Может быть... — Она слегка улыбнулась, словно не решаясь

пошутить. — Может быть, я тоже найду, чем перекусить.

Фибен улыбнулся. Он повернулся и натянул цепи так, чтобы спина была как можно ближе к ней. Теперь он не обращал внимания на раны. Позволил ей расчесывать свалявшуюся шерсть и закатил глаза.

— Ах, ах! — вздыхал Фибен.

* * *

Днем еду — жидкую похлебку и два куска хлеба — принес другой тюремщик. Этот самец-проби не обладал красноречием Железной Хватки.

Напротив, ему доставляли затруднения даже простейшие фразы, и когда Фибен попытался заговорить с ним, он только зарычал. Его левая щека непрерывно дергалась в нервном тике, и Гайлет шепотом призналась Фибену, что свирепый блеск глаз этого шимпа заставляет ее волноваться.

Фибен попытался отвлечь ее.

— Расскажи о Земле, — попросил он. — Какая она?

Гайлет коркой хлеба подобрала остатки супа.

— Что рассказывать? Все знают о Земле.

— Да, конечно, по видео и книгокубам «Отправ-

ляйся туда». Но не по личному опыту. Ты ведь была там с родителями, ребенком? И там получила диплом доктора?

Она кивнула.

— В Джакартском университете.

— А потом что?

Она смотрела куда-то вдаль.

— Потом я попыталась поступить в Центр Галактических Исследований в Ла-Пасе.

Фибен слышал об этом месте. Большинство дипломатов, послов и агентов Земли проходили там подготовку, изучая образ мышления и обычаи населения пяти галактик. Очень важно, чтобы руководители Земли могли правильно выбрать путь трех земных рас в опасной Вселенной. Будущее волчат во многом зависело от выпускников ЦГИ.

— Меня потрясает, что ты просто пыталась это сделать, — произнес Фибен, и очень серьезно. — Они... То есть я хочу спросить: ты прошла?

Она кивнула.

— Почти. Если бы набрала чуть больше очков, не было бы вопросов, сказали мне они.

Очевидно, вспоминать все еще больно. Она колебалась, как будто хотела сменить тему. Гайлет покачала головой.

— Но потом мне сказали, что предпочтительнее для меня вернутся на Гарт. Они посоветовали мне стать преподавателем. И ясно дали понять, что считают меня в этой роли более полезной.

— Они? Кто эти «они», о которых ты говоришь?

Гайлет нервно перебирала шерсть на руке, внезапно обнаружив это, она заметила, что делает, и положила руки на колени.

— Совет возвышения, — промолвила негромко.

— Но какое они имеют отношение к назначению преподавателей и вообще к выбору карьеры?

Гайлет посмотрела на него.

— Самое прямое, Фибен, если считают, что на карту поставлен генетический прогресс неошимпанзе или неодельфинов. Они могут помешать тебе стать астронавтом, например, из боязни, что пропадет твоя драгоценная плазма. Или не дадут тебе выбрать своей профессией химию из страха перед непредсказуемыми мутациями.

Она подобрала соломинку и принялась крутить ее.

— О, у нас гораздо больше прав, чем у других молодых рас клиентов. Я это знаю и все время напоминаю себе об этом.

— И они решили, что твои гены нужны здесь,

на Гарте, — негромко предположил Фибен.

Она кивнула.

— Все дело в системе набора очков. Если бы я набрала проходной балл на экзаменах ЦГИ, все было бы в порядке. Туда поступает мало шимпов. Но я не добрала. И мне вручили эту проклятую белую карту — словно утешительный приз или индульгенцию — и отправили назад на родину, на бедный старый Гарт. По-видимому, главный мой raison d'etre[17] — мои дети. Все остальное не имеет значения.

Она горько рассмеялась.

— Дьявольщина, я месяцами нарушаю законы природы, рискуя в восстании жизнью и маткой. Даже если мы победим — а шансов на это почти нет, — я получу медаль, может, меня даже будут торжественно чествовать, но это неважно. Когда вся шумиха уляжется, Совет возвышения снова бросит меня в тюрьму.

— О Гудолл, — вздохнул Фибен, прижимаясь спиной к холодному камню стены. — Но ведь ты еще... я хочу сказать, ты еще...

— Не рожала? Точно подмечено. Одно из преимуществ самки с белой картой в том, что я сама

---

[17] notes: 17
Смысл существования (фр.)

могу выбирать отца будущего ребенка и определять время. Лишь бы до тридцати лет я родила троих или больше детей. Мне даже не надо их растить самой! — Снова послышался резкий невеселый смех. — Черт, да половина семейных групп на Гарте выбрилась бы наголо, лишь бы им позволили усыновить моего ребенка.

«В ее устах положение кажется таким ужасным, — подумал Фибен. — Но на всей планете не больше двадцати шимпов, которых так же высоко оценивает Совет. Для представителя расы клиентов это величайший почет».

Однако он понимал ее. Она вернулась на Гарт: какой бы блестящей ни оказалась ее карьера, каких бы высот она ни достигла, все это только сделает еще более ценными ее яичники... только участятся болезненные и неизбежные посещения работников Банка Плазмы... и все сильнее на нее будет давление, чтобы как можно больше детей она выносила в собственной матке.

Предложения вступать в групповые браки или в парные связи будут поступать непрерывно и легко. Слишком легко. И невозможно узнать, приглашает ли ее группа ради нее самой. Одинокие самцы будут добиваться ее ради того статуса, который дает отцовство ее ребенка.

И будет зависть. Это он хорошо понимал. Шимпы плохо умеют скрывать свои чувства, особенно зависть. А многие начнут откровенно ненавидеть ее.

— Железная Хватка прав, — сказала Гайлет. — Для шенов все по-другому. Белая карта для самца — сплошное удовольствие. Но для шимми? Особенно такой, которая хотела бы добиться чего-то самостоятельно.

Она отвела взгляд.

— Я... — Фибен пытался найти слова, но в данный момент мог только тупо молчать. Может быть, когда-нибудь его пра-в-девятой-степени-внук будет знать нужные слова, сможет утешить того, кто испытывает такую горечь.

Этот возвышенный шимп, на несколько десятков поколений в будущем, родится достаточно умным. Но Фибен подозревал, что сам он таких слов не знает. Он всего лишь обезьяна.

— Хм. — Он кашлянул. — Я помню время на острове Гилмор, должно быть, еще до того, как ты вернулась на Гарт. Лет десять назад? Ифни! Я был тогда первокурсником... — Он вздохнул. — Ну, весь остров ходил ходуном, в тот год, когда Игорь Паттерсон выступал с лекцией и давал концерт в университете.

Гайлет чуть подняла голову.

— Игорь Паттерсон? Барабанщик?

Фибен кивнул.

— Значит, ты о нем слышала?

Она саркастически усмехнулась.

— А кто о нем не слышал? Он... — Гайлет развела руки и опустила их ладонями вниз. — Он удивительный.

В десятку попала. Игорь Паттерсон лучший из лучших.

Танец грома — только одно из проявлений любви неошимпанзе к ритму.

Повсюду — от ферм Гермеса до изысканных небоскребов Земли — их любимые музыкальные инструменты — ударные. Даже в самые ранние времена, когда шимпы еще таскали на груди дисплей с клавиатурой, чтобы говорить, уже тогда новая раса любила ритм.

И тем не менее все великие барабанщики на Земле и во всех ее колониях люди. Пока не появился Игорь Паттерсон.

Он стал первым. Первым шимпом с превосходной координацией движений, с чувством времени и ритма, которое вывело его в число лучших. Его исполнение «Громов керамической молнии» доставляло не просто удовольствие

шимпам; их распирало от гордости. Само его существование для многих означало, что шимпы не просто приближаются к мечте, идеалу Совета возвышения. Нет, они становятся такими, какими хотят быть сами.

— Фонд Картера организовал его гастроли в колониях, — продолжал Фибен. — Отчасти это выглядело поездкой доброй воли по всем отдаленным общинам шимпов. Ну и соответственно, в целях... э-э-э... оздоровления клана.

Гайлет фыркнула: это-то очевидно. Конечно, у Паттерсона белая карта.

И шимпы — члены Совета возвышения настояли на этой поездке, хотя Паттерсон не самый очаровательный и умный представитель неошимпанзе.

Фибен понимал, о чем думает Гайлет. Для самца с белой картой никаких проблем вообще не будет, вся поездка — одно сплошное развлечение.

— Еще бы, — сказала Гайлет. И Фибену слышалась в ее голосе зависть.

— Да, тебе следовало находиться здесь, когда он давал концерт. Мне посчастливилось. Я сидел далеко, и так случилось, что в тот вечер у меня был сильный насморк. И в этом мне чертовски повезло.

— Что? — Гайлет свела брови. — Какое отношение это имеет к... О! — Она нахмурилась и поджала губы. — Понимаю.

— Еще бы. Кондиционеры работали на пределе, но мне говорили, что дух стоял непереносимый. Я сидел под вентилятором и дрожал. Чуть не помер...

— Когда ты перейдешь к сути? — Гайлет сжала губы в тонкую линию.

— Ну, как ты, несомненно, догадалась, все шимми на острове с зелеными картами, у которых была течка, раздобыли билеты. Никто из них не воспользовался дезодорантом альфа. Все пришли с одобрения групповых мужей, все выкрасили яркой помадой губы... А вдруг...

— Я поняла, — сказала Гайлет. На мгновение Фибену показалось, что он увидел на ее лице слабую улыбку, которая тут же сменилась сердитым выражением. — И что же произошло?

Фибен потянулся и зевнул.

— А как ты думаешь? Бунт, конечно.

У нее отвисла челюсть.

— Правда? В университете?

— Точно, как то, что я сижу здесь.

— Но...

— Первые несколько минут все шло нормаль-

но. Говорю тебе, старина Игорь оправдал свою репутацию. Толпа приходила во все большее и большее возбуждение. Даже оркестр его ощутил. А потом положение вышло из-под контроля.

— Но...

— Помнишь старого профессора Ольфинга с факультета земных традиций? Тот самый пожилой шимп, который еще носил монокль? Он много времени отдавал попыткам протащить законопроект о моногамии шимпов.

— Да, я его знаю. — Гайлет кивнула, широко раскрыв глаза.

Фибен сделал жест двумя руками.

— Не может быть! При всех? Профессор Ольфинг?

— И не с кем иным, как с деканом факультета питания.

Гайлет издала резкий звук. Она отвернулась, прижав руку к груди.

Казалось, ее охватил неожиданный приступ икоты.

— Конечно, позже парная жена Ольфинга простила его. Иначе ей пришлось бы с ним распрощаться: некая группа из десяти членов пригласила его к себе. Заявила, что им нравится его стиль.

Гайлет закашлялась, ударила себя по груди и затрясла головой.

— Бедный Игорь Паттерсон, — продолжал Фибен. — У него тоже не обошлось без проблем. Парней из местной футбольной команды пригласили на концерт в качестве охранников. Когда положение стало критическим, они попытались воспользоваться огнетушителями. Все скользили, но это не уменьшило пыла.

Гайлет еще громче закашлялась.

— Фибен...

— Да, тяжело пришлось, — вспоминал он вслух. — Игорь выбивал дробь сопровождения блюза, он так колотил по барабану, не поверишь. И тут сорокалетняя шимми, совершенно нагая и скользкая, как дельфин, прыгнула на него прямо с потолочной балки.

Гайлет согнулась, держась за живот. Она подняла руку, умоляя сжалиться над ней.

— Перестань, пожалуйста, — слабо попросила она.

— Слава небу, она упала на барабан и застряла в нем. И пока ее вытаскивали, бедный Игорь сбежал через запасной выход. Едва успел опередить толпу.

Гайлет склонилась набок. Фибен даже встре-

вожился, так покраснело ее лицо. Она хохотала, колотила руками по полу, и слезы потоком лились у нее из глаз. Потом перевернулась на спину, продолжая хохотать.

Фибен пожал плечами.

— И все это во время первого номера. Паттерсон исполнял свою оригинальную версию проклятого национального гимна. Какая жалость! Мне так и не довелось послушать его вариации «Инагадда Да Вита».

— Но теперь, когда я об этом вспоминаю, — снова вздохнул он, — может, оно и к лучшему.

* * *

В 20.00 начинался комендантский час. Отключали электричество, и для пленников не делали исключения. Незадолго до заката поднялся ветер и колотил ставнями их маленького окна. Ветер дул с океана и приносил запах соленой воды. Где-то далеко слышался глухой рокот ранней летней грозы.

Спали они, завернувшись в одеяла, так близко друг к другу, насколько позволяли цепи, голова к голове, так что в темноте слышали дыхание друг друга. Засыпали, вдыхая испарения мокрого камня и соломы.

Руки Гайлет судорожно дергались, словно во сне она следовала ритму иллюзорного спасения. Ее цепи слабо позвякивали.

Фибен лежал неподвижно, время от времени глаза его закрывались и открывались, но в них не было сознания. Иногда у него перехватывало дыхание.

Они не слышали негромкого гудения в коридоре, не видели слабого света, пробивающегося сквозь щели деревянной двери. Ноги шаркали, когти стучали о каменные полы.

Когда зазвенели ключи, Фибен дернулся, повернулся набок и сел. Когда заскрипели петли, он принялся протирать глаза. Гайлет подняла голову и заслонила глаза рукой от яркого света двух ламп на высоких стержнях.

Фибен чихнул, почувствовал запах оперения и лаванды. Несколько проби в ярких комбинезонах поставили его и Гайлет на ноги. Он узнал голос их предводителя Железной Хватки.

— Ведите себя прилично. У вас важные посетители.

Фибен мигнул, пытаясь привыкнуть к свету. Наконец ему удалось разглядеть небольшую группу птицеподобных — большие шары белого пуха, в лентах и шарфах. Двое из них держали высокие

стержни, с которых свисали лампы. Остальные толпились вокруг чего-то, напоминающего столб. Он заканчивался небольшой платформой, на которой стояла необычная птица.

Она тоже затянута в яркие ленты. Большой двуногий губру нервно переступал с ноги на ногу. Возможно, это просто случайный эффект света, но плюмаж птицы казался ярче, многоцветнее, он светился, как не светятся обычно их белые гребни. Фибену показалось, что он уже видел этого захватчика или другого такого же.

«Какого дьявола он пришел сюда ночью? — удивился Фибен. — Мне казалось, они не терпят ночных путешествий».

— Окажи должное уважение почтенным старшим, членам высокого клана гуксу-губру! — резко сказал Железная Хватка, пихая Фибена.

— Я покажу этой проклятой птице свое уважение. — Фибен откашлялся и набрал в рот слюны.

— Нет! — закричала Гайлет. Она схватила его за руку и настойчиво зашептала: — Фибен, не надо! Пожалуйста! Ради меня. Поступай точно, как я!

Ее карие глаза умоляли. Фибен глотнул.

— Какого дьявола, Гайлет!

Она повернулась к губру, сложила руки на груди и низко поклонилась.

Фибен повторил.

Галакт смотрел на них — сначала одним немигающим глазом, потом другим. Подошел к краю платформы, носильщики переместились, удерживая равновесие. Наконец губру принялся испускать серию резких скрипучих звуков. Четвероногие сопровождали его речь странным аккомпанементом, чем-то вроде «Зуууннн».

Вперед вышел один из помощников-кваку. У него на шее висел блестящий металлический диск. Переводчик говорил на ломаном англике:

Было решено... решено в чести,

Решено в праведности...

Что вы двое не преступили...

Не нарушили...

Правила поведения... правила войны.

Зуууууун.

Мы решили, что это возможно... допустимо...

Соответствует статусу детей...

Мы милосердно считаем... верим...

Что вы боролись ради своих патронов.
Зуууууун.

До нашего внимания дошло... нас достигло...

Знание, что ваш статус —

Руководители вашего генного потока... течения расы... вашего вида во времени и в пространстве.

Зуууун.

Поэтому мы предлагаем... представляем...

Снисходим до предложения вам

Приглашения... благословения...

Возможности стать представителями своего вида.

Зуууун.

Это честь... благодеяние...

Слава, быть избранным...

Создавать... искать...

Строить будущее своей расы.

Зуун!

Закончил он так же внезапно, как начал.

— Снова кланяйся! — настойчиво прошептала Гайлет.

Фибен вслед за ней поклонился, сложив перед

собой руки. Когда он вновь поднял глаза, группа птиц уже направилась к выходу. Насест опустили, но высокому губру все равно пришлось нагнуться, расставив оперенные руки для равновесия, чтобы пройти в дверь. Сзади шел Железная Хватка. На прощание он бросил на них полный ненависти взгляд.

В голове у Фибена звенело. После первой фразы он перестал пытаться следовать за странным протокольным произношением на галактическом-три.

Даже перевод на англик он понимал с трудом.

Резкий свет исчез. Процессия с непрерывным гоготом и бормотанием удалилась по коридору. Фибен и Гайлет переглянулись.

— А это что за дьявольщина? — спросил Фибен.

Гайлет нахмурилась.

— Это был сюзерен. Один из трех руководителей. Если не ошибаюсь — а я легко могу ошибиться, — сюзерен Праведности.

— Ну, тогда мне все понятно, конечно. А кто такой, во имя колеса рулетки Ифни, сюзерен Праведности?

Гайлет отмахнулась от его вопроса. Наморщив лоб, она глубоко задумалась.

— Почему он пришел к нам, вместо того чтобы приказать привести нас к нему? — спросила она вслух, явно риторически. — И почему ночью? Ты заметил, он даже не задержался, чтобы выслушать наш ответ? Вероятно, праведность требует, чтобы он лично сделал предложение. А ответ могут позже получить его помощники.

— Ответ на что? На какое предложение? Гайлет, я даже не мог...

Но она нервно махнула обеими руками.

— Не сейчас. Я должна подумать, Фибен. Дай мне несколько минут.

Она отошла и села на солому лицом к стене. Фибен подозревал, что ей потребуется гораздо больше времени.

«Ты этого заслужил, — подумал он. — Заслужил то, что имеешь, потому что влюбился в гения...»

Он моргнул, покачал головой. «Что я сказал?»

Но шаги в коридоре помешали ему додумать свою неожиданную мысль.

Вошел шимп с охапкой соломы и несколькими одеялами. Этот груз закрывал лицо низкорослого неошимпанзе, но минуту спустя Фибен узнал ту самую шимми, которая смотрела на него раньше и показалась ему странно знакомой.

— Я принесла вам свежей соломы и одеяла.

Ночи теперь холодные.

Он кивнул.

— Спасибо.

Она не смотрела ему в глаза. Повернулась и пошла к двери с таким изяществом, которого не скрывал даже просторный комбинезон.

— Подожди! — вдруг сказал Фибен.

Она остановилась, по-прежнему не глядя в глаза Фибену, который подошел к ней, насколько позволяла тяжелая цепь.

— Как тебя зовут? — спросил он негромко, чтобы не помешать Гайлет.

Плечи ее опустились, глаз она так и не подняла.

— Я... — говорила она очень тихо. — Некоторые зовут меня Сильвия...

Даже проходя в дверь, она двигалась как танцовщица. Послышался звон ключей и торопливые шаги в коридоре. Фибен смотрел на дверь.

— Да будь я обезьяньим внуком!

Он повернулся и направился к стене, у которой сидела Гайлет.

Наклонился и набросил ей на плечи одеяло. Потом вернулся в свой угол и упал на кучу свежей соломы.

Глава 55
УТАКАЛТИНГ

Водоросли пенились на мелководье, где туземные птицы на ногах-ходулях клевали насекомых. Группами росли кусты, сдерживая наступление степей.

Следы вели от берега маленького озера на соседний поросший кустами склон холма. Взглянув на отпечатки, Утакалтинг решил, что тут прошел обладатель голубиной походки, опирался он, по-видимому, на три конечности.

Он быстро оглянулся, уловив краем глаза голубой блеск, тот самый, что привел его сюда. Попытался разглядеть слабое мерцание, но оно уже исчезло.

Утакалтинг наклонился, разглядывая отпечатки в грязи. Измерил длину следа рукой. На лице его появилась улыбка. Какие прекрасные очертания!

Третья нога в стороне от первых двух, и отпечаток ее гораздо меньше. Похоже на двуногое существо, опирающееся на посох. Утакалтинг подобрал упавшую ветвь, но остановился в раз-

думье.

«Оставить их? — подумал он. — Нужно ли теперь их скрывать?» Он покачал головой. «Нет. Как говорят люди, коней на переправе не меняют».

Следы исчезали под взмахами его ветки. Едва успев закончить, он услышал тяжелые шаги и треск ломающихся кустов. Повернулся и увидел Каулта, который по узкой звериной тропе приближался к берегу маленького степного озера. Над большой, увенчанной гребнем головой теннанинца повис, как раздраженное насекомое-паразит, ищущее уязвимое место, глиф луррунану.

Корона Утакалтинга заныла, как перенапряженная мышца. Он еще с минуту позволил луррунану висеть над головой теннанинца, прежде чем признал свое поражение. Отозвал потерпевший поражение глиф и бросил ветвь на землю.

Теннанинец вообще не смотрел под ноги. Он сосредоточился на небольшом приборе, лежащем на его широкой ладони.

— У меня возникают подозрения, друг мой, — сказал Каулт, подходя к тимбрими.

Утакалтинг почувствовал, как в жилах его заиграла кровь. «Неужели конец?» — подумал он.

— Подозрения в чем, коллега?

Каулт выключил прибор и сунул в один из своих многочисленных карманов.

— Есть признаки... — Его гребень хлопнул. — Я слушал незакодированные передачи губру, и мне кажется, что происходит нечто странное.

Утакалтинг вздохнул. Нет, ограниченный мозг Каулта сейчас занят совершенно другим. Нет смысла отвлекать его тонкими намеками.

— Чем сейчас заняты захватчики? — спросил он.

— Ну, во-первых, гораздо меньше панических военных сообщений. Неожиданно сократились небольшие схватки в горах, которым они незадолго до этого придавали большое значение. Помнишь, мы оба удивлялись, почему они прилагают столько усилий, чтобы подавить незначительное партизанское движение.

Вообще-то Утакалтинг был уверен, что знает причину лихорадочной активности губру. Насколько он мог судить, захватчики пытались найти что-то в Мулунских горах. Они с безрассудной энергией бросали туда солдат и ученых и, по-видимому, дорогой ценой заплатили за свое любопытство.

— Ты можешь понять, почему стычки неожи-

данно прекратились? — спросил он Каулта.

— Я не уверен, что расшифровал верно. Возможно, губру нашли и захватили то, что так отчаянно искали...

«Сомнительно, — убежденно подумал Утакалтинг. — Трудно поймать призрак».

— Или отказались от поисков...

«Более вероятно», — согласился Утакалтинг. Рано или поздно губру должны понять, что они выставляют себя на посмешище и гоняются за выдумкой.

— А может быть, — закончил Каулт, — губру подавили сопротивление и уничтожили всех, кто им сопротивлялся.

Утакалтинг молился, чтобы последнее предположение не оказалось правдой. Конечно, рискованно так дразнить врага. Он только надеялся, что его дочь и сын Меган Онигл не заплатили жизнью за участие в его хитроумном розыгрыше злобных птиц.

— Гм, — заметил он. — Ты говоришь, что тебя еще что-то удивляет?

— Вот что, — продолжал Каулт. — После пяти двенадцатидневок, в течение которых они ничего не делали ради этой планеты, губру вдруг объявляют амнистию и предлагают работу всем

бывшим специалистам службы восстановления экологии.

— Да? Может, просто закончили развертывание и вспомнили про ответственность.

Каулт фыркнул.

— Вероятно. Но губру бухгалтеры. Они все расходы подсчитывают. Эгоистичные, напрочь лишенные юмора фанатики. Они стараются чопорно придерживаться тех аспектов галактических традиций, которые их устраивают, но совсем не думают о сохранении планет класса детская. Их интересует только статус собственного клана.

Хотя Утакалтинг соглашался с этим суждением, он не считал Каулта беспристрастным наблюдателем. И теннанинец вряд ли имеет право обвинять кого-то в отсутствии чувства юмора.

Но одно очевидно. Пока Каулт думает о губру, бесполезно отвлекать его внимание тонкими намеками и следами на почве.

Утакалтинг чувствовал движение в прерии. Маленькие хищники и добыча прятались в трещинах и норах, чтобы переждать летний полдень, когда жар пригибает к земле и слишком много энергии отнимает преследование или бегство. И в этом отношении галакты не исключение.

— Пошли, — сказал Утакалтинг. — Солнце высоко. Нам нужно найти место для отдыха. На другом берегу я вижу деревья.

Каулт молча пошел за ним. Он не замечал небольших отклонений от направления, пока горы с каждым днем приближались. Пики с белыми вершинами перестали уже казаться просто слабой линией на горизонте, хотя потребуются еще недели, чтобы добраться до них, и еще больше времени, чтобы найти проход в Синд. Но теннанинцы терпеливы, когда это соответствует их намерениям.

Утакалтинг нашел убежище в тени согнутых деревьев. Синего сияния не было, хотя он продолжал следить. С помощью короны он кеннировал свирепую радость какого-то скрывающегося в степи создания, чего-то большого, умного и знакомого.

* * *

— Я действительно считаюсь специалистом по землянам, — говорил Каулт немного позже, когда они отдыхали под балдахином изогнутых ветвей. Мелкие насекомые жужжали над дыхательными щелями теннанинца, но каждый раз он сдувал их. — Это плюс мой опыт в экологии и предопре-

делили мое назначение на эту планету.

— Прибавь и свое чувство юмора, — с улыбкой добавил Утакалтинг.

— Да. — Каулт раздул гребень: у теннанинцев это аналогично земному кивку согласия. — Дома я слыву настоящим дьяволом. Именно таким нужно иметь дело с волчатами и эльфами-тимбрими. — Он закончил несколькими быстрыми резкими вздохами. Очевидно, сознательное движение, потому что у теннанинцев совсем нет рефлекторной реакции смеха. «Неважно, — подумал Утакалтинг. — Для теннанинца он весьма остроумен».

— А у тебя есть личный опыт общения с землянами?

— О да, — сказал Каулт. — Я был на Земле. Имел счастье ходить по ее тропическим лесам и видеть необыкновенное разнообразие жизненных форм. Встречался с неодельфинами и китами. И хоть мой народ считает, что землян преждевременно возвели в ранг патронов — им принесли бы большую пользу несколько тысячелетий пребывания клиентами под соответствующим руководством, я признаю, что их планета прекрасна, а они в качестве клиентов были бы очень перспективны.

Одна из причин участия теннанинцев в войне

— желание привлечь все три земные расы в свой клан, навязать им опекунство — «для блага самих землян», разумеется. Но если быть честным, то по этому поводу среди самих теннанинцев не было единогласия. Партия Каулта, например, настаивала на десятитысячелетней кампании убеждения, чтобы земляне отдались под опеку добровольно, «с любовью».

Но партия Каулта не владеет большинством голосов в нынешнем правительстве.

— И, конечно, я встречался с землянами, когда работал в Институте Миграции и во время экспедиции для переговоров с фах'фах'н*фах.

Корона Утакалтинга взорвалась пучком серебряных щупалец — открытое проявление удивления. Он знал, что его ошеломление понятно даже теннанинцу, но теперь ему все равно.

— Ты... ты встречался с дышащими водородом? — Он даже не смог бы произнести их название, для этого нет звуков ни в одном галактическом языке.

Каулт снова удивил его!

— Фах'фах'н*фах, — повторил Каулт. Его дыхательные щели запульсировали, изображая смех. На этот раз получилось естественнее. — Переговоры проходили в субквадранте Пол-Крен,

недалеко от того места, которое земляне называют сектором Ориона.

— Это рядом с колонией Земли Ханааном.

— Да. Их пригласили участвовать еще и по этой причине. Хотя редкие встречи кислородо— и водорододышащих существ считаются самыми критическими и важными в наше время, сочли приличным пригласить и землян, показать им некоторые тонкости дипломатии высшего уровня.

Должно быть, он смущен и удивлен, но кроме того, Утакалтингу вдруг показалось, что он что-то кеннирует от Каулта... след чего-то глубокого и тревожащего теннанинца. «Он умалчивает, — понял Утакалтинг. — Есть и другие причины привлечения землян».

Миллиарды лет непрочный мир сохранялся между двумя параллельными, совершенно независимыми культурами. Как будто на самом деле существуют не пять галактик, а десять, потому что устойчивых планет с водородной атмосферой не меньше чем планет типа Земли, Гарта или Тимбрима. Две ветви жизни, каждая представленная обширным разнообразием видов и форм, не имели почти ничего общего. Фах'фах'н*фах не нужны камни, а их планеты слишком велики,

тяжелы и холодны, чтобы их пожелал кто-то из галактов. К тому же они, по-видимому, оперировали на разных уровнях времени.

Дышащие водородом предпочитали медленные маршруты гиперпространства уровня Д и вообще нормальное пространство между звездами, царство, которым правит относительность, оставляя более быстрые межзвездные линии недолговечным потомкам сказочных Прародителей.

Иногда возникали конфликты. Умирали целые системы и кланы. Для таких войн не существовало правил.

Временами заключались торговые договоры, металлы обменивались на газы, механизмы на странные предметы, упоминания о которых нет даже в Великой Библиотеке.

Бывали периоды, когда целые галактические рукава переходили от одной цивилизации к другой. Примерно раз в сто миллионов лет галактический Институт Миграции организовывал такие перемещения кислорододышащих.

Официальная причина заключалась в том, что требовалось на целую эпоху оставить звезды «невозделанными», чтобы на их планетах могли развиться новые формы предразумной жизни. Но

широко известна и другая причина — оставить как можно больше пространства между жизнью на кислороде и водороде, там, где игнорировать друг друга уже невозможно.

И вот Каулт сообщает, что недавно велись переговоры в секторе Пол-Крен? И в них участвовали люди?

«Почему я об этом никогда не слышал?» — думал Утакалтинг. Он хотел продолжить эту тему, но не было возможности. Каулт явно избегал этого и вернулся к прежнему разговору.

— Мне кажется, в передачах губру есть нечто странное, Утакалтинг. Из передач ясно, что они прочесывают Порт-Хелению и острова в поисках специалистов по экологии и возвышению.

Утакалтинг решил, что не время удовлетворять любопытство — трудное решение для тимбрими.

— Ну, как я уже предположил, возможно, губру решили наконец выполнить свой долг перед Гартом.

Каулт издал звук, который, как знал Утакалтинг, выражает сомнение.

— Даже если это так, им потребовались бы экологи. А к чему специалисты по возвышению? Я интуитивно чувствую, что здесь происходит нечто любопытное, — закончил Каулт. — Уже в

течение нескольких мегасекунд губру находятся в большом возбуждении.

Даже без их небольшого приемника и вообще без всяких волн Утакалтинг знал бы это. И все это связано с мигающим синим светом, за которым он следует неделями. Это свечение означает, что дипломатический сейф тимбрими вскрыт. Приманка, которую он оставил в сейфе вместе с многочисленными другими следами и намеками, должна привести разумное существо только к одному заключению.

Очевидно, его розыгрыш оказался дорогостоящим для губру.

Но все хорошее быстро кончается. Сейчас даже губру, наверное, уже понятно, что это всего лишь шутка тимбрими. Птицеподобные ведь не глупы.

Рано или поздно они должны догадаться, что никаких гартлингов не существует.

«Мудрецы говорят: слишком затягивать шутку — ошибка. Неужели я повторяю ошибку, разыгрывая то же самое с Каултом?» Да, но в этом случае процедура совершенно иная, медленная, трудная и личная.

«Но что же еще мне делать, чтобы провести время?»

— Расскажи мне о своих подозрениях, — вслух

сказал Утакалтинг спутнику. — Я очень, очень заинтересовался.

Глава 56
ГАЛАКТЫ

Вопреки всем ожиданиям, новый сюзерен Стоимости и Бережливости набирал очки. Его плюмаж только начал проявлять многоцветие кандидатства, и он сильно отставал от соперников. Тем не менее, когда он танцевал, остальные сюзерены внимательно наблюдали и прислушивались к его хорошо сформулированным аргументам.

— Усилия были слишком дорогими, неразумными, неверно направленными,

— чирикал он, поворачиваясь в сложном ритме.

— Мы потеряли драгоценное время
И поступились честью,
Ища,
Отыскивая,
Преследуя
Химеру!

Новый главный чиновник, в сущности, обладал несколькими преимуществами. Его учил предшественник, покойный сюзерен Стоимости и Бережливости. На встречу новый ее член принес поразительное количество фактов. Кубы данных были разбросаны повсюду. Их представление главой гражданской службы производило ошеломляющее впечатление.

> *— Нет никакого способа, никакой возможности, никакой вероятности, что на этой планете могли выжить предразумные существа и пережить катастрофу буруралли. Это розыгрыш, насмешка, заговор дьявольского тимбрими и волчат,*
>
> *Чтобы мы*
>
> *Потратили,*
>
> *Выбросили,*
>
> *Извели зря*
>
> *Наше богатство!*

Для сюзерена Праведности это было равносильно катастрофе.

Во время безвластия, пока не был избран новый сюзерен, верховный священник и адмирал

правили безраздельно, никто их не сдерживал. Они хорошо знали, что так действовать неразумно, что должен существовать голос третьего сюзерена, но возможность казалась такой соблазнительной.

Адмирал лично участвовал в поисках и уничтожении горных партизан, хотел добавить доблести своему честному имени. Со своей стороны, священник начал новые дорогостоящие сооружения и торопил с доставкой новой планетарной Библиотеки.

Царил замечательный дуэт-консенсус. Сюзерен Луча и Когтя одобрял все траты, а сюзерен Праведности благословлял все операции солдат Когтя. В горы уходили экспедиция за экспедицией, группы тщательно охраняемых ученых искали бесценный приз.

Однако допустили ряд ошибок. Волчата оказались дьявольски хитры и неуловимы в своих засадах. Но если бы специалисты нашли то, что искали, никто и не вспомнил бы о цене. Дело того стоило, конечно, если...

«Но нас обманули, провели, выставили на посмешище», — с горечью думал священник. Сокровище оказалось выдумкой. И вот теперь новый сюзерен Стоимости и Бережливости уме-

ло пользуется таким положением. Чиновник исполнил великолепный танец наказания за излишние траты. Он уже превалирует в консенсусе — например, больше не будет бесполезных экспедиций в горы, пока не удастся отыскать способ справиться с противником подешевле.

Плюмаж сюзерена Луча и Когтя жалко обвис. Священник знал, как вся эта история тревожит адмирала. Но их обоих заворожила праведная верность танца наказания. Даже двое не смогут одержать победу при голосовании против одного, когда совершенно очевидно, что он прав. Чиновник приступил к новому танцу. Он предложил отказаться от строительных проектов, которые не имеют отношения к защите Гарта. К ним приступили, надеясь на гартлингов. Но теперь просто бессмысленно продолжать строительство гиперпространственного шунта и Церемониального Холма!

Танец был мощным, убедительным, подкрепленным множеством карт, формул и статистических таблиц. Сюзерен Праведности понял, что необходимо что-то предпринять, и немедленно, иначе этот выскочка обгонит всех. Немыслимо, чтобы так изменилось положение как раз тогда, когда их тела начали готовиться к Слиянию!

Необходимо также обдумать послание Повелителей Насестов. Царицы и принцы, оставшиеся дома, присылали отчаянные запросы. Выработали трое на Гарте новую смелую политику? Расчеты показывают, что необходимо вскоре получить нечто оригинальное и необычное, иначе инициатива перейдет к какому-нибудь другому клану. Страшно, когда судьба всей расы держится на волоске. И несмотря на прекрасное исполнение и внешность, одно ясно относительно нового главного чиновника: ему не хватает глубины, ясности видения его покойного предшественника. Сюзерен Праведности знал, что новая политика вряд ли зародится в результате мелочного урезания кредитов. Что-то необходимо сделать, и безотлагательно! Священник принял позу предчувствия, распростер свои ярко окрашенные перья. Вежливо, даже чуть снисходительно чиновник прервал танец и опустил клюв, уступая время.

Сюзерен Праведности принялся медленно, мелкими шагами переступать по насесту. Он сознательно избрал ритм, использованный соперником.

— Хотя гартлингов нет, остается шанс, вероятность, возможность

Получить церемониальную площадку, которую мы

Планировали,

Строили,

Посвящали

С такими большими расходами.

— Существует план, проект, концепция, которые еще могут принести

Честь,

Славу,

Праведность

Нашему клану.

— В центре, в фокусе, в сущности этого плана мы поместим

Осмотр,

Оценку,

Исследование

Клиентов волчат.

В противоположной стороне помещения сюзерен Луча и Когтя поднял голову. Свет надежды затеплился в глазах удрученного адмирала, и священник понял, что одержал пусть временную, но победу.

Теперь время покажет, сработает ли его новая смелая идея.

Глава 57
АТАКЛЕНА

— Видишь? За ночь она передвинулась!

Атаклене пришлось прикрыть глаза, чтобы посмотреть на своего друга-человека, сидящего на ветке дерева в тридцати футах над землей. Он потянул за зеленый кабель, который спускался сверху под углом в сорок пять градусов.

— Ты уверен, что это та самая лиана, которую ты подрезал вчера вечером?

— Уверен! Я забрался и налил литр обогащенной хромом воды — лиана поглощает именно хром — на развилину ветки, над собой. Теперь лиана переползла и прикрепилась именно к этому месту.

Атаклена кивнула. Он говорит правду.

— Вижу, Роберт. А теперь и верю.

Ей захотелось улыбнуться. Иногда Роберт ведет себя совсем как юноша-тимбрими, такой же стремительный, импульсивный, озорной. Это слегка приводило ее в замешательство. Чужаки должны вести себя странно и необъяснимо, а не просто

как... ну, как парни.

«Но Роберт не чужак, — напомнила она себе. — Он мой муж». И вообще, она так давно живет среди землян, что начинает думать, как они.

«Когда... если... я вернусь домой, неужели буду озадачивать, удивлять и пугать окружающих метафорами? Странным, как у волчат, отношением? Радует ли меня такая перспектива?»

В войне наступила передышка. Губру перестали посылать уязвимые экспедиции в горы. Их передовые посты бездействовали. Даже газовые роботы уже целую неделю не показывались в горных долинах — к величайшему облегчению шимпов, фермеров и жителей поселков. И когда выдался случай, Атаклена и Роберт решили один день посвятить только себе и постараться лучше узнать друг друга. Ведь они не знают, когда возобновятся военные действия. Предоставится ли им еще такая возможность?

Обоим необходимо было отвлечься. По-прежнему не было никакого ответа от матери Роберта, неизвестной оставалась судьба Утакалтинга, несмотря на то, что Атаклена уловила посланное отцом изображение. Пусть выполняет свою часть и надеется, что он жив и способен выполнить свою.

— Хорошо, — крикнула она Роберту. — Признаю. Лианы можно тренировать в известном смысле. Спускайся. Твоя ветка ненадежна.

Но Роберт только улыбнулся.

— Спущусь по-своему. Ты меня знаешь, Кленни. Я не могу упустить такую возможность.

Атаклена застыла. Вот опять этот каприз на краях эмоциональной ауры. Похоже на сиул-фф-куонн, который можно кеннировать у юного тимбрими, когда тот наслаждается в предвкушении шутки.

Роберт сильно потянул лозу. Он вдохнул, его грудная клетка расширилась так, как недоступно ни одному тимбрими; и он быстро заколотил себя по груди и издал долгий пронзительный вопль. В лесном коридоре отозвалось эхо.

Атаклена вздохнула. «О да. Он должен отдать дань уважения божеству волчат Тарзану».

Вцепившись в лиану обеими руками, Роберт спрыгнул с ветки. И по пологой дуге, вытянув и сведя вместе ноги, опустился к лесному лугу, перелетев через низкорослые кусты. При этом он громко кричал.

Конечно, именно такие открытия делали люди в темные столетия между появлением разума и приходом науки. Ни одна из галактических

рас, воспитанных на Библиотеке, не смогла бы додуматься до такого способа передвижения. Даже тимбрими.

Амплитуда маятника потащила Роберта снова вверх, к густой кроне лесного гиганта. Вопль Роберта оборвался, когда он врезался в листву и с треском исчез.

Тишину нарушал только шорох падающих мелких обломков. Атаклена поколебалась, потом позвала:

— Роберт?

Ни ответа, ни движения в густых зарослях.

— Роберт! Что с тобой? Ответь мне! — Слова англика застревали во рту.

Она попыталась найти его с помощью короны, нити над ушами напряглись.

Он здесь, это она чувствует... и ему больно!

Атаклена побежала по лугу, перепрыгивая через препятствия, началась гир-трансформация: ноздри автоматически расширились, чтобы дать больше воздуха тройному сердцу. К тому времени, как она достигла дерева, кончики пальцев на руках и ногах уже затвердели. Атаклена сбросила мягкую обувь и сразу начала подниматься, легко находя опору в коре лесного патриарха.

Вездесущие лианы, как змеи, манили в лист-

венную трясину, поглотившую Роберта. Атаклена потянула за одну такую веревку и с ее помощью взобралась на следующий уровень.

Она понимала, что должна сдерживаться. Несмотря на реакцию и приспособляемость тимбрими, ее мускулатура не так сильна, как у человека, а корона не так быстро отдает лишнее тепло, как потовые железы. Но она не могла отказаться от максимальной скорости.

В листве, где исчез Роберт, было сумрачно и тесно. Атаклена заморгала и принюхалась, углубляясь в темноту. Запахи напомнили ей, что это неизученная планета, а она не волчонок, который чувствует себя как дома в этих девственных джунглях. Атаклене пришлось убрать щупальца, чтобы они не запутались в чаще. И потому она вздрогнула, когда что-то спустилось сверху и крепко схватило ее.

Гормоны устремились в кровь. Атаклена приготовилась ударить нападающего, но вовремя узнала ауру Роберта, его человеческий мужской запах. Это его руки крепко держат ее. Атаклена испытала мгновенное головокружение, когда резко прекратилась гир-трансформация.

В таком ошеломленном состоянии, не способная двинуться в оцепенении трансформации,

она удивилась вдвойне. Потому что Роберт начал касаться ее рта своим ртом. Вначале его действия показались ей бессмысленными, безумными. Но тут, развернув корону, она снова начала воспринимать чувства... и сразу вспомнила сцены из человеческих видеодрам, сцены совокупления и сексуальной игры.

Буря противоречивых эмоций, охватившая Атаклену, заставила ее еще несколько мгновений оставаться неподвижной. Отчасти это объяснялось его сильными объятиями, и только когда Роберт наконец выпустил ее, Атаклена быстро отодвинулась от него, прижалась к стволу, тяжело дыша.

— Ан... ан-твиллатбилна! Нага... Ты... ты... бленчук! Как ты смеешь... Клет-тнаб... — У нее перехватило дыхание, пришлось прекратить многоязычные проклятия. Но Роберт не утратил добродушно-веселого настроения.

— Я не все понял, Атаклена. Мой гал-семь не очень хорош, но я работаю над ним. Скажи мне, что такое... бленчук?

Атаклена сделала жест, дернула головой, что у тимбрими соответствует раздраженному пожатию плечами.

— Неважно. Отвечай немедленно! Ты ранен?

А если нет, почему ты это сделал? И в-третьих. Почему я не должна наказывать тебя за то, что ты обманул меня и напал?

Глаза Роберта распахнулись шире.

— О, не реагируй так серьезно, Кленни. Я ценю то, что ты бросилась мне на выручку. Я, наверно, слегка увлекся, обрадовавшись тебе.

Ноздри Атаклены расширились. Щупальца ее метались, готовя какой-то необыкновенно ядовитый глиф. Роберт почувствовал это и поднял руку.

— Хорошо, хорошо. По порядку... Я не ранен, только чуть поцарапался. На самом деле мне очень весело.

Видя ее выражение, он перестал улыбаться.

— Гм, что касается второго вопроса... я приветствовал тебя, как принято у людей. Мне очень хотелось испробовать этот человеческий обычай с тобой, хотя признаю, что ты могла этого не оценить.

Атаклена нахмурилась. Ее щупальца смятенно опустились.

— И наконец, — вздохнул Роберт, — не могу назвать ни одной причины в противовес наказанию за мою самонадеянность. Это твое право. Любая женщина по праву сломает мне руку,

если я схвачу ее без разрешения. Не сомневаюсь, кстати, что ты можешь это сделать. В свою защиту могу сказать, что сломанная рука — это профессиональный риск молодого землянина. В половине случаев ухаживание на этом просто заканчивается. Но если парень правильно понял ситуацию, женщине это нравится и она не ставит ему фонари под глазами. Ну, а если ошибся, приходится расплачиваться.

Атаклена видела, как лицо Роберта стало задумчивым.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше никогда об этом не думал, правда.

Может, люди в этом отношении как спятившие клет-т-тнабс.

Атаклена мигнула. Напряжение медленно проходило, капая с нитей короны; тело приходило в норму. Узлы трансформации под кожей пульсировали, вбирая излишки гир-потока.

Как маленькие мыши, перевела она. Но на этот раз вздрогнула слабее.

И обнаружила, что улыбается. Странное признание Роберта перевело ситуацию — почти смехотворно — в логическую плоскость.

— Удивительно, — сказала она. — Как всегда, в обычаях тимбрими есть параллель. Наши муж-

чины тоже должны рискнуть.

Она помолчала, нахмурившись.

— Но стилистически ваша техника очень груба! Уровень ошибок, наверное, ужасно велик. У вас ведь нет короны, чтобы понять чувства женщины. Помимо примитивной эмпатии, у вас есть только намеки, кокетство, язык телодвижений. Я удивлена, что вы можете размножаться, не истребив друг друга при этом!

Лицо Роберта слегка потемнело, и Атаклена поняла, что он покраснел.

— Наверно, я слегка преувеличиваю.

Атаклена не могла не улыбнуться снова, на этот раз не только ртом, но и увеличив расстояние между глазами.

— Я уже догадалась об этом, Роберт.

Лицо человека еще больше покраснело, он посмотрел на свои руки. В наступившем молчании Атаклена уловила что-то в себе самой. Она кеннировала простой глиф кинивуллун — то, что обычно делают юноши. Роберт излучал смущенную искренность, и это заставляло забыть его неподвижные глаза и большой нос, делало его своим. Он теперь казался ей ближе, чем большинство ее сверстников в школе.

Наконец Атаклена выбралась из угла, куда

забилась в попытке защититься.

— Ну хорошо, Роберт, — вздохнула она. — Я позволю себе объяснить, почему тебе «очень хотелось» совершить этот чисто человеческий ритуал с представительницей иного вида — со мной. Наверно, потому, что мы подписали супружеский договор? Может, ты считаешь, что должен завершить все брачные обычаи, чтобы исполнить человеческую традицию?

Он пожал плечами, отведя взгляд.

— Нет, я не могу использовать это в качестве предлога. Я знаю, что межвидовые браки носят исключительно деловой характер. Просто... мне кажется, потому что ты красива и умна, а мне одиноко... и, может быть, я немного влюблен в тебя.

Сердце ее забилось быстрее. И на этот раз причина не в химических гир-веществах. Щупальца ее приподнялись словно сами по себе, но никакой глиф не чувствовался. Напротив, она обнаружила, что щупальца устремились к нему вдоль тонких силовых линий, как в диполе.

— Мне кажется... мне кажется, я понимаю, Роберт. Я хочу, чтобы ты знал, что я...

Трудно найти слова. Вряд ли она сама осознавала, о чем думает в этот момент. Атаклена покачала головой.

— Роберт? — негромко сказала она. — Ты сделаешь мне одолжение?

— Все, что угодно, Кленни. Все, что угодно! — Глаза его широко распахнулись.

— Хорошо. Тогда, не очень увлекаясь, может, ты объяснишь и продемонстрируешь, что именно ты делал, когда так коснулся меня... какие физические моменты с этим связаны? Но на этот раз, пожалуйста, помедленнее.

* * *

На следующий день они неторопливо возвращались к пещерам.

Шли медленно, останавливаясь, чтобы посмотреть, как солнечные лучи падают на поляны, задерживались у небольших разноцветных прудов, гадая, какой именно элемент тут накапливается. Иногда они просто держались за руки, слушая негромкие звуки лесной жизни Гарта.

Иногда садились и осторожно экспериментировали, испытывая приятные ощущения от прикосновений.

Атаклена была удивлена. Большинство нервных окончаний, необходимых для этого, у нее есть. Не требовалось глубокого самовнушения, просто небольшие изменения в капиллярах и

рецепторах, чтобы эксперимент осуществился. По-видимому, у тимбрими некогда существовали аналогичные поцелуям ритуалы, поскольку осталась возможность осуществить их.

Вернувшись к обычной форме, она может сохранить некоторые особенности адаптации губ, горла, ушей. Их приятно ласкает ветерок. Словно сладостный эмпатический глиф на короне. А поцелуи, это теплое давление, вызывали в ней сильные, хотя и примитивные чувства.

Конечно, ничего подобного не произошло бы, если бы люди и тимбрими не были так близки. Много любопытных, но глупых теорий ходило среди необразованных слоев населения обоих видов, объясняя это сходство.

Например, предполагалось, что у них есть общий далекий предок.

Разумеется, это нелепая мысль. Но Атаклена знала, что ее случай не первый. Тесные связи на протяжении нескольких столетий привели ко многим случаям межвидового флирта, иногда откровенного. Ее открытия, должно быть, уже многократно делались раньше.

Она просто не знала об этом, а разговоры считала непристойными.

Атаклена поняла, что друзья на Тимбрими

скорее всего считали ее ханжой. Но ее нынешнее поведение шокировало бы большинство из них!

Она не уверена, что хочет, чтобы дома — если, конечно, она туда доберется, — знали обо всем спектре ее взаимоотношений с Робертом.

Утакалтинг, вероятно, принялся бы смеяться.

«Неважно, — твердо сказала она себе. — Я должна жить сегодняшним днем». Эксперимент помогает проводить время и имеет свои приятные стороны.

А Роберт — отличный учитель.

Конечно, придется установить ограничения. Она, например, готова и дальше изменять распределение ткани в своих грудных железах, а прикосновение к нервным окончаниям в них очень приятно. Но когда дело доходит до основ, она непреклонна. Основы своей физиологии и анатомии она менять не собирается... ни для какого человека!

* * *

На обратном пути они осматривали посты восставших и разговаривали с бойцами. Моральный дух был высок. Ветераны трехмесячных боев спрашивали, когда предводители завлекут в горы новые группы губру. Атаклена и Роберт смеялись

и обещали, что подумают, как не оставить бойцов без дела.

Но от них требовали действий. А как завлечь противника, клюв которого несколько раз пускал кровь? Может, пора перенести сражения на его территорию?

Проблема заключалась в отсутствии надежных сведений об обстановке в Синде и Порт-Хелении. Несколько уцелевших участников городского восстания добрались до гор и доложили, что их организация разбита. С того злополучного дня ничего не известно о Гайлет Джонс и Фибене Болджере.

Контакт с некоторыми индивидуумами в городе восстановили, но он был нерегулярным и ненадежным.

Думали о посылке новых разведчиков. Казалось, такую возможность дают объявления губру о выгодной работе всем специалистам по экологии и возвышению. Но к этому времени птицы явно разработали тактику допросов и создали детектор лжи для шимпов. Роберт и Атаклена решили не рисковать, по крайней мере пока.

Они шли по узкой, редко посещаемой долине, когда увидели обращенный к югу склон, поросший невысокими специфичными растениями.

Постояли некоторое время молча, глядя на зеленое поле плоских перевернутых чаш.

— Я так и не покормил тебя печеными корнями плюща, — заметил наконец Роберт.

Атаклена принюхалась, оценив его иронию. Место, где произошел несчастный случай, далеко отсюда. Но этот неровный склон вызвал в ее памяти яркие воспоминания о том ужасном дне, когда начались их «приключения».

— Эти растения больны, в них что-то нарушено? — Она указала на чаши, перекрывающие друг друга, как чешуя дракона. Верхний слой выглядит не таким гладким и толстым, каким остался в ее памяти, он кажется очень тонким и непрочным.

— Гм. — Роберт наклонился, разглядывая ближайшие чаши. — Лето кончается. Жара высушивает верхние пластины. К середине осени, когда поднимутся восточные ветры с Мулунского хребта, они станут тонкими и легкими, как вафли. Разве я не говорил тебе, что они разносят семена? Ветер подхватывает их и уносит в небо, как облако бабочек.

— Ах, да. Я помню, ты говорил об этом. — Атаклена задумчиво кивнула. — Но разве не ты говорил...

Ее прервал громкий крик.

— Генерал! Капитан Онигл!

На узкой лесной тропе показалась группа шимпов. Двое — сопровождавшие их всюду охранники, а третий — Бенджамин! Выглядел он уставшим. Очевидно, бежал всю дорогу от пещер им навстречу.

Атаклена почувствовала, как напрягся Роберт в ожидании неприятностей.

Но с помощью короны она уже знала, что Бен не принес дурных известий. Враг не нападал. И все же шимп казался смущенным.

— В чем дело, Бенджамин? — спросила она.

Он вытер лоб домотканым носовым платком. Потом порылся в другом кармане и вытащил маленький черный кубик.

— Сэры, наш курьер, молодой Петри, наконец возвратился.

Роберт сделал шаг вперед.

— Он добрался до убежища?

Бенджамин кивнул.

— Да, добрался и привез послание Совета. Оно здесь. — И он протянул куб.

— Послание Меган? — У Роберта перехватило дыхание при виде кубика с записью.

— Да, сэр. Петри говорит, что с ней все в порядке. Она шлет свои наилучшие пожелания.

— Но... но это здорово! — завопил Роберт. — Связь восстановлена! Мы больше не одни!

— Конечно, сэр! Совершенно справедливо. К тому же... — Атаклена наблюдала, как Бенджамин пытается подобрать нужные слова. — Петри принес не только новости: в пещерах вас ждут пять человек.

Роберт и Атаклена замигали.

— Пять человек?

Бенджамин кивнул.

— Морская пехота, сэр.

— О, — сказал Роберт. Атаклена продолжала молчать, но скорее кеннировала, чем слушала.

— Профессионалы, сэр, — продолжил Бенджамин. — Клянусь, это удивительно после такого длительного времени без... ну, я хочу сказать, что с нами вас было только двое. Все шимпы сейчас пребывают в радостном возбуждении. Мне кажется, вам лучше как можно быстрее вернуться.

Роберт и Атаклена в один голос сказали:

— Конечно.

— Немедленно.

Почти неощутимо отношения между Атакленой и Робертом изменились.

Когда подбежал Бенджамин, они держались за руки. Теперь, двигаясь по тропе, им показалось

это неуместным. Их близость не нуждалась в объяснениях, им не нужно было смотреть друг на друга, чтобы понять, о чем думает другой.

К лучшему или к худшему, но ситуация изменилась.

Глава 58
РОБЕРТ

Майор Пратачулторн сосредоточенно изучал данные компьютера. Листы с цифрами занимали весь стол. Наблюдая за тем, как работает маленький смуглый человек, Роберт понял, что беспорядок только кажущийся: то, что нужно для работы, он находит, едва взглянув и протянув мозолистую руку.

В перерывах офицер поглядывал на голографический экран и что-то негромко произносил в горловой микрофон. На экране менялись данные в соответствии с его командами.

Роберт спокойно ждал, стоя перед деревянным столом. В четвертый раз Пратачулторн приглашал его и задавал четко сформулированные вопросы. И каждый раз Роберт испытывал все большее удивление и уважение к пунктуальности и проницательности этого человека.

Совершенно очевидно, что майор Пратачулторн — профессионал. Всего за день он со своим небольшим штабом начал приводить в порядок самодельные тактические программы партизан, перерабатывал данные, выдвигал предложения, которые и в голову не могли прийти партизанам.

Именно в таком человеке, как Пратачулторн, нуждалось их движение.

Именно такого они ждали.

Это бесспорно. Но Роберт возненавидел этого человека и теперь пытался понять, почему.

«Дело ведь не только в том, что он заставляет меня молча стоять перед ним, пока наконец не соизволит обратить внимание». Роберт понимал, что это просто способ подчеркнуть, кто здесь теперь хозяин. И это понимание помогало ему сдерживаться.

Майор выглядел как настоящий офицер морской пехоты, хотя единственным признаком его звания была нашивка на левом плече. У Роберта даже в мундире не будет такой выправки, как у Пратачулторна в плохо подогнанной домотканой одежде, сшитой гориллами на склонах серного вулкана.

Землянин некоторое время барабанил паль-

цами по столу. Этот стук напомнил Роберту о головной боли, с которой он борется уже больше часа с помощью обратной биологической связи. Почему-то на этот раз способ не действовал. Роберт испытывал приступ клаустрофобии, ему было душно и тесно. И становилось все хуже.

Наконец Пратачулторн поднял голову. К удивлению Роберта, его первое замечание воспринималось даже как комплимент.

— Ну, капитан Онигл, — сказал Пратачулторн. — Признаюсь, я опасался, что положение будет гораздо, гораздо хуже.

— Приятно слышать, сэр.

Глаза Пратачулторна сузились, он как будто уловил тонкий оттенок сарказма в голосе Роберта.

— Говоря точнее, — продолжал он, — я опасался, что вы солгали в своем докладе правительству в изгнании и что мне придется расстрелять вас.

Роберт подавил желание сглотнуть и умудрился сохранить бесстрастное выражение.

— Я рад, что в этом нет необходимости, сэр.

— Я тоже. Тем более, это вызвало бы недовольство вашей матери. Учитывая, что вы не профессионал, готов признать, что вы добились неплохих результатов.

Майор Пратачулторн покачал головой.

— Нет, пожалуй, неточно. Позвольте сформулировать так. Будь я здесь, я бы многое сделал по-другому. Но в свете того, как проявили себя государственные вооруженные силы, вы с вашими шимпами действовали очень неплохо.

Роберт почувствовал, как пустота в груди рассасывается.

— Шимпов это обрадует, сэр. Хочу напомнить, что я здесь не единственный предводитель. Львиную долю тяжести взвалила на себя тимбрими Атаклена.

На лице майора Пратачулторна появилось кислое выражение. Роберт не знал, то ли из-за того, что Атаклена галакт, то ли он, как офицер, должен был принять всю ответственность на себя.

— А, да. «Генерал». — Улыбка казалась по меньшей мере покровительственной. Майор кивнул. — Я упомяну о ее помощи в своем отчете. Дочь посла Утакалтинга, несомненно, изобретательна. Надеюсь, она не откажется продолжать помогать нам — в известных пределах.

— Шимпы преклоняются перед ней, сэр, — заметил Роберт.

Майор Пратачулторн кивнул, посмотрел на стену и задумчиво заговорил:

— Тайна тимбрими, я знаю. Иногда мне кажется, что средства массовой информации сами не ведают, что творят, формируя такое представление. Какие бы чужаки нас ни окружали, люди должны знать, что земляне всегда останутся одинокими. Мы никогда не сможем доверять никому из галактов.

Должно быть, решив, что сказал лишнее, Пратачулторн снова покачал головой и сменил тему.

— Теперь относительно будущих операций против врага...

— Мы думали об этом, сэр. Непонятная активность в горах, кажется, кончилась, хотя мы не знаем, надолго ли. Но мы кое-что обдумали и сможем использовать против них, если они вернутся.

— Хорошо. — Пратачулторн кивнул. — Но вы должны понять, что в будущем все действия в Мулуне должны быть скоординированы с действиями других сил по всей планете. Нерегулярные войска просто не способны нанести противнику ощутимый урон. Это показало неудачное нападение городских шимпов на космические батареи вблизи Порт-Хелении.

Роберт не оспаривал правоту Пратачулторна.

— Да, сэр. Хотя с тех пор мы захватили кое-какое

вооружение, которое может оказаться полезным.

— Несколько ракет. Они пригодятся, если мы решим, как их использовать. И особенно, если у нас появится информация, куда их нацеливать. Кое-какая информация у нас уже есть, — продолжал майор. — Я хочу собрать больше и доложить Совету. После этого нашей задачей станет поддержка любых действий Совета.

Наконец Роберт получил возможность задать вопрос, который держал наготове с тех пор, как, вернувшись, обнаружил, что Пратачулторн и его люди переворачивают пещеры вверх дном, во все вмешиваются и всем командуют.

— Что будет с нашей организацией, сэр? Мы с Атакленой дали нескольким шимпам временный офицерский статус. Но, кроме меня, ни у кого здесь нет настоящего офицерского звания.

Пратачулторн поджал губы.

— Ну, ваш случай самый простой, капитан. Вы заслужили отдых. Можете проводить дочь посла Утакалтинга в убежище с моим отчетом и рекомендациями о присвоении вам очередного звания и награждении медалью. Я знаю, координатору это понравится. Я также сообщу дополнительные сведения о том, как вы открыли резонансную технику обнаружения губру.

По тону было совершенно ясно, что подумает майор о Роберте, если тот примет предложение.

— С другой стороны, я был бы рад, если бы вы присоединились к нам, во внеочередном статусе первого лейтенанта вдобавок к вашему званию в колониальной милиции. Ваш опыт нам бы пригодился.

— Спасибо, сэр. Я останусь здесь, если вы не возражаете.

— Отлично. Придется кого-то другого назначить в эскорт...

— Я уверен, что Атаклена тоже захочет остаться, — торопливо добавил Роберт.

— Гм. Да. Я думаю, какое-то время она будет полезна. Вот что я вам скажу, капитан. Я сообщу обо всем этом в послании Совету. Но в одном мы должны быть уверены: поскольку у нее здесь нет военного статуса, шимпы должны перестать обращаться к ней как к офицеру и командиру. Понятно?

— Да, сэр. — Роберт подумал, как убедить в этом штатских неошимпанзе, которые называют всех как им заблагорассудится.

— Хорошо. Теперь о тех, кто находился под вашим командованием... У меня с собой несколько бланков колониальных офицерских званий,

мы можем присвоить их шимпам, проявившим инициативу. Я не сомневаюсь, что вы назовете мне имена.

Роберт кивнул.

— Да, сэр.

Он вспомнил, что еще один солдат «армии», кроме него самого, служил в милиции. Мысль о Фибене, несомненно давно погибшем, вызвала угнетенное состояние. «Эти пещеры! Они меня с ума сводят! Мне все труднее и труднее оставаться здесь». Майор Пратачулторн дисциплинированный военный, он месяцы провел в подземном убежище Совета. Но у Роберта не такой твердый характер. «Мне нужно выбраться отсюда!»

— Сэр, — быстро сказал он. — Прошу разрешения оставить базовый лагерь на несколько дней и заняться делом в районе перехода Лорне... в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пратачулторн нахмурился.

— Там, где незаконно изменяли генетику горилл?

— Место, где мы одержали свою первую победу, — напомнил Роберт командиру, — и заставили губру сдаться.

— Ха, — усмехнулся майор. — А что вы надеетесь там обнаружить?

Роберт подавил желание пожать плечами. В усиливающейся клаустрофобии, в стремлении любой ценой вырваться, он высказал идею, которая только начинала формироваться в его сознании.

— Возможное оружие, сэр. У меня созрела мысль, которая сможет сослужить хорошую службу, если подтвердится.

Это заинтересовало Пратачулторна.

— Что за оружие?

— Я предпочел бы сейчас не вдаваться в подробности, сэр. Сначала мне нужно кое-что подтвердить. Я буду отсутствовать не больше трех-четырех дней. Обещаю.

— Гм. Что ж, — Пратачулторн поджал губы. — Мне потребуется столько времени, чтобы привести в порядок данные. Пока вы будете только путаться под ногами. Но потом вы мне понадобитесь. Нужно будет готовить отчет Совету.

— Да, сэр. Я буду торопиться.

— Хорошо. Возьмите с собой лейтенанта Маккью. Я хочу, чтобы один из моих людей ознакомился с местностью. Покажите Маккью, как вам удалось организовать эту маленькую засаду, познакомьте ее с основными партизанскими группами и немедленно возвращайтесь. Вы сво-

бодны.

Роберт вытянулся. «Кажется, теперь я знаю, почему ненавижу его», — подумал он, отдавая честь, повернулся кругом и вышел, отодвинув повешенное вместо двери подземного кабинета одеяло.

Вернувшись в пещеры и обнаружив Пратачулторна и его людей, которые всюду расхаживали по-хозяйски, покровительственно обращались к шимпам, покритиковали все, что они сделали вместе, Роберт чувствовал себя ребенком, которому до поры до времени разрешали играть героя. Но теперь ему предстоит вынести родительское поглаживание по головке. А оно обжигает, хотя и означает похвалу.

Аналогия не слишком верная, чувствовал Роберт, но справедливая.

Он молча вздохнул и пошел подальше от кабинета и арсенала, которые раньше делил с Атакленой, а теперь заняли взрослые.

* * *

Только снова оказавшись под высоким лесным пологом, Роберт понял, что может дышать свободно. Знакомый аромат деревьев очищал легкие от влажных запахов пещер. Впереди и

по бокам шли разведчики, которых он хорошо знает, быстрые, верные: они выглядели свирепо со своими самострелами и черными лицами. «Мои шимпы», — подумал он, испытывая при этих словах легкий комплекс вины и собственника, которые не оставляли его. Все равно как в «прежние времена», до вчерашнего дня, когда он считал себя нужным и важным.

Однако иллюзия тут же рассеялась. Рядом послышался голос лейтенанта Маккью.

— Эти горные леса очень красивы, — сказала она. — Жаль, что мне не пришлось побывать здесь до начала войны. — Она наклонилась и притронулась к цветку с голубыми прожилками; тот сложился от прикосновения и спрятался в зарослях. — Я читала об этом, но впервые вижу своими глазами.

Роберт уклончиво улыбнулся. Он будет вежлив и ответит на прямой вопрос, но разговор его не интересует, особенно с заместителем майора Пратачулторна.

Лидия Маккью — спортивная молодая женщина, со смуглым приятным лицом. Движения, гибкие, как у разведчика или убийцы, и в то же время грациозные. Одетую в домотканую набедренную повязку и блузу, ее можно было бы

принять за деревенскую танцовщицу, если бы не арбалет с автоматическим заводом, который она, как ребенка, несет на руке. В карманах у нее достаточно стрел, чтобы превратить в подушечку для иголок всех губру на сто километров вокруг. И ножи у нее на запястьях и в голенищах не для красы.

Она легко держалась рядом с ним на пересеченной местности и в путанице лиан, хотя он шел быстро. И хорошо, потому что он не собирался задерживаться. В глубине души Роберт понимал, что он несправедлив. По-своему она очень неплохой человек — как профессиональный солдат. Но почему-то все привлекательное в ней еще больше раздражало его.

Роберт жалел, что Атаклена не захотела пойти с ним. Но она настояла на том, чтобы остаться на поляне у пещер, экспериментируя с движущимися лианами и создавая странные глифы, слишком тонкие для его слабого восприятия. Роберт обиделся и на первых же километрах чуть не загнал свой эскорт.

— Так много жизни. — Земная женщина держалась рядом, вдыхая лесные запахи. — Мирное место.

«Ты ошибаешься в обоих случаях», — подумал

Роберт с тенью презрения к ее неспособности понять правду Гарта, правду, которую он ощущает вокруг себя. Благодаря урокам Атаклены он теперь мог воспринимать, пусть неуверенно и неглубоко, следы волн жизни, которые прокатываются по тихому лесу.

— Это несчастная земля, — просто сказал он. Но не стал уточнять, хотя она удивленно взглянула на него. Его примитивное эмпатическое чувство отступило перед ее смятением.

Некоторое время они двигались молча. Утро переходило в полдень.

Где-то поблизости послышался свист разведчиков, и они укрылись в густых ветвях. Над головой пролетал большой крейсер. Выждав, Роберт, не сказав ни слова, зашагал дальше.

Наконец Лидия Маккью вновь заговорила.

— Это место, куда мы идем, — сказала она, — этот Хаулеттс-Центр. Расскажите мне о нем.

Он не может отказать: ведь Пратачулторн послал ее ознакомиться с обстановкой. Роберт старался говорить бесстрастно, но в голосе прорывались эмоции. Следуя ее негромким вопросам, Роберт рассказал Лидии Маккью о замечательной, хотя и незавершенной работе ученых, которая так печально закончилась. Его мать,

разумеется, ничего не знала о Хаулеттс-Центре. Сам он лишь случайно узнал о нем за год до вторжения и решил хранить молчание.

Конечно, теперь смелый эксперимент завершился. Потребуется чудо, чтобы спасти неогорилл от стерилизации, сейчас, когда тайна стала известна людям типа майора Пратачулторна.

Пратачулторн может ненавидеть галактическую цивилизацию со страстью, граничащей с фанатизмом, но он понимает, что люди не должны нарушать торжественные договоры с галактическими Институтами. Сейчас единственная надежда Земли на древний кодекс Прародителей. И, чтобы оставаться под защитой этого кодекса, слабые кланы, подобно жене Цезаря, должны быть выше подозрений.

Лидия Маккью внимательно слушала. У нее широкие скулы и страстные глубокие глаза, но Роберту больно смотреть в них. Слишком они близко посажены, слишком неподвижны. И он видел лишь тропу впереди.

Но мягкий голос женщины-офицера привлекал его. Роберт с удивлением обнаружил, что продолжает болтать, теперь уже о Фибене Болджере, о том, как они спаслись во время газовой бомбардировки фермы Мендозы, о первом походе его

друга в Синд.

И о втором, из которого он не вернулся.

Они пересекли хребет, покрытый странными камнями-чешуями, и оказались на площадке над узкой долиной, к западу от прохода Лорне. Роберт указал на развалины нескольких зданий.

— Хаулеттс-Центр, — просто сказал он.

— Здесь вы заставили губру принять шимпов, как равных противников? И принудили их сдаться? — спросила Лидия Маккью. Роберт почувствовал, что в голосе ее звучит уважение, повернулся и бросил на нее взгляд. Она ответила улыбкой. Роберт понял, что краснеет.

Он быстро отвернулся, указал на ближайший склон и принялся рассказывать, как организовали засаду, как она подействовала. Он опустил только собственный полет с трамплина и нападение на часового губру. В конце концов его роль второстепенная, главную тогда играли шимпы. И он хотел, чтобы земляне-офицеры знали это.

Он заканчивал рассказ, когда подошла Элси. Шимми отдала честь. До прихода военных в этом не было необходимости.

— Не знаю, что там внизу происходит, сэр, — честно сказала она. — Губру очень интересовались этими развалинами. Они могут вернуться.

Роберт покачал головой.

— Бенджамин принял капитуляцию выживших врагов при условии, что губру в этой долине появляться не будут и снимут наблюдение даже за подходами к ней. Есть признаки нарушения договора?

Элси покачала головой.

— Нет, но... — Она поджала губы, воздержавшись от замечания, что не слишком умно полагаться на слово ити.

Роберт улыбнулся.

— Ну, тогда пошли. Если поторопимся, к заходу вернемся.

Элси пожала плечами, сделала несколько быстрых жестов руками. Шимпы выскочили из-за камней и устремились в лес. Спустя короткое время послышался разрешающий свист. Остальная часть группы быстро пересекла открытое место.

— Они хороши, — негромко заметила Лидия Маккью, когда они снова оказались под деревьями.

Роберт кивнул, заметив, что она не добавила «для любителей», как поступил бы Пратачулторн, за что мысленно поблагодарил ее. Но в то же время хотел, чтобы она была менее учтивой.

Скоро они уже подходили к развалинам, стара-

тельно отыскивая следы пребывания кого-нибудь после битвы. Но таких признаков не было, хотя это не ослабило бдительности шимпов. Роберт пытался кеннировать, использовать Сеть, чтобы обнаружить присутствие врага, но мешали собственные чувства. Он жалел, что с ними нет Атаклены.

Разрушение Хаулеттс-Центра оказалось сильнее, чем ожидалось при наблюдении со склона. Почерневшие от огня стены зданий рухнули под напором джунглей, бывшие газоны буйно заросли. Машины губру, с которых давно сняли все ценное, лежали в зарослях травы, доходившей Роберту до пояса.

«Нет, здесь явно никто не появлялся, — подумал Роберт. Он пробирался через развалины. Ничего интересного не осталось. — Зачем я пришел сюда?» — подумал он. Он знал, что его идея — лишь предлог, чтобы сбежать из пещер, уйти подальше от Пратачулторна.

Уйти от неприятной правды о себе самом.

Возможно, одна из причин его прихода сюда в том, что именно здесь он вплотную столкнулся с врагом.

Или он надеялся вернуть недавнее ощущение, когда ходил по мирным лесам. Он надеялся

прийти сюда с другой женщиной, не с той, что сопровождает его, подвергая все профессиональному осмотру.

Роберт отбросил мрачные мысли и направился к разбитым вражеским танкам. Опустился на одно колено, отвел высокую буйную траву.

Механизмы губру, внутренности бронированных машин, коробки передач, крылья лопастей, гравитика...

Многие части покрылись тонкой желтоватой патиной. В некоторых местах блестящая пластмасса обесцветилась, утончилась и даже сломалась. Роберт потянул, и в руках его оказался небольшой кусок.

«Да будь я синеносым взломщиком! Я прав. Моя догадка подтверждается».

— Что это? — спросила у него за плечом лейтенант Лидия Маккью.

Он покачал головой.

— Пока не знаю. Но как будто что-то разъело эти части.

— Можно мне поглядеть?

Роберт протянул ей кусок корродированного керамета.

— Ради этого вы хотели прийти сюда? Вы догадывались об этом?

Он не видел смысла рассказывать ей обо всех причинах, в том числе личных.

— Да, в основном. Я подумал, может, мы используем это, как оружие. Все записи и установки сожгли, когда эвакуировали центр. Но уничтожить микробы, созданные в лаборатории доктора Шульца, не смогли.

Он не стал добавлять, что у него в рюкзаке флакон со слюной горилл. Если бы он не обнаружил вооружение губру в таком состоянии, то поставил бы собственный эксперимент.

— Хм. — Материал раскрошился в руке Лидии Маккью. Она забралась под машину и стала разглядывать поврежденные части. Наконец выбралась и села рядом с Робертом.

— Может, и пригодится, но остается проблема доставки. Мы не станем покидать горы, чтобы поливать микробами установки губру в Порт-Хелении.

— К тому же биооружие быстро теряет свою эффективность. Нужно будет использовать все одновременно и неожиданно, потому что обычно принимаются быстрые и надежные меры. Через несколько недель микроорганизмы будут нейтрализованы — химически или путем клонирования другого микроорганизма, который

уничтожит наши.

— Но все равно. — Она повертела в руках новый кусок и с улыбкой посмотрела на Роберта. — Это здорово. То, что вы сделали раньше, и это... Именно так надо вести партизанскую войну! Мы сможем это использовать.

Она так открыто и дружески улыбалась, что Роберт не мог не ответить.

И почувствовал зов плоти, который пытался подавить весь день.

«Черт возьми, она привлекательна», — жалобно подумал он. Тело сигнализировало ему сильнее, чем в присутствии Атаклены. А он ведь едва знает эту женщину! Она ему не нравится и он не связан с ней, как с тимбрими, супружеством.

Но во рту у него пересохло, сердце забилось быстрее, когда она смотрела на него, узкоглазая, тонконосая, с высокими бровями, женщина...

— Пора возвращаться, — быстро сказал он. — Идите вперед и возьмите образцы, лейтенант. Испытаем их на базе.

Не обращая внимания на ее долгий взгляд, он встал и сделал знак Элси.

Скоро с образцами в рюкзаках они снова поднимались к камням-чешуям.

Бдительные стражи с явным удовольствием

снова скрылись в лесу.

Роберт шел, не глядя под ноги. Он пытался не думать о другом представителе своей расы, идущем рядом. И потому хмурился и холодно прятался за завесой из собственных мыслей.

Глава 59
ФИБЕН

Фибен и Гайлет сидели рядом под немигающими взглядами специалистов губру в масках, которые направляли на двух шимпов свои приборы с бесстрастной аккуратностью экспериментаторов. Со всех сторон на них нацелились шары с многочисленными линзами и плоские экраны. Испытательная станция представляла собой путаницу труб и стерильных блестящих машин.

И все же от этого места разило птицами-чужаками. Фибен сморщил нос и снова запретил себе негативные мысли о губру. Несомненно, среди этих машин есть и пси-детекторы. И хотя он сомневался, чтобы они действительно могли «прочесть его мысли», общее отношение галакты могут определить.

Фибен искал предмет для размышлений. На-

клонился влево и обратился к Гайлет.

— Я разговаривал с Сильвией, перед тем как за нами пришли сегодня утром. Она сказала, что не посещала «Обезьянью гроздь» с того вечера, когда я пришел в Порт-Хелению.

Гайлет посмотрела на Фибена напряженно и неодобрительно.

— Ну и что? Может, сейчас таких игр, как ее стриптиз, больше нет, но губру найдут применение ее разнообразным талантам.

— С тех пор она отказалась делать что-либо подобное, Гайлет. Честно. Не понимаю, почему ты так враждебно к ней настроена.

— А я не понимаю, как ты можешь быть дружески расположен к тюремщику! — выпалила Гайлет. — Она проби и коллаборационист!

Фибен покачал головой.

— На самом деле Сильвия не проби, даже не серая или желтая, она имела зеленую репрокарту. Она присоединилась к ним, потому что...

— Меня не интересуют ее причины! О, представляю, какую печальную историю она тебе поведала, недотепа, хлопая ресницами и размягчая тебя, чтобы...

Из соседней машины послышался низкий атональный голос:

— Молодые разумные неошимпанзе... тише. Тише, юные клиенты...

Гайлет отвернулась, стиснув зубы.

Фибен мигнул. «Хотел бы я лучше понимать ее», — подумал он. Зачастую он не мог предположить, что может вывести Гайлет из себя.

Прежде всего мрачное настроение Гайлет вынудило его разговаривать с Сильвией, просто ради компании. Он хотел объяснить это Гайлет, но решил, что ни к чему хорошему это не приведет. Лучше подождать, пока она сама справится со своими чувствами. Так всегда бывает.

Всего час назад они смеялись, шутили друг с другом, разбирая сложные механические головоломки, забыв на время о немигающих механических взглядах. Закончив и взглянув на сложенную ими башню, они поняли, что удивили наблюдателей. И в этот момент рука Гайлет невинно и дружески проскользнула в его руку.

И все время так. Фибен иногда чувствовал, что этот опыт полезен для него. Впервые в жизни, например, у него нашлось время, чтобы просто посидеть и подумать. Теперь им разрешили книги, и Фибен получил несколько томов, которые давно хотел прочесть. Разговоры с Гайлет приоткрыли перед ним таинственный мир науки о

чужаках. Он, в свою очередь, рассказывал ей о том, какую грандиозную работу начали здесь, на Гарте, осторожно приводя разрушенную экосистему в первоначальное состояние.

Но постоянно возникали длинные мрачные паузы, когда часы тянулись бесконечно. В такие моменты над ними словно нависал полог угрюмости.

Стены, казалось, смыкаются, разговор постоянно возвращался к войне, к воспоминаниям о подавленном восстании и потерянных друзьях и к тоскливым размышлением о судьбе самой Земли.

В такие периоды Фибену казалось, что он готов отдать всякую надежду на долгую жизнь за несколько часов свободы под деревьями и чистым небом.

Так что даже новые тесты губру принесли обоим облегчение.

Без всякого предупреждения машины отъехали, и перед скамьей открылся широкий проход. «Мы закончили, закончили... Вы делали хорошо, хорошо... А теперь идите за шаром, идите за ним к транспорту».

Фибен и Гайлет встали, и перед ними возникла коричневая октаэдральная проекция. Не глядя

друг на друга, они пошли вслед за голограммой, миновали техников-чужаков, вышли из испытательного помещения и пошли по длинному коридору.

Мимо с негромким гулом хорошо отлаженных механизмов скользили служебные роботы. Однажды из двери кабинета выскочил кваку, бросил на них удивленный взгляд и снова исчез за дверью. Наконец Фибен и Гайлет вышли через большой портал на солнечный свет. Фибену пришлось закрыть глаза.

Стоял отличный день, но чувствуется, что короткое лето уже кончается.

Шимпы на улицах за лагерем губру были одеты в легкие свитера — еще один признак близкой осени.

Никто из шимпов не смотрел на них. Расстояние слишком велико, чтобы Фибен смог понять, каково их настроение, или надеяться, что кто-нибудь узнает его или Гайлет.

— Назад поедем в другой машине, — прошептала Гайлет. Она указала на посадочную площадку внизу. Действительно, желто-коричневый военный фургон, который привез их сюда, сменился большой открытой баржей на воздушной подушке. За местом пилота стоял высокий резной

пьедестал. Слуги-кваку держали зонтик, закрывая клюв и гребень хозяина от яркого света Гимельхая.

Крупного губру они узнали. Его густой, слегка блестящий плюмаж казался в большем беспорядке, чем в прошлый раз, в полутемной камере тюрьмы, в которой их содержали. И его оперение сильнее отличалось от оперения обычных функционеров губру. В нескольких местах радужные перья казались изорванными. На птичьем аристократе было полосатое ожерелье.

Сюзерен нетерпеливо расхаживал по насесту.

— Ну, ну, — прошептал Фибен. — Да ведь это наш старый друг, Что-то-о-Хорошем-Домоводстве.

Гайлет фыркнула, удерживаясь от смеха.

— Его зовут сюзерен Праведности, — напомнила она Фибену. — Полосатое ожерелье подтверждает, что он возглавляет касту священников. Помни, что нужно вести себя прилично. Не чешись и смотри, что делаю я.

— Буду повторять каждый ваш шаг, госпожа.

Гайлет не обратила внимания на его сарказм и вслед за ведущей голограммой прошла к ярко окрашенной барже. Фибен шел следом.

Когда они дошли до посадочной площадки,

голограмма исчезла. Кваку, с воротником из перьев ярко-розового цвета, чуть заметно поклонился им.

— Вам оказана честь... великая честь... наш патрон... благородный патрон соизволил показать вам... вам, полусформировавшимся... преимущества вашей судьбы.

Кваку говорил без помощи переводчика. Это само по себе чудо, учитывая его высокоспециализированные органы речи. В сущности, он говорил на англике очень правильно, только немного задыхаясь, отчего речь его казалась нервной и выжидательной.

Вряд ли легко работать на сюзерена Праведности. Фибен повторил поклон Гайлет и молчал, пока она отвечала.

— Внимание твоего хозяина для нас великая честь, высокий патрон из великою клана снизошел до нас, — сказала она медленно, на хорошем галактическом-семь. — Тем не менее мы, во имя своих патронов, сохраняем за собой право не одобрять его действия.

Даже Фибен ахнул. Собравшиеся кваку гневно заворковали, угрожающе распустили перья.

Их гнев прервали три резкие ноты. Передний кваку быстро повернулся и поклонился сюзерену,

который передвинулся на край насеста, ближе к двум шимпам. Раскрыв клюв, губру наклонился, разглядывая Гайлет сначала одним глазом, потом другим. Фибен обнаружил, что с него ручьями льет пот.

Наконец чужак выпрямился и зачирикал на собственном, с богатыми интонациями, варианте галактического-три. Только Фибен заметил, как дрожь облегчения пробежала по напряженной спине Гайлет. Он не понял слов сюзерена, но переводчик тут же произнес:

— Хорошо сказано... хорошо сказано... хорошо для клиентов клана Земли... Идите... идите и увидите... идите и увидите и услышите... вы не сможете не одобрить договор, даже именем своих патронов.

Фибен и Гайлет переглянулись и дружно поклонились.

* * *

Воздух позднего утра был чист, а слабый запах озона, вероятно, не предвещал дождя. Правда, такие древние приметы бесполезны в мире высокой технологии.

Баржа шла на юг мимо закрытых лодочных причалов Порт-Хелении и через залив. Фибен

впервые увидел, как изменилась гавань после прихода чужаков. Прежде всего сократился рыболовный флот. Только один из каждых четырех траулеров не лежал на берегу или в сухом доке. Почти таким же мертвым выглядел главный торговый порт. У причалов стояло несколько заброшенных мореходных судов; ясно, что уже много месяцев они бездействовали. Фибен видел, как медленно причаливает к берегу один из еще работающих рыболовных траулеров: по-видимому, какая-то случайная поломка, а экипаж из шимпов не в силах с ней справиться в море. Плоскодонный корабль поднимался и падал на волнах там, где море встречается с заливом.

Экипаж сражался изо всех сил, потому что проход в залив стал гораздо уже, чем раньше, в мирные дни. Половину протоки закрывал мощный изогнутый утес — кераметаллическая стена крепости чужаков. В легкой дымке то появлялся, то пропадал военный корабль губру. Капли воды конденсировались на его защитных экранах, играли радуги, и туман опускался на барахтающийся траулер, который, наконец, волны вынудили повернуть на север. Баржа сюзерена пролетела над ним; Фибен не видел лиц рыбаков, но заметил, с каким облегчением вздохнули

матросы, когда корабль наконец достиг тихих прибрежных вод.

От мыса Бореалис берег залива идет несколько километров на север, потом поворачивает непосредственно к Порт-Хелении. Этот высокий берег пуст, если не считать нескольких навигационных бакенов. Ветви сосен мягко шелестели на морском ветерке.

Однако на юге, через узкий пролив, все выглядело совершенно по-другому. За стоящим военным кораблем местность преобразована. Лес убрали, изменили очертания утеса. Вдали поднимался столб дыма и виднелось множество машин на воздушной подушке и тяжелых подъемников. Еще южнее, в сторону космопорта, возводились новые купола, как часть оборонительной сети губру; их сооружению пытались помешать партизаны своим неудачным нападением. Но баржа как будто направлялась не туда. Она повернула к новой строительной площадке на узкой холмистой полосе между заливом Аспинал и морем Гилмор.

Фибен понимал, что безнадежно пытаться узнать у хозяев, что там строят. Специалисты и служители кваку вежливы, но вежливость их угрюмая.

Вероятно, они подчинялись приказу. И никакой информации они не давали.

Гайлет подошла к поручню, где стоял Фибен, и взяла его за руку.

— Смотри, — прошептала она испуганно.

Баржа поднялась над холмом, и перед ними открылось удивительное зрелище.

Вершину одного из холмов у самого берега океана выровняли, а у ее основания находилась группа зданий, в которых Фибен узнал протонную энергетическую станцию. Оттуда вверх по склонам холма отходили многочисленные кабели. А на срезанной вершине располагалось полушарие плоскостью вверх; оно сверкало, как мраморная чаша в лучах солнца.

— Что это? Полевой энергетический проектор? Какое-то оружие?

Фибен покачал головой и наконец пожал плечами.

— Понятия не имею. Не похоже на военное сооружение. Но что бы оно ни делало, для этого требуется большая энергия. Ты только посмотри на эту станцию. Гудолл!

На них упала тень — не рваная пушистая прохлада облака, проходящего под солнцем, а резкий холод чего-то прочного и огромного. Фибен

вздрогнул, но не от перепада температур. Они с Гайлет пригнули головы, глядя на гигантский подъемник, проходящий всего в ста метрах над ними. Однако их хозяева-птицеподобные оставались невозмутимы. Сюзерен стоял на насесте, игнорируя гудящие поля, от которых вздрагивали шимпы.

«Они не любят неожиданностей, — подумал Фибен. — Но когда обладают информацией — сильны».

Их корабль начал длинный медленный облет строительной площадки. Фибен думал о назначении перевернутой чаши вверху, когда к нему подошел кваку с розовым воротником и слегка наклонил голову.

— Великий снисходит... оказывает любезность... и предлагает общность... взаимовыгодность... целей.

Сюзерен Праведности гордо восседал на своем насесте на другом конце баржи. Фибен жалел, что не может понять выражения лица губру. «Что у старой птицы на уме?!» — подумал он, но скорее риторически.

Гайлет ответила таким же легким поклоном.

— Пожалуйста, передай своему достопочтенному патрону, что мы покорно выслушаем его

предложение.

* * *

Галактический-три сюзерена звучал протокольно, и одновременно сюзерен исполнял жеманный танец вежливости. Переводчик не помог Фибену понять происходящее. Поэтому Фибен следил скорее за Гайлет, чем за губру, стараясь разобраться.

— ...допустимый пересмотр Ритуала Выбора и советника возвышения... изменения, вносимые в критические периоды ответственными представителями клиентов... должны быть выполнены точно в интересах расы их патронов...

Гайлет казалась потрясенной. Она недоверчиво смотрела на губру. Губы ее сжались в тонкую линию, переплетенные пальцы побелели от напряжения.

Сюзерен прекратил чирикать, переводчик еще некоторое время говорил, затем наступила тишина, слышался только свист ветра и слабое гудение машин баржи.

Гайлет глотнула. Поклонилась. Казалось, ей трудно говорить.

«Ты можешь», — молча подбадривал ее Фибен. Речевой барьер может поразить любого шимпа,

особенно в напряженной ситуации, но Фибен знал, что ничем не должен помогать Гайлет.

Гайлет закашлялась, снова глотнула и сумела произнести.

— Досто... почтенный старший... мы не можем говорить... от лица своих патронов... или даже всех шимпов Гарта. То, что ты предлагаешь...

Сюзерен снова заговорил, как будто она полностью ответила. Или просто считал, что патрон может прервать клиента, в этом нет нарушений этикета.

— Тебе не нужно... не нужно... отвечать немедленно, — произнес переводчик; губру чирикал и раскачивался на насесте. — Думай... соображай... обдумывай... тебе предоставят материалы. Ты получишь преимущество.

Чириканье снова смолкло, переводчик погудел и тоже затих. Сюзерен, по-видимому, отпустил их, просто закрыв глаза.

Словно по невидимому сигналу, пилот баржи повернул и повел корабль в сторону от строительства, к Порт-Хелении. Военный корабль в гавани, огромный и невозмутимый остался позади, в покрове тумана и радуг. Фибен и Гайлет вслед за кваку направились к сидениям в конце баржи.

— Что это все значит? — прошептал Фибен.

— Что за церемонию нам предлагали? Чего ждет от нас проклятая птица?

— Ш-ш-ш! — Гайлет знаком попросила Фибена молчать. — Объясню позже, Фибен. А сейчас дай мне подумать.

Она села в углу, обхватив колени руками, с отсутствующим видом почесала левую ногу. Ее рассеянный взгляд не изменился, когда Фибен сделал жест, словно хотел покопаться в ее шерсти. Она продолжала смотреть за горизонт, словно мысли ее были далеко-далеко.

* * *

В камере они обнаружили много изменений.

— Я думаю, мы выдержали испытание, — сказал Фибен, глядя на преобразившееся помещение.

Цепи убрали сразу же после первого посещения сюзерена, той темной ночью несколько недель назад. Потом солому заменили матрацами, и им позволили получать книги.

Но теперь прежняя обстановка казалась поистине спартанской. Пол накрыли плюшевым ковром, большую часть одной стены покрывала дорогая голографическая шпалера. Появились также удобства в виде кроватей, стульев и стола, и даже музыкальная установка.

— Нас подкупают, — сказал Фибен, перебирая кубы с музыкальными записями. — Черт возьми, у нас есть что-то нужное им. Может, сопротивление не разгромлено. Может, Атаклена и Роберт жалят их, и они хотят, чтобы мы...

— Это не имеет никакого отношения к твоему генералу, Фибен, — еле слышным шепотом отозвалась Гайлет. — Или почти не имеет. Дело гораздо серьезнее. — Лицо ее омрачилось, всю дорогу назад она молчала и нервничала. Иногда Фибену казалось, что он слышит, как вращаются колесики у нее в голове.

Гайлет знаком позвала его к новой голостене. В этот момент она изображала трехмерную сцену из абстрактных форм и рисунков — кажущуюся бесконечной последовательность блестящих кубов, шаров и пирамид, уходящих вдаль. Гайлет села, скрестив ноги, и повозилась с управлением.

— Дорогая установка, — сказала она чуть громче, чем необходимо. — Давай поиграем и посмотрим, что она может делать.

Фибен сел рядом с ней, а эвклидовы фигуры расплылись и исчезли.

Щелкнул контроллер под рукой Гайлет, и неожиданно стена растаяла и появилась новая

картинка — широкий песчаный пляж. Небо, вплоть до низкого серого горизонта, закрывали тучи, грозящие дождем. В двадцати метрах от берега катились волны прибоя, такие натуральные, что ноздри Фибена расширились, пытаясь уловить соленый запах.

Гайлет сосредоточилась на управлении.

— Это, должно быть, общий план, — услышал Фибен ее негромкий голос.

Прекрасная морская сцена исчезла, и на ее месте оказалась сплошная стена листвы. Картина джунглей, такая живая и настоящая, что Фибену захотелось перескочить и скрыться в чаще, если бы здесь имелось средство таинственной «телепортации», о которой любят писать фантасты, а не высококачественное голографическое изображение.

Глядя на пейзаж, выбранный Гайлет, он сразу понял, что это не Гарт.

Перевитый лианами тропический лес полон жизни, шума, дрожи, цвета и разнообразия. Кричали птицы и обезьяны-ревуны.

«Земля», — подумал он. Позволит ли ему галактика когда-нибудь осуществить свою мечту и побывать на родине? Вряд ли, судя по теперешнему состоянию дел.

Слова Гайлет вернули его к действительности.

— Сейчас попробую сделать еще реальнее. — Шум усилился. Их окружили голоса джунглей.

«Зачем она это делает?» — подумал Фибен.

Неожиданно он кое-что заметил. Увеличивая уровень звука, Гайлет одновременно сделала красноречивый жест. Фибен моргнул. Знак на детской речи, язык жестов, которым пользуются детеныши шимпов до четырех лет, когда им становится доступна звуковая речь.

«Взрослые слушают», — предупреждал этот знак.

Звуки джунглей, казалось, заполнили комнату, отражаясь от остальных стен.

— Вот так, — сказала Гайлет негромко. — Сейчас они не смогут нас услышать. Можем поговорить открыто.

— Но... — попытался возразить Фибен и снова увидел жест.

«Взрослые слушают».

Его уважение к Гайлет еще более возросло. Конечно, она знает, что этот простой способ не помешает подслушать каждое их слово. Но губру и их агенты, должно быть считают, что шимпы глупы, и поверят, что могут говорить откровенно. И если они немного подыгрывают противнику...

«Какую сложную сеть мы сплетаем», — подумал Фибен. По-настоящему шпионское приключение. Забавно — по-своему.

Но он также знал, что авантюра эта очень опасна.

— У сюзерена Праведности возникла проблема, — сказала Гайлет вслух.

Ее руки по-прежнему лежали на коленях.

— Он тебе сказал об этом? Но если у губру неприятности, почему...

— Я сказала не «у губру», хотя, вероятно, это тоже справедливо. Я говорю о самом сюзерене Праведности. У него неприятности с другими руководителями. По-видимому, какое-то время тому назад священник допустил ошибку и теперь расплачивается за это.

Фибен поразился тому, что высокомерный повелитель чужаков снизошел до клиентов землян и сообщил такую новость. Эта мысль ему не понравилась.

Вряд ли такую доверительность можно назвать нормальной.

— А в чем заключалась ошибка? — спросил он.

— Ну, во-первых, — ответила Гайлет, почесывая колено, — несколько месяцев назад он настоял на десанте в горы солдат Когтя и ученых.

— Зачем?

Лицо Гайлет приняло нейтральное и строго контролируемое выражение.

— Они искали... гартлингов.

— Что искали? — Фибен замигал и начал хохотать.

Потом смолк, встретив предупреждающий блеск ее глаз. Она отняла руку с колен и подала знак быть осторожнее.

— Гартлингов, — повторила Гайлет.

«Поразительная глупость и сверхъестественный вздор! — подумал Фибен. — Только невежественные шимпы с желтыми картами пугают своих детей сказками о гартлингах». Приятно было думать, что умудренные опытом губру клюнули на такие россказни.

Но Гайлет эта мысль не казалась веселой.

— Ты должен понять, Фибен, как возбудился сюзерен, когда поверил в существование гартлингов. Представь себе, какая удача для клана, получившего права на предразумную расу, пережившую катастрофу буруралли. Самое меньшее из последствий — немедленная передача лицензии на Гарт. Ее отнимут у Земли и передадут губру.

Фибен понял ее мысль.

— Но... но почему он подумал, будто...

— Кажется, это дело рук посла тимбрими Утакалтинга, Фибен. Помнишь тот день, когда взорвался архив? Когда ты пытался вскрыть дипломатический сейф тимбрими?

Фибен раскрыл рот и снова закрыл. Он пытался думать. Что за игру начала Гайлет?

Очевидно, сюзерен Праведности знает, что именно Фибен — тот самый шимп, которого видели в дыму и запахе жареных губру в день взрыва бывшего посольства тимбрими. Знает, что именно Фибен играл в рискованную игру со стражем сейфа, что он потом сбежал по склону утеса под самыми клювами солдат Когтя.

Знает, потому что ему сказала Гайлет? Но в таком случае рассказала ли она о тайном послании, которое нашел Фибен в нише сейфа и отнес Атаклене?

Он не может ее об этом спрашивать. Предупреждающий взгляд заставлял его молчать. «Надеюсь, она знает, что делает», — искренне взмолился он.

Фибен чувствовал, как взмокли ладони, покрылся испариной лоб.

— Продолжай, — обронил он.

— Твое появление уничтожило иммунитет сей-

фа и позволило губру заглянуть в него, вскрыть сейф. И тут они решили, что им повезло. Саморазрушающиеся системы сейфа частично отказали. И в сейфе нашли доказательства того, что посол тимбрими самостоятельно расследовал дело о гартлингах.

— Утакалтинг? Но... — И тут до Фибена дошло. Он смотрел на Гайлет, вытаращив глаза, потом согнулся и закашлялся, пытаясь подавить хохот. Краткий речевой барьер оказался настоящим благословением: Гайлет не пришлось утихомиривать его. Он кашлял и бил себя в грудь. — Прошу прощения, — выговорил он наконец с трудом.

— Теперь губру считают это искусным розыгрышем, — продолжала Гайлет.

«Без шуток», — молча подумал Фибен.

— Вдобавок к фальсификации Утакалтинг изъял из местной Библиотеки все файлы, связанные с возвышением, чтобы сюзерену показалось, что что-то скрывают. Губру дорого обошлась эта шутка Утакалтинга. Например, сюда привезли планетарную Библиотеку исследовательского класса. И они потеряли в горах немало ученых и солдат, прежде чем разобрались.

— Потеряли? — Фибен наклонился вперед. — Как потеряли?

— Шимпы-партизаны, — сжато ответила Гайлет, и снова бросила предупреждающий взгляд. «Послушай, Гайлет, — подумал Фибен. — Я ведь не дурак». Он прекрасно понимал, что нельзя говорить о Роберте и Атаклене. Он даже подумать о них боялся.

Но сдержать улыбку не смог. Вот почему кваку были так вежливы! Если шимпы ведут войну, и ведут по правилам, с ними в таком случае следует обращаться с минимальным, но уважением.

— Шимпы горных областей пережили тот первый день! Они ужалили захватчиков и продолжают жалить их! — Это он может себе позволить. Будет лишь правдоподобнее.

Гайлет напряженно улыбнулась. Эта новость, видимо, вызывала у нее противоположные чувства. Ведь ее часть восстания закончилась менее успешно.

«Итак, — подумал Фибен, — хитроумный розыгрыш Утакалтинга убедил губру, что есть на этой планете что-то не менее важное, чем колония, взятая в заложники. Гартлинги! Только представить себе! Они отправились в горы на поиски мифа. А генерал нашла способ нанести им ущерб, как только они оказались в пределах досягаемости. Как я жалею, что плохо думал о ее старике!

Какая блестящая шутка, Утакалтинг! Но теперь захватчики разобрались. Интересно, а что если...» Фибен заметил, что Гайлет пристально наблюдает за ним, словно читает его мысли. И понял по крайней мере одну причину, почему она не может быть откровенной с ним.

«Нам предстоит принять решение, — осознал он. — Надо ли пытаться обмануть губру?!»

Они с Гайлет могут попытаться еще какое-то время поддерживать розыгрыш Утакалтинга. Могут убедить сюзерена еще раз попытаться отыскать мифических гартлингов. Это стоило бы усилий и привлекло еще одну группу губру в горы, в руки партизан.

Но в состоянии ли они с Гайлет поддерживать этот миф? Хватит ли у них ума? И как это сделать? Он представил себе: «Да, масса, гартлинги все-таки существуют, да, хозяин. Ты можешь поверить братцу-шимпу, да, сэр».

Или можно попробовать противоположный подход. «О, брось меня в этот колючий куст...»

Ни тот, ни другой способ, разумеется, никак не напоминает подход Утакалтинга. Хитрый тимбрими играл тонко, по-змеиному. Фибен не мог и помышлять об игре на таком уровне.

И вообще, если губру поймают их на лжи, Фи-

бен и Гайлет утратят тот особый статус, который сегодня предложил им сюзерен. Фибен понятия не имел, чего хочет от них чужак, но это давало возможность узнать, что сооружают захватчики на морском берегу. А эта информация, возможно, очень ценная.

Нет, рисковать не стоит, заключил Фибен.

Теперь перед ним возникла новая проблема: как передать эти мысли Гайлет.

— Даже самая мудрая раса разумных имеет право на ошибку, — сказал он медленно, тщательно произнося каждое слово. — Особенно на чужой планете. — Делая вид, что ловит блоху, он сделал жест детского ручного языка: «Игра закончена?»

Очевидно, Гайлет была согласна с ним. Она решительно кивнула.

— Они поняли свою ошибку. И уверены, что гартлинги — это миф. Губру убеждены, что это ловушка тимбрими. Я поняла, что другие два сюзерена, те, что делят власть с верховным священником, не допустят больше бессмысленных походов в горы, где их могут подстрелить герильяс[18].

Фибен вздернул голову, сердце его заколо-

---

[18] notes: 18
Название партизан в Испании и Латинской Америке.

тилось. Но он тут же понял, что имела в виду Гайлет... Омонимы — один из многочисленных недостатков, унаследованных англиком от старого английского, японского и китайского языков. Галактические языки тщательно продуманы и организованы так, чтобы передавать максимум информации и устранить любую двусмысленность. А языки волчат развивались естественно, в них множество слов, которые звучат одинаково, но имеют разное значение.

Фибен обнаружил, что сжимает кулаки, и попытался расслабиться.

«Герильяс, а не гориллы. Она не знает о тайном проекте возвышения, который осуществлялся в горах, — уверял себя Фибен. — И не представляет себе, как многозначно звучат ее слова».

Однако это еще один повод раз и навсегда покончить с «шуткой» Утакалтинга. Тимбрими знал о существовании Хаулеттс-Центра не больше своей дочери; догадываясь о тайной работе, которая там ведется, он, несомненно, придумал бы другой розыгрыш. Не стал бы посылать губру в эти самые горы.

«Губру не должны возвращаться в Мулун, — понял Фибен. — Чистая удача, что они до сих пор не обнаружили рилл».

— Глупые птицы, — сказал он, подхватывая игру Гайлет. — Только представить себе: поверили в сказку тупых волчат. А кого они будут искать после гартлингов? Пана?

Выражение лица Гайлет стало нарочито неодобрительным.

— Повежливее, Фибен. — Но за этим выговором он почувствовал одобрение. Может быть, по разным причинам, но они пришли к соглашению.

Шутка Утакалтинга кончилась.

— Теперь они нацелились на нас, Фибен.

Фибен мигнул.

— На нас?

Она кивнула.

— Я полагаю, война для губру развивается не очень успешно. Они определенно не нашли корабль дельфинов, который все разыскивают на другом краю галактики. То, что они захватили Гарт в заложники, не испугало ни Землю, ни тимбрими, только усилило сопротивление и принесло Земле поддержку большинства нейтралов.

Фибен нахмурился. Уже давно он так не философствовал, не думал о положении пяти галактик, о «Стремительном», об осаде Земли. Что Гайлет знает точно, а о чем только догадывается?

Большая черная птица с шумом садилась на

стену рядом с ковром, на котором сидели Фибен и Гайлет. Она сделала шаг вперед и, казалось, принялась разглядывать Фибена вначале одним глазом, затем другим. Тукан напомнил ему сюзерена Праведности. Фибен вздрогнул.

— В любом случае, — продолжала Гайлет, — операция на Гарте отвлекает слишком много сил губру, особенно если мир вернется в галактику и Институт Цивилизованных Войн заставит их всего через несколько десятилетий вернуть планету. Мне кажется, они стараются найти удобный выход из ситуации.

Фибена осенило вдохновение.

— А сооружение на берегу — часть их плана, верно? Плана сюзерена, как вывернуться?

Гайлет поджала губы.

— Красочно сформулировано. Ты понял, что они строят?

Разноцветная птица на ветке резко каркнула и, казалось, принялась смеяться над Фибеном. Но когда он посмотрел в ее сторону, она уже серьезно занялась делом — выстукивала в лесной почве, что бы поклевать. Фибен снова посмотрел на Гайлет.

— Расскажи, — попросил он.

— Я не очень уверена, что точно повторю все,

что сказал сюзерен. Ты помнишь, я очень нервничала. — Она на мгновение закрыла глаза. — Говорит ли тебе о чем-нибудь... гиперпространственный шунт?

Фибен вскочил и попятился. Птица на стене вспорхнула и исчезла. Фибен недоверчиво смотрел на Гайлет.

— Что?.. Но это... это безумие! Строить шунт на поверхности планеты! Это просто не...

Он замолчал, вспомнив огромную мраморную чашу, гигантскую энергетическую станцию. Губы Фибена задрожали, он принялся нетерпеливо похрустывать косточками больших пальцев рук. Таким образом Фибен напоминал себе, что официально он почти равен человеку, что он должен мыслить как человек, сталкиваясь с чем-то невероятным.

— Что... — прошептал он, облизал губы и сосредоточился на словах. — Для чего?

— Я не очень поняла, — ответила Гайлет. Он почти не слышал ее за шумом призрачного леса. Она пальцем начертила на ковре знак, выражающий сомнение. — Я думаю, это сооружение первоначально предназначалось для церемонии по случаю находки гартлингов. Теперь сюзерену нужно как-то оправдать расходы. Вероятно, он

собирается использовать шунт как-то по-другому. Если я правильно поняла предводителя губру, Фибен, он собирается использовать шунт для нас.

Фибен снова сел. Они долго не осмеливались взглянуть друг на друга, застыв от собственного страха и неуверенности. Слышались только звуки джунглей; между деревьев голографического тропического леса собирался туман. Изображение птицы смотрело на них с изображения ветви. Когда призрачный туман сменился дождем, птица расправила свои вымышленные крылья и улетела.

Глава 60
УТАКАЛТИНГ

Теннанинец оказался упрям. Принять его не было возможности.

Каулта можно было счесть стереотипом, карикатурой на его народ — он грубовато-добродушный, открытый, честный до глупости и такой доверчивый, что доводил Утакалтинга до раздражения. Глиф тив'нус не в состоянии выразить замешательство Утакалтинга. За последние несколько дней нечто более ощутимое, нечто острое и язвительное, напоминающее челове-

ческую метафору, стало формироваться в нитях его короны.

Утакалтинг понял, что начинает сердиться.

Чем же можно вызвать подозрения Каулта? Утакалтинг подумал, не стоит ли поговорить во сне, высказать какие-нибудь намеки и признания. Хоть тогда что-нибудь пробьет толстый череп теннанинца? Или нужно отказаться от тонкостей и полностью переписать сценарий: пусть Каулт сам раскрывает нераскрытые страницы!

Утакалтинг знал, что индивидуумы внутри вида могут сильно различаться. А Каулт — аномалия даже среди теннанинцев. Ему никогда не придет в голову шпионить за своим спутником тимбрими. Утакалтинг не мог понять, как Каулт вообще попал в дипломаты.

К счастью, темные стороны характера его народа в нем отразились не сильно. Партия Каулта, по-видимому, не так лицемерна и не так убеждена в собственной непогрешимости, как те, что определяют политику клана. Жаль, потому что одним из последствий планировавшегося розыгрыша Утакалтинга, если он удастся, будет ослабление умеренного крыла.

Достойно сожаления. Но все равно только чудо приведет к власти сторонников Каулта, напом-

нил себе Утакалтинг. Если дела пойдут так и дальше, это спасет его от угрызений совести по поводу последствий розыгрыша. Сейчас он зашел в тупик. До сих пор путешествие приносит только раздражение. Единственное утешение: они все-таки не в концентрационном лагере губру.

Они находились на холмистой равнине, постепенно повышающейся и переходящей в южные склоны Мулунских гор. Бедная по разнообразию видов растительность уступала место менее монотонной — низкорослые деревья и эродированные террасы, чья красноватая и желтоватая почва блестела в утреннем свете, подмигивала, как будто намекая на тайны давно ушедших дней.

Путники все ближе подходили к горам, Утакалтинг продолжал следовать за голубоватым мерцанием, иногда таким слабым, что он едва различал его.

Он точно знал, что Каулт со своим специфическим зрением такой блеск вообще не заметит. Так он спланировал заранее.

Утакалтинг шел впереди и тщательно искал красноречивые намеки. Каждый раз, заметив такой знак, он делал одно и то же: старательно заметал следы, старался невзначай выбросить

каменные орудия, украдкой записывал что-то и тут же прятал записи, когда из-за поворота показывался его спутник.

Любой на его месте уже буквально кипел бы от любопытства. Но, увы, не Каулт.

В это утро настала очередь теннанинца идти впереди. Их путь пролегал мимо болотистой низины, все еще влажной от недавних обильных дождей. И прямо поперек их тропы шла цепочка отпечатков, проложенных не больше нескольких часов назад. Здесь явно проковылял кто-то на двух конечностях, опираясь на третью. Но Каулт равнодушно прошел мимо, втягивая воздух большими дыхательными щелями и гулко замечая, какой хороший и свежий сегодня день!

Утакалтинг утешался тем, что эта часть его плана всегда казалась ему рискованной. Наверно, она обречена на провал.

«Может, я недостаточно умен. А может, и мой народ, и народ Каулта выбрали для этой захолустной планеты самых тупых своих представителей».

Даже среди людей найдутся такие, которые придумали бы что-нибудь получше. Например, один из легендарных агентов земного Совета.

Конечно, никаких агентов или тимбрими, обла-

дающих большим воображением, на Гарте, когда разразился кризис, не оказалось. И Утакалтингу пришлось по своему разумению разрабатывать план.

Он думал о второй половине розыгрыша. Ясно, что губру клюнули на его наживку. Но насколько сильно? Сколько неприятностей он им доставил? Чего это стоило? И — что гораздо важнее с точки зрения галактического дипломата — сумел ли он поставить их в неловкое положение?

Если губру оказались такими же недалекими и неповоротливыми, как Каулт...

«Нет, на губру можно полагаться, — заверил себя Утакалтинг. — Они такие же искусные обманщики и лицемеры». Поэтому ими легче управлять, чем теннанинцами.

Он прикрыл глаза, определяя, насколько поднялось солнце. Становилось тепло. Послышался треск ветвей, сзади на тропе показался Каулт, он напевал походный марш, палкой освобождая себе дорогу. Утакалтинг подумал: «Если официально наши народы воюют друг с другом, почему Каулту невдомек, что я скрытничаю?»

— Хм, — произнес огромный теннанинец, приближаясь. — Коллега, почему мы остановились?

Слова он произнес на англике. Дипломаты

недавно решили каждый день практиковаться в новом языке. Утакалтинг указал на небо.

— Уже почти полдень, Каулт. Гимельхай начинает жечь. Нам нужно найти убежище и уйти с солнца.

Каулт раздул кожистый гребень.

— Уйти с солнца? Но мы не на... Ага! Волчий оборот речи. Очень глубокомысленно, Утакалтинг. Когда Гимельхай достигает зенита, действительно можно представить, что жаришься на его поверхности. Давай искать убежище.

Невдалеке на холме виднелась небольшая роща. На этот раз впереди шел Каулт, размахивая самодельным посохом, чтобы проложить тропинку в высокой траве.

Они уже привыкли к распределению обязанностей. Каулт выполнял тяжелую работу, он углублял нишу до прохладной почвы. А проворные руки Утакалтинга плели защиту от солнца. Потом они ложились на рюкзаки и пережидали полуденную жару.

Пока Утакалтинг дремал, Каулт забавлялся со своим карманным анализатором. Он подбирал ветви, ягоды, комочки земли, растирал их большими сильными пальцами и подносил к прорези прибора, а потом исследовал с помощью других

приборов, взятых с разбитой яхты.

Усердие Каулта особенно раздражало Утакалтинга: теннанинец серьезнейшим образом исследовал местную экосистему и при этом умудрялся не заметить ни одного подтасованного факта. «Может, именно потому, что я их подбрасываю», — размышлял Утакалтинг. Теннанинцы — народ педантичный.

Вероятно, мировоззрение Каулта не дает ему увидеть то, что выбивается из картины мира, которую нарисовали его тщательные исследования.

«Интересная мысль». Корона Утакалтинга создала глиф оценки удивления: он понял, что подход теннанинца, возможно, не так уж неверен и фундаментален, как считал сам Утакалтинг. Он заверял себя, что глупость делает Каулта неуязвимым для обмана, но...

«Но ведь в конце концов все эти следы действительно обман. Мой союзник в кустах специально оставляет следы, чтобы я их „нашел“ и „прятал“. Но Каулт упрямо игнорирует их. Может быть, его взгляд на мир просто вернее моего? Оказывается, его почти невозможно одурачить!» Правда это или нет, но мысль интересная. Сиртуну развевался и пытался подняться над короной, но она

лежала неподвижно, слишком ленивая, чтобы поднять глиф.

В мыслях Утакалтинг представил Атаклену.

Он знал, что его дочь жива. Попытаться узнать больше означало выдать себя пси-установкам врага. Но все-таки что-то в этих следах — на дрожащем уровне нахакиери — говорило Утакалтингу, что он много нового увидел бы в дочери, доведись им снова встретиться в этом мире.

«Но ведь существует предел родительской опеки, — словно говорил ему негромкий голос в полусне, — за которым ребенок сам создает свою судьбу».

«А что же с незнакомцами, которые вошли в ее жизнь?» — спросил Утакалтинг у мерцающей фигуры своей давно умершей жены, образ которой словно повис за его закрытыми глазами.

«Что с ними? Они тоже будут влиять на нее, а она на них. Но наше время подходит к концу!..»

Лицо ее видно так ясно... Это сон, обычный для людей, но которые редко бывают у тимбрими. Сон наяву, и значение его передается словами, а не глифами. От эмоций его пальцы задрожали.

Глаза Матиклуанны разошлись, а ее улыбка напомнила ему тот день в столице, когда впервые соприкоснулись их короны... и он остановился,

ошеломленный, посредине многолюдной улицы. Полуослепший от глифа без названия, он шел по ее следу по переулкам, через мосты, мимо темных кафе, искал ее с растущим отчаянием, пока наконец не нашел. Она ждала его на скамье всего в двенадцати систаарах от того места, где он впервые ощутил ее.

«Понимаешь? — спросила она во сне голосом той далекой девушки. — Мы формируемся, меняемся. Но бывшее в нас постоянным всегда остается».

Утакалтинг пошевелился. Изображение его жены дрогнуло, потом исчезло в волнах света. Глиф сиуллф-та висел на том месте, где только что стояла она. Он означает радость еще не решенной головоломки.

Утакалтинг вздохнул и сел, потирая глаза.

Почему-то он решил, что яркий дневной свет рассеет глиф. Но теперь сиуллф-та оказался не просто сном. Без участия Утакалтинга он медленно поднялся и поплыл к его спутнику, рослому теннанинцу.

Каулт сидел спиной к Утакалтингу, погрузившись в свое занятие, совершенно не замечая, как изменился сиуллф-та и превратился в сиуллф-куонн. Глиф повис над гребнем Каулта, остановился,

опустился и исчез. Утакалтинг удивленно смотрел. Каулт хмыкнул и повернулся. Теннанинец свистел сквозь дыхательные щели, затем отложил приборы и повернулся к Утакалтингу.

— Что-то очень странное творится здесь, коллега. Что-то такое, чего я не могу объяснить.

Утакалтинг, прежде чем ответить, облизнул губы.

— Скажи, что тебя озадачило, уважаемый посол.

Голос Каулта перешел в низкий рокот.

— Какое-то животное... кормилось ягодами недавно. Я уже несколько дней вижу следы его присутствия, Утакалтинг. Большое животное... слишком большое для Гарта.

Утакалтинг все еще думал, что сиуллф-куонн подействовал там, где пропали втуне многие его тонкие намеки.

— Правда? И это важно?

Каулт помолчал, словно не зная, что сказать. Наконец теннанинец вздохнул.

— Мой друг, это чрезвычайно странно. Должен сказать тебе, что не может после катастрофы бурурали существовать такое высокое животное, которое питается в кустах таким необычным способом.

— Что значит необычным?

Гребень Каулта раздувался короткими рывками, обозначая смущение.

— Только не смейтесь, коллега.

— Никогда! — солгал Утакалтинг.

— Я уверен, что у этого существа есть руки.

— Гм... — уклончиво произнес Утакалтинг. Тенанинец заговорил еще тише.

— Здесь какая-то тайна, коллега.

Утакалтинг сдержал корону, лицо его оставалось бесстрастным. Теперь он понял, почему возник сиуллф-куонн — глиф предчувствия удавшегося розыгрыша, который подействовал там, где все остальное оказалось бессильно.

«Шутка обернулась против меня!»

Утакалтинг посмотрел туда, где яркий солнечный свет начинал тускнеть от идущих с гор облаков. Там, в кустах, его союзник неделями оставляет «следы», с того самого времени, как яхта Утакалтинга оказалась именно там, где он хотел, — на краю болотистой местности к юго-востоку от гор. Маленький Джо-Джо, генетический мутант-шимп, который и говорить-то может только жестами, голый, как животное, оставляет загадочные следы, обрабатывает каменные орудия и бросает на их тропе, поддерживает

непрочный контакт с Утакалтингом с помощью синего сторожевого шара.

И все это части плана, который призван неизбежно привести теннанинца к убеждению, что на Гарте существует предразумная туземная жизнь. Но Каулт, казалось, ничего не видит! Ни один из специально созданных ключей!

Но что наконец-то заметил Каулт, так это самого Джо-Джо... последствия того, как кормился маленький шимп!

Утакалтинг понял, что сиуллф-куонн совершенно прав. Шутка над самим собой оказалась очень глубокой.

Ему показалось, что он снова слышит голос Матиклуанны. «Невозможно знать заранее...» — говорила она.

— Поразительно, — сказал Утакалтинг теннанинцу. — Просто поразительно!

Глава 61
АТАКЛЕНА

Иногда ее беспокоило, что она слишком привыкла к изменениям.

Преобразования рецепторов, перемещение жировых тканей, странное, почти человеческое

звучание голоса — она так привыкла ко всему этому, что иногда даже думала, сможет ли вернуться к традиционной тимбримийской морфологии.

Эта мысль пугала Атаклену.

До сих пор были жизненно необходимые причины поддерживать эти человекоподобные особенности. Она командовала армией полувозвышенных клиентов волчат, и тогда требовалось выглядеть женщиной, человеком, чтобы прочнее становилась связь между нею, шимпами и гориллами.

«И Робертом», — напомнила она себе.

Атаклена задумалась. Смогут ли они еще когда-нибудь испытать эту полузапретную сладость межвидового флирта? Сейчас это казалось совершенно невероятным. Их брак свелся к двум подписям на куске древесной коры: просто полезное политическое решение, былого не вернуть.

Она посмотрела вниз и увидела в мутной воде собственное отражение.

— Ни рыба, ни мясо, — прошептала она на англике, не помня, где слышала это выражение, но понимая его метафорический смысл. Если бы ее сейчас увидел юноша-тимбрими, он бы расхохотался. А что касается Роберта... что ж, еще месяц назад она чувствовала, что понимает его. Его

растущее притяжение, свирепый волчий голод — все это нравилось ей и льстило.

«Но сейчас он снова среди своих. А я одна».

Атаклена покачала головой, прогоняя тяжелые мысли.

Она взяла фляжку и разбила свое отражение, вылив в пруд четверть литра светлой жидкости. Со дня поднялась муть, закрывая тонкие нити-корни лиан, висящих над головой.

Это последний из цепи небольших водных бассейнов, в нескольких километрах от пещеры. Работала Атаклена сосредоточенно и делала записи.

Она понимала, что ей не хватает квалификации, она не специалист, и возмещала отсутствие навыков методичностью и аккуратностью. Ее простые опыты уже начали приносить полезные плоды. Если ее помощники вовремя вернутся с данными из соседней долины, у нее будет что показать майору Пратачулторну.

«Я могу казаться странной, но я все-таки тимбрими. Я докажу свою необходимость, хотя землянин и не считает меня бойцом».

Ее сосредоточенность была такой глубокой, а в лесу стояла такая тишина, что неожиданные слова прозвучали громом.

— Так вот ты где, Кленни! А я всюду тебя ищу.

Атаклена повернулась, едва не пролив янтарного цвета жидкость. Лианы вокруг словно превратились в сеть, поймавшую ее. Пульс мгновенно участился, но тут она узнала Роберта. Он смотрел на нее сверху с корня гигантского псевдодуба.

На нем мокасины, мягкая кожаная куртка и чулки. Лук и колчан за спиной делали его похожим на героя одного из рыцарских романов волчат, которые в детстве читала ей мать. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы успокоиться, чем ей хотелось бы.

— Роберт. Ты испугал меня.

Он покраснел.

— Прости. Я не хотел.

Это не совсем так, и она это знает. Пси-щит Роберта стал лучше, чем раньше, и он, по-видимому, гордится тем, что смог подкрасться к ней незаметно. Простой, но четкий вариант кинивуллуна, как эльф, повис над головой Роберта. Если прищуришься, можно подумать, что рядом стоит молодой тимбрими...

Атаклена вздрогнула. Она уже решила, что не может позволить себе такое.

— Спускайся и садись, Роберт. Расскажи, что

ты делал.

Держась за ближайшую лиану, он легко спустился на ковер из листьев и подошел к темной воде, где лежал раскрытый ящик с экспериментальными жидкостями. Сняв лук и стрелы, Роберт сел, скрестив ноги.

— Я пытался быть полезным. — Он пожал плечами. — Пратачулторн закончил выкачивать из меня информацию. Теперь он хочет, чтобы я стал почетным офицером для поддержки морали шимпов. — Он заговорил высоким голосом, подражая южноазиатскому акценту майора. — Мы должны поддерживать боевой дух малышей, Онигл. Пусть чувствуют, что они нужны сопротивлению!

Атаклена кивнула, понимая и невысказанное Робертом. Несмотря на успехи партизан, Пратачулторн невысоко оценивал шимпов. По его мнению, они пригодны только для отвлекающих маневров или как вспомогательные части. И необученного, по-видимому, избалованного сынка планетарного координатора лучше всего использовать для связи с подобными детям клиентами.

— Мне казалось, Пратачулторну понравилась твоя идея использовать разлагающие бактерии

в наших интересах против губру, — сказала Атаклена.

Роберт напрягся. Он подобрал веточку и ловко перекатывал ее с пальца на палец.

— Он нашел эту мысль интересной: кишечные бактерии горилл растворяют броню губру. И позволил участвовать в моем проекте Бенджамину и еще нескольким техникам.

Атаклена попыталась разобраться в противоречивых чувствах Роберта.

— Разве лейтенант Маккью не помогла тебе убедить его?

Роберт отвел глаза при упоминании молодой женщины с Земли. И отгородился щитом, подкрепляя подозрения Атаклены.

— Да, Лидия помогла. Но Пратачулторн сказал, что невозможно доставить нужное количество бактерий к важнейшим установкам губру. Они все равно их обнаружат и нейтрализуют. Мне кажется, Пратачулторн считает это дело второстепенным по отношению к основному плану.

— А ты знаешь, что он задумал?

— Он улыбается и говорит, что собирается окровавить птичьи клювы. Разведка доносит про какие-то сооружения губру к югу от Порт-Хелении, и это хорошая цель. Но в подробности он не

вдается. «Вы ведь понимаете: стратегия и тактика — дело профессионалов». Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о Пратачулторне. Я хочу кое-что показать тебе. — Роберт сбросил рюкзак и достал из него что-то завернутое в ткань. Развернул. — Знакомо?

Вначале Атаклене показалось, что он держит комок ветоши с нитями, свисающими с краев. Посмотрев внимательно, она подумала, что предмет, лежащий на коленях Роберта, похож на какой-то сморщенный гриб. Роберт взялся за самый крупный узел, где сходилось большинство нитей, и потянул за них. Тонкая ткань развернулась на ветру.

— Кажется, я это где-то видела, Роберт. Я бы сказала, что это небольшой парашют, но он явно естественного происхождения... какое-то растение. — Она покачала головой.

— Горячо. Вспомни, что было несколько месяцев назад, Кленни... тот день... я думаю, мы его никогда не забудем.

Слова его были неясны, но мерцание эмпатии помогло оживить ее память.

— Это? — Атаклена потрогала мягкий, почти прозрачный материал. — Это плющ?

— Верно. — Роберт кивнул. — Весной верхние

слои блестящие, упругие и такие прочные, что на них можно ехать, как на санях...

— Если у тебя хорошая координация, — усмехнулась Атаклена.

— Гм, да. Но когда приходит осень, верхний слой вянет, становится таким. — Он помахал похожим на парашют плющом, держа за волокнистые нити, подставил под ветер. — Через несколько недель они будут еще легче.

Атаклена покачала головой.

— Я помню, ты объяснял мне способ размножения, верно?

— Правильно. Мешочки со спорами здесь, — он отвел руку и показал маленькую капсулу в том месте, где встречаются нити. — Ветры поздней осени переносят этот парашют. Небо заполняется ими, и на какое-то время полеты в воздухе становятся опасными. В городе в это время возникают серьезные проблемы.

— К счастью, я думаю, древнее животное, которое опыляло эти плющи, погибло в катастрофе бурурали, и почти все растения стерильны. Иначе половина Синда заросла бы ими. Те, кто ими питался, тоже давно вымерли.

— Поразительно. — Атаклена ощутила дрожь ауры Роберта. — Ты придумал, как использовать

эти штуки, верно?

Он снова сложил переносчик спор.

— Да. Есть идея. Но не думаю, чтобы Пратачулторн меня выслушал. Он уже навесил на меня ярлык — из-за моей матери.

Конечно, Меган Онигл сыграла немалую роль в том, как принял и отверг Роберта офицер морской пехоты. «Как может мать так недооценивать собственного сына?» — удивилась Атаклена. Люди прошли большой путь после темных столетий, но ей все равно жаль к'чу-нон — бедных волчат.

Им еще многое предстоит узнать о самих себе.

— Может быть, тебя Пратачулторн не станет слушать, Роберт. Но он прислушивается к мнению лейтенанта Маккью. Она тебя обязательно выслушает и передаст твою идею майору.

Роберт покачал головой.

— Не знаю.

— Почему нет? — спросила Атаклена. — Ты нравишься этой молодой девушке. Я совершенно уверена, что вижу в ее ауре...

— Не делай этого, Кленни, — выпалил Роберт. — Не надо совать нос в чувства других людей. Это... это не твое дело.

Она опустила голову.

— Наверно, ты прав. Но ты мой муж и друг,

Роберт, и когда ты раздражен и встревожен, это отражается на нас обоих.

— Пожалуй. — Он избегал ее взгляда.

— Тебя сексуально привлекает Лидия Маккью? — спросила Атаклена.

— Не понимаю, почему ты спрашиваешь...

— Потому что я не могу кеннировать тебя, Роберт! — взорвалась раздраженно Атаклена. — Ты больше не открыт для меня. Если ты испытываешь такие эмоции, поделись со мной. Может быть, я сумею тебе помочь.

Он посмотрел на нее, медленно заливаясь краской.

— Помочь мне?

— Конечно. Если ты хочешь эту женщину твоего вида, разве я не должна тебе помочь? Не должна помочь своему мужу стать счастливым?

Роберт только растерянно моргал, но в его прочном щите Атаклена обнаружила щели. Она ощущала, как напрягаются ее щупальца, касаются этих слабых мест, создают новый глиф.

— Ты обвиняешь себя из-за этих новых чувств, Роберт? Считаешь себя неверным мне? — Атаклена рассмеялась. — Но супруги из разных видов имеют право на любовников и любовниц из своего вида. Ты это знаешь! Чего же ты хочешь от

меня, Роберт? У нас определенно не может быть детей. А если бы были, страшно представить, какие бы чудовища получились!

На этот раз Роберт улыбнулся и посмотрел в сторону. В пространстве между ними ее глиф стал отчетливей.

— А что касается заместительного секса, ты знаешь, что я не способна дать тебе что-то, кроме раздражения, ты, сверходаренно-недоразвитый человек-обезьяна! Если ты найдешь кого-то, с кем можешь наслаждаться этим, почему я не должна этому радоваться?

— Все не так просто, Кленни... Я...

Она подняла руку и улыбнулась, заставив его замолчать.

— Я с тобой, Роберт, — негромко сказала она.

Смущение молодого человека смахивало на неопределенный квантовый потенциал, который колеблется между двумя состояниями. Он попытался отвести взгляд и сосредоточиться на своем. Потом вспомнил, чему научился, и раскрылся, позволяя кеннингу воспринять ее глиф, ее дар.

Ла'тстун повис, маня его. Роберт выдохнул и удивленно распахнул глаза, когда его собственная аура раскрылась, помимо его желания. Распустилась, как цветок. И что-то — двойник

ла'тстуна — появилось, резонируя, усиливая его ауру на фоне короны Атаклены.

Два ничего — один человеческий, другой тимбрими — соприкоснулись, игриво отскочили, снова соединились.

— Не бойся потерять то, что у тебя было со мной, Роберт, — прошептала Атаклена. — Разве какая-нибудь возлюбленная-человек сможет проделать такое?

В ответ он улыбнулся. Они вместе рассмеялись, а над их головами плясал двойной ла'тстун — глиф двойной близости.

* * *

Только позже, когда Роберт уже ушел, Атаклена опустила крепкий щит, которым закрыла собственные чувства и разрешила признаться себе, что завидует.

«Он пошел сейчас к ней».

Атаклена знала, что поступила правильно, сделала то, что нужно.

И все же как это несправедливо!

«Я выродок. И была им еще до того, как попала на эту планету. Теперь меня никто не узнает».

Роберт может иметь любовницу, но Атаклена и этим обделена. Она подобным образом утешится

среди сородичей.

«Касаться меня, держать меня, соединить его щупальца с моими, его тело с моим, заставить меня вспыхнуть...»

С некоторым удивлением Атаклена поняла, что впервые испытывает подобные чувства... стремление к мужчине своей расы — не другу, не соученику, а к возлюбленному — может быть, супругу.

Матиклуанна и Утакалтинг говорили ей, что когда-нибудь это произойдет. У каждой девушки своя судьба. Но теперь она испытывала горькое чувство, оно усилило ее одиночество. Отчасти она винила Роберта в том, что его вид так ограничен. Если бы и он мог изменить свое тело и встретиться с ней на полпути!

Но она тимбрими, она «хозяйка приспособляемости». Как далеко зашла она в собственных изменениях, Атаклена поняла, обнаружив влагу на щеках.

Она жалобно вытерла соленые слезы, первые в ее жизни.

Такой и нашли ее помощники, выполнив поручения и вернувшись несколько часов спустя. Она сидела на краю маленького мутного пруда, а осенний ветер раскачивал вершины деревьев и

гнал тяжелые дождевые тучи на восток, к серым горам.

Глава 62
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости тревожился. Все признаки указывали на Слияние, но то, в каком направлении оно развивалось, сюзерену не нравилось.

По другую сторону павильона сюзерен Луча и Когтя расхаживал перед своими помощниками. Он выглядел осанистее и величественнее, чем обычно. Под встрепанным оперением проглядывал красноватый пух командующего армией. Ни для одного присутствующего губру этот цвет не остался незамеченным. Скоро, может быть, через одну двенадцатидневку, процесс этот станет необратимым. У оккупационных сил появится царица.

Прихорашивая свои перья, сюзерен Стоимости и Бережливости думал о несправедливости происходящего. Его перья тоже подсохли, но признаков окончательной расцветки еще не наблюдалось.

Вначале его избрали кандидатом на пост по-

гибшего главного чиновника.

Он мечтал об этом, но не думал, что неожиданно окажется членом уже почти созревшего триумвирата! Остальные его участники уже далеко продвинулись по пути к сексуальности. И он вынужден догонять их.

Поначалу казалось, что это не так уж существенно. Ко всеобщему удивлению, новый сюзерен сразу начал набирать очки. Он показал, что двое других сюзеренов в период междуцарствия сделали массу опрометчивых шагов, и тем самым продвинулся вперед.

Было достигнуто новое равновесие. Защищая свою политическую позицию, адмирал и верховный священник проявили чудеса разума и изобретательности.

Но Слияние определяется правильностью общей политики! И высшая награда достанется тому предводителю, который окажется наиболее мудрым.

Таков истинный путь!

Однако чиновник знал, что многое часто решает случайность, капризы метаболизма.

«Или союз двух против третьего», — напомнил он себе. Сюзерен Стоимости и Бережливости сомневался теперь в мудрости своего последне-

го решения объединиться с адмиралом против Праведности. Тем самым он дал адмиралу почти неоспоримое преимущество.

Но у него не оставалось выбора! Священнику нужно противостоять, потому что сюзерен Праведности, по-видимому, совершенно утратил контроль!

Вначале эта чепуха насчет гартлингов. Если бы предшественник главного чиновника не умер, расточительность, вероятно, не стала бы чрезмерной. А так затратили огромные средства: доставили новую отраслевую планетарную Библиотеку, отправляли экспедиции в опасные горы, строили гиперпространственный шунт к церемонии принятия под опеку — а ведь еще нет того, кого можно принимать!

Возникала также проблема экологического управления. Сюзерен Праведности настаивал, что важно хотя бы на минимальном уровне восстановить экологическую программу землян по обновлению Гарта. Но сюзерен Луча и Когтя категорически отказался выпускать хоть одного человека с островов. И потому с огромными расходами помощь поступила извне. Корабль с садоводами линтенами, сохранившими нейтралитет в нынешнем кризисе, уже на пути к

Гарту. И только Великое Яйцо знает, сколько им придется платить!

Теперь, когда гиперпространственный шунт почти завершен, и сюзерен Праведности, и сюзерен Луча и Когтя признают, что слухи о гартлингах — розыгрыш тимбрими. Но не позволяют прекратить строительство.

Напротив. У каждого из них свои причины желать завершения строительства. Если бы чиновник согласился, возник бы консенсус, шаг вперед к политике, которой ждут Повелители Насестов. Но как можно соглашаться с подобным вздором?

Сюзерен Стоимости и Бережливости раздраженно зачирикал. Сюзерен Праведности опаздывает на очередную встречу. Его стремление к незыблемости моральных устоев, похоже, не доходит до необходимости быть элементарно вежливым.

К этому времени теоретически первоначальное соперничество кандидатов должно смениться взаимным уважением, затем страстью и, наконец, подлинным браком. Но вот они уже на грани Слияния, а по-прежнему исполняют танец взаимного отвращения.

Сюзерену Стоимости и Бережливости не нра-

вилось, как развиваются события, но, по крайней мере, у него будет одно утешение: рано или поздно Праведность сбросят с его надменного насеста.

Приблизился один из помощников главного чиновника, и сюзерен взял протянутую пластинку с сообщением. Поклевав ее содержимое, он задумался.

Снаружи началась суматоха — несомненно, появился третий предводитель. Но сюзерен Стоимости и Бережливости продолжал обдумывать сообщение, полученное от шпионов. «Скоро, да, скоро. Очень скоро мы проникнем в тайный план, план, который не может быть хорошей политикой. И тогда, возможно, увидим изменение, изменение в сексуальности... скоро».

Глава 63
ФИБЕН

Голова у него болела.

Когда он учился в университете, тоже приходилось заниматься сутки напролет. Фибен никогда не считал себя ученым, и экзамены заранее вызывали у него тошноту.

Но существовала и внеурочная деятельность,

поездки домой, каникулы, когда шен освобождался и мог немного позабавиться!

К тому же Фибену нравились его профессора. А от Гайлет Джонс он сейчас просто устал.

— Значит, ты считаешь галактическую социологию скучной и неинтересной? — обвиняюще воскликнула Гайлет, когда он в отвращении отшвырнул книги и отошел в дальний угол комнаты. — Жаль, что наш предмет не экология планеты, — сказала она. — Тогда, наверное, ты оказался бы учителем, а я учеником.

Фибен фыркнул.

— Спасибо за доверие. Я уже думал, что ты вообще все знаешь.

— Это нечестно! — Гайлет отложила тяжелую книгу. — Ты знаешь, что церемония всего через несколько недель. И нас с тобой будут считать представителями всей нашей расы! Разве не нужно постараться получше подготовиться?

— А ты уверена, что представляешь себе, какие знания понадобятся? А если планетарная экология не будет так уж важна?

Гайлет пожала плечами.

— Но она может оказаться важной.

— А может, механика, а может, космическое пилотирование, а может, пивоварение или сек-

суальные наклонности, помилуй меня Гудолл!

— В последнем случае нашей расе повезло, что именно тебя выбрали нашим представителем, верно? — парировала Гайлет. Наступило долгое напряженное молчание. Они сердито смотрели друг на друга. Наконец Гайлет подняла руку.

— Фибен, прости. Я знаю, что тебя это раздражает. Но ведь я тоже случайно попала в такой переплет.

«Да это и неважно, — подумал он. — Ты для него создана. Нет ни одной более рациональной, собранной и хладнокровной в нужные минуты шимми, чем ты».

— А что касается галактической социологии, Фибен, ты знаешь, что она важна по нескольким причинам.

Вот оно опять, это выражение в глазах Гайлет. Фибен понял, что за ее словами кроется что-то еще.

Формально ее слова означают, что представители шимпов должны соблюдать протокол и пройти во время ритуала принятия несколько обязательных тестов, иначе специалисты галактических Институтов объявят церемонию вне закона.

Сюзерен Праведности ясно дал понять, что их

судьба будет незавидной, если так случится.

Но есть и другая причина, почему Гайлет хочет, чтобы он знал как можно больше. «Вскоре мы подойдем к пункту, за которым нет возврата… когда уже не сможем отказаться от сотрудничества с сюзереном. Мы не можем открыто обсуждать это с Гайлет: нас постоянно прослушивают губру. Нам нужно действовать согласованно, а для нее это означает, что я должен быть образован».

Или, может, Гайлет просто не хочет одна нести все бремя ответственности, когда придет срок?

Несомненно, теперь Фибен знает о галактической цивилизации гораздо больше, чем до плена. Может быть, даже больше, чем когда-либо хотелось.

Сложная культура трех миллиардов лет, состоящая из тысяч различных пререкающихся кланов, удерживаемых сетью древних институтов и традиций, кружила Фибену голову. И временами у него появлялось отвращение: ощущение, что галакты — это избалованные ублюдки, сочетающие в себе худшие качества старых наций Земли до того, как человечество достигло зрелости.

Но потом материалы кристаллизуются, укладываются, и Гайлет ясно показывает ему, что данная традиция или принцип невероятно тонки

и содержат в себе с таким трудом обретенную за сотни миллионов лет мудрость.

Они уже доработались до такой степени, что Фибен не мог больше думать.

— Мне нужно проветриться, — сказал он. — Пойду пройдусь. — Он подошел к шкафу и схватил парку. — Увидимся через час.

Он постучал в дверь. Ее открыли. Фибен вышел и закрыл за собой дверь, не оглянувшись.

— Нужен эскорт, Фибен?

Шимми Сильвия в простом платье с длинными рукавами взяла куб с данными и внесла какое-то изменение. Глядя на нее сейчас, трудно представить, что это она танцевала в «Обезьяньей грозди», доводя до безумия толпу шенов. Улыбка у нее неуверенная, почти робкая. Фибену показалось, что сегодня она непривычно нервничает.

— А если я скажу нет? — спросил он. Но прежде чем Сильвия встревожилась, улыбнулся. — Шутка. Конечно, Сильвия. Дай мне Ровера-двенадцать. Это дружелюбный старый шар, он не очень пугает туземцев.

— Сторожевой робот РВЖ-12. Направляется для сопровождения Фибена Болджера, выходящего наружу, — сказала Сильвия в куб. В коридоре за ней раскрылась дверь, и оттуда вылетел сторо-

жевой шар-робот, дистанционно управляемый, простой вариант боевого робота. Его единственное назначение — следовать за пленником и следить, чтобы он не убежал.

— Приятно пройтись, Фибен.

Он подмигнул Сильвии и картаво произнес: «А какой еще может быть прогулка пленника, девушка?»

«Последней, — сам себе ответил Фибен. — Той, что ведет к виселице».

Он весело помахал рукой.

— Пошли, Ровер. — Дверь с шипением раскрылась, и он вышел в прохладный осенний день.

Многое изменилось со времени их пленения. Когда они с Гайлет стали неотъемлемой частью непостижимого плана сюзерена Праведности, условия их содержания изменились в лучшую сторону. «Я по-прежнему ненавижу это место», — думал Фибен, спускаясь по бетонным ступеням и идя по заросшему саду к внешним воротам. На высоких стенах по углам медленно поворачивались сложные роботы-наблюдатели. У выхода Фибен столкнулся со стражниками-шимпами.

К счастью, Железной Хватки не было, но остальные проби настроены не дружелюбнее. Хотя губру по-прежнему платят им, по-видимому,

новые хозяева к ним охладели. Не внесены изменения в программу возвышения на Гарте, ничего нового в генетической пирамиде. «Сюзерены пытались найти ошибки в программе возвышения неошимпанзе, — думал Фибен. — Но не нашли. Иначе зачем им готовить синюю и белую карту — меня и Гайлет, — к церемонии?» В сущности, использование проби в качестве пятой колонны принесло губру одни неприятности. Население из шимпов их возненавидело.

Ни одним словом не обменялись Фибен и стражи в пестрых комбинезонах.

Все хорошо понимали ритуал. Он не обращал на них внимания, они бездельничали, лишь бы не давать ему повода пожаловаться. Однажды, когда тюремщики слишком долго доставали ключи, Фибен просто повернулся и ушел назад. Ему даже ничего не пришлось говорить Сильвии. После вахты эти стражники исчезли, и Фибен их больше никогда не видел.

Но на этот раз Фибен неожиданно для самого себя нарушил традицию и заговорил.

— Прекрасная погода, верно?

Проби повыше ростом удивленно посмотрел на него. Что-то в этом шимпе в пестром комбинезоне показалось Фибену странно знакомым, хотя

он готов дать голову на отсечение, что никогда раньше его не видел.

— Шутишь? — Стражник посмотрел на темные дождевые облака. Надвигается холодный фронт; должно быть, скоро пойдет дождь.

— Да, — Фибен улыбнулся. — Шучу. По-моему, слишком солнечно.

Стражник искоса взглянул на Фибена и отступил. Ворота заскрипели, и Фибен оказался на боковой улице, на которую выходили глухие стены соседних зданий. Ни он, ни Гайлет ни разу не видели соседей. Вероятно, местные шимпы опасаются показываться из-за Железной Хватки и роботов чужаков. Насвистывая, Фибен пошел к заливу, стараясь не обращать внимания на шар, который висел в метре над ним и чуть сзади. Когда Фибену впервые разрешили выйти, он избегал населенных районов Порт-Хелении, держался переулков, где некому глазеть на него. Но теперь он чувствовал, что может не избегать встреч.

Раньше он видел, как других шимпов сопровождают сторожевые шары.

Вначале он подумал, что это пленники, как он сам. Шимпы и шимми в рабочей одежде старались обходить подальше охраняемых шимпов, как и его самого.

Потом он заметил отличия. Те, кого сопровождали шары, одевались прилично и держались надменно. Фасеточные глаза и оружие их шаров нацеливались не на охраняемых пленников, а наружу. Квислинги, понял Фибен.

И его радовали взгляды, какими награждали другие шимпы высокопоставленных коллаборационистов, — взгляды, полные мрачной нескрываемой ненависти.

После этого у себя в камере он начертил на спине своей парки гордое слово ПЛЕННИК. И теперь его сопровождали не такие холодные взгляды. В них сквозило любопытство и даже уважение.

Шар запрограммирован не допускать его разговоров с другими шимпами.

Однажды, когда шимми бросила ему скомканный листок бумаги, он решил проверить терпимость машины. Нагнулся, чтобы поднять листок...

И очнулся позже в объятиях шара на полпути к тюрьме. После этого ему несколько дней не разрешали выходить.

Неважно, дело того стоило. Слухи об этом распространились. Теперь шимпы и шимми кивали ему, когда он проходил мимо магазинов и пи-

щевых линий. Некоторые даже делали руками подбадривающие знаки.

«Они нас не согнули», — гордо думал Фибен. Несколько предателей не в счет, главное — поведение всего народа. Фибен вспомнил, что читал о самых ужасных годах в жизни человечества до Контакта. Жители маленькой страны Дании сопротивлялись всем попыткам нацистов обесчеловечить их. Напротив, они проявили удивительное единство и благородство. Такому поведению стоило подражать.

— Мы продержимся, — отвечал он на языке жестов. — Земля помнит о нас и придет на выручку.

Он цеплялся за эту надежду, хотя делать это становилось все труднее.

По мере того, как он узнавал от Гайлет тонкости галактического закона, Фибен начинал понимать, что даже если во всем спиральном рукаве наступит мир, этого недостаточно, чтобы изгнать захватчиков. Такой древний клан, как губру, знает множество хитростей, много способов лишить клан помоложе лицензии на Гарт. Очевидно, птицеподобные стремятся покончить с притязаниями Земли и завладеть планетой в собственность.

Фибен знал, что сюзерен Праведности напрасно искал промаха людей в восстановлении экологии Гарта. Теперь, когда захватчики уничтожили плоды десятилетий напряженной работы, они не могут поднимать эту тему.

Сюзерен провел также месяцы в поисках неуловимых гартлингов. Если бы загадочные предразумные были найдены, это оправдало бы любые затраченные здесь средства. Наконец губру разобрались в розыгрыше Утакалтинга, но поиски не прекратили.

В целом, с самого начала вторжения губру пытались найти изъяны в возвышении неошимпанзе. И хотя они признали высокий статус таких шимпов, как Гайлет, это не означало, что они сдались.

Предстояла церемония принятия — и Фибен никак не мог уловить всего, что с ней связано, хотя Гайлет старалась объяснить ему.

Он почти не замечал шимпов на улицах, вспоминая отрывки из объяснений Гайлет.

— ...расы клиентов проходят через стадии, и переход на каждую новую стадию сопровождается церемониями, санкционированными галактическим Институтом возвышения... Эти церемонии очень дороги, и им можно помешать

политическими маневрами... Для губру оплатить и провести церемонию клиентов волчат беспрецедентно... И сюзерен предлагает убедить весь свой народ вести новую политику и прекратить вражду с Землей...

— Конечно, это подвох...

Фибен и так мог понять, что подвох будет обязательно.

Он покачал головой, словно прогоняя все эти слова. Что-то в Гайлет есть неестественное. С возвышением все хорошо, и она безупречный представитель возникающего неошимпанзейства, но ненормально так много и постоянно думать, не давая голове никакой передышки!

Наконец Фибен пришел на берег, где лежали лодки, вытащенные на случай шторма. С криками ныряли морские птицы, пытаясь выловить последнюю добычу, пока вода не стала неспокойной. Одна из них подлетела слишком близко к Фибену и получила предупредительный удар сторожевого робота. Птица, в биологическом смысле не ближе к птицеподобным губру, чем сам Фибен, в страхе и гневе закричала и улетела на запад.

Фибен нашел сиденье на конце пирса. Достал из кармана половину сандвича, который спрятал сегодня утром, и стал неторопливо жевать, глядя

на облака и воду. На короткий срок он сумел перестать думать и тревожиться. И ни слова не оставалось в голове.

Теперь все, что ему нужно для счастья, это банан, пиво — и свобода.

* * *

Примерно час спустя Ровер настойчиво загудел. Сторожевой робот разместился между Фибеном и водой и начал подскакивать.

Фибен со вздохом встал и отряхнулся. Пошел вдоль причала в сторону тюрьмы. На пронизываемых ветром улицах оставалось очень немного шимпов. Стражник со странно знакомым лицом нахмурился, когда Фибен подошел к воротам, но без промедления впустил его. «В тюрьму всегда легче войти, чем выйти из нее», — подумал Фибен.

Сильвия по-прежнему дежурила за своим столом.

— Хорошо прогулялся, Фибен?

— Гм. Тебе как-нибудь нужно пойти со мной. Мы заглянули бы в парк, и я показал бы тебе свою имитацию Читы. — И он дружески подмигнул ей.

— Я уже видела, и, когда вспоминаю, на меня

это производит сильное впечатление. — Но тон Сильвии не соответствовал игривой болтовне. Она казалась напряженной. — Заходи, Фибен. Я отключила Ровера.

— Хорошо. — Дверь с шипением открылась. — Спокойной ночи, Сильвия.

Гайлет сидела на ковре перед голографической стеной — теперь на ней жаркая саванна. Гайлет оторвалась от книги и сняла очки для чтения.

— Привет. Чувствуешь себя лучше?

— Да. — Он кивнул. — Прости за утреннюю сцену. Наверно, у меня был приступ комнатной лихорадки. Теперь я успокоился и могу продолжать работу.

— На сегодня достаточно. — Она похлопала по ковру. — Садись и почеши мне спину. А я отвечу взаимностью.

Фибена не нужно просить дважды. Надо отдать должное Гайлет: она отлично расчесывает. Он снял парку и сел рядом с Гайлет. И когда начал перебирать шерсть, она положила руку ему на колени. Скоро ее глаза закрылись. Дыхание вырывалось негромкими низкими вздохами.

Их взаимоотношения с Гайлет трудно поддаются определению. Они не любовники. Для большинства шимми это единственно возможные и

нормальные отношения, особенно в определенные периоды. Но Гайлет очень ясно дала понять, что у нее особое представление о сексуальности, больше похожее на человеческое, женское. Фибен понимал это и не приставал к ней.

Беда только в том, что он никак не мог выбросить ее из головы.

Он напоминал себе, что нельзя смешивать сексуальное влечение с другими вещами. «Я могу быть одержим ею, но я не спятил». Занятия любовью с этой шимми потребовали бы такого уровня, до которого он, пожалуй, еще не дорос.

Перебирая шерсть на шее Гайлет, он встретился с узелками напряжения.

— Эй, ты действительно напряжена! В чем дело? Эти проклятые гу...

Ее пальцы больно впились ему в колено, хотя Гайлет не шевельнулась.

Фибен соображал быстро и тут же продолжил:

— ...гуси-охранники приставали к тебе? Проби возбудились?

— А если да? Что бы ты сделал? Защищал бы мою честь? — Она рассмеялась. Но он чувствовал ее облегчение, разлившееся по телу. Что-то случилось, он никогда не видел Гайлет такой возбужденной.

Почесывая ей спину, он наткнулся на какой-то предмет... круглый, тонкий, похожий на диск.

— Мне кажется, там волосы запутались, — быстро сказала Гайлет, когда он начал его выпутывать. — Осторожней, Фибен.

— Хорошо. — Он наклонился. — Ты права, узел в волосах. Сейчас распутаю его зубами.

Ее спина дрожала. Приблизив лицо, он ощутил ее запах. «Как я и думал! Капсула для посланий!» Когда его глаз приблизился к капсуле, загорелся маленький голографический проектор. Луч вошел в зрачок и автоматически настроился на его сетчатку.

Он увидел текст в несколько строк. Но то, что он прочел, заставило его удивленно заморгать: документ был написан от его имени.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО Я СОБЕРАЮСЬ ДЕЛАТЬ. ЗАПИСАНО ЛЕЙТЕНАНТОМ ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, НЕОШИМПАНЗЕ.

ХОТЯ ВОВРЕМЯ ПЛЕНА СО МНОЙ ХОРОШО ОБРАЩАЛИСЬ И Я ЦЕНЮ ОТНОШЕНИЕ, КОТОРОЕ БЫЛО КО МНЕ ПРОЯВЛЕНО, БОЮСЬ, МНЕ ПРИДЕТЬСЯ УХОДИТЬ ОТСЮДА.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ИДЕТ ВОЙНА, И МОЙ ДОЛГ БЕЖАТЬ, ЕСЛИ Я СМОГУ.

МОЙ ПОБЕГ НЕОЗНАЧАЕТ НИ КАКОГО

ОСКОРБЛЕНИЯ ДЛЯ СЮЗЕРЕНА ПРАВЕДНОСТИ И ДЛЯ ВСЕГО КЛАНА ГУБРУ. ПРОСТО Я СОХРОНЯЮ ВЕРНОСТЬ ЛЮДЯМ И СВОЕМУ КЛАНУ.

ЭТИМ ОБЪЕСНЯЕТСЯ ТО, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ СДЕЛАТЬ.

Пространство под текстом красновато пульсировало, словно в ожидании.

Фибен мигнул. Он чуть отодвинулся, и сообщение исчезло.

Конечно, он знает о таких записях. Ему нужно только смотреть на красный участок и напряженно думать, и диск запишет его послание вместе с рисунком сетчатки. Равнозначно его личной подписи.

«Бегство! — Эта мысль заставила сердце Фибена биться чаще. — Но... как?»

Он, конечно, заметил, что в документе упоминается только его имя.

Если бы Гайлет намеревалась бежать с ним, она бы упомянула и себя.

И даже если это возможно, правильно ли он поступит? Он избран сюзереном Праведности партнером Гайлет в деле, может быть, самом сложном и опасном в истории их расы. Как может Фибен в такое время покинуть ее?

Он приблизил глаз и снова прочел текст, на-

пряженно размышляя.

Когда Гайлет смогла написать это? У нее есть связь с сопротивлением?

К тому же что-то в тексте показалось Фибену неправильным. Дело не только в орфографических ошибках. Фибен, бросив один взгляд, заметил, что текст нуждается в добавлениях и переработке.

Конечно. Написал кто-то другой, не Гайлет, а она просто передает ему, чтобы он прочел!

— Сюда заходила Сильвия, — сказала Гайлет. — Мы расчесывали друг друга. У нее неприятности с таким же узлом.

Сильвия! Вот как. Теперь неудивительно, почему она так нервничала.

Фибен пытался разгадать головоломку. Должно быть, диск прикрепила к Гайлет Сильвия... Нет, она принесла диск в своей шерсти, дала прочесть Гайлет и оставила с ее разрешения.

— Может, я ошибалась насчет Сильвии, — заметила Гайлет. — Мне показалось, что, в конце концов, она хорошая шимми. Не уверена, насколько можно на нее полагаться, но в основном она хорошая.

Что сообщает ему Гайлет? Что идея насчет Сильвии принадлежит не ей?

Гайлет, должно быть, обдумывала и другие предложения шимми; она не может говорить вслух. Даже посоветовать, во всяком случае открыто.

— Тугой узел, — сказал Фибен, оставив клочок влажной шерсти и откидываясь. — Через минуту попробую снова.

— Хорошо, не торопись. Уверена, ты справишься.

Фибен принялся расчесывать другое место, возле ее правого плеча, но в мыслях витал далеко.

«Давай, думай», — подгонял он себя.

Но все так неясно! Должно быть, оборудование сюзерена Праведности вышло из строя, когда Фибена выбирали образцом «продвинутого» неошимпанзе.

В данный момент Фибен чувствовал себя кем угодно, но не разумным существом.

«Ну, ладно, — сосредоточился он. — Итак, мне предлагают побег. Прежде всего, возможно ли это?»

Во-первых, Сильвия может быть провокатором, а ее предложение — ловушкой.

Но это не имеет никакого смысла! Фибен никогда не давал слова, не обещал не убегать, если представится возможность. Наоборот. Его долг

как офицера — бежать, особенно если он может это сделать вежливо, соблюдая традиции и протоколы поведения галактов. В сущности, принятие предложения должно рассматриваться как правильное решение. Если это еще один тест губру, он должен сказать «да». Такой ответ удовлетворил бы непостижимых ити... показал бы им, что он понимает обязанности клиента.

Но предложение может оказаться реальным. Фибен вспомнил поведение Сильвии. В последние несколько недель она выглядела очень дружелюбной. Невозможно поверить, что это просто игра.

«Хорошо. Но если это так, как она собирается вытащить меня отсюда?» Есть только один способ узнать — спросить ее. Любой побег связан с обманом следящих систем. Возможно, есть способ сделать это, но Сильвия сможет им воспользоваться только один раз. Как только он и Гайлет начнут задавать вопросы вслух, решение уже должно быть принято.

«На самом деле я решаю, стоит ли говорить Сильвии: „Хорошо, давай выслушаем твой план“. Если я скажу „да“, нужно приготовиться. Но куда уходить?»

Конечно, на это есть только один ответ. В горы,

к Атаклене и Роберту, докладывать все, что он узнал. Значит, придется выбираться не только из тюрьмы, но и из Порт-Хелении.

— У соро есть предание, — негромко сказала Гайлет. Глаза ее оставались закрытыми, она как будто совершенно расслабилась, пока он расчесывал ей плечо. — В нем рассказывается о некоем воине-паха. Это случилось, когда еще не закончилось возвышение паха. Хочешь послушать?

Фибен удивленно кивнул.

— Конечно, Гайлет.

— Хорошо. Ты ведь слышал о паха. Они хорошие воины и верные клиенты соро. Они успешно проходили тесты, которые предлагает Институт возвышения. И вот однажды соро решили возложить на них некую ответственность: послать группу паха охранять посольство соро в Семь Вращающихся Кланов.

— А, это цивилизация машин, верно?

— Да. Но они не преступники. Одна из культур машин, которая присоединилась к галактическому сообществу в качестве почетного члена. Обычно они стараются держаться подальше, живут в спиралях и рукавах с высокой плотностью, где не могут жить ни кислородо—, ни водорододышащие существа.

«К чему она клонит?» — думал Фибен.

— Ну вот, посол соро вел переговоры с Семью Вращающимися, а в это время разведчик-паха заметил что-то на краю местной системы и отправился посмотреть. И так уж случилось, что он увидел торговый корабль Семи Вращающихся, на который напали бродячие машины.

— Спятившие? Межпланетные пираты?

Гайлет содрогнулась.

— Ты начитался фантастики, Фибен. Нет, просто преступники-роботы в поисках добычи. Наш паха не получил ответа на свой запрос об инструкциях и решил проявить инициативу — вмешался в схватку, сверкая лазерами.

— Попробую догадаться. Он спас торговый корабль.

Она кивнула.

— Бродяги убежали. Семь Вращающихся были благодарны ему. И в качестве награды спорный вопрос выиграли соро.

— Так он герой.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Его отправили домой, обесчестив за то, что он действовал по собственной инициативе.

— Сумасшедшие ити, — сказал Фибен.

— Нет, Фибен. — Она коснулась его колена.

— Это очень важно. Инициатива новой расы клиентов — это хорошо, но не во время деликатных переговоров на уровне галактов. Ты ведь не станешь доверять умному ребенку атомную энергетическую установку?

Фибен понял, к чему ведет Гайлет. Им предлагают сделку, которая кажется очень хорошей для Земли — внешне по крайней мере. Сюзерен Праведности предлагает финансировать церемонию принятия неошимпанзе. Губру не будут возражать против статуса патронов у людей и прекратят свою вражду с Землей. А в обмен он хочет, чтобы при помощи гиперпространственного шунта Фибен и Гайлет рассказали всем пяти галактикам, какие губру хорошие. Как будто действия губру направлены на спасение своего престижа, а для Земли это большая победа.

Но имеют ли они с Гайлет право принимать такое решение, думал Фибен. Ситуация чревата последствиями, которые они и представить себе не в состоянии. Потенциально смертоносными последствиями!

Сюзерен Праведности сказал им, что есть причины, по которым им нельзя проконсультироваться у предводителей людей. Его соперничество с другими сюзеренами достигает высшей

точки, и остальные могут не согласиться с тем, что придется раскрыть карты. Сюзерену Праведности нужен сюрприз, чтобы переиграть своих соперников и представить fait accompli[19].

Что-то здесь насторожило Фибена. Но чужаки и есть чужаки по определению. Он не может представить себе, чтобы человеческое общество было организовано так же.

Итак, Гайлет говорит ему, что они не должны участвовать в церемонии? Отлично! Что касается самого Фибена, она может решать. Им ведь нужно только отказать... вежливо, конечно.

Гайлет сказала:

— История на этом не заканчивается.

— Есть продолжение?

— О, да. Через несколько лет Семь Вращающихся представили доказательства, что воин-паха предпринял все возможное, чтобы связаться со своими патронами и получить инструкции, но состояние подпространства не позволило это сделать.

— И что же?

— Но для соро в этом крылась огромная разница! В первом случае он брал на себя ответ-

---

[19] notes: 19
Свершившийся факт (фр.)

ственность, к которой не готов. Во втором — он просто старался сделать как лучше! Разведчика посмертно оправдали, а его потомки получили права продвинутых в возвышении.

Повисло тяжелое молчание. Фибен напряженно думал. Неожиданно все для него стало ясно.

«Надо постараться. Вот что она имеет в виду. Непростительно соглашаться с сюзереном, не попытавшись посоветоваться с нашими патронами. Я могу потерпеть неудачу, вероятно, так и будет, но все равно я должен попытаться».

— Давай-ка еще раз посмотрим на этот узел. — Он наклонился и приблизил глаз к капсуле с посланием. Снова появились строки текста и пульсирующее красное пятно.

Фибен пристально смотрел на него, вчитываясь:

«Я согласен».

Пятно немедленно изменило цвет, удовлетворенное его согласием. «Что теперь?» — подумал Фибен, откидываясь.

* * *

Ответ пришел немного позже, когда неслышно открылась дверь. Вошла Сильвия, все в том же платье, и села перед ними.

— Наблюдение отключено. Я запустила в камеры ложную запись. Пройдет час, прежде чем их компьютеры что-то заподозрят.

Фибен снял с шерсти Гайлет диск, и она протянула за ним руку.

— Дай мне минуту, — прошептала Гайлет, отошла и вложила капсулу в свой личный куб информации. — Не обижайся, Сильвия, но нужно кое-что поправить. Фибен подпишет изменения.

— Я не обижаюсь; понятно, что вам нужно переделать запись. Я просто хотела объяснить вам свое предложение.

Все происходило слишком быстро. Фибен уже почувствовал прилив адреналина.

— Я ухожу?

— Мы уходим, — поправила Сильвия. — Ты и я. У меня заготовлены припасы, одежда. И я знаю, как выйти из города.

— Значит, ты с подпольем?

Она покачала головой.

— Я бы присоединилась с радостью, но это исключительно мое шоу. Я... я делаю это не даром.

— Чего же ты хочешь?

Сильвия покачала головой, показывая, что нужно подождать возвращения Гайлет.

— Если вы двое согласитесь рискнуть, я выйду и

позову ночного охранника. Я тщательно выбирала его и приложила много усилий, чтобы убедить Железную Хватку назначить его сегодня.

— А что особенного в этом парне?

— Может, ты заметил проби, похожего на тебя, Фибен, и с таким же телосложением. Сходство достаточное, чтобы в темноте на время одурачить роботов-шпионов, я думаю.

Так вот почему этот шен у ворот показался таким знакомым! Фибен быстро соображал.

— Ты его споишь, оставишь с Гайлет, а я переоденусь и воспользуюсь его пропуском.

— Поверь мне, все гораздо сложнее. — Сильвия нервничала и выглядела усталой. — Но в общем ты уловил. Мы сменяемся через двадцать минут. Нужно успеть до этого.

Вернулась Гайлет и протянула капсулу Фибену. Тот приблизил ее к глазу и внимательно прочел измененный текст, не потому что собирался критиковать работу Гайлет, но чтобы передать все подробно Роберту и Атаклене.

Гайлет переписала все сообщение.

ЗАЯВЛЕНИЕ О НАМЕРЕНИЯХ. ЗАПИСАНО ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, А-ШИМПОМ АБ-ЧЕЛОВЕКОМ, КЛИЕНТОМ, ГРАЖДАНИНОМ ЗЕМНОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛЕЙТЕНАНТОМ РЕЗЕРВА

КОЛОНИАЛЬНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СИЛ ГАРТА.

Я ПРИЗНАЮ, ЧТО ВО ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СО МНОЙ ОБРАЩАЛИСЬ ВЕЖЛИВО; Я УВЕДОМЛЕН О ТОМ, ЧТО МНЕ УДЕЛИЛ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ ВЫСОКИЙ И УВАЖАЕМЫЙ СЮЗЕРЕН ВЕЛИКОГО КЛАНА ГУБРУ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ КАК ВОЕННЫЙ И УЧАСТНИК НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ МОИМ КЛАНОМ И КЛАНОМ ГУБРУ Я СЧИТАЮ, ЧТО ДОЛГ ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ СО ВСЕЙ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И УВАЖЕНИЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ПЫТАЯСЬ БЕЖАТЬ, Я НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ ОТРИЦАЮ ЧЕСТИ, ОКАЗАННОЙ МНЕ ВЫСОКИМ СЮЗЕРЕНОМ, ПОСЧИТАВШИМ МЕНЯ ДОСТОЙНЫМ СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ.

ПРОДОЛЖАЯ ПОЧЕТНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАЦИИ ГУБРУ ГАРТА, Я НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЕДУ СЕБЯ, КАК ПОДОБАЕТ НАСТОЯЩЕМУ КЛИЕНТУ РАЗУМНЫХ, ВЫПОЛНЯЮЩЕМУ ВОЛЮ СВОИХ ПАТРОНОВ. Я ДЕЙСТВУЮ В ТРАДИЦИЯХ ГАЛАКТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА, НАСКОЛЬКО МОГУ ИХ ПОНЯТЬ.

«Да». Фибен достаточно усердно учился у Гайлет, чтобы понять, насколько лучше это сформулировано. Он снова зарегистрировал свое согласие, и снова записывающее пятно изменило

цвет. Фибен вернул диск Гайлет.

«Какая разница, попытка не пытка», — сказал он себе, понимая, насколько рискованно их предприятие.

— А теперь, — Гайлет повернулась к Сильвии, — о какой плате ты говорила? Чего ты хочешь?

Сильвия прикусила губу. Она смотрела на Гайлет, но указала на Фибена.

— Его, — быстро сказала она. — Я хочу, чтобы ты поделилась со мной.

— Что? — Фибен начал вставать, но Гайлет быстрым жестом остановила его.

— Объясни, — сказала она Сильвии.

Сильвия пожала плечами.

— Я не знаю, какой вид брака у вас с ним.

— Никакого! — горячо заявил Фибен. — И какое отношение...

— Замолчи, Фибен, — спокойно сказала Гайлет. — Это верно, Сильвия. У нас нет соглашения, ни группового, ни моногамного. Так в чем дело? Чего ты хочешь от него?

— Разве это не ясно? — Сильвия взглянула на Фибена. — Какой бы статус возвышения ни был у него раньше, сейчас он явно получит белую карту. Только посмотри на его результаты, на то, как он провел ити в Порт-Хелении, и не один раз,

а дважды. Любого из этих поступков достаточно, чтобы поднять выше синей карты. А теперь сюзерен пригласил его представлять интересы расы. Такое внимание дорого стоит: статус сохранится, как бы ни кончилась война. Ты это знаешь, доктор Джонс. — Сильвия подвела итог. — У него белая карта, у меня зеленая. Но мне нравится его стиль. Все очень просто.

«Я? Проклятый беляк?» — Фибен расхохотался над таким абсурдным предположением. До него начало доходить, к чему клонит Сильвия.

— Кто бы ни победил, — продолжала Сильвия, не обращая на него внимания. — Земля или губру, я хочу, чтобы мой ребенок попал на вершину возвышения, чтобы его защищал Совет. Пусть ему достанется достойная судьба, а мне — внуки и кусочек завтра.

Очевидно, Сильвия говорила совершенно серьезно.

Но Фибен не расположен был сочувствовать ей. «Самая глупая из всех метафизических глупостей!» — подумал он. Она даже не разговаривает с ним, а обращается к Гайлет!

— Эй, а разве меня не надо спросить? — возразил он.

— Конечно, нет, глупый, — ответила Сильвия,

качая головой. — Ты шен, а самец-шен при случае совокупится с козлом или с листвой, если ничего более подходящего не найдется.

Доля правды в этой шутке, конечно, имеется, Фибен покраснел.

— Но...

— Сильвия привлекательна и приближается к розовому. Что же ты сделаешь, освободившись? Мы соглашаемся, что твой долг и удовольствие совпадают. — Гайлет передвинулась. — Нет, решение принимать не тебе. Пожалуйста, помолчи, Фибен.

И Гайлет повернулась к Сильвии со следующим вопросом. Но в этот момент Фибен даже не слышал ее слова. Гул в ушах заглушил все остальные звуки. Фибен мог думать только о барабанщике, бедном Игоре Паттерсоне.

«Гудолл, защити меня!»

— ...так поступают самцы.

— Да, конечно. Но, я думаю, тебе нужно будет заключить договор с ним, пусть и не формальный. В теории все в порядке, но сразу видно, что гордыня у него непомерная. Он может заупрямиться.

«Так вот что на самом деле думают о нас, шенах, самки? — размышлял Фибен. Он вспомнил уроки „здоровья“ в средней школе. Молодым самцам-

шимпам читали лекции о праве на продолжение рода и показывали фильмы о венерических болезнях. Как и остальные подростки, он гадал, что же в это время изучают шимми. — Неужели в школе их учат такой формальной логике? Или они знакомятся с ней на собственном болезненном опыте? Узнают от нас?»

— Он мне не принадлежит, — пожала плечами Гайлет. — Если ты права, то он и не будет никому принадлежать... кроме Совета возвышения, бедняга. — Она нахмурилась. — Я только прошу, чтобы он благополучно добрался до гор. До того времени он к тебе не притронется, понятно? Получишь свое, когда он будет в безопасности у партизан.

«Мужчина-человек на такое бы не пошел», — с горечью подумал Фибен. Но ведь люди — это не незавершенные существа класса клиентов, которые «совокупляются с козлом или с листом...»

Сильвия кивнула в знак согласия и протянула руку. Гайлет пожала ее.

Они долго смотрели друг на друга, потом разняли руки.

Сильвия встала.

— Я постучу, прежде чем зайти. Минут через десять. — И она победно посмотрела на Фибена,

словно только что заключила выгодную сделку. — Будь готов к тому времени.

Когда она вышла, Фибен наконец обрел дар речи.

— Ты слишком полагаешься на свои бойкие теории, Гайлет. Какого дьявола! Почему ты уверена...

— Я ни в чем не уверена! — ответила она. Ее лицо исказила гримаса, что поразило Фибена больше всего происшедшего за этот вечер.

Гайлет провела рукой по глазам.

— Прости, Фибен. Поступай, как сочтешь нужным. Но только не обижайся. Никто из нас сейчас не имеет права обижаться. Да и Сильвия не очень много просит, учитывая, каковы ставки.

Фибен видел сдержанное напряжение в глазах Гайлет. Гнев его растаял, сменившись тревогой за нее.

— Ты... ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

Она пожала плечами.

— Наверно. Сюзерен, вероятно, найдет мне другого партнера. Постараюсь тянуть как можно дольше.

Фибен прикусил губу.

— Мы принесем тебе известие от людей, обе-

щаю.

Ее взгляд сказал Фибену, что она почти не надеется на это. Но она улыбнулась.

— Постарайся, Фибен. — Она протянула руку и легко коснулась его лица.

— Знаешь, — прошептала она, — я по тебе буду скучать.

Мгновение миновало. Она отняла руку, и выражение ее лица снова стало серьезным.

— Теперь собери то, что тебе может пригодиться, а я буду говорить: нужно кое-что передать генералу. Запомнишь, Фибен?

— Да, конечно. — Но на секунду Фибен задумался, увидит ли он еще когда-нибудь нежность в ее глазах. Вновь погрузившись в заботы, она ходила за ним, пока он собирался. И когда несколько минут спустя в дверь постучали, она еще говорила.

Глава 64
ГАЙЛЕТ

Когда они ушли, Гайлет села на матрац, закрылась одеялом, обхватила колени руками и принялась медленно раскачиваться в такт своему одиночеству.

Одинока, но не одна, хотя гораздо лучше было

бы действительно остаться одной. Гайлет чувствовала присутствие другого шена, одетого в платье Фибена. От него исходил слабый запах наркотика, одурманившего его.

Охранник еще долго не проснется, но тревогу, очевидно, поднимут раньше.

Нет, она не одна, но никогда Гайлет Джонс не чувствовала себя такой отрезанной от всех, изолированной.

«Бедный Фибен, — думала она. — Может, Сильвия права насчет него. Он, несомненно, один из лучших шенов, каких я встречала... — Она покачала головой. — И все же ему оказалась доступна только часть плана заговора. И я не могла сказать ему остальное, не открыв то, что знаю, невидимым слушателям».

Она не знала, искренне ли действует Сильвия. Гайлет всегда не очень хорошо разбиралась в других. «Но готова поклясться всеми гаметами и зиготами, Сильвии никогда не удалось бы провести сторожей губру».

Гайлет усмехнулась самой этой мысли — будто маленькая шимми может так провести мониторы ити, что они не заметят сразу отсутствия пленника. «Нет, все прошло слишком гладко для экспромта».

Кем это организовано? И с какой целью? А важно ли это?

«У нас не осталось ни единого шанса, Фибену пришлось принять предложение».

Гайлет подумала, увидит ли его снова. Если это еще один тест на разумность, организованный сюзереном Праведности, к утру Фибен может вернуться... он получит еще одну «соответствующую реакцию»... соответствующую особо продвинутому неошимпанзе, представителю своей расы уровня клиента.

Она вздрогнула. До сегодняшнего вечера она не задумывалась над последствиями, но Сильвия помогла все расставить по своим местам. Даже если им доведется встретиться, они с Фибеном никогда не станут прежними. И если раньше их разделяла ее белая карта, то теперь разверзлась настоящая пропасть.

Но Гайлет подозревала, что это все-таки не тест сюзерена Праведности. И, если это не так, значит, какая-то фракция губру отвечает за ночное приключение. Может, один из других сюзеренов или...

Гайлет покачала головой. Она слишком мало знает, чтобы строить догадки. Или она слишком слепа и глупа, чтобы увидеть картину в целом.

Вокруг них разворачивается игра, и актерам кажется, что другого выхода нет. Фибен должен был уйти, независима от того, что ему предложили: спасение или ловушку. Она должна остаться и справляться с возникающими трудностями, которых не понимает. Такова ее судьба.

Гайлет это ощущение сопровождает всю жизнь, словно кто-то ведет ее, а сама она не распоряжается своей судьбой. Фибен же только начинает привыкать к такому.

Некоторые древние религии Земли подчиняли все предопределению — вере в то, что все события определены заранее, с момента сотворения мира, а так называемая свободная воля не более чем иллюзия.

Вскоре после Контакта земные философы спросили у галактов, что они думают по этому поводу. Обычно мудрецы галактов отвечали покровительственно: «Такие вопросы можно формулировать только на нелогичном языке волчат. — На самом деле парадоксов не существует».

И никаких загадок для разрешения... по крайней мере такими разумными, как земляне.

Галактам не составляло труда понять идею предопределения. Большинство из них считало, что клан волчат ждет короткая и печальная

судьба.

Гайлет неожиданно вспомнила свое пребывание на Земле. Она встретилась там с пожилым поэтом-неодельфином. Он рассказывал ей, как плавал в сонном течении больших китов, часами слушая их печальные песни о древних китовых богах. Она была польщена и очарована, когда престарелый фин посвятил ей стихотворение.

Там, где вспыхивает шар,
Быстро летя в воздухе,
Ударь его рылом!

Гайлет понимала, что эта хайку гораздо выразительнее на тринари, гибридном языке, который неодельфины использовали для поэзии. Она, конечно, не знает тринари, но даже на англике до нее доходила аллегория.

Думая об этом, Гайлет поняла, что улыбается.

«Поистине, ударь рылом!»

Спящий рядом с ней негромко храпел. Гайлет поискала языком и представила себе, что вслушивается в ритм барабанов.

* * *

Несколько часов спустя она по-прежнему си-

дела в задумчивости, когда распахнулась дверь и из коридора пробился свет. Вошли несколько четвероногих птицеподобных. Кваку. Возглавляла эту процессию слуга сюзерена Праведности. В оперении пастельных тонов она встала, но ее поклон остался без ответа.

Кваку посмотрел на нее, потом указал на неподвижную фигуру под одеялом.

— Твой товарищ не встает, это неэтично.

Очевидно, когда хозяина рядом нет, слуга не забывает про свою обязанность быть вежливым. Гайлет посмотрела на потолок.

— Наверно, не расположен.

— Ему нужна медицинская помощь?

— Я думаю, он скоро придет в себя.

Кваку раздраженно пошевелил трехпалыми лапами.

— Скажу откровенно: мы хотим осмотреть его, удостовериться в личности.

Гайлет подняла брови, хотя и знала, что жест этот останется непонятым.

— А кто, по-твоему, это может быть? Дедушка Бонза? Следите ли вы, кваку, за своими пленниками?

Возбуждение птицеподобного усилилось.

— Эти помещения заключенных находятся

под ответственностью вспомогательных сил неошимпанзе. И если что-то не так, виновата их некомпетентность животных, их недостойная разумных небрежность.

Гайлет рассмеялась.

— Вздор!

Кваку прервал свой раздраженный танец и прислушался к портативному передатчику. Потом снова посмотрел на Гайлет. Она покачала головой.

— Ты не можешь винить в этом нас, кваку. Мы с тобой оба знаем, что проби здесь, на страже, — только видимость. И если что-то случилось, причина в твоем собственном лагере.

Слуга раскрыл клюв. Мелькнул язык. Гайлет знала, что это жест откровенной ненависти. Чужак сделал знак, и два шарообразных робота с гудением выдвинулись вперед. Мягко, но решительно они с помощью гравитики подняли спящего неошимпа, даже не сняв одеяла, и унесли к двери. Поскольку кваку не потрудился заглянуть под одеяло, он, очевидно, уже знал, кого найдет.

— Начнем расследование, — пообещал он и повернулся. Гайлет знала, что через несколько минут кваку прочтут «прощальное послание»

Фибена, оставленное в шерсти храпящего стражника. И попыталась помочь Фибену, еще немного задержать преследователей.

— Отлично, — сказала она. — Тем временем исполните мою просьбу... Нет, требование.

Слуга уже приблизился к двери во главе процессии кваку. Однако, услышав слова Гайлет, он остановился, вызвав небольшой затор. С гневным щебетом кваку сталкивались друг с другом и поворачивали клювы к Гайлет.

Предводитель с розовым гребнем тоже обернулся.

— Ты не имеешь права предъявлять требования.

— Я делаю это во имя галактических традиций, — настаивала Гайлет. — Не заставляй меня адресоваться непосредственно к его превосходительству сюзерену Праведности.

Наступила долгая пауза, во время которой кваку как будто взвешивал риск, связанный с этим предположением. Наконец он спросил:

— Что за глупое требование?

Но Гайлет молча ждала.

Наконец с явной неохотой слуга поклонился, едва заметно склонив голову. Гайлет ответила тем же.

— Я хочу пойти в Библиотеку, — сказала она на превосходном гал-семь. — Это мое право гражданина галактики.

Глава 65
ФИБЕН

Уйти в одежде спящего охранника оказалось до смешного просто. Сильвия сообщила ему условную фразу, которую нужно сказать роботам у ворот.

Единственный стражник-шимп жевал сандвич и махнул рукой, чтобы проходили, даже не взглянув на них.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Фибен, как только темная, увитая растительностью стена тюрьмы оказалась позади.

— На пристань, — бросила через плечо Сильвия. Она быстро шла по влажному тротуару мимо кварталов темных, пустых зданий, подобных человеческому жилью. Потом они миновали район шимпов — большие дома для групповых браков, пестро раскрашенные, с окнами, похожими на двери, и с прочными решетками, чтобы могли взбираться дети. Время от времени Фибен замечал за плотно задернутыми занавесями силуэты.

— Почему на пристань?

— Потому что там лодки! — отрезала Сильвия. Она беспокойно посматривала то на часы на руке, то назад, через плечо, как будто опасалась слежки.

То, что она нервничает, естественно, но Фибен тоже был на пределе. Он схватил ее за руку и заставил остановиться.

— Послушай, Сильвия. Я ценю все, что ты до сих пор делала, но не пора ли ознакомить меня с планом?

Она вздохнула.

— Да, наверно, ты прав. — Ее тревожная улыбка напомнила ему вечер в «Обезьяньей грозди». То, что он тогда принял за похоть, на самом деле было бравадой, прикрывавшей страх.

— Если не считать ворот в ограде, из города можно выбраться только на лодке. Мой план — пробраться на борт одного из рыболовных судов. Рыбаки выходят в море на ночной лов, — она взглянула на часы, — примерно через час.

Фибен кивнул.

— А потом что?

— Когда корабль выйдет из залива Аспинал, мы спустимся за борт и поплывем в парк Северного мыса. Оттуда трудная дорога на север вдоль

берега, но мы до рассвета сумеем добраться до холмов.

Фибен кивнул: неплохо. Ему понравилось, что есть возможность для изменения плана, если возникнут проблемы или позволят обстоятельства. Например, попытаться плыть не на север, а на юг. Враг, конечно, не ожидает, что беглецы направятся прямо к его новой установке! Там должно быть много строительного оборудования. Фибена прельщала перспектива украсть одну из машин губру. Если это удастся, может, он действительно заслужит белую карту!

Он быстро отбросил эту мысль, потому что сразу вспомнил о Гайлет. Черт возьми, как же ее не хватает!

— Кажется, все хорошо продумано, Сильвия.

Она настороженно улыбнулась.

— Спасибо, Фибен. Э-э-э... может, пойдем?

Он сделал знак, чтобы она шла впереди. Вскоре они миновали закрытые магазины и пищевые пункты. Облака над головой теперь висели низко и зловеще, и ночь пахла приближающейся бурей. Неравномерными, но сильными порывами дул юго-западный ветер, бросая им под ноги листья и обрывки бумаги.

Когда пошел дождь, Сильвия подняла капюшон

парки, но Фибен не стал этого делать. Лучше мокрые волосы, чем глухота и слепота.

В направлении моря он увидел в небе сверкание, сопровождаемое далекими раскатами. «Дьявольщина! — подумал Фибен. — Что это со мной!» Он схватил свою спутницу за руку.

— В такую погоду никто не выйдет в море, Сильвия.

— Капитан этого корабля выйдет, Фибен. — Она покачала головой. — Мне не следовало тебе говорить, но... он контрабандист. Даже до войны он промышлял этим. Его корабль приспособлен к плохой погоде и даже может частично погружаться.

Фибен мигнул.

— А что он перевозит сейчас?

Сильвия посмотрела по сторонам.

— Главным образом шимпов, на остров Гилмор и обратно.

— Гилмор! Он отвезет нас туда?

Сильвия нахмурилась.

— Я пообещала Гайлет, что отведу тебя в горы, Фибен, и вообще-то я не уверена, что можно настолько доверять этому капитану.

Но голова у Фибена закружилась. Половина людей планеты интернирована на острове Гилмор!

Зачем добираться до Роберта и Атаклены — ведь они в сущности дети, — когда там специалисты из университета!

— Будем действовать по обстоятельствам, — уклончиво сказал он. Но уже решил, что сам оценит капитана контрабандистов. Может быть, под прикрытием бури это окажется возможным? Фибен раздумывал об этом всю оставшуюся дорогу.

Вскоре они приблизились к пристани — и оказались недалеко от того места, где днем Фибен наблюдал за чайками. Дождь шел неожиданными, непредсказуемыми порывами. Как только он прекращался, воздух становился необычайно чистым и насыщенным запахами — от разлагающейся рыбы из таверны на берегу, где еще горели огни и откуда доносились звуки негромкой печальной музыки.

Ноздри Фибена раздувались. Он принюхивался, стараясь разгадать тайны, скрываемые непостоянным дождем. Чувства питали воображение Фибена, подбрасывая темы для размышлений.

Его спутница свернула за угол, и Фибен увидел три причала. У каждого несколько темных корпусов. Один из них, несомненно, корабль контрабандистов. Фибен снова остановил Сильвию,

взяв ее за руку.

— Нам нужно торопиться, — сказала она.

— Слишком рано приходить тоже не стоит, — ответил он. — В лодке будет тесно и душно. Иди сюда, мы можем кое-чем заняться.

Он увлек ее назад, в тень, и она удивленно подняла глаза. Фибен обнял ее, чувствуя сопротивление. Затем она расслабилась и он поцеловал ее.

Сильвия ответила.

Когда он начал губами щипать ее ухо, шею, Сильвия вздохнула.

— О, Фибен. Если бы у нас было время. Если бы ты только знал, как много...

— Ш-ш-ш, — сказал он и выпустил ее. Картинным движением снял парку и бросил на землю.

— Что?.. — начала она, но он привлек ее, усадил на парку и сам сел рядом.

Напряжение ее слегка ослабло, когда он начал расчесывать ей шерсть пальцами.

— Уф! — выдохнула Сильвия. — Мне на мгновение показалось...

— Кто, я? Ты должна уже меня знать, дорогая. Я из тех, кто торопится медленно. Никакой спешки. Всему свое время.

Она повернула голову и улыбнулась ему.

— Я рада. Все равно я еще с неделю не буду ро-

зовой. Хотя, я хочу сказать, можно не ждать так долго. Просто...

Голос ее прервался, когда левая рука Фибена сжала ей горло. Он быстро сунул руку в ее парку и щелчком раскрыл карманный нож, прижал лезвие к сонной артерии. Глаза Сильвии выпучились.

— Одно слово, — прошептал он прямо ей в ухо, — один звук, и ты пойдешь на корм чайкам. Понятно?

Она судорожно кивнула. Он чувствовал ее пульс, вибрация передавалась через лезвие ножа. Сердце самого Фибена билось ненамного медленнее.

— Говори губами, — хрипло сказал он. — Я прочту по губам. Признавайся, где жучок.

Сильвия мигнула и сказала вслух:

— Что?.. — И все. Он мгновенно усилил хватку.

— Попробуй снова, — прошептал он.

На этот раз она сумела произнести беззвучно:

— О чем... ты... говоришь, Фибен?

Голос его прозвучал еле слышно.

— Они нас там ждут, верно, дорогая? Я имею в виду не прекрасных контрабандистов-шенов. Я говорю о губру, милая. Ты ведешь меня прямо в их пернатые объятия.

Сильвия застыла.

— Фибен... я... нет! Нет, Фибен.

— Я чувствую запах птицы! — прошипел он. — Они там. Как только я уловил этот запах, все стало понятно!

Сильвия молчала, красноречиво глядя ему в глаза.

— Гайлет, наверно, считает меня простофилей! Теперь я понимаю. Конечно, все организовано заранее и дата намечена давно. Ты не рассчитывала на то, что буря удержит в порту весь рыболовный флот. Сказка про капитана-контрабандиста хороша. Ты изобретательна и могла бы усыпить мои подозрения. Да, Сильвия? Ты так подумала?

— Фибен...

— Заткнись! Как трогательно! Как приятно представить себе, что умные шимпы могут плавать к острову Гилмор и обратно под самым клювом у врага! Тщеславие почти победило, Сильвия, но ведь я когда-то служил пилотом-разведчиком, помнишь? И подумал, как это трудно, даже в такую погоду!

Он принюхался и снова уловил слабый затхлый запах. Теперь он вспомнил, что ни один из тестов, которым их с Гайлет подвергали последние несколько недель, не касался обоняния. «Конеч-

но, нет. Галакты считают обоняние пережитком животных».

На его руку капнула влага, хотя дождь прекратился. Слезы Сильвии. Она покачала головой.

— Тебе... не причинят... вреда, Фибен. Сю... сюзерен просто хочет задать несколько вопросов. И потом тебя отпустят. Он... он пообещал!

«Значит, в конце концов это еще один тест. — Фибену хотелось посмеяться над собой: он ведь посчитал побег возможным. — Наверно, увижусь с Гайлет раньше, чем предполагал».

Он устыдился того, как обращался с Сильвией. Ведь это всего лишь своеобразная «игра», еще один экзамен. Не стоит в таких условиях предпринимать что-либо серьезное. Она ведь только выполняет свою работу.

Он расслабился, выпустил горло Сильвии и тут вспомнил ее фразу.

— Сюзерен обещал отпустить меня? — прошептал он. — То есть он отправит меня назад в тюрьму?

Она энергично покачала головой.

— Нет! — произнесла неслышно. — Он обещал отвезти нас в горы. Я имею в виду ту часть нашей сделки с тобой и Гайлет. Сюзерен пообещал, если ты ответишь на его вопросы...

— Минутку, — остановил ее Фибен. — Ты ведь не о сюзерене Праведности говоришь?

Она покачала головой.

У Фибена неожиданно закружилась голова.

— Который... который из сюзеренов ждет нас там?

Сильвия засопела.

— Сюзерен Стоимости... Стоимости и Бережливости, — прошептала она.

Он закрыл глаза, в ужасе осознав, что это значит. Это не игра и не тест. «О Гудолл!» — подумал он. Теперь нужно думать о том, как спастись. Будь то сюзерен Луча и Когтя, Фибен мог бы сразу швырнуть на ринг свое полотенце, потому что против него бросили бы все военные ресурсы губру. А так есть шанс, хотя и ничтожный. У Фибена начали возникать идеи.

«Бухгалтеры, страховые агенты, чиновники — вот бойцы армии сюзерена Стоимости и Бережливости. Может быть, — думал Фибен. — Только может быть».

Но прежде чем что-то предпринять, нужно договориться с Сильвией. Он не может просто связать ее и оставить, как хладнокровный убийца. Необходимо заручиться ее поддержкой, и быстро. Он может уверить ее, что сюзерен Стоимости

и Бережливости не такой ярый приверженец правды, как сюзерен Праведности. Он не обязан держать слово и освободить их. Вообще, сегодняшний набег на пристань может выглядеть незаконным, по стандартам захватчиков, так зачем отпускать свидетелей-шимпов? Зная губру, Фибен предполагал, что сюзерен Стоимости и Бережливости, вероятно, отпустит их — прямо через люк в открытый космос.

«Но поверит ли она моим словам?»

Нельзя рисковать. Фибен подумал, что у него есть другой способ получить Сильвию в союзники.

— Слушай внимательно, — сказал он ей. — Я не собираюсь встречаться с твоим сюзереном по одной очень простой причине. Если я пойду туда со своими теперешними знаниями, я могу распрощаться со своей белой картой.

Она смотрела ему прямо в глаза. По спине ее пробежала дрожь.

— Видишь ли, дорогая. Я должен вести себя как превосходный образец неошимпа, дабы соответствовать критериям. А какой супершимп пойдет куда-то, зная, что там ловушка? Нет, Сильвия. Вероятно, нас все-таки схватят, после того как мы изо всех сил постараемся уйти. Понимаешь, что

я имею в виду?

Она несколько раз моргнула и наконец кивнула.

— Эй, — дружелюбно прошептал он. — Взбодрись! Ты должна радоваться, что я разобрался в ситуации. Значит, наш ребенок будет очень умным маленьким ублюдком. Наверно, найдет способ взорвать свой детский сад.

Сильвия нервно мигала, потом нерешительно улыбнулась.

— Да, — сказала она негромко. — Похоже, ты прав.

Фибен опустил руку с ножом и, выпустив горло Сильвин, поднялся. Это момент истины. Ей достаточно крикнуть, и через мгновение их окружит свита сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но вместо этого она сняла с пальца перстень с часами и протянула Фибену. Жучок.

Он кивнул и помог ей встать. Вначале она спотыкалась, еще дрожа от волнения, но он обхватил ее рукой и повел назад, в южном направлении.

«Только бы сработала моя идея», — подумал он.

* * *

Он нашел голубятню там, где запомнил ее, за неказистым общежитием вблизи гавани. Очевидно, все спят. Но Фибен тем не менее двигался как можно тише, перерезая проволоку и забираясь в клетку для птиц.

Внутри чувствовалась влажность, неприятно пахло птицами. Негромкое воркование голубей напомнило Фибену о кваку.

— Давайте, малыши, — шепнул он голубям. — Сегодня вы должны помочь мне одурачить ваших сородичей.

Он заприметил это место во время своих прогулок, и то, что оно рядом, было не просто приятно, это было совершенно необходимо. Он и Сильвия не могли уйти из района гавани, пока не избавятся от жучка.

Голуби пятились от него. Пока Сильвия караулила снаружи, Фибен поймал толстую сильную птицу и проволокой прикрепил жучок к ее лапке.

— Отличная ночь для дальнего перелета, а? Как ты думаешь? — сказал он и подбросил голубя в воздух. На всякий случай проделал то же самое со своими часами. Дверь он оставил открытой.

Если птицы слишком рано вернутся сюда, губру отыщут их по сигналу жучка. Но их шумное прибытие вспугнет всю стаю, и снова начнется охота за химерой.

Поздравив себя с этой хитростью, Фибен вместе с Сильвией побежал на восток, подальше от гавани. Скоро они оказались в полуразрушенном промышленном районе. Впрочем, Фибен знал, где находится. Он проходил здесь, ведя смирную лошадь Тихо в свой первый приход в город после вторжения. Незадолго до того, как они дошли до стены, он сделал знак остановиться. Ему нужно перевести дыхание, хотя Сильвия, казалось, совсем не устала.

«Она ведь танцовщица», — подумал он.

— Ну давай раздеваться, — сказал он.

Надо отдать ей должное, Сильвия и глазом не моргнула. Логика безупречная. Возможно, часы не единственный жучок, помещенный на них. Она быстро раздевалась и закончила раньше него. Когда вся одежда лежала грудой, Фибен бросил на шимми быстрый оценивающий взгляд и присвистнул.

Сильвия покраснела.

— Что теперь? — спросила она.

— Идем к ограде, — ответил он.

— К ограде? Но, Фибен...

— Я уже давно хочу посмотреть на нее поближе.

Пройдя еще несколько сот ярдов, они увидели ровную полоску, проведенную чужаками вокруг всей Порт-Хелении. Сильвия вздрогнула, когда они приблизились к высокой ограде, которая влажно блестела при свете сторожевых шаров, расположенных с одинаковыми промежутками.

— Фибен, — сказала Сильвия, когда он шагнул на полосу. — Мы не можем идти дальше.

— Почему? — спросил он. Но все же остановился и повернулся к ней. — Ты знаешь кого-нибудь, кто пытался это сделать?

Она покачала головой.

— Кто может это сделать? Это ведь явное безумие. Эти сторожевые шары...

— Да, — задумчиво сказал Фибен. — Я как раз думаю: сколько их нужно, чтобы огородить весь город. Десять тысяч? Двадцать? Тридцать?

Он вспомнил сторожевых роботов, окруживших гораздо меньший и более уязвимый периметр бывшего посольства тимбрими в тот день, когда взорвался архив, а сам Фибен познакомился с образчиком юмора чужаков. Эти приборы оказались менее действенными, чем Ровер или

обычный боевой робот, сопровождавший в бою солдат Когтя.

«Сомневаюсь я в этих», — подумал он и сделал еще один шаг вперед.

— Фибен! — Сильвия, казалось, была на грани истерики. — Давай попробуем ворота. Мы можем сказать стражникам... что нас ограбили. Мы с фермы, заходили в город, и кто-то украл нашу одежду и идентификационные карточки. Если будем вести себя достаточно тупо, может, они нас пропустят.

«Да, конечно». Фибен подошел еще ближе и находился теперь метрах в шести от барьера. Ограда состояла из узких планок, соединенных проволокой сверху и снизу. Фибен выбрал место между двумя шарами, как можно дальше от каждого. Но, приближаясь, он испытывал неотвязное ощущение, что за ним наблюдают.

И уверенность в этом наполнила Фибена покорностью. Сейчас, конечно, солдаты губру уже на пути сюда. Они могут появиться в любую минуту. Лучше всего повернуться и бежать. Немедленно!

Он оглянулся на Сильвию. Она стояла там, где он ее оставил. Видно невооруженным глазом, что она предпочла бы оказаться в любом другом месте. Он не понимал, почему она остается. Фи-

бен ухватился правой рукой за левое запястье. Пульс быстрый и нитевидный, во рту сухо, словно посыпали песком. Дрожа, он напряг всю волю и сделал еще один шаг к ограде.

Почти осязаемый ужас сомкнулся вокруг него, как в тот момент, когда он услышал предсмертный крик бедного Саймона Левина в той безнадежной, бессмысленной схватке в космосе. Фибен испытывал мрачное ощущение предопределенности. Ощущение тщетности жизни.

Он медленно повернулся и посмотрел на Сильвию. И улыбнулся.

— Дешевки эти птицы! — сказал он. — Шары вовсе не следящие! Это глупейшие пси-излучатели!

Сильвия мигнула.

— Ты уверен? — недоверчиво спросила она.

— Иди, сама увидишь, — позвал он. — Сейчас тебе кажется, что за тобой наблюдают. Потом ты будешь считать, что за тобой гонятся все солдаты Когтя.

Сильвия сглотнула, сжала кулаки и шагнула на пустую полосу. Фибен смотрел, как она делает шаг за шагом. И отдавал должное ее мужеству. Любая шимми давно повернулась бы и убежала с криком.

На лбу у Сильвии выступил пот, смешиваясь с

каплями дождя.

Какой-то частью сознания, свободной от рева адреналина, Фибен любовался ее обнаженным телом. К тому же это помогало отвлечься. «У нее действительно были дети». Иногда шимми подделывают следы вынашивания и вскармливания, чтобы выглядеть привлекательней, но в данном случае совершенно очевидно, что у Сильвии был ребенок.

«Интересно узнать о ее жизни».

Остановившись рядом с ним, закрыв глаза, она прошептала:

— Что... что сейчас со мной будет?

Фибен прислушался к себе. Вспомнил о Гайлет, о том, как она оплакивала своего друга и защитника шимпа Макса. Вспомнил о шимпах, которые словно разрывались на части под ударами мощного оружия врага. Вспомнил Саймона.

— Ощущение такое, словно только что умер твой лучший в мире друг, — мягко сказал он и взял ее за руку.

Она вцепилась в его руку, но на лице ее появилась гримаса облегчения.

— Пси-излучатели. И это... это все? — Она раскрыла глаза. — Дешевки эти птицы!

Фибен расхохотался. Сильвия медленно улыб-

нулась и свободной рукой прикрыла рот.

Они смеялись, стоя под дождем посреди реки печали. Смеялись до слез, и когда наконец перестали течь слезы, медленно, под дождем, по-прежнему держась за руки, дошли до ограды.

* * *

— Теперь, когда я скажу «толкай», — толкай!

— Я готова, Фибен. — Сильвия пригнулась под ним, расставила ноги, прижалась плечом к одной из планок, держась руками за другие.

Стоя над ней, Фибен принял такую же позу и уперся ногами в грязную землю. Несколько раз глубоко вдохнул.

— Толкай!

Они навалились вместе. Планки отстояли на несколько сантиметров друг от друга. Напрягаясь, Фибен чувствовал, как расширяется пространство между ними. «Эволюция никогда не проходит даром», — думал Фибен, прикладывая все силы.

Миллион лет назад люди проходили через муки самовозвышения, получая самостоятельно то, что, как утверждают галакты, можно получить только от других: способность думать и стремиться к звездам.

Тем временем, однако, предки Фибена тоже не

ленились, они накапливали силу! Фибен сосредоточился на этой мысли, на лбу его выступил пот. Спина Сильвии дрожала, она тоже давила изо всех сил. Пластилитовые планки скрипели.

— Ах! — Сильвия поскользнулась — и отлетела назад.

Фибен от толчка развернулся, и упругая планка, выпрямившись, отбросила его на Сильвию. Минуту-две они просто лежали, тяжело дыша. Наконец Сильвия заговорила.

— Пожалуйста, милый... не сегодня. У меня болит голова.

Фибен расхохотался. Скатился с нее и лег на спину. Юмор им необходим. Это лучшая защита от непрерывного давления пси-шаров. Паника все время держится на краю сознания, а смех удерживает ее, не давая распространяться.

Они помогли друг другу встать и осмотрели ограду. Щель заметно расширилась, сейчас она не меньше десяти сантиметров. Но этого все равно недостаточно. И Фибен чувствовал, что время их подгоняет. Им нужно не менее трех часов, чтобы затемно добраться до холмов. По крайней мере если они переберутся, буря им на руку. Они с Сильвией снова подготовились, встали на место. Опять пошел дождь, все ближе

заблестели молнии. Загремел гром, задрожали деревья, задребезжали ставни в домах.

«Сомнительное преимущество», — подумал Фибен. Конечно, дождь мешает сканерам губру, но одновременно делает скользким искусственный материал изгороди. Трудно за него ухватиться. Да и грязь мешает.

— Готова? — спросил он.

— Конечно, если будешь держать эту штуку подальше от моего лица, — ответила Сильвия. — Она отвлекает.

— Но ведь ты сама попросила Гайлет, милая, чтобы она поделилась с тобой этой штукой. К тому же ты ее видела и раньше, на громовом холме.

— Да. — Она улыбнулась. — Но это не совсем то же самое.

— Ну, ладно, заткнись и толкай, — проворчал Фибен. Они снова навалились изо всех сил.

«Поддается! Поддается!» Он услышал, как выдохнула Сильвия, его собственные мышцы угрожали порваться.

Планка затрещала, выгнулась, снова затрещала.

На этот раз поскользнулся Фибен, выпустив упругий пружинящий материал. Снова они, тя-

жело дыша, упали в грязь.

Дождь разошелся не на шутку, Фибен промокнул глаза и посмотрел на отверстие. «Сантиметров двенадцать. Ифни! Мало».

Он чувствовал, как проникает в сознание и лишает силы воли пси-излучение. Он знал, что это излучение отнимает у них с Сильвией силы, подталкивает к покорности. С огромным трудом встал и прислонился к упрямой изгороди.

«Дьявольщина, мы старались. Хоть в этом нам не откажешь. Мы почти добились своего. Если бы только...»

— Нет! — неожиданно крикнул он. — Нет! Я не отступлю! — Он бросился к щели, пытался протиснуться, сражался с непокорным отверстием. Где-то в темном царстве прямо ударила молния, осветив поля и лес, а за ними — манящие предгорья Мулун.

Загремел гром, изгородь задрожала. Планки стиснули Фибена, и он закричал от боли. Когда они отпустили, он, полуживой от боли, упал рядом с Сильвией. Но через мгновение снова вскочил. Еще одна электрическая нить соединила землю с мерцающими облаками. Фибен заколотил по земле. Грязь и булыжники разлетелись во все стороны. Гром швырнул их назад,

в лицо Фибену.

Речи не существовало. Не стало слов. Та его часть, которая знала, что они существуют, отшатнулась в шоке, и контроль перешел к другим, более древним частям сознания.

Оставались только буря, ветер и дождь, молнии и гром.

Фибен ударил себя в грудь, оскалил зубы под жалящим дождем. Буря пела Фибену, отражалась в земле и дрожащем воздухе, а он ответил ей криком.

Его крик — не изнеженная человеческая музыка и не поэзия сонных фантомов китов и дельфинов. Нет, эту музыку он ощущал мозгом костей. Она приподняла Фибена, как тряпичную куклу, и швырнула в грязь. Он поднялся, отплевываясь и крича.

Он поймал на себе взгляд Сильвии. Она колотила руками по земле, глядя на него широко раскрытыми глазами, возбужденная. Это заставило его еще громче ударять себя в грудь, еще громче кричать. Он знал теперь, что не ослаб! Швыряя камни в воздух, он бросал вызов буре, призывал на себя ее молнии!

И они послушно пришли. Яркий свет заполнил пространство, зарядил его, волосы Фибена встали

дыбом, искрились. Беззвучный удар пришелся ему в спину, словно рука гиганта прижала его к стене.

Фибен закричал, ударившись об ограду. И, прежде чем потерял сознание, отчетливо ощутил запах паленой шерсти.

Глава 66
ГАЙЛЕТ

В темноте под звуки дождя, стучащего о плитки крыши, она неожиданно открыла глаза. Встала, завернувшись в одеяло, и подошла к окну.

Снаружи над Порт-Хелением лютовала, знаменуя приход осени, буря. Темные тучи гневно и угрожающе гремели. На востоке ничего не видно, но Гайлет прижалась щекой к прохладному стеклу и смотрела туда.

В комнате приятно тепло, но она закрыла глаза и вздрогнула от неожиданного холода.

Глава 67
ФИБЕН

Глаза... глаза... глаза повсюду. Дрожат и танцу-

ют, мерцают в темноте, насмехаются над ним.

Появился слон — продирается сквозь джунгли, буянит, глаза покраснели от гнева. Он пытается бежать, но слон хватает его, подбрасывает хоботом, и несет, стискивая ребра.

Он хочет попросить зверя съесть его или растоптать... только чтобы все кончилось! Но немного погодя привыкает. Боль притупляется, тело ноет, а путешествие становится размеренным...

* * *

Первое, что он почувствовал, придя в себя: дождь почему-то не падает на лицо.

Он лежит на спине, на чем-то вроде травы. Ненастье не затихает. Он ощущает влагу на ногах и теле, но ни одна капля не падала ему на нос или в рот.

Фибен открыл глаза, чтобы посмотреть, в чем дело... и, кстати, понять, почему он еще жив. На фоне облаков смутно вырисовывается силуэт. Невдалеке ударила молния, на мгновение осветив его. На Фибена озабоченно смотрела Сильвия.

Его голова лежит у нее на коленях.

Фибен попытался заговорить.

— Где... — Но послышался только хрип. Голос

как будто исчез. Фибен смутно вспомнил, как кричал, вопил в небо. Должно быть, поэтому болит горло.

— Мы снаружи, — сказала Сильвия, чуть погромче, чтобы перекрыть звуки дождя. Фибен мигнул. «Снаружи?» Сморщившись, он поднял голову и осмотрелся.

Трудно было что-то увидеть в такую погоду. Но он сумел разглядеть контуры деревьев и невысоких холмов. Повернулся налево. Безошибочно узнавалась Порт-Хеления, особенно извивающаяся цепочка огоньков на ограде губру.

— Но... но как мы сюда попали?

— Я тебя принесла, — просто ответила она. — После того как ты разорвал стену, ты не мог идти.

— Разорвал стену?..

Она кивнула. Глаза Сильвии сверкали.

— Я считала, что видела раньше танцы грома, Фибен Болджер. Но твой побил все рекорды, клянусь. Если доживу до девяноста и у меня будет сто почтительных внуков, я и тогда не смогу рассказать так, чтобы поверили.

Он смутно припоминал свой гнев, ярость от того, что свобода так близко и в то же время далека. Теперь ему стыдно вспоминать, как в нем

победил зверь.

«А еще белая карта!» — фыркнул Фибен, думая, как глупо поступил сюзерен Праведности, выбрав его представителем.

— Должно быть, временно потерял самоконтроль.

Сильвия коснулась его левого плеча. Он сморщился и посмотрел туда — сильный ожог. Странно, он болит не так, как синяки и царапины.

— Ты смеялся над бурей, Фибен, — почтительным тоном сказала Сильвия. — Дерзил, требовал, чтобы она пришла к тебе. А когда она пришла... ты заставил ее исполнить твое желание.

Фибен закрыл глаза. «Гудолл! Какая чушь!» Но все же где-то глубоко внутри он чувствовал себя польщенным. Как будто все произошло так, как описала Сильвия!

Фибен содрогнулся.

— Помоги мне сесть.

На несколько мгновений он потерял координацию, горизонт наклонился, перед глазами все расплывалось. Но Сильвия усадила его, и мир перестал раскачиваться. Фибен жестом попросил помочь ему встать.

— Ты должен отдохнуть, Фибен.

— Когда доберемся до Мулуна, — ответил он. —

Скоро рассвет, а буря не продлится вечно. Пошли, я буду опираться на тебя.

Она положила его здоровую руку себе на плечо, поддерживая его. И он сумел встать.

— Знаешь, — сказал он. — Ты сильная маленькая шимми. Хм. Перенесла меня сюда?

Она кивнула, глядя на него все с тем же блеском в глазах. Фибен улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Они пошли, спотыкаясь, к лесистым холмам на востоке.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МСТИТЕЛИ

Давным-давно, когда правил Посейдон и корабли людей были хрупки, как сухой трут, неудача постигла фракийский торговый корабль, он в начале зимы попал в бурю и разбился. Все моряки утонули, остался в живых только талисман корабля — обезьяна.

И тут, как решили судьбы, когда обезьяна в последний раз глотнула воздух, появился дельфин. Зная, что между людьми и дельфинами большая любовь, обезьяна закричала «Спаси меня! Ради моих бедных детей в Афинах!» Быстрый, как молния, дельфин подставил спину.

— Ты очень необычная, маленькая и уродливая для человека, — сказал дельфин, когда обезьяна ухватилась за него.

— Люди считают меня очень красивой, — ответила обезьяна, закашлявшись и крепко держась за дельфина, который повернул к суше.

— Ты говоришь, что ты из Афин? — спросило осторожное морское существо.
— Конечно. Я бы не стала говорить, если бы это было не так, — заявила обезьяна.
— А знаешь ли ты Пирей? — спросил подозрительный дельфин.
Обезьяна оказалась находчивой.
— О, да! — воскликнула она. — Пирей мой лучший друг! Я только на прошлой неделе разговаривала с ним!
Дельфин гневно подпрыгнул и сбросил обезьяну в море, где она и утонула.
Мораль: когда выдаешь себя за другого, постарайся придерживаться фактов.
М.Н.Плано

Глава 68
ГАЛАКТЫ

Изображение на голографическом экране дрожало. Ничего удивительного. Оно приходило за многие парсеки через свернутое пространство в пункте перехода Пурмин. Картинка прыгала и иногда теряла четкость. Но смысл послания

совершенно ясен сюзерену Праведности.

Толпа разнообразных существ находится перед пьедесталом сюзерена. Большинство он узнавал с первого взгляда. Вот пила, низкорослые, пушистые, с короткими руками. А вот высокий нескладный з'танг, он стоит перед паукообразным серентини. Лениво светится би-гле, свернувшись рядом с существом, которое сюзерен сразу не узнал. Возможно, клиент, а может быть, домашнее животное.

К отчаянию сюзерена, в делегацию входили синтианин и человек.

Человек!

И невозможно жаловаться. Логично включить в число официальных наблюдателей человека, так как планета отдана по лицензии людям, если, конечно, найдется подходящий претендент. Но сюзерен был уверен, что в распоряжении Института возвышения в этом секторе такого нет!

Видимо, это еще один признак того, что политическая ситуация в пяти галактиках ухудшилась. С родины от Повелителей Насестов поступают сообщения о серьезных неудачах между спиральными рукавами. Сражения терпят неудачу. Союзники оказываются ненадежными. На некогда выгодных торговых путях, закрытых из-за

блокады Земли, теперь доминируют боевые флоты соро и танду.

Наступают тяжелые времена для великого и могучего клана гуксу-губру.

Все теперь зависит от некоторых мощных кланов, пока еще сохраняющих нейтралитет. Но если произойдет нечто такое, что позволит заключить с ними союз, триумф достанется праведным.

С другой стороны крыла, будет катастрофой, если эти нейтралы примкнут к противникам великого клана!

Именно этими соображениями руководствовался сюзерен Праведности, когда выдвинул идею захвата Гарта. Внешне экспедиция была нацелена на захват заложников, чтобы вынудить Верховное Командование Земли поделиться своими тайнами. Но психологические прогнозы показывали, что это маловероятно. Волчата очень упрямы.

Нет, поддержку плана сюзерена Повелителями Насестов обеспечили посулы добыть честь и славу клану, одержать решительную победу и тем самым привлечь на свою сторону колеблющихся. И вначале все шло так хорошо!

Первый сюзерен Стоимости и Бережливости...

Священник издал глубокую траурную ноту.

Он не понимал раньше, какого мудреца они потеряли, как умел старый чиновник оттенить яркие способности своих молодых коллег своим здравым смыслом и надежностью.

«Какой консенсус, какое единство, какую политику могли бы мы получить!»

А теперь, вдобавок к постоянным раздорам во все еще не достигшем единства триумвирате, недавние дурные новости: землянин в составе делегации Института возвышения. О последствиях этого думать страшно.

И даже не это еще самое плохое! Сюзерен в отчаянии смотрел, как землянин выступил вперед в качестве главы делегации. Он заговорил на отчетливом галактическом-семь.

— Приветствую триумвират сил гуксу-губру, оккупирующих в настоящий момент лицензионную планету под названием Гарт от имени Каф'Квин*3, Верховного Высшего Экзаменатора Института возвышения. Это послание отправлено вам быстрейшим доступным способом, чтобы вы могли подготовиться к нашему прибытию. Состояние гиперпространства и пунктов перехода таково, что мы почти наверняка сможем присутствовать на предлагаемой церемонии и вовремя предложить соответствующие тесты

на разумность в том месте и в то время, какие назначены вами. Вы также извещаетесь, что галактический Институт возвышения с большим сомнением идет навстречу вашей необычной просьбе — из-за спешки и ограниченной информации. Церемонии возвышения — радостные события, особенно в такие тревожные времена. На них празднуется продолжение и постоянное возобновление галактической культуры во имя наших почитаемых Прародителей. Клиенты — это надежда и будущее нашей цивилизации, и именно в таких ритуалах мы демонстрируем свою ответственность, честь и любовь. Мы встречаем это событие, преисполненные любопытства к тем чудесам, которые клан гуксу-губру намерен показать пяти галактикам.

Сцена исчезла, оставив сюзерена в задумчивости. Конечно, слишком поздно отозвать приглашения и отменить церемонию.

Даже остальные сюзерены понимают это. Шунт должен быть завершен, и они должны приготовиться к приему почетных гостей. Поступить иначе — означает нанести невосполнимый ущерб делу губру.

Сюзерен исполнил танец гнева и раздражения, изрыгая короткие резкие проклятия.

Будь проклят этот дьявольский шутник-тимбрими! Задним числом сама мысль о гартлингах, туземных предразумных существах, переживших катастрофу бурурал ли, кажется нелепой. Но цепочка фальшивых свидетельств выглядела такой убедительной, сулила такие огромные возможности!

Сюзерен Праведности начинал эту экспедицию, будучи первым из предводителей. Его высокое положение в Слиянии казалось непоколебимым, особенно после безвременной гибели первого сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но все изменилось, когда лопнул миф о гартлингах и стало ясно, что сюзерена Праведности просто одурачили. Неспособность найти доказательства ошибок людей в восстановлении Гарта и воспитании клиентов означала, что сюзерен по-прежнему не может вступить на почву этой планеты. Это, в свою очередь, задерживает выработку необходимых для Слияния гормонов. Все эти факторы — серьезные неприятности, ставящие под сомнение саму возможность Слияния.

Восстание неошимпанзе помогло военным выдвинуться на первый план.

Теперь сюзерен Луча и Когтя быстро и неудержимо завоевывает авторитет.

Приближение Слияния наполняло сюзерена Праведности дурными предчувствиями. Такие события должны быть торжественными и высокодуховными даже для проигравших. Слияние — это время обновления и сексуального становления расы и одновременно — кристаллизация политики, консенсус для правильных действий.

Но на этот раз, однако, консенсуса почти нет. Что-то в этом Слиянии изначально неверно.

Единственное, в чем трое сюзеренов достигли единодушия, — строящийся гиперпространственный шунт необходимо использовать для церемонии возвышения. Поступить иначе в данный момент равносильно самоубийству. Но во всем остальном мнения сюзеренов расходятся. Их непрерывные споры отражаются на состоянии всей экспедиции. Религиозные солдаты Когтя ссорятся со своими товарищами. Чиновники, военные в отставке, поддерживают расточительство своих бывших товарищей и глухо ропщут, получив приказ своего сюзерена. Даже среди священников вместо былого единодушия часто возникают споры.

Верховный священник недавно обнаружил, к чему приводит деление на фракции: к настоящему предательству! Иначе каким образом пропали

два представителя расы шимпанзе?

Теперь сюзерен Стоимости и Бережливости настаивает на том, что он будет выбирать нового представителя-самца. Несомненно, именно главный чиновник виновен в «бегстве» Фибена Болджера! И столь же очевидно, что теперь этот шимп — прах и пепел. Конечно, невозможно обвинить в этом никого из сюзеренов-соперников.

Приблизился слуга-кваку, поклонился и протянул в клюве информационный куб.

В помещении стемнело, и сюзерен Праведности глазами видеокамеры увидел дождь и темноту. Он невольно вздрогнул от отвращения к омерзительному тусклому и сырому городу волчат.

Камера приблизилась и показала панорамой грязную тропу в глухом переулке... сломанную клетку из дерева и проволоки, в которой земляне держали своих ручных птиц... груду мокрой одежды рядом с закрытой на замок фабрикой... следы, ведущие по грязному полю к изогнутой и разорванной ограде... еще отпечатки за оградой, уходящие в туман, в степь.

Прежде чем следователи завершили доклад, сюзерену все стало ясно.

Самец-шимп сумел уйти от подготовленной для него ловушки! Он умудрился действительно

сбежать!

Сюзерен исполнил на своем насесте ряд древних жеманных па.

Ущерб, вред, урон
Нашей программе огромен.
Но он не есть, не должен быть
Невосполнимым!

По сигналу сюзерена появились слуги-кваку. Первый приказ сюзерена был прост.

Мы должны усилить, углубить, усугубить нашу преданность, нашу настойчивость. Сообщите самке, что мы согласны, мы изъявляем готовность, мы принимаем ее просьбу. Она может посетить Библиотеку.

Слуга поклонился, и все остальные кваку пропели:

Зуууун!

Глава 69
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Межзвездное послание закончилось, голографический экран опустел. Когда зажегся свет, члены Совета удивленно переглянулись.

— Что... что все это значит? — спросил полковник Мейвен.

— Не знаю, — ответил командор Кайли. — Но ясно, что губру что-то задумали.

Комендант убежища Му Чей побарабанила пальцами по столу.

— Это как будто официальные представители Института возвышения. Мне кажется, захватчики планируют провести какую-то церемонию возвышения и пригласили свидетелей.

«Это-то очевидно», — подумала Меган.

— Вы думаете, это имеет отношение к загадочному строительству у Порт-Хелении? — спросила она. Это сооружение послужило предметом недавних многих обсуждений.

Полковник Мейвен кивнул.

— Не хотелось раньше признавать эту возможность, но сейчас я с этим согласен.

Заговорил член Совета — шимп.

— Зачем им проводить церемонию для кваку здесь, на Гарте? Это не имеет смысла. Разве это подкрепит их требование на лицензию на Гарт?

— Сомневаюсь, — сказала Меган. — Может быть... может быть, церемония проводится не для кваку.

— Но тогда для кого?

Меган пожала плечами. Кайли заметил:

— По-видимому, представители Института возвышения тоже этого не знают.

Повисло тяжелое молчание. Наконец снова заговорил Кайли.

— Насколько значительно, по вашему мнению, то обстоятельство, что возглавляет делегацию человек?

Меган улыбнулась.

— Очевидно, это проявление отношения к губру. Человек, возможно, всего лишь младший чиновник в местном отделении Института возвышения. То, что он стоит выше пила, з'танг и серентини, означает, что с Землей еще не покончено. И определенные силы хотят указать на это губру.

— Хм. Пила. Они серьезные члены клана соро. То, что ими руководит человек, может, конечно, означать оскорбление для губру, но еще не значит, что с Землей все в порядке.

Меган поняла, что имеет в виду Кайли. Если в земном пространстве господствуют соро, всех их ждут тяжелые времена.

Снова долгое молчание. Затем заговорил полковник Кайли.

— Они упомянули гиперпространственный

шунт. Такие установки очень дорогие. Губру, должно быть, возлагают много надежд на эту церемонию.

«Действительно», — подумала Меган, помня, какое предложение было выдвинуто на Совете. Теперь она поняла, что трудно ей будет придерживаться совета Утакалтинга.

— Вы предлагаете цель, полковник?

— Да, мадам координатор, — Мейвен выпрямился и встретился с ней взглядом. — Я думаю, именно такого случая мы ждали.

За столом все одобрительно закивали. «Они так голосуют от раздражения и скуки. — Меган это знала. — Но разве это не золотой шанс, которым нужно воспользоваться или навсегда его утратить?!»

— Мы не можем нападать, когда прибудут посланники Института возвышения, — подчеркнула она и увидела, что все понимают важность этого. — Однако я согласна, что до их прибытия у нас есть возможность.

Согласие было очевидно. Меган мельком подумала, что должно быть более тщательное обсуждение. Но и она испытывала крайнее нетерпение.

— Мы передадим новый приказ майору Пра-

тачулторну. Он получает карт-бланш. Единственное условие — нападение должно быть организовано до первого ноября. Согласны?

Простое поднятие рук. Командор Кайли колебался, потом присоединился к остальным, и голосование прошло единодушно.

«Мы обречены, — подумала Меган. — Приготовлено ли в аду специальное местечко для матерей, посылающих своих сыновей в бой?»

Глава 70
РОБЕРТ

«Ей ведь не обязательно было уходить! Она сама говорила, что все в порядке».

Роберт потер колючий подбородок. Подумал о душе и бритье. Когда рассветет, майор Пратачулторн созовет совещание, а командир любит, чтобы его офицеры выглядели аккуратно.

«На самом деле мне следовало бы поспать», — подумал Роберт. Они только что закончили серию ночных опытов. Но через пару часов беспокойного сна он обнаружил, что слишком нервничает, слишком переполняет его беспокойная энергия, чтобы он мог оставаться в постели. Он встал и пошел к своему маленькому столу. При рассеян-

ном свете информационного экрана, чтобы не разбудить остальных обитателей комнаты, начал читать приказ майора Пратачулторна, подробное описание предстоящего боя.

Оно оказалось изобретательным и профессиональным.

Предлагались разнообразные варианты для использования ограниченных сил для сильного удара по врагу. Оставалось только правильно выбрать цель.

Но все-таки что-то в этой стройной системе показалось Роберту неверным. Документ не укрепил его уверенности, как он надеялся.

Роберт почти чувствовал, как образуется нечто в пространстве над его головой — что-то отдаленно напоминающее темные тучи, которые закрывали вершины гор в недавнюю грозу — символическое проявление его беспокойства.

В другом конце небольшой комнаты шевельнулась стройная фигура под одеялом. Одна изящная рука свесилась вниз, видны также гладкое бедро и икра ноги.

Роберт сосредоточился и убрал нечто, создаваемое его простой аурой.

Оно начало тревожить сон Лидии, несправедливо взваливать на нее свои тревоги. Несмотря

на недавнюю интимную близость, они еще чужие друг другу.

Роберт напомнил себе, что в последние дни произошли и некоторые положительные изменения. Например, план боя показывал, что идеи Роберта Пратачулторн воспринимает серьезно. А время, проведенное с Лидией, приносило не только физическое удовлетворение. Роберт не сознавал, как ему не хватало простого прикосновения другого человека. Люди выдерживают одиночество легче шимпов. Если у тех долго нет партнера по расчесыванию, они впадают в глубокую депрессию. Но и у людей обоего пола есть подобные потребности. Даже в самые страстные моменты с Лидией Роберт продолжал думать и о ком-то другом.

«Нужно ли было ей на самом деле уходить? Не было никаких убедительных причин для похода к горе Фосси. О гориллах и без того хорошо заботятся».

Конечно, гориллы послужили только предлогом уйти от неодобрительных взглядов майора Пратачулторна и электрических разрядов человеческой страсти.

Атаклена, возможно, права, нет ничего дурного в том, что Роберт ищет общества людей. Но кроме

логики, у нее есть и чувства. Юная и одинокая, она страдает, хотя понимает, что он поступает правильно.

— Черт возьми! — проворчал Роберт. Слова и чертежи Пратачулторна расплывались. — Черт возьми, мне ее не хватает.

Снаружи, за одеялом, которым его комната отделяется от остальной пещеры, послышался шум. Роберт посмотрел на часы. Всего лишь час ночи. Он встал и надел брюки. Шум в такое время означает скорее всего дурные новости. То, что враг целый месяц, не проявлял активности, вовсе не значит, что так будет всегда. Может быть, губру разнюхали про их планы и наносят упреждающий удар. По камню зашлепали босые ноги.

— Капитан Онигл? — произнес голос из-за одеяла. Роберт подошел и откинул занавеску. Перед ним стояла запыхавшаяся посыльная-шимми.

— Что случилось? — спросил Роберт.

— Сэр, вам лучше взглянуть.

— Хорошо. Только возьму оружие.

Шимми покачала головой.

— Это не нападение, сэр... из Порт-Хелении прибыли шимпы.

Роберт нахмурился. Небольшие группы новобранцев приходят все время. Почему такое

возбуждение сейчас? Он услышал, как шевелится потревоженная Лидия.

— Хорошо, — сказал он шимми. — Расспросим их немного позже...

Она прервала:

— Сэр! Это Фибен! Фибен Болджер, сэр. Он вернулся.

Роберт мигнул.

— Что?

Сзади послышался шорох.

— Роб? — произнес женский голос. — Что...

Роберт завопил. Его крик отозвался в тесном помещении. Он сжал в объятиях и поцеловал удивленную шимми, потом подхватил Лидию и подбросил в воздух.

— Что?.. — недоуменно повторила она и замолчала, увидев, что Роберта и след простыл.

* * *

Особой необходимости торопиться не было. Фибен со своим эскортом еще не появился. К тому времени, когда можно было рассмотреть поднимающихся по тропе лошадей, Лидия оделась и присоединилась к Роберту около внешнего укрепления пещеры. Серый рассвет уже принялся гасить звезды.

— Все на ногах, — заметила Лидия. — Даже майора подняли. Везде бегают шимпы и возбужденно болтают. Должно быть, мы ждем необычного шена.

— Можно и так сказать. — Роберт рассмеялся и подул на руки. — Старина Фибен действительно необычен.

— Это я поняла. — Она заслонила глаза от света с востока и смотрела, как конный отряд поворачивает на тропе. — Это тот, что в бинтах?

— Гм? — Роберт прищурился. Зрение Лидии было улучшено биоорганически во время ее военного обучения. Ему стало завидно. — Ничего удивительного. Фибен частенько ходит перебинтованный, хотя и говорит, что ненавидит повязки. Сваливает все на свою природную неуклюжесть и невезучесть, но я всегда подозревал в нем склонность к авантюрам. Никогда не встречал шимпа, которому так много нужно, просто чтобы рассказать о себе.

Через несколько минут он тоже мог разглядеть фигуру своего друга. Роберт крикнул и поднял руку. Фибен улыбнулся и помахал в ответ, хотя левая его рука висела на перевязи. Рядом с ним на светлой кобыле ехала шимми, которую Роберт не узнал.

Из пещеры вышла посыльная и отдала честь.

— Джентльмены, майор просит вас и лейтенанта Болджера немедленно явиться к нему.

Роберт кивнул.

— Пожалуйста, передай майору Пратачулторну, что мы сейчас явимся.

Лошади поднялись на последний пригорок. Лидия сунула руку в ладонь Роберта, и он ощутил одновременно прилив радости и вины. Он сжал ее руку и постарался не показывать противоречивости своих чувств. «Фибен жив! — подумал он. — Надо сообщить Атаклене. Я уверен, она обрадуется».

* * *

У майора Пратачулторна выработалась нервная привычка тянуть себя за ухо. Слушая доклады подчиненных, он ерзает на стуле, время от времени что-то бормочет в свой накопитель информации, получает какие-то сведения. Может показаться, что он отвлекается, но стоит говорящему замолчать или просто заговорить медленнее, майор тут же нетерпеливо щелкает пальцами.

Очевидно, Пратачулторн соображает быстро и способен решать одновременно несколько задач.

Но такое поведение некоторые шимпы воспринимают с трудом, нервничают и лишаются дара речи. Это, в свою очередь, не улучшает мнения майора о солдатах нерегулярной армии, которые еще недавно находились под командованием Роберта и Атаклены.

Однако при обращении с Фибеном такой проблемы не возникло. Прихлебывая апельсиновый сок, Фибен продолжал рассказывать. Даже Пратачулторн, который обычно прерывает посыльных, задает множество вопросов, безжалостно требует подробностей, на этот раз сидел молча, слушая о трагическом окончании восстания в долине, последующем пленении Фибена, о встречах с сюзереном Праведности и тестах и о теориях доктора Гайлет Джонс.

Время от времени Роберт поглядывал на шимми, которую Фибен привез с собой из Порт-Хелении. Сильвия сидела между Бенджамином и Элси, выпрямившись, с непроницаемым выражением. Когда ей изредка задавали уточняющие вопросы или просили подтверждения, она негромко отвечала, но остальное время не сводила глаз с Фибена.

Фибен подробно остановился на политической ситуации в лагере губру, как он понимал ее.

Перейдя к рассказу о вечере своего бегства, он сообщил о ловушке, подготовленной «сюзереном Стоимости и Бережливости», и закончил просто, сказав:

— Поэтому мы с Сильвией решили уходить другим путем, не морем. — Он пожал плечами. — Мы пролезли через дыру в ограде и добрались до передового поста повстанцев. И вот мы здесь.

«Ничего себе!» — подумал Роберт. Разумеется, Фибен промолчал и о своих ранах, и о том, как же все-таки им удалось уйти. Конечно, все это будет в его письменном отчете майору, но остальным придется выкупать у него подробности.

Роберт увидел, как Фибен посмотрел в его сторону и подмигнул.

«Не меньше пяти порций пива», — подумал Роберт.

Пратачулторн наклонился вперед.

— Вы говорите, что видели гиперпространственный шунт? Можете указать точное место расположения?

— Я получил подготовку разведчика, майор. В письменный отчет я включу карту или схему.

Пратачулторн кивнул.

— Если бы у нас уже не имелось других сообщений, никогда не поверил бы этому рассказу.

Но теперь вынужден вам поверить. Говорите, установка дорогая, даже по стандартам губру?

— Да, сэр. Так считаем мы с Гайлет. Судите сами. Люди смогли организовать только по одной церемонии возвышения для своих клиентов за все годы после Контакта, и в обоих случаях они происходили на Тимбриме. Поэтому другие клиенты, вроде кваку, относятся к нам пренебрежительно. Частично это спровоцировано кланами соро и губру, которые пытались отказать людям в статусе патронов, но главным образом из-за нашей бедности, по галактическим стандартам.

Фибен явно поднаторел. Роберт подумал, что отчасти это заслуга Гайлет Джонс. Со своим обостренным чувством эмпатии он воспринимал слабую дрожь, с которой Фибен произносил это имя.

Роберт взглянул на Сильвию. «Похоже, у Фибена возникли сложности».

Конечно, это напомнило Роберту о собственной ситуации. «Фибен не одинок», — подумал он. Всю жизнь он хотел стать восприимчивее, лучше разбираться в других и себе. Наконец его желание исполнилось, но не принесло ему радости.

— Клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом! — Пратачулторн ударил по столу. — Мистер

Болджер, ваше сообщение пришло как нельзя вовремя! — Он повернулся к Роберту и Лидии. — Вы понимаете, что это значит, джентльмены?

— Гм... — начал Роберт.

— Цель, сэр, — сжато ответила Лидия.

— Совершенно верно, цель! Это полностью соответствует приказу, полученному от Совета. Если сумеем разрушить шунт — предпочтительно до прибытия почетных гостей, ударим губру в самое больное место — по кошельку!

— Но... — попытался возразить Роберт.

— Вы слышали рассказ разведчика, — сказал Пратачулторн. — Губру в трудном положении. Они истратили все ресурсы, их предводители вцепились в горло друг другу, и это может стать последней каплей! Да, мы можем ударить, когда там соберется весь их триумвират!

Роберт покачал головой.

— Не стоит ли все хорошенько обдумать, сэр? Я имею в виду предложение этого сюзерена Правдивости...

— Праведности, — поправил Фибен.

— Да. Его предложение Фибену и доктору Джонс.

Пратачулторн в свою очередь покачал головой.

— Явная ловушка, Онигл. Будьте осторожней.

— Я осторожен, сэр. Я эксперт в этих вопросах не лучший, чем Фибен, и гораздо хуже разбираюсь, чем доктор Джонс. И, конечно, я согласен, что это может быть ловушка. Но по крайней мере внешне это выглядит чрезвычайно выгодно для Земли! Не думаю, что мы должны отбросить такое предложение, даже не сообщив Совету.

— На это нет времени, — ответил Пратачулторн, качая головой. — Я получил приказ действовать по собственному усмотрению и по возможности до прибытия почетных гостей из галактики.

Роберт ощутил растущее отчаяние.

— Но давайте хотя бы посоветуемся с Атакленой. Она дочь дипломата и быстрее нас разберется в том, какими могут оказаться последствия.

Хмурое лицо Пратачулторна было весьма красноречиво.

— Если найдется время, я с удовольствием выслушаю мнение молодой тимбрими. — Но стало ясно, что Роберт упал в глазах майора, упомянув имя «генерала».

Пратачулторн хлопнул по столу.

— Требуется срочно собрать совещание офицеров и выработать тактику действий против гипершунта. — Он повернулся и кивнул шимпам.

— Вы свободны, Фибен. Благодарю вас за храбрость и своевременные действия. То же самое относится и к вам, мисс. — Он кивнул Сильвии. — С нетерпением жду письменный отчет.

Элси и Бенджамин встали и вышли. Как временно получивших офицерское звание, их не включили в штаб Пратачулторна. Фибен встал медленнее, с помощью Сильвин.

Роберт торопливо заговорил вполголоса с Пратачулторном.

— Сэр, я уверен, вы просто забыли, что Фибен офицер колониальных сил. Если мы его не пригласим, это будет политической ошибкой.

Пратачулторн мигнул. Выражение его лица не изменилось, но Роберт понял, что опять промахнулся.

— Да, конечно, — спокойно сказал майор. — Пожалуйста, передайте лейтенанту Болджеру, что он может остаться, если не очень устал.

После этого он повернулся к приемнику и стал вызывать файлы. Роберт чувствовал на себе взгляд Лидии. «Наверно, считает, что я никогда не научусь такту», — подумал он, подходя к двери и придерживая Фибена, когда тот уже выходил.

Друг улыбнулся ему.

— Наверно, детское время кончилось, — тихо за-

метил Фибен, взглянув в сторону Пратачулторна.

— Даже хуже, старина. Но я только что добился для тебя статуса почетного взрослого.

«Если бы взгляды могли ранить, — думал Роберт, глядя на кислую мину Фибена. — Ты считал, что это время Миллера». — Они говорили о возможном происхождении этого выражения — «детское время».

Фибен, держась за плечо Сильвии, вернулся в помещение. Она какое-то время смотрела на него, потом повернулась и вышла вслед за Элси.

Бенджамин, однако, задержался. Он увидел, как Роберт кивком попросил его остаться. Роберт незаметно передал ему небольшой диск. Вслух он не решился говорить, но сделал знак рукой.

«Передай», — попросил он.

Бенджамин быстро кивнул и вышел.

Когда Роберт вернулся к столу, Пратачулторн и Лидия уже углубились в сложности предстоящего боя. Майор повернулся к Роберту.

— Боюсь, некогда будет использовать бактерии, хотя вы проявили большую изобретательность...

Роберт почти не слышал. Он сел, думая о том, что только что совершил преступление. Тайно записав весь ход встречи, включая доклад Фибена, он нарушил правила. Отдав запись Бенджамину,

он нарушил приказ.

А попросив шимпа доставить запись чужаку, он тем самым совершил измену.

Глава 71
МАКС

Рослого неошимпанзе ввели в обширное подземное помещение на цепи со скованными руками. Шимп не обращал внимания на стражников, тоже шимпов, но в мундирах захватчиков, которые несли другой конец цепи, но время от времени вызывающе посматривал на чужаков техников, которые располагались на переходах вверху.

Лицо его было испещрено старыми шрамами, а теперь к ним прибавились ссадины и открытые раны; местами не хватало шерсти. Раны заживали, но выглядели весьма непривлекательно.

— Пошли, — сказал один из стражников, подталкивая шимпа вперед. — Птицы хотят задать тебе несколько вопросов.

Макс продолжал игнорировать проби. Его отвели к помосту в центре помещения. Здесь ждали несколько кваку, стоя на платформе с приборами.

Макс смотрел на предводителя чужаков, затем небрежно поклонился.

Птицеподобный едва поклонился в ответ.

Рядом с кваку стояли еще трое квислингов. Двое хорошо одетых шимпов, из тех, что наживаются на поставке губру стройматериалов и рабочих. Ходили слухи, что делают они это за счет своих отсутствующих партнеров-людей. Но рассказывали также о согласии и прямом попустительстве людей, интернированных на острове Гилмор. Макс не знал, какую версию предпочесть.

Третий шимп на платформе — командир вспомогательных сил, высокий шен, который высокомерно именует себя Железной Хваткой.

Макс знал, как полагается обращаться с предателями. Он улыбнулся, обнажив большие клыки, и плюнул к их ногам. Проби с криком дернули за цепь, и он пошатнулся. Стражники подняли дубинки. Но быстрое чириканье кваку остановило их. Они с поклоном отступили.

— Ты уверен... не сомневаешься, что этот... этот индивидуум тот самый, кого мы ищем? — спросил пернатый офицер у Железной Хватки.

Шимп кивнул.

— Он найден раненым около того места, где были захвачены Гайлет Джонс и Фибен Болджер.

Его видели в их обществе до восстания; он много лет служил в ее семье. Я провел анализ, показывающий, что контакт с этими индивидуумами делает его пригодным.

Кваку кивнул.

— Ты очень изобретателен, — сказал он Железной Хватке, — и будешь вознагражден, тебе повысят статус. Хотя один из кандидатов, избранных сюзереном Праведности, каким-то образом сумел уйти из наших сетей, мы можем заменить его новым. Тебе сообщат.

Макс достаточно долго жил под властью губру, чтобы понять, что эти чиновники — приближенные сюзерена Стоимости и Бережливости. Хотя не представлял себе, чем он может оказаться им полезен.

Почему его привели сюда? В глубинах рукотворной горы через залив от Порт-Хелении находится устрашающий муравейник механизмов и энергетических установок. Во время подъема на лифте волосы Макса вставали дыбом от статического электричества: губру и их клиенты испытывали титанические машины.

Функционер-кваку разглядывал его одним глазом.

— Ты исполнишь две функции, — сказал он

Максу. — Послужишь двум целям. Ты дашь нам информацию, сообщишь сведения о твоем прежнем нанимателе, нужные нам материалы. И ты поможешь, окажешь помощь нам в эксперименте.

Макс снова улыбнулся.

— Ни того, ни другого я не сделаю, и мне безразлично, если это проявление неуважения. Можете надеть клоунский наряд и кататься на велосипеде.

Кваку мигнул раз, другой, слушая компьютерный перевод. Обменялся чириканьем со своими помощниками, потом снова повернулся к Максу.

— Ты не понял, ошибся в наших словах. Вопросов не будет. Тебе не нужно говорить. Твое согласие не требуется.

Полная убежденность этого заявления звучала устрашающе. Макс вздрогнул в неприятном предчувствии.

Когда его схватили, враг добивался признаний. Он приготовился сопротивляться, но его потрясло, когда выяснилось, что их интересуют только гартлинги. Снова и снова его спрашивали: «Где предразумные?» Гартлинги?

Легко обманывать их, несмотря на все наркотики и пси-машины, потому что главное пред-

положение врагов оказалось таким нелепым. Представить себе только: галакты, поверившие в глупые детские сказки! Макс узнал множество способов дурачить кваку.

Например, он изо всех сил старался не «признаваться», что гартлинги существуют. И ему удалось на время убедить их, что они идут по правильному пути.

Наконец они сдались и оставили его в покое. Вероятно, поняли, что он их дурачит. После этого его направили на строительство, и Макс решил, что о нем забыли.

«Отнюдь», — понял он теперь. Слова кваку обеспокоили его.

— Что значит, не будете спрашивать?

На этот раз ответил предводитель испытуемых. Железная Хватка радостно погладил усы.

— Это значит, что всю информацию, которой ты владеешь, из тебя выдавят. Все эти машины, — он обвел рукой, — будут сосредоточены на тебе. Твои ответы выйдут наружу, а ты — нет.

Макс резко выдохнул и почувствовал, как заколотилось сердце. Но ему помогла держаться твердая решимость: он не даст этим предателям радости увидеть, как у него отнялась речь! Он сконцентрировался на том, чтобы найти слова.

— Это... это против... Правил Войны.

Железная Хватка пожал плечами. И предоставил объяснять чиновнику-кваку.

— Правила защищают... они созданы для видов и планет, а не для индивидуумов. И к тому же мы не приближенные священников!

«Вот как, — понял Макс. — Я в руках фанатиков».

Мысленно он попрощался с шимпами и шимми, с детьми своей групповой семьи, особенно со старшей групповой женой, которую больше никогда не увидит. Так же мысленно он наклонился и прощально поцеловал собственный зад.

— Вы допустили две ошибки, — сказал он тюремщикам. — Первая: вы сказали, что Гайлет жива, а Фибен снова провел вас. Это поможет мне выдержать все, что вы со мной сделаете.

Железная Хватка ответил:

— Пока можешь радоваться. Но ты все-таки поможешь нам спустить на землю твоего бывшего хозяина.

— Может быть, — кивнул Макс. — А вторая ошибка: вы прикрепили меня к этому...

Руки его висели расслабленно, но вот он резко дернул ими и изо всей силы натянул цепь. Двое проби упали, выпустив концы цепи.

Макс покрепче уперся ногами и взмахнул цепью, как кнутом. Охранники метнулись в стороны, но поздно. Удар расколол череп одного из шимпов на помосте. Другой, в отчаянии пытаясь увернуться, сбил с ног всех троих кваку, как кегли.

Макс закричал от радости. Он вертел своим импровизированным оружием, пока все не оказались вне пределов досягаемости, потом изменил ось вращения. И, когда выпустил конец, цепь взлетела вверх и обвилась о поручень мостика над головой.

Подняться по тяжелым звеньям нетрудно. Все казались слишком ошеломлены, чтобы помешать ему. Но наверху пришлось потратить несколько драгоценных секунд, разматывая цепь. И так как руки его были прикованы к цепи, пришлось тащить ее с собой.

«Куда теперь?» — подумал он, собрав цепь. Увидев белое оперение справа от себя, Макс развернулся. И побежал в противоположную сторону, к лестнице, ведущей на следующий уровень.

Конечно, мысль о бегстве нелепа. У него только две цели, обе сиюминутные: нанести как можно больше ущерба и потом покончить с жизнью,

прежде чем он выдаст Гайлет.

Первую задачу он выполнял на бегу, молотя цепью по приборам, трубам, нежным механизмам, до каких мог дотянуться. Некоторые механизмы оказались крепче, чем выглядели, но другие ломались со звоном. Стойки с приборами валились через край вниз.

Макс искал возможность выполнить и другую задачу. Если не попадется оружие, он заберется достаточно высоко, чтобы перепрыгнуть через перила и упасть.

Из-за угла показались техник-губру и два помощника-кваку, они чирикали, обсуждая какую-то проблему. Макс завопил и метнул цепь. У одного кваку образовалась лысина, перья полетели во все стороны. Обороняясь цепью на обратном пути, Макс крикнул «Уууу!» смотрящему на него губру, тот отчаянно пискнул и дал деру, оставив за собой облако пуха.

— Со всем уважением! — добавил Макс в спину убегающему птицеподобному. Неизвестно, записывается ли происходящее. Гайлет говорила Максу, что убивать птиц нужно, делая это культурно.

Заревели сирены. Макс спихнул кваку, оттолкнул другого и принялся подниматься по

ступенькам. На следующем уровне он обнаружил заманчивую цель, мимо которой невозможно пройти. На краю грузовой платформы стояла длинная тележка с тонной хрупких фотонных приборов. У шахты лифта нет никаких поручней. Не обращая внимания на крики и шум, Макс нажал плечом.

«Давай!» — выдохнул он, и тележка на колесах двинулась.

— Эй! Он там! — услышал он крик шимпа. Макс напрягся, жалея о том, что раны ослабили его. Тележка покатилась.

— Эй, ты! Прекрати!

Слишком поздно, чтобы помешать инерции. Тележка вместе с грузом перевалила через край шахты. «Пора за ней», — подумал Макс.

Но не успел он сделать и шага, как ноги его свело судорогой. Он узнал болезненный эффект воздействия станнера на нервы. И, повернувшись, успел заметить оружие в руках Железной Хватки.

Руки Макса судорожно сжались, словно горло проби находилось рядом. Он отчаянно пытался упасть назад, в шахту.

«Получилось!» Макс торжествовал, падая вниз. Колющее оцепенение продлится недолго. «Те-

перь мы сравнялись, Фибен», — подумал он.

Но оказалось, что это не конец. Макс еще чувствовал, как руки чуть не выдернулись из суставов, когда он резко затормозил. Наручники оставили кровавые полосы, конец цепи задержался вверху. Сквозь металлическую сетку платформы Макс видел вверху Железную Хватку, который изо всех сил удерживал цепь. Проби посмотрел на него и медленно улыбнулся.

Макс покорно вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Придя в себя, Макс чихнул и попытался отодвинуться от ужасного запаха. Он мигнул и смутно разглядел усатого неошимпа, который держал у него под носом еще дымящуюся разбитую капсулу.

— Ну, вижу, ты проснулся.

Макс чувствовал себя ужасно. Конечно, от станнера болело все тело, он едва мог шевелиться. Но особенно горели руки и запястья. Они были связаны за спиной, но Макс догадывался, что руки сломаны.

— Где... где я? — спросил он.

— В самом центре гиперпространственного шунта, — небрежно ответил Железная Хватка.

Макс плюнул.

— Проклятый лжец!

— Как хочешь. — Железная Хватка пожал плечами. — Я просто подумал, что ты заслуживаешь объяснения. Видишь ли, вот эта машина называется усилитель. Она предназначена для проникновения в мозг и передачи изображения. Во время церемонии ею будут управлять представители Института, но они еще не прибыли. Так что мы собираемся чуть перегрузить ее, для проверки. Обычно испытуемый субъект приходит добровольно, а сама процедура не причиняет вреда. Но сегодня все это не имеет значения.

Из-за Железной Хватки послышалось резкое чириканье. В узком люке показались техники сюзерена Стоимости и Бережливости.

— Время! — выпалил передний кваку. — Быстрей! Торопись!

— А чего вы торопитесь? — спросил Макс. — Боитесь, что губру из других партий услышат и придут посмотреть?

Закрывая люк, Железная Хватка взглянул на него и опять пожал плечами.

— Это значит, что у нас есть время на один вопрос, но важный. Расскажи нам о Гайлет.

— Никогда!

— Ты ничего не сможешь сделать, — рассмеялся Железная Хватка. — Пытался когда-нибудь не думать о чем-то? Ты не сможешь не думать о ней. А машина, ухватившись за что-нибудь, извлечет из тебя все остальное.

— Ты... ты... — Макс пытался найти слова, но на этот раз они исчезли.

Он дергался, пытался уйти из центра массивных свернутых трубок, отовсюду нацелившихся на него. Но силы оставили его.

Только не думать о Гайлет Джонс. Но, пытаясь не думать о ней, он, конечно, думал! Макс застонал, и в это время машина негромко загудела. И он сразу почувствовал, как вокруг него заиграли гравитационные поля сотен звезд.

А в сознании завертелись тысячи картин. И все чаще и чаще среди них оказывалось изображение его прежней хозяйки и друга.

— Нет! — Макс сражался с этим изображением. Он должен вообще ни о чем не думать, попытаться сосредоточиться на чем-то другом, прежде чем его разорвет на части.

«Конечно!» Он позволил врагу вести себя. Неделями они допрашивали его, задавали вопросы только о гартлингах, и ни о чем, кроме них. Это походило на навязчивую идею. А теперь для него

это мантра.

«Где предразумные?» — настаивали они. Макс собрался и, несмотря на боль, рассмеялся.

— Из всех... тупых... глупых... идиотских...

Презрение к галактам наполнило его. Они хотят извлечь из него проекцию мысли? Пусть усилят это!

Он знал, что снаружи, в горах и лесах, сейчас, должно быть, рассвет.

Представил себе эти леса, представил себе, как мог, гартлинга, и расхохотался над получившимся изображением.

И свои последние мгновения хохотал над идиотизмом жизни.

Глава 72
АТАКЛЕНА

Снова вернулись осенние бури, на сей раз обширный фронт циклона накатился на долину Синда. В горах ветры усилились, они срывали листья с деревьев и вздымали их вихрями. В пасмурном небе появились очертания смерчей.

И как бы в ответ ожил вулкан. Его низкие жалобы медлительнее ветра, но от них лесные обитатели нервничали и забирались в норы или

плотнее цеплялись за стволы деревьев. Разум не защищает от уныния. Шимпы в своих палатках на отрогах горы прижимались друг к другу, вслушиваясь в вой ветра. Время от времени кто-нибудь поддавался напряжению и с криком исчезал в лесу; через час или позже он возвращался, взъерошенный и смущенный, таща за собой хвост оборванной листвы.

Гориллы тоже оказались восприимчивы к погоде, но проявляли это по-другому. По ночам они сосредоточенно смотрели на бегущие тучи, принюхивались, словно чего-то ждали. Атаклена не могла понять, о чем напоминают ей такие вечера, но позже, в собственной палатке, под густым пологом леса, она ясно слышала низкое атональное пение, каким гориллы отвечали на бурю.

Эта колыбельная помогала ей уснуть, но за все нужно платить. Ожидание... такая песня, конечно, призовет то, что никогда не уходит насовсем. Голова Атаклены металась на подушке, щупальца развевались — искали, отталкивали, проникали, принуждали. И постепенно, неторопливо возникала знакомая сущность.

— Тутсунуканн... — выдохнула она, не в состоянии проснуться и избежать неизбежного. Глиф собрался над головой, созданный из несуществу-

ющего.

— Тутсунуканн с'ах браннитсун. А'твиллит'т...

Тимбрими понимают, что бесполезно просить о милости, особенно во Вселенной Ифни. Но Атаклена превратилась в нечто, одновременно большее и меньшее, чем просто тимбрими. И у тутсунуканна появились союзники. К нему присоединились видимые изображения, метафоры. И грозная аура глифа усилилась, превратилась в кошмар. «...с'ах браннитсун...» — вздохнула Атаклена, умоляя во сне.

Ночной ветер рвал ее палатку, а сонный мозг рисовал крылья огромных птиц. Злобные, они летят над самыми вершинами деревьев, их сверкающие глаза ищут, ищут... Слабая вулканическая дрожь сотрясает постель, а Атаклена представляет себе копошащиеся в земле существа — мертвые, неотмщенный утраченный Потенциал этой планеты, погубленный, уничтоженный бурурали много лет назад. Мертвые корчатся под обеспокоенной поверхностью, ищут...

— С'ах браннитсун, тутсунуканн!

Прикосновение собственных щупалец кажется нитями и лапами крошечных пауков. Гир-поток шлет крошечных гномов под кожу, они быстро начинают нежеланные изменения.

Атаклена застонала: глиф ужасного выжидающего смеха повис над ней и уставился, наклонился, потянулся к ней...

— Генерал? Мисс Атаклена! Прошу прощения, мэм, вы не спите? Мне жаль вас тревожить, сэр, но...

Шимп замолчал. Он откинул клапан, собираясь войти, но тут же отскочил. Атаклена села, глаза ее были широко раскрыты, кошачьи зрачки расширились, зубы оскалились в пережитках сонного страха.

Она как будто не замечала шимпа. Он замигал, глядя на волны, медленно пробегающие по ее горлу и плечам. А над вьющимися щупальцами, показалось шимпу, повисло что-то ужасное.

Он чуть не сбежал. Потребовалась вся воля, чтобы только сглотнуть, наклонить голову и произнести:

— Мэм, пожалуйста... Это я... Сэмми...

Медленно, словно привлеченное исключительно силой воли, в глазах с золотистыми точками забрезжило сознание. Атаклена испустила дрожащий вздох. И упала вперед.

Сэмми держал ее, а она всхлипывала. А он в этот момент, испуганный, ошеломленный, пораженный, мог думать только о том, какая она

легкая и хрупкая.

* * *

...Тогда Гайлет пришла к убеждению, что ловушка, если церемония действительно ловушка, должна быть очень коварной.

Понимаете, сюзерен Праведности словно полностью изменил свой взгляд на возвышение шимпов. Он начал с убеждения, что сумеет найти недостатки в проведении этого процесса и даже сможет отобрать неошимпов у людей. Но теперь он как будто искренне ищет... ищет достойных представителей расы...

Голос Фибена Болджера доносился из портативного аппарата, стоящего на сколоченном из досок столе Атаклены. Атаклена слушала запись, присланную Робертом. Доклад шимпа в пещерах оказал неожиданное действие. Добродушие и суховатый юмор Фибена улучшили настроение Атаклены. Но теперь, когда он пересказывал соображения доктора Гайлет Джонс насчет захватчиков, голос Фибена звучал почти смущенно.

Атаклена чувствовала неловкость, которую испытывал Фибен. Для этого ей не требовалось непосредственного присутствия. Она улыбнулась такой иронии. «Он начинает понимать, кто он, и это его пугает». Атаклена сопереживала Фибену. Здравомыслящее существо стремится к миру и спокойствию, оно не хочет быть мучеником, судьба которого не зависит от него самого.

Атаклена держала медальон с наследием отца и матери. На какое-то время ей удалось отбросить тутсунуканн. Но она знала, что глиф вернется и останется навсегда, лишив ее сна и покоя, пока тутсунуканн не изменится, не станет чем-то другим. Такой глиф — одно из самых значительных известных проявлений квантовой механики — амплитуда вероятности, гудящая и раскачивающаяся на пороге неуверенности, чреватая миллионами возможностей. И как только волновая функция сократится, оставшееся превратится в судьбу. «...тонкое политическое маневрирование на множестве уровней — между местными предводителями сил вторжения, между фракциями на планете губру, между губру и их противниками и возможными союзниками, между губру и Землей и различными галактическими Институтами...» Она погладила медальон.

Иногда сущность другого можно понять только в разлуке с ним.

Слишком все сложно. Чего добивался Роберт, посылая ей запись? Неужели предполагал, что она зачерпнет из обширного хранилища галактической премудрости... или сотворит заклинание... и выдаст политику, которая проведет их через кризис? Как?

Она вздохнула. «Отец, как, должно быть, я тебя разочаровала».

Медальон словно вибрировал под ее дрожащими пальцами. Казалось, она снова погружается в транс, в глубины отчаяния.

«...клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом!»

Ее привел в себя голос майора Пратачулторна. Она прослушала до конца.

«...цель!..»

Атаклена содрогнулась. Действительно, положение ужасное. Теперь все понятно, особенно неожиданная выжидательная настойчивость нетерпеливого глифа. Когда запись кончилась, Атаклена повернулась к своим помощникам Элейн Су, Сэмми и доктору де Шрайвер. Шимпы терпеливо ждали.

— Я поднимусь на вершину, — сказала Атак-

лена.

— Но... буря, мэм. Мы не уверены, что она минует. И еще вулкан. Мы думаем об эвакуации.

Атаклена встала.

— Я ненадолго. Пожалуйста, не посылайте никого охранять или искать меня. Мне только помешают и осложнят предстоящее.

Она остановилась у выхода из палатки, чувствуя, как ветер подхватил одежду, пытался прорваться к телу. «Терпение. Я иду». И снова негромко обратилась к шимпам:

— Когда я вернусь, лошади должны быть готовы.

Клапан палатки закрылся за ней. Шимпы переглянулись и молча начали готовиться к предстоящему дню.

* * *

Гора Фосси дымилась во многих местах, где испарения невозможно приписать только росе. Влага падала с листьев, дрожащих на ветру. А ветер не стихал, снова и снова налетал сильными неожиданными порывами.

Атаклена упрямо поднималась по узкой звериной тропе. Она чувствовала, что ее просьба выполнена. Шимпы остались позади и не бес-

покоят ее.

День начинался с появления низких туч из-за гор, словно авангарда какого-то воздушного вторжения. Между тучами мелькали полоски голубого неба. Человеческий взгляд, наверно, смог бы различить и несколько упрямых звезд.

Атаклена стремилась к высоте, но еще больше — к одиночеству. Наверху животных еще меньше. Ей нужна пустота.

В одном месте тропу завалило листами какого-то похожего на ткань материала, который Атаклена вскоре узнала — парашюты плюща.

Она вспомнила, что внизу, в лагере, техники-шимпы, разработав напряженное расписание, готовят кишечные бактерии гориллы. Однако сейчас, по-видимому, график майора Пратачулторна не позволит использовать оружие Роберта.

«Какая глупость, — подумала Атаклена. — Удивляюсь, как люди смогли продержаться так долго».

Может, им просто повезло. Она читала об их двадцатом столетии, когда нечто большее, чем Ифни, помогло людям разминуться с гибелью... гибелью не только самих людей, но и всех остальных разумных рас, которые могли возникнуть на

их богатой, плодородной планете. Именно рассказ об этом чудесном спасении от катастрофы, возможно, одна из причин того, что многие расы боятся или ненавидят к'чу'нон, волчат. До сих пор это их спасение остается сверхъестественным и необъяснимым.

У землян есть слова «во имя любви к Господу». Болезненная, насильственная бедность Гарта ничто по сравнению с тем, что люди могли бы сделать с Землей.

«Многие ли из нас повели бы себя лучше в подобных обстоятельствах?» Такой вопрос всегда возникает при самоуверенной, самодовольной позиции превосходства и презрения, которую занимают большие кланы. Ведь они никогда не проходили испытания веками невежества, как человечество. Каково это не иметь ни патронов, ни Библиотеки, ни древней мудрости, только яркое пламя сознания, ненаправленное, неограниченное, способное бросить вызов Вселенной или погубить собственный мир? Немногие кланы осмеливались спросить себя об этом.

Атаклена отбросила маленькие парашюты, обогнула груду носителей спор и продолжала подниматься, размышляя над причудами судьбы.

Наконец она оказалась на каменистой пло-

щадке, откуда открывался вид на юг, на горы, а вдали виднелась цветная полоса степи. Атаклена глубоко вздохнула и достала медальон.

Усиливающийся свет дня не разогнал глиф, который начал возникать в ее щупальцах. На этот раз Атаклена и не пыталась остановить его, не обращала на него внимания — это лучший способ, если не хочешь превратить вероятность в реальность.

Пальцы занялись замком, медальон открылся, и она отбросила крышку.

«Ваш брак был удачен», — думала она о своих родителях. Потому что на месте двух нитей лежала одна, потолще, блестя на бархатной подушечке.

Конец обернулся вокруг ее пальцев. Медальон упал на камень и лежал там, забытый, а Атаклена взяла второй конец нити, натянула, и щупальце загудело, вначале негромко. Но Атаклена продолжала держать его перед собой, позволяя ветру гладить его. И услышала гармонию.

Ей нужно набраться сил для того, что она намерена сделать. Мало кто из ее расы проделывал такое при жизни. Иногда тимбрими умирали...

— А т'ит'туануу, Утакалтинг, — выдохнула она. И добавила имя матери: — А т'ит'туануу, Мати-

клуанна!

Гудение усилилось. Оно, казалось, распространяется вверх по ее рукам, резонирует с биением сердца. Щупальца Атаклены ответили на эти звуки, и она начала раскачиваться.

— А т'ит'туануу, Утакалтинг...

* * *

— Отлично. Может, еще одна-две недели сделают штамм сильнее и к моменту полета плюща он будет готов.

Доктор де Шрайвер вернула культуру в инкубатор. Импровизированная лаборатория находилась на склоне горы, где ее защищало от ветра. Буря не помешала экспериментам. И теперь плоды их работы казались почти созревшими.

Но ее помощник проворчал:

— Какой в этом смысл? Губру немедленно примут контрмеры. И вообще майор сказал, что нападение произойдет до того, как бактерии будут готовы.

Де Шрайвер сняла очки.

— Смысл в том, что мы не прекратим работать, пока мисс Атаклена не попросит нас об этом. Я штатская, ты тоже. Фибен и Роберт должны повиноваться приказу, нравится он им или нет, но мы

с тобой можем выбирать...

Она замолчала, увидев, что Сэмми ее не слушает, а смотрит куда-то вдаль. Она повернулась, чтобы понять, что привлекло его внимание.

Если и утром после своего ночного кошмара Атаклена казалась странной, то теперь ее внешность заставила доктора де Шрайвер ахнуть. Растрепанная, страшно усталая, девушка-чужак мигала сузившимися глазами, стояла, держась за столб палатки. Шимпы бросились к ней и попытались уложить на койку, но она покачала головой.

— Нет, — просто сказала она. — Отнесите меня к Роберту. Немедленно.

Гориллы снова запели, негромко и немелодично. Сэмми побежал за Бенджамином, а де Шрайвер усадила Атаклену на стул. Не зная, что делать дальше, она отряхивала шлем молодой тимбрими от листьев. От щупалец исходил сильный жар, который де Шрайвер ощущала кожей.

А тутсунуканн дрожал в воздухе, заметный даже ошеломленной шимми. Атаклена сидела, слушая пение горилл и чувствуя, что впервые понимает его. Теперь она знала, что все сыграют предназначенные для них роли. Шимпам не понравится предстоящее, но это их проблема. У

всех свои проблемы.

— Отведите меня к Роберту, — снова выдохнула Атаклена.

Глава 73
УТАКАЛТИНГ

Он вздрогнул, стоя спиной к восходящему солнцу, ощущая себя опустошенным, превратившимся в шелуху.

Никогда раньше метафора не казалась настолько точной. Утакалтинг мигнул, медленно возвращаясь в мир... в сухую степь перед нависающими Мулунскими горами. Неожиданно он ощутил старость, груз прожитых лет показался тяжелее обычного.

Глубоко внутри, на уровне нанакиери, он чувствовал оцепенелость. После всего этого он даже не может сказать, выжила ли, так глубоко заглянув в себя, Атаклена.

«Наверное, ее вынудила крайняя необходимость», — подумал он. Впервые дочь попыталась осуществить то, к чему ее не готовили родители. Да и в школе об этом не рассказывают.

— Ты вернулся, — прозаично заметил Каулт. Спутник Утакалтинга в течение последних ме-

сяцев смотрел на него с расстояния в несколько метров. Они стояли посреди коричневого моря саванны, и их длинные тени постепенно укорачивались с восходом солнца.

— Ты получил какое-то сообщение? — спросил Каулт. Он, подобно многим, не обладающим пси-способностями, очень интересовался тем, что казалось ему неестественным.

— Я... — Утакалтинг облизнул губы. Как объяснить, что он, в сущности, ничего не получил. Просто дочь воспользовалась его предложением, которое он сделал, отдавая ей свою нить и нить покойной матери. Она попросила вернуть долг, в котором находятся родители перед ребенком, которого — без его согласия — ввергли в чужой мир.

Никогда не делайте опрометчивых предложений, не подумав о возможных последствиях, которые могут произойти.

«Она опустошила меня». Утакалтингу показалось, что его выпотрошили и зачем-то оставили в живых. И после всего нет никакой гарантии, что она пережила это испытание и сохранила здравый рассудок.

«Может, лечь и умереть?» — Утакалтинг вздрогнул.— «Нет. Пока не время».

— У меня было нечто вроде общения, — сказал он Каулту.

— А губру не засекут эту связь?

Утакалтинг не смог создать даже паланк — эквивалент пожатия плечами.

— Может быть. — Щупальца его обвисли, как человеческие волосы. — Не знаю.

Теннанинец вздохнул, хлопнув дыхательными щелями.

— Доверься мне, коллега. Больно думать, что, возможно, ты что-то скрываешь от меня.

Как Утакалтинг старался подвести Каулта к этим словам! А теперь ему все равно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Теннанинец раздраженно выдохнул.

— Подозреваю, что ты знаешь гораздо больше меня об этом удивительном существе, следы которого мы видели. Предупреждаю тебя, Утакалтинг: я создаю прибор, который разрешит для меня эту загадку. Тебе лучше рассказать мне всю правду, прежде чем я узнаю ее сам!

Утакалтинг кивнул.

— Я понимаю тебя. А теперь нам лучше пойти дальше. Если губру обнаружили происходящее и явятся проверять, нам нужно оказаться как можно дальше отсюда.

Он по-прежнему в долгу перед Атакленой. Нельзя позволить, чтобы его захватили раньше, чем она воспользуется полученным.

— Ну, хорошо, — сказал Каулт. — Поговорим об этом позже.

Без особого интереса, скорее по привычке, чем по другим причинам, Утакалтинг повел спутника к горам в направлении, избранном — опять по привычке — по слабому синему мерцанию вдали.

Глава 74
ГАЙЛЕТ

Новая планетарная отраслевая Библиотека прекрасна. Ее бежевые стены блестят на специально расчищенной площадке над парком Приморского Обрыва, в километре к югу от посольства тимбрими.

Архитектура нового сооружения не согласовывается, как у прежнего здания Библиотеки, с неофуллеритским стилем Порт-Хелении. Но сама по себе она ошеломляет — куб без окон, чьи пастельные тона контрастируют с белыми меловыми утесами.

Машина опустилась на посадочную площадку,

и Гайлет вышла в облако сухой пыли. Вслед за своим охранником-кваку она пошла по мощеной дороге к входу в массивное здание.

Почти вся Порт-Хеления наблюдала несколько недель назад, как фрайтер размером с боевой крейсер губру появился в черном небе и медленно опустил сооружение на землю. Большую часть дня солнце было закрыто: в это время работники Института Библиотеки устанавливали святилище знаний на новое место.

Гайлет думала, принесет ли новая Библиотека когда-нибудь пользу жителям Порт-Хелении. Со всех сторон посадочные площадки, но никаких подъездных путей автомобилей, велосипедов или просто для пешеходов. Проходя резным, с колоннами, порталом, Гайлет решила, что она, вероятно, первый шимп, оказавшийся в этом здании.

В сводчатом зале оказалось светло; казалось, свет исходил отовсюду одновременно. В центре зала возвышался большой красный куб, и Гайлет сразу поняла, что сооружение действительно дорого стоит. Главный накопитель информации гораздо больше, чем в прежней Библиотеке, в нескольких милях отсюда.

Но обширное помещение почти пусто, особенно

по сравнению с постоянной круглосуточной толкотней, к которой она привыкла. Конечно, в зале находились губру и кваку. Они располагались у экранов, разбросанных по всему пространству. Кое-где птицеподобные собирались небольшими группами.

Гайлет видела, как резкими рывками движутся их клювы, постоянно переминаются ноги. Но ни одного звука не доносилось из специально защищенных зон.

Она видела ленты, капюшоны и оперение окраски Праведности, Бережливости и военных. Носители одной окраски, в основном, держались вместе и поодаль от других. Когда приближенный одного сюзерена проходил мимо приближенных других, оперение их взъерошивалось.

Но в одном месте многоцветие собравшихся птицеподобных подтверждало, что общение между группами сохраняется. Там наклонялись головы, приглаживалось оперение, жестикулировали перед плывущими голографическими изображениями как ритуального, так и документального характера.

Когда Гайлет проходила мимо, несколько подпрыгивающих и щебечущих птиц повернулись и уставились на нее. Указывающие когти и клювы

позволили Гайлет догадаться, что губру знают, кто она такая.

Она не колебалась и не задерживалась. Щеки ее раскраснелись.

— Чем могу быть полезен, мисс?

Вначале Гайлет показалось, что на помосте под символическим изображением крылатой спирали стоит декоративное растение. И когда оно обратилось к ней, Гайлет невольно подпрыгнула.

«Растение» говорило на превосходном англике! Гайлет увидела круглые толстые листья, усеянные серебристыми пятнами, которые мягко позванивали при движении. Коричневый стебель вел к узловатым подвижным корням, благодаря которым существо могло медленно и неуклюже передвигаться.

«Кантен, — поняла Гайлет. — Конечно, Институт прислал и библиотекарей».

Разумные растения кантены — старые друзья Земли. С самых первых дней Контакта они были советниками землян, помогая волчатам проложить путь в сложных и коварных дебрях галактической политики и завоевать статус патронов независимого клана. Тем не менее, Гайлет сдержала вспыхнувшую надежду. Она напомни-

ла себе, что служащие больших галактических Институтов должны отказаться от прошлых привязанностей и симпатий, даже к собственным кланам, для выполнения своей священной миссии. Здесь она может рассчитывать только на беспристрастность.

— Спасибо, — сказала она, не забыв поклониться. — Мне нужна информация о церемониях возвышения.

Маленькое существо с колокольчиками — вероятно, органы чувств — прозвонило почти весело.

— Это весьма обширная тема, мисс.

Она ожидала такой ответ и приготовилась к нему. Все-таки не очень легко разговаривать с разумным существом, у которого нет даже подобия лица.

— Начнем с простого обзора, если не возражаете.

— Хорошо, мисс. Место двадцать два приспособлено для работы людей и неошимпанзе. Пожалуйста, пройдите туда за синей линией и устраивайтесь поудобнее.

Гайлет повернулась и увидела прямо перед собой мерцающую голограмму.

Синяя линия словно висела в воздухе, ведя в дальний угол зала.

— Спасибо, — негромко вымолвила Гайлет.

Идя за линией-указателем, она слышала за собой слабый звон.

Место двадцать два оказалось подобно забытой хорошей песне. Стол, перед ним стул, ящик с сухофруктами, на столе стандартная консоль с голоэкраном. Даже обычные накопители информации и ручки, все аккуратно разложено и расставлено. Гайлет благодарно села за стол. Она опасалась, что придется стоять, вытянув голову, если нужно будет пользоваться местом для губру.

Но все равно она нервничала. И чуть вздрогнула, когда с легким щелчком ожил экран и на нем появился текст на англике.

ПОЖАЛУЙСТА, ДАВАЙТЕ КОМАНДЫ ВСЛУХ. НАЧАЛЬНЫЙ ОБЗОР БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕН ПО ВАШЕМУ СИГНАЛУ.

— Начальный обзор... — пробормотала Гайлет. Но, пожалуй, действительно следует начинать с простейшего уровня. Это не только позволит ей не пропустить ничего основного, но и подскажет, что считают важным сами губру.

— Приступайте, — сказала она.

На боковом экране появились изображения лиц — лиц существ с других планет, далеких в

пространстве и времени.

— Когда природа порождает новое разумное существо, все галактическое сообщество радуется. Ибо тогда начинается возвышение...

Картины прошлого возникли перед глазами. Гайлет погрузилась в поток сведений, пила из источника знаний. Ее накопитель информации заполнялся заметками и перекрестными ссылками. Вскоре она потеряла счет времени.

Незаметно на столе появилась еда. Гайлет даже не поняла, откуда.

Рядом за загородкой оказалось небольшое помещение, где она могла удовлетворить другие свои потребности, когда их уже нельзя игнорировать.

> В отдельные периоды галактической истории церемонии возвышения являлись исключительно протокольными и ритуальными. Патроны провозглашали, что их клиенты возвысились, и их слово принималось на веру. Но существовали, однако, и другие эпохи, в которые роль галактических Институтов возрастала, например, при Сумбулумской системе, когда весь процесс возвышения и все

церемонии осуществлялись при непосредственном руководстве Института.

Настоящий период занимает приблизительно среднее положение между этими крайностями: патроны несут основную ответственность, но Институт сохраняет возможность наблюдения и вмешательства. Степень участия Института в последнее время усилилась, когда от сорока до шестидесяти тысяч ГГ[20] назад неудачи в возвышении привели к экологическим катастрофам (См.: гл'кахеш, бурурали, сстейнн, мухурн8).

Сегодня патрон не может самостоятельно определять степень развития клиентов. Это обязательно происходит с участием консорта — представителя клиента и Института возвышения.

Теперь церемонии возвышения не являются исключительно формальными.

Они служат двум основным целям. Во-первых, они помогают протестировать представителей расы клиентов: Институт должен быть уверен, что клиенты

[20] notes: 20
Галактический год

готовы принять права и обязанности следующего этапа возвышения. Во-вторых, церемония дает клиентам возможность выбрать нового консорта, который будет следить за этим новым этапом и вмешиваться в случае необходимости ради блага клиентов. Тестирование основывается на том уровне развития, которого достигла раса клиентов. Наряду с другими важными факторами учитывается тип поглощения (хищники, травоядные, аутофаги или эргогеники), модальность передвижения (двуногие или четвероногие ходячие, амфибии, катящиеся или сидячие), ментальная техника (ассоциативная, экстраполирующая, интуитивная, голографическая или нулитативная)...

Гайлет медленно продвигалась по «начальному обзору». Работа нелегкая.

Если какой-нибудь шимп из Порт-Хелении сможет когда-нибудь пользоваться этой Библиотекой, понадобится немало новых переводов. Конечно, если простых Джо и Джейн Шимпов сюда пустят.

Тем не менее, источник поразительный — гораздо богаче жалкой маленькой ветви, которой они располагали раньше. И, в отличие от Библиотеки в Ла-Пасе, здесь нет суетливых толп лихорадочных посетителей, машущих специальными разрешениями и пробивающихся в толпе жаждущих примкнуть к экранам. Гайлет чувствовала, что может сидеть здесь месяцами, годами. Она будет пить знания до тех пор, пока они не начнут выливаться изо всех ее пор.

Например, здесь имеется ссылка на специальные приготовления для церемонии возвышения в машинных культурах. И один краткий, но мучительно дразнящий параграф о расе дышащих водородом, которая отделилась от своей загадочной параллельной цивилизации и действительно просила разрешения вступить в галактическое сообщество. Гайлет страстно хотелось идти вслед за этой и тысячами других использованных статей, но она знала, что у нее просто нет на это времени. Ей нужно сосредоточиться на правилах, касающихся двуногих теплокровных всеядных клиентов на второй стадии со смешанной мыслительной техникой. И даже такой узкий запрос вызвал в ответ лавину статей.

«Нужно сузить еще больше», — подумала Гайлет. Она попыталась сосредоточиться на церемониях, которые проводились во времена смут и войн, и все равно продвигалась медленно. Все так сложно! Она пришла в отчаяние от невежества своего народа и клана.

> ...независимо от того, достигнуто соглашение о соучастии в церемонии заранее или нет, оно может и должно быть подтверждено Институтом с учетом методов решения в соответствии с традициями участвующих...

Гайлет не помнила, как уснула на ящике с фруктами. Но какое-то время спустя оказалась на плоту, плывущем по туманному морю, которое волновалось в такт ее дыханию. Немного погодя туман сгустился, превратился в смутно угрожающие черно-белые фигуры. И она увидела перед собой покойных родителей и бедного Макса.

— Мм-мм, нет, — пробормотала она, а потом резко вздрогнула: — Нет!

Начала приходить в себя от сна. Веки ее дрогнули, к ним продолжали льнуть обрывки снов. Над ней навис губру, он держал загадочный прибор, один из тех, что нацеливали на нее и Фибена.

Но это изображение мигнуло и распалось, когда птицеподобный нажал кнопку. Гайлет снова погрузилась в дремоту, и образ губру присоединился к другим в ее беспокойном сне.

Наступила новая фаза сна, более глубокая, дыхание Гайлет успокоилось.

Проснулась она позже, смутно почувствовав, как чья-то рука резко дергает ее за ногу.

У Гайлет перехватило дыхание, она выпрямилась с еще несфокусировавшимся взглядом. Сердце билось отчаянно. Но тут зрение ее прояснилось, и она увидела присевшего рядом с ней рослого шимпа. Его рука по-прежнему лежала на ее ноге, и Гайлет мгновенно узнала эту улыбку.

Напомаженные усы, похожие на руль велосипеда, только одна из многих черт, которые она возненавидела.

Внезапно разбуженная, она не сразу смогла заговорить.

— Ч...что ты здесь делаешь? — резко спросила она, вырывая ногу.

Железная Хватка с улыбкой смотрел на нее.

— Неужели так здороваются с тем, кто настолько важен для тебя?

— Ты хорошо служишь своей цели, — признала она. — Как дурной пример! — Гайлет потерла

глаза и села. — Отвечай, почему ты меня беспокоишь? Ты, невежественный проби, больше меня не сторожишь.

Лицо шена только на мгновение омрачилось. Очевидно, что-то его обрадовало.

— О, я просто подумал, не пойти ли мне в Библиотеку позаниматься, как ты.

— Тебе, позаниматься? Здесь? — Она рассмеялась. — Мне пришлось получить специальное разрешение сюзерена. А ты не должен...

— Именно это я и собирался тебе сказать, — прервал он.

Гайлет мигнула.

— Что?

— Я хотел сообщить, что сюзерен велел мне идти сюда и заниматься вместе с тобой. Ведь партнеры должны хорошо знать друг друга, особенно когда они вместе представляют расу.

Гайлет громко вдохнула.

— Ты?.. — Голова у нее закружилась. — Я тебе не верю!

Железная Хватка пожал плечами.

— Чему ты удивляешься? Мой генетический результат один из самых высоких... кроме двух-трех мелочей, на которые вообще не стоило обращать внимания.

В это Гайлет легко могла поверить. Железная Хватка умен и изобретателен, а его необычная сила Советом возвышения может рассматриваться только как дополнительное преимущество. Но иногда платить за это приходится слишком дорого.

— Это значит, что твои пороки еще хуже, чем я предполагала.

Шен откинулся назад и расхохотался.

— По человеческим меркам, ты, возможно, и права, — согласился он. — По их стандартам большинство проби подпускать к шимми и детям не следует! Но жизнь не стоит на месте. И теперь у меня есть возможность создать новый стиль.

Гайлет ощутила холодок страха. До нее начало доходить, куда клонит Железная Хватка.

— Ты лжец.

— Признаюсь, mea culpa[21]. — Он сделал вид, что бьет себя в грудь. — Но я не лгу. Меня и нескольких моих приятелей подвергли проверке. Видишь ли, после того как твой маменькин сынок и любимчик учителей сбежал с нашей Сильвией, произошли некоторые изменения.

Гайлет хотелось плюнуть.

---

[21] notes: 21
Моя вина (лат.)

— Фибен на порядок выше тебя, ты, атавистическая ошибка! Сюзерен Праведности никогда не заменит его тобой!

Железная Хватка поднял палец и улыбнулся.

— Ага. Вот здесь мы не понимаем друг друга. Видишь ли, мы с тобой говорим о разных птицах.

— Разных... — Гайлет ахнула, руками схватилась за горло. — О Гудолл!

— Поняла, — сказал он, кивая. — Ты умная маленькая обезьянка.

Гайлет упала на стул. Ей показалось, что сердце у нее разрывается.

«Мы все были пешками, — подумала она. — Бедный Фибен!» Она поняла, почему Фибена не привели назад в тот же вечер, когда он сбежал с Сильвией, или на следующий день, или еще позже. Гайлет должна была считать, что «бегство» — еще один сложный тест на разумность.

Но это не так. Все организовано одним или двумя предводителями губру, возможно, чтобы ослабить позицию сюзерена Праведности. И лучшего способа, чем лишить его одного из отобранных им «представителей расы», трудно придумать. В краже невозможно никого обвинить, потому что тело пропадет бесследно.

Конечно, губру придется продолжить подго-

товку к церемонии — слишком поздно отзывать приглашения. Но каждый из троих сюзеренов ждет от церемонии разных последствий.

«Фибен...»

— Итак, профессор? С чего начнем? Можешь начинать меня учить, как полагается белой карте.

Гайлет закрыла глаза и покачала головой.

— Уходи, — сказала она. — Пожалуйста, уходи.

Звучало еще много слов, саркастических замечаний, но она ничего не слышала за цепенящей завесой боли. И когда поняла, что он ушел, не стала сдерживать слезы. Зарылась головой в мягкую ткань, как в руки матери, и заплакала.

Глава 75
ГАЛАКТЫ

Остальные двое танцевали на пьедестале, раздуваясь и воркуя. Их песня преисполнена гармонии.

Спускайся, спускайся,

Вниз, спускайся вниз!

Спускайся со своего насеста.

Присоединяйся к нам, присоединяйся к нам,

К нам, присоединяйся к нам!

Придите с нами к консенсусу!

Сюзерен Праведности дрожал, подавляя изменения. Сюзерен Стоимости и Бережливости оставил надежду занять высшее положение, теперь он поддерживает сюзерена Луча и Когтя в его требовании верховенства.

Соображения осторожности отступали на второй план. Сюзерен Стоимости и Бережливости обретает мужской пол. Близко Слияние.

Двое из троих договорились. Но чтобы окончательно достичь цели, и сексуальной, и политической, им необходимо спустить сюзерена Праведности с насеста. Они должны заставить его ступить на поверхность Гарта.

Сюзерен Праведности сражался, он выкрикивал тщательно продуманные возражения, чтобы спутать ритм их танца, чтобы своими официальными заявлениями опровергнуть их аргументы.

Подлинное Слияние достигается не так. На настоящий консенсус это насилие не похоже.

Не для того Повелители Насестов возлагали столько надежд на триумвират. Им необходима политика. Мудрость. Остальные двое как будто забыли об этом. Они хотят легких путей и завер-

шения церемонии возвышения.

Хотят нарушить кодекс и начать азартную игру.

Если бы остался в живых первый сюзерен Стоимости и Бережливости!

Священник оплакивал его. Только тогда понимаешь ценность другого, когда он уходит от нас.

Спускайся, спускайся вниз,

Вниз со своего насеста.

Подчинение двум объединившимся голосам, конечно, вопрос только времени. Эти голоса пробивают стену чести и решительности, которой обнес себя священник, проникают в царство гормонов и инстинкта. Слияние пока сдерживается только непокорным упрямством одного члена триумвирата, но долго так продолжаться не может.

Спускайся и присоединись к нам.

Соединись с нами в консенсусе!

Сюзерен Праведности дрожал, но держался. Но сколько еще сможет продержаться, он не знал.

Глава 76
ПЕЩЕРЫ

— Кленни! — радостно закричал Роберт. Увидев ее верхом на лошади за поворотом тропы, он чуть не выронил снаряд, который они с шимпом выносили из пещеры.

— Эй, внимательней с этой штукой, ты... капитан! — поправился в последнюю секунду один из капралов Пратачулторна. За последние недели морские пехотинцы стали обращаться с Робертом с большим уважением, но иногда выказывали свое пренебрежение ко всему, что не относится к регулярной армии.

На помощь Роберту прибежал другой шимп и легко перехватил у него снаряд. Его лицо выражало крайнее неодобрение, что человек поднимает тяжести.

Роберт не отреагировал на оба оскорбления. Он побежал по тропе и ухватился за повод коня Атаклены, а вторую руку протянул к ней.

— Кленни, как я рад... — Голос его на мгновение дрогнул. Она схватила его за руку, и он постарался подавить свое замешательство... — рад, что ты

наконец приехала.

Улыбка Атаклены показалась незнакомой, а в ее ауре появилась печаль, какой он никогда раньше не кеннировал.

— Конечно, приехала, Роберт. — Она улыбнулась. — Разве ты в этом сомневался?

Он помог ей спешиться. Контролируя себя внешне, внутри она вся дрожала. «Любимая, ты изменилась». Словно услышав его мысль, она протянула руку и коснулась его лица.

— Есть несколько идей, общих и для галактических цивилизаций, и для твоей, Роберт. В обоих обществах мудрецы сравнивают жизнь с колесом.

— С колесом?

— Да. — Глаза ее сверкнули. — Оно вращается, движется вперед. И одновременно остается тем же самым.

С чувством облегчения он снова ощутил ее. За изменениями скрывается прежняя Атаклена.

— Мне тебя не хватало, — сказал он.

— А мне тебя. — Она улыбнулась. — А теперь расскажи мне о майоре и его планах.

* * *

Роберт расхаживал по маленькой кладовке, забитой до висящих над головой сталактитов припасами.

— Я могу спорить с ним, пытаться переубедить. Дьявольщина, он не возражает даже, если я кричу на него, когда мы наедине. Но после обсуждения я должен подпрыгнуть на два метра, если он скажет: «Прыгай!» — Роберт покачал головой. — И я не могу чинить ему препятствия, Кленни. Не заставляй меня нарушать присягу.

Роберт явно разрывался между противоположными побуждениями. Атаклена чувствовала, как он напряжен.

Фибен Болджер, все еще с рукой на перевязи, молча наблюдал за их спором.

Атаклена покачала головой.

— Роберт, я уже объяснила тебе, что план майора Пратачулторна приведет к гибели.

— Тогда скажи ему сама!

Конечно, она пыталась. Сегодня же за обедом. Пратачулторн вежливо и снисходительно выслушал ее соображения о возможных последствиях нападения на церемониальную площадку губру. Но когда она закончила, он задал только один

вопрос: «Будет ли нападение считаться направленным против законного врага землян или против самого Института возвышения?»

— После прибытия делегации Института площадка становится его собственностью, — ответила Атаклена. — И нападение приведет к катастрофическим последствиям для человечества.

— А до этого? — насмешливо спросил он.

Атаклена вновь раздраженно покачала головой.

— До этого площадка принадлежит губру. Но это не военная установка! Она построена для того, что можно назвать священной целью. Праведность действия, без соблюдения всех правил его совершения...

Она продолжала еще какое-то время, пока не поняла, что возражения бесполезны. Пратачулторн пообещал учесть ее мнение и прекратил разговор.

Все знали, что думает морской офицер о советах «детей ити».

— Мы пошлем сообщение Меган, — предложил Роберт.

— Я думаю, ты уже сделал это, — ответила Атаклена.

Он нахмурился, подтверждая ее догадку. Конечно, обращаться через голову Пратачулторна — это верх неприличия. Как минимум, посчитают, что избалованный мальчишка зовет маму на помощь. Возможно, Роберта даже отдадут под трибунал.

То, что он это сделал, доказывает, что Роберт боится не за себя. Он не хочет открыто выступить против своего командира из верности присяге.

И он прав. Атаклена уважала его честь.

«Но у меня такого долга нет», — подумала она. Фибен, до сих пор молчавший, встретился с ней взглядом и выразительно закатил глаза.

Относительно Роберта их мнения совпадали.

— Я уже сказал майору, что разрушение церемониальной площадки на самом деле на руку врагу. Ведь она построена для гартлингов. Пытаясь заменить гартлингов нами, шимпами, они принимают крайние меры, чтобы оправдать свои затраты. А что, если площадка застрахована? Мы ее взрываем, они обвиняют нас и получают страховку.

— Майор Пратачулторн упоминал об этой твоей идее, — сказала Атаклена Фибену. — Я нахожу ее остроумной, но, боюсь, у него другое мнение.

— То есть он считает это дурацкой выдумкой...

Фибен замолчал: снаружи послышались шаги.

— Тук-тук, — произнес женский голос из-за занавески. — Можно войти?

— Пожалуйста, лейтенант Маккью, — ответила Атаклена. — Мы уже почти закончили. — Смуглая женщина вошла и села на ящик рядом с Робертом. Он слегка улыбнулся ей, но тут же снова посмотрел на свои руки. Мышцы рук бугрились, он сжимал и разжимал кулаки.

Атаклену пронзила боль, когда Маккью положила Роберту на колени руку и обратилась к нему.

— Его милость созывает еще одно военное совещание, прежде чем мы ляжем спать. — Она повернулась к Атаклене и улыбнулась. Наклонила голову.

— Если хотите, можете присутствовать. Вы наш дорогой гость, Атаклена.

Атаклена вспомнила, что недавно была хозяйкой этой пещеры и командовала армией. «Нельзя, чтобы это повлияло на меня», — напомнила она себе. Важно лишь, чтобы эти существа как можно меньше навредили себе в ближайшие дни.

И, если представится возможность, она хотела бы также разыграть шутку, которую сама еще не очень понимает, но недавно оценила.

— Нет, спасибо, лейтенант. Я поздороваюсь кое с кем из своих друзей-шимпов, а потом лягу спать. День выдался долгий и трудный.

Роберт, выходя со своей возлюбленной-женщиной, оглянулся на Атаклену.

Над его головой словно нависло метафорическое облако, испуская молнии. «Я не знала, что ты можешь создавать такие глифы», — удивилась Атаклена.

Казалось, каждый день узнаешь что-нибудь новое. Следуя за людьми, Фибен расстроенно улыбнулся Атаклене. На самом ли деле она уловила заговорщицкое подмигивание?

Когда они ушли, Атаклена принялась рыться в своей сумке. «Меня не связывает их долг, — напомнила она себе. — И их законы тоже».

* * *

В пещерах может быть очень темно, особенно если выключена единственная лампа в коридоре. Зрение здесь не преимущество, зато корона тимбрими очень полезна.

Атаклена создала несколько простых, но оригинальных глифов. Первый из них имел только одну цель: он устремился вперед, углублялся в ответвления, отыскивая дорогу в темноте. Холод-

ная жесткая материя его обжигает, и поэтому по его поведению легко проследить, где проходят стены и препятствия. Маленький клочок ничего искусно обходил их.

Второй глиф вращался над головой, позволяя убедиться, что никто не подозревает о ее присутствии на нижних уровнях, помещения которых отведены офицерам-людям.

Лидия и Роберт ушли патрулировать. В этой части пещеры оставалась только одна аура. Атаклена осторожно приближалась к ней.

Третий глиф набирал силы, ожидая своей очереди. Медленно и неслышно ступала Атаклена по слежавшимся экскрементам тысяч поколений летающих насекомоподобных существ, которые жили здесь, пока земляне не прогнали их своим шумом. Атаклена дышала ровно, считая про себя в человеческой манере, чтобы дисциплинировать мысли.

Еще несколько дней назад она и не попыталась бы поддерживать одновременно три бдительных глифа. Теперь это удавалось ей легко и естественно, словно она проделывала подобное уже сотни раз.

Она отобрала это умение у отца, используя технику, о которой почти не говорят тимбрими и

которую еще реже применяют.

«Сначала я стала партизаном, назначала свидания человеку, а теперь это. Мои одноклассники были бы поражены».

Она подумала, сохранилось ли у отца что-нибудь из умений, которые она так грубо отняла у него.

«Отец, вы с матерью давно организовали это. Ты подготовил меня, а я об этом даже не знала. Неужели ты уже тогда предвидел, что когда-нибудь это станет необходимо?»

Она печально подумала, что отобрала больше, чем мог отдать Утакалтинг. «И даже этого недостаточно». Остаются зияющие пробелы. Сердцем она чувствовала, что дело, касающееся планет и видов, не может быть завершено без участия ее отца.

Глиф-разведчик повис перед занавеской. Атаклена подошла. Даже коснувшись занавески пальцами, она не смогла ее увидеть. Разведчик растворился в щупальцах ее короны.

Она медленно отвела ткань и прокралась в маленькое помещение.

Глиф-наблюдатель подсказал, что внутри никто ее не заметил. Она кеннировала только спокойный ритм человеческого сна.

Конечно, майор Пратачулторн не храпел, но сон его был чутким и бдительным. Атаклена притронулась к краям всегда присутствующего пси-щита, который ограждает мысли, сны и профессиональные секреты майора.

«Их военные хороши и становятся все лучше», — подумала она. Многие годы тимбрими напряженно работают, чтобы волчата стали настоящими галактическими воинами. Но и сами тимбрими часто поражаются удивительным приемам и идеям, которые никогда не могли бы появиться у расы, выросшей под влиянием галактической культуры.

И только земная морская пехота никогда не привлекала советников-чужаков. Это настоящие волчата, и, конечно, они анахронизм.

Глиф з'счутан осторожно приблизился к спящему человеку, опустился, и Атаклена увидела его метафорически как шар из жидкого металла. Он коснулся пси-щита Пратачулторна и золотыми быстрыми струйками растекся по нему, покрывая его золотистым свечением.

Атаклена с облегчением вздохнула и извлекла из кармана стеклянную ампулу. Подошла ближе, осторожно наклонилась над койкой, и, когда поднесла ампулу с анестезирующим газом к лицу

человека, пальцы ее дрогнули.

— Я бы не советовал этого делать, — небрежно сказал Пратачулторн.

Атаклена ахнула. Прежде чем она смогла пошевелиться, он сжал ее запястья. В тусклом свете она видела только белки его глаз. И хотя он не спал, пси-щит оставался прежним: от него исходили волны глубокого сна. И Атаклена поняла, что это была хорошо продуманная уловка.

— Вы, ити, всегда нас недооцениваете. Даже остряки-самоучки тимбрими никак не поймут нас.

Потоком устремились гир-гормоны. Атаклена попыталась высвободиться, но это было так же бесполезно, как пытаться разорвать стальные наручники. Она царапалась, но он просто удерживал свои мозолистые руки подальше от ее пальцев. Когда она попробовала откатиться в сторону, он умело прижал ее руки, используя их как рычаги, чтобы удержать ее на коленях. Она громко застонала. Ампула с газом выпала из расслабленной руки.

— Видите ли, — сказал Пратачулторн дружелюбно, — некоторые из нас считают любой компромисс ошибкой. Чего мы достигнем, пытаясь стать хорошими галактическими гражданами? — усмехнулся он. — Даже если это получится,

мы превратимся в ужасных существ, напрочь лишенных всего человеческого. Но у нас нет даже такого выбора. Нам никогда не позволят стать равноправными гражданами. Место уже занято. Исход предрешен. Мы ведь оба это знаем, не правда ли?

Атаклена тяжело дышала. Она уже давно поняла тщетность своих попыток, но гир-реакция заставляла ее сопротивляться с невероятной силой человека. Быстрота реакций ничто в сравнении с его рефлексами и подготовкой.

— Понимаете, у нас есть свои тайны, — продолжал Пратачулторн. — Кое-что мы не поверяем нашим друзьям-тимбрими и даже большинству людей. Хотите узнать, что это за тайны?

Атаклена не могла набрать в грудь воздуха, чтобы ответить. В глазах Пратачулторна горела хищная, звериная ярость.

— Ну, если бы я открыл вам их, ваш смертный приговор был бы подписан, — сказал он. — А к этому я еще не готов, поэтому расскажу вам о том, что ваш народ уже знает.

Он мгновенно перехватил ее запястья одной рукой, а второй нашел ее горло.

— Видите ли, нас, морских пехотинцев, учат обезоруживать и даже убивать ити из друже-

ских рас. Хотите знать, сколько времени мне потребуется, чтобы лишить вас сознания, мисс? Считайте!

Атаклена боролась и вырывалась, но рука сильно сжала ей горло. Словно издалека она услышала Пратачулторна:

— Эта вселенная — проклятое место.

Она ни за что бы не подумала, что может стать еще темнее, но кромешная тьма поглотила все вокруг. Атаклена подумала, сможет ли когда-нибудь проснуться. «Прости, отец». Ей казалось, что это ее последняя мысль.

То, что она не потеряла сознание окончательно, очень удивило ее.

Болезненное давление на горло чуть ослабло. Атаклена вдохнула и постаралась понять, что происходит. Она слышала тяжелое дыхание майора, но почему-то его хватка ослабела.

Перегревшаяся корона не помогала. И когда Пратачулторн неожиданно разжал руки, Атаклена, без сил упала на пол.

Человек дышал очень тяжело. Слышались натужные звуки, перевернулась койка, разбился графин с водой, и еще что-то, похоже, накопитель информации.

Атаклена что-то нащупала под рукой. Ампула,

поняла она. Но что происходит с Пратачултором?

Борясь с энзимным истощением, она поползла куда-то, пока не наткнулась на сломанный накопитель. Случайно пальцы ее нажали кнопку, и экран прибора слабо засветился.

И в этом свете Атаклена увидела застывшую картину: мужчина напрягает все силы, чтобы освободиться, перекатываются мощные мышцы, сухожилия натянуты, а сзади его удерживают две длинные коричневые руки.

Пратачултор лягался и шипел, бросался то вправо, то влево, но все его попытки были напрасны. Атаклена увидела из-за плеча человека карие глаза. Она колебалась лишь мгновение, потом поспешила с ампулой.

Теперь у Пратачултора не было пси-щита. Его ненависть открыта для кеннинга. Он отчаянно забился, когда она поднесла ампулу к его носу.

— Он задерживает дыхание, — пробормотал неошимпанзе, когда облачко голубого пара повисло перед носом майора и начало медленно опускаться.

— Все в порядке, — ответила Атаклена. Она достала из кармана еще десять ампул. Увидев их, Пратачултор слегка вдохнул, удвоил силы в

последнем рывке, но все это только приближало неизбежное. Потребовалось пять минут, и даже тогда Атаклена заподозрила, что он имитирует асфиксию, прежде чем почувствовал наркотик.

— Ну и парень, — сказал Фибен, наконец выпустив майора. — До чего же сильны эти морские пехотинцы. — Он вздрогнул и упал рядом с потерявшим сознание человеком.

Атаклена обессиленно села на пол.

— Спасибо, Фибен, — негромко сказала она.

Он пожал плечами.

— Черт возьми, что такое нападение на патрона? Не измена, а ежедневное занятие.

Она указала на перевязь Фибена.

— А, это? — Фибен улыбнулся. — Наверное, мне хотелось побольше сочувствия. Пожалуйста, никому не говорите, ладно?

Потом, став серьезным, взглянул на Пратачулторна.

— Я, конечно, не специалист, но этим поступком никаких очков у Совета возвышения я не заработал.

Он посмотрел на Атаклену, потом слегка улыбнулся. А она ничего не могла с собой поделать. Вопреки всему, происшествие показалось ей смешным.

Она обнаружила, что смеется — вначале негромко, потом все сильней и сильней. И это почему-то ее совсем не удивило.

* * *

Дело еще не закончено. Атаклена устало шла за Фибеном, который нес одурманенного человека по тусклым коридорам. Когда они проходили на цыпочках мимо дремлющего капрала, Атаклена раскинула щупальца и успокоила его сон. Тот что-то забормотал и повернулся на койке. Вдвойне осторожная, Атаклена убедилась, что у него нет пси-щита, что он действительно спит.

Фибен тяжело отдувался. Атаклена провела его через старую осыпь в боковой коридор, явно неизвестный военным. По крайней мере он не обозначен на карте, которую она сегодня видела.

Фибен взмок, поднимаясь по крутому откосу. Ему наверняка очень хотелось облегчить душу ругательствами, но он воздерживался от эмоций, пока они не выбрались во влажную тихую ночь.

— Насмешки и мутации! — вздохнул он, наконец опустив свой груз. — Нам повезло, что Пратачулторн невысокого роста. Представляю, что бы я делал, если бы его руки и ноги волочились по земле.

Он принюхался. Луны не видно, но ближайшие утесы затянуты слегка светящимся туманом. Фибен снова посмотрел на Атаклену.

— Что дальше, шеф? Через несколько часов тут будет осиное гнездо, особенно когда вернутся Роберт и лейтенант Маккью. Хотите, я схожу за Тихо и отвезу этот дурной образчик к вашим земным клиентам? Это означало бы дезертирство, но какого дьявола? Я никогда не был хорошим солдатом.

Атаклена покачала головой. Она поискала с помощью короны и нашла нужные следы.

— Нет, Фибен. Я не могу просить тебя об этом. К тому же у тебя другая задача. Ты сбежал из Порт-Хелении, чтобы предупредить нас о предложении губру. Теперь ты должен вернуться туда и сыграть свою роль.

Фибен нахмурился.

— Вы уверены? Я вам не нужен?

Атаклена закрыла рукой рот и испустила негромкий крик ночной птицы.

Снизу со склона послышался слабый ответ. Атаклена повернулась к Фибену.

— Конечно, нужен. Ты нам всем нужен, но больше всего ты нужен там, у моря. К тому же я чувствую, что ты хочешь вернуться.

Фибен потянул себя за большие пальцы.

— Я, должно быть, спятил.

Атаклена улыбнулась.

— Нет. Просто это показывает, что сюзерен Праведности сделал хороший выбор… хотя, возможно, он предпочел бы, чтобы ты больше уважал своих патронов.

Фибен напрягся, потом как будто понял ее иронию и улыбнулся.

Раздались негромкие удары лошадиных копыт на тропе внизу.

— Ну, ладно, — сказал он, наклоняясь и поднимая вялое тело майора Пратачулторна. — Пошли, папа. На этот раз я буду нежен, как со своей теткой-девственницей. — Он чмокнул морского пехотинца в щеку и посмотрел на Атаклену.

— Так лучше, мэм?

Что-то унаследованное у отца заставило ее усталые щупальца встопорщиться.

— Да, Фибен. — Она рассмеялась. — Гораздо лучше.

* * *

Вернувшись на рассвете и не найдя своего законного командира, Лидия и Роберт почувствовали некоторые подозрения. Оставшиеся

морские пехотинцы поглядывали на Атаклену с открытым недоверием. Несколько шимпов прибрались в комнате майора Пратачулторна, ликвидировав все следы борьбы, прежде чем туда зашли люди, но тот факт, что Пратачулторн исчез без всякой записки или следа, они скрыть не могли.

На время расследования Роберт даже велел Атаклене не выходить из комнаты и поставил у дверей морского пехотинца. Облегчение, которое он испытал от того, что нападение на площадку для церемонии откладывается, мгновенно исчезло под давлением чувства долга. Лейтенант Маккью находилась на грани истерики. Внешне она сохраняла спокойствие, и только Атаклена чувствовала внутренний дискомфорт и смятение земной женщины.

Они ничего не могли сделать. Разослали поисковые группы. Встретили шимпов Атаклены, которые на лошадях возвращались из убежища горилл. Но Пратачулторна к тому времени с ними уже не было. Он находился высоко над землей, его передавали от одного лесного гиганта к другому; теперь он пришел в себя и кипел от гнева, но оставался совершенно беспомощным и спеленутым, как мумия.

Еще один случай, когда люди расплачиваются за свой «либерализм». Они воспитали своих клиентов как индивидуумов и хороших граждан, и поэтому шимпы смогли осознать необходимость заключения одного человека для блага остальных. По-своему Пратачулторн сам подвел их к этому покровительственному отношению, когда не воспринимал их мнение всерьез.

Тем не менее Атаклена знала, что с морским пехотинцем будут обращаться бережно и осторожно.

В этот вечер Роберт собрал новый военный совет. Не вполне определенно выраженный домашний арест Атаклены отменили, и она смогла участвовать.

Присутствовали Фибен и лейтенанты-шимпы, а также офицеры морской пехоты.

Ни Лидия, ни Роберт не заговаривали о плане Пратачулторна. Тактично предполагалось, что майор не хотел бы, чтобы план воплощался без него.

— Может, он решил сам что-то разведать или проинспектировать посты и вернется к вечеру или завтра, — совершенно невинно предположила Элейн Су.

— Вполне вероятно. Однако будем рассчиты-

вать на худшее. — Роберт избегал смотреть на Атаклену. — На всякий случай отправим сообщение в убежище. Я полагаю, потребуется около десяти дней для получения нового приказа Совета и появления замены.

Он, очевидно, считал, что Меган Онигл никогда не назначит его старшим.

— Я хочу вернуться в Порт-Хелению, — просто сказал Фибен. — Там я окажусь в центре событий. Да и Гайлет во мне нуждается.

— Почему ты считаешь, что губру примут тебя назад после побега? — спросила Лидия Маккью. — Они могут просто расстрелять тебя.

Фибен пожал плечами.

— Если встречусь не с тем губру, вероятно, так со мной и поступят.

Последовала долгая пауза. Тогда Роберт поинтересовался, есть ли другие предложения, и люди, и шимпы промолчали. Когда здесь руководил Пратачулторн, направляя ход событий и обсуждения, его непререкаемый авторитет не оставлял места сомнениям. Теперь им снова предстоит справляться с ситуацией. Они — крошечная армия с весьма ограниченными возможностями, а враг собирается пустить в действие средства, которым они не только не могут помешать, но

даже не понимают их.

Атаклена ждала, пока атмосфера не наполнилась мрачным напряжением, и тогда произнесла четыре слова:

— Нам нужен мой отец.

К ее удивлению, и Роберт, и Лидия кивнули. Даже если со временем придут указания от правительства в изгнании, они тоже будут неясными и противоречивыми. Очевидно, хороший совет им пригодится, особенно насчет галактической дипломатии.

«По крайней мере эта Маккью не разделяет ксенофобии Пратачулторна», — подумала Атаклена. И нехотя одобрила то, что кеннировала в ауре Лидии.

— Роберт сказал мне, что вы уверены: Утакалтинг жив, — сказала Лидия.

— Это хорошо. Но где он? Как нам его найти?

Атаклена наклонилась вперед. Корона ее оставалась неподвижной.

— Я знаю, где он.

— Знаешь? — Роберт мигнул. — Но... — Голос его стих, и он коснулся ее своим внутренним чувством — впервые с позавчерашнего дня. Атаклена отразила его попытку, видя, что он держит Лидию за руку. Но тут же, чувствуя себя глупо,

уступила.

Роберт тяжело опустился на место и выдохнул, несколько раз моргнул и вымолвил только: «О!»

Лидия переводила взгляд от Атаклены к Роберту и обратно. На короткое мгновение она ощутила нечто вроде зависти.

«Он тоже по-своему принадлежит мне», — подумала Атаклена. В этот момент она соединялась с Робертом.

— ...Н'та'хуу, Утакалтинг, — сказал Роберт на гал-семь. — Нам нужно что-то предпринять, и побыстрее.

Глава 77
ФИБЕН И СИЛЬВИЯ

Она ждала его, когда он повел Тихо по тропе из долины пещер.

Терпеливо сидела под большой сосной, рядом с крутым поворотом, и заговорила, когда он оказался поблизости.

— Ты думал улизнуть, не попрощавшись? — спросила Сильвия. Руками она обхватила колени, обтянутые длинной юбкой.

Он привязал лошадь к дереву и сел рядом с ней.

— Нет, — сказал Фибен. — Я знал, что мне не может так повезти.

Она искоса взглянула на него и увидела, что он улыбается. Сильвия фыркнула и посмотрела в каньон, откуда медленно поднимался туман. Утро будет ясным и безоблачным.

— Я знала, что ты вернешься.

— Я должен, Сильвия. Это...

Она прервала его.

— Знаю. Ответственность. Тебе нужно вернуться к Гайлет. Ты ей нужен, Фибен.

Он кивнул. Фибен прекрасно помнил, что он все еще в долгу у Сильвии.

— Когда я собирался, пришла доктор Су. Я...

— Ты заполнил пробирку, которую она тебе дала. Знаю. — Сильвия наклонила голову. — Спасибо. Я считаю, что мне хорошо заплатили.

Фибен смотрел в землю. Он чувствовал себя неловко, разговаривая на эту тему.

— Когда ты?..

— Сегодня. Я готова. Ты разве не видишь?

Парка и длинная юбка Сильвии скрывали все признаки, но она права: невозможно ошибиться в запахе.

— Я искренне надеюсь, что все твои мечты исполнятся, Сильвия.

Она снова кивнула. Так они и сидели в неловком молчании. Фибен пытался найти слова, ощущая себя туполобым. Что бы он ни сказал, все будет невпопад.

Неожиданно внизу, там, где после поворота начиналось несколько троп, разветвляющихся в разные стороны, послышался шорох. Из-за поворота показалась высокая фигура бегущего человека. Роберт Онигл бежал к перекрестку, неся только лук и легкий рюкзак.

Он взглянул наверх и, заметив двух шимпов, побежал медленнее.

Улыбнулся, когда Фибен помахал ему, а потом свернул по заброшенной тропе на юго-запад. И скоро исчез в лесу.

— Что он делает? — спросила Сильвия.

— Похоже, бежит.

Она ударила его по плечу.

— Это я и сама вижу. Куда он бежит?

— Хочет преодолеть проходы до снега.

— Проходы? Но...

— Так как майор Пратачулторн исчез, а времени мало, лейтенант Маккью и остальные военные согласились с альтернативным планом Роберта и Атаклены.

— Но он побежал на юг, — сказала Сильвия.

— Роберт выбрал тропу, которая уводит в глубь Мулунских гор.

Фибен кивнул.

— Он кого-то ищет. Роберт единственный, кто может это сделать. — По его тону Сильвия поняла, что он не собирается больше ничего объяснять.

Они еще какое-то время посидели молча. Появление Роберта помогло преодолеть напряжение. «Как глупо», — подумал Фибен. Сильвия ему нравится. Им не довелось много общаться, а эта возможность, наверно, последняя.

— Ты мне никогда... никогда не рассказывала о своем первом ребенке, — сказал он неожиданно, сам удивляясь своим словам. Разве его это дело?

Конечно, сразу видно, что Сильвия уже рожала и кормила ребенка.

Растяжки кожи очень привлекательны: ведь четверть самок вида Фибена вообще не могут рожать. «Но здесь и боль», — подумал он.

— Это произошло пять лет назад. Я была тогда совсем молоденькая. — Голос ее звучал спокойно. — ...мы назвали его Сичи. Его, как обычно, подвергли тестам и нашли... аномальным.

— Аномальным?

— Да, так сказали. В некоторых отношениях его нашли выдающимся... а в других «необычным».

Видимых дефектов не было, но прослеживались некоторые «странные» свойства. Это обсуждали несколько специалистов. И Совет возвышения решил отправить его на Землю для дальнейшего изучения.

— Они очень хорошо к нему относились. — Она фыркнула. — Мне предложили отправиться с ним.

Фибен мигнул.

— Но ты не полетела.

Она посмотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Я ужасна. Поэтому я тебе и не рассказывала. Ты бы отказался от нашего договора. Ты думаешь, я плохая мать.

— Нет, я...

— Но в то время все казалось другим. Моя мать болела. У нас не было групповой семьи, и я считала, что не могу оставить ее на руках у чужих и, может быть, никогда больше не увидеть. Я обладала тогда только желтой картой. Я знала, что на Земле мой ребенок попадет в хороший дом... получит высокую оценку и вырастет в семье неошимпанзе высшей касты, либо ему уготована судьба, о которой я не хочу знать. Я так боялась, что улечу с ним, а потом его у меня отберут. И, наверно, боялась и стыда, если его объявят ис-

пытуемым.

Она смотрела на свои руки.

— Не могла решить и попробовала обратиться за помощью к человеку из местного отделения Совета. Он считал, что я родила проби. Сичи забрали, а я осталась. Через шесть месяцев мама умерла.

Она посмотрела на Фибена.

— А потом, через три года, пришло сообщение с Земли, что мой ребенок счастлив и хорошо развивается. У него синяя карта и растет он в семье, где все обладают синими картами. И меня повысили, дали зеленую карту.

Она сжала кулаки.

— Как я ненавидела эту проклятую карту! Мне отменили принудительные контрацептические ежегодные инъекции, и теперь мне не нужно просить разрешения, если я хочу зачать. Мне, как взрослой, доверили контроль над собственной плодовитостью. — Она фыркнула. — Как взрослой? Шимми, которая бросила своего ребенка? Они это игнорировали и повысили меня из-за того, что он прошел проклятое тестирование!

«Вот как», — подумал Фибен. Вот в чем причина ее горечи, того, что она раньше помогала губру. Это многое объясняет.

— И ты присоединилась к банде Железной Хватки из ненависти к системе? Решила, что при галактах дела пойдут по-другому?

— Ну, что-то вроде этого. А может, я просто рассердилась. — Сильвия пожала плечами. — Но немного погодя я кое-что поняла.

— Что именно?

— Я поняла, что система при людях плоха, но при галактах она будет гораздо хуже. Да, люди высокомерны, но они пытаются с этим бороться. Собственная страшная история научила их опасаться высоко... высоко...

— Высокомерия.

— Да. Они знают, в какую ловушку это может превратиться, если они будут подражать богам и сами поверят в свою богоподобность. Но галакты именно к этому привыкли и не ведают сомнений. Они так надменны... я их ненавижу.

Фибен задумался. За последние несколько месяцев он многому научился и решил, что свой случай Сильвия несколько переоценивает. Она говорит почти как майор Пратачулторн. Но Фибен знал, что галактические расы редко считают добрыми и вежливыми.

Да и вообще не его дело судить ее.

Теперь он понял ее упорную решимость заи-

меть ребенка, который с рождения имел бы по крайней мере зеленую карту. Нет сомнений. Она хочет самостоятельно выпестовать следующего ребенка и иметь внуков. Сидя рядом с Сильвией, Фибен все время ощущал ее нынешнее состояние.

В отличие от женщин, у шимми строго определенные циклы, и их очень трудно скрыть. В этом одно из основных отличий в социальной и семейной жизни двух родственных видов. Он чувствовал, что его это очень возбуждает, и ощущал вину за это.

Момент был неловкий, и Фибен не хотел еще больше испортить его своей бестактностью. Ему хотелось как-то утешить ее, но он не знал как.

Он облизал губы.

— Послушай, Сильвия.

Она повернулась.

— Да, Фибен?

— Я искренне надеюсь, что ты получишь... То есть я хочу сказать, что оставил достаточно... — Он покраснел.

Она улыбнулась.

— Доктор Су говорит, что все будет в порядке. А если нет, источник не пересох.

Он покачал головой.

— Я ценю твою уверенность. Но не стал бы биться об заклад, что вернусь. — И он посмотрел в западном направлении.

Она взяла его за руку.

— Ну, я не настолько горда, чтобы отказываться от лишней страховки. Твой взнос будет оценен высоко, если хочешь.

Он замигал, чувствуя, как учащается ритм сердцебиений.

— Ты хочешь сказать — прямо сейчас?

Она кивнула.

— Когда же еще?

— Я надеялся, что ты так скажешь. — Он улыбнулся и потянулся к ней, но она остановила его.

— Минутку, — попросила Сильвия. — Ты меня за кого принимаешь? Конечно, тут нет свечей и шампанского, но я бы предпочла прелюдию.

— Отлично, — сказал Фибен и повернулся, подставляя ей спину. — Давай сначала ты, потом я.

Но она покачала головой.

— Я не это имела в виду, Фибен. Нечто более стимулирующее.

Она порылась за деревом и достала цилиндрический предмет из резного дерева. Один его конец был туго обтянут кожей. Фибен широко раскрыл глаза.

— Барабан?

Она зажала небольшой самодельный инструмент коленями.

— Это твоя вина, Фибен Болджер. Ты показал мне нечто потрясающее, и другое меня теперь не удовлетворит.

И она начала искусно выбивать быстрый ритм.

— Танцуй, — сказала она. — Пожалуйста.

Фибен вздохнул. Очевидно, она не шутит. Эта хореоманьячка-шимми сошла с ума, что бы ни утверждал Совет возвышения. Но ему это нравится.

«Кое в чем мы никогда не станем подобны людям», — подумал он, взяв ветку, и попытался резко взмахнуть ею, затем отбросил и взял другую. Он уже чувствовал себя возбужденным и энергичным.

Сильвия била по барабану, быстрый веселый ритм заставил его участить дыхание. Блеск ее глаз воспламенял его кровь.

«Так должно быть. Мы сами по себе», — подумал Фибен.

Он схватил ветвь обеими руками и ударил по стволу, листья разлетелись в разные стороны.

— Уук... — сказал он.

Второй удар получился еще сильнее, и каждый следующий возглас звучал со все большим энтузиазмом.

Утренний туман рассеялся. Гром не гремел. Несклонная к помощи Вселенная не послала на небо ни одного облачка. Но Фибен решил, что на этот раз обойдется без молний.

Глава 78
ГАЛАКТЫ

Экспедиционные силы губру лихорадило сверху донизу. Начались споры по поводу распределения и снабжения, из-за поведения рядовых, презрение которых к вспомогательному персоналу достигло нового опасного уровня.

Днем во время молитвы многие солдаты Когтя надевали традиционные траурные повязки по утраченным Прародителям и присоединялись к священникам в общей негромкой молитве. Но менее набожное большинство, которое в таких случаях обычно сохраняло почтительное молчание, теперь словно специально использовало это время для азартных игр и громких споров. А часовые прихорашивались и пускали по ветру выпавшие перья, отвлекая верующих.

Ненужные звуки можно было услышать во время работы, ремонта и учений.

Насест-полковник, командир восточного укрепления, проводил инспекцию и явился свидетелем такой дисгармонии. Он не стал тратить время и приказал немедленно собрать весь штат укрепления. Потом пригласил главного чиновника лагеря и священника к себе на помост и обратился к собравшимся:

Да не будет сказано, отмечено, разнесено слухами,

Что солдаты губру потеряли свою преданность!

Разве мы сироты? Утрачены? Покинуты?

Разве мы не принадлежим к великому клану?

Какими мы были, каковы мы сейчас,

Какими мы должны быть?

Мы воины, строители, но прежде всего —

Мы соблюдаем подобающие традиции!

Так насест-полковник говорил некоторое время, к нему в убеждающем пении присоединились

администратор и священник лагеря. И наконец смущенные солдаты и весь штат слились в пристыженном и гармоничном ворковании.

Небольшой отряд солдат, чиновников и священников пытался побороть сомнения.

И на короткое время действительно достиг консенсуса.

Глава 79
ГАЙЛЕТ

...даже в редких и трагических случаях, у так называемых волчат, существовала грубая разновидность такой техники. Их примитивные методы включали ритуалы «поединков чести», которые позволили удерживать агрессивность и воинственность в определенных рамках.

Возьмем, например, самый последний по времени клан волчат — «людей» с Сол-3. До открытия галактической культуры их «племена» часто использовали ритуалы, чтобы сдерживать циклы все возрастающего насилия, которое является нормальным состоянием таких лишенных руководства видов. (Несомненно,

эти традиции восходят к искаженным воспоминаниям об их давно забытых патронах).

Среди простых, но эффективных методов, использовавшихся людьми до Контакта (см. ссылки), упомянем метод «поединка чести» у «американских индейцев», «суд путем поединка» у «средневековых европейцев» и «устрашение возможным взаимоуничтожением» у «племенных (национальных) государств».

Конечно, этой технике недоставало тонкости, уравновешенности совершенных правил, разработанных Институтом Цивилизованных Войн...

— Все. Перерыв. Конец. Довольно.

Гайлет мигнула: грубый голос бесцеремонно прервал ее размышления.

Библиотека почувствовала это, и текст на экране застыл.

Гайлет посмотрела влево. Ее новый «партнер» отбросил накопитель информации, широко зевнул и потянулся всем большим сильным телом.

— Пора выпить, — лениво сказал он.

— Да ты даже самый начальный обзор не прошел, — сказала Гайлет.

Он улыбнулся.

— Не понимаю, зачем мы вообще возимся с этим дерьмом. Ити будут удивлены, если мы не забудем поклониться и правильно назвать свой вид. Ты ведь знаешь, они не ждут, что неошимпы покажут себя гениями.

— Очевидно, нет. А твои баллы, несомненно, оправдают их ожидания.

Он нахмурился, но заставил себя снова улыбнуться.

— А ты так стараешься. Я уверен, ити решат, что ты очень умна.

«Туше», — подумала Гайлет. Им не потребовалось много времени, чтобы научиться больно задевать друг друга.

«Может, это еще один тест. Они проверяют, насколько хватит моего терпения».

Может быть... но маловероятно. Уже больше недели она не видела сюзерена Праведности. Вместо него с ней теперь общается комитет из трех пастельной расцветки губру, по одному от каждой фракции, и главным оказывается солдат Когтя с оперением голубого оттенка. Вчера они все побывали на церемониальной площадке

— «для репетиции».

Гайлет по-прежнему не знала, нужно ли ей принимать участие в церемонии, но начинала понимать, что передумывать уже поздно.

Холм на берегу моря преобразовали так, что энергетические установки больше не видны. Террасы на склонах элегантно уходят вверх, одна за другой, на них только осенние листья, которые приносит ветер. На восточном ветру уже трепещут яркие вымпелы, обозначая места, где представители неошимпанзе будут отвечать на вопросы или подвергаться осмотру.

Там, на площадке, рядом с губру, Железная Хватка казался идеальным учеником. И дело не только в том, что он хотел сохранить полученные привилегии и потому был так усерден. Нет, происходящее тешило его тщеславие, и его быстрый ум проявил себя во всем блеске.

Но теперь, когда они оказались одни под обширным сводом новой Библиотеки, на первый план выступили другие стороны его натуры.

— Как насчет этого? — Железная Хватка наклонился через ручку кресла и распутно ухмыльнулся. — Не хочешь ли погулять на свежем воздухе? Мы можем ускользнуть в эвкалиптовую рощу и...

— Ничего не выйдет! — ответила она.

Он рассмеялся.

— Ну, если тебе нравится делать это публично, отложим до церемонии. И тогда мы будем с тобой, малышка, и на нас будут смотреть все пять галактик. — Он улыбнулся и сжал могучие руки так, что костяшки пальцев затрещали.

Гайлет отвернулась и закрыла глаза. Ей пришлось изо всех сил сосредоточиться, чтобы не дрожала нижняя губа. «Спаси меня...», — молила она вопреки всяким надеждам и здравому смыслу.

Логика смеялась над ней за эту мысль. Ведь в конце концов ее рыцарь на белом коне — всего лишь обезьяна, к тому же, несомненно, мертвая.

Но она не могла сдержать неслышного крика. «Фибен, ты мне нужен. Фибен, вернись!»

Глава 80
РОБЕРТ

Кровь его пела.

После месяцев в горах, где он, подобно своим предкам, жил, полагаясь на свой ум и силу, кожа его загрубела, привыкла к солнцу и к жестким местным материалам. Но Роберт все же не до

конца понимал, как изменился, пока не пробежал последние несколько метров по узкой каменистой тропе и десятью длинными шагами не пересек пространство между двумя водоразделами.

«Верхняя точка прохода Рванда... За два часа я поднялся на тысячу метров, а сердце у меня быстрее не бьется».

Он не чувствовал потребности в отдыхе, но заставил себя идти медленнее. Раскинувшаяся перед ним прекрасная картина стоила того.

Он стоял на верху Мулунского хребта. К северу от него уходят горы на восток и на запад, к морю, где продолжаются на архипелаге.

Ему потребовалось бежать полтора дня, чтобы добраться сюда от пещер, и теперь он увидел перед собой панораму, которую предстоит пересечь, чтобы дойти до цели.

«Я даже не знаю, как искать то, что мне нужно!» Инструкции Атаклена дала очень неопределенные: у нее было не очень четкое представление о направлении.

Впереди тоже горы, но они резко обрываются, переходя в серовато-коричневую степь, частично затянутую дымкой. До того, как он достигнет степи, ему предстоит еще немало подъемов и

спусков на узкой тропе, по которой даже в мирное время почти никто не проходил. А с начала войны Роберт, вероятно, первым оказался здесь.

Но самая трудная часть пути позади. Спуск Роберту не нравился, но он знал, как бежать, не падая и не повреждая ноги. А внизу будет вода.

Он потряс кожаной фляжкой и сделал небольшой глоток. Осталось несколько децилитров, но он уверен, что ему хватит.

Роберт заслонил глаза и посмотрел на пурпурные вершины, где ему предстоит сегодня заночевать. По пути тоже встретятся ручьи, но роскошных тропических лесов, как на северных склонах Мулуна, не будет. И скоро придется подумать об охоте, до того, как он углубится в сухую саванну.

«Воины-апачи могли за несколько дней пробежать расстояние от Таоса до Тихого океана, и при этом съедали только горсть поджаренного зерна».

Он, конечно, не воин-апач. У него с собой несколько граммов витаминного концентрата. Скорость он предпочел набитому желудку. Она сейчас важнее.

Он обогнул недавнюю осыпь, перерезавшую тропу. И чуть быстрее устремился по многочис-

ленным подъемам и спускам.

* * *

Ночь Роберт провел в замшелой расселине у журчащего ручья. Спал он, завернувшись в тонкое одеяло, и видел медлительные и спокойные сны, как в космосе, по его представлению, если забудешь о постоянном гудении двигателей.

Спокойным одиночеством сна он обязан главным образом неподвижности сети эмпатии. Ведь он столько месяцев провел в тропическом лесу, но в такой глуши даже его грубый кеннинг проникал далеко.

И впервые он не ощущал жесткого — выражаясь метафорически, металлического, — присутствия чуждых сознаний на северо-западе. Он заслонен от губру, кстати, от людей и шимпов тоже. Странное чувство — одиночество.

Оно не исчезло с рассветом. Роберт наполнил флягу из ручья, напился, чтобы ослабить голод. И снова побежал.

Крутые спуски утомляли, но мили улетали быстро. И прежде чем солнце прошло полпути к зениту, перед Робертом открылась широкая степь. Теперь он бежал по пологим холмам; километры оставались позади, как мысли, мелькают

нувшие в голове и сразу же забытые. На бегу Роберт прощупывал местность, и скоро понял, что где-то там, за высокой травой, находятся какие-то странные существа.

Если бы кеннинг указывал направление! Наверно, именно его неточность помешала людям развить собственные несовершенные способности.

«Вместо этого мы сосредоточились на другом».

Есть игра, в которую часто играют и на Земле, и заинтересованные галакты. Она состоит в том, чтобы попытаться реконструировать знаменитых «утраченных патронов человечества», полумифическую расу, которая предположительно пятьдесят тысяч лет назад начала возвышение людей, а затем загадочно исчезла, оставив работу «выполненной наполовину».

Конечно, встречаются отчаянные еретики — даже среди галактов, — которые считают верными земные теории о том, что каким-то образом возможно осуществить возвышение самостоятельно... развить космический разум и вытащить себя за волосы из тьмы и невежества к зрелости.

Но даже на Земле большинство считает эту теорию неправдоподобной.

Патроны возвышают клиентов; те, в свою оче-

редь, возвышают новых предразумных. Так было всегда, давным-давно, со времен Прародителей.

Нет никаких свидетельств. Кем бы ни были патроны человечества, они хорошо замели свои следы, и не без причины. Патроны, бросившие своих клиентов, считаются преступниками.

Но игра в угадайку продолжается.

Некоторые кланы исключаются сразу: они ни за что не стали бы возвышать всеядные существа. Другие не в состоянии даже недолго находиться на Земле — из-за тяготения, или атмосферы, или из-за того и другого вместе.

Большинство соглашалось, что это не может быть клан, верящий в специализацию. Некоторые возвышают клиентов с особой целью. Институт возвышения требует, чтобы новая раса разумных могла пилотировать космические корабли, рассуждать здраво и логично и со временем сама стать патроном. Но помимо этого Институт не ставит никаких ограничений, и клиенты могут быть приспособлены к различным условиям. Некоторые становятся искусными ремесленниками, другие философами, очень многие — воинами.

Но загадочные патроны человечества не настаивали на специализации.

Потому что человек оказался очень гибким и податливым животным.

Да, и даже прославленные своими адаптационными способностями тимбрими не могут кое-чего.

«Например, такого», — подумал Роберт.

Стая местных птиц, хлопая крыльями, поднялась в воздух, когда Роберт пробегал мимо. Мелкие зверьки чувствовали, как дрожит земля под его ногами, и прятались.

Стадо животных, длинноногих и быстрых, похожих на небольших оленей, метнулось в сторону, легко обгоняя Роберта. Они бежали на юг, туда же, куда и он, и поэтому он побежал за ними. И скоро приблизился к месту, где они опять остановились и принялись пастись.

Снова они устремились вперед, ушли от него на большое расстояние и вновь начали щипать траву.

Солнце поднялось высоко. В такое время все живое — и охотники, и добыча — ищет убежища от жары. Там, где нет деревьев, они раскапывают почву, добираются до прохладных слоев и лежат в тени, дожидаясь, пока уйдет обжигающее солнце.

Но одно существо не останавливалось, а про-

должало бежать. Псевдоолени в ужасе замигали, когда Роберт в очередной раз приблизился. Они поднялись и побежали, оставив его позади. На этот раз пробежали немного больше, потом остановились на вершине небольшого холма, отдуваясь и недоверчиво оглядываясь.

Двуногое существо продолжало приближаться.

Волна тревоги и нехороших предчувствий пробежала по стаду.

Все еще тяжело дыша, животные побежали дальше.

На оливковой коже Роберта испарина блестела, как масло. Она сверкала на солнце и дрожала в такт ударам его ног, срываясь и падая каплями.

Но в основном пот испарялся на ветру. Сухой юго-восточный ветер превращал его в пар, унося при этом излишнее тепло. Роберт продолжал ритмично бежать, не пытаясь догнать оленеподобных животных. Иногда он переходил на шаг и немного отпивал из фляжки, а потом принимался бежать.

Лук привязан у него на спине, но почему-то Роберт и не думал использовать его, продолжая бежать под полуденным солнцем. «Бешеные собаки и земляне...» — думал он.

«И апачи... и банту... и многие другие...»

Люди привыкли считать, что мозг отличает их от других представителей животного царства Земли. Действительно, оружие, огонь и речь сделали их властелинами своей планеты задолго до того, как они узнали об экологии или об обязанностях старших видов по отношению к младшим, еще не способным мыслить. В темные столетия разумные, но невежественные мужчины и женщины огнем загоняли стада мамонтов, гигантских ленивцев и особей прочих видов на край пропасти и сбрасывали вниз, убивали сотни, чтобы получить мясо одного-двух. Они подстрелили миллионы птиц, чтобы их оперение украшало женщин. Они вырубали леса, чтобы выращивать опиумный мак.

Да, разум в руках невежественных детей — опасное оружие. Но Роберт знал тайну.

«Нам совсем не нужен был мозг, чтобы править миром».

Он вновь приблизился к стаду; конечно, его подгонял голод, но одновременно он наслаждался красотой туземных существ. Несомненно, с каждым поколением они увеличиваются в росте. Теперь они гораздо крупнее, чем были их предки, когда бурурали уничтожили гигантских копытных, бродивших по этим полям. Когда-нибудь

они смогут заполнить пустующие ниши.

Уже сейчас они гораздо быстрее человека.

Скорость — само собой. Но выносливость — совсем другое дело. Когда животные снова припустили, Роберт заметил, что стадо в панике. Морды псевдооленей покрылись пеной. Языки свисали, а грудные клетки ходили ходуном.

Солнце палило. Роберт взмок. Пот, испаряясь, приносил ему облегчение и прохладу. Роберт продолжал бежать.

«Орудия труда, огонь и речь — наши неоспоримые преимущества, которые дали толчок для развития культуры. Но разве это все, чем мы обладали?» Песня начала формироваться в сети мягких пазух за глазами, в плавном потоке жидкости, омывающей мозг, предохраняющей от сотрясений при ударах ног во время бега. Удары сердца несли вперед, как верный басовый ритм.

Сухожилия ног подобны натянутым гудящим тетивам... подобны струнам скрипки.

Он чувствовал их запах, голод обострил атавистическое восприятие.

Роберт отождествил себя с намеченной добычей. И странным образом испытал чувство завершенности, исполнения. Он жив. Он не отдавал себе отчета в том, что обгоняет начавших

падать на землю оленей. Матери и детеныши с тупым удивлением смотрели вслед: он пробегал, не бросив на них взгляда. Роберт наметил цель и произвел простой глиф, чтобы остальные успокоились, расслабились, ушли в сторону. А он гнался за крупным самцом во главе стада.

«Ты одинок, — думал он. — Ты хорошо пожил, передал свои гены. Твой вид в тебе теперь нуждается меньше, чем я».

Возможно, его предки пользовались эмпатией чаще современных людей. Он нашел возможность ее использовать. Он кеннировал растущий ужас быка, когда один за другим его спутники отставали. Бык мчался изо всех сил и оторвался от Роберта. Но потом ему пришлось остановиться: тяжело дыша, пытаясь охладиться, со вздымающимися боками, он смотрел на приближающегося Роберта.

Затем бык повернулся и вновь отчаянно рванул.

Теперь они остались вдвоем.

Гимельхай пылал. Роберт бежал дальше.

Минутой позже он на бегу потянулся за ножом. Даже это оружие он извлекал неохотно, однако из милосердия к добыче решил им воспользоваться.

* * *

Несколько часов спустя, уже не мучаясь от пустоты в желудке, Роберт уловил первые признаки следа. Он двигался на юго-запад, по мнению Атаклены, так он достигнет цели. День угасал, и Роберт заслонял глаза от солнца. Потом совсем закрыл их и поискал с помощью других чувств. Да, что-то настолько близко, что его можно кеннировать.

Метафорически, подумал он, очень знакомый запах.

Он рванул вперед, по следам, иногда холодным и разумным, иногда диким, как бык, который недавно поделился с Робертом своей жизнью.

Следы стали заметней и завели Роберта в густые колючие заросли, где после захода солнца он не сможет преследовать существо с этой эмпатической вибрацией. Но он вовсе не хотел «охотиться» на это существо. Ему надо всего лишь поговорить с ним.

Ясно, что существо чувствует его присутствие. Роберт остановился, закрыл глаза и бросил вперед простой глиф. Глиф устремился направо, налево, потом углубился в растительность, откуда незамедлительно послышался шорох. Роберт открыл

глаза и уперся в чей-то блестящий взгляд.

— Ну ладно, — негромко сказал Роберт. — Выходи. Нужно поговорить.

Минутное колебание — и из кустов вышел грязный и абсолютно голый длиннорукий шимп, заросший густой шерстью, со сросшимися бровями и тяжелым подбородком.

Роберт увидел пятна высохшей крови, не похожие на раны самого шимпа.

«Ну, в конце концов мы двоюродные братья. А вегетарианцы в степи долго не проживут».

Почувствовав, что лохматый шимп не хочет встречаться с ним взглядом, Роберт не стал настаивать.

— Здравствуй, Джо-Джо, — сказал он мягко и негромко. — Я принес сообщение твоему хозяину.

Глава 81
АТАКЛЕНА

Клетка была сделана из прочных деревянных прутьев, перевязанных проволокой. Она висела на ветке дерева в защищенной от ветра долине, под наветренным отрогом дымящегося вулкана. Однако тросы, удерживающие клетку, времена-

ми дрожали, и она раскачивалась.

Обитатель клетки, голый, небритый и очень похожий на волчонка, сверху вниз смотрел на Атаклену испепеляющим ненавидящим взглядом. Атаклене казалось, что вся маленькая долина насыщена ненавистью пленника, и она не собиралась здесь долго задерживаться.

— Я думала, вы захотите знать. Согласно правилам войны триумвират губру объявил перемирие, — сказала она майору Пратачулторну. — Площадка для церемоний теперь священна, и на всем Гарте вооруженные силы могут действовать только защищаясь.

Пратачулторн плюнул сквозь прутья.

— Ну и что? Напали бы мы, как я планировал, все закончилось бы раньше.

— Сомневаюсь. Даже блестящие планы редко воплощаются точно. И если нам в последнюю минуту пришлось бы отказаться от нападения, мы, получается, вот так запросто, ни за что, раскрыли бы все свои тайны.

— Это вы так думаете, — фыркнул Пратачулторн.

Атаклена покачала головой.

— Однако это не единственная и не самая важная причина. — Она устала объяснять тонкости

галактического протокола офицеру морской пехоты, но надо было попытаться еще раз. — Я уже говорила вам, майор. Войны обычно развиваются циклами; вы, люди, иногда называете это «око за око»: одна сторона мстит другой за последнее оскорбление, а та, в свою очередь, отвечает тем же. И если не сдержаться, так может продолжаться вечно! Поэтому Прародители разработали правила сдерживания таких конфликтов.

Пратачулторн выругался.

— Да будьте вы прокляты! Сами признавали, что наше нападение, осуществленное вовремя, вполне законно.

Она кивнула.

— Законно — возможно. Но сослужило бы врагу хорошую службу. Потому что было бы последним действием перед перемирием.

— А какая разница?

Она терпеливо продолжала объяснять:

— Губру объявили перемирие, имея подавляющее преимущество, майор. Это считается честным. Можно сказать, они «заработали очки». Но количество очков неизмеримо выросло бы, если бы перемирие объявили сразу после поражения. Если бы не стали мстить, проявили терпимость. И заслужили бы...

— Ха! — Пратачулторн расхохотался. — Много бы это им дало, если бы их церемониальная установка была разрушена!

Атаклена наклонила голову. Времени совсем не осталось. Если она здесь задержится, лейтенант Маккью может заподозрить, где находится ее исчезнувший командир. Морские пехотинцы уже прочесали несколько возможных мест укрытия.

— В результате Землю вынудили бы финансировать новое строительство, — сказала она.

Пратачулторн смотрел на нее.

— Но... но мы воюем!

Она кивнула, не поняв его.

— Совершенно верно. Невозможно воевать, не учитывая существующих правил и не имея мощных нейтральных сил, поддерживающих честное ведение войны. Альтернативой было бы варварство.

Человек молча мрачно смотрел на нее.

— К тому же разрушение церемониальной площадки означало бы, что люди против испытаний для своих клиентов, против их продвижения! А так губру в результате этого перемирия обесчестили сами себя. Вы набрали очки, оказались страдающей стороной, которая не стала мстить. Эта частичка праведности может сильно приго-

диться в будущем.

Пратачулторн нахмурился. Сосредоточился, словно хотел ухватить логическую нить рассуждений. Она чувствовала напряжение всех его умственных сил, старание... но не получилось. Он сморщился и снова плюнул.

— Какой вздор! Покажите мне мертвых птиц. Вот такую монету я могу сосчитать. Набросайте их грудой до верха этой клетки, маленькая мисс посольская дочь, и в таком случае, когда я отсюда вырвусь, вы, возможно, только возможно, останетесь в живых.

Атаклена вздрогнула. Тщетно пытаться убедить такого человека. Этого пленника следовало держать под воздействием наркотиков либо убить. Но она не могла сделать ни того, ни другого, не могла втягивать послушных ей шимпов в преступление.

— До свидания, майор, — сказала она, повернувшись, чтобы уйти.

Он не стал кричать ей вслед. Немногословно делало его угрозы более страшными и правдоподобными.

Атаклена по тайной тропе горного отрога вышла из долины, и двинулась мимо вечно парящих и шипящих теплых источников. На вершине она

убрала щупальца, чтобы их не раздувал ветер. Небо почти безоблачно, но в воздухе пыль далеких пустынь.

На ветке висел парашютик плюща с семенной коробочкой, принесенный с какого-то поля. К счастью, осенний перенос спор пошел полным ходом еще за два дня до провозглашения перемирия. Этот факт может оказаться весьма существенным.

Ей было не по себе; такое она испытывала частенько с той ночи ужасных снов незадолго до восхождения на эту же вершину, где она и вырвала у отца наследство.

«Должно быть, снова испытывают гиперпространственный шунт».

Она уже знала, что первый приступ кошмаров совпал у нее с первым испытанием новой установки захватчиков. Потоки неустойчивой вероятности распространились во всех направлениях; чувствительные к ним ответили странной смесью кошмаров и своеобразного веселья.

Не похоже на обычно педантичных губру и подтверждает сообщение Фибена про серьезные проблемы в руководстве врага.

Поэтому в тот вечер тутсунуканн обрушился так неожиданно и свирепо? Значит, эта высвобо-

дившаяся энергия ответственна за ужасающую силу ее контакта с'уструтууна с Утакалтингом?

Могут ли первое и последующие испытания установки объяснить, почему гориллы ведут себя так необычно?

Атаклена чувствовала неподдельный ужас и беспокойство. «Скоро, — подумала она. — Скоро кульминация».

Она была уже на полпути к своей палатке, когда из леса вдруг выбежали двое запыхавшихся шимпов и заторопились к ней.

— Мисс... мисс... — выговорил один. Слышалось тяжелое дыхание другого.

Она кеннировала их страх, и это вызвало мгновенный поток гормонов; он чуть замедлился, когда она поняла, что этот страх вызван не угрозой нападения врага. Что-то другое чуть не свело их с ума от ужаса.

— Мисс Ат...таклена, — выдохнул первый шимп. — Идемте быстрей!

— В чем дело, Петри? Что случилось?

— Риллы. Мы не можем с ними справиться.

«Вот как», — подумала она. Уже с неделю негромкое немузыкальное пение горилл доводило шимпов до нервных припадков. — Что они сейчас делают?

— Уходят! — с болью выкрикнул второй шимп.

Она заморгала.

— Что? Повтори!

Карие глаза Петри были полны изумления.

— Они уходят. Просто встали и пошли! Идут к Синду, и их невозможно остановить!

Глава 82
УТАКАЛТИНГ

За последние дни их продвижение к горам заметно замедлилось. Все больше и больше времени Каулт проводил, разглядывая каменные орудия... и споря со своим спутником тимбрими.

«Как быстро меняется положение», — думал Утакалтинг. Он долго и напряженно старался довести Каулта до этого состояния подозрительности и возбуждения. А теперь с печалью вспоминал их прежнюю дружбу, долгие ленивые дни неторопливых разговоров и воспоминаний, дни общего изгнания, какими бы раздражающими они тогда ему ни казались.

Конечно, в то время он полностью был самим собой и мог смотреть на мир глазами тимбрими сквозь смягчающую вуаль воображения.

А теперь? Утакалтинг знал, что дома его счи-

тали слишком мрачным и серьезным, а сейчас, вероятно, сочли бы калекой. Может, лучше умереть?

«Слишком многое я потерял», — думал он, в то время как Каулт что-то бормотал про себя в углу убежища. Снаружи сильные порывы ветра раскачивали степную траву. Лунный свет падал на вершины холмов, подобных медлительным океанским волнам, поднятым бурей.

«Неужели ей действительно нужно было отобрать так много?» — думал Утакалтинг, хотя на самом деле это его уже не тревожило.

Конечно, Атаклена вряд ли отдавала себе отчет, когда той ночью потребовала выполнения обета, данного родителями. Создавать с'устру'туун не учат специально. Способ, такой драматичный и так редко используемый, невозможно описать простыми словами. И по самой своей природе с'устру'туун — это нечто, совершаемое только раз в жизни.

Однако сейчас, мысленно оглядываясь назад, Утакалтинг вспомнил то, чему в свое время не придал значения.

В тот вечер он чувствовал жуткое напряжение. Уже задолго до этого начал беспокоиться и ощущать потоки такой энергии, как будто сквозь

горы прорывались полуглифы невероятной силы. Возможно, этим объясняется необыкновенная мощь призыва дочери; видимо, она черпала из какого-то внешнего источника.

Припомнилось и то, что та буря,с озданная ее с'устру'туун, не все отобранное у него унесла Атаклене!

Странно, как он до сих пор не додумался. Сейчас Утакалтингу смутно казалось, что часть его сущности миновала ее, но он и представить себе не мог, в каком направлении. Может, к тому самому источнику энергии, который он ощутил раньше. Может быть...

Утакалтинг слишком устал, чтобы создавать рациональные теории. «Кто знает? Вдруг ее привлекли гартлинги?» Дурацкая шутка, не стоящая даже легкой улыбки, но все же, раз он способен иронизировать, не все еще потеряно.

— Теперь я уверен в этом, Утакалтинг. — Повернувшись, теннанинец говорил негромко и убежденно. Он отложил прибор, сооруженный из остатков разбитой яхты.

— В чем уверен, коллега?

— Уверен в том, что наши подозрения не безосновательны! Смотри.

Данные, которые ты сообщил, твои записи

помогли мне настроить детектор, и теперь я обнаружил нужный резонанс.

— Правда? — Утакалтинг не знал, как быть. Он не ожидал от Каулта доказательств существования мифического животного.

— Я знаю, мой друг, — сказал Каулт, поднимая массивную, обтянутую плотной кожей руку. — Ты боишься, что мои эксперименты привлекут к нам внимание губру. Не волнуйся, я использую очень узкую полосу и отражаю свой луч от ближайшего спутника. Маловероятно, чтобы источник моего слабого луча локализовали.

— Но... — Утакалтинг покачал головой. — Что ты ищешь?

Дыхательные щели Каулта раздвинулись.

— Определенный тип мозгового резонанса. Это чисто технические соображения, — сказал теннанинец. — Соотносится с тем, что я читал в твоих записях об этих гартлингах. Судя по данным, мозг этих предразумных существ не должен очень отличаться от мозга землян и тимбрими.

Утакалтинг поразился, с какой быстротой и энтузиазмом Каулт использовал сфабрикованные данные. Его прежняя сущность, наверное, ликовала бы.

— И что же? — спросил он.

— Вот что... позволь объяснить на примере. Возьмем людей...

— Давай, — вставил Утакалтинг скорее по привычке, без всякого энтузиазма.

— ...земляне использовали лишь один из множеств путей постепенного достижения разума. Они использовали мозг в виде двух отдельных частей, позднее слившихся в одну.

Утакалтинг моргнул. Его собственные мозги едва шевелятся.

— Ты... ты говоришь о двух относительно независимых полушариях человеческого мозга?

— Да. Иногда эти половинки подобны друг другу и избыточны, но в определенный момент они распределяют между собой работу. Особенно это заметно у их клиентов-неодельфинов. До появления губру я изучал данные о неошимпанзе, которые во многом подобны своим патронам. Люди еще на самых ранних стадиях возвышения попытались соединить мозг предразумных в единое сознание. До этих попыток неошимпанзе испытывали состояние, называемое «двухпалатностью»...

Каулт продолжал говорить, речь его по-прежнему изобиловала специальными терминами, и вскоре Утакалтинг перестал его слушать.

Подробности мозговых функций заполнили их убежище густым туманом.

Утакалтингу очень хотелось создать глиф, выражающий его скуку, но у него не хватало сил даже пошевелить щупальцами.

— ...и поэтому резонанс указывает, что поблизости, в пределах досягаемости моего прибора, имеется существо с двухкамерным мозгом.

«А, да», — подумал Утакалтинг. Еще в Порт-Хелении, в пору создания им хитроумных планов, он заподозрил, что Каулт может оказаться изобретательным. Это и было одной из причин выбора Утакалтингом в помощники шимпа с явными признаками атавизма. И сейчас Каулт находит следы бедного Джо-Джо, отсталый мозг которого похож на мозг невозделанных невозвышенных шимпанзе столетия назад. Джо-Джо, несомненно, сохранил признаки этой «двухпалатности», о которой говорит Каулт.

Наконец Каулт подошел к заключению.

— И потому я совершенно убежден и считаю, что больше нельзя откладывать. Мы должны отправить межзвездное сообщение!

— А как ты собираешься это сделать? — с легким любопытством спросил Утакалтинг. Дыхательные щели Каулта раздувались, выдавая редкое

для него возбуждение.

— Может быть, нам удастся проскользнуть или пробиться в планетарную отраслевую Библиотеку, потребовать убежища и затем использовать право на первоочередную связь с пятьюдесятью солнцами Теннанина. Кажется, есть и другой способ, например украсть корабль губру. Но сообщение надо передать!

Неужели это тот самый Каулт, который так стремился бежать из Порт-Хелении до прибытия захватчиков? Он изменился внешне так же сильно, как Утакалтинг внутренне. Энтузиазм теннанинца пылал ярким пламенем, а Утакалтингу приходилось изо всех сил поддерживать огонь собственного энтузиазма.

— Ты хочешь предъявить требования на предразумных до их обнаружения губру?

— Да, а почему бы и нет? Чтобы спасти их от таких ужасных патронов, я готов отдать собственную жизнь! Если правда то, что мы услышали по нашему приемнику, эмиссары Институтов уже на пути к Гарту. Мне кажется, губру задумали что-то грандиозное, может, уже открыли то же самое. Мы должны действовать быстро, пока еще не поздно!

Утакалтинг кивнул.

— Еще один вопрос, достойный коллега. — Он помолчал. — Почему я должен помогать тебе?

Каулт выдохнул, как проткнутый воздушный шарик, и его грудь начала быстро оседать. Он посмотрел на Утакалтинга с таким выражением, какого тот никак не ожидал увидеть на этом лишенном эмоций лице серьезного теннанинца.

— Это поможет предразумным, — просвистел он. — Их судьба будет гораздо счастливей.

— Может быть, хотя утверждение спорное. Но если и так? Ты рассчитываешь только на мой альтруизм?

— Э-э-э... Хм... — Внешне Каулт казался обиженным. Но удивился ли он на самом деле? Ведь в конце концов он дипломат и знает, что лучшие и самые прочные договоры заключаются на взаимовыгодной основе. — Это... это очень помогло бы моей политической партии. Если бы я раздобыл такое сокровище, мы, вероятно, смогли бы сформировать правительство, — предположил он.

— Небольшая поправка к невысказанному не стоит разговора, — Утакалтинг покачал головой. — Ты же не объяснил мне, почему я не могу потребовать передать открытие моему клану. Я исследовал эти слухи раньше тебя. Мы, тимбрими, были бы превосходными патронами для

этих существ.

— Вы! Вы... К'ф мимфер'рренги? — Это выражение примерно означало «несовершеннолетние правонарушители». Утакалтинг едва сдержал улыбку. Каулт неловко заерзал и заметно сдерживался, чтобы сохранить дипломатическую невозмутимость.

— У вас, тимбрими, недостаточно сил, чтобы поддержать такое требование, — сказал он.

«Наконец-то, — подумал Утакалтинг. — Правда».

В такие времена, в таких сложных обстоятельствах требуется нечто большее, чем подача заявки на клиентов новой предразумной расы первым.

Институт возвышения будет учитывать и множество других факторов. Люди очень правильно высказались по этому поводу: «Владение имуществом почти равносильно праву на него». Не в бровь, а в глаз.

— Итак, мы вернулись к вопросу номер один. — Утакалтинг кивнул. — Если ни тимбрими, ни люди не могут получить гартлингов, почему я должен помогать в этом тебе?

Каулт начал ерзать на месте, как на горячей сковородке. В отчаянии он, наконец, выпалил:

— Я могу почти гарантировать прекращение всех враждебных действий моего клана против твоего.

— Мало, — сразу ответил Утакалтинг.

— Но чего же еще ты от меня хочешь! — взорвался Каулт.

— Подлинного союза. Обещания помощи против тех, кто сейчас осаждает Тимбрим.

— Но...

— И твердых гарантий, данных заранее. Независимо от того, существуют ли на самом деле эти предразумные.

Каулт, запинаясь, сказал:

— Ты не можешь требовать...

— Могу. Почему я должен верить в этих гартлингов? Для меня это только интригующие слухи. Я ведь не утверждал, что верю в них! А ты хочешь, чтобы я на этом основании рисковал жизнью, передавая твое сообщение! Зачем мне это без гарантий для своего народа?

— Это... это неслыханно!

— Тем не менее такова моя цена. Как хочешь.

На мгновение у Утакалтинга появилось возбуждающее предчувствие, что он будет свидетелем невероятного. Каулт утратит контроль над собой... набросится на него с кулаками. Взглянув

на эти массивные, судорожно сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, Утакалтинг почувствовал приток энзимов в крови. Нервный страх заставил его ощутить себя живым, чего не было уже много дней.

— Будь... будь по-твоему, — прорычал наконец Каулт.

— Отлично. — Утакалтинг вздохнул, расслабляясь. Он извлек свой хранитель информации. — Давай сформулируем наш контракт.

Потребовалось больше часа, чтобы обо всем окончательно договориться.

После того, как договор был составлен и оба экземпляра подписаны, Утакалтинг одну капсулу с текстом передал Каулту, вторую оставил у себя.

«Поразительно!» — думал он. Он вынашивал планы и тяжким трудом приближал этот день. Наконец-то завершена вторая часть его грандиозного розыгрыша. Дурачить губру — одно удовольствие. Но вообще это невероятно.

Однако Утакалтинг не испытывал торжества. Ему не хотелось двигаться вперед, на Мулунские горы, в отчаянной попытке, которая, несомненно, закончится их смертью.

— Ты, конечно, понимаешь, Утакалтинг, что мой народ не выполнит этот договор, если я

ошибся и гартлингов все-таки не окажется. Теннанинцы отрекутся от меня: они выплатят дипломатический штраф, чтобы выкупить контракт, а меня уничтожат.

Утакалтинг не поднимал глаз на Каулта. Это, конечно, вторая причина его угнетенного состояния и отчужденности. «Великий шутник не должен чувствовать себя виноватым, — говорил он себе. — Наверно, я слишком часто общался с людьми».

Молчание затянулось. Каждый думал о своем.

Несомненно, Каулта отвергнут. Теннанинцы вряд ли станут заключать союз или даже мир с Землей и Тимбримом. Утакалтинг надеялся лишь посеять смятение в рядах врага. Если каким-то чудом Каулту удастся передать свое сообщение и привлечь теннанинскую армаду к этому захолустью, тогда противники его народа сойдутся в битве, которая истощит обоих... в бессмысленной битве из-за ничего. Из-за несуществующего вида, призрака существ, убитых много тысячелетий назад.

«Какая великая шутка! Я должен быть счастлив. Горд...» Утакалтинг печально думал, что не может даже винить с'устру'туун в своей неспособности испытывать удовольствие.

Атаклена не виновата в том, что он переживает такие чувства... чувство вины и предательства.

«Ну ладно, — утешал себя Утакалтинг. — Еще ничего не известно. Чтобы передать сообщение, нужно совершить еще семь подвигов, один грандиознее другого!»

Вероятно, они просто умрут вместе, предприняв эту тщетную попытку.

Утакалтинг нашел в себе силы чуть приподнять щупальца. Он печально поднял голову, посмотрел на Каулта, и над ним появился простой глиф сожаления.

Утакалтинг собирался заговорить, когда совершенно неожиданно ощутил чье-то присутствие в ночи. Он вздрогнул; чувство чужака тут же пропало.

«Может, мне показалось? Неужели я распадаюсь?» — подумал Утакалтинг. И тут же вновь ощутил кого-то! Он ахнул, кеннируя то, что по спирали опускалось к убежищу, прикоснулось наконец к краям его ауры. Пытаясь разглядеть нечто висящее над убежищем, он поднял голову.

«Что я делаю? Пытаюсь увидеть глиф?»

Закрыв глаза, он позволил этому приблизиться. Раскрыл свой кеннинг. — Пуир'итурумбул! — воскликнул он.

Каулт пошевелился.

— В чем дело, друг мой? Что...

Но Утакалтинг уже вскочил. Его как будто выдернули из убежища в прохладную ночь.

Он принюхался: ветер принес самые разнообразные запахи. С помощью остальных своих чувств Утакалтинг исследовал кромешную тьму.

— Где ты? — спросил он. — Кто здесь?

В полосе тусклого лунного света показались две фигуры.

«Значит, это правда!» — подумал Утакалтинг. Человек отыскал его с помощью эмпатии, как поступил бы молодой тимбрими.

Но чудеса еще не кончились. Утакалтинг, моргая, посмотрел на высокого бронзового бородатого воина — точь-в-точь героя этих варварских предконтактных земных эпопей — и вновь удивленно вскрикнул. Он неожиданно узнал в нем Роберта Онигла, этого мальчика-плейбоя, сына планетарного координатора!

— Добрый вечер, сэр, — сказал Роберт, останавливаясь в нескольких метрах от него и кланяясь.

А за ним нервно переминался неошимпанзе Джо-Джо. Это никак не входило в первоначальный план. Шимп не поднимал глаз на Утакалтинга.

— В'хуман'ф? Идатесс! — воскликнул Каулт на галактическом-семь. — Утакалтинг, что надо здесь человеку?

Роберт снова поклонился. Он, тщательно выговаривая, произнес официальное приветствие, использовав полные названия видов. Потом продолжил на галактическом-семь:

— Я пришел издалека, почтенные джентльсущества, чтобы пригласить вас на прием.

Глава 83
ФИБЕН

— Легче, Тихо, легче!

Обычно спокойное животное брыкалось и упиралось, натягивая поводья.

Фибен, который никогда не был хорошим всадником, вынужден был спешиться и схватить лошадь за повод.

— Ну, ну. Успокойся, — уговаривал он. — Просто еще один транспорт. Их слышно целый день. Он скоро пройдет.

Действительно, вой быстро стих: машина, пролетев над головой, исчезла за деревьями, направляясь в сторону Порт-Хелении.

Многое изменилось с тех пор, как Фибен впер-

вые побывал здесь после вторжения. Тогда, среди весенней зелени, он шел в солнечном свете по дороге с оживленным движением. Теперь, шагая по долине, он ощущал порывы холодного ветра в спину. Признаки близкой зимы: опавшие листья на лугах и аллеях, снятые фрукты в садах, и отсутствие движения на дорогах. Только наземного движения — над головой же поток транспорта кажется нескончаемым. Когда машины губру проносились мимо, гравитационные поля задевали нервные окончания, и поначалу у Фибена даже шерсть дыбом вставала. Он ждал окрика, приказа остановиться, может быть, даже стрельбы.

Но губру не обращали на него внимания; очевидно, не могли выделить определенного шимпа среди других, посланных на сбор урожая или для работы на станции экологического регулирования.

Фибен разговаривал с такими специалистами, в основном своими старыми знакомыми. Они сообщили, что поклялись свободой и возможностью вернуться к работе. Конечно, приближается зима, и делать на станциях особенно нечего.

Но по крайней мере, программу возобновили, а губру, по-видимому, оставили их в покое.

Захватчики же при деле. Центр активности

губру переместился к югу от космопорта.

«Там церемониальная площадка», — напомнил себе Фибен. В сущности, он не знал что делать, если сумеет проникнуть в город. Может, просто пойти к дому, в котором находилась его тюрьма? Примет ли его сюзерен Праведности?

А Гайлет?

Будет ли она там вообще?

Он миновал закутанных в плащи шимпов, которые копались в стерне недавно сжатого поля. Они не здоровались, он и не ожидал этого, но все же чувствовал на себе их взгляды, когда вел Тихо к Порт-Хелении. Лошадь немного успокоилась, и Фибен снова сел в седло.

Он рассчитывал вернуться в Порт-Хелению тем же путем, что ушел: через ограду, ночью. Если один раз получилось, почему бы не попробовать еще? У него нет никакого желания встречаться с подчиненными сюзерена Стоимости и Бережливости.

Искушение было велико, но он удержался. В первый раз просто повезло; действовать так вторично — глупо.

Но судьба распорядилась иначе. Повернув за угол, он увидел сторожевой пост губру. Два боевых робота сложной конструкции сосредоточили

на нем внимание.

— Полегче, ребята, — сказал Фибен скорее себе, чем им. Если бы их запрограммировали на мгновенную стрельбу, он бы их даже не увидел.

Перед невысоким строением на подпорках стоял бронированный танк на воздушной подушке, из-под которого торчали две пары ног с тремя когтями каждая; не нужно хорошо владеть галактическим-три, чтобы разобрать проклятия. Когда роботы предупреждающе резко свистнули, под машиной лязгнуло, затем послышался негодующий клекот.

Скоро из тени показалась пара острых клювов. Желтые глаза не мигая уставились на Фибена. Один из взъерошенных губру поднял свой воротник.

Фибен поджал губы, изображая улыбку. Он спешился и подошел к бункеру, удивляясь, что ни роботы, ни чужаки не заговорили с ним.

Остановившись перед двумя губру, он низко поклонился.

Они переглянулись и раздраженно защебетали. Один испустил что-то вроде покорного стона. Двое солдат Когтя выбрались из-под танка, каждый ответил едва заметным кивком.

Нависло напряженное молчание.

Один губру вздохнул и отряхнул перья. Второй просто смотрел на Фибена.

«Что теперь?» — подумал Фибен. У него зачесались пальцы на ногах.

Он снова поклонился, потом с пересохшим горлом попятился и взял лошадь под уздцы. С подчеркнутой небрежностью зашагал вперед к темной ограде, окружающей Порт-Хелению.

Тихо заржал, помахивая хвостом.

«Тихо, пожалуйста», — про себя попросил Фибен. Когда губру скрылись за поворотом, он опустился на землю и некоторое время никак не мог унять дрожь.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Теперь ясно, что перемирие действует.

* * *

После этого, встретив охрану у ворот, он почти расслабился. Фибен по-настоящему наслаждался, заставляя солдат Когтя отвечать на его поклоны.

Гайлет говорила ему о галактическом протоколе: очень важно выжать признание клиентов-кваку. А то же самое от губру — это вообще великолепно.

Это означает также, что сюзерен Праведности еще не сдался и удерживает позиции.

Фибен галопом проехал по боковым улицам Порт-Хелении мимо пораженных шимпов, которые что-то кричали ему, но он не останавливался. Он торопился к месту своего прежнего заключения.

Подъезжая, он увидел, что ворота распахнуты и не охраняются. С каменной стены исчезли сторожевые шары. Фибен пустил Тихо пастись в неубранный сад и сбил два парашюта плюща, повисших на открытой двери.

— Гайлет! — закричал он.

Исчезли и стражники-проби. По полу ветер катал обрывки бумаги и комки пыли. Достигнув комнаты, в которой они находились, Фибен остановился.

Все было в запустении.

Мебель в основном осталась, но дорогостоящие голографическую и звуковую системы выдрали из стены, несомненно, уходящие проби. Тем не менее Фибен нашел свой накопитель информации там же, где оставил.

Гайлет не было.

Он заглянул в шкаф, где по-прежнему висела большая часть одежды. Ее явно не собирали. Фибен взял блестящее церемониальное платье, которое ему досталось в штате сюзерена, ощутил

легкое прикосновение шелковистого материала.

Платья Гайлет не было.

— О Гудолл, — простонал Фибен. Он повернулся и выбежал в коридор.

Через несколько секунд он уже находился в седле, но Тихо даже не оторвался от жвачки. Фибену пришлось кричать и пинаться, прежде чем животное сообразило, что ситуация требует срочных действий. Зажав в зубах желтый подсолнечник, лошадь повернулась и через ворота снова вышла на улицу.

Оказавшись снаружи, Тихо пригнул голову и ускорил темп.

Они являли собой необычное зрелище, несясь галопом по мрачным, почти пустым улицам; церемониальное платье и подсолнечник развевались на ветру, как знамена. Но мало кто мог наблюдать эту дикую скачку, пока они не приблизились к гавани.

Казалось, здесь собрались все шимпы города. Они толпились на берегу, коричневая пенящаяся масса; головы раскачивались, словно волны в ближайшем заливе. Множество шимпов стояло на крышах, некоторые, забыв про осторожность, свисали с водосточных труб.

Хорошо, что Фибен верхом на лошади. Тихо

оказался очень кстати, фыркая и расталкивая шимпов носом. Сверху Фибен старался разгадать причину смятения.

В заливе, примерно в полукилометре от берега, болталось с десяток рыболовецких судов с экипажами из шимпов. Траулеры покачивались рядом с гладким белым корпусом, резко контрастирующим с избитыми посудинами.

Корабль губру был на плаву. На мостике стояли два птицеподобных и выкрикивали указания; шимпы вежливо игнорировали их, привязывая тросы к поврежденному кораблю. Наконец они на буксире потащили его к берегу.

«Ну и что? — подумал Фибен. — Большое дело!» Патрульный корабль губру, по-видимому, вышел из строя, и из-за этого все шимпы города высыпали на улицы? Должно быть, жители Порт-Хелении действительно соскучились по развлечениям.

Но тут он заметил, что почти никто не обращает внимания на спасательные работы в гавани. Большинство смотрит на юг, в сторону от залива.

«Ого!» — выдохнул Фибен, на мгновение лишившись дара речи.

На плоской вершине горы, там, где располага-

ется космодром, стоят новые сверкающие башни. Блестящие монолиты не похожи ни на транспорты губру, ни на их громоздкие шарообразные боевые корабли. Они напоминают грандиозные шпили, которые возносятся высоко и гордо, символизируя веру и традиции, более древние, чем сама жизнь на Земле.

От высоких космических кораблей отделяются небольшие огоньки. Должно быть, несут прибывших галактов, догадался Фибен. Огоньки несутся на запад вдоль береговой дуги. Там они вливаются в караван транспортов, движущихся на юг. Именно там, по-видимому, происходит нечто значительное.

Фибен, не обращая на это внимания, вел лошадь в толпе, пока не добрался до оконечности главной гавани. Здесь цепь шимпов с овальными значками сдерживала толпу. «Опять полицейские, — решил Фибен. — Проби оказались ненадежными, и губру пришлось преобразовать гражданское управление».

Шен с нарукавной повязкой капрала полиции схватил Тихо под уздцы и заговорил:

— Эй, приятель! Ты не можешь... — Но тут он замигал. — Ифни! Это ты, Фибен?

Фибен узнал Барнаби Фултона, одного из ве-

теранов подпольной организации Гайлет. Он улыбнулся, хотя мысли его были далеко.

— Привет, Барнаби. Мы с тобой с самого восстания не виделись. Рад видеть, что ты еще чешешься.

Теперь, когда на него обратили внимание, шимпы и шимми подталкивали друг друга и перешептывались. Фибен услышал собственное имя. Толпа стихла в благоговейном молчании. Двое или трое шимпов притронулись к ноге Фибена, к крупу Тихо, как будто пытались убедиться в их реальности.

Барнаби с видимым усилием ответил тоже небрежно:

— Чешусь, когда чешется, Фибен. Прошел слух, что ты должен быть там. — Он указал на юг. — Другие говорили, что ты сбежал в горы. Третьи...

— Что болтали третьи?

Барнаби сглотнул.

— Третьи болтали, что твоя песенка спета.

— Хм, — негромко произнес Фибен. — Думаю, все они были правы.

Он видел, что траулеры уже почти подтащили поврежденный корабль губру к берегу. В заливе еще несколько кораблей с экипажами из шимпов, но ни один не заходит за линию буйков, которая

делит гавань на две части.

Барнаби оглянулся по сторонам, потом негромко заговорил.

— Э-э-э... Фибен, тут наши шимпы в городе... они восстановили организацию. Мне пришлось дать слово в обмен на эту повязку, но я могу передать профессору Оуксу, что ты в городе. Я уверен, он захочет с тобой встретиться... сегодня вечером...

Фибен покачал головой.

— Некогда. Мне нужно туда. — Он указал на ярко освещенные корабли чужаков.

Барнаби оскалил зубы.

— Я бы не стал рисковать, Фибен. Это сторожевые буи. Они никого не пускают.

— Кого-нибудь сожгли?

— Да нет, не видел. Но...

Барнаби отскочил: Фибен натянул вожжи и пришпорил лошадь.

— Спасибо, Барнаби. Это все, что мне нужно было знать, — сказал он.

Полицейские расступились, и Тихо двинулся по гавани.

Чуть дальше суетилась флотилия спасателей, подводя к берегу аккуратный белый корабль губру. Моряки-шимпы непрерывно кланялись и неуверенно ежились под взглядами раздражен-

ных солдат Когтя и их страшных боевых роботов. Фибен проехал рядом, но так, чтобы не приветствовать чужаков. Ехал прямо и не обращал на них внимания, минуя патрульный корабль в конце причала, где только что остановились самые маленькие рыбацкие шхуны.

Наконец Фибен перекинул ноги и спрыгнул на землю.

— Ты хорошо обращаешься с животными? — спросил он у удивленного моряка, который только что закончил швартовать свое суденышко. Тот кивнул, Фибен протянул ему вожжи Тихо. — Поменяемся?

Он прыгнул в лодку и сел за руль.

— Передай мое почтение сюзерену Праведности. Запомнил? Сюзерену Праведности губру.

Шимп широко раскрыл глаза и, щелкнув, сдвинул отвисшую челюсть.

Фибен включил зажигание и с удовлетворением прислушался к гудению двигателя.

— Отдать концы! — сказал он. Потом улыбнулся. — И спасибо! Позаботься о Тихо.

Моряк часто заморгал. Видимо, он решил рассердиться, но тут другой шимп, один из тех, что окружали Фибена, что-то зашептал лодочнику на ухо.

Рыбак улыбнулся. Торопливо отвязал трос и бросил его в лодку. Когда Фибен натолкнулся на причал, шимп только поморщился.

— Удачи, — сказал он.

— Да. Удачи, Фибен! — крикнул Барнаби.

Фибен махнул рукой и направил лодку вперед. Повел ее по широкой дуге мимо дурапластовых бортов патрульного корабля губру. Вблизи он не казался таким сверкающим и белым. Фактически бронированный корпус стал бугристым и изъеденным. Высокое негодующее чириканье с противоположного борта свидетельствовало о недовольстве солдат Когтя.

Не думая о них, Фибен повернул заимствованную лодку на юг, к линии буйков, отделяющих Порт-Хелению от высоких патронов на противоположном берегу.

* * *

Пенистая и волнующаяся от ветра поверхность воды была — как в эстуариях в это время года — замусорена всякой дрянью от листьев и почти прозрачных парашютов плюща до оперения птиц. Фибену пришлось замедлить ход, чтобы не столкнуться с этим мусором и с лодками всевозможных форм и размеров, забитыми глазе-

ющими шимпами.

Он медленно приблизился к линии буйков. Фибен чувствовал на себе тысячи любопытных взглядов, когда миновал последнюю лодку с самыми смелыми и любопытными жителями Порт-Хелении.

«Гудолл, да понимаю ли я, что делаю?» — думал он.

До сих пор он действовал почти автоматически. Но теперь почувствовал, что взялся не за свое дело. Чего он надеется достичь, направляясь туда?

Что собирайся сделать? Нарушить церемонию? Он посмотрел на башни космических кораблей, сверкающие силой и великолепием.

Как будто он имеет право совать свой полувозвышенный нос в дела великих и древних кланов! Да он только поставит себя в дурацкое положение.

А вместе с тем и всю свою расу.

— Надо подумать, — пробормотал Фибен. Он уже приблизился к линии буйков. И представил себе тысячи устремленных на него глаз.

«Мой народ... — вспомнил он. — Я... я должен был представлять его. Да, но я улизнул, а сюзерен исправил свою ошибку, подготовился. Или победили другие сюзерены, и тогда я умру, как только

покажусь».

Интересно, что они подумали бы, зная, что всего несколько дней назад он помог похитить своего патрона и законного командира. Ну и представитель расы!

«Гайлет я не нужен. Она без меня лучше справится».

Фибен повернул руль, заставив лодку пройти совсем рядом с белым буем.

Внимательно рассмотрел его, проплывая.

Буек даже вблизи не казался новым, более того, он был изъеден ржавчиной. Но кто он такой, с его статусом, чтобы судить о подобных делах?

Фибен моргнул. Что-то слишком уж он прибедняется!

Он смотрел на буй, и рот его медленно раскрывался, обнажая зубы. «Ах вы... изобретательные сукины дети...»

Он выключил мотор, и лодка, покачиваясь, остановилась. Фибен закрыл глаза и прижал ладони к вискам, стараясь сосредоточиться.

«Я готовлюсь преодолеть еще один барьер страха... подобно тому, вокруг города, той ночью. Но этот устроен хитрее, он вызывает во мне чувство неполноценности, призывая к покорности».

Он открыл глаза и посмотрел на буй. Улыб-

нулся.

— Какая еще покорность? — спросил Фибен вслух. Он рассмеялся и повернул руль, снова заводя мотор. На этот раз, приближаясь к барьеру, он не колебался, не прислушивался к себе, к сомнениям, порождаемым машиной в его голове.

— А справятся ли они с парнем, у которого мания величия? — Оставляя линию буев позади, а вместе с нею и все сомнения, Фибен понял, что враг допустил серьезную ошибку. Теперь — напротив — его наполнила решимость.

Со свирепой самоуверенной усмешкой он приближался и противоположному берегу.

Что-то хлопнуло его по колену. Фибен посмотрел вниз и увидел церемониальное платье, то самое, что он нашел в шкафу старой тюрьмы.

Очевидно, он затолкал его за пояс, прежде чем сесть верхом на Тихо.

Неудивительно, что в гавани на него так смотрели!

Фибен рассмеялся. Держа руль одной рукой, другой он придерживал платье, влезая в него. Береговой утес отрезал его от зрелища на площадке.

Но непрерывное гудение воздушных транспортов, надеялся он, показывает, что еще не поздно.

Он обогнул отмель блестящего белого песка, теперь непривлекательного под слоем мусора. И уже собирался прыгнуть в воду, когда, оглянувшись, заметил, что в Порт-Хелении что-то происходит. До него доносились возбужденные крики. Масса коричневых тел устремилась вправо.

Фибен взял бинокль, висевший на кабестане, и направил его на гавань.

Шимпы бегали, непрерывно показывая на восток, в направлении главного входа в город. Многие устремились туда. Но большинство ринулось в другую сторону... очевидно, не из страха, а от возбуждения. Некоторые шимпы начали прыгать. Кое-кто даже свалился в воду, и более уравновешенные кинулись их спасать.

Происходящее вызывало не панику, а полное недоумение.

У Фибена не было времени разгадывать головоломку. Он знал свои ограниченные возможности к сосредоточенности.

«Сфокусируйся на одной проблеме, — сказал он самому себе. — Доберись до Гайлет. Скажи, что жалеешь, что оставил ее. Скажи, что больше никогда этого не сделаешь».

Это легко понять даже ему.

Фибен отыскал узкую тропу, ведущую вверх. Подъем неровный, опасный, особенно на ветру. Но он торопился. И скорость ограничивалась только количеством кислорода, которое захватывали легкие.

Глава 84
УТАКАЛТИНГ

Четверо идущих на север под затянутым тучами небом представляли собой странное зрелище. Может быть, маленькие животные, глядя на них, изумленно моргали, прежде чем снова нырнуть в свои норы. Наверно, клялись никогда больше не есть переспелые семена.

Для Утакалтинга этот форсированный марш оказался слишком унизительным. Остальные как будто имели перед ним преимущества.

Каулт пыхтел и сопел; конечно, ему не нравилась пересеченная местность, но когда рослый теннанинец начинал двигаться, остановить его, казалось, невозможно.

Что касается Джо-Джо, то маленький шимп теперь смахивал на местного жителя. Он получил строгий приказ никогда в присутствии Каулта не опираться при ходьбе на руку — бессмысленно

рисковать, вызывая подозрения теннанинца, и шимп иногда просто перепрыгивал через препятствия, а не обходил их. А на длинных ровных переходах ехал на спине у Роберта.

Роберт настоял на том, что понесет шимпа, несмотря на различия их официальных статусов. Человек нетерпеливо шел впереди, хотя явно предпочел бы бежать.

Роберт Онигл поразительно изменился, и не только внешне. Вчера вечером, когда Каулт в третий раз попросил его рассказать свою историю, Роберт отчетливо и непроизвольно создал простую версию тиив'внуса над головой. Утакалтинг кеннировал этот глиф, с помощью которого молодой землянин сдержал раздражение, чтобы оно по отношению к теннанинцу не проявилось открыто.

Утакалтинг заметил, что Роберт о многом умалчивает. Но и сказанного достаточно.

«Я знал, что Меган недооценивала сына, но такого никак не ожидал».

Совершенно очевидно, что он недооценил и дочь.

«Совершенно очевидно». Утакалтинг старался не обвинять Атаклену в его ограблении. Он потерял неизмеримо больше допустимого.

Он пытался не отставать, но его приспособляемость истощилась. И дело не только в отсутствии выносливости у тимбрими. Ему недоставало силы воли.

У остальных есть цель, даже энтузиазм.

А его заставляет двигаться только долг. Каулт остановился наверху, откуда горы казались совсем близкими и внушительными. Путники приблизились к лесным предгорьям. Чем выше, тем крупнее деревья. Утакалтинг посмотрел на крутые склоны впереди, затянутые снежными облаками. Он надеялся, что им не придется подниматься слишком высоко.

Каулт протянул ему массивную руку и помог преодолеть последние метры подъема. Он терпеливо ждал, пока Утакалтинг отдыхал, тяжело дыша широко раздувшимися ноздрями.

— Слабо верится в то, что нам рассказали, — заметил Каулт. — Кое-что в этой истории землянина мне кажется неправдоподобным, коллега...

— Т'фунату... — Утакалтинг перешел на англик, который как будто требует меньше усилий. — Во что... во что тебе трудно поверить, Каулт? Ты думаешь, Роберт лжет?

Каулт помахал руками перед собой. Его гребень возмущенно раздулся.

— Конечно, нет! Я просто думаю, что юноша наивен.

— Наивен? В чем именно? — Теперь все, что видел Утакалтинг, перестало распадаться в коре его мозга на две части. Роберта и Джо-Джо не видно.

Должно быть, ушли вперед.

— Я хочу сказать, что губру явно имеют в виду гораздо большее, чем провозглашают. Сделка, которую они предлагают: несколько островов Гарта для поселения и образцы генов неошимпанзе, — все это не стоит межзвездной церемонии. Я подозреваю, что втихомолку они преследуют гораздо более далеко идущие цели, мой друг.

— И чего же, по-твоему, они хотят?

Каулт повертел своей почти лишенной шеи головой, как будто хотел убедиться, что их никто не слышит. И ответил гораздо тише:

— Я подозреваю, что они стремятся попасть под опеку.

— Под опеку? О... ты хочешь сказать...

— Гартлингов, — закончил за него Каулт. — Нам повезло, что твой земной союзник принес нам эту новость. Надеюсь, нам предоставят транспорт, как обещали, иначе мы не сможем предотвратить ужасную трагедию!

Утакалтинг оплакивал утраты. Каулт поднял

сложный вопрос, вполне достойный изящного глифа.

Разумеется, достигнутое превзошло все его ожидания. Согласно рассказу Роберта, губру проглотили наживку — миф о гартлингах — вместе с крючком.

Это сильно навредит им и посеет панику в их рядах.

Каулт тоже поверил этой выдумке. И даже его собственные приборы подтвердили ее.

Невероятно.

Да и губру ведут себя так, словно опираются на что-то большее, чем тщательно сфабрикованные доказательства Утакалтинга. Они как будто тоже получили подтверждение!

Прежний Утакалтинг создал бы сиулфф-куонн, чтобы отметить такой поразительный поворот. Но сейчас он пребывал в смятении и чувствовал усталость.

Оба повернулись, услышав крик. Утакалтинг прищурился. Сейчас он променял бы свою ослабевшую эмпатию на хорошее зрение.

Он увидел на верху следующего подъема фигуру Роберта Онигла. Джо-Джо, сидящий на плечах человека, махал руками. И еще: рядом с двумя землянами мерцало голубое сияние и излучало

добрую волю настоящего шутника.

Это маяк, свет которого вел Утакалтинга с самого крушения!

— Что они говорят? — спросил Каулт. — Я не разбираю слов.

Утакалтинг тоже. Но он знал, что говорят земляне.

— Мне кажется, они сообщают, что уже близко, — с облегчением сказал он. — Вроде уже нашли транспорт.

Теннанинец удовлетворенно раздул дыхательные щели.

— Хорошо. Только бы губру согласно обычаю вели себя, как полагается во время перемирия! Нас должны принять как аккредитованных послов.

Утакалтинг кивнул. Но когда они двинулись к очередному подъему, он подумал, что это лишь одна из множества тревожащих их проблем.

Глава 85
АТАКЛЕНА

Она старалась сдержать свои чувства. Для остальных это очень серьезно, даже трагично.

Но она ничего не может сделать с собой, не может сдержать радость.

Тонкий изящный глиф поднялся с ее щупалец и пронесся среди деревьев, заполняя поляны ее весельем. Атаклена расставила глаза по максимуму и прикрыла рот рукой, чтобы мрачные шимпы не заметили ее почти человеческой улыбки. Портативный голографический передатчик установлен на хребте над Спадом для улучшения приема. Он транслирует передачи из Порт-Хелении.

После перемирия цензуру отменили. И даже без людей город полон шимпов, охотников за новостями, со множеством камер. Так что видны все мельчайшие подробности.

— Не могу этого вынести, — простонал Бенджамин.

Элейн Су, наблюдая, беспомощно сказала:

— Это конец.

Действительно, шимми сказала правду. На голоэкране виднелось то, что осталось от стены, которой захватчики окружили Порт-Хелению... теперь она была буквально разорвана на части. Пораженные горожане-шимпы толпились всюду на сцене, напоминавшей о последствиях циклона. Они изумленно разглядывали окрестности, пробирались через груды обломков. Некоторые, скорее не выдержав, радостно бросали куски в воздух. Кое-кто даже колотил себя в грудь в честь

сокрушающей волны, которая пронеслась здесь всего несколько минут назад.

По всем станциям комментировал созданный компьютером голос, но один канал доносил голос возбужденного комментатора-шимпа:

— ...Вначале... вначале мы решили, что наступил какой-то кошмар. Знаете... как в старом плоском кино двадцатого столетия. Ничто не могло остановить их! Они прорвали заграждения губру, словно бумажные. Не знаю, что происходит, но все время жду, что они схватят наших самый красивых шимми и потащат их, кричащих, на вершину холма...

Атаклена зажала рукой рот, чтобы не рассмеяться вслух. Она пыталась контролировать свои чувства, впрочем, не одна она. Подружка Фибена Сильвия расхохоталась. Большинство неодобрительно обернулось. Но Атаклена встретилась с шимми взглядом и увидела в нем веселый огонек.

— Но кажется... кажется, все-таки эти существа не Конго. Разнеся изгородь, они больше не причинили вреда Порт-Хелении. Сейчас они просто толпятся, раскрывают двери, едят фрукты, разбредаются в разные стороны. В конце концов, четырехсотфутовая гор... о, неважно.

На этот раз еще один шимп присоединился к Сильвии.

Перед глазами Атаклены все расплылось, она покачала головой.

Комментатор продолжал:

— На них как будто совершенно не действуют пси-роботы губру. Наверно, они не настроены на волну их мозга...

Атаклена, как и все в горах, еще за два дня до происшествия знала, куда направляются гориллы. После первых попыток остановить могучих предразумных они сдались. Это совершенно невозможно. Гориллы вежливо отстраняли их или просто перешагивали через все преграды.

И Эприл Ву тоже. Светловолосая девочка решила отыскать родителей, и теперь никому не удастся снять ее с плеч огромного, с серебристой спиной самца.

Эприл небрежно бросила шимпам, что, мол, должен ведь кто-то присматривать за риллами, чтобы они не попали в беду!

Атаклена вспомнила слова маленькой Эприл, глядя на остатки стены губру. «А что бы они наделали, если бы за ними не присматривали!» Конечно, теперь тайне конец, и почему бы ребенку не присоединиться к своей семье? Сейчас это

уже безопасно.

Итак, прощай тайна проекта Хаулеттс-Центра. Атаклена может выбросить все свои давно и тщательно собранные в тот роковой вечер доказательства.

Скоро об этих существах узнают во всех пяти галактиках. И в некотором смысле это действительно трагедия. Но все-таки...

Атаклене вспомнился тот весенний день. Как она была поражена и возмущена, встретившись с нелегально проводимым в лесу экспериментом в возвышении! Теперь она едва может поверить в свое прошлое. «Неужели я была таким неподкупным педантом?»

Теперь снуолфф-куонн оставался лишь самым безыскусным и самым серьезным из глифов, которые она неустанно создавала, радуясь великолепному розыгрышу. Даже на шимпов подействовало ее неудержимое веселье. Еще двое рассмеялись, увидев на одном из каналов штабную машину чужаков. Сердито кричал сидящий в ней кваку, а гориллы спокойно разрывали машину на части. Она как будто пришлась им по вкусу.

Захихикал еще один шимп. Смех разрастался.

«Да, — подумала Атаклена. — Великолепный

розыгрыш». Для тимбрими лучший розыгрыш тот, в который попадает и сам его создатель. А эта шутка именно такова. В сущности, это религиозное переживание, ибо народ Атаклены верит, что Вселенная — это не просто заведенные часы, и даже не причудливое чередование случая и удачи, созданное Ифни.

Когда происходит подобное, говорят мудрецы тимбрими, только тогда и начинаешь верить, что Всемогущий Бог еще правит миром.

«Неужели я тоже раньше была агностиком? Как глупо. Спасибо тебе, Господь, и тебе спасибо, отец, за это чудо».

Сцена переместилась в район гавани. Шимпы танцевали на улицах и расчесывали шерсть своих гигантских родичей. Несмотря на возможные трагические последствия, Атаклена и ее воины не могли не радоваться при виде таких родственных отношений. Потому что сейчас их гордость разделяли все шимпы Порт-Хелении.

Даже лейтенант Лидия Маккью и ее осторожный капрал не удержались от смеха, когда мимо камеры протанцевал детеныш гориллы в ожерелье из разбитых пси-шаров губру. Они видели Эприл, которую торжественно проносили по улицам, и вид человеческого ребенка приводил

толпу в крайнее возбуждение.

Теперь поляна была насыщена глифами. Атаклена повернулась и тихонько удалилась, предоставив остальным радоваться удаче. Она прошла по лесной тропе к месту, где открывался чудесный вид на западные горы. Остановилась здесь, вытянув щупальца и кеннируя с их помощью.

Здесь и нашел ее посыльный-шимп; отдав честь, он протянул ей листок бумаги. Атаклена поблагодарила и развернула листок, заранее зная, что в нем.

— В'ит'танна, Утакалтинг, — негромко сказала она. Ее отец вновь вступил в контакт с миром. Несмотря на все события прошлых месяцев, что-то в Атаклене оставалось неизменным и рациональным. Она с удовольствием получила подтверждение по радио.

Конечно, она верила в успех миссии Роберта. Именно поэтому она не пошла в Порт-Хелению вместе с Фибеном или позже с гориллами. Все, чего она могла там достичь, используя свой ничтожный опыт, отец сумеет сделать в тысячу раз лучше. Если кто-то и может превратить их слабую надежду в великое чудо, то только Утакалтинг. Нет, она должна оставаться здесь. Даже

если произойдет чудо.

Бесконечность надеется, что смертные постараются на всякий случай застраховаться.

Атаклена заслонила глаза. Она не надеялась увидеть маленький воздушный корабль на фоне облаков, но продолжала искать взглядом крошечную точку, несущую всю ее любовь и все молитвы.

Глава 86
ГАЛАКТЫ

Веселые павильоны усеивали склоны искусственного холма, иногда они раздувались от ветра и хлопали. Быстрые роботы убирали мусор, принесенный ветром. Другие роботы разносили освежающее собравшимся почетным гостям.

Галакты самых разнообразных форм и цветов толпились небольшими группами, сходились и расходились в элегантной дипломатической паване.

Вежливые поклоны, выравнивания, размахивание щупальцами — все это соответствовало сложным оттенкам статуса и протокола. Толковый наблюдатель мог многое определить по таким мелочам, а в этот день в толпе их присут-

ствовало достаточно.

Хватало и неформального общения. Вот приземистый, похожий на медведя пила общается ультразвуком с узловатым садовником-линтеном. Чуть выше по склону трое священников сокового кольца йофуров гармоничным хором жалуются представителю Института Войн на некое мнимое нарушение закона на звездных линиях.

Говорят, на таких церемониях возвышения дипломаты достигают лучших результатов, чем на официальных переговорах. И сегодня не один новый союз будет заключен, не один прежний разрушен.

Лишь немногие галакты обращали внимание на существа, ради которых и состоялась церемония, на цепочку маленьких коричневых фигур, которые с утра поднимались по холму, уже четырежды обойдя его по кругу.

К этому моменту примерно треть неошимпанзе отсеялась, не пройдя тесты. Расстроенные кандидаты поодиночке и парами спускались вниз.

Осталось около сорока шимпов. Они продолжали подъем, символически повторяя процесс возвышения, который вывел их расу на сцену истории.

Однако пеструю толпу, собравшуюся на склонах, казалось, это не занимало.

Конечно, не всех присутствующих. Возле самой вершины представители галактического Института возвышения пристально следили за результатами, которые передавались с каждой испытательной станции. Вблизи под отдельным павильоном то же самое делали мрачные патроны неошимпанзе — люди.

Выглядели они беспомощно и растерянно. Только сегодня утром их привезли с острова Гилмор. Это были мэры, профессора, представители местного отделения Совета возвышения. Делегация уже заявила официальный протест по поводу неправильной организации церемонии. Но никто из людей не потребовал ее прекращения. Возможные последствия слишком ужасны.

К тому же всех мучили сомнения. Что, если предложения губру реальны?

Земля еще в течение двухсот лет не сможет провести такую церемонию ради неошимпанзе.

Наблюдатели-люди выглядели подавленными. Они понятия не имели, что делать, и мало кто из представителей больших галактических кланов снизошел до того, чтобы заметить их в этом вихре неформальной дипломатии.

По другую сторону от навеса Оценки был установлен элегантный павильон Спонсора. Вокруг толпилось множество губру и кваку, время от времени они нервно подпрыгивали и следили за всеми подробностями немигающими критичными взглядами.

Еще совсем недавно виден был и триумвират губру, два его члена расхаживали в уже проявившихся цветах Слияния, а третий продолжал упрямо восседать на насесте.

Но потом один из них получил донесение, и все трое исчезли в палатке для срочного совещания. С тех пор прошло какое-то время, но они не появились.

* * *

Сюзерен Стоимости и Бережливости распустил оперение и плюнул, бросив донесение на пол.

— Протестую! Протестую против этого вмешательства! Это невыносимое предательство!

Совершенно растерянный сюзерен Праведности смотрел вниз со своего насеста. Сюзерен Стоимости и Бережливости показал себя коварным противником, но никогда не казался намеренно бестолковым. Очевидно, произошло нечто такое, что совершенно вывело его из себя.

Служители-кваку, пригибаясь, торопливо подобрали капсулу с сообщением, сделали копии и передали остальным руководителям губру.

Сюзерен Праведности, прочитав его, не поверил собственным глазам.

Одинокий неошимпанзе поднимается по склонам искусственного Церемониального Холма, он уже миновал автоматические испытательные экраны первой стадии и постепенно сокращает разрыв, отделяющий его от официальной группы, находящейся выше по склону.

Весь его облик говорит о непоколебимой решимости.

Потерпевшие неудачу соплеменники вначале удивленно смотрели, потом начинали улыбаться и старались коснуться его одежды. Они подбадривали его своими выкриками.

— Это не было, не могло быть подготовлено! — шипел в гневе сюзерен Стоимости и Бережливости. — Еще не свершилось соединение! Не произошло подлинного Слияния! У тебя еще нет мудрости царицы!

— Церемонии проводятся, совершаются, руководствуются традициями чести! Любой клиент может быть испытан, проверен, оценен!

Третий руководитель губру возбужденно щел-

кал клювом. Наконец сюзерен Стоимости и Бережливости опустил взъерошенные перья и согласился.

— На нас могут возложить репарации. Представители Института имеют право уйти, удалиться, наложить санкции... Цена... — Он отвернулся, снова распушив оперение. — Будем продолжать. Пока. Один, без сопровождения, он не способен навредить нам.

Но сюзерен Праведности не был в этом уверен. Ранее он возлагал большие надежды именно на этого клиента. И когда того, по-видимому, похитили, сюзерен Праведности потерпел серьезное поражение.

Однако теперь он понял правду. Неошимпа не выкрадывали и не устраняли соперники, остальные сюзерены. Он на самом деле убежал!

А сейчас вернулся. Один. Как? И чего он надеется достичь? Без руководства, без помощи сопровождающих, далеко ли он сможет пройти?

Вначале, увидев этого клиента, сюзерен Праведности испытал радостное оживление — необычное ощущение для губру. Теперь он испытывал гораздо более неприятные эмоции... беспокойство. Он опасался, что это только начало.

Глава 87
ФИБЕН

До сих пор все идет легко. Фибен удивлялся, из-за чего, собственно, весь этот сыр-бор.

Он боялся, что его заставят решать устно уравнения или произносить речи, как Демосфена, с камешками во рту. Но вначале встретил только ряд управляемых на расстоянии силовых экранов, которые автоматически отключались перед ним. А потом только странные приборы, которые губру использовали недели, месяцы назад. Теперь этими приборами управляют забавные чужаки.

Пока все хорошо. Он прошел первый круг с рекордной скоростью.

О, ему задали несколько вопросов. Каково его самое первое воспоминание? Нравится ли ему его профессия? Доволен ли он физическим состоянием своего поколения неошимпанзе, или его можно каким-то образом улучшить? Был бы полезен хватательный хвост, например, для работы с инструментами?

Гайлет гордилась бы его вежливостью даже в этой ситуации. Вернее, он надеялся, что она была

бы горда.

Конечно, у галактов оказались все данные о нем, о его генетике, образовании, военной подготовке. Их получили в тот момент, когда он миновал группу удивленных солдат Когтя на склоне со стороны залива и через внешний барьер прошел к первой испытательной станции.

Когда высокий, похожий на дерево кантен задал ему вопрос о записке, которую он оставил, «убегая» из тюрьмы, Фибену стало ясно, что у Института есть доступ и ко всем данным захватчиков. Он правдиво ответил, что сформулировала этот документ Гайлет, но он понимает цель и полностью с ней согласен.

Листва кантена прозвенела крошечными колокольчиками.

Галакт-полурастение казался довольным и веселым, пропуская Фибена дальше.

Ветер нес прохладу на восточный склон, но западная сторона закрыта от ветра и освещена полуденным солнцем. Фибен продолжал быстро двигаться, и вдруг почувствовал себя одетым в шубу, хотя редкие волосы на теле шимпа вряд ли можно считать шерстью.

Холм, похожий на парк, тщательно прибран, тропа покрыта мягким упругим материалом.

Тем не менее Фибен ощущал легкую вибрацию, словно вся искусственная гора слабо дрожит на сверхзвуковой частоте. Видевший могучие энергетические установки до их погружения под землю, Фибен знал, что это не игра воображения.

На следующей станции техник-принг с огромными блестящими глазами и выпирающими губами осмотрел его сверху донизу и что-то отметил в своем накопителе информации, прежде чем пропустить дальше. Теперь чужаки, толпящиеся на склонах, по-видимому, заметили его. Некоторые подходили ближе и с любопытством знакомились с результатами тестирования. Фибен вежливо кланялся ближайшим и старался не думать о том, что его, как некий образец, рассматривают десятки самых разных глаз.

«Когда-то и их предки проходили через подобное», — утешал он себя.

Дважды Фибен проходил на несколько спиралей ниже группы официальных кандидатов, постепенно уменьшающегося собрания коричневых фигур в коротких серебристых платьях. В первый раз ни один из шимпов его не заметил. Но во второй раз ему пришлось долго стоять под приборами, которыми управляло существо неизвестной ему расы. И тут он сумел разглядеть

некоторых шимпов, а шимпы заметили его. Один из них толкнул спутника и указал на Фибена.

Правда, потом они исчезли, свернули за угол.

Он не видел Гайлет, но она, конечно, в голове группы.

«Ну, давай», — пробормотал Фибен, озабоченный долгим ожиданием. Но потом подумал, что нацеленные на него машины могут не только определить настроение, но и расшифровать слова, и решил сохранять дисциплину. Он вежливо улыбнулся и поклонился технику-чужаку, который при помощи компьютера произнес несколько слов и пропустил Фибена.

Фибен торопливо двинулся дальше. Его все больше раздражали долгие переходы между станциями. И он раздумывал, позволяет ли его достоинство бежать для сокращения разрыва во времени.

Но тесты становились все серьезнее, и продвижение замедлилось.

Требовалось все больше знаний, все большая глубина мысли. Вскоре он встретил еще множество спускающихся шимпов. Очевидно, теперь им запретили с ним разговаривать, но некоторые многозначительно посматривали на него.

Тела их были покрыты потом.

Нескольких из них он узнал. Двое профессоров из колледжа Порт-Хелении. Ученые и специалисты из программы экологического восстановления Гарта. Фибен начинал беспокоиться. Все это шимпы с синими картами, одни из самых умных. Если уж они потерпели неудачу... Несомненно, это не просто протокольная церемония, как та, по поводу титлалов, о которой рассказывала ему Атаклена.

Может, правила изменили, нацелили против землян!

Он приблизился к станции, которой руководил губру. Какая разница, что на птицеподобном цвета Института возвышения и он поклялся соблюдать беспристрастность? Слишком многих губру в цветах Института видел сегодня Фибен, чтобы чувствовать себя спокойным!

Птицеподобное существо задало ему простой протокольный вопрос и пропустило.

Когда Фибен покидал эту станцию, ему в голову пришла неожиданная мысль. А что, если сюзерен Праведности потерпел полное поражение? Какой бы ни была его истинная цель, сюзерен хотел, по крайней мере, провести настоящую церемонию. Таким образом он сдержал бы данное обещание. Но как же остальные? Адмирал и главный чинов-

ник? У них явно другие взгляды.

Неужели вся церемония подстроена, организована так, что неошимпы не смогут пройти, как бы они ни были подготовлены? Возможно ли это?

И даст ли такой результат преимущество губру?

Переполненный такими тревожными мыслями, Фибен едва прошел очередной тест, состоявший из исполнения нескольких двигательных функций одновременно с решением сложной трехмерной головоломки. Покидая станцию и заметив под собой воды залива Аспинал, освещенные заходящим солнцем, он чуть не упустил начавшееся внизу новое смятение. Но в последнюю минуту повернулся на новый звук.

И не он один. К этому времени туда смотрела половина галактов, привлеченная зрелищем коричневого потока у подножия Церемониального Холма.

Фибен пытался разглядеть происходящее, но солнечный свет, отраженный от воды, не позволял ничего увидеть. Фибену показалось, что залив заполнился лодками, и из них высаживаются пассажиры на том самом изолированном пляже, на котором он сам высадился несколько часов назад.

Итак, городские шимпы явились, чтобы стать свидетелями описываемых событий. Он надеялся, что они будут соблюдать этикет и не причинят никакого вреда. Галакты, несомненно, знают, что основная особенность обезьян — любопытство, и эта сутолока ее только подтверждает. Наверно, шимпам отведут нижнюю часть холма, откуда они смогут наблюдать за церемонией. Согласно галактическому закону они имеют на это право.

А ему нельзя больше попусту тратить время. Фибен снова пошел вверх. И хотя следующий тест по галактической истории прошел успешно, понял, что не слишком увеличил количество своих баллов. Он обрадовался, оказавшись на западном склоне. Солнце уже садилось, а ветер здесь не так силен. Фибен дрожал от нетерпения, постепенно нагоняя редеющую толпу над собой.

— Помедленнее, Гайлет, — просил он. — Не можешь помедленнее тащить ноги? Не обязательно отвечать на вопрос, как только он задан. Разве ты не чувствуешь, что я здесь?

Но в глубине души шевельнулось: а что если она знает и ей все равно?

Глава 88
ГАЙЛЕТ

Ей все труднее становилось сосредоточиваться. И причина депрессии не только в усталости долгого и трудного дня или в ответственности за шимпов. Они выбрали именно Гайлет, она должна вести их вперед и вверх ко все более трудным испытаниям.

И не постоянное присутствие высокого шимпа по имени Железная Хватка.

Конечно, раздражала легкость, с которой он проходит тесты, остановившие других, более достойных. Второй представитель спонсоров, он обычно находился рядом, все время улыбаясь своей высокомерной, приводящей в ярость усмешкой. Но большую часть времени Гайлет скрипела зубами и не обращала на него внимания.

Ее не тревожили даже сами экзаменаторы. Дьявольщина, да они-то как раз были лучшей частью этого дня! Как сказал один древний мудрец-человек, наибольшее удовольствие и величайшую силу в движении человечества вперед приносит

мастерство труженика! Сосредоточиваясь, Гайлет могла отгородиться от всего мира, от всех пяти галактик, она демонстрировала свое мастерство.

Превыше всех критериев, всех туманных рассуждений и долга — святое чувство удовлетворения, когда она заканчивала задание и знала еще до сообщения представителями Института, что справилась хорошо.

Нет, не тесты тревожили ее. Больше всего Гайлет беспокоила нарастающая уверенность, что она сделала неверный выбор.

«Мне следовало отказаться от участия, — думала она. — Я должна была просто сказать нет».

О, логика оставалась прежней. По протоколу и всем правилам губру поставили ее в безвыходную ситуацию, которая не оставляла выбора — ради собственного и всей своей расы блага.

Однако она догадывалась, что ее используют. Поэтому в душе волнами подступала брезгливость.

На протяжении последней недели занятий в Библиотеке она часто засыпала перед экраном, полным тайных знаний. И сны ее были неспокойными, в них она видела птицеподобных, держащих разные приборы, Макса, Фибена и многих других, а когда неожиданно просыпалась,

ее не покидали тревожные мысли.

А потом наступил День. Она надела церемониальное платье почти с облегчением. Скоро все кончится. Но как?

Стройная шимми вышла из последней испытательной палатки и, устало вытирая вспотевший лоб, пошла навстречу Гайлет. Микаэла Ноддингс — всего лишь учительница начальной школы, у нее зеленая карта, но она оказалась выносливей и сообразительней многих синих, которые теперь по спирали одиноко спускаются вниз. Гайлет испытала облегчение, увидев свою новую подругу среди оставшихся кандидатов. Она взяла шимми за руку.

— Я чуть не вылетела, Гайлет, — сказала Микаэла. Пальцы ее рук дрожали.

— Ну, ты не можешь меня бросить, Микаэла, — успокаивающе ответила Гайлет. Она взъерошила потные волосы подруги. — Ты моя опора. Без тебя я не смогу пройти.

В коричневых глазах Микаэлы светилась мягкая благодарность, смешанная с иронией.

— Ты обманщица, Гайлет. Конечно, приятно это слышать, но тебе не нужен никто из нас, тем более я. Там, где могу пройти я, ты пролетаешь как дуновение ветерка.

Конечно, это не совсем верно. Гайлет считала, что испытания, предлагаемые Институтом возвышения, определяют не только разум испытуемого, но и степень преодолеваемых трудностей, и его прилежание.

Разумеется, у Гайлет имелись преимущества перед большинством остальных шимпов — в подготовке, возможно, и в коэффициенте умственного развития, но и ей с каждым шагом становилось все труднее.

Еще один шимп, проби по кличке Ласка, вышел из палатки и направился в сторону Железной Хватки и третьего члена их шайки. Все трое испытуемых, выдержавших тестирование, выглядели довольными и уверенными в себе.

Железная Хватка заметил взгляд Гайлет и подмигнул ей. Она быстро отвернулась.

Из палатки вышел последний шимп и покачал головой.

— Вот и все, — сказал он.

— Профессор Симминс?..

Тот в ответ пожал плечами. Гайлет вздохнула. Это просто чушь какая-то. Что-то неладно, если образованные умные шимпы не проходят, а вот банду Железной Хватки тесты не останавливают.

Конечно, Институт возвышения может понимать под «развитостью, продвинутостью» нечто иное, чем люди. В конце концов и Железная Хватка, и Ласка, и Стальной Прут по-своему умны. А недостатки в их характерах могут показаться галактам не такими ужасными и отвратительными, как землянам.

Нет, причина не в этом, поняла Гайлет. Они вместе с Микаэлой прошли мимо оставшихся и снова двинулись вверх. Слишком уж проби самоуверенны и нахальны, знают, что исход предрешен.

Поразительно, считается, что галактические Институты безупречны, но, видимо, это не так. Гайлет думала, что бы предпринять.

Когда они подходили к очередной станции — ею руководил толстый кожистый инспектор-соро, а помогали ему шесть роботов, — Гайлет впервые заметила, что ярко разодетые галактические наблюдатели, те чужаки, что не входят в штат Институтов, но прибыли наблюдать за церемонией и заниматься неформальной дипломатией, — почти все исчезли. Оставшиеся быстро спускались с холма, направляясь на восток: там что-то происходило.

«Конечно, они и не подумают известить нас о

происходящем», — с горечью решила она.

— Ну ладно, Гайлет, — вздохнула Микаэла. — Ты опять первая. Покажи им, что мы не недоумки.

Итак, даже школьная учительница может в волнении перейти на просторечие. Гайлет ответила.

— Да. Я им покажу.

Железная Хватка улыбнулся ей, но Гайлет не обратила на это внимания.

Она поклонилась соро, и роботы занялись ею.

Глава 89
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя взад и вперед расхаживал по павильону Института возвышения под хлопающим навесом. В голосе адмирала губру звучали гневные нотки.

— Невыносимо! Невероятно! Недопустимо! Это вторжение следует остановить, прекратить, подчинить!

Спокойный нормальный ход церемонии возвышения прервался. Чиновники и специалисты Института, галакты самых разнообразных форм и размеров, бегали по павильону, торопливо справлялись с портативной Библиотекой, иска-

ли прецедент события, которого никто из них раньше не видел, и даже представить себе не мог такой вероятности. Неожиданное вмешательство повсюду вызвало хаос, особенно в том углу, где сюзерен гневно танцевал перед паукообразным существом.

Главный испытатель, арахноид-серентини, стоял, окруженный накопителями информации, внимательно и спокойно слушая жалобы адмирала губру.

— Это нарушение, несоблюдение правил, это непростительное оскорбление. Мои солдаты силой наведут порядок! — Сюзерен распушил перья, демонстрируя розовый цвет, видный под поверхностным оперением. Словно на серентини необходимо было произвести впечатление, что адмирал уже почти самка, почти царица.

Но на главного испытателя это не подействовало. Ведь, в конце концов, все серентини — самки. Так какая разница?

Но главный испытатель скрыл свою ухмылку и остался невозмутимым.

— Новые существа удовлетворяют всем требованиям для допуска к церемонии, — ответил он терпеливо на галактическом-три. — Конечно, они вызвали сумятицу, и впоследствии об этом

скажут, но все-таки это лишь единственная особенность данной церемонии, пусть и довольно необычная.

Губру раскрыл клюв, потом закрыл.

— То есть?

— Я хочу сказать, что такой необычной церемонии не было уже мегагоды. Я уже несколько раз серьезно обдумывал возможность ее прекращения вообще.

— Вы не смеете! Мы будем жаловаться, мы подадим апелляцию, мы потребуем компенсации...

— О, вам бы этого хотелось, верно? — Главный испытатель вздохнул. — Все знают, что губру истощены и перерасходовали свои силы. А компенсация от одного из великих Институтов покрыла бы ваши убытки.

На этот раз губру промолчал. Главный испытатель с помощью двух чувствительных отростков почесал свой панцирь.

— Кое-кто из моих помощников считает, что именно таков был ваш первоначальный замысел. Слишком много вольностей в организованной вами церемонии. Однако при ближайшем рассмотрении каждый случай оказывается на самой грани нарушения, не переходит ее. Вы хорошо поработали, отыскивая прецеденты и пробелы

в законах. Например, вопрос одобрения людьми церемонии ради их клиентов. Не совсем ясно, понимают ли ваши заложники суть документов, которые согласились подписать и которые вы показывали мне.

— Им разрешили доступ в Библиотеку.

— Волчата не часто ею пользуются. У нас есть подозрение в принуждении.

— Мы получили согласие с Земли! С их родной планеты! От их Повелителей Насестов!

— Да, — согласился серентини. — Они приняли ваши мирные предложения и согласились на церемонию. А какая раса волчат в таких трудных обстоятельствах отказалась бы от подобного? Но семантический анализ свидетельствует: они согласились только обсудить ваши условия в дальнейшем! Они, очевидно, не поняли, что вы выкупили их прежние обращения о возвышении, поданные около пятидесяти пактааров назад! Это позволяет вам отказаться от периода выжидания.

— То, что они нас неправильно поняли, нас не касается, — заявил сюзерен Луча и Когтя.

— Конечно. А сюзерен Праведности того же мнения?

На этот раз ответом было молчание. Наконец

главный испытатель поднял обе передние ноги и скрестил их в протокольном поклоне.

— Ваш протест выслушан. Церемония будет продолжена в соответствии с древними правилами, установленными Прародителями.

У командующего губру не оставалось выбора. Он поклонился в ответ, потом повернулся и вышел, гневно расталкивая толпу охранников и адъютантов. Все они, взволнованно каркая, пошли за ним.

Испытатель повернулся к своему помощнику-роботу.

— Что мы обсуждали перед тем, как прибыл сюзерен?

— Приближается корабль, пассажиры которого заявляют о своем дипломатическом иммунитете и требуют права присутствовать в качестве наблюдателей, — ответил робот на галактическом-один.

— А, да. Эти самые.

— Они очень волнуются. Солдаты губру задержали их и готовы нанести ощутимый урон.

Испытатель недолго колебался.

— Сообщи прибывающим послам, что мы счастливы удовлетворить их запрос. Они могут явиться прямо на Холм — под защитой Института

возвышения.

Робот тут же передал приказ. Подошли другие, они передавали сообщения о множестве разных нарушений и несоблюдении правил. Один за другим загорались голоэкраны, показывая собравшуюся внизу толпу, выливающуюся из ржавых лодок и поднимающуюся по неохраняемым склонам.

— События становятся все интереснее, — задумчиво вздохнул главный испытатель. — Интересно, что произойдет дальше.

Глава 90
ГАЙЛЕТ

Гимельхай уже скрылся за западным горизонтом, затянутым темными тучами, когда уставшие шимпы прошли последний тест и упали в изнеможении без чувств на травянистую вершину. Шестеро шимпов и шестеро шимми прижимались друг к другу, чтобы согреться. Они слишком устали, чтобы заниматься даже расчесыванием, их единственным спасением.

— Мама, почему они не выбрали для возвышения собак? Или свиней? — простонал один из них.

— Лучше бабуинов, — предложил другой; послышался одобрительный гомон. — Они заслуживают такого обращения.

— Кого угодно, только не нас, — кратко заметил третий.

«Ex exaltavit humilis», — про себя думала Гайлет. — «Возвышая нищих духом». Девиз земного Совета возвышения восходит к христианской Библии.

Гайлет он всегда напоминал, что когда-нибудь кто-то будет распят.

Она закрыла глаза и задремала. «Чуть-чуть», — подумала она. Впрочем, перерыв был совсем недолгим. Неожиданно Гайлет увидела прежний сон, тот самый, в котором над ней склонялись губру со своими злыми машинами. Она вздрогнула и открыла глаза.

Сумерки становились все гуще. Ярко светили звезды.

Шимпы встали, когда приблизился ярко раскрашенный флиттер и опустился перед ними. Из него появились трое: высокий губру в белоснежном оперении, паукоподобный галакт и низенький полный человек, на котором протокольный мундир висел мешком. Шимпы поклонились, а в человеке Гайлет узнала Кордвайнера Эпплби,

главу местного отделения Совета возвышения.

Человек выглядел ошеломленным. Конечно, принять участие в таком событии — большое потрясение. Но Гайлет показалось, что его чем-то опоили.

— Хм, хочу поздравить всех участников, — сказал он, выходя вперед. — И пусть все знают — мы гордимся вами. Мне передали, что результаты некоторых тестов еще изучаются, но в целом Институт возвышения считает, что Pan agronostes, то есть неошимпанзе из земного клана, уже готовы к третьей стадии.

Подошел чиновник арахноид.

— Это правда. Более того, могу даже пообещать, что Институт благосклонно отнесется к просьбе Земли о дальнейших испытаниях.

«Спасибо, — подумала Гайлет, кланяясь в общей массе. — Но только без меня».

Главный испытатель разразился длинной речью о правах и обязанностях клиентов. Он говорил об исчезнувших Прародителях, которые давным-давно основали галактическую Цивилизацию, и об установленных для всех последующих поколений процедурах.

Испытатель говорил на галактическом-семь, известном большинству шимпов. Гайлет пыта-

лась следить за речью, но ей мешали тревожные мысли о последствиях.

Она не сомневалась, что легкая вибрация, сопровождавшая их на всем пути по холму, теперь усилилась, заполнила воздух низким, еле различимым гудением. Гайлет покачнулась: ее словноокатиловолной нереальности. Она заметила, что несколько вечерних звезд неожиданно вспыхнули ярче. Остальные начали разбегаться по сторонам, и прямо над головой появилось овальное искажение. Там концентрировалась тьма.

Музыкальная речь испытателя затянулась. Кордвайнер Эпплби слушал завороженно и благоговейно. Но белоперый губру с каждой минутой проявлял все большее нетерпение. Гайлет понимала, в чем дело. Теперь, когда гиперпространственный шунт разогрелся и готов к действию, любое промедление дорого обходится захватчикам. Теперь она испытала благодарность к многословному представителю Института, и слегка толкнула Микаэлу, призывая к вниманию.

Несколько раз губру раскрывал клюв, собираясь совершить чуть ли не преступление — прервать испытателя. Наконец, когда арахноид

на мгновение смолк, чтобы перевести дыхание, птицеподобный резко вмешался. Гайлет, обучавшаяся достаточно долго, легко понимала его галактический-три.

— ...затягивать, откладывать, длить. Ваши мотивы сомнительны, подозрительны, не внушают доверия. Я настаиваю на том, чтобы вы продолжали, проводили, завершали церемонию!

Но испытатель невозмутимо тянул на галактическом-семь.

— Приняв сегодня вызов более серьезный, чем те, что мне приходилось видеть прежде, вы доказали, что достойны статуса младших клиентов нашей цивилизации и принесли честь всему своему клану. Вы по заслугам получаете сегодня право подтвердить любовь к своим патронам и выбрать консорта-представителя. Последнее очень важно. Вы должны выбрать консорта из известных кислорододышащих космических рас, не принадлежащих к вашему клану. Эта раса защитит ваши интересы и в качестве посредника будет беспристрастно рассматривать ваши возможные споры с патронами. Если хотите, можете оставить тимбрими, из клана краллнитов, которые были вашим консортом до сих пор. Впрочем, можете и сменить консорта. Так или иначе, у вас

есть право выбора: вы можете заявить, что не желаете участвовать в галактической цивилизации и просите повернуть назад процесс возвышения. Даже такой шаг предусмотрен Прародителями, как гарантия фундаментальных прав живых существ.

«Неужели? Неужели мы имеем право?» Одна лишь мысль об этом ошеломила Гайлет. Она знала, что такого прецедента никогда еще не было, но сама возможность существует!

Она вздрогнула и вновь сосредоточилась: главный испытатель поднял руки в благословении.

— Именем Института возвышения и перед лицом всей галактической цивилизации объявляю вас, представителей вашей расы, достойными и способными делать выбор и наблюдать. Вперед без страха, и пусть все сущее гордится вами!

Серентини отступил. Настала очередь спонсора церемонии. Это должен был быть человек, возможно, тимбрими, но не сегодня. Представитель губру исполнил танец нетерпения. Он быстро заговорил в переводчик, и прозвучали механические слова на галактическом-семь.

— Десять шимпов должны сопровождать двоих представителей расы к гиперпространственному шунту в качестве свидетелей. На избранную пару

возлагается вся ответственность выбора, который является делом чести. Сейчас я назову этих двоих. Доктор Гайлет Джонс, самка, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Гайлет не хотела шевелиться, но Микаэла, выдала ее, слегка подтолкнув. Гайлет сделала несколько шагов вперед и поклонилась.

Переводчик загремел снова.

— Железная Хватка Хансен, самец, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Большинство шимпов в отчаянии ахнули. Но Гайлет лишь закрыла глаза: ее опасения подтверждались. До сих пор в ней жила надежда, что сюзерен Праведности еще сохранил влияние среди губру, еще может заставить триумвират вести честную игру. Но теперь...

Она нутром чувствовала, что ненавистный шен остановился рядом и злорадно улыбается.

«Хватит! Мое терпение лопнуло! Должен же был главный испытатель что-то заподозрить! Если я скажу ему...»

Но она не шевельнулась, не смогла даже рта раскрыть, не то что заговорить. Совершенно отчетливо Гайлет вдруг осознала, почему так долго не решалась выйти из игры и продолжала участвовать в этом фарсе.

«Они вмешались в мою подкорку!»

Она вспомнила свои сны... кошмарную картину, когда машины, управляемые безжалостными костями, воздействовали на нее, тонко, незаметно.

«Институт возвышения просто не готов к такой проверке!» Конечно, нет! Церемонии возвышения — радостные события, это праздник клиентов и их патронов. Где это слыхано, чтобы представителей расы заставляли участвовать, предварительно обработав?

«Должно быть, все сделано после ухода Фибена. Сюзерен Праведности вряд ли мог согласиться на подлог. Если бы только главный испытатель знал, мы получили бы с губру компенсацию ценой в целую планету!» Гайлет раскрыла рот.

— Я... — Она пыталась заговорить. Главный испытатель посмотрел на нее.

Пот выступил на лбу Гайлет. Ей нужно только произнести обвинение.Просто намекнуть! Но мозг застыл, словно она забыла все слова. Ну конечно. Речевой затор. Губру знают, как легко вызвать его у неошимпанзе. Человек, возможно, преодолел бы его, но усилия Гайлет тщетны.

Она не могла разобрать реакцию арахноида, но ей показалось, что серентини разочарован.

Испытатель отступил.

— Направляйтесь к гиперпространственному шунту, — сказал он.

«Нет!» — хотела крикнуть Гайлет. Но смогла только вздохнуть. Сама собой в знак согласия поднялась правая рука, встретилась с левой рукой Железной Хватки. Он схватил ее, и даже при желании она не могла бы высвободиться.

В ее перевозбужденном мозгу пронеслась мгновенно картина: птичье лицо с желтым клювом и холодными, немигающими глазами. И никаким образом от нее невозможно было избавиться. Гайлет с абсолютной ясностью осознала, что именно этот образ она принесет на вершину церемониального холма и вместе с Железной Хваткой пошлет его в овал искаженного пространства над головой, и именно его увидят галакты — и здесь, и на тысячах других планет.

Часть сознания, ее логическая сущность, все еще принадлежавшая ей, но сейчас отрезанная и изолированная, разгадала холодную расчетливость этого плана.

Конечно, люди опротестуют выбор, заявив, что он сделан под принуждением. И, вероятно, более половины кланов галактики поверят, но уже ничего не изменится. Выбор сохранится!

Альтернативой была бы дискредитация всей системы. Однако звездная цивилизация сейчас испытывает такие трудности, что нового кризиса просто не вынесет.

Скорее всего большинство кланов посчитают, что и так слишком много внимания уделено незначительному племени волчат. Справедливо или нет, но большинство пожелает просто ликвидировать эту проблему раз и навсегда.

Все это Гайлет поняла мгновенно. Губру хотят не просто стать новыми консортами-представителями, «защитниками» шимпов. Они хотят уничтожить человечество. Тогда ее племя перейдет к другим патронам.

Гайлет ни на минуту не усомнилась в том, что это будут губру.

Сердце Гайлет отчаянно билось. Она пыталась сопротивляться Железной Хватке, но безуспешно. Она молилась, чтобы ее хватил удар.

«Уж лучше бы мне умереть!»

Жизнь ее не имеет значения, и в любом случае ее «исчезновение» запланировано сразу после церемонии. От свидетеля избавятся. «О, Гудолл и Ифни, ударьте меня молнией!» Ей хотелось закричать.

И в этот момент раздался голос. Голос… но не

ее, произнес:

— Остановитесь! Нарушена справедливость, и я требую внимания!

Гайлет и не предполагала, что сердце может так колотиться. От тахикардии она едва не лишилась сознания. «О Гудолл, пусть это будет...» Она слышала, как выругался Железная Хватка; он выпустил ее руку. Одно это уже доставило облегчение. Послышалось гневное квохтанье губру и изумленные возгласы шимпов. Кто-то — Гайлет поняла: Микаэла — взял ее за руку.

Уже сгустились сумерки. Разбросанные облака освещались прожекторами с холма и тем беспокойным туннелем энергии, который возник над искусственной горой. В свете фар стоящего флиттера показался одинокий неошимпанзе в грязном церемониальном платье. Он приближался к последней испытательной станции, вытирая пот со лба, решительно направился к троим удивленным чиновникам.

«Фибен!» — подумала ошеломленная Гайлет. Однако первыми восстанавливаются старые привычки: «О, Фибен, не важничай. Не забывай протокол...»

Гайлет истерически захихикала, разобравшись в своих мыслях. Это частично вывело ее из шока

и она смогла поднять руку и прикрыть рот.

— О, Фибен, — выдохнула она.

Железная Хватка заворчал, но вновь прибывший не обратил на проби внимания. Фибен поймал взгляд Гайлет и подмигнул. Гайлет поразилась: жест, который раньше приводил ее в ярость, теперь вызвал радостную дрожь в коленях.

Фибен остановился перед чиновниками и низко поклонился. Потом, уважительно сложив руки, стал ждать разрешения говорить.

— ...бесчестное, недопустимое, неслыханное вмешательство, — загремел переводчик-губру. — Мы требуем немедленного устранения, изъятия, наказания...

Голос неожиданно прервался: это главный испытатель протянул руку и выключил переводчик. Потом сделал шаг вперед и обратился к Фибену:

— Младший, поздравляю тебя, ты в одиночку сумел преодолеть этот путь. Твой подъем просто потряс публику, он совершенно необычен и делает особенно необычной всю эту церемонию. Набранные тобой баллы и остальные достижения дают тебе право находиться здесь. — Серентини сложил две руки и склонил переднюю часть тела.

— А теперь, — сказал он, снова выпрямляясь, — правильно ли я понял, что у тебя есть жалоба? Достаточно важная, чтобы оправдать такую резкость?

Гайлет напряглась. Главный испытатель может симпатизировать Фибену, но его слова звучат как завуалированная угроза. Фибену надо остерегаться. Одна ошибка, и он сделает положение еще критичнее.

Фибен снова поклонился.

— Я... я почтительно прошу объяснить, как были выбраны представители.

«Не так уж плохо». Гайлет продолжала сражаться с незримым принуждением. Если бы только она могла подойти и помочь!

Главный испытатель терпеливо ответил:

— По традиции церемонии пару представителей выбирают спонсоры среди тех, кто прошел все предыдущие испытания. В данном случае спонсоры действительно враги твоего клана, но всякая вражда прекращается до завершения обрядов. Между кланами Земли и гуксу-губру в настоящее время мир. Ты протестуешь против этого, младший?

— Нет. — Фибен покачал головой. — Не против этого. Я просто хочу знать: должны ли мы пол-

ностью согласиться с выбором представителей, сделанным спонсором?

Губру немедленно негодующе заквохтал. Шимпы удивленно переглядывались. Железная Хватка пробормотал:

— Когда это кончится, я проучу маленького братца...

Испытатель знаком восстановил тишину. Его многофасеточные глаза устремились на Фибена.

— Младший, значит, если бы тебе дали право решать, ты бы оспаривал право избранных?

Фибен поклонился.

— Да, ваша честь.

На этот раз крик губру прозвучал особенно жалобно.

Гайлет попыталась шагнуть вперед, но Железная Хватка удержал ее. Она вынуждена была остаться на месте, слушая глухие проклятия проби.

Наконец серентини снова заговорил:

— Я симпатизирую тебе, но не вижу способа удовлетворения твоей просьбы. Без прецедента...

— Но прецедент существует!

Новый низкий голос донесся со склона. На свет из толпы галактов-наблюдателей и официальных лиц вышли четыре фигуры, и если раньше Гай-

лет удивлялась чудесам, то теперь могла только зачарованно созерцать, не веря своим глазам.

«Утакалтинг!»

Стройного тимбрими сопровождал бородатый мужчина-человек; его одежда была явно заимствована у какого-то двуногого негуманоидного галакта и наброшена поверх шкуры животного. Рядом с ним шел неошимпанзе с явными трудностями прямохождения и множеством атавизмов. Приблизившись к поляне, этот шимп задержался, словно понимая, что ему тут не место.

Четвертый из приближавшихся, высокий галакт с ярким, гордо раздутым гребнем, небрежно поклонился и обратился к главному испытателю.

— Я тебя вижу, Коугх*Квинн'3 из Института возвышения.

Серентини поклонился в ответ.

— И тебя я вижу, почтенный посол Каулт-теннанинец, и тебя вижу, Утакалтинг-тимбрими, и ваших спутников. Мне приятно быть свидетелем вашего благополучного прибытия.

Рослый теннанинец широко развел руки.

— Благодарю тебя за разрешение воспользоваться твоей аппаратурой для связи с моим кланом после долгой вынужденной изоляции.

— Это нейтральная территория, — ответил представитель Института возвышения. — Я знаю, что ты поставишь перед Институтом серьезные вопросы относительно этой планеты, когда церемония завершится. Но сейчас мы должны продолжить. Пожалуйста, объясни слова, которые ты сейчас произнес.

Каулт указал на Утакалтинга.

— Этот уважаемый посол представляет расу, которая служит консортом-представителем и защитником неошимпанзе с того момента, как волчата вступили в галактическое сообщество. Я уступаю ему право объяснить тебе.

Гайлет сразу заметила, каким уставшим выглядит Утакалтинг. Обычно выразительные, щупальца тимбрими безжизненно обвисли, глаза его почти закрылись. С явным усилием он вышел вперед и протянул маленький черный куб.

— Вот ссылки, — сказал он.

Подошел робот и взял у него куб. Теперь штат Института займется рассмотрением материалов. А пока испытатель внимательно слушал Утакалтинга.

— Материалы подтверждают, что еще в самом начале галактической истории Прародители выработали церемонию возвышения из желания

предотвратить возможные этические ошибки. Те, кто начинал процесс возвышения, постоянно советовались со своими клиентами, как в наши дни поступают люди со своими. И клиентам никогда не навязывали выбор представителей. — Утакалтинг указал на собравшихся шимпов. — Строго говоря, спонсоры церемонии вносят только предложение. Клиенты, выдержавшие испытание, согласно закону могут отвергнуть их. Это плато по закону является их территорией. Мы здесь только их гости.

Гайлет видела возбуждение галактических наблюдателей. Многие консультировались со своими накопителями информации, оценивая аргументы Утакалтинга. Со всех сторон слышался уже многоязычный говор собравшихся.

Появился новый флиттер с представителями губру и портативным устройством связи. Очевидно, захватчики тоже проводили розыск.

Все это время действовал гиперпространственный шунт. Теперь низкое гудение прощупывает всю округу, и Гайлет дрожала в заданном ритме.

Главный испытатель обратился к номинальному представителю людей Кордвайнеру Эпплби.

— От имени своего клана, поддерживаешь ли ты просьбу отступить от обычной процедуры?

Эпплби прикусил нижнюю губу. Он посмотрел на Утакалтинга, потом на Фибена, снова на посла тимбрими. И, наконец впервые улыбнулся.

— Черт побери, конечно! Конечно, поддерживаю! — сказал он на англике.

Потом покраснел и перешел на превосходный галактический-семь:

— От имени своего клана я поддерживаю просьбу посла Утакалтинга.

Испытатель отвернулся и выслушал своих помощников. Все стихли, напряженно ожидая. Испытатель поклонился Фибену.

— Действительно, существует неоспоримый прецедент, оправдывающий твою просьбу. Могут ли твои товарищи подтвердить выбор поднятием руки? Или нужно тайное голосование?

— Давай! — послышался шепот на англике. Молодой человек, сопровождавший Утакалтинга, улыбнулся и просигналил Фибену. К счастью, никто из галактов не смотрел в эту сторону и не видел нарушения протокола.

Фибен усилием воли сохранил выдержку и поклонился.

— Я думаю, голосования руками достаточно, ваша честь. Спасибо.

Во время выборов Гайлет даже развеселилась.

Она очень старалась отклонить свою кандидатуру, но та же жуткая воля, неумолимая сила, которая раньше не давала ей заговорить, теперь помешала отозвать свое имя. Ее избрали единогласно.

Соревнование представителей мужчин прошло тоже гладко. Фибен стоял перед Железной Хваткой и смотрел прямо в свирепые глаза высокого проби.

Гайлет обнаружила, что может только воздержаться, но и это вызвало удивленные взгляды.

Тем не менее она чуть не заплакала от радости и облегчения, когда голосованием получилось девять к трем... в пользу Фибена Болджера. Когда он наконец подошел к ней, Гайлет повисла у него на шее и всхлипнула.

— Ну, ну, — сказал он. И ее успокоили не эти обычные слова, а его голос. — Я ведь тебе говорил, что вернусь.

Она всхлипнула, вытерла слезы и кивнула. Привычный жест, привычные слова. Гайлет коснулась его щеки и слегка насмешливо сказала:

— Мой герой.

Вокруг собрались остальные шимпы, все, кроме оказавшихся в меньшинстве проби. Впервые показалось, что церемония может все-таки обер-

нуться праздником.

Они построились по двое вслед за Фибеном и Гайлет и поспешили по последнему участку тропы к вершине, где очень скоро установится связь между этой планетой и далекими-далекими мирами.

И тут над небольшим плато послышался резкий свист. Новая машина на воздушной подушке приземлилась перед шимпами, преградив им дорогу.

— О нет! — простонал Фибен. Он сразу узнал баржу с тремя сюзеренами сил вторжения губру.

Сюзерен Праведности выглядел удрученно. Он свисал со своего насеста, не в силах даже поднять голову. Остальные два правителя, однако, тут же спрыгнули на землю и обратились к испытателю.

— Мы тоже хотим представить, предъявить, предложить... прецедент!

Глава 91
ФИБЕН

Легко ли победу превратить в поражение?

Фибен размышлял об этом, сняв протокольное платье и позволив двум шимпам растереть себе

плечи. Он потянулся. Остается надеяться, что он еще не забыл уроки борьбы.

«Я слишком стар для этого, — подумал он. — И позади такой длинный и трудный день».

Губру не шутили, когда радостно объявили, что нашли выход. Гайлет пыталась объяснить ему, пока он готовился. Как обычно, все связано с абстракциями.

— Как я понимаю, Фибен, галакты совсем не отвергают идею эволюции, они не принимают только эволюцию разума. Они верят в нечто подобное тому, что мы называли «дарвинизмом», для существ ниже предразумных. Более того, они считают, что природа поступает мудро, заставляя каждый вид демонстрировать свою пригодность к жизни в первобытных условиях.

Фибен вздохнул.

— Пожалуйста, ближе к делу, Гайлет. Просто скажи мне, почему я должен драться с этим ублюдком. Разве даже по земным стандартам судебный поединок не кажется глупостью?

Она покачала головой, на какое-то время ее словно постиг речевой затвор. Но как только это прошло, мозг ее вновь стал мозгом обычного педанта.

— Нет, не совсем так. Подумай сам. Одна из

опасностей, которой подвергается процесс возвышения, заключается в том, что патроны могут в ходе этого процесса лишить клиентов самой их сути, тех самых качеств, которые прежде сделали их кандидатами на возвышение.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что губру могут обвинить в этом людей, и единственный способ избежать этого — доказать, что мы остаемся стойкими, страстными и физически сильными.

— Но я думал, все эти тесты...

Гайлет покачала головой.

— Они свидетельствуют, что все оказавшиеся на плато соответствуют критериям третьей стадии. — Гайлет поморщилась, словно снова боролась с речевым барьером. — Эти испытуемые проходят даже по критериям института. Они обладают недостатками только с точки зрения необычных земных стандартов.

— Такими, как приличие и телесный запах. Конечно, но я все еще не понимаю...

— Фибен, Институту все равно, кто из прошедших испытания предстанет перед гиперпространственным шунтом. И если губру считают, что их представитель превосходит по крайней мере по одному критерию — по физической силе,

— это имеет прецеденты. В сущности, так делалось много раз, когда результаты голосования расходились.

Теперь наступила очередь Фибена качать головой и негромко ворчать:

— Гудолл, что за порядки в этой галактике. Кажется, Пратачулторн все-таки прав.

— В чем, Фибен?

— Неважно. — Он увидел, что рефери, представитель Института пила, приближается к центру круга. Фибен повернулся и посмотрел в глаза Гайлет.

— Скажи мне только, выйдешь ли ты за меня, если я выиграю?

— Но... — Она заморгала, потом кивнула. Казалось, Гайлет силится сказать что-то еще, но у нее опять отнялась речь. Она вздрогнула и странным незнакомым голосом умудрилась произнести пять слов:

— Убей... его... ради... меня... Фибен.

И в глазах ее читалась не жестокость, не жажда крови, а нечто гораздо более глубокое. Отчаяние.

Фибен кивнул. Он не питал иллюзий относительно того, что собирается сделать с ним Железная Хватка.

Рефери подозвал их к себе. Никакого оружия и

никаких правил.

Подземный гул перешел в глубокий гневный рев, и зона ноль-пространства над головой начала сверкать по краям, словно освещаясь молниями.

* * *

Началось с медленного кружения. Фибен и его противник внимательно наблюдали друг за другом, боком обходя всю арену. Остальные девять шимпов стояли ниже по склону, рядом с Утакалтингом, Каултом и Робертом Ониглом.

Напротив располагались губру и два товарища Железной Хватки. Со всех сторон за схваткой наблюдали многочисленные представители Института возвышения и дипломаты-галакты.

Ласка и Стальной Прут делали знаки руками своему предводителю и скалились.

— Сделай его, Фибен! — подбадривали другие шимпы.

Вот к чему свелся весь этот изысканный ритуал, вся эта сложная древняя традиция. Именно таким способом Мать Природа выносит свои решения.

— На-чи-НАЙ! — резкий крик рефери-пила резанул слух Фибена ультразвуковой волной за мгновение до того, как заговорил переводчик.

Железная Хватка действовал стремительно. Он

бросился вперед, и Фибен чуть не опоздал. Ему показалось, что это ложный маневр. Он начал уходить влево, но в последнее мгновение передумал, выставив вперед ногу.

Удар получился не таким сильным, как он рассчитывал, но Железная Хватка закричал и отскочил, держась за ребра. К несчастью, Фибен потерял равновесие и не смог воспользоваться шансом. Спустя несколько секунд Железная Хватка снова двинулся вперед, на этот раз осторожнее. В глазах его горела жажда крови.

«Бывают такие дни, когда просто не стоит вставать с постели», — думал Фибен. Они снова начали кружить.

Собственно, сегодняшний день начался с того, что он проснулся в развилке дерева в нескольких милях от Порт-Хелении, там, где парашюты плюща свисали с оголенных ветвей зимнего сада...

Железная Хватка замахнулся и нанес удар справа. Фибен нырнул под мышки противника и ответил ударом тыльной стороной руки. Противник поставил блок, и раздался глухой звук.

«...Солдаты Когтя были не очень-то вежливы, и поэтому он поехал дальше на Тихо к старой тюрьме...»

Кулак, словно пушечный снаряд, просвистел

мимо уха Фибена. Фибен шагнул навстречу вытянутой руке и повернулся так, чтобы ударить локтем в открывшийся живот противника.

«...Глядя на опустевшую комнату, он понял, что остается очень мало времени. Тихо галопом проскакал по пустынным улицам, в зубах лошади застрял цветок...»

«...а пристань была заполнена шимпами — они стояли на причалах, на крышах зданий, на улицах и смотрели...»

Клинч грозит прервать дыхание. Фибен присел и сунул правую ногу между ног противника. Потянул в одном направлении, дождался, пока Железная Хватка перестал сопротивляться, потом резко рванулся и бросил свое тело в противоположную сторону. Одновременно пнул ногой. Железная Хватка поскользнулся и упал, продолжая тисками своих рук сжимать Фибена. Еще несколько мгновений он с утроенной силой сжимал Фибена, вырывая куски его плоти.

«...Он сменил лошадь на лодку и поплыл через залив, к преграде из буйков...»

Кровь полилась из разорванного горла Фибена. Рана лишь на полдюйма миновала его яремную вену. Фибен попятился, видя, как быстро Железная Хватка вскочил на ноги. Стремительность

шимпа устрашала.

«...Он выиграл мысленную схватку с буйками и заслужил право пройти...»

Железная Хватка оскалился, расставил длинные руки и испустил кровожадный крик. И Фибен словно увидел перед собой древние схватки, которые происходили задолго до того, как шимпы поднялись на борт космических кораблей. Тогда угрожающий рык был половиной победы.

— Ты можешь это сделать, Фибен! — крикнул Роберт Онигл, разрушая гипноз Железной Хватки. — Давай, парень! Отомсти за Саймона!

«Дерьмо! — подумал Фибен. — Типичный человеческий трюк! Он пытается вызвать у меня чувство вины!»

Но сумел подавить вспыхнувшие сомнения и улыбнулся врагу в лицо.

— Кричать ты умеешь. А вот это? — И он показал Железной Хватке нос. И тут же пришлось увертываться от броска противника. На этот раз оба сумели нанести удары, которые прозвучали гулко, как в барабан. Оба шимпа разлетелись в противоположные стороны, прежде чем сумели обернуться, тяжело дыша и оскалившись.

«...Берег был усеян мусором, а подъем на утесы оказался длинным и трудным. Но выяснилось,

что это только начало. Удивленные чиновники Института уже разбирали свои приборы, когда он неожиданно появился; заставил их остановиться и провести еще одно испытание. Они, вероятно, решили, что не понадобится много времени, чтобы отправить его домой...» Когда они сошлись в следующий раз, Фибен выдержал несколько ударов по лицу, чтобы сблизиться с противником и бросить его на землю. Конечно, не самый элегантный прием джиу-джитсу. Применяя его, он неожиданно ощутил резкую боль в ноге.

На мгновение Железная Хватка оказался беззащитен. Но когда Фибен попытался атаковать, нога его подвернулась.

«...трудные тесты, сердитые взгляды, молчаливое удивление, что он еще здесь...»

Падая навзничь, он пинался, но тем не менее противник захватил его лодыжку словно в клещи. Фибен пытался за что-нибудь ухватиться, но пальцы только царапали почву. Он попробовал отползти в сторону, но Хватка подтащил его к себе и прижал.

«...И он прошел через все это, только чтобы оказаться здесь? Да. А в целом день был кромешным адом...»

Есть борцовские трюки против соперника,

превосходящего весом. Фибен вспомнил о них, пытаясь высвободиться. Если бы он не так устал, они бы сработали. А так ему только удалось достичь псевдоравновесия. Небольшое преимущество в упоре помогло ему противостоять ужасающей силе Железной Хватки. Их тела напрягались, руки сжимались в поисках малейшей слабины.

Лицами прижимаясь к земле, противники чувствовали горячее дыхание друг друга.

Толпа смолкла. Ни та, ни другая сторона больше не подбадривала.

Противники с обманчивой медлительностью раскачивались, сжимая друг друга, и Фибен ясно увидел склон Церемониального Холма. Краем глаза он отметил, что толпа куда-то исчезла. Там, где недавно толпилось множество галактов самой разной наружности, остались теперь только полосы вытоптанной травы.

Толпа уходила вниз по холму на восток, галакты возбужденно жестикулировали и разговаривали на множестве языков. Фибен заметил арахноида-серентини; главный испытатель стоял среди своих помощников, не обращая больше внимания на схватку. Даже рефери-пила отвернулся и смотрел на суматоху внизу.

И это после разговоров о том, что судьба всей вселенной зависит от смертельного боя двух шенов? Какой-то частичкой своего сознания Фибен почувствовал себя оскорбленным.

Любопытство всегда подводило его. Вот и сейчас он думал: «Да что там такое?»

Он на дюйм повернул голову в сторону, чтобы разглядеть получше. И на миллисекунды упустил открывшегося проби: Железная Хватка чуть переместил тяжесть своего тела. Фибен слишком поздно спохватился, и Железная Хватка воспользовался преимуществом, ускользнул и сделал захват. Снова начал давить.

— Фибен! — Это голос Гайлет, полный чувств. Итак, хоть кто-то смотрит на них. И увидит его унижение и конец.

Фибен сражался отчаянно. Он использовал все трюки, всплывшие в памяти. Но они требовали сил; не хватало воздуха.

Железная Хватка продолжал удерживать его. Оскаленные клыки сверкали в свете прожекторов: он улыбнулся Фибену.

Вдруг в одно мгновение огромная тень заслонила свет прожектора.

Железная Хватка растерянно заметил что-то громоздкое рядом с головой Фибена. Волосатая

черная ступня, затем короткая, но толстая, как древесный ствол, коричневая нога, а еще выше — гора шерсти.

Мир, который начал вращаться и тускнеть перед глазами Фибена, неожиданно снова обрел резкость, его перестали душить. Фибен вдохнул и старался разобраться в происходящем.

Он поймал дружелюбный взгляд карих глаз, которые принадлежали нависшей над ним огромной горе мышц.

Гора улыбалась. Рукой размером с небольшого шимпанзе существо с любопытством коснулось Фибена. Железная Хватка содрогнулся и ошеломленно отшатнулся не то от удивления, не то от страха. Рукой существо схватило шимпа за запястье, словно проверяя его силу.

По-видимому, никакого сравнения. Рослый самец-горилла довольно переступил с ноги на ногу и как будто даже засмеялся.

Потом, опираясь на одну руку, повернулся и присоединился к темной ленте животных, которая извивалась, обтекая изумленных шимпов. Гайлет глазам своим не верила, а Утакалтинг непрерывно моргал.

Роберт Онигл как будто разговаривал сам с собой, а губру пищали и прыгали.

Но в центре внимания горилл оказался Каулт. Четыре самца и три самки собрались вокруг высокого теннанинца и трогали его. Он медленно и радостно заговорил с ними.

Фибен решил не допускать одну и ту же ошибку дважды. Он не знал, что делают здесь, на вершине Церемониального Холма, построенного захватчиками, гориллы, да и не пытался над этим размышлять. Сосредоточенность вернулась к нему на мгновение раньше, чем к противнику. Когда Железная Хватка снова посмотрел на него, в глазах проби мелькнуло отчаяние: он успел разглядеть приближающийся кулак Фибена.

Маленькое плато превратилось в дикую сцену, лишенную даже подобия какого-либо порядка. Границы площадки, на которой происходила схватка, потеряли всякий смысл. Фибен и его противник катались под ногами горилл, шимпов, губру и вообще всех, кто только успевал отскакивать. На них перестали обращать внимание, но Фибену было все равно. Он помнил только одно: что дал обещание и его нужно выполнить.

Он колотил Железную Хватку, не давая ему восстановить равновесие, и тот, отчаянно закричав, отбросил наконец Фибена, как старый плащ.

Болезненно приземлившись, Фибен уловил

движение сзади и повернул голову: проби по имени Ласка поднял ногу и готовился ударить его. Но не попал, потому что его обняла страстная горилла и приподняла в своем сокрушительном объятии.

Другого товарища Железной Хватки держал Роберт Онигл. Он поднял его над головой. Самец-шимп явно сильнее большинства людей, но, вися в воздухе, ничего не мог поделать. Роберт схватил его, как Геркулес Антея, и кивнул Фибену.

— Осторожней, старина.

Фибен откатился, и Железная Хватка вхолостую ударил место, где он только что лежал, подняв лишь облако пыли. Фибен тут же прыгнул на спину противнику и зажал его полунельсоном.

Мир завертелся. Фибен скакал на нем, как на брыкающемся жеребце. Во рту появился вкус крови, пыль заполнила легкие, он почувствовал резкую боль в груди. Усталые руки дрожали, вот-вот схватит судорога. Но, услышав тяжелое дыхание противника, Фибен понял, что выдержит.

Железная Хватка опустил голову. Фибен пнул его ногой.

Пятка Фибена пришлась в солнечное сплетение проби. Он сломал пальцы, но в порыве

борьбы не замечал боли, и невозможно было ошибиться, услышав свистящий судорожный выдох: диафрагма Железной Хватки, мгновенно сократилась, прекратив всякий доступ воздуха.

Фибен как-то нашел силы. Рывком перевернул противника. Зажал его ножницами, завел руку и сжал горло тем же незаконным (но кому какое дело!) приемом, который раньше применил Железная Хватка.

Кости хрустели. Казалось, земля под бойцами задрожала, а небо заворчало. Мимо мелькали ноги чужаков, слышались крики на разных языках.

Фибен вслушивался лишь в дыхание противника и не слышал его... чувствовал только пульс, который вот-вот должен прекратиться...

И тут словно что-то взорвалось у него в черепе.

* * *

Как будто что-то раскрылось перед ним, яркий свет струился изнутри, от коры его мозга. Ошеломленный, Фибен вначале решил, что кто-то из проби или губру ударил его сзади по голове. Но при ударе такого свечения не бывает. Больно, но как-то по-другому.

Фибен сосредоточился на самом главном: нужно изо всех сил держать слабеющего противника.

Но он не мог игнорировать это странное явление.

Мозг искал сравнения с чем-нибудь, но не находил подходящей метафоры.

Беззвучный взрыв казался одновременно чуждым и странно знакомым.

Фибен вспомнил голубой огонек, который весело плясал, стреляя ему в ноги. Вспомнил «бомбу вони», которая обратила в бегство помпезного пушистого дипломата. Вспомнил, что рассказывала по ночам генерал. Все это заставило его заподозрить...

По всему плато стих многоголосый говор, все галакты смотрели вверх.

Фибену захотелось поднять голову и самому увидеть, что так привлекло их внимание. Однако сначала нужно убедиться, что противник безопасен.

Железная Хватка несколько раз судорожно глотнул воздух, и Фибен возобновил давление, чтобы удержать рослого шимпа на грани бессознательного состояния. Затем он посмотрел вверх.

— Утакалтинг, — прошептал Фибен, поняв причину смятения своих мыслей.

Тимбрими стоял чуть выше остальных. Он

широко развел руки, и полы его протокольного платья развевались в циклоне, поднятом зияющим гиперпространственным шунтом. Глаза максимально расставлены.

Щупальца короны Утакалтинга двигались, и что-то вращалось у него над головой.

Шимми застонала и прижала ладони к вискам. Казалось, сотни бормашин заработали одновременно. Для большинства присутствующих глиф оставался неразличимым. Но Фибен впервые в жизни испытал кеннинг. И то, что он кеннировал, называлось тутсунуканн.

Чудовищный глиф, полный долго сдерживаемой энергии. Сущность отложенной неопределенности, он танцевал и вращался. И вдруг без всякого предупреждения разлетелся. Фибен чувствовал, как глиф пролетел сквозь него, — и испытал неподдельную чистую радость.

Радость вытекала из Утакалтинга, словно из прорванной дамбы.

— Н'ха с'урустуанну, л'хаммин'т Атаклена в'тхтанна! — воскликнул тимбрими. — Дочь, ты прислала его, чтобы вернуть отданное мной? О, как все усложнилось и усилилось! Какой отличный розыгрыш собственного отца!

Его настроение заразило стоявших поблизости.

Шимпы моргали. Роберт Онигл вытирал слезы.

Утакалтинг повернулся и указал на тропу, ведущую к Площадке Избрания.

Теперь, на вершине Церемониального Холма, было видно, что шунт действует.

Погребенные глубоко под землей машины сделали свое дело, и теперь над головой зиял туннель, края его сверкали, а в центре — пустота чернее самой тьмы.

Туннель, казалось, втягивает свет, трудно даже рассмотреть отверстие.

Но Фибен знал, что это реальная связь во времени, она протянулась отсюда к бесчисленным планетам, где многочисленные зрители наблюдали и отмечали события вечера.

«Надеюсь, зрелище понравится во всех пяти галактиках». Когда Железная Хватка начал оживать, Фибен ударил проби по голове и снова посмотрел вверх.

На полпути к вершине на узкой тропе он увидел три разительно отличающиеся друг от друга фигуры. Маленький неошимпанзе с непомерно длинными руками и короткими кривыми ногами. Одной рукой Джо-Джо держался за руку Каулта, рослого теннанинского посла. Другую могучую лапу держала крошечная девочка, светлые

волосы которой развевались на ветру, как знамя.

Это изумительное трио смотрело на вершину, где собралась совершенно необычная толпа.

Десяток горилл, самцов и самок, кружком стояли прямо под полуневидимой дырой в пространстве. Они раскачивались взад и вперед, глядя на зияющую пустоту над головой, и тихо напевали режущую слух мелодию.

— Мне кажется... — сказал ошеломленный главный испытатель Института возвышения, серентини, — ...мне кажется, такое случалось... раз или два... но давно, больше тысячи эпох назад.

Послышался другой голос, на этот раз хрипловатый от полноты чувств. Англик.

— Это несправедливо, пусть и на нашем веку тоже... — Фибен видел, что по щекам некоторых шимпов текут слезы.

Шимпы держали друг друга за руки и плакали.

На глазах Гайлет тоже были слезы, но Фибен понимал, что она видит то, чего не видят другие. И слезы ее — слезы облегчения и радости.

Отовсюду слышались изумленные возгласы.

— Но что это за существа, создания, твари? — спрашивал сюзерен губру.

— ...предразумные, — ответил кто-то на галактическом-три.

— ...Они миновали все испытательные станции, значит, они готовы к какой-то стадии, — говорил Кордвайнер Эпплби. — Но как могли гор...

Роберт Онигл прервал его, подняв руку.

— Не используйте больше прежнее название. Это, друг мой, гартлинги.

Молнии заполнили воздух запахом озона. Утакалтинг напевал от наслаждения такой грандиозной шуткой, и его тимбримийский голос звучал не по-земному богато. Фибен, не помня себя, встал на ноги, чтобы лучше видеть. Он вместе со всеми наблюдал, как дыра над гигантскими обезьянами, раскачивающимися и гудящими на вершине, начала светиться. Над головами горилл заклубился туман, постепенно приобретающий очертания.

— Ни у одной живущей расы нет такого на памяти, — благоговейно сказал главный испытатель. — За последний миллиард лет происходили бесчисленные церемонии принятия клиентов. Клиенты на этих церемониях переводились на следующую стадию и выбирали себе новых консортов. Некоторые даже требовали прекратить возвышение... вернуть их в прежнее состояние...

Туман принял овальные очертания. И из него постепенно возникала фигура.

— ...Но лишь в древних сагах говорится о новых видах, пришедших по собственной воле, удививших все галактическое сообщество, и требовавших права самим выбрать себе патронов.

Фибен услышал стон. Он посмотрел вниз и увидел, как Железная Хватка, дрожа, приподнимается на локтях. Пропитанная кровью пыль покрывала шена с ног до головы.

«Надо кончать с ним. Он еще силен», — подумал Фибен, понимая, что сам выглядит не лучше.

Он поднял ногу. В общем-то это не трудно... Посмотрел в сторону и наткнулся на взгляд Гайлет.

Железная Хватка перевернулся на спину. В тупой покорности посмотрел на Фибена.

«Дьявольщина, — Фибен наклонился и протянул руку своему бывшему противнику. — Не понимаю, чего ради мы дрались. Приз у кого-то другого».

Возглас удивления пронесся над толпой. Со стороны губру слышались крики отчаяния. Фибен поднял Железную Хватку, помог ему твердо встать на ноги и посмотрел на творение горилл, вызвавших это смятение.

Появилось лицо теннанинца. Огромное четкое изображение повисло в фокусе гиперпростран-

ственного шунта. Оно вполне могло быть лицом брата Каулта.

«Такое трезвое, серьезное, искреннее выражение», — подумал Фибен.

Такое типично теннанинское.

Некоторые галакты удивленно восклицали, остальные же словно застыли.

Все, кроме Утакалтинга, чье восхищение по-прежнему лучилось во все стороны, как фейерверк.

— З'вуртин'с'татта... я так трудился ради этого, но даже я не предполагал...

Титаническое изображение теннанинца сдвинулось в туманном овале. Все увидели толстую шею с дыхательными щелями, потом могучий торс. Но когда показались его руки, стало очевидно, что он с обеих сторон держит за руки двоих.

— Зафиксируйте должным образом, — сказал главный испытатель своим помощникам. — Неизвестного наименования клиенты первой стадии, предполагаемое название гартлинги, выбрали в качестве патронов теннанинцев. А в качестве консортов-представителей — неошимпанзе и людей совместно.

Роберт Онигл заорал. Кордвайнер Эпплби, поразившись, опустился на колени. Оглушительно

кричали губру.

Фибен почувствовал, как в его руку скользнула ладонь. Во взгляде Гайлет смешались гордость и колкость.

— Ну хорошо, — вздохнул он. — Нам бы все равно их не оставили. А так мы хоть навещать их сможем. И я слышал, что теннанинцы не худшие из ити.

Гайлет покачала головой.

— Ты знал об этих существах и не говорил мне?

Фибен пожал плечами.

— Ну, это считалось тайной. Ты была занята. Не хотел тревожить тебя несущественными подробностями. Mea culpa. Не бей меня, пожалуйста.

Ее глаза вспыхнули. Но потом она вздохнула и посмотрела на вершину холма.

— Скоро все поймут, что никакие это не гартлинги, а земные существа.

— И что тогда будет?

Настала ее очередь пожимать плечами.

— Наверно, ничего. Откуда бы они ни происходили, они явно готовы к возвышению. Люди подписали договор — кстати, несправедливый, — запрещающий возвышать их земному клану. Я думаю, сохранится нынешнее положение. Fait

accompli[22]. Ну, да ладно, нам хоть какая-то роль отводится: следить за правильным выполнением работы.

Подземное гудение стихало, все сильнее слышались хриплые крики губру.

Но главный испытатель казался невозмутимым. Он отдавал приказы помощникам, собирал записи, указывал, какие тесты предстоит провести, диктовал срочные сообщения в центральный Институт.

— И мы должны помочь Каулту информировать его клан, — добавил главный испытатель. — Несомненно, эта новость вызовет большое удивление.

Фибен видел, как сюзерен Луча и Когтя забрался во флаер и улетел на большой скорости. Порывом ветра взъерошило оперение оставшихся птицеподобных.

Так уж случилось, что взгляды Фибена и сюзерена Праведности, одиноко стоявшего на своем насесте, встретились. Теперь чужак держался прямо. Он не обращал внимания на кудахтанье своих спутников. Фибен поклонился.

Спустя несколько мгновений чужак, в свою

---

[22] notes: 22
Свершившийся факт (фр.)

очередь, вежливо склонил голову.

Над вершиной с поющими гориллами, официально теперь самыми младшими клиентами в пяти галактиках, туманный овал сокращался и уходил в сужающийся туннель. Но прежде чем он исчез, собравшиеся увидели нечто поразительное, чего раньше никто никогда не видел... и вряд ли когда-либо увидит.

Наверху, в небе, изображения теннанинца, шимпа и человека посмотрели друг на друга. Потом большая голова теннанинца откинулась, и он рассмеялся; он натурально хохотал, просто ревел от смеха, то есть делал то, чего теннанинец делать не может.

Только Утакалтинг и Роберт Онигл из всех пораженных зрителей присоединились к смеху этой призрачной фигуры. Изображение, продолжая хохотать, уменьшилось и поглотилось закрывшейся дырой в пространстве. На его месте загорелись звезды.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ГРАЖДАНЕ

Я ничтожество,
Неприятное слуху и зрению,
Я обезьяна с синим задом
И прыгаю по деревьям рая.
Роберт Льюис Стивенсон «Портрет»

Глава 92
ГАЛАКТЫ

— Они существуют! Они реальны! Они есть!

Собравшиеся чиновники и офицеры губру наклонили головы и воскликнули в унисон:

— Зуууун!

— Нам отказали в награде, отказали в чести, отказали в возможности, и все ради скулящих ничтожеств! Теперь цена возрастет, увеличится, приумножится!

Сюзерен Стоимости и Бережливости стоял в углу среди кучки своих верных последователей, а со всех сторон доносилась брань. Каждый раз, как собравшиеся подхватывали свой рефрен,

сюзерен вздрагивал.

Сюзерен Праведности, выпрямившись, стоял на своем насесте. Он расхаживал взад и вперед, демонстрируя новую расцветку, появившуюся под его плюмажем слияния. Собравшиеся губру и кваку отвечали на это зрелище преданными воплями.

— А теперь непокорный, упрямый, несговорчивый препятствует нашему Слиянию и консенсусу, которые могли предоставить нам хоть что-то. Честь и союзников. Мир.

Сюзерен говорил о своем отсутствующем собрате, который вроде бы не посмел явиться и предстать перед новым цветом и превосходством Праведности.

Торопливо приблизился четвероногий кваку, поклонился и передал на насест предводителя сообщение. Потом, словно спохватившись, сделал копию и отнес сюзерену Стоимости и Бережливости.

Новости с пункта перехода Пурмин не удивили: множество больших космических кораблей приближается к Гарту. После катастрофы на церемонии возвышения такое прибытие ожидалось.

— Итак? — обратился сюзерен Праведности к присутствующим офицерам. — Планирует ли Луч

и Коготь защищать эту планету вопреки всем советам, всей мудрости, всей чести?

Офицеры, конечно, понятия не имели. Они покинули своего командующего, когда Слияние неожиданно изменило направление.

Сюзерен Праведности исполнил танец нетерпения.

— Вы не приносите мне добра, не приносите добра клану, бездействуя. Идите, ищите, вернитесь на свои посты. Выполняйте свой долг по его приказу, но сообщайте мне все его планы и намерения!

Сюзерен сознательно использовал местоимение мужского рода. Слияние еще не завершилось, но все видели, в какую сторону дует ветер.

Офицеры поклонились и бросились из павильона.

Глава 93
РОБЕРТ

Замусоренный Церемониальный Холм опустел. Сильный восточный ветер разносил опавшую листву и волокна, принесенные с далеких гор. Тут и там на нижних террасах рылись в мусоре городские шимпы в поисках сувениров. Вверху

оставались отдельные павильоны. Среди них несколько больших черных существ лениво расчесывали шерсть друг другу и сплетничали на языке жестов, как будто нет в мире ничего важнее того, кто с кем спарится и что будет на ужин.

Роберту казалось, что гориллы вполне довольны жизнью. «Я завидую им», — подумал он. В его случае даже большая победа не положила конец тревогам.

На Гарте по-прежнему опасно, даже опаснее, чем две ночи назад, когда волею судьбы и случая совершилась церемония возвышения: это никогда не забудется.

Жизнь иногда беспокойна, вернее всегда.

Роберт вернулся к письму, которое чиновники Института возвышения передали ему час назад.

> ...Конечно, трудно старой женщине, особенно такой своенравной, как я, признавать, что я ошиблась в собственном сыне. Мне очень жаль, но я была несправедлива к тебе.
>
> В свое оправдание могу только сказать, что внешность бывает обманчива, а твое поведение раздражало меня. Вероятно, мне следовало заглянуть под поверх-

ность и заранее увидеть силу, которую ты проявил в последние месяцы. Но мне это и в голову не приходило. Возможно, я боялась слишком присматриваться к своим чувствам.

Во всяком случае мы сможем поговорить об этом после наступления мира.

А пока скажу, что я горжусь тобой. Твоя страна и твой клан в долгу перед тобой, так же как и твоя благодарная мать.

С любовью, Меган.

Странно, подумал Роберт, столько лет пытаться добиться одобрения матери, а теперь не знать, что с этим делать. Он испытывал ироническую симпатию к матери: ей действительно трудно было признать свою ошибку. И потому прощал холодноватый тон письма.

Весь Гарт видел в Меган Онигл снисходительную добрую женщину и способного администратора. И только ее бродячие мужья и Роберт знали другую Меган, приходящую в ужас от постоянных обязанностей и больше всего боящуюся проявить личные пристрастия. В первый раз за всю жизнь Роберт видел, что она признает свои ошибки в важном деле, имеющем отношение к ее личной

жизни.

Все расплывалось, и Роберт закрыл глаза. Он обвинял в этих симптомах поля поднимающегося звездного корабля, шум двигателей которого доносился из космопорта. Роберт утерся и посмотрел на огромный лайнер, серебристый и почти ангельский в своей спокойной красоте. Корабль поднялся и неторопливо прошел над головой по пути к пространству и далее.

— Еще одна стая бегущих крыс, — пробормотал Роберт.

Утакалтинг даже не повернулся. Он лежал, опершись на локти, и смотрел на серые воды.

— Галактические гости получили больше, чем ожидали, Роберт. Церемонии возвышения с них достаточно. Перспектива космического сражения и осады их привлекает гораздо меньше.

— И с меня того и другого достаточно, — добавил Фибен Болджер, не открывая глаз. Он лежал чуть ниже на склоне, головой на коленях Гайлет Джонс. Она не нашла что сказать и сосредоточилась на распутывании узелков его шерсти, стараясь не задеть свежие синяки и царапины. А Джо-Джо тем временем расчесывал ноги Фибена.

«Ну, он это заслужил», — подумал Роберт. Хотя церемонией возвышения завладели гориллы,

баллы, набранные на испытаниях, сохраняются. Если Земля выпутается из своих нынешних неприятностей и сможет позволить себе расходы на новую церемонию, два провинциала с Гарта пойдут во главе процессии из самых умных шимпов. И хотя Фибена как будто это не интересовало, Роберт гордился своим другом.

На тропе показалась шимми в простом платье. Она коротко поклонилась Утакалтингу и Роберту.

— Хотите знать последние новости? — спросила Микаэла Ноддингс.

— Я нет, — ответил Фибен. — Пусть Вселенная идет...

— Фибен, — мягко упрекнула Гайлет. Она посмотрела на Микаэлу. — Я хочу.

Шимми села и начала работать над другим плечом Фибена. Усмиренный, он снова закрыл глаза.

— Каулт получил сообщение от своих, — сказала Микаэла. — Теннанинцы уже на пути сюда.

— Уже? — Роберт свистнул. — Они не теряют времени.

Микаэла покачала головой.

— Народ Каулта уже связался с Советом Земли, чтобы договориться о покупке генетической базы

невозделанных горилл и нанять земных экспертов в качестве консультантов.

— Надеюсь, Совет выторгует хорошую цену.

— Нищим выбирать не приходится, — сказала Гайлет. — Согласно некоторым из галактических наблюдателей, Земля в отчаянном положении, как и тимбрими. Если сделка означает, что теннанинцы перестают враждовать с нами и становятся союзниками, это жизненно важно.

«А цена сделки — утрата горилл, наших родственников и клиентов», — думал Роберт. В вечер церемонии он обращал внимание только на забавную сторону случившегося, смотрел на происходящее вместе с Утакалтингом, как тимбрими. Но теперь невозможно было не задуматься о цене.

«Ну, прежде всего они никогда не были нашими, — напомнил он себе. — Так мы, по крайней мере, будем помогать в их воспитании. Опять же, Утакалтинг говорит, что есть среди теннанинцев и неплохие».

— А как же губру? — спросил он. — Они договорились заключить мир с Землей в обмен на согласие на церемонию.

— Ну, это не совсем то, что они имели в виду — ответила Гайлет. — А вы как считаете, посол

Утакалтинг?

Щупальца тимбрими лениво обвисли. Весь вчерашний и сегодняшний день он создавал сложные глифы далеко превосходящие возможности Роберта кеннировать. Словно радовался чему-то утраченному и обретенному вновь.

— Они будут действовать в собственных интересах, конечно, — сказал Утакалтинг. — Вопрос в том, хватит ли у них здравого смысла, чтобы не навредить себе.

— Что вы имеете в виду?

— Губру начинали эту экспедицию с разными целями. Их триумвират отражает конфликт между фракциями дома. Первоначальная цель экспедиции — захват населения Гарта в заложники и посредством этого, проникновение в тайны Совета Земли. Но потом им стало известно, что Земля не больше других знает о том, что именно открыл этот ваш гнусный дельфиний корабль.

— А какие-нибудь новости о «Стремительном» поступали? — прервал Роберт.

Выпустив по спирали глиф паланк, Утакалтинг вздохнул.

— Дельфины каким-то чудом ушли из ловушки, поставленной для них десятком самых фанатичных кланов, — это само по себе поразительно, — и

теперь «Стремительный» затерялся на звездных линиях. Фанатиков унизили, и напряжение в Галактике возросло. Это одна из причин растущего страха Повелителей Насестов губру.

— Поэтому, когда захватчики обнаружили, что брать заложников для выуживания секретных сведений бессмысленно, они ухватились за другую возможность извлечь выгоду из этой дорогостоящей экспедиции, — предположила Гайлет.

— Верно. Но когда погиб первый сюзерен Стоимости и Бережливости, равновесие в их триумвирате нарушилось. Вместо продвижения к консенсусу в политике все три сюзерена погрузились в необузданное соперничество за верховное положение в их Слиянии. Я не уверен, что даже сейчас понимаю все их замыслы и планы. Но последний замысел, наконец осуществленный ими, дорого им обойдется. Вульгарное вмешательство в правильный ход церемонии возвышения — серьезное дело.

Роберт видел, как Гайлет вздрогнула от отвращения. Вспомнила, как на нее давили. Не открывая глаз, Фибен взял ее за руку.

— Ну, так к чему же мы пришли? — спросил Роберт у Утакалтинга.

— И здравый смысл, и честь требуют, чтобы губру сдержали данное Земле слово. Для них это единственный разумный выход.

— Но вы не уверены, что они его видят?

— Разве иначе я оставался бы здесь, на нейтральной почве? Мы бы с вами, Роберт, вместе с Атакленой, ели припрятанную мною кхугру и другие деликатесы и часами говорили бы... о многом. Но не сделаем этого, пока губру не выберут между логикой и самоуничтожением.

Роберт ощутил холодок.

— И насколько вероятно второе? — спросил он тихим голосом. Шимпы, однако, услышали.

Утакалтинг осмотрелся. Вдохнул, как запах, вина сладкий прохладный воздух.

— Прекрасная планета, — вздохнул он. — Но она пережила кошмар. Иногда так называемая цивилизация стремится уничтожить то, что призвана оберегать.

Глава 94
ГАЛАКТЫ

— За ними! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — За ними! Догнать их!

Солдаты Когтя и их боевые роботы обрушились

на небольшую колонну неошимпанзе, захватив их врасплох. Волосатые земляне пытались противостоять, они начали стрелять из своего разносортного оружия по наступающим губру. Действительно, разорвались два огненных шара, разбросав клочки обожженных перьев. Но в целом сопротивление было бесполезно. Вскоре сюзерен уже расхаживал среди остатков деревьев и трупов млекопитающих. Он разносил офицеров, докладывавших только об убитых шимпах.

Ведь ходили слухи и о других — людях и тимбрими и трижды проклятых теннанинцах, наконец! Неужели невозможно найти ни одного из них? Они все сговорились! Это заговор!

Теперь непрерывным потоком идут сообщения, просьбы, требования, чтобы адмирал вернулся в Порт-Хелению. Чтобы он присоединился к другим предводителям для встречи, совещания, консенсуса.

Консенсус! Адмирал покажет им консенсус! Он вернет себе лидирующее положение! И единственный способ сделать это после катастрофы на церемонии возвышения — продемонстрировать эффективность военного выбора. А когда теннанинцы явятся за своим призом — гартлингами, их встретит сила! Пусть попробуют проводить

возвышение своих новых клиентов в глубоком космосе!

Конечно, чтобы не допустить их на планету, чтобы вернуть ее Повелителям Насестов, необходима абсолютная уверенность, что не будет нападения в спину. Партизанщину необходимо подавить.

Сюзерен Луча и Когтя не признался бы даже себе, что на его решение повлияли гнев и жажда мести. Признать это означало бы попасть во власть к сюзерену Праведности. Уже и так несколько лучших офицеров переметнулись, но лицемерный верховный священник вернул их. И это особенно раздражало.

Адмирал решил вернуть себе их преданность — испытанным способом, победой!

— Новые детекторы работают, действуют, они эффективны! — Он исполнил танец удовлетворения. — Они позволяют нам выслеживать землян, не нюхая специальных материалов. Теперь мы выслеживаем их по их собственной крови!

Помощники сюзерена разделяли его удовлетворение. При таких темпах все противники скоро вымрут.

Но ликование мигом спало, когда пришло сообщение, что один из их транспортных кораблей

вышел из строя. Еще одна жертва той чумы разложения, что обрушилась на оборудование губру в горах и в долине Синда. Сюзерен приказал провести немедленное расследование.

— Не имеет значения! Мы разместимся в остающихся транспортах. Никто, ничто, никакое происшествие не остановит нашу охоту.

Солдаты подхватили:

— Зуууун!

Глава 95
АТАКЛЕНА

Она смотрела, как заросший человек в четвертый раз читает сообщение, и думала, правильно ли поступает. Со спутанными волосами, бородатый и обнаженный, майор Пратачулторн казался символом диких хищных волчат... слишком опасное существо, чтобы ему верить.

Он взглянул на сообщение, и на мгновение она почувствовала его бешеное напряжение, дрожью пробежавшее по плечам и мощному торсу.

— Похоже, мне приказано простить вас, мисс, и следовать вашей политике. — Голос его звучал хрипло. — Значит ли это, что меня освободят под клятвенное обещание? Откуда мне знать, что это

подлинный приказ?

Атаклена знала, что у нее нет выбора. В предстоящие дни она не сможет выделять шимпов для охраны Пратачулторна. Таких, на кого она может рассчитывать, кто не поддастся властному голосу землянина, очень мало, и майор уже четырежды едва не сбежал. Альтернатива одна — прикончить его немедленно. А это выше ее сил.

— Не сомневаюсь, что вы убьете меня, если обнаружите, что приказ подложный, — ответила Атаклена.

Он сверкнул зубами.

— Даю вам слово, — заверил он.

— А еще?

Он закрыл и снова открыл глаза.

— Согласно этому приказу правительства в изгнании у меня нет выбора. Я должен действовать так, словно меня не похищали. Мятежа никогда не было, и мои действия должны соответствовать вашим советам. Я согласен, но вы должны знать, что при первой же возможности я буду апеллировать к командованию на Земле. А они обратятся с этим вопросом в Совет. И как только координатора Онигл снимут, я вас отыщу, моя юная тимбрими. Я вернусь к вам.

Неприкрытая ненависть, звучавшая в его сло-

вах, заставила ее вздрогнуть и одновременно вызвала уверенность в себе. Этот человек ничего не скрывает. В его словах — один смысл. Атаклена кивнула Бенджамину.

— Выпусти его.

Отводя взгляды от темноволосого человека, шимпы с несчастным видом опустили клетку и открыли дверцу. Пратачулторн вышел, разминаясь. Потом совершенно неожиданно подпрыгнул и оказался рядом с Атакленой. И рассмеялся, когда Атаклена и шимпы попятились.

— Где мои люди? — резко спросил он.

— Точно не знаю, — ответила Атаклена, пытаясь прекратить гир-поток. — Мы разбились на небольшие группы. Нам даже пришлось оставить пещеры, так как губру о них узнали.

— А это место? — Пратачулторн указал на парящие склоны горы Фосси.

— Мы ожидаем нападения врага в любой момент, — честно ответила она.

— Ну, что ж, — сказал он. — Я не верю и половине того, что вы мне рассказали вчера об этой «церемонии возвышения» и ее последствиях. Но должен отдать вам должное: по-видимому, вы с папочкой хорошо позлили губру.

Он принюхался, словно пытался взять след.

— Я полагаю, у вас найдется для меня карта и накопитель информации?

Бенджамин принес портативный компьютер, но Пратачулторн поднял руку.

— Не сейчас. Прежде всего давайте убираться отсюда. Я хочу уйти подальше.

Атаклена кивнула. Она понимала его чувства.

Он рассмеялся, когда она отклонила его ироничный поклон и попросила идти первым.

— Как хотите, — бросил он.

Скоро они уже бежали под покровом густой листвы. И немного погодя услышали гром в том месте, где находилось убежище. Однако небо осталось безоблачным.

Глава 96
СИЛЬВИЯ

Ночь освещалась яркими огнями, которые отбрасывали четкие тени, опускаясь на землю. Они действовали неожиданно, ошеломляюще, заглушая шум боя и крики умирающих.

Посылали огненные факелы в небо защитники, потому что нападающим свет был ни к чему. Они, руководствуясь радаром и приборами инфракрасного видения, атаковали уверенно и

смертоносно, и мешали им только ослепительные вспышки.

Шимпы бежали из своего темного, без костров лагеря во всех направлениях, бежали голые, прихватив только еду и оружие, в основном из укромных горных поселков, сожженных при недавнем наступлении. Несколько шимпов, прошедших школу партизанской войны, оставались сзади в отчаянной попытке прикрыть отступление.

Они испробовали все способы, чтобы обмануть смертоносные и точные детекторы врага. Вспышки автоматически мешали активным и пассивным сенсорам. И им удалось замедлить продвижение птицеподобных, но лишь незначительно. Однако запас вспышек невелик.

К тому же у врага появилась новая тайная система, которая позволяла выслеживать шимпов даже сквозь самую густую растительность, даже обнаженных, вообще без признаков цивилизации.

Преследуемые могли только разбиться на небольшие группы. И тем, кто сумеет уйти, предстояло жить как животным, в одиночестве, в лучшем случае парами, испуганно озираясь под небом, которое когда-то принадлежало им.

* * *

Сильвия помогала пожилой шимми и двум детенышам подняться по переплетенному лианами стволу, когда вставшие дыбом волосы подсказали ей, что поблизости заработал гравидвигатель. Она знаком велела всем укрыться, но что-то — может быть, неровный звук моторов, — заставило ее задержаться, выглянуть из-за упавшего дерева. Она разглядела в темноте тусклый беловатый корпус, который пробил освещенную звездами листву и с грохотом исчез в джунглях.

Сильвия смотрела на темный туннель, пробитый упавшим кораблем.

Слушала, кусая ногти, как опадают сорванные ветви и листья.

— Донна, — прошептала она. Пожилая шимми подняла голову. — Ты можешь одна с детьми добраться до места встречи? Тебе нужно только дойти до ручья, а потом идти по течению, пока не увидишь небольшой водопад и пещеру. Сможешь?

Донна помолчала, сосредоточившись, потом кивнула.

— Хорошо, — сказала Сильвия. — Когда встретишь Петри, скажи, что я видела, как упал вра-

жеский разведчик, и решила взглянуть на него.

Глаза пожилой шимми от страха расширились, так что стали видны белки вокруг радужной оболочки. Она несколько раз кивнула, потом протянула руки к детям. К тому времени, как те прижались к ней, Сильвия уже исчезла в туннеле из сломанных ветвей.

«Зачем я это делаю?» — думала Сильвия, проходя под расколотыми деревьями; из разломов еще сочилась жидкость. Слышались шорохи животных, они убегали от своих разрушенных жилищ. Волосы Сильвии встали дыбом от запаха озона. А когда она подошла ближе, ощутила еще один знакомый запах — запах пережаренной птицы.

Все казалось странным в полутьме. Никакого цвета, кроме разнообразных оттенков серого. Когда перед ней показался белый корпус разбившегося корабля, Сильвия увидела, что он лежит на склоне под углом в сорок градусов и нос его поврежден от удара.

Она слышала легкий треск — разряды какого-то электронного оборудования. Кроме него, изнутри не доносилось ни звука. Главный люк сорван с петель.

Касаясь все еще теплого корпуса, Сильвия осторожно подошла поближе.

Дотронулась до сопла одного из гравитационных двигателей, пальцы ее нащупали пятна ржавчины. «Плохое обслуживание, — подумала она, отчасти для того, чтобы мозг был чем-то занят. — Может, поэтому он разбился?» Во рту у нее пересохло, сердце ушло в пятки, когда она ухватилась за отверстие и перегнулась через край, вглядываясь внутрь.

Два губру, привязанные ремнями, свисали с кресел, шеи у них были сломаны.

Сильвия попыталась сглотнуть. Заставила себя поднять ногу и осторожно ступить на наклонную палубу. Сердце у нее чуть не лопнуло, когда плиты палубы заскрипели и один из солдат Когтя пошевелился.

Но это только скрипы и оседания разбитого корабля.

— О Гудолл! — простонала Сильвия, убирая руку с груди. Трудно сосредоточиться, когда инстинктивно ей хочется убраться отсюда.

Как это было с ней на протяжении многих дней, Сильвия попыталась представить себе, как бы поступила в таких обстоятельствах Гайлет Джонс. Она понимала, что никогда не станет такой шимми, как Гайлет. Дело не только в карте. Но если она очень постарается...

— Оружие, — прошептала она и заставила себя дрожащими руками забрать оружие у солдат. Секунды казались ей часами, но скоро два сабельных ружья и два пистолета пополнили груду у люка. Сильвия уже собиралась выползти, как вдруг хлопнула себя по лбу.

— Дура! Сведения нужны Атаклене больше этих хлопушек!

Она вернулась в рубку и осмотрелась, думая, сумеет ли распознать что-нибудь интересное и значительное, даже если оно прямо перед ней.

«Ну, давай. У тебя полноправное земное гражданство, ты почти закончила колледж. И несколько месяцев работала на губру».

Сосредоточившись, она узнала приборы управления полетом и — по символам, напоминающим снаряды, — оружейную консоль. На экране, еще освещенном садящимися батареями, рельефная карта местности, со множеством значков и надписей на галактическом-три.

«Может, они с помощью этого находят нас?» — думала Сильвия.

Шкала, сразу под экраном, на ней знакомые ей слова из языка врага.

Надпись — «Выбор частоты». Она осторожно коснулась таблички.

В нижнем углу экрана образовалось окно. В нем текст, слишком сложный, чтобы она его поняла. Сильвия сосредоточенно всматривалась в слова сразу под диаграммой. Вспоминала буквы галактического-три.

— Ге... гем... мог...

И вдруг почувствовала, что ее кожа покрылась пупырышками. Она провела языком по пересохшим губам и прошептала одно-единственное слово:

— Гемоглобин.

Глава 97
ГАЛАКТЫ

— Биологическая война! — Сюзерен Луча и Когтя прыгал на мостике крейсера, который сделал своим штабом, и указывал на техника-кваку, принесшего новость. — Коррозия, разложение, эта чума механизмов и вооружения — все это создано сознательно?

Техник поклонился.

— Да. Действуют несколько агентов: бактерии, грибки, плесень. Как только это стало ясно, немедленно были приняты контрмеры. Потребуется время, чтобы обработать все зараженные

поверхности созданными нами организмами, но успех несомненен. Постепенно это станет легкой помехой.

«Постепенно, — с горечью думал адмирал. — Как доставляют этих агентов?»

Кваку достал из кармана кусок материала, напоминающего кожу и перевязанного тонкими нитями.

— Когда наши машины начали падать в горах, мы проконсультировались у Библиотеки и расспросили местных жителей. Раздражающие вторжения переносчиков спор постоянно случаются на континенте с приходом зимы, поэтому мы на них не обратили внимания.

— Однако сейчас приходится считать, что горным повстанцам удалось заразить этих переносчиков спор микроорганизмами, разрушающими наше оборудование. К тому времени, как мы это обнаружили, зараза распространилась повсеместно. Очень изобретательный заговор.

Адмирал расхаживал по мостику.

— Насколько велик, насколько серьезен, насколько катастрофичен ущерб?

Снова низкий поклон.

— Заражена треть нашего наземного оборудования. Две защитные батареи космопорта не

смогут действовать в течение десяти планетных дней.

— Десять дней!

— Как вы знаете, мы больше не получаем запасных частей из дома.

Адмиралу не следовало напоминать об этом. И так уже большинство маршрутов, ведущих к Гимельхаю, перекрыто приближающимися армадами, которые теперь терпеливо разряжают мины в окрестностях Гарта.

И мало того — два других сюзерена объединились против адмирала. Они ничего не могли сделать, чтобы предотвратить сражение, если адмирал решит сопротивляться, но они отказали ему в религиозной и административной поддержке. И это уже начинает сказываться.

Напряжение усилилось. В голове адмирала пульсировала боль.

— Они заплатят! — закричал сюзерен. — Будь прокляты эти ограниченные святоши и счетчики яиц!

Сюзерен Луча и Когтя вспомнил великий флот, который он привел в эту систему. Но уже давно Повелители Насестов отозвали большую часть кораблей для выполнения других заданий. И теперь, наверно, многие из этих кораблей пре-

вратились в дымящиеся руины на бесконечных галактических маршрутах.

Чтобы избавиться от таких мыслей, адмирал стал обдумывать, как потуже затянуть петлю вокруг сопротивляющихся горных повстанцев. Ну, по крайней мере, хоть это кончится.

Пусть тогда Институт возвышения попробует установить нейтралитет священного Церемониального Холма на планете, охваченной пламенем войны!

При таких обстоятельствах снаряды часто летят не туда, «случайно» падают на города или даже на нейтральную почву.

Какая жалость! Конечно, нужно будет выразить соболезнования. Но таковы капризы войны!

Глава 98
УТАКАЛТИНГ

Больше не нужно скрывать свои сердечные желания или сдерживать чувства. Неважно, что детекторы чужаков могут уловить его психическое излучение. И так известно, где его можно будет найти в свое время.

На рассвете, когда восток постепенно светлеет и за тучами встает солнце, Утакалтинг шел по по-

крытым росой склонам, посылая во все стороны все свое состояние.

Чудо, случившееся несколько дней назад, оживило куколку его души. Он считал, что там царит вечная мерзлота, но теперь снова появились молодые побеги. И люди, и тимбрими считают величайшей силой любовь. Но кое-что следует сказать и об иронии.

«Я живу и кеннирую мир прекрасным».

Он вложил все свое мастерство в глиф, который поплыл, тонкий и светлый, над волнующимися щупальцами. Оказаться в этом месте, совсем рядом с тем, где вынашивались его планы... ощутить на собственной шкуре, как все его розыгрыши обернулись против него же и принесли ему все желаемое, но таким поразительным способом...

Рассвет окрасил зимний ландшафт — берег моря, обнаженные сады, покрытые брезентом суда. Воды залива покрыты полосами пены. Но солнце греет.

Утакалтинг думал о вселенной, такой странной, такой причудливой, полной опасностей и трагедий.

Впрочем, и сюрпризов тоже.

«Сюрприз... благословение, говорящее нам, что все реально, — он расставил руки, словно пытаясь

обнять весь мир, — даже те из нас, кто обладает самым богатым воображением, не могут себе представить все полностью».

Он не освобождал глиф. Тот высвободился как будто сам по себе и поднялся, против воли утреннего ветра, поплыл туда, куда несет его случай.

* * *

Потом длительные совещания с главным испытателем, Каултом, Кордвайнером Эпплби, постоянные просьбы посоветовать, как лучше. Он пытался не разочаровать их.

В полдень Роберт Онигл отвел его в сторону и снова предложил бежать.

Молодой человек хотел вырваться из заключения на Церемониальном Холме и вместе с Фибеном напасть на губру. Все знали о борьбе в горах, и Роберт стремился помочь Атаклене.

Утакалтинг сочувствовал ему.

— Ты недооцениваешь себя, если думаешь, что тебе это удастся, — сказал он молодому человеку.

Роберт замигал.

— Как это?

— Военные-губру теперь хорошо знают, насколько опасны вы с Фибеном. И, возможно, благодаря моим скромным усилиям меня тоже

включили в этот список. Зачем, по-твоему, они держат здесь усиленный патруль, когда силы им явно нужны в другом месте?

Он указал на корабль, который методично патрулировал территорию Института. Несомненно, даже линии снабжения энергетических установок охлаждающими жидкостями сторожат сложные и дорогие боевые роботы. Роберт предложил было использовать самодельные глайдеры, но враг и это предвидел. Он получил хороший урок.

— Мы помогаем Атаклене по-другому, — говорил Утакалтинг. — Показываемся врагам, делая вид, что замышляем контрудар. Пугаем существа, которые получают по заслугам: у них нет чувства юмора.

Выражение лица Роберта не изменилось. Но Утакалтинг с радостью отметил созданный молодым человеком глиф, простой вариант кинивуллуна, и рассмеялся. Очевидно, Роберт научился этому — можно сказать, заслужил знания — у Атаклены.

— Да, мой необычный приемный сын. Мы должны внушать губру уверенность, что мальчишки сделают то, что они обычно делают.

Позже, на закате, Утакалтинг неожиданно

вышел из темной палатки. Снова посмотрел на восток, щупальца его развевались, искали. Где-то, получив очередное сообщение, напряженно мыслит, ищет выход его дочь. И теперь она так сосредоточена, словно это вопрос жизни и смерти.

Прошло несколько мгновений, и связь оборвалась. Однако Утакалтинг миновал свою палатку, прошел немного в сторону и откинул клапан палатки Роберта. Тот, с искаженным светящимся экраном лицом, оторвался от чтения.

— Мне кажется, я нашел способ убраться отсюда, — сказал Утакалтинг. — По крайней мере на время.

— Давайте, — отозвался Роберт.

Утакалтинг улыбнулся.

— Разве я когда-то не говорил тебе — а может, твоей матери, — что все начинается и кончается Библиотекой?

Глава 99
ГАЛАКТЫ

Положение ужасное. Никак невозможно достичь консенсуса, и сюзерен Праведности в полной растерянности перед разверзающимися все время препятствиями.

Сюзерен Стоимости и Бережливости отчужденно ушел в себя. Управление без соответствующего руководства продолжается по инерции.

А третья их составляющая, их мощь и мужество, сюзерен Луча и Когтя, даже не откликается на просьбы о встрече. Он одержимо придерживается курса, который не только может погубить их, но и опустошить всю эту хрупкую планету. Если это случится, ущерб для уже подорвавшего к себе доверие клана гуксу-губру окажется невосполнимым.

Но что может сделать сюзерен Праведности? Повелители Насестов, занятые своими, более близкими их сердцу делами, ничего не могли посоветовать. Они рассчитывали на экспедицию, на единство триумвирата, на его мудрость. Но Слияние пошло не тем путем, совершенно неправильно. И теперь рассчитывать на его обобщенную мудрость не приходится.

Сюзерен Праведности пребывал в печали и безнадежности. Не просто отчаяние капитана корабля, севшего на мель. Нет, это горе священника, обреченного на святотатство.

Огромная и личная потеря затрагивает самую суть его древнего народа.

Правда, теперь под его белым оперением крас-

ный цвет. Но царица губру, которая достигла этого без радостного согласия и поддержки остальных, находится на особом положении. С ней не разделяют удовольствие, честь, славу.

Честолюбивые надежды сюзерена осуществились, но впереди он видит только горький путь одиночества. Сюзерен Праведности сунул клюв под крыло и по обычаю своего народа негромко заплакал.

Глава 100
АТАКЛЕНА

— Растения-вампиры, — подытожила Лидия Маккью.

Она стояла вместе с двумя морскими пехотинцами, покрытыми одним слоем маскирующего вещества. Предположительно оно должно защитить от обнаружения инфракрасными лучами и вражескими детекторами.

«Растения-вампиры? — подумала Атаклена. — И правда, подходящая метафора».

Она вылила с литр ярко-красной жидкости в темную воду лесного пруда, где сотни крошечных растений слились в одной из вездесущих питательных передаточных станций.

По всей округе на полянах совершался тот же простой ритуал. Атаклена вспомнила волшебные сказки волчат про магические обряды в заколдованных лесах, про тайные заклинания. При случае надо будет рассказать отцу об этой аналогии.

— Действительно, — сказала она лейтенанту Маккью. — Мои шимпы почти всю свою кровь отдали для наших целей. Очевидно, есть более безобидные методы, но у нас нет времени.

Лидия хмыкнула и кивнула. Земная женщина все еще боролась сама с собой. По логике вещей понятно, что, если бы майор Пратачулторн оставался в лагере, результаты были бы катастрофическими. Весь ход событий доказал правоту Роберта и Атаклены.

Но лейтенант Маккью не могла так легко отринуть присягу. Женщины совсем недавно подружились, они часами делились своими переживаниями и мыслями о Роберте. Но теперь правда о мятеже и похищении майора Пратачулторна пропастью легла между ними.

Красная жидкость струилась между корешками. Подвижные лианы уже впитывали новое вещество.

Не было времени на сантименты, надо было

любыми способами осуществлять идею, родившуюся на основании данных Сильвии. «Гемоглобин. У губру есть детекторы, настроенные на резонанс с главным содержимым крови землян. И такие чувствительные приборы, конечно же, невероятно дорогие!» Надо найти способ противостоять новому оружию, иначе Атаклена рисковала оказаться последним разумным существом в горах. Единственно возможное решение ужасающее и воочию доказывало притязания нации на своего представителя. Теперь ее партизаны обескровлены от слабости, едва держатся на ногах и даже сменили ее прозвище: называли ее не генералом, а графиней, и скалили при этом зубы.

К счастью, еще оставалось несколько специалистов-шимпов, в основном помощников Роберта при выведении микроорганизмов, разрушающих технику врага. Они помогали в спешных экспериментах.

«Связать молекулы гемоглобина с веществами, которые двинутся по лианам. Новая комбинация должна им понравиться, и надо молиться, чтобы лианы поскорее разнесли вещество по всему лесу».

Появился посыльный и что-то прошептал лейтенанту Маккью. Лидия, в свою очередь, об-

ратилась к Атаклене.

— Майор почти готов, — сказала смуглая женщина. А потом небрежно добавила: — И наши разведчики докладывают о приближающихся воздушных кораблях.

Атаклена кивнула.

— Здесь мы закончили. Давайте разделимся. Ближайшие часы покажут.

Глава 101
ГАЛАКТЫ

— Есть! Мы регистрируем сосредоточение, собрание, сборище наглого врага. Волчата бегут в предполагаемом направлении. Мы должны ударить, обрушиться, уничтожить!

Детекторы ясно показывали тропы в лесу. Сюзерен Луча и Когтя отдал приказ, и отборная бригада солдат Когтя обрушилась на небольшую долину, устроив ловушку противнику.

— Мне нужны пленники, заложники, заключенные. Я должен их допросить!

Глава 102

МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН

Приманка оказалась неуловимой. Наживка состояла из едва обнаруживаемого потока молекул, проходящих через сложную сеть лесных растений. Вообще майор Пратачулторн сомневался даже, что молекулы здесь присутствуют. Сложно в это поверить. Он чувствовал себя одураченным, организуя засады вокруг прудов в безлюдной лесной долине.

Но было что-то обнадеживающее, почти поэтическое в этой ситуации. И если трюк подействует, сегодня его ждет упоение битвы.

Ну а если нет, он удовлетворится тонкой шеей чужака, чего бы это ему ни стоило, даже если под угрозой карьера и жизнь.

— Фенг! — крикнул он одному из пехотинцев. — Шевелись! — Капрал тут же проверил, не стерт ли маскировочный слой на коже, придававший ей болезненный зеленоватый оттенок. Новый материал приготовили быстро, надеясь блокировать резонанс гемоглобина, который улавливают детекторы врага, выслеживая землян под покровом лесной листвы. Конечно, возможно и то, что их сведения об этих устройствах ошибочны. Пратачулторну приходилось полагаться только

на слова шимми и этой проклятой тим...

— Майор! — прошептал кто-то. Это солдат-шимп, выглядевший нелепо в окрашенной зеленым шерсти. Он делал жесты со ствола дерева. Пратачулторн понял и взмахнул руками в обе стороны.

«Ну, — подумал он, — должен признать: некоторые из шимпов становятся неплохими солдатами».

Серия звуковых ударов сорвала листву, за ней последовал рев приближающихся воздушных кораблей. Они пронеслись над небольшой долиной над самыми вершинами деревьев, следуя с компьютерной точностью согласно изгибам местности. И в назначенный срок солдаты Когтя и сопровождающие их роботы высыпали из продолговатых военных транспортов в джунгли и окружили намеченную рощу. Деревья здесь уникальны: они насыщены химическими соединениями, которые издалека привнесли вездесущие лианы. Но на этот раз лианы доставили и дополнительное соединение. То, что было извлечено из вен землян.

— Стойте, — прошептал Пратачулторн. — Подождите здоровых парней.

И действительно — вскоре все ощутили воз-

действие приближающихся мощных гравитационных полей. На горизонте показался крейсер губру, он завис в нескольких сотнях метров. Вот цель, достойная всех жертв. До сих пор не было известно, где появится этот крейсер. Снаряды повстанцев — хорошее оружие, но они громоздки, их нужно устанавливать заранее. А здесь очень важна внезапность.

— Ждите, — шептал майор, глядя на приближающийся корабль. — Не спугните его.

Внизу солдаты Когтя уже начинали отчаянно чирикать, не обнаружив врага. Не было даже штатских шимпов, которых можно было бы захватить и допросить. В любой момент солдаты могут догадаться. Но майор Пратачулторн по-прежнему повторял:

— Подождите еще минуту...

Но тут один из стрелков-шимпов, должно быть, потерял терпение.

Неожиданно на противоположном склоне долины сверкнула молния. За ней последовали еще три разряда. Пратачулторн пригнулся и закрыл голову.

Яркое сияние словно проникло в его череп, оно распространялось изнутри. Волны deja vu то чередовались с приступами тошноты, и на

мгновение майору показалось, что необычное поле поднимает его над лесным суглинком. И тут ударила взрывная волна.

Прошло какое-то время, прежде чем он поднял голову.

Приходилось вглядываться в тучи пыли и песка, мимо упавших деревьев и разорванных лиан. Осталось лишь обожженное опустошенное пространство там, где несколько мгновений назад висел крейсер губру. Дождь раскаленных докрасна обломков падал, поджигая лес, распространяя лесной пожар.

Пратачулторн улыбнулся. Он пустил в воздух ракету — сигнал наступления.

Часть стоявших на земле вражеских транспортов была повреждена ударной волной. Но три поднялись в воздух и с ревом устремились в сторону нападавших — мстить. Их пилоты и не догадывались, что теперь им противостоят морские пехотинцы с Земли. Поразительно, что может сделать в умелых руках трофейное сабельное ружье. Вскоре на дне долины появились еще три обгорелых пятна.

Снизу надвигались мрачные шимпы, и скоро началась схватка, кровавая битва лазерами и огнестрельными пистолетами, самострелами и

арбалетами.

И когда дело дошло до рукопашной, Пратачулторн понял, что они победили.

«Я не могу оставить местным все заслуги», — подумал он. И присоединился к преследованию. Арьергард губру отчаянно пытался прикрыть отступление выживших. И долго потом уцелевшие шимпы рассказывали, как светло-зеленые бородатые фигуры в набедренных повязках раскачивались на ветвях и, вооруженные ножами и гарротами, нападали на солдат Когтя. Их, казалось, невозможно остановить, и действительно, ничто живое не устояло перед ними.

Поврежденный боевой робот, который ожил после частичного самовосстановления цепей, сделал вывод о связи между гибелью сил губру и этим ужасным существом, которое с радостью рвется в бой. А может, просто произошло замыкание и механизм взорвался.

А майор Пратачулторн осуществил свою мечту: со свирепой улыбкой он сжимал горло пернатого врага, который не имел права появляться на этой планете.

Глава 103
АТАКЛЕНА

«Здорово», — подумала она, когда запыхавшийся посыльный-шимп радостно известил о полной победе. По всем критериям это самая значительная победа повстанцев. «В каком-то смысле сам Гарт стал главным нашим союзником. Его раненая, но еще могучая жизненная цепь».

Губру привлекли молекулы гемоглобина, который переносили с места на место соки вездесущих лиан. Откровенно говоря, Атаклена удивилась, что их наспех подготовленный план сработал. Этот успех доказывает, как глупо полагаться только на сложные механизмы.

«Теперь нужно решить, что делать дальше».

Лейтенант Маккью, дослушав донесение, встретилась взглядом с Атакленой. Две женщины на мгновение ощутили единство.

— Мне надо идти, — сказала наконец, Лидия. — Нужно передислоцироваться, собрать брошенное оборудование и вооружение... Теперь я командую.

Атаклена кивнула; она не могла заставить себя

оплакивать майора Пратачулторна. Но признавала его силу воли и видела в нем настоящего человека-воина.

— Как по-твоему, где они ударят в следующий раз? — спросила она.

— И гадать не буду. Теперь их метод обнаружения не действует. Они, видимо, торопятся. — Лидия задумчиво нахмурилась. — Точно, что флот теннанинцев на пути сюда? — спросила она.

— Представители Института возвышения передали это на открытой волне. Теннанинцы летят за своими новыми клиентами. И как часть договора, заключенного с моим отцом и Землей, они обязались помочь изгнать губру из этой системы.

Атаклена все еще не пришла в себя от удивления, насколько точно сработал план ее отца. Когда начался кризис, примерно один год Гарта назад, стало ясно, что ни Земля, ни Тимбрим не смогут помочь далекой колонии. А большинство «умеренных» галактов так медлительны и рассудительны, что трудно рассчитывать на их вмешательство. Утакалтинг надеялся одурачить теннанинцев и заставить их выполнить эту работу, столкнуть врагов Земли друг с другом.

План удался, превзойдя все ожидания, потому что вмешался еще один фактор, ранее неизвестный Утакалтингу, — гориллы. Неужели их массовый поход на Церемониальный Холм был вызван обменом с'устру'туунами, как она вначале решила? Или главный испытатель Института справедливо заметил, что сама судьба позволила новой расе клиентов объявить о себе в нужном месте и в нужное время? Атаклена каким-то образом чувствовала, что есть здесь много непонятного, которое, возможно, никто и никогда не поймет.

— Итак, теннанинцы явятся, чтобы изгнать губру. — Лидия, казалось, не знала, как вести себя в такой ситуации. — Значит, мы победили? Я хочу сказать, что губру не смогут долго им сопротивляться. То есть, даже если бы они остались сильны в военном отношении, губру настолько упали в глазах галактики, что теперь и умеренные примут нашу сторону и мобилизуются.

Проницательность земной женщины впечатляет. Атаклена кивнула.

— В их ситуации можно только вести переговоры, но для этого требуется трезвый ум. Боюсь, что военные-губру ведут себя иррационально.

Лидия вздрогнула.

— Такой враг гораздо опаснее рационального противника. Он не действует вразрез с собственными интересами.

— Последняя депеша моего отца сообщает, что губру раскололись, — сказала Атаклена. Передачи с территории Института служили для повстанцев теперь лучшим источником информации. Роберт, Фибен и Утакалтинг передавали по очереди, поддерживая дух повстанцев и вызывая сильное раздражение захватчиков. — Будем исходить из предположения, что они окажутся несговорчивыми.

Женщина — морской пехотинец вздохнула.

— Если мнение галактики для них ничего не значит, они могут применить против Гарта космическое оружие. Нам лучше как можно сильнее рассеяться.

— Гм, да. — Атаклена кивнула. — Но если они используют огнеметы или адские бомбы, все погибнет; нам просто не скрыться от этих снарядов. Я не командую вашими войсками, Лейтенант, но я предпочла бы смерть в смелом бою, который прекратил бы безумие раз и навсегда, чем жизнь, головой в песок, как ваши земные устрицы.

Несмотря на серьезность положения, Лидия Маккью улыбнулась. Иронично сверкнули края

ее простой ауры.

— Страусы[23]. Большие птицы, которые называются страусы, прячут головы в песок. А теперь расскажите мне, что вы задумали.

Глава 104
ГАЛАКТЫ

Теннанинец Буоулт максимально раздул свой гребень и пригладил блестящие локтевые иглы, прежде чем выйти на мостик большого военного корабля «Огонь Атанаса». Здесь, у огромного экрана, на котором яркими точками отмечались диспозиции флотов, его ждала делегация людей. Глава делегации, пожилая женщина, у которой щупальца волос кое-где еще сохраняли цвет солнца, вежливо поклонилась под точно рассчитанным углом. Буоулт ответил таким же наклоном верхнего туловища. И жестом указал на экран.

— Адмирал Альварес, я полагаю, вы сами можете убедиться, что последняя из вражеских мин обезврежена. Я готов передать в галактический

---

[23] notes: 23

Английские слова «oysters», устрицы, и «ostriches», страусы, внешне похожи.

Институт Цивилизованных Войн сообщение, что интервенция губру в эту систему ликвидирована путем force majeur[24].

— Приятно слышать, — сказала женщина. Ее человеческая улыбка — оскал — один из тех знаков, которые интерпретировать легко. Легендарная Элен Альварес, весьма опытная в галактических отношениях, прекрасно сознавала, какой вызывает у многих эффект этот знак волчат. И сознательно решила использовать его.

Что ж, такое тонкое поведение приемлемо в сложной игре переговоров. Буоулт был достаточно честен, чтобы признать, что он тоже прибегает к подобным приемам. Иначе зачем бы ему раздувать свой гребень перед приходом на мостик?

— Приятно будет снова увидеть Гарт, — добавила Альварес. — Надеюсь, мы не станем непосредственной причиной еще одной катастрофы на этой несчастной планете.

— Конечно, мы любой ценой постараемся избежать этого, но если случится худшее, если шайка губру совершенно вышла из-под контроля, поплатится весь их отвратительный клан.

— Меня мало интересуют наказания и компен-

---

[24] notes: 24
Обстоятельства, при которых договор утрачивает силу (фр.)

сация, ведь в опасности разумные существа и хрупкая экосфера.

Буоулт воздержался от комментариев. «Нужно быть осторожнее, — подумал он. — Нельзя предоставлять кому бы то ни было возможность напоминать теннанинцам, защитникам всякого Потенциала, об их долге — беречь Гарт и подобные ему планеты».

Особенно раздражает, когда такие замечания делают волчата.

«И отныне они всегда будут рядом, будут придираться и критиковать, а нам придется слушать, потому что они консорты-представители наших клиентов. И это наша цена за сокровище, найденное Каултом».

Люди настаивали на скорейших переговорах, как и следовало ожидать от клана, отчаянно нуждающегося в союзниках. Теннанинские вооруженные силы уже ушли отовсюду, где не исключен конфликт с землянами или тимбрими. Но земляне требовали гораздо большего за свою помощь в возвышении новых клиентов, называемых «гориллами».

Они требовали, чтобы великий клан теннанинцев стал союзником презираемых волчат и шутников тимбрими! И это в то время, когда

страшный союз соро-танду неудержимо распространяется по звездным линиям. Да ведь это влечет за собой угрозу уничтожения самого Теннанина!

Если бы Буоулт мог выбирать, то предпочел бы отправиться в ад Ифни и искать союзников там. Но у него нет выбора. Дома давно усиливаются симпатии к землянам.

Фракция Каулта, одержавшая грандиозную победу и принесшая Великому Клану новое сокровище и почести, возможно, скоро станет правящей. При таких обстоятельствах Буоулт решил, что благоразумнее держать свое мнение при себе.

Приблизился и отдал честь один из младших командиров.

— Мы определили линию обороны флота губру, — доложил он. — Корабли сконцентрировались у планеты необычным образом. Наши боевые компьютеры сейчас напряженно работают.

«Гм, да, — думал Буоулт, внимательно разглядывая экран. — Удачное расположение ограниченных сил, в каком-то роде даже оригинальное. Не похоже на губру».

— Неважно, — пропыхтел он. — Это не имеет значения, даже если дипломатические методы

не помогут. Они наверняка понимают, что у нас хватит огневой мощи, чтобы прорваться силой. Они уступят. Должны уступить.

— Конечно, должны, — согласилась адмирал-человек, но в ней не чувствовалось уверенности. Более того, она казалась чем-то обеспокоенной.

— Мы готовы к окружению, — доложил офицер с палубы.

Буоулт быстро кивнул.

— Хорошо. Действуйте. Теперь мы можем связаться с противником и объявить о своих намерениях.

Армада приближалась к скромному солнцу системы, и напряжение усилилось. Хотя теннанинцы гордились отсутствием пси-способностей, Буоулт как будто чувствовал на себе взгляд земной женщины и думал о причинах, почему она кажется ему такой грозной.

«Ведь она всего лишь волчонок», — напоминал он себе.

— Не возобновить ли обсуждение, командующий? — спросила наконец адмирал Альварес.

Разумеется, нужно соглашаться, иного выхода нет. Конечно, лучше решить все заранее, до того как они прибудут и провозгласят манифест осады. Но Буоулт не собирался подписывать никаких

соглашений без согласования с Каултом. У этого теннанинца вульгарная и... да, фривольная репутация, благодаря которой его и изгнали на эту захолустную планету. Но он умудрился достичь беспрецедентного успеха. И его политическое влияние дома будет огромным.

Буоулт хотел использовать опыт Каулта, чтобы научиться ладить с этими раздражающими существами.

Помощники командующего и делегация землян направились в комнату для совещаний. Но перед уходом Буоулт еще раз взглянул на экран, на расположение флота губру. И с шумом выдохнул.

«Что планируют эти птицеподобные? — подумал он. — Что мне делать, если губру проявят безрассудство?»

Глава 105
РОБЕРТ

В некоторых частях Порт-Хелении теперь прибавилось сторожевых роботов, они надежно охраняли своих хозяев и набрасывались на всех, приближавшихся слишком стремительно.

Однако в других поселениях уже словно про-

изошла революция. Объявления захватчиков, изорванные, валялись в канавах. На углу одной из улиц Роберт увидел новую фреску, помещенную на месте лозунгов губру. В стиле фокалистического реализма она изображала семейство горилл, которые с выражением зарождающегося разума смотрят на светлеющий горизонт. А рядом, защищая их, указывая им дорогу в будущее, стоит пара идеализированных высоколобых неошимпанзе.

О, конечно, на картине есть и человек, и тимбрими, но еле заметные на заднем плане. Роберт подумал: «Весьма любезно, что художник вообще о них не забыл».

Охраняемый челнок Роберта пролетел через перекресток слишком быстро, чтобы можно было разглядеть подробности. Но он подумал, что художник, рисуя шимми, не слишком польстил Гайлет, зато Фибен будет доволен.

Скоро «свободные» части города остались позади, челнок повернул на запад, в район военного режима. После приземления солдаты Когтя вышли первыми и долго провожали взглядами Роберта и Утакалтинга, которые поднимались по лестнице в новое сверкающее здание Библиотеки.

— Дорогая установка, правда? — спросил Роберт

посла тимбрими. — Она останется у нас, когда теннанинцы прогонят птиц?

Утакалтинг пожал плечами.

— Вероятно. И Церемониальный Холм, возможно, тоже. Ваш клан, несомненно, должен получить репарации.

— Однако вы, кажется, сомневаетесь.

Утакалтинг остановился при входе, разглядывая обширное помещение и огромный информационный куб внутри.

— Просто я думаю, что неразумно считать цыплят до встречи с петухом.

Роберт понял: даже поражение губру может обойтись очень дорого.

— Не нужно подсчитывать яйца до того, как они снесены, — сказал Роберт тимбрими, который всегда стремился улучшить понимание земных метафор. На этот раз, однако, Утакалтинг не поблагодарил Роберта, лишь искоса взглянул своими широко расставленными глазами.

— Подумай об этом, — сказал Утакалтинг. Вскоре он уже разговаривал с главным библиотекарем-кантеном. Перестав понимать их богатую интонациями быструю галактическую речь, Роберт начал обход Библиотеки, разглядывая ее устройство и постоянных посетителей.

Не считая нескольких помощников главного испытателя, все читатели были птицеподобными. Присутствующие губру разделены пропастью, которую Роберт не только видел, но и кеннировал. Примерно две трети их толпились слева. Они ворковали и бросали неодобрительные взгляды на меньшую толпу, состоящую почти исключительно из военных. Солдаты, втайне недовольные, но хорошо скрывавшие свое состояние, с важным видом расхаживали по залам, отвечая на неодобрение соплеменников высокомерным презрением.

Роберт и не пытался скрываться. Приятно привлекать к себе внимание — губру, очевидно, знали, кто он. И если его появление мешает их работе, тем лучше.

Подходя к группе губру — судя по цвету лент, это штат верховного священника, — Роберт поклонился под правильным, как он надеялся, углом и улыбнулся, когда вся группа вынуждена была ответить ему тем же.

Наконец он увидел информационный терминал, созданный известным ему способом. Утакалтинг по-прежнему разговаривал с библиотекарем, поэтому Роберт решил попробовать самостоятельно.

Не очень-то получалось. Враги, во-видимому, блокировали информацию о ближайшем космосе и о приближающемся флоте теннанинцев. Но Роберт не сдавался. Время проходило в поисках ключей и паролей к информации.

Он углубился в работу и не заметил, как что-то изменилось.

Автоматические глушители не пропускали звук к его экрану, но, подняв голову, он заметил всеобщее смятение. Губру размахивали пушистыми руками и толпились у экранов. Большинство военных просто исчезли.

«Что с ними?» — удивился Роберт.

Вряд ли губру понравится его попытка заглянуть им через плечо, поэтому он слегка нервничал. Что бы ни случилось, они явно взволнованы!

«Эге! — подумал Роберт. — А может, информация на местной волне?» Он быстро переключил свой экран. До недавнего времени цензура свирепствовала, но сейчас всех военных отозвали, и контролем занималась группа Стоимости и Бережливости. Эти высокомерные апатичные чиновники не в силах были поддержать даже внешнюю дисциплину.

Экран подмигнул, и на нем показался возбуж-

денный репортер-шимп.

«...согласно последним сообщениям, в неожиданных боевых действиях в Мулунских горах еще не заняты все оккупационные силы. Губру пока не решились ответить на манифест приближающегося противника...» Роберт терялся в догадках, провозгласили ли уже теннанинцы свой манифест о намерениях. Ожидалось, что это произойдет только через несколько дней. Но неожиданно вспомнил. В Мулунских горах?

«...мы повторяем заявление, сделанное пять минут назад объединенным командованием армии, которая в настоящий момент приближается к Порт-Хелении».

Изображение на экране изменилось. Вместо комментатора показали недавнюю запись: три фигуры на фоне леса. Роберт недоуменно уставился на экран. Он знал их, причем двоих очень близко. Один — шен по имени Бенджамин. И еще двое — женщины, которых он любит.

«...и поэтому мы бросаем вызов своим угнетателям. В бою, по мнению Института Цивилизованных Войн, мы хорошо проявили себя. Чего нельзя сказать о нашем противнике. Он использовал преступные методы и весьма навредил не участвующим в войне невозделанным видам. И что

хуже всего — противник солгал».

Роберт разинул рот. На экране появился отряд шимпов с самым разнообразным вооружением. Шимпы выходили из леса на открытый участок в сопровождении нескольких людей со свирепыми взглядами. Перед камерой выступала Лидия Маккью, возлюбленная Роберта. А рядом с ней стояла Атаклена, он увидел взгляд своей супруги-чужака и понял, кто написал это обращение.

И уж совершенно ясно, чья это идея.

«Мы требуем открытой схватки в долине Синда с лучшими войсками противника, вооруженными так же, как мы...»

— Утакалтинг, — хрипло позвал Роберт. Потом еще раз, громче: — Утакалтинг!

Глушители разрабатывались многими поколениями библиотекарей. Но волчьих рас было так мало. Помещение на мгновение заполнил голос Роберта, и лишь секунду спустя глушители перекрыли резкие вибрации воздуха, и снова воцарилась тишина.

Зато бежать через весь зал ему никто помешать не мог.

Глава 106
ГАЙЛЕТ

— Крысы перестраиваются! — воскликнул Фибен, услышав начало передачи.

Они вместе смотрели на портативный экран, установленный на склоне Церемониального Холма.

Гайлет жестом остановила его.

— Тише, Фибен. Дай послушать.

Но смысл заявления уловили сразу же. Колонны повстанцев в домотканой одежде двигаются по открытым опустошенным полям. По краям следуют два кавалерийских отряда — на лошадях! Словно сбежали из доконтактного плоского кинофильма. Марширующие шимпы нервно улыбаются и поглядывают на небо, держа трофейное или самодельное оружие. И невозможно было не заметить их мрачной решимости.

Камера показала всю панораму и Фибен быстро подсчитал.

— Это все, — потрясенно сказал он. — Все, кто хоть как-то подготовлен и способен носить оружие, если не считать недавние жертвы. Все или

ничего. — Он покачал головой. — Разрежь мою синюю карту, если я понимаю ее намерения.

Гайлет взглянула на него.

— Ну уж и синяя карта! — фыркнула она. — Она очень хорошо знает, что делает, Фибен.

— Но городских повстанцев в Синде разбили.

Гайлет покачала головой.

— Это тогда. Мы не знали ситуации, не завоевали уважения и статуса. И кроме того, не было свидетелей. А горные повстанцы одерживали победы. Их признали. И теперь на них смотрят все пять галактик.

Гайлет нахмурилась.

— Да, Атаклена знает, что делает. Я только не сознавала, что положение настолько ухудшилось.

Они посидели молча, глядя на повстанцев, идущих садами и полями.

Потом Фибен воскликнул.

— Что? — спросила Гайлет. Он указал на экран, и настала ее очередь удивляться.

Здесь, рядом с другими солдатами-шимпами, неся сабельное ружье, шла Сильвия. Она уверенно держала оружие и казалась островом спокойствия в этом море нервничающих неошимпанзе.

«Кто бы мог подумать? — мелькнуло в голове

Гайлет. — Кто бы мог подумать, что она на это способна?»

Они продолжали смотреть. Помочь они все равно ничем не могли.

Глава 107
ГАЛАКТЫ

— Это дело требует осторожности, внимательности, праведности! — провозгласил сюзерен Праведности. — Если придется, мы встретимся один на один.

— Но это дорого! — завывал сюзерен Стоимости и Бережливости. — Возможны потери!

Верховный священник наклонился со своего насеста и мягко проворковал подчиненному:

— Консенсус, консенсус... Раздели со мной видение гармонии и мудрости. Наш клан потерял здесь многое и может потерять еще больше. Но мы не отказались от того, что поддержит нас даже ночью, даже во тьме, — от нашего благородства. Мы не утратили своей чести.

Они начали раскачиваться, и полилась мелодия.

«Зуууун...»

Если бы с ними был их сильный третий! Слия-

ние кажется таким близким.

Они уже послали срочное приглашение сюзерену Луча и Когтя, призыв присоединиться, вернуться, стать наконец единым с ними.

«Как? — думал сюзерен Праведности. — Как он может сопротивляться, зная, понимая, заключая, что его судьба — стать самцом? Неужели можно быть таким упрямым?»

«Мы втроем были бы так счастливы!»

Но посыльный вернулся с известием, разрушившим все надежды и чаяния.

Военный крейсер с сопровождением поднялся и направляется в глубь континента. Сюзерен Луча и Когтя решил действовать. Никакой консенсус его не прельщает.

Верховный жрец горевал.

«Мы были бы так счастливы».

Глава 108
АТАКЛЕНА

— Что ж, можно считать, ответ получен, — покорно сказала Лидия.

Атаклена сосредоточенно правила лошадью, ибо делала это впервые.

Впрочем, в основном она просто позволяла

ей идти следом за другими. К счастью, лошадь попалась спокойная и хорошо реагировала на пение Атаклены.

Тимбрими на мгновение отвлеклась и посмотрела в направлении, указанном Лидией Маккью, где облака и дымка частично скрывали западную часть горизонта. Взгляды шимпов тоже устремились в ту сторону. Потом Атаклена увидела сверкание корпуса летящего корабля. И кеннировала приближающихся. Смятение... решимость, фанатизм... сожаление... отвращение... невероятная смесь чуждых чувств обрушилась на нее. Но было ясно одно.

Подавляющее преимущество губру в силе.

Отдаленная точка начала приобретать очертания.

— Я думаю, ты права, Лидия, — сказала Атаклена подруге. — Похоже, мы получили ответ.

Женщина — морской пехотинец сглотнула.

— Приказать рассеяться? Может, кому-то удастся уйти. — В голосе ее звучала растерянность.

Атаклена покачала головой. Создала глиф печали.

— Нет. Мы заплатим за все сполна. Собери все отряды и кавалерию на холме.

— Зачем облегчать им задачу?

Глиф над головой Атаклены отказывался превращаться в знак отчаяния.

— Есть причина, — ответила она. — Лучшая причина в мире.

Глава 109
ГАЛАКТЫ

Насест-полковник Когтя смотрел на экран, показывающий разношерстную армию повстанцев, и слушал радостные крики своего командующего.

— Они сгорят, превратятся в дым, распадутся углями под нашим огнем!

Насест-полковник чувствовал себя несчастным. Это неподобающая речь, несдержанная, лишенная должных соображений о последствиях. В глубине души насест-полковник понимал, что даже самые гениальные военные планы обречены на провал, если не принимать во внимание цену, бережливость и праведность.

Равновесие — суть консенсуса, основа способности выжить.

Земляне бросили вызов в соответствии со всеми правилами чести! Его можно игнорировать, или даже ответить силой. Но то, что планирует

командующий, неприятно, он прибегает к крайностям.

Насест-полковник отметил, что уже думает о сюзерене Луча и Когтя как о «нем». Сюзерен Луча и Когтя — великолепный предводитель, он умеет вызывать воодушевление. Но теперь, став принцем, он разучился смотреть правде в глаза.

Сама мысль о командующем вызвала у насест-полковника физическую боль.

Он испытывал глубокое внутреннее противоречие.

Двери главного лифта открылись, и на командный помост вышли три белоперых посланца: священник, чиновник и один из дезертировавших офицеров. Они направились к адмиралу и передали ему ящичек резного дерева.

Вздрогнув, сюзерен Луча и Когтя приказал открыть его.

Внутри находилось одно роскошное перо, ярко-красное по всей длине, кроме самого верха.

— Ложь! Обман! Явный подлог! — закричал адмирал и выбил ящичек с его содержимым из рук ошеломленного посыльного.

Насест-полковник смотрел на перо, которое медленно опускалось на пол.

Оставить лежать его там — святотатство, но

насест-полковник не смел подойти и поднять.

Как может командующий игнорировать это? Как может он отказаться признавать богатую расцветку, которой окрасились и его собственные перья у основания?

— Можно изменить ход Слияния! — кричал сюзерен Луча и Когтя. — Это произойдет, если мы одержим победу!

Но то, что он предлагает, не победа, а бойня.

— Земляне собрались, соединились, столпились на вершине одного холма, — доложил адъютант. — Они представляют, демонстрируют, предлагают нам единую цель!

Насест-полковник вздохнул. Не нужно быть священником, чтобы понять, что это значит. Земляне, понимая, что честной схватки не будет, сошлись вместе, чтобы умереть. И так как они идут на верную гибель, на это есть только одна-единственная причина.

«Они хотят защитить уязвимую экосистему этой планеты. Ведь у них лицензия на спасение Гарта». Их беспомощность предрекала насест-полковнику горечь поражения. Они предлагают губру выбор между силой и честью.

Алое перо зачаровало насест-полковника, в его крови начались изменения.

— Я прикажу своим солдатам Когтя высадиться и встретиться с землянами, — с надеждой предложил он. — Мы высадимся, подойдем и нападем в равном количестве, легковооруженные и без роботов.

— Нет! Ты не можешь, не должен, не будешь! Я уже расписал действия наших сил. Нам они понадобятся, потребуются, нужны будут все, когда мы встретимся с теннанинцами! Больше никаких напрасных потерь! Слушайте все. В этот момент, в это мгновение земляне испытают, почувствуют, ощутят мою праведную месть! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — Приказываю снять замки с оружия массового уничтожения! Мы сожжем эту долину, за ней следующую, затем еще, пока вся жизнь в горах...

Этот приказ не был выполнен. Насест-полковник моргнул и бросил свой сабельный пистолет на палубу. Стук пистолета сопровождался глухим ударом: тело командующего тоже упало.

Насест-полковник дрожал, демонстрируя явные признаки царственности.

Кровь адмирала окрасила синий царский плюмаж и, струясь по палубе, достигла, наконец, лежащего алого пера царицы.

Насест-полковник сказал своим ошеломлен-

ным подчиненным:

— Сообщите, доложите, передайте сюзерену Праведности, что я помещаю себя под арест, ожидаю суда, решения, определения свой судьбы. Сообщите их величествам, что это следует сделать.

Какое-то время по инерции корабль продолжал приближаться к землянам.

Все молчали. На командном мостике никто не шевелился.

* * *

Сообщение уже не было новостью. Все губру погрузились в траур. Прежний сюзерен Праведности и прежний сюзерен Стоимости и Бережливости вместе исполнили печальную панихиду.

Какие надежды, какие ожидания испытывали они, вылетая сюда, к этой планете, к этой песчинке в пустом пространстве. Повелители Насестов так тщательно подобрали нужную печь, правильный тигель и необходимые ингредиенты — трое лучших, три самых образцовых продукта генной инженерии, трое самых подготовленных.

«Мы должны были принести домой консенсус, — думала новая царица. — И консенсус наступил. Но все пошло прахом: мы ошибались, считая, что

настала великая эпоха».

О, такой конец был предопределен. Если бы не умер первый сюзерен Стоимости и Бережливости... Если бы их не обманул дважды этот шут тимбрими со своими «гартлингами»... Если бы земляне не оказались такими по-волчьи коварными и не сумели бы использовать собственную слабость — например, последний маневр, заставивший солдат губру делать выбор между бесчестьем и цареубийством...

«Но все это не случайно, — думала царица. — Они бы не получили преимущества, если бы мы не ошибались».

Таков консенсус, о котором они должны доложить Повелителям Насестов. Таковы слабость, ошибки, неудачи этой экспедиции.

Пожалуй, это будет ценная информация.

«Пусть хоть это утешит меня в горе из-за моих стерильных, нежизнеспособных яиц», — думала она, успокаивая своего единственного оставшегося партнера и возлюбленного.

Посыльным она дала один короткий приказ.

— Передай насест-полковнику наше прощение, нашу амнистию, наше отпущение грехов. Пусть все вооруженные силы возвращаются на базу.

Смертоносные крейсеры повернули и направи-

лись назад, оставив горы и долину тем, кто так страстно их защищал.

Глава 110
АТАКЛЕНА

Шимпы изумленно мигали: смерть явно передумала.

Лидия Маккью смотрела вслед уходящим крейсерам и качала головой.

— Ты знала, — сказала она, повернувшись к Атаклене. И снова, обвиняюще: — Ты знала!

Атаклена улыбнулась. Ее щупальца изобразили в воздухе печальный рисунок.

— Давай считать, что я не исключала такую возможность, — сказала она наконец. — Но даже если бы я ошибалась, поступок наш был благородным.

— Однако я очень рада, что ты не ошиблась.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ВОЛЧАТА

Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий. Без божьей воли не пропасть и воробью. Если судьба этому сейчас, значит, не потом. Если не потом, значит — сейчас. Если же этому сейчас не бывать, то все равно оно неминуемо. Быть наготове, в этом все дело.

Гамлет, акт V, сцена II

Глава 111
ФИБЕН

— О Гудолл, как я ненавижу церемонии!

За это замечание он получил локтем в ребра.

— Перестань ерзать, Фибен. Весь мир смотрит на тебя!

Фибен вздохнул и постарался сидеть прямо. Он не мог забыть Саймона Левина и их последний парад, совсем неподалеку отсюда. «Есть вещи, которые никогда не меняются», — думал он. Теперь Гайлет пытается заставить его выглядеть

достойно.

Почему все, кто его любит, стараются поправить его позу? Он проворчал:

— Если им нужны элегантные клиенты, возвысили бы...

Но тут слова его прервались резким вздохом. Локоть у Гайлет острее, чем у Саймона. Ноздри Фибена раздулись, он рассерженно запыхтел, но смолк.

Ей идет этот новый мундир, и, должно быть, радостно находиться здесь. Но его-то спрашивал кто-нибудь, нужна ли ему эта проклятая медаль? Нет, конечно, никто не спрашивал.

Наконец трижды проклятый теннанинский адмирал закончил свою долгую утомительную проповедь о чести и традициях, получив в награду аплодисменты. Даже Гайлет вздохнула с облегчением, когда неуклюжий галакт вернулся на место. Увы, речей еще очень много.

Мэр Порт-Хелении, вернувшийся из ссылки на острова, восхвалял отвагу городских повстанцев и предложил, чтобы его заместитель-шимп чаще самостоятельно руководил городом. Это принесло ему бурю аплодисментов... и, вероятно, немало голосов шимпов на предстоящих выборах, цинично подумал Фибен.

Коугх*Квинн'3, главный испытатель Института возвышения, изложил содержание соглашения, недавно подписанного от имени теннанинцев Каултом, а от земного клана — легендарной адмиралом Альварес. Согласно этому соглашению, невозделанный вид, ранее известный под именем «гориллы», начинал долгий путь достижения разума. Новым гражданам галактики — теперь они всюду известны как «Раса, сама делающая выбор», — на пятьдесят тысяч лет отдается лицензия на Мулунские горы. И теперь они стали подлинными «гартлингами».

В обмен на техническую помощь и генетическую базу горилл могучий клан теннанинцев обязуется защищать лицензию землян на Гарт, а также еще пять колоний Земли и тимбрими. Теннанинцы не будут непосредственно вмешиваться в конфликт соро и танду с другими фанатичными кланами, но их влияние даст некоторую передышку отчаянно нуждающимся в ней силам.

А сами теннанинцы не будут больше враждовать с союзом шутников и волчат; только одно это стоило многих флотов. «Мы сделали все, что могли, и даже больше», — подумал Фибен. До сих пор казалось, что огромное большинство — галактические «умеренные» — будут просто

держаться подальше от фанатиков. Но теперь, похоже, «неотвратимый ход истории», который, как считалось раньше, обрекает всех волчат на гибель, изменил направление движения. В результате событий на Гарте усилилась симпатия к слабой стороне.

Фибен не мог знать, появятся ли новые союзники, совершатся ли новые чудеса. Но он был уверен, что все решится в тысячах парсеков отсюда. Может быть, на самой древней матери Земле.

Когда заговорила Меган Онигл, Фибен понял, что приближается самое неприятное.

— ...превратится в окончательное поражение, если мы забудем события этих месяцев. В конце концов какой толк во всех тяготах жизни, если они не делают нас мудрее? За что наши уважаемые собратья отдали свои жизни?

Планетарный координатор закашлялась и заглянула в свои заметки.

— Мы предлагаем изменение системы испытаний, которая вызвала недовольство, и враг сумел им воспользоваться. Мы постараемся использовать возможности новой Библиотеки на благо всех и каждого. И мы, вне всякого сомнения, будем обслуживать и поддерживать в рабочем состоянии оборудование Церемони-

ального Холма, дожидаясь прочного мира. И тогда это оборудование будет использовано для того, чтобы утвердить статус расы Pan argonstes, который она заслужила. И самое главное. Все средства, полученные от репараций, мы используем для возобновления работы здесь, на Гарте, для восстановления хрупкой экосферы планеты. Мы используем с таким трудом добытые знания, чтобы остановить деградацию по спирали, чтобы наш новый дом вновь выполнял свою основную задачу — разнообразить мир жизни, порождать новые виды, быть источником разума. Спустя некоторое время мы представим на всеобщее обсуждение более подробные планы. — Меган оторвалась от своих заметок и улыбнулась. — Но сегодня нам предстоит еще одна очень приятная миссия. Мы должны отметить тех, кто принес свободу. Мы гордимся ими и любим их, и наш долг отблагодарить их за старания.

«Ты меня любишь? — молча спросил Фибен. — Тогда выпусти меня отсюда».

— В самом деле, — продолжала координатор. — Достижения некоторых наших сограждан-шимпов на долгие века переживут их в исторических книгах и выльются в признание и уважение к их потомкам, к будущему всей их расы.

Сильвия перегнулась через Фибена и посмотрела на Гайлет. Они обменялись взглядами и улыбками.

Фибен вздохнул. Он по крайней мере уговорил Кордвайнера Эпплби держать награждение его белой картой в тайне! Ну, и что в этом хорошего?

Шимми с синими и зелеными картами со всей Порт-Хелении и так охотятся за ним. А Гайлет и Сильвия не в состоянии помочь. Зачем он на них женился, если не для защиты? Фибен запыхтел при этой мысли. Защита, как же! Он подозревал, что эти две шимми уже подбирают и оценивают кандидаток.

Даже если два вида происходят из одного клана, с одной планеты, между ними всегда есть существенные отличия. Подумать только, как люди до Контакта различались только по культуре. Конечно, вопросы любви и размножения у шимпов решаются с учетом их собственного сексуального наследия, которое существовало задолго до возвышения.

Но в Фибене было все же довольно человеческого, чтобы он покраснел, подумав, во что собираются втравить его эти две шимми, ставшие близкими подругами. «Ну как я мог попасть в такой переплет?» Сильвия уловила его взгляд

и сладко улыбнулась. Он почувствовал руку Гайлет.

«Что ж, — признался он со вздохом. — Наверно, не все так плохо».

Теперь читали список, вызывали награжденных. Но Фибену показалось, что их только трое, а весь остальной мир — иллюзия. В сущности, под внешним его цинизмом скрывалась гордость.

Встал Роберт Онигл и направился к помосту за своей медалью; в мундире он чувствовал себя гораздо увереннее Фибена. Фибен смотрел на своего приятеля-человека. «Надо будет спросить его о портном».

Роберт сохранил бороду, тело его оставалось таким же жилистым, как и прежде. Он уже не юноша, а зрелый мужчина. Вообще он словно герой из исторической книги.

«Какой вздор! — Фибен в отвращении фыркнул. — Надо напоить поскорей этого парня. Побить его в армрестлинге. Спасти его от веры в то, что пишут о нем в прессе».

С другой стороны, мать Роберта заметно состарилась за время войны. За последние недели Роберт не раз замечал, как она удивленно посматривает на своего высокого загорелого сына, который движется рядом с ней, как большая гра-

циозная кошка из джунглей. Она одновременно казалась и гордой, и изумленной, как будто феи унесли ее ребенка и подменили.

«Это называется взрослением, Меган».

Роберт отдал честь и направился на свое место. Минуя Фибена, он быстро поднял левую руку — жест означал одно-единственное слово: «Пиво!» Фибен рассмеялся и закашлялся, когда и Гайлет и Сильвия повернулись и строго посмотрели на него. Неважно. Приятно сознавать, что у Роберта те же чувства. Похоже, и для него солдаты Когтя гораздо предпочтительней этого церемониального вздора.

Роберт сел на свое место рядом с лейтенантом Лидией Маккью, на новом мундире которой сверкала награда. Женщина — морской пехотинец сидела, расправив плечи, и внимательно наблюдала за церемонией, но Фибен краем глаза заметил то, что почетным гостям и толпе не видно: ее левая нога спряталась под брючиной Роберта.

Бедный Роберт пытался сохранить самообладание. Похоже, и в мирное время есть свои сложности. В некотором смысле на войне проще.

В толпе Фибен увидел небольшую группу двуногих гуманоидов, их лисоподобному облику

противоречили слегка шевелящиеся тонкие щупальца за ушами. Среди тимбрими он легко разглядел Утакалтинга и Атаклену. Оба отказались от почестей и наград. Народу Гарта придется подождать с памятником в их честь, пока они не улетят. И это ожидание будет им своеобразной наградой.

Дочь посла уничтожила большинство изменений, которые придавали ей почти человеческий облик. Она негромко разговаривала с молодым тимбрими, которого можно даже назвать красивым, решил Фибен. Конечно, по меркам ити.

Можно было подумать, что молодые люди — Роберт и его супруга-чужак — остались теми же, что и до войны. Но Фибен-то видел, что они теперь гораздо свободнее держатся с представителями противоположного пола.

И все же...

Он видел однажды, как они встретились на одном из бесконечных дипломатических приемов. Лица их сблизились, и, хотя они не обменялись ни словом, Фибен готов был поклясться, что какая-то невидимая нить крепко связывала их друг с другом. И какие бы напарники и любовники ни появились у них в будущем, ясно одно: Роберт и Атаклена всегда будут иметь нечто связующее,

как бы далеко ни развела их Вселенная.

Получив свою награду, Сильвия вернулась на место. Платье уже не скрывало ее располневший живот. Еще одна перемена, к которой предстоит привыкнуть Фибену. Пожалуй, пожарному департаменту Порт-Хелении придется нанимать дополнительный штат, когда малыш начнет изучать в школе химию.

Гайлет обняла Сильвию и сама пошла к помосту. На этот раз приветствия и аплодисменты звучали так долго, что Меган Онигл вынуждена была призвать всех к порядку.

Но когда Гайлет заговорила, она, вопреки ожиданиям толпы, произнесла не прославляющий панегирик, а серьезную продуманную речь.

— Жизнь несправедлива, — сказала она. Толпа смолкла, а Гайлет, казалось, смотрит в глаза каждому. — Всякий, кто утверждает, что она справедлива или даже должна быть справедлива, глупец, или того хуже. Жизнь может быть жестокой. Хитрости Ифни — капризные игры случая и вероятности. Или холодные уравнения, которые уничтожают вас, если вы сделаете неверный шаг в космосе или просто неудачно выйдете на проезжую часть и попытаетесь увернуться от автобуса. Это не лучший из возможных миров. В

противном случае, разве мог бы он быть таким алогичным? Тирания? Несправедливость? Даже эволюция, само разнообразие жизни и суть природы — все это зачастую жестоко и бессердечно опирается на смерть, чтобы вызвать новую жизнь. Да, жизнь несправедлива. И нет правды во Вселенной. Но все же... — Гайлет покачала головой, — все же, хоть она и несправедлива, она прекрасна. Оглянитесь вокруг. Вот проповедь гораздо красноречивей любой, что могу произнести я. Посмотрите на этот прекрасный печальный мир, который стал нашим домом. Узрите Гарт!

Церемония происходила на холме к югу от новой Библиотеки, на лугу, откуда открывается вид во все стороны. На западе — море Гилмор, его серо-голубая поверхность окрашена пятнами водной растительности и изрезана следами подводных обитателей. Над морем голубое небо, очищенное последней зимней бурей. Освещенные утренним солнцем сверкают острова, как далекие волшебные царства.

На севере возвышаются светлые башни новой Библиотеки, в их камень вделан символ — крылатая спираль. Только что посаженные деревья с десятка планет шевелят ветвями на ветру вокруг огромного монолита, так же лишенного возраста,

как и его запас древних знаний.

На восток и на юг, за водами залива Аспинал, раскинулась долина Синд, уже поросшая свежей зеленью, которая наполняет воздух ароматами весны.

— Наши собственные жизни, наши виды, даже наш клан — кажутся нам необыкновенно важными. Но разве все это можно сравнить с обозримым окружением? С этой колыбелью созидания? Вот ради чего стоило сражаться. Мы защитили это, — она жестом указала на море, небо долину, горы. — Вот в чем наша победа. Мы, земляне, лучше других знаем, какой несправедливой может быть жизнь. Возможно, ни один клан со времен Прародителей не осознавал этого со всей ясностью. Наши любимые патроны-люди чуть не уничтожили еще более любимую нами Землю, прежде чем постигли мудрость. Шимпы, дельфины и гориллы — только начало того богатства, которое навсегда ушло бы в небытие, если бы человечество не повзрослело.

Она заговорила тише, приглушенней:

— Как погибли пятьдесят тысяч лет назад подлинные гартлинги, погибли прежде, чем у них появилась возможность удивленно взглянуть на небо и поразиться огню, вспыхнувшему в их

сознании.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Война в защиту Потенциала тянется многие эпохи. И сегодня она не кончилась, вероятно, она никогда не кончится.

Гайлет повернулась; последовало долгое ошеломленное молчание. Потом аплодисменты, редкие и неуверенные. Но, вернувшись в объятия Сильвии и Фибена, Гайлет слегка улыбнулась.

— Ну, ты им выдала, — сказал ей Фибен.

И тут наступила его очередь. Меган Онигл прочла перечень его достижений, который явно обработали в каком-то отделе связей с общественностью, чтобы скрыть всю эту грязь и вонь, эту зависимость от случая. Во время чтения Фибену казалось, что говорят о ком-то другом, незнакомом ему. Он вряд ли сделал половину того, что ему приписывают.

Он не задумывался, почему его вызвали последним. Наверно, из вредности. «Выступать после Гайлет — это просто самоубийство».

Меган подозвала его к себе. Ненавистные башмаки чуть не заставили его споткнуться. Он отдал честь планетарному координатору и пытался держаться прямо, пока она прицепляла медаль и нарядные нашивки, которые делают его пол-

ковником оборонительных сил Гарта. От криков толпы, особенно шимпов, у него загорелись уши. Когда он, по совету Гайлет, улыбнулся и помахал рукой перед камерами, стало еще хуже.

«Ну, ладно, может, и выдержу — в небольших дозах».

Меган предложила ему место на трибуне, и Фибен прошел вперед. У него в кармане были листки с набросками речи. Но, выслушав Гайлет, он решил просто поблагодарить всех и сесть на место.

Борясь с трибуной, он начал:

— Я хочу сказать только одно, а именно — У-а-а!

Он заорал и дернулся: неожиданно током ударило его левую ногу. Фибен подпрыгнул, ухватился за ногу, но тут его ударило в правую! Он снова заорал. Успел вовремя заметить маленький голубой огонек, выкатившийся из-под трибуны и устремившийся к его лодыжкам. Фибен с громким криком подпрыгнул на два метра и оказался на самом пюпитре.

Тяжело дыша, он слушал истерические приветственные возгласы толпы.

Поморгал, потер глаза, посмотрел.

Шимпы вскочили на перевернутые сиденья и

замахали руками. Они подпрыгивали и вопили. Ряды почетного караула смешались. Даже люди хохотали и бешено аплодировали.

Фибен ошеломленно посмотрел на Гайлет и Сильвию и увидел гордость в их взглядах.

«Они считают, что я подготовил такую речь!» — понял он.

Теперь он увидел, как превосходно все получилось. Ведь он разрядил напряжение. Казалось, это идеальный комментарий к охватившему всех ощущению мира.

«Но ведь я этого не готовил, черт подери!»

Он увидел встревоженное лицо мэра Порт-Хелении.

«Нет! Теперь они заставят меня занять его место!»

«Кто это подстроил?»

Фибен оглядел толпу и сразу заметил, что один из присутствующих нисколько не удивляется. Стоит немного в стороне, широко расставив глаза и размахивая щупальцами, а на лице его еле сдерживаемое человеческое выражение веселья.

И Фибен уловил еще что-то, висящее над короной тимбрими.

А когда Атаклена подмигнула ему, она лишь подтвердила его подозрения.

— Очень смешно, — ядовито пробормотал Фибен, хотя вынужден был улыбнуться и помахать толпе. — Ужасно смешно, Утакалтинг.

ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ

Вначале мы боялись других существ, которые делят с нами Землю. Потом, когда наша мощь возросла, мы привыкли считать их своей собственностью и распоряжаться по нашему желанию. Самое последнее заблуждение (сравнительно безопасное) относится к тому, что животные добродетельны по своей природе, и только человек — ненасытный рак мироздания — зол, грязен, коварен.

Согласно этой точке зрения, Земле и ее обитателям было бы гораздо лучше без нас.

И только недавно мы поняли, что существует иной взгляд на мир и на наше место в нем. Новый.

Если мы эволюционировали, позвольте спросить, разве мы во многом не подобны другим млекопитающим? Это сходство, равно как и отличия, могут многому нас научить.

Убийства, насилие, различные душевные расстройства — все это мы теперь находим и у животных. И сила разума только укрепляет в нас эти патологии. Но не в них причина.

Причина во тьме, в которой мы жили. В неве-

жестве.

Не надо считать себя чудовищем, чтобы обучиться этике отношений с окружающей средой. Теперь хорошо известно, что само наше выживание зависит от сохранения сложной экосистемы и генетического разнообразия. Если мы уничтожим природу — умрем мы сами.

Но есть еще одна немаловажная причина защищать другие виды, которую редко упоминают. Возможно, мы первые, кто научился говорить и думать, творить и мечтать, но мы не последние. За нами могут последовать и другие.

И когда-нибудь эти другие будут судить, хорошо ли мы себя вели, когда были единственными хранителями Земли.

* * *

Автор благодарно отдает должное тем, кто прочел его труд в рукописи и любезно поправил как описание поведения обезьян, так и плохое построение фраз за пределами цитатных кавычек.

Я хочу поблагодарить Аниту Эверсон, Нэнси Грейс, Кристи Маккью, Луизу Рут, Нору Брекенбери и Марка Грайгера за их ценные советы. Профессор Джон Льюис и Руфь Льюис щедро поделились со мной своими бесценными советами,

так же как Франк Каталано, Ричард Спэл, Грегори Бенфорд и Дэниель Брин.

Бесконечно благодарю Стива Хардести, Шарон Сосну, Ким Бард, Рика Стерма, Дона Коулмана, Сару Барттер и Боба Гулда.

Лу Аронике, Алексу Берману и Ричарду Куртису — низкий поклон и благодарность за их терпение.

А нашим волосатым двоюродным братьям я приношу свои извинения. Вот, держите банан и банку пива.